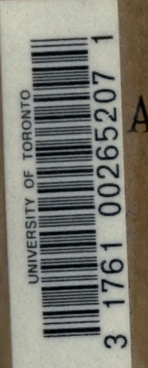


СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

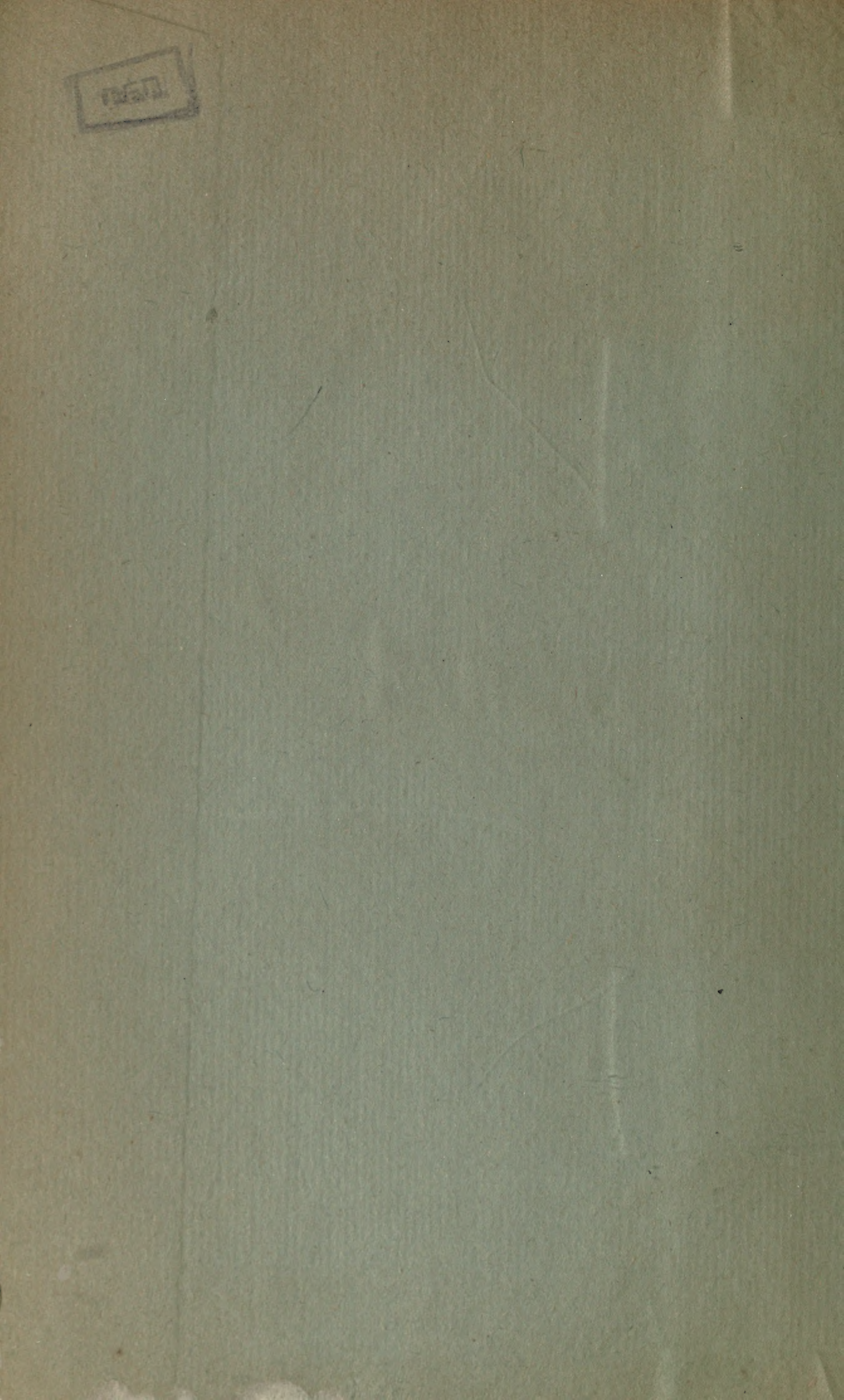
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

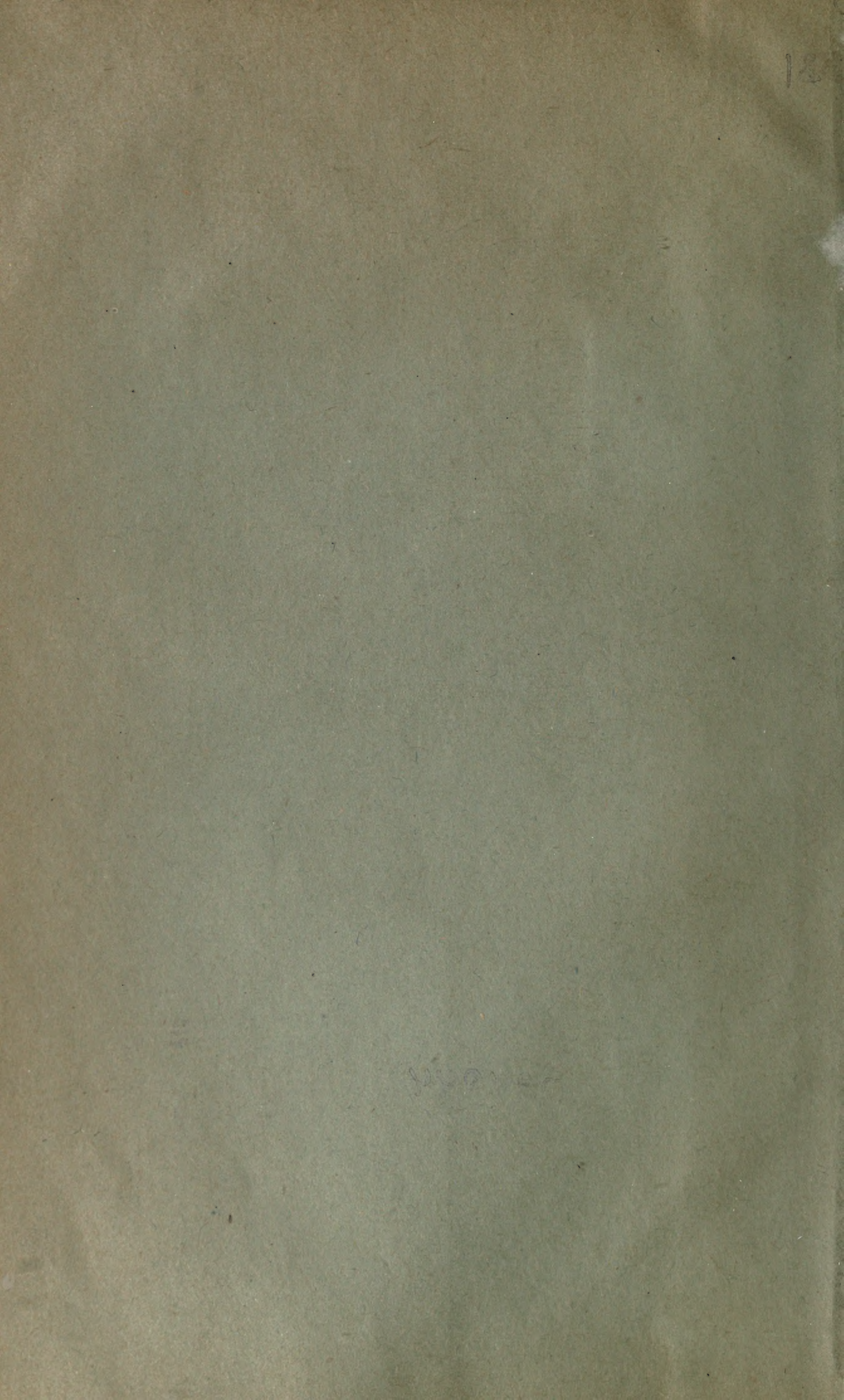
ВЕСЕЛОВСКАГО.

Изданіе Отдѣленія Русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ.

Томъ пятый.

ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1915.





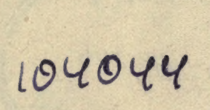
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

ВЕСЕЛОВСКАГО.

Изданіе Отдѣленія Русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Томъ пятый.



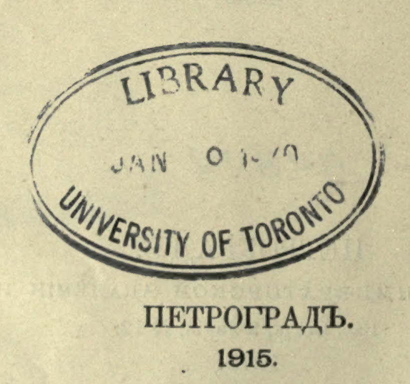
ПЕТРОГРАДЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 линія, № 12.
1915.

Собраніе сочиненій Александра Николаевича Веселовскаго.

Серія II, томъ 3-ій.

ИТАЛІЯ и ВОЗРОЖДЕНІЕ.

(1893).



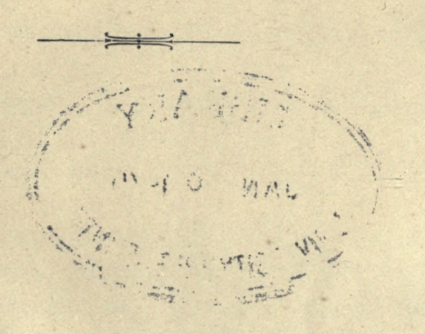
ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

БОККАЧЧЬО,

ЕГО СРЕДА И СВЕРСТНИКИ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

(1893).



ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюнь 1915 г.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга эта задумана была давно, вскорѣ по появленіи біографіи Боккаччьо, написанной Ландау[1]), но другія работы надолго отвлекли автора отъ исполненія труда, пока русскій переводъ Декамерона[2]) не обратилъ его снова къ старой привязанности.

Между тѣмъ литература о Боккаччьо продолжала расти: Кораццини далъ первое полное собраніе его писемъ[3]), Гортисъ посвятилъ его латинскимъ сочиненіямъ обширный трудъ[4]), результатами котораго могъ лишь отчасти воспользоваться авторъ второй, обстоятельной біографіи Боккаччьо, Кёртингъ[5]). Книга Ландау вышла въ итальянскомъ (неоконченномъ) переводѣ Антона-Траверси съ многочисленными примѣчаніями[6]); работа того IV

1) Marcus Landau, Giovanni Boccaccio, sein Leben und seine Werke. Stuttgart, 1877, 1 т.

2) Джьованни Боккаччьо, Декамеронъ, переводъ Александра Веселовскаго, Москва, 1891—2, 2 тома.

3) Corazzini, Le lettere edite ed inedite di Messer G. Boccaccio. Firenze, 1877, 1 т.

4) Hortis, Studi sulle opere latine del Boccaccio. Trieste, 1879, 1 т.

5) Koerting, Boccaccio's Leben und Werke. Leipzig, 1880, 1 т.

6) Giovanni Boccaccio, sua vita e sue opere del dottor Marco Landau, trad. di Camillo Antona-Traversi. Napoli, 1881—2, 2 тома.

же Ландау объ источникахъ Декамерона явилась въ новомъ, дополненномъ изданіи [1]), не исключающемъ прекрасныя наблюденія Бартоли [2]). Остроумный анализъ Крешини [3]) выяснилъ пристальнымъ изученіемъ юношескихъ произведеній поэта скрытый въ нихъ біографическій матерьялъ и ихъ литературные источники; Макри-Леоне разобрался въ вопросѣ о принадлежащемъ Боккаччьо жизнеописаніи Данте и попытался пріурочить его хронологически [4]); De Blasiis продолжаетъ раскрывать передъ нами картину неаполитанскихъ отношеній, среди которыхъ прошли молодые годы Боккаччьо [5]).

Я ограничиваюсь указаніемъ лишь на выдающіеся или руководящіе труды, минуя мелкіе; библіографію важнѣйшихъ изъ нихъ можно найти у Гаспари [6]), которому принадлежитъ и одна изъ удачныхъ характеристикъ Боккаччьо. Въ порядкѣ времени упомяну хорошенькій этюдъ Cochin, съ поправкой къ внѣшней біографіи поэта [7]).

Всѣми этими трудами я, разумѣется, пользовался, фактическій матерьялъ, бывшій въ рукахъ моихъ пред-

---

[1]) Landau, Die Quellen des Decameron. Stuttgart, 1884, 1 т.

[2]) Bartoli, Precursori del Boccaccio, Firenze, 1876; его же: I primi due secoli della letteratura italiana, 1880, стр. 564 слѣд.

[3]) Vincenzo Crescini, Contributo agli studi sul Boccaccio. Torino, 1887. Сл. также его предисловіе къ: Il cantare di Fiorio e Biancifiore (Bologna, 1889).

[4]) La vita di Dante scritta da G. Boccaccio, testo critico con introduzione, note e appendice di Francesco Macrì-Leone. Firenze, 1888.

[5]) De Blasiis, Le case dei principi Angioini nella Piazza di Castelnuovo. Napoli, 1887; La dimora di G. Boccaccio a Napoli, Arhivio storico per le provincie napoletane, anno XVII, 1892.

[6]) Storia della letteratura italiana di Adolfo Gaspary, trad. da Vittorio Rossi, vol. II, parte I (1891 г.), стр. 1 слѣд., 317 слѣд.

[7]) Henry Cochin, Boccace. Paris, 1890.—* Къ литературѣ Боккаччьо сл. Symonds, G. Boccaccio, London, Nimmo; Émile Gebhart, Boccace, Rev. d. d. M., 1895, 1 Nov. (и слѣд.).

шественниковъ, переработанъ былъ и мною [2]); въ нѣкоторыхъ шаткихъ вопросахъ біографической и поэтической |

---

[2]) Итальянскія сочиненія Боккаччьо (кромѣ упомянутыхъ особо) цитуются по изданію Moutier, Opere Volgari di G. Boccaccio, Firenze, 1827—34 (ссылки на Filocolo I и II разумѣютъ 1-й и 2-й томы); Декамеронъ—по моему переводу (сдѣланному съ текста Фанфани); Vita di Dante—по изданію Macrì-Leone; Комментарій къ Божественной Комедіи—по тексту Milanesi, Il comento di G. Boccaccio sopra la Commedia. Firenze, Le Monnier, 1863, 2 тома (I и II означаетъ томы).

Для латинскихъ трудовъ Боккаччьо я пользовался слѣдующими изданіями:

Eclogae Virgilii, Calphurnii, Nemesiani, Francisci Pe(trarcae), Ioannis Boc(catii), Ioan(nis) bap(tistae) Man(tuani). Въ концѣ: Impressum hoc opus Florentiae opera et impensa Philippi de Giunti biblopolae florentini Anno salutis. Mille CCCC. IIII. Decimo quinto calendas Octobris (по экземпляру профессора Помяловскаго).

Ioannis Boccatii del Certaldo insigne opus de claris mulieribus. Bernae Helvet. excudebat Matthias Apiarius. MDXXXIX.

Ioannis Bocatii de Certaldo historiographi clarissimi De Casibus Virorum illustrium libri novem.... Opera Hieronymi Ziegleri Rotenburgensis repurgatus adjectisque paucis scholiis in lucem nunc denuo editus.... Augustae Vindelicorum cum gratia et privilegio Caesareo singulari. Anno MDXLIIII.

Genealogiae Ioannis Boccatii cum demonstrationibus in formis arborum designatis. Eiusdem De Montibus et sylvis, de fontibus, lacubus et fluminibus Ac etiam de stagnis et paludibus, nec non et de maribus seu diversis maris nominibus. Въ концѣ: Habes, lector peritissime, Ioannis Boccatii deorum genealogiam noviter multis erroribus expurgatam et in pristinum candorem deductam impressamque diligentissime Venetiis per Augustinum de Zannis de Portuis. Anno MDXI, Die vero XV mensis Novembris.

Письма—по указанному выше изданію Corazzini.

Латинскія сочиненія Петрарки приводятся по базельскому изданію 1554 года (Basileae, Per Sebastianum Henricpetri, in fol.), письма—и по итальянскому переводу Fracassetti, Lettere di Francesco Petrarca, 5 тт., Firenze, 1863—6; Lettere Senili di Fr. Petrarca, 2 тт., Firenze, 1869—70.—Itinerarium Syriacum—по тексту Lumbroso, Memorie italiane del buon tempo antico (Torino, 1889).

VI хронологіи я склонялся къ тому изъ выраженныхъ мнѣній, которое казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ или обоснованнымъ, не цитуя ихъ авторовъ и не повторяя ихъ доказательствъ, ибо предполагаю ихъ извѣстными, иногда мотивируя ихъ на-ново, либо оставляя вопросъ открытымъ. Книги Ландау, Кёртинга и Гаспари подъ руками у всѣхъ, кто пожелалъ бы провѣрить положенія, усвоенныя мною; вся слѣдующая литература предмета указана въ своемъ мѣстѣ, насколько она была мнѣ доступна [1]).

Къ сожалѣнію, сдѣланнаго за послѣдніе годы слишкомъ немного, чтобы появленіе новой книги о Боккаччьо можно было оправдать накопленіемъ фактическихъ данныхъ, еще не знакомыхъ предыдущимъ изслѣдователямъ, либо результатами повѣрочной работы надъ уже извѣстными. Свѣдѣнія о внѣшней біографіи Боккаччьо попрежнему пополняются туго, хотя съ этой стороны едва ли можно ожидать рѣшающихъ откровеній. Важнѣе другой недочетъ: бѣдность нашихъ свѣдѣній о праисторіи того движенія въ области итальянской мысли, которое кульминируетъ на первый разъ въ Петраркѣ и Боккаччьо, объ ихъ предшественникахъ и тѣхъ изъ сверстниковъ, которые, сложившись внѣ ихъ вліянія, шли къ одной съ ними цѣли. Архивы и библіотеки, можетъ быть, еще |
VII откроютъ намъ скромныхъ дѣятелей этого движенія, упрочивъ его національно-историческій смыслъ, снявъ съ Петрарки и Боккаччьо обузу «начинателей», тогда какъ они лишь формулировали яснѣе то, къ чему направлялись поколѣнія, и что, никогда не умирая, постепенно выходило къ свѣту. — Разумѣется, прогрессъ въ этой области изученія будетъ зависѣть не отъ одного лишь

---

[1]) Моя книга закончена въ ноябрѣ 1892 года, но ея выходъ замедлился по типографскимъ соображеніямъ, чѣмъ и объясняется неравномѣрное пользованіе новѣйшей литературой.

приращенія матерьяла, а и отъ внимательнаго его анализа по категоріямъ эрудиціи и міросозерцанія, отъ постоянной повѣрки позднѣйшаго прошлымъ. Это одно убережетъ насъ отъ панацеи догматизма.

Третій пробѣлъ: недостатокъ критическаго изданія, какъ итальянскихъ, такъ и латинскихъ сочиненій Боккаччьо, былъ особенно ощутителенъ, когда приходилось пользоваться его лирикой и въ ней искать отраженія его раннихъ увлеченій, при постоянномъ сознаніи, что то или другое стихотвореніе, послужившее для характеристики поэта, можетъ оказаться и не принадлежащимъ ему. Впрочемъ, такія неизбѣжныя ошибки могли касаться лишь мелочей, не оцѣнки общаго настроенія, ибо здѣсь коррективомъ являлись романы юношеской поры Боккаччьо съ обильно разбросанными въ нихъ біографическими намеками.

Я не сомнѣваюсь, что желательное критическое изданіе во многомъ исправитъ тексты сочиненій Боккаччьо, возстановитъ правильныя чтенія, перенесетъ на переписчиковъ многое, что вмѣнялось ученому, но въ общемъ оно едва ли измѣнитъ нашъ взглядъ на эрудита и мыслителя, на стилиста и поэта. Съ этой точки зрѣнія и существующія изданія отвѣчали цѣлямъ автора: самостоятельно и лично передумать Боккаччьо, углубиться въ его VIII
психику и за стилистомъ и мыслителемъ раскрыть человѣка яркаго темперамента и идеальныхъ стремленій, въ одно и то же время слабаго и страстнаго, застѣнчиваго и полнаго самосознанія, впечатлительнаго къ тѣмъ теченіямъ культурной среды, которыя онъ живо воспринималъ и выражалъ. Особенностью таланта считаютъ творческую способность, превышающую таковую же способность другихъ людей, не ихъ пониманіе; потому они съ перваго раза находятъ цѣнителей (Шопенгауеръ). Я поставилъ бы вмѣсто творчества живость воспріятія и рельефное объ-

ективированіе того, что покоилось въ сознаніи если не общества, то извѣстныхъ его слоевъ, какъ разсѣянные члены чего-то, еще не собравшагося въ раздѣльный образъ.

Петрарка неотдѣлимъ отъ Боккаччьо: они такъ долго шли рядомъ, связанные общими умственными интересами и своеобразной дружбой, въ которой одинъ отдавался и безсознательно угнеталъ своимъ авторитетомъ, въ другомъ дѣтски-любовное благоговѣніе не исключало ни критики, ни самостоятельности почина, которую я желалъ подчеркнуть. Эти люди невольно оттѣняли другъ друга; для психологической характеристики Боккаччьо, которую я имѣлъ въ виду, Петрарка являлся фономъ и повѣркой: этимъ объясняется мѣсто, удѣленное мною показному вождю гуманизма во второй части моей книги. Рядомъ съ ними Аччьяйоли, блестящій баринъ-меценатъ, въ которомъ содержаніе гуманизма развило себялюбіе личности и вкусы къ эксплуатаціи таланта; Заноби да Страда, Молчалинъ, пролѣзающій, по теченію идей, въ люди и даже къ славѣ, не дарованіемъ, а лаской и послушничествомъ; тихій |
IX Нелли, наивно-оторопѣлый въ своихъ восторгахъ передъ гуманистической фразой, молящійся каждому слову «учителя». Всѣ они дополняли картину, служа одной цѣли: понять Боккаччьо въ его кружкѣ, среди поставленныхъ тогда вопросовъ объ отношеніяхъ гражданской и личной свободы, свободной литературы и патроната, смѣшивавшаго поощреніе съ гнетомъ.

Той же цѣли отвѣчало и подчиненіе литературнаго отдѣла книги психологически-біографическому. Вездѣ ли я былъ правъ, читая между строками, не отнесъ ли на счетъ внутренней эволюціи чувства и сознанія, что могло быть риторической забавой или абстрактной затѣей кабинетнаго ученаго (если только можно строго подѣлить эти области), сумѣлъ ли сохранить колоритъ времени въ изо-

браженіи отношеній, такъ много напоминающихъ близкія къ намъ, — все это покажетъ критика. Критика и повторенныя занятія могутъ побудить меня снова вернуться къ труду, которому я и самъ даю значеніе опыта.

Остается сказать нѣсколько словъ по поводу моего обстоятельнаго разбора раннихъ произведеній Боккаччьо. Ихъ мало кто знаетъ, и нѣтъ вѣроятія, чтобы они нашли читателей: передача ихъ содержанія, ихъ канвы (чѣмъ ограничились Кёртингъ и особенно Ландау), можетъ познакомить развѣ съ источниками Боккаччьо, не съ его отношеніемъ къ нимъ, не съ его пониманіемъ сюжета, съ новымъ его освѣщеніемъ и стилизаціей, въ которой сказывается писатель, съ риторическимъ балластомъ, въ которомъ сказалось время. Мои извлеченія, пытавшіяся, по возможности, передать впечатлѣніе подлинниковъ, имѣли въ виду не только объяснить возникновеніе стиля, составляющаго не малую славу Декамерона, но и прослѣдить, какъ постепенно накоплялись и очищались внѣшніе и внутренніе элементы гуманизма, нашедшіе въ немъ выраженіе. Канцоньере и Декамеронъ — это гуманизмъ въ разрѣзѣ, обращенный къ публикѣ, эстетическіе и этическіе результаты латинскихъ чтеній и обсужденій, безсознательно опредѣлившіе новое творчество. Въ исторіи гуманистическаго движенія это обезпечиваетъ за ними передовое мѣсто.

Если я сумѣлъ объяснить неизбѣжныя длинноты моихъ анализовъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ защитилъ отчасти и объемъ новой біографіи. Книга, разросшаяся не въ мѣру, напоминаетъ мнѣ человѣка, не знающаго въ обществѣ, куда дѣвать свои руки.

Таковы задачи и самозащита труда, являющагося естественнымъ введеніемъ къ моей книгѣ: Вилла Альберти. Чтобъ уравнять ихъ архитектуру, слѣдовало бы переработать послѣднюю, и если не удалить понятіе «пе-

релома», то разбить его, отнеся литературный переломъ ближе къ Боккаччьо.

Долгое общеніе съ писателемъ, съ которымъ я такъ часто бесѣдовалъ, которому, быть можетъ, чаще (какъ знать?) подсказывалъ свои мысли, сдѣлали, вѣроятно, и эту біографію субъективной, какъ всякая другая. Я старался избѣгать предвзятости, становясь на историческую точку зрѣнія, исключающую неумѣренные восторги и нареканія, тѣмъ болѣе обѣленія, часто лицемѣрныя, въ которыхъ авторъ Декамерона такъ же мало нуждается, какъ и въ защитникахъ, особенно неумѣлыхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

стр.

Предисловіе къ третьему и четвертому томамъ второй серіи.

Изслѣдованіе о Боккаччьо является, послѣ диссертаціи „Вилла Альберти“, наиболѣе цѣльнымъ и крупнымъ произведеніемъ во *второй* серіи сочиненій А. Н. Веселовскаго, который еще въ 1876 году началъ собирать матеріалъ къ біографіи Боккаччьо, издавъ три письма его къ Майнардо де'Кавальканти (см. т. II настоящей серіи, вып. I). Въ указанномъ томѣ помѣщены и другіе отдѣльные этюды Александра Николаевича, имѣющіе отношеніе къ Боккаччьо, и предисловіе къ русскому переводу Декамерона. Но и послѣ выполненія двухъ-томнаго труда о Боккаччьо — „его средѣ и сверстникахъ“, А. Н. Веселовскій продолжалъ слѣдить за новѣйшей литературой по данному предмету, провѣряя и дополняя свой трудъ, быть можетъ, подготовляя исправленную его редакцію для новаго изданія. Записки А. Н. Веселовскаго печатаются въ видѣ приложеній къ тексту, который напечатанъ съ небольшими измѣненіями согласно помѣткамъ автора, указаннымъ въ своемъ мѣстѣ.

Рукописныя замѣтки, издаваемыя въ видѣ приложеній, тщательно провѣрены, согласно ссылкамъ на разныя статьи и сочиненія иностранныхъ ученыхъ, А. А. Веселовской, которая взяла на себя трудъ составить указатель къ обоимъ томамъ настоящаго сочиненія: онъ будетъ помѣщенъ въ концѣ второго тома.

Ѳ. Батюшковъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Большинство даже образованныхъ читателей знаютъ Боккачьо, какъ автора Декамерона, а Декамеронъ — не столько изъ чтенія, сколько по репутаціи, сложившейся вѣками изъ наслѣдія честныхъ и лицемѣрныхъ недоумѣній, взглядовъ, принятыхъ на вѣру, и умственной лѣни. Лучшее средство противъ этого миража — въ самомъ дѣлѣ прочесть Декамеронъ и, забывъ на время объ опасности, грозящей вашему нравственному чутью, окунуться въ источники его звонкаго, здороваго смѣха, затеряться въ толпѣ его типовъ, бойкихъ и веселыхъ, торжественныхъ и грустныхъ, но всегда отдающихъ жизнью; прислушаться, какъ и что говорятъ, по поводу той или другой новеллы, разсказчики Декамерона, — и какъ за нихъ резонируетъ Боккачьо. А онъ любитъ резонировать: герои его новеллъ, особенно торжественныхъ, то и дѣло разсуждаютъ объ общихъ вопросахъ, сыплтъ софизмами, произносятъ адвокатскія рѣчи, нерѣдко выходя изъ роли, намѣченной ихъ характеромъ; за нихъ разсуждаетъ Боккачьо. Для разсказчиковъ Декамерона каждая новелла становится предметомъ бесѣды, новеллы складываются въ группы, смотря по тому, какое общее, житейское или философское положеніе онѣ выясняютъ: вопросы любви и нравственности, религіи и церковной практики, тайны провидѣнія или загадочное водительство судьбы. За «человѣческой комедіей» Декамерона чувствуется серьезный субстратъ идей, исканіе міросозерцанія. Впослѣдствіи эти идеи станутъ для Боккачьо точкой отправле|нія, 4
и онъ подгонитъ подъ идею фатума свои латинскіе приклады о

роковой судьбѣ именитыхъ людей (De casibus virorum illustrium); но тогда его міросозерцаніе сузится, болѣзненно уединясь въ пессимизмъ. Въ пору Декамерона онъ еще художникъ, онъ выходитъ изъ живыхъ типовъ и реальныхъ положеній, но каждый изъ нихъ представляется ему показателемъ общаго, частнымъ факторомъ въ разрѣшеніи сложной задачи человѣческой жизни. Съ этой точки зрѣнія Боккаччьо, а за нимъ его герои и разсказчики и размышляютъ о типахъ и положеніяхъ, подводя ихъ подъ ходячую оцѣнку дѣяній и побужденій, нерѣдко открывая возможность и другой, не традиціонной, но человѣчной. Отрицательное впечатлѣніе Декамерона, которое легко вынести изъ чтенія нѣсколькихъ, сознательно подобранныхъ нескромныхъ новеллъ, съ лихвой перевѣшивается его положительной, я сказалъ бы—учительной стороной: впечатлѣніемъ новаго умственнаго кругозора, слагающагося среди преній и бесѣдъ изъ анализа житейскихъ и психологическихъ фактовъ. Эта печать анализа и самонаблюденія и опредѣляетъ наше отношеніе къ Боккаччьо: онъ—человѣкъ такъ называемаго «возрожденія» не столько своей латинской эрудиціей, своими трактатами о богахъ и великихъ людяхъ, о горахъ и рѣкахъ, сколько аналитической стороной своего Декамерона.

Данте, Петрарка, Боккаччьо—три имени, три показателя итальянскаго развитія въ XIV вѣкѣ; «три флорентійскихъ вѣнца». Такъ эмфатически называли ихъ ближайшіе современники, а мы безотчетно повторяемъ, забывая, что Данте, самый муниципальный изъ трехъ по воспитанію и симпатіямъ, провелъ треть жизни изгнанникомъ, что Петрарка вступилъ во Флоренцію лишь на нѣсколько дней и ничѣмъ ея преданію не обязанъ, а Боккаччьо сложился поэтомъ и гуманистомъ при неаполитанскомъ дворѣ и поздно вжился въ демократическіе интересы Флоренціи. Можетъ быть, эта случайная отвязанность отъ муниципальной почвы и развила въ нихъ широту взгляда, грезу культурной Италіи. Всѣ трое лелѣютъ ее одинаково, но содержаніе понятія мѣняется. |
5 Данте резюмируетъ съ итальянской точки зрѣнія средніе вѣка, и

не свое время, а прошлое; его Божественная Комедія — идеальный синтезъ этого прошлаго: всѣ элементы современнаго политическаго, общественнаго и религіозно-философскаго движенія еще разъ сведены въ ней къ отживавшимъ нормамъ папства и имперіи; языческій моментъ классицизма еще не ощущается, какъ бродило, и мирно укладывается въ рамки христіанскаго міросозерцанія. Самъ Данте въ Божественной Комедіи спокойно-монументаленъ и цѣленъ, даже въ порывахъ своего героическаго гнѣва и паѳоса; и у него былъ періодъ борьбы и увлеченія, но тревога улеглась, и онъ вышелъ изъ нея къ успокоенію, лично сосчитавшись съ собою и съ своимъ временемъ, придя къ утвержденію идеальнаго status quo, въ которомъ устоямъ прошлаго данъ перевѣсъ надъ вѣяніями будущаго. Мы охотно представляемъ его себѣ стоящимъ въ центральной нишѣ его гигантскаго нерукотворнаго храма; его Виргилій — не волшебникъ и не христіанскій пророкъ средневѣковаго преданія: онъ — творецъ Энеиды, провозвѣстникъ имперской идеи, онъ — разумъ, наука; но онъ же ведетъ поэта къ одухотворенной Беатриче. Она, гдѣ-то наверху, сотканная изъ мистическихъ порывовъ богородичнаго культа, идеализаціи женщины у трубадуровъ и платонизирующихъ мотивовъ поэтовъ новаго флорентійскаго «стиля».

Въ сравненіи съ архаистическимъ ликомъ Данте фигуры Петрарки и Боккаччьо глубже и страстнѣе тронуты рѣзцомъ. Они родились въ первомъ поколѣніи послѣ Данте, но его поэтическій синтезъ не остановилъ исторіи: на сценѣ то же броженіе и исканіе въ мірѣ политики, общественныхъ и нравственныхъ идеаловъ; тотъ же дантовскій «дремучій лѣсъ» и то же требованіе выхода, но не къ Беатриче и не къ квіетизму рая, не къ спасительнымъ началамъ папства и имперіи.

О нихъ еще говорятъ, какъ о принципахъ, но подъ условіемъ новаго толкованія. Съ идеей имперіи плохо ладила масса политическихъ новообразованій, коммунъ и тиранній, и королевство |
въ Неаполѣ; ихъ самостоятельность исключало народное объеди- 6

ненiе, сознанie культурнаго единства поддерживалось никогда не изсякавшимъ преданiемъ языческаго Рима. Въ обособленныхъ центрахъ политическая жизнь развивалась, не спрашиваясь императора, складывались свои соцiальныя привычки, мѣнялись учрежденiя и формы быта въ борьбѣ партiй и мнѣнiй, исходившихъ не изъ старыхъ опредѣленiй права, а изъ постановки новыхъ жизненныхъ спросовъ и возродившихся занятiй кодексомъ Юстинiана. Изъ связи родовъ, цеховъ, консортерiй обособлялись личности, поставленныя въ необходимость рѣшиться между преданiемъ и новшествомъ, изощрившiя политическiя способности ума, колеблющiяся и страстно-рѣшительныя, воспрiимчивыя, нервныя. Съ личностью явилась и критика, и одной изъ ея точекъ отправленiя было условiе, содѣйствовавшее самому развитiю индивидуализма. Жизненность образовательнаго латинскаго преданiя въ Италiи была такимъ условiемъ; когда личность окрѣпла, условiе стало для нея критерiемъ, который она и начинаетъ ощущать, какъ въ извѣстныхъ отношенiяхъ правомѣрный привычному, средневѣковому. Чѣмъ болѣе практика жизни и ростъ критическаго сознанiя подрывали вѣру въ послѣднiй, тѣмъ сильнѣе выяснялось значенiе перваго въ кружкѣ людей, въ которыхъ чутче слышался пульсъ исторiи: въ откровенiяхъ древности они находили оправданiе новыхъ явленiй политическаго быта, философское обоснованiе религiознаго чувства, культа славы и науки, незаторможенной школой, проснувшейся любви къ реальной сторонѣ жизни, къ красотамъ пластики и художественнаго слова.

Когда весь этотъ процессъ выяснится, Петрарка и Боккаччьо явятся выразителями умственнаго движенiя, начала котораго трудно услѣдить, и которое мы зовемъ «возрожденiемъ» или «гуманизмомъ». Его показатели: разложенiе видимой, успокаивающей цѣльности мiросозерцанiя, критическая расторженность мысли, страстное исканiе новыхъ путей, желанiе обосновать это новое воззрѣнiями классиковъ. Расторженность мысли — въ виду на-
7 зрѣв|шей потребности сдѣлать выборъ между тѣмъ, что еще составляетъ для массы объектъ вѣры, что пустило вѣковые корни

въ народномъ сознаніи, всосано съ молокомъ матери, — и новыми началами, новыми и старыми вмѣстѣ, которыя убѣждаютъ умъ, но не побѣждаютъ воспитаннаго въ другомъ преданіи чувства. Это не средневѣковый разладъ между плотью и духомъ, міромъ и аскезой: тамъ исходъ борьбы предрѣшенъ, мірская любовь рыцаря искупится въ монашеской кельѣ, гривуазныя продѣлки fabliau — въ какомъ-либо мытарствѣ. Прогрессъ движенія въ томъ, что онъ уравнялъ шансы побѣды, серьезно обосновавъ права «міра»: за него стало классическое образовательное преданіе. Уравнялъ — безъ увѣренности побѣды: въ риторизмѣ, характеризующемъ писателей «возрожденія», въ обычномъ перевѣсѣ фразы надъ содержаніемъ у Петрарки и Боккаччьо, въ ихъ постоянномъ хожденіи на котурнѣ, этой психологической складкѣ цѣлой поры, чувствуется, рядомъ съ дѣтскими восторгами передъ новымъ откровеніемъ, и паѳосъ фразы, какъ бы прикрывающей сознаніе, что тѣ горизонты далеко и когда-то спустятся на землю. Такъ эпохи риторизма обманываютъ себя насчетъ слабости убѣжденія и недостатка увѣренности.

Петрарка и Боккаччьо стоятъ въ этомъ движеніи: оба одинаково расторженны, одинаково мятутся, такъ же восторженно-риторичны. Раздвоенность Петрарки хорошо извѣстна: онъ постоянно борется между классическимъ и христіанскимъ идеаломъ, любовью и аскезой, мечтою о славѣ и самоотреченіемъ, и не въ силахъ досказаться откровенно ни до да, ни до нѣтъ (Nè sì nè no nel cuor mi suona intero). Несомнѣнно, въ немъ происходила борьба, за это говоритъ непритворность его ацедіи и сентиментальное бѣгство въ природу; но, влюбленный въ свое я, онъ выносилъ его на показъ, позируя своими ранами, какъ наивно позировалъ въ роли учителя; признаніе, которымъ его окружали, и которое онъ самъ не прочь былъ принимать за культъ, поднимало его въ борьбѣ: онъ проникался сознаніемъ своего подвига; тѣмъ величавѣе и гармоничнѣе являлись у него моменты успокоенія. У Боккаччьо былъ тотъ же внутренній разладъ, тотъ же 8
самоанализъ, можетъ быть, не столь глубокій, но и не обставлен-

ный такъ декоративно, выносившійся наружу не столь торжественно, дѣтски сообщительный, откровенно искавшій духовной помощи. Не тактичный, какъ Петрарка, онъ трогаетъ насъ своею человѣчностью, проявленіями слабости, не скрывающей наболѣвшихъ ранъ подъ складками риторической тоги.

Таково содержательное вліяніе новыхъ умозрительныхъ откровеній на Петрарку и Боккаччьо; внѣшнее, формальное, бросается въ глаза. Лирическая виртуозность Петрарки навѣяна его классическими чтеніями; если идеалъ его Лауры — средневѣковый, то изящность его психологической разработки и тонкость анализа многимъ обязаны тому же источнику. Боккаччьо черпаетъ изъ него въ размѣрѣ своего таланта: онъ одарилъ итальянскую прозу кадансомъ классическаго періода; богатства древней миѳологіи и исторіи, неуклюже загромождающія его первый романъ, становятся впослѣдствіи въ его рукахъ послушнымъ матеріаломъ, готовымъ для новыхъ художественныхъ созданій. Его Тезеида — первая во всей Европѣ затѣя эпопеи въ классическомъ стилѣ; его Фьямметта, первый опытъ психологическаго романа въ новыхъ литературахъ, — навѣяна мотивами Овидіевыхъ Героидъ; страстность личной сатиры въ Корбаччьо слагается подъ вліяніемъ Ювенала. Петрарка — болѣе разборчивый латинистъ, чѣмъ Боккаччьо, онъ, можетъ быть, глубже и разнообразнѣе понимаетъ древнюю жизнь, но нигдѣ доголѣ, и позднѣе развѣ у Понтана, сочетаніе античнаго и современнаго, Овидія и итальянской paysannerie, не достигало такой художественной цѣльности, какъ въ Ninfale Fiesolano. На почвѣ поэтическаго синтеза здѣсь достигнуто то, что въ предѣлахъ общаго міросозерцанія оставалось вопросомъ и чаяніемъ.

I.

ДѢТСКІЕ ГОДЫ. ПРИЗВАНІЕ И КАРЬЕРА. КУЛЬТУРНЫЯ УСЛОВІЯ НЕАПОЛИТАНСКОЙ СРЕДЫ.

I.

Въ семьѣ Боккаччьо не было того культурнаго преданія, 11
которое побуждало Петрарку съ уваженіемъ помнить своего отца, большого почитателя Цицерона [1]), и прадѣда Garzo [2]), вѣроятно, автора нѣсколькихъ духовныхъ стиховъ и риѳмованныхъ пословицъ [3]). Боккаччьо были крестьяне изъ Чертальдо, небольшого тосканскаго городка въ пяти миляхъ къ югу отъ Флоренціи, куда переселился еще дѣдъ нашего поэта, сохранивъ за собою на родинѣ и собственность и домъ. Отецъ Боккаччьо занялся торговлей, въ качествѣ участника и представителя дома Барди, имѣвшаго на югѣ Италіи обширныя дѣла, снабжая анжуйскій дворъ деньгами, въ обезпеченіе которыхъ ему предоставлены были извѣстныя льготы, преимущественно по торговлѣ хлѣбомъ. Повидимому, старикъ Боккаччьо пользовался во Флоренціи нѣкоторымъ значеніемъ: въ 1321-мъ [4]) году мы встрѣчаемъ его въ числѣ пріоровъ, позже — въ нѣсколькихъ другихъ мелкихъ должностяхъ, хотя принадлежалъ онъ къ роду, лишь недавно водворившемуся въ городѣ. Филиппо Виллани говоритъ, что онъ былъ человѣкъ рачительный (industrius vir), сынъ, — что онъ честнымъ трудомъ

---

1) Сл. Petrarca, Sen., XVI, 1; Fam., XXI, 15.

2) Fam., VI, 3; XI, 5. — *Guatteri, il bisnonno del Petrarca, Torino, 1904. Сл. Patrono, Ancora del bisnonno del Petrarca, La nuova rassegna, III, 2 (не доказано, что Garzo былъ прадѣдомъ поэта).

3) Сл. Guido Mazzoni и Carlo Appel въ Propugnatore, N. S., II, стр. 205 слѣд.; III, 5 слѣд., 49 слѣд., 238 слѣд.; Zenatti, ib., v. IV, 415 слѣд.

4) *Cochin, Boccaccio (Firenze, Sansoni, 1901), стр. 6: 1322?

12 старался пріумножить домашній достатокъ [1]); | разсказывая о соблюденіи флорентійцами одного святочнаго обряда (отвѣчающаго сербскому божичу, итальянскому серро di natale), Боккаччьо называетъ отца хорошимъ, настоящимъ христіаниномъ [2]). Все это стоитъ въ противорѣчіи съ той рѣзкой, недружелюбной его характеристикой, которую Боккаччьо пишетъ про себя и, можетъ быть, для немногихъ, когда въ аллегорическихъ образахъ вспоминаетъ свое тяжелое дѣтство. Въ этой характеристикѣ много больного, можетъ быть, несправедливаго шаржа, но въ позднѣйшемъ восхваленіи сыновней и отеческой любви, какъ принципа общественнаго устроенія [3]), какъ бы чувствуется нѣчто отрицательно пережитое. На самомъ дѣлѣ отецъ Боккаччьо былъ практикъ, пробившійся къ извѣстному благосостоянію, не видѣвшій ничего, кромѣ наживы, бережливый и прижимистый, безъ всякаго идеальнаго полета. Выйдя изъ крестьянъ, «перемѣнивъ одежду, онъ сохранилъ подъ обманчивымъ видомъ грубые нравы отца и во всемъ остался матерьялистомъ и неотесаннымъ» [4]); это типъ вышедшаго въ люди крестьянина, говорившаго крестьянамъ, что онъ изъ благородныхъ, что его занятіе — торговля — издавна ведется въ ихъ родѣ. Въ 1310—1313 годахъ онъ проживалъ въ Парижѣ по дѣламъ Барди; красивый собою, не подъ стать грубому духу, веселаго нрава, онъ соблазнилъ молодую женщину, хорошаго, но, вѣроятно, обѣднѣвшаго рода, по имени Жанну, обѣщаніемъ жениться на ней. Въ 1313 году она родила отъ него сына, нашего Боккаччьо, а онъ бросилъ ее и, вѣроятно, за нѣсколько мѣсяцевъ до 10 октября слѣдующаго года [5]), вернулся во Флоренцію, куда выписалъ и ребенка по смерти матери, умершей съ горя. Вскорѣ за тѣмъ онъ женился на Маргаритѣ ди Джьянъ Донато деи Мартоли.

---

1) De Cas., XI, 21.
2) Gen. Deor., l. XII, c. 65.
3) De Cas., VIII, c. 22; IX, c. 20.
4) Ameto, 78.
5) *Можетъ быть и позже. Сл. Crescini, l. c., стр. 40 и прим. 1 на стр. 41.

Боккаччьо выросталъ въ домѣ мачехи, у которой явились свои дѣти. Какъ жилось ему тамъ, — объ этомъ говорятъ воспоминанія о покинутой отцомъ матери, къ которымъ онъ обращается впослѣдствіи съ какой-то болѣзненной настойчивостью. | Два 13
раза пересказалъ онъ ея грустную исторію: въ эпизодѣ Идалага [1]) и въ повѣсти объ Ибридѣ [2]). Идалагъ и Ибрида — это онъ самъ; Ибрида, т. е. рожденный отъ неравныхъ по положенію и національности родителей. Мальчикомъ, юношей, онъ могъ узнать о своей матери лишь немногое, но онъ вжился въ психическій моментъ и развилъ его въ воображеніи. Это бросило тѣнь на отца; если отецъ — грубый практикъ, сынъ — идеалистъ и поэтъ, то потому, что пошелъ не въ отца — крестьянина, а въ благородную мать. Эта похвальба родомъ противорѣчитъ позднѣйшему взгляду Боккаччьо на благородство, какъ зависящее отъ доблести, не отъ крови; онъ и потомъ колебался между теоріей и самосознаніемъ: ему просто хочется вѣрить, что онъ не въ отца; можетъ быть, и его отношенія къ любимой женщинѣ королевскаго рода заставляли его порой припоминать, что и онъ не такъ ей неровенъ, какъ могло бы казаться, и въ немъ есть капля синей крови.

Такъ нарастали тѣни. Прижимистость отца начала казаться скряжничествомъ, увеличивавшимся съ годами. Въ «Любовномъ Видѣніи» [3]) поэту представляется гора изъ золота и серебра и драгоцѣнныхъ камней, вокругъ которой трудится съ топорами и молотами толпа людей: это — стяжатели; между ними кто-то старается отковырнуть что-нибудь ногтями, но послѣ многихъ попытокъ уноситъ лишь немногое и такъ крѣпко держитъ кошель, что не только другому, но и ему самому оттуда ничего не вынуть. Это тотъ, кого я звалъ своимъ родителемъ, говоритъ Боккаччьо, тотъ, кто по *собственному побужденію милосердно воспиталъ меня, какъ сына* [4]). Въ другомъ мѣстѣ, въ эпизодѣ своего пер-

1) Filocolo, II, 239 и слѣд.

2) Ameto, стр. 78 слѣд.

3) Am. Vis., c. XIV, стр. 58.

4) Сл. Fiammetta, 39: per la mia puerizia nel suo grembo teneramente allevata, per l'amor di lui verso di me continuamente portato.

ваго романа (Филоколо), онъ разсказываетъ, подъ именемъ Ида-
14 лага, какъ вступивъ однажды въ отцовскій домъ, онъ уви|дѣлъ
двухъ свирѣпыхъ медвѣдей, устремившихъ на него алчные
взгляды, какъ бы желая поглотить его. Это — его отецъ и ма-
чеха; аллегорія ясна; кто не знаетъ, какъ суровы бываютъ ма-
чехи къ пасынкамъ, говорилъ онъ впослѣдствіи [1]).

Мальчика отдали въ школу [2]); позднѣе онъ вспоминалъ, какъ его, еще совсѣмъ ребенка, неудержимо влекло къ поэзіи. «Хорошо помню, что мнѣ не было еще и семи лѣтъ, никакія поэтическія произведенія не попадались мнѣ на глаза, никакихъ ученыхъ я еще не слушалъ, едва познакомился съ первыми началами грамотности, а у меня по природному побужденію уже было желаніе творить, и я написалъ нѣсколько поэтическихъ произведеній, хотя и ничтожныхъ, ибо въ столь нѣжномъ возрастѣ на такое дѣло не хватало духовныхъ силъ. Тѣмъ не менѣе, когда я уже почти созрѣлъ и сталъ самостоятельнымъ, мой умъ взялъ свое, самъ собою, никѣмъ не побуждаемый и не научаемый, несмотря на препятствія со стороны отца, осуждавшаго такое занятіе, потому, говорилъ онъ, что я мало смыслю въ поэзіи. И я увлекся ею съ величайшею жадностью, съ особымъ удовольствіемъ искалъ и читалъ сочиненія ея авторовъ и, насколько могъ, старался ихъ уразумѣть. Удивительное дѣло! Я еще не понималъ, изъ какихъ и сколькихъ стопъ слагается стихъ, а всѣ извѣстные поэты прозвали и меня поэтомъ, хотя я усиленно того отрицался, да и теперь поэтомъ не сталъ. Я не сомнѣваюсь, что если бъ отецъ отнесся къ тому правильнѣе, пока мой возрастъ былъ способнѣе, я сталъ бы, пожалуй, однимъ изъ знаменитыхъ поэтовъ; но мой умъ старались обратить сначала на прибыльное занятіе, затѣмъ на прибыльную науку, оттого и вышло, что я не купецъ, не

---

1) Fiammetta, 120.

2) *По Filippo Villani — въ школу Giovanni (Mazzuoli) da Strada, отца Zanobi da Strada. Единственный изъ критиковъ, сомнѣвающійся въ этомъ показаніи — Crescini.

сталъ и канонистомъ и упустилъ возможность сдѣлаться выдающимся поэтомъ» [1]).

Подъ прибыльнымъ занятіемъ или искусствомъ Боккаччьо разумѣетъ торговлю: отецъ взялъ его изъ школы и отдалъ въ науку къ «состоятельному купцу» (maximo mercatori, ib.), т. е. | пристроилъ, вѣроятно, къ дому Барди, чтобы пріучить его съ 15
малыхъ лѣтъ къ коммерческому дѣлу. По расчету, выходящему изъ показаній самого Боккаччьо, это могло быть въ 1326 году [2]); но къ торговлѣ онъ не ощущалъ никакой склонности; и онъ не прочь былъ бы отъ наживы, если бы ее можно было помирить съ честью, говоритъ онъ въ Любовномъ Видѣніи [3]); правда, поэзія не даетъ богатства, но она ведетъ къ небу [4]), тогда какъ купецкая наука сводится къ барышу и обману [5]). На противорѣчіи стремленій къ богатству и поэзіи построена вся XIII-ая эклога.

Сознательно эти противорѣчія практической карьеры и поэтическихъ вожделѣній могли представиться Боккаччьо лишь позднѣе; они то и освѣжили его дѣтскія воспоминанія. Не слѣдуетъ упускать изъ виду эту ретроспективность: что въ дѣтствѣ ощущалось, какъ неохота и отсутствіе интереса, было понято, какъ попранное въ самомъ расцвѣтѣ призваніе. Чѣмъ выше становилось для Боккаччьо, особливо подъ вліяніемъ Петрарки, значеніе поэзіи, тѣмъ страстнѣе и полнѣе ощущалъ онъ свои ранніе недочеты, которые приходилось пополнять урывками и случайно. Въ этомъ смыслѣ получаетъ для насъ автобіографическое значеніе его письмо къ одному неназванному другу, писанное имъ

---

1) Gen. Deor., XV, 10.

2) *Cochin, Boccaccio, 10: Б. не было *десяти лѣтъ*, когда его взяли изъ школы, и отецъ отдалъ его въ науку купцу на *6 лѣтъ*. — По этому расчету къ купцу онъ попалъ въ 1322—3 годахъ? Сл. стр. 11: отецъ взялъ его отъ купца черезъ 6 лѣтъ, что относитъ насъ къ 1328—9 годамъ, и (стр. 13), отправляясь по дѣламъ въ Неаполь, отдалъ его въ науку юристу. Б. было тогда 16 лѣтъ; юриспруденціей онъ занимался до 22-го года (1331). Сл. далѣе у меня стр. 17—18: съ 1326 по 1332 у купца, съ 1332 занятія правомъ?

3) Am. Vis., c. XIV, стр. 59—60.

4) Gen. Deor., XIV, 4.

5) Corbaccio, 184—5.

изъ Неаполя, въ 1338—9 году [1]): и этого друга воля родныхъ, жадныхъ до золота, увлекла изъ нѣдръ Рахили въ нѣдра Ліи, но дары Юноны (богатство) не въ силахъ были умалить правъ Паллады: будучи купцомъ, другъ отдался изученію богословія, наукъ квадривія, чтенію Виргилія и Овидія, Лукана и Стація, Саллюстія и Ливія. — Боккаччьо воспитался при сходныхъ условіяхъ, но служеніе поэзіи представилось ему священнымъ дѣломъ, такою же серьезною цѣлью жизни, какъ всякая другая. Если въ Данте гражданинъ покрывалъ поэта, то періодъ гуманизма ярче обособилъ званіе литератора и, обогативъ содержательно идеалъ
16 поэ|зіи, поднялъ ея культъ, какъ особаго подвига и дѣятельности, заслуживающей признанія. Оттуда самосознаніе Петрарки и Боккаччьо; только въ фантазіи послѣдняго, склонной къ шаржу, и этотъ идеалъ и чувство несоразмѣрности своихъ силъ обострились до крайности; оттуда у него чередованіе горделивыхъ восторговъ и упадковъ духа.

30 іюля 1326 года вступилъ во Флоренцію съ блестящей свитой французской знати Карлъ, герцогъ Калабрійскій, сынъ неаполитанскаго короля Роберта. Гвельфская республика искала опоры въ самомъ могущественномъ гвельфскомъ властителѣ Италіи: въ теченіе восьми съ половиною лѣтъ она предоставила Роберту синьорію надъ городомъ, теперь она призывала къ той же власти его сына. Въ его окруженіи являются старые поставщики и банкиры анжуйскаго двора, флорентійскія купеческія семьи Аччьяйоли, Перуцци, Барди; они снабжали его деньгами, онъ раздавалъ имъ общественныя должности: одинъ изъ Аччьяйоли сдѣланъ былъ гонфалоньеромъ; отецъ Боккаччьо, вѣроятно, по связямъ съ домомъ Барди, назначенъ въ февралѣ 1327 года совѣтникомъ департамента торговли (officium mercantiae), вѣдавшаго банкротства и дѣла, возникавшія между цехами [2]).

---

1) Corazzini, стр. 458: Sacrae famis.

2) Сл. для слѣдующаго De Blasiis, La dimora di Giovanni Boccaccio a Napoli въ Archivio storico per le provincie napoletane, anno XVII, fasc. II, стр. 504 слѣд.

27-го декабря того же года герцогъ выѣхалъ изъ Флоренціи; отецъ Боккаччьо покинулъ ее, вѣроятно, еще раньше, потому что уже 12 января 1328 года онъ находился въ неаполитанской области вмѣстѣ съ другими общниками торговыхъ домовъ Барди, Перуцци и Аччьяйоли [1]). Имъ предоставлено было, въ уплату ихъ ссудъ анжуйскому двору, собрать субсидію, наложенную на населеніе для военныхъ цѣлей и доставленія средствъ на обратную поѣздку герцога калабрійскаго. Оказывается, что, работая для дома Барди, отецъ Боккаччьо велъ и свои собственные обороты, ибо онъ значится въ числѣ заимодавцевъ двора; нѣсколько позже | онъ является однимъ изъ поставщиковъ герцогскаго 17
войска, стоявшаго на границахъ Абруццъ.

Легко предположить, что, уѣзжая по дѣламъ, старикъ Боккаччьо взялъ съ собою и сына. Взиманіе налоговъ, поставка въ армію, сбытъ хлѣба, — все это требовало частыхъ разъѣздовъ, въ которыхъ юный Боккаччьо могъ сопровождать отца, набираясь бытовыхъ впечатлѣній; его новеллы [2]) и Генеалогіи [3]) полны воспоминаній о бродячей жизни купца, вѣчно озабоченнаго, тревожнаго, потому что на дорогахъ разбойничаютъ, особливо на горномъ пути, который велъ изъ Тосканы къ границамъ Кампаніи, и по которому Боккаччьо заставляетъ возвращаться своего Филоколо [4]). Опасностей было много, но бывали и моменты поэзіи, пріятныя неожиданности, когда на ограбленнаго путника неожиданно спускалась любовная помощь св. Юліана. На морѣ его сторожили корсары изъ Монако, въ приморскихъ городахъ — своя же братья купцы, проводили ловкія гетеры; его обманывали, обирали, но онъ и самъ становился изворотливымъ и въ свою

---

1) * Въ концѣ 1327 г. старикъ Б. былъ въ Неаполѣ по дѣламъ, сл. Davidsohn, Forschungen z. Gesch. d. Stadt Florenz, B. III (1901 г.), стр. 181—2.— Сл. R. Davidsohn, Il padre di Giov. Boccaccio, Arch. Stor. ital., ser. V, v. 23, disp. 1 (документы, указывающіе на почетное положеніе, какое занималъ во Флоренціи отецъ Боккаччьо, и на его отношенія къ королю Роберту).

2) Дек., I, 2, 5, 9; II, 3, 4; VIII, 10.

3) VII, 36.

4) Filocolo, II, 276; сл. De Blasiis, l. c., стр. 514, прим. 1.

очередь проводилъ, заставляя говорить о себѣ: «у кого съ тосканцемъ дѣло, то такова ихъ злоба, что не слѣдуетъ плошать, а смотрѣть въ оба» [1]).

Такъ прошло шесть лѣтъ торговой выучки [2]) до 1331 года, когда отецъ Боккаччьо окончательно выѣхалъ изъ Неаполя. Убѣдившись, что изъ сына купца не сдѣлаешь, онъ рѣшился на уступку наукѣ, но наукѣ прибыльной, которая обезпечивала-бы карьеру. Таковой представлялось тогда каноническое право, открывавшее доступъ къ доходнымъ церковнымъ должностямъ. И вотъ Боккаччьо становится канонистомъ противъ воли: еще около шести лѣтъ онъ проводитъ въ непроизводительномъ изученіи права у какого-то знаменитаго профессора [3]). Кого онъ
18 ра|зумѣетъ, мы не знаемъ; извѣстный легистъ и поэтъ, другъ Данте, Чино изъ Пистойи, вызванный королемъ Робертомъ на каѳедру права въ 1330-мъ году, оставилъ ее въ томъ же году вслѣдствіе непріятностей, объясняющихъ его ожесточенную сирвентезу противъ Неаполя, а судя по тому, что въ пору затѣи Филоколо въ 1338 году Боккаччьо еще продолжалъ изучать каноническую мудрость, начало его шестилѣтнихъ занятій восходитъ къ 1332 году [4]). Къ нимъ онъ чувствовалъ такое же отвращеніе, какъ Петрарка; оттуда его ярыя выходки противъ легистовъ, не древнихъ, а современныхъ: тѣ были люди степенные, полные древней мудрости, эти — считаютъ излишними общіе философскіе вопросы, на которыхъ зиждется правосудіе и преуспѣяніе нравственности; имъ лишь бы нагрѣть руки (quibus unctae sunt manus), — и да здравствуетъ Италія (Italorum respublica), гдѣ въ судахъ царитъ распутство и стяжаніе, рѣшенія подсказываютъ ложь и обманъ! [5]). — И здѣсь знакомое намъ противоположеніе

1) Дек., VIII, 10.

2) Gen. Deor., XV, 10: sex annis.

3) Sub praeceptore clarissimo fere tantundem temporis.

4) *Въ 1332 году Чино преподавалъ въ Перуджіи. Сл. Sterzi, La dimora di messer Cino in Perugia, изъ Bollett. Storico pistojese (6 стр.) 1902 г. — Чино съ 1321 по 1326 — въ Сіенѣ.

5) De Cas., III, 10; сл. De Clar. Mul., c. 56; Gen. Deor., XIV, c. 4; сл. письмо къ Франческо да Броссано у Corazzini, стр. 383.

практической и поэтической дѣятельности, наживы и чистаго служенія наукѣ, не то принципіальное недовѣріе къ традиціонному праву, къ которому приведетъ впослѣдствіи развитіе критическаго самосознанія.

Въ Неаполѣ, по отъѣздѣ отца, Боккаччьо должно было житься свободнѣе, новая спеціальность вводила его, такъ или иначе, въ кругъ научныхъ интересовъ, которые онъ старался расширить въ любимомъ направленіи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нашелъ доступъ въ общество, болѣе блестящее и рельефное, чѣмъ флорентійское. Подъ голубымъ небомъ Неаполя древность возставала передъ нимъ осязательно: его первыя письма датированы «у гробницы Виргилія»; еще шагъ,—и эта древность оживетъ не только во внѣшнемъ классическомъ аппаратѣ его перваго романа, но и въ изящныхъ образахъ его юношеской лирики. Боккаччьо пріѣхалъ въ Неаполь 14-тилѣтнимъ подросткомъ и провелъ тамъ лучшіе годы юности, когда слагается человѣкъ, и | опредѣляется его нравственный и культурный обликъ. Намъ хо- 19
тѣлось бы знать, какія силы и задатки принесъ онъ съ собою. Современники (Филиппо Виллани) [1]) изображаютъ его уже зрѣлымъ, онъ и самъ подсказываетъ нѣкоторыя черты: онъ былъ высокаго роста, позднѣе рыхлый и дебелый [2]); круглолицый, съ носомъ, нѣсколько приплюснутымъ на линіи ноздрей, темными волосами [3]), полными, хорошо очерченными губами и ямкой на подбородкѣ, на которую пріятно было смотрѣть, когда онъ смѣялся; при этомъ веселый, острякъ и говорунъ, хотя онъ нѣсколько и шепелявилъ [4]). Физіономическій типъ указываетъ на влюбчивую, страстную натуру; мы уже отмѣтили складку его ха-

---

1) Сл. латинскій текстъ его жизнеописанія Боккаччьо въ изданіи Moutier (Opere volgari di G. B., v. XVI, стр. 26—30), итальянскій — въ Croniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani, Trieste, 1858, т. II, стр. 442 слѣд.

2) Сл. Petrarca, Sen., VI, 1; письмо Боккаччьо къ Петраркѣ отъ 1367 года у Corazzini, стр. 125; къ Пиццинги, l. c., стр. 190; письмо Салутати у Novati, Epistolario di Coluccio Salutati, Roma, 1891, v. I, l. III, № 25.

3) Corbaccio, стр. 243.

4) Эклога XIII.

рактера, отчасти опредѣленную обстоятельствами его ранней юности: способность къ крайнимъ настроеніямъ, подъемамъ и упадкамъ духа, приливы энергіи и безпечной лѣни. Онъ самъ обвиняетъ себя въ ignavia [1]), и его упрекаютъ въ излишней любви къ покою [2]); когда на него находилъ моментъ самоуничиженія, онъ не щадилъ себя: я нищъ и убогъ, говорилъ онъ тогда, грубъ и уродливъ, малодушенъ и сварливъ; я—косноязычный, грязный Діоней, т. е. любострастный, Діонея = Венера), даже косоглазый, что̀, по его собственному убѣжденію, признакъ злобнаго духа [3]). Эти самообличенія, встрѣчающіяся уже въ одномъ изъ раннихъ его писемъ отъ 1338—39 года (къ какому-то анониму, военному человѣку), эти противорѣчія настроенія рисуютъ передъ нами цѣлый психологическій типъ. Люди такого рода сензитивны: они могутъ быть мнительны, обидчивы и — задорны, робки и самона-
20 дѣянны, у нихъ | недостаетъ въ жизни тѣхъ примиряющихъ тѣней, которыя позволяли бы имъ устроиться практически; они — неудачники, и эти неудачи, вытекающія изъ характера, снова вливаются въ него, усиливая его тонъ. Такимъ представляется намъ впослѣдствіи Боккаччьо. Жизненнаго опыта и знанія онъ могъ привезть съ собою немного; то и другое далъ ему Неаполь.

II.

Культурная жизнь Неаполя и южной Италіи сложилась при особыхъ условіяхъ, нигдѣ не повторявшихся въ такомъ смѣшеніи; нигдѣ, какъ здѣсь, такъ ярко не сказалась живучесть латинскаго начала, осилившаго рядъ инородныхъ теченій, образовательныхъ и этническихъ, явившихся на смѣну одно другому. Эллинскія основы древней «Великой Греціи» издавна поглощены были Римомъ: именно на когда-то греческомъ югѣ Италіи сложились по-

---

1) De Cas., VII, c. 1; VIII, c. 1.

2) Письмо къ Заноби да Страда отъ 1353 года у Corazzini, стр. 33 слѣд.

3) Com. di Giov. Boccacci sopra la Commedia, ed. Milanesi, v. II, стр. 56.

этическія легенды о Виргиліи въ Неаполѣ, какъ объ Овидіи — въ Сульмонѣ, пережившія средніе вѣка и ставшія народнымъ достояніемъ. На этой уже глубоко романизованной почвѣ являются другъ за другомъ двѣ новыя народности: византійцы Юстиньяна (552) и лангобарды (568); первые — главнымъ образомъ въ городахъ по побережью, вторые — внутри страны, гдѣ долго сохраняютъ свое общинно-родовое устройство; но и они быстро проникаются чувствомъ новой осѣдлости, сознаніемъ итальянскаго туземства: своихъ враговъ, побережныхъ византійцевъ, они зовутъ греками, начинаютъ лелѣять идеалъ Рима, и архіепископъ Пандульфъ освящаетъ свою новую Капую изреченіемъ въ античномъ вкусѣ: какъ древняя Капуя была вторымъ городомъ міра послѣ Рима, такъ пусть новая — будетъ первымъ. Съ теченіемъ времени враждебныя отношенія двухъ пришлыхъ народностей сглаживаются: лангобарды входятъ въ кругъ греческаго вліянія, воспринимая и отдавая вмѣстѣ; лангобардское право вліяетъ на городское византійское, наоборотъ, лангобарды становятся носителями греческой науки. Герцогъ Арихисъ обстраиваетъ Бе|невентъ 21
по образу Царьграда, онъ и его сынъ славились своимъ знаніемъ древней философіи; при его дворѣ жилъ, какъ политическій дѣятель и исторіографъ, лангобардъ Павелъ Варнефридъ, извѣстный Павелъ дьяконъ, вызванный Карломъ Великимъ за свои познанія въ греческомъ языкѣ. Въ половинѣ IX-го вѣка до двухсотъ тридцати философовъ, т. е. свѣтскихъ учителей, насчитывалось въ Беневентѣ, гдѣ два столѣтія спустя папа Левъ IX, находясь въ плѣну у норманновъ, хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы научиться по гречески, тогда какъ лангобардъ Гаріопонтъ поддерживаетъ въ Салерно преданіе греческой медицины: его Passionarius — обработка Галена.

Важнѣе прослѣдить судьбы греческаго населенія южной Италіи и Сициліи[1]). Оно приращалось постепенно: въ первой по-

1) Къ вопросу объ эллинизаціи южной Италіи сл. Battifol, L'abbaye de Rossano, Paris, 1891, съ указанной тамъ литературой, и житія греко-итальянскихъ святыхъ; о переводческой дѣятельности сл. обзоръ Hartwig'a, Die Ueber-

ловинѣ VII вѣка — въ Сициліи — эмиграціей изъ византійскихъ областей, опустошенныхъ персами и арабами, въ VIII-мъ — монахами, спасавшимися отъ иконоборцевъ, въ IX—X вѣкахъ — бѣглецами изъ Сициліи въ Калабрію отъ арабскаго погрома. Такъ образовались въ южной Италіи густо населенные греческіе этническіе острова, и народность и общество, соединенныя однимъ языкомъ и вѣроисповѣданіемъ и культурной традиціей, выразителями которой были монастыри. Расцвѣтъ этой культуры обнимаетъ періодъ отъ второй половины IX до второй половины X вѣка; но онъ продолжается и позже, въ эпоху норманновъ, старавшихся, изъ политическихъ цѣлей, сохранить рознь подчиненныхъ имъ народностей. Основаніе важнѣйшихъ греческихъ обителей въ южной Италіи относится къ XII-му вѣку. Ихъ исторія — это исторія южно-итальянскаго эллинизма. У нихъ былъ свой героическій періодъ, періодъ анахоретовъ-пещерниковъ, предпочитавшихъ созерцаніе грамотности, и періодъ устроен-
22 ныхъ обще|житій съ школами писцовъ, библіотеками и литературной дѣятельностью. И религіозная и интеллектуальная жизнь питалась Византіей, подчиненіе греко-итальянскихъ Церквей константинопольской со времени Льва Исавра указывало пути въ Константинополь, въ школы Солуня, на Аѳонъ съ его калабрійскимъ и амальфійскимъ монастырями. Въ Грецію ходилъ Илья Новый и Илья Пещерникъ, оттуда является въ Италію юродивый Николай Перегринъ; греко-итальянскіе отшельники были учителями знаменитаго аббата Іоахима; его соціально-мистическое ученіе, волновавшее римскую церковь въ теченіе XIII—XIV сто-

---

setzungslitteratur Unteritaliens in der normannisch-staufischen Periode (Leipzig, 1886); нѣсколько хорошенькихъ этюдовъ у Gothein'a, Die Culturentwickelung Süditaliens (Breslau, 1886), особливо стр. 41 слѣд.: Der Erzengel Michael, der Volksheilige der Langobarden. — *Сл. Gay, Notes sur la conservation du rite grec dans la Calabre et dans la terre d'Otrante au XIV siècle, Byzant. Zs., IV, стр. 58 слѣд.; Diehl, L'art byzantin dans l'Italie méridionale, Paris, Libr. de l'art, 1894, особенно стр. 170 слѣд.; Diehl, Études sur l'administration Byzantine dans l'Exarchat de Ravenne (Paris, 1888), p. 241 слѣд.: L'Hellénisme dans l'Italie byzantine.

лѣтій, говорило о чистотѣ греческой, какъ болѣе способной къ обновленію. Самъ Іоахимъ нѣсколько разъ бывалъ въ Греціи, іоахимитъ Іоаннъ Пармскій подолгу живалъ тамъ, туда же удаляются, гонимые Бонифаціемъ VIII-мъ, нищіе отшельники папы Целестина, поэтомъ которыхъ былъ Джакопоне изъ Тоди.

Не эти лишь религіозныя отношенія объясняютъ нашъ интересъ къ южно-итальянскому византійству. Монастыри давали не однихъ подвижниковъ и святовидцевъ, они блюли и преданія науки. Григорій Агригентскій, Петръ Сикулъ, Іосифъ гимнографъ, риторъ Іоаннъ Доксопатръ принадлежатъ сицилійскому эллинизму, дѣятельность извѣстнаго проповѣдника Ѳеофана Керамевса (XII в.) связана съ Россано, главнымъ монастырскимъ центромъ Калабріи, поэтъ Нектарій († 1235) былъ настоятелемъ обители св. Николая de Cadulis (di Casole) въ Отрантской области; но уже объ аббатѣ Проклѣ (X-го вѣка) говорится, что его сердце было сокровищницей какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ знаній; списатель житія св. Филарета калабрійскаго пишетъ восторженныя похвалы Сициліи, поминая древнюю славу ея поэтовъ и философовъ; авторъ жизнеописанія св. Ильи младшаго заставляетъ святого указывать на примѣры воздержанія Эпаминонда и Сципіона и восклицаетъ по поводу одного изъ чудесъ: что въ сравненіи съ нимъ лидійская колесница, что аргивскій Пегазъ? — Внѣ монастырей литературная продуктивность сказывалась въ Маркѣ отрантскомъ, мелодѣ VIII-го вѣка, въ грамматикѣ Іоаннѣ изъ | Отранта и хартофилаксѣ Георгіи изъ 23
Галлиполи, воспѣвавшихъ дѣянія Фридриха II.

Международное положеніе южно-итальянскаго эллинизма, его связи съ Константинополемъ и Римомъ, опредѣлили то теченіе, по которому проникали въ Италію преданія византійскаго искусства, на Западъ—обрывки греческой литературы въ рукописяхъ и переводахъ. Въ Бамбергѣ хранится библіотека южно-итальянскаго грека Іоанна Филагата, бывшаго учителемъ Оттона III; въ XIII-мъ вѣкѣ за греческими книгами и знатоками греческаго языка посылали въ Италію, гдѣ «во многихъ областяхъ клиръ и

народъ — греки», пишетъ Рожеръ Бэконъ (Compendium studii philosophiae), какъ и старый французскій хроникеръ утверждаетъ для того же періода, что въ Калабріи и въ Апуліи крестьяне говорили только по-гречески[1]). Свѣдѣнія о другой библіотекѣ раскрываютъ намъ любопытный фактъ литературнаго общенія между Византіей и Западомъ. По смерти своей благочестивой супруги, римской сенаторши Ѳеодоры, герцогъ Неаполя, Іоаннъ, пожелалъ собрать свѣдѣнія о всѣхъ сочиненіяхъ, обрѣтавшихся въ подвластной ему области, привести ихъ въ порядокъ, исправить и списать наново. Прежде всего обращено было вниманіе на Ветхій и Новый Завѣтъ и сочиненія церковныя, затѣмъ на историковъ и хронографовъ, Іосифа Флавія — и Ливія, Діонисія Ареопагита и многихъ другихъ. Тогда-то герцогъ вспомнилъ объ архипресвитерѣ Львѣ, ѣздившемъ въ 40-хъ годахъ Х-го вѣка посломъ въ Константинополь, и побудилъ его перевести на латинскій языкъ найденную имъ тамъ особую редакцію Псевдокаллисѳенова романа объ Александрѣ Македонскомъ. Самъ переводчикъ разсказалъ намъ исторію этого труда въ предисловіи къ своей Historia de praeliis, ставшей главнымъ источникомъ западноевропейскихъ Александрій. Такимъ путемъ, черезъ южную
24 Италію, могли переходить на Западъ | многія произведенія византійской письменности и словесности, свѣтской и духовной: романъ о Семи Мудрецахъ, легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ; житія: Маріи Египетской, переведенное неаполитанскимъ дьякономъ Павломъ для Карла Лысаго; св. Алексѣя угодника и св. Николая, св. Катерины Александрійской и Ареѳы, св. Георгія и Христофора. Малоазіатская легенда о чудѣ архангела Михаила въ Хонахъ уже въ VII-мъ вѣкѣ пріурочена въ Апуліи къ Monte Gargano и отсюда распространяется далѣе: норманны переносятъ ее на сѣверъ Франціи, на Mont St.-Michel. Въ итальянской легендѣ Гарганъ, эпонимъ горы, является крестьяниномъ, играющимъ

1) P. Meyer, Les premières compilations françaises d'histoire ancienne, въ Romania, № 53, стр. 70, прим.

нѣсколько случайную роль; въ одномъ старо-французскомъ романѣ (Florimont), написанномъ въ 1188 году и знакомомъ съ греко-итальянскими отношеніями, Гарганей — чудовищный гигантъ, съ которымъ бьется у подошвы каменной горы герой разсказа, Флоримонъ. Греческая легенда объ архистратигѣ могла пріурочиться къ какимъ-нибудь мѣстнымъ воспоминаніямъ, освященнымъ латинскимъ классическимъ именемъ. Это такое же показаніе греко-латинскаго общенія, какъ неаполитанская легенда о Виргиліи, влившаяся въ формы легенды о магѣ Геліодорѣ, тогда какъ на Прочидѣ, въ день св. Михаила, женщины до сихъ поръ являются въ традиціонномъ костюмѣ, за которымъ удержалось названіе — греческаго. Наоборотъ: латинская Passio Bartholomaei переведена была на греческій языкъ въ южной Италіи еще въ XIII вѣкѣ [1]).

Въ XIV вѣкѣ жизненность южно-итальянскаго эллинизма, существованіе котораго можно прослѣдить до XVI—XVII вѣковъ, уже ослабѣла́; онъ вливается въ итальянское русло, но традиція и привлекательность культурнаго элемента за нимъ еще осталась. Петрарка пишетъ къ Гуго да Санъ-Северино (Sen., XI, 9), рекомендуя ему одного юношу, отправлявшагося по его совѣту въ Калабрію: онъ хотѣлъ было прямо поѣхать въ Константинополь, «но, узнавъ, что Греція, когда-то изобиловавшая великими талантами, нынѣ ими обѣднѣла, повѣрилъ моимъ словамъ. . . . ; услышавъ отъ меня, что въ Калабріи въ наши времена было нѣсколько людей, ученѣйшихъ въ греческой литературѣ, ... онъ рѣшился направиться | туда». Въ Калабріи, въ 25
монастырѣ св. Филарета, возлѣ Семинары, воспитался и Варлаамъ, своеобразный типъ греко-итальянскаго литерата, наставленіями котораго, если и не личными, пользовался Боккаччьо. Нѣсколько ново-греческихъ фразъ, встрѣчающихся въ Dittamondo его современника, Фаціо дельи Уберти, подслушаны имъ, быть

---

1) * Max Bonnet, La Passion de S. Barthélemy en quelle langue a-t-elle été écrite? Analecta Bollandiana, XIV (1895), стр. 353 слѣд.

можетъ, у какого-нибудь южнаго греко-итальянца; раннее знакомство самого Боккаччьо съ греческимъ языкомъ, обнаруживающееся уже въ первыхъ его трудахъ, могло быть практическое, отрывочное и неглубокое, путавшееся въ этимологіяхъ, указывающихъ, что онъ прислушался къ живому, ново-греческому говору: Lia = leia, Lipi = lype, Juppiter graece dicitur Zephs (Gen. Deor., I, 3). Если многаго онъ и не понималъ въ чтеніи и бесѣдѣ, то къ его услугамъ всегда нашлись бы греки, владѣвшіе итальянскимъ языкомъ и византійскимъ образованіемъ: graeculi въ услуженіи Катерины de Courtenay, явившіеся изъ Греціи съ Аччьяйоли; итальянцы на службѣ у Лузиньяновъ на Кипрѣ. Такъ могла быть ему разсказана новелла о Чимоне (Декамеронъ, V, 1), будто бы изъ «кипрійскихъ исторій»; въ Novellino (LI = Дек., I, 9) есть разсказъ о королѣ Кипра, вѣроятно, изъ такого же устнаго источника.

Матеріалъ гуманистическаго образованія, насколько онъ обусловленъ содержаніемъ греческой древности, былъ, такимъ образомъ, налицо, не въ однихъ только неизвѣданныхъ пока сокровищахъ библіотекъ, но въ живомъ употребленіи языка, въ литературныхъ и художественныхъ мотивахъ, обогащавшихъ фантазію и формы искусства, въ отголоскахъ греческой науки. Все, что принималось, уходило безъ остатка въ образованіе новой культурно-этнической особи, и все это объявится снова, съ инымъ значеніемъ, когда въ самосознаніи образованнаго итальянца окрѣпнутъ латинскія начала, и объективный интересъ къ эллинизму зародится въ перспективѣ собственнаго классическаго прошлаго.

26 III.

Наканунѣ норманскаго завоеванія, на почвѣ, гдѣ лангобарды и греки осѣлись среди латинской расы, уже сложилось, послѣ треній и борьбы, чувство народнаго самосознанія, общаго очага. Въ концѣ XI вѣка архіепископомъ Салерно былъ Альфанъ

(† 1085), изъ именитаго лангобардскаго рода: онъ перевелъ трактатъ Немесія «о природѣ человѣка», хотя и жалуется на одного монаха за то, что тотъ предпочитаетъ хитрыя ереси Аристотеля и Платона исполненію своихъ иноческихъ обязанностей. Онъ — хорошій латинскій поэтъ, знаетъ классиковъ — и проникнутъ сознаніемъ новой народности, въ которой лангобардское чувство растворилось безслѣдно: когда въ 1077 году Робертъ Гвискаръ взялъ, послѣ долгой осады, Салерно, онъ горячо протестуетъ — противъ новыхъ германскихъ варваровъ.

Норманны явились какъ-бы за тѣмъ, чтобы крѣпче сплотить это нарождавшееся самосознаніе, давъ ему центръ и единство династіи. Не народность, а военная дружина, собиратели земли и политики, они дали итальянскому югу болѣе прочную организацію и, отнявъ Сицилію у арабовъ, ввели его въ кругъ новыхъ образовательныхъ вѣяній. Изъ Франціи они принесли феодальный строй и эпическія пѣсни, слагали и новыя[1]); чуткіе, какъ всякая молодая раса, къ откровеніямъ культуры, они быстро проникаются интересами новой среды: при дворѣ въ Палермо жонглеры и труверы, въ родѣ Jondeus de Brie, чередовались съ учеными греками, стихотворцами, въ родѣ Евгенія, воспѣвавшаго въ политическихъ стихахъ красоты Палермо, представителями латинской науки и арабскими поэтами. Какъ при всякомъ скрещиваніи неравномѣрныхъ культуръ, эти смѣшенія вели къ внѣшней черезполосицѣ міросозерцанія и нравственныхъ понятій; такъ въ соборѣ въ Monreale причудливо соединяются колонны базилики съ византійской иконописью и восточнымъ орнаментомъ. Рожеръ II интересуется географическими работами Эдризи, охотно прислуши-

---

1) *По мнѣнію Zanker'a (Das Epos von Isembard und Gormund. Halle, Niemeyer, 1896) въ отрывкахъ поэмы о Гормонѣ и Изамбарѣ контаминированы двѣ пѣсни: одна — о битвѣ при Saucourt, другая, сложенная въ южной Италіи, вызванная мѣстными событіями, особенно походомъ императора Людвига II противъ сарацинъ въ 866—72 годахъ. Сл. стр. 137—8, 174 слѣд.

вается къ мусульманскимъ богословамъ и вѣритъ въ Виргилія-
27 мага; его зовутъ языч|никомъ; канцлеръ Вильгельма I Аристиппъ переводитъ Платоновскаго Менона и Федона, и отъ него ожидаютъ переводовъ твореній Григорія Назіанзина и Діогена Лаэрція; при дворѣ Вильгельма II господствуетъ французскій языкъ, но онъ самъ говоритъ и читаетъ по-арабски, и ему прислуживаютъ евнухи. Жизнь устраивается на арабскій образецъ: усвоивается ея болѣе утонченный обиходъ, фантастическія линіи арабской архитектуры, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе раціональные взгляды на источники народнаго богатства и задачи администраціи, — и арабская наука, сохранившая заглохшія преданія греческой. Рядомъ съ переводами съ греческаго языка, почин которыхъ древнѣе, появляются переводы съ арабскаго; источники знанія мѣняются: въ Салерно начинаютъ руководиться новой переводной литературой, — и Европа знакомится съ арабскимъ Аристотелемъ, водвореннымъ въ итальянскихъ университетахъ Фридрихомъ II. Можетъ быть, тѣмъ же путемъ и такимъ же посредствомъ проникали въ литературный оборотъ Запада восточные сказочные мотивы: въ 1263-мъ году Іоаннъ изъ Капуи, крещеный еврей, перевелъ съ еврейскаго арабскій сборникъ Калила-ва-Димна; сюжетъ изъ сказокъ 1001-й ночи встрѣчается у одного итальянскаго разсказчика XIV вѣка, Серкамби; отъ Митридана въ новеллѣ у Боккаччьо (Декамеронъ, X, 3) положительно вѣетъ Востокомъ, къ которому относятъ насъ и такія имена, какъ Алатіэль и Алибекъ.

Это накопленіе образовательныхъ элементовъ должно было сказаться, въ сферахъ доступныхъ ихъ вліянію, сильнымъ броженіемъ освободительной, критической мысли. Тѣмъ и другимъ пользуется Фридрихъ II: онъ организуетъ норманское наслѣдіе въ пользу имперской власти. Свободную переводческую дѣятельность прежней поры онъ замѣняетъ заказной: у него оффиціальные, придворные переводчики; окружнымъ посланіемъ 1232 года онъ также оффиціально вводитъ въ латинскихъ переводахъ арабскаго Аристотеля; онъ не грубый, полувѣрно-равнодушный язычникъ,

какъ Рожеръ II: глубокіе | вопросы философскаго и религіоз- 28
наго сомнѣнія запали ему въ душу, онъ переписывается о нихъ съ арабскимъ ученымъ Ибнъ-Сабиномъ, но въ борьбѣ съ папами его власть представляется ему чуть не эманаціей божества, онъ — пророкъ Илія, избавляющій Израиля отъ лжепророковъ Ваала, Іези, гдѣ онъ родился, — второй Виѳлеемъ; его идеалъ — идеалъ христіанскаго калифата, но его золотые августалы обличаютъ вкусъ антика, незнакомый сѣвернымъ художникамъ. При его дворѣ мы встрѣчаемъ сирійскихъ альмей, у него есть гаремъ въ Луцерѣ (speciosarum feminarum greges), — и вмѣстѣ съ тѣмъ вокругъ него собираются поэты, подражатели трубадуровъ, впервые запѣвшіе на итальянскомъ языкѣ. Это было литературное проявленіе итальянскаго самосознанія, Фридрихъ II участвуетъ въ его организаціи — и самъ слагаетъ пѣсни превыспренней любви. Центръ былъ найденъ: при его дворѣ, куда потянули поэты изъ другихъ мѣстностей Италіи, зародилась итальянская лирика.

Когда на смѣну Гогенштауфеновъ явилась въ Неаполѣ французская династія Анжу̀, общество настолько сплотилось, что выдержало напоръ новой культуры, ограничившейся придворными и феодальными кружками. Замолкла на время только-что поднявшаяся итальянская поэзія, для нея не было центра: при дворѣ должны были интересоваться французской и провансальской модой, искусствомъ и литературой; Perrin d'Angecort, одинъ изъ придворныхъ Карла I-го, слагаетъ пастурель о Robin et Marion, въ свитѣ Роберта II-го, графа д'Артуа, прибывшаго на помощь королю послѣ погрома «Сициліанскихъ вечеренъ», мы встрѣчаемъ аррасскаго трувера Adans de la Halle: въ Неаполѣ, вѣроятно, разыграна была въ 1283 году его прелестная Jeu de Robin et Marion; по смерти Карла I (1285) онъ пишетъ о немъ поэму, онъ и умеръ (до 1288 года) въ Неаполѣ, гдѣ показывали его гробницу. Вліяніе двора несомнѣнно обновило вкусъ къ матерьялу французскаго эпоса, который занесли норманны, и поддерживали захожіе народные пѣвцы, распѣвавшіе про «короле-

29 вичей Франціи»[1]); въ то время, какъ Гвидо делле Колонне | изъ Мессины педантически пересказывалъ (въ 1272—87 годахъ) латинской прозой, будто серьезную исторію, Roman de Troie Benoît de St. Maure, другіе сюжеты спускались на площадь; такъ прелестный романъ о Floire и Blanceflor, сохранившій намъ содержаніе какого-то утраченнаго византійскаго, сталъ итальянской народной поэмой, которую въ пору Боккаччьо сказывали въ неаполитанскихъ кружкахъ.

И эти французскія вліянія постепенно поглощены были итальянской средой. Въ XV вѣкѣ, при аррагонцахъ, анжуйская династія ощущается какъ своя, національная, къ ней питаютъ лойяльныя чувства, но уже къ концу царствованія Карла II французскій элементъ рѣдѣетъ въ придворныхъ кружкахъ, вмѣсто того показываются итальянскія имена, между ними много флорентійскихъ, не родовитыхъ. Политическія связи съ Флоренціей упрочивались финансовою зависимостью анжуйскаго двора отъ флорентійскихъ банкировъ, отъ такихъ торговыхъ домовъ, каковы Барди, Аччьяйоли, Перуцци, Фрескобальди, Буондельмонти, Скали и др. Не только южно-итальянская торговля переходитъ въ ихъ руки, но они являются и въ должностяхъ: они — королевскіе казначеи, плательщики, сборщики и откупщики податей, бьютъ монету, получаютъ угодья и рыцарское званіе, управляютъ провинціями, играютъ роль при дворѣ и вліяютъ на политику. За ними потянулась въ Неаполь цѣлая колонія флорентійцевъ: купцы, ремесленники, переписчики рукописей, профессора, художники, скоморохи. Все это приготовило литературное вліяніе Тосканы и объясняетъ въ юношескихъ произведе-

1) *Сл. Atti di Congresso internazionale di scienze storiche (Roma, 1—9 Aprile 1903 г.), vol. IV: Atti della sezione III: Storia delle letterature (Roma, tipogr. della R. Acc. dei Lincei, 1904): P. Meyer, De l'expansion de la langue française en Italie pendant le moyen âge: анжуйская династія не способствовала на итальянскомъ югѣ франц. литературному вліянію: извѣстенъ лишь франц. переводъ неизвѣстнымъ авторомъ писемъ Сенеки, посвященный м. 1308—10 г. Bartolomeo Signilfo di Napoli, conte di Caserta (Meyer имѣлъ въ виду лишь итальянцевъ, писавшихъ по-французски).

ніяхъ Боккаччьо пристрастіе къ французскимъ сюжетамъ и законченность итальянской рѣчи.

IV.

Послѣ Фридриха II и сына его Манфреда, на которыхъ какъ бы лежитъ печать новаго времени, первые Анжу̀ отзываются чѣмъ-то болѣе средневѣковымъ, архаичнымъ, отсталымъ по отношенію къ окружавшему ихъ обществу[1]). Карлъ I-й, мрач- 30
ный, чуждается веселья, жонглеровъ и менестрелей, погруженъ въ страхи и честолюбивые планы, обнимавшіе, вмѣстѣ съ отторженной Сициліей, и Константинополь и Тунисъ; онъ — умный администраторъ, не гнушавшійся крутыми средствами, лишь бы упрочить свой родъ. Карлъ II, по крайней мѣрѣ въ первую половину своей жизни, — святоша и строитель церквей. Литературное преданіе предыдущаго періода держится и при нихъ: тѣ же переводчики съ арабскаго и греческаго, въ родѣ Павла Неофида и Никколо изъ Реджьо, справщики, миніатюристы; переводятся, главнымъ образомъ, медицинскіе труды. Оба короля — великіе строители: въ ихъ рукахъ поднимается, обстраиваясь съ каждымъ поколѣніемъ, дворецъ Кастельнуово, гдѣ пребываетъ дворъ, а вокругъ него выростаетъ, рядомъ съ старымъ Неаполемъ, съ его грязью и стѣнами, монастырями и переулками, новый просторный городъ дворцовъ, съ широкими садами и улицами и новымъ портомъ; аристократическій кварталъ, средоточіе политической и элегантной жизни, въ которомъ пришлось вращаться Боккаччьо.

Когда онъ пріѣхалъ въ Неаполь, тамъ царствовалъ (съ 1309 г.) король Робертъ; онъ стоитъ уже въ сферѣ Боккаччьо, и съ нимъ стòитъ ближе познакомиться.

1) Сл. для слѣдующаго отдѣла: Giuseppe De Blasiis, Le case dei principi Angioini nella piazza di Castelnuovo (Napoli, 1887); Palumbo, Dell' influenza di re Roberto di Angiò nella letteratura italiana (Napoli, 1887); Siragusa, L'ingegno, il sapere e gl' intendimenti di Roberto d'Angiò (Torino — Palermo, 1891); мою статью: Король-Книгочій въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1891, № 10 [См. т. III наст. изд., стр. 404. *Прим. ред.*].

Робертъ извѣстенъ намъ въ двоякой оцѣнкѣ современниковъ и ближайшаго къ нему поколѣнія. Панегиристы прозывали его мудрецомъ, источникомъ правосудія, покровителемъ наукъ, божественнымъ; «Тобою, Господи, славный король Робертъ покоряетъ великія царства, расточаетъ свирѣпыхъ япуловъ»,—говоритъ о немъ неизвѣстный авторъ одной латинской поэмы (Liber de Theleutologio); напоенный Тобою, онъ обращаетъ Твои полно|-
31 водныя струи и подвластные Тебѣ народы.... и вкушаетъ отъ чаши риторики» [1]). Другіе оттѣняли въ немъ черту скупости, трусости, даже жестокости, смѣялись надъ его учеными вожделѣніями и страстью назидать, которую подчеркнулъ Данте [2]). Петрарка [3]) и Боккаччьо стоятъ на сторонѣ панегиристовъ; что бы ни говорили о Робертѣ, онъ былъ образованнѣйшій, нравственнѣйшій король, любитель книгъ, умѣвшій покровительствовать достойнымъ людямъ, повторяетъ за ними Бенвенуто изъ Имолы, обращая въ похвалу ироническій отзывъ Данте [4]). Петрарка нашелъ даже возможнымъ признать въ Робертѣ «мужество Ромула» [5]), храбрость на войнѣ [6]); но это —дѣло риторики; писатели, настроенные болѣе страстно и партійно, взводили на него вину пораженія гвельфской партіи при Монтекатини: Робертъ перенесетъ этотъ уронъ и переваритъ стыдъ, поетъ одна анонимная баллада [7]), а вы, гвельфы, сдѣлайте, какъ онъ: покайтесь и простите [8]); ему не править Апуліей, Абруццами и Калабріей, пусть позабудетъ о Провансѣ и Востокѣ, а сидитъ себѣ въ Неаполѣ или Аверсѣ или Капуѣ и сказываетъ свои проповѣди и часы [9]). —

---

1) Bandini, Catal. Bibl. laur., I, p. XIII, c. XVI, p. 180.

2) Parad., VIII, 145 слѣд.

3) Ad. post.; Fam., I, 1; IV, 2, 7; V, 1; XII, 7; XXIII, 17; Sen., X, 5; Africa, 19—20; Epist. poet., l. I, 1 (къ Барбату), 4 (Dionysio de Burgo Sepulcro S.), 13 (Roberto regi siculo): II, 1, 6—11, 16; Ecl. II, X; Rer. mem., I, ı, 8; I, ıı, 26; III, ııı, 65.

4) Benv. da Imola, ed. Lacaita, IV, 493.

5) Fam., III, 7.

6) Egregius bello, въ эпитафіи Роберту.

7) Rime di Cino da Pistoia e d'altri, ed. Carducci, стр. 606.

8) Folgore da San Geminiano, ed. Navone, XXXII.

9) Pietro Faytinelli, ed. Del Prete, стр. 75.

Боккачьо намекаетъ именемъ Мидаса[1]) на его скаредность, о
которой говорятъ и Данте[2]), и Джьованни Виллани[3]), и Файти-
нелли[4]), и упомянутая выше баллада; въ общемъ онъ сохранилъ
о немъ лучшія воспоминанія[5]), опредѣлившія отчасти | его поли- 32
тическія симпатіи: онъ останется навсегда враждебнымъ идеалу
римской имперіи германскаго народа, который лелѣялъ Данте,
къ которому порой склонялся и Петрарка, и царствованіе Роберта
будетъ для него типомъ золотого вѣка.

Если выдѣлить въ противоположныхъ отзывахъ о королѣ Робертѣ долю страстной оцѣнки партіи, какую приносили съ собою гибеллински-настроенный Данте и гвельфъ Виллани, то причину репутаціи выяснить легко. Ловкій, но мелочный политикъ, Робертъ сумѣлъ воспользоваться гвельфской идеей и поддержкой папъ и, орудуя средствами договора, навязаннаго протектората и казоваго намѣстничества, сталъ самымъ сильнымъ по вліянію гвельфскимъ властителемъ Италіи. Казалось, еще одинъ шагъ—и осуществится идея итальянскаго королевства, которое прогонитъ послѣднія тѣни гибеллинства, покончивъ съ неурядицей городовъ и тиранній. Уже Петрарка называлъ Роберта королемъ Италіи[6]); «пошли къ намъ сына твоего Роберта, вѣнчаннаго на италійское царство», взывалъ къ папѣ Никколò деи Росси изъ Тревизó въ одномъ изъ своихъ политическихъ сонетовъ, а авторъ (Convenevole da Prato?) латинской поэмы въ похвалу Роберту (O fulgor regum, rex docte, Roberteque legum) звалъ его царить надъ латинами и міромъ. На это у Роберта не хватило ни широты взгляда, ни мужества, но идея объединенной Италіи носилась въ воздухѣ, озаряя того, отъ кого ждали ея осуществленія.

1) Ameto, стр. 142, и VIII-я эклога.
2) Parad., VIII, 82—3.
3) XII, 9.
4) l. c., стр. 87.
5) Сл. Gen. Deor., XIV, 9 и passim.
6) Sen., X, 2; сл. Fam., III, 7.

Робертъ былъ неблестящихъ дарованій, въ юности ему съ
трудомъ дались правила грамматики[1]), но онъ взялъ выдержкой
и сталъ впослѣдствіи великимъ книгочіемъ средневѣкового, бла-
годушно-педантскаго пошиба. Молодость, до восемнадцати лѣтъ,
онъ провелъ во Франціи и Каталоніи, въ качествѣ заложника, и
его школа была, по необходимости, средневѣковая, не итальян-
ская; педантическая складка, кажется, ему прирождена. Онъ лю-
билъ науку, смутно понималъ ея новыя требованія — и выгоды
33 меце|натства, но на то и другое тратился въ мѣру: скопидомъ,
отъ котораго ожидали расточительности; при всемъ томъ онъ
сумѣлъ стяжать и поддержать славу философа, богослова, даже
медика, физика и астролога, что̀ совершенно въ духѣ средневѣ-
ковой энциклопедіи. Днемъ или ночью, гулялъ онъ или сидѣлъ,
книги всегда были при немъ; онъ ихъ дѣятельно собираетъ, по-
купаетъ у Петра изъ Мантуи хроники Роберта Гвискара, пла-
титъ за экземпляръ «Corpus Juris» до 3500 итальянскихъ лиръ,
держитъ переписчиковъ и переводчиковъ съ еврейскаго и араб-
скаго. Его библіотека, составленная главнымъ образомъ послѣ
1330 года, наполнена сочиненіями богословскаго, аскетическаго,
юридическаго и медицинскаго содержанія; изъ классиковъ —
Сенека, Ливій «о македонской войнѣ» и, можетъ быть, нѣсколько
другихъ. Сборники лирическихъ пьесъ трубадуровъ отвѣчали
вкусамъ двора, который могъ любоваться во дворцѣ изображе-
ніями девяти легендарныхъ паладиновъ средневѣкового романа,
вдохновившими какого-то безыменнаго стихотворца къ соотвѣт-
ствующему количеству сонетовъ; самъ король интересовался дру-
гими вопросами и въ ихъ сферѣ кичился своей наукой: любилъ
пофилософствовать, вдуматься, священнодѣйствуя силлогизмомъ
и различая, цитуя библію и св. отцовъ рядомъ съ Аристотелемъ
и Сенекой; въ этомъ смыслѣ одинъ изъ его приближенныхъ,
Никколо̀ д'Алифе, могъ говорить, уже послѣ его смерти, о кро-
хахъ, подобранныхъ имъ отъ стола королевской учености. Пе-

---

1) Gen. Deor., l. XIV, c. 9.

трарка изобразилъ его въ одномъ изъ своихъ стихотворныхъ посланій[1])—еще по слухамъ, но типъ едва ли не схваченъ вѣрно: король пріѣхалъ изъ Авиньона въ Воклюзъ, его свита гуляетъ, ищетъ развлеченій; онъ одинъ серьезенъ, потупилъ глаза; кто знаетъ, онъ, можетъ быть, ставитъ себѣ вопросы: какая сила созвѣздій вызвала стремительность рѣки; проникаетъ умственнымъ взоромъ въ пропасть, куда исчезаютъ ея воды; раздумался о тайномъ водительствѣ судьбы, о сицильянскихъ дѣлахъ?

| Его научные интересы и связи были разнообразные. Извѣст- 34
ный Эгидій Колонна посвятилъ ему свой трудъ «in secundum sententiarum» Петра Ломбарда, не только потому, что его приводила въ изумленіе способность короля отъ чувственнаго и видимаго восходить къ пониманію невидимаго и божественнаго, но и съ цѣлью, чтобы Робертъ просмотрѣлъ и исправилъ его произведеніе, а читатель снисходительнѣе отнесся къ его опущеніямъ и восхвалилъ Бога — и монарха за раскрытыя въ немъ истины. Толкованіе минорита Mairon на книги Діонисія Ареопагита предпринято по желанію Роберта, «свѣтлѣйшую душу котораго такъ осіяла высота истинной мудрости, что, по справедливости, онъ можетъ быть названъ не только славнымъ правителемъ, но и настоящимъ философомъ». Ему, тогда еще принцу калабрійскому, посвященъ полу-алхимическій, полу-философскій трактатъ De essentiis essentiarum, извѣстный Арнольдъ de Villanova обращается къ нему съ своимъ посланіемъ объ алхиміи[2]), Дино дель Гарбо—съ толкованіемъ на каноны Авиценны, Matthaeus Salvaticus Montanus изъ Салерно составляетъ для него свой Liber pandectarum medicinae, дабы онъ исправилъ его, ибо своими ме-

1) Epist. poet., I, 4.

2) *Сл. Hauréau, Hist. littéraire de la France, XXVIII, стр. 115—7. Арнольдъ de Villanova умеръ до 15 Марта 1312 года; подъ его именемъ ходитъ трактатъ о землемѣрномъ искусствѣ, будто бы написанный имъ, совмѣстно съ королемъ, въ Неаполѣ, въ четвертый годъ его воцаренія (съ 1 Августа 1312 года). Но знаменитаго Арнольда въ то время уже не было въ живыхъ; трактатъ могъ быть ему приписанъ, но это не исключаетъ сотрудничества короля съ кѣмъ-нибудь другимъ, можетъ быть, также носившимъ имя Арнольда.

дицинскими познаніями онъ превосходитъ всѣхъ властителей міра. Астрологія также входила въ кругъ его занятій, и его близость съ Діонисіемъ da Borgo San Sepolcro объясняется отчасти общностью ихъ интересовъ.

Робертъ наивно входилъ въ роль всезнающаго философа, которую уготовили ему панегиристы: терпѣливо слушаетъ, когда авторы читаютъ ему свои произведенія, поощряетъ ихъ, говоря, что учась и поучая, человѣкъ становится мудрѣе, мѣшается въ богословскіе споры, подвергаетъ испытанію Петрарку, рекомендуетъ медицинскому факультету въ Салерно одного профессора, ибо самъ онъ убѣдился въ его теоретическихъ и практическихъ познаніяхъ. Челядь и приживателей у Аччьяйоли угощали мясомъ опоросившейся свиньи и старыми голубями, пережареными или полусырыми, ибо, по ученію короля Роберта, это лучше для питанія, — подсмѣивается Боккаччьо.

35 | Въ 1338 году, въ одно прекрасное утро, Петрарка, тогда еще не бывшій наверху своей славы и лично незнакомый съ королемъ, получилъ отъ него въ Воклюзѣ коротенькое посланіе; при немъ была эпитафія, сочиненная Робертомъ для своей племянницы Клемансы, бывшей замужемъ за французскимъ королемъ Людовикомъ X. Петрарка былъ польщенъ. «Необычайный свѣтъ ослѣпилъ мои глаза, отвѣчаетъ онъ королю; блаженно перо, начертавшее эти строки. Не знаю, чему удивляться: изумительной ли точности и возвышенности мысли, либо божественному изяществу стиха. Я никогда не повѣрилъ бы, знаменитый властитель, чтобъ столь великое содержаніе можно было выразить въ столь немногихъ, полныхъ достоинства и простоты, словахъ. Въ доказательство того, что ты по своему желанію вращаешь ключи къ человѣческому сердцу — къ чему стремятся самые знаменитые ораторы, ты такъ возбуждаешь чувство читателя, что, не будучи въ состояніи противиться тебѣ, покорный твоему слову, онъ влекомъ, куда ты ни пожелаешь». Самого Петрарку чтеніе эпитафіи увлекало то къ печальнымъ, то къ радостнымъ мыслямъ, отъ идеи смерти къ безсмертію, и все это

исходило изъ одного источника; никогда еще сила краснорѣчія не представилась ему столь великою. Петрарка пользуется случаемъ поговорить объ идеѣ безсмертія у древнихъ, но затѣмъ останавливаетъ себя: «Какой же я неразумный? Кому я все это говорю? Не только величайшему изъ нашихъ властителей, но царю надъ философами». Твоя Клеманса не умерла, она живетъ блаженной жизнью на небѣ, тобою—на землѣ; ея вѣчность двоякая: «одна — отъ царя небеснаго, другая — отъ земного, одна — отъ Бога, другая—отъ Роберта». Ея имя будетъ жить вѣчно, потому что будетъ вѣчна̀ и эпитафія; многіе пожелали бы умереть раньше срока, лишь бы удостоиться такой похвалы, и, вздыхая, повторяютъ слова Александра Македонскаго объ Ахиллѣ: счастливъ ты, обрѣтшій столь славнаго глашатая, написавшаго о тебѣ столь великое»[1]).

| Этотъ выспренній отзывъ, внушенный не столько лестью, 36
сколько неумѣреннымъ энтузіазмомъ слова, отличающимъ плеяду первыхъ гуманистовъ, можетъ служить показателемъ всѣхъ остальныхъ о Робертѣ «философѣ». Самъ Робертъ признавался впослѣдствіи, что, до встрѣчи съ Петраркой, не понималъ поэзіи, въ Виргиліи его интересовала репутація мага; онъ поощрялъ Петрарку разыскать вторую декаду Ливія[2]), просилъ посвятить ему «Африку», но стиль его собственныхъ проповѣдей и богословскаго трактата — схоластическій, лишенный всякой граціи. Его классическія чтенія не выходили изъ общей средневѣковой нормы: классики читались не для нихъ самихъ и не въ цѣломъ, что̀ и дало впослѣдствіи возможность освоиться съ ихъ міросозерцаніемъ и въ немъ найти матеріалъ для критики фактовъ въ частности, а для постороннихъ цѣлей и вразбродъ. Искали цитатъ, красивыхъ фразъ, вѣскихъ изреченій, прикрытыхъ какимъ-нибудь громкимъ именемъ классическаго, или и не классическаго пошиба; эта грань не чувствовалась вовсе, окутанная туманомъ баснословія; прилежно читали Валерія Максима: Ро-

1) Fam., IV, 3.
2) De Rem., I, 2.

бертъ ссылается на него въ своемъ трактатѣ объ апостольской нищетѣ [1]), Діонисій da Borgo San Sepolcro пишетъ къ нему обстоятельныя поясненія.

Ученый типъ Діонисія, приближеннаго королемъ Робертомъ, даетъ понятіе и объ образовательномъ цензѣ послѣдняго. Монахъ Августинскаго ордена, профессоръ богословія и философіи парижскаго университета, Діонисій занимается астрологіей — и комментируетъ классиковъ (кромѣ Валерія Максима — Метаморфозы Овидія, Виргилія и Сенеку), Политику Аристотеля — и посланія ап. Павла [2]), и его дружба съ Петраркой, эпитеты: «блестящаго питомца музъ», «высокопарнаго глашатая Аполлона», |
37 «цвѣта поэтовъ» [3]), не говоритъ еще за его симпатіи къ новымъ теченіямъ гуманистической мысли. Петрарка, сблизившійся съ нимъ, вѣроятно, въ Парижѣ, въ 1333 году, искалъ у него утѣшенія и совѣта въ борьбѣ съ своей страстью, просилъ молитвъ [4]); Боккаччьо говоритъ о немъ, какъ объ отцѣ и учителѣ [5]), но на этотъ титулъ онъ не скупится [6]), да и учительство Діонисія могло быть лишь кратковременнымъ: вызванный ко двору Роберта въ 1339 году, онъ въ томъ же году поставленъ былъ епископомъ монопольскимъ.

Его отчетъ объ источникахъ своего комментарія къ Валерію интересенъ своей черезполосицей; таковы могли быть и чтенія Роберта. Это цѣлая библіотека: классики — въ разбивку съ отцами церкви, Ливій бокъ-о-бокъ съ бл. Августиномъ, Ювеналъ — съ безвѣстнымъ Евстаѳіемъ, исторіи объ Александрѣ и какія-то аѳинскія и испанскія хроники [7]).

---

1) De paupertate gentilium et philosophorum.... Valerius, lib. 9, cap. 3; de hac paupertate antiquorum plura habentur folia in Valerio Maximo l. 4, c. 9. Сл. Siragusa, l. c., Appendice, стр. XVI, XVII.

2) Tiraboschi, Storia d. letterat. italiana (Modena), V, стр. 107 слѣд.

3) Epist. poet., I, 13.

4) Fam., IV, 1; сл. Sen., XV (XIV), 7.

5) Corazzini, стр. 18.

6) Сл. l. c., стр. 349 (письмо къ Пьетро ди Монтефорте).

7) Цитую по ркп. библіотеки св. Марка въ Венеціи, Zan. lat. DXXVI (1396 г.), справляясь съ cod. CLXXVII вѣнской библ. у Endlicher, Catal. Cod.

| Характеръ комментарія—историческій, вещественный и эти- 38
мологическій; ludi circenses названы, напримѣръ, потому, quia in

---

philologicorum lat. Bibl. Palat. Vindobonensis, 1836, стр. 85 (ркп. XV в.): Hoc autem (т. е. комментаріи) facere nullatenus potuissem nisi gesta Romanorum et (ac) alienigenarum per antiquos autores diversis in locis narrata sedulo perlegissem (consuluissem), qui quod ipse Valerius breviter, diffuse narrant ac prolixe, quos ideo hic annotare curavi, ut operi certior fides detur. Nec labor videtur inanis tantorum testimonio comprobatus. Sunt autem praedicti autores quos me necessarie oportuit intueri: Titus Livius principaliter et egregii doctores Augustinus, Gregorius, Ambrosius et Ieronimus, quorum dicta, maxime Augustini libro de Civitate Dei et Ieronimi in Cronicis et Epistolis fuerunt plerumque necessaria, quamquam etiam (et) de Biblia et (a) magistro historiarum ac etiam de Decreto et de Iohanne Crisostomo aliqua prae (pro) maiori declaratione propositi sunt accepta. Praeterea hic inserta asserta (accepta) sunt de Ugone libro de sacramentis, de Ysidoro libro Ethimologiarum, de Papia, de Ugutione, de Prisciano, de Iosepho libro historiarum antiquarum, de Orosio, de Lactantio, de Macrobio de Somnio Scipionis, de Policrato, de Suetonio, de Boetio, de Sedulio, de Cassiodoro libro Variarum, de Seneca, de Tullio, de Platone, de Aristotile, de Averroy, de Avicenna libro naturalium, de Varrone, de Iure civili, de Vegetio, de Solino, de Plinio, de Frontino, de Vita Philosophorum, de Rhetorica Gualfredi (Grilli), de Compoto (Conputo), de Fabio historiographo (hystorico), de Salustio, de Paulo Longobardorum historiographo, de Iustino et Lutio (Julio) Floro. Fuit autem necessarium poetas inspicere, sicut (scilicet) Virgilium, Lucanum, Horatium, Persium, Ovidium, Juvenalem, Eustachium (Eustrachium) Venusinum, qui sub nomine poëtae introducitur et Plautus Italiae nominatur, Julium Celsum et ejus poetriam (Julium Cesarem et ejus poetam), Statium et Alexandri historiam tam metrice quom prosaice scriptam. Insuper oportuit cronicas intueri, videlicet cronicam Elinandi, cronicam Atheniensium, Hispanorum et Gallorum ac etiam annalia Romanorum, quorum autor non habetur, (et) cronicam Petri Viterbensis que Pantheon appelatur et (ac) plures alios rerum gestarum et particularium narratores.

Нѣсколько замѣчаній къ тексту: вмѣсто Юлія Цельса вѣнскій текстъ ставитъ Юлія Цесаря; извѣстно, что еще Петрарка и Боккаччьо приписывали первому комментаріи второго: но что такое poetria или poeta? — Подъ стихотворными и прозаическими повѣстями объ Александрѣ можно имѣть въ виду поэму Qualichinus изъ Сполето и Юлія Валерія, либо Historia de Praeliis. Интереснѣе ссылка на Евстаѳія Венузинскаго: разумѣется, вѣроятно, неизвѣстный (nescio quem) Боккаччьо, Евстаѳій, котораго онъ цитуетъ со словъ Паоло изъ Перуджіи (Gen. Deor., VII, 41). Діонисій (l. c., л. 23 recto c. 1) приводитъ его похвалу Таренту (по поводу Val. Max. l. II, c. II, § 3: Relatis Q. Fabii laudibus... Tarentina civitas), de qua poeta dicit:

Delitiis vulgata suis fit nota per orbem,
Bino cincta mari, fertilitatis humus,
Emulus hic Rome situs imbellisque notatus,
Fertilis urbeque mari divitiosa suo.

circum eundo enses positi erant, unde ex una parte erant enses, ex alia parte aqua, in medio via, immo circenses quasi circa enses[1]); либо объясняется Emphyares: sic dictus ab epy, quod est super, et premens, eo quod suo pondere gravare videtur dormentem et suffocare. Istud autem in aliquo ydiomate vocatur Sal-
39 vanellus | (Salvanel сѣверо-итальянскихъ повѣрій), unde multi dicunt quod Pan, i. e. diabolus, hominem dormientem premens accipit[2]).

Въ кружкахъ, среди которыхъ образовались Петрарка и Боккаччьо, любопытно пристрастіе къ такому именно компендію анекдотовъ и летучихъ словъ, какъ сборникъ Валерія Максима. Это характеризируетъ уровень спроса на познаніе классической древности. Но популярность сборника продолжалась и позже. Бенвенуто изъ Имолы вернулся къ толкованію Валерія съ ссылками на трудъ Діонисія и критикой его; Боккаччьо черпаетъ у Валерія свѣдѣнія для біографій философовъ и великихъ женщинъ; въ концѣ XIV вѣка кто-то еще читаетъ комментарій Діонисія, но полуобрѣзанная глосса на поляхъ показываетъ, что ему уже извѣстны труды Боккаччьо: знай, что по баснословнымъ разсказамъ поэтовъ у Юпитера было нѣсколько женъ, говорилось въ древнемъ комментаріи; читатель отмѣтилъ сбоку: была у него одна жена Юнона, остальныя наложницы — teste Iohanne Boc-

---

Vitibus hec variis multis frondescit olivis,
Diversis pomis, ficubus atque piris,
Pratis et silvis uberrima fert numerosa
Hec armenta, greges et genus omne fere.
Inde Ceres, bombix, sal, quicquid fertile cultu
Terra parit cunctis delitiosa cibis.
Quis numerare queat pisces maris, ostrea, tunnos,
Auratas cephalos piscis et omne genus?

Евстаѳій былъ (родомъ?) изъ Венозы въ Апуліи; изъ Венозы же и Riccardus judex Venusinus, авторъ «De Paulino et Polla libellus», посвященнаго Фридриху II-му.

1) l. c., л. 5 обор., столб. 2.

2) l. c., л. 14 обор., столб. 1.

(ca)cio [1]). Интересъ къ памятнику держится и въ ту пору, когда вкусъ къ компендіямъ и цитатамъ уже уступилъ мѣсто болѣе серьезному интересу къ древности и связному чтенію классиковъ, и Петрарка счелъ нужнымъ протестовать противъ общаго увлеченія [2]).

Робертъ стоитъ еще въ порѣ компендій и цитатъ. Его литературныя наклонности обнаружились рано: по одному документу отъ 27 Іюля 1310 г. писцу Стефану было заплачено за переписку «Moralia» короля Роберта. Что такое были эти Moralia — мы не знаемъ; Роберту приписывали одно время стихотворный трактатъ о нравственныхъ добродѣтеляхъ (Trattato delle virtù morali), но его авторомъ оказался Граціоло деи Бамбальоли (род. ок. 1291 † ок. 1343) [3]), нотаріусъ и канцлеръ болонской коммуны, одинъ изъ древнѣйшихъ комментаторовъ дантовскаго | Ада (1324). Отношенія Бамбальоли къ кружку Роберта исчер- 40
пываются, вѣроятно, тѣмъ обстоятельствомъ, что трактатъ о нравственныхъ добродѣтеляхъ посвященъ одному изъ вліятельныхъ лицъ анжуйскаго двора, Бертрану del Balzo; латинскій комментарій, которымъ Бамбальоли сопроводилъ свои стихотворенія, говоритъ о какомъ-то еще третьемъ лицѣ, авторѣ, и что самый комментарій написанъ по приказанію [4]). Разумѣется, это не даетъ намъ права разумѣть въ томъ «авторѣ» Роберта; впрочемъ, и его неизвѣстныя намъ Moralia, можетъ быть, такъ же мало принадлежатъ ему, какъ и приписанныя ему Dicta et opiniones philosophorum, ходящія съ именемъ еще другого итальянскаго переводчика, Іоанна съ Прочиды [5]). Оригиналъ этихъ Dicta, краткихъ жизнеописаній, перемѣшанныхъ съ апофтегмами, — арабскій. Рядъ именъ: Гомеръ и Солонъ въ сосѣдствѣ съ св. Гри-

1) l. c., л. 6 обор., столб. 1.

2) Fam., IV, 15.

3) Сл. Frati, Giorn. Storico d. letter. italiana, fasc. 50—51, стр. 301 слѣд.

4) Non simpliciter sed violenta electione quod amodo ex auctoris arbitrio processerunt. Сл. Siragusa, l. c., стр. 37, прим. 1 и 2.

5) Knust, Mittheilungen aus dem Escurial (Bibliothek des litt. Vereins in Stuttgart, № CXLI), стр. 568, 654—5; ркп. Marc., Zan. lat. VI, CXLIV, N.

горіемъ, Александромъ Великимъ, Седекіей, Гермесомъ (Hermes Tac), очевидно, Трисмегистомъ; далѣе: Zalon, Balion, Leginon, Avesius, Macdargis, Thesilus и др. Сообщаются баснословныя біографическія свѣдѣнія, этимологія имени, затѣмъ изреченія, иногда портреты; Гомеръ, напр., былъ хорошаго роста, красивый собою, блѣдный, съ большой головой и узкими плечами; видъ у него былъ серьезный, на лицѣ знаки оспы, и былъ онъ многорѣчивъ [1]).

Но главнымъ показателемъ вкусовъ Роберта являются его sermones: какъ бы рядъ концептовъ, набросанныхъ начерно, съ подборомъ, въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ, изреченій и выдержекъ, взятыхъ отовсюду и укладывающихся, какъ пестрый матеріалъ, въ одно и то же діалектическое зданіе, полное дѣленій и подраздѣленій, ссылокъ и умозаключеній. Sermones были спеціальной слабостью короля: это были проповѣди, назиданія, |
41 нѣчто въ родѣ учительныхъ словъ и оффиціозныхъ политическихъ манифестовъ. Произносились онѣ по разнымъ поводамъ, но всегда съ священнымъ текстомъ, какъ точкой отправленія. Такъ, въ 1323 году король произнесъ проповѣдь по случаю канонизаціи Өомы Аквинскаго [2]), въ другой разъ говорилъ экспромптомъ о св. Андреѣ; либо это рѣчь по поводу возведенія кого-нибудь въ достоинство доктора, или обращеніе къ синдикамъ о необходимости субсидій для веденія войны, либо увѣщательное посланіе къ флорентинцамъ, когда въ 1333 году ихъ постигло наводненіе. Текстомъ для рѣчи по случаю заключенія мира между нимъ и

---

1) Erat bonae magnitudinis, pulcre formae, remissi coloris, magni capitis et strictus inter humeros, habens gravem aspectum et in facie signa variolarum; et erat multorum verborum. — *Сл. Marchesi, L'Etica Nicomachea nella tradizione latina medievale, Messina, Trimarchi, 1904, и отч. Gentile въ Rass. bibliografica, 1905, № 1—2, стр. 14: Marchesi «dà notizia piuttosto ampia del centone *Dicta sapientium* messo insieme di Roberto d'Angiò, e conservato nel ms. lat. VI, 144 della Marciana, tradotto in francese nei Dicts moraulx des philosophes (Sundby, B. Latini, Fir., 1884, 47 слѣд.) e sfruttato nel Fiore dei filosofi, attribuito a Brun. Latini.— In questa raccolta sono molte sentenze di Aristotile, estratte della Nicomachea, dall' Epistola ad Alessandro e dal De coelo et mundo».

2) Riv. di filologia romanza, I, 245.

генуэзцами взяты слова св. писанія: Слава въ вышнихъ Богу, на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Ходъ проповѣди изображается графически, діалектически разобрано, по рубрикамъ, понятіе мира съ ссылками на Саллюстія и какую-то propositio de causis — и внушеніемъ, что міръ невозможенъ безъ королевскаго ока (sine regali providentia), что въ государствѣ подобаетъ властвовать одному, ибо, по слову Евангелія, всякое царство, раздѣлившееся въ самомъ себѣ, запустѣетъ (Лук., XI, 17), и одинъ лишь царь всего сущаго — «по послѣднему слову философа въ книгѣ о метафизикѣ». Если въ этомъ словѣ начитанность Роберта служитъ политикѣ, въ другихъ случаяхъ — риторическимъ цѣлямъ: толкуя, напр., 2-е посланіе ап. Павла къ Тимоѳею, IV, 11, король даетъ видимо серьезное значеніе созвучіямъ Lucas и lux, различая три рода свѣта: вещественный, какъ бы погруженный въ веществѣ, которымъ свѣтятся нѣкоторые черви, рыбья чешуя и гнилое дерево; это — низшій свѣтъ, видимый лишь ночью; второй — стихійный (пламя свѣчи и т. д.), третій — небесный, заимствованный (какъ, напримѣръ, у луны), либо исконный (солнце). Эта троичность переносится затѣмъ на тройственный свѣтъ: этики, политики и теорики; первый сіяетъ въ достойныхъ людяхъ, второй — въ лицахъ духовныхъ, третій — въ ученыхъ. Все это по поводу созвучія Lucas и lux, но предпочтеніе ученыхъ интересно: знакъ времени — и самосознанія.

| Учительное пристрастіе короля дѣйствовало заразительно, 42
его придворные пустились въ тотъ же литературный родъ, и съ именемъ Бартоломея изъ Капуи, великаго протонотарія неаполитанскаго королевства, сохранилось 27 такихъ же назидательныхъ рѣчей. Извѣстно, какъ язвительно посмѣялся Данте надъ этой королевской слабостью, назвавъ Роберта «королемъ отъ назиданій»; самая форма назиданій была тогда популярна: рѣчь Занноби да Страда, которую Боккаччьо не только читалъ, но и внесъ въ свою записную тетрадь, такое же схоластическое упражненіе на текстъ изъ Притчъ Соломона: («Послушайте меня, и блаженны тѣ, которые хранятъ пути мои», VIII, 32), въ которомъ ссылки

на священное писаніе чередуются съ цитатами изъ классиковъ и Петрарки; Виргиліевское: o fortunatos . . . . agricolas (Georg., II, v. 458—9) объясняется въ связи съ евангельской притчей о сѣятелѣ, какъ «мудрые», и предвосхищена одна изъ невѣроятныхъ греческихъ этимологій Боккаччьо (эклога IV): doris = amaritudo. Еще одинъ шагъ, и учительное содержаніе измѣнится, sermones короля Роберта уступятъ мѣсто риторическимъ рѣчамъ на общія темы, въ родѣ многихъ посланій Петрарки, юношескихъ писемъ Боккаччьо, стилистически развивающихъ извѣстное душевное настроеніе, и популярныхъ въ XV вѣкѣ политическихъ dicerie.

Такова была ученость короля Роберта; она обличала честное служеніе «небесному свѣту», сіяла на престолѣ, когда во Франціи короли были безграмотны [1]); онъ утверждалъ, что не поколебался бы въ выборѣ между наукой (litteras) и царской властью [2]); онъ привлекалъ, и не одно желаніе польстить Роберту побудило Петрарку подвергнуться у него предварительному испытанію, прежде чѣмъ принять вѣнецъ на Капитоліи. Робертъ внялъ предложенію благодушно и серьезно, въ такомъ же горделивомъ сознаніи своего права, съ какимъ предложилъ медицинскому факультету въ Неаполѣ испытаннаго имъ врача. Въ теченіе трехъ дней король и поэтъ красовались другъ передъ другомъ своей |
43 ученостью, встрѣтились два самомнѣнія, средневѣковая энциклопедія состязалась съ наукой возрожденія; побѣдилъ Петрарка своей восторженной рѣчью объ искусствѣ и поэтахъ.

Боккаччьо разсказалъ намъ объ этомъ диспутѣ со словъ Роберта: доблестный король, знаменитый философъ, изрядный знатокъ медицины и выдающійся богословъ своего времени, до шестидесяти шести лѣтъ пренебрегалъ Виргиліемъ, почитая его баснословомъ безъ всякаго содержанія, если не считать внѣшнія поэтическія прикрасы; когда же Петрарка раскрылъ ему тайное

---

1) De Casibus, посвятительное письмо.

2) Petrarca, Rer. Mem., I, п, c. 26.

значеніе поэмъ, онъ пожурилъ себя, утверждая, какъ то самъ я слышалъ отъ него собственными ушами, что никогда и не подозрѣвалъ, какой возвышенный смыслъ скрывается подъ забавной оболочкой поэтическихъ вымысловъ. Онъ искренно корилъ и себя и судьбу, что такъ поздно познать искусство поэзіи, и ни старость, ни сознаніе, что ему жить недолго, не помѣшали ему, отложивъ занятія болѣе видными науками (splendentium facultatum), отдаться чтенію Виргилія, дабы вполнѣ уразумѣть его смыслъ. Лишь скорая смерть прервала занятія, которыя, безъ сомнѣнія, были бы во славу поэтовъ и на пользу итальянцевъ, предающихся этому занятію [1]). Зато въ эпитафіи Роберту Петрарка заставилъ плакать надъ нимъ семь осиротѣлыхъ свободныхъ искусствъ и даже девять — музъ.

Диспутъ Петрарки происходилъ въ мартѣ 1341 года. Боккаччьо уже успѣлъ уѣхать изъ Неаполя. Незамѣтно для короля-философа, вблизи придворныхъ сферъ, успѣлъ сложиться другой поэтъ Возрожденія, и его руководителями были люди изъ ученаго кружка того же Роберта.

Боккаччьо зналъ его уже богословомъ и королемъ «отъ назиданій», но позади лежали другіе годы, когда во дворцѣ Кастельнуово знали и празднества, и веселье, и любовь. Подобно отцу и дѣду, Робертъ продолжалъ строиться въ Кастельнуово: предприняты были передѣлки въ залѣ для пировъ, расписаны |
капеллы, украшены дворцовые сады; въ томъ, что̀ прилегалъ къ 44
морю, посажены были фазаны и другія птицы, вырыты гроты для ланей и кроликовъ, устроены фонтаны, бесѣдки, и насажены тѣнистыя деревья. Боккаччьо описалъ этотъ садъ въ своемъ первомъ романѣ (Filocolo): онъ находился невдалекѣ за городскими стѣнами, къ той сторонѣ, гдѣ покоится прахъ величайшаго изъ поэтовъ, Марона, и авторъ представляетъ себѣ подъ его сѣнью веселое общество, среди котораго царитъ «дочь великаго прави-

1) Gen. Deor., XIV, 22, біографія Петрарки, написанная Боккаччьо; сл. Petrarca, Rer. Mem., l. c.

теля, подъ чьимъ скипетромъ мирно пребываютъ эти области»: предметъ его страсти, Марія-Фьямметта.

Это имя переноситъ насъ къ первымъ годамъ Роберта. Незадолго до своего вѣнчанія на царство, или вскорѣ послѣ того (13 ноября 1310 года), онъ устроилъ въ Кастельнуово великое празднество для своихъ приближенныхъ, и для большей торжественности самъ явился въ царственномъ одѣяніи. «Когда, разсказываетъ Боккаччьо, серебряные сосуды предлагали обильныя яства, золотые чеканные — дорогія вина, королевскіе покои полны были родовитыхъ юношей-прислужниковъ, а разнообразные мелодическіе звуки заставляли содрогаться сіяющій покой», король, прохаживаясь и бросая влюбленные взгляды на ту и другую даму, увлекся одной изъ нихъ, француженкой, женой графа изъ дома Аквино, занимавшаго немалую должность при дворѣ. Потомъ онъ часто видѣлъ ее и все болѣе увлекался; однажды, когда она явилась къ нему, чтобы испросить у него какой-то милости, онъ «завлекъ ее въ свои сѣти», и она стала матерью Маріи [1]).

Это любовное похожденіе Роберта было не единственнымъ; со второй своей женой, Санціей, дочерью короля Майорки, святошей и неплодной, онъ настолько не ладилъ, что въ 1317 году она обращалась къ папѣ Іоанну XXII съ просьбой развести ее съ мужемъ, а ей дозволить постричься. Папа удерживалъ ее отъ этого «дьявольскаго искушенія», увѣщевая ее быть терпѣливой и любовной, дабы ея мужъ еще болѣе не разнуздался, и у нихъ |
45 пошли бы дѣти. Увѣщаніе не помогло; не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ перваго, какъ папа поставленъ былъ въ необходимость обратиться къ самому королю: не только общая молва, но и очевидность говоритъ о тебѣ, любезнѣйшій сынъ, что хотя изъ всѣхъ католическихъ властителей міра ты наиболѣе богатъ знаніемъ и отлично одаренъ природнымъ умомъ, одно ты исключаешь изъ своихъ царственныхъ соображеній, ибо неопытныхъ

---

1) Ameto, стр. 142 слѣд.; Filocolo, I, стр. 4 слѣд.

юношей, низкихъ духомъ и родомъ, не умѣющихъ, по недостатку
знанія и прилежанія, управлять собою, ты приблизилъ къ себѣ,
неразумно вступивъ на путь Ровоама.

Но пути Ровоама ожидали Роберта въ другомъ мѣстѣ; онъ
не совратился на нихъ — благодаря своей діалектикѣ.

У анжуйскаго дома были старинныя связи съ братіей св.
Франциска; ударившись въ религіозность, Санція учредила оби-
тель этого ордена рядомъ съ храмомъ св. Клары, основаннымъ
ею и ея мужемъ. Броженіе, начавшееся въ средѣ ордена тотчасъ
по смерти его основателя, продолжалось, и вопросъ о болѣе или
менѣе широкомъ соблюденіи монашескаго устава грозилъ разра-
стись въ обще-церковный. Образовались партіи; положеніе, вы-
ставленное крайними изъ францисканцевъ, что ни у Христа, ни
у апостоловъ не было собственности, касалось не только иноче-
скаго обѣта нищеты, но и имущественныхъ и свѣтскихъ отно-
шеній Церкви. Онъ шелъ въ руку сторонникамъ Людовика Ба-
варскаго, въ Церкви онъ вызвалъ смуту. Булла папы Іоанна XXII
отъ 23 января 1318 года объявила еретическимъ мнѣніе, будто
существуютъ двѣ Церкви, одна — плотская, удрученная богат-
ствами, погрязшая въ утѣхахъ, запятнанная грѣхами, т. е. Цер-
ковь папы, другая — духовная, препоясанная бѣдностью. Пока
инквизиція работала, сомнѣнія объ еретическомъ характерѣ новаго
ученія «братцевъ» (fraticelli) поднимались въ средѣ вѣрующихъ,
и доминиканцы спорили о томъ съ францисканцами. Въ 1322 году,
на съѣздѣ въ Перуджіи, провинціалы францисканскаго ордена
подъ предсѣдательствомъ своего генерала, фра Микеле изъ Че-
зены, положили, что ученіе о томъ, что у Христа и апостоловъ
не было | никакой собственности, ни общаго владѣнія, ничуть не 46
противорѣчитъ здравымъ началамъ католической Церкви. Борьба
обострилась, и фра Микеле перешелъ на сторону императора,
обвинивъ въ ереси самого папу.

Какъ глава гвельфовъ и преданный сынъ Церкви, Робертъ
долженъ былъ бы отнестись отрицательно къ доктринѣ, осуж-
денной римской куріей и благопріятной Людовику Баварскому.

Тѣмъ неожиданнѣе то, что совершается теперь при дворѣ: Робертъ является защитникомъ Фра Микеле, противъ котораго возбуждено было преслѣдованіе, извиняетъ, что тотъ не явился по вызову папы, ибо заболѣлъ, и самъ король посылалъ къ нему въ Тоди своего врача. Когда въ Неаполѣ поднялся процессъ противъ францисканской ереси, оказалось, что Андрей Гальяно, капелланъ короля, не только зараженъ ею, но и писалъ въ духѣ, несогласномъ съ воззрѣніями папы; что самъ король подпалъ вліянію Петра Каденета, по поводу котораго писалъ прежде папѣ, прося его удалить отъ королевы этого монаха, сѣющаго плевелы ереси. Побѣжденная, Санція отомстила: король, какъ и она, покровительствуетъ подъ рукой гонимымъ «братцамъ», братъ королевы, Филиппъ, склоняется къ ихъ толку; и Робертъ, и Санція задерживаютъ папскія посланія къ инквизиторамъ; защищая Андрея Гальяно, король, въ письмѣ къ папѣ, не отрицаетъ открыто, что онъ писалъ въ защиту ереси, а говоритъ только, что онъ не изрекъ ничего, противнаго католической вѣрѣ, уваженію къ Церкви и доброй нравственности.

Все это могло быть въ Робертѣ дѣломъ убѣжденія, вліянія клерикальнаго кружка, но приводило его, гвельфа и паписта, въ противорѣчіе съ самимъ собою. Дѣло рѣшилъ король-богословъ, какъ и въ преніи съ Петраркой торжествовало самомнѣніе короля-философа. Робертъ пишетъ трактатъ «о евангельской нищетѣ апостоловъ и ихъ нарочитыхъ послѣдователей» (de apostolorum ac eos precipue imitantium evangelica paupertate), который повергаетъ на усмотрѣніе и исправленіе святѣйшаго папскаго престола. Онъ обѣщаетъ быть краткимъ, не вполнѣ исчерпать
47 истину, | разбираетъ вопросъ о нестяжаніи и вольной нищетѣ у древнихъ, цитуя Валерія Максима, Сенеку, Іоанна Златоуста, contra Iovinianum, Сократа (Socrates ille Tebarius?) и легендарнаго философа Секунда, и, переходя на христіанскую почву, обѣщаетъ пользоваться священнымъ писаніемъ и твореніями святыхъ отцовъ болѣе, чѣмъ филологическими аргументами (filologisticis illationibus?). Вопросъ объ апостольской бѣдности ве-

детъ къ другому: объ общности владѣнія у древнихъ, объ общинѣ женъ у нѣкоторыхъ народовъ, наконецъ, объ общинной собственности духовныхъ братствъ. Бѣдность опредѣляется, какъ всецѣлое отсутствіе земныхъ благъ, согласно съ словами Спасителя: если хочешь быть совершенъ, поди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ (Матѳ., XIX, 21); этому должны послѣдовать всѣ, произнесшіе обѣтъ нищеты. Съ другой стороны, мы знаемъ изъ исторіи древней христіанской Церкви, что вѣрующіе продавали свое имущество и полученное повергали къ ногамъ апостоловъ, для раздачи всѣмъ. Если нѣчто раздавалось, то было, стало быть, нѣчто въ общей собственности? Какъ помирить ее съ ея евангельскимъ отрицаніемъ? Различеніемъ владѣнія, собственности,— отъ пользованія ею; это должно оправдать имущество духовенства (за исключеніемъ произнесшихъ обѣтъ нищеты) и Церкви: Церковь не владѣетъ, а управляетъ собственностью и даромъ Константина во имя всѣхъ вѣрующихъ и на пользу имъ, какъ и у Христа и апостоловъ не было имущества, а лишь его узуфруктъ.

Такъ рѣшался теоретически вопросъ, оставшійся на практикѣ попрежнему открытымъ для всякаго, кто пожелалъ бы опредѣлить границы владѣнія и узуфрукта. Рѣшеніе вовсе неоригинальное, какъ полагаетъ профессоръ Сирагуза, оригиналенъ развѣ ученый скарбъ, которымъ обставленъ вопросъ о собственности и пользованіи. Къ этому казуистическому различенію не разъ прибѣгали въ теченіе францисканскаго спора: его можно встрѣтить у Данте (De Monarchia, III, 10); Оливи пытался даже ограничить широкую идею пользованія требованіемъ одного
лишь | необходимаго: pauper usus—это тотъ, при которомъ чело- 48
вѣкъ кажется скорѣе бѣднымъ, чѣмъ богатымъ, и ближе къ нищетѣ, чѣмъ къ благосостоянію. Едва ли такое рѣшеніе кого-нибудь удовлетворило; Робертъ былъ, очевидно, доволенъ своимъ: онъ повергаетъ на судъ новое свое писаніе, напередъ готовый повиноваться, но если бы кто-нибудь, кромѣ папы, вздумалъ взвести хулу на его ученіе, да будетъ онъ сочтенъ невѣрующимъ, ненавистникомъ, не католикомъ, а еретикомъ.

Самъ Робертъ стоялъ выше подозрѣній въ ереси; человѣкъ благочестивый, онъ съ годами становился религіонистомъ. По смерти сына, единственнаго наслѣдника, унесеннаго въ 1328 году малярiей, его характеръ замѣтно мѣняется: пораженный нежданной утратой, онъ какъ-то сосредоточился, уходя въ науку и благочестіе; монахи и святые мужи и жены чаще навѣдываются въ Кастельнуово; подъ вліяніемъ этого набожнаго настроенія, или, какъ говорятъ, во искупленіе грѣховъ сына, Робертъ велѣлъ заново украсить обѣ дворцовыя капеллы, для чего вызванъ былъ изъ Флоренціи Джьотто. Нещедрый по природѣ, онъ начинаетъ теперь копить и скряжничать, его казна въ одной изъ башень Кастельнуово стала легендарной [1]). Боккачьо разсказываетъ о флорентійскомъ скульпторѣ Буонаккорсо, также вызванномъ королемъ, что, когда, тотчасъ по пріѣздѣ, его потребовали къ нему, какъ онъ былъ, въ дорожныхъ сапогахъ и при шпорахъ, тотъ спросилъ его о стоимости нѣкоторыхъ работъ, относящихся до его искусства. Буонаккорсо отвѣчалъ скромно, но не безъ негодованія, и лишь только вышелъ изъ дворца, сѣлъ на коня и поѣхалъ обратно домой, ибо полагалъ, что его потребовали не къ королю, а къ торгашу [2]).

Лишь въ 1333 году, когда праздновалась помолвка малолѣтней внучки короля, Джьованны, съ малолѣтнимъ же троюроднымъ ея братомъ Андреемъ венгерскимъ, Кастельнуово снова увидѣлъ пиры и веселье. Робертъ былъ доволенъ: бракъ, заклю|-
49 ченный имъ по политическимъ расчетамъ и разыгравшійся такъ трагически, казалось, обезпечивалъ престолъ за его родомъ. Вернулись старыя привычки: король попрежнему забавляется въ своемъ саду стрѣльбой изъ лука, обсуждая и рѣшая въ промежуткахъ государственныя дѣла [3]); тѣшится скоморохами и моряками, скачущими на апулійскій ладъ. Но, старѣясь, онъ впадаетъ

---

1) Баллада на пораженіе при Montecatini; Amor. Visione, c. 14.

2) Письмо къ Нелли у Corazzini, стр. 147.

3) Petrarca, Rer. Mem., I, 1, 8.

въ ригоризмъ: его указъ 1335 года, повторяющій запреты многихъ предыдущихъ [1]), направленъ противъ нѣкоторыхъ новшествъ въ костюмахъ и нравахъ, указъ 1339—1340 гг. — противъ тѣхъ, кто похищаетъ и насильно обнимаетъ дѣвушекъ. Первый заслуживаетъ особаго вниманія: въ Неаполѣ, особенно среди молодежи, завелись новые нравы, разныя привычки, кривлявыя тѣлодвиженія, разсчитанныя на то, чтобы обратить вниманіе. Вытянувъ голову, съ нечесанными волосами и отпущенной бородой, скрывавшей бо̀льшую часть лица, болѣе страшные, чѣмъ привлекательные на видъ, эти люди укоротили до ягодицъ платье, бывало, доходившее до колѣнъ; ходятъ въ обтяжку, показывая, что̀ показывать было бы стыдно: худые — свои поджарые мускулы, толстяки — одутлый животъ. Они разучились и верхомъ ѣздить, и носить оружіе: сидятъ на лошади бокомъ, правятъ обѣими руками, отправляясь на войну, не защищаютъ отъ ударовъ ни грудь, ни плечи. Какъ въ этомъ они уподобляются женщинамъ, такъ длинной бородой — арабскимъ анахоретамъ и философамъ; какіе гости заводятся въ грязныхъ волосахъ — про то знаютъ ихъ товарищи и господа, за которыми они ходятъ. Старики не лучше молодыхъ: имъ бы слѣдовало подавать примѣръ, а они первые увлекаются недостойными новшествами. — И Робертъ цитовалъ священное писаніе и приводилъ изъ второй книги Маккавеевъ изреченіе противъ тѣхъ, кто отечественной славѣ предпочиталъ похвальбу славою греческой.

Это заключеніе не совсѣмъ неожиданно: новшества, какъ внѣшность, могли быть навѣяны французской модой, но они вы|-
ражали естественный ростъ общества, въ сложеніи котораго 50
участвовали гораздо болѣе зрѣлые элементы, чѣмъ французскій.

1) *О законахъ, направленныхъ противъ роскошныхъ костюмовъ флорентійскихъ женщинъ сл. Biagi, Vita italiana del Rinascimento, I, 106—7; сл. также Letterio Di Francia, Franco Sacchetti novelliere. Pisa, Nistri (1902), p. 138. — Сл. Rassegna bibliografica, V, № 2, стр. 57—8. — Сл. Papa, Alcune rubriche della «Prammatica sopra il vestire» promulgata dalla repubblica Fiorentina nel 1384 (въ Сборникѣ, изданномъ по поводу бракосочетанія Vittorio Cian, стр. 131). — Сл. Romania, XCIII, стр. 148.

Робертъ, когда-то противникъ классической поэзіи, видимо сдавшійся Петраркѣ, угадалъ одинъ изъ источниковъ явленія, пугавшаго его ригоризмъ: греческая, античная слава противополагается родной, какъ на турнирѣ, описанномъ Боккаччьо, Памфило сравниваетъ побѣдителей съ героями Гомера и Виргилія, а неаполитанскіе аристократы скупали въ Римѣ произведенія древней скульптуры и архитектуры для украшеній своихъ дворцовъ.

Указъ короля, всюду прибитый и грозившій наказаніемъ ослушникамъ, не произвелъ никакого впечатлѣнія. Пока Робертъ и Санція старѣлись въ благочестіи, жизнь шла своимъ чередомъ: вблизи двора молодая знать веселилась, собираясь для фривольныхъ, но и вдумчивыхъ бесѣдъ, которыя Боккаччьо изобразилъ въ своей Діанниной Охотѣ и эпизодахъ Филоколо; вокругъ Кастельнуово, на сосѣдней площади delle Corregge, у новаго порта кишѣло народомъ: моряки и рабочіе, банкиры изъ Флоренціи и Лукки, купцы, привозившіе гентскія сукна, бѣлыя татарскія шали, шитыя золотомъ, золотыя и серебряныя издѣлія; шарлатаны и мелкіе торговцы, греки на службѣ у Екатерины де Куртнэ, болгарскіе наемники эпирской деспины Анны, — все это галдѣло, спорило, веселилось; уличный гамъ такъ тревожилъ Санцію, погруженную въ благочестивыя размышленія, что пришлось прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. Женщины вольнаго поведенія жили тутъ же: улица Мальпертуджіо, мѣсто дѣйствія одной новеллы Декамерона (II, 5), находилась у порта, недалеко отъ Каталонской улицы, названной такъ потому, что тамъ селились каталонскіе купцы. Боккаччьо подслушалъ разсказъ на мѣстѣ (въ основѣ его лежитъ слѣдственное дѣло) [1]), новелла подсказывалась ему на улицѣ, въ садахъ Кастельнуово, въ кружкахъ, возбужденныхъ вопросомъ объ апостольской нищетѣ, который жизнь не спѣшила разрѣшить къ соблазну не однихъ только вѣ-
51 рующихъ. Когда-то | въ подземной церкви Ассизи Джьотто († 1336 г.) идеализовалъ нищету: красивая, исхудалая, въ

1) Архивное сообщеніе проф. De Blasiis.

лохмотьяхъ и босая, она идетъ по терніямъ, собака лаетъ на нее сзади, мальчишка бросаетъ въ нее камнями, другой палкой подвигаетъ колючки къ ея ногамъ, а она протягиваетъ руку св. Франциску, и Христосъ благословляетъ ихъ бракъ. И у Боккаччьо [1]) можно встрѣтить такую же, но гуманистическую идеализацію нищеты: она гонитъ отъ человѣка соблазны и любовь, дѣлаетъ его твердымъ и невозмутимымъ въ мірскихъ дѣлахъ, поощряетъ къ похвальнымъ занятіямъ. Это были золотые сны гуманиста, которыми онъ старался успокоить обманутыя надежды на обезпеченность [2]). Но дѣйствительность назойливо била въ глаза, прогоняя грезы. У Биндо Боники († 1338 г.) порицаніе любостяжанія соединено съ протестомъ противъ добровольной нищеты: она мѣшаетъ помогать другимъ, дѣлать добро; благо — въ золотой срединѣ [3]); это тѣ же идеи, что у Франческо да Барберино [4]). Въ единственномъ дошедшемъ до насъ стихотвореніи Джьотто бѣдность далеко не польщена. Многіе прославляютъ добровольную нищету и защищаютъ ее авторитетами, говоритъ поэтъ, но я не съ ними, ибо всякая крайность вредна. Обѣтъ нищеты, произнесенный противъ воли, открываетъ путь порокамъ; не хвалю я соблюденіе ея и по избранію, ибо постыдно называть добродѣтелью то, что отрицаетъ всякое совершенствованіе (великое дѣло нищета, но выше нея — самосохраненіе, сказано въ буллѣ Іоанна XXII отъ апрѣля 1317 года). Ты скажешь, что Спаситель ее одобрилъ, но Его слова заключаютъ въ себѣ тайный, иногда двойственный, смыслъ; открой глаза, и ты увидишь, что они соотвѣтствуютъ Его святой жизни, научая насъ помогать другимъ, какъ и самъ Онъ, владѣя немногимъ, помогъ намъ спастись — отъ любостяжанія. Тѣ же, которые хвалятъ нищету, живутъ не спокойно, а, какъ | жадные волки, хватаются за добычу 52
подъ покровомъ овечьей шкуры; отъ ханжества растлѣвается

1) De Casibus, I, 15; сл. III, 1, 17, 18; VIII, 17; Gen. Deor., XIV, 4.
2) Amor. Vis., c. XIV, въ концѣ.
3) Canz. I; сл. VIII и XV.
4) Documenti d'Amore, P. II, Doc. V, Reg. LXVII.

міръ. — И Боккаччьо вторилъ тому въ своей характеристикѣ монаховъ, которые «не стыдятся являться тучными, съ цвѣтущимъ лицомъ, изнѣженные въ платьяхъ и во всемъ остальномъ; выступаютъ не какъ голуби, а гордо, какъ пѣтухи, поднявъ гребень и выпятивъ грудь; не станемъ говорить о томъ, что ихъ кельи полны баночекъ съ разными мазями и притираніями, коробокъ съ разными мастями, стклянокъ и пузырьковъ съ пахучими водами и маслами, кувшиновъ, переполненныхъ мальвазіей, греческимъ и другими дорогими винами, такъ что, глядя, кажется, это не монашескія кельи, а москательныя и парфюмерныя лавки. Хуже того: имъ не въ стыдъ, если другіе знаютъ, что у нихъ подагра, и они воображаютъ, будто другіе не вѣдаютъ и не понимаютъ, что великіе посты, простая и въ небольшомъ количествѣ употребленная пища и умѣренная жизнь дѣлаютъ людей худыми и тощими и большею частью здоровыми, а если и заставляютъ ихъ заболѣвать, то, по крайней мѣрѣ, они болѣютъ не подагрой, противъ которой совѣтуютъ обыкновенно, какъ средство, цѣломудріе и все другое, пристойное жизни скромнаго монаха. И они воображаютъ еще, будто другіе не знаютъ, что кромѣ воздержной жизни, долгія бдѣнія и молитвы и бичеванія, по необходимости, дѣлаютъ людей блѣдными и жалкими, и что ни св. Доминикъ, ни св. Францискъ не имѣли по четыре рясы на человѣка и одѣвались не въ цвѣтныя и другія тонкія сукна, а въ рясы изъ грубой шерсти и естественнаго цвѣта, чтобы укрываться отъ холода, а не красоваться. Обо всемъ этомъ да промыслитъ Господь, согласно съ духовными нуждами тѣхъ простецовъ, которые ихъ кормятъ» (Дек. VII, 3).

Король-книгочій уже промыслилъ объ этомъ — своей теоріей узуфрукта.

Интересный типъ, который я назвалъ бы переходнымъ, если бы любой историческій фактъ не подходилъ подъ это опредѣленіе. Робертъ и Карлъ IV подаютъ другъ другу руки. Оба серьезно
53 преданы вопросамъ знанія, но ихъ цензъ — средневѣковой, | образовательное настроеніе — діалектически-богословское: Карлъ IV

такъ же любитъ поспорить съ учеными людьми, такъ же пишетъ свои Moralitates и оставилъ проповѣдь на евангельскій стихъ: Подобно царство небесное сокровищу (Матѳ., XIII, 44), въ стилѣ Робертовыхъ sermones, — а Петрарка толкуетъ имъ о поэзіи, о славѣ римскаго имени. Оба — политики-скопидомы, вотчинники, а ихъ стараются увлечь идеаломъ единой Италіи и римской имперіи. Немудрено, что Петрарка могъ вчитывать въ нихъ свои убѣжденія и мечты, удивительно, что такіе трезвые, разсудительные люди увлекаются имъ въ свою очередь, зовутъ его къ себѣ, что имъ любы его восторженныя рѣчи, его культъ славы и политическія грезы. Имъ чуялось въ нихъ нѣчто новое, поднимающее при всей своей неопредѣленности, обаятельное своей несбыточностью. Это — поэзія гуманизма задѣла ихъ своимъ крыломъ.

V.

Центрами элегантной жизни вблизи королевскаго двора были
двѣ француженки, невѣстки короля. Агнеса Перигорская, вышедшая
въ 1321 году замужъ за Джьованни ди Дураццо, уже
вдовца, воспиталась при дворѣ матери, извѣстной Брунисcенды
де Фуа, въ преданіяхъ свѣтскости и блеска. По смерти мужа
(въ 1335 году), она осталась, съ тремя дѣтьми, главою дома
Дураццо, еще молодая, полная жизни и жажды удовольствій.
Боккаччьо могъ видѣть ее, мальчикомъ, во Флоренціи, куда она
пріѣзжала вмѣстѣ съ Карломъ Калабрійскимъ; въ своемъ Любовномъ
Видѣніи онъ описываетъ ее красавицей; въ одномъ эпизодѣ
его перваго романа, Филоколо, гдѣ аллегорія и анаграмматическое
извращеніе имени (Асенга) позволяли ему быть откровеннѣе,
она — одна изъ четырехъ нимфъ, которыя, опьяненныя жаромъ
и виномъ, кичатся своею красотою и любовными похожденіями и
кощунствуютъ надъ богами, а боги наказываютъ ихъ превращеніемъ
— въ стилѣ Овидіевыхъ метаморфозъ. | Асенга издѣ- 54
вается особенно надъ Луною, дозволяющею звать себя красивой,
несмотря на то, что ея образъ мѣняется тысячу разъ въ мѣ-

сяцъ, и лишь одинъ изъ нихъ прекрасенъ, да и то ночью, когда и безобразныхъ легко счесть за красавицъ. Моя же красота не мѣняется отъ времени, хвастается Асенга, у меня нѣтъ затменій, мнѣ ни во что ни навѣянныя югомъ облака, ни сѣверный вѣтеръ, проясняющій небо: я всегда та же, «никогда не скрывала своего чела отъ чьихъ-либо взоровъ и не намѣрена скрывать, ибо знаю свою красоту, и мнѣ пріятно, что многіе меня любятъ и мною любуются; никогда еще не приказывала я ничего и ни о чемъ не просила, что бы не было тотчасъ же исполнено; мнѣ скорѣе пристало имя богини». Луна обращаетъ ее въ терновникъ, бѣлые цвѣты котораго держатся недолго, а черные пупыши, цвѣта луннаго затменія, доживаютъ до поры новаго листа [1]).

Другой братъ Роберта, Филиппъ Тарентскій, женатый въ первомъ бракѣ на Итамарѣ, дочери Никифора Дуки Комнена, деспота Арты и Эпира, развелся съ нею по подозрѣнію въ невѣрности. Въ 1313 году, будучи уже въ лѣтахъ, онъ женился на Катеринѣ де Куртнэ, правнучкѣ Карла I и наслѣдницѣ, по своему дѣду, сыну Балдуина II, номинальныхъ правъ на латинскую имперію Константинополя. Филиппъ скончался въ 1331 году; гордая своимъ титуломъ «императрицы», падкая до роскоши и наслажденій, Катерина окружила себя поклонниками и ухаживателями; молва говорила и о любовникахъ, особливо о Никколò Аччьяйоли, молодомъ флорентійцѣ, котораго она приблизила къ себѣ въ качествѣ совѣтника и воспитателя своихъ сыновей [2]).

Съ конца XIII-го вѣка извѣстенъ былъ во Флоренціи торговый и банкирскій домъ Аччьяйоли, имѣвшій дѣла не только въ главныхъ итальянскихъ городахъ, но во Франціи и Англіи, въ |
55 Тунисѣ, на Кипрѣ и въ Греціи, гдѣ у нихъ были феоды въ Мореѣ, уступленные имъ Джьованни ди Дураццо. Это пригото-

---

1) Filocolo, II, стр. 263—4, 281—2.

2) О Никколò Аччьяйоли см. Tanfani, Niccola Acciaiuoli, Firenze, 1863; Gregorovius, Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter, Stuttgart, 1889, 2-er Band, стр. 123 слѣд.; о родѣ Аччьяйоли l. c. Register.

вило позднѣйшее (до 1460 года) господство Аччьяйоли въ Коринѳѣ, Ѳивахъ и Аѳинахъ и объясняетъ рядъ именъ изъ той же семьи на епископскихъ каѳедрахъ Коринѳа и Ѳивъ, Патраса и Кефалоніи. Въ началѣ XIV-го столѣтія отецъ Никколò Аччьяйоли учредилъ въ Неаполѣ торговый домъ; денежная помощь, которую онъ оказалъ королю Роберту, не осталась безъ награды: въ 1323 году король сдѣлалъ его своимъ камергеромъ и совѣтникомъ, далъ ему баронію въ Апуліи и городъ Прато въ Тосканѣ, съ титуломъ королевскаго викарія. Въ 1331 году отецъ Аччьяйоли послалъ въ Неаполь своего сына, Никколò — вести торговое дѣло; это былъ молодой человѣкъ, на три года моложе Боккаччьо [1]), но уже женатый; Боккаччьо [2]) помнитъ, въ какомъ скромномъ видѣ онъ явился, довольствуясь однимъ слугой; отношенія ко двору Катерины побудили его промѣнять коммерческую дѣятельность на другую, болѣе видную, гдѣ онъ могъ проявить свои блестящія дарованія. Войдя въ милость къ вдовствовавшей герцогинѣ Тарента, онъ руководилъ воспитаніемъ ея дѣтей и управленіемъ ея герцогствомъ; въ 1338—41 годахъ сопровождалъ её въ Грецію, гдѣ устроилъ ея дѣла и свои собственныя, вернувшись значительнымъ феодальнымъ владѣльцемъ въ княжествѣ Ахайѣ. Въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертью короля Роберта († 1343), онъ игралъ роль, далеко выходившую за предѣлы собственно-неаполитанскихъ отношеній; ему, главнымъ образомъ, принадлежитъ умиротвореніе южно-итальянской смуты и сохраненіе престола за королевой Джьованной и ея вторымъ мужемъ, Людовикомъ Тарентскимъ, которые возвели его въ высшую придворную и государственную должность: «великаго сенешаля».

Аччьяйоли представляется намъ хорошимъ типомъ тѣхъ людей, практиковъ, которыхъ движеніе гуманизма коснулось одною
своею стороною, поднявъ въ нихъ самосознаніе, развивъ энергію, 56

---

1) Род. 10-го сентября 1310 года.

2) Въ письмѣ къ Нелли у Corazzini, стр. 152.

любовь къ славѣ и красотѣ жизни, безъ капли того яда, который вызвалъ меланхолію Петрарки и заставляетъ тревожиться Боккаччьо. Умный и энергичный, онъ не даромъ восхищался изреченіемъ своего придворнаго поэта Заноби да Страда: кто боится смерти, у того нѣтъ желаній. Красивый собою, сильный и ловкій, съ блестящими глазами, бѣлокурый — онъ заслуживалъ названіе льва, какое даетъ ему Боккаччьо; левъ кстати красовался въ его гербѣ. Всѣ эти достоинства онъ не только сознавалъ за собою, но и упражнялъ ихъ и холилъ: любилъ показываться въ нарядной одеждѣ, иногда въ порфирѣ, съ блестящей свитой, собиралъ рѣдкое оружіе, кичился дорогими конями; былъ щедръ (на скомороховъ, иронически замѣчаетъ разсердившійся на него Боккаччьо) и гостепріименъ, умѣлъ щегольнуть блескомъ своихъ праздниковъ и пировъ, за что его сограждане, скромные флорентійскіе буржуа, обозвали его Сарданапаломъ, самъ же отличался крайней воздержностью, а по постнымъ днямъ ограничивался хлѣбомъ и водою. Снаряжаясь въ греческій походъ, онъ завѣщалъ похоронить себя въ неаполитанской Чертозѣ, и чтобъ на его гробницѣ находилось его изваяніе во всеоружіи и съ его именемъ; и онъ поясняетъ, что такое желаніе внушено ему не славолюбіемъ или подобной какой суетностью, а — благимъ рвеніемъ къ Богу и міру! Это — наивная оговорка, обличающая затаенную черту характера, общій психологическій пошибъ времени: культъ личной славы, и мы готовы повѣрить ядовитому воспоминанію Боккаччьо: будто Аччьяйоли не разъ проговаривался при немъ, что предпочелъ бы всѣмъ своимъ богатствамъ — родословную отъ фригійскихъ боговъ! Его образованіе было нахватанное, показное, отзывавшееся переходной эпохой, но въ немъ классическіе мотивы и перечни героическихъ именъ назойливо бьютъ въ глаза: также признакъ времени и увлеченія внѣшнимъ идеаломъ древности. Боккаччьо признаетъ за нимъ большія литературныя дарованія — но что въ нихъ толку, когда дѣятельность увлекаетъ
57 его въ другую сторону? Къ тому же писанія на на|родномъ языкѣ еще не дѣлаютъ литераторомъ. Находясь въ Палермо, среди

военной тревоги, Аччьяйоли пишетъ какую-то книгу, можетъ быть, замѣчательную и достойную гомеровскаго стиха, но не на флорентiйскомъ, а на какомъ-то смѣшанномъ языкѣ, говоритъ Боккаччьо, и это стилистическое впечатлѣнiе подтверждается письмомъ Аччьяйоли къ нотарiусу Ландольфу и политической исповѣдью, составленною, въ цѣляхъ самозащиты, для его сына Анджело, но назначенною для огласки [1]): вездѣ дiалектическiя формы полу-наивно, полу-педантически чередуются съ латинизмами. Чѣмъ-то старымъ отзывается попытка Аччьяйоли описать по-французски, въ стилѣ романовъ Круглаго Стола, дѣянiя крестоносцевъ, и новымъ—его страсть къ письмамъ, которыя не только направлялись къ извѣстному лицу, но и сознательно распространялись повсюду — во свидѣтельство краснорѣчiя писавшаго. Это напоминаетъ такую же сообщительность Петрарки. — Боккаччьо хвалитъ эти письма, замѣчая, впрочемъ, что въ нихъ больше красивыхъ фразъ, чѣмъ дѣла; что до своихъ латинскихъ посланiй, то самъ Аччьяйоли сознавалъ ихъ стилистическiе недостатки, ихъ правили его литературные пособники, Никколо д'Алифе и Барбато изъ Сульмоны [2]); получивъ отъ Аччьяйоли одно такое письмо, Петрарка отвѣчаетъ, что призналъ въ немъ умъ писавшаго и, вмѣстѣ, сладкозвучное перо «нашего Барбата» [3]). — Какъ у человѣка, чуткаго къ вопросамъ дня, у Аччьяйоли было уваженiе и любовь къ литературѣ въ ея современномъ передовомъ движенiи, но въ этомъ движенiи онъ удѣлялъ себѣ роль не дѣятеля, а покровителя: между Везувiемъ и Фалерномъ онъ затѣвалъ устройство новаго Парнасса, освя|щеннаго именемъ 58
Петрарки, котораго звалъ въ Неаполь [4]). Онъ ожидалъ и при-

---

1) Tanfani, l. c., стр. 201 слѣд., 211 слѣд.

2) Сл. письмо Аччьяйоли къ Петраркѣ у Cochin, Un ami de Pétrarque, Lettres de Francesco Nelli à Pétrarque, Paris, 1892, стр. 309—310 (silvestri gramatica); militaris epystola въ надписанiи письма ad Franciscum Petrarcham *laureatum* принадлежитъ, очевидно, не Петраркѣ, а Аччьяйоли (иначе Cochin, стр. 310). — Petr., Fam., XII, 3.

3) Fam., XIII, 9.

4) Fam., XIII, 9 (1352 г.); письмо Нелли къ Петраркѣ отъ 6 ноября 1361 г. у Cochin, l. c., № XXVII, стр. 280—2.

знанія, и панегирика, и находилъ то и другое; Петрарка, на письма котораго онъ напрашивался [1]), отдѣлывался пышными фразами: твои дѣла заслуживаютъ поэмы, твое привѣтливое обращеніе, мягкость нравовъ, благость высокаго ума — лирическихъ пѣснопѣній; ты рожденъ для высокаго подвига, я — для того, чтобы связать кое-какъ нѣсколько словъ [2]). Когда Петрарка писалъ эти слова, онъ еще не зналъ лично Аччьяйоли, но могъ дѣйствительно увлекаться его политической ролью; въ 1360 году они познакомились, Аччьяйоли сумѣлъ польстить самомнѣнію гуманиста [3]), и риторизмъ похвалъ не знаетъ теперь мѣры: ты — моя краса, краса родины! такъ кончается одно его письмо [4]). Боккаччьо, близко стоявшій къ Аччьяйоли и также прельщавшійся его блестящимъ образомъ, бросился впослѣдствіи въ другую крайность: его стала коробить литературная дружба безъ равенства, отмѣривавшая награды согласно похваламъ, и онъ обидѣлся въ одномъ изъ тѣхъ приливовъ самосознанія и гордости, которые на него находили. Аччьяйоли и не могъ быть имъ доволенъ: онъ не былъ достаточно дворовымъ человѣкомъ, слишкомъ берегъ свое достоинство, свой покой (tranquillitatum sectator). Другое дѣло — Заноби да Страда, флорентійскій грамматикъ и поэтъ, тихій и ласковый, котораго Аччьяйоли къ себѣ приблизилъ; къ нему онъ ощутилъ даже дружбу, которую не воспиталъ въ себѣ по отношенію къ обидчивому, угловатому Боккаччьо.

Именно для характеристики Боккаччьо, какъ и для пониманія эпохи, важно было подробнѣе познакомиться съ Аччьяйоли. И тотъ и другой—талантливые проходимцы, вышли изъ торговой |
59 конторы и выработались — одинъ въ государственнаго дѣятеля, другой—въ поэта и ученаго; и тотъ и другой — показательные типы новой эпохи. Правда, Аччьяйоли помогли его средства, вліяніе

---

1) Сл. XXVIII и XXIX письма Нелли у Cochin, l. c., стр. 286 и 296, и письмо Аччьяйоли выше стр. 59, прим. 2.

2) Fam., XI, 13; Epist. poet., III, 14.

3) Fam., XXII, 6.

4) Fam., XXIII, 18.

его дома и положеніе отца, но слѣдуетъ принять во вниманіе условія флорентійской колонизаціи Неаполя и ту особенность итальянскаго развитія, что культурный раздѣлъ классовъ и тогда и позже ощущался тамъ менѣе рѣзко, чѣмъ гдѣ-либо, и ихъ общенію не представлялось большихъ преградъ. Такимъ-то образомъ сынъ небогатаго купца, Боккаччьо, проникъ, еще юношей, ко двору короля Роберта [1]), въ близко стоявшія къ нему общественныя и научныя сферы, гдѣ его руководителемъ могъ быть Аччьяйоли, и его наблюденія обняли всю неаполитанскую жизнь— отъ народнаго квартала до элегантнаго салона, гдѣ царили красавицы, поименно описанныя имъ въ юношеской бездѣлкѣ «Діаниной Охотѣ» (La caccia di Diana),—и до помпы общественныхъ празднествъ. Ихъ онъ описываетъ такъ же реально, какъ бытовой типъ, подмѣченный въ улицѣ Мальпертуджіо, лишь болѣе торжественно и риторично, съ увлеченіемъ новичка, передъ которымъ негаданно открылась поэзія жизни, и онъ самъ въ ней участвуетъ.

Съ нимъ вмѣстѣ участвуемъ и мы: присутствуемъ на брачномъ пирѣ, когда послѣ свадебнаго стола начинаются танцы подъ звуки музыки либо пѣсни, и молодые люди толпятся вокругъ отдыхающихъ дамъ, которыя бесѣдуютъ о любви. Боккаччьо, видимо, знакомъ съ обрядовымъ обиходомъ: вдовьи браки надо совершать ночью, пишетъ онъ много лѣтъ спустя Магинарду деи Кавальканти по поводу его свадьбы.—Съ любовью изображаетъ онъ турниры, пришлый обычай, обновленный французскимъ вліяніемъ, но утерявшій въ неаполитанской средѣ свое серьезное значеніе: любовались не силой, а ловкостью, красотою формъ и одежды. Игра продолжала быть небезопасной: Петрарка изрекъ ей проклятіе, когда на одномъ неаполитанскомъ | турнирѣ палъ 60
прекрасный юноша; такими глупостями не занимались ни Сципіонъ, ни Цезарь, писалъ онъ Уго, маркизу д'Эсте [2]). Въ Боккаччьо, наоборотъ, онѣ вызывали рядъ античныхъ воспоминаній:

---

1) De Cas. Vir. illustr., IX, 26.
2) Fam., V, 4; Sen., XI, 13.

весною, когда обновляется природа и — пламя въ молодыхъ сердцахъ, неаполитанскія красавицы собираются въ лоджіяхъ, посмотрѣть на военную игру, точно снохи Пріама, когда съ другими принаряженными фригійскими женами онѣ пришли привѣтствовать свекра. Къ вечеру, когда слабѣютъ солнечные лучи, являются достохвальные правители Авзонійскаго царства; полюбовавшись на дамъ и ихъ танцы, они удаляются, съ ними и всѣ молодые люди, но чтобы вернуться въ иныхъ роскошныхъ одеждахъ, съ вѣнками и золотыми обручами на головѣ, готовые къ игрѣ. Такого блеска и великолѣпія не довелось описать ни Гомеру, ни Виргилію: здѣсь и Асканій и Деифобъ, Иракль и Ахиллъ, и свирѣпый Пирръ, и бѣлокурый Парисъ. Нѣсколько разъ объѣхавъ тихимъ шагомъ площадь, чтобы показаться народу, они принимаются за ристаніе: прямо держась въ стременахъ, закрываясь легкими щитами, съ копьями, обращенными остріемъ къ землѣ, они мчатся по аренѣ, точно вѣтеръ, тогда какъ воздухъ полонъ кликомъ народа, бряцаньемъ бубенцовъ, звуками музыки и звяканьемъ сбруи, и похвалы достаются тому, чье копье держится остріемъ ближе къ землѣ, кто лучше укрылся щитомъ и прямѣе сидитъ на конѣ. — Это не турниръ въ собственномъ смыслѣ слова, а нѣчто въ родѣ древнихъ майскихъ празднествъ, принявшихъ оболочку рыцарства.

Любимымъ центромъ неаполитанскихъ удовольствій былъ Байскій берегъ, привлекавшій еще римлянъ поэзіей своего пейзажа, цѣлебными источниками и свободой наслажденій. Боккаччьо, какъ впослѣдствіи Понтанъ [1]), воспѣвалъ и описывалъ его не разъ, въ сонетахъ, въ географическомъ трактатѣ (De montibus) и психологическомъ романѣ Fiammetta [2]). Его влекла сюда и |
61 живая декорація древности, древней и вмѣстѣ «новой для современныхъ душъ», — и, болѣе того, воспоминанія о личномъ счастьѣ. Здѣсь гробница великаго Мизена, открывающая путь въ цар-

1) Hendecasyllabi l. I: ad Actium Syncerum.

2) Fiammetta, V, стр. 91 слѣд., 106—7.

ство Плутона, оракулъ Кумской Сивиллы, Авернское озеро, остатки Нероновскихъ сооруженій и развалины храма, посвященнаго, говорятъ, Венерѣ. Она властвуетъ попрежнему, потому что, продолжаетъ Боккаччьо, парафразируя стихи Овидія [1]), «хотя здѣсь и врачуются тѣлесные недуги, но рѣдко, или почти никогда не случалось, чтобы кто-нибудь, отправившійся туда душевно-здоровымъ, вернулся здоровый духомъ, не то чтобы больные уврачевались». Какая бы то ни была тому причина: близость ли моря, откуда вышла Венера, или вліяніе весенней поры, когда преимущественно посѣщаютъ Байи, изысканная ли пища и старыя вина, способныя оживить мертвеца, только тамъ и почтенныя женщины, отложивъ на время стыдливость, позволяютъ себѣ больше, чѣмъ прилично было бы въ иномъ мѣстѣ. Все отдано забавѣ и развлеченіямъ: охотятся за птицей, ловятъ рыбу, пируютъ на берегу въ тѣни утесовъ, либо выѣзжаютъ въ море, съ пѣснями и музыкой, останавливаясь у всякой скалы и пещеры, пока не пристанутъ къ какому-нибудь излюбленному мѣсту. Тамъ уже все полно народомъ: гдѣ только есть возможность укрыться отъ лучей солнца, сидятъ кружками, завтракаютъ, переходя изъ одной группы къ другой, приглашая раздѣлить веселье. Послѣ завтрака — пляски и пѣсни; обратный путь — съ такими же остановками и встрѣчами: красивыя дѣвушки, босыя, съ обнаженными руками, въ шелковыхъ костюмахъ, бродятъ въ водѣ, отрывая отъ морскихъ скалъ раковины, и молодые люди заглядываются на ихъ прелести. «Здѣсь сердца отверсты и свободны, и таковы тому причины, что едва ли возможно не сдѣлать того, о чемъ попросятъ»; «время проходитъ большею частью въ бездѣльи, и если проходитъ въ чемъ-либо, то въ разговорахъ
о любви, женщинъ промежъ себя, либо въ | обществѣ молодыхъ 62
людей», — какъ въ 6-й новеллѣ третьяго дня Декамерона [2]).

1) Ars Amatoria, I, 259.

2) Съ описаніемъ Боккаччьо любопытно сличить Senecae Epist. LI: Nos utcunque possumus contenti sumus Baiis...: locum ob hoc devitandum, cum habeat quasdam naturales dotes quia sibi illum celebrandum luxuria desumsit...

Въ Филоколо и Декамеронѣ Боккаччьо знакомитъ насъ съ содержаніемъ этихъ бесѣдъ, крайне характерныхъ, какъ для міросозерцанія того общества, среди котораго онъ провелъ свою молодость, и сложились его взгляды, такъ и для вопроса о вліяніи французской культуры на итальянскую.

Въ Провансѣ и Франціи рыцарскій бытъ создалъ рядъ отношеній между полами, сомнительныхъ съ точки зрѣнія церковнаго и традиціоннаго брака, но получившихъ въ практикѣ жизни значеніе упрочившагося факта и право на признаніе. Самое появленіе этихъ отношеній указываетъ на то, что родовой и дѣловой бракъ, державшійся въ обществѣ, не удовлетворялъ болѣе въ развитыхъ его слояхъ требованіямъ чувства. Новыя отношенія сложились въ господствовавшихъ формахъ феодализма, прочныхъ, но болѣе свободныхъ, чѣмъ освященныя Церковью брачныя узы: настоящей любви не можетъ быть между супругами, ибо они отдаются другъ другу въ законѣ, тогда какъ любящіе связаны взаимнымъ одолженіемъ [1]). Рыцарскіе поэты всегда пылаютъ къ женѣ другого, она — сюзеренъ его помысловъ, онъ — ея вассалъ, служащій ей преданно и беззавѣтно; сюзеренъ требовалъ вѣрности, которая скрѣплялась клятвой и поцѣлуемъ, символическимъ обря-
63 домъ, напоминавшимъ брачный; вассалъ робко ждалъ себѣ | на-
грады; связь покоилась на довѣріи, на оберегѣ чувства отъ законнаго надзора и непрошеннаго соглядатая; чѣмъ рѣже такія отношенія могли доходить до естественной развязки, всегда, обставленной опасеніями, тѣмъ болѣе въ нихъ преобладалъ мо-

---

Illic sibi plurimum luxuria permittit: illic, tamquam aliqua licentia debeatur loco magis solvitur... Videre ebrios per litora errantes, et commessationes navigantium, et symphoniarum cantibus perstrepentes lacus, et alia, quae velut soluta legibus luxuria non tantum peccat, sed publicat, quid meum est?

1) Сл. Andreae Capellani regii Francorum De Amore libri tres, rec. Trojel (Havniae 1892), lib. I, cap. VI, стр. 141 слѣд.; 153: amorem non posse suas inter duos jugales extendere vires. Nam amantes sibi invicem gratis omnia largiuntur nullius necessitatis ratione cogente. Jugales vero mutuis tenentur ex debito voluntatibus obedire et in nullo se ipsos sibi invicem denegarc. Сл. ib. стр. 172 и lib. II, cap. VII, jud. IX, стр. 280—1, jud. XVII, стр. 290; Ov. Art. Am., II, 157—8: Non legis jussu lectum venistis in unum: Fungitur in vobis munere legis amor.

ментъ ожиданія, чаянія, чувство настраивалось болѣзненно-чутко, обращалось на всякую мелочь, анализовало всѣ возможныя положенія и въ то же время обобщалось въ мистическій платонизмъ, въ которомъ искала успокоенія неудовлетворенная страстность. Говорили, что любовь исключаетъ вожделѣніе [1]), что награда любви — въ самомъ чувствѣ [2]). Въ результатѣ получилось пониманіе любви, какъ особой, самоопредѣляющейся силы, облагораживающей человѣка, подчиняющей его себѣ внѣ счетовъ съ условной нравственностью. Амуръ — самъ себѣ судья; средневѣковая аллегорія любитъ представлять его судящимъ и рядящимъ въ дѣлахъ, ему подвластныхъ; а ему подвластно все: Amors que totas causas vens, поетъ о немъ Arnautz de Maruelh; такъ въ суровую условность аскетическаго обѣта яркимъ лучемъ свѣта врывался кликъ св. Бернарда: Magna res est amor [3]).

Эта любовь, эта joi d'amor, наполняющая лирику трубадуровъ и романы бретонскаго цикла, по существу, не новая: народная плясовая пѣсня, полная весенняго разгула, изстари пѣла объ ея радостяхъ и бремени брака. Новымъ представляется то, что это чувство теперь систематизируется, что вопросы о природѣ любви, тонкости любовной практики начинаютъ всѣхъ интересовать, что о нихъ толкуютъ въ культурномъ обществѣ. Это былъ интересъ дня, на который отзывались поэты въ своихъ тенцонахъ и jeux-partis, дамы — въ бесѣдѣ салоновъ. Кто счастливѣе: тотъ ли, кто молитъ о любви, или тотъ, кто владѣетъ ею? Кто несчастнѣе: тотъ ли, кто ревнуетъ любимую, обладаемую имъ женщину, или неревнивый, но не пользующійся взаимностью? Таковы во|просы въ одномъ изъ jeux-partis знакомаго намъ 64
Adans de la Halle. Чтеніе Овидіевой Ars Amatoria, извѣстной въ цѣломъ рядѣ переводовъ и подражаній, шло навстрѣчу общественному спросу: разобраться въ вопросахъ чувства, и помогало ихъ формулировать. Умѣть любить стало искусствомъ; явились

1) Сл. напр. Guilhem de Montanhagol и Francesco da Barberino, Doc., part. II, str. 6 и канцона 6-я.

2) Мадонна Лиза у Фр. да Барберино въ комментаріяхъ къ Doc.

3) 83-я проповѣдь.

особые казуисты любви и попытки обосновать логически нелегальныя отношенія. Такимъ казуистомъ былъ въ концѣ XII-го вѣка нѣкій капелланъ Андрей: въ своемъ латинскомъ трактатѣ о Любви онъ разсказалъ намъ, между прочимъ, о бесѣдахъ и преніяхъ по любовнымъ вопросамъ, поднимавшимся въ обществѣ виконтессы нарбонской Эрменгарды, Аліэноры, разведенной королевы французской, впослѣдствіи—англійской, и Маріи Шампанской; но живую салонную болтовню, или и серьезные разговоры, нравственно обязывавшіе своимъ рѣшеніемъ заинтересованныя лица, онъ представилъ схоластически подъ видомъ суда и судоговоренія; судьи—дамы. За вычетомъ этой формы, подсказанной аллегорическими представленіями о дворѣ, судилищѣ Амура, и въ свою очередь создавшей въ исторіи литературы миѳъ о настоящихъ «судилищахъ любви», съ ихъ особой юрисдикціей и исполненіемъ нравственной кары надъ виновными, остается самое содержаніе бесѣдъ, постановка вопросовъ и вызванныя ими рѣшенія [1]). Различается, напр., чистая любовь (purus amor), ограничивающаяся умственнымъ созерцаніемъ и сердечной привязанностью, доходящая до объятія и поцѣлуя и осязанія голаго тѣла,—и любовь, смѣшанная (mixtus amor) съ тѣлесной похотью, недолговѣчная [2]). Крестьяне способны лишь къ послѣдней, ихъ не слѣдуетъ обучать таинствамъ высшей любви, ибо это дѣло имъ несвойственное, они влекутся къ Венерѣ не иначе, какъ лошадь или мулъ; къ тому же, если бы посвящать ихъ въ тѣ таинства,
65 поля остались бы невоздѣланными за недостат|комъ работниковъ [3]). Интересно отмѣтить эту сословную исключительность въ вопросѣ чувства, не знавшаго отличія кастъ, какъ то утверждаетъ самъ Андрей [4]), и на практикѣ постоянно смѣшивавшаго границы духа

---

1) Новѣйшую литературу о «судилищахъ любви» сл. у Crescini, Per la quistione delle corti d'amore (Padova, 1891); повторено въ его же: Per gli studi Romanzi. Saggi ed Appunti. Padova, 1892.

2) Andr. Capell., l. c., l. I, cap. VI, стр. 182 слѣд.

3) l. c., lib. I, c. XI, стр. 235—6.

4) l. c., lib. I, c. VI, стр. 17—18, 23—5, 37—8, 45, 47, 51, 53 слѣд., 59, 61, 113, 179.

и плоти. Дѣло въ томъ, что новая эволюція любви совершалась въ средѣ интеллигентной аристократіи, облекалась въ ея бытовыя формы; онѣ же давали и матерьялъ для фиктивныхъ приговоровъ. Ставилось, напр., такое положеніе: рыцарь, любящій нѣкую даму, прибѣгаетъ къ посредству пріятеля, имѣющаго къ ней болѣе доступа, чѣмъ онъ, а пріятель, пользуясь случаемъ, самъ ищетъ любви дамы, которая и склоняется на его просьбы. Рѣшили: предоставить обоимъ предателямъ мирно наслаждаться плодами своей измѣны, но исключить ихъ изъ любви кого бы то ни было другого и не принимать въ общество рыцарей и дамъ, его, какъ проступившагося противъ рыцарскаго слова, ее—противъ чести дамъ. Подобное рѣшеніе дается по поводу человѣка, открывшаго довѣренную ему тайну двухъ влюбленныхъ [1].

Вся эта теорія любви и выразившія ее лирическія формулы, усвоенныя поэтами сициліанской школы, нашли въ Италіи особое развитіе. Классическое преданіе дало здѣсь новую жизненность и реальныя краски для олицетворенія Амура; философія болонской школы углубила анализъ чувства, перенеся центръ тяжести съ діалектическихъ тонкостей на психологію, поставивъ вопросъ о «благоустроенномъ сердцѣ» (cuor gentile), какъ естественномъ сосудѣ любви; разборъ ея разнообразныхъ аффектовъ обогатилъ поэтическій языкъ новыми выраженіями, образными въ своей отвлеченности: «духи любви» отвѣтили на всѣ процессы впечатлѣнія, увлеченія, отчаянія, духи печальные и радостные, блѣдные и рдѣющіе стыдомъ. Таковъ языкъ флорентійской поэзіи «новаго стиля»; она предполагала и въ обществѣ соотвѣтствующій интересъ къ вопросамъ любви. И здѣсь въ модѣ форма тенцоны: 66
Гвидо Кавальканти поетъ о природѣ любви въ отвѣтъ Гвидо Орланди; такова тема и перваго стихотворенія, съ которымъ Данте обращается къ другимъ итальянскимъ поэтамъ; Франческо да Барберино толкуетъ объ Амурѣ съ фра Амьери и въ

1) l. c., lib. II, cap. VII, jud. XVI (стр. 288—9), и XVIII (стр. 290—1).

18-мъ отдѣлѣ своего Del Reggimento наставляетъ дамъ въ нѣкоторыхъ любовныхъ вопросахъ, которые имъ подобаетъ знать.

Такіе же разговоры и тотъ же интересъ къ теоріи любви засталъ Боккаччьо въ неаполитанскихъ салонахъ 30-хъ годовъ XIV вѣка. Онъ говоритъ о нихъ въ посвятительномъ письмѣ къ своему Филострато, а въ одномъ эпизодѣ Филоколо, прототипѣ Декамерона, выводитъ передъ нами цѣлое общество мужчинъ и женщинъ, расположившихся въ саду у источника, въ тѣни деревьевъ, укрывающихъ ихъ отъ полуденнаго зноя. Бесѣда идетъ о любви, нерѣдко по поводу какого-нибудь разсказа; предсѣдательствуетъ и рѣшаетъ Фьямметта. Первый вопросъ—шутливый: за одной дѣвушкой ухаживаютъ двое; снявъ вѣнокъ съ головы одного изъ нихъ, она возлагаетъ его на себя, а свой надѣваетъ на другого. Кому она выразила болѣе любви? Послѣднему, ибо болѣе любятъ того, кому что-нибудь даруютъ, чѣмъ того, у кого что-либо берутъ. Это сюжетъ, напоминающій joc partit Savaric'a de Mauleo и одинъ анонимный итальянскій сонетъ, тенцону Адріана и Антоніо изъ Пизы—и сходный мотивъ у Ямвлиха: трое соискателей ухаживаютъ за Месопотаміей, основывая свои права на заслугахъ и знакахъ любви, полученныхъ ими отъ дѣвушки: одному она подарила кубокъ, изъ котораго обыкновенно пила, на другого возложила свой вѣнокъ, третьяго поцѣловала. Бахоръ, хорошій судья любовныхъ распрей, рѣшаетъ въ пользу послѣдняго [1]. — Второй вопросъ: кто несчастнѣе — та ли, которая насладилась своею любовью, и чей милый живетъ въ изгнаніи, или
67 та, | которая не насладилась потому, что разныя препятствія дер-

1) Сл. Selbach, Das Streitgedicht in der prov. Lyrik, Marburg, 1886, стр. 81; Greif въ Zs. für vergl. Litteraturgeschichte u. Renaissance-Litteratur, N. F., I B., стр. 291—3; Bolte въ Vierteljahrsschrift f. Literaturgeschichte, II, стр. 575 слѣд.— * Ein Bild zu Thomasin v. Circlaire's Welschem Gast stellt ein Weib, das in Mitten dreier Männer, deren einen sie freundlich anblickt, den andern bei der Hand ergreift, den dritten auf den Fuss tritt (Wackernagel, Altfranz. Lieder u. Leiche, Basel, 1846, 239). Сл. Böckel, Deutsche Volkslieder aus Ober-Hessen, Marb., 1885, p. XLVII; Rich. M. Meyer, Alte deutsche Volksliedchen, Zs. f. d. Alterth., XXIX, стр. 234—5.

жатъ ее вдали отъ любимаго человѣка? [1]) — Несчастнѣе первая, ибо ее постоянно должна мучить память о быломъ счастьѣ. — Чья любовь предпочтительнѣе: дѣвушки, замужней женщины или вдовы? (вопросъ IX). Фьямметта рѣшаетъ въ пользу вдовы, какъ Пуччи въ отвѣтномъ сонетѣ къ Боккаччьо [2]) и Жирò Рикье въ тенцонѣ съ Гильемъ Ренье [3]). — Или ставится вопросъ (III): кого предпочесть въ любви: храбраго, обходительнаго и щедраго — или мудраго? Побѣда остается за мудрымъ, какъ въ Consilium Romaricimontis, въ Altercatio Phyllidis et Florae и ихъ французскихъ подражаніяхъ преимущество отдано клерку передъ рыцаремъ [4]). То же противоположеніе мудраго, любезнаго и щедраго — храброму и именитому, и въ томъ же вопросѣ о выборѣ, даетъ содержаніе тенцонамъ Рустико да Филиппо (либо Palamidesse Berlendote) [5]) и провансальцевъ [6]), тогда какъ сонетъ Кьяро Даванцати [7]) вводитъ насъ всецѣло въ отношенія, среди которыхъ сложился кодексъ Андрея Капеллана. Поэтъ завѣряетъ свою даму въ неизмѣнной преданности звѣздѣ своего сердца, она отвѣчаетъ его любви, но говоритъ, что теперь ему слѣдовало бы измѣнить свои привязанности и отдаться другой. Оказывается, что оба связаны — бракомъ; тѣмъ не менѣе бесѣда продолжается, и поэтъ убѣждаетъ свою даму дозволить ему любить ее попрежнему, ибо, прежде чѣмъ вступить въ брачную связь, онъ у нея же попросилъ на то дозволенія. Пожеманившись и заявивъ о своемъ

1) *Сл. Hist. litt. de la France, XXIII, p. 599 (дѣйствующія лица: Thibaut, comte de Champagne et roi de Navarre, и Raoul de Soissons, roi de Chypre): qu'aimeriez vous mieux, posséder votre dame sans la voir ni lui parler, ou avoir toute liberté de la voir et de lui parler, sans la posséder jamais»?

2) Сл. Bocc., Rime, № 101.

3) Rev. des langues romanes, t. XXXII, стр. 116—117; сл. Guido Cavalcanti, ed. Ercole, Livorno, 1885, стр. 58—9, и Knobloch, Die Streitgedichte im Prov. und Altfranz., Breslau, 1886 стр. 47, 68.

4) Сл. еще Andr. Cap., l. c., lib. I, c. VI, стр. 189.

5) О тенцонахъ Adriano и Antonio da Pisa и Palamidesse Berlendote (либо Rustico da Filippo) сл. Gaspary въ Literaturblatt f. germ. u. rom. Philol., 1885, p. 74. Сл. Canzonette antiche pubblicate da Edoardo Alvisi, Firenze, 1884, p. 42—44.

6) Knobloch, l. c., 69.

7) Между 1360 и 1280-мъ гг.

намѣреніи соблюсти вѣрность своему мужу, дама изъявляетъ о |
68 своемъ согласіи, допуская даже, что ихъ тайная любовь можетъ
быть порой увѣнчана — счастьемъ [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что эти любовныя бесѣды сложились подъ впечатлѣніемъ салонной моды, занесенной изъ Франціи, но въ Неаполѣ онѣ нашли почву, готовую къ ихъ воспріятію, какъ рыцарскія ристанія, описанныя Боккаччьо, вошли въ колею майскихъ празднествъ. Если во Франціи рыцарскій идеалъ любви опредѣлялся отчасти недочетами традиціоннаго брака, то въ Италіи эти отрицательныя условія должны были существовать въ болѣе рѣзкихъ формахъ. Особенно на югѣ скрещиваніе разныхъ культуръ, латинской, византійской и арабской, должно было необходимо повести къ взаимному ослабленію унаслѣдованныхъ нравственныхъ понятій, и не въ кругу лишь семьи; съ другой стороны, антицерковное движеніе XIII вѣка, во главѣ котораго сталъ Фридрихъ II, умалило сдерживающее значеніе Церкви и ея морали. И здѣсь началось разложеніе бытовой семьи, и не французскимъ вліяніемъ объясняется распущенность байскихъ нравовъ; это — наслѣдіе Рима и императорскаго гарема въ Луцерѣ: въ XIV-мъ вѣкѣ Антоніо Пуччи жалуется на тлетворное вліяніе рабынь, которыхъ привозили съ Востока итальянскіе купцы. И здѣсь въ высшихъ классахъ, болѣе культурныхъ и нервно поживших, чѣмъ соотвѣтствующіе во Франціи, долженъ былъ явиться спросъ на отношенія, которыя удовлетворили бы требованіямъ личности, рыцарскій амурный идеалъ отвѣтилъ имъ, но и самъ вошелъ въ эволюцію новой среды. Этотъ идеалъ былъ несомнѣннымъ прогрессомъ въ исторіи личнаго чувства и самосознанія, но на первыхъ порахъ прогрессомъ одностороннимъ. Его сложили мужчины — не женщины; этого не слѣдуетъ забы-

1) Сл. Andr. Cap., l. c., lib. II, c. VII, jud. VIII, стр. 280: Quum domina quaedam satis idoneo copularetur amori, honorabili postmodum conjugio sociatur et suum coamantem subterfugit amare et solita sibi solatia negat. Эрменгарда рѣшаетъ: Nova superveniens foederatio maritalis non recte priorem excludit amorem.

вать, когда говорятъ о женственномъ характерѣ среднихъ | вѣ- 69
ковъ въ сравненіи съ эпохой Возрожденія; рыцарскіе поэты возвеличили любовь, какъ облагораживающее чувство, какъ живительную силу, внушающую мужество, героизмъ подвига или самоотреченія; на далекихъ границахъ она сплывалась съ неземною любовью, движущею небесами. Это идеальное пониманіе озаряло и женщину, его внушившую, но лишь условно: центръ тяжести лежалъ въ новой цѣнности, какую получало чувство для того, кто его ощутилъ. Женщина можетъ, не сдѣлавъ ничего замѣчательнаго, быть поводомъ мужчинѣ совершить, благодаря ей, великія и достойныя памяти дѣла, говоритъ Боккаччьо въ одномъ изъ своихъ позднихъ произведеній[1]); она можетъ быть ниже внушеннаго ею чувства, или, безсознательно зародивъ его, обмануть, и, тогда какъ одухотворяющая сила любви превозносится до небесъ, ея орудіе топчется въ грязь. Оттого и въ эпоху платонизирующей рыцарской лирики, и у капеллана Андрея, и въ пору Возрожденія, не у одного лишь Боккаччьо, это странное чередованіе идеализаціи и чувственности, диѳирамба любви и ожесточенія противъ женщинъ, подбирающаго къ нимъ всѣ оскорбительные эпитеты средневѣковаго ригористическаго поученія и условныя схемы восточныхъ сказокъ о злыхъ женахъ. Нѣтъ естественной середины, на которой могли бы успокоиться эти крайности: нѣтъ прочувствованнаго идеала семьи, въ немъ слишкомъ много долга и героизма, и слишкомъ мало мѣста для любви.

Для того, чтобы выйти изъ этой страдательной роли и отраженнаго ореола, женщинѣ надо было взять на себя иниціативу всей той мысленной работы, которая привела мужчину къ постановкѣ новыхъ требованій, и не только имъ подчиняться, но и самостоятельно ихъ заявить. Надо было научиться мыслить и говорить, сумѣть защитить свои положенія, отвести нападки, не ища, но и не опасаясь откровенностей, знать цѣну остраго слова

---

1) De Claris Mulieribus, введеніе.

70 и шутки, этой необходимой принадлежности культурной | итальянской бесѣды, теорію которой далъ Петрарка, въ XV-мъ вѣкѣ — Понтанъ. Такія женщины не постоятъ за словомъ, въ границахъ, указанныхъ приличіемъ, и вообще умѣютъ разсуждать: ben parlante назвалъ ихъ Боккаччьо; для нихъ и написаны его «сто новеллъ», не для тѣхъ, кто удовлетворяется иглой, веретеномъ и мотовиломъ» [1]), кто рядится, полагая, что чѣмъ пестрѣе на ней платье, и чѣмъ больше на немъ полосъ и украшеній, тѣмъ болѣе ее слѣдуетъ почитать, «не помышляя о томъ, что если бъ нашелся кто-нибудь, кто бы все это навьючилъ или навѣсилъ на осла, оселъ могъ бы снести гораздо большую ношу, чѣмъ любая изъ нихъ, и что за это его сочли бы не болѣе, какъ осломъ». «Такъ разукрашенныя, подкрашенныя, пестро одѣтыя, онѣ стоя́тъ, словно мраморныя статуи, нѣмыя и безчувственныя, и такъ отвѣчаютъ, когда ихъ спросятъ, что лучше было бы, если бы онѣ промолчали; а онѣ увѣряютъ себя, что ихъ неумѣніе вести бесѣду въ обществѣ женщинъ и достойныхъ мужчинъ исходитъ отъ чистоты духа, и свою глупость называютъ скромностью, какъ будто та женщина и честна, которая говоритъ лишь со служанкой или прачкой или своей булочницей; вѣдь если бъ природа того хотѣла, какъ онѣ въ томъ увѣряютъ себя, другимъ бы способомъ ограничила ихъ болтливость» [2]). Эти простушки могутъ пасть по темпераменту и покаяться не въ глубокомъ сознаніи вины, а въ сознаніи проступка передъ ходячимъ кодексомъ нравственности; ни одна изъ нихъ не могла бы повести рѣчи Гисмонды, когда, отдавшись въ любви Гвискардо, доблестному, но худородному служителю ея отца, салернскаго принца Танкреда, она, во всемъ признаваясь, желаетъ «дѣйствительными доводами защитить свою честь». Да, я пала, говоритъ она отцу, но употребила всѣ старанія, «чтобы изъ того грѣха, къ которому увлекала меня природа, не вышло позора ни тебѣ, ни мнѣ»; Гви-

1) Декамеронъ, введеніе.

2) Декамеронъ, I, 10; сл. VI, 1.

скардо я выбрала не случайно, а «съ разумнымъ ра|счетомъ». 71
Онъ, говоришь ты, человѣкъ низкаго происхожденія, но развѣ это недостатокъ? спрашиваетъ она, защищая принципъ безсословной любви: ты «коришь не мой грѣхъ, а грѣхъ фортуны, очень часто возвышающей недостойныхъ и оставляющей внизу достойнѣйшихъ». Вѣдь ты знаешь, «что у всѣхъ насъ плоть отъ одного и того же плотскаго вещества, и что всѣ души созданы однимъ Творцомъ съ одинаковыми свойствами, одинаковыми качествами. Лишь добродѣтель впервые различила насъ, рождавшихся и рождающихся одинаковыми, и тѣ, у которыхъ ея было больше, и они въ ней были дѣятельнѣе, были названы благородными, а остальные остались неблагородными. И хотя противоположный обычай прикрылъ впослѣдствіи этотъ законъ, онъ еще не уничтоженъ и не искорененъ ни изъ природы, ни изъ добрыхъ нравовъ; потому, кто поступаетъ добродѣтельно, открыто заявляетъ себя благороднымъ, и если называютъ его иначе, то виновенъ въ этомъ не названный, а тотъ, кто называетъ». Ты говоришь, что онъ бѣднякъ, «но бѣдность ни у кого не отнимаетъ благородства, а только достояніе. Много королей, много великихъ властителей были бѣдняками, и многіе изъ тѣхъ, которые копаютъ землю и пасутъ овецъ, были и пребываютъ богачами». И она проситъ отца обратить свою жестокость на нее, какъ на первую причину проступка, ужъ «если допустить проступокъ», и, узнавъ о гибели милаго, сама убиваетъ себя, дабы «дѣломъ мужественно выразить величіе своего духа» [1]).

Такія женщины почерпаютъ свою энергію не въ одномъ только темпераментѣ, а и въ сознаніи своей индивидуальности, въ образовательномъ цензѣ, выдвинувшемъ ихъ изъ толпы и освобождавшемъ изъ узъ преданія. Это обходилось не безъ крайностей и нравственныхъ излишествъ, ибо сдерживающая сила принципа была еще впереди, къ нему еще направлялось дви-

---

1) Декамеронъ, IV, 1.

женіе. Данте иронически относится къ вѣтреной Гаѣ [1]), презри-
72 тельно — къ распущенности Чангеллы, о которой такъ потѣшно разсказываетъ Боккаччьо и Бенвенуто изъ Имолы [2]). Но крайности выработаются въ болѣе самосознательный типъ передовой женщины XVI вѣка; платонизирующія бесѣды о вопросахъ любви обратятся тогда въ пустую моду, феррарскія дамы будутъ засыпать подъ ихъ журчанье, и флорентійскій посланникъ разскажетъ намъ, что Альфонсу II приходилось будить невнимательныхъ слушательницъ.

Боккаччьо былъ самъ участникомъ этого культурнаго движенія въ его началахъ, въ періодъ новообразованій; что онъ изъ него обобщилъ и усвоилъ, то отложится позднѣе въ типахъ и этическихъ взглядахъ его Декамерона; пока онъ заноситъ пережитое въ «книгу своей памяти», гдѣ на первыхъ страницахъ стоитъ имя его Фьямметты-Маріи.

---

1) Purg., XVI, 141; сл. Benv. da Imola, Comm. III, 451.—*Сл. Rajna, Gaia da Camino въ Arch. stor. ital., ser. V, t. IX (1892), p. 291 слѣд.; Biscaro, Dante e Gaia da Camino въ Gazetta di Treviso, anno XV, № 282 (Treviso, 1898), и отчетъ Novati въ Giorn. stor. d. lett. ital., fasc. 98—99, стр. 429 слѣд.

2) Corbaccio; Benv. da Imola, l. c., V, 147.

II.

НЕАПОЛЬ. НАУКА И ЛЮБОВЬ. ЮНОШЕСКАЯ ЛИРИКА И ФИЛОСТРАТО.

I.

Боккаччьо такъ разсказываетъ, въ одномъ эпизодѣ своего 75
перваго романа (Филоколо), отъ имени пастуха Идалага, содержаніе своей неаполитанской жизни: ребенкомъ онъ слѣдовалъ путями отца-пастуха (былъ въ наукѣ у купца), но когда окрѣпло въ немъ врожденное ему благородство духа, онъ, покинувъ низменные холмы, потщился воззойти трудными тропами къ болѣе высокимъ предметамъ, но по неосторожности впалъ въ сѣти Амура, изъ которыхъ никогда не могъ выпутаться [1]). Какіе это высокіе предметы — это объясняется изъ слѣдующихъ подробностей того же эпизода: покинувъ отцовскія поля (Флоренцію), Идалагъ явился въ эти лѣсныя сѣни (Неаполь), чтобы продолжать дѣло, которому научился (торговое); здѣсь, пребывая съ почтеннымъ пастухомъ Кальметой, которому вѣдома была сущность почти всѣхъ вещей, онъ внималъ, когда, подъ звуки свирѣли, тотъ поучалъ его измѣненіямъ и движеніямъ луны, почему она то теряетъ, то обновляетъ свой свѣтъ, порой замедляется въ своемъ эпициклѣ, плыветъ то быстрѣе, то ровнѣе. Его грубый умъ увлекается этими наставленіями, и онъ усвоиваетъ ихъ, не какъ арабъ въ пустынѣ, а пристальнымъ изученіемъ. Ставъ опытнымъ въ этомъ дѣлѣ, онъ разстался съ пастушеской жизнью и весь отдался Палладѣ; одиночество лѣса облегчало ему слѣдованіе по ея труднымъ стезямъ; онъ сторожится стрѣлъ Амура и все-таки становится жертвой «коварнаго стрѣлка» [2]).

---

1) Filocolo, v. II, стр. 238.

2) l. c., стр. 243, 246 слѣд.

76 | Итакъ: обученіе у Кальметы, увлеченіе Палладой — и затѣмъ сѣти Амура: наука и любовь [1]).

Кальмета — это Андалоне ди Негро, родомъ изъ Генуи, извѣстный математикъ и астрономъ, объѣхавшій почти весь свѣтъ и многое видѣвшій на своемъ вѣку (род. ок. 1260 г.), человѣкъ образованный и, можетъ быть, поэтъ. Андалоне увлекъ молодого Боккаччьо на стези Паллады, и ученикъ всегда хранилъ о немъ благодарную память. Онъ красовался своими астрономическими знаніями, и когда ему случалось коснуться какого-нибудь хронологическаго момента личныхъ воспоминаній, разсѣянныхъ въ его романахъ, любилъ выражать ихъ описательно, терминами ходячей астрономіи; въ своихъ Генеалогіяхъ Боговъ онъ постоянно цитуетъ своего достопочтеннаго учителя по вопросамъ хронологіи, астрономіи и астрологіи — потому что Андалоне вѣрилъ въ астрологическія бредни и самъ оставилъ Introductio ad judicia astrologica. Увлеченіе, не новое и на латинскомъ Западѣ, и въ Византіи; какъ въ XIII столѣтіи Фридрихъ II и Эццелино да Романо держали астрологовъ Өеодора и Гвидо Бонатти, такъ король Робертъ приблизилъ къ себѣ Андалоне и Діонисія da Borgo San Sepolcro, а извѣстный Cecco d'Ascoli былъ астрологомъ при сынѣ Роберта, Карлѣ Калабрійскомъ. По естественной слабости къ другу, Петрарка поощрялъ Діонисія и его покровителя къ занятіямъ астрологіей [2]), хотя при другихъ случаяхъ, между прочимъ въ письмѣ къ Боккаччьо [3]), рѣзко выступалъ противъ вѣры
77 въ вліяніе звѣздъ и въ возможность изъ ихъ | сочетаній пред-

1) Объ учителяхъ Боккаччьо сл. Faraglia, Barbato di Sulmona e gli uomini di lettere della corte di Roberto d'Angiò (Archiv. Stor. ital., III, 1889); мою статью: Учители Боккаччьо, Вѣстникъ Европы, 1891, Ноябрь. — Объ Андалоне спеціально: Cornelio de Simoni, Intorno alla vita ed ai lavori di Andalò di Negro (оттискъ изъ Bullettino di bibliografia e di storia delle scienze matematiche e fisiche, t. VII, Luglio 1874, обязательно доставленной мнѣ авторомъ). О Варлаамѣ: Успенскій, Очерки по исторіи византійской образованности (Спб., 1891), сл. Указатель, a v. Варлаамъ; еп. Порфирій Успенскій, Исторія Аөона, ч. III: Аөонъ монашескій, отд. II, стр. 217 слѣд. (Спб., 1892).

2) Сл. Epist. poet., I, 13.

3) Sen., III, 1.

видѣть судьбу. Боккаччьо остался вѣренъ звѣздамъ, какъ и его Фьямметга [1]): онъ развиваетъ это ученіе въ Генеалогіяхъ Боговъ [2]) и еще въ послѣднемъ трудѣ, чтеніяхъ о Божественной Комедіи, готовъ спасти принципъ астрологіи—осуждая астрологовъ. Если въ этомъ вопросѣ Петрарка представляется намъ бо̀льшимъ раціоналистомъ, то въ Боккаччьо отразился общій типъ людей Возрожденія, среди которыхъ увлеченіе астрологіей отвѣтило спросамъ крѣпнувшаго самосознанія. Личность развилась, и чѣмъ сильнѣе ощущалась ея цѣнность, тѣмъ страстнѣе было желаніе увѣренности, опредѣленія: если пути промысла неисповѣдимы, то многое вѣщаютъ звѣзды. Соединялось несоединимое: въ королѣ Робертѣ богословъ уживался съ астрологомъ; Чино изъ Пистойи проситъ Чекко д'Асколи открыть ему, какія созвѣздія ему благопріятны, какія — враждебны, — ибо «отъ ихъ суда не уйти»; личность, отважно вышедшая искать своей доли, встрѣтилась съ желѣзной стѣной фатализма; изъ противорѣчій свободы и рока выпутывались софизмомъ, что мудрый даетъ законы свѣтиламъ [3]). Вопросъ о судьбѣ, о фортунѣ, со времени Боэція—одно изъ любимыхъ общихъ мѣстъ средневѣковой поэзіи, историческихъ «сѣтованій» (lamenti) [4]) и поэмъ Генриха изъ Сеттимелло и Генриха Миланскаго, сталъ теперь очереднымъ: о немъ толкуютъ Чекко деи Росси и Заноби да Страда; Томмазо дель Гарбо, флорентійскій медикъ [5]), и поэтъ Браччьо Браччи обращаются къ Петраркѣ съ просьбой разъяснить имъ, что̀ такое фортуна; о томъ же разспрашиваетъ его дофинъ за столомъ французскаго короля, и Петрарка отдѣлывается общими мѣстами [6]); иные дни Декамерона сами собой распредѣляются по категоріямъ счастливой или несчастной судьбы; въ трактатѣ о Роковой участи великихъ

1) Fiammetta, стр. 62.

2) Gen. Deor., I, 10; III, 22; IX, 4.

3) Sen., III, 1.

4) Сл. A. Medin, Ballata alla Fortuna, въ Propugnatore, N. S., v. II, fasc. 7—8, стр. 101 слѣд.

5) Sen., VIII, 3.

6) Fam., XXII, 13.

78 людей | чудовищный образъ Фортуны врывается къ поэту и запрещаетъ ее злословить.

Всѣ эти вопросы могли предстать еще юношѣ Боккаччьо въ его бесѣдѣ съ Андалоне; живымъ отзвукомъ такихъ бесѣдъ, интересовавшихъ, очевидно, и ученика и учителя, является апологъ о фортунѣ, полушкольнаго, полународнаго содержанія, и такого же назидательнаго характера, какъ апологъ Павла (или Петра) діакона, переданный Петраркой [1]). Разсказываетъ Боккаччьо: когда еще молодымъ человѣкомъ онъ слушалъ Андалоне, попалась однажды при чтеніи такая фраза: нечего обвинять звѣзды, когда несчастный самъ снискалъ себѣ недолю [2]). Какъ услышалъ это Андалоне, шутникъ, несмотря на лѣта (festivus, esto longevus), весело замѣтилъ: Это подтверждается древней хорошенькой притчей. Боккаччьо попросилъ разсказать ее, и благодушный и сговорчивый Андалоне, подозвавъ нѣсколькихъ изъ своихъ именитыхъ слушателей, началъ такъ: встрѣтились однажды Фортуна (понятая здѣсь, какъ счастье, богатство) и Нищета, или лучше бѣдная Доля, но добровольная, по собственному побужденію отказавшаяся отъ благъ Фортуны, свободная отъ ея узъ, ликующая своей свободой «кормилица Рима»; встрѣтились и вступили въ перебранку и бой, въ которомъ первая побѣждена и покоряется условіямъ побѣдительницы.—Въ дальнѣйшемъ разсказѣ значеніе Фортуны мѣняется: это уже Судьба, въ услуженіи которой стоятъ образы, знакомые народной сказкѣ: счастливой и несчастной Доли (Fortunium и Infortunium). И вотъ Нищета требуетъ: пусть счастливая Доля ходитъ свободно по свѣту, куда пошлетъ ее Судьба, а несчастную прикуютъ цѣпями къ столбу, чтобы ей нельзя было тронуться съ мѣста, ни переступить чей-либо порогъ, — развѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, кто развяжетъ ея путы. Это — сказочный мотивъ: лихая доля привязывается
79 къ тому, кто освободитъ ее, закованную, запертую; | вмѣстѣ съ

1) Fam., III, 13.

2) Non incusanda sydera sunt, cum sibi infortunium quaesierit oppressus.

тѣмъ это и практическій, не логическій выходъ изъ идей фатализма: несчастная доля — въ рукахъ самого человѣка [1]).

Такъ могъ рѣшать, въ благодушномъ противорѣчіи съ собою, старикъ Андалоне; прислушался ли къ нему Боккаччьо? Его юношеское письмо къ анониму [2]) надписано: враждебный судьбѣ; такая же подпись въ письмѣ къ Аччьяйоли отъ 1341 года [3]); «враждебной судьбѣ» зоветъ себя [4]) и непризнанная мужемъ Джилетта изъ Нарбонны. «Fata neronizant in me», говорилъ когда-то Генрихъ изъ Сеттимелло, ему враждебна Фортуна, Rhamnusia [5]); раннія письма Боккаччьо полны жалобъ именно на Рамнузію. И позже онъ не выходитъ изъ противорѣчій фатума и свободы: если Фьямметта влюбилась, то такова ея доля [6]), Мессалина ищетъ себѣ извиненіе въ томъ, что родилась при роковомъ сочетаніи созвѣздій [7]); долю посылаютъ небеса [8]), а вмѣстѣ съ тѣмъ человѣку вольно отдаться или нѣтъ всесильному Амуру [9]). Такъ и въ введеніи къ притчѣ о Фортунѣ и Нищетѣ несчастные, оказывается, сами вызвали свою судьбу.

Въ Генеалогіяхъ Боговъ [10]) Боккаччьо упоминаетъ и другого человѣка, которому онъ многимъ былъ обязанъ въ первые годы своей неаполитанской жизни: съ 1332 года мы встрѣчаемъ при дворѣ, въ званіи клерика, нотаріуса канцеляріи и королевскаго библіотекаря, Паоло изъ Перуджіи, игравшаго не послѣднюю роль въ ученомъ кружкѣ Роберта. Ранняя классическая начитанность Боккаччьо, особливо по отдѣлу миѳологіи, идетъ изъ | этого 80

---

1) De Cas., l. III, c. 1. *Притча Андалоне входитъ въ рядъ народныхъ преданій о судьбѣ и долѣ. Сл. Разысканія въ обл. р. дух. стиховъ, XIII и XXIII, стр. 181 слѣд.

2) Corazzini, стр. 457: Sacrae famis.

3) l. c., стр. 18; сл. Amor. Vis., XXX, 17, и Canzone IV.

4) Дек., III, 9.

5) De diversitate fortunae lib. I, v. 20; l. II, v. 133, 195. — *Сл. Rhamnusia у Адольфа.

6) Fiammetta, стр. 103.

7) De Cas., VII, 3; сл. Gen. Deor., IX, 4.

8) Fiammetta, стр. 152.

9) Ib., стр. 149.

10) Gen. Deor., XV, 6.

источника. «Если былъ, когда-либо, человѣкъ, съ такимъ увлеченіемъ разыскивавшій повсюду, по приказанію своего повелителя, рѣдкія сочиненія, историческія и поэтическія, — то это былъ онъ; человѣкъ степенный, уже немолодой, полный разнообразнаго знанія,... онъ написалъ громадный трудъ, названный имъ Liber Collectaneum, гдѣ, кромѣ многихъ другихъ свѣдѣній, относящихся къ разнымъ предметамъ, собрано было все, что можно было найти о языческихъ богахъ, не только у латинянъ, но и у грековъ, собрано, какъ я полагаю, при помощи Варлаама». «Въ то время, когда я съ нимъ познакомился, ему, помнится, не было равнаго въ такого рода занятіяхъ», вспоминаетъ Боккаччьо. Онъ многое извлекъ изъ его энциклопедіи; онъ и самъ — такой же собиратель: его записная тетрадь представляетъ репертуаръ самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній и помѣтокъ, и въ содержаніи классической древности его всегда привлекала фабула, новелла миѳа. Это — свойство таланта и, можетъ быть, печать учителя. Когда впослѣдствіи, приступивъ къ своимъ Генеалогіямъ Боговъ, Боккаччьо вспомнилъ о комментаріяхъ своего наставника, ихъ не оказалось налицо: Паоло покинулъ дворъ еще до смерти Роберта (1343 г.), жилъ въ нуждѣ, обремененный семействомъ, пока королева Джьованна не утвердила за нимъ мѣста нотаріуса въ Terra di Lavoro, доходами котораго онъ жилъ, имѣя тамъ замѣстителя. Онъ умеръ въ пору чумы 1348 года, а его жена, Біэлла, находясь въ стѣсненномъ положеніи, растеряла всѣ его сочиненія. Отъ него остался лишь комментарій къ сатирамъ Персія и небольшой генеалогическій перечень древнихъ боговъ и героевъ, очевидно, предназначенный для школьнаго обихода. Онъ можетъ дать понятіе о соотвѣтствующей части Collectanea Паоло, которыми Боккаччьо пользовался, но съ выборомъ, порой предпочитая его толкованіе миѳа другимъ, нерѣдко расходясь съ нимъ, постоянно его цитуя, кое-гдѣ ссылаясь и на источникъ его греческой мудрости, монаха Варлаама.

Зналъ ли онъ лично этого страннаго человѣка, предшественника захожихъ въ Италію византійскихъ ученыхъ XV-го вѣка, |

подвижного и заносчиваго, тщеславнаго, но талантливаго греко- 81
итальянца, показывавшаго среди грековъ презрѣніе къ византійской культурѣ и наукѣ [1]), а на Западѣ предъявлявшаго свидѣтельства императоровъ, именитыхъ и ученыхъ людей, что уже давно не было мужа столь замѣчательнаго и великаго знанія, какъ онъ?

Съ легкой руки Петрарки и Боккаччьо, Варлаамъ занялъ мѣсто въ исторіи ранняго итальянскаго Возрожденія. Они риторично преувеличили его въ своихъ воспоминаніяхъ, а историки литературы повѣрили имъ на слово. Его роль въ подъемѣ гуманистическихъ интересовъ придется сильно ограничить.

Бернардо, въ монашествѣ Варлаамъ, родился въ концѣ XIII вѣка, въ греческой Калабріи, въ Семинарѣ, гдѣ въ сосѣднемъ монастырѣ св. Филарета воспитывался и принялъ постриженіе [2]). Насколько онъ обязанъ своимъ образованіемъ монастырской либо вообще итальянской школѣ, или школамъ Солуня, гдѣ онъ жилъ раньше, чѣмъ въ 1327—8 году объявился въ Константинополѣ, сказать трудно; упрекъ въ крайнемъ пристрастіи итальянцевъ къ силлогизму, который имъ такъ же необходимъ, какъ лопата копачу и весло плывущему, предъявляется и Варлааму его византійскими противниками; это и полемическая выходка — и свидѣтельство вліянія западной схоластической науки.

Пробывъ нѣкоторое время въ Солуни и на Аѳонѣ, гдѣ познакомился съ господствовавшими тамъ мистическими теченіями, онъ переѣхалъ въ Константинополь; здѣсь онъ тотчасъ же обратилъ на себя вниманіе императора Андроника младшаго и его родственника Іоанна Кантакузина. Онъ былъ ученъ и краснорѣчивъ, быстро усвоивалъ и отлично излагалъ, превозносясь своимъ знаніемъ и, какъ говорили его противники [3]), строя свою обще-

1) Nicephori Gregorae Byz. Hist., ed. Bonnae, 1829, I, p. 555.

2) Basilii caesariensis monachum, выражается о немъ Боккаччьо, Gen. Deor., XV, 6.

3) Nic. Greg., l. c.

82 ственную репутацію на приниженіи и порицаніи другихъ. Кантакузинъ, впослѣдствіи ему враждебный, былъ совершенно увлеченъ его «латинской ученостью»; ему, пришельцу, поручено было преподаваніе богословія и толкованіе ученій св. Діонисія Ареопагита [1]), а въ 1331 году онъ былъ сдѣланъ настоятелемъ монастыря Пандократора, одного изъ важныхъ въ Константинополѣ. Полный самомнѣнія, онъ вызвалъ на ученый споръ Никифора Григору, но былъ пораженъ и осмѣянъ. Такъ увѣряетъ его совопросникъ, добавляя, что именно эта неудача и побудила его искать славы на другомъ поприщѣ [2]), когда, удалившись въ Солунь, онъ поднялъ догматическій споръ, взволновавшій византійскую Церковь: о еретическихъ мудрованіяхъ аѳонскихъ иноковъ — гезихастовъ касательно таинствъ созерцательной жизни и сердечной молитвы, въ защиту которыхъ выступилъ Григорій Палама [3]).

Между тѣмъ Варлаамъ, въ чести у императора, ведетъ бесѣду съ послами папы Іоанна XXII, явившимися въ Константинополь по вопросу о соединеніи Церквей, а въ 1339 году отправленъ вмѣстѣ съ Стефаномъ Дандоло къ королю Роберту, Филиппу IV и Бенедикту XII толковать о томъ же соединеніи и общихъ военныхъ мѣрахъ противъ турокъ, занявшихъ малую Азію. Переговоры ни къ чему не привели, взамѣнъ того они открыли Петраркѣ и Боккаччьо новые горизонты знанія.

Въ Неаполѣ, гдѣ Варлаамъ былъ весною 1339 года, отправляясь въ Авиньонъ, и на обратномъ пути въ сентябрѣ, онъ познакомился съ ученымъ кружкомъ короля Роберта и вошелъ въ

1) l. c., стр. 922.

2) l. c., стр. 555—6.

3) *Прекрасную характеристику движенія гезихастовъ въ XIII—XIV вѣкахъ представляетъ житіе св. Григорія Синаита, недавно изданное проф. Помяловскимъ. О распрѣ варлаамитовъ съ паламитами въ связи съ современными имъ движеніями въ области философской мысли сл. теперь Ѳ. Успенскаго, Очерки по исторіи византійской образованности (Спб., 1891), стр. 246 слѣд., и отчетъ г. Безобразова, Виз. Временникъ, III, вып. 1, стр. 135 слѣд. — Сл. Échos d'Orient, 5-e année (Sept. 1903), p. 353 слѣд.: J. Bois, Les débuts de la controverse hésychaste; онъ же ibid., 6 année, № 38 (Janv. 1903), p. 50 слѣд. (Le synode hésychaste de 1341).

особую дружбу съ Паоло изъ Перуджіи, которому доставилъ свѣдѣнія и толкованія по греческимъ миѳамъ изъ какихъ-то «греческихъ анналъ» [1]). И Паоло и Боккаччьо позволяютъ себѣ кое-когда противорѣчить его показаніямъ, но полны уваженія къ | этому «человѣчку, маленькому ростомъ, но великому зна- 83
ніемъ» [2]), предъявлявшему на то царскія ручательства. «Ему ли не повѣрю я, особенно въ томъ, что касается Греціи? продолжаетъ Боккаччьо. Я не видѣлъ ни одного его труда, хотя слышалъ, что онъ написалъ ихъ нѣсколько; были у меня нѣкоторыя его писанія, не сведенныя въ книгу и безъ заглавія, свидѣтельствовавшія, что если въ латинской литературѣ онъ не былъ достаточно свѣдущъ, то многое видѣлъ и проницательно уразумѣлъ».

По возвращеніи съ Запада, гдѣ онъ не достигъ цѣли своего посольства, Варлаамъ является въ Солуни и на Аѳонѣ; здѣсь и разыгралась его распря съ гезихастами и Паламой, которыхъ поддерживалъ своимъ вліяніемъ разошедшійся съ Варлаамомъ Кантакузинъ. Обличенія Варлаама побудили созвать въ св. Софіи соборъ на 11-е іюня 1341 года; соборъ рѣшилъ не въ его пользу, и онъ покинулъ Грецію; въ 1341 году онъ снова въ Неаполѣ, въ 1342 — въ Авиньонѣ. Вліяніе Петрарки доставило ему епископство въ Джерачe, недалеко отъ Семинары [3]); здѣсь онъ и умеръ въ концѣ 40-хъ или началѣ 50-хъ годовъ.

Можетъ быть, ко второй поѣздкѣ Варлаама, скорѣе, чѣмъ къ первой, относится сближеніе Петрарки съ Варлаамомъ [4]). Когда въ Авиньонѣ явился этотъ «современный представитель греческой мудрости», Петрарка вздумалъ учиться у него по-гречески: ему хотѣлось въ подлинникѣ познакомиться съ греками, которыхъ онъ зналъ лишь въ отраженіяхъ римлянъ. У него уже

1) Gen. Deor., IX, 7; сл. IV, 47.

2) l. c., XV, 6.

3) Посвященъ въ Авиньонѣ 2 окт. 1342 года.

4) *Lo Parco, Petrarca e Barlaam. Da nuove ricerche e documenti inediti o rari. Reggio — Calabria, 1905.

былъ экземпляръ Платона[1]); позднѣе грекъ Николай Сигеръ доставилъ ему Гомера, и Петрарка просилъ его о присылкѣ Гезіода и Еврипида[2]), какъ нѣсколько лѣтъ спустя ждалъ отъ Леонтія Пилата списковъ Еврипида и Софокла[3]); но они для него нѣмы;
84 онъ все | еще надѣялся научиться ихъ языку, какъ то удалось въ старости Катону, принялся было съ Варлаамомъ читать діалоги Платона en regard съ подлинникомъ, и лишь быстрый отъѣздъ учителя на епископію и его ранняя смерть помѣшали этому намѣренію[4]). Зато рвенія было много: «каждый день приходилъ ко мнѣ Варлаамъ, писалъ Петрарка Сигеру[5]), — и, какъ онъ самъ заявлялъ, получалъ отъ бесѣды со мною не менѣе, если не болѣе пользы, чѣмъ я отъ него. Говорилъ ли онъ такъ искренно, или изъ любезности — не знаю; вѣрно одно, что если въ греческомъ языкѣ онъ былъ краснорѣчивѣйшимъ, его латинская рѣчь лишена была всякаго изящества, и его прекрасный умъ, изобиловавшій идеями, былъ бѣденъ словами для ихъ выраженія. Потому, поочередно подавая другъ другу руку, я невѣрнымъ шагомъ робко вступалъ въ его область, онъ, подъ моимъ руководствомъ и часто съ бо̀льшимъ успѣхомъ, слѣдовалъ за мною въ мою. Ибо между нами было еще и то отличіе, что онъ гораздо болѣе зналъ по-латыни, чѣмъ я по-гречески; въ послѣднемъ я былъ совсѣмъ новичкомъ, въ первомъ онъ пошелъ нѣсколько далѣе, ибо, родившись въ итальянской Греціи и будучи старше меня, онъ имѣлъ случай общаться съ латинами, они были его учителями, и ему легко было вернуться къ старой привычкѣ».

Общественная и церковная дѣятельность Варлаама производитъ впечатлѣніе какой-то двойственности и неясности, что̀ легко вмѣнить его психологическому типу, если забыть условія времени

---

1) Сл. Var. 25 (къ Боккаччьо); Fam., XVIII, 2; De sui ipsius et aliorum ignorantia, стр. 1053—4; Boccaccio, Comento, lez. XV, ed. Milanesi, I, 370.

2) Fam., XVII, 2, отъ 1354 г.

3) Sen., IV, 1.

4) Fam., XXIV, 12; Var. 25; Sen., XI, 9; De sui ipsius et aliorum ignorantia, l. c.; De Contemptu mundi, стр. 346.

5) Fam., XVIII, 2.

и обстоятельствъ и колеблющійся обликъ личностей и народныхъ
группъ, случайно поставленныхъ на политическихъ и культур-
ныхъ границахъ. Они — прирожденные посредники, они поневолѣ
двоятся, и эта двойственность порождаетъ въ нихъ равнодушіе
или раціонализмъ; въ этихъ условіяхъ переходъ на ту или другую
сторону совершается при меньшемъ давленіи расчета или увле-
ченія, не вызывая обычныхъ идей вмѣняемости, но и роковымъ
об|разомъ не вызывая симпатій. Калабріецъ Леонтій Пилатъ, 85
ученикъ Варлаама, позднѣе учитель Боккаччьо, такой же двулич-
ный типъ: итальянецъ съ греками, грекъ съ итальянцами, онъ
выдаетъ себя за уроженца Солуня, бранитъ Италію, разставаясь
съ Петраркой, и снова направляется въ эту благословенную
страну, осыпая хулами все византійское. Ему недостаетъ лишь
общественной, отвѣтственной дѣятельности, которая бросаетъ
тѣнь на Варлаама. Уроженецъ Италіи, грекъ по исповѣданію,
Варлаамъ явился естественнымъ дѣятелемъ въ вопросѣ объ еди-
неніи Церквей; его рѣчь къ папѣ обличаетъ въ немъ ловкаго по-
литика, докладная записка предлагаетъ обойтись безъ обсужденія
догмата объ исхожденіи Св. Духа, предоставивъ ученымъ толко-
вать о немъ и каждому исповѣдывать по-своему. Онъ пишетъ
противъ Ѳомы Аквинскаго, посвящаетъ какому-то Франциску
свой трактатъ противъ папскаго главенства, затѣмъ становится
на сторону католичества и въ посланіи къ друзьямъ въ Греціи
обличаетъ греческую схизму, поднимая вопросы о приматѣ папы
и объ исхожденіи Св. Духа.

Была ли эта двойственность Варлаама выраженіемъ колебаній, вышедшихъ къ убѣжденію, — этотъ вопросъ намъ здѣсь неваженъ; существеннѣе вопросъ о двойственности его образовательнаго ценза. Если Кантакузинъ называетъ его «единомышленникомъ латинамъ», то этимъ не только выражается подозрѣніе въ религіозномъ единомысліи, но и въ качествѣ и характерѣ его знаній. Петрарка и Боккаччьо ставили ихъ очень высоко, но на вѣру: они не знали писаній Варлаама по церковнымъ и догматическимъ вопросамъ, ни его Этики по ученію стоиковъ, ни его

трактатовъ по астрономіи и замѣтокъ о Гармоникѣ Птолемея по поводу двухъ главъ, дополненныхъ Григорой [1]). Если присоединить къ этому его занятія Эвклидомъ, Аристотелемъ и Платономъ, то получится очень почтенный кругъ знаній, которымъ въ то время могли обладать немногіе. Григора, очевидно, искажаетъ факты, когда въ своей исторіи говоритъ о латинской лишь учености Варлаама, а эллинской онъ будто бы коснулся лишь кон-
86 цами | пальцевъ, и окончательно переходитъ въ преувеличеніе, изображая намъ (въ своемъ діалогѣ Флорентій) фигуру хвастливаго воина отъ науки, Ксенофана-Варлаама, Ѳразимахова сына. Онъ, говорятъ намъ, явился изъ Калабріи, гдѣ не осталось и слѣда не только эллинскихъ музъ, но и того языка, на которомъ говорятъ греческіе крестьяне и копачи; по рожденію латинянинъ-итальянецъ, онъ объясняется на діалектѣ, по-гречески — лишь съ затрудненіемъ. Свои знанія онъ, какъ слышно, пріобрѣлъ не въ Калабріи, а въ глубинѣ Италіи, и не обширныя, а лишь по Аристотелевой физикѣ и логикѣ, которыми особенно занимаются латиняне и итальянцы, къ тому же и не въ подлинникѣ, а въ старомъ сокращенномъ переводѣ на ихъ языкъ. Какъ человѣкъ любящій по природѣ все прекрасное, онъ возымѣлъ желаніе усовершенствоваться въ эллинскомъ языкѣ; потому, переправившись въ Калидонъ, городъ этолійцевъ, здѣсь совсѣмъ преобразилъ и языкъ, и бороду, и одежду, и манеры, и обычаи, рѣшивъ, что не слѣдуетъ брить бороды, ни одѣваться въ латинское платье, чуждое грекамъ, съ которыми ему пришлось бы общаться, а дабы ему болѣе вѣрили и его не подозрѣвали, облекся въ темную мантію. Оттуда онъ перешелъ въ нѣкій ѳессалійскій городъ, славившійся своею ученостью далеко за предѣлами сосѣдей и не уступавшій

---

1) *О Григорѣ и его дополненіяхъ къ Птолемеевой Гармоникѣ сл. Franz Boll, Studien üb. Claudius Ptolemäus, 21-er Supplem. Band des Jahrb. f. cl. Philol. 1894, p. 65 и 100 слѣд. — Сл. Carl v. Jan, Die Harmonie der Sphären, Philologus, LII (1893), p. 13—37 (съ 33: о Никифорѣ Григорѣ, его попыткѣ дополнить Птолемееву Гармонику и критикѣ, которую вызвалъ этотъ опытъ со стороны Варлаама).

въ этомъ отношеніи ни одному изъ главныхъ городовъ отъ Этоліи
до Локръ Озольскихъ; онъ отстоитъ отъ Аѳинъ и Аттики не
менѣе, какъ на 2000 стадій. Пробывъ здѣсь продолжительное
время и пріобыкнувъ къ греческому языку, Ксенофанъ воз-
мечталъ о себѣ, и какъ у людей, непривычныхъ къ вину, оно
бьетъ въ голову, и они видятъ не видимое, и не то, что̀ есть, такъ
и онъ, исполнясь гордыни, почелъ себя великимъ человѣкомъ,
чреватымъ всякой мудростью, а на другихъ смотрѣлъ свысока.
Узнавъ, что въ Аѳинахъ, «этой столицѣ всякой мудрости» [1]), не
было въ то время Митродора (Метохита, великаго логоѳета), а
Никагора (Григора) наложилъ на себя не|вольное молчаніе, онъ 87
явился туда, надѣясь тамъ заработать себѣ славу, ибо считалъ
тамошнихъ софистовъ торгующими мудростью по мелочамъ. Онъ
сталъ ходить по площадямъ и на собранія, обѣщая научить вся-
каго въ короткое время и за малую цѣну, далеко меньшую
стоимости—ему не торговаться, какъ мелочнымъ продавцамъ,—
а иныхъ поучая и даромъ.

Когда онъ услышалъ о томъ, что Митродоръ вернулся изъ
ссылки и снова сталъ показываться съ своимъ другомъ Ника-
горой, то возревновалъ къ ихъ славѣ и принялся ихъ злословить:
Гдѣ эти скитальцы, такъ ложно прославленные? Пусть явятся и
покажутъ, что̀ такое они взяли у Аристотеля, что̀ знаютъ объ
искусствѣ различенія и анализа, объ аподиктическихъ и діалекти-
ческихъ силлогизмахъ? А я хочу показать аѳинянамъ нѣчто
новое и совсѣмъ неожиданное. Былъ онъ человѣкъ большой па-
мяти, и что̀ прочелъ, то передавалъ устно, обстоятельно, точно
по книгѣ, особливо толкователей всѣхъ твореній Аристотеля;
только въ произношеніи словъ слышался варваризмъ, видно было,
что онъ латинянинъ. Наморщивъ лобъ, онъ принимался различать
ученіе о наукахъ вообще — и науку о добродѣтеляхъ, украшаю-
щихъ душу, устанавливая и еще дѣленіе, опредѣленное поня-

---

1) Аѳины = Константинополь; то же въ надгробномъ словѣ Григоры Ме-
тохиту: τὴν τῆς σοφίας μητρόπολιν.

тіемъ состязанія: тѣла противъ тѣла — это насиліе, и слова противъ слова — это искусство пренія; и такъ далѣе, восходя до недѣлимыхъ. Что до науки или искусства добродѣтели, не подлежащаго дальнѣйшему дѣленію, то усвоить его легко всякому, къ нему обращающемуся, за нѣсколько драхмъ. Кто бы пожелалъ, напр., узнать о справедливости и мужествѣ, какая изъ этихъ двухъ душевныхъ добродѣтелей выше, тому станетъ ясно, что мужество относится къ войнѣ и грабежу, справедливость же — къ противоположному. — Когда ему замѣтили на это съ удивленіемъ, что въ своемъ анализѣ онъ отнесъ мужество къ видамъ добродѣтелей души, а теперь относитъ его къ тѣлесной мерзости, онъ ничего другого не отвѣчалъ, какъ лишь то, что тутъ все дѣло въ словахъ, которыми пусть занимаются грамматики и риторы, а не тѣ, кто хочетъ философствовать въ направленіи Аристотеля.

88 | У Ксенофана явились послѣдователи, которые повѣрили ему и уже стали было негодовать, не видя исполненія обѣщаній; они-то и побудили его вызвать на споръ Никагору: онъ теперь не въ чести у властей, да и опечаленъ, какъ собственными невзгодами, такъ и тяжкой болѣзнью друга Метохита († 1332); либо власти не позволятъ ему выступить, либо онъ самъ не приметъ вызова, что будетъ сочтено за боязнь, и слава Ксенофана поднимется; какъ отъ блестящихъ и свѣтлыхъ предметовъ свѣтъ отражается на близкіе къ нимъ, такъ слава врага — на нападающемъ. — Такъ говорили Ксенофану его пріятели, но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовали поучиться у ихъ грамматиковъ правильному словоупотребленію, какъ бы его противникъ, не обращая вниманія на содержаніе рѣчей, не сразилъ его съ перваго слова за плохой эллинизмъ. Неужели мнѣ, такому философу, словно раку, попятиться назадъ въ ребячью школу? негодуетъ Ксенофанъ; вѣдь это значило бы желать убѣлить эѳіопа. Лучше я изложу вамъ вкратцѣ, что имѣю сказать, а вы пройдитесь по моимъ рѣчамъ вашимъ грамматическимъ канономъ, будто губкой. Это и было сдѣлано.

Никагора принялъ вызовъ нехотя и по принужденію. Собралось много народа, одни — послушать Ксенофана, другіе, мудрецы, — поглядѣть, какъ Никагора сниметъ съ аѳинянъ позоръ: въ былое время говорили, что не слѣдъ носить въ Аѳины совъ, теперь нипочемъ стали галки и майскіе жуки. Ксенофанъ храбро заявляетъ превосходство своихъ знаній надъ присутствующими мудрецами, пусть спрашиваютъ его о чемъ угодно — и онъ цитуетъ стихъ Гомера. Никагора даетъ ему вопросъ изъ астрономіи, не трудный, а такой, какой доступенъ школьникамъ, дабы тѣмъ болѣе посрамить Ксенофана. И онъ дѣйствительно не отвѣчаетъ ни слова, смущенъ, колеблется и говоритъ: Зачѣмъ спрашиваешь ты меня о томъ, что недоступно смертнымъ? Кто изъ рожденныхъ на землѣ когда-либо восходилъ на небо, чтобы повѣдать людямъ о звѣздныхъ путяхъ? Онъ отрицаетъ эту возможность, пересыпая отвѣтъ отрывками стиховъ. Въ толпѣ поднялся смѣхъ
и свистъ, | Ксенофана срамятъ, а Никагора велитъ всѣмъ умолк- 89
нуть: не всѣмъ дано все знать, говоритъ онъ; немудрено, что Ксенофанъ, родившійся среди латинянъ, не знаетъ астрономіи: этой наукой, процвѣтающей у эллиновъ, тамъ не занимаются. Ксенофанъ можетъ проявить свои знанія на чемъ-либо иномъ. — На всемъ, кромѣ астрономіи и связанныхъ съ нею наукъ, соглашается Ксенофанъ и возмущенъ, когда Никагора ласково и спокойно задаетъ ему вопросъ — по грамматикѣ: въ этомъ рабскомъ, служебномъ искусствѣ, какъ и въ риторикѣ, философъ не нуждается. Напрасно Никагора указываетъ ему, что только благодаря посредству языка дошли до насъ творенія Аристотеля и Платона, что безъ риторики не обошлись ни Горгій, ни Демосѳенъ, ни Ѳукидидъ, ни Платонъ, величайшій изъ «эллинскихъ гласовъ». Занятіе такими пустяками не позволяетъ украшать душу, а въ этомъ была моя высочайшая цѣль, отвѣчаетъ Ксенофанъ. — Снова зашумѣла толпа, послѣдователи Ксенофана присѣли, краснѣя, онъ самъ попался, какъ рыба въ сѣти, и, бѣшено обратившись на себя, какъ вакханки на Пенѳея, сбросивъ куколь и платье, бросился бѣжать. Когда его удержали, укоряя малоду-

шіемъ, онъ сталъ бранить Никагору, что тотъ коварно поступаетъ съ нимъ, сознательно задавая ему вопросы, на которые онъ не можетъ отвѣтить, обходя знакомые ему. Никагора, улыбаясь, успокаиваетъ его и настолько ободряетъ, что Ксенофанъ предлагаетъ испытать его въ философіи Аристотеля и во всѣхъ познаніяхъ, которыя съ нею связаны и къ ней ведутъ. Онъ утверждаетъ, что Аристотель отрицалъ, какъ служебныя и обманчивыя, занятія грамматикой и риторикой, и сознается, что никогда не видѣлъ относящихся къ этой области сочиненій Аристотеля и не слыхалъ о нихъ; что же касается физики, онъ готовъ обо всемъ разсуждать научно, путемъ діалектическихъ и аподиктическихъ силлогизмовъ. — Но силлогизмы — принадлежность низшаго пониманія, отвѣчаетъ Никагора, это — ложныя украшенія, органы, устроенные для другой цѣли; только итальянцы и тѣ, кто, учившись у нихъ, коснулись лишь концами пальцевъ преддверій
90 науки, не поняли, чего ради | слѣдуетъ учиться этому искусству, и на силлогизмахъ остановились, полагая, что въ нихъ — все, какъ кормчій судна счелъ бы себя искуснымъ потому лишь, что купилъ руль, или музыкантъ, пріобрѣтя плектръ. Древніе изобрѣтатели философіи и логики, слѣдуя водительству разума, исходили изъ высшаго умозрѣнія и, почерпая въ немъ привычку невещественной вѣры, уже затѣмъ обращались къ вещественному, познаваемому чувствами, возводя его къ единому началу, какъ бы по лѣствицѣ, которую уготовилъ имъ свыше разумъ въ силу присущаго ему знанія. Тотъ заслуживаетъ похвалы, кто, не будучи въ состояніи изойти изъ этого начала, взберется по этой лѣствицѣ къ юдоли истиннаго знанія, но еще болѣе тотъ, кто, овладѣвъ имъ и отправившись отъ единаго по существу, обратится къ подлежащему чувствамъ, раскиданному въ разнообразіи явленій и, вмѣстѣ, вышедшему изъ одного корня, и въ пестрой связи многаго усмотритъ единое. Все это зналъ Аристотель, и, какъ поэты въ образахъ миѳа являютъ непосвященнымъ отраженія истины, такъ и онъ изобрѣлъ для нихъ же и для той же цѣли нѣсколько извѣстныхъ и обманчивыхъ методовъ. — И Ни-

кагора пользуется возраженіемъ Ксенофана, чтобы подвергнуть критикѣ діалектическій и аподиктическій силлогизмы.

Въ дальнѣйшемъ спорѣ Ксенофанъ отходитъ въ сторону и выступаетъ вмѣсто него одинъ изъ его товарищей, Ксенократъ, такой же, какъ онъ, аристотеликъ, но болѣе знающій и готовый убѣдиться, тогда какъ Никагора раскрываетъ, съ постоянными ссылками на то или другое сочиненіе Аристотеля, его противорѣчія и колебанія между его собственными положеніями и мнѣніями древнихъ мыслителей, Пиѳагора, Демокрита, Анаксимандра, Галена и Иппократа, лучшаго изъ теологовъ — Гермеса Трисмегиста, и «великаго гласа Эллады», Платона. Противъ него Аристотель тѣмъ болѣе провинился, порицая его, что является неблагодарнымъ его ученикомъ. Противорѣчія объясняются не изъ промаховъ памяти — ихъ слишкомъ много, — когда съ одной стороны говорится о безсиліи человѣческаго пониманія, съ другой — чув|- 91
ственный міръ ставится впереди чувственнаго воспріятія, какъ его условіе, а человѣческое знаніе сводится къ неясному представленію истинъ, добытыхъ изъ внѣшнихъ воспріятій и запечатлѣнныхъ живописцемъ природы на скрижаляхъ души. Если захотѣть глубже проникнуть въ сущность вещей, я обратился бы скорѣе къ дельфійскимъ богословамъ: недоумѣваютъ и они, но близкое общеніе съ божествомъ просвѣщаетъ ихъ свыше. Но что говорить о богословахъ Дельфъ, когда я могу указать на лучшихъ, чѣмъ они, и также полныхъ недоумѣнія передъ тайной сущаго? На этомъ я кончу.

Конченъ и споръ. Никагора увѣнчанъ, какъ побѣдитель, Ксенофанъ подвергается порицанію за то, что захотѣлъ вмѣшаться въ число философовъ, выдавъ за золотой или серебряный — сосудъ изъ неблагороднаго металла. Ксенофанъ сгорѣлъ отъ стыда, готовъ провалиться или утопиться, умеръ бы съ горя, если бы кое-кто не успокоилъ его ласковыми словами. Онъ затѣваетъ отомстить за пораженіе: ходитъ къ ученикамъ Никагоры, подъ видомъ обученія, и, усвоивъ себѣ нѣчто по математикѣ и астрономіи, начинаетъ обстрѣливать Никагору тупыми стрѣлами;

тотъ отмалчивается. Видя свое невѣжество обнаруженнымъ, онъ отплылъ изъ Константинополя на сѣверъ въ нѣкій ѳессалійскій градъ (Солунь), извѣстный своей ученостью, тамъ онъ собираетъ деньги, ратуетъ и препирается въ союзѣ съ другими, либо по найму, противъ Никагоры.

Діалогъ Григоры, очевидно, памфлетъ, въ которомъ захожему ученому, осмѣлившемуся принести совъ въ Аѳины, предназначено сложить оружіе передъ бездной византійской учености. Она была значительна: Григора, прозванный у своихъ современниковъ «философомъ», былъ человѣкъ широкаго образованія, учившійся астрономіи у великаго логоѳета Ѳеодора Метохита, такого же, какъ и онъ, полигистора, и въ свою очередь обучавшій его дѣтей, объясняя имъ древнихъ писателей; Палама — знатокъ философіи и естественныхъ наукъ. Въ сравненіи съ ними Варлаамъ —
92 почти неучъ; это — выходка | полемиста, ритора, утверждавшаго, что по правиламъ его искусства въ похвальныхъ словахъ можно говорить, что угодно [1]). Важнѣе то, несомнѣнно историческое, освѣщеніе, въ которомъ представляется намъ ученый типъ Варлаама: онъ — главнымъ образомъ, діалектикъ, преданный силлогизму и ничего не знающій выше того Аристотеля, котораго изучали въ западныхъ школахъ. Эту діалектическую ловкость, увлеченіе свѣтской наукой вообще, онъ вносилъ въ богословскіе споры. На это-то и нападаютъ его противники: Григора пишетъ цѣлый трактатъ, ограничивающій роль силлогизма въ вопросахъ догмата, Палама оспариваетъ Варлаама словами святыхъ мужей и богослововъ, а не силлогизмами и геометрическими выкладками [2]), уличая его въ томъ, что «богодѣйственную премудрость Духа онъ ставитъ наравнѣ съ уроками философіи, потому, будто бы, что Господь сообщилъ намъ и «наставленія посредствомъ боговоздѣйствія, и уроки философическіе» [3]). Въ посланіи къ Варлааму

1) Nic. Greg., l. c., l. X, c. 8 слѣд.

2) Cantacuzeni Hist. libri, ed. Bonnae, 1828, I, 552.

3) Еп. Порфирій, Первое путешествіе въ аѳонскіе монастыри, I, 1, стр. 235—6.

«о двухъ началахъ» онъ упрекаетъ его въ пристрастіи къ діалектикѣ и греческимъ философамъ: «Посмотримъ на плоды просвѣщенія сократовскаго и платоновскаго. Чѣмъ они хороши? Ужъ не дозволеніемъ ли общенія женщинъ? Не допущеніемъ ли педерастіи? Не почитаніемъ ли демоновъ и героевъ? Не ссылкою ли нашихъ душъ съ неба въ тѣла животныхъ?.... А Аристотелево маловникающее провидѣніе, что это такое?» Въ другомъ письмѣ Палама выступилъ противъ положенія Варлаама, будто нѣтъ никакихъ доказательствъ ни объ одномъ изъ божественныхъ дѣлъ, приводя доводы и называя доказательства Аристотеля неопредѣленными и неумѣстными [1]). Еще рѣзче высказывается о Варлаамѣ патріархъ константинопольскій Нилъ въ похвалѣ Паламѣ: для Варлаама нѣтъ ничего выше эллинской мудрости, непререкаемости | силлогизмовъ и добытой такимъ путемъ истины; если 93
кто не продѣлалъ этого пути, нельзя приблизиться и къ познанію Бога, говоритъ онъ; не побывавъ въ школѣ Пиѳагора, Аристотеля и Платона, не научившись у нихъ законамъ природы, происхожденія и разрушенія сущаго, нельзя познать истины. А если Богъ — истина, то тотъ, кто не научился у эллинскихъ мудрецовъ движенію небесныхъ свѣтилъ и природы, т. е. истинѣ, не въ состояніи познать и Бога. Такимъ неразуміемъ зараженъ не одинъ Варлаамъ, а издавна всѣ латины [2]). Источникъ его знаній — Органонъ и нѣкоторыя другія сочиненія, отъ остальныхъ наукъ онъ едва вкусилъ, пишетъ о немъ Христодулъ [3]), церковными писателями не занимался [4]). Его послѣдователи, Акиндинъ, Димитрій Солунскій, монахъ Прохоръ — такіе же силлогисты, какъ

---

1) l. c., стр. 232; Migne, Patrol. graec., 151, col. 384.

2) Migne, l. c., col. 663 слѣд.—*Въ похвальномъ словѣ въ честь Паламы Филоѳей говоритъ, что Варлаамъ, «пропустивъ философскія доказательства мудрыхъ богослововъ, называетъ эллинскихъ мудрецовъ, т. е. Аристотеля и Платона и ихъ послѣдователей — божественными и Богомъ просвѣщенными существами» (Успенскій, l. c., 267).

3) Сл. предисловіе къ словамъ противъ ереси Варлаама и Акиндина у Bandini, Joh. Chrysostomi, II, стр. 128.

4) Сл. XII-е слово Филоѳея противъ Григоры, Migne, l. c., col. 1120,

и онъ. Меня обвиняютъ, говоритъ послѣднiй, что я пользуюсь въ своихъ разсужденiяхъ силлогизмами, считая ихъ оракуломъ богословiя. Но что же дѣлать? Наши очи затмились, духовные стражи слѣпотствуютъ, проповѣдники нѣмы, поучаемые расположены недоброжелательно къ учителямъ своимъ и не считаютъ себя обязанными ихъ слушаться. Неужели теперь бросить силлогизмъ, это единственно оставшееся средство къ отысканiю истины? [1]).

Мы признали въ грубоватой характеристикѣ Варлаама у Григоры долю страстныхъ выходокъ; но это — выходки типическiя. Читая нареканiя Анны Комнены на Iоанна Итала, мы невольно припоминаемъ Ксенофана: Италъ столь же силенъ въ философiи Аристотеля и Платона, онъ — оффицiальный преподаватель философiи, и его также обвиняютъ въ ереси и эллинскихъ мудрованiяхъ; онъ также несвѣдущъ въ грамматикѣ и не отвѣдалъ нектара риторики; греческiй языкъ обличаетъ въ немъ иностранца |
94 изъ латинскихъ областей, рѣчь отличается деревенскимъ пошибомъ. Какъ Ксенофанъ, онъ страстенъ, невоздерженъ въ аффектѣ, напыщенъ, вся его сила въ страшной дiалектикѣ, которою онъ опутаетъ всякаго; въ спорахъ онъ непобѣдимъ. Онъ знакомъ съ византiйской школой и слушалъ Пселла, но родомъ онъ итальянскiй грекъ, долго жилъ въ Сицилiи, затѣмъ въ Ломбардiи; Пселлъ называетъ его ломбардомъ. Чѣмъ онъ обязанъ западному воспитанiю, мы не знаемъ, — и остается открытымъ вопросъ, что̀ опредѣлило оригинальность его философскихъ воззрѣнiй, оказавшихъ извѣстное влiянiе и на западную схоластику.

Въ вопросѣ о Варлаамѣ раздѣлъ западныхъ и византiйскихъ теченiй провести легче. Онъ прошелъ латинскую школу, это опредѣляетъ его роль въ борьбѣ съ византiйцами. За противоположностью богословской и эллинской мудрости, за вопросами о границахъ разумѣнiя и правахъ силлогизма, чувствуется нѣчто другое: противорѣчiя аристотелевской философiи и того неоплато-

---

1) Migne, l. c., col. 699 и 701.

низма, которымъ освѣщаются въ концѣ діалога «Флорентій»
рѣчи Никагоры, которымъ безсознательно питается, въ лучшихъ
своихъ представителяхъ, мистицизмъ аѳонскихъ гезихастовъ.
Варлаамъ отнесся къ нему, какъ узкій раціоналистъ и діалек-
тикъ; схватывая показные концы, подходя съ силлогизмомъ къ
анализу нерукотворнаго Ѳаворскаго свѣта и поднимая на смѣхъ
монаховъ-простецовъ, выработавшихъ, какъ пріемъ созерцатель-
наго самоуглубленія, смотрѣніе въ пупъ. Вопросъ о преимуще-
ствѣ платоновской или аристотелевской философіи давно уже по-
ставленъ въ Византіи: учитель Пселла, Іоаннъ Мавроподъ, былъ
почитателемъ Платона, Пселлъ ставилъ его выше «Философа
Церкви»; это вызвало броженіе мысли, оживленный споръ аристо-
теликовъ съ платониками, напоминающій аналогичное движеніе
въ позднѣйшемъ Возрожденіи. Въ концѣ XIII и началѣ XIV в.
Никифоръ Хумнъ пишетъ противъ платоновской философіи — и
противъ нападавшихъ на нее неумѣлыхъ аристотеликовъ; его
противникомъ является платоникъ Метохитъ; Григора созна-
тельно платонизируетъ даже въ стилѣ, и его философскимъ оппо|-
нентомъ является Агаѳангелъ; Кантакузинъ комментируетъ Ари- 95
стотеля, аристотеликъ Варлаамъ втягивается въ общее теченіе,
взявшись объяснить проникнутыя неоплатонизмомъ писанія Діо-
нисія Ареопагита; Платонъ и Аристотель стоятъ на очереди въ
его перепискѣ съ Георгіемъ Лапиѳомъ [1]).

Имя Георгія переноситъ насъ въ одинъ изъ тѣхъ центровъ культурнаго и литературнаго общенія между Западомъ и Византіей, какимъ въ то время могъ являться еще Неаполь: въ Кипръ, ко двору Короля Гуго IV-го. Та же помѣсь народностей, греческой и романской, но въ обратномъ отношеніи; царитъ французская династія Лузиньяновъ, и развивается потребность учиться не только греческому и французскому, но и сирійскому языку для сношенія съ восточными патріархатами; въ половинѣ XIII в.

1) *О философской традиціи въ Византіи сл. Ludwig Stein, Die Continuität der griech. Philosophie in der Gedankenwelt der Byzantiner, Archiv f. Geschichte d. Philosophie, IX (1895), стр. 225—46.

итальянецъ изъ Новары, Филиппъ, настолько вживается въ политическіе интересы острова, что пишетъ и поетъ о нихъ — по-французски. Король Гуго извѣстенъ, какъ мудрый и счастливый администраторъ, освободившій греческое населеніе отъ рабства, въ которомъ держали его первые завоеватели Кипра; и Боккаччьо и пріятель Лапиѳа, Григора, написавшій риторическій панегирикъ Гуго, прославляютъ подвиги его государственнаго устроенія и любовь къ наукамъ. Онъ занимается богословіемъ и интересуется астрологіей: въ бытность свою въ Римѣ ищетъ знакомства съ Андалоне ди Негро и ведетъ дружбу съ другимъ извѣстнымъ математикомъ XIV вѣка, котораго нерѣдко цитуетъ и Боккаччьо, Павломъ Геометромъ; любитъ бесѣдовать съ учеными, являвшимися къ нему въ его замокъ въ горахъ св. Иларіона; въ числѣ ихъ былъ и Георгій Лапиѳъ, имѣвшій невдалекѣ прекрасное помѣстье. По словамъ Григоры, король чтилъ его, какъ за его достоинства, такъ и за обширныя познанія. Самъ Гуго былъ немало посвященъ въ латинскую мудрость, продолжаетъ Григора, и по этой причинѣ постоянно держалъ при себѣ ученыхъ латинянъ, но болѣе дорожилъ музой и обществомъ Георгія, ибо, говорилъ онъ, «правители становятся мудрыми отъ общенія съ мудрецами». Вслѣдствіе этого онъ овладѣлъ и тою и другой наукой, какъ греческой, такъ и латинской [1]), въ которыхъ Георгій
96 былъ одинаково | силенъ, и любилъ присутствовать при спорахъ послѣдняго съ учеными латинянами, которыхъ онъ поражалъ силлогизмами, точно стрѣлами, особенно, когда дѣло заходило о блюденіи вѣры отцовъ; случалось, что, обрушиваясь на нихъ свидѣтельствами св. Писанія, Георгій заставлялъ ихъ нѣмотствовать, какъ рыбы, и, когда это сердило короля, успокаивалъ его прелестью своей рѣчи и доводами истины. Всѣ, хотя бы немного причастные греческой или латинской наукѣ, отдавали ему пальму первенства въ такого рода спорахъ, въ которыхъ ставились, вѣроятно, и вопросы по астрологіи. Самъ Лапиѳъ занимается ею,

---

1) Сл. тоже у Боккаччьо, Gen. Deor., XV, 7.

изучаетъ Птолемея и астрологическія сочиненія древняго и новаго времени, устраняя вопросы, выходящіе за предѣлы, положенные священными законами, допуская лишь тѣ, которые позволяютъ съ надлежащей осторожностью искать причины вещей— и тѣ потому, главнымъ образомъ, чтобы не смутиться хитростью латинянъ, много занимающихся этой наукой, и самого короля, къ которому нерѣдко пріѣзжаютъ для ученыхъ споровъ арабы изъ Египта, полагающіе въ астрологіи главную суть человѣческаго знанія [1]).

Богословскіе вкусы короля объясняются, какъ его религіозностью, такъ и церковными спорами, раздѣлявшими на Кипрѣ представителей той и другой Церкви, между прочимъ, по вопросу о древѣ Креста, принесенномъ на островъ царицей Еленой. Другимъ, на этотъ разъ литературнымъ интересамъ отвѣтилъ трактатъ Боккаччьо о Генеалогіяхъ Боговъ. Гуго побудилъ его къ этому труду черезъ посредство одного изъ своихъ служилыхъ людей, Доннино изъ Пармы; когда въ 1350 году Боккаччьо проживалъ въ Равеннѣ, къ нему явился, съ тѣмъ же напоминаніемъ, одинъ изъ ближнихъ короля, флорентинецъ Беккино Беллинчьони; еще позже Гуго писалъ о томъ же знакомому Боккаччьо, Павлу Геометру. Все это заставило Боккаччьо приняться снова за полузабытый (semisopitum) трудъ [2]), надъ | которымъ онъ продол- 97
жаетъ работать, черпая въ источникахъ, какъ прежде черпалъ изъ Коллектаней Паоло Перуджинскаго и замѣтокъ Варлаама. Послѣднія онъ приводитъ не разъ въ объясненіе того и другого миѳа. Такъ, миѳъ о Девкаліонѣ и Пиррѣ и камняхъ, которые они бросали позади себя, и которые превращались въ людей, Варлаамъ, по словамъ Паоло, толковалъ такъ, что супруги убѣдили людей, спасшихся отъ потопа въ каменныя пещеры, выйти оттуда, по минованіи опасности, и снова населить землю. Сходное толкованіе давалъ онъ миѳу о Діанѣ и Аполлонѣ, родившихся на

1) Nic. Greg., l. c., III, стр. 28 слѣд.
2) Сл. Gen. Deor., посвященіе и XV, 13.

окутанномъ туманомъ островѣ Ортигіи: послѣ потопа, бывшаго при царѣ Огигесѣ, отъ влажной и вмѣстѣ горячей земли пошли такія облака, что на Эгейскомъ морѣ и въ Ахайѣ не видать было ни луны, ни солнца; когда облака разрѣдились, особенно на островахъ, гдѣ испареній земли, вслѣдствіе сосѣдства моря, было меньше, случилось однажды ночью, за часъ до разсвѣта, что первыми усмотрѣны были лучи мѣсяца, а затѣмъ и солнечные. Это возбудило общую радость, и о свѣтилахъ, которыхъ считали погибшими, стали говорить, что Аполлонъ и Діана родились на островѣ Ортигіи, прозванномъ Делосомъ, ибо тамъ они какъ бы объявились впервые. — Варлаамъ, очевидно, не шелъ дальше внѣшняго евгемеризма и натурализма, въ стезяхъ усвоеннаго имъ философскаго міровоззрѣнія, а Боккаччьо вносилъ его показанія въ угловатыя, но грандіозныя по замыслу Генеалогіи Боговъ, пытаясь объединить поэзію и религію.

Когда въ 1339 году Варлаамъ явился въ Неаполь, Боккаччьо былъ еще тамъ; онъ могъ видѣть заѣзжаго грека и заинтересоваться имъ, но показанія Боккаччьо могутъ дать поводъ заключить, что личнаго знакомства между ними не было, и посредникомъ между ними являлся Паоло. Боккаччьо говоритъ, напр., что Варлаамъ былъ малъ ростомъ, точно видѣлъ его; нѣкоторыя писанія Варлаама были у него въ рукахъ, но онъ могъ получить ихъ и отъ Паоло; на него онъ ссылается, приводя показанія Варлаама. Такъ, Паоло разсказывалъ, въ присутствіи
98 Боккаччьо, будто | слышалъ отъ Варлаама, что во время оно не было во всей Греціи, на островахъ и побережьи, ни одного именитаго человѣка, который не производилъ бы свой родъ отъ какого-нибудь языческаго бога.

Роль Варлаама въ судьбѣ ранняго итальянскаго гуманизма представляется внѣшней и случайной. Воспитанный въ преданіяхъ западной университетской школы, гдѣ царила схоластика и арабскій Аристотель, онъ и въ Греціи не освободился отъ ея метода: въ Византіи его укоряютъ пристрастіемъ къ діалектикѣ и Аристотелю противополагаютъ Платона и христіанскій неоплато-

низмъ. На Западѣ, въ кружкахъ начинателей Возрожденія, онъ засталъ сходное движеніе: Петрарка жаждетъ прочесть Платона въ подлинникѣ и жалуется, что скорый отъѣздъ Варлаама помѣшалъ ему въ этомъ дѣлѣ. И онъ также ратуетъ противъ схоластики и діалектической болтовни, забывающей изъ-за слова сущность вещей, противъ непогрѣшимаго Аристотеля, и увлекается Платономъ, котораго знаетъ изъ римскихъ писателей и немногихъ доступныхъ ему переводовъ [1]), но понимаетъ болѣе чутьемъ: именно имя и ученіе Платона отвѣтило его внутреннему спросу, спросу Возрожденія. Платонъ для него—«потокъ божественнаго краснорѣчія», первый изъ числа философовъ, всего ближе подошедшихъ къ поставленной небомъ цѣли, къ ученію христіанства; Боккачьо называетъ его въ своихъ Генеалогіяхъ богословомъ [2]), человѣкомъ божественнаго разума [3]), ссылаясь на «католическихъ философовъ» [4]). Это почти тѣ же воззрѣнія, что и у Григоры.— Варлаамъ проходитъ мимо того и другого движенія безучастно; средневѣковой схоластикъ, противникъ платоновской философіи [5]), онъ могъ подѣлиться съ своими западными друзьями лишь
знаніемъ греческаго языка и обрывками | эрудиціи, а его 99
возвеличили въ силу надеждъ и чаяній, въ которыхъ выразилась самостоятельная эволюція гуманизма, и на которыя онъ не былъ въ состояніи отвѣтить.

II.

Въ 30-хъ годахъ XIV-го столѣтія вокругъ молодого Боккачьо слагалась, окутывая его, неясная пока атмосфера гуманизма, сотканная изъ просвѣтовъ и чаяній какой-то новой культуры и захватовъ въ прошлое. Движеніе опредѣляется въ поко-

---

1) De ignorantia, стр. 1053—4.
2) Gen. Deor., l. XIV, c. 13.
3) Comento, ed. Milanesi, lez. I, vol. I, 79.
4) l. c., lez. XVI, vol. I, 379.
5) Сл. Legrand, Cent dix lettres grecques de Fr. Filelphe, Paris, Leroux, 1892, стр. 152 слѣд.

лѣніи, слѣдующемъ за учителями Боккаччьо, среди людей, близко стоявшихъ ко двору, нотаріусовъ, судей, профессоровъ и представителей неаполитанской знати. Съ иными изъ нихъ Боккаччьо могъ познакомиться въ свое первое неаполитанское пребываніе, съ кѣмъ — рѣшить трудно; съ другими онъ сблизился въ послѣдующія поѣздки; съ Барбатомъ — до 1353 года; Баррили онъ упоминаетъ въ Генеалогіяхъ Боговъ [1]).

Барбата изъ Сульмоны, неаполитанца Джьованни Баррили и Николая д'Алифе мы встрѣчаемъ уже съ 1327 года въ должностныхъ и литературныхъ отношеніяхъ къ двору; видимъ ихъ и въ кружкѣ Аччьяйоли — и въ дружеской перепискѣ съ Петраркой. Съ Барбатомъ сблизилъ его король Робертъ въ 1341 году, когда поэтъ явился къ нему для извѣстнаго намъ
100 ученаго испы|танія; Баррили назначенъ былъ королемъ присутствовать при вѣнчаніи Петрарки на Капитоліи, но не поспѣлъ, задержанный разбойниками близъ Ананьи. Когда, по смерти Роберта, Петрарка снова пріѣхалъ въ Неаполь въ 1343 году, Барбато и Баррили были его руководителями въ окрестностяхъ Неаполя: съ ними онъ посѣтилъ мѣста, воспѣтыя Виргиліемъ и, ранѣе его, Гомеромъ: Байи, хранящія память не столько о доблести римлянъ, сколько объ ихъ сладострастіи, Авернское озеро съ пещерой Сивиллы, Литернумъ, гдѣ жилъ въ изгнаніи Сципіонъ, а одна дѣвушка изъ Поццуоли, силачка, напомнила ему

---

1) XIV, 19: покинувъ Римъ, Виргилій избралъ себѣ вблизи Неаполя semotum locum quieto atque solitario littori proximum, ut magni spiritus homo Iohannes Barillus ajebat, inter promontorium Posilibi et Puteolos vetustissimam Graecorum coloniam, ad quem nemo fere, nisi eum quaereret, accedebat. — О Барбатѣ и Баррили сл. Faraglia, I due amici del Petrarca, Giovanni Barrili e Marco Barbato Sulmonese (Archivio d. Società storica per le provincie napoletane, IX); его же: Barbato da Sulmona e gli uomini di lettere della corte di Roberto d'Angiò, l. c. Свѣдѣнія о Барбато, Баррили и Пьетро ди Монтефорте у Hortis, Studi (сл. Indice), у него же, стр. 347—8, неизданное письмо Барбата къ Пьетро ди Монтефорте. О Баррили († 1367) говоритъ Matteo Camera, Elucubrazioni storico-diplomatiche su Giovanna I^a regina di Napoli e Carlo III di Durazzo (Salerno, 1889), пользовавшійся его неизданными пока лѣтописными воспоминаніями о современныхъ ему событіяхъ (сл. стр. 1—2, 263—4).

древнюю Камиллу, рожденную въ сосѣднемъ Пиперно [1]). Друзья должны были толковать о многомъ, Петрарка могъ увлекать ихъ чтеніемъ эпизодовъ изъ своей Африки, отрывокъ которой, всего нѣсколько стиховъ, съ трудомъ выпросилъ у него Барбато [2]); на интересы къ классической древности указываетъ подаренная ему Барбатомъ [3]) рукопись цицероновскихъ Академикъ. Поднимались вопросы и другого характера. Петрарку просили основаться въ Неаполѣ, но онъ самъ знаетъ, что онъ — непосѣда; къ тому же положеніе Неаполя, гдѣ многое напоминало ему Роберта [4]), и все предоставлено было теперь неопытнымъ рукамъ юной королевской четы, проискамъ анжуйскихъ принцевъ и своеволію знати, внушало опасенія. Онъ ожидалъ всего худшаго, и когда три года спустя совершилась катастрофа, и убитъ былъ король Андрей, онъ напомнилъ Барбату свои прежнія бесѣды и совѣтовалъ ему быть насторожѣ. Барбато удалился отъ дѣлъ въ свою Сульмону, гдѣ пріобрѣлъ помѣстья, и гдѣ посѣтилъ его въ 1362 году, возвращаясь изъ Неаполя, Боккаччьо. Съ Петраркой онъ болѣе не видѣлся, но сношенія между ними не | прерыва- 101
лись: они продолжали обмѣниваться письмами, и Петрарка посвятилъ ему одну книгу своихъ стихотворныхъ посланій. Когда, по кончинѣ Барбата († въ 1363 году), одинъ изъ его учениковъ попросилъ Петрарку написать нѣчто въ похвалу учителю, напоминаніе дорогого имени заставило поэта отстать на время отъ «своихъ мелкихъ, быть можетъ, но многочисленныхъ и разнообразныхъ работъ», и онъ пишетъ въ отвѣтъ «о талантѣ и нравахъ Барбата Сульмонскаго». Никто болѣе его не заслужилъ поэтическаго восхваленія, говоритъ онъ; не было человѣка болѣе чистыхъ нравовъ, бо́льшаго любителя поэзіи, которой онъ жаждалъ,

---

1) Fam., V, 4; Epist. poet., II, 15; De Nolhac, Le De Viris illustribus de Pétrarque, Paris, 1890, p. 29 прим. 1 отд. оттиска, сл. его же Pétrarque et l'humanisme, Paris, 1892, стр. 130.

2) Sen., II, 1.

3) Sen., XVI, 1.

4) Epist. poet., II, 6.

какъ изысканной пищи, великодушно презирая всякую другую роскошь; не было человѣка столь остраго ума, краснорѣчиваго, писавшаго столь изящно, богатаго знаніями и памятью. Меня онъ такъ любилъ, что ни съ кѣмъ не поставилъ бы въ уровень, не то чтобы ниже кого другого; мы были связаны съ нимъ неразрывной дружбой, но въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ я его не видѣлъ, мнѣ неизвѣстно, что онъ творилъ; при его богатомъ дарованіи онъ могъ написать многое; не имѣя о томъ понятія, я, при недостаткѣ свободнаго времени, не въ состояніи ничего прибавить къ сказанному. — И онъ побуждаетъ своего корреспондента самому взяться за перо, дабы и Петрарка могъ увѣдать о содѣланномъ Барбатомъ, а его родина — возгордиться знаменитѣйшимъ изо всѣхъ своихъ гражданъ, не исключая Овидія: тотъ запятналъ дурными нравами блестящій талантъ, нашъ другъ былъ великъ умомъ, но еще выше — добродѣтелью [1]). — Въ поэтическомъ посланіи къ Ринальду да Виллафранка [2]) Петрарка выразился опредѣленнѣе: Барбато является поэтомъ, его уста полны касталійскаго нектара, онъ достоинъ лавровъ, но скромно несетъ заслуженное отличіе, второй Овидій Назонъ, явившійся среди пелигновъ.

Какой изъ двухъ отзывовъ ближе къ истинѣ, сказать трудно: |
102 поэтическіе опыты Барбата, существованіе которыхъ засвидѣтельствовано, утрачены; остался отрывокъ его толкованій одного письма Петрарки. Онъ поможетъ намъ разобраться въ вопросѣ.

Стараніями Аччьяйоли, Джьованна вышла во второмъ бракѣ за бывшаго его воспитанника, Людовика Тарентскаго; смута, начавшаяся по смерти Роберта, казалось, кончилась; Аччьяйоли помирилъ новаго короля съ папой; власть сосредоточилась въ рукахъ «великаго сенешаля». Петрарка зналъ издали его блестящія дарованія и, не стоя близко къ дѣлу, не вѣдая, какою

1) Sen., III, 4.
2) Epist. poet., l. II, 16; сл. II, 7.

массой интригъ и заднихъ ходовъ достигнутъ былъ видимый миръ, возложилъ на Аччьяйоли радужныя надежды: онъ будетъ миротворцемъ, возстановитъ золотой вѣкъ Роберта, — и Петрарка поучаетъ его, въ какомъ духѣ ему слѣдуетъ руководить молодымъ королемъ, дабы сдѣлать изъ него идеалъ правителя. Это была одна изъ тѣхъ праздныхъ фантасмагорій, какими часто увлекался поэтъ, и которыя не оправдывали ни люди, ни событія. — Въ этомъ духѣ онъ и написалъ письмо къ Аччьяйоли [1]); Барбато вздумалъ его комментировать, какъ объясняютъ древній текстъ, вставляя похвалы Петраркѣ и — благодатной Кампаніи; Петраркѣ — вѣнчанному поэту, которымъ однимъ можетъ возгордиться нашъ вѣкъ, утратившій не только останки древнихъ поэтовъ, философовъ и ученыхъ, но и множество книгъ, по нерадѣнію и неправедному духу стяжанія. Похвалы Петраркѣ расточаются по категоріямъ вѣрности (памяти короля Роберта), любви (къ Барбату) и смиренія. Толкованіе текста придаетъ громадное, таинственное значеніе всякой мелочи, чередуясь съ наивными грамматическими замѣтками: многозначительнымъ является даже частица «уже» (jam), съ котораго начинается посланіе, и намъ говорятъ, что «свѣтлый» — естественный эпитетъ, напр., дня, и что въ другомъ смыслѣ употребляется «свѣтлость», когда дѣло идетъ объ именитыхъ людяхъ. — Все это отзывается средневѣковой | манерой: и 103
страсть къ различеніямъ и подраздѣленіямъ, и напускное преувеличеніе толкуемаго. Переходъ отъ схоластическаго схематизма къ болѣе свободнымъ и реальнымъ пріемамъ гуманизма совершался не вдругъ: въ вѣнчальной рѣчи Петрарки, въ комментаріяхъ Боккаччьо много средневѣковщины, толкованія Доната дельи Альбанцани, младшаго современника Петрарки и Боккаччьо, на Валерія Максима, недалеко ушли отъ такого же труда Діонисія da Borgo San Sepolcro. — Съ текстами и авторитетами въ рукахъ, Барбато желаетъ объяснить малопонимающимъ полныя тайнаго смысла рѣчи поэта, почему и перетираетъ ихъ, какъ пе-

---

1) Fam. XII, 2.

ретираютъ ароматическія вещества, чтобы запаху отъ нихъ было больше[1]). Такъ выражается онъ въ письмѣ къ Пьетро да Монтефорте, посылая ему свой комментарій — съ просьбой сдѣлать въ немъ какія нужно поправки и показать одному лишь общему пріятелю, нотаріусу Tommaso de Joha.

Съ подобной же просьбой обратился Боккаччьо къ тому же Пьетро по поводу своихъ Генеалогій. Это было въ 1372 году. Профессоръ гражданскаго права и членъ Великаго суда, Пьетро де Монтефорте интересовался поэзіей и, какъ самъ онъ писалъ Боккаччьо, принизилъ однажды гордыню какого-то непризваннаго судьи, позволившаго себѣ нападать на поэзію, еще не видавъ и не уразумѣвъ рѣчи поэтовъ. Отъ графа Уго да Сансеверино, гдѣ въ 1370—1 годахъ Пьетро познакомился съ Боккаччьо, онъ, вѣроятно, и получилъ экземпляръ Генеалогій, еще необработанныхъ въ окончательномъ видѣ и предоставленныхъ авторомъ хозяину лишь подъ условіемъ не распространять ихъ безъ необходимыхъ исправленій. Пьетро прочелъ ихъ и написалъ Боккаччьо хвалебное посланіе; тотъ отвѣчалъ: онъ еще не получалъ экземпляра своей книги съ замѣтками Пьетро, — пишетъ онъ ему, — но уже знаетъ одно изъ его возраженій: книга о языческихъ
104 богахъ | казалась ему слишкомъ нехристіанской. Боккаччьо оправдывается, проситъ указаній и поправокъ, но характерно такое именно заявленіе со стороны защитника поэзіи, «щедраго хозяина Піэридъ», какъ называетъ его въ своемъ посланіи Барбато.

Барбато стоитъ за многихъ: къ его имени невольно примкнули имена нѣкоторыхъ другихъ сочувственныхъ ему дѣятелей, первыхъ дѣятелей южно-итальянскаго Возрожденія; къ нимъ пристанутъ впослѣдствіи другіе: флорентинецъ Заноби, секретарь Аччьяйоли, еще позже Нелли. Письмо Петрарки въ похвалу Барбата даетъ намъ мѣру дѣятельности этого кружка, въ кото-

---

1) Тотъ же образъ въ письмѣ Нелли къ Петраркѣ у Cochin, l. c., стр. 216, № XIV (nunc triti ac confricati piperis fragrantis suavius sentiebam odorem — по поводу чтенія Стація).

ромъ страстность неясныхъ стремленій перевѣшивала слабость наивныхъ начинаній: клички второго Назона, хозяина Піэридъ, воспитанника Музъ (какъ зовутъ Николая д'Алифе), указываютъ не на дѣйствительную литературную дѣятельность, а на существованіе извѣстныхъ интересовъ, на подъемъ мысли въ области поэзіи и гуманистическаго знанія — отъ вопросовъ дня, дѣловой карьеры и узкаго преданія школы. Ея печать видимо лежитъ на Барбатѣ и Пьетро де Монтефорте; это — обрывокъ цѣпи, который они унесли безсознательно на новые пути, гдѣ всякое открытіе кажется имъ откровеніемъ, одинъ порывъ къ идеалу — подвигомъ; всѣ они — Назоны, любимцы музъ; всѣ издали молятся на Петрарку: его Canzoniere вліяетъ на юношескую лирику Боккаччьо, Гвильельмо Марамальдо, съ которымъ Петрарка подружился въ Неаполѣ, — первый неаполитанскій петраркистъ; но всего болѣе манила глубина классическаго знанія, таинственная «Африка» Петрарки. Всѣ чего-то ждутъ, всѣ идеально настроены; въ этой сферѣ сложился молодой Боккаччьо.— Когда, послѣ его отъѣзда, явился въ Неаполь Петрарка, это было событіемъ: бродившія силы сплотились вокругъ него въ какую-то платоновскую республику философовъ; въ ней всѣ друзья: Сильвій — Петрарка, Питій — Барбатъ, Идей — Баррили; культъ дружбы, типичный для Возрожденія [1]), поддерживался единствомъ стремленій: всѣ ищутъ того же, каждый приноситъ свою лепту, ободряя другого, интересуясь его работой, прося пересмотрѣть и исправить свою; | 105
нѣсколько стиховъ Африки, довѣренные Петраркой Барбату подъ строгой тайной, вскорѣ облетѣли весь кружокъ гуманистовъ, а Пьетро де Монтефорте достаетъ при тѣхъ же условіяхъ Генеалогіи Боговъ. Частныя письма ни для кого не тайна, они какъ бы и пишутся въ виду друзей: они — ихъ литературный органъ; таковыми они останутся въ періодѣ расцвѣта Renaissance, какъ позже въ эпоху преціозности. Петрарка царитъ въ этомъ кружкѣ вблизи и издали, шлетъ письма и стихотворныя посланія, дѣя-

---

1) *Боккаччьо о дружбѣ: Decam., X, 8 (santissima cosa è l'amistà и. т. д.).

тельно сѣетъ дружбу, спѣшитъ подавить проявленіе расходившихся самолюбій, пристраиваетъ Заноби у Аччьяйоли и старается водворить согласіе между нимъ и недовольнымъ на него Баррили, котораго поучаетъ по этому поводу философіи Платона [1]). Дѣло выше всего, и оно всѣхъ настраиваетъ торжественно: живется въ мірѣ идей и образовъ, облекающихся въ пластическую фразу, и эта пластичность закупаетъ настолько, что кажется дѣйствительностью; работа мысли идетъ въ этой чередѣ, принимая слово за дѣло, заслушиваясь звучныхъ періодовъ, увлеченная логикой желанья. На землѣ — Аччьяйоли, неаполитанскія смуты, полосы средневѣковаго мрака; тамъ гдѣ-то, въ сіяньѣ — силуэты золотого вѣка, Римъ и Капитолій, поэзія и дружба, и императоры, подающіе руку трибунамъ народной свободы.

Когда Филиппо Виллани разсказываетъ, что Боккаччьо внезапно объяло поэтическое вдохновеніе (subitoque Pieridum raptus amore) въ Неаполѣ у гробницы Виргилія — это совершенно въ стилѣ ранней гуманистической восторженности, и мы склонны повѣрить ему на слово. Быть можетъ, впрочемъ, источникомъ Виллани было письмо Боккаччьо отъ 1338—9 года къ какому-то военному человѣку, гдѣ также говорится объ откровеніи, бывшемъ ему у гробницы Виргилія; но это было откровеніе любви: ему явилась въ свѣтломъ видѣніи его Фьямметта; не классическая, холодная и учительная муза, какою представлялъ ее себѣ впослѣдствіи Боккаччьо подъ наитіемъ Петрарки, а муза — женщина, вдохновившая его первыя произведенія, красавица-неапо|-
106 литанка, не столько просвѣтленная древнимъ идеаломъ красоты, сколько наряженная въ бутафорскія принадлежности антика. «Недавно моя отвага увлекла меня въ высокій сонмъ Геликона, и я стоялъ, внимая, что тамъ творится, и о чемъ идетъ бесѣда, когда, точно лаконская красавица Париса, вышла нимфа изъ веселой рощи, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, и, подойдя ко мнѣ,

---

1) Fam., XII, 14.

сказала: Я та, что дѣлаю безсмертнымъ имя всякаго, слѣдующаго за мною, и вотъ я явилась сюда, готовая полюбить. Встань же и пріиди. — И я всталъ, уже воспламененный ею, и, выйдя изъ ада, вступилъ въ праздникъ любви»[1]. Такъ и въ Лаурѣ Петрарки женщина и муза поэзіи, подающая славу (Дафне), сплетались игриво и, вмѣстѣ, сознательно. Самъ Боккаччьо отлично опредѣлилъ источникъ своего юношескаго вдохновенія, отвѣчая въ введеніи къ 4-й книгѣ Декамерона своимъ хулителямъ: они говорили, что ему приличнѣе было бы пребывать съ музами на Парнассѣ, чѣмъ увлекаться женщинами, бесѣдуя съ ними и о нихъ. Совѣтъ хорошій, отвѣчалъ онъ, но мы не можемъ постоянно быть съ музами и не должны навлечь на себя порицаніе если находимъ удовольствіе въ томъ, что на нихъ похоже; музы — женщины; «женщины были мнѣ поводомъ сочинить тысячу стиховъ, тогда какъ музы никогда не дали мнѣ повода и для одного»; онѣ только помогали мнѣ сочинить эту тысячу, не разъ являлись побыть со мною, когда я писалъ скромнѣйшіе разсказы Декамерона, «можетъ быть, въ угоду и честь того сходства, какое съ ними имѣютъ женщины».

Указанное выше письмо Боккаччьо — то самое, въ которомъ онъ, въ одномъ изъ обычныхъ упадковъ духа, называлъ себя грубымъ, уродомъ, грязнымъ Діонеемъ[2]. Первыя строки наполнены такими же картинами: мрачный шаржъ, на которомъ тѣмъ ярче выступаетъ свѣтлое видѣніе Фьямметты. Боккаччьо жалуется; онъ погруженъ въ мракъ невѣжества, нѣтъ | у него ни 107
виду, ни имени; постоянная игрушка судьбы, онъ бродитъ въ извилинахъ лабиринта: принужденъ жить въ крестьянской обстановкѣ, среди «стигійскаго» дыма и грязи и ослинаго крика[3], питаться растительной пищей, обонять отвратительные запахи и вращаться среди всѣхъ нечистотъ «виргиліевскаго Неаполя». —

1) Сон. XXVIII.

2) Сл. Corazzini, стр. 451 слѣд.: Cuidam viro militi. Сл. выше стр. 20.

3) Latratus brunellitos, можетъ быть, отъ Brunellus — оселъ: дѣйствующее лицо одной средневѣковой латинской поэмы того же названія.

Если это не риторика, то преувеличеніе, подсказанное страстнымъ моментомъ: болѣе двадцати лѣтъ спустя, въ письмѣ къ Нелли, Боккаччьо хвалится, какъ хорошо и даже роскошно онъ жилъ въ Неаполѣ въ юные годы [1]). — При всемъ томъ онъ тщательно блюдетъ свою свободу, говорится далѣе въ письмѣ; свободу отъ любви, отъ сѣтей Амура? — И вотъ однажды, поднявшись до разсвѣта, усталый и полусонный, онъ вышелъ изъ своей конуры на берегъ моря. Уже ночь переходила въ день, и онъ спокойно гулялъ, когда у гробницы Марона ему внезапно предстала, точно молнія, сошедшая съ неба, свѣтлая жена, образъ которой и нравы какимъ-то чудомъ шли навстрѣчу его желаніямъ. Онъ пораженъ, силится, раскрывая глаза, увѣрить себя, что ему не снится; и какъ за молніей слѣдуетъ громъ, такъ за пламенемъ, которымъ объяла его ея красота, послѣдовала страстная, могучая любовь, точно вернулся къ себѣ на родину изгнанный изъ нея властитель, и все, что было тамъ враждебнаго ему, уничтожилъ, изгналъ, либо связалъ; какъ онъ овладѣлъ имъ, это его корреспондентъ узнаетъ изъ краткаго стихотворенія (brevi Calliopeo sermone), гдѣ объ этомъ сказано будетъ аллегорически. Говорить ли далѣе? Послѣ долгихъ усилій онъ удостоился милости Амура и, отважный, но неискусный, сохранялъ ее нѣкоторое время, но когда онъ обрѣтался на верху счастья, не вѣдая скользкихъ путей и превратностей Фортуны, по какой-то причинѣ, описать которую можно развѣ слезами, но безъ всякой вины съ своей стороны,
108 онъ навлекъ | на себя гнѣвъ своей дамы и палъ въ бездну несчастій. Не помогли ни сѣтованія, ни старанія снова войти въ милость дамы, и онъ остался одинъ, плача и неустанно поминая прежніе годы.

Въ этихъ строкахъ вся внѣшняя исторія любви Боккаччьо; можетъ быть, самое раннее о ней упоминаніе.

Вообще всѣ его письма 1338—9 годовъ — ихъ немного, — отличаются какою-то странною возбужденностью, горячностью

---

1) Corazzini, стр. 140.

человѣка, ищущаго пути, нравственныхъ устоевъ, пробивающагося къ свѣту; поэта, закрѣпощеннаго каноническимъ правомъ и любовью. Все его письмо къ герцогу Дураццо [1]) полно жалобъ на фортуну и любовь; въ концѣ должно было слѣдовать стихотвореніе, но оно не дошло до насъ. Онъ пишетъ напыщенно и неправильно, его латынь искусственна, но не элегантна, отзывается средневѣковщиной, въ которой тѣмъ рѣзче и рельефнѣе выступаютъ уродливые грецизмы [2]); его ученый скарбъ — такой же странный, неопредѣлившійся, цитаты и имена — безъ разбора. Онъ самъ сознаетъ, что не доучился, не его дѣло — писать [3]), но онъ жаждетъ знанія: пріобрѣлъ себѣ Θиваиду Стація и проситъ пріятеля прислать ему свой экземпляръ съ глоссами (можетъ быть, Лактанція Плацида?), которыя велитъ внести въ свою рукопись, иначе, безъ учителя, ему не понять текста. Если бъ ты зналъ, какъ меня, слабаго, обуреваетъ любовь, бѣдность и судьба [4]), ты поторопился бы посылкой: какъ увижу я своихъ учителей, толкователей Декреталій, такъ и бѣгу отъ нихъ, и нѣтъ мнѣ иного утѣшенія, какъ книги, которыя я принимаюсь читать, вращаясь среди нихъ, какъ гость, не какъ хозяинъ; читая о чужихъ печаляхъ, облегчаю свои собственныя, по пословицѣ, что утѣшеніемъ скорбящему бываетъ товарищъ по несчастью. — И онъ
ждетъ письма, успокаивающаго слова, которое разсѣяло бы его | 109
духовный мракъ, дало бы ему распознаться въ родахъ любви и, упорядочивъ права плоти и духа, позволило увлечься правильно, не принимая маловажное за серьезное, худое за доброе, и наоборотъ [5]).

1) Corazzini, стр. 439—40, апрѣля 1339 г.

2) Ib. Nereus amphitritibus, стр. 441 слѣд.

3) Movortis miles extrenue, ib., стр. 451 слѣд. *«Apparò grammatica da grande e per questa cagione non ebbe mai la lingua latina molto in sua balia» (Leon. Bruni Aretino, Vita del Boccaccio, ed. Galletti, стр. 54).

4) Rammeria? Сл. Ramnusia въ письмѣ: Nereus и къ герцогу Дураццо; Rannusia въ Ameto, стр. 2.

5) Sacrae famis, Corazzini, стр. 457 слѣд., 28 іюля 1338 г.

Таково было его состояніе духа среди навязанныхъ ему занятій Декреталіями, посильными, на свой страхъ, порывами къ поэзіи и антику и обуявшей его любовью къ Фьямметтѣ. Его видѣніе у гробницы Виргилія, очевидно, не реальная встрѣча, а риторическій образъ съ психологической подкладкой. Вращаясь въ неаполитанскомъ обществѣ, Боккаччьо не разъ увлекался той и другой красавицей [1]) и, какъ самъ онъ говоритъ, не безъ удачи; онъ сообщилъ намъ (въ Ameto) фиктивныя имена нѣкоторыхъ изъ нихъ: Абротонія и Пампинея являются въ числѣ разсказчицъ Декамерона; онѣ были предметомъ его первыхъ лирическихъ опытовъ. Въ біографическомъ эпизодѣ Филоколо, которымъ мы уже пользовались, говоря объ отношеніяхъ Боккаччьо къ Кальметѣ = Андалоне ди Негро [2]), эти раннія увлеченія представляются подъ видомъ охоты: Идалагъ-Боккаччьо преданъ Палладѣ—наукѣ, избѣгаетъ стрѣлъ Амура; его занятія: поэзія (лира Орфея) и охота въ лѣсу (Неаполь) на птицъ, которыя оборачиваются въ красавицъ. На первыхъ порахъ онъ поднялъ своею стрѣлою бѣлую голубку, затѣмъ чернаго дрозда, попугая, наконецъ фазана; тутъ и поджидалъ его Амуръ: передъ нимъ явилась женщина, превышавшая всѣхъ другихъ своими прелестями, именитаго, богатаго рода. Ты бѣжишь отъ меня? спрашиваетъ она его; но никто не любитъ тебя такъ, какъ я. — Онъ хотѣлъ было удалиться: вѣдь это она издѣвается надо мной! думается ему, но благородство духа, врожденное ему не по отцу, а по матери, удержало его: оставивъ всѣ другія начинанія, онъ весь отдался
110 желанію узнать, подъ игомъ новой власти, какую силу | проявляетъ надъ человѣческими сердцами украшенное слово [3]). Онъ становится поэтомъ Фьямметты.

Когда она явилась на его горизонтѣ, всѣ другія страсти поблекли: онѣ были только преддверіемъ, откровеніемъ чего-то другого, что ему роковымъ образомъ суждено, чего онъ чаялъ

---

1) Fiammetta, стр. 11: esperto in più battaglie amorose.

2) Сл. выше стр. 77.

3) Filocolo, II, стр. 246—8.

и не находилъ, что, казалось, гдѣ-то видѣлъ въ смутныхъ, пророческихъ образахъ. Видѣлъ въ то утро у гробницы Виргилія; когда Калеоне-Боккаччьо впервые подъѣзжалъ къ Неаполю и уже вступилъ въ городъ, его глазамъ представилась юная красавица, граціозная и изящная, въ зеленомъ платьѣ, убранная, какъ прилично было ея лѣтамъ и древнимъ обычаямъ города; весело привѣтствовавъ его, она взяла его за руку и поцѣловала, онъ отвѣтилъ на поцѣлуй. Приди сюда, ты обрѣтешь здѣсь источникъ всѣхъ твоихъ благъ, говоритъ она ему тихимъ голосомъ; и, казалось, онъ готовъ былъ послѣдовать за ней. Тутъ онъ очнулся, едва не свалившись съ лошади [1]). — Позже ему приснилась Абротонія, которую онъ покинулъ, и Пампинея, которая его отвергла за его проступки: онѣ будто корили его, издѣваясь надъ его грустью, а онъ просилъ ихъ оставить его въ покоѣ, въ награду за прежнюю любовь и службу и стихи, воспѣтые въ ихъ честь. — Вскорѣ объявится та, которую ты воспоешь еще болѣе, которая такъ овладѣетъ твоимъ сердцемъ, какъ никогда не владѣли мы. Подожди, мы покажемъ ее тебѣ. — Поэтъ очнулся, ощупью бродитъ по комнатѣ, ищетъ камелька и, ожегшись углемъ, вздуваетъ огня; ночныя тѣни удалились, и онъ снова заснулъ. Видитъ Абротонію и Пампинею, между ними — красавица, одѣтая въ зеленое платье; ему говорятъ: вотъ та, которая будетъ единственной владычицей твоей души, которая подвергнетъ испытанію, насколько сильны ея доблести. — Поэтъ любуется ея прелестями; малымъ покажется всякій трудъ тому, кто заслужилъ бы имъ ея милость, думаетъ онъ и припо|минаетъ, что ви- 111
дѣлъ ее, когда въѣзжалъ въ Неаполь: это она его привѣтствовала и поцѣловала [2]).

11-го Апрѣля 1338 года, въ Страстную субботу [3]), онъ

1) Ameto, стр. 149.

2) Ameto, стр. 149—153.

3) *Cochin, Boccaccio, 21: 27 Марта 1334 г., въ Страстную субботу. Сл. выше стр. 15 (хронологія Cochin). За 1334 годъ стоятъ и Manicardi и Massèra, Introduz. al testo crit. del Canzoniere del Boccaccio, Castelfiorentino, 1901, p. 31, прим. 4 (противъ Crescini, Gaspary, D'Ancona, Volpi и др.); Della Torre: 1331 г.

встрѣтилъ впервые реальную Фьямметту за обѣдней въ храмѣ св. Лаврентія: прислонившись къ мраморной колоннѣ, онъ заглядѣлся на нее и не призналъ съ перваго раза: она была одѣта въ черное; но что-то подсказывало ему, что онъ ее знаетъ. На другой день онъ снова пошелъ въ церковь; Фьямметта явилась въ роскошномъ нарядѣ, блестѣвшемъ золотомъ и драгоцѣнными камнями. Его сердце дрогнуло, трепетъ пошелъ по всему тѣлу. Что со мной? спрашиваетъ онъ себя въ смущеніи; смотритъ въ глаза красавицы и видитъ въ нихъ Амура, столь милостиваго и сострадательнаго, что онъ готовъ служить ему, хотя до того молилъ лишь о пощадѣ. Зеленый цвѣтъ платья внезапно освѣтилъ въ его памяти все прошлое, пережитое въ пророческихъ снахъ: это — владычица моего сердца, та, что мнѣ суждена, мое «блаженство» [1]).

III.

Фьямметта было поэтическое имя, подъ которымъ Боккаччьо воспѣвалъ Марію, считавшуюся дочерью графа Аквино — и плодомъ любви короля Роберта. Умирая, мать открыла ей тайну ея рожденія, дабы она съ тѣмъ большею увѣренностью могла пользоваться щедротами предполагаемаго отца. По смерти матери ее отдали на воспитаніе въ монастырь, на служеніе Вестѣ, но ея красота обратила на себя вниманіе одного молодого человѣка, красиваго, богатаго, изъ хорошаго рода; она отвергла его предложеніе, но юноша обратился къ посредству того, кого считали ея родителемъ: Фьямметту убѣдили, что и замужемъ она въ состояніи будетъ питать огонь Весты, и бракъ состоялся [2]); |
112 счастливый бракъ, полный внимательности и долга и того, что казалось любовью, пока его не посѣтила побѣдная страсть [3]).

Марія была, кажется, однихъ лѣтъ съ Боккаччьо или немногимъ старше его, что не лишне отмѣтить для характеристики ихъ

---

1) Ameto, стр. 153—5; Fiammetta, стр. 9; Filocolo, I, стр. 5.

2) Ameto, стр. 142 слѣд.

3) Fiammetta, стр. 4; сл. еще Filocolo, II, стр. 30

отношеній. Боккаччьо не разъ описываетъ ея красоту, подъ ея именемъ и именами другихъ своихъ героинь: очевидно, красота Фьямметты казалась ему идеальной, и онъ надѣлялъ ею тѣхъ, кого надо было представить красавицами. Насколько въ его описаніи еще отзывается типъ женскаго изящества, господствовавшій въ европейской и итальянской поэзіи XIII—XIV вѣковъ, и насколько въ немъ личнаго элемента — сказать трудно. Типомъ красавицы для рыцарскихъ поэтовъ и поэтовъ старой итальянской школы [1]) была блондинка; блондинкой является и Фьямметта. Боккаччьо любитъ представлять ее себѣ одѣтой въ зеленый цвѣтъ; это, быть можетъ, тоже символъ: цвѣтъ надежды; но dame Oyseuse въ Roman de la Rose, изображеніе которой напоминаетъ Эмилію въ Тезеидѣ Боккаччьо, одѣта такъ же. Тѣмъ не менѣе описаніе повторяется такъ настойчиво и въ общемъ однообразно, что поневолѣ вѣришь въ его реальность. Въ концѣ IV-го дня Декамерона Филострато возлагаетъ вѣнокъ на бѣлокурую головку Фьямметты; ея «вьющіеся, длинные и золотистые волосы падали на бѣлыя, нѣжныя плечи, кругленькое личико сіяло настоящимъ цвѣтомъ алыхъ розъ и бѣлыхъ лилій, смѣшанныхъ вмѣстѣ; глаза, какъ у яснаго сокола, ротъ маленькій, съ губками точно рубины» [2]). Амето [3]) любуется ея волосами, часть которыхъ приподнята была надъ ушами, другая падала до конца затылка двумя густыми косами; скрестившись назади, онѣ снова взбирались къ вершинѣ бѣлокурой головки и опять |
спускались, пряча свои концы подъ первыми, поднявшимися, и 113
здѣсь скрѣплены были золотой съ жемчугомъ булавкой, такъ что ни одинъ волосокъ не выходилъ изъ назначеннаго ему мѣста. На голову наброшенъ тончайшій вуаль, поверхъ него — вѣнокъ

---

1) Сл. Renier, Il tipo estetico della donna nel medio evo (Ancona, 1885) и отчеты въ Riv. critica d. lett. ital., II, 132—141; въ Nuova Antologia, v. LXXXIII, 594 (Borgognoni), и Torraca, Discussioni e ricerche letterarie, Livorno, 1888, стр. 291; мой отчетъ въ Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXIV, отд. 2, стр. 189—191.

2) Сл. мой переводъ, I, стр. 344.

3) Ameto, стр. 40—2.

изъ цвѣтовъ, скрѣпленный золотомъ, укрывавшій отъ солнечныхъ лучей не менѣе, чѣмъ то дѣлаетъ греческая (данайская) шляпа. Черная лента отдѣляетъ линію золотистыхъ волосъ отъ лба, внизу котораго вырисовываются полукругами двое тонкихъ бровей, цвѣта ночного мрака, изящно раздѣленныхъ большимъ пространствомъ, а подъ ними — пара плутовскихъ въ своемъ движеніи глазокъ; что̀ они таятъ въ себѣ, и кто въ нихъ пребываетъ, того не угадать, и смущенный Амето отводитъ отъ нихъ свой взглядъ, чтобы полюбоваться носомъ, не сгорбленнымъ, не широкимъ и не малымъ, а какому слѣдуетъ быть на красивомъ лицѣ; щечками цвѣта молока, въ которое капнула свѣжая кровь — когда красавицѣ жарко, въ иное время — цвѣта темно-блѣднаго восточнаго жемчуга и т. д.

Боккаччьо стоитъ за плечами Амето, и его глаза также спускаются отъ линіи волосъ къ бровямъ, глазамъ, носу, губкамъ, подбородку, медленно подбирая черту за чертой, не минуя ни одного мелкаго штриха, напр., что ни одинъ волосокъ не выдѣлялся изъ гладкой прически[1]); видимо, любуясь каждой подробностью. Таковы его описанія природы, зданій, характеровъ; точно передъ нимъ ландшафтъ или оригиналъ, и онъ задался мыслью воспроизвести ихъ съ возможной точностью, предоставляя намъ схватить въ нихъ то общее, то впечатлѣніе жизни, которое выносилъ самъ. Средневѣковой поэмѣ, народной пѣснѣ знакомы такія же статистическія описанія, напр., красоты, но это — реализмъ, одеревенѣвшій въ постоянно повторяющейся формулѣ; у Боккаччьо она раскрылась для личныхъ цѣлей; тѣ же пріемы, но задача другая, онъ — начинатель художественнаго реализма. И онъ достигалъ своихъ цѣлей, когда дѣло шло объ объектахъ движу-
114 щихся, раз|вивающихся во времени: для характеристики психологическаго или общественнаго типа дорога всякая фраза, движеніе, обрывокъ разговора, складъ рѣчи; общее получится въ концѣ, какъ выводъ, въ которомъ вы сами желаете участвовать

---

1) Сл. сонетъ XXXI; Teseide, XII, 54; сл. Дек., IX, 8: о Біонделло.

работой мысли. Описаніе природы, красоты, всего покоющагося и не движущагося, должно быть выводомъ самого художника, мы не можемъ участвовать въ его работѣ, готовы раздѣлить его впечатлѣніе и не въ силахъ оживить его фотографическій снимокъ, когда, напр., при описаніи поляны намъ говорятъ, что тамъ были ели, кипарисы, лавры — и нѣсколько пиній [1]), либо о веселомъ обществѣ Декамерона, что они пропѣли именно шесть пѣсенокъ [2]). Мы готовы принять на вѣру точную опись прелестей красавицы, но пока развѣ ея плутовскіе глазки позволяютъ намъ угадать, что̀ побудило Боккаччьо назвать ее своей Искоркой, Фьямметтой, и постоянно играть въ своихъ сонетахъ словами: огонь и пламя, fuoco и fiamma [3]). Любовные сонеты и Филострато подскажутъ намъ многое.

Боккаччьо страшно увлекся Фьямметтой, она заинтересовалась незнакомцемъ, имя котораго узнала лишь нѣсколько дней спустя послѣ встрѣчи въ Санъ-Лоренцо [4]). Влюбленный поэтъ ищетъ случаевъ увидѣть ее, старается познакомиться съ ея родней, вступаетъ въ такую дружбу съ ея мужемъ, что тотъ не находитъ ничего пріятнѣе его общества. Она замѣчаетъ это и своими дѣйствіями и движеніями тайно даетъ ему понять, что и она горитъ тѣмъ же пламенемъ; пустъ только будетъ остороженъ, какъ она [5]). Однажды онъ случайно зашелъ въ церковь св. арх. Михаила при монастырѣ монахинь-бенедиктинокъ и здѣсь встрѣтилъ даму своего сердца въ веселой бесѣдѣ, къ которой допущенъ былъ и |
онъ съ товарищемъ. Переходя отъ одного предмета къ другому, 115
стали говорить и о приключеніяхъ доблестнаго юноши Флоріо, сына испанскаго короля Феличе, и Боккаччьо разсказалъ о нихъ съ увлеченіемъ. Повѣсть понравилась Фьямметтѣ, и, съ милымъ

1) Декамеронъ, конецъ VI дня.

2) Введеніе къ IX-у дню.

3) Сл. сонеты 19, 40, 41, 46, 83, 98, 107; Filocolo, II, стр. 81—2; Amorosa Visione, стр. 7.

4) Fiammetta, стр. 14.

5) Fiammetta, стр. 29.

движеніемъ обратившись къ разсказчику, котораго она, очевидно, уже знала за поэта, она весело сказала: Какъ подумаемъ мы объ этихъ влюбленныхъ молодыхъ людяхъ, о великой твердости ихъ духа, и какъ, соединенные силой любви въ одномъ желаніи, они постоянно были вѣрны другъ другу, приходится сознаться, что ихъ память терпитъ великій уронъ, ибо ни одинъ еще поэтъ не возвеличилъ стихами ихъ славу, какъ бы то слѣдовало, и она предоставлена баснословнымъ розсказнямъ невѣждъ. Вотъ почему, тщеславная тѣмъ, что буду поводомъ къ ихъ прославленію, и тѣмъ, что ощутила жалость къ ихъ судьбѣ, я хочу попросить тебя написать по-итальянски небольшую книжку, въ которой говорилось бы объ ихъ происхожденіи, любви и приключеніяхъ, все до конца [1]).

Это была первая просьба Фьямметты, которой Боккаччьо дорожилъ, какъ залогомъ лучшаго будущаго, и обѣщалъ исполнить. Такъ затѣянъ былъ его первый романъ, Филоколо, съ содержаніемъ какой-нибудь византійской повѣсти, отразившейся въ французскихъ поэмахъ XII—XIII вѣка; Боккаччьо могъ знать итальянскую народную поэму на тотъ же сюжетъ, пересказъ французской. Вкусъ къ романтическимъ, захожимъ изъ Франціи, сюжетамъ былъ распространенъ въ итальянскомъ обществѣ и среди дамъ: флорентійская вдова, столь жестоко осмѣянная Боккаччьо, зачитывается похожденіями Ланцелота и Джиневры, Тристана и Изотты, Флоріо и Бьянчифьоре [2]); въ счастливые, но недолгіе дни любви Фьямметта охотно слушаетъ и читаетъ разныя исторіи, особенно любовныя [3]), и французскіе романы [4]). |
116 Чтеніе отвѣчало настроенію: въ психологическомъ этюдѣ, носящемъ имя Фьямметты, въ которомъ Боккаччьо, извращая факты, представляетъ ее покинутой своимъ милымъ, она коротаетъ время, разсказывая что-либо своимъ дѣвушкамъ, либо слушая сказки;

---

1) Filocolo, I, стр. 6—7.

2) Corbaccio, стр. 233.

3) Сл. посвятительное письмо къ Тезеидѣ.

4) Fiammetta, стр. 185—186.

а когда этого нельзя устроить, припоминаетъ разные горестные случаи, которые сравниваетъ съ своимъ положенiемъ и, какъ бы найдя товарищей по несчастiю, отводитъ душу [1]). Повѣсть о чужомъ горѣ или счастьѣ помогала разобраться въ своемъ собственномъ, обобщая его; въ этомъ смыслѣ новеллы Декамерона и были написаны «на помощь и развлеченiе любящихъ» [2]): каждый разсказъ вызывалъ житейскую и психологическую оцѣнку, личные интересы разсказчиковъ сказывались въ выборѣ того или другого сюжета. Сцена въ монастырѣ св. Михаила — первый листокъ Декамерона: когда въ веселомъ кружкѣ бесѣдовали о судьбахъ Флорiо и Бьянчифьоре, Боккаччьо и Фьямметта могли безсознательно отождествлять себя съ героемъ и героиней романа, полюбившими другъ друга съ дѣтства какою-то роковою страстью, разлученными цѣлымъ рядомъ препятствiй и все же кончившими гимномъ торжествующей любви.

Подъ этимъ впечатлѣнiемъ начатъ былъ Филоколо; Боккаччьо кончилъ его уже во Флоренцiи, послѣ разрыва съ Фьямметтой; оттого въ немъ такъ много автобiографическихъ эпизодовъ, веселыхъ и грустныхъ воспоминанiй, нерѣдко перерастающихъ канву разсказа, болѣе его не интересовавшаго: дѣйствительность нарушила его поэтическiя грезы.

Пока онъ счастливъ: ему сказали, что его любятъ [3]). «Теперь за тобой стало собраться съ духомъ и пойти за мною, припасшей тебѣ вѣнокъ изъ столь дорогихъ тебѣ листьевъ. Что же ты намѣренъ дѣлать? Приди, говоритъ мнѣ красавица, которою увлекъ меня Амуръ; а я стою недвижимъ: таково мое малодушiе» [4]).
Робость ли | это влюбленнаго, или недовѣрчивость, внушенная 117
ему высокимъ положенiемъ его дамы, только онъ побѣдилъ то и другое и начинаетъ ухаживать. Фьямметта становится его музой: «Когда-то я взывалъ въ своихъ нуждахъ къ музамъ Парнасса,

---

1) Fiammetta, стр. 181—2.
2) Введенiе, стр. 3 перев.; сл. Ameto, стр. 2.
3) Filocolo, II, стр. 248.
4) Сонетъ XXVII.

но съ тѣхъ поръ, какъ я влюбился въ тебя, мадонна, любовь заставила меня измѣнить старому обычаю.... Ты — моя радость и утѣшеніе, ты мнѣ Юпитеръ и Аполлонъ, моя муза; я это знаю по опыту» 1). Онъ хочетъ испытать надъ нею силу «украшеннаго слова», воспѣвая ея красоту 2), и она расточаетъ похвалы его стихотвореніямъ 3). Измышленное имя Фьямметта позволяло сказать многое; Боккаччьо знаетъ, что извѣстное положеніе обязываетъ къ осторожности и тайнѣ, и самъ называетъ себя то Панфиломъ 4), то Калеоне 5). Онъ выработалъ себѣ языкъ знаковъ и иносказаній и объясняется въ любви безъ словъ; иногда, воспламененный любовью, онъ разсказываетъ, въ присутствіи близкихъ къ Фьямметтѣ людей, о ней и о Панфило, будто бы о грекахъ, о томъ, какъ они увлеклись другъ другомъ, и что затѣмъ послѣдовало, обставляя новеллу соотвѣтствующими именами лицъ и мѣстностей. Фьямметта смѣялась, порой ее разбиралъ и страхъ, какъ бы, увлекшись, Панфило не сказалъ что лишнее; но онъ былъ хитрѣе, чѣмъ ей казалось, и сама она научилась у него языку знаковъ и въ выдумкахъ превзошла любого поэта, отвѣчая разсказами на иносказанія милаго 6).

Откуда ея имя? Видѣть ли въ немъ позднѣйшее измышленіе автора «Фьямметты», или оно въ самомъ дѣлѣ подсказалось ему уже въ раннихъ отношеніяхъ любви? Въ III-й и V-й эклогахъ Боккаччьо одинъ изъ собесѣдниковъ носитъ имя Панфило, что̀ объясняется: totus amor, всецѣло любящій; Боккаччьо могъ вы|-
118 читать его изъ анонимной поэмы XII-го вѣка, De Amore или De arte amandi, одномъ изъ популярныхъ въ средніе вѣка подражаній Овидію. Дѣйствующія въ немъ лица — Памфилъ и Галатея; ихъ имена греческія — а Боккаччьо разсказываетъ о себѣ и

1) Filostrato, I, 1—2. Сл. посвященіе, стр. 5.
2) Filocolo, II, стр. 248, 261.
3) Посвященіе Тезеиды, Corazzini, стр. 3.
4) Фьямметта, Декамеронъ.
5) Амето, Филоколо.
6) Fiammetta, c. I, стр. 30—31.

Фьямметтѣ, какъ о грекахъ; Памфилъ поэмы — бѣдный юноша, горящій любовью къ богатой и родовитой Галатеѣ; это тѣ же отношенія, что̀ и у Боккаччьо, и у него та же робость, что̀ у героя поэмы:

47 Dicitur et fateor me nobilioribus ortum,
Huic ideo metuo dicere velle meum.
Fertur, et est verum, quod me sit ditior illa,
Et decus et dotes copia saepe rogat,
Nec mihi sunt dotes decus ingens copia grandis,
Sed quod habere queo, quero labore me.

Онъ молитъ о помощи Венеру; она ободряетъ его дѣйствовать (76: labor improbus omnia vincit; 87: rebus et in multis ars adjuvat officiumque): пусть не пугается отказа, онъ явится непремѣнно (76: Quodque precando petis prius aspera forte negabit), но за нимъ скрывается желаніе (112: Sed quod habere cupit his magis ipsa negat); сладкія рѣчи возбуждаютъ и питаютъ любовь (107: Excitat et nutrit facundia dulcis amorem), — какъ и Боккаччьо пытаетъ силу «украшеннаго слова», copiosa sermonis facundia, какъ выразился бы капелланъ Андрей. Помощь Венеры ограничивается, впрочемъ, однимъ совѣтомъ, дѣйствіе разрѣшается съ появленіемъ услужливой старухи извѣстнаго типа, прошедшаго изъ элегіи Овидія [1]) и восточныхъ повѣстей въ средневѣковые фабліо̀, въ Roman de la Rose, поэму de Vetula и новеллу Декамерона [2]). Она-то и устраиваетъ любовь Памфила и Галатеи, которая увлечена и страшится, стыдлива и разумна — и горитъ желаніемъ.

Боккаччьо упоминаетъ Панфила, очевидно, указанную поэму, въ Любовномъ Видѣніи [3]), наряду съ Пиндаромъ (Ѳиванскимъ), а |
въ посланіи къ Якову Пиццинги считаетъ его въ числѣ итальян- 119
скихъ поэтовъ, поддерживавшихъ въ средніе вѣка заглохшее пламя

1) Am., I, 8.
2) Дек., V, 10.
3) Cap. V, str. 11.

поэзіи [1]). Именно ситуація поэмы могла дать ему идею перевести ея отношенія на свои собственныя: та же противоположность соціальнаго положенія, и та же смѣсь страстности и выдержки въ Фьямметтѣ — Галатеѣ. О Фьямметтѣ онъ, очевидно, не могъ говорить, какъ о греческомъ имени; онъ, можетъ быть, и называлъ ее Галатеей, разсказывая о любви двухъ грековъ. Не она ли является въ его XII-й эклогѣ:

Me Galatea diu, me quondam Phyllis amavit;

въ XVI-й:

lusit Galatea potentem
Viribus?

Не она ли разумѣется и въ его отвѣтномъ посланіи къ Чекко да Милето? Положимъ предѣлъ нашимъ пѣснямъ, говоритъ онъ ему, онѣ неспособны къ великому, но намъ знакомы Паѳосъ и пламя Венеры и жестокія стрѣлы Амура, ибо шаловливая Галатея, улыбаясь, даритъ меня своими вздохами — и не тушитъ грознаго пламени:

Nam placido Galatea mihi suspiria vultu
Lasciviens prestat, nec diros opprimit ignes.

Имя Галатеи [2]) не удержалось, предпочтеніе отдано было Фьямметтѣ, можетъ быть, подсказанной Овидіемъ [3]). Байскій берегъ видѣлъ ее нерѣдко вмѣстѣ съ Панфиломъ участниками одного изъ тѣхъ веселыхъ обществъ, которыя изобразилъ намъ Боккаччьо [4]).

Его лирика [5]) отражаетъ все развитіе его страсти, съ ея

1) Corazzini, стр. 194.

2) Сл. Галатею = Лауру XI-й эклоги Петрарки.

3) Am., II, 16, v. 11: at meus *ignis* abest.

4) Fiammetta, c. V, стр. 108.

5) Цитую по изданію Moutier; сл. Carducci, Cantilene e ballate, Pisa, Nistri, 1871, l. VI: Ballate tratte dalle dieci giornate del Decameron ed altre Canzoni a ballo e Madrigali di Messer Giovanni Boccaccio. Къ библіографіи лирическихъ произведеній Боккаччьо сл. Indice delle carte di Pietro Bilancioni въ Propugnatore, N. S., vol. II, fasc. 11—12, стр. 284—6.

надеждами и упоеніями, порывами плотской ревности и полетами 120
въ области любви, отвлеченной до значенія небесной добродѣтели. Фьямметта — красавица, ея прелестей не описать, говоритъ поэтъ [1]), но онъ пытается изобразить въ другомъ сонетѣ [2]) типъ знакомый намъ изъ Декамерона и Амето, подчеркивая въ первой строфѣ смѣхъ Фьямметты; онъ его особенно очаровалъ: когда она смѣется, небо кажется отверстымъ, и улыбается весь міръ [3]). Природа соединила въ ней, какъ въ своей сокровищницѣ, и золотыя кудри, и смѣющіеся глаза, блестящіе и нѣжные, изящныя движенія и степенные нравы, сдержанную шутливость и честное простодушіе рѣчи. Если я страстно вздыхаю по ней, да не порицаютъ меня тѣ, кто не вѣдаетъ, что наградой моихъ страданій — надежда [4]). Онъ любитъ представлять себѣ Фьямметту на берегу моря въ обществѣ дамъ [5]); либо она сидитъ подъ тѣнью деревьевъ, плетя изъ своихъ золотистыхъ волосъ сѣти, куда попадутъ всѣ, поглядѣвшіе на нее, какъ попалъ и онъ, слишкомъ понадѣявшись на себя, увлеченный невѣдомой силой [6]). Чаще всего она катается въ лодкѣ и поетъ: это — воспоминаніе байскихъ прогулокъ [7]); ея голосъ чарующій: дельфины слѣдуютъ за нею, какъ за пѣснью Аріона [8]), но ни голосъ того, кто усыпилъ Аргуса, ни пѣсни Аріона и сиренъ не сравняются съ тою, которую пѣла она, убирая свои волосы цвѣтами и зеленью; она-то и зажгла въ моемъ сердцѣ искорку, прибавляетъ поэтъ, риѳмуя angioletta и fiammetta [9]). — Его любовь чиста, поднимаетъ его нравственно: она возжигаетъ въ немъ лишь побужденіе къ добру [10]), онъ ничего иного не же|-

1) Сонетъ XVIII.
2) Сон. III.
3) Сон. LXXXIX.
4) Сон. LXI.
5) Сон. XXXI.
6) Сон. XXXVIII.
7) Сон. XXXII; сл. Fiammetta, стр. 93.
8) Сон. LIII.
9) Сон. XLI.
10) Сон. LXII.

121 лаетъ, какъ доставить столь прелестному созданію удовольствіе въ предѣлахъ честности [1]); пусть Фьямметта подаритъ его однимъ лишь вздохомъ: онъ утолитъ сжигающее его пламя [2]). Въ ея лицѣ ему видится красота небесъ, она-то и поднимаетъ его на крыльяхъ добродѣтели [3]), потому что любовь воспитываетъ благородный духъ въ радушіи и смиреніи и, какъ отъ врага, бѣжитъ отъ всего низкаго [4]).

Такъ уже въ ранней лирикѣ Боккаччьо намѣченъ мотивъ одухотворяющей любви, къ которому онъ такъ часто возвращается впослѣдствіи. Очевидно, для него это не одна лишь мода, не лирическая формула, а вмѣстѣ и требованіе самосознанія, желаніе помирить спросы темперамента и идеализаціи. Вопросъ платонизирующей любви поставленъ уже въ одной небольшой поэмѣ его первой неаполитанской поры, въ Діаниной Охотѣ [5]). Фьямметта не названа, но едва ли не она разумѣется подъ bella donna, donna piacente, gentile; не даромъ у нея на рукѣ царственный орелъ.

Поэтъ мечтаетъ о томъ, какъ бы ему защититься отъ любви, и слышитъ голосъ дантовскаго spirto gentil, призывающій къ Діанѣ всѣхъ ея партенопейскихъ поклонницъ. Онѣ являются, съ своими именами, принадлежащими къ родовитымъ неаполитанскимъ семьямъ; подобные перечни красавицъ были не новость въ провансальской и итальянской поэзіи [6]); послѣдняя не названа, потому что ея имя достойно большей хвалы, чѣмъ на какую способенъ поэтъ; она, bella donna (IV п.), избранница Амура, руководитъ другими, и ей порученъ одинъ изъ четырехъ отря-

1) Сон. LXXXIV.

2) Сон. LXXXV.

3) Сон. L.

4) Сон. CIV.

5) Новое изданіе: La caccia di Diana (pubblicata per le Nozze Casini-Polsinelli da Salomone Morpurgo, Albino e Oddone Zenatti). Firenze, 1885.

6) D'Ancona, Vita Nuova, Pisa, 1884, стр. 45 слѣд.; Scherillo, Alcune fonti provenzali della V. N. di Dante, Torino, 1889, § 6.—*Сл. Rassegna bibliografica, 1896, IV, № 8, стр. 210 слѣд. (Crescini); ib., 1897 (годъ V-й), № 9—10, стр. 226—7 (id.); Nuova Antologia, 1897, fasc. 17, стр. 87—8.

довъ, на которые Діана дѣлитъ своихъ охотницъ; | у ней на 122
рукѣ ловчій орелъ. Начинается охота вразсыпную, падаютъ звѣри, между ними носорогъ и слонъ, пантера и страусъ. Послѣ охоты Діана ожидаетъ, что вся эта добыча будетъ принесена въ жертву Юпитеру и ей; но красавица (donna piacente, XVI п.) протестуетъ: Не хотимъ мы болѣе пребывать подъ твоей властью, ибо горимъ другимъ пламенемъ. Пока гнѣвная Діана удаляется на небо, красавица (donna gentile, XVII п.) предлагаетъ всѣмъ обратиться къ «святой Венерѣ, матери Амура», и принести ей въ жертву добытыхъ на охотѣ звѣрей, дабы ея сила въ нихъ умножилась, ихъ мысли очистились отъ всякія скверны, сердце стало щедрымъ и привѣтливымъ; пусть покажетъ на нихъ свою силу и исполнитъ ихъ желаніе, сдѣлавъ ихъ доступными любви. — На свѣтломъ облакѣ показывается обнаженная богиня и говоритъ, что ихъ просьба будетъ исполнена; что-то шепнула на огонь, гдѣ лежали жертвенныя животныя, и они ожили въ человѣческомъ образѣ, въ видѣ красивыхъ, веселыхъ юношей; они окунулись въ рѣку и очутились въ дорогихъ одеждахъ краснаго цвѣта. Повинуйтесь этимъ красавицамъ, говоритъ Венера, любите ихъ, и ваши труды увѣнчаются побѣдой, и надъ вами смилуются. Богиня вознеслась на небо, а поэту кажется, что и самъ онъ былъ принесенъ ей въ жертву въ видѣ оленя и такъ же преобразился, какъ другіе, и предоставленъ въ служеніе красавицѣ (XVIII п.). Вотъ что она сдѣлала со мною, чистая и непорочная, сошедшая съ неба, дабы просвѣтить людскія очи, мудрая, съ разсудительной рѣчью, величественнымъ видомъ, съ веселой, легкой поступью. Отдавшись ей, я превратился изъ звѣря въ разумное существо; она гонитъ печаль, дѣлаетъ милостивымъ всякаго, на нее смотрящаго: когда гляжу я на нее, отъ меня бѣжитъ гордость и нерадѣніе, любостяжаніе и гнѣвъ. Пусть всѣ, служащіе тому же властелину, что и я, помолятъ его, чтобы я дольше пробылъ въ ея любви и могъ достойно почтить ее. Болѣе не говорю, ибо намѣренъ воздать ей большія похвалы, отъ которыхъ еще жду себѣ — счастья.

Съ этими мотивами мы встрѣтимся въ эпизодахъ Филоколо, |
123 въ типахъ Амето и Чимоне, въ идеѣ Любовнаго Видѣнія. Въ пору своей молодой страсти къ Фьямметтѣ, Боккаччьо, очевидно, самъ вѣрилъ въ выспренность своихъ желаній и увлекался до восторговъ къ неземной красотѣ небесъ, но онъ не спокоенъ: въ сущности, онъ надѣется на что-то другое, и надежда смѣшана у него со страхомъ, что всякое счастье недолговѣчно [1]); онъ одинъ горитъ, когда природа подъ снѣгомъ; молитъ подать ему воды — и не вымолитъ у Амура ни капли [2]). Онъ жалуется на свои глаза, открывшіеся на красоту, отъ которой онъ погибъ [3]), на Амура и свою милую, и чувствуетъ, какъ она тайно отвѣчаетъ въ его сердцѣ: Моя честь мнѣ дороже твоего горя [4])! Почему Амуръ не поразилъ и ее, какъ поразилъ его [5])? Почему не убьетъ его [6])? Онъ жаждетъ смерти [7]), хотѣлъ бы бѣжать, но Амуръ останавливаетъ его: Напрасно! Одно слово, улыбка, ласковый взглядъ заставятъ тебя вернуться, и ты будешь болѣе связанъ, чѣмъ прежде [8]); оплачь свою свободу, говоритъ себѣ поэтъ, и тотчасъ же прибавляетъ, что нѣтъ лучше свободы, какъ быть подвластнымъ столь чудной красотѣ [9]). А она не хочетъ надъ нимъ сжалиться, гнушается имъ, бѣжитъ, лишь только его завидитъ, точно ревнуя къ себѣ, боится всякаго, кто на нее посмотритъ, какъ бы ее не отняли у нея самой [10]); то подаетъ надежду, то пугаетъ отказомъ [11]). Ея прелестные глазки, которые влекутъ его, какъ птицы влекутся ночью на свѣтъ, кажутся ему коварными [12]),

1) Сон. XX.
2) Сон. LXXVII.
3) Сон. LXIII.
4) Сон. LXX.
5) Сон. LXXIX.
6) Сон. LVII.
7) Сон. LXXV.
8) Сон. LXXI.
9) Сон. XXII.
10) Сон. XLIV, XLVI, LII: мадригалъ I.
11) Сон. CVII.
12) Сон. XIV.

она какъ бы торжествуетъ въ сознаніи своей силы, когда видитъ
его блѣд|нымъ, убитымъ, измѣнившимся, и вотъ онъ хочетъ, съ 124
согласія Амура, измѣнить ладъ своихъ пѣсенъ: онъ будетъ хулить, что неразумно хвалилъ: можетъ быть, такъ онъ дождется конца своихъ страданій [1]), доживетъ до поры, когда ея золотистые волосы посеребрѣютъ, лицо покроется морщинами, голосъ станетъ хриплымъ — и его печаль обратится въ смѣхъ, и онъ скажетъ: Мадонна, Амуръ васъ болѣе не любитъ, и вамъ остается оплакать свою неподатливость [2]).

Но вотъ въ его лирикѣ слышится новая нота: если моя дама не шутитъ надо мною, моя надежда вскорѣ будетъ увѣнчана, говоритъ онъ себѣ; при встрѣчѣ со мною она блѣднѣетъ, то широко уставитъ на меня глаза, полные желанія, то закроетъ ихъ; она вздыхаетъ, точно, подавленная чувствомъ, проситъ у меня мира. Я ли перестану пылать къ ней, видя, что ей это по сердцу [3]). Ему кажется, что и она переживаетъ то же, что и онъ [4]). — Настаетъ пора сближенія, интимныхъ бесѣдъ Памфила съ Фьямметтой, опасеній, какъ бы не дознался мужъ [5]), какъ бы не оговорили ихъ злые языки. Нѣчто подобное случилось, если канцоны IV, V и VI относятся къ Фьямметтѣ, за что говорятъ, повидимому, указанія на разницу общественныхъ положеній. Поэтъ пишетъ своей дамѣ, потому что не можетъ съ нею видѣться; кто тому виною: его ли неразумное желаніе, направленное къ женщинѣ, стоящей выше него [6]) — или враждебная судьба? Это она настроила противъ него грубыхъ, неотесанныхъ людей, завистниковъ, распустившихъ ложные слухи и подозрѣнія, ни на чемъ не основанныя [7]), — и вотъ онъ принужденъ теперь избѣгать мѣстъ,

1) Сон. XIII.
2) Сон. LXXXII; сл. XXXVII.
3) Сон. XXVI.
4) Сон. XXIII.
5) Сон. LVI.
6) Canz. IV: Ponendo mia speranza im quella cima — Dove ma'il poder mio — Salir non può.
7) Ib. Per false conietture e segni nudi — Di ciascun verisimil fondamento.

куда влечетъ его любовь, избѣгать не по малодушію, а по благо-
125 ра|зумію, чтобы соблюсти честь милой, и чтобъ ихъ обоихъ не охулили. Эти грубые люди — служители дамы; они позволили себѣ оскорбить поэта словомъ и дѣломъ; онъ не можетъ забыть обиды, но проситъ даму не наказывать тѣхъ людей, а ласково внушить имъ, чтобъ они болѣе не забывались и своими лживыми наговорами не пятнали ея чистаго имени. Судьба можетъ раздѣлить насъ тѣлесно, говоритъ онъ, нашихъ душъ никогда не разъединить; если моя просьба что-либо значитъ, забудь, что̀ противъ тебя говорили и дѣлали. — Пятая канцона спѣшитъ слѣдомъ за своей «сестрой»: та не произвела впечатлѣнія и не вызвала отвѣта; милая не убѣдилась; ужъ не упрекаетъ ли она его въ малодушіи? Шестая канцона возвращается къ этому упреку, устраняя его; снова говорится объ оскорбленіи, нанесенномъ поэту; пострадалъ не одинъ онъ: оказывается, что нѣкая дама, носившая его имя (Джьованна?), служила ему отводомъ глазъ, и что подъ ея прикрытіемъ онъ являлся, гдѣ могъ видѣть свою милую, не обращая на себя вниманія [1]). Ее-то оскорбили изъ-за него, теперь онъ погибъ, ему не на кого болѣе положиться. Извини же меня, обращается поэтъ къ своей милой, если я покажусь тебѣ, быть можетъ, слишкомъ осторожнымъ [2]): всѣ эти невзгоды возбудила ты, любовь, которую ты во мнѣ вселила; отъ тебя я жду помощи, отъ твоихъ прекрасныхъ глазъ, отъ звука ангельскихъ рѣчей.

Боккаччьо прибѣгалъ, стало быть, къ тому же средству, которое освятилъ провансальскій любовный обиходъ и дантовская donna dell' ischermo [3]): за фиктивными, болѣе безопасными отношеніями онъ старался скрыть настоящую любовь. Въ юности я былъ твоимъ, говорится въ одномъ мадригалѣ [4]), и если |

1) Ov'io potea vedervi e non parere.

2) S'a troppo sicurtà vi paio scorso.

3) Vita Nuova, § V, слѣд.

4) Если только онъ принадлежитъ Боккаччьо, а не ser Durante da San Miniato, сл. Carducci, Cantilene e ballate, № CCCXXXII; но Laur. Red. 184, c. 80 b: Boccaccio.

показывалъ, что увлекался другой, то для того лишь, чтобы о 126
насъ съ тобой не говорили [1]).

Ко всему этому присоединились и муки ревности.

Каждой весной Байи отнимаютъ у него его милую [2]), и ему кажется, что зефиръ навѣваетъ ему ея образъ, и она говоритъ: Посмотри, какую радость я тебѣ принесла! Онъ хочетъ схватить ее, но она уносится съ вѣтромъ [3]). Онъ самъ поѣхалъ бы въ Байи, но она запретила ему [4]), можетъ быть, чтобы не возбудить вниманія: о нихъ уже пошли слухи. И онъ разражается страшными нападками противъ Бай: все его тамъ страшитъ, и небо, и море, и земля, и то, что дѣлается въ домахъ и внѣ дома; тамъ только о томъ и думаютъ, чтобъ веселиться среди музыки и пѣнія, подманивая пустыми рѣчами неопытные умы, бесѣдуя о побѣдахъ Амура; Венера тамъ всесильна, и часто бываетъ, что Лукреція, отправившись туда, возвращается назадъ Клеопатрой. Онъ это знаетъ и опасается, какъ бы подобнаго рода мысли не проникли и въ сердце его дамы [5]). Когда въ былое время при немъ разсуждали въ кружкахъ, что̀ предпочтительнѣе для влюбленнаго: видѣть ли свою милую, или бесѣдовать о ней, или наконецъ мечтать о ней, Боккаччьо стоялъ за послѣднее; онъ жестоко разубѣдился въ этомъ, когда Фьямметтѣ пришлось уѣхать въ Аквино (Самній), куда онъ не могъ послѣдовать за нею ни подъ какимъ благовиднымъ предлогомъ, если не желалъ принести ея честное имя въ жертву своему счастью. Онъ чувствуетъ себя одинокимъ, точно опустѣлъ съ отъѣздомъ Фьямметты и городъ, и какъ Данту [6]) по смерти Беатриче, такъ и ему подсказываются слова Іереміи: Quomodo sedet sola civitas! Онъ хотѣлъ бы утаить свое горе, чтобы не выдать себя, но это выше его силъ, |
и онъ рѣшается отвести душу, воспѣвъ въ лицѣ другого влюблен- 127

1) Madrigale II.
2) Сон. XXXIV.
3) Сон. XV.
4) Сон. XXXIII.
5) Сон. LXIX.
6) Vita Nuova, § 29; сл. § 31.

наго собственныя страданія. Онъ будетъ пѣть о любви Троила къ Гризендѣ[1]) и объ его гореваньи, когда она удалилась отъ него, какъ удалилась Фьямметта. Троилъ — это онъ, сраженный любовью; такъ произвольно толкуетъ Боккаччьо греческое слово Филострато, которымъ назвалъ свою поэму; Троилъ былъ счастливъ съ Гризеидой, но Боккаччьо связанъ своимъ источникомъ и остерегаетъ насъ отъ отождествленій: если онъ говоритъ о блаженствѣ Троила, то не съ тѣмъ, чтобы увѣрить другихъ, будто ему улыбнулась судьба, а дабы изображеніемъ счастья лучше оттѣнить послѣдовавшее горе. Троилъ былъ счастливъ обладаніемъ Гризеиды, онъ — лицезрѣніемъ своей дамы, котораго теперь лишенъ; пусть же вернется она скорѣе, и да возжетъ въ ея сердцѣ Амуръ то чувство, въ которомъ поэтъ видитъ свое единственное блаженство.

Такъ говоритъ Боккаччьо въ письмѣ, которымъ посвятилъ Фьямметтѣ свою первую законченную поэму, Филострато, — потому что Филоколо, хотя и начатый ранѣе, въ весеннюю пору любви, дописанъ былъ позднѣе, подъ совершенно иными впечатлѣніями, когда все было кончено, и рефлексія вступила въ права чувства. Онъ сочинялся медленно, Филострато вылился заразъ въ минуты аффекта, отъ котораго Боккаччьо пытался освободиться, художественно изобразивъ его внѣ себя. Это изображеніе даетъ намъ мѣру его таланта; Филострато заставляетъ предчувствовать Декамеронъ: это уже новелла, хотя еще въ формахъ рыцарскаго романа; тотъ же реализмъ, тотъ же психологическій анализъ, съ его тонкостями и недочетами, то же отношеніе къ источникамъ.

IV.

Боккаччьо заимствовалъ сюжетъ своей поэмы изъ Roman de Troie французскаго трувера Бенуа de Sainte More — либо изъ его латинскаго пересказа, принадлежащаго Guido delle Colonne. |

1) Форма Гризенда вм. Бризеида придумано Боккаччьо. *Прим. ред.*

Выборъ палъ на эпизодъ Троила и Бризеиды, разбросанный въ 128
романѣ Бенуа и всецѣло принадлежащій его вымыслу: ничего подобнаго онъ не нашелъ у тѣхъ авторовъ, въ которыхъ средніе вѣка почерпали свои свѣдѣнія о «троянскихъ дѣяніяхъ», у Дарета и Диктиса. Онъ первый представилъ себѣ Троила, Пріамова сына, влюбленнымъ рыцаремъ, увлеченнымъ Бризеидой; онъ же сдѣлалъ ее дочерью Калханта и изобразилъ мастерски: она поставлена у него въ средоточіи разсказа, кокетливая красавица, полная желанія любить и нравиться и незамѣтно переходящая отъ одной привязанности къ другой, среди упрековъ самой себѣ и самооправданій, что иначе ей и нельзя было поступить.

Жрецъ Калхантъ (смѣшанный съ гомеровскимъ Хризомъ) измѣнилъ троянцамъ и перешелъ въ станъ грековъ, оставивъ въ Троѣ свою дочь Бризеиду. Пользуясь перемиріемъ, онъ требуетъ ея выдачи; по этому поводу мы узнаемъ впервые, что она и Троилъ любятъ другъ друга: это — совершившійся фактъ, на которомъ поэтъ и не останавливается. Оба влюбленныхъ горюютъ; красавица плачетъ: какъ ей покинуть родной городъ для лагеря, гдѣ постыдно было бы жить и простой служанкѣ! Я не знаю тамъ ни короля, ни герцога, ни графа, который услужилъ бы мнѣ и почтилъ бы меня. И она поминаетъ Троила: ни одна женщина не любитъ его такъ, какъ я. — Ночь они проводятъ вмѣстѣ; на другое утро Бризеида сбирается къ отъѣзду, не забывая пріодѣться къ лицу и велѣть уложить свои платья. Троилъ провожаетъ ее; онъ страстно ее любитъ, она опечалена, но вскорѣ успокоится и обратитъ свою любовь на другого, — и поэтъ пользуется случаемъ наговорить рядъ общихъ мѣстъ о непостоянствѣ женщинъ, у которыхъ горе держится недолго, и одинъ глазъ еще плачетъ, когда другой уже смѣется. При разставаньи оба любовника клянутся въ вѣрности другъ другу, Троилъ удаляется, грустный и задумчивый, а Діомедъ, выѣхавшій навстрѣчу Бризеидѣ, тотчасъ же, по дорогѣ, начинаетъ ухаживать за нею; счастливъ тотъ, кому вы подарили свою любовь, говоритъ онъ, и не покажись это слишкомъ поспѣшнымъ, я сталъ бы молить |

129 васъ принять меня, какъ вашего рыцаря и поклонника. Вѣдь часто бываетъ, что люди, никогда не видѣвшіеся и не знавшіеся, полюбятъ другъ друга; я никогда не испыталъ любви, но теперь чувствую, что она мною овладѣла.—Бризеида отвѣчаетъ коротко: Было бы нехорошо и непристойно, еслибъ я дала слово полюбить человѣка, котораго никогда не видѣла и не знаю; у кого на сердцѣ такая печаль, какъ у меня, тому мало дѣла до вашихъ словъ: я разсталась съ милымъ и не знаю, увижу ли его когда-нибудь. Вы такъ мужественны, благородны и образованны, что нѣтъ на свѣтѣ женщины или дѣвушки, которая отказала бы вамъ; да и я не отказываю, только нѣтъ теперь желанія полюбить ни васъ, ни кого бы то ни было; еслибы я захотѣла отдаться этому чувству, повѣрьте, никто не былъ бы мнѣ дороже васъ.—Діомедъ видитъ, что она не дикарка; прежде чѣмъ разстаться съ нею, онъ нѣсколько разъ обратился къ ней съ той же просьбой, унесъ ея перчатку и радуется, видя, что она на то не разсердилась.— Не успѣлъ наступить четвертый вечеръ, какъ у нея прошла уже охота вернуться въ Трою.—Въ одной изъ схватокъ Діомедъ свалилъ Троила съ коня, котораго посылаетъ въ даръ Бризеидѣ. Она говоритъ посланцу: Скажи своему хозяину, что онъ плохо меня чествуетъ; кто меня любитъ, не долженъ наносить вредъ тому, кто мнѣ милъ. Она выражаетъ надежду, что Троилъ сумѣетъ отмстить за свое пораженіе—и вмѣстѣ съ тѣмъ кокетничаетъ съ Діомедомъ: Передай ему, что было бы съ моей стороны несправедливо, если бъ я его ненавидѣла за его любовь ко мнѣ. Она мучитъ Діомеда, хваля передъ нимъ храбрость Троила, и вмѣстѣ съ тѣмъ рада, что Діомедъ попался въ ея сѣти; она даетъ ему вмѣсто значка — свой рукавъ. — Когда впослѣдствіи Троилъ ранилъ Діомеда и наглумился надъ нимъ и измѣнницей, Бризеида не можетъ болѣе скрыть своего новаго чувства: она дѣйствительно полюбила Діомеда. Не хорошую пѣсню сложатъ обо мнѣ, говоритъ она сама себѣ: я измѣнила своему милому безъ всякой вины съ его стороны; я лжива, вѣтрена, неразумна. Но къ чему каяться, когда мое сердце уже отдано другому? Будь я

въ Троѣ, ничего подоб|наго не произошло бы; здѣсь у меня не 130
было ни друга, ни совѣтчика, ни поддержки. Станутъ злословить меня тѣ, кто опоздалъ съ своимъ утѣшеніемъ; но не слѣдъ томиться и мучиться ради людей: что мнѣ за польза въ томъ, что всѣ веселы, а мое сердце печально? — Ее тревожитъ голосъ совѣсти: она то плачетъ, то весела и успокоивается сознаніемъ, что сдѣланнаго не измѣнить: Господь да пошлетъ всего хорошаго Троилу! Такъ какъ я не могу болѣе любить его, ни онъ меня, я отдаюсь Діомеду; я хотѣла бы лишь одного — забыть все прошлое.

Таково содержаніе эпизода о Бризеидѣ, позднѣе мы узнаѐмъ, что Троилъ былъ убитъ Ахилломъ.

Боккаччьо воспользовался этимъ эпизодомъ: отбросивъ подробность о конѣ, иначе разработавъ мотивъ «рукава», онъ оставилъ почти безъ измѣненія общій ходъ дѣйствія, развивъ его внутренно и вдвинувъ въ болѣе культурную бытовую обстановку. Существенно измѣнены взаимныя положенія дѣйствующихъ лицъ: главный интересъ сосредоточивается не на Бризеидѣ — Гризеидѣ Боккаччьо, — а на Троилѣ, въ которомъ поэтъ хотѣлъ изобразить самого себя: не наивнаго юношу французскаго романа, впервые открывающагося чувству любви, а человѣка, испытаннаго въ ней, взвѣшивающаго ея горе и радости. Гризеида очутилась вдовою; это дало Боккаччьо болѣе простора: его героиня — опытная женщина, она любитъ сознательнѣе и виртуознѣе; кокетство Бризеиды почти исчезло, явилась софистика любви и роковая власть Амура. Между Гризеидой и Троиломъ стало новое лицо Пандара: типъ, созданный Боккаччьо; мизогиническая философія Бенуа и монологъ Бризеиды могли лишь издали навести его на его замыселъ. Весь эпизодъ счастливой любви написанъ наново: у Бенуа его нѣтъ, Боккаччьо вложилъ въ него много пережитаго.

Троилъ когда-то увлекался, но позналъ цѣну любовныхъ тревогъ и непостоянство женщинъ [1]) и счастливъ, что теперь |

1) Filostrato, I, 22; сл. VIII, 30.

131 онъ свободенъ, и его сердце незанято [1]). Такъ было и съ Боккаччьо передъ тѣмъ, какъ онъ увидѣлъ Фьямметту въ церкви Санъ-Лоренцо; Троилъ видитъ Гризеиду въ храмѣ Паллады: она въ черномъ платьѣ, какъ Фьямметта. Онъ пораженъ ею; вернувшись домой, онъ предается вздохамъ; любовь овладѣла имъ, и онъ намѣренъ ее таить, дѣйствуя осторожно, потому что, открытая многимъ, она приноситъ не радость, а горе [2]). Онъ старается увидать Гризеиду, обратить ея вниманіе бранными подвигами, забылъ про ѣду и сонъ, поблѣднѣлъ, а она и не замѣчаетъ его страсти. Онъ плачетъ и вздыхаетъ; онъ еще будетъ падать въ обморокъ, биться объ стѣну, болѣть отъ любви; онъ не сентименталенъ, а страстно сензитивенъ, невоздерженъ въ выраженіи аффектовъ, какъ южный человѣкъ, какъ Ромео — и Боккаччьо; какъ онъ, энергиченъ и нерѣшителенъ. — Пока онъ предается грусти, измышляя какъ бы дать понять Гризеидѣ о своей любви, ему на помощь приходитъ его другъ Пандаръ: человѣкъ добрый, привѣтливый, легко относящійся къ жизни и обходящій противорѣчія любви и долга, дружбы и чести при помощи немудрой философіи, которая такъ рельефно выразилась въ извѣстномъ изреченіи Декамерона: скрытый грѣхъ наполовину прощенъ. Реалистъ, какъ Діонео, потѣшный разсказчикъ Декамерона, онъ не пошелъ далѣе наивнаго смѣшенія внѣшняго приличія съ нравственностью, которое однако не успокаиваетъ его; устроивъ связь Троила съ Гризеидой, онъ говоритъ, что ради друга попралъ свою честь и совратилъ сердце честной женщины [3]). Софистъ въ любви, знатокъ женскихъ слабостей, онъ дѣйствуетъ на Гризеиду навѣрняка, а самъ — несчастенъ въ любви, потому будто бы, что не сумѣлъ утаить ее [4]); онъ совѣтуетъ Троилу, опечаленному предстоявшимъ отъѣздомъ Гризеиды, обратить вниманіе на другихъ троянскихъ красавицъ, потому что

1) I, 20, 24.
2) I, 36.
3) III, 6; VIII, 23.
4) II, 11.

новая любовь прогоняетъ старую — и ничего не въ состояніи 132
отвѣтить на его вопросъ: почему же и онъ не поступаетъ такъ же [1]). Противорѣчіе ли это у Боккаччьо, или подмѣченное имъ дѣйствительное противорѣчіе сердца и разсудка въ теоретикахъ мизантропіи, цинизма?

Узнавъ, что Троилъ любитъ Гризеиду, его родственницу, Пандаръ начинаетъ восхвалять ее [2]): нѣтъ женщины болѣе нея достойной, столь веселой и привѣтливой, такъ владѣющей словомъ, способной на все великое. Она честна и презираетъ любовь, но онъ надѣется подѣйствовать на нее: у него въ запасѣ есть подходящія рѣчи, а ему удавались и болѣе трудныя дѣла. Главное — чтобы обо всемъ этомъ не стало никому извѣстно; всякому любящему вольно слѣдовать своему влеченію, лишь бы соблюдена была видимость, и совершившагося какъ бы не бывало. — Троилъ счастливъ однимъ обѣщаніемъ; не думай, — увѣряетъ онъ Пандара, какъ Боккаччьо хотѣлъ бы увѣрить Фьямметту [3]), — чтобъ я желалъ учинить Гризеидѣ что-либо дурное: пусть бы она дозволила любить себя.

Слѣдующій затѣмъ разговоръ Пандара съ Гризеидой проведенъ превосходно [4]). Онъ пришелъ къ ней и, посидѣвъ немного, какъ то бываетъ между родственниками, сталъ пристально глядѣть на нее. Что съ тобою, братецъ, говоритъ Гризеида, что ты такъ смотришь, точно никогда меня не видѣлъ? — Потому я смотрю, весело отвѣчалъ Пандаръ, что, коли не ошибаюсь, личико твое удачливое: такому человѣку ты приглянулась! — Гризеида покраснѣла, какъ утренняя роза: Не издѣвайся надо мной! тому человѣку здѣсь дѣлать нечего, да ничего такого со мною и не приключалось съ тѣхъ поръ, какъ я родилась. — А развѣ ты замѣтила его? — Никого я не замѣтила; правда, кто-то ходитъ мимо и все заглядываетъ на мою дверь, не знаю только, чего онъ |

1) IV, 47 слѣд.
2) II, 22 слѣд.
3) Сон. LXXXIV.
4) II, 34 слѣд.

133 ищетъ. — Пандаръ догадывается, что она говоритъ не о Троилѣ, и начинаетъ описывать его достоинства: Пристойно дорогому камню быть въ перстнѣ, хорошо звѣздѣ соединиться съ солнцемъ, такому молодцу — съ такой красавицей; всякому лишь однажды выпадаетъ счастье, и кто не сумѣлъ овладѣть имъ, пусть коритъ себя самъ. — Что ты — искушаешь ли меня, или за-правду говоришь, или съ ума сошелъ? спрашиваетъ Гризеида. Кому обладать мною, коли не мужу? Но кто же онъ: чужестранецъ или изъ нашихъ? — Пандаръ называетъ Троила. — Я думала, что еслибъ я влюбилась въ Троила, ты первый, блюдя мою честь, побилъ бы меня, не только бы побранилъ. Что же будутъ дѣлать другіе, если ты наводишь меня на это дѣло? Съ тѣхъ поръ, какъ я потеряла мужа, я сторонюсь отъ любви и хочу жить честно. — Пандаръ видитъ, что ему дѣлать нечего и уже собирается уходить. Я хвалилъ тебѣ Троила, какъ похвалилъ бы сестрѣ, дочери, женѣ, говоритъ онъ; онъ стоитъ больше твоей любви, а какъ онъ отъ нея страдаетъ, это я видѣлъ вчера; ты не вѣришь этому, оттого тебѣ его и не жаль; пожалѣй его ради меня: нѣтъ человѣка болѣе него вѣрнаго, умѣющаго хранить тайну. Онъ любитъ тебя пуще всего, а вѣдь тебѣ, молодой, хотя ты и въ траурѣ, дозволено любить; не теряй же времени, подумай и о томъ, что старость или смерть отнимутъ у тебя твою красу. — Правду ты сказалъ: годы уносятъ насъ незамѣтно, и многіе умираютъ прежде, чѣмъ завершится путь, назначенный имъ небомъ. Но бросимъ эти мысли; скажи же мнѣ, какъ дознался ты о его любви? — Пандаръ разсказываетъ, какъ онъ подслушалъ любовную пѣснь Троила, какъ засталъ его въ слезахъ и, дознавшись въ чемъ дѣло, обѣщалъ ему помочь. — Гризеида ощутила жалость: Не такая я суровая, какъ тебѣ кажется, готова уступить твоему желанію; да онъ того и стоитъ; но пусть удовольствуется тѣмъ, что я погляжу на него, и будетъ остороженъ, чтобы ни мнѣ, ни ему не вызвать укора.

Пандаръ идетъ съ этой вѣстью къ Троилу, а Гризеида, оставшись одна, передумываетъ каждое слово, замечталась о |

Троилѣ и весело разсуждаетъ про себя: Я молода и красива, 134
богата и родовита, вдова и бездѣтна — и любима. Почему мнѣ не влюбиться? Если это несогласно съ честью — то вѣдь я буду благоразумна и утаю мою страсть такъ, что о томъ никто не узнаетъ [1]). Почему и мнѣ не поступить, какъ дѣлаютъ другія? Кому я понадоблюсь, когда буду старухой [2]). Зачѣмъ не подарю ему мою любовь, не сжалюсь на его слезы? — Далѣе она впадаетъ въ тонъ Пандара; впадаетъ — Боккаччьо, нерѣдко заставляющій свои дѣйствующія лица высказывать общія положенія и вести рѣчи, дорогія автору, но нарушающія цѣльность задуманныхъ имъ характеровъ. Такіе недочеты психологическаго анализа, или, скорѣе, композиціи, встрѣчаются и въ Декамеронѣ; слѣдующія, напр., размышленія Гризеиды поражаютъ своей неприготовленностью: Теперь и не время выходить замужъ, говоритъ она себѣ, а коли и было бы, гораздо разумнѣе сохранить свою свободу: любовь, проистекающая изъ такой связи, всегда болѣе нравится любовникамъ, и какая бы тамъ ни была красота, мужьямъ она скоро надоѣдаетъ; случайный глотокъ воды гораздо слаще вина, имѣющагося въ изобиліи, какъ тайная любовь превосходитъ ту, которую даютъ повторенныя супружескія объятія [3]). — Вмѣстѣ съ тѣмъ у Гризеиды поднимаются и сомнѣнія: она поминаетъ обратную сторону любви, слезы, ревность, которая хуже смерти; любовь Троила пройдетъ, будетъ открыта.

Пока она волнуется между да и нѣтъ, Пандаръ уже обрадо|-
валъ Троила, который расцвѣлъ, какъ свернувшіеся отъ ночного 135

1) Сл. Fiammetta, стр. 189; Decam., I, 4; IX, 2; Ov. Art. Am., II, 389: Ludite, sed furto celetur culpa modesto; Am., III, 14, 5: Non peccat, quaecumque potest peccasse negare.

2) Сл. Дек., V, 10; Ov. Art. Am., II, 59 слѣд.

3) Сл. Filostrato, II, 74; IV, 153; Filocolo, II, стр. 95; Fiammetta, стр. 71; Decamerone, III, 6; VII, 6; Сл. Ovid. Art. Am., I, 347: Sed cur fallaris, cum sit nova grata voluptas, Et capiant animos plus aliena suis? Fertilior seges est alienis semper in agris, Vicinumque pecus grandius uber habet; III, 585—6: Hoc est, uxores quod non patiatur amari: Conveniunt illas, cum voluere, viri. Сл. Amor., II, 19, v. 3: Quod licet, ingratum est, quod non licet, acrius urit; 25: Pinguis amor nimiumque patens in taedia nobis Vertitur et, stomacho dulcis ut esca, nocet.

холода цвѣтки раскрываются на утреннемъ солнцѣ. Онъ идетъ посмотрѣть на Гризеиду: она стоитъ у окна, не дичится и скромно устремила взглядъ къ нему на грудь. Онъ въ восторгѣ, она внезапно увлекается имъ и мысленно горюетъ о времени, потерянномъ для любви.

Но какъ бываетъ, что вмѣстѣ съ надеждой растетъ и любовь, такъ было и съ Троиломъ. Гризеида дозволила ему любоваться ею, но этого ему мало; онъ хочетъ чего-то бо̀льшаго, такъ дурно направлены его желанія [1]). Онъ говоритъ объ этомъ Пандару; тотъ понялъ, въ чемъ дѣло, и совѣтуетъ ему написать Гризеидѣ письмо: онъ самъ отнесетъ его и замолвитъ слово. — Но вѣдь женщины стыдливы: она съ негодованіемъ отвергнетъ письмо, и мое положеніе только ухудшится, замѣчаетъ Троилъ; Пандаръ успокаиваетъ его, ручаясь, что доставитъ ему собственноручный отвѣтъ красавицы. Съ письмомъ Троила [2]) онъ идетъ къ Гризеидѣ; какъ увидѣла она его, оставила свое общество и ступила нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу, блѣдная, какъ жемчугъ Востока, и боясь, и желая вѣсти. Что привело тебя сюда? какія у тебя вѣсти? спрашиваетъ она и, узнавъ о письмѣ, говоритъ: Да будешь ты счастливъ въ любви, Пандаръ, но подумай же и обо мнѣ, не только о Троилѣ; если надо поступиться честью, чтобы облегчить страданія другого, то, ради Бога, отнеси это письмо обратно. — Вотъ еще новости! Чего женщины наиболѣе желаютъ, на то гнѣваются и негодуютъ при людяхъ, но я вѣдь такъ долго говорилъ тебѣ объ этомъ дѣлѣ, что со мной тебѣ нечего стыдиться; не отказывайся же, прошу тебя.—При этихъ словахъ Гризеида улыбнулась, взяла письмо и, спрятавъ на груди, говоритъ: Я прочту его, когда будетъ время; если я поступаю дурно, то причина тому — желаніе сдѣлать тебѣ удовольствіе; да поможетъ Господь моей простотѣ! — Лишь только ушелъ Пан-
136 даръ, | она, оставивъ подругъ, ушла къ себѣ въ комнату, и при-

1) II, 87.
2) II, 96—106.

нялась за письмо, читаетъ и перечитываетъ каждое слово, благодаритъ Амура: надо найти время и мѣсто, чтобъ утишить это пламя, не то краски сойдутъ съ лица и обличатъ затаенное желаніе, а это было бы для меня не малымъ горемъ: я не хочу ни умереть, ни уморить другого. — И она отдается любовнымъ мечтамъ. Снова приходитъ къ ней Пандаръ: Ну, что же ты скажешь о письмѣ моего друга? — Право, не знаю. — Отвѣтила ли ты ему? — Отвѣчу вскорѣ. — Подумай же объ этомъ, утѣшь его! — Не знаю, какъ это сдѣлать! — Любовь хорошо тому научаетъ. — Я такъ и сдѣлаю, коли тебѣ угодно, но далъ бы Богъ, чтобы все пошло благополучно.—Пойдетъ, говоритъ Пандаръ, насколько это въ силахъ того, кому оно всего дороже.

По удаленіи Пандара Гризеида садится писать. Ея письмо сдержанно-страстное, все обѣщающее и все берущее назадъ. Она готова сдѣлать пріятное Троилу — подъ условіемъ сохранить свою честность и цѣломудріе; еслибъ свѣтъ былъ таковъ, какимъ бы ему слѣдовало быть, я охотно склонилась бы на твои просьбы; теперь съ нимъ надо считаться, иначе намъ обоимъ придется страдать. Жалость влечетъ меня къ уступкамъ, но я увѣрена въ твоей доблести: ты знаешь, что̀ мнѣ пристойно, удовлетворишься моимъ отвѣтомъ и постараешься положить предѣлъ твоимъ томленіямъ. Мнѣ это больно; поистинѣ, я сдѣлала бы все, что ты желаешь, еслибъ то было не неприлично. Быть можетъ, исполненіе выступитъ еще на мѣсто желанія; болѣе не пишу, но молю Бога, чтобы онъ удовлетворилъ и тебя и меня.

Прочтя это письмо, Троилъ и Пандаръ заключили, что Гризеида сдалась и защищается лишь для виду. Троилъ ободрился, снова засылаетъ Пандара.—Я ничего иного не въ состояніи сдѣлать, отвѣчаетъ Гризеида, дѣлаю то, что ты самъ наказалъ мнѣ, стану любить его братской любовью. Она дорожитъ вѣнцомъ цѣломудрія; его нахваливаютъ попы тѣмъ, съ кого не могутъ его сорвать, смѣется Пандаръ [1]), проситъ ее бросить свою дикость |

1) Сл. Дек., III, 7 = I, стр. 234 русск. пер.

137 и прямо ставитъ вопросъ: Скажи же мнѣ, когда ему придти къ тебѣ? — До чего довелъ ты меня, Пандаръ! плачется она; чего ты хочешь отъ меня? Ты заставилъ меня забыть мою честь, я вѣдь не смѣю прямо посмотрѣть тебѣ въ глаза. Зачѣмъ не умерла я въ тотъ день, когда выслушала тебя, а ты заронилъ въ мое сердце желаніе, которое никогда его не покинетъ? Оно будетъ мнѣ утратой чести, причиной безконечныхъ золъ; я болѣе не въ силахъ — и готова сдѣлать все, что тебѣ угодно, лишь бы все сказанное и сдѣланное сохранилось въ тайнѣ. — Ты только не проболтайся, мы не скажемъ ни слова. Когда же придти ему? Пора доткать полотно; любовь, увѣнчанная дѣломъ, скрывается легче. — Гризеида назначаетъ время: вскорѣ праздникъ, всѣ домашніе отправятся туда, она будетъ одна.

Таково содержаніе первыхъ двухъ пѣсенъ Филострато, наиболѣе автобіографическихъ: Боккаччьо самъ пережилъ то, что заставляетъ перечувствовать Троила, какъ далѣе переживаетъ въ его лицѣ мученія разлуки. То, что въ третьей пѣснѣ говорится о счастьѣ Троила съ Гризеидой, принадлежитъ не области дѣйствительныхъ воспоминаній, а пылкому воображенію влюбленнаго поэта, о чемъ онъ уже предупредилъ въ посвятительномъ письмѣ. Троилъ расцвѣлъ отъ счастья, какъ весной расцвѣтаетъ вся природа [1]); въ темную облачную ночь онъ въ первый разъ посѣщаетъ свою милую, и она опечалена, когда пѣніе пѣтуховъ возвѣстило приближеніе дня [2]). Въ описаніи ихъ блаженства вторгается личное нареканіе Боккаччьо: противъ любостяжателей и скопидомовъ, не видящихъ ничего выше денегъ и порицающихъ тѣхъ, кто отдался печальному «безумію любви» [3]). Какъ понимаетъ ее Боккаччьо, это видно изъ восторженнаго гимна, который поетъ ей Троилъ: гуляя по саду, подъ руку съ Пандаромъ, онъ не можетъ наговориться съ нимъ о Гризеидѣ и порой

---

1) III, 12.
2) III, 42—3.
3) III, 38—9.

принимается пѣть о вѣчномъ свѣтѣ, украшающемъ третье небо, |
о милой солнцу дочери Юпитера, во власти которой состоитъ и 138
небо и земля, море и преисподняя, боги и люди, Юпитеръ и Марсъ; она прогоняетъ малодушіе, дѣлаетъ своихъ поклонниковъ способными ко всему великому, смягчаетъ нравы; она — источникъ мира и дружбы, ей вѣдомы тайныя свойства вещей, она даетъ законы міру [1]). Самъ Троилъ испытываетъ это вліяніе и преображается: онъ становится мужественнѣе, человѣчнѣе, снисходительнѣе [2]); это — любимый мотивъ облагораживающей любви, уже намѣченный въ лирикѣ Боккаччьо [3]).

Но счастье длилось недолго; съ четвертой пѣснью Филострато мы впервые вступаемъ въ содержаніе французскаго романа, т. е. того эпизода, который задумалъ обработать Боккаччьо. Калхантъ требуетъ выдачи Гризеиды; услышавъ о томъ, Троилъ едва удерживаетъ слезы, хочетъ помѣшать выдачѣ, любовь дѣлаетъ его готовымъ на все, — и вмѣстѣ съ тѣмъ у него является мысль, какъ бы Гризеида не разгнѣвалась на него въ своей стыдливости. Онъ мучится, желая и не желая вмѣстѣ; падаетъ, какъ лилія, подрѣзанная плугомъ и сожженная солнцемъ [4]), мятется, какъ быкъ, почувствовавшій смертельный ударъ [5]). — До сихъ поръ я пѣлъ о счастіи Троила, хотя къ этому счастію и примѣшивались вздохи, вставляетъ свое слово поэтъ, обращаясь къ Фьямметтѣ: теперь радость обратится въ горе, и я сумѣю изобразить его — такъ опечалено мое сердце твоимъ отсутствіемъ. Вернись же, если не хочешь увидать меня мертвымъ [6]). — Троилъ плачетъ, жалуется на судьбу и Амура, клянетъ Калханта; плачетъ и Пандаръ, котораго онъ позвалъ къ себѣ, но затѣмъ принимается его утѣшать: Ты, по крайней мѣрѣ, былъ
счастливъ, предоставь печалиться мнѣ, который любилъ и | не 139

1) III, 74 слѣд.
2) III, 90 слѣд.
3) Сон. L и CIV.
4) IV, 18.
5) IV, 27.
6) IV, 23—25.

былъ удостоенъ даже однимъ взглядомъ; въ Троѣ есть и другія красавицы. — Оставь эти рѣчи, Пандаръ; ты такъ говоришь, будто меньшее несчастіе потерять любимое, чѣмъ никогда не владѣть имъ. Повѣрь мнѣ, такую любовь, какъ мою, никогда не изгнать изъ сердца, ее можетъ развѣ утолить время, горе, смерть, или бѣдность и невозможность свиданія [1]). — Если тебѣ такъ больно разстаться съ ней, почему ты ее не похитишь? спрашиваетъ Пандаръ. — Похищеніе броситъ тѣнь на ея честное имя, отвѣчаетъ Троилъ; я хотѣлъ было попросить ее за себя у отца, но это раскрыло бы наши отношенія, да отецъ и не отдалъ бы ее за меня, потому что прочитъ мнѣ другую, и сказалъ бы, что она мнѣ не ровня. — Будь я такъ влюбленъ, какъ ты говоришь, я все же увезъ бы ее, несмотря ни на что: любовь не знаетъ такихъ тонкостей, не блюдетъ ни обѣщаній, ни даннаго слова, а судьба благопріятствуетъ смѣлымъ; да я и не думаю, чтобъ Гризеида разсердилась на то: вѣдь она такъ любитъ тебя. Разумѣется, мнѣ было бы непріятно, еслибъ о ней пошла худая слава; но пусть обойдется, какъ обходится Елена [2]). — Но Троилъ не хочетъ сдѣлать ничего, что было бы непріятно Гризеидѣ: онъ напередъ попытаетъ ее, и Пандаръ обѣщаетъ устроить ихъ свиданіе. Гризеида съ своей стороны предается горю: Пандаръ застаетъ ее распростертой на постелѣ, она плачетъ, бьетъ себя въ грудь, рветъ волосы: Увы, Троилъ, говоритъ она, неужели позволишь ты мнѣ удалиться и не удержишь насильно [3])? Увидѣвъ вошедшаго Пандара, она отъ стыда прячетъ въ рукахъ свое заплаканное лицо; самъ Пандаръ разжалобился, но затѣмъ начинаетъ ее усовѣщивать: Полно плакать, подумай, вѣдь сейчасъ явится Троилъ; еслибъ онъ зналъ, что ты такъ печалуешься, онъ навѣрно убилъ бы себя. Встань и ободрись, чтобы облегчить, а не усилить его горе. — Въ свиданіи съ Троиломъ Гризеида |

---

1) IV, 59.
2) IV, 74.
3) IV, 91.

падаетъ замертво, а Троилъ готовъ заколоть себя, чтобы соеди- 140
ниться съ милой, если и тамъ, какъ слышно, любятъ. Влюбленные бесѣдуютъ другъ съ другомъ; Гризеида говоритъ о возможности свиданій: она будетъ пріѣзжать въ Трою во время перемирія, а тамъ убѣдитъ отца, стараго и жаднаго, и совсѣмъ оставитъ ее въ городѣ. Троилу хотѣлось бы повѣрить, что все это такъ, а между тѣмъ не вѣрится: Почему же такъ настоятельно требуетъ тебя отецъ? Нѣтъ, онъ не отпуститъ тебя. Лучше тайно убѣжимъ отсюда, несмотря на честное слово царя, и гдѣ-нибудь вмѣстѣ, къ обоюдной радости, проведемъ остатокъ дней; таково мое желаніе, если только ты на это согласна. — Но у Гризеиды являются сомнѣнія: она завѣряетъ Троила въ своей любви, ничто не отвратитъ ее отъ него, но его рѣшеніе грозитъ тремя печальными послѣдствіями: нарушено будетъ честное слово, удаленіе Троила истолкуютъ, какъ боязнь и трусость, ея цѣломудріе будетъ запятнано. И она присоединяетъ и еще одно соображеніе, уже предвосхищенное выше и также неумѣстное, потому что заимствованное изъ арсенала Пандара: что тайная любовь милѣе явной и удовлетворяетъ дольше [1]). Лучше всего остановиться на принятомъ ею рѣшеніи; черезъ десять дней она свидится съ Троиломъ. — Останься лучше, найди какое-нибудь средство, я знаю, ты находчива; посуди сама, каково мнѣ будетъ жить безъ тебя! — Увы! ты убиваешь меня, не знаешь, какъ дѣйствуетъ на меня твое гореванье. Вижу, ты не вѣришь моему слову; но почему же? Куда дѣлось твое самообладаніе? Неужели я такъ неумна, что не найду возможности вернуться къ тебѣ, кого люблю болѣе самой себя? — И она проситъ не забывать ее для другой, иначе она убьетъ себя. — Мнѣ ли тебя забыть? отвѣчаетъ Троилъ; я полюбилъ тебя не за красоту, не за родовитость и богатство, а привлекли меня твои величавое, сановитое обхожденіе, рыцарственная доблесть и рѣчи, твоя несравненная привѣтливость и изящно-горделивая женственность, передъ которой кажется |

1) IV, 153.

141 низменнымъ всякій обычный поступокъ и желаніе [1]). — За этой характеристикой Гризеиды мы невольно ищемъ Фьямметту.

Между тѣмъ изъ греческаго стана явился Діомедъ, чтобы сдать троянцамъ Антенора и увезти Гризеиду. Троилъ еще разъ чувствуетъ рѣшимость отчаянія: почему бы не убить ему Діомеда, не вызвать на бой своихъ братьевъ, не стакнуться съ греками, чтобы они уступили ему Гризеиду, не отбить ее у нихъ? Но онъ не рѣшается ни на что, потому что боится, какъ бы сама Гризеида не погибла при этомъ случаѣ. — Когда настало время отъѣзда, Гризеида сдерживаетъ свое горе, сѣла на коня и, съ пренебреженіемъ сказавъ Діомеду: Что жъ, поѣдемъ! пришпорила лошадь, простившись лишь съ своими, не слушая ничьихъ пожеланій и никого не удостоивъ взглядомъ. Троилъ съ товарищами провожаетъ ее за городскую стѣну, съ соколомъ на рукавицѣ; при разставаньи они остановились и пристально поглядѣли другъ другу въ глаза; Гризеида не удержалась отъ слезъ, Троилъ подъѣхалъ ближе, взялъ ее за руку и тихо шепчетъ: Вернись же, не дай мнѣ умереть [2]). И онъ тотчасъ же повернулъ коня, ни слова не перемолвивъ съ Діомедомъ; тотъ хорошо понялъ, что передъ нимъ двое влюбленныхъ, и пока размышляетъ объ этомъ, самъ незамѣтно влюбляется въ Гризеиду.

Вернувшись, Троилъ тоскуетъ, ищетъ утѣшенія, бесѣдуя съ Пандаромъ о Гризеидѣ; тотъ совѣтуетъ ему разсѣяться, увлекаетъ въ лагерь Сарпедона, но Троилу не по себѣ, и уже черезъ пять дней онъ упрашиваетъ пріятеля вернуться въ городъ. Не встрѣчу ли я тамъ своей милой? говоритъ онъ, а Пандаръ про себя: Пройдутъ и десять дней, и мѣсяцъ, и годъ, прежде чѣмъ ты ее увидишь. Они идутъ посмотрѣть на домъ Гризеиды: Троилъ старается казаться веселымъ, но когда увидѣлъ запертыя двери и окна, у него точно сердце разорвалось, такъ онъ измѣнился въ лицѣ. Всюду ему поминается Гризеида; когда онъ

1) IV, 164—5.
2) V, 12.

устаетъ тосковать, забывается, тихо напѣвая о своей милой, и 142
все считаетъ дни, и кажется ему, что солнечные кони бѣгутъ не попрежнему.

Горюетъ и Гризеида; зачѣмъ не согласилась она на предложеніе Троила похитить ее? Она сдѣлаетъ все, чтобы убѣжать отсюда, и пусть говорятъ о ней, что хотятъ. Влюбленный Діомедъ старается привлечь ея вниманіе; не прошелъ еще четвертый день съ ея пріѣзда, какъ, зайдя къ ней подъ какимъ-то предлогомъ, онъ засталъ ее въ такой печали, что счелъ всякое ухаживаніе напраснымъ. Надо быть великимъ искусникомъ, чтобы изгнать изъ ея сердца прежнюю любовь [1]), говоритъ онъ себѣ, но, какъ человѣкъ рѣшительный и отважный, готовъ попытать счастья.

Присѣвъ, онъ заводитъ рѣчь о распрѣ грековъ съ троянцами; спрашиваетъ Гризеиду, не кажутся ли ей странными обычаи грековъ, и доходитъ до вопроса: почему Калхантъ медлитъ выдать ее замужъ? Занятая своими мыслями, Гризеида не замѣчаетъ его хитрости и «по произволенію своего властелина Амура [2]) отвѣчаетъ такъ, что порой печалитъ Діомеда, порой возбуждаетъ въ немъ надежды. Ободренный этимъ, онъ продолжаетъ; ему ясно, что она кого-то любитъ въ Троѣ, но пусть лучше оставитъ это, вѣдь городу не спастись, если бъ въ немъ было двѣнадцать Гекторовъ; не даромъ Калхантъ настаивалъ на твоемъ возвращеніи, а я поощрялъ его къ тому, наслышавшись о твоихъ чудесныхъ доблестяхъ, не пощадилъ трудовъ. Итакъ, красавица, забудь ненадежную любовь къ троянцу: они всѣ варвары и необразованны, греки умѣютъ любить лучше, и твоя красота найдетъ здѣсь достойнаго поклонника. Если бы ты то дозволила, я сталъ бы охотнѣе твоимъ слугой, чѣмъ царемъ надъ греками. — Сказавъ это, онъ вспыхнулъ, голосъ у него задрожалъ,
и самъ онъ потупился въ сторону; затѣмъ, быстро | спохватив- 143

1) VI, 10.
2) VI, 13.

шись, продолжалъ: Не гнѣвайся на меня, я не менѣе хорошаго рода, чѣмъ любой въ Троѣ; будь живъ мой отецъ Тидей, я былъ бы царемъ — и еще буду имъ; говорятъ, мой родъ ведется отъ боговъ. Потому отгони печаль, и если я кажусь того достойнымъ, прими меня своимъ служителемъ; я заслужу это, и Діомедъ еще будетъ твоимъ.

Слушая эти рѣчи, Гризеида горѣла, отвѣчая коротко и отрывисто; ей нравится отвага Діомеда, но пока она принадлежитъ Троилу и отвѣчаетъ тихимъ голосомъ: Я люблю мою родину, желала бы видѣть ее освобожденной; меня печалитъ, что я удалена изъ нея,—тѣмъ не менѣе я благодарна тебѣ за все, что ты предпринялъ ради меня. Греки храбры и образованны, нѣтъ спора, но неразумно хвалить себя, порицая другихъ. По смерти мужа я никого не любила, и нѣтъ у меня на то охоты; одному я дивлюсь: какъ ты, будучи царскаго рода, могъ увлечься такой простой женщиной, какъ я? Тебѣ была бы впору Елена прекрасная. Я не говорю, чтобы любовь твоя была мнѣ непріятна, но время теперь не такое, вы во всеоружіи: дай прійти побѣдѣ, которую ты ожидаешь, я посмотрю; быть можетъ, и я буду болѣе расположена къ веселью, и твои рѣчи понравятся мнѣ болѣе; кто хочетъ подѣйствовать на сердце другого, долженъ умѣть выбрать время. — Эти слова обнадежили Діомеда; онъ былъ молодъ и красивъ, высокаго роста, храбръ и краснорѣчивъ, какъ любой изъ грековъ, расположенъ къ любви. Обо всемъ этомъ раздумалась Гризеида по его уходѣ: склониться ли ей, или бѣжать отъ новой привязанности? Это и охладило ея страстное желаніе возврата, новыя надежды утолили жгучесть страданій; такъ и вышло, что Гризеида не сдержала Троилу даннаго слова.

Въ поэмѣ Боккаччьо мы ея болѣе не встрѣтимъ; весь эпизодъ объ ея измѣнѣ сокращенъ въ сравненіи съ тѣмъ развитіемъ, какое онъ получилъ во французскомъ подлинникѣ. Боккаччьо писалъ здѣсь не съ натуры: Фьямметта еще не была для него измѣнницей Гризеидой. Героиня французскаго романа страдаетъ и въ то же время чувствуетъ потребность утѣшенія и,

кокетничая съ Діомедомъ, втягивается въ новую любовь; 144
Боккаччьо ограничивается одной сценой объясненія; Гризеида какъ-то сразу безсознательно измѣняетъ Троилу: послѣ мужа она будто бы никого не любила, говоритъ она Діомеду. Видимаго мотива нѣтъ; если Боккаччьо не подсказалъ его впослѣдствіи [1]), говоря о женской вѣтрености и непостоянствѣ, то вся вина въ Амурѣ: онъ — властелинъ Гризеиды, онъ и нашептываетъ ей отвѣты, которые то печалятъ, то радуютъ Діомеда.

Насталъ десятый день, и Троилъ идетъ съ Пандаромъ къ городскимъ воротамъ поджидать Гризеиду; прошелъ полдень, а она не явилась; видно, отецъ не отпустилъ ее безъ завтрака, утѣшаетъ себя Троилъ; можетъ быть, и такъ, говоритъ Пандаръ. Снова возвращаются они къ воротамъ: часы проходятъ, настали сумерки, вечеръ; она навѣрно пріѣдетъ ночью, чтобъ не возбудить толковъ, говоритъ Троилъ; посмотри-ка Пандаръ, что это тамъ виднѣется? — Коли не ошибаюсь — повозка. — Уже показались звѣзды, Троилъ все ждетъ, а Пандаръ смѣется про себя надъ его ожиданіями; уже сторожа у воротъ готовятся запереть ихъ, Троилъ велитъ имъ помедлить болѣе, чѣмъ на два часа, а затѣмъ говоритъ Пандару: Какіе же мы недогадливые! Вѣдь она сказала мнѣ, что десять дней пробудетъ съ отцомъ; она, стало-быть, пріѣдетъ завтра. Но прошелъ и слѣдующій день, и много другихъ, а Гризеиды все нѣтъ. Троилъ въ отчаяніи; имъ овладѣлъ лихой духъ ревности, не знающій покоя, какъ то вѣдаютъ всѣ, испытавшіе его [2]); въ вѣщемъ снѣ онъ видитъ, что вепрь набросился на Гризеиду и вырвалъ у нея сердце, а ей это какъ будто и любо; вепрь — это, навѣрно, Діомедъ: вѣдь его отецъ убилъ калидонскаго вепря. Пандаръ едва удерживаетъ Троила отъ самоубійства: Не всякому сну надо вѣрить, говоритъ онъ ему; если уже искать смерти, то вѣдь греки у воротъ; прежде, чѣмъ отчаяться, надо разсѣять подозрѣнія: почему бы не написать

1) VIII, 30.
2) VII, 18.

145 тебѣ Гризеидѣ? — | И Троилъ пишетъ ей письмо[1]); это одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы: тихое увѣреніе въ любви, нерѣшительные упреки, робкое подозрѣніе — не задержала ли ее новая привязанность; нѣсколько картинокъ природы, отвѣчающихъ полету чувства куда-то. «Смотрю я на волны, спускающіяся къ морю; она живетъ въ ихъ близи; и я говорю: онѣ текутъ туда, гдѣ пребываетъ небесный свѣтъ моихъ очей, и она ихъ увидитъ; почему не могу я, несчастный, быть на ихъ мѣстѣ[2])?» — Отвѣта не было, и Троилъ слегъ; однажды подслушалъ его жалобы и имя Гризеиды его братъ Деифебъ и, не показавъ виду, начинаетъ ободрять его: настала весна, насталъ и срокъ перемирія; неужели не выйдешь ты съ нами, попрежнему, на грековъ? Троилъ воспрянулъ, какъ голодный левъ, завидѣвшій добычу: онъ еще слабъ, но будетъ биться на славу, такова его ненависть къ грекамъ. Понялъ Деифебъ въ чемъ дѣло, сообщилъ о томъ и братьямъ, и они посылаютъ къ нему троянскихъ женъ, развлечь его музыкой и пѣснями. Всѣ утѣшаютъ его, одна Кассандра, прослышавъ о Гризеидѣ, клянетъ Амура, посѣтившаго Троила и грозящаго гибелью имъ всѣмъ. И въ кого только онъ влюбился! Еще бы въ благородную даму, а то въ дочь негоднаго жреца, измѣнника! — Троилъ не сдержалъ своего гнѣва: Твои порицанія, Кассандра, уже многимъ учинили горе; не лучше ли было бы помолчать, чѣмъ говорить такъ невоздержно? Надо мнѣ обличить твое безобразіе: ты хочешь пристыдить меня моей любовью къ Гризеидѣ, но пока плохо научилъ тебя Аполлонъ, котораго ты будто бы провела! Если бы я былъ такъ близокъ къ Гризеидѣ, какъ ты полагаешь, клянусь тебѣ, скорѣе Пріамъ предалъ бы меня смерти, чѣмъ я позволилъ ее увезти. А если бы и было такъ, развѣ она не достойна хоть какого высокопоставленнаго человѣка? — И онъ принимается восхвалять ея красоту и честность, скромность и стыдливость, ея умъ и степенные нравы. Объ ея цѣломудріи

---

1) VII, 52 слѣд.

2) VII, 65.

идетъ | молва; что до царственной крови, то вѣдь вѣнецъ и ски- 146
петръ еще не дѣлаютъ царемъ; дѣлаетъ доблесть, не власть; если бъ она могла, она стала бы властвовать не хуже тебя [1]). — Ступайте вы всѣ въ недобрый часъ, а коли не умѣете разсуждать, возьмитесь за прялки и постарайтесь исправить свою мерзость, а чужую добродѣтель оставьте въ покоѣ [2]).

Долгое гореванье Троила сдѣлало его выносливымъ, ненависть къ грекамъ, печаль по убитомъ Гекторѣ быстро подняли его силы: онъ показывается въ битвахъ. Гризеида отвѣтила ему, измысливъ извиненіе, завѣряя въ любви, обѣщая пріѣхать; онъ шлетъ ей письма съ Пандаромъ, пользуясь сроками перемирія, самъ сбирается пойти къ ней въ одеждѣ паломника; но у него растутъ сомнѣнія. Однажды Деифебъ вернулся съ поля битвы съ платьемъ раненаго Діомеда; на немъ была пряжка, та самая, которую Троилъ подарилъ Гризеидѣ въ утро передъ разставаньемъ. Тогда ему стало все ясно: онъ коритъ Гризеиду, взываетъ къ мести боговъ, ищетъ случая сразиться съ Діомедомъ; нѣсколько разъ они бьются, осыпая другъ друга ударами и бранными словами, пока Троилъ не палъ подъ ударами Ахилла. Такъ осуществились надежды, которыя Троилъ возлагалъ на негодную Гризеиду, заключаетъ свой разсказъ Боккаччьо и, обращаясь къ новичкамъ въ любви, проситъ ихъ поучиться на его примѣрѣ: молодая женщина вѣтрена [3]), мѣрка ея красоты—не одно зеркало, а и толпа поклонниковъ; она кичится своей молодостью, не знаетъ ни добродѣтели, ни совѣсти, и вѣчно колеблется, какъ листъ по вѣтру (come fogliа al vento). Иныя изъ нихъ, высокородныя, знающія счетъ своимъ предкамъ, полагаютъ, что это даетъ имъ преимущество въ любви, выступаютъ надменно, поднявъ носъ кверху; этихъ берегитесь, онѣ—дуры, не благородныя женщины.
У женщины совершенной болѣе по|стоянства въ любви, ей нра- 147

---

1) VII, 99.
2) VII, 101.
3) VIII, 30: Giovane donna è mobile.

вится быть любимой; она разбираетъ и смотритъ, чего ей слѣдуетъ избѣгать, устраняетъ и останавливается на выборѣ, предусматриваетъ и ожидаетъ предложенія. Этихъ слѣдуетъ любить; но не надо выбирать поспѣшно, потому что не всѣ одинаково разумны, хотя были бы и въ лѣтахъ; такихъ и цѣнятъ менѣе [1]).

Въ послѣдней коротенькой пѣснѣ [2]) Боккаччьо обращается къ своей поэмѣ: пусть отправится она къ прелестной дамѣ его сердца и умолитъ ее вернуться. Я знаю и чувствую, что она можетъ обратить меня въ ничто, можетъ и вознести выше, чѣмъ я того стою; эта мысль, болѣе, чѣмъ скорбь разлуки, и сдѣлала мою поэму говорливой. — И онъ кончаетъ пожеланіемъ себѣ радостнаго отвѣта.

Даже въ нашей краткой передачѣ содержанія поэмы нетрудно было замѣтить неровности ея исполненія. Авторъ видимо спѣшитъ къ концу [3]): смерть Троила разсказана въ двухъ словахъ; могутъ сказать, что и Гризеида сдается Діомеду слишкомъ поспѣшно, тогда какъ здѣсь именно представлялся большой сюжетъ для психологической разработки. Можно бы объяснить эту краткость въ связи съ автобіографическими мотивами поэмы [4]), но именно по отношенію къ нимъ, а вмѣстѣ и къ хронологіи боккаччьевскихъ произведеній, Филострато вызываетъ вопросъ, который мы предрѣшили, поставивъ его разборъ на первомъ мѣстѣ [5]). Точно ли слѣдуетъ отнести эту поэму къ порѣ чающей, еще неудовлетворенной страсти? Такъ завѣряетъ насъ авторъ, но у него могли быть на то свои причины, онъ желалъ отвести глаза, и отъѣздъ Фьямметты, можетъ быть, такой же его вымыселъ, какъ и увѣреніе, что Троилъ и Боккаччьо сходны лишь по мукамъ ревности, не по взаимности счастья. И въ самомъ

1) VIII, 31—2.
2) IX, 1—8.
3) Сл. VIII—IX пѣсни.
4) Сл. выше стр. 137.
5) Согласно съ Crescini, Contributo, стр. 197.

дѣлѣ: Троилъ волнуется и негодуетъ, какъ обманутый, не какъ 148
чающій любовникъ, къ послѣднему выборъ такого сюжета, какъ
эпизодъ о Троилѣ, не идетъ, и немыслимы страстныя нареканія
на женщину, когда дѣло шло, какъ насъ увѣряютъ, лишь объ
отъѣздѣ милой. Все это какъ бы перемѣщаетъ Филострато къ
другому біографическому моменту, когда сѣтованія Троила уже
были мотивированы измѣной.

Къ этому присоединяются и соображенія литературно-эстетическаго характера. Въ сравненіи съ Филоколо, начатымъ въ Неаполѣ, дописанномъ во Флоренціи, Филострато является произведеніемъ болѣе цѣльнымъ, лучше скомпонованнымъ, авторъ свободнѣе орудуетъ языкомъ, обнаруживая бо̀льшее мастерство стиля и характеристики,—и окончательно порвалъ съ миѳологіей, которая переполняетъ его Филоколо, и отъ которой онъ освобождался постепенно, по мѣрѣ того, какъ зрѣлъ его талантъ.

Противъ всѣхъ этихъ соображеній могутъ быть выставлены другія, вѣскія. Нѣтъ сомнѣнія, что Боккаччьо старался маскировать свои отношенія къ Фьямметтѣ, но въ данномъ случаѣ нѣтъ никакихъ особыхъ поводовъ предположить, чтобъ отъѣздъ Фьямметты былъ исключительно декораціей. Боккаччьо былъ ревнивъ; вспомнимъ его горе, когда Фьямметта запретила ему сопровождать ее въ Байи. По случаю другой, болѣе долгой отлучки, ему вспомнился сѣтующій, ревнивый Троилъ, и въ этой чертѣ онъ подчеркнулъ самого себя; что сказано о Гризеидѣ, воспроизводятъ черты унаслѣдованной фабулы; оттого такъ небрежно мотивирована измѣна, и едва намѣчена смерть Троила.

Стилистическій моментъ схваченъ вѣрно: дѣйствительно, въ
сравненіи съ октавами Филострато проза Филоколо производитъ
болѣе архаичное, скажемъ болѣе, неуклюжее впечатлѣніе, но не
слѣдуетъ забывать, что въ художественномъ стилѣ своей прозы
Боккаччьо былъ почти начинателемъ; здѣсь преданіе его не связывало, но и не указывало путей; ему приходилось творить, и
онъ нерѣдко распространялся безъ мѣры, увлекаясь эпизодами,
отдаваясь | своей словоохотливости и паденію цицероновскаго 149

періода. Все это отзывается еще и въ прозѣ Декамерона. Наоборотъ, поэзія повѣствовательнаго содержанія была создана, ея стиль и техника установились, когда Боккаччьо принялся писать въ ея формахъ — и формулахъ; длиннымъ назиданіямъ не было мѣста, разсказъ поневолѣ поспѣвалъ за октавой, и получалось впечатлѣніе чего-то болѣе живого, спѣшащаго, цѣлаго. Это — хронологическіе моменты, но не по отношенію къ Боккаччьо, а къ тѣмъ литературнымъ преданіямъ, въ которыхъ онъ являлся то начинателемъ, то продолжателемъ, художественно восполнявшимъ готовыя формы поэтической рѣчи: его октава бойко спѣшитъ въ Филострато, тише движется въ Тезеидѣ подъ стать содержанію, рѣзва и фамильярно-небрежна въ Ninfale Fiesolano.

Біографическимъ, не хронологическимъ моментомъ объясняется въ Филострато совершенство характеристикъ: Пандаръ, Гризеида, Троилъ смѣло могутъ подать руку лучшимъ образамъ Декамерона; сложный и тонкій профиль Пандара стоитъ выше многихъ изъ нихъ. Въ Филоколо нѣтъ ничего подобнаго, лица тусклы и вялы, нѣтъ того смѣха и жизнерадостности, которая проникаетъ Филострато, перебивая его скорбныя ноты. Съ Филоколо Боккаччьо на нѣсколько лѣтъ уйдетъ въ гореванье и созвучный ему дантовскій аллегоризмъ; лишь переживъ то и другое, освободившись отъ гнетущаго чувства, онъ очнется, и смѣхъ и жизнерадостность наполнятъ Декамеронъ. Между Филострато и Филоколо разница не столько таланта, сколько настроенія и литературныхъ вліяній.

Остается еще одно соображеніе, заимствованное отъ миѳологическаго балласта. Начинающему гуманисту онъ былъ дорогъ, какъ внѣшній матерьялъ эрудиціи: такъ въ Филоколо; позже поэтъ овладѣваетъ имъ, подчиняя человѣческому дѣйствію: канва Ninfale Fiesolano могла бы въ сущности обойтись и безъ Діаны. Но безъ этого матерьяла Боккаччьо никогда не обходится, когда сюжетъ разсказа шелъ ему навстрѣчу. Если Филострато стоитъ въ этомъ отношеніи особо, то потому, что находится за чертой |

сознательно-гуманистическихъ стремленій, а Французскій источникъ Боккаччьо обошелся безъ миѳологіи. 150

Филострато — первая извѣстная намъ попытка художественно овладѣть той народно-эпической формой, въ которой пересказывались въ Италіи, на площадяхъ и посидѣлкахъ, сюжеты легенды, захожей новеллы и Французскаго эпоса, когда, обнароднѣвъ, онъ освободился отъ перенятой, вмѣстѣ съ содержаніемъ, формы долговязыхъ ассонансированныхъ тирадъ. Поэмы Флорентійца Антоніо Пуччи, современника Боккаччьо, и нѣсколько другихъ, относящихся къ половинѣ XIV-го вѣка, даютъ понятіе объ этой народно-поэтической манерѣ: вмѣсто длинной вереницы стиховъ или риѳмованныхъ двустишій, въ которыхъ дѣйствіе застаивалось, — октава, рѣзко очерченная, торопившая дѣйствіе отъ первой половины строфы, гдѣ поэтъ, располагая шестью стихами, могъ двигаться относительно свободно, къ послѣдней связанной риѳмой парѣ, лишь временно замедляющей движеніе ритма — передъ новой октавой. Это чередованіе строфы и антистрофы вносило въ изложеніе болѣе живости, спѣха — и дѣйствіе ему отвѣчало: обыкновенно небольшая тема, фантастическое или чувствительное происшествіе, элементъ чудеснаго, умѣренный благодушнымъ смѣхомъ, обращенія къ Богу и святымъ — и слушателямъ, незатѣйливыя риѳмы, готовые эпитеты, общія мѣста въ описаніяхъ красоты, убранства — и преобладаніе діалога. Все это было во вкусѣ той публики, къ которой обращались народные сказители: итальянской и буржуазной, искавшей въ темахъ романа не рыцарскаго идеала, а новаго развлеченія, новеллы.

Пріемы Боккаччьо, въ сущности, тѣ же, но его поэтическій цензъ выше, и у него публика другая: онъ пишетъ для неаполитанскихъ придворныхъ кружковъ, для Фьямметты. И у него коротенькая тема — эпизодъ любви и невѣрности, распространенный описаніями, разсужденіями, посланіями; въ нихъ много риторики, но все носитъ личную печать; и у него пріемъ обращенія, но не къ слушателямъ, собравшимся вокругъ разсказ-

151 чика, | а къ новичкамъ въ любви, которые научатся на примѣрѣ Троила, — къ Фьямметтѣ, которую онъ хочетъ разжалобить.

Художникъ сказывается въ мастерствѣ діалога, въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ: вмѣсто маріонетокъ-типовъ полународной эпической пѣсни въ первый разъ являются люди, мелкіе недочеты психологическаго анализа исчезаютъ въ массѣ тонко подмѣченнаго, схваченнаго въ жизни, лично пережитаго. Троилъ — идеалъ влюбленнаго, Фьямметта можетъ быть спокойна: онъ сдержанъ и остороженъ, полонъ безконечной преданности и вѣренъ тайнѣ; если онъ колеблется, то потому, что не хочетъ ее выдать; когда Гризеида увѣряетъ Діомеда, что послѣ мужа она никого не любила, она говоритъ такъ по естественной стыдливости, не изъ желанія скрыть дѣйствительныя отношенія; Троилъ гнѣвно устраняетъ подозрѣнія Кассандры и, восхваляя цѣломудріе Гризеиды, дѣйствуетъ въ виду одной цѣли: сохраненія тайны. Въ обращеніи къ юношамъ Боккаччьо рисуетъ свой идеалъ «современной» женщины, разумной въ выборѣ, постоянной въ любви, не кичащейся своимъ родомъ. Это было застѣнчивое указаніе Фьямметтѣ и вмѣстѣ усиліе освободиться отъ робости: онъ еще въ положеніи Идалага, котораго любовно манитъ къ себѣ высокородная красавица, а онъ — сынъ купца и боится, не насмѣхается ли она надъ нимъ[1]). Въ беззавѣтной страсти бѣдной Лизы къ королю Пьетро[2]) Боккаччьо могъ поэтически пережить моменты своихъ собственныхъ колебаній.

Но любовь взяла свое; робкіе люди способнѣе другихъ на отчаянныя выходки. Однажды ночью, въ октябрѣ[3]), когда мужъ Фьямметты уѣхалъ въ Капую, а она одна засыпала въ постели, ей представилось нѣчто, что было не сновидѣніемъ: рядомъ съ |

---

1) Сл. сон. XXVII. Сл. у Андрея Капеллана (l. c., lib. I, c. VI, стр. 40) вопросъ дамы ухаживающему за нею купцу: Sed ubi deprehendi major audacia potest quam illius, qui totius hebdomadae tractu variis *mercimonii lucris* toto mentis intendit affectu?

2) Декамеронъ, X, 7.

3) Когда Аполлонъ умѣрялъ ядовитый холодъ Скорпіона, Ameto, стр. 146.

собою она увидѣла Калеоне-Боккаччьо. Она хочетъ закричать, 152
но по голосу узнаетъ посѣтителя и воздерживается; происходитъ страстное объясненіе: Боккаччьо выйдетъ отъ нея либо счастливымъ, либо мертвымъ, говоритъ, какъ одолѣла его любовь отъ вѣщаго видѣнія при въѣздѣ въ Неаполь до сцены въ церкви. Фьямметта обѣщана ему, суждена издавна, заключена навѣкъ въ его сердцѣ; пусть же отдастся ему, какъ онъ отдался ей, и тѣмъ спасетъ въ одно и то же время его жизнь и свою честь. Фьямметта слушаетъ его, она и раньше, по разнымъ признакамъ, догадывалась о его страсти; видитъ у него кинжалъ въ рукѣ, колеблется между жалостью и долгомъ, — когда покой внезапно освѣтился, и Венера грозно шепчетъ ей: пусть смилуется надъ ея подданнымъ, если ей страшенъ гнѣвъ боговъ. Богиня удалилась, но ея горячій лучъ коснулся красавицы и зажегъ въ ней желаніе [1]).

Вся эта сцена ночного посѣщенія врасплохъ спящей красавицы встрѣчается въ мотивахъ народной поэзіи [2]), и мы вправѣ были бы предположить, что Боккаччьо воспользовался имъ для романической разработки своихъ воспоминаній, если бъ онъ не возвращался къ нему не разъ по разнымъ поводамъ. Въ одномъ автобіографическомъ эпизодѣ Филоколо нимфа Alleyram, т. е. въ обратномъ чтеніи Marielia (Марія-Фьямметта), разсказываетъ о юношѣ, котораго она приблизила къ себѣ изъ числа другихъ: онъ воспѣвалъ ея красоту, былъ рьянымъ защитникомъ ея противъ завистливыхъ наговорщиковъ; «тайный паломникъ любви», онъ невѣроятными способами доискивался того, что я впослѣдствіи ему даровала, и наконецъ, набравшись отваги болѣе всѣхъ, когда-либо ухаживавшихъ за мною, постарался добиться и добился того, въ чемъ я ему притворно отказывала [3]). То же положеніе повторяется въ «Фьямметтѣ» [4]), гдѣ сама героиня раз-

1) Ameto, стр. 146 слѣд.
2) Напр., въ Lancelot du Lac.
3) Filocolo, II, стр. 261—2.
4) Fiammetta, стр. 32, 79.

153 сказываетъ, какъ для нея и Панфило дни проходили въ наде|ждахъ, питавшихъ ихъ страсть, и это томило обоихъ, онъ нашептывалъ ей о своихъ желаніяхъ, она притворялась, будто противится тому всѣми силами, пока Панфило, не повѣривъ тому, не выбралъ подходящее время и мѣсто, и болѣе отважный, чѣмъ разсудительный, болѣе смѣлый, чѣмъ искусный, не достигъ того, чего она сама желала, хотя показывала обратное; ночью онъ явился къ ней обманно, и она очутилась въ его объятіяхъ, прежде чѣмъ вышла изъ объятій сна. — Такъ и въ Филоколо влюбленный Флоріо проникаетъ въ башню, гдѣ эмиръ Александріи держалъ его Бьянчифьоре, и посѣщаетъ ее, еще покоившуюся, и у нея сонъ также переходитъ въ дѣйствительность [1]). Ни въ одномъ изъ извѣстныхъ намъ пересказовъ этого романа нѣтъ соотвѣтствующей сцены; и здѣсь, какъ часто, Боккаччьо внесъ отрывокъ своей автобіографіи; онъ потому и любилъ возвращаться къ этимъ воспоминаніямъ, что переживалъ ихъ сызнова.

Боккаччьо на верху счастья, Панфило поетъ отъ избытка блаженства, которымъ Амуръ такъ переполнилъ его сердце, что оно просится наружу, сіяетъ на лицѣ; забыта робость и сословные счеты; теперь, говоритъ онъ, ему легко переносить пламя Амура, потому именно, что его любовь поставлена такъ высоко [2]). Сонеты этой поры [3]) полны восторговъ, чувство бьетъ черезъ край, слова громоздятся, какъ Осса на Пеліонъ: ни одна гора въ свѣтѣ не была такъ мила своимъ пастухамъ, какъ Мизенская, гдѣ моя любовь нашла успокоеніе, — и два четверостишія сонета [4]) наполняются названіями горъ:

E Cinto, e Caucaso, Ida e Sigeo,
Libano, Serio, Carmelo ed Ermone,
Atos, Olimpo, Pindo, Citerone,
Aracinto, Menalo, Ismo e Tifeo и т. д.

---

1) Filocolo, II, стр. 168 слѣд.
2) Декамеронъ, VIII, стихотвореніе.
3) Сон. XLVII, XLVIII.
4) Сон. XLVII.

Какъ долго длились эти восторги, не знавшіе счетовъ съ | со- 154
мнѣніями, неизвѣстно, но сомнѣнія явились. Мы знаемъ, бывали и раньше мимолетныя размолвки, но Байи раскрыли поэту глаза, и онъ обрушивается на нихъ, такъ же яростно громоздя проклятія, какъ прежде воспѣвалъ блаженство Мизенскихъ горъ: своей распущенностью онѣ растлили цѣломудреннѣйшую женщину, — если, недавно тому назадъ, не обманули меня мои глаза, говоритъ онъ; зачѣмъ не былъ я слѣпъ въ ту пору [1])? почему не бѣжалъ отъ мѣстъ, гдѣ царятъ Вакхъ и Церера, еще раздается пѣснь сиренъ, и нѣтъ мѣста для любви, вѣрности, чести? Зачѣмъ, зная все это, отдался я обаянію коварныхъ глазъ женщины, которая не любитъ меня, тогда какъ я былъ ей такъ преданъ [2])? Онъ самъ что-то видѣлъ и не ошибся, мысль о счастливомъ соперникѣ не покидаетъ его: онъ клянетъ Амура за то, что предпочелъ ему, вѣрному служителю, человѣка, менѣе его достойнаго [3]); Фьямметта забыла его, отдалась другому юношѣ [4]), отвернулась отъ него безъ его вины; напрасно онъ употребляетъ всѣ старанія и искусство, чтобы снова пріобрѣсть ея расположеніе; ему остается утирать слезы, почерпая въ своемъ сердцѣ невеселыя мысли, питая печаль воспоминаніями, постоянными бесѣдами о прошломъ [5]). Его лирика полна отчаянія: если бы онъ могъ выразить терзанія, которыя онъ испытываетъ — по своей-ли винѣ, или заблужденію милой, всѣ стали бы изумляться не тому, что онъ такъ измѣнился, поблѣднѣлъ, а тому, что онъ еще не умеръ. Ему самому такъ жаль себя подчасъ, что у него является желаніе облегчить себя, повѣдавъ, въ слезахъ, о той, кто причина его горя, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боится, какъ бы горе отъ того не усилилось [6]), и не порадовались

1) Сон. IV.
2) Сон. V.
3) Сон. LV.
4) Баллата I, мадригалъ III.
5) Сл. письмо Cuidam viro militi.
6) Сон. XXX, LXXXVII.

тѣ, кто завидовалъ его счастью [1]). Онъ перебираетъ въ мысли
155 всевозможные роды ужасной смерти, каждая изъ нихъ, кажется, шепчетъ ему: Приди, я освобожу тебя; но онъ не можетъ рѣшиться [2]). Его страданія безконечны, какъ страданія Прометея: казалось бы, его сердце ослабѣло, истощилось отъ горя, а судьба тихонько обновляетъ его для новыхъ мученій [3]). Онъ желалъ бы выплакать глаза, впервые отразившіе въ его скорбномъ сердцѣ безжалостные взоры красавицы, нынѣ гнушающейся имъ [4]), и клянется никогда болѣе не попадаться въ сѣти Амура: онъ отнялъ у него сонъ и покой и пищу, заставилъ забыть себя, сдѣлавъ посмѣшищемъ для другихъ [5]). Нѣтъ безумнѣе человѣка, отдающаго въ руки женщины свою честь, свободу и жизнь: онѣ — не женщины, а горе, не знаютъ ни жалости, ни вѣрности, ни любви, и рады страданіямъ тѣхъ, кто наиболѣе имъ довѣрился [6]). Иногда у него является надежда, что любовь Фьямметты снова расцвѣтетъ для него, какъ подъ дыханіемъ зефира травой и цвѣтами обновляется земля [7]); если бъ только онъ могъ объясниться съ ней, его томленіе и тоска длились бы недолго, — онъ въ этомъ увѣренъ, и ея взоры склонились бы на него сострадательно, безъ гнѣва и негодованія [8]). Но она уѣхала, вмѣстѣ съ тѣмъ отлетѣла, какъ будто, и его надежда; одна лишь мысль поддерживаетъ его хилое существованіе: что она скоро вернется; теперь приходится ѣхать и ему, ѣхать противъ воли, онъ не надѣется увидѣть ее болѣе и умретъ вдали отъ желанной, оплакивая свою жестокую судьбу [9]).

Итакъ, Фьямметты не было въ Неаполѣ, когда въ началѣ 1340-го года оставилъ его и Боккаччьо. Онъ долженъ былъ

1) Сон. LVIII.
2) Сон. XVI.
3) Сон. LXXII.
4) Сон. XLIII.
5) Сон. LXXVI.
6) Сон. XXXV.
7) Сон. CV.
8) Сон. CVI.
9) Сон. CIII.

уѣхать противъ воли; въ «Фьямметтѣ» [1]) говорится, что Панфило |
вызванъ былъ отцомъ: вдовый и старый, безъ надежды на 156
потомство, онъ будто бы желалъ видѣть единственнаго сына, оставшагося въ живыхъ; Панфило медлилъ нѣсколько мѣсяцевъ, измышляя предлоги, лишь бы не разстаться съ Фьямметтой; тогда отецъ сталъ дѣйствовать на него при посредствѣ друзей и родныхъ, говоря, что умретъ неутѣшнымъ, если не увидитъ сына; и Панфило поѣхалъ.

Мы не знаемъ, насколько мотивъ отъѣзда принадлежитъ дѣйствительности, либо вымыслу романа, изъ котораго можно было бы почерпнуть и нѣсколько другихъ хронологическихъ данныхъ: Панфило обѣщалъ уѣхать на три или четыре мѣсяца [2]), а въ апрѣлѣ какого-то года оказывается, что назначенный имъ срокъ прошелъ четыре раза и болѣе [3]). Онъ уѣхалъ, стало-быть, въ августѣ, скорѣе въ апрѣлѣ 1340-го года [4]), ибо апрѣль, отъ котораго ведетъ счетъ Фьямметта, можетъ относиться лишь къ 1339-му году, а отъѣздъ Боккаччьо предполагаетъ его ночное свиданіе съ Фьямметтой въ октябрѣ, очевидно, 1338-го, перваго года ихъ знакомства.—Отмѣтимъ кстати документъ, относящійся къ той же неаполитанской порѣ (1340 г.), по которому отецъ Боккаччьо внесъ отъ имени сына арендную плату за земли, принадлежавшія церкви св. Лаврентія у Croce Capuana, капуанскаго архіепископства [5]).

Такъ кончились реальныя отношенія Боккаччьо къ Фьямметтѣ. Мы искали ихъ отраженія въ его лирикѣ, внося въ нее извѣстную цѣльность, иногда фантастическую, потому что развитіе чувства трудно поддается хронологіи и, напр., группа лирическихъ пьесъ, настроенныхъ ревностью и сомнѣніями, легко можетъ распредѣлиться по ту и другую сторону извѣданнаго счастья.

---

1) Fiammetta, стр. 38—9.
2) Fiammetta, стр. 44.
3) Ib., стр. 166, 169.
4) *Cochin, Boccaccio, 36: 1341 или 1342 г.
5) Manni, Istoria del Decamerone, parte I, стр. 20—31.

Кто былъ счастливымъ соперникомъ Боккаччьо? Мы не поставили бы этого вопроса, если бы Боккаччьо не подвелъ насъ |
157 самъ къ его видимому рѣшенію и не поставилъ передъ западней. Уже изъ Флоренціи онъ послалъ Фьямметтѣ, тогда далекой отъ него, свою новою поэму «Тезеиду», съ посвятительнымъ письмомъ. Герои поэмы—Арчита и Палемонъ, два пріятеля, одинаково влюбленные въ прекрасную Эмилію; они поставлены въ необходимость биться изъ-за нея: она достанется побѣдителю. Арчита молитъ Марса о побѣдѣ, Палемонъ—Венеру объ обладаніи Эмиліей; мольбы услышаны, боги сговорились удовлетворить того и другого. Побѣждаетъ Арчита, но его конь, напуганный Эринніей, которую вызвала изъ преисподней Венера, сбрасываетъ сѣдока и падаетъ на него всей тяжестью. Арчита побѣдилъ, но умираетъ, и передъ смертью проситъ Эмилію выйти за его соперника и друга.—То, что разсказано мною о двухъ влюбленныхъ юношахъ и дѣвушкѣ, поясняетъ авторъ въ посвященіи Фьямметтѣ, напомнитъ тебѣ, что было между нами, и что я говорилъ тебѣ, а ты—мнѣ, если только ты не обманывала меня. Какого изъ двухъ юношей я разумѣю, этого я не указываю, ты догадаешься сама; лишнее объясняется тѣмъ, что я принужденъ былъ слѣдовать разсказу (т. е. оригиналу поэмы), да и желалъ скрыть, что не годится знать никому, кромѣ насъ двоихъ [1]). — Побѣдитель Арчита, въ такомъ случаѣ, Боккаччьо, потому что Эмилія досталась поклоннику Венеры, Палемону. Далѣе этихъ отождествленій мы пойти не можемъ, а они ничего не объясняютъ. Портретъ Эмиліи напоминаетъ знакомое намъ изображеніе Фьямметты; обѣ являются въ числѣ собесѣдницъ Декамерона.

Боккаччьо уѣхалъ изъ Неаполя надломленный, убитый разрывомъ съ Фьямметтой; онъ не устаетъ о немъ думать, возвращается къ нему страстно и настойчиво, какъ будто желая представить его себѣ снова, увѣриться. Такъ произошелъ рядъ автобіографическихъ эпизодовъ его Филоколо; они важны для

1) Teseide, стр. 3—4.

характеристики Боккаччьо и Фьямметты, и мы можемъ переска|-
зать ихъ теперь же, не заходя глубоко въ содержанiе романа, 158
развивающагося въ сторонѣ.

Царственные родители Флорiо замѣтили его страсть къ Бьянчифьоре, воспитывавшейся у нихъ и, какъ они полагали, худородной, и удалили сына, подъ предлогомъ ученья, изъ Марморины (Вероны) въ Монторiо. Между тѣмъ въ Бьянчифьоре влюбился прiѣзжiй рыцарь Филено; мать Флорiо поощряетъ его ухаживанiя, и Бьянчифьоре не можетъ отказать ему въ своемъ вуалѣ, который служитъ ему значкомъ на турнирѣ. Увѣренный въ любви красавицы, не зная объ ея отношенiяхъ къ Флорiо, Филено хвалится тѣмъ передъ нимъ самимъ, когда однажды заѣхалъ въ Монторiо. Тотъ приходитъ въ отчаянiе, его посѣтила богиня Ревности; онъ замышляетъ отправиться въ Марморину и убить соперника, но вѣщее сновидѣнiе предупреждаетъ Филено: онъ бѣжитъ, скитается по Италiи, побывалъ и въ Байяхъ и наконецъ останавливается въ долинѣ, посреди которой возвышалась гора, обросшая непроходимымъ дубовымъ лѣсомъ (Cerreto = Чертальдо), съ древнимъ храмомъ на вершинѣ, обвитымъ зеленью плюща. Здѣсь онъ остается, питаясь кореньями и свободно отдаваясь слезамъ. Онъ несчастенъ потому только, что любилъ и любитъ; развѣ это преступленiе? Чѣмъ провинился онъ передъ Флорiо? Какъ слѣпы тѣ, которые дѣлаютъ и зовутъ Амура богомъ своихъ неразумныхъ желанiй! Филено коритъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и женщинъ, въ глазахъ которыхъ онъ любитъ гнѣздиться. Нареканiя Филено отличаются крайностью средневѣковой инвективы, не щадящей никого, отъ Евы до женъ Лемноса, въ одну ночь убившихъ своихъ мужей. Сѣтованiя несчастнаго разносятся далеко; услышалъ ихъ, проходя у подножiя горы, какой-то юноша — и является утѣшить его. Я несчастнѣе, чѣмъ ты, говоритъ онъ: недалеко отсюда (Чертальдо), хотя ближе къ тому городу, гдѣ ты былъ недавно, а я учился (Неаполь), жила (въ Аквино) благородная дама, которую я любилъ и люблю болѣе всего на свѣтѣ; она удостоила меня, за мое вѣрное служенiе,

159 того, чего я страстно желалъ; но это длилось недолго, | судьба обратила въ адъ прошлое блаженство, и въ то время, какъ я былъ наиболѣе увѣренъ въ ея привязанности, я увидѣлъ собственными глазами, что она покинула меня для другого, что она долго меня обманывала, говоря, что любитъ меня одного. Когда я убѣдился въ этомъ, моя печаль не знала мѣры, я думалъ, что умру, но совѣты разума поддержали меня, и, какъ видишь, я еще живъ, прикрывая горе притворной веселостью. Надо умѣть любить согласно съ природой любимаго; неразуменъ тотъ, кто пожелалъ бы извлечь сладкій сокъ изъ ядовитой цикуты, еще неразумнѣе, кто полюбитъ женщину въ надеждѣ, что она долго будетъ любить его. Онѣ по природѣ измѣнчивы, этого не измѣнить, поэтому и любить ихъ слѣдуетъ такъ, чтобы любящіе могли такъ же свободно смѣяться надъ ихъ непостоянствомъ, какъ онѣ сами. Никто не посѣтуетъ, послѣдовавъ этому совѣту; и зачѣмъ сѣтуешь ты, ничего не потерявъ? Напротивъ, возблагодари боговъ, что они во̀-время открыли тебѣ глаза. Если ты горюешь о твоемъ изгнаніи, то развѣ міръ открытъ не для всѣхъ? Для добродѣтельныхъ родина — всюду, и вездѣ насъ одинаково ожидаетъ смерть. Оставь же слезы, пойди со мной, воспрянь доблестью, забывъ свою страсть къ той дѣвушкѣ, и да спадетъ съ неба пламя и пожретъ ихъ всѣхъ! — Но Филено не можетъ совладать съ своей печалью, и сострадательный путникъ уходитъ своей дорогой [1]).

Безыменный путникъ — это Боккаччьо; мы встрѣтимъ его и далѣе съ тѣми же воспоминаніями.

Флоріо вернулся въ Марморину, а его Бьянчифьоре нѣтъ; ему говорятъ, что она скончалась, онъ хочетъ убить себя; тогда отецъ и матъ покаялись ему: во избѣжаніе ненавистнаго брака, они продали дѣвушку купцамъ, тѣ — александрійскому эмиру. Не зная, гдѣ она, Флоріо отправляется отыскивать ее; буря заноситъ его корабль къ Неаполю, гдѣ они ждутъ попутнаго вѣтра. Флоріо печаленъ, его встревожило сновидѣніе: ему каза|-

1) Filocolo, I, 244—303.

лось, что онъ находится на горѣ Фалерно (у Неаполя), видитъ 160
сокола, летѣвшаго отъ дубоваго лѣса (Cerreto = Чертальдо); фазанъ поднялся изъ долины горъ, недалеко отъ мѣста, гдѣ родился Овидій [1]); соколъ настигъ его на полянѣ наверху Фалерно и, крѣпко вцѣпившись въ него, отбивался отъ слетѣвшихся птицъ [2]), — когда внезапно явился [3]) громадный, остервенѣлый отъ голода песъ, откусилъ голову фазана и вырвалъ его туловище изъ когтей сокола. Флоріо чудилось, будто соколъ обратился въ горлицу, сидитъ на сухомъ деревѣ и плачетъ, какъ человѣкъ; небо заволоклось тучами, точно настала ночь смерти, и свѣтъ снова обратился въ хаосъ: такой ядовитый пошелъ дождь и градъ, съ громомъ и молніей, небо и море возстали на землю; а соколъ продолжалъ сѣтовать, свернувъ крылья [4]).

Опять передъ нами Боккаччьо съ его повѣстью несчастной любви: онъ любилъ Фьямметту (фазанъ), обладалъ ею, но ее отбили у него (голодный песъ), онъ опечаленъ до смерти, и ему кажется, въ избыткѣ горя, что рушится и природа. Мрачная картина сознательно помѣстилась передъ свѣтлымъ воспоминаніемъ, какъ разсказъ о чумѣ — въ заголовкѣ Декамерона: еще Флоріо занятъ своимъ сномъ, а его другъ Аскальоне увлекаетъ его на прогулку; изъ одного сада раздаются звуки музыки и пѣсни; они остановились послушать, нѣсколько юношей приглашаютъ ихъ войти, раздѣлить ихъ веселье. Въ саду нѣсколько дамъ; пробывъ нѣкоторое время съ молодыми людьми, Флоріо и его товарищъ хотятъ удалиться, но одна изъ дамъ проситъ ихъ сдѣлать нѣчто и имъ въ угоду, проведя въ ихъ обществѣ остатокъ дня. Флоріо спѣшитъ согласиться; послѣ того, какъ онъ не видѣлъ своей Бьянчифьоре, никогда не встрѣчалъ онъ такой красавицы. О, какъ должны вы благодарить боговъ! говоритъ онъ одному юношѣ, съ которымъ особенно сошелся, изящныхъ нравовъ и |

1) Сульмона вмѣсто Аквино, откуда родъ Маріи-Фьямметты.
2) Изъ Сіены, съ береговъ Роны и Арно.
3) Отъ сосѣднихъ съ Pompeano горъ.
4) Filocolo, II, стр. 23—26.

161 краснорѣчивому, по имени Галеоне.—Почему такъ?—Вамъ такъ хорошо живется, вы сошлись въ одномъ желаніи.—Къ этому побудила насъ и въ этомъ поддерживаетъ та женщина, въ которой покоятся всѣ прелести: та, что просила васъ остаться. Это — Марія, которую мы зовемъ Фьямметтой, дочь правителя этой страны и наша властительница; нѣтъ добродѣтели, достойной великаго сердца, которая не заключалась бы въ ея сердцѣ. — Уже солнце было въ полуднѣ, общество разбрелось кружками по саду, ища тѣни; съ Фьямметтой остались четыре дамы, Галеоне, съ нимъ двое юношей и Флоріо съ товарищами. Взявъ Флоріо за руку, она ведетъ всѣхъ на тѣнистый лужокъ; усѣвшись здѣсь, они начинаютъ бесѣдовать, но такъ какъ одинъ прерывалъ другого, Фьямметта предложила для большаго порядка избрать короля, которому каждый и предлагалъ бы какой-нибудь вопросъ о любви, а онъ разрѣшалъ бы сомнѣнія. Всѣ единогласно выбрали Аскальоне, какъ старшаго, но онъ пользуется своимъ правомъ лишь затѣмъ, чтобы въ свою очередь избрать Фьямметту, которую и вѣнчаетъ лавромъ: никогда не видѣлъ онъ, да ему и не называли женщины столь достойной, какъ эта Искорка (Фьямметта), присутствіемъ которой Амуръ во всѣхъ насъ заронилъ искры любви; ей вѣдомы всѣ его тайные ходы, она отвѣтитъ на всѣ наши вопросы. — Фьямметта скромно принимаетъ предложенный ей санъ, она станетъ отвѣчать по мѣрѣ своего недостаточнаго знанія, легко, не углубляясь въ суть вопросовъ и прося избѣгать тонкостей, потому что, утруждая умъ, онѣ не принесутъ удовольствія [1]).

Начинаются бесѣды и разсказы, «вопросы любви», какъ называетъ ихъ Фьямметта; съ содержаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже познакомились выше [2]); далѣе мы раскроемъ ихъ личный элементъ. Передъ нами, въ зародышѣ, планъ Декаме-

---

1) Filocolo, II, 27—34.

2) Сл. стр. 66—7. Къ библіографіи перваго вопроса въ бесѣдахъ Филоколо сл. сонетъ Pietro Montanaro (Come ciò sia che duo diversi amanti). Сл. Indice delle carte di P. Bilancioni, Bologna, 1893, ed. C. e L. Frati, a. v.

рона, | какъ сцена въ монастырѣ св. Михаила была его первымъ листкомъ: то же общество въ саду, на лужайкѣ, въ числѣ бесѣдующихъ—Фьямметта и Боккаччьо, скрывающійся подъ именемъ Галеоне. Такъ онъ названъ и въ извѣстномъ намъ автобіографическомъ эпизодѣ Амето. Онъ — въ періодѣ восторженнаго поклоненія. 162

Дальнѣйшее развитіе романа приводитъ насъ къ знакомому уже намъ отчасти эпизоду объ Идалагѣ. Флоріо покинулъ Неаполь въ поискахъ за Бьянчифьоре, находитъ ее и соединяется съ нею послѣ разныхъ приключеній и опасностей. На обратномъ пути, остановившись снова въ Неаполѣ, онъ посѣщаетъ его окрестности, Байи и Мизенъ, Кумы и Поццуоли; однажды, охотясь въ лѣсу, онъ нацѣлилъ копье на оленя, а попалъ въ сосну; изъ нея вышла кровь, и послышался жалобный голосъ: это Идалагъ-Боккаччьо, обращенный въ дерево. По просьбѣ Флоріо, къ которому подошла и Бьянчифьоре, онъ разсказываетъ свою исторію, отдѣльными подробностями которой мы уже воспользовались выше[1]), а здѣсь перескажемъ въ порядкѣ; это — автобіографическій эпизодъ, съ измѣненными или вымышленными именами, въ рамкахъ Овидіевой метаморфозы. Идалагъ начинаетъ издалека: какъ отецъ увлекъ и обманулъ въ царствѣ Франконарха (во Франціи) бѣдную Джьянну (Giannai), и Идалагъ былъ плодомъ этой любви; какъ плохо жилось Идалагу въ домѣ мачехи Маргариты (Garamirta), и онъ удалился къ пастуху Кальметѣ (въ Неаполь къ Андалоне ди Негро). Слѣдуетъ разсказъ объ его наукѣ у Кальметы и о томъ, какъ, избѣгая Амура, онъ все же попалъ въ его сѣти и на охотѣ погнался за фазаномъ, который, обратившись въ красавицу, манитъ его къ себѣ. Ей онъ отдается, ухаживаетъ за нею, воспѣваетъ ее; она склоняется къ его желаніямъ, завѣряетъ въ своей любви, но, увлекшись кѣмъ-то другимъ, покидаетъ его. Идалагъ самъ видѣлъ это своими глазами; онъ молитъ, упрашиваетъ, проливаетъ слезы, его отчаяніе |

1) Сл. стр. 77—8, 112—113.

163 не знаетъ мѣры, и онъ уже готовъ наложить на себя руки, когда сострадательная Венера обратила его въ сосну. Сосна — его символъ; ея вѣчно-зеленыя вѣтви означаютъ надежду, которая никогда не угаснетъ. Это не мѣшаетъ ему обратиться съ наставленіемъ къ тѣмъ, кто возлагаетъ надежду на мірское, особенно на женщинъ, въ которыхъ нѣтъ ни разума, ни постоянства, а испорченная воля не знаетъ узды. Онъ пошелъ бы и дальше въ этихъ нареканіяхъ, если бъ Бьянчифьоре не вступилась за добродѣтельныхъ женщинъ. Кто ты? спрашиваетъ Идалагъ; ты говоришь такъ, какъ будто сама изъ ихъ числа. Узнавъ, что это Бьянчифьоре, онъ спѣшитъ извиниться; она кажется ему бòльшимъ чудомъ, чѣмъ его превращеніе въ сосну; о ней и о Флоріо онъ не разъ слышалъ изъ разсказовъ пастуховъ, собиравшихся подъ его тѣнь; счастливая парочка идеальныхъ любовниковъ поставлена какъ бы въ контрастъ съ поблекшимъ счастьемъ Идалага и его нимфы. Потому что и она тутъ вблизи, также превращенная, и Идалагъ проситъ своихъ собесѣдниковъ посѣтить ее на обратномъ пути въ городъ, гдѣ у прозрачнаго источника она лежитъ въ видѣ бѣло-мраморнаго камня. Двѣ дѣвушки ведутъ Флоріо и его спутниковъ въ гротъ и разсказываютъ повѣсть о кощунственныхъ нимфахъ, наказанныхъ богами. Одну изъ нихъ, Асенгу (Агнесу Перигорскую), мы уже назвали, сообщивъ и содержаніе соотвѣтствующаго эпизода [1]); первой названа Alleiram-Mariella, т. е. Марія-Фьямметта. Она хвалилась передъ своими товарками, что сильнѣе Венеры: не многіе изъ боговъ могутъ указать на такую родословную, какъ она; она богата и красива; кто бы ни проходилъ мимо ея дома, свои или пріѣзжіе, всѣ заглядываются на нее; но хотя она и нравилась многимъ, не многіе нравились ей, а она всѣхъ обнадеживала взглядомъ, выслушивала любовныя рѣчи, и сама отвѣчала любовно, всѣхъ запутывая въ свои сѣти. Много разъ Амуръ обращалъ на нее свои стрѣлы, не уязвляя ея сердца, но она представ|-

1) Сл. стр. 55—56.

лялась уязвленной, и вотъ одни проживались изъ-за нея, другіе 164
тщились обратить ея вниманіе подарками, строили другъ другу ковы, падали въ самозабвеніи, сломавъ ноги, въ глубокую яму. Она надо всѣми смѣялась, выбирая изъ нихъ, съ глазомъ знатока, тѣхъ, кто, казалось, болѣе отвѣчалъ ея вкусамъ, но, еще не утоливъ жажды, она разбивала сосудъ съ водою и бросала осколки. И она разсказываетъ о своихъ отношеніяхъ къ Идалагу, не называя его: какъ она привлекла его къ себѣ, и онъ сталъ ея поэтомъ и защитникомъ и, набравшись отваги, пробрался къ ней тайно. Она измѣнила и ему, его веселье обратилось въ слезы; напрасно молилъ онъ ее, а Венера грозила ей въ сновидѣніяхъ: она осталась непреклонной; Идалагъ обратился въ сосну, а она похваляется, на зло Венерѣ, что еще велитъ срубить и сжечь дерево. За такія кощунственныя рѣчи она и обращена въ холодный мраморъ.

Разсказъ дѣвушки наводитъ Флоріо на размышленія о человѣческой гордынѣ. Всѣ возвращаются въ городъ; на пути — сонъ въ руку: Флоріо встрѣчаетъ Галеоне-Боккаччьо, котораго видѣлъ прежде, счастливаго, въ обществѣ Фьямметты. Что съ красавицей Фьямметтой? спрашиваетъ онъ. Галеоне печально потупился; судьба измѣнила мнѣ, отвѣчаетъ онъ, исчезла въ внезапномъ порывѣ бури звѣзда, ясный лучъ которой руководилъ мою ладью къ желанной пристани; несчастный кормчій, я остался одинъ среди волнующагося моря; боги отвернулись отъ меня, покинули ложные друзья, а истинный другъ не можетъ оказать мнѣ помощи. — Флоріо утѣшаетъ его измѣнчивостью фортуны: Помнишь, какъ еще недавно тому назадъ твоя судьба была противоположна моей? Ты любовался твоей желанной, я скитался печально, не зная, гдѣ моя. Теперь я счастливъ; надѣйся и ты[1]). Кто знаетъ, не лежитъ ли за высокими горами глубокая долина[2])?

---

1) Filocolo, II, 235—276.

2) Сл. введеніе въ первый день Декамерона, стр. 5 русск. перев.

Въ IV-й и V-й книгѣ Филоколо судьба Флоріо и Бьянчифьоре |
165 и Галеоне и Фьямметты развиваются нѣкоторое время параллельно, какъ бы оттѣняя другъ друга обратнымъ развитіемъ; между двумя появленіями Галеоне, то счастливаго, то убитаго горемъ, аллегорическій разсказъ объ Идалагѣ приводитъ катастрофу. Всѣ эти партіи могли быть написаны вмѣстѣ, или въ короткій другъ за другомъ промежутокъ времени, такъ онѣ тѣсно связаны. Въ нихъ мы поищемъ объясненія любви Боккаччьо къ Фьямметтѣ.

Если прислушаться къ страстнымъ жалобамъ Идалага — она безжалостная кокетка, надменная своей красотой, неспособная къ любви, забавлявшаяся тѣмъ, что привлекала къ себѣ поклонниковъ, равнодушная къ ихъ горю. Эта характеристика, переходящая въ крайнія нареканія противъ женщинъ вообще, объясняется художественнымъ шаржемъ, отвѣчавшимъ душевному настроенію: обманутаго, оскорбленнаго чувства [1]). Очевидно, это не послѣднее слово Боккаччьо, иначе трудно себѣ объяснить всю первую половину его литературной дѣятельности, до Декамерона включительно: такъ она полна любовныхъ воспоминаній о Фьямметтѣ; ей посвящена Тезеида, она является дѣйствующимъ лицомъ въ Амето и Декамеронѣ, стоитъ въ средоточіи Любовнаго Видѣнія и романа, названнаго ея именемъ. Сколько бы мы ни отнесли на счетъ идеализаціи поэта, самая ея возможность заставляетъ искать ея причинъ въ самомъ объектѣ: въ Фьямметтѣ могли быть чары, заставлявшія Боккаччьо забывать порой ея вѣроломства, извинять ее, можетъ быть — винить самого себя.

Бесѣды въ саду, въ которыхъ участвуетъ Флоріо, а Фьямметта является верховнымъ судьей вопросовъ любви, представляютъ въ этомъ отношеніи любопытныя откровенія. Въ нихъ много общаго, но много и личнаго, что нетрудно выдѣлить. Фьямметта говоритъ о нерушимости супружеской клятвы, о цѣломудріи женъ, украшающемъ мужей, хотя немногимъ прихо-

---

1 Сл. сонетъ XXXV.

дится въ этомъ позавидовать [1]); о томъ, что не слѣдуетъ доби|-
ваться любви замужней женщины, и что одна и та же любовь, 166
какъ одна и та же пища, надоѣдаетъ [2]). Иначе она и не могла
рѣшать въ извѣстныхъ вопросахъ, не выходя изъ роли судьи;
но ставились и другіе, въ общихъ формулахъ которыхъ сквозитъ
отношеніе Боккаччьо къ Фьямметтѣ; они понимали другъ друга
на полусловѣ, какъ Панфило объяснялся съ своей милой, разска-
зывая ей повѣсти, интимный смыслъ которыхъ былъ ясенъ имъ
однимъ. Съ этой точки зрѣнія нѣкоторые изъ вопросовъ, упо-
мянутыхъ выше, теряютъ свою отвлеченность, проникаясь жи-
вымъ интересомъ личности. Любовь дѣлаетъ человѣка застѣн-
чивымъ; любящая выжидаетъ объясненія, хотя сама была бы
готова объясниться первой [3]); лучше думать о милой, чѣмъ со-
зерцать ее, потому что воображеніе даетъ широкій просторъ
желаніямъ [4]). Какая-то дама ставитъ вопросъ: она — родовитая
неаполитанская красавица, по имени Марія; долго отрицалась
любви, но наконецъ не пожелала долѣе противиться закону, ко-
торому подчиняются всѣ другіе, и рѣшила влюбиться. Ей пред-
стоитъ рѣшить выборъ между тремя ухаживающими, ей одинаково
нравящимися: одинъ изъ нихъ превзошелъ бы силой самого Гек-
тора, другой — щедръ и радушенъ, третій — исполненъ мудрости.
На комъ изъ нихъ остановиться? — Фьямметта рѣшаетъ въ
пользу мудраго: онъ одинъ въ состояніи долго соблюсти любовь
и, вмѣстѣ, честь своей дамы, ибо его разсудокъ обуздываетъ его
желанія [5]). — Вспомнимъ, что имя Фьямметты было Марія, что
она такая же красавица, хорошаго рода, а Боккаччьо не бли-
сталъ ни силой, ни богатствомъ; онъ бралъ своимъ образованіемъ,
и отъ него ожидали разсудительности и обузданія желаній, въ
видахъ тайны, за то ему и воздастся многое. Слѣдующій во-

---

1) Вопросъ IV.
2) Вопросъ IX; сл. выше стр. 137 и прим. 3.
3) Вопросъ VI.
4) Вопросъ XI.
5) Вопросъ III.

просъ [1]) снова ставитъ передъ нами знакомыя отношенія Бок|-
167 каччьо къ Фьямметтѣ. Спрашивается: кого слѣдуетъ предпочесть изъ двухъ женщинъ, одинаково нравящихся: ту ли, которая и по роду и по состоянію выше любящаго, либо ту, которая ниже? Мужчина созданъ для того, чтобы стремиться къ высшему, отвѣчаетъ Фьямметта, къ тому же и пословица говоритъ: лучше хорошо желать, чѣмъ плохо держать; потому предпочтеніе должно быть отдано женщинѣ, выше поставленной. Если и труднѣе бываетъ добиться ея любви, то зато такую любовь и цѣнятъ и берегутъ тѣмъ болѣе, чѣмъ бо̀льшихъ усилій она потребовала. Если бы на это возразили, что именитая женщина станетъ стремиться къ любви человѣка, выше нея по положенію, и пренебрежетъ худороднымъ, на это можно отвѣтить: что самый заурядный мужчина, въ силу естественной доблести, выше самой родовитой въ свѣтѣ женщины, и что всякій, кого бы она ни избрала, будетъ превосходить ее. Потому да не отчаивается никто полюбить женщину выше себя, отчего ему послѣдуетъ благо, ибо, изъ желанія понравиться ей, онъ будетъ стараться усвоить себѣ хорошія манеры, войдетъ въ общество благородныхъ людей, изощритъ и украситъ свою рѣчь, полюбитъ роскошныя одежды, станетъ способнымъ на мужественные подвиги [2]).

Такъ могла говорить Фьямметта, ободряя робкаго Боккаччьо, котораго пугало неравенство ихъ общественнаго положенія: пусть осмѣлится, она подниметъ его своею любовью. Какъ она понимаетъ ее, что отъ нея ждетъ, — это разъясняютъ другія ея рѣшенія. Боккаччьо ревнивъ, способенъ пережить мученія Троила [3]); онъ самъ видѣлъ измѣну своей милой [4]), какъ безыменный утѣшитель Филена, какъ Идалагъ и пріятель Клоника въ пятомъ вопросѣ, вызывающемъ такое рѣшеніе Фьямметты:

1) Вопросъ VIII.

2) Сл. Андрея Капеллана l. c., lib. II, cap. VII, jud. III, стр. 275: femina etenim rerum fertilitate beata laudabilius inopem sibi nectit amorem.

3) Филострато VII, 18.

4) Соп. IV.

что гораздо менѣе жалокъ человѣкъ, несчастный въ любви, чѣмъ страдающій ревностью. Мѣткая характеристика ревнивца въ | устахъ Фьямметты [1]) назначена для Боккаччьо; вспомнимъ, 168
что и онъ находится въ ея обществѣ подъ именемъ Галеоне. И вотъ онъ и Фьямметта выступаютъ въ вопросѣ седьмомъ, поставленномъ какъ бы въ центрѣ [2]) и сознательно-поэтически выдвинутомъ изъ числа другихъ. Общество расположилось подъ навѣсомъ деревьевъ у фонтана; солнечный лучъ пробился сквозь вѣтви, упалъ въ волны, и его отраженіе играетъ на лицѣ и золотистыхъ волосахъ красавицы-королевы, точно огонекъ (fiammetta) спустился на нее изъ зеленой листвы. Галеоне сидитъ противъ нея по ту сторону источника и такъ погруженъ въ ея созерцаніе, что не слышитъ обращенныхъ къ нему вопросовъ. Отчего ты такъ задумался, ты, единственное, быть можетъ, желаніе той, которую ты созерцаешь? спрашиваетъ его Фьямметта; почему не говоришь и все смотришь на меня, точно никогда меня не видѣлъ? — Галеоне приходитъ въ себя, какъ человѣкъ, который боится прервать сладкое сновидѣніе; онъ видѣлъ нѣчто чудесное: будто вышелъ изъ воды какой-то духъ, граціозный и игривый, и увлекъ за собой мою душу, проникнувъ въ ваши очи, которыя загорѣлись новымъ блескомъ; затѣмъ онъ выступилъ изъ нихъ, оставивъ въ нихъ свой слѣдъ, взвился огонькомъ на вашъ вѣнокъ и далѣе перелетѣлъ на деревья, то прячась, то скача по вѣткамъ, какъ птичка, съ пѣснями о любви: «Я — неба третьяго прелестное созданье» (мадригалъ). Много онъ пѣлъ еще, но лишь только вы заговорили, онъ снова запрятался въ ваши глазки, отъ которыхъ все здѣсь освѣтилось, какъ отъ сіянія утреннихъ звѣздъ. — Вотъ отъ какого блаженства я долженъ былъ оторваться! говоритъ Галеоне - Боккаччьо, погружаясь фантазіей въ дантовскіе мотивы. — Всѣ смотрятъ на Фьямметту

---

1) Сл. ея разсказъ въ Декамеронѣ, VII, 5; Andr. Capellani l. c., lib. II, cap. VI, стр. 145 слѣд.

2) Всѣхъ вопросовъ тринадцать.

и видятъ, что казалось бы невозможнымъ; она сидитъ безмолвно, не измѣнившись въ лицѣ, окутанная смиреніемъ, а Галеоне пред-
169 лагаетъ ей вопросъ: слѣдуетъ ли человѣку, къ своему благу, любить, или нѣтъ? — Фьямметта отвѣчаетъ, вздохнувъ: Мнѣ придется говорить противъ того, чего сама я желаю, и да проститъ мнѣ Амуръ, если, слѣдуя побужденіямъ разсудка, я скажу нѣчто противъ его божества. Есть три рода любви: одна — честная, настоящая, законная, та, которой подобаетъ отдаваться всякому; любовь, соединяющая Творца съ его твореніемъ, содержащая небеса и міръ, царства и народы; въ силу ея мы можемъ удостоиться царства небеснаго, безъ нея не можемъ проявить присущія намъ силы добродѣтели. — Вторая любовь — любовь по вожделѣнію: это та, которой мы подвержены, наше божество; третья — презрѣнная: любовь по расчету [1]). Вопросъ, поставленный Галеоне, касается, очевидно, второй любви, и Фьямметта заявляетъ, что кто желаетъ жить добродѣтельно, тому не слѣдовало бы ей отдаваться, ибо она лишаетъ чести, приноситъ скорбь, питаетъ пороки, порождаетъ заботы, отнимаетъ лучшее достояніе человѣка — свободу. Да здравствуетъ тотъ, кто способенъ остаться свободнымъ! — Галеоне пораженъ, онъ ожидалъ другого отвѣта, надѣялся, что Фьямметта поддержитъ и одобритъ любящихъ. Онъ другого мнѣнія: всякому, стремящемуся къ высокой цѣли, надо любить, ибо любовь умножаетъ добродѣтели. И онъ говоритъ объ ея облагораживающемъ вліяніи, какъ говорилъ Троилъ [2]), приводя въ примѣръ боговъ и героевъ и поэтовъ, которыхъ любовь побудила оставить по себѣ вѣчную славу въ

---

1) Сл. троякое дѣленіе любви: celestials, naturals и carnals y Guiraut Riquier въ толкованіи на канцону Guiraut de Calanson и Gen. Deor., I, 15: Платонъ (у Апулея De dogmate Platonis) различаетъ три рода любви: quorum primum dixit esse divinum, cum incorrupta mente et virtutis ratione convenientem; alterum degeneris animi corruptaeque voluntatis passionem; tertium ex utroque permixtum. Post quem auditor ejus Aristoteles, mutatis fere potius verbis quam sententia, aeque triplicem voluit, primum dicens propter honestum, secundum propter delectabile, tertium propter utile moventem captos a se.

2) Filostrato, III, 74 слѣд.

священныхъ стихахъ. Что казалось имъ достойнымъ, то достойно и намъ: станемъ же любить и служить Амуру, и да здравствуетъ | вѣчно нашъ властелинъ! — Ты, я знаю, влюбленъ, отвѣчаетъ 170
Фьямметта, а сужденія влюбленныхъ ложны; я въ томъ же положеніи, и какъ мнѣ то ни больно, я нарушу естественное молчаніе, дабы ты не заблуждался. Любовь — не что иное, какъ неразумное желаніе, рождающееся отъ страсти, объявившейся въ сердцѣ вслѣдствіе представшаго глазамъ сладострастнаго наслажденія, воспитанное въ неразумномъ духѣ воспоминаніемъ и тунеядствомъ мысли [1]). — И Фьямметта опровергаетъ такими же примѣрами все, сказанное Галеоне въ защиту облагораживающей любви [2]); не находитъ оправданія и поэзія и краснорѣчіе влюбленныхъ: оно можетъ подвинуть даже камни, но его сила — въ лести, недостойной порядочнаго человѣка, какъ вообще все благородное, совершаемое любящими, является лишь средствомъ къ достиженію далеко не благородной цѣли, а человѣкъ измѣряется его побужденіями. Итакъ, начало любви — страхъ, въ серединѣ — грѣхъ, въ концѣ — печаль и досада. Лишь неразумные могутъ ее восхвалять, и мы охотно обошлись бы безъ нея, но поздно познали ея вредъ, и намъ, попавшимъ въ ея сѣти, остается лишь слѣдовать по ея путямъ, пока и намъ не объявится тотъ свѣтъ, который извлекъ Энея изъ юдоли мрака, т. е. пока мы не сподобимся честной, небесной любви.

Боккаччьо любилъ страстно, плотски-ревниво, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовъ былъ поэтизировать эту любовь въ верховный принципъ міровой и человѣческой жизни, способенъ вѣрить въ ея нравственную, поднимающую силу, уноситься съ упоеніемъ въ надзвѣздныя выси платонизма — и снова падать до уровня волнующейся, оскорбленной плоти. Фьямметтѣ знакомы эти край-

---

1) Сл. Gen. Deor., IX, 4: mentis quaedam passio ab exterioribus illata et per sensus corporeos introducta et intrinsecarum virtutum approbata praestantibus ad hoc supercaelestibus corporibus aptitudinem.

2) Сл. Canzone I и у Андрея Капеллана (l. c., lib. I, cap. VI, стр. 152 слѣд.) рѣчь дамы противъ любви.

ности раздраженной фантазіи, ореола и тины, млѣнія и титаническаго гнѣва; женщина развитая, способная встрѣтить откро|-
171 венность и прочесть между строками [1]), она относится съ сомнѣніемъ къ выспреннему чувству, способному, въ минуты аффекта, обратиться въ грязныя разоблаченія боккаччьевской сатиры, Корбаччьо. Идеальна, нравственна лишь небесная любовь, земной — мы подвластны, въ ней много горя, но съ этимъ приходится мириться, надо только умѣть упорядочить ее, избѣгая ненужной ревности, обуздывая желанія.

Съ этимъ Боккаччьо пока не можетъ помириться; противорѣчія темперамента и идеализаціи въ немъ такъ же сильны, какъ желаніе объединить ихъ, оправдавъ первый цѣлями второй, — и восторженныя рѣчи Галеоне найдутъ себѣ выраженіе въ аллегоріяхъ Амето и тревожныхъ признаніяхъ Любовнаго Видѣнія.

---

1) Chiuso parlare въ посвященіи Тезеиды.

III.

ФЛОРЕНЦІЯ. АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ПЕРЕЖИВАНІЯ (ФИЛОКОЛО, АМЕТО, ЛЮБОВНОЕ ВИДѢНІЕ).

I.

Боккачьо вернулся во Флоренцію (или Чертальдо)[1]) «противъ 175
воли», вернулся неаполитанцемъ по привычкамъ и симпатіямъ, и ему пришлось съ трудомъ вживаться въ новыя для него отношенія. Среди тусклой домашней обстановки вспоминались неаполитанскіе придворные кружки, въ которыхъ сіяла его Фьямметта, широкое раздолье жизни и блескъ нарядовъ, вызывавшихъ нареканія флорентійскихъ буржуа, когда французы, пришедшіе съ Карломъ Калабрійскимъ (1326 г.) и герцогомъ Аѳинскимъ (1342 г.), принесли съ собою развращенныя моды[2]) и такіе же нравы[3]). Послѣднее стихотвореніе Ameto написано подъ впечатлѣніемъ подобнаго контраста: съ одной стороны поэтическая фантасмагорія нимфъ, воспитывающихъ юношу для высшихъ цѣлей любви, веселыя бесѣды и желанія, побуждающія ко благу, съ другой—постылый домъ отца, успѣвшаго жениться во второй разъ (вѣроятно, въ 1342—3 г.)[4]) на Беатриче деи Бостики. Мы знаемъ, какъ сложились отношенія Боккачьо къ отцу: онъ говоритъ о немъ съ откровенною горечью, никогда не доходящею до циническаго ожесточенія Чекко Анджьольери, но поражающею

---

1) Сл. въ Филоколо эпизодъ о Филено, выше стр. 161.

2) Giov. Villani, X, cap. 11; XII, cap. 4, 8.

3) Сл. Декам., VI, 3.

4) *Cochin, Boccaccio, 37: 13 Дек. 1342 г. Б. acquistava una casa nella parrocchia di S. Ambrogio, sicchè passò poco tempo sotto il tettopaterno. Fu indotto, forse, a lasciarlo dai nuovi progetti di matrimonio del padre suo.

насъ своею неумѣренностью [1]). Въ Амето она вызвана психоло-
176 ги|ческимъ моментомъ: память о прошломъ заставила все являться въ черномъ цвѣтѣ. Поэтъ разстается съ болью въ сердцѣ съ обществомъ нимфъ, которыми любовался, которыхъ подслушивалъ изподтишка, и принужденъ идти туда, «гдѣ царитъ унынiе и вѣчная тоска; тамъ никогда не смѣются, либо изрѣдка; мрачный, молчаливый, скучный домъ принимаетъ и держитъ меня противъ воли, и тяжело удручаетъ суровый, печальный видъ старика холоднаго, грубаго и скупого. Возвращенiе подъ такой кровъ послѣ блаженныхъ дней превращаетъ то блаженство въ печаль и горе» [2]).

Въ Любовномъ Видѣнiи повторяются тѣ же жалобы на скупость и суровость отца, продолжавшаго торговать съ домомъ Барди [3]), но, вѣроятно, пострадавшаго въ флорентинскомъ банковомъ крахѣ 1342 года. Онъ могъ поневолѣ сжаться, тѣмъ болѣе для сына, явившагося домой не каноникомъ, а поэтомъ. Эти естественныя отношенiя приняли въ фантазiи Боккаччьо трагическiй оттѣнокъ. Онъ чувствуетъ себя одинокимъ: у него нѣтъ друзей, кромѣ Никколò ди Бартоло дель Буоно; онъ одинъ понялъ «славу Чертальдо», говоритъ, разумѣя Боккаччьо, Никкола да Монтефалько: держалъ его въ чести, поддерживалъ своими средствами [4]); этому единственному другу, казненному въ 1360 году по обвиненiю въ заговорѣ противъ гвельфской партiи, Боккаччьо и посвятилъ своего Амето.

Понятно, что ему хочется вырваться изъ Флоренцiи.

Въ iюнѣ 1341 года вернулся изъ Грецiи Аччьяйоли [5]); Боккаччьо схватился за него: 28 августа онъ пишетъ ему письмо,

1) Сл. выше стр. 13 слѣд.; о Чекко Анджьольери сл. Alessandro D'Ancona, Studi di critica e storia letteraria, Bologna, 1880, стр. 107 слѣд.

2) Ameto, стр. 199.

3) Сл. его счеты съ домомъ Барди отъ 1336—8 годовъ у Del Lungo, Beatrice nella vita e nella poesia del secolo XIII, Milano, 1891, стр. 162, 163.

4) Che'n triumfo el mantenne, ed a soi spese. Сл. Hortis, Studj, стр. 145, прим. 1.

5) Сл. выше стр. 57.

риторически-восторженное, въ которомъ многое показалось бы лестью, если бы не извинялось обычнымъ у Боккаччьо шаржемъ |
и страстностью надежды. Вашъ отъѣздъ былъ для меня столь же 177
горестенъ, какъ отъѣздъ Энея Дидонѣ, пишетъ онъ Аччьяйоли; я ждалъ васъ, какъ Пенелопа Улисса; вѣсть о вашемъ возвращенiи обрадовала меня во мракѣ моихъ бѣдъ, какъ святыхъ отцовъ утѣшила въ лимбѣ вѣсть о пришествiи Христа. Я счастливъ, что вы вернулись, не столько ради себя, сколько потому, что вы заставите умолкнуть злостныхъ льстецовъ и завистниковъ и наступите на выю надменнымъ. Я ничего не пишу вамъ о моемъ невольномъ житьѣ во Флоренцiи, потому что объ этомъ слѣдовало бы написать слезами, не чернилами. Одно скажу вамъ: на васъ моя надежда, что вы измѣните мою жалкую участь къ лучшему, какъ Александръ Великiй измѣнилъ судьбу пирата Антигона. И эта надежда не новая; она одна и осталась у меня съ тѣхъ поръ, какъ, по Божiю произволенiю, отнятъ у меня мой отецъ и наставникъ; маэстро Дiонизiо (Dionisio da Borgo San Sepolcro).—И Боккаччьо кончаетъ заявленiемъ увѣренности, что вскорѣ онъ увидится съ Аччьяйоли. Письмо подписано: Джьованни Боккаччьо изъ Чертальдо, «враждебный фортунѣ» [1]).

Аччьяйоли прiѣхалъ во Флоренцiю въ ноябрѣ 1341 года, вмѣстѣ съ знакомымъ намъ Джьованни Баррили; актомъ 8-го февраля онъ записалъ нѣкоторыя свои помѣстья за Чертозой, которую давно затѣялъ основать подъ Флоренцiей, и Боккаччьо было поручено, въ числѣ трехъ уполномоченныхъ, наблюсти за передачей указаннаго имущества прiорамъ будущаго монастыря [2]). Была ли между нимъ и Аччьяйоли рѣчь о его надеждахъ — мы не знаемъ; въ сущности Аччьяйоли явился во Флоренцiю съ тайной миссiей, характерной для него, какъ политическаго дѣятеля, забывшаго интересы родного города. Дѣло шло о прiобрѣтенiи Лукки, которую Мастино делла Скала, не будучи въ состоянiи

1) Tanfani, l. c., стр. 44 и слѣд.
2) Corazzini, стр. 17—18.

удержать въ своей власти, предлагалъ купить флорентійцамъ. Тѣ согласились, но пизанцы, опасаясь сильныхъ сосѣдей, по-
178 спѣшили ихъ предупредить, и ихъ войско подошло къ городу, куда успѣлъ проникнуть небольшой флорентійскій отрядъ. Въ послѣдовавшемъ затѣмъ дѣлѣ флорентійцы были разбиты; тогда они обратились за помощью къ королю Роберту, но тотъ отдѣлывался совѣтами и обѣщаніями, а посольство Аччьяйоли не имѣло иной цѣли, какъ убѣдить заинтересованныя стороны, что лучшее рѣшеніе вопроса — отдать Лукку въ руки короля. Дѣло не удалось, и Аччьяйоли уѣхалъ въ концѣ февраля или началѣ марта 1342 года.

Поѣхалъ ли съ нимъ Боккаччьо? Лишь предположеніемъ такой, хотя бы кратковременной, поѣздки въ Неаполь объяснилось бы въ біографіи Боккаччьо одно загадочное обстоятельство. Выше [1]) мы сказали, что его не было въ Неаполѣ, когда въ мартѣ 1341 года происходило торжественное испытаніе Петрарки королемъ Робертомъ [2]), иначе онъ навѣрно упомянулъ бы о томъ впослѣдствіи, во всякомъ случаѣ постарался бы тогда же увидѣть вѣнчаннаго поэта, — а Петрарка пишетъ ему по поводу ихъ перваго свиданія въ 1350 году, что Боккаччьо никогда дотолѣ его не видѣлъ [3]). Если въ мартѣ 1341 года онъ былъ уже во Флоренціи, то когда же слышалъ онъ изъ устъ короля Роберта похвалы поэзіи, высокое значеніе которой раскрылось ему впервые въ диспутѣ съ Петраркой? Робертъ скончался въ январѣ 1343 года; время, въ теченіе котораго Боккаччьо могъ слышать отзывъ Роберта, ограждено періодомъ послѣ марта 1341 года до конца 1342, и всего естественнѣе предположить, что именно отъѣздъ Аччьяйоли въ февралѣ послѣдняго года могъ еще разъ увлечь Боккаччьо туда, куда тянули его воспоминанія и любовь.

---

1) Стр. 45.

2) Сл. Fam., IV, 7 и прим. Fracassetti.

3) Fam., XXI, 15.

Но вернемся къ флорентійскимъ отношеніямъ. 9 мая явился съ своимъ отрядомъ въ лагерь флорентійцевъ, еще продолжавшихъ войну, и по ихъ вызову, Вальтеръ Бріеннскій, котораго | они 179
уже видѣли въ своихъ стѣнахъ въ 1326 году, въ качествѣ викарія Карла Калабрійскаго. Родичъ французскаго королевскаго дома, женатый на племянницѣ короля Роберта, титулованный герцогъ Аѳинъ, съ какими-то правами на Кипръ, онъ искалъ удачи и власти: Виллани изображаетъ его жаднымъ и вѣроломнымъ, но смѣтливымъ и хитрымъ авантюристомъ; небольшого роста, некрасивый собою, непривѣтливый, онъ походилъ съ своей бородой, которая послѣ него вошла въ моду, скорѣе на грека, чѣмъ на француза[1]). Позднѣйшая роль Вальтера въ судьбахъ Флоренціи оправдываетъ эту характеристику; въ началѣ его храбрость оживила надежды: въ одномъ изъ тѣхъ стихотворныхъ памфлетовъ, въ которыхъ Антоніо Пуччи, воспѣвшій всѣ фазисы войны съ Луккой, выносилъ на площадь свой флорентійскій патріотизмъ, отъ мужественнаго и мудраго вождя ждали возстановленія чести; съ нимъ немного нѣмцевъ, зато его итальянцы и французы будутъ биться, какъ львы (Come Lucca si perdè rammaricandosi Firenze). — Между тѣмъ Флоренція продолжала искать союзниковъ и, забывъ свои гвельфскія преданія, обратилась за помощью къ Людовику Баварскому, находившемуся тогда въ Тріентѣ. Эта мѣра вызвала финансовый и политическій переворотъ: Флоренція была издавна главой средне-итальянскаго гвельфизма, и ея обращеніе къ императору истолковано было, какъ переходъ въ лагерь гибеллиновъ; на гвельфовъ Неаполя это извѣстіе произвело удручающее впечатлѣніе: всѣ бросились вынимать изъ флорентійскихъ банковъ свои вклады: недовѣріе породило рядъ банкротствъ и упадокъ кредита; къ тому же обнаружились недочеты и растраты во временномъ правленіи «двадцати», учрежденномъ съ начала войны. Не зная, что̀ начать, богатые пополаны обратились къ Вальтеру, выбрали

---

1) Cron., l. XII, c. 8.

его «консерваторомъ народа», начальникомъ охраны, съ вер-
ховной властью въ теченіе года на войнѣ и правомъ уголовнаго
180 суда въ городѣ и внѣ его. | Надѣялись, что онъ умиротворитъ
городъ, гдѣ власть находилась въ рукахъ разжившейся гвельф-
ской буржуазіи, купцовъ-оптиматовъ (popolani grassi) и боль-
шихъ цеховъ; мелкіе не участвовали въ правленіи, изъ котораго исключены были и аристократы-гвельфы, такъ называемые гранды, и черный народъ. Гранды могли лишь косвенно вліять на городскія отношенія, поскольку сидѣли въ «магистратѣ гвельфской партіи», стоявшемъ на стражѣ гвельфскихъ интересовъ вообще; они естественно стремились къ расширенію своихъ правъ и въ этомъ смыслѣ разсчитывали на Вальтера, тогда какъ богатые пополаны, потерпѣвшіе финансовое крушеніе, надѣялись при немъ поправить свои дѣла. Но раздоръ партій указалъ ему на другія цѣли: опираясь на грандовъ и плебсъ, онъ сталъ домогаться единоличной власти, и въ сентябрѣ 1342 года его провозгласили пожизненнымъ властителемъ Флоренціи, онъ сталъ подписываться: «dux et dominus Florentinorum». Но онъ никого не удовлетворилъ: ни грандовъ, которые ожидали, что онъ дастъ имъ участіе во власти, ни пополановъ-буржуа, ея лишившихся, ни ремесленниковъ, которыхъ заработки уменьшились при его правленіи, деспотически стремившемся къ устраненію народныхъ порядковъ, противъ чего предупреждалъ его осторожный король Робертъ. Его вымогательства и жестокія мѣры, распущенность нравовъ, которыми отличались его пособники, ихъ посягательство на честь флорентійскихъ женъ и соблазнъ необычныхъ французскихъ нарядовъ — все это питало недовольство; явились заговоры, и въ общемъ возстаніи народа герцогъ, осажденный въ Палаццо Синьоріи, принужденъ былъ удалиться (6 августа 1343 года). Послѣдовавшія затѣмъ внутреннія движенія Флоренціи привели къ новому ограниченію правъ грандовъ и поднятію цеховъ и мелкаго люда (popolo minuto).

Флорентійскіе демократы вздохнули свободно; въ стихахъ и прозѣ и живописи осталась память того страстнаго вниманія,

съ которымъ они слѣдили за недолговѣчной дѣятельностью гер-
цога Аѳинскаго. 15-го сентября 1342 года, во время большого
торжества въ Santa Croce по случаю водворенія новаго прави- 181
теля, епископъ Флоренціи, Анджело Аччьяйоли, величалъ его въ
проповѣди [1]); надежды, которыя на него возлагали, выразились
въ сонетѣ Пьеро д'Ансельмо, написанномъ въ началѣ его власти:
герцогъ названъ здѣсь «наслѣдникомъ великаго Агамемнона», онъ
отмститъ похитителю Елены; «велика была мудрость твоего пра-
вленія, и болѣе въ немъ доблести, чѣмъ въ какомъ другомъ» [2]).
Аньоло Торини Бенчивенни обратился къ нему съ канцоной, пол-
ной вѣры въ «новаго Тезея» и добрыхъ совѣтовъ, и затѣмъ съ
другой, сѣтовавшей о неосуществившихся ожиданіяхъ. Когда
онъ палъ, Паоло делль Абако разсказалъ въ двадцати стансахъ
его исторію до изгнанія включительно, а Антоніо Пуччи сложилъ
по этому поводу баллату и заставилъ самого герцога оплакивать
свою участь: онъ намѣревался стать «королемъ Тосканы», а съ
нимъ приключилось то же, что съ Симономъ магомъ (Come fu
cacciato di Firenze il duca d'Atene e lamento che fe') [3]). Гово-
рятъ, Симоне изъ Сіены изобразилъ его Лонгиномъ въ сценѣ
Распятія, до сихъ поръ красующейся въ S. Maria Novella,
въ капеллѣ degli Spagnuoli; въ 1344 году поручено было
Джьоттино написать въ Палаццо Подесты портреты герцога и
его клевретовъ съ соотвѣтствующими стихотворными надписями
обличительнаго характера.

Всѣ эти событія прошли передъ глазами Боккаччьо и не могли не волновать его. Въ книгѣ о Роковой участи великихъ людей [4]) онъ разсказываетъ исторію Вальтера Бріеннскаго, горюя о Флоренціи и порицая непостоянство, вѣтреность и необдуман-

---

1) Giov. Villani, XII, 3.

2) Giorn. Stor. d. letterat. ital., fasc. 2, стр. 311.

3) Сл. Medin, Il Duca d'Atene nella poesia contemporanea, въ Propugnatore N. S., v. III, f. 15, стр. 388 слѣд. и приведенную тамъ литературу. Общее обозрѣніе событій у Perrens, Histoire de Florence (Paris, Hachette, 1877—83), t. IV, стр. 215 слѣд.

4) IX, 24.

ность ея гражданъ. Но эта книга начата значительно позже, и въ эпизодѣ о Вальтерѣ непосредственныя впечатлѣнія чере-
182 дуются въ ней съ разсказами по слухамъ и показаніями Виллани. Въ Амето, написанномъ въ 1340—1 годахъ, Боккаччьо такъ гордится Флоренціей: несмотря на различныя превратности судьбы, она вышла изъ пережитыхъ волненій сильнѣе и прекраснѣе прежняго; расширивъ свои владѣнія, многолюдная, она заключила въ своихъ стѣнахъ враждебныя волны; нынѣ она могущественнѣе, чѣмъ когда-либо, ея границы простерлись далеко; подчиняя *народному закону* непостоянную кичливость грандовъ и сосѣдніе города, она пребываетъ въ славѣ, готовая и на болѣе великое, если страстная зависть и жажда любостяжанія и невыносимая гордыня, въ ней властвующія, ей въ томъ не помѣшаютъ, какъ того позволено опасаться» [1]). Эти опасенія оправдались на событіяхъ 1342—3 годовъ, и, удерживая Панфило, Фьямметта могла выразить взгляды Боккаччьо: «самъ ты говорилъ, что твой городъ полонъ пышныхъ словъ и малодушныхъ поступковъ, руководится тысячью — не законовъ, а мнѣній, которыхъ столько же, сколько людей; онъ всегда въ оружіи, трепещетъ внутренней и внѣшней войною, изобилуетъ гордецами, любостяжателями и завистниками, полонъ безчисленныхъ заботъ; все это тебѣ не по сердцу. И ты хочешь покинуть Неаполь, веселый и мирный, благодатный и роскошный, къ тому же обрѣтающійся *подъ властью одного короля!* Все это тебѣ пріятно, насколько я знаю» [2]).

Романъ «Фьямметта», откуда взяты эти слова, написанъ до 50-го года, когда Боккаччьо еще не принималъ личнаго участія въ дѣлахъ республики; его похвалы *народному закону* — и *власти одного*, смѣняющія другъ друга на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ, не противорѣчіе, не отзываются безразличіемъ человѣка, стоящаго не у дѣлъ, а нападки на зависть и гордыню и

---

1) Ameto, стр. 180—1.
2) Fiammetta, стр. 43.

любостяжаніе — не пустыя мѣста риторики и морализаціи. Именно онѣ, въ отрицательной постановкѣ вопроса, и раскрываютъ | принципы, опредѣлившіе политическія воззрѣнія Боккаччьо — 183
и Петрарки: разрывъ личности и традиціи, совершившійся въ нихъ, перенесъ центръ тяжести на личность: ее онѣ цѣнятъ и въ себѣ и въ другихъ, Петрарка холитъ ее, любовно и тревожно, Боккаччьо — мастеръ схватить ея живыя черты въ герояхъ своихъ новеллъ; но и вопросы политики, республики или единовластія, разрѣшаются для нихъ, въ концѣ концовъ, въ вопросы личности: Петрарка будетъ говорить о Римѣ и имперіи и Кола ди Ріенцо, Боккаччьо изобразитъ въ сновидѣніи Бьянчифьоре дантовскій идеалъ: папы и императора, любовно связанныхъ идеей Рима [1]), но въ сущности хорошо живется тамъ, гдѣ царитъ любимецъ Паллады, Робертъ, либо властвуютъ оптиматы ума и добродѣтели, не знающіе ни гордости, ни зависти, ни любостяжанія.

Такая точка зрѣнія предполагаетъ слабый интересъ къ унаслѣдованнымъ формамъ политическаго быта, къ преданіямъ свободы, хотя бы въ формахъ олигархіи, за которыя борются флорентійскіе пополаны, и которыя воспѣваетъ народникъ Пуччи. Впослѣдствіи и Боккаччьо втянется въ теченія мѣстной политики; пока онъ ушелъ въ самого себя; его письмо къ Бартоло дель Буоно съ посвященіемъ Амето проникнуто жгучимъ чувствомъ одиночества: «О ты, мой единственный другъ, дѣйствительнѣйшій примѣръ настоящей дружбы», пишетъ онъ ему [2]). Онъ живетъ воспоминаніями и самоанализомъ, дописывая въ Филоколо исторію своей любви.

Во Флоренцію онъ вернулся уже съ значительной латинской эрудиціей, поэтомъ и разсказчикомъ; манера Филострато показываетъ на его будущее мастерство въ новеллѣ; Филоколо начатъ въ Неаполѣ, тамъ же сложился, по живымъ слѣдамъ любви, и циклъ сонетовъ, внушенныхъ Фьямметтой. Дантовскія реми-

---

1) Filocolo, II, стр. 296 слѣд.

2) Corazzini, стр. 17.

нисценціи встрѣчаются въ Діаниной Охотѣ, указаны были въ
184 Филострато: таковъ образъ цвѣтка, пораженнаго ночнымъ морозомъ и поднимающагося при лучахъ солнца [1]); цитата изъ Іереміи (въ посвятительномъ письмѣ), излюбленное Боккаччьо сравненіе съ огнемъ, быстро охватывающимъ жирные предметы [2]); иные выраженія и цѣлые стихи Данте повторены безъ измѣненія [3]). Рядомъ съ этимъ вліяніемъ — вліяніе Петрарки сказывается въ Филострато и въ пѣсняхъ къ Фьямметтѣ: тѣ же мотивы, образы [4]), прямыя подражанія [5]), точно начинающій поэтъ учится у великаго мастера слова, состязаясь съ нимъ на одномъ и томъ же сюжетѣ, и не всегда счастливъ въ его выборѣ. У Петрарки есть сонетъ XCVIII: ничто не утишитъ его любовнаго пламени, лишь близость Лауры, говоритъ онъ; это выражено образно: вмѣсто Лауры — рѣка Сорга и лавръ на ея берегу, символъ Лауры. Воды Сорги потушатъ его пламя; но образъ лавра примѣнился, и онъ также служитъ — утоленію жара. Но Петрарка не удовольствовался неудачной постановкой параллелей, а и развилъ ихъ въ началѣ сонета: никакая рѣка (первое четверостишіе занято перечисленіемъ рѣкъ), никакое дерево — не въ состояніи утолить въ немъ огня любви! — Боккаччьо взялся именно за этотъ сонетъ, не отличающійся ни ясностью, ни вкусомъ, и, въ подражаніе ему, написалъ и свой, въ которомъ, выражая свое блаженство съ Фьямметтой, нагромоздилъ названія горъ: ему надо было сказать, что ни одна изъ нихъ не доставила своимъ пастырямъ такого счастія, какъ ему Мизенъ [6])! — Иной разъ въ наивномъ подражаніи проскальзываетъ реалистъ Декамерона. Если я

---

1) Filostrato, II; 80 = Inf., II, 127 слѣд.; сл. Teseide, IX, 18.

2) Тамъ же; сл. Ameto, стр. 16. Декамеронъ, вступленіе, стр. 7 перев.; Corbaccio, стр. 177—8, и письмо къ Кавальканти, у Corazzini, стр. 296. Сл. Inf., XIX, 28, 30.

3) Сл. VIII, 17 = Purg., VI, terz. 40; VII, 94 = Convito, tratt. IX.

4) Сл. сон. XXI = Petr., XLIX; сон. XXXVIII = Petr., madrigale III, сон. CXXIX; сон. XIV = Petr., XCII; сон. LXXIX = Petr., сон. III.

5) Сон. SX = Petr., LXX.

6) Сл. выше стр. 156.

доживу до той поры, говоритъ Петрарка, обращаясь къ Лаурѣ, когда поблекнетъ пре|красный блескъ твоихъ очей, посеребрятся 185 твои волосы, ты оставишь вѣнки и цвѣтныя платья, и потеряетъ краски твое лицо, что̀ заставляло меня страшиться и млѣть, Амуръ дастъ мнѣ настолько отваги, что я повѣдаю тебѣ о моихъ прежнихъ страданіяхъ, и твой поздній вздохъ будетъ мнѣ утѣшеніемъ въ печали. Подражаніе Боккаччьо переходитъ въ риторическій шаржъ, утѣшеніе вздоха — въ злорадство: у Фьямметты сморщится лицо, высохнетъ сокровище персей, голосъ станетъ хриплымъ, — и онъ нарадуется и наглумится надъ бывшей красавицей, отъ которой отвернулся Амуръ [1]). Оригинальность Боккаччьо-лирика надо искать въ пьесахъ подобной же реалистической окраски; у Петрарки не найти такой изящной и чувственно-шаловливой картинки, какъ въ слѣдующемъ сонетѣ [2]): у источника, на лужку, среди зелени и цвѣтовъ, сидятъ три дѣвушки, болтая, быть можетъ, про свою любовь; зеленая вѣтка защищаетъ ихъ лицо, обрамляя золотистые волосы, а мягкій вѣтерокъ, кружась, смѣшиваетъ золото и зелень. Слышалъ я, одна сказала: Что если вдругъ придутъ сюда наши милые, не побѣжать ли намъ съ испуга? А двѣ другія отвѣтили: Неразумна была бы та, которая убѣжала бы отъ такого счастья.

Отъ мотивовъ Петрарки въ лирикѣ Боккаччьо мы переходимъ къ осязательнымъ вѣяніямъ Данте въ его Филоколо. Но Филоколо дописанъ во Флоренціи; его старыя партіи могли быть пересмотрѣны наново, какъ и лирическія пьесы — подвергнуться новой переработкѣ. Не одинъ лишь Петрарка возвращался съ тактомъ художника къ своимъ стихотвореніямъ, къ стилю своихъ латинскихъ трактатовъ, чтобы дать имъ окончательную отдѣлку; такъ поступали и другіе, болѣе мелкіе поэты, отъ которыхъ не ожидать такого сознанія стиля. Болѣе ста разъ принимался я за «созданіе» этого сонета, пишетъ Биндо Боники († 1338) къ

1) Сон. LXXXII.
2) Сон. XII.

Сеннуччьо, и то же говоритъ Антоніо Пуччи, поэтъ-народникъ, |
186 пѣвшій съ плеча: «сто разъ и болѣе повернусь я на постели, прежде чѣмъ выжму изъ себя стихи, а затѣмъ трижды напишу ихъ, потому что хочу ихъ исправить прежде, чѣмъ пустить въ народъ».

Такъ долженъ былъ работать и Боккаччьо, почему труднымъ представляется рѣшеніе вопроса: какой порѣ его дѣятельности принадлежатъ вѣянія Данте и Петрарки, обнаруживающіяся въ его первыхъ произведеніяхъ. Тѣ и другія онъ могъ испытать уже въ Неаполѣ. Политическія и торговыя связи съ Тосканой сопровождались здѣсь и вліяніемъ литературнымъ [1]): тосканскіе элементы входятъ въ составъ такихъ полународныхъ дидактическихъ стихотвореній XIV-го вѣка, каковы Regimen Sanitatis, книга Катона и поэма объ источникахъ Поццуоли; недавно изданное загробное видѣніе, въ народныхъ формахъ октавы, съ содержаніемъ Виргиліевской легенды и Божественной Комедіи и дантовской фразіологіей [2]), также относитъ насъ къ XIV-му вѣку; половинѣ того же столѣтія принадлежатъ юношескія произведенія Бартоломея Капуанскаго, графа d'Altavilla, обличающія дантовскіе мотивы. Его жена, Андреина Аччьяйоли, та самая, которой Боккаччьо посвятилъ впослѣдствіи свой трактатъ объ именитыхъ женщинахъ, посылаетъ поэтическіе опыты своего мужа во Флоренцію, къ своему брату Донато, съ просьбой исправить ихъ форму, ибо, говоритъ она, здѣсь нехорошо пишутъ на нашемъ языкѣ. Позже, за Гвильельмомъ Марамальдо, пріятелемъ Петрарки, являются во второй половинѣ вѣка поэты, пишущіе въ стилѣ Петрарки и тосканцевъ.

Это — признаніе литературнаго примата Тосканы; Боккаччьо выражаетъ его въ Филострато, въ первыхъ любовныхъ пѣсняхъ. Во Флоренціи это литературное преданіе обязало его, обступило

---

1) Сл. выше стр. 30.

2) Una visione dell' Inferno di imitazione dantesca, pubbl. da A. Solerti. Bologna, Zanichelli, 1892.

крѣпче, и въ немъ необходимо произошелъ подборъ | въ уровень 187
съ психическимъ настроеніемъ автора. Боккаччьо пока не въ силахъ забыть прошлое и старается сохранить его отъ нравственнаго крушенія, идеализуя. Въ этой идеализаціи ясно чувствуется вліяніе Данте.

Для Италіи Божественная Комедія была откровеніемъ, надъ которымъ задумывались, которое начинали толковать, изъ котораго черпали поэты разныхъ направленій: Антоніо изъ Феррары, Фаціо дельи Уберти, Ванноццо изъ Падуи, Савіоццо изъ Сіены, Доменико да Монтикьелло и др.; его аллегорія создала цѣлый литературный родъ, вызвала подражанія; благодаря ей терцина стала любимымъ итальянскимъ метромъ XIV—XV вѣковъ. Во Флоренціи этотъ культъ Данте получилъ мѣстный, домашній колоритъ, въ которомъ къ чествованію поэта примѣшивались идеи муниципальной гордости и сознаніе вины передъ гражданиномъ-изгнанникомъ. Теперь онъ сталъ славой Флоренціи, окружился народной легендой; Джьованни Виллани величаетъ его въ своей хроникѣ; такому реалисту, какъ Антоніо Пуччи, видится во снѣ семь свободныхъ искусствъ и богословіе, сѣтующія о смерти великаго поэта [1]); въ (недошедшемъ до насъ) письмѣ къ Петраркѣ Боккаччьо утверждалъ въ 1359 году, что Данте былъ ему, еще юношѣ, первымъ свѣточемъ и руководителемъ [2]); уже въ юношескихъ письмахъ Боккаччьо чувствуется подражаніе, иногда дословное, дантовскихъ посланій. Разумѣется, въ его показаніи надо удѣлить мѣсто и риторикѣ: говорилъ же онъ по другому поводу [3]), что въ юности (ineunte juventute) больше всѣхъ другихъ почиталъ Петрарку. Но именно въ первые годы по возвращеніи изъ Неаполя, когда онъ переживалъ свою любовь къ Фьямметтѣ, и она одухотворялась въ его воспоминаніяхъ, дантовскія вѣянія могли пойти навстрѣчу его собственному настроенію: они опредѣлили черты новаго возникавшаго въ немъ |

1) Centiloquio, c. LV.
2) Сл. Petr., Fam., XXI, 15.
3) De Cas., VIII, c. 1.

188 образа, въ которомъ яркія краски страсти смягчены болѣе строгимъ, сдержаннымъ колоритомъ старо-флорентійской школы; этому отвѣтилъ и «*новый* (т. е. аллегорическій) стиль» Боккаччьо, о которомъ онъ заявляетъ въ двухъ первыхъ сонетахъ и первой главѣ Любовнаго Видѣнія—очевидно не въ томъ смыслѣ, въ какомъ въ Филоколо говорится о «новыхъ стихахъ». Небольшой пересказъ въ терцинахъ содержанія трехъ кантикъ Божественной Комедіи [1]), относящійся, вѣроятно, къ этой порѣ дѣятельности Боккаччьо, входитъ въ рядъ подобныхъ же, болѣе древнихъ [2]); интересъ къ Данте обличаетъ здѣсь лишь выборъ, а не постановка темы. Иное значеніе получаетъ тотъ эпизодъ Любовнаго Видѣнія, гдѣ изъ сонма поэтовъ, окружающихъ Мудрость, выдѣленъ одинъ, котораго она вѣнчаетъ лавромъ. Увидѣвъ это торжество, Боккаччьо подходитъ ближе; онъ не узналъ вѣнчаннаго, но аллегорическая жена говоритъ ему: Это Данте Алигьери, флорентинецъ, писавшій вамъ превосходнымъ слогомъ о высшемъ благѣ и карахъ и великой смерти. Былъ онъ при жизни славой музъ, и здѣсь онѣ не чуждаются его общества [3]). Когда Боккаччьо услышалъ имя учителя, которому онъ обязанъ всѣмъ, что есть въ немъ хорошаго, онъ возблагодарилъ Господа, сподобившаго его увидѣть, прославленнымъ, того, кого желалъ; онъ не можетъ отвести глазъ отъ «властителя великаго знанія» и проклинаетъ Атропосъ, рано угашающую въ доблестныхъ людяхъ огонь, возженный Лахезисъ. «Да здравствуетъ твоя слава, о ты, знаменитая честь флорентійцевъ, неблагодарныхъ, не познавшихъ тебя при жизни! Блаженными могутъ почесть себя тѣ, кто знали тебя, и та, которая тебя понесла».—Что ты такъ смотришь на него, точно думаешь своимъ взглядомъ вернуть ему скошенныя смертью силы? говоритъ, обращаясь къ Боккаччьо, его руководительница, побуждая его итти далѣе; а онъ ей въ |

1) Argumenti in terza rima alla Divina Commedia di Dante Alighieri.
2) Menghino Mezzani, Jacopo Alighieri, Bosone da Gubbio, Mino d'Arezzo.
3) Amorosa Visione, V, 25—29.

отвѣтъ: «Ты не знаешь, почему мнѣ такъ пріятно лицезрѣніе 189
того, на кого я смотрю; если бы знала, быть можетъ, не говорила бы столь гнѣвно» [1]).

Если мы вѣрно поняли душевное состояніе Боккаччьо въ первые годы его флорентійской жизни, обаяніе Данте станетъ намъ понятнымъ: онъ помогъ ему выйти изъ періода страстныхъ волненій и, вмѣстѣ, спасти для любви, что̀ въ этой страсти было человѣчнаго; мягкіе, примиряющіе тона Vita Nuova пали на преображеніе Фьямметты. Это чувствуется и въ послѣднихъ эпизодахъ Филоколо и въ Любовномъ Видѣніи. Далѣе и глубже этого вліянія онъ едва ли когда пошелъ: человѣкъ другого темперамента и другой исторической среды, широко открытый впечатлѣніямъ величія, онъ болѣе благоговѣлъ передъ Данте, чѣмъ вживался въ него; его подражанія ниже его комментарія. Другая, гражданская сторона Данте, которую онъ такъ оттѣняетъ впослѣдствіи, могла привлекать его и въ эту пору: уже въ Любовномъ Видѣніи говорится о неблагодарныхъ флорентинцахъ, какъ въ прекрасномъ сонетѣ, неизвѣстно какого времени, который Боккаччьо могъ написать подъ портретомъ Данте, либо въ заголовкѣ какого-нибудь экземпляра Божественной Комедіи: «Я Данте Алигьери, таинственная Минерва мудрости (intelligenza) и искусства, въ духѣ котораго прирожденное изящество достигло высоты, считающейся чудомъ природы.—Моя высокая фантазія, находчивая и увѣренная, странствовала по областямъ тартара и неба, и я сдѣлалъ мой благородный трудъ достойнымъ свѣтскаго и духовнаго чтенія. — Славная Флоренція была матерью, скорѣе мачехой мнѣ, любящему сыну, по винѣ преступныхъ, негодныхъ языковъ. — Равенна была мнѣ пристанищемъ въ изгнаніи, тамъ мое тѣло, душа — у Верховнаго Отца, передъ лицомъ котораго зависть не побѣждаетъ разумнаго рѣшенія» [2]).

1) Ibid., VI, 1—11.
2) Сон. CVIII.

II.

190 Выше мы предположили, что дантовскія вліянія совпали у Боккаччьо съ извѣстнымъ моментомъ его любви; они важны для внутренней исторіи перваго произведенія, за окончаніе котораго онъ принялся во Флоренціи: его Филоколо. Мы уже знаемъ, что, начатый въ Неаполѣ по желанію Фьямметты, онъ лишь впослѣдствіи разросся, параллельно съ сердечной біографіей Боккаччьо, въ объемистый романъ. Едва ли такой именно романъ отвѣчалъ цѣлямъ заказчицы: ея желаніе было, чтобы какой-нибудь поэтъ воспѣлъ въ стихахъ исторію Флоріо и Бьянчифьоре [1]); странно, что на первыхъ же страницахъ своего разсказа въ прозѣ [2]) Боккаччьо проситъ прислушаться — къ «новымъ стихамъ»; новымъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ онъ самъ называетъ себя [3]) «новымъ авторомъ», новичкомъ; Филострато еще не былъ написанъ, когда Боккаччьо свидѣлся съ Фьямметтой въ монастырѣ св. Михаила; но онъ еще штудировалъ каноническое право [4]). Можно предположить, что упоминаніе «стиховъ», повторенное и въ серединѣ, и въ заключеніи Филоколо [5]), если оно не равносильно поэтическому замыслу вообще (versi = carmen), осталось въ текстѣ, какъ слѣдъ дѣйствительно задуманнаго и даже набросаннаго въ прозѣ, но потомъ оставленнаго плана. Такъ явился, вмѣсто поэмы, въ которой мы встрѣтили бы, быть можетъ, манеру Филострато, большой романъ въ пяти книгахъ, загроможденный классическими декораціями и эпизодами личнаго характера, писавшійся исподволь, съ видимыми признаками усталости. Была сдѣлана попытка отдѣлить приблизительно тѣ его части, которыя могли быть затѣяны въ Неаполѣ, отъ написанныхъ во

1) Filocolo, I, стр. 7.
2) I, 9.
3) l. c.
4) I, 8.
5) Filocolo, II, стр. 8 (memorevoli versi), 376—7.

Флоренціи. Въ | Амето, котораго относятъ къ 1340—41 годамъ, 191
Адіона говоритъ, при видѣ одной сосны, что она приняла бы ее за Идалага, если бъ онъ обращенъ былъ въ сосну [1]). Такое именно превращеніе совершается съ нимъ въ Филоколо, и является поводъ предположить, что, когда написана была приведенная выше фраза Амето, Боккаччьо уже задумалъ такъ именно завершить эпизодъ объ Идалагѣ, но еще не сдѣлалъ этого; съ этимъ вмѣстѣ и все слѣдующее за эпизодомъ пришлось бы считать за оконченное во Флоренціи. Но съ такимъ же точно правомъ и въ тѣхъ же цѣляхъ мы могли бы воспользоваться автобіографическимъ отрывкомъ о Филено, стоящимъ въ романѣ значительно ранѣе Идалага: сѣтующаго Филено безыменный странникъ изъ Неаполя утѣшаетъ разсказомъ о своемъ собственномъ любовномъ горѣ; мѣсто дѣйствія — Чертальдо, куда Боккаччьо явился, покинувъ Неаполь. Мы не отнесемъ всего того, что слѣдуетъ далѣе въ романѣ, на счетъ Флоренціи: эпизоды личнаго, аллегорическаго характера могли быть писаны не въ связи общаго разсказа, а вноситься въ него впослѣдствіи, и все написанное — подвергнуться новому пересмотру и обработкѣ. Въ этомъ смыслѣ дантовскія вліянія и являются хронологическимъ моментомъ: первыя страницы Филоколо не производятъ впечатлѣнія жгучей, юношеской страстности, непосредственности Филострато; тонъ взятъ дантовскій, платоническій: Амуръ такъ жалостно смотритъ на поэта изъ очей его милой [2]), она — его блаженство [3]).

Введеніе въ первую книгу Филоколо стоитъ еще внѣ дѣйствія романа. Юнона (аллегорія Церкви, невѣсты Христовой) преслѣдуетъ своею ненавистью родъ Энея, римлянъ; слышитъ, что въ крайнемъ углу Авзоніи еще остались потомки неблагодарнаго отродья, пытаясь процвѣсть и кичась знаменіемъ орла, лю-

1) Ameto, стр. 90.
2) Filocolo, I, 5.
3) Ib., 6,

192 бимаго Юпитеромъ (Гогенштауфены). Явившись къ | своему намѣстнику (папѣ), она побуждаетъ его вызвать изъ странъ между западомъ и Бореемъ (Франціи) доблестнаго юношу, потомка того, кто когда-то освободилъ предшественниковъ папы отъ лангобардскаго ига (Карла Анжу̀), и, какъ у Виргилія она спускается въ царство Плутона, чтобы возбудить Алекто, такъ и здѣсь. — Такимъ образомъ мотивируется появленіе на сцену Карла Анжу̀, его сына и внука, короля Роберта, что̀ даетъ поводъ разсказать о его связи съ матерью Маріи-Фьямметты, о первомъ свиданіи съ нею Боккаччьо въ церкви Санъ-Лоренцо и другомъ, въ монастырѣ св. Михаила, когда она попросила его воспѣть любовь Флоріо и Бьянчифьоре. — Введеніе кончается обращеніемъ къ любящимъ: примѣръ Флоріо и Бьянчифьоре долженъ ихъ успокоить; не они первые испытали превратности судьбы; товарищество по несчастію доставляетъ, какъ говорятъ, утѣшеніе [1]), надежда облегчаетъ горе.

Начало разсказа поставлено на широкой эпической базѣ, перерастающей его скромное, сравнительно, содержаніе: говорится о древней враждѣ Юпитера (бога) и Плутона (дьявола), изгнаннаго съ его клевретами въ мрачное царство Дита; вмѣсто нихъ созданы люди; единородный сынъ (Юпитеръ) посланъ на землю совершить тайну искупленія; изображается, въ духѣ той же классической травестіи, распространеніе христіанства на Западѣ: одинъ изъ вельможныхъ воителей Сына посланъ на далекій западъ, гдѣ безстрашно принялъ ударъ Атропосъ, и его останки покоятся въ великолѣпномъ храмѣ (св. Іаковъ въ St. Yago de Campostella). Римъ можетъ возликовать: когда-то увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ побѣды, онъ украсится теперь другимъ, вѣчнымъ.

Римъ и св. Іаковъ уже вводятъ насъ въ содержаніе романа, которое мы передадимъ въ краткихъ чертахъ, минуя знакомые намъ вставные эпизоды автобіографическаго характера.

---

1) Сл. Fiammetta, стр. 181—2.

Въ Римѣ живетъ благородный юноша, потомокъ перваго завоевателя Карѳагена, Квинтъ Лелій Африканъ; онъ женатъ 193 на Юліи Топазіи, но послѣ пятилѣтняго брака у нихъ нѣтъ дѣтей. Услышавъ о чудесахъ того «бога, что пребываетъ на далекихъ гесперійскихъ берегахъ» (св. Іакова), онъ молится о ниспосланіи ему потомства, обѣщая совершить паломничество къ далекому храму святого. Святой является ему во снѣ и говоритъ, что Господь услышалъ его молитву: его жена забеременѣла. Когда мужъ собирается въ обѣщанный путь, она упрашиваетъ его со слезами взять ее съ собою: она будетъ ему тѣмъ же, чѣмъ Ипсикратея была Митридату, — и мужъ соглашается: ему также припомнился Тиверій Гракхъ и Корнелія.

На слѣдующее утро, помолившись въ храмѣ, они отправляются въ путь съ большой свитой. Печальному владыкѣ, чьи владѣнія обтекаетъ Ахеронтъ, непріятны эти подвиги христіанскаго благочестія; онъ хочетъ запугать путниковъ и держитъ съ этой цѣлью рѣчь къ своимъ. Принявъ образъ рыцаря, правившаго городомъ Марморины (Вероной) отъ имени короля Феличе, потомка Аталанта и властителя Гесперіи, онъ спѣшитъ на своемъ конѣ (онъ такъ худъ, что можно было бы пересчитать его кости), къ королю, котораго застаетъ на охотѣ, и разсказываетъ ему, будто римляне ночью напали врасплохъ на Марморину, сожгли ее, а жителей перебили; враги недалеко. Кончивъ этотъ разсказъ, мнимый рыцарь упалъ бездыханный.

Король встревоженъ, собираетъ войско и, принеся жертву Марсу, выступаетъ по дорогѣ къ Марморинѣ. Расположившись на высокой горѣ, онъ видитъ рано утромъ Лелія и его спутниковъ, поднимавшихся изъ полной тумана долины; принявъ ихъ за непріятельскій отрядъ, онъ держитъ рѣчь къ своимъ, ободряя ихъ къ нападенію. Юлія первая увидѣла враговъ и предупреждаетъ о томъ мужа; но бѣгство невозможно; если это разбойники, надо предоставить имъ безъ боя всѣ свои драгоцѣнности; если они имѣютъ въ виду отнять у нихъ жизнь — молить о пощадѣ, и, въ случаѣ нужды, защищаться. Въ этомъ смыслѣ Квинтъ

Лелій держитъ рѣчь къ своимъ, ободряя ихъ примѣрами древней |
194 доблести; пусть вспомнятъ, что ихъ враги — противники ихъ
закона, а имъ придется защищать «законъ Юпитерова сына»
(Христа); коли они падутъ, имъ простится многое, души ихъ
сподобятся вѣчной жизни, ихъ прахъ — поклоненія. Готовясь
къ отпору, Квинтъ Лелій дѣлитъ свой отрядъ на три части, по-
ручая ихъ тремъ вождямъ; имена имъ даны классическія; одинъ
изъ нихъ Остацій, извѣстный поэтъ, по прозванію Артифилъ,
доблестный и могущественный. — Юлія плачетъ, умоляетъ мужа
не оказывать сопротивленія, либо бѣжать. Куда дѣвался твой
мужественный духъ? спрашиваетъ онъ ее: ты обѣщала мнѣ быть
выносливой въ войнѣ и трудахъ, какъ жена Митридата, но ты
не походишь на твоего предка Цесаря, а царство божіе достается
лишь въ награду мужественному подвигу. Но Юлія желала бы,
чтобы первый ударъ, обращенный на мужа, палъ на нее, какъ
Тисбе и въ смерти не хотѣла разстаться съ своимъ Пирамомъ.
Ее, упавшую въ обморокъ, относятъ на ближній лужокъ; по при-
казанію Лелія «святой мужъ» приноситъ жертву Юпитеру; всѣ
молятся, Лелій проситъ знаменія; свѣтлое облачко является надъ
ними, его блескъ слѣпитъ глаза; изъ него слышенъ голосъ,
ободряющій къ битвѣ: Я отмщу за вашу смерть; кровь правед-
ника искупаетъ народъ; сегодня вы будете въ храмѣ того, къ
кому направляетесь, и я уготовлю вамъ побѣдные вѣнцы. —
Слѣдующая за тѣмъ битва описана подробно: три отряда римлянъ
вводятся въ бой одинъ за другимъ, происходитъ рядъ поединковъ;
«великая тьма золъ рождалась тамъ, удары и стоны, точно раз-
верзлось облако, когда Юпитеръ мечетъ свои молніи» [1]); Арти-
филъ бьется, стоя на убитомъ конѣ, кругомъ него, въ высоту
коня, груды непріятелей, сраженныхъ его сѣкирой; отъ звука
трубъ содрогаются пустынныя поля, кони поднимаютъ такую
пыль, какую въ степи взвѣваетъ ѳракійскій вѣтеръ; стрѣлы и
копья застилаютъ свѣтъ, и въ общей давкѣ убитымъ негдѣ

---

1) I, 47.

упасть, они стоятъ. — Всѣ христіане перебиты; Юлія очнулась, | когда все было кончено, вопль ея подругъ, голоса грабителей 195
говорятъ ей о несчастіи, ее постигшемъ; она плачетъ, рветъ волосы и одежду, омываетъ слезами лицо Лелія, котораго по оружію признала въ числѣ убитыхъ; она ищетъ смерти. Солнце уже зашло, а ея сѣтованія доносятся до короля, расположившагося станомъ на мѣстѣ битвы; онъ посылаетъ своего рыцаря Аскальоне, живавшаго въ Римѣ, узнать, въ чемъ дѣло. Увидѣвъ Юлію, Аскальоне самъ умиляется и плачетъ; Юлія проситъ у него смерти, онъ утѣшаетъ ее, приглашаетъ пойти къ королю, ручаясь за то, что честь ея и ея спутницъ будетъ сохранена. Хотя и сильно опечаленная, она сдается на просьбы, ибо не забыла драгоцѣнныхъ правилъ вѣжливости [1]) и не можетъ показаться неучтивой; она бросается на колѣни передъ королемъ, но онъ не допускаетъ того и узнаётъ, что поразилъ не враговъ, а паломниковъ, еще видѣвшихъ проѣздомъ Марморину цвѣтущей и населенной. Это откровеніе его поразило: судьбы не избѣжать, говоритъ онъ; ему самому пристало горевать, но онъ не можетъ отдаться горю, ибо обязанъ выраженіемъ лица успокоить своихъ подданныхъ. Онъ предлагаетъ Юліи послѣдовать за нимъ: будетъ держать ее въ чести, выдастъ замужъ, если же она желаетъ соблюсти свою чистоту, станетъ беречь ее и съ почетомъ вернетъ домой, когда она разрѣшится отъ бремени. Юлія, все еще плача, разсудила разумно, что ей лучше согласиться, хотя видимо она и выказывала нежеланіе [2]). Велѣвъ предать сожженію тѣло Лелія и другихъ, предоставивъ иныя на пожраніе звѣрямъ, всѣ отправляются въ Севилью, гдѣ король поручаетъ Юлію попеченію и любви своей супруги, а оттуда черезъ нѣсколько дней ѣдетъ въ Марморину, гдѣ ему стало ясно, въ какой онъ былъ введенъ обманъ. Королева, также беременная, замѣтила состояніе Юліи, которую полюбила, и утѣшаетъ ее въ печали; и та нѣсколько

1) I, 60.
2) I, 63.

подбодрилась, начинаетъ заниматься рукодѣльемъ, выводя на тканяхъ такія фигуры, что онѣ затемнили бы собой узоры Арахны. |

196 Небольшой эпизодъ прерываетъ здѣсь связь разсказа: Плутонъ снова затѣялъ смуту, принялъ образъ Глориціи, приближенной Юліи, и въ этомъ видѣ является въ Римъ, гдѣ пугаетъ родственниковъ Юліи и Лелія разсказами о томъ, что они убиты, и она одна спаслась отъ побоища. Сказавъ это, она падаетъ мертвой.

Въ маѣ мѣсяцѣ королева и Юлія разрѣшились въ одинъ и тотъ же день отъ бремени: та—мальчикомъ, эта—дѣвочкой. Юлія умираетъ тотчасъ послѣ родовъ, поручивъ свою дочку Глориціи. Ея смерть оплакана всѣми, королева говоритъ, что дѣвочка будетъ ей намѣсто дочери, подругой ея сына; впослѣдствіи она часто вспоминала эти пророческія слова. Послѣ торжественныхъ похоронъ Юліи, на гробницѣ которой начертали, что она происходитъ отъ Юлія Цезаря, король, прійдя къ королевѣ, велитъ показать себѣ обоихъ малютокъ, беретъ ихъ на руки, любуется ихъ красотой и даетъ имъ имена, въ соотвѣтствіи съ днемъ ихъ рожденія, когда каждый цвѣтокъ проявляетъ свою красу: одному — Флоріо, другой — Бьянчифьоре. Они одѣты по-царски, растутъ и воспитываются вмѣстѣ; ихъ воспитаніе поручено Аскальоне, Рахео учитъ ихъ читать псалтирь и «книгу Овидія, гдѣ великій поэтъ показываетъ, какъ тщательно слѣдуетъ возжигать въ холодныхъ сердцахъ святое пламя Венеры» [1]).—Дѣти учатся «любовнымъ стихамъ», и Венерѣ любо упоминаніе ея имени; спустившись на Киѳеру (monte Citereo), она побуждаетъ своего сына, который закалялъ въ то время новыя стрѣлы въ священныхъ водахъ: пусть отправится въ Марморину и, явившись къ молодымъ людямъ въ образѣ короля Феличе, вложитъ въ ихъ чистыя сердца свое тайное пламя. Амуръ такъ и дѣлаетъ: поцѣловалъ Флоріо, дохнулъ на Бьянчифьоре, и они исполнились новаго желанія, глядя другъ на друга молчаливо и

1) I, 76.

съ удивленіемъ. — Съ другой стороны и Венера посѣтила ко-
роля пророческимъ сномъ, въ которомъ ему представилась вся |
судьба Флоріо и Бьянчифьоре въ аллегорическихъ образахъ 197
звѣрей: онъ — львенокъ, она—лань; свѣтлый духъ, явившись съ неба, вскрываетъ грудь перваго и питаетъ лань его сердцемъ, и наоборотъ. Дантовскій образъ, которымъ Боккаччьо воспользуется и далѣе.

Амуръ покинулъ молодыхъ людей, Флоріо закрылъ книгу и говоритъ Бьянчифьоре: Откуда внезапно объявилась въ тебѣ такая красота? Ты прежде мнѣ такъ не нравилась, теперь же я не могу наглядѣться на тебя?—Не знаю, отвѣчаетъ Бьянчифьоре, одно только могу сказать тебѣ, что и со мной произошло подобное; можетъ быть, священные стихи, которые мы благоговѣйно читаемъ, возжгли въ насъ новое пламя, какъ то бывало съ другими. — Я думаю, что такъ и есть, какъ ты говоришь, потому что одна ты нравишься мнѣ болѣе всего на свѣтѣ. — Да и ты нравишься мнѣ не менѣе. — Такъ они бесѣдовали, а книги были закрыты; въ это время вошелъ Рахео, бранитъ ихъ за нерадѣніе; они покраснѣли, какъ двѣ алыхъ розы, раскрыли книги, но продолжаютъ изподтишка любоваться другъ другомъ и запинаются, сказывая стихи, которые прежде давались имъ легко.— Рахео замѣтилъ это, нѣсколько разъ поглядѣлъ украдкой, какъ они невинно цѣловались, говоритъ объ этомъ Аскальоне; не желая взять на себя отвѣтственности, они разсказываютъ о томъ королю: дѣти совсѣмъ отбились отъ занятій, одинъ ничего не дѣлаетъ, не спросясь другого. Король огорченъ, но отвѣчаетъ, притворно смѣясь: пусть наставники ихъ попугаютъ; если же это не поможетъ, онъ самъ приметъ мѣры. Когда ушли наставники, онъ сидитъ, задумавшись, опустивъ лицо на руку; въ этомъ положеніи застаетъ его королева, которой онъ открываетъ, какой ударъ готовитъ имъ Фортуна: Флоріо влюбился въ дѣвушку простого званія; другое дѣло, если бъ Бьянчифьоре была царскаго рода, а теперь онъ такъ огорченъ, что почелъ бы за счастье, если бы боги отняли у него сына въ дѣтствѣ, какъ то сдѣлали

съ Ганимедомъ; онъ не пролилъ бы надъ нимъ слезъ, какъ не пролили надъ своими сыновьями ни Ксенофонтъ, ни Анаксагоръ, |
198 теперь же печаль довела его почти до смерти. — Королева успокоиваетъ его: любовь въ самомъ началѣ, не успѣла развиться, и ее легко прервать, — и она совѣтуетъ послать Флоріо, какъ бы для окончанія образованія, въ сосѣдній Монторіо, гдѣ властвовалъ ихъ родственникъ, герцогъ Ферамонте. — Королю понравился совѣтъ королевы; но ихъ расчеты напрасны: Венера была на вершинѣ своего эпицикла, и любовью росило даже небо Сатурна, когда родились Флоріо и Бьянчифьоре; можно разлучить ихъ тѣла, не души; препятствіе лишь усиливаетъ желаніе, внушая невиннымъ любящимъ незнакомыя имъ мысли; пока они пылаютъ другъ къ другу тайно, ограничиваясь обоюднымъ лицезрѣніемъ, которое пріѣлось бы имъ, какъ все, что имѣется въ избыткѣ [1]).

На другое утро отецъ объявилъ сыну о своемъ желаніи, чтобы онъ поѣхалъ въ Монторіо изучать «священныя начала Пиѳагора», предаться «священнымъ» наукамъ, которыя наиболѣе украшаютъ правителей. Смущенный Флоріо отговаривается: его удаленіе будетъ причиной невольныхъ тревогъ, онъ предпочелъ бы, если бъ отецъ вызвалъ учителей сюда. Король понимаетъ настоящую причину отговоровъ и начинаетъ убѣждать сына, что тревожиться будетъ нечего, до Монторіо недалеко, а молодымъ людямъ пристало знакомиться съ обычаями разныхъ народовъ; вѣдь странствовали и Андрогей и Язонъ. — Флоріо поѣхалъ бы и дальше нихъ, если бы разсчитывалъ найти то, чего болѣе всего желаетъ и что любитъ, но его дорогая Бьянчифьоре здѣсь, ея лицо, сіяющее, какъ утренняя звѣзда, — вотъ цѣль его занятій, безъ нея онъ никуда не поѣдетъ, а съ нею пусть пошлютъ его, куда угодно; онъ счастливъ, что обрѣлъ свое блаженство дома, не ища его вдалекѣ, какъ Персей и Парисъ. — Флоріо умолкъ, а

---

1) I, стр. 89: цитата, которую слѣдуетъ присоединить къ собраннымъ выше, стр. 187 прим. 3.

отецъ принимается гнѣвно упрекать его за то, что онъ позволилъ
себѣ такъ отдаться страсти, къ тому же — къ рабѣ, выросшей
въ ихъ домѣ; если бъ онъ не былъ увѣренъ, что сынъ отстапетъ |
отъ любви, онъ убилъ бы его тотчасъ же, но такъ какъ онъ 199
желаетъ, чтобы Флоріо продолжалъ свои занятія, онъ убѣждаетъ
его ѣхать, обѣщая послать къ нему Бьянчифьоре, лишь только
поправится здоровье королевы, которой необходимъ ея уходъ. —
Флоріо говоритъ о могуществѣ любви, которой не противостояли
ни боги, ни герои, выражаетъ подозрѣнія, что Бьянчифьоре
именитаго рода; если бы этого и не было, то вѣдь истое благо-
родство въ добродѣтели, а Бьянчифьоре зажгла въ немъ такое
пламя, что если бы онъ былъ и самаго низменнаго происхож-
денія, преобразился бы внезапно въ благороднаго. — Все это
общія мѣста любовной теоріи, знакомыя намъ изъ Филострато;
страннымъ шаржемъ поражаетъ описаніе доблестей Бьянчифьоре:
въ ней соединились куманская Сивилла, Венера и Пенелопа; среди
бѣдствій у нея твердость Катона, ея рѣчь не уступаетъ красно-
рѣчію древняго Цицерона!

Флоріо сдался, не подозрѣвая коварства отца; поняла его Бьянчифьоре, подслушавшая этотъ разговоръ, и тихо плачетъ, подбирая классическія параллели къ своему горю. Какъ позволилъ себя обмануть Флоріо? Ему слѣдовало молить отца, дать себя истязать, уступить лишь силѣ; онъ наложилъ руки на себя, потому что самъ же говорилъ ей, что его душа и жизнь — съ нею; онъ удалится лишь тѣломъ, а она, бѣдная, останется, слѣдуя мыслью за нимъ, и предпочла бы обратиться въ книгу, что̀ будетъ у него передъ глазами, чѣмъ пребывать здѣсь въ своемъ образѣ. Но боги и Фортуна по праву враждебны намъ, продолжаетъ Бьянчифьоре, впадая въ тонъ изощренной опытомъ женщины: у насъ было достаточно времени и возможности вкусить конечныя утѣхи любви, а мы и не попытались; если бы это случилось, насъ связали бы болѣе крѣпкія узы, и насъ трудно было бы разлучить, либо онѣ ослабѣли бы совсѣмъ, или отчасти, и твой отъѣздъ былъ бы мнѣ менѣе горестенъ. Вотъ это и за-

ставляетъ меня печалиться, хотя, съ другой стороны, я и довольна, что мы сохранили цѣломудріе, ибо другія отношенія не совсѣмъ
200 пристали нашему возрасту. — Она надѣется, | что боги сохранили ихъ для лучшей доли, тѣмъ не менѣе завидуетъ судьбѣ Аретузы, Гекубы (обращенной въ собаку), Мелеагра, и кончаетъ увѣренно: Я буду рада, если меня пошлютъ къ нему; коли не пошлютъ, я явлюсь сама.

Между тѣмъ Флоріо негодуетъ на себя, что далъ согласіе отцу: Вѣдь не убилъ же бы онъ меня, можетъ-быть изгналъ бы, а я увезъ бы съ собою Бьянчифьоре. Если онъ не пошлетъ ее ко мнѣ, у меня будетъ законная причина явиться самому, и впредь изъ меня уже не выжмутъ такого: да. — Онъ идетъ къ Бьянчифьоре, которую застаетъ въ слезахъ; она осыпаетъ его упреками. Первый касается — не любви, а почета, котораго онъ лишитъ ее, удалившись: ради него, считавшагося ея братомъ, ее чествовали, теперь на нее накинутся всѣ ея завистники. Это ей подѣломъ: ей надо было подумать о своемъ низменномъ происхожденіи, прежде, чѣмъ полюбить; она наложила бы на себя руки, какъ Дидона, если бы не увѣренность, что всякая доблестная любовь возжигаетъ таковую же и въ любимомъ предметѣ (Данте), лишь бы объяснилось ея пламя и не было опасенія — поразить въ самой себѣ ту малую часть любви, которую онъ къ ней питаетъ. — Такъ говорила, среди слезъ и поцѣлуевъ, Бьянчифьоре; самъ Флоріо расплакался, утѣшая ее: Ты сѣтуешь о меньшей долѣ нашего горя, говоритъ онъ, унижаешь себя безъ нужды, когда причина почета, которымъ тебя окружали, въ самой тебѣ. Онъ снова восхваляетъ ее, поминая Аполлона, Венеру и Амфіона: ты была бы достойной супругой императора — и Юпитера, если бы мыслима была смерть Юноны. Я полюбилъ тебя за твои достоинства; вели, и я не пойду; если отецъ не отпуститъ меня къ тебѣ, я тотчасъ же вернусь; безъ тебя я не могу существовать; но не думай, чтобы моя любовь была такая же похотливая, какъ любовь Язона и другихъ. — Оба влюбленныхъ плачутъ, глядя другъ на

друга, иногда утирая слезы нѣжнымъ пальчикомъ, либо полой платья.

Разсказъ внезапно переходитъ (не вслѣдствіе ли порчи текста?) къ битвѣ между Сципіономъ Африканскимъ и кареа|генскимъ тираномъ Аннибаломъ; сраженный Сципіономъ Алхимедъ 201
даетъ ему, въ уваженіе къ его доблести, чудесный перстень: тотъ, кому онъ его подаритъ, усмотритъ изъ измѣнившагося цвѣта камня, что съ его бывшимъ владѣльцемъ произошло нѣчто непріятное. Съ теченіемъ времени этотъ перстень перешелъ по наслѣдству къ Лелію, отцу Бьянчифьоре. Лишь въ концѣ эпизода мы узнаемъ, для чего онъ былъ нуженъ: Бьянчифьоре даетъ перстень Флоріо; если онъ потускнѣетъ, это будетъ означать, что она въ опасности; пусть ѣдетъ въ Монторіо, чтобы сдержать данное слово, пусть развлекается, но обуздаетъ глаза, «когда увидитъ красивыхъ дѣвушекъ, бродящихъ босикомъ въ прозрачной водѣ, увѣнчанныхъ дарами Цереры и поющихъ любовныя пѣсни, потому что многихъ юношей эти пѣсни плѣняли». — Боккаччьо почему-то приглянулся этотъ образъ дѣвушекъ, бродящихъ въ водѣ; онъ возвращается къ нему въ Амето, Фьямметтѣ, Декамеронѣ [1]). Если Флоріо соблазнится, продолжаетъ красавица, я приду въ ярость, собственными руками растерзаю, исцарапаю соперницу, вырву ей волосы, откушу носъ и сама убью себя. Но я полагаюсь на тебя; твое имя одно запечатлѣно въ моей памяти, всѣ мои боги — въ тебѣ, къ тебѣ я стану возсылать мои мольбы. — Она бросается, плача, на шею къ Флоріо; ихъ сердца, полныя страха смерти, призвали къ себѣ робкія душевныя силы, каждая жилка послала туда свою кровь, чтобы согрѣть ихъ, и, лишенные ея, члены тѣла обезсилѣли и похолодѣли. Флоріо и Бьянчифьоре падаютъ замертво; очнувшись первымъ, Флоріо сѣтуетъ надъ своей милой, которую считаетъ мертвой, жалуется на боговъ, на отца: Пусть ты вѣчно будешь печаленъ по моей смерти, боги да продлятъ тебѣ жизнь въ долгой нищетѣ, а мы,

---

1) Ameto, стр. 11; Fiammetta, стр. 107; Decam., VI, въ концѣ = пер. II, 39.

какъ здѣсь любили другъ друга, такъ будемъ любить и тамъ, среди невѣдомыхъ тѣней. — Онъ хочетъ убить себя, но Бьянчифьоре обнаружила признаки жизни. Оба предаются горю,
202 Флоріо обмѣнивается клятвами съ «властительницей его | души». Ночь прошла для нихъ слишкомъ быстро; на другой день, простясь съ отцомъ и матерью, Флоріо поцѣловалъ при нихъ свою Бьянчифьоре: Съ тобой остается моя душа, кто станетъ чествовать тебя, учествуетъ и меня. Онъ съ трудомъ удерживаетъ слезы и чуть слышно произнесъ: Да сохранитъ васъ Господь! Бьянчифьоре провожаетъ его до послѣднихъ ступеней лѣстницы; она не говоритъ ни слова; когда онъ уѣхалъ, взбирается на самую высокую часть дома и смотритъ вслѣдъ, пока было видно. Вернувшись въ свою комнату, она предается слезамъ, и Глориція, сама разстроенная, ободряетъ ее: Развеселись, слезы испортятъ твою красу, и ты перестанешь нравиться Флоріо; если онъ узнаетъ о твоей печали, онъ наложитъ на себя руки; успокойся же ради него.

Вся сцена разставанья напоминаетъ четвертую пѣснь Филострато; Пандаръ [1]) говоритъ то же, что Глориція, та же сцена обморока [2]).

По дорогѣ спутники Флоріо забавляются охотой, но ему грезится его милая, и онъ сердится, когда его развлекаютъ. Герцогъ Монторіо выѣзжаетъ къ нему на встрѣчу съ блестящей свитой; Флоріо старается казаться веселымъ; его чествуютъ во дворцѣ: въ городѣ празднества длятся нѣсколько дней. — Съ Флоріо поѣхалъ и Аскальоне.

Между тѣмъ Бьянчифьоре каждый день ходитъ на вышку, чтобы поглядѣть въ сторону Флоріо: тамъ ея желаніе и благо. Она рада вѣтерку, приносящемуся оттуда: онъ ласкалъ моего Флоріо; посѣщаетъ въ домѣ всѣ мѣста, гдѣ видѣла Флоріо, храмы и алтари; ничего не дѣлаетъ, не помянувъ милаго; онъ

---

1) Строфа 107.

2) Ст. 117 слѣд.

видится ей во снѣ, она молится за него, отстала отъ ряженья и
веселья. Такъ сѣтовалъ Боккаччьо по отъѣздѣ Фьямметты [1]);
Троилу все напоминаетъ объ удалившейся Гризеидѣ [2]). — Флоріо |
переживаетъ то же: съ того дня, какъ онъ впервые воспылалъ 203
къ Бьянчифьоре, онъ не цѣловалъ ее и теперь кается; въ буду-
щемъ онъ не будетъ такъ воздерженъ. Онъ живетъ надеждой;
пока стояла зима, его любовный пылъ нѣсколько сдерживался,
но когда Фебъ сталъ приближаться къ Созвѣздію Овна, и земля
одѣлась зеленью и цвѣтами, расцвѣла и любовь, явилась и новая,
дотолѣ незнакомая печаль: теперь въ Марморинѣ праздникъ,
моя Бьянчифьоре любуется на гарцующихъ юношей, можетъ
быть, увлечется кѣмъ-нибудь? Вѣдь женщины непостоянны; вотъ
та дѣвушка не знаетъ меня, а засмотрѣлась; такъ можетъ за-
смотрѣться на другого и Бьянчифьоре. Если Елена и Клитем-
нестра пали, то виною тому удаленіе ихъ мужей; я удаленъ по
злостному желанію отца, котораго да погубятъ боги. — Онъ по-
нялъ, что его обманули, не находитъ покоя ни днемъ, ни ночью,
пересталъ заниматься, такъ измѣнился въ лицѣ, что всѣ дивятся;
всякій день смотритъ онъ съ вышки дома на сосѣднюю Мармо-
рину, а порой ночью пробирается туда тайкомъ, не боясь ни раз-
бойниковъ, ни звѣрей, и осыпаетъ поцѣлуями двери отцовскаго
дворца, не смѣя постучаться. Нѣсколько разъ писалъ онъ отцу,
что не въ состояніи заниматься по случаю жаркой погоды, и
просилъ позволенія вернуться. Король уже провѣдалъ, что дѣ-
лается съ сыномъ; сильно огорченный этимъ, онъ держитъ со-
вѣтъ съ женой; та коритъ его за то, что онъ пощадилъ жизнь
римской паломницы, матери Бьянчифьоре; ясно, что сынъ никогда
не забудетъ своей милой, если не устранить ее — убійствомъ, но
такъ, чтобы хула пала не на нихъ. И она даетъ совѣтъ, какъ
это сдѣлать: орудіемъ будетъ ихъ сенешаль Массамутино, озлоб-
ленный на Бьянчифьоре за то, что она отвергла его любовь.

---

1) Filostrato, введеніе.
2) L. c., V, ст. 51 слѣд.; VI, 4, VII, 63; сонетъ XV.

Въ разговорѣ съ сенешалемъ, король выражаетъ идею, что жизнь слѣдуетъ вести согласно съ правилами добродѣтели, но что дозволены и преступныя дѣянія, если тѣмъ можетъ быть устранена бо́льшая опасность. Онъ говоритъ о своихъ опасеніяхъ, какъ бы Флоріо не женился на дѣвушкѣ, которую самъ онъ лю-
204 билъ и любитъ, но которая не ровня его сыну, и | излагаетъ планъ, затѣянный королевой: вскорѣ настанетъ день его рожденья, на праздникъ соберутся всѣ великіе бароны его царства; когда онъ будетъ съ ними за столомъ, сенешаль долженъ устроить такъ, чтобы Бьянчифьоре поднесла имъ жаренаго павлина, насыщеннаго ядовитымъ зельемъ; король броситъ кусочекъ собакѣ, которая, съѣвъ его, околѣетъ; это возбудитъ подозрѣніе, что Бьянчифьоре намѣревалась отравить короля за то, что не послалъ ее въ Монторіо, и ее осудятъ на смерть.

Въ слѣдующемъ эпизодѣ празднества Боккаччьо былъ на своей почвѣ: подробно описанъ пиршественный покой, съ мраморными изваяніями сюжетовъ изъ Ѳиванской и Троянской легендъ, дѣяній Александра Великаго и Фарсалій; столъ короля выше другихъ, съ нимъ шесть именитѣйшихъ бароновъ, по трое съ той и другой стороны. Для сцены съ павлиномъ Боккаччьо воспользовался одной подробностью рыцарскаго быта, проникшею и въ романы: въ извѣстные торжественные дни выносили къ столу павлина, благородную птицу, и столующіе клялись надъ нимъ поочередно совершить что-нибудь особое, какой-нибудь подвигъ храбрости.

Королева велѣла Бьянчифьоре пріодѣться; она дѣлаетъ это неохотно, ибо ея Флоріо нѣтъ. Когда сенешаль пришелъ къ королевѣ, сидѣвшей въ обществѣ, и попросилъ у нея позволенія, чтобы Бьянчифьоре явилась въ качествѣ носительницы павлина, та, зная, въ чемъ дѣло, не отвѣчаетъ тотчасъ же, пока жестокое намѣреніе не побѣдило въ ней чувства жалости. — Бьянчифьоре вступила въ залу, сіяя красотой, которая все освѣтила, зардѣвшись тѣмъ цвѣтомъ, который, по удаленіи зари, великое свѣтило разливаетъ по небу. Она предлагаетъ королю «священную птицу

Юноны»; король веселъ, ибо его планъ, видимо, удается, и онъ
клянется Юпитеромъ и богами и своими предкомъ Атлантомъ,
что прежде, чѣмъ завершится годъ, онъ выдастъ Бьянчифьоре
за именитѣйшаго изъ своихъ бароновъ. Онъ не зналъ, что̀ гото-
витъ ему судьба, а Бьянчифьоре считаетъ его слова предзнаме-
нованіемъ себѣ: она помышляетъ о Флоріо. За королемъ клянутся
и | другіе; одинъ изъ нихъ, Масселино, сынъ короля Гранады, 205
обѣщаетъ поднести Бьянчифьоре, на ея брачный пиръ, десять
пальмовыхъ отраслей, покрытыхъ листьями и финиками, отъ
тѣхъ пальмъ, что водятся въ его странѣ, и у каждаго корешка
которыхъ находится по золотому. Обойдя всѣхъ, Бьянчифьоре
поставила павлина передъ королемъ; его молодой родственникъ,
Сальпадино, разнимаетъ его, бросилъ на землю какую-то оконеч-
ность, которую подхватила любимая собака короля; лишь только
она съѣла ее, какъ распухла и околѣла. Въ залѣ поднялся ро-
потъ; король спрашиваетъ: Что это такое? Повторили опытъ на
другой собакѣ; когда и съ той случилось то же, король велитъ
схватить Бьянчифьоре, сенешаля и Сальпадино и посадить по-
рознь. Какъ дозволилъ ты это, Юпитеръ? Но вѣдь ты попустилъ
и пиръ Тантала, и Терей сталъ по твоей волѣ гробницей своего
единственнаго сына! Можетъ быть, ты испытываешь бѣдствіями
сердца людей, дабы они познали цѣну счастья, и ты могъ тѣмъ
болѣе вознаградить ихъ впослѣдствіи. — Сальпадино и сенешаль
допрошены и вскорѣ освобождены; вина пала на недопрошенную
Бьянчифьоре. Король, желая соблюсти видимость правосудія, со-
бираетъ совѣтъ: онъ обвиняетъ Бьянчифьоре, Массамутино пред-
лагаетъ казнить ее сожженіемъ; Аскальоне и герцогъ Монторіо,
пріѣхавшіе на праздникъ, и другіе хотѣли бы сказать слово въ
ея защиту, но молчатъ, видя, куда клонится желаніе короля. Онъ
хотѣлъ бы немедленно привести въ исполненіе приговоръ, но
судьи отвѣтили, что, по обычаю, въ столь торжественный день
смертнаго приговора они не произносятъ, почему онъ и отложенъ
до слѣдующаго утра. — Аскальоне и герцогъ уѣхали, не про-
стившись; королева прикрываетъ слезами свое предательство; ей

въ самомъ дѣлѣ жалко Бьянчифьоре, но она утѣшаетъ себя мыслью, что съ ея смертью пройдетъ и любовь Флоріо.

Между тѣмъ, оставшись одинъ, Флоріо предается грустнымъ мыслямъ: бывало въ этотъ день они вмѣстѣ съ Бьянчифьоре служили за царскимъ столомъ; о, если бъ изъ всѣхъ дней, сколько ихъ есть въ году, выдался одинъ — но съ нею! Теперь ея чело |
206 расточаетъ новый свѣтъ многимъ, того недостойнымъ, а ему не дано ее видѣть. Онъ упрекаетъ себя въ трусости, хочетъ поглядѣть на нее во что бы то ни стало, вступить въ борьбу съ отцомъ, увезти ее. Среди этихъ мыслей онъ засыпаетъ, и ему видится сонъ, напоминающій таковой же, уже разсказанный нами въ связи съ автобіографіей Боккаччьо [1]). Флоріо видится, какъ разбушевался народъ Эола, взметая песокъ; громъ и молнія повсюду; звѣзды, казалось, презрѣли законы и помѣнялись мѣстами; боги плачутъ, посѣщая одинъ другого; стигійскій мракъ заволокъ солнце, луна утратила свои лучи, гробницы Марморины наполнились человѣческой кровью, и жители стонутъ надъ ними; дикіе звѣри боязливо попрятались въ пещерахъ, птицы падаютъ мертвыя. Святая богиня Венера предстала ему въ темномъ рубищѣ и въ слезахъ и на его вопросъ, почему плачутъ люди и боги, несетъ его въ Марморину, гдѣ онъ видитъ все, что было съ Бьянчифьоре. — Флоріо готовъ умереть съ нею, проситъ сказать, что онъ можетъ сдѣлать для ея спасенія. Венера говоритъ, что все это устроили боги; если они плачутъ, то потому, что опечалены были сѣтованіями природы, явившейся къ ихъ божественнымъ сѣдалищамъ въ слезахъ, что страдаетъ такое прелестное созданіе. Пусть съ наступленіемъ ночи Флоріо вооружится и тайкомъ направится къ мѣсту, куда поведутъ на казнь Бьянчифьоре; луна будетъ свѣтить ему, окажутъ помощь боги, и Марсъ, и она, и этотъ мечъ, скованный Вулканомъ и подаренный ей ея милымъ Марсомъ: противъ него не устоитъ никакое оружіе. Не объявляя себя, онъ вызоветъ на бой всякаго, кто будетъ стоять за винов-

---

1) Сл. выше стр. 162—63.

ность Бьянчифьоре; побѣда за нимъ, онъ вернетъ дѣвушку отцу, а самъ вернется въ Монторіо, гдѣ возжетъ огни на алтаряхъ Марса и ея, а она, явившись ему воочію, увѣнчанная миртомъ и лавромъ, увѣнчаетъ его, какъ побѣдителя.

Флоріо проснулся въ слезахъ; въ правой рукѣ у него мечъ;
тусклый цвѣтъ перстня подтвердилъ ему правдивость видѣнія. |
Онъ предается страшному горю, но принимаетъ веселый видъ, 207
когда къ нему пришелъ герцогъ и разсказалъ о празднествахъ
Марморины, ни словомъ не упомянувъ объ эпизодѣ съ Бьянчифьоре. Флоріо догадывается, что̀ онъ скрываетъ; вечеромъ шутитъ и смѣется въ его обществѣ, а самъ разсчиталъ напередъ всѣ часы ночи и, когда всѣ улеглись, стучится къ Аскальоне и проситъ у него оружіе и коня: онъ все узналъ изъ откровеній Венеры, вотъ и ея мечъ. Аскальоне пытается удержать его: Ты слишкомъ молодъ для битвы, пусть Бьянчифьоре понесетъ заслуженное наказаніе; не стоитъ сражаться изъ-за худородной женщины. Флоріо отвѣчаетъ гнѣвно: Не ты ли самъ говорилъ мнѣ не разъ, что Бьянчифьоре изъ хорошаго римскаго рода? Она благородна уже потому, что полна добродѣтелей. Гнѣва отца я не боюсь: я бы даже желалъ сразиться съ нимъ, преступнымъ, и послать его на берега Ахеронта, онъ заслужилъ того своей жестокостью. Я молодъ, но молоды были и Ахиллъ и Евріалъ, и было бы неразумно отвернуться отъ Фортуны, милостиво обращающей на меня лицо свое. — Дивится Аскальоне мужественнымъ рѣчамъ юноши и увѣряетъ, что говорилъ такъ лишь для того, чтобъ испытать его; онъ самъ будетъ ему помощникомъ, готовъ сражаться за него, неопытнаго, и никогда не оставитъ. Но Флоріо хочетъ самъ быть защитникомъ той, кого любитъ; Аскальоне снаряжаетъ его, даетъ совѣты, какъ держаться въ единоборствѣ, цитуя въ примѣръ грековъ и троянцевъ, Аннибала и Протезилая, и Флоріо быстро входитъ въ роль: пока вооружается Аскальоне, онъ бѣгаетъ и прыгаетъ и на кого-то нападаетъ, поднимая и опуская копье. — Они отправляются въ путь при свѣтѣ луны; Флоріо молится богамъ: Марсу, «вождю небес-

ныхъ силъ», Венерѣ и Астреѣ, праведный мечъ которой его отецъ готовится обагрить невинной кровью.

Бьянчифьоре въ мрачной тюрьмѣ, не знаетъ, чѣмъ она провинилась, пугается всякаго шороха; ея воображеніе полно страшныхъ образовъ, она плачется на судьбу, на боговъ, на Флоріо, который, очевидно, забылъ ее; онъ навѣрно увлекся одной изъ
208 тѣхъ красавицъ Монторіо, которыя поютъ и веселятся, разутыя, у прозрачныхъ источниковъ, либо на лугахъ, увѣнчанныя зеленью [1]). Если онъ не забылъ ее, почему не явится на помощь? Послать бы сказать ему, — но друзья удалились вмѣстѣ со счастьемъ. — Она взываетъ къ Венерѣ, и богиня предстала ей въ сіяніи, на нее наброшено лишь пурпурное покрывало, она увѣнчана лаврами, въ рукахъ вѣтвь Паллады. Бьянчифьоре бросается на колѣни, а богиня говоритъ ей, что вся вина ея въ томъ, что она и Флоріо — ея служители; но спасеніе близко.

При дворѣ всѣ говорятъ объ осужденіи Бьянчифьоре, подозрѣвая коварство короля и сенешаля, но никто не рѣшился выступить въ ея защиту. Король и королева, внутренно довольные, съ виду печальны; въ ночь передъ казнью Феличе не спится, проклятыя мысли не даютъ ему покоя, и онъ пускается въ риторику: солнце пошло, очевидно, на обратный путь, что такъ долго не настаетъ день; это Бьянчифьоре своими молитвами задержала ночь, но на алтарѣ бога, котораго она молитъ, никогда не принесутъ ради нея жертвы. Явись же, о Аполлонъ, въ объятія твоей Авроры: ты видѣлъ преступленія Атрея и Тіэста, Ликаона и Прокны и т. д., и тебя нечего бояться, если я предамъ огню невинную дѣвушку: она не первая, не будетъ и послѣдней. — Судьи, созванные на другой день, боятся произнести неправедный приговоръ и желаютъ выслушать обвиняемую, но король говоритъ, что этого не нужно, потому что преступленіе очевидно, и велитъ осудить Бьянчифьоре на свой страхъ. Когда ее вывели, и она услышала смертный приговоръ, пустилась въ слезы и рас-

1) Сл. выше стр. 203, прим. 1.

терзала бы себя, не будь у нея связаны руки; это удержало ее, и
она сѣтуетъ молча: видно она наказана за то, что была невольной
причиной смерти отца и матери; за то, что относилась къ королю
съ любовью и преданностью; за свою красоту, которую она иска-
зила бы, слѣдуя примѣру римскаго юноши Спурины, если бы |
знала, чему она будетъ причиной. Она взываетъ къ богамъ и мо- 209
литъ Венеру.

Когда ее ведутъ на казнь, и она увидѣла короля и королеву, смотрѣвшихъ на нее изъ окна дворца, ея горе усилилось, она пытается говорить: боги да простятъ имъ ея смерть! Но сенешаль подгоняетъ палкой ея стражей, она плачетъ и идетъ, потупивъ глаза, сѣтуя на Флоріо. У королевы явилось раскаяніе: она охотно все бы измѣнила, если бы то согласно было съ достоинствомъ короля. Всѣ въ Марморинѣ жалѣютъ Бьянчифьоре, желаютъ ей скорой помощи, и помощь явилась: Бьянчифьоре видитъ издали двухъ всадниковъ, ей кажется, что одинъ изъ нихъ — Флоріо, и она начинаетъ бодриться.

Прибывъ къ мѣсту до разсвѣта, Флоріо и Аскальоне спѣшились, привязали лошадей и легли отдохнуть. Что ты дѣлаешь, Флоріо? Не поступаешь ли ты противъ законовъ любви? Развѣ не знаешь ты, что́ такое сонъ? Что если ты заспишься, и она погибнетъ?—А Флоріо снится, будто онъ уже освободилъ ее, и она сама разсказываетъ ему о томъ, въ прелестномъ саду, гдѣ оба они сидятъ, забавляются и поютъ и цѣлуютъ другъ друга. Такъ было съ Флоріо, который и во снѣ старался не заснуть, когда на громадномъ конѣ явился чудесно вооруженный всадникъ, высокій ростомъ, свирѣпый видомъ, красный, съ большой бородой, окруженный такимъ свѣтомъ, что, казалось, онъ былъ въ огнѣ. Это Марсъ, посланный Венерой; онъ будитъ Флоріо, вручаетъ ему лукъ и стрѣлу, никогда не минующую цѣли; пусть не отдаетъ ее никому, иначе съ нимъ можетъ приключиться то же, что съ Прокрисъ. А теперь позови товарища и поѣдемъ. — Флоріо будитъ Аскальоне, и они вмѣстѣ ѣдутъ за Марсомъ: Аскальоне видитъ не его, а лишь красное сіяніе. Теперь я вѣрю, что къ

тебѣ благоволятъ боги, говоритъ онъ Флоріо, узнавъ, въ чемъ дѣло. Всѣ, собравшіеся на мѣстѣ казни, дивятся этому сіянію; чуя что-то недоброе, сенешаль усматриваетъ въ немъ знаменіе, что боги готовятъ помощь Бьянчифьоре, но храбрится съ виду,
210 какъ Кассій въ Македоніи передъ призракомъ Цезаря. | Подскакавъ къ пріѣзжимъ рыцарямъ, онъ приказываетъ имъ попятиться, но Марсъ говоритъ Флоріо, чтобы онъ не трогался съ мѣста. Между нимъ и сенешалемъ происходитъ перебранка, Флоріо прослезился подъ забраломъ при видѣ Бьянчифьоре, велитъ служителямъ развязать ее, проситъ ее разсказать, что съ ней было; онъ — другъ ея милаго и готовъ биться за нее съ сенешалемъ или съ кѣмъ другимъ. Въ толпѣ одобряютъ незнаемаго рыцаря; одинъ изъ судей распорядился повременить казнью, посылаетъ извѣстить короля. Сенешаль бранится, обвиняя Флоріо во лжи; его приказъ служителямъ — тотчасъ же бросить Бьянчифьоре въ огонь — остановленъ Флоріо; разгнѣванный Массамутино наѣзжаетъ на него, грозитъ ему такой же карой, но Флоріо сбилъ его съ сѣдла ударомъ кулака и готовится ввергнуть въ костеръ. Когда сенешаля освободили, онъ спѣшитъ съ докладомъ къ королю: проситъ у него новаго коня и вооруженія, пусть дозволитъ ему вступить въ бой съ незнакомымъ витяземъ; онъ надѣется на побѣду. Король клянетъ боговъ, помѣшавшихъ его намѣренію, хочетъ отложить бой до завтра, ибо сенешаль усталъ; но это невозможно: тотъ рыцарь не отпуститъ дѣвушки, да и въ народѣ всѣ выражаютъ къ ней сочувствіе; Массамутино отправится на поединокъ и распорядится, чтобы Бьянчифьоре сожгли, пока онъ будетъ биться.

Между тѣмъ Флоріо утѣшаетъ недоумѣвающую дѣвушку. Что съ Флоріо? спрашиваетъ она, — а онъ говоритъ ей, что еще вчера видѣлъ его, что онъ попрежнему ей вѣренъ, и самъ бы явился сюда, если бы не удержали его просьбы друга: вѣдь онъ умеръ бы, увидѣвъ тебя въ такомъ положеніи. — Когда явился на поле Массамутино, Бьянчифьоре ощутила страхъ Икара, когда онъ почувствовалъ, что воскъ его крыльевъ топится. Флоріо по-

ручаетъ ее охранѣ товарищей, Марсъ дохнулъ на него, отправляя
въ бой, и, когда служители сенешаля готовились схватить Бьян-
чифьоре, скрываетъ ее въ своемъ сіяніи. Сенешаль сбитъ съ
коня, чувствуетъ, что ему приходится бороться не съ здѣшней
силой; онъ срубилъ голову коню Флоріо, поранилъ его мечемъ,
бѣжитъ, но стрѣла настигаетъ его и поражаетъ смертельно.
Флоріо схватилъ его | за бороду, доволочилъ до Бьянчифьоре, 211
обагряя поле его кровью, заставилъ признаться въ преступленіи:
оказывается, что онъ мстилъ дѣвушкѣ за отверженную любовь;
онъ ничего не проговорился о королѣ, ибо надѣялся, что ему со-
хранятъ жизнь, но, по требованію Марса и народа, Флоріо бро-
саетъ его въ костеръ.

Король притворно радуется, что Бьянчифьоре оказалась невинной, и усматриваетъ особое покровительство боговъ въ томъ, что они наказали преступника. Когда Флоріо ведетъ Бьянчифьоре во дворецъ, она поражена этимъ: вѣдь тамъ ожидаютъ ее еще большія опасности; почему не поѣдетъ онъ съ нею въ Монторіо?— Такова воля боговъ, чтобы ты отдана была королю, дабы онъ позналъ свой проступокъ; а Флоріо вскорѣ прибудетъ къ тебѣ.— Явившись во дворецъ, незнакомый рыцарь поручаетъ освобожденную красавицу, отъ имени Флоріо, королю, прося его не измышлять болѣе предлоговъ, которые и неправедное наказаніе могутъ представить заслуженнымъ; вѣдь истина въ концѣ все же объявится, и ты будешь обезславленъ.—Король привѣтствуетъ Бьянчифьоре любовно, говоритъ, что виновенъ въ приговорѣ лишь настолько, насколько правосудіе помѣшало ему быть сострадательнымъ. Флоріо отказывается сказать, кто онъ, смотритъ сквозь слезы на Бьянчифьоре, велитъ ей мужаться ради любви къ Флоріо и уѣзжаетъ. Марсъ разстается съ нимъ на томъ мѣстѣ, гдѣ впервые объявился, и всѣ падаютъ ницъ передъ исчезающимъ богомъ. Въ Монторіо они приносятъ жертвы въ храмѣ Марса и Венеры; побѣдный вѣнецъ, который богиня возлагаетъ на Флоріо, онъ кладетъ на ея алтарь. — Въ Марморинѣ, гдѣ королева въ самомъ дѣлѣ обрадована спасеніемъ Бьянчифьоре, онѣ

вмѣстѣ посѣщаютъ всѣ храмы; забыта, по ошибкѣ, одна лишь Діана; ея гнѣвъ обновляетъ въ послѣдующемъ развитіи романа элементъ верховнаго вмѣшательства, какимъ представлялась въ началѣ исконная вражда Плутона.

Флоріо вернулся къ себѣ веселый: казалось, судьба улыбнулась ему, и, въ надеждѣ на лучшее, онъ не избѣгаетъ развлеченій. Но Фортуна поспѣшила обратить на него свое мрачное лицо. |
212 Однажды, когда онъ гулялъ въ саду, видъ бѣлаго цвѣтка, выросшаго среди густыхъ терній, вызвалъ въ немъ воспоминаніе о милой: цвѣтку не разростись среди терній, Бьянчифьоре не избѣгнуть опасностей. Онъ боится коварства отца, снова упрекаетъ себя въ малодушіи, что оставилъ боязливую овечку среди кровожадныхъ волковъ; ревнуетъ отъ избытка любви; увы, какъ печальна жизнь влюбленнаго, живущаго въ такихъ опасеніяхъ [1]).— Какъ-то разъ, послѣ безсонной ночи, онъ не вышелъ изъ комнаты, и герцогъ пришелъ посѣтить его; увидѣвъ его блѣднымъ и измѣнившимся, онъ проситъ его, во имя дружбы, повѣдать ему свое горе. Флоріо говоритъ ему, какъ съ отроческихъ лѣтъ онъ увлекся Бьянчифьоре, и это увлеченіе перешло въ любовь, которую поддерживалъ ясный лучъ, проникавшій изъ ея очей въ его очи. Теперь онъ удаленъ отъ нея, боится за ея жизнь, ему кажется, что его сердце залито моремъ ея слезъ.— И онъ падаетъ на постель, его лицо стало цвѣта земли или пепла.— Самъ герцогъ не удержался отъ плача, но утѣшаетъ Флоріо: столь благородное чувство, какъ любовь, не должно порождать такого угнетеннаго состоянія духа; Флоріо слѣдовало бы веселиться: вѣдь онъ не только любитъ, но и любимъ; тутъ нѣтъ мѣста ревности; къ тому же за нимъ помощь боговъ и чудеснаго кольца; боги пекутся объ его счастьи и, можетъ быть, не безъ причины держатъ его въ разлукѣ съ его милой. Утѣшенія перемежаются риторическими общими мѣстами (будто отецъ потому преслѣдуетъ Бьянчифьоре, что Флоріо ведетъ изъ-за нея печальную жизнь), и

---

1) Сл. Filostrato, VII, 18.

афоризмами: что сладкій плодъ любви нельзя вкусить безъ нѣкоторой горечи, и желаемое тѣмъ милѣе, чѣмъ дольше его добивались. Если бъ я былъ на твоемъ мѣстѣ, продолжаетъ герцогъ, я, напротивъ, сталъ бы веселиться, чтобы увѣрить отца, что охладѣлъ къ Бьянчифьоре. — Флоріо согласенъ послѣдовать дружескому совѣту, но его веселье внѣшнее; когда онъ одинъ, его мысли попрежнему отданы Бьянчифьоре; какъ у Троила [1]), у него | являются приливы рѣшимости: похитить свою милую; если 213
это будетъ непріятно отцу, то такъ и быть: это лучше, чѣмъ мнѣ самому умереть съ тоски; у отца горе пройдетъ, либо оно убьетъ его; зачѣмъ только не убило оно его ранѣе! Я такъ и сдѣлаю; конецъ — всему дѣлу вѣнецъ (cosa fatta capo ha); вѣдь въ случаѣ неудачи отецъ развѣ изгонитъ меня? Міръ великъ, а Кадмъ, Дарданъ и Сикулъ прославились на чужбинѣ. Я такъ сдѣлаю. — И затѣмъ онъ снова принимается плакать, по цѣлымъ днямъ не вставая съ постели. Герцогъ и Аскальоне не рѣшаются оповѣстить отца и, вмѣстѣ, боятся не оповѣстить его; однажды, когда они бесѣдовали о Флоріо, Аскальоне подалъ мысль отвлечь Флоріо отъ его любви, соблазнивъ его тѣми наслажденіями, которыхъ онъ не испыталъ съ Бьянчифьоре, и до которыхъ падки молодые люди. Герцогъ сомнѣвается въ успѣхѣ: что пользы въ томъ, что? отвязавъ его отъ одного мѣста, мы привяжемъ его къ другому, Новыя раны излѣчиваются скорѣе, чѣмъ застарѣлыя, отвѣчаетъ Аскальоне, и герцогъ соглашается. — Намѣтивъ двухъ дѣвушекъ, отличавшихся красотою и бойкимъ словомъ и влюбленныхъ въ Флоріо, онъ пригласилъ ихъ къ себѣ, какъ бы на праздникъ, говоритъ, что, желая женить Флоріо, онъ остановилъ свой выборъ на нихъ, и если одной изъ нихъ удастся отвлечь его отъ поглощающей его мысли, она станетъ его женой. Дѣвушки, Эдея и Кальмена, выражаютъ сомнѣніе: онѣ — неровни Флоріо, не богаты, боятся глумленія и стыда, но герцогъ завѣряетъ ихъ, что онъ не покушается на ихъ честь и сдержитъ свое слово. Пусть при-

---

1) Filostrato, IV, 144—5, V, 4—5.

нарядятся и пойдутъ въ садъ, а подъ вечеръ, когда Флоріо явится туда, попытаются увлечь его. Онѣ нарядились, прозрачныя ткани едва прикрываютъ ихъ члены; усѣвшись у источника, онѣ бесѣдуютъ о Флоріо и поютъ. Флоріо вышелъ въ садъ, погруженный въ печальныя думы, и направился къ своему бѣлому цвѣтку среди терній, когда услышалъ любовную пѣсню. Что это? спрашиваетъ онъ себя и растерянно останавливается, завидѣвъ красавицъ. Боги да исполнятъ всякое ваше желаніе! отвѣчаетъ онъ на ихъ привѣтъ. — Боги уже исполнили его, коли ты
214 изъявишь на то свое | согласіе! — Почему же перестали вы пѣть? — Намъ нѣтъ большаго удовольствія, какъ бесѣдовать съ тобой, говорятъ онѣ; онѣ затѣмъ и отстали отъ своего общества, чтобы увидѣть его. Флоріо хорошо съ ними, онъ любуется ими, заводитъ бесѣду о любви; одна склонила голову къ нему на грудь, другая обвила его шею рукою; ему позволяютъ и большія откровенности глаза и осязанія, такъ что онъ самъ дивится. Бьянчифьоре забыта, и они дошли бы до бо́льшаго, если бъ «вѣрный Амуръ» не помогъ его сердцу своей стрѣлою. Отчего ты такъ блѣденъ? спрашиваетъ Флоріо Кальмена, и онъ тотчасъ же опомнился: Что это я дѣлаю? Потупивъ глаза въ землю, онъ начинаетъ упрекать себя, что могъ такъ забыть Бьянчифьоре, сторонится отъ дѣвушекъ, ушелъ бы тотчасъ, если бы не боялся учинить имъ стыдъ. Онѣ упрашиваютъ его, ласкаютъ, увѣряютъ въ своей любви; но онѣ не любятъ его, никогда не любили вообще, ибо любовь стыдлива въ первыхъ своихъ проявленіяхъ: даже Пазифая начала съ того, что приласкала быка, подманивъ его нѣжной травкой [1]). Дѣвушки плачутъ, упрекаютъ его въ жестокости, просятъ хотя бы поцѣлуя; но именно его уста ему всего дороже, не будь онъ отданъ другой, онъ непремѣнно избралъ бы одну изъ нихъ. — Онъ проситъ оставить его, и онѣ удаляются, чувствуя, что пристыжены подѣломъ.

---

1) Сл. Filocolo, II, стр. 78, съ тѣмъ же объясненіемъ, и Amorosa Visione XXII, 10 слѣд. = Ovid. Art. Am., I, 245 слѣд.

Когда герцогъ и Аскальоне, узнавъ, какъ было дѣло, явились
къ Флоріо, онъ сидитъ, опустивъ на руку бѣлокурую голову, и
не замѣчаетъ ихъ. Гдѣ ты теперь, влюбленный юноша? спраши-
ваютъ они его, дернувъ за руку; онъ смотритъ на нихъ, не
отвѣчая, точно ошеломленный, молитъ оставить его съ самимъ
собою. Ты съ ума сошелъ! говорятъ ему его пріятели, а онъ
разсказываетъ имъ, что за жизнь онъ влачитъ по милости любви;
особенно одолѣваетъ его ревность: дѣвушки непостоянны; вѣдь и
боги, не только что онѣ, склоняются къ мольбамъ; къ | тому же 215
говорятъ, что женщины по природѣ избираютъ худшее. Все это
мучитъ меня; если вамъ дорога моя жизнь, не отнимайте у меня
возможности—предаваться моимъ мыслямъ.—Но для этого надо
жить, воспрянь же духомъ и развеселись, чтобы тебѣ можно
было — мечтать, говорятъ ему его совѣтчики, и Флоріо обѣ-
щаетъ послѣдовать ихъ совѣту. Показались уже звѣзды, когда
они покинули садъ.

Слѣдующій затѣмъ эпизодъ о Филено [1]) — первый пространный эпизодъ, введенный Боккаччьо въ составъ романа; до сихъ поръ измѣненія противу подлинника касались частностей, стиля и эпическихъ мотивовъ. Разсказъ о Филено какъ бы отвѣчаетъ подозрѣніямъ Флоріо, что женщины всегда избираютъ худшее. Филено явился ко двору Феличе, вскорѣ послѣ суда надъ Бьянчифьоре, и влюбился въ нее, не зная ея отношеній къ Флоріо. Король и королева поощряютъ эту любовь. Бьянчифьоре отвѣчаетъ Филено и глядитъ на него лишь въ ихъ присутствіи, въ угоду имъ, вздыхая, что̀ Филено принимаетъ на свой счетъ; въ присутствіи королевы и съ ея поощренія онъ выпрашиваетъ у Бьянчифьоре ея вуаль, который возлагаетъ на себя, какъ значекъ, на турнирѣ («празднествѣ Марса»), изъ котораго выходитъ побѣдителемъ. Онъ увѣренъ, что дѣвушка къ нему расположена и, явившись въ Монторіо, разсказываетъ въ обществѣ герцога о

---

1) Сл. выше стр. 161—2.

турнирѣ и своей любви, причемъ неосторожно назвалъ Бьянчифьоре. Слышалъ это Флоріо, измѣнился въ лицѣ и тихо вышелъ; снова вернувшись, онъ дружелюбно подошелъ къ Филено, взялъ подъ руку и повелъ въ свою комнату, чтобы точнѣе разузнать отъ него, чего въ сущности не хотѣлъ бы знать. Мнѣ сдается, ты влюбленъ, спрашиваетъ онъ его послѣ многаго другого. Тотъ отвѣтилъ утвердительно. — А любитъ ли тебя та, которую ты любишь? — Да, говоритъ Филено и, по просьбѣ Флоріо, указываетъ на признаки: робкіе взгляды и горячіе вздохи, подарки, радость, которую красавица обнаруживаетъ при
216 всякой | его удачѣ. Онъ показываетъ Флоріо вуаль. Да, это признакъ вѣрный, замѣчаетъ Флоріо; но этого ему еще недостаточно: онъ допытывается имени — и узнаетъ его. Да, тебя дѣйствительно любятъ, говоритъ онъ, не измѣнившись въ лицѣ, но мой совѣтъ — любить разсудительно, не давая Амуру такъ овладѣть собою, чтобы не быть въ силахъ отдѣлаться отъ него, какъ то сталось со мною. Я любилъ и люблю дѣвушку, она подарила мнѣ это кольцо — и отдалась другому, а я не могу отстать отъ любви. Ты счастливѣе всѣхъ другихъ, отвѣчаетъ онъ на завѣреніе Филено, что его милая постоянна.

За обѣдомъ Флоріо ничего не ѣстъ; удалившись къ себѣ, бросается на постель и плачетъ, упрекая Бьянчифьоре. Онъ былъ такъ постояненъ въ любви; ужъ не потому ли она отдалилась отъ него, что боялась неравенства положеній? Но вѣдь сама она происходитъ отъ римскихъ императоровъ. Далѣе этотъ аргументъ замѣненъ другимъ: Парисъ забылъ Энону для Елены, потому что всякій предпочтетъ грубой крестьянкѣ царицу, происшедшую отъ безсмертныхъ боговъ, — но вѣдь Бьянчифьоре покинула его для простого рыцаря. Счастливъ тотъ, кто не испыталъ счастья, ибо лишь его утрата причиняетъ горе. Флоріо дивится, что его перстень не измѣнился, какъ измѣнилось сердце его милой; вынувъ ножъ, подаренный ему Бьянчифьоре, онъ помышляетъ о самоубійствѣ, когда Венера насылаетъ на него сонъ. Начало его вспомнилось Боккаччьо при аллегорическомъ изображеніи Амура

въ Любовномъ Видѣніи[1]): на лугу—вѣнчанный повелитель, въ рукахъ у него лукъ и двѣ стрѣлы, золотая и свинцовая; онъ сидитъ на двухъ орлахъ, ноги покоятся на двухъ львахъ, за спиной—громадныя золотыя крылья. По правую сторону его стоитъ на колѣняхъ прелестная женщина и какъ бы молится: это Бьянчифьоре; по лѣвую—бурное море, корабль безъ вѣтрилъ, а на немъ Флоріо, обнаженный, съ завязанными глазами, тогда какъ страшный
черный призракъ, выйдя изъ моря, схватился | за корму и гро- 217
зится потопить судно. Флоріо взмолился къ Амуру, и ему чудится, что повязка съ него спала, чудесная красавица, покрытая лишь прозрачнымъ вуалемъ, явилась ему, велитъ отогнать тотъ мрачный духъ, подаетъ ему мечъ и вѣтвь оливы: Я—твоя Бьянчифьоре, на которую ты такъ жалуешься, не зная истины, говоритъ она,—и Флоріо кажется, что онъ легко бѣжитъ по волнамъ и поражаетъ огненнымъ мечемъ чудовище. Море успокоилось, обрадованный Флоріо принимается за исправленіе снастей; тутъ онъ очнулся, возлѣ него вѣтка оливы и обнаженный ножъ, которымъ онъ хотѣлъ заколоться. Онъ оставилъ мысль о смерти и обождетъ, что скажетъ Бьянчифьоре на его письмо, гдѣ онъ говоритъ ей о своей любви, отъ которой не отвратили его ни соблазны, ни приставанье родителей — женить его на другой; а она оказалась непостоянной! Онъ упоминаетъ имя Филено и снова ставитъ вопросъ: не потому ли отвергла она его, что онъ неровня ей, ведущей свой родъ отъ римскихъ властителей? Но вѣдь Филено—простой рыцарь? А кто будетъ любить тебя такъ, какъ я? спрашиваетъ онъ; если онъ увѣрится въ своихъ подозрѣніяхъ, ему жить недолго; онъ велитъ написать на своей гробницѣ: здѣсь покоится Флоріо, погибшій отъ любви къ Бьянчифьоре, и на томъ свѣтѣ вѣчно будетъ преслѣдовать ея душу. Пусть проститъ его, если въ письмѣ онъ сказалъ ей непріятное: онъ писалъ, побуждаемый любовью; онъ ждетъ ея письма, а до тѣхъ поръ ея ножъ не выйдетъ у него изъ рукъ.

1) Amorosa Visione, c. XV.

Когда служитель Флоріо явился къ Бьянчифьоре, она разспросила его о его господинѣ и узнаетъ, что онъ вздыхаетъ по ней; взявъ письмо, она возложила его себѣ на голову и тысячу разъ поцѣловала. Прочтя первую его часть, она не можетъ удержаться отъ слезъ; то ей кажется, что она не поняла его, то вѣрится, что Флоріо пишетъ серьезно. Онъ, видимо, глумится надо мной, говоря о моей знатности; вѣдь я рабыня его и его отца, осмѣлившаяся полюбить его за его красоту и доблесть. Или онъ испытываетъ меня, либо, обвиняя меня, отводитъ глаза, дабы я не имѣла повода обвинить его — въ любви къ другой. Все это
218 она выражаетъ въ | письмѣ къ нему, объясняетъ свои отношенія къ Филено, проситъ не грустить болѣе и надѣяться, избѣгая ненужнаго бездѣлья и не уклоняясь отъ дозволенныхъ удовольствій; и пусть не пишетъ ей подобныхъ писемъ, не тревожитъ ея душу, готовую къ смерти, ибо если у Флоріо ножъ, у ней наготовѣ петля.

Флоріо читаетъ, лежа на постелѣ, письмо Бьянчифьоре; разныя мысли ходятъ у него въ головѣ, пока онъ не остановился на одной, тревожной. Боккаччьо вспомнилось здѣсь описаніе обители Зависти въ Метаморфозахъ Овидія [1]), но онъ не подражаетъ ему, какъ Guillaume de Lorris [2]), а пользуется его чертами, чтобы изобразить мрачное жилище Ревности, — и не теряетъ въ сравненіи съ древнимъ поэтомъ: его Ревность реальнѣе, въ ней жизнь осилила аллегорію.

Мы уже знаемъ, что Діана гнѣвается на Бьянчифьоре за то, что она забыла ее въ своихъ жертвахъ. И вотъ, готовясь отомстить ей, она спѣшитъ къ обиталищу холодной Ревности: она живетъ на высочайшихъ скалахъ Апеннинъ, въ темной пещерѣ, окруженной снѣгомъ, кругомъ никакихъ растеній, кромѣ терній и крапивы, ни одной весенней птицы, только кукушка да сова. Лишь только богиня постучалась въ дверь, какъ послышался

1) II, 760 слѣд.

2) Roman de la Rose, v. 235—90.

изнутри собачій лай, старуха глянула въ скважину и спросила грубымъ голосомъ: Кто тамъ? Узнавъ богиню, она, тихо ступая, не безъ труда открыла роковыя двери, скрипъ которыхъ слышенъ былъ у подножья горы; заперевъ ихъ съ такимъ же скрипомъ, она провожаетъ гостью, оберегая ея бѣлое одѣяніе отъ голодныхъ псовъ, у которыхъ можно было пересчитать всѣ кости, гонитъ ихъ хриплымъ голосомъ и палкой, на которую опиралась. Внутри все заткано паутиной, слышна буря, будто сталкиваются и рушатся горы; стѣны одѣты влажнымъ, точно плачущимъ мохомъ; тамъ царитъ вѣчная зима, только въ углу немного золы и двѣ полутлѣющія головни, около которыхъ грѣлась тощая кошка. Ревность—худая, вялая, блѣдная старуха, | съ косыми глазами, 219
красными отъ постоянныхъ слезъ; кутаясь въ черныя одежды, она сидитъ и дрожитъ у огня, порой хватаясь за мечъ, чтобы попугать имъ кого-то; ея сердце такъ бьется, что его колыханіе можно замѣтить подъ платьемъ; она не знаетъ сна и покоится на порогѣ, между двухъ псовъ.

Къ ней-то Діана обращается съ просьбой: отправиться къ Флоріо, поселить въ немъ недовѣріе къ его милой, внушить, что онъ обманутъ. Принявъ новый образъ, старуха спѣшитъ къ юношѣ, который все еще размышляетъ о письмѣ; онъ вѣритъ, что Бьянчифьоре его любитъ. Лишь только Ревность коснулась его груди, его мысли измѣнились: Бьянчифьоре написала ему такъ не отъ любви, а отъ страха; огонь питаетъ тихій вѣтерокъ, любовь — нѣжные взгляды, а меня нѣтъ съ нею! Она любитъ Филено, и я отомщу ему. — Онъ начинаетъ припоминать все, бывшее между нимъ и Бьянчифьоре съ пріѣзда Филено, все толкуетъ въ дурную сторону, а тотчасъ же ищетъ оправданій; передумываетъ средства, которыя пускаются въ ходъ для достиженія извѣстной цѣли, и увѣренъ, что Филено испыталъ ихъ, что онъ готовъ увезти Бьянчифьоре, съ ея согласія, посватался за нее. Нѣтъ, этого не можетъ быть, я заблуждаюсь, вѣдь обо всемъ этомъ я что-либо да услышалъ бы! Бьянчифьоре невинна, но какъ знать, что будетъ? — И онъ рѣшается вернуться въ

Марморину: либо онъ убьетъ Филено, либо заставитъ его удалиться.

О любовь, прелестнѣйшая страсть для тѣхъ, кто счастливъ твоими благами, полная страха и тревогъ, кто бы могъ подумать, что твой сладкій корень производитъ столь горькій плодъ, какъ ревность! Рожденная отъ одного съ тобою начала, она враждебна тебѣ, и несчастнѣйшимъ изъ несчастныхъ можно почесть того, кто спознался съ нею.

Діана знаетъ о рѣшеніи Флоріо и, желая спасти Филено, спѣшитъ къ обители Сна, которую Боккаччьо изобразилъ, снова подражая Овидію [1]). По просьбѣ богини, властитель Сна шлетъ
220 къ Филено | нѣсколькихъ изъ своихъ сыновей, — и вотъ Филено представляется въ сновидѣніи, будто его пріятель предупреждаетъ его: Флоріо разгнѣванъ на тебя за Бьянчифьоре, хочетъ убить тебя, сейчасъ явится; бѣги! Ему кажется, что Флоріо уже здѣсь, а самъ онъ смертельно раненъ. — Когда на слѣдующій день Филено разсказалъ свой сонъ пріятелю, тотъ пораженъ: боги явно покровительствуютъ тебѣ, говоритъ онъ, я самъ слышалъ въ Монторіо, что Флоріо жаждетъ твоей смерти. Пріятель также совѣтуетъ бѣгство, и Филено рѣшается на это, чтобы въ изгнаніи жить надеждой; его другъ пусть останется и дастъ ему знать, когда ему можно будетъ вернуться.

Путешествіе Филено нѣсколько странное, запутанное; онъ посѣщаетъ послѣдовательно Падую, Венецію, Равенну, Мантую, Флоренцію, Кьузи, Римъ, Гаэту, Поццуоли, Байи и Неаполь; Самній (куда уѣзжала, какъ мы помнимъ, Марія-Фьямметта) [2]), Капую, Сульмону, Перуджію и наконецъ — Чертальдо. Обозначеніе городовъ частью описательное: Падуя — городъ Антенора; примѣшиваются классическія и средневѣковыя городскія легенды; у Филено такая же жилка антикварія, какую увидимъ и у Флоріо:

---

1) Metam., XI, 592 слѣд.; сл. De Gen. Deor., I, 31, и описаніе обители Сна у Стація, Theb., X, 85 слѣд.

2) Сл. выше стр. 129.

Римъ приводитъ его въ восхищеніе. Чертальдо также названъ иносказательно: дубовый лѣсъ, cerreto, на верху горы; здѣсь останавливается и остается сѣтовать Филено, — и введенъ уже разобранный нами [1]) автобіографическій эпизодъ: о печальномъ странникѣ изъ Неаполя, Боккаччьо, подслушавшемъ жалобы Филено и утѣшающемъ его разсказомъ о своей несчастной любви. Эпизодъ этотъ могъ быть написанъ лишь послѣ разрыва съ Фьямметтой, но, какъ сказано выше [2]), это не даетъ права заключить, что и все слѣдующее написано позже: разсказъ о Филено совершенно мыслимъ безъ нѣсколько внѣшняго появленія странника, и легко представить себѣ, что эта подробность была внесена позднѣе въ готовое положеніе. |

Услышавъ о бѣгствѣ Филено, Флоріо ободрился, но Діана 221
недовольна; она готовитъ новыя препятствія и, представъ на охотѣ королю, говоритъ ему: Ты предаешься удовольствіямъ, а твой сынъ гибнетъ отъ любви къ живущей у тебя дѣвушкѣ; если ты не примешь мѣръ, она похититъ его у тебя. Съ этими словами она исчезла, а Феличе, пораженный видѣніемъ, совѣтуется съ женой: Что ему дѣлать? Эта негодница опоила его какимъ-нибудь зельемъ. Онъ готовъ убить ее, а жена снова указываетъ ему на болѣе безобидное средство: въ ихъ портъ пришло судно, Бьянчифьоре можно продать купцамъ, увѣрить Флоріо, что она умерла, а для вида устроить ей великолѣпный памятникъ. Посланцы короля разузнали, что прибыли изъ Александріи купцы, Менонъ и Антоній, родомъ изъ Неаполя (изъ крайнихъ предѣловъ авзонійской излучины, по сосѣдству съ Помпеей), ихъ занесла сюда непогода, и они готовятся отплыть, нагрузивъ корабль. Тогда король велитъ предложить имъ, не купятъ ли они у него, за большую цѣну, красавицу-дѣвушку; она провинилась передъ нимъ, онъ пощадилъ ея жизнь ради ея красоты, но не желаетъ оставить ее безъ наказанія. — Купцы явились съ большой казной,

---

1) Сл. выше стр. 161—2.

2) Сл. выше стр. 192.

и Бьянчифьоре выходитъ къ нимъ; королева обманула ее, велѣвъ принарядиться, будто бы для пріѣзда Флоріо. Когда она показалась, покой точно солнцемъ освѣтило; купцы просятъ короля взять себѣ изъ ихъ казны, сколько ему надобно, да сверхъ того дарятъ прекрасный золотой кубокъ, на которомъ искуснѣйшимъ образомъ изображено было эмалью паденіе Трои. Король говоритъ втихомолку купцамъ, чтобы они отплыли немедленно, а Бьянчифьоре объявляетъ, что исполнилъ свое обѣщаніе — выдать ее замужъ: ее повезутъ къ Сардану, властителю древняго Карѳагена, его другу и родственнику. Какъ услышала это Бьянчифьоре, измѣнилась въ лицѣ: она поклялась Діанѣ въ вѣчномъ дѣвствѣ, говоритъ она, богиня разгнѣвается на меня! — Не станетъ гнѣваться, отвѣчаетъ король; да тебѣ надо было сказать мнѣ о томъ прежде. — Глориція будетъ сопровождать ее въ качествѣ служанки. — Бьянчифьоре замѣтила и тайные переговоры |
222 короля, и одежду купцовъ, и предложенную ими казну, и единственную, отпущенную съ нею служанку; такъ по невѣсту не посылаютъ, ее — продали; и она принимается плакать. Король ушелъ, чтобы не смягчиться, купцы взяли Бьянчифьоре изъ объятій полумертвой королевы и отнесли на корабль. Теперь предательство короля стало ей яснымъ, и она отдается сѣтованіямъ, клянетъ жизнь; я люблю и буду любить Флоріо, говоритъ она и — повторяетъ, что говорила и прежде: Ничто такъ не печалитъ меня, какъ потерянное время, когда мы могли пользоваться желаннымъ наслажденіемъ и не воспользовались и даромъ потратили время, полагая, что оно не можетъ не настать; теперь я знаю, что у кого есть досугъ, а онъ дожидаетъ его, навѣрно его пропуститъ [1]). Она плачется на несчастную долю: это у нея въ роду. Ея глаза закатились, руки сжались судорожно, поблѣднѣвъ, она упала навзничь въ объятія Глориціи. Купцы ухаживаютъ за ней, какъ за сестрой, утѣшаютъ ее; она молится Венерѣ и Діанѣ, пока не забылась сномъ.

---

1) Сл. Filocolo, I, стр. 316 (chi tempo ha, e quello attende, quello si perde) = Filocolo, II, стр. 110; сл. выше стр. 201 (= Filocolo, I, стр. 103).

Діана удовлетворена, смѣнивъ гнѣвъ на милость; она сжалилась надъ дѣвушкой; вмѣстѣ съ Венерой она явилась ей во снѣ, вѣщая, что никто не осмѣлится лишить ее того, что она намѣрена соблюсти.

По пути они останавливаются въ Сициліи, тамъ, гдѣ умеръ Анхизъ; нѣкая Сизифа, у которой они пристали, пытается утѣшить Бьянчифьоре: пусть постарается вообразить себѣ, будто она никогда не видала Флоріо; кто тебѣ понравится, тотъ пусть и будетъ тебѣ Флоріо.—Плохо ты знаешь законы любви, возражаетъ ей Бьянчифьоре: кто любитъ, никогда не забываетъ.

После остановки въ Родосѣ у Беллизана, они прибыли въ
Александрію, гдѣ александріецъ Дарій принялъ ихъ съ великимъ
почетомъ. Черезъ нѣсколько дней явился туда эмиръ (ammira-
glio) могущественнаго вавилонскаго царя, отъ имени котораго
онъ управлялъ тою страною. Провѣдавъ о Бьянчифьоре, онъ ку-
пилъ ее, чтобы подарить своему властителю: тотъ сдѣлаетъ ее
старшей | среди своихъ женъ и украситъ ея чело вѣнцомъ Семи- 223
рамиды. Пока она помѣщена въ башнѣ вмѣстѣ съ Глориціей и
другими дѣвушками.

По отъѣздѣ Бьянчифьоре король распорядился соорудить памятникъ, будто бы надъ нею, а подъ нимъ похоронена была въ ея одеждахъ другая дѣвушка. Устроено это было такъ ловко, что всѣ въ городѣ повѣрили смерти Бьянчифьоре, а Флоріо послали сказать, что она больна, и онъ поспѣшилъ бы проститься съ нею. Страшно опечаленный, онъ спѣшитъ въ Марморину къ ночи; коварная мать вышла ему навстрѣчу и на его вопросъ, что̀ съ Бьянчифьоре, молча обняла его, заплакала и ведетъ къ отцу. Онъ въ траурной одеждѣ, знаменіи печали, говоритъ сыну, что Бьянчифьоре удостоилась царствія небеснаго, что Юпитеръ и другіе небожители взяли ее къ себѣ, можетъ быть, завидуя тому благу, которое мы ощущали, любя ее, потому что она того стоила, и ты ее любилъ. Онъ сулитъ сыну другую супругу, говоритъ, что покойница просила ихъ утѣшить его, не велѣла плакать, ибо слезы умалятъ ея блаженство. — Ты убилъ ее, пре-

ступный! кричитъ Флоріо, разодралъ на себѣ одежды и падаетъ замертво, скосивъ глаза и сжавъ кулаки. Онъ проситъ мать повести его къ гробницѣ Бьянчифьоре, и та напрасно молитъ его отложить это посѣщеніе, говоритъ ему о красавицѣ, дочери короля Гранады. Ты обманула меня, восклицаетъ сынъ, безуменъ тотъ, кто избираетъ врачемъ себѣ врага, поразившаго его насмерть! И онъ бросается на гробницу; въ городѣ поднялось общее сѣтованіе, всѣ облеклись въ трауръ, плачъ былъ такой, что не услышанъ былъ бы шумъ битвы боговъ съ гигантами. — У Флоріо выхватили ножъ, которымъ онъ готовился убить себя, и встревоженная мать говоритъ ему: Твоя Бьянчифьоре еще жива! Сынъ не хочетъ вѣрить, его такъ часто обманывали. Тогда, вернувшись во дворецъ, мать открываетъ ему, что̀ они устроили съ Бьянчифьоре. Флоріо приходитъ въ ярость: Безжалостная! говоритъ онъ, другія матери даютъ свободу рабынямъ, люби-
224 мымъ ихъ сыновьями, ты продала въ | рабство свободную женщину, потому что я люблю ее. Въ тебя вселился духъ Прокны и Медеи; но я еще надѣюсь дождаться радостнаго дня, когда вы оба, жестокій старикъ и ты, въ приливѣ собственнаго гнѣва, обремените собою печальныя балки вашего дворца, какъ Арахна. Вы продали Бьянчифьоре; будь она здѣсь, клянусь богами, я изгналъ бы васъ, какъ Юпитеръ изгналъ изъ храма Сатурна, и заставилъ бы испытать горемычное плутаніе по свѣту, на которое я осужденъ. Будь у меня, какъ у васъ, сердце изъ камня, и не бойся я укоровъ совѣсти, я не оставилъ бы васъ въ живыхъ!

Напрасны извиненія матери, которой стало ясно, что̀ она напророчила сама себѣ, когда о родившейся Бьянчифьоре сказала, что она будетъ товаркой и родней ея сыну. Король также припоминаетъ все бывшее со смерти Лелія и убѣждается, что волѣ боговъ не слѣдуетъ перечить. Между тѣмъ Флоріо велитъ позвать Аскальоне и Парменьона, Менедона и Массалина, и сообщаетъ имъ о своемъ рѣшеніи, въ которомъ никто не разубѣдитъ его: онъ отправится на поиски Бьянчифьоре; гдѣ она, онъ не знаетъ, но ея̀ красота ее объявитъ. Онъ проситъ ихъ сопутство-

вать ему, старика Аскальоне — быть ихъ руководителемъ, и тотъ готовъ спуститься съ Флоріо хотя бы въ мрачное царство Плутона. Когда всѣ согласились, онъ объявляетъ обо всемъ отцу: дозволитъ ли онъ, или нѣтъ, онъ все-таки поѣдетъ. Тотъ уже рѣшилъ предоставить его — его судьбѣ; пусть беретъ казну, которую дали ему за Бьянчифьоре, сколько хочетъ отъ его сокровищъ, и прежде всего направитъ путь въ Александрію, куда поѣхали купцы. — Мать проситъ Флоріо погодить отъѣздомъ до болѣе благопріятнаго времени, но онъ удивленъ ея просьбой: Вы такъ глубоко оскорбили меня, что я никогда не прощу вамъ. Она даритъ ему при разставаньи перстень, когда-то принадлежавшій Ярбѣ, королю гетулійцевъ: кто его носитъ, всѣмъ будетъ милъ, не погибнетъ ни въ водѣ, ни въ огнѣ. — Къ обществу Флоріо присоединяется и герцогъ Ферамонте, а Флоріо, не желая быть узнаннымъ, что̀ помѣшало бы ему въ его поискахъ, велитъ называть себя Фило|коло, отъ греческаго philos — любящій и colos: 225
трудъ, трудность; никто болѣе не понесъ *трудовъ* изъ-за *любви*, оттуда принятое имъ имя, странная этимологія котораго всецѣло падаетъ на Боккаччьо. — Принеся жертвы богамъ, они велѣли корабельщикамъ отвести судно въ гавань Алфеи (Пизы), куда направились верхомъ, ибо рѣка была бурная.

Съ четвертой книги романа начинаются странствованія Флоріо-Филоколо. По волѣ судебъ его путь идетъ не прямо, а излучинами: въ Мантую, черезъ Секкію, долину Арно («брата царственнаго Тибра»), къ уединенной долинѣ, съ дубовымъ лѣсомъ на горѣ, куда удалился Филено, и пристаютъ наши путники, испуганные разливомъ горныхъ водъ. Флоріо входитъ въ запущенный храмъ и на алтарѣ, который очищаетъ отъ травы и терній, приноситъ жертву «незнаемымъ богамъ». И далѣе говорится о «незнаемомъ богѣ», который оказывается, однако, Юпитеромъ. Тихій шорохъ слышится въ храмѣ, точно отъ камешковъ, влекомыхъ потокомъ, и голосъ вѣщаетъ, что Флоріо прибудетъ въ Алфею, оттуда, не безъ препятствій, къ Огненному острову (Сицилія) и далѣе туда, гдѣ обрѣтается его милая. «Почти это мѣсто,

ибо отсюда выйдетъ тотъ, кто въ достойныхъ памяти стихахъ объявитъ невѣдающимъ твои приключенія, и имя его будетъ полно благодати». Разумѣется имя Іоанна, т. е. Боккаччьо, который выйдетъ изъ Чертальдо; и на этотъ разъ, какъ въ началѣ романа, говорится о — стихахъ [1]).

Флоріо хочетъ зачерпнуть воды изъ прекраснаго источника, на поверхности котораго видны были двѣ бившія изъ глубины струйки; нѣсколько разъ повелъ онъ въ водѣ чашей, когда воды вздулись, и изъ нихъ послышался голосъ Филено, съ мольбой, не безпокоить его. На вопросъ Флоріо, онъ разсказываетъ исторію своей несчастной любви: онъ тяготился жизнью, и боги услышали его, превративъ въ источникъ. Превращеніе разсказано очень удачно, въ стилѣ Овидія; тѣ струйки исходятъ
226 изъ глазъ Филено, зеленая пелена на водѣ—вуаль | Бьянчифьоре. По просьбѣ Филено повѣдать ему, кто онъ, Флоріо называетъ себя Филоколо и разсказываетъ о горѣ, постигшемъ Флоріо; правда, онъ злоумышлялъ противъ тебя, но теперь боги воздали ему, хотя твое бѣгство было ему непріятно. Это были слова утѣшенія, вовсе не выражавшія дѣйствительныхъ чувствъ Флоріо въ пору бѣгства его соперника.

Флоріо бесѣдуетъ съ своими спутниками о видѣнномъ имъ дивѣ; вотъ до чего доводитъ любовь, и счастливъ тотъ, кто, обходясь безъ нея, живетъ добродѣтельно! Онъ хотѣлъ бы еще болѣе почтить боговъ, обновивъ ихъ храмъ, но Аскальоне убѣждаетъ его оставить это до возвращенія; вѣдь боги не ради нашихъ приношеній творятъ намъ благое, имъ только пріятно выраженіе нашей благодарности.

По мановенію «незнаемаго бога» воды спали, путники, добравшись до Алфеи, сѣли на корабль; но враждебная судьба не покидаетъ Флоріо: на пути разыгралась страшная буря. Флоріо сѣтуетъ на Фортуну и боговъ, плачутъ его спутники, одинъ Аскальоне, какъ человѣкъ бывалый, утѣшаетъ ихъ; на другой

---

1) Сл. выше стр. 192.

день вѣтеръ занесъ ихъ корабль въ гавань древней Партенопе (Неаполь). Здѣсь они пристали у одного пріятеля Аскальоне и принуждены пять мѣсяцевъ ждать наступленія благопріятной погоды. Эта проволочка печалитъ Флоріо; онъ ходитъ на берегъ, смотритъ въ ту сторону, гдѣ живетъ его милая; если бы Нептунъ былъ такъ же свирѣпъ къ тѣмъ людямъ, что подошли къ его твердынѣ съ греческимъ огнемъ (греки подъ Трою), они стояли бы тамъ и понынѣ.

Настала весна, солнце вступило въ созвѣздіе Близнецовъ (май), когда Флоріо проснулся однажды подъ впечатлѣніемъ страннаго сна. Аскальоне успокоиваетъ его, приглашаетъ развлечься; они идутъ гулять и привлечены въ общество Фьямметты, вершающей въ саду вопросы любви. Какъ содержаніе сна, такъ и весь эпизодъ любовныхъ вопросовъ принадлежатъ автобіографіи Боккаччьо и съ этой точки зрѣнія разобраны были выше[1]). |

Можетъ быть, еще и другими подробностями этого эпизода 227
слѣдуетъ воспользоваться для біографическихъ цѣлей. Боккаччьо увидѣлъ Фьямметту въ апрѣлѣ 1338 года; вскорѣ послѣ того она попросила его пересказать для нея приключенія Флоріо и Бьянчифьоре, и онъ принялся за дѣло; любовныя бесѣды романа, въ которыхъ Галеоне-Боккаччьо еще является въ нѣмомъ, ожидательномъ созерцаніи своей милой, отнесены, повидимому, къ тому же времени: къ маю («когда Титанъ находился въ объятіяхъ Кастора и Поллукса»)[2]). Непосредственно за тѣмъ Флоріо отправляется въ путь; въ маѣ, очевидно, слѣдующаго года (судя по тому, что снова упоминаются мартъ и апрѣль), онъ проникаетъ въ башню къ Бьянчифьоре[3]), десять мѣсяцевъ спустя, въ мартѣ, когда Фебъ только-что вступилъ въ созвѣздіе Овна, онъ помышляетъ о возвращеніи, и, вѣроятно, въ томъ же мѣсяцѣ, либо въ апрѣлѣ, мы встрѣчаемъ его снова въ Неаполѣ, на этотъ разъ

---

1) Сл. стр. 162 слѣд.
2) Filocolo, II, стр. 22.
3) Ib., стр. 149, 169.

съ освобожденной имъ Бьянчпфьоре[1]). Если взять за точку отправленія апрѣль 1338 года, это было бы въ мартѣ или апрѣлѣ 1340; именно въ апрѣлѣ этого года Боккаччьо могъ покинуть Неаполь[2]); между апрѣлемъ 1338-го и мартомъ-апрѣлемъ 1340-го года прошла любовь Боккаччьо, и совершился его разрывъ съ Фьямметтой, о которой Галеоне уже разсказываетъ вернувшемуся Флоріо. Мы увидимъ далѣе, что онъ сопутствуетъ Флоріо на его пути домой и остается тамъ, гдѣ впослѣдствіи возникъ — Чертальдо. Онъ и безыменный странникъ въ эпизодѣ о Филено[3]) — двойники Боккаччьо.

Разумѣется, наша хронологія приблизительная, основанная на предположеніи, что въ разсказѣ Боккаччьо автобіографическіе мотивы смѣшаны съ унаслѣдованными изъ его источника. Мѣсяцъ май, когда родились герои его романа, для нихъ роковой,
228 оттого | и посѣщеніе спящей Бьянчифьоре ея милымъ также пріурочено къ маю. Боккаччьо могъ воспроизвести въ этой подробности эпизодъ своей любви, не внося своей личной хронологіи: его ночное свиданіе съ Фьямметтой было въ октябрѣ[4]) или сентябрѣ[5]). Тѣмъ не менѣе въ его числовыхъ указаніяхъ есть прочные пункты, если любовныя бесѣды Филоколо отнести, вмѣстѣ съ нами, къ маю 1338-го года.

Но вернемся къ роману. Любовныя бесѣды кончились, Фьямметта говоритъ, что рѣшала вопросы, какъ умѣла, рѣшенія болѣе мудрыя пусть дадутъ аѳинскіе философы. Уже солнце склонялось къ западу, когда, снявъ съ себя лавровый вѣнокъ, она положила его на мѣсто, гдѣ сидѣла, со словами: Я оставляю здѣсь вѣнецъ — мой и вашъ почетъ, — пока мы снова не явимся сюда для бесѣды. — Затѣмъ всѣ присоединились къ остальному обществу и веселились, пока не наступила ночь, и всѣ пошли въ го-

1) Ib., стр. 231 слѣд.

2) Сл. выше стр. 159.

3) Сл. выше стр. 161—2, 193.

4) Сл. выше стр. 154.

5) Amorosa Visione, XLIV, 21; XLVI, 6.

родъ. Прощаясь съ Фьямметтой, Флоріо завѣряетъ ее, что будь онъ свободенъ, онъ отдался бы ей, но и теперь воспламененъ ея доблестями, насколько его бѣдное сердце доступно другому чувству. Ночью любовные вопросы и красота Фьямметты не даютъ ему покоя, — и тревожатъ мысли о Бьянчифьоре. Проходитъ еще нѣсколько дней ожиданія, которые Флоріо коротаетъ, посѣщая окрестности древняго Неаполя. Однажды, сидя въ саду, онъ замечтался: его грёзы напоминаютъ вѣщій сонъ послѣ бесѣды съ Филено[1]), съ такими же, какъ и тамъ, мотивами Любовнаго Видѣнія и дантовской символики. На тихомъ морѣ ладья, въ ней съ одной стороны четыре женщины, которыхъ Флоріо какъ-будто уже видѣлъ; къ сторонѣ кормы три, еще болѣе красивыя, но совсѣмъ ему незнакомыя; мачта высится до неба, не трогаясь, какъ ни колеблется судно. Его зовутъ, и онъ входитъ и садится съ первой группой; видитъ, какая-то женщина, злобнаго вида, съ завязанными глазами, уцѣпилась сна|-
ружи за ладью и, кажется, готова потопить ее. Онъ страшится, 229
но ему говорятъ: не бойся. Тогда онъ начинаетъ разглядывать своихъ сосѣдокъ: одна въ одеждѣ какъ бы чистѣйшаго золота, на головѣ черный вуаль, въ правой рукѣ зеркало, въ которое она смотрится, въ лѣвой книга; другая — въ одеждѣ огненнаго цвѣта, подъ бѣлымъ покрываломъ, въ одной рукѣ у нея острый мечъ, другой она опирается на сломанное копье. Платье третьей блеститъ, какъ алмазъ, лѣвой ногой она вращаетъ громадный шаръ, на которомъ изображены земля, и море, и царства, и климаты; на все она смотритъ одинаково равнодушно, въ ея десницѣ — царскій скипетръ. Наконецъ, четвертая облечена въ цвѣтъ фіалки, на ней простой вуаль, правая рука на груди, указательный палецъ лѣвой приставленъ ко рту; казалось, всѣ остальныя руководились ея желаніемъ. Флоріо любо быть съ ними; вдругъ на кормѣ показался роскошно одѣтый юноша, у него на рукахъ красавица, обнаженная и сильно горевавшая. Флоріо чудится,

---

1) Сл. выше стр. 218—219.

что это Бьянчифьоре, что юноша зоветъ его: Видишь ли какую тревогу ты ей причиняешь? Онъ едва въ состояніи удержаться, чтобы не броситься къ ней; зачѣмъ позвали вы меня? спрашиваетъ онъ своихъ собесѣдницъ, а онѣ что-то говорятъ ему, но онъ ничего не понимаетъ, такъ его мысль занята Бьянчифьоре. И вотъ онъ съ нею, она радостно привѣтствуетъ его, но тутъ поднялась страшная буря, изъ устъ того чудовища, что̀ держалось за бортъ судна, раздался громовой голосъ, и вѣтеръ, поднявшись, снесъ въ какое-то мрачное мѣсто и Флоріо, и Бьянчифьоре, и юношу. Они предаются плачу, когда внезапно снова очутились на ладьѣ, море успокоилось, лицо страшнаго призрака предстало не гнѣвнымъ, а веселымъ. Съ его согласія Флоріо снова садится къ тѣмъ четыремъ женщинамъ, а какой-то величавый, вѣнчанный старецъ объясняетъ ему, кто три незнакомыя ему дѣвы, и мнится Флоріо, что онъ сгораетъ желаніемъ познать ихъ всецѣло. Тогда въ чудесномъ сіяніи сходитъ съ неба лучезарная жена, въ рукахъ у нея золотой сосудъ съ чудесной влагой, которой она омыла Флоріо. Его зрѣніе изощрилось, онъ сталъ |
230 лучше разумѣть, какъ мірское, такъ и небесное, любитъ то и другое по достоинству, дивуется тому и видитъ себя и Бьянчифьоре въ обществѣ трехъ дѣвъ: одна изъ нихъ казалась огненной, другая зеленѣе изумруда, третья превосходитъ бѣлизною снѣгъ. Ведомая ими, его ладья паритъ въ высоту, тогда какъ другія четыре женщины, оставшіяся на морѣ, поднимаютъ ее снизу. Онъ очутился въ области боговъ, познаéтъ движенія и вліянія небесныхъ свѣтилъ и неизреченную славу, исходящую отъ лица Юпитера.

Аскальоне и Парменьоне едва могли расшевелить Флоріо, чтобы вывести его изъ области мечтаній. Пора въ путь! корабельщики зовутъ насъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, еще не было столь благопріятной погоды!

Видѣніе Флоріо приготовляетъ насъ къ тѣмъ аллегорическимъ поэмамъ, въ которыхъ наиболѣе ясно сказалось у Боккаччьо внѣшнее усвоеніе дантовскаго стиля. Амето написанъ въ

1340—1 годахъ, когда Филоколо, можетъ быть, еще не былъ оконченъ[1]); Любовное Видѣніе вышло въ 1342-мъ вмѣстѣ съ Филоколо, вѣроятно, позже его. Именно отношенія аллегорической сцены въ послѣднемъ романѣ къ соотвѣтствующему эпизоду Любовнаго Видѣнія позволяютъ предположить такую послѣдовательность. Начнемъ съ мотивовъ, навѣянныхъ Данте. Въ 29-й пѣснѣ Чистилища ему видится чудесная процессія: грифъ везетъ торжественную колесницу, у праваго колеса движутся въ пляскѣ три женщины: одна такая красная, что ее едва можно было бы разглядѣть и въ огнѣ, у другой тѣло и кости точно изъ изумруда, третья бѣла, какъ снѣгъ. Это три богословскія добродѣтели: Любовь, Надежда и Вѣра. У лѣваго колеса четыре женскихъ фигуры, одѣтыя въ пурпуръ; это основныя житейскія добродѣтели: впереди Благоразуміе, съ тремя глазами на челѣ, за нею Правосудіе, Умѣренность и Крѣпость. Слѣдуетъ въ 30-й пѣснѣ явленіе небесной Беатриче въ облакѣ цвѣтовъ; въ 31-й — Матильда | омываетъ Данте въ водахъ Леты и ведетъ къ сонму четырехъ 231
дѣвъ; мы здѣсь нимфы, говорятъ онѣ, въ небѣ мы звѣзды; прежде, чѣмъ Беатриче объявилась въ мірѣ, мы были предуставлены ей прислужницами; мы поведемъ тебя къ ней, а тѣ три, болѣе насъ проникающія въ глубь, изощрятъ твои глаза, дабы ты могъ лицезрѣть ее.—Отмѣтимъ одинъ еще дантовскій мотивъ изъ Vita Nuova: образъ Амура, держащаго на рукахъ спящую Беатриче; онъ будитъ ее и питаетъ сердцемъ поэта; ея радость обращается въ горе: откинувшись на руки Амура, она горько плачетъ, и оба уносятся въ небо.

Вотъ какими матерьялами воспользовался Боккаччьо для фантасмагоріи Флоріо. Его герою издавна знакомы четыре женщины, что̀ сидѣли у носа ладьи: очевидно, житейскія добродѣтели, только-что Боккаччьо обставилъ ихъ болѣе вычурными атрибутами, чѣмъ Данте. Флоріо любитъ, но Фортуна (грозящая потопить судно) гнѣвается на него: когда онъ бросается къ призраку

---

1) Сл. выше стр. 193.

Бьянчифьоре, падаетъ въ пучину, — и затѣмъ онъ снова на кораблѣ, вмѣстѣ съ милой, въ обществѣ тѣхъ женъ, ибо Фортуна ему улыбнулась. До сихъ поръ все въ видѣніи логично и прозрачно: Флоріо соединится съ Бьянчифьоре. Что слѣдуетъ далѣе, представляется какъ бы аллегорическимъ привѣскомъ: и проповѣдь старца, вѣщающаго о трехъ божественныхъ добродѣтеляхъ,—ибо это онѣ, съ тѣми же символическими признаками, что̀ и у Данте; и явленіе небесной жены, и вознесеніе на небо. Передъ нами одна изъ попытокъ Боккаччьо увѣнчать небеснымъ ореоломъ житейскую любовь; въ Амето онъ вернется къ тому же вопросу, семь добродѣтелей предстанутъ намъ нимфами; въ Любовномъ Видѣніи матеріалы фантасмагоріи тѣ же, но авторъ владѣетъ ими свободнѣе. Я имѣю въ виду описаніе фонтана съ четырьмя аллегорическими фигурами, поддерживающими его чашу, и тремя другими, стоящими посреди нея на колоннѣ. Вы ожидаете обычныхъ группъ — житейскихъ и богословскихъ добродѣтелей, но развѣ первыхъ можно усмотрѣть въ сидящихъ
232 женахъ, окруженныхъ своеобразной символикой; | что до трехъ, стоящихъ на колоннѣ, онѣ объявятся послѣ, какъ три вида любви. Боккаччьо избралъ земную — и не позналъ небеснаго просвѣтлѣнія, которое сулилъ Флоріо.

Флоріо съ товарищами отправляются въ дальнѣйшій путь; пристали къ Сициліи, и здѣсь судьба направляетъ Флоріо въ сосѣдство съ Сизифой, у которой останавливалась и Бьянчифьоре. Однажды, выглянувъ изъ окна, она увидѣла его грустнаго, сидѣвшаго напротивъ ея дома на камнѣ изъ древняго мрамора. Онъ поразилъ ее своимъ сходствомъ съ Бьянчифьоре; не по ней ли онъ груститъ? И, сойдя внизъ, она спрашиваетъ его: Скажи мнѣ, почему ты такъ печаленъ, что всѣхъ, кто ни поглядитъ на тебя, разбираетъ жалость? Флоріо закупленъ ея красотой и состраданіемъ, какъ Данте при видѣ donna gentile (Vita Nuova), и разсказываетъ ей о себѣ и Бьянчифьоре; вотъ уже болѣе семи мѣсяцевъ, какъ онъ ее ищетъ; себя онъ зоветъ Филоколо, Бьянчифьоре — своей сестрой. Сизифа говоритъ, что мѣсяцевъ шесть

тому назадъ два ея родственника провезли здѣсь Бьянчифьоре;
она сильно плакалась о своемъ миломъ Флоріо. — Я хорошо его
знаю, замѣчаетъ Филоколо: онъ любилъ ее съ дѣтства и долженъ
былъ жениться на ней, но судьба помѣшала. Тогда Сизифа
объясняетъ ему, что купцы повезли ее въ Родосъ, затѣмъ въ
Александрію; пусть обратится къ нимъ отъ ея имени, это можетъ
быть ему полезнымъ.

Путь къ Родосу описанъ подробно, съ указаніемъ мѣстностей,
мимо которыхъ слѣдовали путники. Въ Родосѣ они останавли-
ваются у Беллизана, пріютившаго у себя передъ тѣмъ и Бьян-
чифьоре. Онъ старый знакомый Аскальоне, съ которымъ вмѣстѣ
служилъ въ Римѣ, и многимъ обязанъ отцу Бьянчифьоре. Онъ
прослезился, когда ему разсказали объ ея судьбѣ; если бъ онъ
призналъ ее, отдалъ бы все, что у него есть, чтобы выкупить ее
у купцовъ; теперь, несмотря на свои годы, онъ предлагаетъ пут-
никамъ сопровождать ихъ въ Александрію. Здѣсь они пристаютъ
у большого пріятеля Беллизана, Дарія, которому и открываются
по прошествіи нѣсколькихъ дней, прося совѣта. — Велика твоя |
сила въ людяхъ, о свѣтило, украшающее третье небо! воскли- 233
цаетъ Дарій; до чего довело ты Медею и Дидону, Деяниру и
другихъ! Всему этому поневолѣ повѣришь на примѣрѣ Фило-
коло. — И онъ разсказываетъ, что ему — и намъ извѣстно о
судьбѣ Бьянчифьоре: ее купилъ эмиръ; каждые десять лѣтъ онъ
обязанъ представлять властителю Вавилона, въ видѣ дани, кромѣ
большой казны, сто дѣвушекъ-красавицъ. Бьянчифьоре попала
въ это число; теперь она живетъ въ башнѣ, чудеса которой на-
поминаютъ диковинки дворца баснословнаго пресвитера Іоанна,
идеализовавшія византійскую придворную дѣйствительность, и
западныхъ повѣстей, повторявшихъ подробности греческихъ. Въ
башнѣ сто прекрасныхъ покоевъ; двадцать четыре порфиро-
выхъ столба поддерживаютъ одну изъ залъ, иные изъ нихъ такъ
прозрачны, что сквозь нихъ все видно; на стѣнахъ изображенія
древнихъ дѣяній боговъ и предковъ эмира; и столы и утварь —
все изъ золота. А изъ числа ста покоевъ нѣтъ краше того, что̀

отведенъ Бьянчифьоре: нѣтъ человѣка, какъ бы ни былъ онъ
печаленъ, который не повеселѣлъ бы, полюбовавшись на пото-
локъ, хитро украшенный сапфирами, изумрудами и другими
драгоцѣнными камнями. Противъ входной двери на колоннѣ,
сіяющей точно пламя, статуя обнаженнаго Амура, съ большими
золотыми крыльями, лукомъ и стрѣлами; онъ какъ бы готовится
метнуть стрѣлу; его глаза не завязаны, въ каждомъ изъ нихъ по
карбункулу; они разливаютъ въ комнатѣ точно солнечный цвѣтъ.
По угламъ четыре золотыхъ дерева, съ плодами изъ изумру-
довъ, жемчуга и другихъ драгоцѣнныхъ камней; стоитъ ударить
тростью по стволу, какъ раздастся сладкогласное пѣніе всевоз-
можныхъ птицъ. Здѣсь покоится Бьянчифьоре на ложѣ изъ сло-
новой кости, поддерживаемомъ четырьмя золотыми львами. —
А на верху башни разведенъ прелестный садъ, съ прозрачнымъ
источникомъ и диковиннымъ деревомъ, никогда не теряющимъ
ни листьевъ, ни плодовъ; говорятъ, оно посажено было здѣсь
Діаной и Церерой. Когда эмиръ желаетъ испытать дѣвственность
какой-нибудь изъ живущихъ у него красавицъ, ведетъ ее на |
234 зарѣ подъ то дерево; если она соблюла цѣломудріе, на нее упа-
детъ цвѣтокъ, вода объявится еще болѣе чистой и прозрачной;
иначе она замутится, и цвѣтокъ не спадетъ. Изъ башни ни одна
дѣвушка не можетъ выйти, ихъ сторожитъ евнухъ-арабъ, по
имени Садокъ, съ нимъ служилые люди, никого не пускающіе на
пространный лугъ передъ башней.

Дарій кончилъ свой разсказъ среди общаго молчанія. Передъ Флоріо три пути, говоритъ онъ: либо вымолить Бьянчифьоре у эмира, либо похитить ее силой, либо хитрымъ образомъ войти въ дружбу со сторожемъ башни, что̀ всего лучше: онъ надмененъ и жаденъ, любитъ болѣе всего на свѣтѣ играть — и выигрывать въ шахматы; пусть Флоріо подладится къ нему, затѣетъ съ нимъ игру, закупитъ его подарками; когда онъ сдружится съ нимъ, видно будетъ, что̀ далѣе предпринять, лишь бы все это осталось между нами тайной. Когда кончились совѣщанія, Филоколо начинаетъ раздумывать о слышанномъ; онъ и радъ и страшится,

припоминая прошлыя опасности и представляя себѣ будущія. Въ немъ начинается борьба между благоразуміемъ и любовью; послѣдняя одерживаетъ верхъ, но благоразуміе выступаетъ слишкомъ откровенно и назойливо въ спорѣ съ чувствомъ, и душевныя колебанія выражаются въ риторическихъ формахъ, не отвѣчающихъ настроенію психическаго момента. О безумецъ, до чего довела тебя любовь—къ женщинѣ! говоритъ себѣ Флоріо; развѣ мыслимо любить другого болѣе себя? Всякая благоразумная любовь начинается съ себялюбія. — Но оно есть у меня, отвѣчаетъ другой Флоріо. — Нѣтъ, иначе ты не подвергалъ бы такимъ опасностямъ свою жизнь. — Я не погибну, отвѣчаетъ голосъ. — Но кто же увѣрилъ тебя въ этомъ? — Бесѣда продолжается далѣе, Флоріо двоится между да и нѣтъ: полюбить другую — но это немыслимо; а что если Бьянчифьоре бросила его для другого? Возможно ли представить себѣ, чтобы купцы не взяли съ нея поцѣлуя—и бо̀льшаго, чтобъ у эмира не было особыхъ причинъ, почему онъ такъ дорожитъ ею? — Изъ этой внутренней распри Флоріо выходитъ побѣдителемъ: у него явилась рѣшимость; онъ |
молитъ боговъ о помощи, поднялъ лицо, и ему кажется, онъ видитъ 235
Бьянчифьоре на рукахъ у Венеры: она смотритъ печально, будто слышала рѣчи Флоріо, и его самого разбираетъ и жалость и стыдъ.

Долгое время ему не удается приступить къ дѣлу; онъ ходитъ поглядѣть на тюрьму Бьянчифьоре, смотритъ на нее издали съ вышки Даріева дома. Такъ прошло время до той поры, когда Фебъ вступилъ въ созвѣздіе Овна (мартъ), и любовныя чувства Флоріо разгорѣлись, какъ разгорѣлась любовью вся природа. Однажды, въ апрѣлѣ, Флоріо выѣхалъ по обычаю къ башнѣ; женская фигура показалась въ окнѣ; ему кажется, что это Бьянчифьоре, и онъ отпустилъ узду и своему желанію и коню, который принесъ его къ самой башнѣ; онъ обнимаетъ и цѣлуетъ ея стѣны, ибо онѣ сторожатъ его милую. Когда Садокъ выбѣжалъ къ нему съ палицей въ рукахъ, Флоріо страшится его угрозъ, но память о Бьянчифьоре его поддержала: онъ извиняется, говоритъ, что выѣхалъ на охоту, его соколъ улетѣлъ на башню, а

тугоуздый конь примчалъ его къ ней, и онъ не могъ воздержаться, чтобы не полюбоваться ея художественной постройкой. Онъ называетъ себя бѣднымъ юношей изъ-за моря, но Садокъ считаетъ его человѣкомъ родовитымъ; онъ смягчился; твое сходство съ одной живущей здѣсь дѣвушкой, Бьянчифьоре, спасло тебѣ жизнь, говоритъ онъ Флоріо и ведетъ его къ себѣ. Пока они бесѣдуютъ, Флоріо замѣчаетъ въ углу, на стѣнѣ, роскошную шахматную доску — и предлагаетъ хозяину поиграть. Ходы разсказаны подробно; Флоріо все время поддается, а Садокъ не сдѣлаетъ ни одного удачнаго хода, чтобы не промолвить: А лучше было бы тебѣ бросить сокола, чѣмъ являться за нимъ сюда! — Началась третья игра, и Садоку не везетъ: онъ кипятится, краснѣетъ, наконецъ, отчаявшись въ выигрышѣ, путаетъ шахматы и бросаетъ доску наземь. — И мудрые люди сердятся за этой игрой, говоритъ Филоколо, но напрасно ты ее спуталъ: если ты припомнишь ее, еще бы два хода, я получилъ бы шахъ и матъ. Ты самъ это видѣлъ и поступилъ такъ лишь изъ любез|-
236 ности ко мнѣ; эти золотые — твои. — Садокъ притворился, что все это такъ; никто еще, кромѣ Флоріо, не обыгрывалъ его, и никогда еще не видалъ онъ столь любезнаго юноши, — и онъ упрашиваетъ его именемъ той, которую онъ любитъ, прійти къ нему пообѣдать на слѣдующій день. Флоріо не можетъ не согласиться, такимъ именемъ его закляли.

Вернувшись домой, онъ обо всемъ разсказываетъ своимъ пріятелямъ и долго обдумываетъ ночью, какъ ему объясниться съ Садокомъ. На другой день онъ идетъ къ нему; когда они сидятъ за столомъ, является, по уговору съ Флоріо, Парменьонъ и приноситъ Садоку, отъ его имени, тотъ самый кубокъ, который былъ данъ купцами за Бьянчифьоре, полный золотыхъ: это благодарность Флоріо за то, что тотъ пощадилъ его жизнь. Садокъ смотритъ жаднымъ окомъ на кубокъ, пораженъ великодушіемъ Флоріо; онъ и все, что у него, къ его услугамъ; отведя его одного въ сторону, онъ завѣряетъ его въ своей преданности, въ желаніи услужить ему; пристаетъ къ нему, когда тотъ намекнулъ, что

въ его власти оказать ему услугу. Нѣсколько разъ пытается заговорить Флоріо, наконецъ рѣшается, припомнивъ стихи Овидія, что Фортуна помогаетъ смѣлымъ: онъ разсказываетъ Садоку о себѣ и о Бьянчифьоре; пусть устроитъ ему свиданіе съ ней, либо убьетъ его, если это невозможно. — Довелъ онъ меня своей хитростью до того, на что я никогда не считалъ бы себя способнымъ, думаетъ про себя Садокъ; помогу я ему; ничего хорошаго не сдѣлалъ я во всю мою жизнь, теперь отважу ее ради столь благороднаго юноши. При видѣ его слезъ онъ самъ плачетъ: Ты разрушилъ мои планы, говоритъ онъ ему, твое великодушіе и жалобы смягчили мою суровость. Есть одинъ путь къ твоей цѣли, но опасный: черезъ нѣсколько дней настанетъ праздникъ «рыцарей», по обычаю, корзины, полныя розъ и другихъ цвѣтовъ будутъ поставлены внизу башни; явится эмиръ и возьметъ себѣ цвѣтовъ изъ каждой корзины, послѣ чего ихъ поднимутъ наверхъ, для каждой дѣвушки по его назначенію; первую и самую красивую получитъ Бьянчифьоре. Садокъ предлагаетъ |
Флоріо спрятаться въ ней подъ цвѣтами, а изъ башни онъ выведетъ его позже, подъ видомъ своего служителя. 237

Филоколо согласенъ, такъ страстно его желаніе, что опасность ему нипочемъ, и онъ удаляется до дня, назначеннаго ему Садокомъ.

Два лирическихъ обращенія прерываютъ разсказъ: къ любостяжанію — и Амуру; первое — по адресу Садока: онъ только-что смягчился до слезъ, до человѣческаго чувства, а теперь оказывается, что любостяжаніе довело его до — сводничества.

Насталъ урочный день, Флоріо, притаившись въ корзинѣ, трепещетъ, какъ журавль въ когтяхъ сокола, какъ голубь подъ хищнымъ ястребомъ; эмиръ такъ глубоко запустилъ руку въ цвѣты, что схватилъ его за волосы, но Венера притаила его невидимой рукою. Вызвали Глорицію[1]), прислужницу Бьянчифьоре,

---

1) *Въ греч. Διήγησις Φλωρίου καὶ Πλάτζια Φλώρης она названа Μπεχήλ, или Μπεχηλδά = герм. Beraht- или Peraht-hild по толкованію Teza'ы, Rendiconti d. reale Acc. d. Lincei, cl. di scienze morali, storiche e filologiche, serie V, v. 4 (1895), стр. 511—20.

корзина поднята подъ ея окно; Флоріо ослышался, вообразилъ, что его приметъ Бьянчифьоре, и открылъ лицо; испуганная Глориція испустила пронзительный крикъ, но, признавъ Флоріо, снова прикрыла его. Дѣвушкамъ, сбѣжавшимся на крикъ, она говоритъ, что испугана была птичкой, выпорхнувшей изъ корзины, и одна, съ помощью невидимой богини, переноситъ ее въ покой Бьянчифьоре. Пошли разспросы, пока Глориція не убѣдилась окончательно, что передъ нею Флоріо. Онъ хотѣлъ бы тотчасъ же свидѣться съ своей милой, но это немыслимо: она выдала бы себя; пока Флоріо долженъ ограничиться тѣмъ, что изъ сосѣдней комнаты можетъ наблюдать, что̀ будетъ происходить въ этой, куда къ Бьянчифьоре придутъ ея товарки, а когда наступитъ ночь, Глориція спрячетъ его у ложа Бьянчифьоре, за опущеннымъ пологомъ; пусть дождется, пока она заснетъ.

Оставивъ Флоріо, Глориція идетъ къ Бьянчифьоре. Она
лежитъ на постели ничкомъ, предаваясь грустнымъ мыслямъ:
вѣдь это день рожденія ея и Флоріо! Живъ ли онъ, не забылъ ли
меня? Глориція утѣшаетъ ее; ей былъ сонъ, будто Флоріо явился
сюда, въ одеждѣ цвѣта алой розы, и говоритъ, показывая на |
238 спавшую Бьянчифьоре: Не могу я жить безъ моего сердца, оно
у ней. — Эти рѣчи ободрили дѣвушку, которая бросается на шею
Глориціи; вскорѣ явились и ея товарки; Флоріо все видитъ изъ
сосѣдней комнаты, его прежняя страсть разгорѣлась. Знаешь ли
ты, Бьянчифьоре, что я здѣсь? Отчего же не спѣшишь ты въ
мои объятія? Какого бы страху набрались мой неправедный
отецъ, моя жестокая мать, если бъ знали, въ какой опасности я
обрѣтаюсь изъ-за тебя!

Когда дѣвушки удалились, Бьянчифьоре и Глориція долго еще бесѣдуютъ о Флоріо, а Бьянчифьоре осыпаетъ поцѣлуями подаренный имъ кушакъ. Желала ли бы ты, чтобы Флоріо былъ съ тобою? спрашиваетъ ее Глориція. Бьянчифьоре испустила глубокій вздохъ; будь я свободна, говоритъ она, я не побоялась бы пойти искать его по всему свѣту; не знаю, сдѣлалъ ли бы онъ то же для меня; разумѣется, я не хотѣла бы, чтобъ онъ под-

вергся опасности, но если бы онъ былъ теперь со мною, смерть была бы мнѣ нипочемъ. Знаешь ли, что съ тѣхъ поръ, какъ ты разсказала мнѣ о своемъ снѣ, сердце у меня забилось, лишь только я вошла въ эту комнату, и все мнѣ кажется, что Флоріо— здѣсь. Я увѣрена, что онъ меня ищетъ.

Сонъ Глориціи не даетъ ей покоя и позже, когда она легла спать. Она плачетъ и причитываетъ: О, если бы боги дозволили мнѣ и тебѣ, чего не досталось намъ до сихъ поръ! О, если бъ ты былъ теперь въ моихъ объятіяхъ! Развѣ хорошо робкой дѣвушкѣ спать одной на столь просторномъ ложѣ? Я вся горю; помоги мнѣ, о Венера, дай мнѣ увидѣть его хотя бы въ сновидѣніи! Вотъ, я засыпаю и жажду обнять мое желанное благо.

Филоколо все это слышитъ, и ему не разъ приходитъ мысль объявить себя. Когда она заснула, онъ ложится къ ней; въ комнатѣ свѣтло отъ карбункуловъ, какъ днемъ, но Бьянчифьоре не просыпается, ей снится, что она съ Флоріо. Онъ любуется ея прелестями, боится разбудить ее и тихо зоветъ. Когда она наконецъ очнулась съ словами: Кто отнялъ тебя у меня, душа моя! она готова закричать, увидѣвъ себя въ объятьяхъ Флоріо, но, признавъ его, приходитъ въ неописанную радость. Теперь 239
не время разсказывать, какъ я попалъ сюда, говоритъ Флоріо, забудемъ прошлыя опасности. Бьянчифьоре озабочена предстоящей; спрашиваетъ Флоріо, при немъ ли ея перстень; узнавъ, что онъ съ нимъ, она увѣрилась, что правдиво было обѣщаніе короля Феличе—выдать ее по прошествіи года за именитѣйшаго барона его царства. Тотъ перстень будетъ имъ вѣнчальнымъ; оба идутъ къ статуѣ Амура и молятся, колѣнопреклонясь: пусть будетъ онъ имъ Гименеемъ, ихъ Юноной. Глаза Амура засіяли, его лицо прояснилось, когда въ его присутствіи Флоріо обручился съ Бьянчифьоре, и она поцѣловала его, какъ супруга. Она зоветъ Глорицію; та пришла, точно ничего не знала; какъ намъ отпраздновать такую свадьбу безъ музыки? говоритъ она; здѣсь нѣтъ ни гидравлическихъ органовъ, ни киѳаристовъ; она стучитъ тростью по механическимъ деревьямъ, и раздалась сладкая ме-

лодія. Когда совершился бракъ, въ покоѣ засіяли свѣточи, зажженные не человѣческой рукой, явились Гименей и Венера и Діана, они радуются союзу, увѣнчавшему столь долгое цѣломудріе. — Бьянчифьоре разсказываетъ Флоріо, чѣмъ была для нея статуя Амура: она любила представлять себѣ, будто это — Флоріо, называла ее этимъ именемъ, вѣнчала, цѣловала ее, повѣряла свои желанія.

Мы уже знаемъ, что вся сцена ночного посѣщенія Флоріо спящей Бьянчифьоре — отрывокъ изъ любовной автобіографіи Боккаччьо; обрученіе передъ статуей Амура напоминаетъ третью новеллу 2-го дня и 8-ю десятаго; слѣдующее за тѣмъ неожиданное появленіе эмира и обреченіе на костеръ — разсказъ о Джьянни изъ Прочиды[1]).

Прошла еще такая же ночь, когда Фортуна еще разъ обратилась противъ влюбленныхъ, учинивъ имъ бо̀льшій страхъ, чѣмъ когда-либо. На третье утро послѣ того, какъ Флоріо проникъ въ башню, явился туда, влекомый неяснымъ желаніемъ, |
240 печальный эмиръ; мы въ первый разъ узнаемъ по этому поводу, что онъ, готовившій Бьянчифьоре въ подарокъ султану, самъ страстно влюбленъ въ нее. Заставъ ее въ объятіяхъ Флоріо, онъ приходитъ въ страшный гнѣвъ, готовъ поразить ихъ, но Венера невидимо принимаетъ на себя его удары, и онъ самъ отложилъ свое намѣреніе убить двухъ спящихъ. По его приказанію они, обнаженные и связанные, спущены съ башни тѣмъ самымъ путемъ, какимъ подняты были цвѣты. Въ башнѣ поднялось движеніе: дѣвушки оплакиваютъ Бьянчифьоре и, поглядѣвъ на красоту Флоріо, извиняютъ ея вину; на поляну сбѣжалось множество народа посмотрѣть на двухъ молодыхъ людей, которыхъ эмиръ велитъ продержать нѣкоторое время подвѣшенными, а затѣмъ спустить; они осуждены на костеръ. Флоріо сдерживаетъ слезы, Бьянчифьоре плачетъ, какъ чреватый влагой воздухъ обильно орошаетъ землю, когда Фебъ обрѣтается въ со-

---

1) Декамеронъ, V, 6.

звѣздіи Льва; каждый изъ нихъ винитъ самого себя, снимая отвѣтственность съ другого; Флоріо клянетъ отца и мать, Бьянчифьоре—свою роковую красоту, оказывающуюся для нея гибельной[1]): Флоріо невиненъ, онъ поступилъ, какъ велѣлъ ему Амуръ, а я, преступная, не соблюла моего долга эмиру, которому подчинила меня судьба, и родители Флоріо, виня меня въ его смерти, будутъ преслѣдовать меня и въ царствѣ мрачныхъ тѣней.

Два ливійца, черные и свирѣпые, Иркускомосъ и Флаганей, зажгли недалеко отъ башни два костра; Флоріо проситъ, чтобъ ихъ обоихъ возвели на одинъ, и имъ умереть бы вмѣстѣ. Иркускомосъ притворился, что не слышалъ этой просьбы, жалость ему незнакома; Флаганей соглашается коварно. Сѣтованія Бьянчифьоре о Флоріо на кострѣ и у него вызываютъ слезы; она не хочетъ взять у Флоріо перстень, оберегающій отъ пламени; они обнимаются, и перстень спасаетъ ихъ обоихъ, приходятъ на помощь и боги: Венера отводитъ отъ нихъ дымъ на тѣхъ, что̀ стояли кругомъ, и, объявившись влюбленнымъ, говоритъ, что это
послѣдняя ихъ не|взгода, близокъ конецъ страданій, въ знакъ 241
чего она оставляетъ въ ихъ рукахъ вѣтку оливы. Напрасно исполнители казни гонятъ своихъ служителей къ огню и въ дымъ, велятъ поразить Флоріо и Бьянчифьоре стрѣлами; ихъ не видно, и стрѣлы до нихъ не доходятъ.

Между тѣмъ Аскальопе, обезпокоенному отсутствіемъ Флоріо, снится, будто среди терній и крапивы онъ видитъ изрѣзанныхъ, обнаженныхъ Флоріо и Бьянчифьоре; они молятъ о помощи; видитъ ихъ затѣмъ на кострѣ. Проснувшись, онъ совѣтуется съ друзьями, хочетъ отправиться къ Садоку — узнать, что сталось съ Филоколо, когда и до нихъ дошла вѣсть, что Бьянчифьоре и какой-то юноша обречены на сожженіе. Они еще не успѣли согласиться, что̀ предпринять, когда среди нихъ явился молодой, высокій ростомъ и страшный видомъ всадникъ. Что же вы медлите? спрашиваетъ онъ ихъ; слѣдуйте за мною, надо поскорѣе

1) Сл. то же о красотѣ Алатіэль, Декамеронъ, II, 7.

освободить Филоколо. Никто не призналъ въ юношѣ Марса, но лишь только услышали имя Флоріо, всѣ, какъ безъ памяти, кинулись къ оружію; такъ бѣшено мечутся быки, почуявъ ударъ тяжелой палицы.

Подъ башней происходитъ схватка; сравненія слѣдуютъ одно за другимъ: Иркускомосъ — точно вепрь среди охотничьихъ псовъ, Аскальоне, ошеломленный, поднимается свирѣпо, какъ левъ, увидѣвшій собственную кровь; при видѣ Марса всѣ враги бѣгутъ, какъ передъ силой южнаго вѣтра несется легкій песокъ.

Вся долина опустѣла; Филоколо слышитъ, что шумъ стихъ, и окликаетъ подъѣхавшихъ къ костру товарищей. Бьянчифьоре узнала Аскальоне по голосу, она болѣе жаждетъ его лицезрѣнія, чѣмъ костеръ — ихъ смерти. Она и Флоріо еще окутаны дымомъ.

Когда Иркускомосъ, у котораго отрублена рука, явился къ эмиру съ разсказомъ о необычайныхъ происшествіяхъ подъ башней, тотъ пришелъ въ ярость: велитъ вооруженнымъ людямъ слѣдовать за нимъ на поляну, но у входа въ нее ихъ кони помчались обратно, у всадниковъ волосы стали дыбомъ, какъ то бываетъ съ богачомъ купцомъ, когда въ лѣсу онъ завидитъ раз-
242 бой|никовъ. Эмиръ догадывается, въ чемъ дѣло: Неладно я сдѣлалъ, говоритъ онъ себѣ, осудивъ безъ допроса молодыхъ людей. Лишь когда онъ вступилъ на поляну безоружный, въ бѣлой одеждѣ, съ вѣткой оливы въ рукахъ, прося мира, доступъ оказался свободнымъ. Будь спокоенъ, отвѣчаетъ ему Аскальоне, вели освободить связанныхъ тобою, верни ихъ отъ безславія къ славѣ и соблюди миръ, коли не желаешь навлечь гнѣвъ боговъ и нашъ. Эмиръ посылаетъ безоружныхъ людей разсѣять дымъ, но Венера уже позаботилась объ этомъ, и молодые люди предстали передъ всѣми, свѣжіе, какъ роза, сорванная утромъ по росѣ. Ихъ облекаютъ въ драгоцѣнныя одежды, и всѣ вмѣстѣ ѣдутъ въ городъ; на вопросъ эмира, Флоріо считаетъ возможнымъ открыться: ставъ «паломникомъ любви» [1]), онъ измѣнилъ свое

---

1) Сл. Filocolo, II, стр. 262: о Боккаччьо, любовникѣ Alleiram.

имя въ Филоколо; онъ разсказываетъ, кто онъ, и какъ, наученный
волшебнымъ хитростямъ своей матерью, которой боги открыли,
чему научили Медею, онъ прилетѣлъ въ башню Бьянчифьоре и
соединился съ нею въ томъ образѣ, въ какомъ Юпитеръ соче-
тался съ Ледой. — Такой выдумкой Флоріо, очевидно, выгора-
живалъ Садока. — Эмиръ приходитъ въ восторгъ: онъ дядя
Флоріо по матери; отчего не открылся онъ ему ранѣе! Садокъ и
Глориція, схваченные, освобождены; на другой день приносятъ
жертвы богамъ, и, по соглашенію съ Флоріо, эмиръ устраиваетъ
брачное торжество, чтобы увѣнчать имъ тайный союзъ. На пиру
многіе изъ спутниковъ Флоріо, когда-то поклявшіеся надъ пав-
линомъ за столомъ короля Феличе, исполняютъ свое обѣщаніе, и
въ числѣ другихъ является и подарокъ Садока: кубокъ, отданный
за Бьянчифьоре.

Между тѣмъ, какъ все это происходило, родители Флоріо
жили въ слезахъ и печали; съ ними вмѣстѣ печалится и ихъ на-
родъ. Былъ мѣсяцъ мартъ, десятый съ той поры, какъ Флоріо
добылъ свою Бьянчифьоре, когда онъ вспомнилъ объ оставлен-
ныхъ отцѣ и матери. Онъ снаряжается въ обратный путь; когда |
онъ отправлялся на поиски за своей милой, его паруса и одежда 243
были темнаго, фіолетоваго цвѣта, теперь то и другое бѣлое: мо-
тивъ изъ разсказовъ о Тезеѣ и Тристанѣ. По пути они остана-
вливаются въ Родосѣ у Беллизана и въ Сициліи у Сизифы; изъ
Неаполя Флоріо отправляетъ часть своихъ людей въ Марморину
съ вѣстью о своемъ возвращеніи, а самъ остается, чтобы при-
слушаться къ автобіографическимъ откровеніямъ Идалага и
превращенныхъ нимфъ и утѣшить Галеоне-Боккаччьо, огор-
ченнаго своимъ разрывомъ съ Фьямметтой [1]. Филоколо обѣ-
щаетъ Галеоне быть кормчимъ его ладьи, привести къ тихой
гавани, и Галеоне отдается ему, провожаетъ его на дальнѣйшемъ
пути и остается правителемъ ново-основаннаго города, въ кото-
ромъ легко признать Чертальдо. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего

---

1) Сл. выше стр. 55—6, 77, 112, 165—167, 229.

біографическаго, кромѣ развѣ той черты, что возвращеніе Галеоне въ Тоскану отвѣтило отъѣзду Боккаччьо изъ Неаполя; вмѣстѣ съ тѣмъ мы покидаемъ и почву той романтической канвы, которой Боккаччьо слѣдовалъ до сихъ поръ, украшая ее эпизодами антикварнаго и личнаго характера. Весь конецъ V-й книги представляетъ риторическую разработку двухъ-трехъ мотивовъ основного разсказа, полную длиннотъ и причудливыхъ маршрутовъ и случайно связанныхъ эпизодовъ. Боккаччьо хотѣлось досказать безъ остатка исторію всѣхъ лицъ, выведенныхъ имъ въ романѣ, и онъ затормозилъ его движеніе утомительной обстоятельностью.

Филоколо начинаетъ тосковать по роднымъ и отправляется въ путь черезъ Каписъ (Капую), Теано, Сульмону[1]); ночь застаетъ ихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то сѣтовалъ Филено, обращенный въ источникъ, а теперь совершается его обратная метаморфоза. Скажи мнѣ правду, о чемъ я тебя спрошу, говоритъ Флоріо Бьянчифьоре: любила ли ты когда-либо Филено? Вспоминаешь ли о немъ? Бьянчифьоре зардѣлась, но мракъ ночи |
244 покрылъ ея румянецъ: Флоріо знаетъ всю правду; если ей жалко Филено, то не по любви, а потому, что онъ пострадалъ безвинно. Флоріо обѣщаетъ вернуть ему человѣческій образъ, о томъ же молитъ его и Менедонъ; голосъ изъ источника говоритъ, что боги навѣрно совершили бы это чудо, если бы Флоріо вернулъ свое расположеніе Филено. И чѣмъ я въ сущности провинился, спрашиваетъ онъ, играя софизмомъ: вѣдь я любилъ не дѣвушку, къ которой Флоріо былъ бы расположенъ враждебно, а ту, которую онъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ. — Флоріо согласенъ вернуть ему свою дружбу и поручаетъ Бьянчифьоре повѣдать о томъ источнику; лишь только ея образъ въ немъ отразился, какъ его обычное волненіе прекратилось, и въ нѣжномъ колыханіи воды послышался голосъ, благодарившій боговъ, что та, кто была причиной его незаслуженнаго страданія, явилась вѣстницей и

1) Сл. выше стр. 17.

его спасенія. И воды стали сгущаться, и въ нихъ обрисовался человѣческій образъ: передъ всѣми предсталъ Филено; красота Бьянчифьоре показалась ему обольстительнѣй прежняго, и онъ рѣшился любить ее попрежнему, тайно, ибо безъ этого чувства его жизнь не имѣетъ цѣны.

Къ этому эпизоду, доводящему до конца исторію Филено, примыкаетъ другой, посторонній: разсказъ объ основаніи Чертальдо. Путники слышатъ крики и видятъ странное зрѣлище, изображенное съ нѣсколько комическимъ шаржемъ: на берегахъ небольшой рѣчки сошлись съ той и другой стороны нестройныя толпы; вмѣсто палатокъ у нихъ вѣтви дерева, дающія имъ тѣнь; они вооружены палками, щитами изъ древесной коры, пращами и луками, стрѣлы которыхъ заострены при помощи ножа, небольшими мечами, которые гнулись при ударѣ, и копьями изъ тростника; у нихъ нѣтъ ни шлемовъ, ни коней, знамя у одной толпы бѣлое съ краснымъ, у другой — того же цвѣта въ обратномъ порядкѣ; красный цвѣтъ добытъ, очевидно, изъ овечьей крови. Это два народца, Калоны и Чиреты, одни выходцы изъ Фьезоле вмѣстѣ съ Катилиной, другіе пришли сюда позже, когда Аттила разорилъ Флоренцію. Между старыми и новыми поселенцами происходитъ | постоянная распря изъ-за земель, и ежегодно они 245
сходятся здѣсь для боя: кто кого вытѣснитъ. Флоріо видитъ ихъ схватку среди рѣки, достигавшей имъ до пояса, потѣшается ихъ неумѣлостью, — и вмѣстѣ съ тѣмъ его разобрала жалость: онъ хочетъ помирить ихъ и соединить, построить имъ городъ, дать мудраго правителя. Съ этой цѣлью онъ держитъ рѣчь ихъ представителямъ, обѣщая имъ плоды міра и культуры; тѣ не знаютъ, что отвѣтить, пожимаютъ плечами, но закуплены обѣщаніями, готовы сдѣлать все, что онъ прикажетъ. Миръ заключенъ въ храмѣ клятвенно; Галеоне указываетъ на дубовый лѣсъ, cerreto, гдѣ быть новому городу, Чертальдо, и вѣковыя деревья падаютъ подъ ударами топора; Флоріо первый приложилъ руки, помолившись богамъ, обитавшимъ въ лѣсу, простить его святотатство: онъ уготовитъ имъ лучшее обиталище.

Эта культурная картинка прерывается неожиданно: мы на географической широтѣ Чертальдо, на пути къ Веронѣ, а Глорицiи вдругъ вспомнился Римъ, и она уговариваетъ Бьянчифьоре посѣтить его: тамъ ея родина, памятники римской старины. Бьянчифьоре согласна, если на то согласенъ ея Флорiо; но она не хочетъ отвлекать его отъ желанiя увидаться съ родителями; поѣздку въ Римъ можно отложить. Ночью ей предстала въ видѣнiи величавая жена, аллегорiя Рима: въ одной рукѣ у ней вѣтка оливы, въ другой золотая держава, два грифа, казалось, уносятъ ее къ звѣздамъ, подъ ногами глобусъ съ изображенiемъ всѣхъ странъ свѣта. По сторонамъ Рима двѣ аллегорическiя фигуры, очевидно, папа и императоръ: одинъ — старикъ, съ ключами въ рукахъ, возсѣдающiй на агнцѣ, другой — юноша, сидящiй на львѣ, съ орломъ на одной рукѣ, мечомъ въ другой, которымъ онъ чертитъ что-то на глобусѣ, что̀ подъ ногами у аллегорической жены; сiянiе отъ его вѣнца, отражается и на ней и на старцѣ, а жена говоритъ: Я твой Римъ, приди къ твоему благу и къ благу мужа.

Когда Бьянчифьоре разсказала объ этомъ Флорiо, онъ рѣшается ѣхать: обвелъ плугомъ, запряженнымъ быками, город|-
246 скую черту, а построенiе города и культуру ея жителей предоставляетъ Галеоне. Мы знаемъ, что Галеоне или Калеоне — прозвище, которое усвоилъ себѣ Боккаччьо; не по связи ли съ Калонами, древними аборигенами Чертальдо? Ты любишь жестокосердую красавицу и не любимъ, говоритъ ему Флорiо; заботы отвлекутъ тебя отъ любовныхъ мыслей, и именно такiя, какiя тебѣ предстоятъ: если бы я далъ тебѣ управлять народомъ болѣе благоустроеннымъ и мирнымъ, тебя это не тревожило бы, и ты остался бы при своихъ думахъ; на разныя болѣзни у медика разные пластыри. — И Галеоне остается устраивать городъ: выводитъ стѣны и башни и дома, даетъ законы и покрой одежды, обращаетъ однихъ къ изученiю свободныхъ искусствъ, другихъ — къ ремесламъ. Городъ выросъ на мѣстѣ пустыря; не оттуда ли аллегорическое названiе, которое дается въ этомъ эпизодѣ Чер-

тальдо: Calocipe, въ возможномъ греческомъ толкованіи: прекрасный вертоградъ? Городъ вскорѣ разросся, но впослѣдствіи роковымъ образомъ подпалъ власти другого правителя.

Между тѣмъ Флоріо съ товарищами остановились въ Римѣ въ гостиницѣ, у древняго Неронова дворца, а затѣмъ въ домѣ Менилія Африкана, признавшаго Аскальоне и упросившаго ихъ переѣхать къ нему. Менилій оказывается братомъ Лелія, отца Бьянчифьоре; пристыженный его радушнымъ пріемомъ, Аскальоне упрекаетъ себя, что не обнаружилъ достаточнаго мужества, когда дѣло шло о погребеніи его друга Лелія, и мало приходилъ на помощь Юліи и Бьянчифьоре. Онъ наказываетъ Глориціи не говорить Бьянчифьоре, кто ея хозяева, и, открывъ это Флоріо, совѣтуетъ ему уѣхать отъ возможной бѣды, если узнаютъ, кто они. Флоріо въ восторгѣ, узнавъ, какого высокаго рода его жена, гнѣвно напоминаетъ Аскальоне, что̀ онъ когда-то говорилъ о Бьянчифьоре, и не хочетъ удалиться, не помирившись съ ея родственниками. Аскальоне совѣтуетъ обождать и скрываться, пока онъ не найдетъ случая все уладить. Кромѣ Менилія у Бьянчифьоре оказывается еще другой дядя, Квинтилій, и тетка Клелія. |

Однажды, осматривая достопримѣчательности Рима, Флоріо 247
и Менедонъ зашли въ храмъ, украшенный именемъ того, кто первый проповѣдывалъ въ пустынѣ покаяніе, возвѣщая близость царства небеснаго. Это соборъ св. Іоанна въ Латеранѣ. Здѣсь они поражены изображеніемъ распятаго Спасителя, не зная, что это такое. Былъ тамъ священникъ, старикъ Иларій, изъ хорошаго аѳинскаго рода, пришедшій въ Римъ вмѣстѣ съ патриціемъ римскимъ Беллизаномъ, сыномъ императора Юстиньяна, недавно обращеннаго въ лоно католичества папой Агапетомъ. Къ нему-то и обратился за объясненіемъ Филоколо; тотъ пораженъ, узнавъ, что они язычники, недоумѣваетъ, какъ они здѣсь, велитъ имъ выйти, чтобы не осквернять храма.—Но чѣмъ же мы виноваты, что не вѣдаемъ твоего закона? спрашиваетъ Филоколо; если бы я внялъ ему, можетъ быть, оставилъ бы свой. Тогда Иларій

излагаетъ имъ въ длинномъ поученіи суть библейско-христіанской исторіи въ связи съ исторіей другихъ царствъ, располагая то и другое по шести вѣкамъ, до сошествія св. Духа и проповѣди христіанства. Интересно, что ни въ этомъ поученіи, ни въ символѣ вѣры, который Иларій преподаетъ имъ нѣсколько дней спустя, рядомъ съ другими именами Библіи и Евангелія нѣтъ имени І. Христа: говорится лишь о Сынѣ Божіемъ, тогда какъ Плутонъ и Юпитеръ выражаютъ понятія Бога и дьявола. — Филоколо и Менедонъ уже обращены и готовы креститься, только хотятъ переговорить съ своими товарищами, которые тотчасъ же склоняются на краснорѣчивыя убѣжденія Филоколо, равно какъ Аскальоне и Бьянчифьоре; первый давно хотѣлъ обратиться въ христіанство и не дѣлалъ того лишь по вялости духа, а Бьянчифьоре наставила на путь истины ея святая тетка Клелія. — Прежде чѣмъ креститься, Филоколо бесѣдуетъ съ Иларіемъ наединѣ, разсказываетъ о себѣ и Бьянчифьоре, отъ которой у него шестилѣтній сынъ Лелій, и проситъ уладить его миръ съ родственниками жены. Дивится его разсказу Иларій и обнадеживаетъ его: онъ пріятель Квинтилія, подѣйствуетъ на патриція Беллизана и папу Вигилія. — Позвавъ къ себѣ Квинтилія и Менилія,
248 Иларій гово|ритъ имъ, что слышалъ, будто бы, отъ какого-то испанца, о судьбѣ ихъ племянницы, и что ея мужъ очень ихъ любитъ и желалъ бы явиться къ нимъ, если бъ былъ увѣренъ, что они не захотятъ отомстить на немъ смерть брата. Онъ представляетъ выгоды мира, не перечащія ихъ чести, и они по нѣкоторомъ колебаніи соглашаются, въ чемъ и клянутся Иларію. А онъ велитъ Филоколо и его спутникамъ выбраться куда-нибудь поблизости отъ Рима, чтобы имъ можно было явиться — будто изъ Испаніи. Они уѣзжаютъ въ Альбу. Въ назначенный день двѣ торжественныхъ процессіи двинулись навстрѣчу другъ другу, одна изъ Альбы, другая изъ Рима; Менилій и Квинтилій удивлены, узнавъ въ пріѣзжихъ своихъ гостей, которыхъ у воротъ города встрѣчаетъ папа Вигилій; его коня ведутъ Тиберій и Беллизанъ, сынъ императора; та же идеальная связь имперіи и

папства, что и въ видѣніи Бьянчифьоре. Поѣздъ направляется
въ храмъ св. Іоанна, гдѣ совершается крещеніе Филоколо и его
спутниковъ, и Флоріо снова принимаетъ свое имя.

Глорицiя также разыскала своихъ родныхъ, которые не при-
знаютъ ее, и вынуждена почти насильно навязаться имъ: Что
это ты говоришь! кричитъ она на брата; не завираюсь я; знаю
я, слава Богу, что изъ числа женщинъ я принадлежу къ скром-
нѣйшимъ! — Призналъ ее полузрячiй старикъ отецъ; Боккаччьо
нашелъ возможнымъ пристроить ее замужъ за ея бывшаго же-
ниха, успѣвшаго жениться на другой и овдовѣть. — Аскальоне
умираетъ и горячо оплаканъ Флоріо, которому папа показываетъ
христіанскія святыни и мощи Рима и котораго напутствуетъ,
отправивъ съ нимъ и Иларія, для проповѣди христіанства. Флоріо
посылаетъ сказать отцу, что явится къ нему лишь подъ усло-
віемъ, если и онъ приметъ его вѣру. Старый король, который все
еще не знаетъ высокаго происхожденія Бьянчифьоре и продол-
жаетъ злоумышлять противъ нея, приходитъ въ обычную ярость,
клянетъ сына, забывшаго благодѣтельныхъ боговъ; я молилъ
объ его рожденіи, а мнѣ слѣдовало бы прибавить частицу in къ
моему имени: Felice (счастливый): съ тѣхъ поръ, какъ онъ ро|-
дился, я несчастенъ (Infelice). Онъ мой худшій врагъ, пусть ни- 249
когда не является мнѣ на глаза. — Послы Флоріо уже хотятъ
идти съ этою отповѣдью, но королева упрашиваетъ ихъ не пере-
давать ея сыну: пусть явится, отецъ смягчится, лишь только его
увидитъ. И самъ король проситъ ихъ о томъ же: онъ готовъ все
сдѣлать, ночью ему былъ голосъ того, «кто все можетъ», онъ
грозилъ ему страшными карами. — Флоріо въѣзжаетъ въ Мар-
морину въ бѣлой одеждѣ, не въ фіолетовой, въ которой удалился
въ знакъ печали; отецъ обрадованъ царственнымъ происхожде-
ніемъ снохи; всѣ принимаютъ христіанство; Сарра и Массалинъ
являются исполнить то, что посулили Бьянчифьоре, когда клялись
надъ павлиномъ. Флоріо счастливъ, одаряетъ и отпускаетъ на
покой своихъ спутниковъ и проводитъ зиму, разсказывая своимъ
о своихъ приключеніяхъ, рисуя тростью планъ башни Садока и т. д.

Весной у него явилось желаніе посѣтить святыню св. Іакова, куда не удалось доѣхать Лелію и Юліи; съ ними ѣдутъ старый король и королева, остающіеся въ Кордовѣ, тогда какъ остальные отправляются далѣе. На пути въ долинѣ бѣлѣются кости, какой-то конюшій говоритъ Флоріо, что здѣсь палъ Лелій со своими; путники остановились, разбили шатры, начинаютъ собирать кости, но какъ отобрать останки римлянъ отъ звѣриныхъ? Ночью Бьянчифьоре видитъ во снѣ отца и мать: Лелій указываетъ ей, гдѣ онъ погребенъ, а кости римлянъ они узнаютъ по красному сіянію, которое отличитъ ихъ отъ другихъ[1]). Отбери наши кости, вѣщаетъ Лелій, и схорони въ Римѣ вмѣстѣ съ моимъ тѣломъ и тѣломъ Юліи, которое вы возьмете въ Марморинѣ. — Такъ Флоріо и сдѣлалъ. — Въ Римѣ до него дошла вѣсть, что отецъ его при смерти; оставивъ Бьянчифьоре, онъ спѣшитъ въ Кордову, гдѣ на смертномъ ложѣ отецъ долго и пространно наставляетъ его въ обязанностяхъ правителя, по категоріямъ грѣ|-
250 ховъ, которыхъ надо остерегаться (гордость, гнѣвъ, зависть, любостяжаніе, нерадѣніе, чревоугодіе, сладострастіе), и желательныхъ добродѣтелей (благоразуміе, правосудіе, крѣпость духа, умѣренность, милосердіе). Пусть молится по душѣ его, столь его любившей, что изъ-за него она нерѣдко бывала внѣ себя.

Романъ кончается воцареніемъ и вѣнчаніемъ Флоріо и Бьянчифьоре, при которомъ присутствуютъ Галеоне и Филено и другіе участники разсказа. Всѣ разъѣзжаются, а Иларій, вернувшись въ Римъ, пишетъ по-гречески о приключеніяхъ молодого короля, счастливо зажившаго съ своей супругой.

Въ заключеніе авторъ обращается къ своей книжкѣ (piccolo mio libretto), которая была ему утѣхой въ теченіе многихъ лѣтъ: ты кончена, и тебѣ будетъ лучшей наградой, если прекрасная и доблестная дама, чье имя начертано на твоемъ челѣ, возьметъ

---

1) Это напоминаетъ разсказъ Kaiserchronik и житія св. Трофима о чудѣ, бывшемъ Карлу Великому подъ Арлемъ; сл. еще D'Ancona, Il Tesoro di Brunetto Latini versificato, Roma, 1888, стр. 132.

тебя въ свои нѣжныя ручки съ привѣтомъ: добро пожаловать!
можетъ быть, поцѣлуетъ тебя, или только посмотритъ на тебя.
И всякій разъ, когда она, чей образъ я постоянно храню въ
моемъ влюбленномъ сердцѣ, станетъ читать твои «стихи» (versi),
она будетъ поминать автора. Оставайся же при ней, ибо *я
остаться не смѣю;* не ищи бо̀льшей славы: тебя написалъ
скромный (umile) юноша, и тебѣ достоитъ развлечь красавицу,
разжалобить и *побудить ее довольствоваться однимъ — милымъ.*
Оставь сильнымъ умамъ величественные стихи Виргилія, воен-
нымъ людямъ — Лукана и Стація, Овидія — тѣмъ, кто любитъ
счастливо (con molta efficacia). Не желай быть тамъ, гдѣ поются
мѣрные стихи флорентинца Данте; слѣдуй за нимъ почтительно,
какъ малый слуга, предоставь выси великимъ умамъ, тебѣ надо
летать ниже; твое дѣло — доставить удовольствіе твоей дамѣ, отъ
нея зависитъ — возвысить тебя — или унизить; если случайно
ты выйдешь изъ ея рукъ, и тебя увидятъ другіе, перенеси тер-
пѣливо замѣчанія мудрыхъ, старайся понравиться благожела-
тельнымъ, не внимай болтовнѣ дураковъ, избѣгай уколовъ за-
висти, но давай ей и отпоръ. Ты сильна силой твоей дамы, тѣмъ,
кто сталъ бы противорѣчить твоему разсказу, представь прав|ди- 251
вое свидѣтельство Иларія и всенародно защити твою итальян-
скую рѣчь — полученнымъ тобою приказаніемъ. Живи и не за-
бывай твоего творца, жизнь котораго Амуръ хранитъ въ рукахъ
твоей дамы.

Куда дѣлась увѣренность, съ которой Боккаччьо говорилъ
о «достойныхъ памяти» стихахъ Филоколо [1])? Теперь ему вспом-
нилось, быть можетъ, скромное обращеніе Стація къ своей Ѳи-
ваидѣ [2]): Живи, молю тебя, не дерзай помѣриться съ Энеидой,

---

1) Сл. выше стр. 228.

2) Theb., XII, 816 слѣд.:

> Vive, precor; nec tu divinam Aeneida tempta,
> Sed longe sequere et vestigia semper adora.
> Mox, tibi si quis adhuc praetendit nubila livor,
> Occidet, et meriti post me referentur honores.

а слѣдуй за нею издали, поклоняясь ея слѣдамъ; если зависть омрачитъ тебя, она падетъ, и по моей смерти тебѣ еще воздадутъ достойныя хвалы. — Боккаччьо присоединилъ къ имени Виргилія имя флорентинца Данте.

Послѣднее слово романа, какъ и первыя страницы, обращены къ Фьямметтѣ: она охладѣла къ Боккаччьо, но онъ все еще на что-то надѣется, какъ Идалагъ, и любитъ ее и молитъ ограничиться любовью *одного*.

Нашъ подробный анализъ Филоколо, старавшійся передать порой литературные пріемы Боккаччьо, но не гнушавшійся длиннотъ, далеко не отвѣчаетъ его поэтическому достоинству. Мы не говоримъ о поэзіи древней легенды, а о томъ, чѣмъ она стала у Боккаччьо, загроможденная автобіографическими эпизодами, рѣчами и видѣніями и миѳологическою ученостью. Что поражаетъ прежде всего — это странная неряшливость композиціи въ тѣхъ частяхъ, которыя принадлежатъ самому Боккаччьо: вспомнимъ маршрутъ скитающагося Филено, странный для автора географическаго сочиненія De Montibus и т. д., сумѣвшаго точно описать путь Филоколо изъ Сициліи въ Родосъ; вспомнимъ возвращеніе Флоріо изъ Чертальдо въ Римъ, когда путь его лежалъ |
252 на Марморину-Верону: въ Чертальдо надо было пріурочить эпизодъ о превращеніи Филено въ человѣка и разсказъ о построеніи города. Боккаччьо писалъ свою книгу нѣсколько лѣтъ: она была ему утѣхой, поскольку вызывала воспоминанія о Фьямметтѣ и — автобіографическіе эпизоды, но къ сюжету онъ охладѣлъ, и цѣльность исчезла. Изъ короткой пѣсни о любви двухъ молодыхъ людей подъ его руками выростала книга, въ четыре или пять разъ превышавшая размѣры любой изъ поэмъ, воспѣвавшихъ до него похожденія Флоріо и Бьянчифьоре; въ какомъ бы видѣ ни затѣянъ былъ впервые пересказъ, вызванный просьбой Фьямметты, то, что вышло, очевидно не лежало въ его первоначальномъ планѣ: сюжетъ средневѣковаго романа проникнутъ матеріалами автобіографіи и обработанъ по пріемамъ и средствами классической эпопеи. Все это производитъ впечатлѣніе чего-то

нагроможденнаго, не спѣвшагося, не пришедшаго въ единство; мы въ рабочей Боккаччьо: ему дали сюжетъ, и начинающій гуманистъ хочетъ показать себя, ищетъ новой формы и не находитъ ея. Въ этой затѣѣ, въ самой незаконченности романа лежитъ нашъ — историческій къ нему интересъ; второй данъ въ личномъ моментѣ, развивающемся параллельно съ главнымъ дѣйствіемъ, иногда неловко сплетающемся съ нимъ (напр., въ разсказѣ о Галеоне). На почвѣ пережитого Боккаччьо чувствовалъ себя менѣе классикомъ и болѣе поэтомъ: всѣ относящіеся сюда эпизоды принадлежатъ къ лучшимъ, есть хорошія мѣста въ вставной повѣсти о Филено, тонкія психологическія положенія въ разработкѣ сцены, когда Флоріо подвергнутъ искушеніямъ новой любви, когда бѣлый цвѣтокъ среди терній вдругъ напоминаетъ Флоріо его милую, или случайный вопросъ Кальмены: почему онъ такъ блѣденъ? заставляетъ опомниться его, уже готоваго отдаться новому увлеченію. Если сюжеты, прекрасно задуманные психологически, нерѣдко являются разведенными безбрежной риторикой, это въ стилѣ Боккаччьо, и не только начинающаго.

Боккаччьо ссылается на повѣсть о Флоріо, написанную погре|чески Иларіемъ; но этотъ Иларій — такое же апокрифическое 253
лицо, какъ Иларій подложнаго письма, которое Боккаччьо занесъ въ одну изъ своихъ рабочихъ, черновыхъ тетрадей (zibaldone). Мы уже знаемъ[1]), что источникомъ Филоколо была полународная балладная пѣсня, итальянская передѣлка какого нибудь франко-итальянскаго оригинала, познакомившаго сѣверно-итальянскую публику съ содержаніемъ французскихъ поэмъ. Уже въ этомъ оригиналѣ захожій сюжетъ былъ пріуроченъ къ Италіи, и говорилось о Веронѣ-Марморинѣ; въ дошедшей до насъ народной балладной пѣснѣ разсказывается о возвращеніи Флоріо въ Тоскану: это и дало поводъ Боккаччьо къ личнымъ воспоминаніямъ

1) Сл. выше стр. 118 и введеніе Crescini къ Il cantare di Fiorio e Biancifiore (Scelta di curiosità letterarie, Disp. 233), Bologna, 1889.

и эпизодамъ въ Чертальдо. Такъ создалась причудливая географія Филоколо, которой авторъ, очевидно, не смущался, какъ не смущался и историческими несообразностями, которыхъ самъ былъ виною. Арабскій король Феличе царитъ отъ Севильи и Кордовы до Вероны; его народъ — язычники, но ихъ боги римскіе, классическіе, тогда какъ въ Александріи и Вавилонѣ властвуютъ эмиръ и султанъ, а Римъ представляется Боккаччьо, вспомнившаго здѣсь Данте[1]), подвластнымъ императору Юстиньяну и папѣ Вигилію. На этой фантастической сценѣ разыгрывается сюжетъ рыцарскаго романа, который Боккаччьо развиваетъ, вводя новыя лица, мотивы и подробности; мы не говоримъ здѣсь о новыхъ, совершенно постороннихъ дѣйствію эпизодахъ. Среднимъ вѣкамъ принадлежитъ здѣсь не многое: на похвальбу за столомъ короля Феличе[2]) указано было выше; когда посланный Венерой Амуръ впервые вселилъ въ Флоріо и Бьянчифьоре неизвѣстное имъ дотолѣ желаніе, и они смущены и удивлены невѣдомымъ чувствомъ, — это напоминаетъ извѣстную сцену, когда подъ вліяніемъ любовнаго напитка Тристанъ и
254 Изольда внезапно возгораются другъ къ другу страстью. Имя Садока также принадлежитъ французскимъ романамъ. — Сравнительно съ средневѣковою, классическая древность дала Боккаччьо наибольшія средства развитія, тогда какъ въ прежнихъ обработкахъ романа указанія на нее не выходятъ за общій средневѣковой уровень, въ родѣ «книги Овидія», по которой Флоріо и Бьянчифьоре учатся любить. Если вообще Боккаччьо повысилъ (какъ и въ Филострато) культурную среду своего оригинала, и даже лица, у которыхъ пристаетъ Флоріо во время своихъ странствованій, обратились изъ гостинниковъ въ почтенныхъ и именитыхъ людей, то именно внесенію классической окраски надо приписать сознательно поднятый тонъ всего разсказа. Положенія и лица по возможности оромашизованы: рядомъ съ Садокомъ,

---

1) Parad., VI, 13—18 слѣд.

2) Сл. выше стр. 206 слѣд.

Менаабомъ и немногими другими, преобладаютъ римскія имена; дѣйствующія лица цитуютъ безпрерывно примѣры классической мудрости и доблести, хорошо свѣдущи въ миѳологіи и исторіи; иныя сцены, вычитанныя изъ римскихъ поэтовъ, безъ труда укладывались въ эту псевдоклассическую травестію: намъ уже извѣстны источники двухъ эпизодовъ въ Филоколо — объ обителяхъ Ревности и Сна; но подобныхъ навѣянныхъ мотивовъ представляется нѣсколько. Разсказъ о мнимомъ взятіи Марморины [1]) является подражаніемъ Виргилію въ эпизодѣ о разрушеніи Трои и др. [2]); въ сценахъ битвы Лелія и Феличе встрѣчается рядъ виргиліевскихъ воспоминаній. Юлія, отыскивающая на полѣ тѣло мужа [3]), напоминаетъ Аргію Стація [4]), ищущую тѣло Полиника; Венера, посылающая Амура возжечь любовь въ молодыхъ людяхъ [5]), — сходную сцену Энеиды [6]); Бьянчифьоре [7]) сѣтуетъ, какъ |
Дидона [8]); какъ у Виргилія Венера является сыну, чтобы вру- 255
чить ему оружіе, скованное Вулканомъ [9]), такъ у Боккаччьо [10]) она отдаетъ его Флоріо; такими же классическими параллелями [11]) навѣяна сцена, когда Флоріо и Аскальоне посвящаютъ свое оружіе Марсу въ его храмѣ [12]). Красный, окруженный огненнымъ заревомъ Марсъ — обобщеніе древняго образа [13]).

---

1) Filoc., I, 20 слѣд.

2) Aen., II.

3) Filoc., I, 54.

4) Thebaid., XII, 280 слѣд.; сл. ib., 105 слѣд. и III, 133 слѣд.

5) Filoc., I, 54.

6) I, 657 слѣд.

7) I, 105 слѣд.

8) IV, 304 слѣд. Слезы — вешнія воды, Filocolo, II, 191; сл. Statii Thebaid., IX, 193–5.

9) Aen., VIII, 608 слѣд.

10) Filoc., I, 151.

11) Aen., VII, 183, XI, 5—11; Thebaid., II, 704 слѣд.

12) Filoc., I, 207—8.

13) Aen., XII, 332: Sanguineus Mavors; Statii Theb., III, 225—6: clipeique cruenta — Lux. — Бьянчифьоре представляетъ себѣ, что статуя Амура — ея Филоколо; она поступала, какъ египетскій Ксирофанъ (qual Sirofane Egiziaco fece del perduto figliuolo, Filoc., II, 184). Сл. у Овидія (Heroid., XIII, 151 слѣд.) Лаодамію и ласки, которыя она расточаетъ восковому изображенію своего мужа Протезилая.

Вспомнимъ, что арабы короля Феличе—язычники классическаго типа, что они стараются быть римлянами въ обрядахъ, жертвоприношеніяхъ, вѣрѣ въ omen, что̀ не мѣшаетъ имъ ходить съ неклассическими распущенными знаменами [1]). Ихъ Олимпъ — римскій; разумѣется, это «ложные боги» [2]), но они дали своеобразное, не всегда выдержанное освѣщеніе христіанству Филоколо. Лишь въ проповѣди Иларія оно выступаетъ сколько-нибудь откровенно, въ другихъ случаяхъ является языческая травестія: Юпитеръ и Плутонъ фигурируютъ въ значеніи Бога и дьявола, Юнона—Церковь, у нея намѣстникъ—папа; ап. Іаковъ—на̀большій изъ божьихъ рыцарей [3]), его святой [4]), дорогой братъ Юпитера [5]), блаженный небожитель, богъ [6]). Въ своей XI-й эклогѣ (Pantheon) Боккаччьо пошелъ еще далѣе по пути такой алле|-
256 горіи: Іисусъ Христосъ у него Алкидъ (сходившій въ адъ), Главкъ—апостолъ Петръ; въ пѣснопѣніи Главка, обнимающемъ библейско-христіанскую исторію, Ной названъ Девкаліономъ, Лотъ, отягченный виномъ (Броміемъ), — Кинирой; Христосъ, поучающій въ храмѣ, — юный Ликургъ, иначе Кодръ [7]). — Это тотъ же пріемъ, что у Петрарки, у котораго Юпитеръ обѣщаетъ вочеловѣчиться (Africa), Христосъ — Аполлонъ, Богородица — Палесъ и Кибела [8]). Припомнимъ дантовскаго sommo Giove и языческихъ боговъ, очутившихся демонами Ада; только у Боккаччьо и Петрарки этихъ отождествленій больше: имена классическихъ боговъ, проэктируясь массой на христіанствѣ, объединяютъ древнее и новое въ какомъ-то единствѣ, удаляя сознаніе разрыва; анагогическое толкованіе миѳа [9]) сплотитъ ихъ еще

1) Filoc., I, 27.
2) l. c., I, 12.
3) l. c., I, 11.
4) l. c., 16.
5) l. c., 43.
6) Beato Iddio, l. c., 50.
7) Сл. Амето, стр. 154.
8) Эклоги I и II.
9) De Geneal. Deor., I, 3.

тѣснѣе: легенда о Персеѣ, поразившемъ Горгону и вознесшемся на небо, изобразитъ вознесеніе Спасителя, поправшаго дьявола. Библейское прообразованіе дало форму новому, классическому.

Мы выразились о Филоколо, что это романъ въ формахъ
эпопеи, только написанный прозой. Ни въ чемъ этотъ замыселъ
не выразился такъ ясно, какъ въ размѣрахъ, которые Боккаччьо
даетъ вмѣшательству боговъ. Размышленія о Фортунѣ, встрѣ-
чающіяся на всемъ протяженіи романа, не указываютъ необхо-
димо на гуманистическіе источники; введеніе боговъ, какъ силъ,
руководящихъ человѣческими дѣйствіями, прямо относитъ насъ
къ типамъ Виргилія и Гомера. Боккаччьо хорошо помнитъ
«гнѣвъ богини» и не разъ пользуется имъ, забывая разницу
между интересомъ, который должны были возбуждать, и въ
богахъ и въ людяхъ, событія Троянской войны — и участь двухъ
юныхъ любовниковъ. Мы поймемъ отчасти замыселъ введенія,
гдѣ Юнона, явившись къ своему намѣстнику и Алекто [1]), обру|-
шиваетъ свой гнѣвъ на неблагодарныхъ троянцевъ (Гогенштау- 257
фены), но когда все дѣйствіе романа обусловлено распрей Юпи-
тера и Плутона и, далѣе, противоположностью Венеры и Марса —
и оскорбленной Діаны, это производитъ впечатлѣніе картины,
исчезающей въ своей рамѣ. Все это водительство боговъ при-
надлежитъ вымыслу Боккаччьо: старыя поэмы о Флоріо его не
знаютъ, и можно ожидать, что такое перенесеніе ввысь, на
Венеру и Діану, мотивовъ дѣйствія невыгодно отразится на
психологіи дѣйствующихъ лицъ. Но уже въ оригиналѣ Боккаччьо
они, въ сущности, недѣятельны, отданы одному роковому чув-
ству, предоставлены судьбѣ, случаю, помощи волшебнаго перстня;
вмѣсто энергіи у нихъ героизмъ выносливости. Боккаччьо остава-
лось лишь развить этотъ типъ; въ немъ онъ выразилъ свое пони-
маніе любви, съ ея плотскою страстностью, которую возбуждаетъ
весенняя пора [2]), и неловкими порывами къ небесному идеалу;

---

1) Сл. Aen., I, 50 слѣд.; VII, 323 слѣд.

2). Сл. Filoc., I, 122, II, 149.

одна сторона чувства всегда оставалась ему закрытой: юная, наивная стадія любви, неясной въ своихъ вожделѣніяхъ, полной восторговъ и безплотной поэзіи. Такъ поняли начинающуюся любовь Флоріо и Бьянчифьоре авторы французской и нѣмецкой поэмъ; герои Боккаччьо почти дѣти, затѣмъ юноши, но періодъ безсознательности быстро минуетъ для нихъ съ посѣщеніемъ посланнаго Венерой Амура, и они становятся не по лѣтамъ, какъ-то старчески сознательны: Бьянчифьоре серьезно говоритъ, что она и Флоріо пропустили случай насладиться конечными восторгами любви [1]), страстно призываетъ къ себѣ милаго въ ночь передъ посѣщеніемъ въ башнѣ [2]); чувство уходитъ въ риторику и софизмъ; Флоріо силлогизируетъ между да и нѣтъ, прежде чѣмъ рѣшиться проникнуть къ милой [3]); самъ едва не поддавшись обольщеніямъ другихъ красавицъ, онъ страстно ревнуетъ Бьянчифьоре (напомнимъ лишь эпизодъ о Филено), а |
258 она ревнуетъ его къ полунагимъ красавицамъ Монторіо, грозится откусить носъ у своей соперницы [4]), и сама богиня Рима, представшая ей въ видѣніи, возбуждаетъ въ ней ревнивое чувство [5]). Ко всему этому не идетъ ни аллегорическое видѣніе Флоріо передъ отъѣздомъ изъ Неаполя, кончающееся въ небѣ [6]), ни его желаніе уразумѣть мірское и небесное и научиться любить то и другое по достоинству: неосуществимое желаніе, издавна тревожившее Боккаччьо [7]); ни рѣшимость Филено — любить безнадежно, ибо это облагораживаетъ его [8]).

Вокругъ двухъ главныхъ героевъ Боккаччьо сгруппировалъ другіе эпизоды любви: Филено и эмиръ пылаютъ къ Бьянчифьоре, даже вражда сенешаля, ничѣмъ не мотивированная въ другихъ

---

1) I, 103, 316.
2) II, 176—177.
3) II, 145 слѣд.
4) I, 113.
5) II, 297—8.
6) II, 121 слѣд.
7) Сл. выше стр. 231—232 и 111 (письмо отъ 28 іюля 1338 года).
8) Filoc., II, 284.

версіяхъ романа, объясняется отвергнутой привязанностью; наконецъ, вся автобіографическая часть романа, проникающая частями въ его главное дѣйствіе, полна мотивовъ счастливаго и отвергнутаго чувства. Особливо бесѣды въ саду въ обществѣ Фьямметты окружены атмосферой Сна въ Лѣтнюю Ночь, и въ воздухѣ летаютъ, точно ивановскіе свѣтляки, дантовскіе духи любви.

Выше мы указали[1]) въ этой сценѣ вліяніе дантовскаго стиля; въ автобіографическомъ разсказѣ о первой встрѣчѣ съ Фьямметтой оно несомнѣнно присутствуетъ[2]); въ общемъ, вліяніе сказалось подражаніемъ нѣкоторымъ мотивамъ Vita Nuova и Божественной Комедіи, идеей Рима, объединяющаго папство и имперію, и общимъ порывомъ къ идеалистической аллегоризаціи. Боккаччьо слѣдуетъ издалека за «флорентинцемъ Данте», какъ его смиренный служитель, но его заимствованія изъ Данте носятъ характеръ центона, часто безвкуснаго. О Флоріо, трепе|-
щущемъ въ корзинѣ, употреблено выраженіе Данте объ Энеѣ, 259
сходящемъ въ преисподнюю: онъ чуть не сошелъ къ незнающимъ смерти вѣкамъ[3]); въ ночной сценѣ въ башнѣ глаза Амура блестятъ, давая понять, что онъ внялъ мольбамъ[4]); у Данте этотъ образъ примѣненъ къ Богородицѣ, внимающей св. Бернарду. Другіе дантовскіе мотивы касаются казовыхъ выраженій[5]). Въ это время уже писался Ameto: попытка реалиста подняться къ небу на крыльяхъ аллегоріи и терцины.

Когда весь интересъ отданъ былъ Флоріо и Бьянчифьоре и вопросамъ любви, немудрено, что другіе, второстепенные характеры романа не обратили на себя одинаковаго вниманія автора. Въ нихъ много недодѣланнаго, односторонняго; въ Садокѣ не помирены противоположности наивной алчности и просыпающа-

1) Сл. выше стр. 171.
2) Filoc., I, 5—6.
3) Filoc., II, 166.
4) Ib., 182.
5) I, 22: Cosa fatta capo ha; II, 74—5: Amore mai non perdonò l'amare a niun amato; I, 338 = Vita Nuova, § 23, ed. D'Ancona: обращеніе къ смерти.

гося въ немъ человѣчнаго чувства; Глорицiя и Аскальоне — типы няньки-наперсницы и дядьки-педагога древней комедiи; Аскальоне — добрый и услужливый старикъ, податливый на ту и другую сторону, онъ и христiанства долго не принималъ по вялости, или нерѣшительности. Король и королева любятъ своего сына и ненавидятъ Бьянчифьоре, потому что она ему неровня; королева — охотница до ковъ, хотя готова расплакаться, когда онѣ приводятся въ исполненiе; король, въ постоянномъ пароксизмѣ самодовольства или гигантскаго гнѣва, клянетъ сына и Бьянчифьоре и внезапно успокоивается, узнавъ, что она все-такиименитаго рода. Сынъ отвѣчаетъ ему такими же страстными упреками, которые нерѣдко прерываются заявленiемъ, что Флорiо захотѣлось повидать своихъ стариковъ. Во всемъ много шаржа, свойственнаго психологiи Боккаччьо: его герои любятъ и ненавидятъ неистово, быстро переходя отъ одного аффекта къ другому; психическiя движенiя выражены образно, иногда дословно,
260 когда, напр., Флорiо и Бьянчифьоре падаютъ замертво, закативъ глаза и судорожно сжавъ пальцы [1]); ихъ любовь заразительна, какъ обаянiе Фьямметты на общество, бесѣдовавшее въ саду, какъ печаль Феличе, которую раздѣляетъ весь народъ; когда разнесся слухъ о смерти Бьянчифьоре, въ городѣ поднялся такой вопль, что не слышно было бы шума борьбы боговъ съ гигантами. Мы въ мiрѣ повышенныхъ ощущенiй и впечатлѣнiй, преобладаетъ превосходная степень и постоянный, выдѣляющiй слово эпитетъ; въ Декамеронѣ я ощущаю это, какъ манеру, въ Филоколо это идетъ къ общему котурну: тонкiя кушанья [2]), сухiя поля [3]), цѣломудренныя объятiя [4]), благопрiятные вѣтры и летящiй корабль [5]), короткая лѣстница и сухiе

---

1) Сл. выше стр. 224—226 и Filocolo, I, 318 (con travolti occhi e colle pugna chuise) и 334 (con le pugna serrate e con gli occhi torti).

2) Dilicati cibi, I, 15.

3) Secchi campi, I, 49.

4) Casti abbracciamenti, I, 65.

5) Graziosi venti — volante nave, II, 233.

пески [1]) и т. д. То же въ Ameto: слезливая зима [2]), обоняющій [3]), не тупой носъ [4]), зубы серебряной бѣлизны, неширокая талія [5]) и др. Все это — принадлежность эпическаго стиля, какъ представлялъ его себѣ Боккаччьо; той же цѣли отвѣчаетъ накопленіе сравненій [6]), описаній [7]), обращеній и молитвъ, рѣчей и назиданій, пророческихъ видѣній и явленій боговъ. Дѣйствіе романа сплошь да рядомъ тормозится этими общими мѣстами и присущей Боккаччьо страстью къ обстоятельственности: какъ о своихъ герояхъ онъ хочетъ разсказать все, что о нихъ знаетъ, исчерпывая до мелочей всякое положеніе, такъ онъ увлекается темой бесѣды, поученія и, забывая лицо, впадаетъ въ |
стиль проповѣди на данную тему, полную риторическихъ длиннотъ, 261
съ краткими афоризмами вмѣсто точекъ. Снаряжаетъ ли Аскальоне Флоріо на бранный подвигъ, его рѣчь обращается въ поученіе, какъ держаться на поединкѣ [8]); предсмертное наставленіе Феличе — цѣлый трактатъ о достоинствахъ правителя; не забытъ и афоризмъ, когда-то высказанный королемъ сенешалю: что обязанность властителя, если онъ и огорченъ, являть подданнымъ привѣтливое чело [9]). Рядомъ съ этой противоположностью характеровъ и абстрактной морали — другая: характера и положенія. Юлія не забываетъ своей благовоспитанности даже въ моментъ, когда огорчена смертью мужа, и Аскальоне хочетъ вести ее къ королю.

Всѣ эти недочеты останутся въ извѣстной мѣрѣ и за авторомъ Фьямметты и Декамерона: и шаржъ, и до мелочи выписанныя подробности, противорѣчія характеровъ и положеній, харак-

1) II, 234.
2) Ameto, стр. 21.
3) l. c., стр. 31.
4) l. c., стр. 32.
5) l. c., стр. 33.
6) Filoc., I, стр. 29—31: камень, песъ, рѣка, лань и др.
7) Послѣ битвы звѣри сбѣгаются на падаль, l. c., I, 64 и др.
8) I, 161 слѣд.
9) I, 63; II, 370.

теровъ и общихъ мѣстъ учительнаго содержанія. Въ Декамеронѣ многое сгладится: широкое наблюденіе жизни дастъ перевѣсъ реализму надъ риторикой, поставитъ Боккаччьо на почву жанра, новеллы, пристальнаго, любовнаго наблюденія ограниченнаго въ самомъ себѣ житейскаго факта. Къ поэмѣ съ широкимъ планомъ Боккаччьо былъ неспособенъ: его Филострато — новелла въ стихахъ, вся новеллистическая часть Филоколо, такъ или иначе связанная съ автобіографіей поэта, рѣзко отличается отъ другой, романической, съ ея внѣшней, причудливой спайкой средневѣковаго и интимнаго. И это противорѣчіе Боккаччьо побѣдитъ впослѣдствіи въ поэтическомъ синкретизмѣ своего Ninfale Fiesolano. И Ninfale и Декамеронъ одинаково вышли изъ безформенныхъ массъ Филоколо. Къ его безформенности прибавимъ и его недодѣланность; неряшливость стиля тамъ и здѣсь, повтореніе одного и того же слова встрѣчаются и въ Декамеронѣ, которому авторъ не успѣлъ дать окончательной отдѣлки; въ Филоколо къ этому |
262 присоединяются очевидныя противорѣчія: на гробницѣ Юліи начертаны слова, что она Цезарева рода, король не могъ не знать этого, какъ зналъ Аскальоне, а между тѣмъ весь романъ держится на противодѣйствіи родителей неравному браку сына. Боккачьо видимо охладѣлъ къ своему роману, куда въ теченіе долгихъ лѣтъ вносилъ свои воспоминанія.

III.

Затѣя эпоса въ прозѣ не удалась, но Филоколо былъ школой для группы поэтическихъ произведеній, раздѣльнѣе и полнѣе разработавшихъ его формальные элементы: дантовскій аллегоризмъ и эпическій матерьялъ древности. Первый сталъ на очередь ранѣе второго, Амето (1340—1)[1] и Любовное Видѣніе (1342) и по времени примыкаютъ къ Филоколо (1342); и

1) Сл. указаніе Боккаччьо: что двѣ пятыхъ части 14-аго вѣка уже compiute.

понятно почему: для объективности Тезеиды и особливо Ninfale Fiesolano Боккаччьо еще слишкомъ безпокоенъ, слишкомъ занятъ собою, своими отношеніями къ Фьямметтѣ, создавшими лучшіе эпизоды его Филоколо. Онъ переживалъ свои воспоминанія, обвиняя и оправдывая себя, надѣясь и страдая. Особенно тревожитъ его одинъ вопросъ, когда-то поставленный въ обществѣ Фьямметты: о земной, низменной любви, какъ облагораживающей, поднимающей человѣка силѣ. Боккаччьо стоялъ тогда на точкѣ зрѣнія трубадуровъ, искалъ оправданія своей реальной страсти въ общемъ мѣстѣ средневѣковой лирики; Фьямметта являлась болѣе разсудительной, рѣзко подѣляя области плоти и духа. Послѣднее слово осталось за нею [1]); это былъ укоръ и разочарованіе, удалявшіе миражъ поэзіи и возможность идеализаціи. Боккаччьо не можетъ успокоиться на этомъ, для него это вопросъ самоопредѣленія, и онъ отвѣтилъ на него — своимъ Амето.

Амето, ἄδμητος — это человѣкъ неразвитой, непосредственно|-
простодушный, какъ сынъ пустынника въ введеніи къ 4-му дню 263
Декамерона, Чимоне въ 1-й новеллѣ V-го дня; наивный, какъ Дафнисъ у Лонга, грубый и неотесанный, какъ Полифемъ въ идеализаціи Ѳеокрита и Овидія [2]). Суровый циклопъ, надменно кощунствующій надъ олимпійцами, полюбилъ Галатею и ощутилъ впервые, что такое любовь. Объятый страстнымъ желаніемъ, онъ пламенѣетъ, забывъ свои стада и берлоги; начинаетъ заботиться о своей наружности, хочетъ понравиться, расчесываетъ граблями свои всклокоченные волосы, серпомъ обрѣзалъ бороду и смотрится въ воду, охорашивая свое свирѣпое лицо [3]).

---

1) Сл. выше стр. 170 слѣд.

2) Metam., XIII.

3) 762 Quid sit amor, sentit, validaque cupidine captus,
Uritur, oblitus pecorum antrorumque suorum.
Jamque tibi formae, jamque est tibi cura placendi,
Jam rigidos pectis rastris, Polypheme, capillos:
Jam libet hirsutam tibi falce recidere barbam
Et spectare feros in aqua et componere vultus.

Его одинокая, призывная пѣсня къ Галатеѣ — откровеніе свѣжаго, только-что проснувшагося чувства. Ты — красавица, поетъ онъ, ты цвѣтешь краше луга, ты выше ольхи, свѣтлѣе кристалла, шаловливѣе молодого козленка, ... стройнѣе высокаго платана, прозрачнѣе льда, слаще спѣлаго винограда [1]).

Онъ манитъ ее къ себѣ; тебѣ будетъ хорошо: есть у меня для тебя яблоки, тяжело нависшія на сучьяхъ, есть на длинныхъ лозьяхъ гроздья винограда, золотыя и пурпурныя: тѣ и другія я берегу про тебя и т. д. [2]).

Для нея припасены у него подарки: лани, зайцы и козлы, пара голубей изъ гнѣзда, добытаго на вершинѣ дерева; нашелъ я на высокихъ горахъ двухъ мохнатыхъ медвѣжатъ, они будутъ |
264 играть съ тобой; они такъ похожи другъ на друга, что ты ихъ не различишь. Нашелъ и сказалъ себѣ: припасу я ихъ для моей владычицы [3])!

Амето — это овидіевскій Полифемъ, спустившійся къ роли пастуха Виргиліевой эклоги: онъ живетъ въ природѣ, недоступенъ высшимъ порывамъ, пока его не цивилизовала и не просвѣтила любовь; показатель цѣлаго ряда другихъ юношей, также испытавшихъ благое вліяніе любви; въ извѣстной мѣрѣ — самого Боккаччьо. Являясь типомъ, отчасти навѣяннымъ литературнымъ преданіемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежитъ флорентійской

---

1) 790 Floridior pratis, longa procerior alno,
Splendidior vitro, tenero lascivior haedo....
794 Nobilior palma, platano conspectior alta,
Lucidior glacie, matura dulcior uva.

2) 812 sunt poma gravantia ramos,
Sunt auro similes longis in vitibus uvae,
Sunt et purpureae: tibi et has servamus, et illas.

3) 832 damae leporesque caperque,
Parve columbarum, demptusve cacumine nidus:
Inveni geminos, qui tecum ludere possint,
Inter se similes, vix ut dignoscere possis,
Villosae catulos in summis montibus ursae.
Inveni et dixi: «dominae servabimus istas».

дѣйствительности: его мать была изъ семьи Нерли, жившихъ по ту сторону Арно [1]); нимфа Лія, которой онъ обязанъ своимъ превращеніемъ, аллегорія Вѣры, родилась во Флоренціи [2]); иносказательное описаніе Боккаччьо позволило приблизительно отождествить ее съ дѣйствительнымъ лицомъ, какъ и большую часть другихъ нимфъ, являющихся въ разсказѣ. Боккаччьо любитъ поэтическіе перечни красавицъ: уже въ поэмѣ его юношеской поры неаполитанскія красавицы изображены въ аллегорической охотѣ, съ ихъ именами и фамиліями [3]), въ Capitolo [4]), написанномъ, вѣроятно, въ началѣ 40-хъ годовъ, передъ поэтомъ, погруженнымъ въ сладостныя мечты любви, Амуръ выводитъ въ пляскѣ двѣнадцать прелестныхъ женщинъ, флорентинокъ, въ среду которыхъ вмѣшалась и Фьямметта: это она «угодила тебѣ стрѣлою въ сердце, оттого и теперь еще ты страдаешь», говоритъ ему Амуръ; «она такъ красива, что тому не повѣритъ никто, | кто не поглядитъ на нее твоими глазами, ибо никому не всмот- 265
рѣться столь глубоко». Подобный же перечень встрѣтится намъ и въ Любовномъ Видѣніи; Фьямметта, какъ всюду, съ своимъ nom de guerre. Въ Амето личныя указанія не столь прозрачны: поэтъ ограничивается иносказаніемъ, описаніемъ герба и семейнаго прозвища, мѣста рожденія и т. д.; имена нимфъ вымышленныя, отчасти аллегорическія: Мопса, Эмилія, Адіона, Акримонія, Агапе, Фьямметта, Лія. Всѣ онѣ влюблены и разсказываютъ о своихъ привязанностяхъ, по виду отнюдь не идеальныхъ, нерѣдко въ откровенномъ тонѣ Декамерона. Молодые люди, взысканные, иногда насильно, этой любовью, дѣлаются отъ нея лучше и выше, потому что всѣ эти любовныя похожденія надо понимать аллегорически: передъ нами уже не женщины изъ семьи Торнаквинчи или Борончелли, а три житейскихъ и четыре богословскихъ добродѣтели: Мопса — мудрость или благоразуміе, Эмилія — справед-

1) Ameto, стр. 181—2.

2) l. c., стр. 181.

3) La Caccia di Diana, сл. выше стр. 124—125.

4) Ed. Moutier, v. XVI, p. 116 слѣд.; сл. D'Ancona, Vita Nuova, 2-a ed., p. 46.

ливость, Адіона — умѣренность, Акримонія — нравственная крѣпость, Агапе — любовь, Фьямметта — надежда, Лія — вѣра [1]). Каждая изъ нихъ отдана культу своей богини, но всѣ онѣ взысканы Венерой — и полюбили: добродѣтель, изощренная любовью, поднимаетъ любимаго человѣка къ откровенію небесной любви, Венеры, объявляющейся въ таинственныхъ чертахъ триипостаснаго Бога.

Такова общая идея Амето, аллегоріи въ формахъ пасторали. Боккаччьо подслушалъ эту форму у Виргилія и его подражателей, но воспользовался ею самостоятельно и сталъ родоначальникомъ пасторальнаго романа въ новой Европѣ. Нѣсколько мотивовъ, напоминающихъ романъ Лонга, навѣяны сходствомъ положеній и не вызываютъ вопроса о какихъ бы то ни было неизвѣстныхъ намъ источникахъ, тѣмъ менѣе разсказъ Низами о персидскомъ царевичѣ Бехрамѣ и его семи женахъ, одѣтыхъ каждая въ особый цвѣтъ въ соотвѣтствіи съ одной изъ семи планетъ [2]). |

266 Авторъ начинаетъ съ небольшого введенія (Prologo): разныя случайности и превратности судьбы вызываютъ въ сердцахъ смертныхъ множество желаній; вотъ почему одни любятъ слушать про битвы, побѣды и замиренія, другіе — про любовныя приключенія, утѣшаясь разсказомъ о чужомъ горѣ, возбуждаясь къ великому, или къ новой любви — чтеніемъ про старую. Что до автора, онъ станетъ говорить объ Амурѣ, надѣясь, что его не осудятъ тѣ, кто съ должнымъ вниманіемъ отнесется къ прославленію любви, какъ высшей нормѣ и руководительницѣ человѣческой жизни, прославленію, повторяющему восторги Троила [3]) и разсужденія Галеонс [4]). Поэтъ будетъ пѣть про побѣды своего

---

1) Сл. пѣснь Амето, стр. 194—6.

2) Сл. Italo Pizzi, l'Ameto persiano, Giorn stor. della lett. ital., fasc. 49, стр. 81 слѣд., и его книгу: Le somiglianze e le relazioni tra la poesia persiana e la nostra del Medio Evo (Torino, 1892). Противъ сближеній автора сл. V. Crescini, Qualche appunto sopra l'Ameto del Boccaccio, Padova, 1893 (оттискъ изъ Atti e Memorie Падуанской академіи, vol. IX, disp. 1, любезно доставленный мнѣ авторомъ).

3) Filostrato, III, 74; сл. выше стр. 140—1.

4) Filostrato, въ 7-мъ вопросѣ любовной бесѣды; сл. выше стр. 172—173.

вождя, а слѣдовать за нимъ побуждаетъ его женщина, подобной которой по красотѣ не создали своими священными дланями ни природа, ни искусство; станетъ пѣть въ стилѣ, отвѣчающемъ его низменной долѣ, не боясь укоровъ, не какъ поэтъ, а какъ влюбленный. — Въ стихотворной пьесѣ, кончающей введеніе и написанной терцинами, какъ всѣ стихотворныя партіи Амето, авторъ обращается къ Китереѣ и Амуру, прося его «утолить *новое пламя*», которое онъ зажегъ въ его сердцѣ. А ты прелестное созданіе, donna gentile, которой душа моя подвластна, даже и въ мукахъ чувствуя себя счастливой, помолись о томъ, чтобы твой служитель могъ достойно воспѣть твою красоту. Я ничего не стою, безъ тебя — еще менѣе; да снизойдетъ на меня твоя помощь, и я покажу, что Юпитеръ поскупился для другихъ на прелести, которыми сіяешь ты и твои подруги, что̀ бесѣдовали съ тобой, подъ тѣнью цвѣтущаго лавра, въ ту сладостную пору, когда поютъ птицы. И вотъ я принимаюсь слагать разсказъ о милыхъ рѣчахъ и веселыхъ забавахъ и чудесномъ спасеніи, совершенномъ вами въ области любви, и ожидаю, что твое наитіе |
доставитъ хвалу моимъ словамъ, а твоя доблесть вознесется до 267
звѣздъ.

Какое это новое пламя, и какая donna gentile возносится до звѣздъ, этотъ вопросъ можетъ быть выясненъ лишь въ концѣ слѣдующаго разбора.

Мѣсто дѣйствія Амето въ Италіи, и именно въ Этруріи, посрединѣ которой поднимается гора, въ древности называвшаяся Коритомъ (нынѣ Фьезоле). На ея склонахъ растетъ густой боръ, который часто посѣщаетъ бродячій охотникъ Амето, чествуя жертвами фавновъ и дріадъ, точно родичей, а они въ отплату за то посылали ему въ охотѣ удачу. Однажды, нагруженный добычей, онъ остановился отдохнуть въ долинѣ, тамъ, гдѣ замираютъ въ Арно воды Муньоне; разлегся на травѣ, распахнулся, грубой рукою отеръ потъ съ лица, освѣжилъ ротъ, пожевавъ зеленыхъ листьевъ; отдохнувъ, сталъ баловаться со своими псами: кого схватитъ за морду, кого за хвостъ или за ноги, а тѣ бросаются

на него, играя, вырвутъ клочекъ его небогатой одежды, а онъ сердится. Вдругъ до него донесся съ рѣки прелестный голосъ и звуки неслыханной пѣсни. Это боги спустились на землю, думаетъ онъ; я что-то замѣтилъ сегодня, да не повѣрилъ себѣ: въ лѣсу звѣрей было какъ-будто больше, солнце свѣтило ярче, гуще трава и цвѣты. Онъ хочетъ пойти поглядѣть на нихъ, принести имъ въ даръ свою добычу. Укротивъ собакъ ласкою и гнѣвнымъ взоромъ и палкой, онъ начинаетъ прислушиваться, склонивъ голову на лѣвое плечо, затѣмъ, привязавъ псовъ къ дубу, взялъ въ руки суковатую палку и идетъ по направленію голоса. На берегу рѣчки, въ тѣни кустарниковъ, онъ видитъ молодыхъ женщинъ — нимфъ; онѣ отдыхаютъ; иныя, въ любимой у Боккаччьо позѣ, бродятъ, разувшись, въ водѣ, другія, засучивъ рукава, чистятъ луки и стрѣлы, третьи прислушиваются къ пѣснѣ, которую пѣла одна изъ нихъ. Считая ихъ богинями, Амето попятился и сталъ на колѣни, не зная, что и подумать; когда собаки нимфъ набросились на него, онъ отбивается, полумертвый отъ страха: ему припомнилась судьба Актеона. Нимфы уняли собакъ, радушно |
268 успокоили Амето, и пѣвица, Лія, снова принялась за пѣсню. Она поетъ про своего отца Кефисса, мать Лиріопу и брата Нарцисса, обращеннаго въ цвѣтокъ; онъ погибъ отъ своего жестокосердія, ибо не внималъ ничьей любви; мнѣ же она мила, я хочу быть любимой, продолжаетъ Лія: кто пожелаетъ открыть очи сердца на мою красоту и удержать ее въ нихъ, тому я дамъ вкусить наслажденія, которое для любящихъ выше знойнаго, сильнаго желанія, и никогда не будетъ знать печали, кто разумно увлечется моей красою, какъ увлеклись тѣ, которыхъ послѣ долгихъ усилій я возвела на вершину высшаго блага. Мнѣ имя — Лія отъ моего художества, я горю въ томъ пламени, которымъ горитъ гора Цитеры. — Лія понята, вѣроятно, въ связи съ греч. λεῖα (добыча, особенно охотничья), какъ охотница: Лія-вѣра улавливаетъ души.

Пока пѣлась пѣсня, Амето робкими шагами подошелъ ближе и, уставивъ руки и бороду на посохъ, стоялъ, какъ вкопанный,

заглядѣвшись на пѣвицу; когда пѣсня кончилась, онъ очнулся отъ самозабвенія, какъ человѣкъ, внезапно разбуженный и не признающій, гдѣ онъ [1]). При видѣ его, подруги Ліи едва удержались отъ смѣха, уже показавшагося въ ихъ глазахъ; Амето едва устоялъ, не говоря ни слова, опустился на траву и весь погрузился въ созерцаніе Ліи, рѣзвившейся на лугу съ товарками. Все въ ней ему нравится; блаженъ тотъ, кому достанется ея любовь, говоритъ онъ себѣ и то считаетъ себя ея достойнымъ, то, принявшись разбирать свой грубый образъ, уличаетъ себя въ смѣлости — и снова возвращается къ первой мысли. Среди такой внутренней борьбы онъ возгорается къ той, которую до тѣхъ поръ никогда не видѣлъ, и чѣмъ яснѣе у него представленіе, что его желаніе не будетъ удовлетворено, тѣмъ сильнѣе онъ его ощущаетъ. Новичекъ и неопытный въ этомъ дѣлѣ, онъ не понимаетъ, откуда взялась у него эта страсть, и что ее возбудило, и, созерцая нимфу, открываетъ незнаемые пути любви и уже начи|-
наетъ догадываться по глазамъ красавицы, что его желаніе встрѣ- 269
чено сочувствіемъ; онъ хочетъ удовлетворить его, но еще болѣе разжигаетъ, пристальнѣе взглядываясь въ тѣ глаза. Такъ, самъ не зная, что творитъ, онъ впиваетъ въ себя незнакомое ему пламя, и какъ огонь, внезапно охвативъ маслянистые предметы, то отхлынетъ отъ нихъ, то снова ихъ охватитъ, такъ приливала и отливала волнами страсть Амето [2]). Онъ передумываетъ пѣсню Ліи, ему понятны всѣ ея слова—но что такое Амуръ? Это единственный изъ боговъ, о которомъ онъ не имѣетъ понятія, а она поетъ о немъ, слѣдуетъ за нимъ; пусть онъ откроется ему, дабы онъ могъ угодить той, чьи очи заставили его забыть лѣсныя сѣни, охоту, его лукъ и псовъ. Она одна нравится мнѣ; не это ли Амуръ? Если такъ, она дороже мнѣ всего; если нѣтъ—она все же мнѣ мила.—Тутъ онъ спохватился: вспомнилъ о жестокой власти, которую проявляютъ красавицы, о своей свободѣ. Что же онъ

---

1) Стр. 14; сл. Dante, Purg., XI, v. 34—6.

2) Сл. выше стр. 186, прим. 2.

намѣревается сдѣлать съ собой? Боги да удалятъ отъ него обуявшую его страсть; она ему не къ лицу, онъ слишкомъ неотесанъ, нѣтъ у него красоты Зевса и Адониса, сокровищъ Мидаса, киѳары Орфея. — Брошу я все это, говоритъ онъ себѣ, но поглядѣлъ на Лію, и снова ему захотѣлось понравиться ей: онъ оправилъ волосы, набѣжавшіе на лицо, пригладилъ бороду, привелъ въ порядокъ дырявое платье; упрекаетъ себя въ малодушіи: почему же ему не попытаться? Если самъ я не приглянусь, угожу дѣломъ: она охотница, я буду ей спутникомъ, стану носить ея оружіе, указывать логовища звѣрей, срывать вѣтки съ густыхъ дубовъ—на вѣнки. У него не разъ является желаніе объясниться, попытать новаго брода, но до того не допустило его свойство новаго властелина, которому онъ отдался; онъ отступилъ назадъ, и лишь загорѣлое лицо не дало разглядѣть на немъ краски стыда. Онъ спѣшитъ къ мѣсту, гдѣ оставилъ свою добычу, и, подбодрившись, скрывая внутреннюю робость, приноситъ ее въ даръ Ліи, бормоча несвязныя рѣчи. Его приняли |
270 въ общество нимфъ, и ни шутки, ни намеки, которыхъ онъ, быть можетъ, и не понималъ, не заставили его отстать отъ нихъ до самой ночи.

Съ тѣхъ поръ всѣ мысли Амето отданы его нимфѣ; онъ клянетъ долгія ночи, лишь только забрезжетъ свѣтъ, спѣшитъ въ лѣсъ, поджидаетъ нимфъ, охотится съ ними и отдыхаетъ на берегу рѣки. Но настала «плакучая» зима, и его веселье кончилось; описаніе зимы и занятій, которыми влюбленный коротаетъ время, исправляя сѣти и охотничій снарядъ [1]), напоминаетъ эпизодъ въ романѣ Лонга, гдѣ Дафнисъ также томится, не видя Хлои. Но вотъ солнце вступило въ созвѣздіе Овна (мартъ), и снова Амето охотится въ лѣсахъ вмѣстѣ съ Ліей и ея подругами. Однажды, долго побродивъ и разыскавъ ее, онъ разлегся на травѣ и принялся пѣть. Его пѣсни напоминаютъ мотивы Овидіева Полифема, стиль тосканскаго stornello, и милый шаржъ ея народ-

1) Стр. 21—3.

ныхъ образовъ и сравненій идетъ къ типу наивнаго Амето: Фебъ
поднялся на средину неба, всѣ ищутъ тѣни, одна лишь ты скитаешься
въ солнечныхъ лучахъ. Приди же! «Ты свѣтлѣе стекла,
слаще спѣлаго винограда; я молюсь на тебя въ моемъ сердцѣ,
въ которомъ постоянно тебя ощущаю. Какъ пальма поднимается
въ высоту, такъ и ты; ты граціознѣе молодого ягненка на пастбищѣ,
милѣе и отраднѣе, чѣмъ студеная вода для усталаго тѣла,
чѣмъ огонь для похолодѣвшихъ членовъ. Часто сравнивалъ я
твои кудрявые волосы съ сухой, золотистой соломой Цереры;
если бы не боязнь надоѣсть тебѣ, я бы вымолилъ у Юпитера,
какъ высшей милости, позволенія—вѣчно глядѣть на тебя. Приди,
я принесъ для тебя веселые подарки: набралъ цвѣтовъ, красивыхъ
и пахучихъ, приберегъ, по моему обыкновенію, вишень —
но ты медлишь, и они, чай, согрѣлись. Есть у меня для тебя шелковичныя
ягоды, бѣлыя и красныя, какъ огонь, миндаль и сливы
и земляника, славныя груши и фиги. Нашелъ я гнѣздо горлицы,
такихъ красивыхъ птенчиковъ не отыскать, ты по цѣлымъ часамъ
будешь заниматься ими; да еще поймалъ я двухъ зайчиковъ отъ |
раненой матки, такихъ граціозныхъ, что ихъ жаль было убивать. 271
И много еще другого принесъ я для тебя, моя красавица».

Но красавица не явилась, и Амето ушелъ, проклиная свою собственную нерасторопность.

Настали дни, посвященные издревле чествованію Венеры; народъ стекается въ храмы, особливо въ одинъ, возвышавшійся на мраморныхъ колоннахъ между Арно и Муньоне. Сюда явились нимфы, фавны и дріады, сатиры и наяды; принарядился Амето, пришла и Лія. Когда отошла служба въ храмѣ, всѣ разбрелись по тѣнистымъ мѣстамъ, кто игралъ на свирѣли, кто на киѳарѣ, иные вообразили себя такими же судьями въ боѣ животныхъ, какъ Александръ—Парисъ; другіе занялись рукодѣльемъ. Амето не отстаетъ отъ Ліи, которая усѣлась со своими на лугу, защищенномъ отъ солнца, и тихо повела рѣчь о вышнихъ богахъ и людскихъ недостаткахъ. Не успѣла она начать, какъ явились двѣ нимфы-красавицы, которыя и подсѣли къ остальному об-

ществу, Амето внимательно разглядываетъ ихъ, а Боккаччьо вторитъ ему точнымъ описаніемъ-портретомъ; и такъ всегда, когда явятся новыя гости. Съ стилемъ этихъ портретовъ мы уже знакомы по изображенію Фьямметты [1]): художникъ идетъ сверху внизъ, отъ прически до крохотныхъ ножекъ, останавливаясь на всякой подробности костюма — и того, что онъ пластически скрываетъ. Считанныя вмѣстѣ, подъ рядъ, эти описанія производятъ впечатлѣніе скуки; ихъ надо перенести на бумагу, карандашемъ, чтобы понять, сколько въ нихъ разнообразія, и признать въ Боккаччьо сильное чувство контура и складки [2]) и свѣта. Бѣлое, шитое золотомъ платье нимфы мелкаетъ промежъ деревьевъ, указывая ея путь [3]); поклонникъ гладко-прилаженныхъ причесокъ [4]), Боккаччьо помнитъ Овидія [5]) и умѣетъ найти пре|-
272 лесть въ волосахъ, распущенныхъ въ живописномъ безпорядкѣ: волосы — краса женщины [6]), и его художественному реализму не претитъ образъ нимфы, отирающей прекрасною ручкою и тончайшимъ платкомъ «блестящія искорки» пота, исполосившія ея лицо [7]).

Лія кончила между тѣмъ свою рѣчь, и нимфы спѣшатъ на звуки свирѣли: то пастухъ Теогапенъ слагаетъ пѣснь въ похвалу богини, которой только-что принесли жертвы. Содержаніе его пѣсни какъ бы раскрываетъ внутренній смыслъ всего, что далѣе развивается въ пасторали: это гимнъ возвышенной любви, изощряющей человѣка ко всему лучшему, дѣлающей его добродѣтельнымъ; на кого падаетъ ея лучъ, тотъ пренебрегаетъ мірскимъ, бѣжитъ Вакха и Цереры и неумѣренныхъ вожделѣній плоти, его конечное стремленіе — воззойти къ вѣчному царству любви, красоты котораго вѣщаютъ Бога.

---

1) Сл. выше стр. 115—116.
2) Сл. Ameto, стр. 53—4.
3) Сл. ib. стр. 49.
4) Сл. выше стр. 116.
5) Сл. Art. Am. II, 137 слѣд.
6) Сл. Ameto, стр. 38, 54, 121.
7) l. c., стр. 37.

Двѣ новыхъ красавицы подошли къ Ліи; нимфы благодарятъ пѣвца: его пѣсня была имъ мила, какъ усталому сонъ на зеленомъ лугу, жаждущему — студеный ключъ [1]), а Теогапенъ проситъ нимфъ, въ награду за пѣсню, быть судьями въ поэтическомъ спорѣ двухъ пастуховъ: Ахатена изъ Академіи и Альцеста изъ Аркадіи; побѣдителю достанется вѣнокъ, Теогапенъ подыгрываетъ имъ на свирѣли. Альцестъ поетъ про горы, на которыя съ зарей онъ выгоняетъ свое маленькое стадо; оно питается тощей травой, растущей на скалахъ, пьетъ ключевую воду и бываетъ здорово, а пастухъ печется о немъ, сторожитъ ночью и бережетъ отъ вѣтра. — Ахатенъ издѣвается надъ нимъ: ему такъ нечего водить свое стадо въ горы, на роскошныхъ полянахъ вдоволь травы и пойла; ему нѣтъ дѣла до того, каково то и другое, лишь бы стадо множилось, а оно множится, есть, что и волку унесть; нѣтъ нужды сторожить овецъ или сѣтовать, что онѣ не | слушаются: лишь бы набить глотку и кошель. — На эту тему 273
развивается преніе, кончающееся побѣдой Альцеста и заявленіемъ, что его противникъ не пастырь, а скорѣе врагъ своему стаду. — Пренія имѣютъ, очевидно, иносказательный смыслъ: дѣло идетъ о паствѣ душъ и о пастыряхъ, о нихъ радѣющихъ или нерадивыхъ. Это — частная аллегорія, входящая въ планъ общей: Лія также упасетъ Амета на стезяхъ спасающей любви.

Еще двѣ нимфы увеличили общество Ліи; онѣ усѣлись, вмѣстѣ съ ними Амето; долго онъ глядитъ на нихъ и затѣмъ заводитъ пѣсню: благодаритъ боговъ, что сподобили его такого блага, Амура, вырвавшаго его изъ грубой, безсознательной жизни — взорами Ліи. Подъ ея руководствомъ онъ будетъ вѣчно служить ему, броситъ охоту и звѣрей, станетъ слѣдовать за красавицами. Онъ клянетъ утраченное время и, какъ Данте въ одномъ юношескомъ сонетѣ, выражаетъ желаніе, чтобы боги навѣки оставили ихъ вмѣстѣ въ томъ положеніи, какъ теперь, юными и веселыми, безупречными, всегда пылающими огнемъ Амура.

---

1) l. c., стр. 42 сл. Virgil., Ecl. V, 45—7.

Нимфы отдыхаютъ: та бродитъ босая въ холодныхъ струяхъ, другая, распахнувшись, машетъ на себя покрываломъ, призывая Зефира, третьей не видно въ травѣ, гдѣ она разлеглась, положивъ бѣлокурую головку на свернутый плащъ. Всѣ прислушиваются къ пѣснѣ Амето, котораго боги, должно быть, не одарили слухомъ, и хихикаютъ и шутятъ надъ нимъ. Когда онъ умолкъ, Лія повела такую рѣчь: еще солнце въ полудни, намъ нечего уходить отсюда пока оно не склонится къ западу, и нѣтъ другого развлеченія, кромѣ бесѣдъ. Въ виду нынѣшняго празднества будемъ говорить о нашихъ привязанностяхъ; такъ мы проведемъ день въ занятіи, не во снѣ и тунеядствѣ, какъ то дѣлаютъ другіе, жалкіе. — Всѣ согласились, и такъ какъ каждая изъ нихъ была почитательницей какой-нибудь богини, порѣшили, чтобы каждый разсказъ кончался хвалебнымъ ей гимномъ. Амето будетъ распорядителемъ[1]), онъ предлагаетъ начать Мопсѣ. |

274 Слѣдующая часть пасторали напоминаетъ не столько извѣстныя намъ бесѣды въ саду, изображенныя въ Филоколо, сколько болѣе выработанный планъ Декамерона; Боккаччьо подходилъ къ нему постепенно. Одна нимфа за другой выступаетъ съ своей повѣстью по назначенію Амето, съ такими же пріемами, какіе характерны для зачала новеллъ Декамерона: разсказчица начинаетъ нѣсколькими общими мѣстами, она смущена, готова повиноваться, говоритъ, что ей лучше было бы не сказывать послѣ новеллъ ея подругъ. Гимны, вѣнчающіе каждый разсказъ, обратились въ Декамеронѣ въ канцону, завершающую день.

Мопса начинаетъ съ нѣсколькихъ біографическихъ данныхъ о себѣ, выраженныхъ иносказательно; ясно одно, что имя ея мужа было Неронъ, — а въ числѣ красавицъ, воспѣтыхъ Боккаччьо въ его Capitolo[2]), является и monna Lottiera di Neron Gigi. Съ юности отецъ посвятилъ ее служенію Палладѣ, она выросла среди музъ и отвѣдала касталійскаго источника; Палладѣ она

1) Antiste, стр. 59.
2) Сл. выше стр. 266—7.

осталась вѣрна и впослѣдствіи, когда ее выдали за нелюбимаго, некрасиваго мужа. Однажды, гуляя въ раздумьи по морскому берегу, она увидѣла въ ладьѣ прелестнаго юношу Афрона; любитель моря, не умѣя управиться, онъ и въ даль боялся пуститься и не хотѣлъ пристать къ берегу, а, держась вдоль него, былъ игрушкою волнъ. Его красота обуяла Мопсу и, движимая Венерой, она принялась его звать, проситъ выйти на берегъ, не играть жизнью. Тотъ не слушаетъ ее, а она истощилась въ уговорахъ: пусть явится, она обласкаетъ его, какъ Геро Леандра; она — служительница Паллады, нимфа Парнасса, Аполлонъ открылъ ей свою мудрость, ее она повѣдаетъ ему, посвятитъ его въ тайны всего сущаго. Когда и это не помогло, она, отбросивъ стыдъ, обнажила передъ нимъ свои роскошныя формы — и слышитъ голосъ Афрона: Твоя красота побѣдила меня. Онъ присталъ къ берегу и, удостоенный объятій красавицы, забылъ свою грубость, смягчился нравомъ, и нѣтъ никого, кто бы въ наше время былъ
среди насъ | славнѣе его въ искусствахъ Паллады, говоритъ 275
Мопса, заключая свой разсказъ торжественнымъ гимномъ богинѣ, съ стилистическими воспоминаніями изъ Данте[1]).

Вспомнимъ, что Мопса — аллегорія мудрости; изощренная любовью, она просвѣщаетъ Афрона, т. е. неразумнаго. Амето такъ увлеченъ ею, что отдался бы ея служенію, если бы ему можно было отстать отъ Ліи; онъ пораженъ былъ ею одной, теперь пылаетъ къ обѣимъ.

Второй разсказчицей назначена Эмилія. Ея новелла интересна возбуждаемыми ею біографическими вопросами. Она любитъ Ибриду, а мы знаемъ[2]), что въ Ибридѣ Боккаччьо изобразилъ самого себя. Мы не смущаемся тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Амето Боккаччьо является еще разъ подъ именемъ Галеоне; и въ Филоколо онъ двоится: то Идалагъ, то Галеоне. Но при Галеоне стоитъ его Фьямметта; кто такая Эмилія — при Ибридѣ-Боккаччьо?

---

1) Сл. Pallade nata dal superno Giove и т. д. и Parad., I, 1—5.
2) Сл. выше стр. 13.

Ея отецъ родился на берегахъ Арно, мать родомъ изъ Фьезоле; отъ юности она посвятила себя Діанѣ, которой продолжаетъ служить и позже, выйдя замужъ за человѣка, избраннаго ея матерью. У нея родился сынъ, но ея бракъ неудачливъ, ибо на нее негодуетъ за культъ Діаны устроительница браковъ, Юнона. Однажды въ храмѣ Венера предстала ей и поразила ее своимъ пламенемъ; позже ей представляется видѣніе: на огненной колесницѣ, влекомой драконами, несется сіяющая, вооруженная жена, на шлемѣ гребень; она правитъ щитомъ, рядомъ съ ней пламенный, какъ она, духъ. Они мчатся стрѣлою, пытаясь проникнуть въ небо; горделивой самонадѣянностью звучатъ ихъ пѣсни: мы низвергнемъ боговъ-правителей, наша доблесть превыше звѣздъ; нѣтъ благородства тамъ, гдѣ богатство можетъ восполнить его недостатокъ; наша сильная, прекрасная молодость даетъ намъ увѣренность и крѣпость духа; до неба недалеко, и |
276 если намъ откажутъ въ доступѣ, мы сожжемъ его, какъ сжегъ Фаэтонъ.—Эмилія вдумывается въ содержаніе пѣсни, опустила глаза и видитъ: на лугу, точно Елена надъ тѣломъ Париса, сидитъ Венера надъ юношей, казавшемся бездыханнымъ, и держитъ за поводъ его коня; въ рукѣ щитъ и копье. Эмилія подходитъ къ ней, молитъ повѣдать причину ея грусти и то, что случилось. Этого юношу, съ дѣтства оставленнаго мнѣ его матерью, я воспитала въ услуженіе себѣ, отвѣчаетъ богиня, поставила его себѣ рыцаремъ, и мои долгія заботы обѣщали увѣнчаться успѣхомъ, когда, подъ наитіемъ какой-то богини, онъ отсталъ отъ меня, и его духъ блуждаетъ въ пространствѣ, въ обществѣ моей обидчицы, какъ ты сама это видѣла. — Богинѣ нельзя перечить рѣшенію сверстницы, но Эмилія предлагаетъ свои слабыя услуги: подошла къ юношѣ, разоружила его, отогрѣла руками, и покинувшіе его жизненные духи вернулись къ нему постепенно, въ членахъ показались слабыя движенія, точно на поверхности воды, тронутой вѣтеркомъ. Онъ очнулся, еще не владѣетъ голосомъ и знаками проситъ прощенія у богини. Та прощаетъ ему, велитъ не проступаться болѣе и налагаетъ эпитимью: онъ обязанъ

слѣдовать за Эмиліей, чествуя ее, какъ спасительницу своей жизни.

Богиня исчезла, а Ибрида разсказываетъ Эмиліи о себѣ и о своемъ происхожденіи: предки его матери — троянцы, переселившіеся на берега Сены. Родилась она, когда протекли двѣнадцать вѣковъ и девять частей тринадцатаго [1]), «какъ теперь изъ пяти частей четырнадцатаго прошли двѣ», — что опредѣляетъ 1340—1-мъ годомъ время написанія Амето. Мать Ибриды, вышедшая за военнаго человѣка (armigero di Marte), рано овдовѣла и, повѣривъ увѣщаніямъ пріѣзжаго молодца, отдалась ему; его имя, «какъ не заслуживающее извѣстности, я умалчиваю», говоритъ разсказчикъ. Мы знаемъ, какими чертами характеризуетъ Боккаччьо своего отца, когда поминаетъ о его вѣроломномъ поступкѣ съ его матерью [2]). Плодомъ этой связи былъ — Ибрида; | оставленная своимъ соблазнителемъ, бѣдная женщина 277
умерла, самъ онъ женился, но боги, попустившіе вѣроломство «столь низкаго» человѣка, «обманщика», уготовили ему наказаніе, лишивъ его большей части средствъ, принесенныхъ женою, посѣтивъ смертью ее самое, ея собственныхъ (отъ перваго брака?) и общихъ дѣтей [3]).

Главными подробностями этого разсказа, поддержанными сходнымъ разсказомъ Идалага, мы уже воспользовались, говоря о дѣтствѣ Боккаччьо; слѣдующіе вызываютъ вопросъ — относительно ихъ біографической стоимости. Ибрида продолжаетъ разсказывать о себѣ: онъ выросталъ подъ охраной Венеры; отдавшись позднѣе упражненіямъ Паллады, сталъ испытывать свои силы, и такъ благосклонна была къ нему судьба, что многіе считали и считаютъ его хорошимъ бойцомъ. Но прекрасный цвѣтокъ далъ неожиданно печальный плодъ: возгордившись первыми успѣхами, Ибрида возмнилъ себя Геркулесомъ и противъ воли боговъ сталъ возноситься духомъ къ тайнамъ неба. Это —

1) Т. е. въ 1290 г.
2) Сл. выше стр. 12.
3) Ameto, стр. 77—81.

онъ былъ въ колесницѣ, явившейся Эмиліи; богиня рядомъ съ нимъ, несомнѣнно, Паллада. Но небеса не раскрылись передъ нимъ, силъ у него не хватило, и ему угрожала неминуемая смерть, когда Эмилія воззвала его къ жизни и обязала служить ей: пусть скажетъ, что̀ ему дѣлать. Эмилія ободряетъ его трудиться и искать плодовъ на поприщѣ, на которомъ уже объявились столь прекрасные цвѣты, а она обѣщаетъ наградить его дарами, которыми располагаетъ Венера. — Разсказъ завершается хвалебною пѣснею Діанѣ.

Если бъ совопросницей Ибриды явилась Фьямметта, мы не усомнились бы привлечь къ біографіи Боккаччьо все сказанное о похожденіяхъ Ибриды на стезяхъ Паллады. Боккаччьо смолоду былъ подвластенъ Венерѣ, какъ Ибрида; какъ онъ, увлекался наукой: его астрономическія штудіи съ Андалоне ди Негро легко было бы сопоставить съ аллегорическимъ полетомъ на ко-
278 лесницѣ | Минервы къ вратамъ неба. Фьямметта поощряла его поэтическіе опыты, какъ Эмилія — стремленіе Ибриды; крайнее увлеченіе наукой, которое упорядочила любовь, было бы новой чертой въ характеристикѣ поэта въ бурную пору его молодости. Въ Эмиліи подозрѣвали Эмильяну деи Торнаквинчи, упоминаемую въ извѣстномъ Capitolo Боккаччьо; можетъ быть, это лишь наполовину дѣйствительное лицо, наполовину поэтическое prêtenom, къ которому Боккаччьо пристроилъ часть своей біографіи. Героиня Тезеиды также названа Эмиліей и также служительница Діаны, и Боккаччьо предоставляетъ Фьямметтѣ разгадать въ отношеніяхъ Эмиліи къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ поэмы — ихъ собственныя, извѣстныя имъ однимъ.

Какъ Эмилія — аллегорія справедливости, такъ Адіона — умѣренности. Въ отличіе отъ другихъ разсказчицъ она счастлива въ супружествѣ: ея мужъ поклонникъ Вертумна, какъ она — Помоны, которой Боккаччьо придаетъ особое культурно-нравственное значеніе. Она ведетъ Адіону въ свой садъ, описанный еще болѣе геометрически-точно, чѣмъ въ введеніи къ 3-му дню Декамерона, съ множествомъ роскошныхъ растеній, стволами

Филемона и Бавкиды, деревомъ, въ которое обращенъ былъ мальчикъ Кипарисъ, — и прозаическими лукомъ и рѣпой. Наставивъ Адіону въ своемъ искусствѣ, она говоритъ ей о себѣ, что стара, какъ міръ, но что первое людское поколѣніе не находило въ ней нужды: при Сатурнѣ земля была обильнѣе всякими благами, чѣмъ жителями, люди питались желудями, питьемъ служила вода[1]), высокія деревья подавали имъ сѣнь, и, какъ у животныхъ, плотскія вожделѣнія ограничены были цѣлью продолженія рода. Съ воцареніемъ Юпитера все измѣнилось: явились Церера и Вакхъ, съ ними снѣди и напитки, возбуждающія похоть; ленъ подалъ нити для охотничьихъ сѣтей, горы и глина — матерьялъ, устранившій древесныя сѣни; Минерва научила людей пряжѣ, у Амура, до тѣхъ поръ покоившагося на лонѣ матери, отросли |
крылья, и онъ сталъ летать по свѣту, меча свои стрѣлы. Явился 279
Сарданапалъ и научилъ людей роскошнымъ постройкамъ[2]); гордыня гигантовъ и преступленія Девкаліона вызвали потопы и измѣненія, зло запало въ людскія души, — и я стала нужна развращенному поколѣнію и занялась своимъ садомъ.—Болѣе, чѣмъ изъ этого пессимистическаго обзора міровового развитія[3]), выясняется роль Помоны изъ гимна, которымъ заключается разсказъ: она обуздываетъ Вакха, умѣряетъ Цереру, обязываетъ Венеру предѣлами супружескаго долга; она — богиня простого, воздержнаго сельскаго быта, имя ея поклонницы Адіоны — отрицательное отъ Діоны, матери Венеры; юноша, котораго она перевоспитываетъ, названъ, наоборотъ, Діонеемъ, т. е. невоздержнымъ, какъ называетъ себя порою Боккаччьо. Венера предстала ей однажды, дохнула, и она загорѣлась, какъ на полянахъ горы Гаргано вспыхиваетъ подожженная крестьянами солома. Въ саду она встрѣчаетъ однажды красиваго юношу: онъ покоится въ тѣни, одѣтъ богато и пестро, точно женщина, не можетъ стряхнуть съ себя сна отъ излишне-принятой пищи, его движенія

1) Слѣдуетъ перечисленіе историческихъ рѣкъ, Ameto, стр. 93—4.
2) Сл. Div. Comm., Parad., XV, 107.
3) Ск. Ovid., Metam., I.

развязны, языкъ претыкается. Ее влечетъ къ нему, хотя сама она осуждаетъ себя за выборъ; онъ не обращаетъ на нее вниманія. Встрѣтивъ его въ храмѣ, она допрашиваетъ его, кто онъ; онъ удивляется, что она его не знаетъ, онъ всѣмъ извѣстенъ, звать его Діонео, онъ — сынъ Цереры и Вакха, и у него одно горе, что онъ не безсмертенъ, какъ боги. Адіона обѣщаетъ ему безсмертіе, пусть только повинуется ея велѣніямъ. И она начинаетъ воспитывать его: заставляетъ одѣваться просто, какъ растенія довольствуются одной одеждой, и какъ онѣ въ мѣру ищутъ влаги, такъ и она научила его умѣренности. Онъ бросилъ сонъ, сталъ бдительнымъ и воздержнымъ, — и она счастлива.

Мѣсто дѣйствія новеллы на Кипрѣ, гдѣ пріурочена и извѣстная новелла о Чимоне [1]); онъ такъ же красивъ и такъ же всѣмъ |
280 извѣстенъ, какъ Діонео, и такъ же воспитанъ любовью, какъ Боккаччьо-Діонео Фьямметтой, когда, покинувъ мелкія привязанности, онъ живетъ ею одной.

Амето между тѣмъ любуется красавицами нимфами, не зная, которой отдать предпочтеніе. Онъ еще человѣкъ плоти, и его воображеніе разыгрывается въ этомъ направленіи: онъ мысленно осязаетъ, ощущаетъ ихъ прелестныя формы, его желаніе не знаетъ мѣры; онъ готовъ открыться одной изъ красавицъ, а самъ содрогается отъ этой мысли, улыбается и краснѣетъ и не слышитъ разсказа Адіоны: пришлось обратить его вниманіе на то, что разсказъ конченъ.

Слѣдующій принадлежитъ Акримоніи. Она — аллегорія нравственной крѣпости—и вмѣстѣ дѣйствительное лицо, до сихъ поръ не отождествленное, несмотря на массу аллюзій. Она родомъ изъ Сициліи, въ юности отдавалась не только пряжѣ, но и другимъ занятіямъ; опасности, грозившія любимому ею отцу отъ неблагодарной черни, побудили ее обратиться съ мольбами къ Беллонѣ, и когда богиня оказалась къ ней благосклонной, она стала ея служительницей. Шестнадцати лѣтъ ее выдали замужъ за сици-

---

1) Decam., V, 1.

ліанца, хилаго юношу, вовсе не соотвѣтствовавшаго ей. Съ нимъ она переѣхала въ Римъ, и Боккаччьо, по обыкновенію, подробно описываетъ ихъ маршрутъ. Здѣсь ея необычайная красота обращаетъ всеобщее вниманіе: ее зовутъ не иначе, какъ прекрасная лигурійка (la formosa Ligura), пріѣзжіе именитые люди заглядываются на нее, ухаживаютъ за нею, а она остается холодна, какъ мраморъ. Ея подруги упрекаютъ ее: пусть не раздражаетъ Венеры, которой не противостояли ни боги, ни герои; юность не возвращается, какъ рѣки не текутъ вспять, все въ мірѣ идетъ къ худшему; что станешь ты дѣлать, когда состаришься? старость или смерть — грустные предѣлы юности, и ты еще пожалѣешь, что не любила. Это общія мѣста сонетовъ Боккаччьо[1]),
увѣщаній | Пандара[2]) и старухи въ одной новеллѣ Декаме- 281
рона[3]). — Но Акримонія погрѣшила не въ мѣру своей холодностью, отказавъ людямъ, которымъ нѣтъ отказа: въ Римѣ, къ престолу великаго понтифекса боговъ (= папѣ), пріѣзжаютъ со всѣхъ концовъ свѣта именитые люди, и у всѣхъ ты на примѣтѣ; за тобой ухаживаетъ сынъ Зевса, нынѣ правящій богатой рудниками Богеміей, вѣнчанный; онъ былъ бы достоинъ любой богини, говорятъ ей подруги; если онъ старъ[4]), то вѣдь и правитель цизальпинской Галліи[5]) любовался тобою и, если бы ты

1) №№ XXXVII и LXXXII.

2) Сл. выше стр. 136.

3) Декамеронъ, V, 10.

4) Разумѣется, очевидно, король Іоаннъ, итальянскія отношенія котораго относятся къ 1330—1333 годамъ.

5) Che i togati Gallici regge. Въ Amorosa Visione, XLII, 7 говорится объ одной красавицѣ, къ которой пылалъ (unica intendanza) «миланецъ». Историческія аллюзіи всей строфы указываютъ на битву при Альтопашьо (1325 г.), въ которой Каструччьо Кастракани и Аццо Висконти («миланецъ», правитель цизальпійскихъ галловъ?) сражались противъ войскъ Раймонда Кардона. — Столь же загадочна, какъ прекрасная лигурійка, la bella Lombarda въ Capitolo, 16, и Amorosa Visione, XL, 22; ея имя Giovanna; Catenacci (L'Amorosa Visione di G. Boccaccio, стр. 41, прим. 48) указываетъ на анаграмму Annavoi (= Iovanna) въ эпизодѣ о превращеніи нимфъ въ Филоколо (сл. выше стр. 55—6, 166—7); если ужъ оставаться на почвѣ предположеній, то можно бы припомнить и Джьованну VI-й канцоны (сл. выше стр. 128).

согласилась, выразилъ бы тебѣ свои желанія. Онъ былъ для тебя слишкомъ знатенъ, но тебѣ былъ бы парой тотъ, кто правитъ въ Кимвріи богатыми народами Минервы: онъ всегда превозносилъ тебя, испытывалъ твои взгляды. Даже священнослужители, стерегущіе на Капитоліи алтари великаго Юпитера, — и тѣ не отводятъ глазъ отъ твоей красоты; избери же кого-нибудь, избѣгая справедливаго гнѣва Амура. — И Венера уже приготовила ей месть: Акримонія вернулась въ Сицилію, вошла однажды въ храмъ и, съ притворнымъ равнодушіемъ оглядывая всѣхъ, видитъ, что нѣтъ ея красивѣе. Всѣ смотрятъ на нее съ изумленіемъ, особливо одинъ юноша, красивый, но грубый и распущенный, по имени Апатенъ, близкій родственникъ Мопсы [1]). Онъ всюду за
282 нею слѣдуетъ, по ночамъ поетъ ей серенады; она нечувстви|тельна, какъ всегда, — пока однажды въ томъ же храмѣ, когда Апатенъ страстно молился Венерѣ о помощи, разгнѣванная богиня не предстала бывшей тамъ же Акримоніи и не пригрозила ей, если она не откроется любви и не призритъ на юношу, готоваго выйти изъ состоянія грубости. И онъ дѣйствительно воспитывается подъ вліяніемъ любви, Акримонія увлеклась имъ, а онъ, дотолѣ презрѣнный ею, имѣлъ бы право въ свою очередь презирать ее, если бы захотѣлъ.

Пока Акримонія разсказывала и пѣла гимнъ Беллонѣ, Амето впалъ въ прежнія мысли, но его желанія приняли другой, болѣе идеальный оборотъ: онъ счастливъ уже тѣмъ, что видитъ, и мысленно благодаритъ любимую Лію, прислушивается къ разсказу нимфы и молитъ Феба замедлить свой бѣгъ, чтобы продлились бесѣды.

Красавица Агапе разгорѣлась, ея волосы распустились отъ жары, она разсказываетъ, смѣясь, громкимъ голосомъ, и ея разсказъ напоминаетъ у Боккаччьо беззастѣнчивую характеристику его отца и нѣкоторыя откровенныя страницы Декамерона, гдѣ старый, противный супругъ Агапе обратится въ плачевно-коми-

---

1) Ameto, стр. 112.

ческій типъ мессера Риччьярдо ди Кинзика[1]). О своемъ отцѣ и матери Агапе желала бы скорѣе умолчать; не будь она ихъ дочь, она сочла бы одного не заслуживающимъ памяти, другую — достойной безславія. Они не заставили себя любить, ибо одинъ терзалъ народъ острыми когтями, другая, льстя языкомъ, высасывала изъ него кровь. Меня знаютъ по нимъ, точнѣе я себя не называю, продолжаетъ Агапе, очевидно, дѣйствительное лицо; дальнѣйшее упоминаніе Ахайи указываетъ, быть можетъ, на греко-итальянскія отношенія XIV-го вѣка: напомнимъ такія именно отношенія семьи Аччьяйоли[2]). Предки отца Агапе были родомъ изъ Ахайи, крестьяне, прошедшіе въ купцы; но было бы лучше, если бъ они не бросили мотыки: молва объ ихъ роскоши, | которая падетъ столь же быстро, какъ возросла, наполнила весь 283
свѣтъ; плебеи, прошедшіе въ знать, они не знаютъ мѣры и, возгордившись своими богатствами, безпокойной мыслью стремятся къ небу, но уже близится возмездіе по дѣламъ, пока еще скрытое отъ ихъ глазъ, имѣющихъ вскорѣ смежиться навѣки. Но къ чему пророчу я свою собственную невзгоду? прерываетъ себя разсказчица. Изъ таковыхъ-то былъ ея отецъ; родители ея матери, богатые, но незнатные, занимались ростовщичествомъ и, обвѣшанные золотомъ, носили въ красномъ полѣ серебряный серпъ луны[3]). Отецъ, не обращая вниманія на презрѣнное ремесло, позарился на богатство невѣсты и женился; отъ этого брака и родилась Агапе. Ея образованіе было запущено, выдали ее замужъ за богатаго старика, видѣвшаго, быть можетъ, болѣе столѣтій, чѣмъ молодѣющій съ вѣками олень: на головѣ остатки сѣдыхъ волосъ, щеки и лобъ въ морщинахъ, длинная борода колется, какъ иглы ежа, красные, слезящіеся глаза выглядываютъ изъ подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей, блѣдныя губы, отвисшія, какъ ослиныя уши, не скрываютъ желтыхъ, порченыхъ зубовъ, въ которыхъ много недочета; на тощей, дрожащей шеѣ

1) Декам., II, 10.
2) Сл. выше стр. 57.
3) l. c., стр. 122.

кожа обвисла и болтается съ каждымъ поворотомъ головы, руки хилыя, грудь высохла. Все другое въ томъ же родѣ; позже Боккаччьо превзойдетъ это описаніе въ портретѣ вдовы Корбаччьо. Такой-то мнѣ достался мужъ, жалуется нимфамъ Агапе. Въ описаніи супружескихъ ночей есть много непереводимаго: и безсиліе грязнаго старика, страдающаго безсонницей и не дающаго спать женѣ, и его хвастливые разсказы о его прежнихъ любовныхъ похожденіяхъ, и мораль и застращиваніе, когда онъ порицаетъ шашни боговъ и говоритъ о невзгодахъ, постигшихъ тѣхъ, кто преступилъ законъ. Вотъ она готова заснуть, а онъ начинаетъ сызнова: Счастлива ты, и благосклонны были къ тебѣ боги, что ты досталась мнѣ, а не какому-нибудь молодому! Ты у меня хозяйка, все мое блаженство въ твоихъ объятіяхъ, а у юношей |
284 тысяча привязанностей, кто имъ ближе и доступнѣе, ту они меньше любятъ[1]), и они безумно стремятся къ чужому ложу; а Боже упаси, чтобы я когда-либо промѣнялъ тебя на другую!

Такъ проходили докучливыя ночи. Агапе рѣшается обратиться къ служенію Венеры: до тѣхъ поръ она не знала никакого божества[2]). Молится въ храмѣ и — перенесена на колесницѣ, запряженной голубями, на огненную вершину горы Цитеры, гдѣ Венера является ей въ миртовомъ лѣсу, краше той, какую изобразилъ Пракситель: она обнажена, лишь тончайшій пурпурный вуаль спускается двумя складками на лѣвое плечо, золотистые волосы лежатъ по плечамъ. Она показываетъ Агапе Амура, кующаго свои стрѣлы и закаляющаго ихъ въ серебристомъ источникѣ, описаніе котораго повторяетъ Овидія[3]). Внезапно онъ улетѣлъ; Венера увлекаетъ Агапе въ волны, цѣлуетъ ее, говоритъ, отвѣчая на ея вопросъ, что послала сына за юношей, котораго ей назначила. Онъ уже здѣсь, Агапе видитъ его среди кустовъ, онъ приближается къ нимъ, робкій и блѣдный; она застыдилась,

1) Сл. выше стр. 137, прим. 3 и стр. 200, прим. 1.
2) Ameto, стр. 123.
3) Metam., III, v. 407—412; сл. Ameto, стр. 129—130.

онъ, увидѣвъ ее, измѣнился въ лицѣ и остановился. Когда богиня и Агапе одѣлись, Венера представляетъ ей Апироса: онъ застѣнчивъ, питай тщательно пламя, которое я въ немъ зажгла, изгнавъ холодность, уподобляющую его Аглавру. Такъ она сказала, а я очнулась, полная страха, въ храмѣ передъ алтаремъ; оглянулась, чтобы посмотрѣть на Апироса, и увидѣла блѣднаго юношу, устремившаго на меня свои глаза; онъ, какъ и я, пораженъ былъ стрѣлою, — и я засмѣялась.

Хвалебная пѣсня Агапе посвящена Венерѣ, чудесный свѣтъ ея горы простирается въ небо, другая часть спускается къ землѣ, все украшая на свѣтѣ, воспламеняя холодные умы къ познанію Бога, возбуждая стремленіе къ небу, сѣя братскую любовь. |

Разсказъ Агапе страстно возбудилъ Амето; что бы онъ далъ, 285
чтобы быть на мѣстѣ Апироса? Но онъ худороденъ, небогатъ, на что ему его красота? Онъ то разражается жалобами на судьбу и бѣдность, какъ Боккаччьо, то воображаетъ себя на мѣстѣ Апироса и, обращаясь къ Фьямметтѣ съ просьбой продолжать разсказы, молитъ боговъ, чтобъ ея рѣчи пришлись ему болѣе по сердцу, чѣмъ рѣчи умолкнувшей нимфы.

Фьямметта одѣта въ зеленый цвѣтъ, это ея символическій признакъ у Боккаччьо. Она говоритъ съ достоинствомъ: много у ней на памяти привязанностей, она разскажетъ о самой сильной. Разсказъ ведется издалека, съ изгнанія Сатурна, о томъ, какъ основана была древняя Партенопе—Неаполь[1]), какъ одинъ изъ предковъ ея (мнимаго) отца подчинилъ себѣ древній градъ Ювенала[2]), откуда, съ теченіемъ времени, другіе переселились въ Неаполь, гдѣ они и до сихъ поръ занимаютъ высокое положеніе при дворѣ правителя, по праву прозваннаго Мидасомъ[3]). Здѣсь ея отецъ женился на молодой француженкѣ знатнаго рода;

1) Ameto, стр. 137 слѣд.
2) Аквино, сл. l. c., стр. 142.
3) Робертъ † 1343, сл. выше стр. 33.

Фьямметта не называетъ ее, а обозначаетъ аллегорически: богиня ста рѣкъ [1]). — Что слѣдуетъ далѣе въ ея повѣсти, уже послужило намъ для біографіи Боккаччьо [2]): встрѣча Роберта на балу съ матерью Фьямметты и связь съ нею; воспитаніе дѣвочки въ монастырѣ, въ услуженіи Весты; ея замужство; разсказъ, какъ Фьямметта предстала Боккаччьо въ видѣніи, въ вѣщемъ снѣ, въ церкви; отъѣздъ мужа въ Капую и ночное посѣщеніе Галеоне-Боккаччьо. — Такъ я стала его, онъ — моимъ, и такъ будетъ всегда, заключаетъ Фьямметта; она любитъ одѣваться въ зеленый цвѣтъ, потому что Галеоне позналъ ее незрѣлой, неготовой для любви, прежде чѣмъ она къ нему воспылала. Ея гимнъ
286 поетъ про небесный вѣнецъ Аріадны, который | сулила ей Венера, если она станетъ блюсти ея огонь. Боккаччьо, очевидно, соединяетъ съ миѳомъ о золотомъ вѣнцѣ, даромъ Венеры Аріаднѣ, перенесенномъ Вакхомъ на небо въ число свѣтилъ [3]), — понятіе высокаго, самоотверженнаго подвига: къ нему стремились Персей и Тезей, Брутъ и Кимонъ, Фабрицій и Цицеронъ; Дидона и Библида не наложили бы на себя рукъ, если бъ духъ побѣдилъ въ нихъ тѣло. Я сама, заключаетъ Фьямметта, перенесла изъ-за любви всѣ печали, какія испытываетъ человѣкъ, желающій сберечь ее, выжидая, подчиняя свою волю страданіямъ, — и я надѣюсь выйти съ побѣдой и насладиться ею, увѣнчанная вѣчной славой.

Такъ впервые мимолетно намѣчается новый образъ страдающей Фьямметты, приготовляющій насъ къ аллегорическимъ откровеніямъ Любовнаго Видѣнія и объективности повѣсти, образъ, которымъ кончается любовный романъ Боккаччьо о Фьямметтѣ.

Разлегшись на травѣ, опустивъ голову на лѣвую руку [4]), Амето внимательно слѣдитъ за Фьямметтой глазами и ухомъ.

---

1) Dea credo di cento fiumi.

2) Сл. выше стр. 46, 112—115, 154—5.

3) Сл. Gen. Deor., XI, 29; иначе Ovid. Fast., III, 503; Metam., VIII, 177 слѣд.

4) И Филоколо сидитъ, опустивъ голову на *лѣвую* руку. Отмѣтимъ эту графическую подробность, опущенную въ нашемъ пересказѣ, выше стр. 217.

Ему любы разсказы о древней Партенопе, онъ слышалъ, что тамъ въ обиліи водятся молодыя, игривыя козочки, быстрыя лани и оленьи самки, пріученныя къ охотѣ: очевидно, аллюзія на аллегорическую охоту Идалага[1]). Онъ дивится смѣлости Галеоне и вмѣстѣ поощряетъ ее: изъ-за такой женщины счастье и умереть.

Послѣдній разсказъ оставался за Ліей. Когда Амето поднялъ на нее глаза, онъ внезапно пораженъ ея чудесной красотою и упрекаетъ себя въ желаніи, которое не разъ выражалъ про себя: быть на мѣстѣ Ибриды, Діонео, Калеоне. Онъ счастливъ однимъ сознаніемъ, что любитъ и любимъ.

Лія—флорентинка; пользуясь тѣмъ, что солнце еще высоко, и времени много, она разсказываетъ легенду объ основаніи Флоренціи. Боккаччьо любитъ возвращаться къ этой легендѣ, попу|-
лярной въ хроникахъ XIII—XIV вѣковъ, начиная съ Libro fie- 287
solano; онъ коснулся ея въ Филоколо[2]) въ эпизодѣ о построеніи Чертальдо, а теперь расцвѣчиваетъ классическими именами и мотивами: на сценѣ Италъ, сынъ Корита (Фьезоле), и Ахименидъ, внукъ Лайя, мальчикомъ спасенный отъ разгрома Ѳивъ Тезеемъ; онъ основатель новыхъ Ѳивъ, имя Флоренціи дано Марсомъ въ честь Венеры; боги участвуютъ и препираются въ наименованіи города, какъ въ миѳѣ объ основаніи Аѳинъ. Далѣе разсказъ впадаетъ въ колею хроникъ, съ «жестокимъ Вандаломъ»[3]), вмѣсто обычнаго Аттилы или Тотилы, и Карломъ Великимъ, третьимъ обновителемъ города. — Въ немъ родились предки Ліи и она сама; съ юности преданная Цибелѣ, она воспылала пламенемъ Венеры; рано потерявъ перваго мужа, она вышла за второго и счастлива въ бракѣ, а теперь, какъ видите, я увлекла собою Амето[4]) и сама, имъ увлеченная, излѣчила его моимъ свѣтомъ отъ духовной слѣпоты, расположила къ откровенію высокаго и неоцѣнимаго. Ея гимнъ Цибелѣ, начинающійся парафра-

1) Сл. выше стр. 112.
2) Сл. выше стр. 247.
3) Ameto, стр. 180.
4) Presi Ameto del mio piacere, стр. 181.

зой дантовскаго стиха [4]), вводитъ въ фантасмагорію отвлеченныхъ добродѣтелей и классическихъ богинь — элементъ христіанства. Естественный разумъ не пойметъ тайнъ, раскрытыхъ мнѣ Цибелой, если не будетъ вѣры, простодушной, не ищущей причинъ, говоритъ Лія, и ея пѣсня не что иное, какъ парафраза символа вѣры [5]), гдѣ имена Іордана и Моисея чередуются съ Плутономъ, Церера и Вакхъ — символы евхаристіи, а въ концѣ выражена надежда, что душа Ліи, чистая, свободная отъ всякія скверны, увидитъ въ небѣ — свою Цибелу.

День склонялся къ вечеру, когда Лія умолкла; Амето видитъ въ небѣ битву семи бѣлыхъ лебедей и семи аистовъ, кончаю|-
288 щуюся побѣдою первыхъ, — и не понимаетъ смысла видѣннаго имъ (очевидно, борьба добродѣтелей съ пороками), когда пораженъ явленіемъ съ неба огненнаго столба. Изъ него слышится голосъ: Я — небесный свѣтъ, единый и троичный, начало и конецъ всего; кто послѣдуетъ за мною, никогда не будетъ блуждать въ юдоли мрака и печали. — Это не та Венера, которую зовутъ богиней невѣжды, живущіе своими безпорядочными вожделѣніями, а та, отъ которой нисходитъ къ смертнымъ настоящая, праведная любовь. — Лица нимфъ просвѣтились, особливо Ліи и Агапе; ободренный этимъ, Амето пытается вглядѣться въ огненный столбъ, но въ состояніи схватить лишь очертанія какого-то тѣла, искрившагося, какъ желѣзо, вынутое изъ кузни. Снова слышится голосъ, побуждающій нимфъ просвѣтить затемненныя очи Амето, дабы онъ могъ пересказать людямъ, что дозволено лицезрѣть смертному. Нимфы совершаютъ надъ нимъ символическіе обряды: Лія сняла съ него грубыя одежды и, погрузивъ въ источникъ, сдала Фьямметтѣ, Мопса отерла его глаза, Эмилія направила ихъ, Акримонія изощрила, Адіона одѣла его въ драгоцѣнное платье, Агапе вдохнула въ него невѣдомое пламя; устремивъ

1) Стр. 182: O voi che avete chiari gl'intelletti; сл. стр. 68: Rendendo quinci gl'intelletti sani.

2) Сл. такую же парафразу въ Филоколо, выше стр. 250.

взоры на неизреченную красоту, онъ изумляется не менѣе, чѣмъ изумились ахейцы, узрѣвъ Язона пастухомъ[1]), и уже различаетъ въ огненной колоннѣ прекрасный человѣческій обликъ, то въ одномъ, то въ нѣсколькихъ видахъ. Онъ молится триединому Божеству, единственному свѣту неба и земли, что взыскалъ его такимъ благомъ: семь огней (добродѣтелей) обвили его душу, какъ плющъ обвиваетъ вязъ, сосутъ ее, но ему не больно, и онъ не старается отъ нихъ избавиться; да будетъ такъ всегда, дабы душа его безпрепятственно могла вернуться, откуда пришла, когда Атропосъ отрѣшитъ ее отъ тѣла. — Надѣйся и твори доброе, и твое желаніе исполнится, вѣщаетъ, исчезая, богиня, а нимфы поощряютъ Амето своимъ пѣснопѣніемъ: онѣ, рожденныя въ первые дни творенія на лонѣ неизреченной любви, являютъ ея
свѣтъ | въ мірѣ, въ небѣ же горятъ звѣздами[2]), — какъ нимфы 289
дантовскаго Чистилища[3]), уже навѣявшаго одно изъ сновидѣній Флоріо[4]).

Теперь только Амето приходитъ къ сознанію того, чѣмъ онъ былъ, и чѣмъ онъ сталъ. Ему понятнѣе пѣсни нимфъ, и онъ начинаетъ разумѣть, что̀ означалъ и гимнъ Ліи и преніе пастуховъ; нимфы, дотолѣ нравившіяся его тѣлеснымъ очамъ, прельщаютъ теперь его духовныя очи; онъ стыдится своихъ прежнихъ вожделѣній, понимаетъ, что̀ такое любовь нимфъ, и счастливъ сознаніемъ, что въ состояніи любить многихъ. Изъ грубаго животнаго онъ сталъ человѣкомъ, и заключительная пѣснь пасторали — благодарственный гимнъ Амето къ триединому Божеству[5]), воззвавшему его къ новой жизни воздѣйствіемъ нимфъ-добродѣтелей. Повѣсть о бывшемъ съ нимъ онъ завѣщаетъ тѣмъ, кто бы пожелалъ увлечься ими, подобно ему: пусть хранятъ его стихи отъ завистливой или небрежной руки, дабы ихъ не растеряли,

---

1) Стр. 189; сл. Parad., II, v. 16—18.
2) Стр. 191: Così nel ciel ciascuna appare stella.
3) Purg., XXXI, 106: Noi sem qui ninfe e nel ciel semo stelle.
4) Сл. выше стр. 233.
5) O Diva luce in tre persone, стр. 194.

не употребили бы на обертку и на другія низменныя подѣлки; пусть лучше станутъ они жертвою пламени [1]).

Стемнѣло; замолкли птицы на вѣткахъ, трели цикадъ смѣнились трещаньемъ кузнечиковъ въ разсѣлинахъ высохшей земли, на западѣ, въ теплыхъ лучахъ заходившаго солнца, показалась вечерняя звѣзда. Всѣ расходятся, и Амето бредетъ домой, полный веселья и любви.

Такова попытка Боккаччьо обосновать теорію платонизма на фактахъ житейской любви; попытка, въ литературномъ отношеніи, оригинальная, по смѣшенію пасторали съ аллегоріей, новеллы съ отвлеченіемъ, прозы съ дантовской терциной, рѣдко выходящей за предѣлы посредственнаго подражанія. Несмотря на эту гибридную форму, которую Боккаччьо оставитъ для реа|-
290 лизма своего Ninfale Fiesolano, Амето достигаетъ поэтическаго впечатлѣнія: надо прочесть его цѣликомъ, тогда забудутся его длинноты, слащавый риторизмъ и будничная откровенность, — и въ памяти отложится идиллія, полная неясныхъ мелодій, цвѣтовъ и картинокъ природы, сказка о любви, воспитавшейся отъ наивности къ человѣчности въ границахъ благоухающаго весенняго дня подъ пологомъ лѣсовъ. Боккаччьо могъ обманывать себя насчетъ осуществимости этой сказки, но, очевидно, мы имѣемъ дѣло не съ одной лишь риторической игрой въ аллегорію, могущей раскрыть все во всемъ, а съ чѣмъ-то болѣе серьезнымъ, что̀ въ извѣстную пору волновало автора: отъ бесѣдъ въ Филоколо до Любовнаго Видѣнія одинъ и тотъ же вопросъ повторяется неизмѣнно, отражаясь своими мотивами и въ новеллѣ о Чимоне. Но въ Декамеронѣ Боккаччьо стоялъ на высотѣ своего объективнаго творчества, борьба для него прошла, вмѣстѣ съ тѣмъ отпали шлаки идеализма и аллегоризма, въ которыхъ онъ искалъ успокоить мятежное чувство, и выяснилось пластически одно положеніе, что любовь и красота поднимаютъ нравственный тонъ человѣка. Не къ такому скромному рѣшенію приготовлялъ, каза-

1) Стр. 195 – 6.

лось, Амето: здѣсь вопросъ поставленъ шире, смѣлѣе и вмѣстѣ
жизненнѣе; всякая кроха земной любви упала съ неба, пламя
Цитеры поднимается до него и въ то же время окутываетъ землю,
міръ — гигантская лѣстница звуковъ и красокъ, снующихъ одну
и ту же мелодію, одинъ и тотъ же образъ, внизу они гуще и ма-
терьяльнѣе, наверху ихъ очертанія теряются въ лонѣ божества.
У Петрарки [1]) эта міровая обязательность любви представляется
абстрактнѣе, у Боккаччьо поражаетъ излишняя откровенность въ
разсказахъ объ увлеченіи Мопсы, о супружескихъ невзгодахъ
Агапе, которыя и не идутъ къ дѣлу; но Адіона счастлива въ
супружествѣ, Лія — во второмъ бракѣ, и обѣ горятъ Амуромъ и
силою чувства поднимаютъ до своего уровня матеріалиста Діо-
нея и непочатую натуру Амето, раскрывая передъ ними въ пер|-
спективѣ образы небесной Венеры и — триединаго Бога. Образы 291
сливаются, Боккаччьо стоитъ еще на синкретизмѣ Филоколо, но
тамъ онъ не служилъ, какъ здѣсь, цѣлямъ философскаго обоб-
щенія, и въ письмѣ къ Бартоло дель Буоно авторъ спѣшитъ
подчинить свои взгляды суду «нашей матери и наставницы, свя-
тѣйшей римской Церкви».

Страстный идеализмъ Амето отражаетъ психологическій мо-
ментъ, въ которомъ онъ былъ писанъ; заключительныя терцины
пасторали, стоящія внѣ ея дѣйствія, и письмо къ Бартоло дель
Буоно [2]) проливаютъ на него свѣтъ. Авторъ говоритъ, что, скры-
тый въ густой листвѣ, онъ невидимо присутствовалъ при любов-
ной бесѣдѣ. Онъ переживаетъ положеніе своего героя, подсказы-
ваетъ ему свои желанія, когда, еще непросвѣщенный, Амето
пожираетъ глазами красавицъ-нимфъ. Его взгляды должны были
смущать ихъ, и авторъ готовъ показаться, чтобы помѣшать ему,
но рѣшимость его оставляла, когда самъ онъ принимался созер-
цать нимфъ и слушалъ ихъ сладостное пѣніе. *Новое пламя обно-
вило въ немъ старое*, заглохшее, сердце больнѣе ощутило свои

1) Fam., III, 11: до 1340 г.; сл. Ep. metr., II, 9.
2) Сл. выше стр. 178.

раны при видѣ чужого счастья, и *чистое* наслажденіе, которое онъ испыталъ вначалѣ, замутилось желаніемъ того, что невозможно, неосуществимо. — Полный грустныхъ мыслей, жажды смерти, онъ возвращается подъ постылый отеческій кровъ.

Прими эту розу, выросшую среди терній моего бѣдственнаго существованія, о мой единственный другъ, настоящій образецъ дружбы, пишетъ Боккаччьо къ Бартоло дель Буоно въ заключеніи Амето: я былъ въ крайней печали, когда этотъ цвѣтокъ насильно выростила изъ грубыхъ терній флорентинская красавица, доставивъ мнѣ удовольствіе — изобразить ее. Да приметъ мой ѳиміамъ богиня, помогавшая мнѣ въ этомъ трудѣ, вѣнокъ — красавица, давшая къ нему поводъ. А ты прими мою книгу, какъ свою, береги на лонѣ, какъ любовно питалъ пославшаго ее, утѣшь ласковыми словами сирую, подобно мнѣ разлученную съ своей |
292 властительницей, пока, соединившись съ нею, она не ощутитъ полноты радости.

Это послѣсловіе уясняетъ положеніе, намѣченное въ послѣднихъ терцинахъ автора. Новое пламя — не новая страсть, а обновившаяся примѣромъ другой, счастливой и идеальной, проявившей свое чистое вѣяніе на Ибридѣ, на Амето. Въ какой изъ нимфъ скрывается флорентинская красавица — мы, вѣроятно, никогда не узнаемъ: можетъ быть, въ Ліи, героинѣ пасторали, или въ Эмиліи, къ которой Боккаччьо пріурочилъ часть своей біографіи. Въ томъ и другомъ случаѣ чистое наслажденіе, имъ испытанное, заставило его съ новой страстью обратиться къ памяти о своей donna gentile, идеализуя, подъ стать другимъ, ея отношенія къ Калеоне. Почему же Калеоне несчастенъ, къ чему привело воспитаніе любовью, обѣщавшее такъ много и такъ надолго? Въ комъ вина? Смыслъ Любовнаго Видѣнія, на нашъ взглядъ, лежитъ въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ: мы раскрываемъ еще одну любопытную страницу въ любовныхъ переживаніяхъ Боккаччьо.

IV.

Поэма затѣяна вскорѣ послѣ Амето [1]); если допустить догадку [2]), что въ 1342 году Боккаччьо снова па короткое время былъ въ Неаполѣ, то Любовное Видѣніе написано послѣ поѣздки: такъ много въ немъ неаполитанскихъ воспоминаній. Одинъ сонетъ [3]) говоритъ о возвращеніи поэта откуда-то по горамъ, лѣсамъ и долинамъ и бурному морю; его окрыляетъ надежда увидѣть свою милую, ласковую, сострадательную (pietosa), — а она почему-то на него негодуетъ, и онъ клянетъ и горы и море, что | они позволили ему вернуться. Въ результатѣ явится попытка 293
идеально пережить свою любовь. Любовное Видѣніе — это рефлексія въ терцинахъ и аллегорическомъ стилѣ, съ мотивами овидіевскихъ Метаморфозъ и Героидъ, подъ еще бо́льшимъ вліяніемъ дантовской манеры, чѣмъ Амето. Три посвятительныхъ сонета [4]), обращенныхъ къ Фьямметтѣ [5]), составлены такъ, что каждый стихъ начинается съ начальной буквы всѣхъ, послѣдовательно, терцинъ, наполняющихъ пятьдесятъ пѣсенъ поэмы [6]). Авторъ, называющій себя полнымъ именемъ [7]), искалъ утѣшенія, вспоминая образъ своей милой: это миритъ его съ самимъ собою; съ этой цѣлью онъ снова принялся за свои риѳмы и посылаетъ ихъ Фьям-

---

1) На котораго ссылается въ XLI, 12. Изъ новѣйшихъ работъ о Любовномъ Видѣніи укажемъ на: Vincenzo Catenacci, L'Amorosa Visione di G. Boccaccio, Monteleone, 1892. Дантовскія заимствованія у Боккаччьо отмѣчены здѣсь особенно полно. — *О заимствованіяхъ изъ Amorosa Visione въ Тріумфахъ Петрарки сл. введеніе Appel'я, Die Triumphe Petrarca's, Halle a. S., Niemeyer, 1901 г.

2) Сл. выше стр. 180.

3) Сон. LIX.

4) Третій: sonetto doppio codato.

5) Madama Maria, cara Fiamma.

6) Каждая пѣсня содержитъ 27 терцинъ и заключительный стихъ, лишь въ послѣдней пѣснѣ терцинъ 28, замѣчаетъ Catenacci (l. c., стр. 8). На самомъ дѣлѣ за исключеніемъ 26-й (30 терцинъ), 44-й (28 терцинъ) и 50-й (31 терцина) пѣсенъ, всѣ остальныя содержатъ по 29 терцинъ.

7) Giovanni di Boccaccio da Certaldo.

меттѣ въ знакъ любви: пусть оцѣнитъ ихъ по достоинству; можетъ быть, со временемъ, она и сжалится надъ нимъ.

Затѣмъ мы вступаемъ въ область видѣній, которыя покажутся Фьямметтѣ чудесными, какъ и новый (nuovo stile), т. е. аллегорическій стиль изложенія. Поэту снится, что онъ бѣжитъ въ непонятномъ страхѣ по морскому берегу, когда ему предстала величавая жена; послѣдуй за мною, говоритъ она ему, коли хочешь достигнуть неизреченнаго блага и удовлетворить всякое твое желаніе; оставь всѣ эти утѣхи [1]), пойдемъ къ тому замку на горѣ; много чудеснаго ты еще увидишь, прежде чѣмъ достигнешь вершины, гдѣ расцвѣтетъ твоя душа. Только надо идти тихо, замѣчаетъ она поэту, рьяно отозвавшемуся на ея зовъ: надо умѣрить желаніе [2]), кто спѣшитъ, нерѣдко возвращается вспять въ горѣ. — Такъ вѣщаетъ ему жена — аллегорія Разума.

Они у подножія замка; древняя стѣна преградила имъ путь;
294 справа тѣсный проходъ, съ крутымъ подъемомъ; начертанныя
слова говорятъ, что это путь жизни; это то, къ чему ты стремишься, объясняетъ поэту его спутница; слѣва просторныя ворота, за ними свѣтъ и гулъ веселья; надпись обѣщаетъ всякому вступившему богатство и санъ, славу и любовь. Аллегорическая жена хочетъ увлечь поэта направо, но онъ желалъ бы взглянуть сначала на блага, обѣщанныя лѣвой стороной: вѣдь нѣтъ грѣха въ познаніи мірского, тѣмъ отраднѣе будетъ впослѣдствіи искать небреннаго. Двое юношей выступили изъ воротъ, одинъ въ бѣлой, другой въ красной одеждѣ; это—безпокойныя, мірскія желанія; они начинаютъ уговаривать странника послѣдовать за ними: здѣсь не будетъ тебѣ недостатка въ утѣхахъ и удовольствіи, а подъ конецъ жизни ты еще поспѣешь и на горній путь. Между ними и женой завязывается борьба, каждый тянетъ поэта въ свою сторону, но онъ отдается тѣмъ тревожнымъ желаніямъ [3]), отъ кото-

1) Gran diletti, I, 17.
2) Ib.: con voler temperato, 28.
3) Molesti disii, III, 27.

рыхъ хотѣла его спасти его руководительница. Но она не оставитъ его и теперь, на пути темныхъ дѣяній.

Всѣ вмѣстѣ входятъ въ пространный голубой покой; онъ сіяетъ золотомъ, на стѣнѣ фреска: такую не написать никому, развѣ Джьотто, отъ котораго природа не скрыла ничего изъ тайнъ своего творчества [1]). Посреди изображена аллегорическая фигура Мудрости, кругомъ нея семь женъ — семь свободныхъ искусствъ, по правую руку, на зеленомъ полѣ — философы и ученые, по лѣвую — поэты и историки; слѣдуетъ перечисленіе именъ, преимущественно классическихъ, въ случайномъ порядкѣ; краткія характеристики вызваны требованіемъ наполнить стихъ и отвѣтить риѳмѣ. Мудрость вѣнчаетъ лавромъ великаго поэта, и всѣ чествуютъ его: это Данте Алигьери, «властитель всякаго знанія [2]). Боккаччьо выражаетъ по этому поводу негодованіе на флорентинцевъ, не признавшихъ славы Флоренціи; блаженны тѣ, кто | зналъ тебя, восклицаетъ онъ; онъ не можетъ на него нагля- 295
дѣться, но его спутница увлекаетъ его далѣе — къ ряду аллегорическихъ процессій-картинъ, скорѣе напоминающихъ такія же изображенія средневѣковыхъ поэмъ, чѣмъ видѣнія въ Trionfi Петрарки. Первымъ является кортежъ мірской Славы: она въ вѣнцѣ и царскомъ облаченіи, влекома на колесницѣ; за ней тянутся длинной вереницей герои и героини античнаго міра, Библіи, древней и новой исторіи и рыцарскаго романа. Характеристики становятся подробнѣе, то или другое имя отмѣчено изреченіемъ лица, намекомъ на разсказъ о немъ; всюду своеобразная травестія антика, характерная для средневѣковыхъ графическихъ представленій языческихъ божествъ и для ранняго ренессанса, когда Орфея писали въ штанахъ въ обтяжку, въ туникѣ, съ широкими, трубой, рукавами, а Елена носила корсетъ и прическу въ видѣ башни. Такъ изображенъ у Боккаччьо Цезарь: съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, чернымъ имперскимъ орломъ на щитѣ и значкомъ на копьѣ. Никто мнѣ такъ не понравился, какъ онъ, говоритъ

1) IV, 6.

2) VI, 3; сл. выше стр. 190—1.

поэтъ[1]). Далѣе являются Артуръ и рыцари Круглаго Стола, съ Джиневрой и бѣлокурой Изоттой: она идетъ, взявъ за руку Тристана, и часто бросаетъ на него взгляды; она побѣждена любовью, точно говоритъ всѣмъ своимъ существомъ, объятая робостью: Ты—единственное мое желаніе[2]). Карлъ Великій, нѣкогда столь славный, ѣдетъ на сѣромъ конѣ, еще увѣнчанный своими побѣдами въ Святой землѣ[3]); за нимъ паладины, далѣе Готфридъ и Робертъ Гвискаръ, Фридрихъ II и Барбаросса, на сильномъ бѣломъ скакунѣ, отважный и статный и надменный[4]); Карлъ I Анжу̀, съ мужественнымъ носомъ, завоеватель Апуліи: онъ гнѣвно прокладываетъ себѣ путь мечемъ; въ концѣ, печальные, Манфредъ и Конрадинъ.

За тріумфомъ Славы — торжество Богатства: жены, возсѣ|-
296 дающей на золотомъ престолѣ; все на ней золотое; рядомъ гора изъ золота, серебра и драгоцѣнныхъ камней, толпа людей суетится вокругъ съ молотами, мотыками и корзинами, стараясь отбить кусокъ побольше; они ссорятся, толкаютъ и грабятъ другъ друга. Въ число историческихъ стяжателей попалъ Аттила[5]) и Неронъ[6]); много «новыхъ фарисеевъ»[7]), духовныхъ лицъ, между которыми Боккаччьо призналъ знакомыхъ[8]): они хлопочутъ вокругъ сокровища, а сами говорятъ, что имущество имъ въ тягость, и въ томъ же убѣждаютъ другихъ[9]). Много золота откололь себѣ и припряталъ внукъ того носатаго короля[10]), иному едва удается отколупнуть малую долю ногтями: Боккаччьо узнаетъ въ немъ своего отца[11]).

---

1) X, 9 слѣд.
2) XI, 16.
3) XI, 21.
4) XI, 28—9.
5) XIII, 5.
6) Ib., 10.
7) XIV, 1.
8) Ib., 6.
9) Ib., 2; сл. Дек., III, 7, I, стр. 234 перевода.
10) Робертъ, сл. ib., 9 и выше стр. 32—3.
11) Ib., 15; сл. выше стр. 13.

Обратившись въ другую сторону, онъ видитъ на свѣжемъ лугу, среди цвѣтовъ и невиданныхъ деревьевъ, чудеснаго властелина: онъ сидитъ на двухъ орлахъ, ноги опираются на двухъ покоющихся львахъ, на золотистыхъ волосахъ вѣнокъ, золотыя крылья за плечами, въ одной рукѣ золотая и свинцовыя стрѣлы, въ другой—лукъ. Это—такой же фантастическій образъ Амура, какъ въ Филоколо [1]) и въ описаніи у Франческо да Барберино [2]), которое Боккаччьо зналъ [3]); въ немъ не осталось ничего античнаго, кромѣ имени. Рядомъ съ нимъ прелестная женщина, скромная, милостивая; ея глаза сіяютъ, какъ два огонька [4]); лишь лавровый вѣнокъ отличаетъ ее отъ Амура [5]); она представляется Боккаччьо ангеломъ, Венерой; при ея видѣ его сердце робко
дрогнуло, его | мысль всегда будетъ и была отдана ей. Ему ка- 297
жется, она говоритъ: Я сошла съ неба, чтобы явить вамъ въ моемъ лицѣ высшую красоту; Состраданіе—моя сестра, я—источникъ Милости; нѣтъ женщины, болѣе меня любящей, и нѣтъ во мнѣ мѣста негодованію. Я избранный сосудъ Амура, мнѣ не тягостны его страданія, и слѣпы тѣ, которые надѣются достичь своихъ желаній безъ труда и вздоховъ [6]). Она говорила и другое, но поэтъ не помнитъ всего: такъ онъ на нее засмотрѣлся. Имени ея онъ не услышалъ, но онъ предупреждаетъ, что увидитъ ее впослѣдствіи, въ другомъ мѣстѣ; пусть догадаются тогда желающіе узнать [7]).

Это — Фьямметта, женская ипостась Амура; Боккаччьо еще не знаетъ ея имени, какъ не зналъ и тогда, когда она предстала ему въ вѣщихъ видѣніяхъ у гробницы Виргилія, при въѣздѣ въ Неаполь, во снѣ. Въ новой обстановкѣ мы опять на почвѣ ста-

---

1) Сл. выше стр. 219.
2) Въ его канцонѣ: Tractatus amoris et operum ejus.
3) Сл. Canzone I, v. 64—5, и Gen. Deor., l. IX, c. 4.
4) XV, 21.
5) Ib., 17.
6) XVI, 1—7.
7) l. c., 14—16.

рыхъ автобіографическихъ воспоминаній, которыя Боккаччьо не устаетъ лелѣять.

Власть Амура иллюстрирована цѣлымъ рядомъ изображеній, на которыя заглядывается Боккаччьо. Здѣсь онъ могъ проявить ту начитанность въ классическихъ миѳахъ, которою надѣлилъ его впервые Паоло изъ Перуджіи; онъ разсказываетъ ихъ подробно, умиляясь и размышляя. Передъ нами проходятъ любовныя шашни Юпитера, Марса, Вакха и другихъ боговъ; басня объ Алкменѣ разсказана по передѣлкѣ плавтовскаго Амфитріона, принадлежащей Виталію изъ Блуа[1]); миѳъ о Марсѣ и Венерѣ, которыхъ засталъ Вулканъ, вызываетъ тѣ же практическіе совѣты[2]), какъ и въ новеллѣ о королѣ Агилульфѣ[3]); разсказывается плачевная повѣсть о Пирамѣ и Тисбе[4]), любовныя приключенія Язона[5]); поэтъ умиляется пѣснѣ Орфея въ похвалу |
298 облагораживающей силы Амура[6]), говоритъ, по поводу, о подвигахъ Иракла[7]), о судѣ Париса[8]), пересказываетъ по Виргилію блаженство и сѣтованія Дидоны[9]). Любовники рыцарскаго романа (Флоріо, Ланцелотъ, Тристанъ) упомянуты вскользь, — и Боккаччьо снова устремляетъ взоры на сидѣвшую рядомъ съ Амуромъ красавицу: Да восхваленъ будетъ создавшій тебя! Если бы когда нибудь онъ снова замыслилъ сотворить нѣчто столь же прекрасное, я увѣренъ, возвеселились бы небо и адъ, святые спустились бы къ такому сіянію, а тѣ, что въ преисподней, устремились бы къ нему. Счастливъ тотъ, чьи желанія направлены къ такому блаженству, если онъ не поспѣшитъ искать удовлетворенія—въ низменномъ актѣ[10])! — Это такая же абстрак-

1) XVIII, 24 слѣд.
2) XIX, 11—13.
3) Дек., III, 2, = I, стр. 197 русск. пер.
4) XX, 15 слѣд.
5) XXI.
6) XXIII, 10.
7) XXVI, 14 слѣд.
8) XXVII, 1 слѣд.
9) XXVIII.
10) XXIX, 23.

ція отъ всякой чувственности, какъ у Данте[1]), гдѣ источникомъ любви являются глаза Беатриче, ея цѣлью — ея уста, посылающія привѣтъ.

Какое было счастье лицезрѣть все то, что ты такъ хулила! говоритъ поэтъ, обращаясь къ своей руководительницѣ, а она продолжаетъ убѣждать его, что все это обманъ, и онъ заблуждается, истинное благо можно обрѣсти лишь на тѣсномъ пути; я покажу тебѣ, въ какую печаль и плачъ обратились слава и веселыя пѣсни людей, возлагавшихъ свою надежду на Фортуну. И она ведетъ его въ слѣдующій покой, гдѣ изображена Фортуна, съ завязанными глазами, то веселая, то печальная; она вращаетъ колесо, люди взбираются на его верхъ и падаютъ, а она не внемлетъ ничьимъ просьбамъ, точно глухая. Она и мнѣ враждебна съ колыбели, говоритъ поэтъ; а ты еще обуреваемъ желаніемъ мірскихъ благъ? смѣется его руководительница; вѣдь счастливѣе всего тѣ, къ которымъ она неблагосклонна. Люди | взываютъ къ ней, прося кто богатства, кто славы, кто именитаго 299
рода, не зная, сколько сопряжено съ ними горя и безпокойства[2]); что до благородства, то податель его не доля, а доблесть[3]). Передъ поэтомъ возстаютъ въ картинѣ образы людей, возвеличенныхъ и сброшенныхъ Фортуной, Александръ Великій и Сципіонъ, Діонисій Сиракузскій и Цезарь[4]): сюжетъ, издавна занимавшій автора — до мрачнаго пессимизма его книги о Роковой участи именитыхъ людей.

Поэтъ видимо убѣдился, теперь онъ горитъ желаніемъ пойти туда, куда обѣщаетъ повести его чудесная жена. Они идутъ; по дорогѣ въ дверь налѣво виденъ цвѣтущій садъ, изъ котораго несутся веселыя пѣсни. Войдемъ туда и отдохнемъ, говоритъ поэтъ; юноши побуждаютъ его; онъ колеблется, потому что руко-

---

1) Vita Nuova, XIX.

2) XXXII; сл. Дек., II, 7, начало.

3) XXXIII; сл. Filostrato, VII, 99; Filocolo, сл. выше стр. 209; Дек., IV, 1, 8; Corbaccio, стр. 199 слѣд.

4) XXXIV—XXXVII, 7.

водительница его отговариваетъ: вижу я, что ты во всемъ хочешь слѣдовать твоему влеченію; пойдемъ, но ты еще можешь раскаяться и когда захочешь вернуться со мною, я оставлю тебя одного въ страданіяхъ.

Слѣдующія пѣсни[1]) вводятъ насъ снова въ область лично-пережитаго; та же знакомая повѣсть любви, только въ другой обстановкѣ и съ новымъ освѣщеніемъ.

Путникамъ представляется на зеленомъ лугу большой фонтанъ, украшенный изваяніями; четыре женскія, очевидно, аллегорическія фигуры[2]) поддерживаютъ чашу изъ краснаго мрамора, изъ нея поднимается круглая, точно алмазная колонна, увѣнчанная золотой капителью, на которой стоитъ группа изъ трехъ женщинъ, обращенныхъ другъ къ другу спиною: одна изъ нихъ бѣлая, другая красная, третья черная. Онѣ-то и источаютъ воду; та, что исходитъ отъ бѣлой фигуры, выйдя черезъ львиную |
300 пасть, струится медленно въ берегахъ, не знающихъ осени и отцвѣта, вѣчно приносящихъ цвѣты и плоды. Влага отъ красной статуи истекаетъ изъ головы быка, и отъ нея все зеленѣетъ и живетъ, но не постоянно, а временами, тогда какъ пустыня стелется вокругъ темной струи, бьющей черезъ волчью пасть отъ черной женщины[3]). Такъ иносказательно изображаются три рода любви, о которыхъ разсуждала Фьямметта въ обществѣ Галеоне: небесной, житейской и продажной. Она отдавала предпочтеніе

---

1) XXXIX слѣд.

2) Четыре житейскихъ добродѣтели; сл. выше стр. 233—4.

3) Сходенъ аллегоризмъ въ легендѣ (De poenis mulierum non amantium), разсказанной Андреемъ Капелланомъ (De Amore, ed. Trojel, l. I, c. VI, p. 99 слѣд.): изъ-подъ чудеснаго дерева, подъ которымъ возсѣдаетъ царица любви, бьетъ источникъ, и воды его неравномѣрно распредѣляются въ трехъ концентрическихъ кругахъ. Внутренній зовется amoenitas; второй humiditas: rivuli quidem, qui propriis contenti alveis irrigabant amoenitatem, in hac parte secunda suas nimio vires ostendebant et totam humiditatem ita scilicet, quod herba mixta simul apparebat cum aqua, sicut tempore veris solet in pratis pluvialibus apparere diebus. Это пребываніе женщинъ, грѣшившихъ immoderata sui largitione et hominum indiscreta susceptione. Внѣшній кругъ — это siccitas: здѣсь томятся недоступныя любви.

первой, и какъ Галеоне стоялъ тогда за вторую, такъ и теперь Боккаччьо: его руководительница хочетъ идти по пути, отъ котораго всего ближе къ тропѣ, ведущей къ миру, а онъ направляется по теченію воды, истекающей изъ головы быка[1]). Не заботься о моемъ благѣ болѣе, чѣмъ я того желаю; будетъ время, и я сумѣю обратиться къ твоей помощи[2]), говоритъ онъ спутницѣ и, влекомый юношами, покидаетъ ее, къ добру или къ злу, самъ того не зная.

Припомнимъ знакомыя намъ біографическіе факты: Боккаччьо вступаетъ въ Неаполь подъ впечатлѣніемъ чудеснаго видѣнія Фьямметты; вращается въ обществѣ неаполитанскихъ дамъ, въ сферѣ житейской любви, увлеченъ Пампинеей, Абротоніей, и забываетъ ихъ, когда Фьямметта предстала ему воочію. Такъ и въ Любовномъ Видѣніи: вначалѣ вѣщее видѣніе Фьямметты, возсѣдающей съ Амуромъ, затѣмъ странствованіе по берегамъ потока, истекавшаго изъ головы быка, — и группы неаполитан- 301
скихъ и тосканскихъ красавицъ по пути. Онѣ поютъ, пляшутъ, рвутъ цвѣты; Боккаччьо называетъ ихъ такъ прозрачно, намекая на имена, гербы и семейныя отношенія, что многія изъ указанныхъ имъ личностей могли быть отождествлены; иныя изъ нихъ встрѣчались и въ Діаниной Охотѣ и въ Capitolo. Здѣсь и Агнеса Перигорская[3]), и внучка короля Роберта, Джьованна[4]), Андреина Аччьяйоли, сестра великаго сенешаля[5]), и Дельфина Баросса[6]), и Элеонора Джьянфильяцци[7]). Поэтъ любуется ими, загораясь новою страстью[8]), но сдерживаетъ желаніе[9]). Въ одномъ кружкѣ сидѣли дамы, бесѣдуя о любви. Онѣ отличаются степенностью

1) XXXIX.
2) XL, 3.
3) XLI, 4 слѣд. Сл. выше стр. 55—6.
4) XLII, 5—6.
5) XLII, 12 слѣд.
6) Ib., 17 слѣд.
7) XLIV, 3 слѣд.
8) XL, 26.
9) XLI, 26—27.

нравовъ, разумомъ и добродѣтелью и красотою; но всѣ ихъ преимущества поблѣднѣли передъ одною, которая овладѣетъ сердцемъ поэта: въ бесѣдѣ съ Элеонорой Кьярамонте[1]) онъ увидѣлъ Фьямметту[2]): она изъ рода Ѳомы Аквината, ей имя Марія; на ней вѣнокъ изъ лавровъ, она рветъ цвѣты, чтобы еще болѣе украсить себя, сочувственно прислушиваясь къ печальной повѣсти своей собесѣдницы. — Боккаччьо проходитъ мимо — къ описанію другихъ красавицъ, какъ вдругъ его поразило что-то невѣдомое; онъ оглядывается въ трепетѣ и видитъ одиноко сидящую красавицу: онъ припоминаетъ, что видѣлъ ее уже ранѣе, въ обществѣ дамъ, еще раньше — въ окруженіи Амура[3]). У него является страстное желаніе войти въ сферу того сіянія, которое исходитъ отъ ея глазъ, и онъ вступаетъ въ него и самъ издѣвается надъ такой смѣлостью[4]). Ему кажется, что такъ прошли 24 дня[5]), |
302 когда ему послышался голосъ, сладостный и страшный: Не издѣвайся надъ моей властью, не пугайся моего величія, оно смирится передъ тобой, коли ты того пожелаешь; почти мою красу и забудь о всякой другой, если ты не хочешь испытать моего гнѣва[6]). Она обвила его сердце своими волосами[7]), а онъ будто отвѣчаетъ ей: Я въ твоей власти и теперь и всегда, ибо того желаю.—Онъ чувствуетъ, что новая страсть увлекаетъ его болѣе, чѣмъ прилично, чѣмъ слѣдуетъ[8]); а она явилась къ нему, вскрыла его сердце, начертала въ немъ золотомъ свое имя, а на палецъ надѣла перстень, отъ котораго шла цѣпочка къ ея сердцу. Съ тѣхъ поръ онъ весь во власти ея глазъ, заколдованъ въ кругу ихъ блеска, и не будь его желанія чрезмѣрны[9]), онъ могъ бы похва-

---

1) XLIII, 8 слѣд. Или Camiola Turenga? Сл. Catenacci, l. c., стр. 27—8.
2) Ib., 13 слѣд.
3) XLIV, 15.
4) Ib., 20.
5) Ib., 21.
6) XLIV, 25—6.
7) Сл. сон. XXXVIII.
8) XLV, 2.
9) Ib., 16.

литься благосклонностью Амура: когда онъ желалъ увидѣть свою милую, Амуръ являлъ ея красоту, но это лишь болѣе разжигало его страсть. И она не противилась бы ей, если бъ не сознаніе опасности, она допускала его скорбѣть, поддерживая его своимъ состраданіемъ, управляя желаніями. А онъ все стремится къ конечной цѣли, знаетъ, что исполненіе надеждъ далеко, но начинаетъ замѣчать, что и она готова сжалиться, склониться и, дѣйствуя осторожно, положить конецъ его мукамъ[1]). Онъ умоляетъ ее о томъ—въ предѣлахъ чести, подобающей ея нравамъ[2]).

И вотъ цѣль достигнута; хронологическая помѣтка Боккаччьо убѣждаетъ насъ, насколько въ основѣ его иносказаній лежатъ дѣйствительные факты: въ апрѣлѣ 1338 года онъ увидѣлъ Фьямметту въ церкви Санъ-Лоренцо, Амето относитъ извѣстное намъ ночное посѣщеніе къ октябрю, вѣроятно, того же года[3]);
двадцать четыре дня оставался Боккаччьо въ нерѣшитель|ности, 303
говорится въ нашемъ Видѣніи[4]), 135 дней находился онъ подъ ея сладостнымъ игомъ[5]), когда ему досталось въ удѣлъ блаженство, котораго онъ чаялъ. Считая отъ 11-го апрѣля, это было бы въ сентябрѣ; отличіе, объяснимое, быть можетъ, не колебаніемъ воспоминаній, а требованіями стиха и иносказательной тайны.

Боккаччьо не вѣритъ своему счастью, оно кажется ему сномъ, а Фьямметта спрашиваетъ его тихо и нѣжно: Скажи мнѣ, душа моя, какъ ты сюда явился?—Амуръ отверзъ мнѣ глаза на твою красоту, отвѣчаетъ онъ и разсказываетъ о своихъ руководителяхъ-юношахъ и женѣ, долго его сопровождавшей. Фьямметта задумалась: Ступай и отыщи ее, говоритъ она, и слѣдуй ей во всемъ, потому что она наставляетъ на правый путь всякаго заблудшаго; только въ одномъ не будь ей послушенъ, если бъ она пожелала заставить тебя забыть меня. Повинуйся ей, содержи

---

1) Ib., 25.
2) XLVI, 5.
3) Сл. выше стр. 154; сл. стр. 230.
4) XLIV, 21.
5) XLVI, 6.

меня въ твоемъ сердцѣ, и благо тебѣ будетъ; теперь я желала
дать тебѣ лишь залогъ того, что прекратитъ твою печаль [1]).

Поэтъ медленно возвращается вспять: онъ счастливъ, но не-
утоленъ, его любовь разгорѣлась, кто ее потушитъ? Его руково-
дительница встрѣчаетъ его съ распростертыми объятіями, онъ
говоритъ ей, кѣмъ посланъ: пойдемъ къ ней, побудемъ вмѣстѣ,
а тамъ отправимся втроемъ, куда ты пожелаешь.—Твоя просьба
неразумна, отвѣчаетъ она; я хорошо знаю, зачѣмъ я тебѣ нужна,
и въ чемъ твое желаніе, но твоя милая болѣе согласна со мною,
чѣмъ ты [2]). Пойди сначала за мною, послѣ вернемся и къ ней. —
Но поэтъ несогласенъ, и его руководительница склоняется на
его просьбы, если онъ поклянется не дѣлать ничего противъ ея
воли. — Только не вели — не любить ее, отвѣчаетъ онъ; ты
могла бы гнѣваться по праву, если бъ я любилъ ее лишь страст-
нымъ вожделѣніемъ, но я люблю ее, какъ ближняго, служу ей и
304 чест|вую ея благость [3]). — Посмотрю я, правду ли говорятъ твои
слова, отвѣчаетъ аллегорическая жена. И они идутъ; увидѣвъ
Фьямметту, она говоритъ Боккаччьо: Теперь мнѣ легче будетъ
оказать тебѣ милость, а прежде было трудно; вѣдь она — милая
мнѣ, дорогая сестра, и мы давно были бы у нея, если бъ ты ее
назвалъ; она ничего не дѣлаетъ и не говоритъ безъ моего совѣта.
Потому обуздай свое желаніе и отдайся тому истинному блажен-
ству, на которое я не разъ тебѣ указывала; слѣдуй ей во всемъ,
ибо она расположена къ тебѣ такъ же, какъ и я. — Дщерь
добродѣтели, обращается она къ красавицѣ, соединяя ея руку съ
рукой Боккаччьо: вотъ онъ оставилъ всѣ увлеченія, чтобы слѣдо-
вать за тобою; въ этомъ его спасеніе; его юность не знала узды,
но я нашла ее, направивъ его къ той высотѣ, откуда спустилась
ты, чтобы объявить міру свою красу. Подними же его своею
честною рѣчью, чтобы и ему быть въ почетѣ, къ твоему и его

1) LXVI, 24 слѣд.
2) LXVII, 17.
3) Ib., 23—24.

удовольствію; тебѣ я его дарую: пусть онъ вѣчно будетъ твоимъ, не осмѣливаясь преступить твои велѣнія. — Жена совѣтуетъ имъ отдохнуть въ цвѣтущей мѣстности, чтобы набраться силъ для общаго восхожденія. Они гуляютъ, весело смѣясь, бесѣдуя о любви, срывая цвѣты; ихъ спутница отстала, и они рѣшаются обождать ее въ глухой лѣсной чащѣ [1]). Они одни, Фьямметта полудремлетъ на травѣ. Чего я жду, почему не воспользуюсь случаемъ совершить то, чего жажду, чего желаетъ и она? Ему снится, что она противится, колеблется, готова склониться, — и моментъ восторга отлетаетъ вмѣстѣ съ сновидѣніемъ [2]).

Любовное Видѣніе еще не кончилось, но кончились признанія: послѣдняя [3]) пѣсня досказываетъ лишь надежды опечаленнаго поэта, когда вдали отъ Фьямметты онъ передумывалъ: кто виноватъ, онъ или она? И ему казалось, что не все кончено, потому что аллегорическая жена снова предстала ему и говоритъ: Все, что тебѣ видѣлось, еще будетъ твоимъ, если ты меня не поки- 305
нулъ. Идти къ ней теперь же, какъ ты того желаешь, нельзя, не обдумавъ серьезно, ибо ты можешь раскаяться; послѣдуй за мною, и я доставлю тебѣ миръ и утѣшеніе красоты, которую твоя душа постоянно являетъ твоему сердцу [4]). — И онъ готовъ, если это угодно той, кому онъ принадлежитъ всецѣло, вступаетъ на тѣсный путь [5]) и надѣется, что Фьямметта еще сжалится надъ нимъ и утолитъ скрытое въ его груди пламя, въ которомъ онъ горитъ съ каждымъ днемъ болѣе [6]).

Любовное Видѣніе дополняетъ признанія Филоколо, отрицая ихъ. Въ Филоколо Идалагъ-Галеоне — несчастный любовникъ, покинутый своей милой; онъ — страдалецъ, она — безжалостная кокетка. Амето выдвинулъ новыя точки зрѣнія, приготовляя Лю-

1) XLVIII.
2) XLIX.
3) L.
4) l. c., 9.
5) Ib., 17.
6) Ib., 27—31.

бовное Видѣніе: когда оно писалось, моментъ горячихъ нареканій уже прошелъ, чувство еще волнуется, но уже доступно анализу, и Боккаччьо ставитъ себѣ вопросъ: не онъ ли самъ виноватъ въ недожитомъ счастьѣ? И по мѣрѣ того, какъ передъ нимъ развертывались воспоминанія, они получали для него новый смыслъ: быть можетъ, онъ былъ недостоинъ любви, къ которой поднимала его Фьямметта, какъ Адіона — Діонея, былъ слишкомъ несдержанъ, и она отвернулась отъ него, какъ Лаура отъ Петрарки: и та вела своего поэта къ благу, наставляя его, въ своей высокой женственности, какъ позорны нецѣломудріе и посягательство на чистоту другого, но, увидя, что, порвавъ всѣ цѣпи, онъ стремится къ гибели, предпочла устраниться[1]). Разница въ томъ, что у Петрарки въ его любовь къ Лаурѣ рано вторглась рефлексія, сознаніе грѣха[2]); у Боккаччьо по отношенію къ Фьямметтѣ этого сознанія нѣтъ: въ минуты раздумья она представлялась ему отвлеченной отъ момента его собственной неудовлетворенной
306 страст|ности, одухотворяясь и сіяя въ смиренномъ сознаніи тѣхъ благъ красоты и любви, которыя она расточала. Въ такомъ освѣщеніи воспоминаній это былъ образъ, готовый для идеализаціи въ дантовскомъ стилѣ, — но уже при первой встрѣчѣ въ Санъ-Лоренцо и въ садовой сценѣ Филоколо чувствуется вліяніе Vita Nuova, и вокругъ Фьямметты играютъ воздушно-отвлеченные «духи любви», столь любимые флорентійской школой «новаго» направленія[3]).

Во всемъ этомъ многое слѣдуетъ вмѣнить поэтической модѣ, идеализаціи дали, но вызвавшій то и другое психологическій мотивъ самообличенія былъ несомнѣнно серьезенъ, когда на первой же страницѣ Декамерона Боккаччьо могъ написать о себѣ слѣдующія, иначе загадочныя слова: «любовь заставила меня претерпѣвать многое, не отъ жестокости любимой женщины, а

1) Secretum, dial. III, стр. 355, 357 (1342 г.).
2) Сл. Fam., IV, 1 (1336 г.).
3) Сл. выше стр. 261.

отъ излишней горячности духа, воспитанной неупорядоченнымъ желаніемъ» [1]).

Эта неутолимая горячность духа, едва коснувшаяся наслажденія, очищенная сознаніемъ вины и робкимъ ожиданіемъ, и сдѣлала его пѣвцомъ Фьямметты; она подняла его надъ реализмомъ Діонео, надъ ревнивою страстью Троила и безсильной попыткой Амето помирить античн-плотскую любовь съ порывами неземной и мистической, — на высоту того художественно-самоотреченнаго чувства, на которой виновнымъ оказался Памфило-Боккаччьо, человѣчески ревнуетъ и страдаетъ Фьямметта. Такъ произошелъ романъ, носящій ея имя, — и мы предвкушаемъ психологически-разнообразную объективность Декамерона. — Ни Данте, ни Петрарка не были къ ней способны, никто изъ нихъ не пережилъ такъ широко и не выразилъ такъ откровенно всей скалы любовныхъ ощущеній. Правда, среди нихъ мотивы плотскаго, пластичнаго подчеркнуты рѣзко, выходъ изъ нихъ совершается не безъ борьбы, но она человѣчна; идеализація Фьямметты никогда не заставляетъ насъ забывать, среди дантовскихъ формулъ,
что она — женщина; есть | у Боккаччьо и паденія, которыя и 307
ощущаются, какъ таковыя: съ вдовой Корбаччьо, съ безыменной матерью его дѣтей. Это была такая же дань чувственности, какъ и у Петрарки; семья отдана дѣлу и долгу, строгой поэзіи обряда и мирнымъ радостямъ очага; чувство воспитывали Беатриче, Лаура, Фьямметта, мистически-разсудочное, художественно-виртуозное, сентиментально-страстное. Декамеронъ знаетъ его во всѣхъ оттѣнкахъ, и лишь беззастѣнчивая чувственность нѣкоторыхъ его новеллъ заставляютъ насъ забывать его значеніе въ литературной эволюціи чувства любви. |

---

1) Введеніе, стр. 1 русск. пер.; сл. Corbaccio, стр. 123: disordinato appetito.

IV.

ВЫХОДЪ КЪ СВОБОДНОМУ ТВОРЧЕСТВУ (ТЕЗЕИДА И НИМФЫ ФЬЕЗОЛЕ).

I.

Въ сравненіи съ Амето и Любовнымъ Видѣніемъ, Тезеида и 311
Ninfale Fiesolano отличаются бо̀льшимъ спокойствіемъ: автобіографическій моментъ не такъ тревоженъ, болѣзненная идеализація не ищетъ болѣе дантовской терцины, она принесена въ жертву октавѣ Филострато, и прирожденная Lust zum Fabuliren идетъ навстрѣчу античнымъ мотивамъ. И Амето и Любовное Видѣніе полны классическихъ воспоминаній, но тамъ они служебны, теперь они даютъ дѣйствіе и мѣтятъ на колоритъ. Боккаччьо какъ бы находитъ въ нихъ освобожденіе отъ страстности; Амето онъ писалъ, какъ влюбленный, не какъ поэтъ [1]), теперь отношенія измѣнились: Ninfale Fiesolano—такая же пастораль, какъ Амето, но она сбросила оковы аллегоріи; Тезеида — новая попытка въ области классическаго эпоса, послѣ неудачи Филоколо. При отсутствіи другихъ хронологическихъ данныхъ, художественный и психологическій критерій является рѣшающимъ: Тезеида и Ninfale Fiesolano написаны позже аллегорическихъ поэмъ, во Флоренціи, вѣроятно, въ половинѣ 40-хъ годовъ.

Тезеида—первая въ новыхъ литературахъ поэма, написанная по типу классическихъ. Боккаччьо сознавалъ это новшество и ставилъ его въ заслугу себѣ: съ тѣхъ поръ, какъ «обнаженныя» (т. е. народныя) музы объявились среди смертныхъ, говоритъ онъ въ послѣдней пѣснѣ [2]), очевидно, повторяя дѣленіе Данте [3]),

---

1) Сл. выше стр. 268—9.

2) XII, 84—86.

3) De Vulg. Eloquentia, II, c. 2.

312 были | люди, писавшіе въ прекрасномъ стилѣ о вещахъ серьезныхъ [1]), другіе пѣли про любовь, ты же, о моя книга, впервые воспѣла о трудныхъ дѣлахъ Марса, о которыхъ никто еще не читалъ на народномъ итальянскомъ языкѣ [2]). А такъ какъ ты впервые пускаешься по волнамъ, по которымъ до тебя никто еще не плавалъ, быть можетъ, и тебѣ, хотя и низменной, достанется, въ числѣ другихъ, нѣкій почетъ; а ты, явясь въ ихъ среду, почти, какъ старшихъ, своихъ предшественниковъ, научая тѣхъ, кого опередила [2]). Авторъ ждетъ себѣ награды и лавроваго вѣнка [4]), очевидно, не за вымыселъ поэмы, о которомъ не упоминаетъ ни одинъ латинскій писатель [5]), а за починъ эпическаго пѣснопѣнія въ классическомъ стилѣ.

Что до замысла и эпическихъ пріемовъ, Тезеида стоитъ на точкѣ зрѣнія Филоколо. Боккаччьо наивно заявляетъ, что будетъ пѣть о дѣлахъ Марса, тогда какъ въ основѣ лежитъ новелла о двухъ друзьяхъ, влюбленныхъ въ одну и ту же женщину, и все дѣло вертится на конфликтѣ между чувствомъ дружбы и любовью. Къ подобному сюжету Боккаччьо вернется въ одной изъ новеллъ Декамерона [6]); пока онъ поставилъ его въ центрѣ эпическаго дѣйствія, матеріалы котораго заимствованы изъ Ѳиваиды Стація и какой-нибудь версіи Roman de Thèbes, отдѣльныя подробности— изъ Виргилія и Овидія—и Roman de la Rose [7]), тогда какъ стиль попрежнему полонъ дантовскихъ воспоминаній. Внѣшній колоритъ классическихъ источниковъ перенесенъ и на новеллу, |

---

1) Con bello stile in onesto parlare, XII, 84.

2) Volgar lazio; сл. De Vulg. Eloquentia: Arma vero nullum Italum adhuc invenio poetasse.

3) Materia dando a cui dietro hai lasciato; сл. Theb., XII, 810, гдѣ Стацій упоминаетъ Виргилія.

4) Сл. въ концѣ поэмы сонетъ къ музамъ.

5) I, 2.

6) X, 8. Въ основѣ новеллы лежитъ какая-нибудь версія романа объ Athis и Prophilias. Сл. Crescini, Contributo, стр. 237, прим. 1.

7) Объ источникахъ Тезеиды, особенно о заимствованіяхъ у Стація, сл. Crescini, l. c., стр. 220 слѣд. Наши случайныя указанія имѣютъ въ виду его обстоятельный разборъ.

составляющую главное содержаніе поэмы: имена ея героевъ, 313
Арчиты и Палемона, по всей вѣроятности, также подслушаны у Стація, гдѣ Палемонъ—имя витязя[1]), Athys—женихъ Исмены, преобразившійся у Боккаччьо въ Арчиту, можетъ быть, подъ вліяніемъ Гораціева Archytas. Чтобы поднять новеллу на высоту эпическаго дѣйствія Боккаччьо прибѣгаетъ къ тѣмъ же средствамъ, какъ и въ Филоколо: его влюбленные герои, потомки Кадма, готовы объяснить свои несчастія гнѣвомъ Юноны, тяготѣющимъ надъ ихъ родомъ, героиня свои сердечныя неудачи — карой Діаны за то, что она рѣшилась отречься отъ дѣвственности амазонки. Болѣе того: всѣ герои греческой древности выступаютъ на сцену и бьются на турнирѣ, чтобы рѣшить вопросъ, кому изъ двухъ соперниковъ будетъ принадлежать прекрасная Эмилія, и когда одинъ изъ нихъ, Арчита, скончался, о немъ говорится, что ни одинъ доблестный мужъ въ Греціи не былъ оплаканъ такъ, какъ онъ[2]). Такой сюжетъ дѣйствительно не могъ воспѣть ни одинъ «латинскій авторъ». Какъ въ Филоколо, такъ и въ Тезеидѣ, классическіе и средневѣковые моменты сплелись въ какое-то фантастическое представленіе жизни, напоминающее не столько средневѣковые романы о Троѣ и Александрѣ Великомъ, сколько старо-итальянскихъ мастеровъ: въ пестрой смѣси предпочтеніе явно отдано классическому моменту, но самая смѣсь ровнѣе, устроеннѣе, чѣмъ въ Филоколо, и мы склонны признать за ней нѣкоторую призрачную жизненность. Описаніе классическихъ обрядовъ, требъ и игръ, чередуется съ представленіемъ христіанскаго ада[3]) и средневѣковой дуэлью; греческихъ героевъ посвящаютъ въ рыцари, гремятъ трубы, накры и барабаны[4]), турниръ происходитъ въ амфитеатрѣ, вооруженіе, смѣшанное изъ стараго и новаго, менестрели и буффоны потѣшаютъ гостей и |

---

1) Thebaid., VIII, 135.
2) XII, 14.
3) Eterna fornace, X, 106.
4) II, 54.

314 награждены подарками [1]); самъ Тезей носитъ хорошо знакомый Боккаччьо, и не только по Roman de Thèbes, титулъ герцога Аѳинскаго — и влюбленъ. Боги вмѣшиваются въ людскія дѣла, но не такъ назойливо и часто, какъ въ Филоколо, и, по самому свойству сюжета, нѣтъ классической травестіи христіанства; лишь порой въ размышленіяхъ о будущей жизни слышны неясные христіанскіе мотивы.

Написать поэму въ двадцать пѣсенъ на сюжетъ новеллы о конфликтѣ любви и дружбы Боккаччьо удалось лишь при помощи общихъ мѣстъ эпики: описаній, портретовъ, рѣчей и сравненій [2]); двѣ первыя пѣсни еще стоятъ внѣ дѣйствія поэмы, являясь какъ бы историческимъ введеніемъ. При царѣ аѳинскомъ Эгеѣ жилъ въ Скиѳіи жестокій народъ амазонокъ, съ царицей Ипполитой. Подобно внучкамъ (nipoti) Бела онѣ перебили у себя всѣхъ мужчинъ и умерщвляли всѣхъ, кого заносило къ нимъ случайно. Тезей, до котораго дошли на то жалобы, рѣшается положить конецъ неуправству. Въ то время кровавый Марсъ возвращался изъ лѣса, куда водилъ, въ недобрый часъ, сонмы свирѣпаго ѳиванскаго царя; Тезей чувствуетъ его горячее присутствіе, когда онъ направлялся на колесницѣ въ свои палаты на Рифейскихъ горахъ, всюду воспламеняя небо и напередъ зная, что должно случиться.— Огненный, красный Марсъ типиченъ для Боккаччьо [3]).— Собравъ своихъ бароновъ, Тезей объявляетъ имъ |

1) VII, 99; XII, 80.

2) I, 38: кабанъ (сл. VII, 119 слѣд.; Inf., XIII, v. 112 и Stat. Theb., XI, 530 слѣд.); 42: левъ при видѣ добычи; 67: моряки, бросающіеся вплавь съ гибнущаго корабля; 74: волкъ, кидающійся на овецъ; III, 27: вѣтры, вырывающіеся изъ пещеръ Эола; 33: укушеніе змѣей; V, 99: поблекшая роза, обновляющаяся на зарѣ или подъ вѣяніемъ зефира (сл. IX, 28; Inf., II, 127 слѣд.; Filostrato, II, 80); VII, 106 – 7: страхъ охотника въ ожиданіи льва; 115: левъ среди безрогаго стада; 129: человѣкъ, внезапно пробужденный шумомъ; 844: облако, надвинувшееся на солнце; VIII, 8: лучъ, отраженный отъ воды или стекла; 26: львица въ поискахъ за своими львятами; 49: левъ, не насытившійся добычей; 63: борьба между змѣемъ и орломъ, защищающимъ своихъ птенцовъ, сл. 121; XI, 44: срѣзанныя розы.

3) Сл. Filocolo, выше, стр. 257; Fiammetta, стр. 23.

походъ; Ипполита прознала о немъ, ободряетъ своихъ въ про- 315
странной рѣчи: пусть покажутъ свою мужественность, онѣ, объявившія войну Амуру[1]). Пока она снаряжается къ защитѣ, греческій флотъ минуетъ Макронъ, Андросъ, Тенедосъ, Византію и вошелъ въ море Танаиса[2]). Мирныя предложенія Тезея отвергнуты амазонками, которыя стараются помѣшать высадкѣ враговъ, при чемъ пущенъ въ дѣло и (греческій) огонь[3]); крикъ стоялъ такой, что подобнаго не слыхалъ ни Нептунъ, ни Главкъ[4]). Тезей внѣ себя отъ гнѣва: коритъ Марса и Минерву, имъ не дождаться отъ него жертвъ, бранитъ своихъ за трусость, что побѣжали передъ женщинами[5]); пусть вернутся вспять и выберутъ себѣ новаго вождя. Велѣвъ притянуть свое судно, онъ одинъ спрыгнулъ въ воду и добрался до берега, за нимъ пошли и другіе; началась битва, часть грековъ сражается на коняхъ, сбросившихъ своихъ наѣздницъ; амазонки принуждены отступить въ крѣпость, которую греки осаждаютъ. Нѣсколько мѣсяцевъ стоятъ они подъ нею, среди постоянныхъ вылазокъ и битвъ, когда однажды, объѣзжая стѣны, Тезей надумался, что крѣпость можно взять, подкопавъ ея стѣны. Какъ услышала о томъ Ипполита, велѣла заложить внутри города другой, болѣе узкій кругъ стѣнъ, а сама пишетъ къ Тезею письмо, которое онъ велитъ прочесть въ присутствіи своихъ бароновъ. Она укоряетъ его за неожиданное, невызванное нападеніе; я не Медея, не готовилась отравить тебя, напротивъ, я всегда была поклонницей твоей доблести, желала видѣть тебя. Ты разубѣдилъ меня, и я не столько печалюсь за мою жизнь, сколько за твое достоинство. Вздумавъ воевать съ женщинами, ты поступилъ не по-рыцарски, говоритъ она, какъ амазонки въ посланіи къ Александру Македонскому; не |

---

1) I, 24.

2) Tanas, I, 41.

3) I, 52.

4) I, 55.

5) I, 61: Ah vituperio della gente achiva! Сл. Inferno, XXXIII, 79: Ahi Pisa, vituperio delle genti.

316 рыцарское также дѣло воевать подъ землею. Ради твоей чести оставь насъ въ покоѣ, не то я заставлю тебя уйти отсюда насильно и съ урономъ [1]). — Выслушавъ содержаніе письма, Тезей улыбнулся: Счастливъ же я, что уберегъ свою жизнь, благодаря этой женщинѣ, поучающей меня, какъ мнѣ соблюсти въ людяхъ мою честь! — Въ отвѣтномъ посланіи онъ говоритъ, что обязанъ мстить за зло, учиненное его людямъ, и совѣтуетъ покориться; посланницамъ Ипполиты онъ показываетъ свои силы, подкопанныя стѣны; ему было бы жаль, если бъ ему пришлось свирѣпствовать противъ враговъ. — Собравъ своихъ, Ипполита сообщаетъ имъ рѣшеніе Тезея; праведно гнѣвается на насъ Венера, съ нею и Марсъ; по моему мнѣнію, лучше всего подчиниться мужу, столь храброму и славному, милостивому и ласковому со всѣми, кто смирится передъ нимъ; отъ этого наша честь не пострадаетъ: всѣ же считаютъ насъ женщинами, а онъ — герцогъ Аѳинъ. — Въ толпѣ послышались противорѣчивые голоса, но никто не рѣшается выступить открыто, а Ипполита снова шлетъ къ Тезею своихъ посланницъ; пусть не являются назадъ безъ мира. Условія таковы, что Тезей женится на Ипполитѣ и станетъ править ея царствомъ по ея законамъ. Греки вошли въ городъ мирно, никому не нанеся ущерба; красавица Ипполита выѣхала навстрѣчу Тезею, съ нею ея младшая сестра Эмилія; Амуръ былъ тутъ какъ тутъ и многихъ ранилъ въ сердце; самъ Тезей смотритъ на Ипполиту и говоритъ: она прелестнѣе Елены, которую я когда-то похитилъ; и его поразила стрѣла Амура, и ему пріятны невзгоды, понесенныя изъ-за красавицы. Амазонки преобразились: сломали заржавленное оружіе, стали попрежнему красивыми, милыми, свѣжими и привлекательными; злосчастные клики смѣнились шумными рѣчами и пѣснями, бранная поступь — мелкими шажками. Вернулся и стыдъ, который онѣ отложили въ ту ночь, когда перебили своихъ мужей; онѣ принарядились, и вновь былъ открытъ забытый храмъ Венеры, гдѣ брачуется съ Ипполитой |

1) I, 99—107.

Тезей. Тогда же совершились и другіе браки амазонокъ съ гре- 317
ческими витязями, а Эмилію Тезей прочитъ за своего пріятеля Ахата.

До сихъ поръ Боккаччьо стоитъ на почвѣ своихъ классическихъ чтеній и воспоминаній; Стацій и Roman de Thèbes и легенда о женщинахъ Лемноса, разсказы объ амазонкахъ, объ ихъ войнѣ съ Тезеемъ и его любви къ Антіопѣ—вотъ его источники; въ одномъ изъ нихъ, очевидно, позднемъ, онъ нашелъ и анахронизмъ: старый Эгей еще живъ, тогда какъ древній миѳъ изображалъ его уже умершимъ.

Два года наслаждается Тезей съ своей Ипполитой, забывъ обо всемъ остальномъ. Однажды весною, когда небо украшаетъ долины и горы травою и цвѣтами, птицы поютъ на вѣткахъ про любовь, а дѣвушки сильнѣе ощущаютъ пламя Венеры, Тезей былъ въ саду, предаваясь любовнымъ мечтамъ, когда ему показалось, что ему предсталъ его другъ Перитой и гнѣвно говоритъ ему: Что же ты тунеядствуешь въ Скиѳіи, забывъ ради любви свою славу? Вернись въ Грецію, или ты сталъ малодушенъ, и твое мужество утратилось на лонѣ Ипполиты?—Перитой исчезъ, но Тезей познаетъ въ этомъ знаменіи голосъ какого-нибудь божества, пекущагося объ его чести. Онъ рѣшается ѣхать и, вмѣстѣ съ Ипполитой и Эмиліей, направляется въ Аѳины.

Съ десятой строфы второй пѣсни главнымъ источникомъ Боккаччьо служила Ѳиваида Стація, не только для эпической рамки, которой онъ обвелъ свою новеллу, но и для нѣкоторыхъ бытовыхъ подробностей послѣдней, особливо въ XI-й книгѣ.

Напомнивъ въ короткихъ чертахъ[1]) объ ужасахъ Ѳиванской легенды, Боккаччьо переходитъ къ тому ея моменту, когда Креонтъ запретилъ арголійскимъ женамъ предавать погребенію тѣла родныхъ, падшихъ подъ Ѳивами. Жены отправляются въ Аѳины молить Тезея о справедливости и защитѣ; ихъ принимаютъ радушно, приглашаютъ въ дома, но онѣ ищутъ убѣжища въ храмѣ |

1) II, 11.

318 Милосердія (Clemenza). — Въ это время и вернулся Тезей; описанъ его торжественный въѣздъ въ городъ, вмѣстѣ съ Ипполитой и Эмиліей, на колесницѣ, въ царской мантіи и съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Онъ приноситъ жертву въ храмѣ Паллады; когда онъ проѣзжалъ мимо храма Милосердія, толпа женщинъ бросилась къ нему неистово, съ крикомъ и плачемъ. Онъ пораженъ; онѣ гнушаются моей славой, которая радуетъ другихъ, думается ему. Кто вы и почему такъ плачете? Выслушавъ разсказъ одной изъ нихъ, онъ рѣшается тотчасъ же исполнить ихъ желаніе и, не отдохнувъ, отправиться въ новый походъ. Ипполита останется пока съ Эгеемъ; она бы и сама отправилась, если бъ Тезею пріятно было снова увидѣть ее съ оружіемъ въ рукахъ. Войско бодро откликнулось на его призывъ; не повидавъ ни отца, ни пріятелей, онъ покинулъ Аѳины и черезъ нѣсколько дней сталъ станомъ подъ Ѳивами, на поляхъ, надъ которыми еще носился смрадъ отъ покинутыхъ безъ погребенія труповъ. Вызовъ Тезея принятъ Креонтомъ, битва рѣшается ихъ единоборствомъ: Тезей сбрасываетъ замертво противника; пришелъ твой послѣдній день, говоритъ онъ ему, теперь ты понесешь должное наказаніе: твое оружіе я посвящу Марсу, тѣло отдамъ женамъ, которыхъ ты опечалилъ. Креонтъ отвѣчаетъ надменно, не измѣнившись въ лицѣ [1]): Кончай скорѣе, лишь бы мнѣ умереть, прежде чѣмъ побѣда будетъ на твоей сторонѣ; пока я доволенъ, ибо могу разсказать подземнымъ богамъ, что преимущество было за моими. Онъ умолкъ, Тезей сталъ разоруживать его, уже похолодѣвшаго, потому что душа покинула тѣло. Побѣда остается за Тезеемъ, побѣжденные бѣгутъ въ горы и лѣса, за ними — горожане; Тезей позволяетъ своему войску разграбить городъ, щадя святыни, велитъ совершить похоронный обрядъ надъ тѣломъ Креонта, дабы онъ могъ принести адскимъ тѣнямъ лучшее о немъ свидѣтельство, чѣмъ именитые мужи, которыхъ тотъ лишилъ погребенія. Грече-

1) II, 63: nè sembianza mutò l'ardita fronte. Сл. Inf., X, 74—75 о Фаринатѣ: non mutò aspetto.

скимъ женамъ предоставлено совершить тризны надъ ихъ род- 319
ными, предоставленъ и самый городъ; предавъ его сожженію, онѣ уносятъ съ собою прахъ своихъ ближнихъ.

Здѣсь и привязывается новелла, которую Боккаччьо поставилъ въ центрѣ своей поэмы. Откуда онъ ее заимствовалъ — остается неизвѣстнымъ; имена не говорятъ сами по себѣ за классическій источникъ, всего менѣе — за греческій: типъ именъ латинскій, навѣянный чтеніями Боккаччьо. На полѣ битвы нашли двухъ раненыхъ юношей, ихъ видъ и блестящее вооруженіе даютъ поводъ предположить, что они царственнаго рода; ихъ не обезоруживаютъ, а бережно несутъ къ Тезею; это Арчита и Палемонъ, внуки Кадма, пріятели. Тезей велитъ уврачевать ихъ раны и беретъ съ собою; при его побѣдномъ вступленіи въ Аѳины, они идутъ передъ его колесницей; въ храмѣ Марса онъ повѣсилъ оружіе Креонта и свой лавровый вѣнокъ; прибывъ во дворецъ, разсказываетъ Ипполитѣ о своихъ подвигахъ и невзгодахъ, а она пристально смотритъ на него своими плутовскими глазками, и ему кажется, что онъ въ раю. Арчиту и Палемона онъ хотѣлъ было предать смерти, чая отъ нихъ опасности, но затѣмъ осудилъ на вѣчное заключеніе въ одномъ покоѣ своего дворца.

Умалился гнѣвъ Юноны съ паденіемъ Ѳивъ, Марсъ ушелъ въ свою холодную обитель, и я стану въ болѣе пространной рѣчи пѣть про Амура, да будетъ онъ мнѣ помощенъ! Такъ начинаетъ Боккаччьо свою третью пѣсню. Прошелъ почти годъ съ тѣхъ поръ, какъ двое юныхъ ѳиванцевъ томились въ заключеніи, когда Венера явилась имъ причиною новыхъ вздоховъ. Была весна [1]), и все въ природѣ дышало любовью [2]), когда однажды утромъ красавица Эмилія вышла, по обыкновенію, въ садъ, въ юбкѣ и босая; распѣвая любовныя пѣсни, она срывала бѣлой ручкой мо-
лодыя розы съ шиповъ и, усѣвшись на травѣ, плела вѣнокъ | для 320

1) Фебъ былъ въ созвѣздіи того мирнаго животнаго, которое увлекло Европу, III, 5.

2) l. c., 6—7.

бѣлокурой головки. Услышавъ ея голосъ, Арчита открылъ окно и просунулъ голову за рѣшетку; было темновато, ибо солнце еще невысоко стояло надъ горизонтомъ, но онъ разглядѣлъ красавицу. Подойди сюда, шепчетъ онъ Палемону: навѣрно сюда спустилась Венера; слышишь, какъ она поетъ? Палемонъ также смотритъ: это Цитерея, говоритъ онъ, я не видѣлъ ничего красивѣе. — Замѣчаешь ли и ты то же, что и я, въ ея прелестныхъ глазкахъ? спрашиваетъ Арчита. — Что такое? — Я вижу того, кто поразилъ красотой Дафны Аполлона; у него въ рукахъ двѣ золоченыхъ стрѣлы, вотъ онъ положилъ одну на тетиву и смотритъ на одного меня; можетъ быть, онъ недоволенъ, что я гляжу на красавицу.—Вижу и я, но́, должно быть, онъ уже метнулъ стрѣлу, у него въ рукахъ всего одна. — Онъ такъ ранилъ меня, что боль уже подступаетъ къ сердцу, если эта богиня не поможетъ мнѣ. — Увы! вскрикнулъ ошеломленный Палемонъ, другая стрѣла угодила въ меня. — При этомъ увы! дѣвушка повернулась къ окошку, закраснѣлась, увидѣвъ незнакомыя лица, потомъ, ободрившись, поднялась и пошла съ собранными цвѣтами. Это увы! заставило ее задуматься; она еще не созрѣла для любви, но понимала, къ чему любовь стремится[1]), поняла, что сама она понравилась; это радуетъ ее, и она стала прихорашиваться всякій разъ, когда выходила въ садъ.

Оба юноши[2]) повѣряютъ другъ другу свои чувства. Не знаю, чѣмъ угодилъ въ мое сердце суровый стрѣлокъ! говоритъ Арчита; образъ красавицы не выходитъ у него изъ ума, для него было бы высшимъ блаженствомъ понравиться ей, какъ она нравится ему. — И во мнѣ происходитъ то же, отвѣчаетъ Палемонъ; ничего подобнаго я не ощущалъ; ужъ не попали ли мы подъ власть Амура, болѣе удручающаго меня, чѣмъ тюрьма Тезея?— Такъ бесѣдуютъ между собою новые влюбленные, не зная, кто такая Эмилія, богиня или смертная; ихъ вздохи, что̀ вѣтры, вы-

1) Affetta, III, 19.
2) Пока не рыцари, а конюшіе, III, 20.

рывающіеся изъ пещеръ Эола. — А Эмилія продолжаетъ пока- 321
зываться въ саду, поглядывая украдкой на окошко, откуда ей послышалось увы! Палемона; не то, чтобы побуждалъ ее къ тому Амуръ, а чтобы увѣриться, смотрятъ ли на нее. Когда она видѣла, что на нее глядятъ, она, будто ничего не замѣчая, принималась пѣть и частила ножками, пробираясь среди кустовъ, облеченная скромной женственной граціей. Ей хотѣлось понравиться, но ее увлекала къ тому не любовь, а врожденное женщинамъ тщеславное желаніе показать свою красоту: если у нихъ и нѣтъ другихъ достоинствъ, онѣ довольны, если ихъ красоту похвалятъ; такъ, желая приглянуться, онѣ овладѣваютъ другими, сами оставаясь свободными[1]).

Каждое утро оба влюбленныхъ стоятъ у окошка, надѣясь утолить лицезрѣніемъ жажду любви, но еще болѣе растравляя рану. Отъ долгихъ бдѣній и отсутствія аппетита оба они измѣнились, но обманываютъ себя, говоря, что это отъ тюрьмы; уже отъ вздоховъ дѣло дошло до слезъ, Ѳивы забыты, и узниковъ пугаетъ мысль, что, освободившись изъ заключенія, они не увидятъ болѣе свою милую. Они слагаютъ любовныя пѣсни въ честь Эмиліи и узнаютъ отъ одного служителя, кто она.

Такъ прошло лѣто; съ наступленіемъ осени Эмилія перестала являться въ садъ, и страданія влюбленныхъ усилились. Въ эту пору пріѣхалъ къ Тезею его другъ Перитой; по его просьбѣ ему показали ѳиванскихъ плѣнниковъ; ихъ портреты не характерны[2]). Перитой тотчасъ же призналъ Арчиту, своего пріятеля, и проситъ Тезея дать ему свободу; тотъ согласенъ, но съ условіемъ, чтобы онъ никогда не являлся въ его царство, подъ страхомъ смерти. Арчита благодаритъ его: онъ весь въ его власти, готовъ положить за него жизнь; къ такому страстному желанію влечетъ обуявшая меня любовь — къ тебѣ и твоимъ. — Тезею невдомёкъ, чѣмъ подсказаны эти рѣчи, и онъ принимаетъ ихъ дословно, тогда |

1) III, 28—30.
2) III, 49—50.

322 какъ Арчита печалится объ отъѣздѣ, а Палемонъ, котораго снова отвели въ тюрьму, начинаетъ завидовать свободѣ товарища, которая дастъ ему и болѣе свободы — для любви[1]).

Перитой снаряжаетъ Арчиту, торопитъ отъѣздомъ, но въ Арчитѣ происходитъ борьба: Ты знаешь, какое тягостное скитаніе по свѣту предстоитъ мнѣ, говоритъ онъ; мы всѣмъ ненавистны, боги враждебны намъ, я хотѣлъ бы остаться здѣсь, чьимъ-нибудь служителемъ. Все это подсказываетъ Амуръ, но Перитой не догадывался; Арчита предпочелъ бы тюрьму свободѣ, но нѣкоторыя соображенія останавливаютъ его, какъ парализовали рѣшенія Троила[2]): вѣдь его произвольное пребываніе въ тюрьмѣ объяснятъ не любовью, а малодушіемъ, тогда какъ свобода дастъ ему возможность вернуться, хотя бы и тайкомъ, пробраться къ Эмиліи, если бъ ее выдали замужъ въ чужую землю, и если не добиться ея любви, то хотя бы поглядѣть на нее. Прощаясь съ Палемономъ, онъ проситъ его мысленно напоминать о немъ его милой, когда онъ увидитъ ее; Палемонъ плачетъ: Я остаюсь одинокій, печальный, ты многое увидишь, и это развлечетъ тебя, я же хотя и буду иногда утѣшаться, видя Эмилію, стану пылать еще болѣе въ ея отсутствіи. Оба товарища падаютъ въ изнеможеніи, такъ что ихъ конюшимъ пришлось ихъ ободрить и поддержать. Уѣзжая, Арчита молитъ объ одномъ, чтобы ему еще разъ увидѣть Эмилію, и его молитва дошла до небесъ: Эмилія показались на балконѣ съ своей служанкой и съ сожалѣніемъ глядитъ на удаляющагося въ изгнаніе. Арчита принимаетъ это за хорошее предзнаменованіе и еще часто озирается въ сторону Эмиліи, останавливая коня, какъ бы за тѣмъ, чтобы поправиться.

Арчита выѣхалъ изъ Аѳинъ въ осеннюю непогоду, какъ Флоріо и, какъ онъ, перемѣнилъ свое имя, дабы его не узнали: онъ назовется Пентеемъ. Всѣ его мысли отданы Эмиліи: О, если бы мнѣ пожить въ Аѳинахъ на свободѣ, чтобы возбудить въ тебѣ

1) III, 60.
2) Сл. выше стр. 142—143.

страсть, которой я сгораю! Я легче перенесъ бы мою раз|луку; 328
но ты не можешь сочувствовать моему горю, а мнѣ и то было бы утѣшеніемъ, если бы по моей смерти ты сказала: да, онъ беззавѣтно любилъ меня! А вы, мрачныя области Дита, велите успокоиться всѣмъ, кто въ васъ томится, ибо, хотя я и живу, у меня мукъ больше, чѣмъ у любого изъ живущихъ или мертвыхъ.

Такъ среди нареканій Амуру и Фортунѣ онъ добрался до Ѳивъ. Видъ разрушеннаго города приводитъ ему на память плачевную судьбу Кадмова рода и гнѣвъ Юноны, продолжающей тяготѣть и на его потомкахъ: на немъ и Палемонѣ.

Проведя короткое время въ Коринѳѣ и около года въ Микенахъ на службѣ у Менелая, онъ переѣхалъ въ Эгину, гдѣ пристроился у Тезея; его никто не узнаётъ, такъ измѣнило его горе, и кто бы ни пріѣзжалъ изъ Аѳинъ, онъ у всѣхъ проситъ вѣстей, незамѣтно вставляя вопросъ объ Эмиліи. — Мотивъ, напоминающій новеллу о Тедальдо[1]), какъ слѣдующее за тѣмъ служеніе Арчиты у Тезея — сходное положеніе въ Декамеронѣ[2]).

Однажды, когда, по обыкновенію, Арчита гулялъ по берегу, и ему пріятенъ былъ самый вѣтеръ, вѣявшій со стороны Аѳинъ, ибо онъ коснулся Эмиліи, въ гавань вошла лодка. Изъ разспросовъ Арчита узнаетъ, что нареченный женихъ Эмиліи, Ахатъ, умеръ три дня тому назадъ, и вотъ въ немъ внезапно возгорѣлась и старая любовь и желаніе вернуться; онъ такъ измѣнился, что ему нетрудно будетъ поступить, неузнаннымъ, въ услуженіе Тезея; а коли его узнаютъ, то вѣдь лучше умереть, чѣмъ вести такую жизнь. Нѣсколько дней живетъ онъ въ Аѳинахъ, скрываясь, и никто не призналъ его; молится въ храмѣ Аполлона, дабы онъ помогъ ему устроиться при Тезеѣ: у него не осталось ничего, онъ обѣднѣлъ, и онъ молитъ бога принять отъ него невиданную жертву: его слезы, вздохи и страданія и желаніе любви; ими онъ богатъ. По нѣкоторомъ времени онъ поступилъ на службу |

1) Декамеронъ, III, 7.
2) l. c., VII, 7.

324 къ Тезею, увидѣлъ Эмилію и ожилъ. Она тотчасъ же признала его, улыбнулась, но никому о томъ не сказала и самому Арчитѣ не подала вида. «Удивительное дѣло — любовь! Рѣдко бываетъ, чтобы любимая женщина, хотя бы она и не открыла своего сердца любящему, не содержала его въ своихъ мысляхъ; если она видимо и гнѣвается, тѣмъ не менѣе ухаживаніе ей пріятно, и если она не любитъ другого, ей придется, мало ли, много ли, полюбить ухаживающаго» [1]). Это — развитіе дантовскаго афоризма, что любовь не можетъ не вызвать любви [2]), и вмѣстѣ характеристика Эмиліи: она полюбитъ потому, что любима.

Вскорѣ Арчита-Пентей такъ пришелся по сердцу Тезею, что сталъ ближнимъ къ нему человѣкомъ; свою страсть онъ скрываетъ и ведетъ себя осторожно, изрѣдка поглядывая на Эмилію, которая представляется, что не вѣдаетъ любви, тогда какъ на самомъ дѣлѣ она уже понимала въ ней нѣчто, ибо такія пришли лѣта. Арчита веселъ, распѣваетъ, рядится, показываетъ свое искусство въ воинскихъ упражненіяхъ; но Эмилія вѣдь не знаетъ, для кого онъ все это дѣлаетъ, а ему некому въ томъ открыться. И вотъ по ночамъ онъ уходитъ въ одну рощу и здѣсь бесѣдуетъ самъ съ собою. Амуръ обидѣлъ его, ибо онъ любитъ, но нелюбимъ; пусть поможетъ ему, это въ его власти, а онъ вѣчно будетъ славословить его въ своихъ пѣснопѣніяхъ. Среди такихъ жалобъ онъ засыпалъ и обновлялъ ихъ на зарѣ, передъ тѣмъ, какъ вернуться домой. Однажды утромъ онъ плакался на Фортуну, припоминая свои приключенія до той поры, когда, подъ именемъ Пентея, онъ ради Эмиліи вернулся въ Аѳины. Слышитъ эти сѣтованія Памфило, слуга Палемона, и спѣшитъ доложить о томъ своему господину.

Между тѣмъ Палемонъ отдавался въ тюрьмѣ печальнымъ мыслямъ: то ему казалось, что Эмилія достанется Арчитѣ, и его обуревала ревность, то являлась твердая увѣренность, что она

---

1) IV, 55.

2) Amor a null' amato amar perdona, Inf., V, 103.

будетъ принадлежать ему, лишь бы ему выйти изъ тюрьмы. Вы- 325
слушавъ разсказъ Памфило, онъ дивится любви и вмѣстѣ неразумію Арчиты, не велитъ Памфило сказывать о томъ, что знаетъ; если самъ онъ и ревнуетъ къ Арчитѣ, безъ его вины, то не желаетъ ему вреда; если боги благосклоннѣе къ нему, пусть будетъ ему удача, а мнѣ уронъ. Но затѣмъ мысли увлекаютъ его въ другую сторону: ему хотѣлось бы вырваться изъ тюрьмы, сосчитаться съ Арчитой съ оружіемъ въ рукахъ, ибо любовь и власть не знаютъ раздѣла. Онъ проситъ Памфило помочь ему, и тотъ придумываетъ разныя средства: полетъ въ родѣ того, которымъ освободился изъ заключенія Дедалъ съ Икаромъ; насильный увозъ, подкупъ стражей — все это оказывается невозможнымъ. Остановились на слѣдующемъ: какъ разъ въ ту пору прибылъ извѣстный врачъ Алиметъ; Памфило приведетъ его къ Палемону, который представится больнымъ и выйдетъ изъ тюрьмы въ одеждѣ врача, тогда какъ Алиметъ одѣнется въ платье Памфило. Бѣгство удается, ибо Памфило подпоилъ стражей. Отдохнувъ въ гостиницѣ [1]) и вооружившись, Палемонъ отправляется на поиски Арчиты, моля дщерь Латоны помочь ему, направивъ его стопы, какъ направила путь Леандру. Арчиту онъ находитъ спящимъ подъ сосной; онъ не узналъ бы его, если бъ Фебея не освѣтила его лица своими лучами. Онъ не хочетъ будить его, а сталъ рядомъ и говоритъ про себя: О милый другъ, если бы ты теперь проснулся, между нами все бы скоро кончилось! — Уже близится день, и запѣли птички, когда Арчита пробудился; чего ты ищешь здѣсь, да еще вооруженный? спрашиваетъ онъ Палемона.—Тебя, товарищъ; тебя одного желалъ я встрѣтить, почему и бѣжалъ изъ тюрьмы. — И онъ радушно поздоровался съ нимъ, оба были рады другъ другу и разсказали свои похожденія. Послушай, дорогой другъ, началъ Палемонъ, пылая любовью: я такъ люблю Эмилію, что не нахожу покоя ни днемъ, ни ночью; ты также лю-

---

1) Ostiere, V, 27.

бишь ее, но она можетъ принадлежать лишь одному; умоляю
326 тебя, согласись, чтобы она была моею. — Арчита побагровѣлъ отъ гнѣва: Ты знаешь, Палемонъ, какимъ опасностямъ подвергъ я свою жизнь лишь затѣмъ, чтобы имѣть возможность служить Эмиліи. То, чего ты просишь для себя, то уступи твоему родичу Арчитѣ.—Не того ожидалъ я отъ твоей дружбы; если ты отказываешь мнѣ въ дарѣ, клянусь Юпитеромъ и Венерой, мы рѣшимъ это дѣло оружіемъ, прежде чѣмъ разойдемся.—Къ чему хочешь ты подвергать себя и меня опасности, можетъ быть, смерти? Есть другое, лучшее рѣшеніе: пусть каждый изъ насъ постарается пріобрѣсть любовь Эмиліи, и кому предоставитъ ее Фортуна, того она и будетъ. Если о насъ узнаютъ, намъ не видать ее, ибо насъ предадутъ смерти; потому будемъ оба любить тайно, пока не рѣшитъ иначе Юпитеръ. Положеніе дѣлъ можетъ измѣниться, я могу уѣхать, моя любовь — охладѣть, ты — попасть, какъ я, въ милость Тезея.—Палемонъ ничего не хочетъ слышать, а Арчита продолжаетъ уговаривать его: если ты убьешь меня, тебѣ будетъ не легче, придется вернуться въ тюрьму, либо бѣжать; а если бъ ты и полюбился Тезею, неужели ты убѣжденъ, что онъ отдастъ за тебя Эмилію? У него болѣе высокіе виды; я у него служу, а едва осмѣливаюсь поглядѣть на нее, а ты хочешь попросить ее за себя! Съ другой стороны, если бъ я поклялся тебѣ не любить ее, неужели ты думаешь, что я въ состояніи сдѣлать это при всемъ стараніи? Что же хочешь ты предпринять? Станемъ ли мы биться, чтобы подѣлить мечемъ то, что намъ не принадлежитъ? Брось свой неразумный замыселъ, бѣги, пока не насталъ день, да и я не увѣренъ въ прощеніи, если меня узнаютъ. — О моемъ спасеніи прошу не заботиться, отвѣчаетъ Палемонъ; обо всемъ, что ты мнѣ говорилъ, я и самъ передумалъ. Потому, либо дай слово не любить Эмиліи, либо готовься къ бою. — Арчита вздохнулъ, снова вспомнился ему гнѣвъ Юноны, гнетущій родъ Кадма до его послѣднихъ потомковъ; готовясь къ бою, онъ призываетъ боговъ въ свидѣтели, что не онъ его вызвалъ: его желаніе было бы и любить Эмилію и быть въ ладахъ съ пріятелемъ.

Палемонъ ничего не отвѣтилъ, заслонился щитомъ, и поединокъ
начался. Палемонъ ошеломленъ ударомъ Арчиты и падаетъ съ 327
коня замертво; Арчита ухаживаетъ за нимъ, укладываетъ на травѣ, орошаетъ лицо водою, плачетъ; въ это время очнулся Палемонъ: Ты меня сбилъ, но не побѣдилъ, говоритъ онъ, не думай, чтобы твои слезы меня разжалобили, тебѣ еще придется биться со мною изъ-за Эмиліи. Схватка продолжается, когда въ рощѣ, гдѣ она происходила, показался съ охотничьей свитой Тезей; Эмилія ѣхала верхомъ на бѣломъ конѣ, съ соколомъ на рукѣ, съ боку рогъ, за плечами лукъ и золотой колчанъ съ стрѣлами, на бѣлокурой головкѣ вѣнокъ изъ свѣжей зелени. Увидѣвъ двухъ бойцовъ, она остановилась, изумленная, а тѣ узнали ее и еще страстнѣе набросились другъ на друга. Она подзываетъ къ себѣ своихъ, Тезея; кто вы такіе и изъ-за чего бьетесь? спрашиваетъ онъ борющихся. Они говорятъ, что рыцари, бьются изъ-за любви и открываютъ, кто они. Тезей сначала разгнѣвался, но затѣмъ благодаритъ обоихъ за то, что они не скрыли своихъ именъ, спрашиваетъ, какимъ образомъ Амуръ поразилъ ихъ одной и той же напастью, когда одинъ изъ нихъ изъ Эгины, другой плѣненъ подъ Ѳивами. Большимъ мужествомъ наградилъ васъ Амуръ, что вы не убоялись смерти, говоритъ онъ, выслушавъ ихъ разсказъ: оба вы заслужили ее, но я самъ бывалъ влюбленъ и безумствовалъ, и какъ мнѣ прощали, такъ прощаю и я вамъ — но подъ условіемъ. Женихъ Эмиліи умеръ, она свободна; пусть каждый изъ васъ изберетъ по сту товарищей, и черезъ годъ общій бой рѣшитъ, кому изъ васъ она будетъ принадлежать. — Арчита и Палемонъ смиренно благодарятъ, они счастливы, оправились, какъ поблекшая роза на зарѣ или отъ мягкаго вѣтерка. Видишь ли, что изъ-за тебя, красавицы, творитъ Амуръ? говоритъ Тезей, обращаясь къ Эмиліи; быть тебѣ замужемъ за однимъ изъ этихъ двухъ доблестныхъ. Она ничего не отвѣчала, но зардѣлась; въ городъ Арчита и Палемонъ въѣзжаютъ по сторонамъ ея; Тезей вернулъ имъ все ихъ достояніе, отнятое у нихъ, когда они стали его плѣнниками.

Дѣйствіе дошло до своего перелома: одна битва, и мы ожи|-
328 даемъ развязки, между тѣмъ поэма тянется еще на цѣлыхъ семь пѣсенъ. Шестая и седьмая полны эпическихъ chevilles: общихъ мѣстъ объ измѣнчивости Фортуны[1]), о веселой, роскошной жизни, которую ведутъ старые пріятели, обновившіе дружбу; они оповѣщаютъ своихъ знакомыхъ, прося ихъ явиться на состязаніе, и тѣ приходятъ въ почти полномъ составѣ греческаго героическаго миѳа: Ликургъ и Пелей, Низъ и Агамемнонъ, Касторъ и Поллуксъ, Ипподамъ и Несторъ и друг.; описывается ихъ внѣшній видъ, вооруженіе, девизы на щитахъ; Агамемнонъ является на колесницѣ, запряженной быками, съ всклокоченными волосами, въ ржавомъ вооруженіи, съ медвѣжьей шкурой на плечахъ[2]): Боккаччьо пустилъ здѣсь въ ходъ и свою классическую эрудицію и фантазію, въ которой много средневѣковаго; не явились Нарциссъ, ибо успѣлъ обратиться въ цвѣтокъ, Леандръ, погибшій на пути къ Геро, и Эризихтонъ, обезсилѣвшій съ голоду, съ тѣхъ поръ, какъ велѣлъ срубить священное дерево Цереры[3]). Всѣ они приняты съ почестями и не дивятся Арчитѣ и Палемону, что они подвергли себя опасностямъ изъ-за такой красавицы: владѣть ею большее благо, чѣмъ быть властителемъ

---

1) VI, 1—5.

2) VI, 21—2.

3) VI, 61—63. Сл. подобные перечни героевъ и народовъ въ Ѳиваидѣ, кн. VII и XII. Слѣдующая строфа Тезеиды (VI, 61) парафразируетъ три стиха Стація (VII, 340—3):

Avrebbe quivi Cefiso mandato
Narciso, se non fosse ch'egli in fiore.
Già ne' campi tespiani mutato
Era, per troppo a sè avere amore:
Spesso dal padre fu'l lito bagnato,
Siccom 'io credo, per troppo dolore
D'aver perduto in la sua fanciullezza
Il caro figlio per troppa bellezza.

—

Tu quoque praeclarum forma, Cephise, dedisses
Narcissum, sed Thespiacis iam pallet in agris
Trux puer; orbata florem, pater, adluis unda.

Өивъ, и счастливы всѣ, призванные проявить свою доблесть въ | такомъ дѣлѣ. — Собравъ пріѣзжихъ витязей въ театрѣ, Тезей 329
держитъ имъ рѣчь: онъ не ожидалъ, что столько доблестныхъ героевъ соберется для рѣшенія такого маловажнаго вопроса; дѣло идетъ не о царствѣ или наслѣдствѣ либо отместкѣ, а о любви, и бой долженъ быть любовный, не ненавистный, ибо онъ не желаетъ напраснаго пролитія крови: теперь не тѣ времена, и не тѣ страсти. Пусть каждый изъ влюбленныхъ выберетъ себѣ соратниковъ, чтобы съ каждой стороны ихъ было по сту; бой долженъ происходить на мечахъ и палицахъ, не на болѣе опасныхъ копьяхъ. — Именно число *сто* дало поводъ предположить, что Боккаччьо въ изображеніи своего боя могъ руководиться слухами о несостоявшемся турнирѣ между Карломъ I Анжуйскимъ и Петромъ Аррагонскимъ, гдѣ съ каждой стороны должно было выступить такое же число бойцовъ [1]). — Въ народѣ послышались хвалебные крики, Арчита и Палемонъ выбираютъ себѣ сторонниковъ, и Тезей ведетъ ихъ по городу; каждый изъ нихъ зналъ, съ кѣмъ будетъ имѣть дѣло, но не было между ними вражды, и всѣ старались угодить другъ другу.

Въ ночь передъ боемъ Арчита молится о побѣдѣ въ храмѣ Марса, и его молитва проникаетъ въ палаты бога и страшится ихъ вида, какъ страшится Меркурій у Стація, которому Боккаччьо здѣсь подражаетъ. Палаты стоятъ на өракійскихъ равнинахъ, въ лѣсу, окруженныя бурей, дождемъ и снѣгомъ, стальныя, съ алмазными воротами. Все расписано внутри изображеніями дѣлъ, любыхъ Марсу, и полно аллегорическихъ существъ: здѣсь и бѣшеный Натискъ, и слѣпой Грѣхъ, и Стонъ, и багровые Гнѣвы, и блѣдный Страхъ [2]). Молитва Арчиты услы|шана, 330

1) C. John Schmidt, La Théseide de Boccace et la Théseide grecque, y J. Psichari, Études de philologie néogrecque, Paris, 1892, стр. 306 слѣд.

2) Theb., VII, 47 слѣд.:

primis salit Impetus amens
E foribus caecumque Nefas Iraeque rubentes
Exanguesque Metus, occultisque ensibus adstant

онъ видитъ тому знаменіе: жертвенные огни загорѣлись ярче, дымъ ѳиміама потянулся къ изображенію бога, и его оружіе тихо зазвенѣло [1]).

Палемонъ между тѣмъ приноситъ жертву въ храмѣ Венеры, но онъ проситъ не о побѣдѣ, а объ обладаніи Эмиліей. И его молитва проникаетъ въ обитель богини на верху Цитеры и созерцаетъ ея красоты [2]). И здѣсь то же царство аллегорій, но сцена въ прелестномъ саду, среди ручьевъ и щебетанія птичекъ, гдѣ Амуръ куетъ свои срѣлы, съ нимъ Сладострастіе и Досугъ, далѣе: Служеніе дамѣ (Cortesie)—и тѣ художества (Arti), которыя невольно сводятъ съ ума; Красота, созерцающая свои обнаженныя прелести, и Юность, безумная Смѣлость и Лесть. Юноши и дѣвушки пляшутъ вокругъ храма, у входа котораго сидятъ Миръ и блѣдное Терпѣніе и ложныя Обѣщанія, гдѣ царитъ Ревность и Пріапъ, и повѣшены надломленные луки бывшихъ служительницъ Діаны. Въ потаенномъ покоѣ, охраняемомъ Богатствомъ, покоится на ложѣ полуобнаженная богиня Любви, около нея сидятъ Вакхъ и Церера, а сама она держитъ въ рукахъ яблоко, которое когда-то перебила у сестеръ въ Идейской равнинѣ.

Всю ночь пробылъ Палемонъ въ храмѣ, какъ то было, вѣроятно, въ обычаѣ, когда конюшаго предстояло посвятить въ рыцари [3]). Его молитва услышана, но между Марсомъ и Венерой

Insidiae geminumque tenens Discordia ferrum.
Innumeris strepit aula Minis, tristissima Virtus
Stat medio, laetusque Furor voltuque cruento
Mors armata sedet.

Teseide, VII, 33: Lì gl'Impeti dementi parve a lei Veder.... Ed il cieco Peccare, ed ogni Omei.... Videvi l'Ire rosse come fuoco E la Paura pallida in quel loco; 34: E con gli occulti ferri i Tradimenti Vide, e le Insidie con giusta apparenza; Lì Discordia sedeva, e sanguinenti Ferri avie in mano.... E'n mezzo il loco la Virtù tristissima; 35: Videvi ancora l'allegro Furore, E oltre a ciò con volto sanguinoso La Morte armata vide e lo Stupore.

1) Сл. VII, 24: оружіе Марса, pe' qua' rase D'ardir le fronti furo agli orgogliosi Fi' della Terra. Сл. Inf., VIII, 118: le ciglia avea rase D'ogni baldanza.

2) VII, 50 слѣд. и описаніе въ Ameto, стр. 127 слѣд.

3) VII, 68.

поднялась въ небѣ распря, которую они хитро порѣшили между 331
собой, такъ чтобы удовлетворить того и другого молящаго[1]).

Эмилія также приноситъ жертвы въ храмѣ Діаны[2]): если уже ей суждено покинуть сонмъ богини, пусть утолитъ пылъ любящихъ ее юношей, помиритъ ихъ, поможетъ имъ въ бою, и если быть тому, что положили боги, пусть достанется ей тотъ, къ которому она ближе желаніемъ, и кто сильнѣе ее любитъ[3]). Она возжигаетъ одинъ огонь для Арчиты, другой для Палемона, и ждетъ знаменія; голосъ Діаны велитъ ей глядѣть, что будетъ: одно пламя потухло и вновь разгорѣлось, другое потускнѣло, его языки заблестѣли цвѣтомъ сѣры, заметались и погасшія головни, стеная, испуская будто слезы. Эмилія не поняла этого знаменія и уходитъ домой, полная страховъ.

На другое утро Арчита и Палемонъ, каждый съ своими соратниками, идутъ во дворецъ Тезея, въ храмѣ Марса онъ опоясываетъ ихъ мечемъ, посвящая въ рыцари[4]), и всѣ отправляются въ амфитеатръ, лежавшій за городомъ[5]): Боккаччьо припомнилось это описаніе, когда въ концѣ VI-го дня Декамерона онъ изобразилъ Долину Дамъ амфитеатромъ. Арчита и Палемонъ подошли къ нему почти одновременно, съ разныхъ сторонъ; они еще не видятъ другъ друга, но звуки трубъ и крики толпы отрезвили въ нихъ страстное желаніе боя, какъ страшится въ засадѣ охотникъ, заслышавъ, что левъ поднялся. Оба противника выѣзжаютъ на арену съ своими товарищами и декурьонами[6]); Арчита поднялъ глаза на Эмилію, явившуюся съ Тезеемъ поглядѣть на битву: О красавица, достойная скорѣе Зевса, чѣмъ смертнаго, не гнушайся моей любовью, не поскупись для меня своими молитвами; я не смѣю молить тебя о томъ, но ты, разумная, поймешь мои мол-

1) Сл. Thebaid., III, 260 слѣд.: распря и уговоръ между Венерой и Марсомъ.

2) VII, 70 слѣд.

3) VII, 85.

4) VII, 103.

5) VII, 108 слѣд.

6) VII, 114.

332 чаливыя просьбы: вѣдь исполненіе гласной просьбы кажется скорѣе отплатой, чѣмъ даромъ[1]). — Палемонъ не такъ словоохотливъ: онъ молчитъ; то не дѣвушка, а богиня, думаетъ онъ, глядя на Эмилію. Звукъ трубы ошеломилъ ихъ, и они пришли въ себя, какъ тревожно просыпается человѣкъ, разбуженный внезапнымъ шумомъ. Тезей дѣлаетъ распоряженія: чтобы побѣжденные въ бою не брались болѣе за оружіе, вышедшіе изъ амфитеатра въ него не возвращались. Арчита держитъ рѣчь къ своимъ: онъ надѣется на помощь Марса, зачинщикъ не онъ: я хотѣлъ любить Эмилію сообща съ Палемономъ, мирно, онъ не желалъ того[2]); помните, что боги положили честью увѣнчать на этомъ полѣ дѣла доблести; здѣсь покажутъ себя тѣ, кто былъ когда-либо влюбленъ.

Палемонъ также говоритъ своимъ, и по третьему звуку трубы начинается битва, наполняющая всю восьмую пѣсню. Начало отличается шаржемъ и накопленіемъ сравненій: не даромъ поэтъ еще разъ призвалъ на помощь свою музу — не классическую, ибо то, что происходитъ на сценѣ, напоминаетъ, подъ античными именами, средневѣковые турниры и военныя игры въ честь дамъ, въ служеніи любви. Битва распадается на рядъ поединковъ и схватокъ, въ описаніе которыхъ Боккаччьо вноситъ извѣстное разнообразіе: Ида вскочилъ сзади на сѣдло Арчиты, обхватилъ его руками и самъ хочетъ пришпорить его коня, чтобы увлечь его въ свою сторону, но Арчита изловчился повернуть свою лошадь, тѣло Иды, продолжавшаго держаться за него, служитъ ему защитой отъ вражескихъ ударовъ; такъ онъ увлекъ его къ своимъ; Ида хочетъ спрыгнуть и бѣжать, но зацѣпился шпорой и растянулся на землѣ[3]). Другая свалка происходитъ вокругъ знамени[4]). Арчита усталъ, вышелъ изъ боя, отеръ потъ и кровь, но, увидѣвъ веселые глазки Эмиліи, снова воспрянулъ, какъ Антей, коснув-

---

1) VII, 127.
2) VII, 136.
3) VIII, 58 слѣд.
4) VIII, 66 слѣд.

шись земли: витязи валятся подъ его ударами, Филонъ, племян-
никъ Палемона, умирая, шлетъ ему пожеланіе: пусть Эмилія 333
угоститъ его такимъ же поцѣлуемъ, какимъ угостилъ онъ его [1]). Палемонъ также совершаетъ чудеса храбрости; отъ множества крови пыль и паръ осѣлись на аренѣ. Тезей любуется боемъ, покраснѣлъ отъ волненія, едва удерживается отъ участія въ немъ, и въ Ипполитѣ проснулся ея мужественный духъ; лишь Эмилія смотритъ на все изумленно и растерянно, принимая каждаго сраженнаго за Арчиту или Палемона, коря Амура и судьбу за свою роковую красоту [2]). Къ чему такое кровопролитіе изъ-за нея одной? Ей припомнаются примѣры античныхъ богинь и красавицъ, добытыхъ съ меньшими усиліями. Хорошо, если бъ одинъ изъ соперниковъ нравился ей болѣе другого, но оба они такъ благородны и прекрасны, что я не знаю, кого бы я предпочла. Вотъ въ какое затрудненіе поставилъ меня Амуръ: я боюсь за того и за другого, не знаю, кому я желала бы помочь, надъ кѣмъ разжалобиться, кого болѣе жалѣть; смотрю на того и другого и одинаково вздыхаю. Отчего не предоставилъ имъ Тезей рѣшить промежъ собою дѣло поединкомъ въ лѣсу? Она принадлежала бы одному, не испытавъ изъ-за нихъ ни гнѣва, ни печали. Вотъ что ты сдѣлалъ со мною, Амуръ; я болѣе не въ силахъ, влюблена — безъ любви. Ты пожираешь, тяготишь меня, поразилъ меня невѣданной стрѣлою; хотя бы мнѣ быть увѣренной, что одинъ изъ нихъ останется въ живыхъ и будетъ мнѣ супругомъ!

Между тѣмъ ряды сражающихся порѣдѣли, и бой притихъ, когда Марсъ, смотрѣвшій на него сверху вмѣстѣ съ Венерой, спустился, полный гнѣва, и, представъ Арчитѣ въ образѣ Тезея, началъ корить его: Что ты тутъ дѣлаешь, негодный витязь? Развѣ не видишь ты, какъ сражается Палемонъ, глумясь, что подъ именемъ Пентея ты хотѣлъ овладѣть Эмиліей, ибо не на-

---

1) VIII, 83; сл. Theb., II, 641: hos tibi complexus, haec dent, ait, oscula nati.

2) VIII, 95 слѣд.

дѣялся добыть ее оружіемъ? — Эти слова, тайная, огневая бли-
334 зость бога снова возбудили Арчиту: онъ бросается въ схватку, Палемонъ выѣзжаетъ къ нему на встрѣчу: конь Кромиса, человѣкоядецъ, схватилъ Палемона за руку и стащилъ съ сѣдла. Едва освободили его отъ коня, а Арчита спѣшитъ обезоружить его, чтобы посвятить его оружіе Марсу, если побѣда останется за нимъ.

Опечалился Палемонъ, опечалилась и Эмилія, зная, какія между ними положены были условія, но, увѣрившись, что она будетъ принадлежать Арчитѣ, тотчасъ же обратила къ нему свои мысли и любовь. Такъ быстро измѣнилось ея настроеніе; потому да остережется всякій, чтобъ не упасть, замѣчаетъ, не безъ ироніи, поэтъ; развѣ ему желательно узнать, кто его другъ, кто недругъ. Тотъ, кого прежде любили подъ сомнѣніемъ, теперь покинутъ откровенно; прежде Арчита и Палемонъ казались равными, теперь всѣ похвалы отданы красотѣ и храбрости Арчиты. Эмилія убѣждена, что боги предоставили ей лучшаго, начинаетъ втайнѣ любить его, бой кажется ей слишкомъ долгимъ и опаснымъ для Арчиты; новое, небывалое чувство проснулось въ ея сердцѣ, образъ Арчиты не покидаетъ ее, и она его не сторонится [1]).

Немного бойцовъ осталось на мѣстѣ, они сдаются Арчитѣ, который гордо объѣзжаетъ поле битвы. Но уже судьба повернулась въ другую сторону, какъ часто бываетъ, что чѣмъ выше вознесется человѣкъ, тѣмъ ближе къ своему паденію. Твое дѣло сдѣлано, говоритъ Венера Марсу и принимается за свое: спустилась въ мрачныя обители Дита и вызвала оттуда Эриннію [2]); ея страшный видъ [3]) наводитъ трепетъ на всѣхъ, собравшихся въ амфитеатрѣ, измученный конь Арчиты упалъ навзничь и смялъ

---

1) VIII, 124 слѣд.

2) Сл. Thebaid., I, 88 слѣд. (Эдипъ вызываетъ Тизифону; сл. XI, 57 слѣд.); Aen., VII, 323 слѣд.

3) IX, 5.

подъ собою сѣдока[1]); когда его освободили, онъ еще бросился
было | бѣжать, такъ страшитъ его Эриннія. Эмилія поблѣднѣла, 335
точно трупъ, который несутъ на костеръ; она любитъ Арчиту и боится за него; какъ кратко было мое счастье! говоритъ она; что-то подсказываетъ ей, что ея любовь будетъ такъ же полна тревогъ, какъ и всякая другая, и она поняла теперь, что пророчила ей Діана. Арчиту разоружили, всѣ ухаживаютъ за нимъ; старикъ Эгей положилъ его голову на колѣни, подоспѣла и Эмилія; раненый слышитъ все, но не въ состояніи отвѣтить: молящіе глаза переходятъ безсмысленно отъ одного къ другому; Эмилія печалится, и слезы борются въ ней со стыдливостью. Опечаленъ и Палемонъ и за свою неудачу и за Арчиту: онъ же ему родичъ. Первымъ вопросомъ Арчиты, когда къ нему вернулась рѣчь, было: за кѣмъ осталась побѣда? Онъ счастливъ, проситъ Тезея позвать Эмилію: ему хочется услышать ея рѣчь, умереть на ея рукахъ, ибо онъ увѣренъ, что ему не жить. Тезей и Эмилія утѣшаютъ его; увидѣвъ ее, онъ ожилъ, какъ цвѣтокъ на утреннемъ солнцѣ, и въ состояніи участвовать въ побѣдномъ шествіи, которое устраиваетъ ему Тезей: его посадили на колесницу, какой не было ни въ тріумфѣ Сципіона, ни у Фаэтонта, увѣнчали лавромъ; побѣжденные шествуютъ впереди, безоружные, но не въ цѣпяхъ; идутъ не по принужденію: Палемонъ просилъ ихъ доставить это утѣшеніе Арчитѣ; несутъ оружіе Палемона; рядомъ съ Арчитой сидитъ, зардѣвшись и опустивъ глаза, Эмилія; всѣ смотрятъ на нее, показываютъ другъ другу на бойцовъ, которые идутъ, потупивъ голову, одни гнѣвные, другіе смущенные. Обойдя городъ, шествіе достигло дворца; Арчиту уложили; Тезей держитъ рѣчь къ побѣжденнымъ: Мы во власти судьбы, говоритъ онъ, и не за вами стало, если не на вашей сторонѣ побѣда; вы исполнили свое дѣло и свободны; станемъ же веселиться. А Па-

---

1) Сл. Thebaid., VI, 496 слѣд.: Аполлонъ пугаетъ коней: Anguicomam monstri effigiem, saevissima visu Ora, movet sive ille Erebo, seu finxit in astus Temporis, innumera certe formidine cultum Tollit in astra nefas.

лемонъ идетъ къ Эмиліи: Я вашъ плѣнникъ, какимъ былъ всегда съ тѣхъ поръ, какъ увидѣлъ васъ; дѣлайте со мной, что хотите, |
336 осудите на смерть, она мнѣ краше жизни. Эмилія смущена, едва сдерживаетъ слезы: Если бъ боги послали меня въ свѣтъ твоей единственной надеждой, мнѣ было бы грѣшно не полюбить тебя, и я любила, пока было возможно; но боги назначили меня другому, и я не могу болѣе утѣшить тебя, да и тебѣ желать того не слѣдуетъ. Много красавицъ въ городахъ Греціи, съ ними ты будешь счастливѣе. Пожалѣй себя, а я не буду къ тебѣ жестокой. — И она даруетъ ему свободу, кольцо на память: глядя на него, пусть вспоминаетъ о ней и — потщится преданно полюбить другую; ожерелье[1]), похожее на то, по которому узнали объ убѣжищѣ Амфіарая[2]), и мечъ, лукъ и колчанъ и чудеснаго коня: ему слѣдуетъ служить Марсу, не Амуру. — Палемонъ благодаритъ за дары, но да упасетъ его Богъ отъ любви къ другой: пока онъ живъ, онъ никогда другой не полюбитъ. — Всѣмъ понравились рѣчи Эмиліи и смѣлый отвѣтъ Палемона, особенно Арчитѣ. Онъ торопитъ бракъ съ Эмиліей, и они обручены, свадьба отложена до его выздоровленія.

Дабы ничто не помѣшало празднику, тѣла павшихъ преданы сожженію ночью, раненымъ доставленъ уходъ, одному Арчитѣ неможется; врачъ Исхіонъ, вызванный изъ Эпидавра, говоритъ, что ему не миновать смерти; ему хуже съ каждымъ днемъ; позвавъ Тезея, онъ молитъ исполнить его просьбы, ибо самъ онъ пойдетъ лицезрѣть мученія несчастныхъ, молящихъ о помилованіи[3]). Онъ проситъ отдать все его достояніе Палемону, говоритъ о своей любви къ Эмиліи, ради которой онъ сталъ служителемъ Тезея, какъ Фебъ у Адмета; эта любовь подняла его, облагородила[4]); если онъ умретъ, пусть Эмилія станетъ супругой Палемона, котораго онъ такъ любитъ: глядя на него, она будетъ по-

1) Collana, въ изд. Moutier, IX, 71: cintura.
2) Сл. dirum monile Аргіи у Stat. Theb., II, 266.
3) X, 19.
4) X, 23.

минать Арчиту. — Когда по его просьбѣ позвали Палемона, онъ
смотритъ на него долго и пристально, точно никогда его не ви-
дѣлъ. Небо рѣшило, что мнѣ не быть здѣсь долѣе, говоритъ онъ 337
ему; мы одни остались изъ Кадмова рода, и мнѣ хотѣлось пови-
дать тебя еще разъ и услышать твой голосъ, дорогой другъ и
товарищъ. Онъ проситъ его закрыть ему глаза и похоронить;
проситъ Тезея отдать ему въ жены Эмилію: не отказывайся отъ
нея; если она была жалостлива ко мнѣ и меня любитъ, это ея
долгъ, я съ своей стороны не взялъ отъ нея ничего, кромѣ ка-
кого-нибудь поцѣлуя; если, быть можетъ, она прольетъ надо мной
слезы, утѣшь ее, и моя душа пойдетъ въ среду сѣтующаго сонма
смѣлѣе, не столь печальная[1]). — Палемонъ утѣшаетъ друга, оба
примолкли и плачутъ, когда вошли Ипполита и Эмилія; Арчита
долго созерцаетъ красавицу и затѣмъ принимается горевать въ
дантовскомъ стилѣ[2]): Плачетъ Амуръ въ печальномъ сердцѣ,
откуда смерть хочетъ изгнать его насильно. Ему нельзя оста-
ваться, и выйти онъ не можетъ, и я слышу, какъ онъ тоскуетъ
во мнѣ и стонетъ, такъ что мнѣ самому становится жаль себя.
Духи зрѣнія являютъ мнѣ ангельскій образъ, который далъ Амуру
власть надъ моимъ сердцемъ, и спрашиваютъ: Неужели быть та-
кому горю, что тебѣ и намъ придется покинуть столь благородное
созданіе? А онъ отвѣчаетъ имъ, обнимая, и говоритъ: Смерть
меня гонитъ. — Обѣ дамы проливаютъ слезы; какъ мнѣ быть
безъ тебя? спрашиваетъ Эмилія, ты мое благо, моя радость! —
Арчита говоритъ ей о Палемонѣ: будь его женой, если не можешь
быть моею; такъ рѣшила судьба; отъ тебя же, дорогая супруга,
я жду послѣднихъ поцѣлуевъ. — Я одна причина твоей смерти,
отвѣчаетъ въ слезахъ Эмилія; гнѣвъ Венеры лежитъ на нашемъ
родѣ: скончался Ахатъ, удалишься и ты. Отчего не умерла я въ
тотъ день, когда родилась! Если бы я уразумѣла знаменіе Діаны,
умолила бы тебя оставить бой. Увы! Тѣ цвѣты, которые я рвала,

1) X, 47.
2) X, 54 слѣд.

пѣсни, которыя распѣвала, — все это внушила Эриннія, я чувствовала это тогда же, ибо иногда дрожала въ непонятномъ |
338 страхѣ, не зная причины, не воображая, что станется. Ты велишь мнѣ избрать Палемона, и твои слова для меня священны; я знаю, онъ меня любитъ, но я принесу ему нечестіе, такова моя недоля; Тезею слѣдовало бы отдать меня за какого-нибудь изъ своихъ враговъ.—Если она переживетъ Арчиту, останется въ услуженіи Діаны; ея поцѣлуи умирающему будутъ ея послѣдними. Какъ бѣшеная, она бросается цѣловать Арчиту и падаетъ въ обморокъ; такихъ ли поцѣлуевъ ждала я отъ Арчиты, любившаго меня болѣе себя? говоритъ она, очнувшись. Онъ обнялъ ее; теперь ему легче будетъ умереть. — Лица обоихъ увлажились слезами, какъ чело Менала, когда солнце въ знакѣ Овна растопитъ его снѣговую одежду.

Фебъ закрылся тучами, чтобы не видать смерти Арчиты; въ разсказѣ о ней есть черты Ѳиваиды Стація[1]), гдѣ раненый смертельно Атисъ также умираетъ въ присутствіи невѣсты Исмены. Совершивъ жертву Меркурію, Арчита предается послѣднимъ сѣтованіямъ. Онъ молитъ Бога перенести его къ блаженнымъ душамъ Элизія, ибо его дѣла не заслужили той атмосферы смерти[2]), гдѣ томятся, покаранные Юноной, его предки; единственное зло, имъ совершенное, это то, что онъ поднялъ оружіе противъ Палемона, за это онъ и наказанъ. Онъ недостоинъ неба и не молитъ о немъ; онъ доволенъ будетъ Элизіемъ[3]); но какъ ему быть, когда онъ не увидитъ болѣе Эмиліи? Напрасно станетъ онъ молить о второй смерти[4]), но и въ вѣчномъ огнѣ[5]) Эмилія будетъ для него — его миромъ[6]). — Еще разъ онъ уставилъ на нее свои глаза, повелъ ими вокругъ и увидѣлъ, что всѣ

1) VIII, 637—51.
2) X, 94: aura morta; сл. Dante, Purg., I, 17.
3) X, 98.
4) Seconda morte, X, 104; сл. Inf., I, 115, Par., XX, 112.
5) Eterna fornace, X, 106.
6) Donna.... della mia pace.

плачутъ. Смерть приближалась, охватывая его постепенно; уже глаза не видятъ ничего, онъ что-то еще шепчетъ, и шопотъ | слагается въ слова: Прощай, Эмилія! Его душа поднялась къ 339
восьмому небу, любуясь блуждающими звѣздами, слушая сладостныя мелодіи; она смотритъ сверху на крохотный земной шаръ, вокругъ котораго стлались море, воздухъ и огонь; все это ничто передъ небомъ, и ему кажутся смѣшными и сѣтованія и увлеченіе мірскими заботами[1]).

Одиннадцатая книга посвящена описанію торжественнаго погребенія Арчиты и тризны въ честь его; здѣсь главнымъ источникомъ Боккаччьо была VI-ая книга Ѳиваиды. Костеръ устроенъ въ рощѣ, куда онъ уходилъ мечтать; для этого срубленъ вѣковой лѣсъ, откуда съ плачемъ удалились нимфы и фавны и Панъ, властитель тѣней. Тѣло несутъ на плечахъ именитѣйшіе греческіе витязи, Эмилія причитаетъ, бросаетъ на костеръ кольца, подаренныя ей Арчитой, Палемонъ — остриженные волосы и бороду. Вокругъ громаднаго костра, на которомъ горѣли, испуская трескъ, сложенные на немъ драгоцѣнности, оружіе и сосуды, вино и медъ и молоко, объѣзжаютъ всадники: три раза въ лѣвую сторону, одинъ разъ въ правую, послѣ чего они побросали въ огонь свое платье, какое было поверхъ оружія, и попоны съ коней. На другой день устраиваются въ честь умершаго военныя игры, а Палемонъ воздвигаетъ храмъ, посвященный Юнонѣ и расписанный изображеніями изъ жизни Арчиты; только его паденіе съ коня забылъ написать художникъ. Здѣсь положенъ прахъ Арчиты, совершаются по немъ триэтеріи, и надпись гласитъ: Пусть каждый, любящій безъ мѣры, поучится на мнѣ; я умеръ изъ-за любви; берегись Амура!

Когда прошло нѣсколько дней по горестномъ событіи, Тезей позвалъ къ себѣ Палемона и ведетъ съ нимъ бесѣду, полную общихъ мѣстъ, на тему, что смерти не избѣжать, надо подчи-

---

1) XI, 1—3; сл. Parad., XXII, 127 слѣд.

ниться обстоятельствамъ[1]), и неразумно предаваться безмѣрной |
340 печали. Онъ говоритъ еще о послѣдней волѣ Арчиты, а что ее
слѣдуетъ исполнить, то сказалъ ихъ первый законодатель, Фо-
роней[2]). Палемонъ молчитъ: ему пріятно предложеніе, но онъ
боится стыда, хочетъ побороть желаніе разсудкомъ; боги тому
свидѣтелемъ, что онъ никого такъ горячо не любилъ, какъ Арчиту;
если онъ вызвалъ его на бой, то лишь вслѣдствіе того безумія,
которое у нихъ въ роду, обуяло ихъ предковъ; бракъ съ Эмиліей
былъ бы отрицаніемъ этой любви; если, умирая, Арчита хотѣлъ
сдѣлать угодное ему, то вѣдь нѣтъ закона, который бы обязы-
валъ его повиноваться желанію друга. — Онъ стоитъ, потупивъ
полные слезъ глаза, а Тезей ободряетъ его: никто его не осу-
дитъ, развѣ мы не видимъ, что невѣста одного брата выходитъ
за другого? И Палемонъ склоняется, воззвавъ о прощеніи къ
Юпитеру, Діанѣ и Венерѣ и къ милостивой тѣни Арчиты. Коле-
банія Эмиліи также побѣждены: она ссылается на гнѣвъ Діаны,
которой хочетъ обречь себя; не такова твоя красота, чтобы слу-
жить ей, говоритъ ей Тезей; если бъ она гнѣвалась на тебя, по-
страдала бы ты, а не другіе.

И вотъ печаль смѣнилась весельемъ, всѣ принарядились, вмѣстѣ съ другими и Эмилія, хотя пока — по принужденію. Арчиту забыли — и, готовясь къ описанію брачнаго торжества, поэтъ даетъ намъ[3]) портретъ Эмиліи; она одѣта въ зеленый цвѣтъ[4]), кажется всѣмъ Венерой, Менелаю — прекраснѣе его Елены. Въ храмѣ Венеры обручился съ ней Палемонъ и, по обычаю, поцѣловалъ ее. Свадьба отпразднована музыкой и пляской и военными играми; на другой день молодой посылаетъ богатые дары въ храмъ богини, и греческіе цари пристаютъ къ нему съ шутливыми разспросами, хорошо ли провелъ онъ ночь.

---

1) XII, 11: far della necessitate Virtù.
2) XII, 18.
3) XII, 53 слѣд.
4) XII, 65.

Разъѣздомъ гостей кончается поэма, за которую авторъ
ждетъ себѣ вѣнца[1]). Слѣдуютъ два сонета: одинъ—поэта къ му-
замъ; онъ подобралъ нѣсколько крохъ, упавшихъ съ ихъ тра- 341
пезы и, какъ сумѣлъ, связалъ ихъ; пусть понесутъ его трудъ дамѣ, въ которой пребываетъ все его блаженство, хотя, быть можетъ, она о томъ и не думаетъ, съ нею вмѣстѣ пусть дадутъ онѣ названіе поэмѣ и пустятъ въ ходъ[2]), если она обратитъ на нее вниманіе.—Музы отвѣчаютъ сонетомъ: онѣ исполнили порученіе своего дорогого питомца; а твоя дама, болѣе — твоя, чѣмъ Эмилія была для Арчиты и Палемона[3]), прочтя объ ихъ любви и поразмысливъ, сказала про себя: Какова была въ нихъ сила Амура! И, сама возгорѣвшись любовнымъ пламенемъ, она попросила насъ, чтобы прекрасно написанный разсказъ о подвигахъ и красотѣ не оставался безызвѣстнымъ, и назвала его, по дѣламъ Тезея и устроенному имъ браку, Тезеидой, а мы распространимъ повсюду его громкую славу[4]).

Изъ посвятительнаго письма къ поэмѣ мы узнаемъ, что эта дама была Фьямметта. Къ немногимъ извлеченіямъ изъ письма, сообщеннымъ выше[5]), мы присоединимъ нѣсколько новыхъ. Хотя воспоминанія о бывшемъ счастьѣ и печалитъ меня въ томъ удрученномъ состояніи, въ какомъ я теперь обрѣтаюсь[6]), тѣмъ не менѣе мнѣ пріятно припоминать, о жестокая красавица, твой прелестный образъ, подчинившій меня, еще юнаго годами и разумомъ, и противъ моего намѣренія[7]), тебѣ и Амуру. Когда я созерцаю этотъ образъ духовными очами, я какъ бы забываю свои невзгоды, какая-то тайная сладость разливается по сердцу, и я говорю себѣ смиренно: это она, Фьямметта, чьи глаза впер-

---

1) XII, 84 слѣд.
2) Il nome date e'l canto — E'l corso.
3) La più tua donna, ch'essa di coloro.
4) Fama.... immensa.
5) Сл. выше стр. 159—60.
6) Сл. Inf., V, 121: Nessun maggior dolore.
7) Più possente che'l mio proponimento.

вые зажгли мои, удовлетворивъ своимъ мановеніемъ большей части моихъ страстныхъ желаній! Это утѣшаетъ меня, ибо я мысленно переношусь къ той порѣ, когда я былъ въ самомъ дѣлѣ |
342 счастливъ; воображеніе подсказываетъ мнѣ послѣднія цѣли блаженства, и не будь заботъ, которыми окружила меня моя несчастная судьба, я бы, кажется, умеръ. Такъ я постоянно переношусь ко времени, продолжительному, но представляющемуся мнѣ едва бывшимъ; въ какое это приводитъ меня состояніе, про то знаетъ Амуръ, не покидающій меня, хотя ты несправедливо смѣнила привѣтъ на негодованіе. Но ни невзгоды, ни твой гнѣвный видъ не въ состояніи потушить во мнѣ пламени, которое поддерживается вѣчно юной[1]) надеждой. Я попрежнему твой, этого ты у меня не отнимешь; знаю, что смиренное служеніе побѣждаетъ всякую строптивость и бываетъ вознаграждено; не знаю, оправдается ли это надо мною, но я всегда буду твоимъ покорнымъ служителемъ. — Такъ говоритъ поэтъ и хочетъ доказать это дѣломъ: въ счастливые, но короткіе дни, которые онъ вспоминаетъ, Фьямметта любила слышать или читать разсказы, особливо любовные, ибо и она пылала тогда, какъ пылаетъ онъ; можетъ быть, она дѣлала то съ цѣлью, дабы досугъ не увлекъ ее къ болѣе докучнымъ мыслямъ[2]). Когда-то она превозносила его стихи[3]), теперь, оторвавшись отъ другихъ заботъ, онъ пишетъ для нея поэму, въ которой пересказалъ, по-итальянски и въ стихахъ, древнюю исторію, о которой мало кто слышалъ. Пересказалъ для нея, потому что подъ именемъ одного изъ влюбленныхъ и Эмиліи говорится о многомъ, что было между Фьямметтой и имъ; она разгадаетъ, что̀ именно, отдѣливъ лишнее, и узнаетъ, какова была его жизнь, съ тѣхъ поръ, какъ она его отвергла. Еще по другому признаку она догадается, что поэма написана для нея: онъ не стѣснялся выборомъ разсказовъ, стилемъ, аллюзіями[4]); обыкновенныя жен-

1) Verdissima.
2) Nocevoli.
3) Con sommo titolo.
4) Chiuso parlare.

щины не понимаютъ этого и не любятъ; но она стоитъ выше толпы. — Пересказавъ вкратцѣ содержаніе поэмы, авторъ проситъ Фьямметту вникнуть въ нее, преложить гнѣвъ на милость, | и, если тому не бывать, пусть по крайней мѣрѣ удержитъ у себя 343
его книгу: это будетъ ему утѣшеніемъ; самъ онъ не осмѣливается явиться, пусть хоть какая-нибудь его вещь будетъ въ ея нѣжныхъ ручкахъ. Онъ попросилъ бы и бо́льшаго, но, боясь отказа въ меньшемъ, умолкаетъ, умоляя Амура возжечь въ Фьямметтѣ угасшее пламя и вернуть ее ему, у котораго отняла ее какая-то злая доля.

Мы снова на почвѣ автобіографическихъ воспоминаній: Боккаччьо былъ счастливъ и отринутъ, не смѣетъ явиться на глаза къ милой и — надѣется. Старые ли это мотивы или испытанные вновь, страстные — или пережитые въ болѣе спокойномъ обобщеніи художника? О силѣ воображенія говорилось въ любовныхъ бесѣдахъ Фьямметты [1]), Боккаччьо она увлекаетъ такъ страстно, что онъ боится умереть. Подъ именемъ одного изъ влюбленныхъ героевъ поэмы скрывается онъ самъ; судя по исходу, его надо искать въ Арчитѣ. На немъ и на Палемонѣ лежитъ одинаково сентиментальный колоритъ, но онъ свойственъ всей поэмѣ; Тезей — pius Aeneas, онъ также pio, благодушный властитель [2]), щадящій кровь своихъ людей (теперь не то время), вспоминающій, что и онъ когда-то любилъ; amat ut Theseus, говорится въ Poetria nova Гальфрида de Vinesauf [3]); образъ былъ не новъ. Несмотря на единство окраски, между Палемономъ и Арчитой есть разница, намѣченная Боккаччьо: Арчита болѣе рефлексивенъ, онъ любитъ — и колеблется между вопросами любви и дружбы, сторонится отъ крайнихъ рѣшеній, желалъ бы любить сообща и произноситъ длинныя рѣчи; въ вопросѣ любви обращается къ помощи Марса. Палемонъ меньше разсуждаетъ, ровнѣе страстенъ, онъ

1) Filocolo, вопросъ XI, сл. выше стр. 169.

2) Thebaid., XII, 544—5 о Тезеѣ: benigno ore; 795: magnanimus.

3) Leyser, Historia poetar. et poemat. medii aevi, Halae Magdeb., 1721, стр. 963.

и не желаетъ побѣды, лишь бы Эмилія ему досталась, и его мольбы обращены къ Венерѣ. Арчита напоминаетъ рефлексію Троила; насколько здѣсь автобіографическихъ чертъ — мы не |
344 знаемъ. Въ изображеніи Эмиліи[1]) есть много общаго съ знакомымъ намъ портретомъ Фьямметты; она даже одѣта въ зеленый цвѣтъ, какъ Фьямметта и — Dame Oyseuse въ Roman de la Rose[2]); дѣйствительность теряется въ типѣ и подражаніи. Эмилія любитъ, потому что любима; это дѣвственная Гризеида. — Отмѣтимъ и еще одинъ, можетъ быть, біографическій намекъ: въ концѣ VII дня Декамерона Фьямметта и Діонео-Боккаччьо поютъ объ Арчитѣ и Палемонѣ.

II.

Какъ эпическая поэма о «дѣлахъ Марса», Тезеида не достигла своей цѣли, но она представляетъ значительный прогрессъ на пути, начертанномъ въ Филоколо: въ поэтическомъ сплоченіи античнаго и средневѣковаго въ образахъ и декораціи, въ поднятомъ тонѣ жизни. Удалите «дѣла Марса», задачи эпоса, къ которымъ Боккаччьо былъ неспособенъ, и мы придемъ къ замыслу прелестной идилліи, античной и вмѣстѣ съ тѣмъ отдающей реализмомъ итальянской деревни. Нигдѣ, быть можетъ, Боккаччьо не былъ такимъ поэтомъ, какъ въ своемъ Ninfale Fiesolano, нигдѣ поэзія дѣйствительности не сливалась у него такъ тѣсно съ поэзіей классическихъ мотивовъ. Въ числѣ юношескихъ сонетовъ Боккаччьо есть одинъ, гдѣ на Фьямметту, рѣзвившуюся, на берегу, заглядѣлись — морскіе боги: «Уже въ созвѣздіи Рака рдѣло солнце; седьмой былъ часъ; дулъ мягкій вѣтерокъ, чудесная стояла погода, море было тихо — когда на берегу, куда еще не заглянуло солнце, я узрѣлъ ту, что̀ возлюбило небо. Она рѣз-

---

1) Эмилія и Симонетта въ Стансахъ Поліціана, Rass. Critica, I, № 2, p. 26 (Zumbini).

2) Сл. выше стр. 115.

вилась съ другими дамами, золотистый вуаль такъ облегалъ ея головку, что ни одинъ волосокъ не выходилъ изъ чудесной связи. Нептунъ и Главкъ и Форкъ, великая Θетида любовались на нее изъ волнъ, такъ радостно, словно говорили: Юпитеръ, иного счастья намъ не надо! Я же любовно устремилъ на нее глаза, стоя на | скалѣ, и такъ ошеломлены были мои чувства, что, ка- 345
залось, я и скала были — одно и то же»[1]). — Таково впечатлѣніе Ninfale[2]).

Сюжетъ напоминаетъ мотивы Овидіевыхъ Метаморфозъ, уже навѣявшихъ автору нѣсколько эпизодовъ его Филоколо; у Партенія[3]) и Павзанія[4]) есть разсказъ о Дафнѣ, поклонницѣ Діаны, которой Левкиппъ пытался овладѣть, переодѣвшись дѣвушкой; есть и мотивъ купанья, хотя съ иной развязкою, чѣмъ у Боккаччьо[5]). Но именно для оцѣнки Ninfale вопросъ о сюжетѣ и его источникахъ является несущественнымъ: нимфу, нарушившую свой обѣтъ, юношу, посягнувшаго на дѣвственность нимфы, наказанныхъ превращеніемъ въ источникъ или рѣчку, Боккаччьо не разъ встрѣчалъ въ своихъ классическихъ чтеніяхъ, легенда, въ родѣ Партеніевой, могла дойти до него въ разсказѣ, либо въ какой-нибудь средне-латинской обработкѣ; эти легенды онъ и затѣялъ перенести въ окрестности Фьезоле и Флоренціи, въ сосѣдство съ небольшимъ дворомъ, который былъ у него въ округѣ (popolo) Majano: потоки Аффрико и Мензола, текущіе съ холма Фьезоле, Муньоне, смѣшивающій свои волны съ водами Арно — все это метаморфозы влюбленныхъ. Это было давно, когда люди еще не знали употребленія хлѣба и вина, нимфы не вступали съ смертными въ брачные союзы, люди молились ложнымъ богамъ,

1) Сон. XXXI.

2) * Сл. новое изданіе Ninfale у Torraca, Poemetti mitologici de' secoli XIV, XV, XVI (Livorno, 1888). Прекрасный этюдъ Zumbini, появившійся впервые въ Nuova Antologia 1884, 1-o marzo, перепечатанъ недавно въ Bibl. critica d. letteratura italiana, dir. da Franc. Torraca, № 14 (Firenze, Sansoni, 1896).

3) De amatoriis affectibus, XV.

4) VIII, 20.

5) Geneal. Deorum, IV, 67; III, 21.

полагая, что и въ небѣ они такъ же милостивы и прекрасны, какъ казались здѣсь[1]); боги общились съ людьми запросто, наставляя, помогая и карая. Къ этому міру боговъ Боккаччьо относится съ такой же свободой поэтической ироніи, какъ Аріосто къ идеаламъ рыцарства. «Царствовала въ то время богиня, которая звалась Діаной»[2]); многія женщины служили ей, особливо тѣ, которыя желали соблюсти дѣвственность и избѣжать сладострастія; а |
346 иныхъ дѣвушекъ ей посвящали отцы и матери въ исполненіе обѣта, или въ благодарность за оказанныя щедроты; посвященныя облекались въ особыя одежды, какъ монахини[3]). Богиня принимала ихъ съ распростертыми объятіями; звали ихъ тогда нимфами. Когда она являлась посѣтить тѣхъ, что̀ жили на холмахъ Фьезоле, собирала ихъ у источника, подъ сѣнью зеленыхъ вѣтвей, а зимой у камелька[4]), поучала блюсти цѣломудріе, порой разсказывала о своихъ охотахъ и, удаляясь, передавала свою власть намѣстницѣ. Точно аббатисса въ епархіальныхъ разъѣздахъ; у ней нѣтъ даже божественной прозорливости: о проступкѣ Мензолы она догадывается по крику ребенка и, уже наказавъ бѣдную нимфу, ощущаетъ къ ней жалость, когда ей разсказали, что она уступила насилію. Это, разумѣется, лишь отчасти оправдываетъ Мензолу, потому что впослѣдствіи она дѣйствительно полюбила своего соблазнителя, но Діана не пользуется этимъ мотивомъ обвиненія, потому что, въ сущности, для дѣйствія она не нужна, какъ не нужна и Венера: всесильная богиня любви, она обѣщаетъ Аффрико свою помощь и совѣтуетъ ему прибѣгнуть—къ пріему новеллы: переодѣванію. Отмѣтимъ кстати представленіе Венеры, навѣянное христіанской иконографіей: Амуръ у ней на рукахъ[5]). Боги и нимфы положительно опростились, но они даютъ золотой, античный фонъ дали, въ которой разы-

1) I, 6.
2) I, 7.
3) VI, 10.
4) I, 14.
5) I, 43; III, 49.

грывается трагическая идиллія любви. Это не идиллія Амето, искусственно поставленная въ лунномъ освѣщеніи аллегоріи, а обыкновенная исторія деревенской любви, не идеальной, но юношески-здоровой, внезапно овладѣвшей всѣмъ существомъ въ майское утро, когда цвѣтутъ луга, и поютъ соловьи [1]), и также быстро прерванной разлукой и смертью. Боккаччьо знаетъ эту поэзію смерти, посѣщающей молодые всходы любви; на нихъ остается вѣчная печать ликующей весны, которую сожгло бы лѣто, унесла | бы житейская осень; это тема Ромео и Джульетты; та- 347
кова любовь Анджелы и Габріотто, Симоны и Пасквино въ Декамеронѣ [2]), Мензолы и Аффрико въ Ninfale Fiesolano. Всего три встрѣчи; Аффрико пораженъ съ перваго раза, съ начала и до конца онъ остается подъ обаяніемъ одной и той же страсти; Мензола сначала бѣжитъ отъ него, но когда, метнувъ въ него копьемъ, она, внезапно почувствовавъ жалость, обернулась съ крикомъ: Поберегись! [3])—она уже отчасти сдалась. Аффрико овладѣваетъ ею насильно, но уже послѣ перваго и единственнаго страстнаго объясненія она любитъ его; правда, Амуръ поразилъ ее въ сердце [4]), но это вмѣшательство посторонней силы не мѣшаетъ естественному росту чувства. Оно растетъ въ отдаленіи отъ Аффрико: нѣсколько разъ Мензола порывается къ нему на встрѣчу, но ее удерживаетъ боязнь Діаны. Эту любовь она переноситъ на своего ребенка; нигдѣ впослѣдствіи Боккаччьо не изображалъ наивное зарожденіе материнской любви, и мы не встрѣтимъ у него болѣе благодушныхъ, поэтическихъ стариковъ, чѣмъ отецъ и мать Аффрико, дрожащихъ надъ сыномъ, понимающихъ, что онъ что-то скрываетъ отъ нихъ, и позволяющихъ себя обманывать. Боккаччьо былъ чутокъ и къ такимъ оттѣнкамъ чувства, которые не нашли отзвука въ новеллахъ Декамерона.

---

1) I, 18.
2) IV, 6, 7.
3) II, 39.
4) V, 95.

Все это разсказано въ октавахъ, небрежныхъ, какъ проза, съ простодушными обращеніями къ читателямъ[1]), возвращеніями назадъ[2]) и кое-гдѣ съ наивными оборотами народной пѣсни и ея лирическими повтореніями[3]).

Въ майское утро Діана собрала своихъ нимфъ у источника, что теперь зовется fonte Aqueli, у подошвы горы Чечеро[4]); |
348 одна изъ нимфъ затрубила въ рогъ, призывая ко вниманію, и Діана держитъ рѣчь: она увѣщаваетъ ихъ строго блюсти ея завѣты и на время своего отсутствія назначаетъ на́большей нимфу Альфинею. — Всего этого былъ случайнымъ свидѣтелемъ юноша Аффрико, жившій недалеко оттуда съ отцомъ и матерью; притаившись въ чащѣ, онъ наблюдаетъ за нимфами; красота одной поразила его въ сердце: какъ бы счастливъ онъ былъ, если бъ она досталась ему въ жены! Если бъ не боязнь Діаны, онъ взялъ бы ее силой. Между тѣмъ солнце пошло на закатъ, и нимфы стали съ пѣснями взбираться на холмъ; Пойдемъ, Мензола! кликнула одна изъ нихъ; такъ онъ узналъ имя своей милой. Какъ разыскать ее, какъ дать ей знать, что онъ, котораго она не видѣла, по ней страдаетъ? Онъ садится на мѣстѣ, гдѣ, видѣлъ, сидѣла Мензола, уткнулся лицомъ въ траву, цѣлуетъ ее. Вѣдь она ненавидитъ мужчинъ и убѣжала бы, если бъ я показался, думаетъ онъ и вмѣстѣ чувствуетъ, что таить свою любовь ему было бы еще тяжеле. Солнце зашло, вызвѣздило небо, и онъ идетъ домой, желая, чтобъ уже настало утро. Его домъ лежалъ въ долинѣ, можетъ быть въ четверти мили отъ источника, или и менѣе; не думайте, только, чтобы въ то время были дома и дворцы, какіе теперь: люди довольствовались хатой изъ дерева и камня, сложеннаго безъ извести, а иные — мазанкой изъ земли и тростника. Не перекинувшись словомъ съ отцомъ и матерью, Аффрико бросился на постель и проводитъ безсонную ночь.

---

1) I, 40.
2) I, 30.
3) I, 2, II, 32, 70, VII, 48.
4) I, 19.

Прошло около мѣсяца, а Аффрико еще не удалось увидѣть
Мензолы, когда однажды ночью ему предстала въ сновидѣніи
лучезарная жена съ мальчикомъ на рукахъ. Это Венера, она упре-
каетъ Аффрико въ малодушіи, косности: прибодрись, отправься
на поиски, и ты найдешь Мензолу; Діана далеко, ея нечего
бояться. — Она обѣщаетъ ему свою помощь: по ея приказанію
мальчикъ Амуръ натянулъ свой лукъ съ такою силой, что
сошлись оба его конца, и когда Аффрико проснулся, невольно
хватился за мѣсто, гдѣ, казалось, была рана. Сцена у источника
живо представилась ему во всей ея прелести, обновились жела|-
нія и, ободренный словами богини, онъ выходитъ изъ дому съ 349
разсвѣтомъ: посидѣлъ и повздыхалъ у источника, затѣмъ пустился
въ горы, настороживъ уши и держа наготовѣ ноги, чтобы тот-
часъ же броситься вдогонку; зашелеститъ ли листокъ, ему
кажется, что это Мензола. Проплутавъ даромъ, онъ рѣшился
пойти въ другую сторону: спустился въ долину и не прошелъ
полу-мили, какъ на одной лужайкѣ, притаившейся среди двухъ
горъ, услышалъ пѣніе. Дай-то Богъ, чтобы это была она! воскли-
цаетъ онъ, сталъ на колѣни и крестомъ сложилъ руки на груди,
въ мольбѣ къ Юпитеру[1]); затѣмъ пошелъ по направленію къ
пѣснѣ, молча, дѣлая длинные, рѣдкіе и легкіе шаги, точно чело-
вѣкъ, готовящійся словить кузнечика[2]). Видитъ трехъ нимфъ,
онѣ поютъ, а имъ подпѣваютъ птички; двѣ изъ нихъ сидѣли у
ручья и мыли ноги, третья, стоя, срывала вѣтки и плела вѣнокъ,
который возложила на свои бѣлокурые, вьющіеся волосы, а два
другихъ надѣла на распущенные нечесанные локоны подругъ.
Между ними нѣтъ Мензолы; Аффрико клянетъ свою долю; что
ему дѣлать? Онъ рѣшается подойти къ нимфамъ: Не пугайтесь,
не бѣгите, дорогія сестрицы! говоритъ онъ тихимъ, молящимъ
голосомъ, вотъ ужъ мѣсяцъ, какъ я ищу одну изъ вашего сонма;
скажите мнѣ, гдѣ Мензола? Какъ услышали онѣ его, пустились

1) I, 56.
2) I, 57.

бѣжать съ криками, точно овцы отъ волка, или куры, на которыхъ напала лиса, побросавъ оружіе и подобравъ полы, что обнаружило ихъ прелестныя икры. Аффрико за ними: Подождите, послушайте, кричитъ онъ, гонясь за ними, но ихъ и слѣдъ простылъ. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ наступилъ вечеръ; уже луна выглянула на лазурномъ небѣ, когда онъ вернулся домой, гдѣ отецъ началъ безпокоиться, не съѣли ли его дикіе звѣри, не повстрѣчался ли онъ съ Діаной, враждебной его роду. Гдѣ былъ ты, дорогой мой, свѣжій ты мой цвѣтокъ? голубитъ его мать, мы по тебѣ намаялись. — Ты такъ день-денской ничего и не ѣлъ? |
350 спрашиваетъ его отецъ. Аффрико задумался, что ему отвѣчать, но Амуръ, изощряющій умы дѣйствительно влюбленныхъ, подсказалъ ему басни; онъ отвѣчаетъ аллегоріей, но прозрачной аллегоріей народной пѣсни, съ образами лани-дѣвушки[1]) и преслѣдующаго ее влюбленнаго-охотника. Охотникъ — Аффрико; нѣсколько дней тому назадъ онъ будто бы видѣлъ въ горахъ лань, да такую красивую, что навѣрно Господь сотворилъ ее собственными руками: походка легкая, какъ у журавля, цвѣтомъ она бѣлѣе снѣга. Она такъ ему приглянулась, что онъ погнался за нею, но не догналъ; и вотъ въ это утро онъ снова рѣшился попытать счастья, долго бродилъ, когда замѣтилъ и услышалъ шелестъ свѣжей дубовой листвы: то паслись на лугу три лани; ему захотѣлось поймать одну изъ нихъ, и онъ осторожно направился къ нимъ, съ пучкомъ травы въ рукахъ, въ видѣ приманки; но лишь только онѣ завидѣли его, пустились бѣжать; время и ушло въ погонѣ за ними.

Джираффоне (такъ звали отца), человѣкъ бывалый, отлично понимаетъ, что такое тѣ прелестныя лани, но, не желая смутить сына, представляется, что повѣрилъ ему; между тѣмъ надо же предупредить его, отвлечь отъ возможной опасности. Берегись ты этихъ ланей, говоритъ онъ ему, повѣрь мнѣ, онѣ принадлежатъ Діанѣ, и коли она замѣтитъ, что ты ихъ выслѣживаешь,

---

1) Сл. Декамеронъ, IV, 6.

поразитъ тебя стрѣлою, обратитъ въ рѣку, птицу или дерево. Со многими она такъ учинила, извела двухъ твоихъ братьевъ, моего отца Муньоне. И онъ разсказываетъ сыну, что сталось съ его отцомъ, и что — приключится съ самимъ Аффрико; его дѣда звали Муньоне; однажды, преслѣдуя одну нимфу, онъ настигъ ее на берегу рѣки и овладѣлъ ею, изнеможенною; увидѣла это Діана и поразила обоихъ одною стрѣлою; тѣло Муньоне покоится въ рѣкѣ, на которую перешло его имя, нимфа обратилась въ источникъ у берега.

Такъ разсказывалъ, со слезами на глазахъ, старикъ Джи|раффоне, а сынъ слушалъ внимательно, но хотя его и пробиралъ 351
страхъ, онъ остался при своей думѣ. Не бойся, говоритъ онъ отцу, я за ними гоняться не стану, а теперь пойдемъ отдохнуть, я сегодня усталъ, ходя по горамъ.

Только-что разсвѣло, какъ онъ снова пошелъ въ горы, и такъ устроилъ Амуръ, что Мензола показалась ему на разстояніи выстрѣла изъ лука. Она увидѣла его раньше и бросилась бѣжать; это, навѣрно, Мензола, говоритъ онъ себѣ, гонится за нею, называетъ по имени, молитъ: Подожди меня, не вражда, а любовь заставляютъ меня искать тебя, я не соколъ, что гонится за куропаткою, не жадный волкъ, бросающійся на бѣдную овечку; ты моя надежда, моя желанная; что непріятно тебѣ, было бы непріятно и мнѣ. Клянусь богами, я возьму тебя въ жены, стану любить тебя; не желай моей смерти. «Если ты убѣжишь, ты жесточе медвѣдицы, ходящей съ медвѣжатами, горче желчи, тверже мрамора; коли дождешься меня — ты слаще меда или винограда, источающаго сладкое вино, прекраснѣе и ярче солнца, нѣжная, бѣлая, милая, какъ ангелъ» [1]). Но Мензола бѣжитъ, и любовь Аффрико находитъ мотивы самоотверженія: онъ молитъ боговъ уравнять путь подъ ея прелестными ножками, обративъ въ мураву и луга — горы, деревья и тернія; я же останусь одинъ съ своей недолей и умру.

---

1) II, 32.

Между тѣмъ Мензола мчалась, заткнувъ полы за поясъ и показывая поверхъ обуви колѣна и икры, въ которыя можно было бы влюбиться. Отбѣжавъ нѣсколько, она обернулась съ свирѣпымъ видомъ, боязнь придала ей храбрости, и она такъ метнула копьемъ въ Аффрико, что положила бы его на мѣстѣ, если бъ не промахнулась: копье попало въ дубъ и прошло его насквозь. Метнула — и тотчасъ же спохватилась, лишь только ея взглядъ упалъ на красиваго юношу: Поберегись, кричитъ она ему, поберегись, теперь я уже не въ силахъ помочь тебѣ: И она рада, что все такъ случилось, ибо Амуръ смягчилъ ея сердце.—|
352 Когда Аффрико увидѣлъ, что Мензола бросила въ него копьемъ, нѣсколько смутился, но ея крикъ и жалостливые глаза, которые она на него устремила, вновь возбудили его желаніе; такъ разгорается отъ вѣтра искорка, притаившаяся въ потухшей головнѣ. И онъ снова пускается преслѣдовать удалявшуюся нимфу: вотъ она на горѣ, спустилась по ту сторону, онъ не видитъ ея болѣе, и бѣгаетъ туда и сюда, какъ охотникъ, у котораго снялась птица, и онъ ищетъ ее, поднявъ голову, растерянно и суетливо. Мензолы не найти въ лѣсу; пойти ему домой или искать? Солнце уже склонялось, Аффрико приходятъ на мысль разсказы отца, Амуръ подсказываетъ съ другой стороны: Какое мнѣ дѣло до Діаны, лишь бы разъ добиться своего! Такъ колебался Аффрико пока не рѣшилъ вернуться, чтобъ не опечалить отца; идетъ и все оглядывается: не видать ли Мензолы. Придя домой онъ бросается на постель ничкомъ; его вздохи привлекаютъ мать. Что съ тобою сынокъ? говоритъ она, обнимая его; что у тебя болитъ, дай я полечу. Подними же голову, дорогой мой, скажи нѣсколько словъ: вѣдь я твоя мать, вскормила тебя молокомъ, девять мѣсяцевъ носила. — Непріятно было Аффрико, что мать замѣтила его печаль; сегодня утромъ, возвращаясь, я упалъ и весь разбился, еще и теперь осталась боль въ боку, говоритъ онъ; если ты меня любишь, оставь теперь меня, говорить мнѣ — ядъ.—Мать выходитъ изъ комнаты, а Аффрико сѣтуетъ на свободѣ, взывая къ неподатливой красавицѣ, Венерѣ и смерти; онъ плачетъ, — и

вдругъ ему вспоминаются слова Мензолы, когда она предупредила его объ опасности, выраженіе ея глазъ, — и къ его скорби примѣшивается надежда.

Между тѣмъ искусная мать, Алимена, набрала травъ, чтобы
приготовить для сына ванну противъ той боли. Пришелъ ли
Аффрико? спрашиваетъ, вернувшись домой, Джираффоне. Мать
разсказываетъ, что знаетъ: Оставь его въ покоѣ, пусть отдох-
нетъ, а тамъ мы сдѣлаемъ ему хорошую ванну, она прогонитъ
всякую немочь; теперь ему и говорить больно. — Но отецъ не
вытерпѣлъ, пробрался въ комнату сына, прикрылъ его, спав-
шаго.—Онъ спитъ, говоритъ онъ, вернувшись, женѣ, жаль было 353
будить его. — Разумѣется, отвѣчаетъ Алимена, не тревожь его
болѣе.

Аффрико проснулся для новаго горееванья, но, не желая, чтобы отецъ это замѣтилъ, оправился, отеръ слѣды слезъ и вышелъ къ отцу и матери. Какъ тебѣ можется? спрашиваетъ она его. — Теперь какъ-будто ничего, отвѣчаетъ онъ, боль прошла сномъ. Тѣмъ не менѣе ему пришлось взять ванну. Не умѣешь ты лѣчить, о Джираффоне, отъ ванны не пройдетъ сердечная рана!

Такъ миновалъ второй, третій и четвертый день, Аффрико отбился отъ дѣла, исхудалъ, старается быть одинъ, чтобъ свободнѣе предаваться печали. Скажи, что съ тобою? пытаютъ его отецъ и мать, мы сдѣлаемъ все, что можно, лишь бы тебѣ было легче. Аффрико отговаривается, что у него болитъ голова или что-то другое, и всякій разъ его лѣчатъ не отъ того недуга, отъ котораго бы слѣдовало.

Однажды онъ прибрелъ съ своимъ стадомъ къ прелестному источнику, сѣлъ и призадумался, опустивъ голову на руку, опирая локоть на колѣно. Вода отразила его блѣдное, измѣнившееся лицо, и его разобрала жалость къ самому себѣ. Кругомъ него рѣзвится стадо, поютъ птицы; счастливы звѣри, имъ нѣтъ запрета любить, а я печалюсь день и ночь! Онъ плачетъ, ведя бесѣду съ своимъ собственнымъ отраженіемъ въ водѣ. Но вѣдь Венера

подала ему надежду; ужъ не забыла ли она о немъ? Онъ хочетъ напомнить ей о себѣ: развелъ костеръ, закололъ овцу, кровью которой оросилъ огонь; затѣмъ, раздѣливъ ее на двѣ части, возложилъ на костеръ, одну часть во имя Мензолы, другую въ свое. Онъ молитъ богиню смягчить Мензолу, настолько по крайней мѣрѣ, чтобы его смерть, которой онъ чаетъ, не была ей въ радость, какъ ненавистна его жизнь. — Передъ нимъ совершается чудо: части овцы поднялись и срослись, овца постояла нѣкоторое время и, громко проблеявъ, снова упала въ огонь. Это видѣніе, напоминающее причудливую аллегорію Діаниной |
354 Охоты[1]), ободрило Аффрико; повидимому, онъ не понялъ его вѣщаго смысла: онъ соединится съ Мензолой, какъ части жертвеннаго звѣря, но соединится — для смерти.

Довольный, онъ ведетъ домой свое стадо, поужиналъ со своими, ночью долго провозился въ постели, а подъ утро ему привидѣлась Венера, съ сыномъ на рукахъ: она поможетъ ему, если онъ послѣдуетъ ея совѣту, пусть только нарядится нимфой и вмѣшается въ толпу другихъ. Коли встрѣтишь Мензолу, вступи съ нею въ бесѣду о вещахъ святыхъ и божественныхъ и, когда улучишь время, не зѣвай, ибо если она вырвется изъ рукъ, никакія улещанія потомъ не помогутъ; не бойся насилія, ибо Амуръ такъ овладѣетъ ею, что она не вырвется изъ его когтей.

Аффрико готовъ исполнить совѣтъ богини, надежда разожгла его желаніе. Онъ вспомнилъ, что у матери есть хорошее платье, которое она рѣдко надѣвала; выждавъ, когда никого не было дома, онъ досталъ платье и спряталъ его въ дальнемъ мѣстѣ, куда явился на другое утро. Должно быть, Венера помогла его переодѣванью: его не признать было за мужчину, съ колчаномъ на боку и лукомъ въ рукахъ онъ совсѣмъ походилъ на нимфу, и въ его блѣдности, нажитой горемъ, было что-то женственное. — Онъ идетъ въ горы, слышитъ крики: нѣсколько нимфъ кричатъ ему издали: Стой, подожди звѣря! То несся кабанъ, нѣсколько

---

1) Сл. выше стр. 125.

стрѣлъ торчали у него въ спинѣ; стрѣла Аффрико уложила его. Мензола хвалитъ ударъ, такого она еще не видала, а Аффрико счастливъ отъ ея близости, ея похвалы ему пріятны; онъ рѣшился бы и на большее, если бъ не боялся вооруженныхъ нимфъ. Всѣ разсуждаютъ, какой кто далъ выстрѣлъ: Вотъ былъ бы подарокъ Діанѣ, если бъ она была здѣсь! восклицаетъ Мензола. Затѣмъ принялись стрѣлять въ цѣль, и стрѣлы Мензолы и Аффрико оказываются ближе всѣхъ къ цѣли. Уже новая нимфа начинаетъ нравиться Мензолѣ, что скажетъ одна, то поддержитъ | другая; 355
онѣ сидятъ рядомъ за охотничьимъ обѣдомъ: столомъ служитъ скала подъ лавровымъ деревомъ, кабанье мясо жарено безъ приправъ, хлѣбъ изъ каштановъ, другого еще не знали, вмѣсто вина вода, сваренная съ медомъ и какими-то травами. Послѣ обѣда нимфы расходятся съ пѣснями, Аффрико идетъ въ обществѣ Мензолы и трехъ нимфъ. Его сердце бьется; открыться или нѣтъ? думаетъ онъ про себя; вотъ если бы тѣ нимфы ушли, и мнѣ бы остаться одному! Если погодить, то такой случай можетъ и не представиться. — Онъ хочетъ дѣйствовать — и воздерживается, а пламя любви разгорается пуще, пока онъ колеблется между да и нѣтъ[1]).

Онѣ подходятъ къ долинѣ, что лежала промежъ двухъ горъ, слышатъ журчаніе воды. Двѣ нимфы купаются въ озеркѣ; не раздѣться ли и намъ? спрашиваютъ спутницы Аффрико; хочешь съ нами купаться? говоритъ Мензола. Онъ разсчиталъ, какъ ему поступить, и входитъ въ воду, раздѣвшись послѣднимъ. Какъ волкъ бросается на стадо овецъ и схватываетъ одну, тогда какъ другія бѣгутъ, пугливо блея, такъ побѣжали при видѣ мужчины нимфы, кое-какъ прикрываясь платьемъ, забывъ объ оружіи, тогда какъ Аффрико крѣпко обхватилъ Мензолу, цѣлуетъ ее; она плачетъ, отбивается, но напрасно. Когда она поняла, что съ нею сталось, она приходитъ въ отчаяніе; Аффрико печалятъ ея слезы и вмѣстѣ разжигаютъ его страсть; онъ вырываетъ у нея

1) IV, 25.

изъ рукъ копье, которымъ она хотѣла заколоться, держитъ ее въ объятіяхъ, когда она упала безъ чувствъ, готовъ убить себя, полагая, что она скончалась. Но она вздохнула, и Аффрико принимается утѣшать ее: Не плачь, душа моя, ты въ объятіяхъ человѣка, который любитъ тебя болѣе всего на свѣтѣ; если я употребилъ противъ тебя насиліе, тому виновникъ Амуръ, жалуйся на него, — и онъ разсказываетъ, какъ онъ увлекся ею съ перваго раза, какъ она бросила въ него копьемъ и закричала: Берегись! — Мензола слушаетъ эту повѣсть любви и сама под-
356 дается ей. Она помнитъ эпизодъ съ копьемъ: Если ты тотъ самый, то я вѣдь тебя не знаю; съ тѣхъ поръ, какъ меня посвятили Діанѣ, я не видала мужчины, теперь же Діана изгонитъ меня изъ своего сонма, поразитъ меня, или я сама себя убью, избѣгая стыда. Я защищалась, тому свидѣтели деревья и звѣри; я умру, ты удовлетворенъ, и обо мнѣ не вспомнишь. — Аффрико продолжаетъ утѣшать ее, цѣлуетъ, отираетъ рукой слезы: Ты создана въ раю, говоритъ онъ, приглаживая ея волосы: такихъ красивыхъ онъ не видалъ. «Да будетъ благословенъ годъ и мѣсяцъ, и день, и часъ, и мгновеніе, и время года, когда создано было это прелестное личико и всѣ другіе члены, полные такого совершенства, что, обыскавъ весь свѣтъ и въ небѣ, среди богинь, не найти ни одной, которая сравнялась бы съ тобою»[1]). — Сдѣланнаго не вернешь[2]), заключаетъ Аффрико, будь же умна, поцѣлуй меня крѣпко, какъ цѣлую я. — Амуръ уже опуталъ сердце Мензолы, печаль понемногу отлегла, а любовь, которую Мензола питала къ Аффрико-нимфѣ, разгорѣлась сильнѣе отъ его рѣчей. Она обняла его лѣвой рукой, но еще не рѣшается поцѣловать: Бѣдная я, что будетъ со мною, если прознаетъ Діана! Мнѣ нельзя будетъ болѣе показаться среди нимфъ. Я знаю, что если бъ я убила себя, моего грѣха отъ того бы не убыло; увѣрена, что сдѣланнаго тобою не могло не быть; не будь я въ этомъ убѣждена,

---

1) V, 9: сл. Filostrato, III, 83.
2) V, 11.

я сама наложила бы на себя руки. Твои рѣчи отвлекли меня отъ моего жестокаго рѣшенія; но остаться съ тобой, какъ ты говоришь, я никогда не соглашусь: тебя узнаютъ тѣ нимфы, которыя тебя видѣли, либо догадаются о томъ, о чемъ еще не знаютъ. Потому уйди, прошу тебя, оставь меня съ моимъ горемъ, я какъ-нибудь помирюсь съ нимъ.

Аффрико понялъ, что любовь уже посѣтила ея сердце, и она только стыдится, и онъ говоритъ про себя: Прежде чѣмъ я уйду
отсюда, ты еще запоешь у меня другую пѣсню! Да развѣ я могу |
уйти? спрашиваетъ онъ; безъ тебя мнѣ жизнь не въ жизнь; если бъ 357
я и могъ уйти, какъ быть мнѣ спокойнымъ, когда ты въ такомъ горѣ? — Онъ предлагаетъ ей отправиться съ нимъ: его мать будетъ ей матерью; но на это Мензола рѣшительно несогласна: это значило бы обнаружить грѣхъ, коснѣть во злѣ. Пусть Аффрико пойдетъ, ради него ей мила теперь жизнь, она будетъ любить его и часто сюда являться: здѣсь онъ можетъ увидѣть ее, побесѣдовать съ нею — по чести. Она сдержитъ слово, ибо, говоритъ она, ты меня наполовину связалъ и, мнѣ кажется, я тебя полюбила.

Аффрико пользуется этимъ объясненіемъ, чтобы попросить бо̀льшаго. Мензола борется: Времени немного, насъ могутъ застать, да и Діана накажетъ меня, если узнаетъ, что на то было мое согласіе. — Никогда не узнаетъ о томъ Діана, видитъ насъ только Богъ[1]), убѣждаетъ Аффрико. — Нѣтъ такой башни, которая не пала бы отъ ударовъ, а Мензола была не стальная[2]). Не знаю, что за судьба моя, или такая у меня доля, что я не въ состояніи не исполнить твоего желанія, говоритъ она; я сдаюсь, у меня нѣтъ силъ противъ Амура.

День близился къ концу, и Аффрико надо итти; онъ клянетъ темную ночь, которая ихъ разлучаетъ; Мензола стоитъ, смущенная, проситъ его удалиться, — хотя это и противъ ея желанія;

---

1) V, 36.
2) V, 39, 40; сл. Декамеронъ, VIII, 4.

всякій шелестъ листа заставляетъ ее страшиться нимфъ. Она проситъ Аффрико сказать ей свое имя; прощаніе длится долго[1]), такъ овладѣла ими любовь, что они едва не надрываются. Условившись о встрѣчѣ, они расходятся въ разныя стороны, долго еще оглядываясь и дѣлая другъ другу знаки.

Аффрико спѣшитъ къ мѣсту, гдѣ спряталъ свое платье, пе-
реодѣлся и идетъ домой, гдѣ отецъ и мать уже тревожились о
немъ. Много понадобилось ему выдумокъ, чтобы не обнаружить
358 возбужденнаго состоянія духа. Мысли о завтрашнемъ днѣ не
даютъ ему уснуть.

А Мензола, возвращаясь къ себѣ, предается раздумью, мысль о проступкѣ, совершенномъ ею, не покидаетъ ее, и, прійдя къ себѣ въ пещеру, она начинаетъ горевать. Какъ предстать ей передъ лицо Діаны, что подумали бы подруги, если бъ знали? Ей вспоминается судьба нимфы Каллисто, Муньоне и Чалы[2]), чудится, что сама она уже обращена въ рѣку, звѣря или дерево. Что сказали бы отецъ и мать, братья и сестры, обязавшіе ее строго блюсти обѣты, которые возложили на нее вмѣстѣ съ священнымъ облаченіемъ[3])? Они навѣрно убили бы ее, грѣховодницу. — Лишь подъ утро она заснула въ слезахъ. — Аффрико былъ уже на условленномъ мѣстѣ, поджидая ее, плететъ вѣнки, одинъ себѣ, другой для ея бѣлокурой головки, и часто поглядываетъ на рощу, не идетъ ли Мензола. Прошелъ уже третій часъ, солнце палитъ, и Аффрико дивится, почему это нѣтъ его милой, и, какъ человѣкъ, желающій, чтобы что-нибудь совершилось, придумываетъ разныя объясненія. — Такъ Троилъ напрасно поджидалъ Гризеиду. — Насталъ и вечеръ, Аффрико рѣшается пойти домой: быть можетъ, Мензола повстрѣчалась на пути съ подругами, онѣ ее и задержали. Онъ вернется завтра.

Между тѣмъ Мензола проснулась около девятаго часа, разбитая, измученная; разныя мысли бродятъ у нея въ головѣ, пу-

1) V, 44, 45.
2) VI, 80.
3) VI, 10.

гая; она не забыла своего обѣщанія Аффрико, но рѣшилась не ходить къ нему: она любитъ его, держитъ въ сердцѣ, но страхъ передъ Діаной превозмогъ. Такъ прошелъ и второй день и третій, и цѣлый мѣсяцъ; Аффрико все ходитъ на свиданіе въ урочное мѣсто, бродитъ по горамъ, не встрѣтитъ ли Мензолы, но Фортуна, всегда непостоянная, уже взглянула на него завистливымъ окомъ. Онъ совсѣмъ опустился, обезсилѣлъ отъ горя, почти не говоритъ. Однажды, когда онъ пасъ свое стадо, ему захотѣ|-
лось взглянуть на мѣсто, гдѣ Мензола отдалась ему, куда обѣ- 359
щала вернуться. Онъ осматривается кругомъ: здѣсь они взяли другъ друга за руки, она поклялась придти; здѣсь они разстались; но ея клятвы были лживы, онъ не ожидалъ такого предательства и не въ силахъ пережить своей тоски: склонившись надъ рѣчкой, онъ бросается на копье. Прощайте, отецъ и мать, говоритъ онъ, умирая, оставайтесь съ Богомъ, я иду въ мучительный адъ[1]), ты же, рѣка, станешь носить мое имя и, окрашенная моею кровью, будешь свидѣтельствовать всякому, до чего довела меня любовь.

Та рѣчка раздѣлялась нѣсколько пониже, какъ и теперь, на два рукава, изъ которыхъ одинъ, что̀ поменьше, протекалъ мимо дома Аффрико. Его отецъ былъ на берегу, багровый цвѣтъ воды подсказалъ его сердцу, что случилось. Онъ идетъ искать сына, не найдя его при стадѣ, поднимается вверхъ по берегу, откуда начиналась багровая струя. Какъ увидѣлъ тѣло Аффрико, едва устоялъ на ногахъ. Какой злодѣй убилъ тебя! плачется онъ; что скажетъ твоя бѣдная мать, что станемъ мы дѣлать безъ тебя, осиротѣлые! Видно погубила тебя безжалостная Діана! Что довело тебя до смерти? спрашиваетъ онъ, признавъ копье сына. Вытащивъ тѣло изъ воды, онъ взвалилъ его на плечи и понесъ домой; здѣсь все разсказалъ женѣ, показалъ и копье, которое онъ извлекъ изъ раны. Какъ плакала и стонала мать, припавъ къ лицу сына, нечего и спрашивать; по тогдашнему обычаю,

---

1) VI, 33.

тѣло его предали сожженію, среди сѣтованій и воплей, а пепелъ похоронили на берегу рѣки. Съ тѣхъ поръ она назвалась и еще зовется Аффрико.

Но вернемся къ Мензолѣ. Ея печаль нѣсколько улеглась, и она стала выносить ее терпѣливѣе, стала показываться среди нимфъ, и тѣ повѣрили ея разсказу, что она, какъ и другія, ушла отъ преслѣдованія Аффрико. Она поминаетъ его и частенько вздыхаетъ о немъ втихомолку; охотясь съ подругами, ищетъ гла-
360 зами мѣсто, | гдѣ Аффрико былъ съ нею счастливъ. «Что ты дѣлаешь, не знаю, но навѣрно страдаешь по мнѣ; въ этомъ не моя вина, страхъ отнялъ у меня всякую смѣлость». И она охотно доставила бы ему удовольствіе, если бъ не Діана и ея нимфы.

Такъ она жила, пораженная и любовью и боязнью, когда случилось, чего, въ своей наивности, она не вѣдала. Она пополнѣла въ бокахъ, ей неможется; она дивится, не находя тому причины; не беременна ли она? Жила въ той мѣстности, въ дикой пещерѣ, мудрая нимфа Синедеккія; ей было лѣтъ сто или болѣе, она вѣдала многое и была искусна во врачебномъ дѣлѣ. Къ ней-то за совѣтомъ пошла Мензола. Покачавъ головою, старуха сказала съ гнѣвнымъ видомъ: Нечего скрываться, дочь моя, ты согрѣшила съ мужчиной. Мензола покраснѣла отъ стыда, хотѣла было представиться непонимающей, но видитъ, что отъ всевѣдущей старухи ничего не утаишь, и она потупилась, молчитъ и плачетъ. Старуха видитъ ея смущеніе и чистоту, и ей кажется, что дѣвушка согрѣшила не по своей волѣ. Она ощутила къ ней жалость: Неладно ты сдѣлала, говоритъ она ей, но не надо такъ отчаиваться; подумаемъ о средствахъ; скажи, какъ все было? — Мензола молчитъ, прильнула къ груди Синедеккіи и тихо плачетъ. Когда, наконецъ, она во всемъ призналась, старуха, пожуривъ ее и наставивъ впредь быть осторожнѣе, говоритъ, что ей слѣдуетъ дѣлать: пусть не выходитъ изъ своей пещеры, развѣ къ ней за совѣтомъ, и платье носитъ пошире, безъ пояса, чтобы о грѣхѣ не довѣдались; когда настанутъ роды, пусть призоветъ

Луцину, и она окажетъ ей помощь; а о ребенкѣ позаботится она, Синедеккія.—И вотъ Мензола начинаегъ слѣдовать ея совѣтамъ; дитя еще не успѣло родиться, а уже явилось новою связью между ней и Аффрико: она чаще вспоминаетъ о немъ, сильнѣе его любитъ, раскаивается, что избѣгала его. Нѣсколько разъ ходила она туда, гдѣ въ первый разъ съ нимъ спозналась, надѣясь его встрѣтить и пойти съ нимъ въ его домъ. Одна идти она не рѣшалась: бывало подойдетъ—и назадъ. Не знала она, что изъ-за нея онъ погубилъ себя. |

Такъ благосклонна была къ ней судьба, что ни одна нимфа 361
ни о чемъ не догадалась, хотя всѣ и недоумѣвали, отчего она такъ похудѣла и не ходитъ на охоту. Когда снова явилась въ Фьезоле Діана, Мензола, по совѣту старой нимфы, не показывается ей; между тѣмъ наступило время родовъ: Луцина пришла къ ней на помощь, подняла съ земли новорожденнаго и подала матери. Та счастлива, не можетъ налюбоваться мальчикомъ, тотчасъ же одѣла его, приложила къ груди, ласкаетъ, гладитъ по головкѣ; онъ такой красивый, кудрявый, глазами весь въ отца. Она не въ силахъ разстаться съ нимъ, отдать Синедеккіи; на этомъ избыткѣ материнской любви, пересилившей опасеніе, построена развязка.

Діана, очень любившая Мензолу, спрашиваетъ о ней у ея подругъ; однѣ говорятъ, что давно ея не видѣли, другія, что ей нездоровится. Тогда богиня сама отправляется къ ней, сопутствуемая тремя нимфами; Мензолы въ то время не было въ пещерѣ, она пошла къ рѣкѣ, гдѣ ея мальчикъ игралъ на солнцѣ. Ея еще не видать, но она уже увидѣла богиню, слышитъ, что ее зовутъ. Быстро спрятавъ ребенка въ кусты терновника[1]), она молча пустилась бѣжать промежъ дубовъ по направленію къ рѣкѣ. Видитъ это Діана, слышитъ громкій крикъ ребенка.—Не бѣги, коли я не захочу, тебѣ не перейти рѣки, не избѣжать моихъ стрѣлъ, грозитъ она Мензолѣ, но та не слушается,

1) Pruni, VII, 10.

уже вступила въ рѣку, когда Діана произнесла какія-то слова, и бѣдная нимфа слабѣетъ, разлилась волною; съ тѣхъ поръ та рѣка зовется Мензолой; «я разсказалъ вамъ, откуда она взялась» [1]).

Нимфы плачутъ отъ жалости, но Діана говоритъ, что Мензола того заслужила, и ведетъ ихъ посмотрѣть на мальчика. Онѣ ласкаютъ его, хотѣли бы пріютить у себя въ горахъ, но богиня велитъ отнести его къ Синедеккіи, которой разсказываетъ, какъ Мензола забросила ребенка въ кусты съ цѣлью скрыть свой |
362 грѣхъ, и какъ она ее наказала. Старуха расплакалась: Никто, кромѣ меня, не зналъ объ ея проступкѣ, говоритъ она, не будь меня, она наложила бы на себя руки; къ тому же она была обманута. Какъ услышала это богиня, разжалобилась, но, въ примѣръ другимъ, сохраняетъ видимую суровость, а Синедеккія проситъ у нея позволенія взять мальчика и отнести въ дальнія долины, гдѣ его воспитаютъ люди. Она слышала отъ Мензолы имя Аффрико; онъ, должно быть, живетъ гдѣ-нибудь по близости; и вотъ она идетъ въ долину, гдѣ дымилась хата, встрѣчаетъ Алимену: Я къ тебѣ по важному дѣлу; послушай-ка, въ какой печали родился этотъ ребенокъ. — Пока она разсказываетъ о любви Аффрико и Мензолы и ихъ судьбѣ, Алимена взглянула на ребенка: Боже мой, да вѣдь онъ совсѣмъ въ моего Аффрико! Она беретъ на руки внука, цѣлуетъ его, прослезилась отъ радости; тяжко мнѣ будетъ, дорогой ты мой, повести съ тобою рѣчь о томъ, какъ умеръ твой отецъ, приговариваетъ она, и сама разсказываетъ о томъ старухѣ. Обѣ горюютъ; тутъ подошелъ Джираффоне; узнавъ, въ чемъ дѣло, расплакался отъ радости и горя, ласкаетъ ребенка, и тотъ улыбается ему, побуждаемый природой. Назвали его Прунео, потому что найденъ онъ былъ въ терновникѣ [2]), и выросъ онъ красивымъ молодцомъ, точно написали его кистью, ловкимъ и храбрымъ, всѣмъ въ отца.

1) VII, 13.
2) Pruni, VII, 33.

Какъ разъ въ то время пришелъ въ Европу Атлантъ съ множествомъ народа[1]); построилъ Фьезоле, нимфы, не успѣвшія удалиться, должны были повыходить за смертныхъ. Джираффоне сталъ набольшимъ совѣтникомъ Атланта, Прунео — его сенешалемъ; Атлантъ женилъ его на Тироніи, дочери одного важнаго барона, и далъ ему въ собственность уголъ между рѣками Мензолой и Муньоне; построившись повыше церкви, что теперь въ Маяно, Прунео могъ обозрѣвать оттуда свои владѣнія, которыя 363
вывелъ изъ состоянія дикости. Потомки десяти его сыновей становятся гражданами Фьезоле, пока разгромъ города римлянами не заставилъ ихъ переселиться въ новую римскую колонію, Флоренцію. Здѣсь они освоились, перероднились, и когда Тотила разрушилъ Флоренцію и пустилъ кличъ, чтобы всѣ шли жить въ обновленный имъ Фьезоле, потомки Аффрико предпочли выселиться въ свои волости. Они-то впослѣдствіи и обратились къ Карлу Великому и папѣ, умоляя ихъ вспомнить про забытое римское поселеніе. Императоръ вновь отстраиваетъ Флоренцію, и родъ Аффрико снова переселяется туда; и въ другихъ мѣстностяхъ отъ нихъ пошли именитые люди.

Боккаччьо уже не разъ обращался къ легендарной исторіи Флоренціи и ея окрестностей[2]), которой завершаетъ свой разсказъ о судьбахъ Аффрико и Мензолы. Его могла интересовать и фабула и характерная для него культурно-историческая точка зрѣнія: онъ любитъ представлять себѣ развитіе общественности изъ формъ дикаго быта, какъ развитіе человѣчности подъ вліяніемъ любви. У трубадуровъ и старыхъ итальянскихъ лириковъ, какъ теперь еще въ народныхъ повѣрьяхъ, «дикій человѣкъ» — символъ наивной простоты, соединенной съ непочатой мудростью; и у Боккаччьо мы встрѣтили и еще встрѣтимъ эту точку зрѣнія,

---

1) Gen. Deor., IV, 31, различаетъ трехъ Атлантовъ, изъ нихъ одинъ Athlas italus, qui ut vulgo fertur (?), antiquissimus apud Fessulas imperavit, cujus quoniam parentes non comperi, non apposui. Сл. Com. sopra la Comm., I, стр. 342.

2) Filocolo, Ameto; сл. выше стр. 217, 289.

восхваленіе золотого вѣка[1]) и сельской простоты[2]), соединенное съ пессимистической оцѣнкой позднѣйшей культуры, по Филоколо еще смѣется надъ безпомощностью автохтоновъ Чертальдо, онъ такой же цивилизаторъ, какъ Прунео. — Все это не объясняетъ появленія разсказа о немъ въ концѣ нашей поэмы: по отношенію къ содержанію цѣлаго это такой же лишній привѣсокъ, какъ пятая книга Филоколо. Недочетъ ли это композиціи, или авторъ желалъ разрѣшить веселой нотой свой поэтическій раз|-
364 сказъ о любви и скорби? Такое именно непосредственно-свѣжее поэтическое впечатлѣніе производитъ его коротенькая поэма, несмотря на двѣ-три подробности наивно-реалистическаго характера (первое свиданіе съ Мензолой), которыя современный романистъ предпочелъ бы умолчать, либо, смотря по школѣ, представить въ полусвѣтѣ неясныхъ формъ и страстныхъ намековъ. Есть ли въ этой грустной исторіи что-нибудь автобіографическое, хотя бы скрытое подъ пологомъ причудливыхъ стиховъ[3])? Мы невольно ищемъ этихъ отзвуковъ, ищемъ Фьямметты; такъ пріучили насъ полуоткровенія Филоколо, Амето и Любовнаго Видѣнія и посвященіе Тезеиды. Отвѣтъ на это даютъ первыя и послѣднія октавы Ninfale. Поэта побуждаетъ говорить любовь, давно обитающая въ его сердцѣ, любовь къ красавицѣ, по которой онъ тоскуетъ день и ночь. Амуръ ведетъ моимъ перомъ, ему принадлежитъ честь этого произведенія, ему, посланному моей дамой, въ сравненіи съ которой блѣднѣютъ достоинства всѣхъ другихъ; одного ей недостаетъ: немного жалости. Авторъ ставитъ себя подъ защиту всѣхъ любящихъ противъ зависти и злословія и людей, не понимающихъ любви, а дамы пусть умолятъ его горделивую красавицу не быть столь жестокой къ своему служителю[4]). — То же повторяется съ измѣненіями, въ заключительныхъ строфахъ

1) Сл. разсказъ Адіоны въ Амето, выше стр. 280—2.
2) Fiammetta, стр. 115 слѣд.
3) Sotto il velame dei versi strani.
4) I, 1—4.

поэмы[1]): Амуръ, которому подчинила его дама, повелѣлъ поэту сложить этотъ разсказъ, и онъ исполнилъ это, насколько позволилъ талантъ, изощрившійся въ услуженіи ему. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хочетъ пожаловаться Амуру[2]), и эта жалоба обращается[3]) въ просьбу, чтобы его книга не попала въ руки невѣждъ и негодныхъ людей, не знающихъ, что такое Амуръ, и готовыхъ порицать всякое писаніе о немъ[4]). Пусть читаютъ его лишь тѣ, | душевно-благовоспитанные[5]), въ сердцахъ которыхъ онъ ца- 365
ритъ. — И Амуръ отвѣчаетъ поэту, какъ нимфы въ заключительныхъ сонетахъ Тезеиды: Добро пожаловать, покорный мой слуга, я принимаю *мою* книжку, ибо знаю, что она такова, какъ я желалъ; она будетъ храниться у меня вмѣстѣ съ другими повѣстями о моихъ великихъ дѣяніяхъ, и я уберегу ее отъ людей, никогда не послужившихъ мнѣ, не потому, чтобъ я боялся ихъ нареканій, а дабы мое имя не упоминалось въ ихъ средѣ.

Боккаччьо говоритъ о людяхъ, не понимающихъ любви и, вмѣстѣ, о завистникахъ и ненавистникахъ[6]). О нихъ идетъ рѣчь въ концѣ Филоколо, еще рѣзче — въ послѣдней молитвѣ Амето. Это, быть можетъ, проявленіе того литературнаго самосознанія, воспріимчиваго и обидчиваго, которое и позже заставляло Боккаччьо, и не его лишь одного, говорить объ окружающей ихъ отовсюду invidia; или это отвѣтъ ригористамъ, отметникамъ Амура, порицавшимъ Боккаччьо за его Декамеронъ и получившимъ извѣстную отповѣдь въ введеніи къ четвертому дню? Амуръ царитъ въ Ninfale, это — его книга; красавица, овладѣвшая поэтомъ во имя его, несомнѣнно, Фьямметта, но какъ блѣдно она выступаетъ, какъ мало страстности въ упоминаніи ея! Торжествуетъ чувство любви, но любовь къ Фьямметтѣ перестала

1) VII, 65—73.
2) VII, 66.
3) VII, 70.
4) Ogni tuo bel trattato.
5) Animi gentili, VII, 71.
6) Invidiosi.

быть стономъ сердца и уже становится поэтическимъ мотивомъ, готовымъ для объективнаго анализа романа, которому она дала свое имя. Самъ Боккаччьо говоритъ намъ о своемъ выходѣ изъ періода страстности, когда любовь оставила въ его сердцѣ лишь то наслажденіе, какое она обычно доставляетъ людямъ, не слишкомъ далеко пускающимся въ ея мрачныя волны[1]).

---

1) Декамеронъ, Введеніе, пер. I, стр. 2.

V.

НА ВЫСОТѢ (ФЬЯММЕТТА И ДЕКАМЕРОНЪ).

I.

Какъ мы видѣли, сороковые годы были особенно производительны для поэтической дѣятельности Боккаччьо: въ ихъ началѣ законченъ былъ Филоколо, созданы Амето и Любовное Видѣніе, нѣсколько позднѣе — Тезеида и Ninfale; извѣстное изображеніе чумы, открывающее Декамеронъ, указываетъ, что по крайней мѣрѣ эта часть написана была въ 1348 году или вскорѣ послѣ него; послѣдняя лирическая пьеса въ Декамеронѣ, жалоба ревнующей Фьямметты, предполагаетъ положеніе, разработанное въ романѣ, носящемъ ея имя. «Фьямметта» и Декамеронъ, въ которыхъ Боккаччьо стоитъ на высотѣ своего психологическаго и художественнаго реализма, вяжутся между собой внутренно, вызывая рядъ хронологическихъ вопросовъ, до сихъ поръ мало выясненныхъ. Дѣло касается внѣшней біографіи Боккаччьо и его неаполитанскихъ отношеній по возвращеніи во Флоренцію въ 1340 году. Его поѣздка въ Неаполь въ 1342 году остается предположеніемъ[1]), какъ и его пребываніе тамъ въ 1345—6[2]) и 1348-мъ годахъ; все это сомнительно или неясно, и мы не знаемъ подробностей. Видѣлся ли онъ съ Фьямметтой? Ни Тезеида, ни Ninfale не даютъ никакихъ указаній; біографическая нить личнаго

369

1) Сл. выше стр. 180, 295.

2) *Сл. дальше стр. 373—4, 377, 382—4. Hecker, Boccaccio-Funde, Braunschweig, 1902, стр. 81, прим. 2, считаетъ вѣроятнымъ это пребываніе (доказательно ли, въ смыслѣ показанія очевидца, выраженіе: in qua (historia) quaedam auribus, quaedam *oculis* sumpta meis describam. Сл. далѣе у меня на стр. 377 прим. 3: *Jere*).

романа теряется, и мы ловимъ ее на почвѣ писемъ и политической эклоги.

Въ 1343 году умеръ король Робертъ, оплаканный Петраркой и Боккаччьо — и безыменнымъ провансальскимъ поэтомъ, кото|-
370 рый прославляетъ его не только за мудрость и знаніе[1]), но и за щедрость, — а въ этомъ поэтъ, очевидно, зналъ толкъ: глаголъ «платить» не сходитъ у него съ языка. Многіе достойные люди были на жалованьи у короля[2]), говоритъ онъ, теперь имъ придется вернуться восвояси; онъ помогалъ совѣтомъ всякому, кто являлся въ Неаполь безпомощнымъ[3]).

Тогда начались неурядицы, которыя предвидѣлъ Петрарка и самъ Робертъ; «на смертномъ одрѣ его лебединая пѣсня была поистинѣ философская, царственная, пророческая; онъ такъ ясно представилъ слушателямъ ужасныя бѣды, предстоявшія его царству, какъ будто для него было настоящимъ, что для другихъ было будущимъ»[4]); Angelo De Tummolillis da Sant Elia разсказываетъ въ своей лѣтописи[5]), что когда король лежалъ на смертномъ одрѣ, и при немъ говорили о Джьованнѣ, онъ провѣщился: Она выйдетъ за другого, горе царству! Nubetur *alio:* въ alio соединены иниціалы ея четырехъ мужей[6])!

Робертъ назначилъ своей наслѣдницей Джьованну, а до ея совершеннолѣтія подчинилъ ее совѣту подъ предсѣдательствомъ вдовствующей королевы Санціи. Но Санція не въ силахъ была справиться съ начинавшейся придворной смутой и ушла въ монастырь; власть очутилась въ рукахъ юной, царственной красавицы, обаятельной и страстной, отдавшейся вліянію женщинъ, которыя руководили ею, потворствуя ея слабостямъ. Объ ея любовныхъ шашняхъ говорили подъ рукою многое, особенно объ

---

1) Cap e razis en sciensa fondat.

2) Prenian gage.

3) Bartsch, Denkmäler der prov. Litteratur, Stuttgart, 1856, стр. 50—57.

4) Petrarca, Sen., II, 1.

5) Конца XIV, нач. XV вѣка: Notabilia Temporum, ed. Costantino Corsivieri, c. III.

6) Andreas, Ludovicus, Jacobus, Otto.

ея отношеніяхъ къ дядѣ, Людовику Тарентскому, воспитаннику Аччьяйоли, сыну знакомой намъ Катерины de Courtenay[1]), | ко- 371
торая не прочь была воспользоваться этой связью въ цѣляхъ политической интриги. Другой совѣтчицей королевы была Филиппа изъ Катаніи, когда-то прачка, взятая ко двору въ качествѣ няньки; впослѣдствіи ей было поручено воспитаніе Джьованны; благодаря ея вліянію, ея мужъ, бывшій рабъ изъ мавровъ[2]), и сыновья получили значительныя должности при дворѣ.

Мужа своего Джьованна не любила; это былъ добрый, тяжеловѣсный мадьяръ, падкій до кулинарныхъ удовольствій, тяготившійся ролью мужа не у дѣлъ; еще при жизни Роберта неаполитанскіе магнаты приняли присягу на вѣрность одной Джьованнѣ. Это положеніе его раздражало; съ помощью брата, Людовика Венгерскаго, онъ добился у папы Климента признанія и за нимъ королевскаго достоинства; это шло наперекоръ завѣщанію Роберта, да и Джьованна хотѣла царствовать одна; ея пренебрежительное отношеніе къ мужу сообщалось лицамъ, ее окружавшимъ, ему не отдавали должнаго почета, королева и ея дворяне позволяли себѣ издѣваться надъ нимъ: позовутъ его, бывало, будто по дѣлу, а потомъ и скажутъ, что не надо, и посмѣются. Это выводило его изъ себя, онъ разражался угрозами; отъ него ожидали въ будущемъ строгихъ мѣръ, и придворная знать не прочь была сбыть его съ рукъ. Между тѣмъ какъ Катерина de Courtenay мечтала о престолѣ для своего сына, другой дядя королевы, женатый на ея сестрѣ, Карлъ Дураццкій, разсчитывалъ на права своей жены. Знать интриговала, венгерская партія кичливо поднимала голову, при дворѣ безстыдно распоряжался монахъ Робертъ, мерзкое «треногое животное» Петрарки. Въ воздухѣ пахло грозой, интересы любви и политики вели къ одной цѣли: уже посланные съ папской буллой для короля Андрея пристали въ Гаэтѣ, когда въ ночь на 18 сентября

---

1) Сл. выше стр. 56.
2) Эѳіопъ у Боккаччьо, De Casibus.

1345 года, въ Аверзѣ, его вызвали подъ ложными предлогами изъ спальни жены, задушили въ сосѣдней комнатѣ, а тѣло выбросили въ садъ. Королева могла слышать шумъ борьбы, но не
372 вышла изъ своего покоя; заговорщики бѣжали, и только какая-то венгерка подняла крикъ [1]).

Насколько Джьованна виновна въ смерти своего мужа, попустила ли она ее или вызвала, это едва ли когда-либо разъяснится вполнѣ. Первое слѣдствіе произведено было подъ давленіемъ народа, взволнованнаго преступленіемъ, и по требованію папы, приславшаго инквизиторовъ съ тайнымъ наказомъ: если бы оказались виновными королева и принцы, не разглашать того, а ограничиться донесеніемъ папской куріи. Въ убійствѣ подозрѣвали принцевъ [2]); можетъ быть, еще въ 1347 году написана была баллата, оплакивавшая гибель юнаго короля: его кровь взываетъ къ мести, какъ кровь Авеля [3]). Казнены были второстепенныя лица, въ томъ числѣ Филиппа, но народное сознаніе обвиняло Джьованну; прорицанія какого-то мага, грозившія королевѣ карой неба, составлены, вѣроятно, уже по смерти королевы; разсказъ въ хроникѣ De Tummolillis [4]) также клонится къ ея обвиненію: будто бы веревка, на которой Андрея повѣсили на оконницѣ Аверзскаго замка, сплетена была съ вѣдома королевы одной изъ ея прислужницъ; король еще спросилъ ее, что это она дѣлаетъ, а она отвѣчала ему: Много есть бѣдъ, о которыхъ не знаютъ, а кто знаетъ, не говоритъ! Король разсмѣялся, не понявъ значенія словъ. — Всѣ эти подозрѣнія отложились въ современной народной легендѣ о Джьованнѣ: въ Неаполѣ ея имя привязалось къ палаццо донны Анны, къ замкамъ въ Кастель

---

1) Сл. Matteo Villani, l. I, c. 9; Boccaccio, De Cas , IX, 16; 2-я эклога Петрарки и комментаріи Бенвенуто изъ Имолы и Донато дельи Альбанцани. Сл. Hortis, Studi, стр. 10.

2) Nepotibus regis Roberti въ старой редакціи комментарія Pietro Alighieri къ Божественной Комедіи. Сл. Rocca, Di alcuni com. della Div. Comm., Firenze, 1891, стр. 403, прим. 1.

3) Medin, Ballata in morte di Andrea d'Ungheria, Propugnatore, N. S., I, II.

4) l. c.

Капуано и Ночерѣ; вездѣ она является съ типомъ Тамары, ненасытной въ своемъ сладострастьи, окруженной тайной; она привлекала въ свой дворецъ красивыхъ юношей и, насладившись,
отсылала, но всѣ они неизбѣжно проваливались въ западню и 373
погибали въ морѣ. Ты точно королева Джьованна, говорится до сихъ поръ о невоздержной въ своихъ вожделѣніяхъ женщинѣ [1]). Такъ сложилась легенда; Боккаччьо стоялъ при ея зарожденіи, и его первые отзывы о Джьованнѣ навѣяны голосомъ народа.

Года два спустя по смерти Андрея, Людовикъ Тарентскій женился на его вдовѣ; Аччьяйоли, очевидно дорожившій этимъ политическимъ бракомъ, принудилъ его къ тому почти насильно, не дожидаясь папскаго разрѣшенія: въ одинъ прекрасный день, онъ привелъ жениха къ покоямъ королевы и втолкнулъ его туда; такъ они стали мужемъ и женой [2]). Между тѣмъ въ королевствѣ царила анархія: сторонники Джьованны боролись съ сторонниками Карла Дураццкаго; явились и другія партіи. Этимъ объясняется невѣроятный успѣхъ венгерскаго короля Людовика, явившагося отмстить за смерть брата: 3 ноября 1347 года онъ выступилъ изъ Пешта и 24 января 1348 года совершилъ торжественный въѣздъ въ Неаполь. Карлъ Дураццкій былъ казненъ, нѣкоторые анжуйскіе принцы и малолѣтній сынъ Джьованны, родившійся по смерти отца, были отосланы въ Венгрію; Джьованна и ея мужъ успѣли бѣжать незадолго передъ тѣмъ: послѣдній—въ Тоскану вмѣстѣ съ Аччьяйоли, первая—въ Провансъ. Моровая язва 1348 года побудила венгерскаго короля уже въ маѣ удалиться изъ Неаполя, куда Джьованна съ мужемъ вернулись въ августѣ

---

1) Сл. Gaetano Amalfi, La Regina Giovanna nella tradizione, Giambattista Basile, VII, № 11. Въ иномъ, благопріятномъ освѣщеніи является Джьованна въ легендахъ Прованса: крестьяне долго не вѣрили тамъ, что она умерла, и не хотѣли признавать ея наслѣдника. «En 1820 on voyait à la pointe d'un clocher de Sisteron un étincellement de feux: c'était un bloc cristal de roche. Le peuple l'appelait le diamant de la reine Jeanne. Les paysans pour signifier que quelq'un a de l'argent disent: Il sait où Jeanne dort. Et en parlant d'un beau diseur: Il parle comme la belle Jeanne». Jules Lemaître, въ Journ. des Débats 1890, 11 Авг., прив. въ Archivio per lo studio d. trad. popolari, v. X, стр. 275.

2) 20 августа 1347 года.

того же года: продажа Авиньона папамъ доставила ей средства
374 для дальнѣйшей борьбы, обновившейся съ воз|вращеніемъ венгерскаго короля въ 1350 году; ея бракъ признанъ былъ законнымъ, назначенные папой кардиналы, по новомъ разслѣдованіи дѣла, нашли ее невинной въ убійствѣ мужа. Въ январѣ 1352 года Людовикъ Венгерскій согласился на миръ, тѣмъ болѣе, что и сынъ Андрея, изъ-за правъ котораго предпринятъ былъ походъ, скончался въ 1348 году. 28 мая 1352 года Джьованна съ мужемъ были вѣнчаны на царство; въ ожиданіи именно этого событія и написано было [1]) увѣщательное посланіе Петрарки, гдѣ Аччьяйоли преподавались совѣты, какъ сдѣлать изъ его воспитанника достойнаго правителя [2]).

Ни для кого не было тайной, что и вѣнчаніе Людовика было дѣломъ великаго сенешаля: ни королева, жившая не въ ладахъ съ своимъ мужемъ, ни анжуйская знать не желала того, говоритъ Барбато въ своемъ комментаріи къ посланію Петрарки, живо характеризуя Людовика: ни въ первое, ни во второе вторженіе венгровъ, ни во все время между тѣмъ и другимъ, онъ не обнаружилъ ни храбрости, ни доблести; его защитой было отчаяніе и упадокъ духа; титулъ славнѣйшаго, который даетъ ему Петрарка, Барбато равнодушно-наивно понимаетъ, какъ метонимію, относя его не къ королю, а къ королевству. Понятно, почему онъ желалъ, чтобъ его комментарій попалъ лишь въ извѣстныя руки [3]). Тайное мнѣніе Петрарки сводилось, быть можетъ, къ подобной же оцѣнкѣ нравственной личности Людовика; иначе онъ не подчеркнулъ бы особо — идею воспитанія; когда Людовикъ умеръ, Петрарка писалъ Аччьяйоли: тебѣ удалось облегчить ему путь къ престолу, а не украсить его духъ царственными добродѣтелями; напрасно мы оба трудились для этой цѣли, я — перомъ, ты — словомъ [4]).

---

1) 20 февраля 1352 года.
2) Fam., XII, 3. Сл. выше стр. 104.
3) Сл. выше стр. 104—5.
4) Fam., XXII, 18.

За всѣми этими событіями Петрарка[1]) и Боккаччьо слѣдили |
съ живѣйшимъ интересомъ, послѣдній—съ колебаніями симпатій, 375
невольно поднимающими вопросъ о вмѣняемости. Прежде всего— гдѣ былъ онъ въ пору трагедіи въ Аверзѣ? Разсказывая [2]) о казни Филиппы Катанской, онъ говоритъ, какими нежданными путями она и мужъ прошли въ люди: это я слышалъ отъ стариковъ, а вотъ это я самъ *чуть* не видѣлъ [3]), — и онъ продолжаетъ сообщать объ ихъ дальнѣйшемъ возвышеніи, а затѣмъ уже о казни Филиппы въ 1346 году. Принадлежитъ ли это событіе къ числу тѣхъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, остается неяснымъ. Изъ одного письма къ нему Петрарки [4]) видно, что въ 1346 году онъ жилъ въ Равеннѣ, при дворѣ Остаджіо да Полента, одного изъ культурныхъ итальянскихъ тирановъ XIV-го вѣка; по его просьбѣ онъ перевелъ на итальянскій языкъ четвертую декаду Тита Ливія [5]); въ Равеннѣ, какъ оказывается, у него были родственники [6]), и жили старые пріятели и поклонники Данте въ его изгнаніи, Пьеро Джьярдино, Дино Перини, Менгино Меццани, сообщавшіе ему свѣдѣнія о великомъ поэтѣ; не даромъ въ письмѣ отъ 1365 года Петрарка, обращаясь къ Боккаччьо, говоритъ: «твои равенцы» [7]).

Остаджіо умеръ 14 ноября 1346 года; вѣроятно, въ томъ же или въ 1347 году [8]) Боккаччьо переѣхалъ въ Форлѝ къ Франческо дельи Орделаффи, другому такому же тирану, любителю охоты и поэзіи, «дружественному хозяину піэридъ», поклоннику Петрарки; его секретаремъ былъ Чекко деи Росси да Милето, недурной поэтъ, переписывавшійся съ Петраркой и Бок-

---

1) Fam., V, 3; VI, 5; VII, 1; Sen., X, 2; сл. Ecloga II.

2) De Casibus, l. IX, c. 25—6.

3) Sed quae *fere* viderim ipse, jam venient.

4) Fam., XXIII, 19.

5) Hortis, Studi, стр. 7—8, прим. 4, и 307 слѣд.; его же Cenni di G. Boccaccio intorno a Tito Livio, Trieste, 1877, стр. 24.

6) Ricci, L'ultimo rifugio di Dante Alighieri, Milano, 1891, стр. 212—213 *(Б. въ Равеннѣ въ 1346 г.).

7) Sen., V, 1.

8) *Cochin, Boccaccio, 68, прим. 1: въ Форлѝ, вѣроятно, въ 1348 г.

каччьо[1]), Ланчилотто Ангвиссола и Антоніо изъ Феррары[2]); въ
376 стихотворномъ | посланіи пасторальнаго стиля Боккаччьо побуждалъ его къ пѣснямъ: Пока волею судебъ Италія терзаема войною, поищемъ же утѣшенія въ поэзіи; начни-ка ты, мой Мерисъ (Чекко), я отзовусь: камены вѣдь любятъ взаимность[3]); будемъ пѣть о любви, о моей Галатеѣ, которая даритъ меня вздохами, не погашая любви[4]), а Мопсу (Петраркѣ) предоставимъ подвиги боговъ и героевъ. — Мерисъ отвѣчаетъ своему Меналку (Боккаччьо): поэзія теперь не къ лицу, поля выжжены, міръ объятъ пожаромъ; станемъ ли пѣть, намъ не будутъ внимать, и стихи наши разнесетъ вѣтеръ.

Гдѣ былъ въ то время Чекко, изъ его отвѣтнаго посланія не видно; если ты желаешь отвѣтить мнѣ, пишетъ ему Боккаччьо, то знай, что я пребываю подъ сѣнью, уготованною мнѣ Фавномъ[5]). Такъ называетъ Боккаччьо Франческо дельи Орделаффи въ эклогѣ, съ содержаніемъ которой мы познакомимся далѣе.

Боккаччьо находился въ Форлѝ, когда Людовикъ Венгерскій прибылъ туда на пути въ Неаполь; 16 декабря 1347 года онъ вышелъ изъ Форлѝ, Орделаффи долженъ былъ послѣдовать за нимъ съ вспомогательнымъ войскомъ, при немъ и Боккаччьо. Мы узнаемъ это изъ письма Боккаччьо къ грамматику Заноби да Страда изъ Флоренціи, письма, относящагося, вѣроятно, къ началу 1348 года, ибо въ февралѣ Орделаффи былъ уже въ Апуліи[6]). — Письмо начинается риторическимъ прославленіемъ дружбы, съ цитатами изъ древности; Заноби что-то сдѣлалъ для Боккаччьо, не щадя усилій: о томъ сказывалъ посланецъ Заноби, говорятъ его письма и результаты хлопотъ, и Боккаччьо

---

1) Сонетъ № XCIX.

2) Zenone da Pistoia, ed. Zambrini, Bologna, Romagnoli, 1874, стр. XXI, прим.; сл. Giorn. Stor. della lett. ital., fasc. 58—59, стр. 178—181.

3) Amant alterna Camenae = Virg. Ecl. III, 59.

4) Fiammetta? сл. выше стр. 122 и Virg., l. c., 65—6: Malo me Galatea petit, lasciva puella, — Et fugit ad salices et se cupit ante videri.

5) Hortis, Studi, стр. 351—3.

6) Corazzini, 447—9.

эмфатически подчеркиваетъ, что съ Заноби его связываетъ не только единство родины, но и дружба; лишь за это одно онъ и благодаритъ свою Фортуну, не благодаритъ Заноби, потому что другъ — второй я, а себя не благодарятъ. — Далѣе идутъ лите|-
ратурныя дѣла: переписчику Діонисія (вѣроятно Ареопагита?), 377
кажется, заплачено, или бо̀льшею частью, пишетъ Боккаччьо; такъ сообщилъ мнѣ нашъ Анджело; остальное будетъ додано; книгу передайте Анджело, который въ свое время перешлетъ ее мнѣ. — Боккаччьо восторженно благодаритъ за доставленіе ему той рѣчи Заноби, которую мы характеризовали въ другомъ мѣстѣ [1]): онъ не только читалъ ее и перечитывалъ, но и списалъ для себя, а оригиналъ обѣщаетъ доставить съ вѣрнымъ человѣкомъ. Баррона я еще не получалъ, получилъ бы вскорѣ, если бы не предстояло отправиться къ королю Венгріи въ крайніе предѣлы Абруццъ и Кампаніи; мой славный господинъ и дружественный хозяинъ піэридъ (Орделаффи) снаряжается туда же, чтобы поддержать праведно поднятое оружіе [2]), и я поѣду съ нимъ, по его приказанію, не какъ воинъ, а, такъ сказать, въ качествѣ судьи того, что имѣетъ произойти; съ помощью Божіей мы вскорѣ вернемся съ побѣдой. — А что ты пишешь о дружбѣ ко мнѣ мессера Коппо, моего доблестнаго отца, для меня не новость; но чѣмъ воздамъ я ему? Ничего моя судьба-мачеха не оставила мнѣ, кромѣ меня самого; я весь принадлежу ему. — Письмо кончается извиненіемъ, если оно отвлекло Заноби отъ его «геликонскихъ размышленій», и просьбой доставить все то, что произвела муза Заноби съ тѣхъ поръ, какъ Боккаччьо выѣхалъ изъ Флоренціи.

Посланіе поражаетъ обычной у Боккаччьо риторичностью, не дѣланною, притворно скрывающею другія отношенія, а откровенно-наивною: въ 1348 году онъ могъ находиться въ дѣйствительно хорошихъ отношеніяхъ съ Заноби, но примѣры античной

---

1) Сл. выше стр. 43.

2) Ut sua imitetur arma justissima.

дружбы и идеализація поэтическаго акта заставили его, всегда сенситивнаго, поднять тонъ, и Заноби является у него чѣмъ-то необыкновеннымъ; тѣмъ рѣзче было паденіе съ пьедестала, когда пріятель не отвѣтилъ ожиданіямъ. Другихъ своихъ флорентинскихъ друзей, Анджело (можетъ быть, Торини?) и Коппо ди Бор-
378 гезе | Доменики, Боккаччьо поминаетъ и въ другомъ письмѣ къ Заноби отъ 1353 года, и позже не разъ; къ Коппо, блюстителю старыхъ нравовъ, онъ питаетъ особое уваженіе и не знаетъ, чѣмъ ему воздать за его дружбу: вѣдь у него ничего нѣтъ, кромѣ самого себя; онъ обиженъ судьбой, — а мы знаемъ, что онъ живетъ въ довольствѣ, otia, уготованномъ ему Орделаффи, и забываетъ итальянскія смуты — въ пѣсняхъ о любви. Это приготовляетъ насъ къ оцѣнкѣ подобныхъ же сѣтованій Боккаччьо на Фортуну и бѣдность; въ нихъ много нервнаго шаржа.

Что особенно интересно для насъ — это отношеніе къ неаполитанскимъ событіямъ, проглядывающее въ письмѣ. Оружіе, поднятое венгерскимъ королемъ, «праведное»; Боккаччьо готовъ послѣдовать за Орделаффи и ожидаетъ побѣды; въ канцонѣ [1]), написанной вскорѣ послѣ убійства Андрея, говорится о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ любовью: изъ-за нея Медея покинула отца, задушенъ былъ, можно сказать вчера, юноша Андрей.

Третья эклога (Faunus), написанная, быть можетъ, въ Форли [2]), когда Людовикъ Венгерскій уже шелъ на Неаполь, примыкаетъ по содержанію къ разобранной выше поэтической бесѣдѣ Чекко и Боккаччьо, поясняя ее. Самъ Боккаччьо раскрылъ въ ней одно лишь имя: Faunus — это Франческо Орделаффи, объявить другія было неудобно [3]). Thestylis находится въ какихъ-то близкихъ отношеніяхъ къ Франческо: мать его, либо

---

1) № 1.

2) *Hauvette, Sulla cronologia d. egloghe latine del Boccaccio, Giorn. stor. d. letter. ital., 82—3, стр. 156—7, относитъ ея первый, изданный имъ набросокъ къ послѣднимъ недѣлямъ 1347 года; ея позднѣйшая, формально болѣе совершенная переработка отражаетъ вліяніе Петрарковой Буколики.

3) Minime videretur opportunum.

просто аллегорія Форли[1])? Памфило — житель Форли[2]), Палемонъ — Боккаччьо, Мерисъ — Чекко.

Что за крики оглашаютъ лѣсъ? спрашиваетъ Палемонъ. Время было прелестное, пастухи предавались сну или играмъ, пока ихъ козы покоились подъ тѣнью высокихъ дубовъ, я же плелъ вѣнокъ изъ аканѳа, приберегая его до той поры, когда моя свирѣль споетъ нѣчто достойное вѣнчаннаго Мопса (Петрарки), |
какъ раздались отчаянные крики Тестилисъ: Что за безуміе овла- 379
дѣло тобою, о Фавнъ, что ты охотишься въ горахъ за медвѣдями? У тебя нѣтъ заботы ни о себѣ, ни о твоемъ маломъ стадѣ, ни о матери. Развѣ не знаешь ты, что ихъ окружаетъ злоба волковъ-Аллоброговъ? Я женщина, у меня псовъ (molossis) немного, и мнѣ не отбиться отъ опасностей. — Фавнъ вѣчно ихъ ищетъ, замѣчаетъ Памфило, а Мерисъ говоритъ: Будто тебѣ неизвѣстны частыя ссоры Фавна и Тестилисъ? Отъ ихъ криковъ обездолѣлъ лѣсъ, облетѣла листва, а ты еще спрашиваешь: поетъ ли Филомела, пасется ли мирно козелъ! — Палемонъ проситъ Мериса подсѣсть къ нимъ, они будутъ пѣть втроемъ. — Мнѣ пѣть въ этихъ лѣсахъ! Да вѣдь они стали, къ нашему позору, жилищемъ цикадъ, коршуновъ и вороновъ. — Такъ будемъ пѣть для себя, для Мопса, говоритъ Палемонъ, и Мерисъ соглашается: музы ему выше всего. Онъ поетъ о благословенномъ царствованіи Аргуса (король Робертъ) въ авзонійскихъ поляхъ; все было тамъ полно довольства и веселья, пока онъ былъ въ живыхъ, все опечалилось послѣ его смерти, и юный Алексисъ (Андрей), которому онъ поручилъ свои лѣса и стада, недостаточно осторожный[3]), палъ жертвой беременной волчицы[4]). Такъ говорятъ, говорятъ также, что въ тѣхъ лѣсахъ водятся львы и дикіе звѣри, причинившіе смерть суровому[5]) Адонису. И вотъ отъ утеса[6]) у Истра

1) Какъ, быть можетъ, и во 2-й эклогѣ.

2) Сл. Pamphile, tu *patrio* recubans hic lentus in antro

3) Cautus modicum.

4) Gravidam.... lupam.

5) Severus.

6) De rupe cava.

услышалъ о томъ братъ Алексиса, Титиръ (Людовикъ Венгерскій) и, собравъ безчисленные сонмы пастуховъ и псовъ, отправился, чтобы словить и волчицу и львовъ [1]) и наказать по заслугамъ [2]). Ты развѣ не помнишь, какъ онъ проходилъ здѣсь, по этимъ лѣсамъ, полный ярости? Многіе изъ нашихъ слѣдуютъ за нимъ, между ними и Фавнъ; о немъ-то печалится, его-то напрасно |
380 зоветъ Тестилисъ. — Пойду и я, говоритъ Палемонъ и проситъ Памфило поберечь его стадо.

Смыслъ эклоги ясенъ, равно какъ и точка зрѣнія Боккаччьо на неаполитанскія событія. *Говорятъ*, Андрей погибъ происками Джьованны, тогда дѣйствительно беременной [3]) сыномъ; львы — анжуйскіе принцы, можетъ быть, Аччьяйоли, въ гербѣ котораго былъ левъ: онъ могъ быть заинтересованъ въ судьбѣ своего воспитанника, Людовика Тарентскаго, связь котораго съ Джьованной была извѣстна; второй мужъ его сестры, Андреины, которой Боккаччьо посвятилъ свою книгу о знаменитыхъ женщинахъ, былъ въ числѣ убійцъ короля. Оружіе Людовика Венгерскаго — праведное, Боккаччьо-Палемонъ намѣренъ отправиться къ нему вмѣстѣ съ Орделаффи.

Послѣдовалъ ли онъ за нимъ въ Неаполь — мы не знаемъ; судя по письму къ Заноби, онъ могъ быть тамъ весною 1348 года и видѣть ужасы чумы, побудившей Людовика Венгерскаго выступить изъ Неаполя въ маѣ того же года; чумы во Флоренціи Боккаччьо не видѣлъ [4]). Есть одно его письмо изъ Неаполя, которое относятъ къ 1349 году; собственно два письма къ юному Франческо di messer Alessandro dei Bardi [5]), флорентинскому купцу въ Гаэтѣ: одно—итальянское, въ обычномъ періодическомъ стилѣ Боккаччьо, съ цитатами изъ древности, на тему, что всякому дѣловому, занятому человѣку необходимо развлеченіе; въ

---

1) Flavosque leones.

2) Ut poenas tribuat meritis.

3) Gravida lupa.

4) Сл. Com. sopra la Comm., II, стр. 19.

5) Въ одной рукописи — Giovanni. Сл. Hortis, Studi, стр. 311, прим. 1.

изданіи Дони (Prose) оно помѣчено 15 мая 1349 года; въ руко-
писяхъ никакой отмѣтки нѣтъ; другое—на неаполитанскомъ діа-
лектѣ, назначенное развеселить молодого деи Барди крупною
солью неаполитанскаго фарса[1]). «Итакъ, извѣщаю тебя, дорогой
братецъ, что въ первый день декабря мѣсяца Макинта родила
хорошенькаго мальчика, да сохранитъ его Господь! Бабка и кумъ
говорятъ, что онъ весь въ отца. Далъ бы Богъ такого же сынка |
нашей королевѣ!». Въ этомъ стилѣ продолжается далѣе: Макинта, 381
только-что родившая, съѣдаетъ цѣлаго поросенка, и хоть бы ку-
сочекъ намъ дала, да поразитъ ее паршъ! Описываются въ ко-
мическомъ видѣ крестины мальчика, котораго назвали по имени
святого Антонія, покровителя свиней; имена присутствующихъ
народныя — изъ лучшихъ домовъ Неаполя. Живетъ здѣсь, какъ
тебѣ извѣстно, продолжаетъ авторъ письма, аббатъ Янетто Бок-
каччьо, и днемъ и ночью то и дѣлаетъ, что пишетъ; толковалъ я
ему о томъ много разъ, чуть не поругался, а онъ смѣется, гово-
ритъ: Убирайся, пошелъ играть со школьниками, а я это дѣлаю,
потому что хочу научиться. Судья Баррили увѣряетъ меня, что у
него знаній больше, чѣмъ у дьявола или у соррентинскаго мага
Скаччьянесполе. Не знаю, откуда онъ это знаетъ, но клянусь Ма-
донной Пьедигротты, мнѣ жаль его. Меня спросятъ: Тебѣ-то что
за дѣло? Скажу тебѣ, я люблю его, какъ отца, и не желалъ бы,
чтобы вышло что-либо непріятное ему да и мнѣ. Напиши-ка ты
ему о томъ. — Письмо подписано: въ день св. Аньелло[2]) твой
Jannetto di Parisse dalla Ruoccia; это былъ единственный случай,
что Боккаччьо назвалъ себя, въ шуточномъ письмѣ, родомъ изъ
Парижа, намекая на свое происхожденіе. Содержаніе письма
чисто личное, кружковое: аббатъ Боккаччьо, судья Баррили, мо-
лодой Барди, изъ торговаго дома, въ которомъ когда-то служилъ
Боккаччьо, — всѣ они могли интересоваться Макинтой. Историче-
скихъ указаній никакихъ, кромѣ желанія, чтобы *наша* королева

1) Corazzini, стр. 21—4.
2) Св. Антонія.

обзавелась сыномъ. Наша королева—то-есть Джьованна? Именно въ 1348 году опа съ мужемъ вернулась въ Неаполь, чтобы продолжать борьбу съ венгерской партіей, а между тѣмъ въ письмѣ нѣтъ никакихъ намековъ на эту борьбу, въ которой Боккаччьо только-что подалъ голосъ за другую сторону. Къ этому присоединяются и иныя затрудненія: итальянское письмо, тѣсно связанное съ неаполитанскимъ, помѣчено 15 мая, тогда какъ второе писано въ день св. Антонія, т. е. 15 декабря, на что указываетъ и свѣ-
382 дѣніе, что Макинта родила 1 числа того же мѣсяца. Придется оба письма отнести къ 15 декабря, но это не рѣшаетъ дѣла. Желаніе чтобы у королевы явилось потомство, можетъ относиться ко времени до смерти Андрея, къ началу 1345 года или ранѣе, до трагедіи въ Аверзѣ, когда Джьованна осталась беременной на четвертомъ мѣсяцѣ, либо ко времени не только ея брака съ Людовикомъ Тарентскимъ, но и ея признанія королевой. Самый стиль письма, потѣшный и безпечный, говоритъ скорѣе за первое; въ такомъ случаѣ Боккаччьо могъ въ самомъ дѣлѣ сказать о себѣ, что *чуть* не видѣлъ казни Филиппы Катанской, и уѣхать въ Равенну подъ впечатлѣніемъ первыхъ слуховъ о виновности королевы, которые раздѣлялъ и Петрарка и комментаторы его эклогъ.

Въ іюлѣ 1348 года отецъ Боккаччьо написалъ свою духовную; вскорѣ послѣ того онъ, вѣроятно, и умеръ, потому что въ одномъ актѣ отъ 26 января 1350 года нашъ Боккаччьо является въ качествѣ опекуна своего своднаго брата Якова (отъ второй жены отца) [1]). Повидимому, этотъ братъ не игралъ въ жизни поэта особой роли, и духовной близости у нихъ не было. Когда въ 1361 году Боккаччьо думалъ совсѣмъ перебраться въ Неаполь, онъ взялъ съ собою и брата; но года два спустя онъ же писалъ Пино деи Росси, что блаженствуетъ въ уединеніи Чертальдо — независимо отъ того, есть ли у него братъ, по милости Божіей,

---

1) Manni, Istoria del Decamerone, Firenze, 1742, parte I, 21.

или нѣтъ[1]). — Боккаччьо вступилъ въ часть отцовскаго наслѣдства[2]); онъ былъ теперь самостоятеленъ, но не обезпеченъ; ему недоставало otium Петрарки и приходилось самому списывать себѣ библіотеку. Въ его жалобахъ на бѣдность много риторичнаго, преувеличеннаго воображеніемъ, но воображеніемъ человѣка, мечтавшаго жить исключительно для поэзіи, для самоусо-
вершенствованія. Его мечты, повидимому, устремлены на | Неа- 383
поль; судя по одному документу 1351 года, который мы приведемъ далѣе, онъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Аччьяйоли. Куда же дѣлись нареканія III-й эклоги и ея иносказательные «львы», если они дѣйствительно имѣютъ въ виду великаго сенешаля? — Дѣло въ томъ, что отношенія Боккаччьо къ неаполитанскимъ событіямъ измѣнились, и IV-я, V-я и VI-я эклоги стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ III-й. Онъ самъ объяснилъ содержаніе первыхъ въ письмѣ къ монаху Мартину изъ Синьи.

Четвертая эклога (Dorus) описываетъ бѣгство Людовика Тарентскаго — Dorus (будто бы отъ греческаго слова doris означающаго горесть)[3]) и Аччьяйоли, его преданнѣйшаго друга, почему онъ и названъ Pithyas[4]). Мы уже знаемъ, что въ январѣ 1348 года, до прихода венгерскаго короля, они удалились въ Тоскану; здѣсь Вольтерра дала имъ убѣжище, но флорентійцы не пустили ихъ въ свои стѣны, и пока Людовикъ проживалъ въ Val di Peso на виллѣ Аччьяйоли, приставили къ нему досмотрщиковъ. На этихъ данныхъ построена эклога: Монтанъ[5]) спрашиваетъ Дора, почему онъ такъ тревожно блуждаетъ, не зная отдыха. — Не мѣшай мнѣ бѣжать, отвѣчаетъ тотъ, я всего страшусь[6]). — Когда Монтанъ предлагаетъ ему вступить подъ его

1) Corazzini, l. c., стр. 96—7.

2) Crescini, Contributo, стр. 257—8.

3) Сл. ту же этомологію въ Gen. Deor., IV 45, VII, 8, и выше стр. 26.

4) A nomine Pithyae amici Damonis.

5) Какой-нибудь житель Вольтерры.

6) Припомнимъ трусливаго, отчаявшагося Людовика въ характеристикѣ Барбато, выше стр. 376.

кровъ, онъ говоритъ, что ничего не желаетъ, кромѣ вѣрнаго убѣжища, и, ободренный Питіей-Аччьяйоли, принимаетъ гостепріимство. Завязывается разговоръ: Доръ плачется, полонъ страховъ; я надѣялся успокоиться тамъ, гдѣ тихій Арно течетъ у Флоренціи, говоритъ онъ пріятелю: часто слыхалъ я отъ тебя, пока Фортуна мнѣ еще улыбалась, о древней вѣрности флорентійцевъ. Питія разубѣждаетъ его, и Доръ принимается разсказывать о своихъ бѣдствіяхъ, начиная со смерти Аргуса (Роберта): мало пролили надъ нимъ слезъ, но вѣрно сказали тогда вѣщатели: тѣ
384 слезы выпа|дутъ на долю бѣдному Алексису (Андрею), онъ палъ жертвой смерти, ибо былъ слишкомъ суровъ къ своей паствѣ и неуживчивъ въ лѣсахъ [1]). Стараніями Питіи я сочетался съ красавицей Ликорисъ (Джьованной), вмѣстѣ съ внуками [2]) Аргуса правилъ его стадами [3]), но пока насъ, юношей, терзала Эриннія, явился съ береговъ Истра Полифемъ (Людовикъ Венгерскій), рожденный отъ нашей крови, но вскормленный, полагаю, звѣринымъ молокомъ; движимый праведнымъ гнѣвомъ [4]), онъ, точно горный потокъ, все разрушалъ на пути. Недовольный наказаніемъ виновныхъ, онъ обагрилъ звѣзды кровью невиннаго Пафа (Карлъ Дураццкій), обременилъ узами дѣтей прелестныхъ нимфъ [5]), все предалъ варварскому опустошенію.—Доръ кончаетъ разсказомъ о своемъ бѣгствѣ съ Питіей, единственнымъ другомъ, не оставившимъ его въ его горѣ.—Его много впереди, говоритъ Монтанъ, ложная надежда часто будетъ соблазнять тебя, но ты все побѣдишь выдержкой.

Настроеніе этой эклоги не оставляетъ никакихъ сомнѣній: гнѣвъ венгерскаго короля попрежнему «праведный», и также оплакивается участь бѣднаго Андрея, но онъ палъ жертвою своей суровости, о виновности «красавицы Ликорисъ» ни слова,

---

1) Gregibus nimium durus, silvisque molestus.

2) Nepotes.

3) Septas.

4) Justa rabie succensus et ira.

5) Королевскихъ дѣтей, отправленныхъ въ плѣнъ въ Венгрію.

Аччьяйоли — образецъ друга; если на кого падаетъ нареканіе, то на венгерскаго короля, увлеченнаго праведнымъ гнѣвомъ къ казни невинныхъ.

Пятая эклога[1]) досказываетъ предыдущую, обѣ по настроенію и восторженнымъ похваламъ Роберту напоминаютъ вторую эклогу Петрарки (Argus). Бесѣдуютъ Калліопъ и Памфило[2]): первый описываетъ старыя блаженныя времена Неаполя, когда правилъ Титиръ (Робертъ), въ пѣсняхъ изрекая лѣсамъ спасительные законы; | все разрушилъ Полифемъ (Людовикъ Венгер- 385
скій), пастухи покинули лѣса, Альцестъ и Ликорисъ (Людовикъ Тарентскій и Джьованна) бѣжали[3]). Почему же не попытался ты утѣшить несчастныхъ ласковыми рѣчами? спрашиваетъ Памфило. — Я боялся, какъ бы не настигъ меня свирѣпый Полифемъ, потому и поспѣшилъ въ твои поляны.

Въ шестой эклогѣ Аминта спрашиваетъ Мелибея, почему онъ такъ грустенъ; тотъ указываетъ на плачевное состояніе страны, когда-то счастливой подъ скипетромъ Аргуса (Роберта); что сталось съ Алцестомъ? — Не плачь, отвѣчаетъ, ликуя, Аминта: свирѣпый Полифемъ удалился, къ намъ вернулся Альцестъ (Людовикъ Тарентскій). — Мелибей сначала не вѣритъ, но потомъ приходитъ въ восторгъ: Принесемъ жертвы, станемъ водить хороводы вокругъ храмовъ, станемъ пѣть взапуски; лучше насъ никто не поетъ на сицилійскихъ поляхъ, развѣ Іола (Петрарка), тотъ выше всѣхъ, какъ кипарисъ выше кустарника. — Начинай же ты первый, говоритъ Аминта, ты сильнѣе меня въ пѣсняхъ[4]), начни съ похвалы Филлидѣ, или лучше Альцесту; нѣтъ болѣе достойнаго его; или же воспой подвиги Питіи (Аччьяйоли), онъ по праву заслужилъ пѣснопѣнія Стильбона. — Филлида пусть забавляется на лугу, отвѣчаетъ Мелибей, а Питія повременитъ: если ты вѣришь предзнаменованіямъ, ему предстоитъ великое буду-

1) Silva cadens.

2) Что означаетъ по-гречески: totus Amor.

3) Turpique fuga nemus omne relictum est.

4) Carmine maior.

щее; станемъ пѣть объ Альцестѣ.—Начинаетъ Мелибей, продолжаетъ Аминта: вернулся къ намъ Альцестъ, вернулся, онъ водворилъ изгнанную Астрею, предоставилъ музамъ должныя почести, будетъ свѣточемъ, украшеніемъ лѣсовъ, пастырей, дѣвушекъ, и по смерти не узритъ порога Дита, а станетъ новымъ дельфійцемъ среди небожителей. Тосканецъ Азила извлечетъ звуки изъ тростника, Дамонъ и Питія станутъ подпѣвать; будущія поколѣнія едва повѣрятъ его славѣ, но его подвиги будутъ начертаны на корѣ деревьевъ. Вернулся къ намъ Альцестъ, вернулся! |

386 Не всѣ аллюзіи этой эклоги понятны; кто такая Филлида? Можетъ быть, типическое лицо, вообще, красавица? Пусть Филлида забавляется на лугу, т. е. Мелибей не хочетъ пѣть о любви. Тосканецъ Азила непонятенъ; если въ XIII-й эклогѣ Азила означаетъ отца Боккаччьо, то здѣсь, быть можетъ, подъ этимъ именемъ скрылся самъ поэтъ; не онъ ли воспоетъ хвалы Альцесту? Furibundus Asylas IV-й эклоги стоитъ совсѣмъ особо: это кто-либо изъ неаполитанскихъ магнатовъ. Несомнѣнно, что Питія — Аччьяйоли, Альцестъ — Людовикъ Тарентскій: на немъ сосредоточены вычурныя похвалы, отъ него ожидаютъ покровительства музамъ; одно его имя и истолковалъ Боккаччьо въ письмѣ къ Мартину изъ Синьи: alce значитъ virtus, aestus — fervor, оттуда Альцестъ, ибо «подъ конецъ своей жизни» Людовикъ «воспріялъ нравы благого, доблестнаго короля».

Къ какому времени относится этотъ панегирикъ Людовику? Венгерскій король — Полифемъ — удалился изъ Неаполя 24 мая 1348 года; 31 августа снова вступили на итальянскій берегъ Джьованна и Людовикъ Тарентскій — Альцестъ. Ихъ торжественная встрѣча, описанная Виллани[1]), напоминаетъ ликованія Аминты и Мелибея. Но до водворенія Астреи было еще далеко: въ 1350 году снова явился Полифемъ, и борьба продолжалась до 1352 года. Если бы подъ Стильбономъ можно было разумѣть Заноби да Страда, пристроившагося къ Аччьяйоли въ маѣ 1352 года,—на

---

1) Matteo Villani, l. I, c. XX.

что нѣтъ данныхъ, то время написанія VI-й эклоги было бы опредѣлено. Объясненіе Боккаччьо, что въ послѣдніе годы жизни Людовикъ († 1362) сталъ проявлять качества хорошаго правителя, принадлежитъ, очевидно, позднѣйшему времени и не доказательно для хронологіи самой эклоги. Замѣчательно въ ней отсутствіе упоминанія Джьованны, восхваленіе отдано Людовику, затѣмъ, косвенно, Аччьяйоли, проведшему его на престолъ. Можетъ быть, Боккаччьо въ самомъ дѣлѣ возлагалъ надежды на короля; мы увидимъ далѣе, что какъ-разъ въ 1352 году онъ раз|-
считывалъ устроиться въ Неаполѣ при помощи Аччьяйоли; VI-я 387
эклога какъ бы приготовляетъ къ этому, выражаетъ надежды, но она же поднимаетъ вопросъ о нравственномъ характерѣ Боккаччьо. Какъ помирить его третью эклогу съ четвертой, пятой и шестой? Если онъ стоялъ за дѣло венгерскаго короля, какъ правое, его панегирикъ анжуйцамъ былъ бы внушенъ расчетомъ и лестью, одѣтой въ цвѣты риторики. Риторику я не исключаю: разгромъ королевства, романтическое бѣгство и торжественное водвореніе Астреи — все это являлось благодарной поэтической темой, какъ и картины довольства и счастья въ старыя времена Роберта. А Боккаччьо любилъ Неаполь, привязался къ анжуйской династіи; первыя слухи объ убійствѣ Андрея освѣтили для него односторонне и трагично положеніе дѣла, — и онъ увлекся образомъ чреватой волчицы и освободительнымъ подвигомъ венгерскаго короля. Но его походъ повелъ къ разгрому и неурядицамъ, вопросъ о виновности Джьованны оказался темнымъ, невыясненнымъ, ходили подозрѣнія, но явилось и торжественное оправданіе [1]); Барбато толкуетъ именно въ этомъ смыслѣ «упрямую ложь и лживое упрямство» въ посланіи Петрарки, имѣя въ виду обвиненіе, взведенное на Джьованну, но разбитое молотомъ истины. Такимъ путемъ и Боккаччьо могъ незамѣтно перейти къ другой оцѣнкѣ событій и прежнимъ анжуйскимъ симпатіямъ. Онъ могъ впослѣд-

1) Сл. папскую буллу 1351 г. и Matteo Villani, II, 24.

ствіи, и рѣзко, разойтись съ Аччьяйоли, въ заключительной главѣ De Casibus говоритъ о Людовикѣ, какъ о ненавистномъ всѣмъ своимъ приближеннымъ, но его позднѣйшія сужденія о Джьованнѣ отличаются большею мягкостью и переходятъ въ похвалу. Въ книгѣ о Роковой участи великихъ мужей онъ говоритъ объ ея отношеніяхъ къ Филиппѣ Катанской и ея семьѣ, которую она возымѣла не по заслугамъ, удаляя всѣхъ другихъ изъ своего совѣта. Пустили даже слухъ о связи королевы съ сыномъ Филиппы, Робертомъ, прибавляетъ онъ, замѣчая, что всѣмъ этимъ подозрѣніямъ не слѣдуетъ давать вѣры: извѣстно, какая молва идетъ даже о честнѣй|-
388 шихъ женщинахъ, если онѣ хотя немного общаются съ мужчинами; о виновности Джьованны въ убійствѣ мужа нѣтъ болѣе рѣчи: говорится о распряхъ, которыя успѣли посѣять между супругами еще при жизни Роберта, когда присяга принесена была на одно лишь имя Джьованны; Людовикъ Венгерскій, недовольный унизительнымъ положеніемъ, какое создали брату его жена и ея сообщники, добивался у папы его вѣнчанія; уже дѣло было рѣшено, и посланные пристали къ Гаэтѣ, когда составился заговоръ вельможъ, боявшихся королевскаго возмездія.

Особенно въ трактатѣ объ «Именитыхъ женщинахъ», конченномъ по смерти Людовика Тарентскаго (1362), Боккаччьо является панегиристомъ Джьованны: онъ посвятилъ бы ей и свою книгу, если бъ не опасался, что ея царственное имя затмитъ его скромный трудъ. Послѣдняя глава наполнена похвалами ей: нѣтъ женщины выше ея по роду, могуществу и нравамъ; несмотря на свой полъ, она мудро правитъ громадными областями, очищая города, горы и лѣса отъ злыхъ людей, преслѣдуя ихъ, осаждая въ ихъ твердыняхъ и достигая цѣли, о которой не помышляли и которой не могли достичь предыдущіе правители. Теперь не только бѣднякъ, но и богатый человѣкъ можетъ идти, куда ему угодно, днемъ и ночью, распѣвая пѣсни; она исправила распущенные нравы принцевъ и бароновъ и настолько смирила ихъ, что они, прежде ни во что не ставившіе короля, боятся ея гнѣвнаго взгляда. Разумная и стойкая, она испытала преврат-

ности судьбы[1]): распри братьевъ короля, войны, бѣгство и из-
гнаніе—*за чужое преступленіе*[2]), суровые нравы мужей (стало
быть и Людовика Тарентскаго), интриги знати, *незаслуженное
безславіе*[3]) и угрозы папъ. Все это она перенесла мужественно,
на-диво — для женщины. При всемъ томъ она отличается кра-
сотой, веселымъ нравомъ, привѣтливой рѣчью[4]); царственное
величіе ужи|вается въ ней съ простотой, снисходительностью и 389
добротой, такъ что она кажется скорѣе сверстницей (sociam),
чѣмъ властительницей своихъ подданныхъ. Она — единственное
украшеніе Италіи, подобнаго которому не являлось еще ни
въ одномъ народѣ.

Таково послѣднее представленіе Боккаччьо о Джьованнѣ. Въ немъ многое, можетъ быть, преувеличено, но едва ли весь образъ подсказанъ лестью, желаніемъ обратить на себя вниманіе королевы, быть прочтеннымъ ею, какъ даетъ понять Донато дельи Альбанцани въ добавленіи къ біографіи Джьованны, допуская, впрочемъ, что Боккаччьо могъ по обыкновенію увлечься къ одностороннимъ похваламъ страстью къ стилю и морализаціи по поводу[5]). Въ 1362 году Боккаччьо дѣйствительно сдѣлалъ еще одну, столь же неудачную, какъ и прежнія, попытку устроиться въ Неаполѣ при Аччьяйоли; не разсчитывалъ ли онъ и на Джьованну? Мы видѣли что онъ готовился посвятить ей свою книгу объ именитыхъ женщинахъ, но, испугавшись ея величія, посвятилъ Андреинѣ Аччьяйоли. Можетъ быть, мотивъ, измѣнившій его намѣренія, и не настоящій; послѣдній фактическій намекъ въ панегирикѣ Джьованны — смерть ея мужа Людовика — относитъ насъ именно къ 1362 году, году неудачной попытки. О прежнихъ отношеніяхъ Боккаччьо къ Джьованнѣ, пока она не отложилась для него въ образъ мудрой и твердой, неповинно обезславленной

---

1) Fortunae saevienti insultus.
2) Alieno crimine.
3) Sinistram nec meritam famam.
4) Eloquium mite et cunctis grata facundia.
5) Hortis, Studi, стр. 114.

правительницы, мы ничего не знаемъ; когда въ 1372 году, отрекаясь отъ своего Декамерона, онъ извинялъ себя тѣмъ, что писалъ его еще молодымъ человѣкомъ и по приказанію *власть имущаго*[1]), —въ этомъ лицѣ нельзя предполагать, вмѣстѣ съ другими, Джьованну: въ 1340 году, когда Боккаччьо покинулъ Неаполь, ей было 14 лѣтъ; его пребываніе въ Неаполѣ въ 1342 и 1345—6 годахъ могло быть лишь кратковременно. Очень вѣроятно, что подъ «власть имущимъ», нѝбольшимъ, слѣдуетъ разумѣть Фьямметту; Боккаччьо никогда не забывалъ разницу положенія. Она внушила |
390 ему Филоколо, побудила и къ разсказамъ; они могли писаться исподволь; позже, въ 1348 году, или вскорѣ послѣ него, написано было, гдѣ-то, введеніе къ Декамерону, и первыя три книги пошли въ обращеніе, вызывая смѣхъ и критику и нападки, на которыя Боккаччьо пришлось отвѣчать въ введеніи къ 4-му дню.

Это введеніе какъ бы дѣлитъ Декамеронъ на двѣ неравныя части, изъ которыхъ первая[2]) представляется болѣе свободной по композиціи, вторая[3]) обнаруживаетъ нѣкоторую сознательность плана. Разсказчики и разсказчицы тѣ же; имена нѣкоторыхъ намъ знакомы: Фьямметта, Пампинея, которую мы знаемъ изъ біографическихъ воспоминаній Амето, Эмилія изъ того же Амето и Тезеиды. Разсказчиковъ трое: имя Діонео встрѣчается въ Амето[4]) съ тѣмъ же самымъ значеніемъ человѣка несдержанно-плотскаго, какое давалъ ему Боккаччьо въ письмѣ 1338 года, примѣняя его къ себѣ въ порывѣ самообличенія[5]); въ Декамеронѣ этотъ типъ значительно смягченъ: это веселый болтунъ, у котораго всегда наготовѣ фривуазныя новеллы, отъ которыхъ всѣ покатываются со смѣху, общій баловень, которому въ концѣ 1-го дня предоставлена льгота разсказывать послѣднимъ и о чемъ угодно, и онъ поль-

---

1) Majori coactus imperio.
2) I—III дни.
3) IV—X дни.
4) Сл. выше стр. 281.
5) Сл. выше стр. 20, 109.

зуется этимъ съ лихвою, чтобы въ концѣ 10-го дня поразить насъ слезной новеллой о Гризельдѣ.—Филострато, второй разсказчикъ,—также Боккаччьо, но въ другомъ своемъ проявленіи: это Боккаччьо-Троилъ извѣстной намъ поэмы, влюбленный и вздыхающій, болѣе всего—ревнивый. Наконецъ, Памфило. Ничто не обязываетъ насъ къ предположенію, что въ первую часть Декамерона это имя попало изъ готоваго уже романа о Фьямметтѣ; кличка могла быть старая, отвѣчавшая счастливому періоду любви [1]), къ тому же и новеллы, которыя Памфило и Филострато разсказываютъ въ первые три дня, ничуть не отвѣчаютъ ихъ 391
типамъ, какъ они задуманы въ Фьямметтѣ и Филострато: Памфило принадлежитъ серьезная по настроенію повѣсть о Чаппеллетто [2]) и фривольныя новеллы о невѣстѣ короля дель Гарбо [3]) и простотѣ донъ-Феличе [4]); того же характера два разсказа Филострато [5]), третій сводится къ остроумной находчивости «потѣшнаго» человѣка [6]); въ концѣ третьяго дня его шутки отличаются вольностью, но когда его назначили королемъ, его настроеніе внезапно мѣняется: онъ самъ несчастенъ въ своей привязанности, и потому сюжетомъ новеллъ слѣдующаго дня будетъ случай любви, кончившейся плачевно.

Перейдемъ ко второй части Декамерона. Открывается она подъ предсѣдательствомъ Филострато, его повѣсть одна изъ самыхъ трагическихъ [7]); когда Фьямметта разсказала новеллу о Гвискардо и Гисмондѣ [8]), онъ говоритъ, что отдалъ бы жизнь за половину испытаннаго ими блаженства, ибо самъ испытываетъ ежедневно тысячи смертей. Онъ недоволенъ разсказомъ Пампи-

---

1) Сл. выше стр. 120 слѣд.
2) Декамеронъ, I, 1.
3) Дек., II, 7.
4) Дек., III, 4.
5) II, 2; III, 1.
6) I, 7.
7) IV, 9.
8) IV, 1.

неи[1]), потому что въ ней было надъ чѣмъ посмѣяться, такъ что Лауретта говоритъ ему: Вы ужъ очень жестоки къ любящимъ, если только и желаете ихъ злополучнаго конца[2])! А Діонео доволенъ, что плачевные сюжеты исчерпаны, и забавляетъ всѣхъ разсказомъ о любовной шашнѣ, кончившейся неудачно, но разрѣшившейся смѣхомъ[3]). Въ заключеніе дня Филострато вѣнчаетъ королевой слѣдующаго — Фьямметту, ибо, говоритъ онъ, она лучше, чѣмъ всякая другая, сумѣетъ утѣшить ихъ выбо|-
392 ромъ сюжета для новеллъ. Фьямметта сіяетъ красотою: Боккаччьо съ умысломъ помѣстилъ здѣсь ея портретъ; она знаетъ, каково можетъ быть содержаніе пѣсенъ Филострато, и велитъ ему спѣть, чтобы его очередь не пришлась на другой день, и грустное настроеніе не возобновилось. Филострато, дѣйствительно, поетъ о безнадежной, обманутой любви; всѣ поняли его настроеніе, поняли бы и болѣе, если бъ сумракъ ночи не скрылъ румянца, вспыхнувшаго на лицѣ одной изъ дамъ.

Какъ видно, это психологическое состояніе Троила-Филострато и Гризеиды, перенесенное на планъ 4-го дня: Филострато-Боккаччьо страдаетъ, утѣшить его можетъ одна лишь Фьямметта: 5-й день проходитъ подъ ея предсѣдательствомъ въ бесѣдахъ о тѣхъ, чья любовь, послѣ разныхъ препятствій, была увѣнчана удачей.

Первый, кому она назначаетъ разсказывать, — Памфило: его новелла о Чимоне[4]) — повѣсть любви, воспитывающей къ человѣчности. Въ концѣ того же дня Діонео усиленно паясничаетъ, предлагая запѣвы пѣсенъ, одну фривольнѣе другой. Королева смѣется и сердится: Оставь эти пѣсни, говоритъ она, спой намъ хорошую, коли нѣтъ — ты можешь испытать на себѣ, какъ я умѣю гнѣваться[5]). И балагуръ Діонео становится вдругъ вздыхающимъ поэтомъ:

1) IV, 2.
2) IV, 3.
3) IV, 10.
4) V, 1.
5) I, стр. 416 русск. перевода.

Амуръ! то чудное сіянье,
Что льется изъ ея божественныхъ очей,
Меня содѣлало рабомъ тебѣ и ей.

Онъ одного лишь боится:

извѣстно ль, какъ велика
Страсть чудная, мнѣ въ грудь вселенная тобой,
И сила вѣрности — извѣстна ль той всецѣло,
Которая моимъ такъ духомъ завладѣла,
Что я ни въ комъ иномъ не буду средь людей —
И не хочу — искать покой души моей. |

Пусть Амуръ испроситъ у нея благоволенья и самого его 393
ведетъ туда скорѣй[1]).

Опять передъ нами мотивъ, который мы можемъ провѣрить данными біографіи: Боккачьо-Діонео — молодой повѣса, беззаботный поклонникъ Діонеи; Фьямметта любитъ его въ этомъ видѣ, снисходитъ и журитъ и вмѣстѣ поднимаетъ своею любовью, когда, бросивъ всѣ другія увлеченія, онъ отдался ей одной и сталъ ея поэтомъ.

Въ концѣ Декамерона снова обнаруживаются очертанія рамки, которыя мы намѣтили съ четвертаго дня. Пѣснь Памфило въ заключеніи 8-го дня полна счастьемъ тайнаго обладанія.

Амуръ, такія наслажденья,
Веселья, радости ты доставляешь мнѣ,
Что я блаженствую, горя въ твоемъ огнѣ.

Такого счастія онъ не ожидалъ,

Такъ высокò, такъ видно помѣстилась
Моя любовь....
Кто бъ думалъ, что туда дойдутъ мои объятья,
Гдѣ ихъ раскрыть мнѣ было суждено?

Таковы были отношенія Памфило-Боккачьо къ высокопоставленной Фьямметтѣ. На десятый день руководство бесѣдой предоставлено ему: онъ началъ циклъ Декамерона разсказомъ о

---

1) l. c., стр. 417.

Чаппеллетто, онъ же является послѣднимъ предсѣдателемъ веселаго кружка, и отъ него ожидаютъ, что онъ исправитъ промахи своихъ предшественниковъ[1]). Сюжетъ разсказовъ — о великодушіи, обнаруженномъ въ дѣлахъ любви, либо другихъ; заключается онъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и кругъ Декамерона, пѣніемъ Фьямметты. Ея настроеніе ясно съ первыхъ словъ:

Когда бъ любовь могла существовать одна,
Безъ ревности, — я женщины бъ не знала
Счастливѣе меня, кто бъ ни была она. |

394 Ея милый прекрасенъ, но другія женщины такъ же смѣтливы, какъ и она, и могутъ отнять его у нея. Эта мысль ее мучитъ.

Когда бъ властитель мой внушилъ мнѣ столько жъ вѣры
Умѣніемъ любить, какъ доблестью душевной,
Я ревности не знала бъ никакой;
Но всѣ мужчины — лицемѣры,
Мѣнять предметъ любви готовы ежедневно.
Вотъ это-то и губитъ мой покой.

Она ревнуетъ ко всѣмъ женщинамъ и всѣхъ предупреждаетъ — ничего не предпринимать къ ея ущербу, иначе онѣ вѣчно будутъ проклинать свое безуміе. «Вы сдѣлали бы большое удовольствіе, смѣется Діонео, назвавъ всѣмъ своего милаго, для того, чтобы вслѣдствіе невѣдѣнія у васъ не отняли владѣнія».

Заключительныя пѣсни 4-го и 10-го дней противопоставлены какъ бы съ умысломъ: тамъ сѣтуетъ Филострато, здѣсь ревнуетъ Фьямметта. Ревнующая, оставленная Памфиломъ Фьямметта — таковъ мотивъ романа, обозначеннаго ея именемъ; если мы не ошиблись, признавъ нѣкоторую сознательность въ планѣ второй части Декамерона, то романъ могъ быть написанъ до ея появленія, и когда три первыхъ дня уже находились въ рукахъ читающихъ. Ближайшее хронологическое опредѣленіе едва ли удастся; одинъ эпизодъ[2]) давалъ видимый поводъ предположить, что Фьямметта

---

1) Сл. конецъ IX дня.
2) Fiammetta, стр. 45.

написана до смерти короля Роберта (въ генварѣ 1343 г.), но противъ этого говоритъ многое: и совершенство психологическаго анализа, побуждающее подвинуть Фьямметту ближе къ Декамерону, и невѣроятность, чтобы въ теченіе 1340—3 гг. Боккаччьо могъ присоединить ко многому, имъ написанному, еще и цѣлый романъ. Съ другой стороны, указаніе на короля Роберта вызвано дѣйствительнымъ фактомъ, который и легъ въ основу разсказа: отъѣздомъ Боккаччьо-Памфило изъ Неаполя именно при Робертѣ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы самый романъ не могъ быть |
написанъ позднѣе, ретроспективно; иначе мы имѣли бы такое же 395
основаніе заключить, что шестой день Декамерона, несомнѣнно написанный позже 1348 года, оконченъ былъ именно въ этомъ году, потому что о чумѣ говорится, какъ о продолжающей свирѣпствовать [1]). Но для этого надо забыть, что по идеѣ Боккаччьо новеллы Декамерона разсказываются въ теченіе десяти дней (съ перерывами), и что упоминаніе чумы принадлежитъ декораціи.

II.

Фьямметту, либо «Элегію мадонны Фьямметты» [2]) называли не разъ первымъ психологическимъ романомъ въ новыхъ литературахъ, и это одно опредѣляетъ его историческое значеніе; на его мѣсто въ сердечныхъ переживаніяхъ и художественномъ развитіи Боккаччьо указано было не разъ. Его форма — исповѣдь, признаніе; дѣйствія почти нѣтъ, за вычетомъ нѣсколькихъ біографическихъ и бытовыхъ эпизодовъ, содержаніемъ которыхъ мы уже воспользовались; все сводится къ анализу чувствъ любящей женщины, оставленной своимъ милымъ. Боккаччьо заставилъ Фьямметту пережить всю ту бурю ревности, негодованій и надеждъ, которую испыталъ самъ въ лицѣ Троила, Галеоне,

---

1) Сл. VI, 3.

2) *Ркп. Laurent. XLII, 7; Magliab. Strozzi, II, II, 21 (обѣ конца XIV в.); Riccard. 1082 (окончена написаніемъ въ октябрѣ 1411 г.).

Филоколо. Такое переживаніе въ умѣ предполагаетъ извѣстное отрѣшеніе отъ страстности, наступленіе художественнаго покоя; лишь при такихъ условіяхъ возможенъ такой анализъ болевыхъ ощущеній, доходящій до мелочей, чуткій къ каждому движенію, заботливо отмѣчающій всякую черту. Передъ нами уже великій художникъ Декамерона: тѣ изъ его типовъ, которые Боккаччьо способенъ былъ пережить, какъ пережилъ любовь и ревность, предполагаютъ такое же богатство непоказного анализа. Въ «Фьямметтѣ» онъ весь наружу, со всѣми его тонкостями и недочетами, которые мы отмѣтили въ Филоколо: общими разсужденіями, логически вытекающими изъ даннаго душевнаго настроенія, |
396 но часто психологически немыслимыми въ заинтересованномъ лицѣ. Фьямметта очень тонко наблюдаетъ, но иногда утомительно разсудочно-болтлива; Боккаччьо нерѣдко забываетъ ее ради любви къ прелести слова, къ баюканью періодической рѣчи, къ классическимъ цитатамъ. Для него онѣ не внѣшнее риторическое украшеніе, а нѣчто столь родственное, что нѣтъ мысли и положенія, которое естественно не освятилось бы воспоминаніями Греціи и Рима, какъ болѣе духовные процессы любви столь же естественно искали выраженія въ формулахъ дантовскаго стиля. Сама любовь, плотская въ основѣ, никогда не переходитъ въ откровенности Декамерона и даже Амето: передъ нами признанія женщины.

Состраданіе облегчаетъ сѣтующимъ печаль: съ этой цѣлью Фьямметта и обращается съ своею исповѣдью къ женщинамъ; мужчины поглумятся надъ нею, всѣ они похожи на того, чью суровость[1]) она испытала. Она станетъ писать не о греческихъ басняхъ, украшенныхъ вымыслами, не о троянскихъ ратяхъ, обильныхъ кровью, а о любовныхъ, возбуждаемыхъ многими желаніями. И женщины прольютъ слезы надъ ея разсказомъ, потому что судьба измѣнчива, и съ ними можетъ случиться то же, что и съ ней. Но если есть въ небѣ божество, ощущающее къ

1) Acerbità.

ней жалость, пусть поможетъ ея памяти и укрѣпитъ дрожащую руку, готовую начертать печальную повѣсть[1]).

Разсказъ начинается издалека. Фьямметта родилась весною, когда земля является во всей своей красѣ, отъ именитыхъ и богатыхъ родителей; отчего ея жизнь не протекла такъ же быстро, какъ существованіе тѣхъ, что̀ вышли изъ зубовъ, посѣянныхъ Кадмомъ? Почтенная наставница воспитала ее, какъ прилично дѣвушкѣ хорошаго рода; съ годами расцвѣтала ея красота, причина ея бѣдствій, похвалы пріучили ее гордиться ею, лелѣять ее, и она стала сознавать, что нравится. Многіе ухаживали за ней, |
сватались, но отстали, когда она вышла замужъ за человѣка, во 397
всѣхъ отношеніяхъ къ ней подходившаго[2]).

Она была счастлива, довольна, какъ подобаетъ[3]), своимъ мужемъ, была его единственнымъ блаженствомъ, не было ея желанія, котораго онъ не поспѣшилъ бы исполнить; и она отвѣчала его любви. Какъ бы счастлива была она, если бъ продолжалась эта любовь! Но судьба, завидуя благамъ, ею самой ниспосланнымъ, уже правила ее на путь бѣдствій, а она не поняла предупрежденій о бѣдствіи, которое судили ей боги. Ей снилось, что въ прекрасный, ясный день она гуляетъ по лугу, сплетая вѣнки изъ цвѣтовъ и распѣвая; прилегла на травѣ, когда змѣя укусила ее въ лѣвую грудь; ей больно, а она прячетъ змѣю на груди, точно желая уластить ее, пригрѣвъ; но та, напившись ея крови, юркнула въ траву и исчезла въ ней, какъ бѣлый камешекъ понемногу теряется въ глубокой водѣ. Небо смерклось среди молній и грома; казалось, отъ змѣинаго яда распухло все ея тѣло, и она катается по травѣ, ожидая смерти, когда сонъ былъ нарушенъ. Солнечный лучъ проникъ черезъ скважину въ спальню Фьямметты, и она смѣется надъ вѣщимъ сновидѣніемъ[4]).

---

1) Prologo.
2) A me per ogni cosa dicevole, стр. 4.
3) Debitamente, l. c.
4) Сл. вѣщіе сны въ Дек., IV, 6; IX, 7.

Настал день, торжественный для всего міра (Воскресеніе Христово), Фьямметта принарядилась, чтоб идти в церковь, любуется собой, как павлин своими перьями, зацѣпила вѣнком за полог постели, и один цвѣток упал наземь. Она беззаботно подняла его, не внимая новому знаменію неба; не будь ея ум помрачен, ей не выходить бы в тот день из дома; но боги лишают разсудка тѣх, на кого гнѣваются, и, предупреждая их, в одно и то же время исполняют свой долг и удовлетворяют гнѣву.

Лишь только она вступила в церковь, как всѣ оглянулись на нее, мужчины и женщины, точно вошла Венера или Минерва. |
398 Фьямметта внутренно радуется, молодые люди окружили ее, превозносят ея красоту; она смотрит в сторону, точно занятая другим, но насторожила уши, ей нравятся похвалы, и она благодарит ласковым взглядом[1]). Так она опутывала других, как сама опутана была плачевно. Скромно подняв глаза на толпу юношей, она увидѣла прямо против себя молодого человѣка и, побуждаемая каким-то роком, начинает его разсматривать, чего с нею прежде не бывало. Он стоял, прислонившись к мраморной колоннѣ, красивый, изящный в движеніях; курчавый пушок на щеках говорил о его молодости. Стоя за другими, он смотрит на нее умоляющими глазами, а она еще в силах отвести от него свои, но уже любуется внутренно оставшимся у нея образом, иногда взглянет исподлобья, смотрит ли он на нее, то, уставившись на него, читает в его глазах: Ты — мое блаженство! Она вздыхает: А ты — мое! подсказывает ей сердце. Если б боги не отняли у нея разумѣнія, она и теперь была бы свободна, но она дала волю своим глазам, и как огонь перекидывается с одной стороны на другую, так тонкій луч свѣта проник из его глаз в ея собственные и невѣдомыми путями спустился в сердце; оно боязливо всполохнулось и, призвав к себѣ всѣ другія жизненныя силы,

---

1) Сл. в Амето повѣсть Акримоніи, выше стр. 282 слѣд.

оставило ее блѣдной и холодной[1]); не прошло много времени, какъ оно разгорѣлось, вернулись силы, повсюду разнося теплоту, ей самой жарко, она вспыхнула, вздохнула, не знаетъ, отчего все это съ ней сталось; съ тѣхъ поръ у ней нѣтъ другого желанія, какъ понравиться — ему.

А юноша, очевидно, опытный въ дѣлахъ любви[2]), продолжалъ смотрѣть на нее, съ еще большей мольбой въ глазахъ. Сколько обмана было въ этой мольбѣ! Его ли то было искусство, либо такъ устроила судьба, только Фьямметта почувствовала себя охваченной любовью. Вотъ тотъ, кого я избрала моимъ | первымъ и послѣднимъ, единственнымъ властелиномъ, говоритъ 399
она, тотъ, кого я полюбила и теперь еще люблю. Ея лирическій паѳосъ выражается рядомъ повтореній: вотъ онъ, увы мнѣ[3])! Подавленная новымъ чувствомъ, она сидитъ среди другихъ дамъ, забывшись, едва прислушиваясь къ божественной службѣ; уже ей надоѣдаютъ молодые люди, которые ластятъ ея милаго, а его она начинаетъ корить, чтó онъ держится поодаль, вмѣняя ему въ равнодушіе, что было только осторожностью. Кончилась служба, она поднялась вмѣстѣ съ другими и читаетъ въ его глазахъ, что хотѣла показать и показала своими собственными: что ей неохота уйти. И она удаляется, вздыхая и не узнавъ, кто онъ.

Никогда бы она не повѣрила, что можно такъ увлечься съ перваго раза человѣкомъ, котораго дотолѣ никогда не видѣла! Говорятъ, любовь зачинается и крѣпнетъ исподволь, ею она овладѣла сразу и владѣетъ съ той же силой; къ себѣ она вернулась не свободной, а рабой. Оставшись одна, она отдается различнымъ желаніямъ и мыслямъ, и всѣ они сводятся къ образу дорогого юноши. Ея забота теперь—не подавить любовь, а скрыть ее въ груди; какъ это трудно, знаютъ лишь тѣ, кто это испыталъ. Любовь преобразила ея жизнь: ея единственная утѣха —

---

1) Сл. сходный образъ въ Филоколо, выше стр. 203.

2) Esperto in più battaglie amorose, стр. 13.

3) Стр. 11; сл. 13: Кто скажетъ? стр. 157—8: Сегодня и т. д.

мечтать о миломъ, имя котораго она осторожно узнала; часто она пытается не думать о немъ, чтобы какъ-нибудь не выдать себя, но ея намѣренія напрасны. Въ былое время она посѣщала храмы и празднества, и морской берегъ, и сады съ единственной цѣлью увидѣть подругъ; теперь у нея явились другія цѣли. Исчезла самоувѣренность красоты, она чаще совѣтуется съ своимъ зеркаломъ и рядится — для него; почетъ, которымъ она пользовалась по своей родовитости, ей пріятенъ, потому что можетъ возвысить ее въ его глазахъ. Исчезло прирожденное женщинамъ любостяжаніе[1]), прибыло смѣлости, глаза научились искусно играть. |

400 Съ своей стороны молодой человѣкъ оказался смышленымъ, какъ то показалъ опытъ: являясь туда, гдѣ была Фьямметта, онъ бросалъ на нее осторожные взгляды, точно сговорился съ нею — скрывать свое пламя. Если бъ она сказала, что это не умножало ея любовь, она сказала бы неправду; зато какое было горе, когда свиданіе прекращалось! Тогда она бывала сама не своя, всѣ дивились на нее, и ей приходилось измышлять объясненія. Она отбилась отъ сна и пищи, часто выходитъ изъ себя. Ея старая, умная нянька догадалась, что съ ней такое; нѣсколько разъ останавливала она ее и однажды, когда Фьямметта, убитая, лежала на постели, спросила ее: Что съ тобою, дочка?—Слѣдующій разговоръ старухи съ Фьямметтой воспроизводитъ, иногда буквально, сцену Федры съ своей нянькой въ «Ипполитѣ» Сенеки. Фьямметта прикинулась, будто она въ забытьи и не слышала вопроса, а вмѣстѣ съ тѣмъ выгадала время, чтобы обдумать отвѣтъ. Ничего, отвѣчаетъ она, я только задумчивѣе обыкновеннаго. — Не обманывай меня, старуху, отъ меня нечего скрывать, я все поняла. — Если знаешь, то къ чему и спрашивать? говоритъ Фьямметта, въ одно и то же время и жалуясь, и надѣясь, и гнѣваясь. Но старуха давно пріучилась скрывать, что слѣдуетъ, на этотъ счетъ Фьямметта можетъ быть спокойна, но

---

1) Стр. 21—3.

ей пора опомниться, изгнать изъ непорочнаго сердца грѣшныя
мысли, надо потушить въ груди грѣшное пламя, подавить нечистыя
надежды[1]); кто въ самомъ началѣ противостоялъ любви—выхо-
дитъ побѣдителемъ[2]), кто отдастся ей — подпадаетъ ея игу.—
Увы, отвѣчаетъ Фьямметта, какъ легко все это на словахъ и
какъ трудно на дѣлѣ! — Хоть и трудно, но возможно, и сдѣлать
это слѣдуетъ; вспомни о своемъ родѣ, имени, мужѣ, который такъ
тебя любитъ; уже въ одномъ желаніи излѣчиться есть доля здо-
ровья!—И я знаю, что все это правда, милая няня, но какое-то |
бѣшенство влечетъ меня къ худшему, такъ овладѣлъ моимъ 401
разумомъ Амуръ, а ты знаешь, что противиться ему небез-
опасно[3]). — Такъ сказавъ, она въ изнеможеніи опустила руки,
тогда какъ няня держитъ ей суровую проповѣдь, напоминающую
своимъ содержаніемъ рѣчи Фьямметты въ Филоколо о тщетѣ
земной любви[4]): Вы, молодыя женщины, воспламеняясь страстью,
называете богомъ Амура, когда настоящее имя ему было бы Бѣ-
шенство[5]), и, почитая его сыномъ Венеры, почерпающимъ свои
силы въ третьемъ небѣ, свое неразуміе оправдываете необходи-
мостью. Но это не богъ, а помѣшательство людей, изобилующихъ
мірскими благами. Священная Венера обитаетъ среди бѣдняковъ,
ограниченная лишь тѣмъ, что необходимо для продолженія рода[6]);
Амуръ, какъ чума, гнѣздится въ дворцахъ[7]), гнушаясь есте-
ственныхъ яствъ и простой одежды[8]). Ты заражена его ядомъ.—

---

1) Senecae Hyppol. (Phaedra), v. 131—133: Nefanda casto pectore exturba ocius! — Extingue flammas neve te dirae spei Praebe obsequentem.

2) l. c., v. 133—4: quisquis in primo obstitit Pepulitque amorem, totus ac victor fuit.

3) l. c., v. 178 слѣд.

4) Сл. выше стр. 172.

5) Hyppol., v. 195—7: Deum esse Amorem turpis et vitio favens — Finxit libido, quoque liberior foret, Titulum furori numinis falsi addidit.

6) l. c., стр. v. 212—3: Cur sancta parvis habitat in tectis Venus — Mediumque sanos vulgus affectus tenet.

7) l. c., v. 210: delicatas eligens pestis domos.

8) l. c., v. 207—8: non placent suetae dapes, Non tecta sani moris aut vilis scyphus.

Замолчишь ли ты, старуха! Не говори противъ Амура, ты порочишь его теперь, потому что имъ отвержена, и не мнѣ давать ему новое имя, когда его звали такъ другія, болѣе меня мудрыя и могущественныя. Я ему подвластна, противостоять не въ силахъ: либо смерть, либо обладаніе юношей. Если ты не хочешь помочь мнѣ, не растравляй по крайней мѣрѣ раны.

Старуха вышла, что-то ворча; оставшись одна, Фьямметта
задумалась; въ словахъ старухи много было правды, Фьямметта
начинаетъ колебаться, ужъ хочетъ позвать няню, когда внезапно
ей предстала въ сіяніи прелестная жена. Это Венера, въ типи-
402 ческомъ, уже знакомомъ намъ[1]) изображеніи | Боккаччьо: она
обнажена, легкій пурпурный покровъ на столько скрываетъ нѣкоторыя части ея тѣла, на сколько прозрачное стекло какой-нибудь предметъ; на головѣ вѣнокъ изъ мирта. Ей пріятно, что Фьямметта любуется ею, и она сама обнажаетъ передъ ней свои прелести. О вѣтреная красавица, говоритъ она ей, что это ты задумала сдѣлать, слѣдуя совѣтамъ твоей старой няньки? Развѣ не знаешь, что послѣдовать имъ труднѣе, чѣмъ за Амуромъ, котораго ты желаешь избѣжать? Ты неразумна, лишь недавно стала нашей, еще не знаешь, каковы наши утѣхи, — и богиня развиваетъ знакомую намъ теорію всесильнаго Амура, властвующаго на землѣ и на небѣ; даже мачехъ онъ дѣлаетъ милостивыми къ пасынкамъ, что не малое диво[2]); одна Діана избѣжала его, или, скорѣе, укрылась отъ него; передъ нимъ падаютъ гнѣвъ и ненависть. Не бойся подчиниться ему, подчинялись и болѣе сильные, чѣмъ ты. Ты скажешь: я замужемъ, связана священными законами и словомъ; но Амуръ отмѣняетъ другіе законы и постановляетъ свои. Примѣрами полна древность, весь свѣтъ, полонъ твой городъ: погляди на твоихъ подругъ и знай, что содѣланное многими не можетъ быть названо непристойнымъ.

---

1) Сл. Filocolo, выше стр. 210 и разсказъ Агапе въ Ameto, выше стр. 286.
2) Стр. 25; сл. стр. 120.

Да будетъ твоя воля! говоритъ, опускаясь на колѣни, Фьямметта, о вѣчная, божественная краса, единственная властительница души моей! Прости мнѣ мое сопротивленіе и располагай мною, какъ знаешь. Богиня подошла къ ней, въ страстномъ движеніи поцѣловала ее въ лобъ, дохнула на нее, и ея желанія разгорѣлись; распахнула пурпурное покрывало и, показавъ ей на груди образъ ея милаго, говоритъ: Погляди, красавица, это не Лисса, не Гета и не Биррія; онъ достоинъ богини, любитъ тебя и будетъ любить вѣчно; потому отдайся ему въ любви. Такъ сказавъ, она исчезла. Но то была не Венера, а Тизифона, отложившая свои страшныя кудри, плачется Фьямметта, а я, бѣдная, повѣривъ ей, презрѣла вѣрность и стыдъ и цѣломудріе, единственное сокровище женщины! |

Посѣщеніе богини настроило ее страстно, оставивъ въ ней 403
лишь одно сознаніе: что открытая любовь никогда не приходитъ къ благополучному концу. И у нея достало мужества скрыть ее, есть на то силы и теперь, говоритъ она въ своихъ признаніяхъ, «потому что хотя я и пишу о томъ, что дѣйствительно было, я все такъ устроила, что кромѣ того, кто про то знаетъ, какъ знаю я, и всему былъ причиной, никто другой, какъ бы онъ ни былъ проницателенъ, не догадается, кто—я. А его я умоляю, если эта книжка случайно попадетъ ему въ руки, утаить ради любви, которую онъ питалъ ко мнѣ, то, что не было бы ему ни въ пользу и ни къ чести, если онъ бы то открылъ. Онъ отнялъ у меня, безъ всякаго повода съ моей стороны, самого себя, пусть не лишаетъ чести, хотя бы и незаслуженной, которую, даже при желаніи, онъ не можетъ мнѣ вернуть»[1]).

И вотъ Фьямметта пытается осторожно возбудить въ юношѣ ту же страсть, которую она къ нему питала, и это ей удается. Онъ такъ же остороженъ, какъ она: входитъ въ ея общество, дружится съ мужемъ, что даетъ ему возможность говорить съ нею при всѣхъ. Иногда, бесѣдуя съ другимъ, онъ имѣетъ въ виду

---

1) Стр. 28—9.

ее, разсчитывая, что она пойметъ его; объясняется съ нею знаками, либо разсказываетъ подъ вымышленными именами Памфило и Фьямметты про себя и свою милую, будто дѣло шло о какихъ-то грекахъ[1]), и Фьямметта боится, какъ бы онъ не выдалъ себя[2]). Они пользуются услугами преданной горничной, которой довѣрили свою тайну, прибѣгаютъ къ невѣроятнымъ ухищреніямъ, и хотя я знаю, говоритъ Фьямметта, что онѣ были мнѣ во вредъ, тѣмъ не менѣе не раскаиваюсь, что познала ихъ.

Готовясь разсказать о конечныхъ цѣляхъ своей любви, она |
404 проситъ у читательницъ состраданія и снисхожденія: ихъ собственныя чувства да извинятъ ея разсказъ. А ты, честная стыдливость, поздно мною познанная, удались, не пугай робкихъ женщинъ, пусть онѣ прочтутъ о томъ, къ чему, любя, устремляются сами.

День шелъ за днемъ въ надеждахъ, страстныхъ намекахъ и стыдливыхъ отнѣкиваніяхъ, прикрывавшихъ желаніе, и Памфило достигъ блаженства[3]). Если бъ только это было причиной моей любви къ нему, признаюсь, я безмѣрно страдала бы отъ одного лишь воспоминанія; но Богъ мнѣ свидѣтель, что то малѣйшая причина, хотя не скрою, что тогда это доставляло мнѣ удовольствіе, какъ доставило бы и теперь. Но найдется ли столь неразумная, которая не предпочла бы близость любимаго предмета отдаленію отъ него[4])?

Теперь то время прошло, какъ быстро проносится вѣтеръ. Многое она пересказала бы о быломъ счастьѣ, о поцѣлуяхъ и долгихъ бесѣдахъ ночью, если бы не стыдъ; она и сама знаетъ, что было бы пристойнѣе умолчать многое изъ того, что она напи-

---

1) Сл. выше стр. 120 и Ovid. Her., XVI, о Парисѣ: v. 255—6: Et modo cantabam veteres resupinus amores, Et modo per nutum signa tegenda dabam; v. 241—4: A! quotiens aliquem narravi potus amorem, Ad vultus referens singula verba tuos? Indiciumque mei ficto sub nomine feci! Ille ego, si nescis, verus amator eram.

2) Ovid. Her., XVII, v. 83—4, объ Еленѣ: Et saepe extimui, ne vir meus illa videret, Non satis occultis erubuique notis. Сл. ib. v. 151—3.

3) Сл. выше стр. 153 слѣд.

4) Стр. 32.

сала, нѣсколько разъ бросала она перо, но ей надо было повиноваться Амуру. Его она прославляла тогда, забыты были совѣты старой няньки, и она порицала въ другихъ лишь то, что ей самой было всего милѣе. Весь свѣтъ былъ ей ни во что, казалось, головой она доросла до неба, а враждебная Фортуна уже готовила ей всю горечь своего яда. Ее самое разбираетъ жалость къ себѣ, когда она принимается за повѣсть своихъ страданій, за свою элегію; вторая глава разсказываетъ о ея разлукѣ съ Памфило.

Была холодная, дождливая пора, когда однажды Фьямметта забылась на ложѣ рядомъ съ Памфило, и до нея дошли его сдержанныя жалобы. Она хочетъ спросить его, что съ нимъ, но продолжаетъ прислушиваться: онъ рыдалъ. Тысячу мыслей промелькнуло въ ея головѣ, но всѣ исчезли въ одной: не влюбленъ ли онъ? Она не рѣшается спросить его, дабы онъ не смутился своего плача, отвела отъ него глаза, чтобы ея слезы, упавъ на |
него, не дали ему понять, что она видѣла его плачущимъ. Но 405
желаніе взяло верхъ: она боязливо вскрикнула, будто только-что проснулась отъ страшнаго сна, обвила его рукою. Чего ты испугалась? спрашиваетъ онъ ее съ видимо веселымъ видомъ. — Мнѣ казалось, я утратила тебя. — Одна смерть въ силахъ это сдѣлать, отвѣчаетъ онъ, глубоко вздохнувъ. — Почему же ты плакалъ? — Памфило пускается въ слезы, рыданія мѣшаютъ ему говорить: Не безъ горестной причины, отвѣчаетъ онъ, мнѣ надо раздвоиться, удовлетворить въ одно и то же время любви и долгу, и я не знаю, что дѣлать. — Фьямметта еще не понимаетъ всего, но уже плачетъ неутѣшно, какъ никогда, — а Памфило говоритъ ей, что его вызываетъ отецъ, одинокій старикъ, у котораго не осталось, кромѣ него, ни одного сына; нѣсколько разъ отговаривался Памфило, но отецъ заклинаетъ его пріѣхать, проситъ о томъ чрезъ друзей и родныхъ [1]), и Памфило хочетъ исполнить сыновній долгъ, — такъ сильны естественныя связи; но онъ скоро вернется, потому что не можетъ жить безъ Фьямметты.

---

1) Сл. выше стр. 158—9.

Какъ велико было ея горе при этихъ словахъ, пойметъ лишь тотъ, кто страстно любилъ. Нѣкоторое время она не въ состояніи произнести слова, глаза уставились неподвижно, но хлынули слезы, и она обращается къ «властелину своей жизни», страстно уговаривая его — и излишне разсуждая. Ты колеблешься между любовью и жалостью и рискуешь будущимъ, говоритъ она; если ты любишь меня, какъ утверждалъ не разъ, твой выборъ уже сдѣланъ. Развѣ ты не понимаешь, что твой отъѣздъ убьетъ меня? Ты скажешь, что, тая любовь, я мужественно переносила и другія печали, и ты правъ; но тогда надежда, воспитанная моимъ желаніемъ, облегчала мнѣ то, что при чужомъ желаніи мнѣ трудно перенести; къ тому же я еще мало тебя знала, теперь ты сталъ мнѣ дороже. — Кому не извѣстно, продолжаетъ она въ тонѣ любовныхъ преній Филоколо, что грустнѣе утратить то, что имѣешь, чѣмъ то, на что разсчитываешь; а твоя жалость |
406 къ отцу будетъ причиной моей смерти. Кто любитъ тебя такъ, какъ я? Почему не пожалѣешь ты скорѣе меня, чѣмъ отца? Онъ старъ, много лѣтъ жилъ безъ тебя, пусть и живетъ, либо умретъ, потому что онъ жилъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, и съ твоей стороны было бы бо̀льшимъ состраданіемъ — дать ему умереть, чѣмъ своимъ присутствіемъ продлить его бѣдственную жизнь. А я еще молода, не жила безъ тебя и хочу долго прожить съ тобою въ радости. Наконецъ, пожалѣй хоть себя: что ты станешь дѣлать безъ меня? твоя жизнь будетъ хуже смерти, а ты знаешь, что кто себя не любитъ, у того ничего нѣтъ. Я не сомнѣваюсь, что если бъ позволено было открыть твоему отцу наши отношенія, онъ сказалъ бы тебѣ, побуждаемый разумомъ или сожалѣніемъ: Оставайся! Представь себѣ, что онъ такъ сказалъ, — и брось эту поѣздку. Ты любишь этотъ городъ, веселый, богатый, мирно покоящійся подъ властью одного короля, а въ твоемъ городѣ господствуютъ, какъ ты самъ говорилъ, распри и пороки и пышныя слова вмѣсто дѣла [1]).

---

1) Сл. выше стр. 184.

Такъ она говорила, среди слезъ и поцѣлуевъ, и Памфило согласенъ съ ея доводами, а между тѣмъ его призываетъ долгъ; если бъ позволено было противопоставить одну жалость другой, открывъ причину, которая заставляетъ его отказаться отъ поѣздки,—его бы извинили; но это невозможно. Черезъ три-четыре мѣсяца, даже раньше, она увидитъ его снова, а теперь пусть отпуститъ его, если, какъ и прежде, ей дорога его честь и польза. Но Фьямметта продолжаетъ его упрашивать: она постоянно будетъ бояться за него; признается, застыдившись, въ своихъ опасеніяхъ, что онъ забудетъ ее для другой; пусть повременитъ: теперь время года неблагопріятное, это говоритъ за нее[1]), она успѣетъ освоиться съ мыслью о разлукѣ.—Памфило устраняетъ одинъ за другимъ ея доводы: никогда онъ не полюбитъ | никого, кромѣ Фьямметты; отдалить отъѣздъ значило бы умно- 407
жить ихъ печаль, онъ вернется раньше, чѣмъ истечетъ срокъ, котораго она проситъ, чтобы пріучиться страдать.—Она ожидала другого отвѣта, молча опустила къ нему на грудь отяжелѣвшую голову. Дѣлай, какъ знаешь! говоритъ она ему, когда же ты вернешься?

Черезъ нѣсколько дней пришлось разстаться; послѣдняя ночь прошла въ слезахъ, бесѣдахъ и поцѣлуяхъ. Кто отнимаетъ тебя у меня! говоритъ Фьямметта, когда обниму я тебя снова? Вѣщее сердце подсказываетъ мнѣ: Никогда! Она проситъ Памфило скрѣпить свои слова клятвой, и онъ клянется богами, что не пройдетъ четырехъ мѣсяцевъ, какъ онъ будетъ здѣсь; взявъ Фьямметту за правую руку, онъ ведетъ ее къ изображеніямъ боговъ и призываетъ на себя ихъ гнѣвъ, постигшій Еризихтона, Актеона, Семелу, если онъ не сдержитъ своего слова. Прощай! говоритъ онъ надорваннымъ голосомъ, крѣпко обнимая ее; она отвѣчаетъ ему съ трудомъ, провожаетъ до порога, но здѣсь голосъ у нея отнялся, и она упала на руки служанки, какъ падаетъ въ открытомъ полѣ

---

1) Сл. Ovid., Her., VII, 41: Елена: Quo fugis? Obstat hiemps, hiemis mihi gratia prosit.

и блекнетъ роза подъ лучами солнца. Когда служанка привела ее въ чувство, она бросается къ ней, принимая ее за Памфило, какъ мечется яростный быкъ, ощутивъ смертельный ударъ [1]). Но Памфило нѣтъ, она въ своей комнатѣ; что было съ нею? итакъ, онъ ушелъ? что дѣлалъ онъ, что говорилъ? Все это она узнаетъ отъ служанки: когда она упала въ обморокъ, Памфило отнесъ ее сюда и долго плакалъ, умоляя боговъ обратить свой гнѣвъ на него, а не на неповинную Фьямметту. Ему хочется, чтобъ она очнулась, увидала его на разставаньи; когда она не приходила въ себя, онъ уложилъ ее въ постель и все ходилъ отъ постели къ двери и назадъ; то взглянетъ на окно, гдѣ брезжило враждебное ему утро, то вдругъ обернется и окликнетъ Фьямметту. На прощаньи онъ обнялъ ее, моля небо послать ей утѣшеніе, сохранить до его возврата, и такъ рыдалъ, что служанка боя-
408 лась, | какъ бы не услышали домашніе и сосѣди. Но уже разсвѣтало; сказавъ: прости! точно влекомый какой-то силой, онъ вышелъ изъ комнаты, запнувшись о порогъ, все время озираясь на ходу, не очнулась ли Фьямметта и не смотритъ ли на него.

И вотъ она осталась одна и тоскуетъ. Все ей напоминаетъ Памфило: здѣсь онъ сидѣлъ, здѣсь обѣщалъ онъ мнѣ вернуться, здѣсь я его поцѣловала; порой ей казалось, что вотъ-вотъ онъ войдетъ, и она оборачивалась къ двери и печалилась, обманутая сознательнымъ воображеніемъ. Она гонитъ отъ себя эти мысли, хочетъ заняться дѣломъ, но у ней ничего не идетъ на ладъ; сердце билось, ей приходитъ на память многое, что она хотѣла было сказать ему, и то, что сказала, и что онъ отвѣтилъ. Прошло нѣсколько дней, и у нея явились новыя, неотвязныя думы: она не видѣла его при прощаньи, не могла отвѣтить на его поцѣлуй; онъ приметъ это за дурное предзнаменованіе [2]); но нѣтъ: я вѣдь не простилась съ нимъ, стало быть отпустила его не на долгую отлучку. Тутъ ей приходитъ на память разсказъ служанки, что,

---

1) Стр. 50, 159 и выше стр. 141 (Filostrato).

2) Стр. 53; сл. стр. 13 и Ovid. Her., III, 14: Бризеида.

удаляясь, Памфило запнулся о порогъ: по такому знаменію Лаодамія узнала, что Протезилай не вернется[1]). Однѣ мысли тѣснили другія: она прочла въ стихахъ Овидія[2]), что трудъ и усталость изгоняютъ у юношей любовныя мечты, — а путешествіе Памфило трудное, онъ можетъ забыть ее; еще хуже — заболѣть.

Наконецъ пришло отъ него письмо; онъ пріѣхалъ, обѣщаетъ вернуться. Теперь старикъ-отецъ, не видавшій его цѣлые годы, принимаетъ его съ радостью; пожалуй, онъ и не вспомнитъ обо мнѣ и клянетъ то время, которое потратилъ на меня, ничего иного не умѣвшую, какъ — любить его. Но этого быть не можетъ! утѣшала она себя, а между тѣмъ сердце содрогалось въ какомъ-то предчувствіи. Тамъ много красавицъ, никто не умѣетъ такъ обольстить, какъ онѣ; если онъ не увлечется желаніемъ, его мо|гутъ увлечь силой; вѣдь и со мной было то же, а новый 409
предметъ всегда нравится больше стараго[3]). Но она бѣжитъ отъ этой мысли: въ сердцѣ Памфило нѣтъ мѣста для другой любви; вѣдь пытались же проникнуть въ него другія, достойныя его, и не только при помощи взглядовъ, и все было напрасно. А его слово, его благоразуміе? Неразуменъ тотъ, кто покидаетъ обладаемое для того, чего у него еще нѣтъ; а я вѣдь была бы красавицей и среди красавицъ его города. Кого онъ найдетъ, кто бы любилъ его такъ, какъ я? Къ тому же онъ опытенъ (esperto) и знаетъ, какъ трудно внушить любовь женщинамъ, всегда показывающимъ отвращеніе къ тому, чего желаютъ[4]).

Ея занятія шли въ уровень съ мечтами. Рѣдко проходило утро, чтобы, взобравшись на вышку дома, она не наблюдала за теченіемъ солнца; какъ моряки высматриваютъ близость земли, такъ она считала, сколько убыло дня. Древніе отмѣчали бѣлыми и черными камешками счастливые и несчастные дни; и у ней былъ счетъ по камешкамъ: одни откладывались для прожитыхъ

---

1) Сл. Ovid. Her., XIII, v. 85 слѣд.

2) Стр. 54.

3) Сл. стр. 56 и выше стр. 137 прим. 3 и стр. 200 прим. 1.

4) Сл. выше стр. 138.

дней, другіе обозначали, сколько ихъ еще осталось до возвра-
щенія Памфило. Она отлично помнила, сколько ихъ тамъ и здѣсь,
и тѣмъ не менѣе пересчитывала, какъ бы надѣясь, что однихъ
прибавилось, другихъ убыло. — Она любила оставаться одна въ
комнатѣ; достанетъ изъ сундука его вещи, любуется ими, цѣ-
луетъ, спрашиваетъ: Когда-то пожалуетъ сюда вашъ хозяинъ?
Перечитываетъ его письма и утѣшается, точно говоритъ съ нимъ,
либо позоветъ служанку и заведетъ съ ней бесѣду: скоро ли, по
ея мнѣнію, вернется Памфило, и какъ онъ ей нравится, и не
слышала ли она о немъ вѣстей; та отвѣчала иногда дѣло, порою,
что попало, лишь бы угодить госпожѣ, и та находила въ томъ
утѣшеніе. Она любила ходить въ церковь, либо сидѣть съ подру-
гами у воротъ: въ бесѣдѣ забывались грустныя мысли, прихо-
дили молодые люди, которыхъ она видала въ обществѣ Памфило;
410 она не|вольно ищетъ его глазами и не находитъ; тѣмъ не менѣе
тѣ юноши ей милы, ей кажется, что они такъ же грустны и оси-
ротѣли, какъ она. Нѣсколько разъ порывалась она спросить
о немъ и бывала счастлива, когда ей доводилось уловить изъ ихъ
разговора, что онъ скоро вернется.

Наступала ночь; съ молодости она боялась ее, пока Амуръ не вселилъ въ нее отвагу. Съ той же вышки дома она смотритъ на луну, на которую, быть можетъ, устремлены теперь и глаза Памфило, и ей кажется, что ея серпъ не растетъ, и, слѣдуя суевѣрію древнихъ, она старается шумомъ и звономъ ускорить ея ростъ. Или луна слишкомъ долго оставалась полной; ей, разумѣется, милѣе пребывать съ матерью, чѣмъ возвращаться въ мрачную обитель супруга, и Фьямметта извиняетъ ее, но все же молитъ, переходитъ къ угрозамъ, и ей представляется порой, что устрашенная Фебея, ускоряетъ свой ходъ. Кто бы повѣрилъ, что Амуръ научилъ меня астрологіи? спрашиваетъ Фьямметта. Въ облачныя ночи она собирала вокругъ себя своихъ служанокъ и разсказывала и заставляла разсказывать разныя исторіи, и чѣмъ далѣе онѣ были отъ дѣйствительности, какъ большею частью у людей такого рода, тѣмъ болѣе прогоняли

печаль и развлекали до смѣха. Не то она принималась искать въ разныхъ книгахъ повѣсти о чужихъ несчастіяхъ и, сравнивая ихъ со своими, утѣшалась, чувствуя, что она не одна.

«Не знаю, что мнѣ было пріятнѣе: то ли, что такимъ образомъ проходило время, или сознаніе, что оно прошло среди другихъ занятій». Ночью, въ постелѣ, въ головѣ роились мысли, но она старалась прогнать ихъ; то представляла себѣ, что Памфило былъ именно здѣсь, на этомъ ложѣ[1]), звала его, просила вернуться поскорѣе; либо воображала, что онъ пріѣхалъ, и она разспрашиваетъ его и отвѣчаетъ за него. Такъ ей удавалось иногда заснуть, и во снѣ она видѣла себя и Памфило: они въ прелестномъ саду, держатъ другъ друга за руку, далекіе отъ всякихъ | опасеній; она проситъ его разсказать, что съ нимъ было, и пре- 411
рываетъ его разсказъ поцѣлуями: Неужели ты въ самомъ дѣлѣ вернулся? Неужели ты со мною?—Или они вмѣстѣ на морскомъ берегу, на веселомъ праздникѣ, и она говоритъ себѣ: Да, это не сонъ! — Но сонъ проходилъ, и хотя она просыпалась печальной, весь день бывала хорошо настроена, поджидая такой же ночи. Но бывали и страшныя сновидѣнія: Памфило являлся ей въ рубищѣ, блѣдный и испуганный, точно за нимъ погоня, и просилъ помощи; либо ей говорили объ его смерти, и она видѣла его мертвымъ. Тогда она благодарила Бога, что то было лишь сновидѣніе, и хотя не вѣрила снамъ, не бывала покойна, пока искуснымъ образомъ не добудетъ вѣстей о миломъ.

Съ приближеніемъ срока, она рѣшилась вести болѣе веселую жизнь, чтобы поправиться, поднять красоту, поблекшую отъ горя; снова ее видятъ на празднествахъ, и какъ рыцарь оправляетъ свое оружіе передъ битвой, такъ она обновила свои наряды. И мысли ея измѣнились, забыты предчувствія, ревность; оставалась недѣля до срока, а она разсчитываетъ: Чай, Памфило сбирается теперь, можетъ быть, уже въ пути; какъ-то я его встрѣчу? Я такъ его расцѣлую, что не дамъ сказать ни слова,

---

1) Сл. Ovid. Her., X, 51 слѣд.: объ Аріаднѣ.

готова обнять его при всѣхъ. — Кто бы ни вошелъ, чей бы ни послышался голосъ, все ей кажется, что придутъ сказать о Памфило; разъ сто выглянетъ она въ окно и, припомнивъ, что Памфило долженъ былъ что-то привезти ея мужу, даже рѣшается спросить, когда его ждутъ.

Но срокъ миновалъ, вмѣстѣ съ нимъ и веселыя мысли, и въ ея головѣ возникли другія. Фьямметта старается объяснить себѣ мѣшканье Памфило: у него могли явиться непредвидѣнныя дѣла, задержала жалость къ отцу. А что если онъ уѣхалъ, и съ нимъ по дорогѣ случилось несчастье: его корабль разбило, занесло на необитаемую скалу, либо онъ попался къ разбойникамъ, заболѣлъ? Ей страшно при одной мысли о томъ, точно опасность у ней на глазахъ, она молитъ объ ея отвращеніи, обливаясь холоднымъ потомъ. Пусть лучше остается тамъ, лишь бы ничего |
412 такого не случилось! Но этого не было, объ этомъ узнали бы здѣсь: я вѣдь провѣдываю о немъ. Онъ либо скоро явится, либо напишетъ. — Такъ возвращались къ ней надежды, когда она вспоминала любовь Памфило, его слезы и клятвы: все это не можетъ быть обманомъ. Но сомнѣнія шагъ за шагомъ вкрадывались въ ея душу, обновляя въ памяти дурныя предзнаменованія и иныя печали. Особенно мучила ее ревность: Памфило забылъ ее для другой. Онъ вѣдь столько времени тебя не видѣлъ, говоритъ она себѣ, а въ мірѣ ничто не вѣчно; новое всегда нравится болѣе стараго, человѣкъ болѣе вожделѣетъ къ тому, чего у него нѣтъ, чѣмъ къ обладаемому, и даже любимое отъ долгаго употребленія надоѣдаетъ[1]). Почемъ ты знаешь, что его любовь не была показной, слезы не притворныя? Вѣдь слезамъ и клятвамъ и обманамъ молодые люди научаются прежде чѣмъ начинаютъ любить. На что ты надѣешься? Брось эту любовь. — Эти мысли приводили ее въ ярость, но она разрѣшалась слезами, и Фьямметта снова начинала манить къ себѣ, пустыми доводами, отлетѣвшую надежду.

---

1) Сл. выше стр. 411 прим. 3.

До сихъ поръ она много плакала, но это было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что съ ней сталось, когда до нея дошла вѣсть, будто Памфило женился. По разнообразію психологическаго анализа, пятая глава принадлежитъ къ числу лучшихъ, тема ревности разработана вдвойнѣ и параллельно: Фьямметта ревнуетъ не только къ женѣ Памфило, но и къ той, которая смутилась, услышавъ о его бракѣ.

Болѣе мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ Памфило долженъ былъ пріѣхать, когда Фьямметта зашла однажды въ женскій монастырь, чтобы попросить помолиться о себѣ. Пока она бесѣдовала съ монахинями, среди которыхъ были и ея родственницы и старыя знакомыя, явился купецъ и разложилъ передъ ними свои драгоцѣнности, какъ Улиссъ и Діомедъ передъ Дейдаміей и ея сестрами. По его выговору Фьямметта догадалась, что онъ | родомъ оттуда же, откуда и Памфило, что̀ онъ и подтвердилъ на 413
вопросъ одной изъ присутствующихъ, молодой и красивой женщины, хорошаго рода. Начали съ нимъ торговаться, иное купили; затѣмъ пошли разговоры и шутки; та красавица и спрашиваетъ его: не знакомъ ли онъ съ Памфило? Фьямметта, обрадовавшись, насторожила уши.—Какъ не знать? прошло порядкомъ времени, какъ отецъ вызвалъ его къ себѣ. — Давно ли ты его видѣлъ? — Не прошло и двухъ недѣль. — Какъ же онъ поживаетъ?—Очень хорошо.—И купецъ разсказываетъ, что въ день своего отъѣзда онъ былъ свидѣтелемъ, съ какимъ торжествомъ ввели въ домъ Памфило молодую красавицу, говорятъ, его невѣсту. Фьямметта страшно поражена этой вѣстью и вмѣстѣ съ тѣмъ не спускаетъ глазъ съ собесѣдницы: Зачѣмъ спросила она о Памфило? — точно никакая другая женщина не могла и знать его помимо нея! И ей кажется, что при вѣсти о бракѣ Памфило та вспыхнула, опустила глаза, слова замерли у ней на устахъ, и она сдерживаетъ слезы. Можетъ быть, у нея такія же законныя причины горевать, какъ у меня самой, говоритъ себѣ Фьямметта, и къ ея прежнимъ страданіямъ присоединились новыя.

Первымъ ея желаніемъ было наброситься на ту женщину, но, сохранивъ видимое спокойствіе, она продолжаетъ слушать, тогда какъ ей хочется плакать. И ея собесѣдница также старается подавить свое смущеніе, продолжаетъ разспрашивать; затѣмъ, отпустивъ купца, начинаетъ болтать, обманчивымъ смѣхомъ прикрывая печаль. Когда кончилась бесѣда, которой Фьямметта не видитъ конца, она идетъ домой въ отчаяніи, то вспыхнетъ, то поблѣднѣетъ и, какъ ливійскій левъ, настигнутый въ западнѣ охотниками, то едва ступаетъ, то мчится скорѣе, чѣмъ пристало женщинѣ. Ея горе не знаетъ границъ: она призываетъ месть боговъ, ея страстные упреки Памфило, полные апострофъ и повтореній, принимаютъ иногда характеръ діалектическаго спора, точно Памфило налицо, и въ страстности уже явились проблески сознательности. Ты скажешь, что твои слезы и клятвы были правдивы — положимъ; но зачѣмъ же ты ихъ нарушилъ?
414 Ты скажешь, что тому | виной другая красавица, — но развѣ мнѣ оттого легче? Разумѣется, нѣтъ. Развѣ не зналъ ты, какъ горячо я любила тебя? Конечно зналъ [1]). Далѣе Фьямметта впадаетъ въ тонъ Овидіевой Героиды и плачется, какъ Филлида объ удалявшемся Демофонтѣ; Боккаччьо вспомнилъ кстати ея рѣчи и часто сохраняетъ ихъ, вплетая автобіографическіе мотивы, уже знакомые намъ, но здѣсь являющіеся въ иномъ освѣщеніи: Фьямметта не могла сказать о себѣ, что она отдалась, она почти — уступила. Ты не подумалъ, какъ мало тебѣ славы отъ того, что ты обманулъ довѣрившуюся тебѣ женщину; моя красота заслуживала большей правдивости, чѣмъ твоей, а я не менѣе довѣрилась тебѣ, чѣмъ призваннымъ тобою богамъ, которыхъ умоляю: пусть будетъ лучшею частью твоей славы, что ты обманулъ женщину, любившую тебя болѣе самой себя [2]). Скажи мнѣ,

---

1) Стр. 78.

2) Ovid. Her., II, 61 слѣд.: Speravi melius, quia me meruisse putavi: Quaecumque ex merito spes venit, aequa venit. Fallere credentem non est operosa puellam Gloria: simplicitas digna favore fuit. Sum decepta tuis et amans et femina verbis. Di faciant, laudis summa sit ista tuae.

Памфило, сдѣлала ли я что-либо такое, чѣмъ заслужила быть преданною тобою съ такимъ коварствомъ? Никакого проступка я не совершила, кромѣ того развѣ, что неразумно увлеклась тобой и больше, чѣмъ слѣдовало, довѣрилась тебѣ и полюбила тебя; но за этотъ проступокъ я не заслужила отъ тебя такого наказанія [1]). Одно злодѣяніе я знаю за собою, совершивъ которое, навлекла на себя гнѣвъ боговъ: это то, что я приняла тебя, преступнаго и безжалостнаго юношу, на свое ложе, допустила твоимъ чресламъ коснуться моихъ [2]), хотя въ этомъ, то знаютъ боги, виновна не я, а ты, ибо смѣлый, привычный къ подобнымъ обманамъ, ты засталъ меня въ молчаніи ночи, схватилъ въ объятія и почти насильно | овладѣлъ моей стыдливостью, прежде 415
чѣмъ я очнулась отъ сна. Что мнѣ было дѣлать? Кричать, снискавъ себѣ безславіе — и смерть тебѣ, котораго я любила болѣе себя? Я противилась, насколько могла, но ты былъ сильнѣе меня. Увы! отчего день, предшествовавшій той ночи, не былъ послѣднимъ, чтобъ умереть мнѣ честной [3])! Теперь ты, чай, разсказываешь своей молодой женѣ о своихъ старыхъ привязанностяхъ, станешь хулить мою красоту и нравы [4]); лучше разскажи о своихъ коварствахъ, о томъ, какъ за мной ухаживали другіе, украшая цвѣтами мои двери, пока я была предметомъ ихъ распрей, возбуждала къ доблести—и не сдалась. Пусть она узнаетъ о всемъ этомъ, сторонится твоего коварства и будетъ тебѣ тѣмъ, чѣмъ Клитемнестра была Агамемнону, по крайней мѣрѣ, чѣмъ сама Фьямметта стала по отношенію къ мужу, не заслужившему такого оскорбленія. Пусть дойдешь ты до того, что заставишь меня пролить о тебѣ слезы, которыя я проливаю о себѣ.

---

1) II, 27—30: Dic mihi, quid feci, nisi non sapienter amavi? Crimine te potui demeruisse meo. Unum in me scelus est, quod te, scelerate, recepi, Sed scelus hoc meriti pondus et instar habet.

2) II, 57—8: Turpiter hospitium lecto cumulasse jugali Poenitet et lateri conseruisse latus.

3) II, 59—60: Quae fuit ante illam, mallem suprema fuisset Nox mihi, dum potui Phyllis honesta mori!

4) Ovid. Her., I, 77—79: Пенелопа Улиссу: Forsitan et narres, quam sit tibi rustica conjunx, Quae tantum lanas non sinat esse rudes.

Тутъ ей приходило на память смущеніе той красавицы. Памфило, стало быть, уже здѣсь измѣнилъ ей? Кто знаетъ, ея соперница узнала объ ея связи, и ея молитвы, болѣе дохожія къ богамъ, навлекли на нее такое горе. Кто бы она ни была, пусть проститъ ей, ибо она согрѣшила по невѣдѣнію. А ты, Памфило, ты также клялся ей, также проливалъ слезы? Ты, впрочемъ, можешь быть спокоенъ; что отдано многимъ, не принадлежитъ никому. Возможно ли, чтобы человѣкъ, полонившій столько сердецъ, ни разу не попался въ свою очередь? Но вѣдь попалась же я; теперь овладѣли имъ, я въ этомъ убѣждена. Если ты не хочешь вернуться ко мнѣ, вернись по крайней мѣрѣ къ той, которая такъ плохо скрыла свою любовь, къ тѣмъ, которымъ клялся ранѣе меня. — Но пусть лучше не возвращается; теперь
416 тебѣ тяжело, тогда будетъ еще тяжелѣе, говоритъ себѣ | Фьямметта: пока ты неувѣрена, любитъ ли онъ тебя, или нѣтъ, тогда ты увѣришься, что его увлекла другая. Будь довольна тѣмъ, что ты не одна въ такомъ горѣ; несчастные находятъ утѣшеніе въ товарищахъ по бѣдствію.

Въ такихъ думахъ проходили цѣлые дни, а затѣмъ возвращались и надежда и любовь, которую враждебныя ей мысли питаютъ такъ же, какъ вѣтры пламя. Фьямметта начинаетъ даже стыдиться своего гнѣва, точно Памфило слышалъ ея рѣчи, и она утѣшаетъ себя положеніемъ, которое когда-то обсуждали именитыя дамы капеллана Андрея: что бракъ не предполагаетъ любви. Можетъ быть то, о чемъ разсказалъ купецъ, и не такъ; а если бъ и было, то что же тутъ новаго? Памфило могъ жениться въ угоду отцу; не всѣ же мужья любятъ своихъ женъ, какъ другихъ женщинъ; если то и бываетъ въ началѣ, впослѣдствіи онѣ надоѣдаютъ отъ излишней доступности [1]); можетъ быть, уже и теперь она пріѣлась ему, и онъ любитъ тебя попрежнему. А что та красавица смутилась, то и тому удивляться нечего: будто ты не

---

1) Сл. выше стр. 414 прим. 1.

знаешь, что и тебя многіе любятъ втунѣ. — И ея нареканія смѣ-
нялись молитвами. Но веселье не приходило. Въ первыхъ поры-
вахъ гнѣва она побросала камешки, служившіе ей для счета
дней, сожгла письма Памфило; она болѣе не наблюдаетъ неба,
нѣтъ прежней охоты къ разсказамъ; она никуда не показы-
вается, въ безсонныя ночи молится Венерѣ. Гдѣ ты теперь, Пам-
фило? Что дѣлаешь? Можетъ быть, сладко спишь и не вспом-
нишь обо мнѣ? Отчего не порвешь удерживающія тебя узы?
Ничто не удержало бы меня, если бъ я только могла. Отецъ до-
вольно на тебя наглядѣлся; я вѣдь частенько молю — о его
смерти; это онъ тебя не пускаетъ. Никто не доставитъ тебѣ та-
кого наслажденія, какое доставляла я, припомни только; вотъ
почему я не вѣрю, что ты женился, а если и такъ, ты все же
вернешься. Приди же, тебя зоветъ сердце. Ужъ не знаю, какъ
я умѣрю свою радость, чтобъ не показать ее на людяхъ! приди
посмотрѣть, сумѣешь ли ты | такъ же изловчиться въ счастли- 417
выхъ обстоятельствахъ, какъ мы изворачивались въ неблаго-
пріятныхъ. Приди только, а тамъ пусть обо всемъ узнаютъ, я
на все найду средства. — Снова она бѣгаетъ къ окну, смотритъ
на дверь, и напрасное ожиданіе скашиваетъ ее, какъ волна по-
крываетъ разбитое бурей судно. Она силится заснуть, закры-
ваетъ глаза и манитъ къ себѣ сонъ, пусть спустится на ея блѣд-
ныя очи этотъ тихій образъ суровой смерти, смѣшивающій
ложное съ правдой, пріучающій боязливое человѣчество къ идеѣ
безконечнаго покоя; пусть овладѣетъ ею и удалитъ нездоровыя
волненія, безцѣльно тревожащія ея душу. И сонъ являлся, не-
хотя и медленно, но не являлся покой.

Гореванье и слезы Фьямметты, ея блѣдность и худоба обратили вниманіе ея мужа. Она ссылается на желудокъ и даетъ себя врачевать; но единственное средство противъ ея болѣзни было далеко. Тогда мужъ совѣтуетъ ей поѣздку въ Байи, гдѣ она развлечется и поправится отъ желудка и отъ обуявшей ее меланхоліи. Фьямметта ѣдетъ, хотя и послѣ нѣкоторыхъ колебаній: неравно явится Памфило.

Намъ извѣстна характеристика байской жизни и байскихъ удовольствій [1]); здѣсь они являются въ особомъ освѣщеніи элегическихъ воспоминаній о невозвратномъ счастьѣ. Мужъ повезъ Фьямметту, чтобъ исцѣлить ее отъ «любовной горячки», а въ Байяхъ все напоминаетъ ей Памфило: здѣсь она была съ нимъ, тамъ онъ сказалъ мнѣ то-то, и мы то-то дѣлали. На охотѣ у ней валятся изъ рукъ лукъ и стрѣлы; нехотя принимаетъ она участіе въ танцахъ, затѣмъ, удалившись въ сторону, предается своимъ мыслямъ. Звуки музыки будятъ въ ней любовныя чувства [2]), и она старается запомнить тѣ пѣсни, въ которыхъ говорилось о такихъ же страданіяхъ, какъ ея собственныя, чтобы, распѣвая ихъ, ей можно было сѣтовать о себѣ при всѣхъ. Среди юношей, толпившихся около дамъ, она не видитъ болѣе Памфило; онъ |
418 былъ бы лучше другихъ; ея глазъ перебѣгаетъ отъ одного къ другому: этотъ любитъ, тотъ отвергаетъ любовь, эти счастливы. Да будетъ продолжительно ваше счастье, чтобы мнѣ одной остаться съ моей бѣдой и перейти въ потомство съ вѣчной славой Дидоны. И у ней являлось что-то въ родѣ улыбки, когда она видѣла кого-нибудь, печально удалявшагося съ праздника, гдѣ онъ не увидѣлъ своей милой. У ней были товарищи.

Ея недугъ не проходилъ, врачи и мужъ отчаивались въ ея выздоровленіи, и она переѣзжала въ городъ. Но и здѣсь все то же; нехотя показывается она въ люди, начнетъ одѣваться, задумается надъ своей былой красотой, выронитъ изъ рукъ гребень и сидитъ, пока не напомнитъ ей служанка. На брачномъ торжествѣ [3]) ей вспоминается счастливое время, когда такое же торжество совершалось для нея, невинной, свободной и веселой; затѣмъ вспоминается Памфило; она слышитъ, какъ молодые люди шепчутся, или и воображаетъ себѣ ихъ разговоръ: Посмотри-ка, что сталось съ этой красавицей? Что съ ней? Одни говорятъ,

---

1) Сл. выше стр. 62—3.

2) Дантовскій spiritello d'amore, стр. 95.

3) Сл. выше стр. 61.

что она перенесла болѣзнь, другіе, что влюблена; не можетъ быть, говорятъ третьи, не такая она женщина, чтобы отдаться любви. Увы, какъ далеки были они отъ истины, считая меня не влюбленной потому только, что я не выносила моего чувства напоказъ, какъ другія! вздыхаетъ Фьямметта, и ей больно слышать, что поблекла ея красота. Часто случалось, что заходила въ кружкѣ дамъ бесѣда о сердечныхъ невзгодахъ, и она убѣждалась, что никто такъ не несчастенъ, какъ она. Другія шли къ танцамъ, она оставалась и презрительнымъ взглядомъ слѣдила за движеніями танцующихъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ ей завидно: будь здѣсь Памфило, она сдѣлала бы то же самое. Тогда она удалялась куда-нибудь въ сторону и принималась сѣтовать на Фортуну: не знала она, неопытная, что Фортуна такъ властна въ дѣлахъ любви; она отдалась ей, а судьба не переставала ей досаждать: вначалѣ она ухищрялась тѣмъ или другимъ способомъ смущать души влюбленныхъ, за|ставлять ихъ глазами выдавать тайную 419
страсть, переносила отъ одного къ другому недобрыя рѣчи. Все это они побѣдили, потому что хотя Фортуна—богиня, силы души ей не подвластны. Тогда она прибѣгла къ другимъ мѣрамъ, разлучивъ ее съ Памфило. Но вѣдь онъ любитъ меня, а тебѣ что за дѣло до любви? Почему не обратишь ты своего гнѣва на мои дома и поля и достояніе? Ты, видно, никогда не любила. Но я все прощу тебѣ, отдай лишь мнѣ моего Памфило, и я поставлю въ храмѣ свое изображеніе съ стихотворной надписью: Это Фьямметта, возведенная Фортуной отъ крайняго бѣдствія на верхъ счастья.

Образъ Памфило преслѣдуетъ ее повсюду: и въ прогулкахъ по морю и въ веселыхъ пирахъ на берегу [1]), гдѣ звуки каждаго инструмента заставляютъ ее спрашивать, кто это играетъ, хотя ея Памфило игралъ лишь на одномъ. Она безучастно смотритъ на блестящія военныя игры [2]); когда-то и Памфило бывалъ на

---

1) Сл. выше стр. 63.
2) Сл. выше стр. 62.

этомъ празднествѣ: юный годами, не мудростью, онъ сидѣлъ съ стариками, какъ мальчикъ Даніилъ съ священниками въ домѣ Сусанны, и также судилъ, приравнивая наѣздниковъ къ тому или другому герою древности, не голословно, а съ убѣдительными доказательствами [1]). Его нѣтъ, и, вернувшись домой, Фьямметта клянетъ ложный блескъ свѣтскихъ удовольствій, противополагая имъ простоту сельскаго быта и невинность золотого вѣка. Это та же точка зрѣнія, что и въ разсказѣ Адіоны [2]), вызванная элегическимъ настроеніемъ разсказчицы. «Блаженъ тотъ, кто пребываетъ невинно въ сельскомъ уединеніи подъ покровомъ неба! Почему судьба не уготовила и ей такой же участи? Къ чему ей роскошные дворцы, пышныя ложа и множество челяди? Какъ хорошо было бы жить тамъ, свободной и покойной, гулять по берегу быстрой рѣки и подъ ея ропотъ безмятежно покоиться на травѣ, утоляя голодъ плодами лѣса, жажду—водой изъ при-
420 горшни! А мы изобрѣли множество яствъ, не столько поддерживающихъ тѣло, сколько портящихъ его соки, и въ оправѣ золота и рѣзныхъ камней уготовивъ себѣ мудреные напитки, пьемъ студеный ядъ и, во всякомъ случаѣ, любовь. Тѣ люди не знаютъ Венеры и ея двуликаго сына, а коли знаютъ, то она является имъ грубой и необольстительной. Какъ плохо цѣнимъ мы эту жизнь! Такъ жили въ золотомъ вѣкѣ, пока Юпитеръ не изгналъ еще Сатурна, царили святые законы, люди не знали ни царской власти, ни неустойчивыхъ мнѣній черни, ни зависти, ни колебаній Фортуны; не знали иныхъ орудій брани, кромѣ вѣтвей и камней; Амура еще не было на свѣтѣ, и существовало лишь естественное вожделѣніе. А затѣмъ явились любостяжаніе и гнѣвъ и сладострастіе, и нарушены были святые законы природы; явилась жажда власти, и насиліе стало давать законъ. Уже Семирамида сдѣлала Венеру распущенной, Сарданапалъ сдѣлалъ ее изящной, Церера и Вакхъ приняли другой обликъ, и

1) Сл. выше стр. 117.

2) Въ Ameto, сл. выше стр. 281, 365—6.

Марсъ изобрѣлъ новыя орудія смерти. Грѣхъ и преступленіе вошли въ міръ, разрушивъ родственныя связи, гибли города и царства, — и вождь и начинатель всему злу былъ Амуръ.

Таково было настроеніе Фьямметты. Въ люди она почти не
показывается, и когда въ виду какого-нибудь церковнаго празд-
ника служанка приготовитъ ей одѣться, она бросается на нее
съ бранью, точно дикій звѣрь на собакъ. Когда случалось ей вы-
ходить, она, просто одѣтая, садилась гдѣ-нибудь въ невидномъ
мѣстѣ. Что съ нею? слышались голоса; другіе говорили: Не
пристало тебѣ такъ одѣваться, ты еще молода, будетъ время,
когда нельзя будетъ и рядиться. А она отвѣчала смиренно: Мы
ходимъ въ храмъ не для людей, а для Бога, въ чемъ бы ни былъ
одѣтъ человѣкъ, лишь душа была бы украшена добродѣтелью;
я горюю о своей прошлой суетности, потому и желаю показаться
вамъ, насколько могу, презрѣнной. Эта лицемѣрная выходка
вызываетъ у ней слезы: Не вмѣняй мнѣ въ грѣхъ лживыя рѣчи,
Господи, вѣдающій наши сердца, скорѣе вмѣни мнѣ въ заслугу,
что я подаю хорошій примѣръ, скрывая дурное. Мнѣ больно
лгать, представляться святою, | взысканною тобою. О неразум- 421
ные люди, на васъ лицемѣрная внѣшность дѣйствуетъ болѣе, чѣмъ
праведность духа, если скрыты дѣла. Я — святая! да если бъ я
могла, я разубѣдила бы въ томъ всѣхъ и каждаго; только этого
нельзя сдѣлать.—Что сталось съ твоей красотой? Куда дѣвались
краски, отчего ты такъ блѣдна? спрашиваетъ Фьямметту одна
дама. — Человѣческая красота — бренный цвѣтокъ; кто далъ
мнѣ ее, ее и отнялъ и можетъ вернуть. Такъ отвѣчаетъ Фьям-
метта, а сама, закутавшись, горько плачетъ, проклиная свою ро-
ковую красоту: въ ней главная причина всѣхъ ея бѣдъ, и она
развиваетъ эту тему, къ которой любятъ возвращаться героини
Боккаччьо, и онъ самъ вернется въ другомъ, болѣе легкомыслен-
номъ освѣщеніи[1]). Не будь она красива, она осталась бы непо-

1) Декамеронъ, VII, 2.

рочной; счастливы тѣ, которыя, избѣгая соблазна, исказили себя, какъ достойный вѣчной славы Спурина!

Перестань же, Фьямметта! говорятъ ей знакомыя, что это ты все плачешь? Развѣ не надѣешься на Божіе милосердіе? Подбодрись, утри слезы и внемли священникамъ, приносящимъ жертву великому Юпитеру [1]). — Она оправилась, но уже не обводитъ вокругъ глазами, ибо знаетъ, что не встрѣтитъ Памфило, и начинаетъ страстно молиться: она проситъ властителя вышняго неба вернуть ей Памфило. Онъ, кому все извѣстно, знаетъ, что она не въ силахъ отдѣлаться отъ этой мысли; пусть же допуститъ меньшее зло вмѣсто большаго, лучше ей обладать своимъ милымъ и, можетъ быть, исправиться, чѣмъ загубить, вмѣстѣ съ тѣломъ, и душу. И, воскуривъ ѳиміамъ на алтаряхъ, она возвращается въ свою печальную обитель.

До сихъ поръ Фьямметту смущала вѣсть о бракѣ Памфило, но она старалась успокоить себя, отдѣляя ее отъ любви. Что сталось съ ней послѣ, о томъ она боится разсказать: ей стыдно своего гнѣва, а онъ навѣрно обновится при воспоминаніи.

Прошелъ годъ съ отъѣзда Памфило, и Фьямметта уже
422 пріу|чилась переносить свое горе, когда вернулся ея слуга. Онъ былъ на родинѣ Памфило, былъ имъ обласканъ. Фьямметта чуть не бросилась ему на шею. Что дѣлаетъ Памфило, намѣренъ ли вернуться? — Да я счелъ бы его дуракомъ, какъ прежде считалъ умнымъ: такая красавица его полюбила! Да и онъ, кажется, любитъ ее. — У Фьямметты упало сердце, но она крѣпится и шутитъ, какъ Флоріо въ бесѣдѣ съ Филено [2]): Разумѣется, такъ ему и слѣдуетъ поступить; но кто — его жена? — Какая тамъ жена! Говорили, что онъ женился, но то женился его отецъ. — Какъ услышала это Фьямметта, ея бѣдное сердце затрепетало, какъ трепещутъ крылья Прокны надъ бѣлѣющими берегами, содрогнулись жизненные духи, какъ дрожитъ зыбь на морѣ, или

---

1) Fiammetta, стр. 126.
2) Сл. выше стр. 217—18

гибкій тростникъ отъ легкаго вѣтерка. Удалившись въ свою комнату, она плачетъ, едва удерживаясь отъ стоновъ; бросается на постель и теряетъ сознаніе; когда ее привели въ чувство, она сѣтуетъ, что ее вернули къ жизни, и объясняетъ, какъ можетъ, свое недомоганіе; теперь ей лучше. Оставшись одна съ нянькой и служанкой, которыя были посвящены въ ея печаль, она свободно выражаетъ свое горе. Памфило предалъ ее; ей больно было слышать, что онъ соединился съ другой «по закону Юноны», т. е. въ бракѣ, но она помирилась съ этимъ, ибо связи, соединявшія его съ нею, были выше брачныхъ. Теперь другое дѣло, она обманута. И зачѣмъ было столько ухищреній, почему не разстался онъ съ нею безъ лживыхъ слезъ? Теперь она была бы свободна въ смерти или забвеніи. Ты никогда не любилъ, ибо былъ бы еще моимъ. А развѣ я не нравилась тебѣ, не отвѣчала твоимъ желаніямъ, мое благородство не приличествовало твоему— и не было больше?

Такъ говоря, она мечется на постелѣ; ночью не спитъ, ея слезы будятъ мужа. Что съ тобою? допрашиваетъ онъ ее ласково; ты о чемъ-то горюешь, и я страдаю; откройся мнѣ, я сдѣлаю все, что въ моихъ силахъ; ты мое единственное утѣшеніе
и | благо! Фьямметта, уже пріобыкшая къ обману, говоритъ, 423
что ей постоянно видится ея братъ, предательски убитый; блѣдный и окровавленный онъ показываетъ ей свои раны и проситъ отмстить за него. Эта выдумка позволила ей горевать открыто и при людяхъ — будто о братѣ. Мужъ вѣритъ ей, пытается утѣшить; когда онъ заснулъ, его внимательность и довѣрчивая доброта даютъ новую пищу ея горю: она призываетъ на себя кару боговъ, гнѣвъ мужа, пусть накажетъ ее, проступившуюся передъ законной любовью для прелюбодѣйной. Она могла и должна была воздержаться отъ нея, но не поняла знаменій, и боги, прогнѣвавшись на нее, подавъ знаменіе, отняли разумѣніе, какъ Аполлонъ у любимой имъ Кассандры.

Ночь прошла безъ сна; утромъ, лишь только мужъ вышелъ изъ опочивальни, явилась нянька; она все предугадала; обнявъ

Фьямметту, она отираетъ дрожащей рукой слезы, а сама говоритъ: Жаль мнѣ тебя, жаль было бы и больше, если бъ я тебя обо всемъ не предупредила; но ты не послушалась меня. Всегда есть время вернуться на добрый путь; съ Памфило ты утѣшалась и повѣрь, если бъ онъ вернулся, было бы все то же. Судьба къ тебѣ благоволитъ, ибо твое имя не запятнано; представь себѣ, что Памфило ты никогда не видала, и что твой мужъ—Памфило; для воображенія нѣтъ ничего невозможнаго. — Такъ утѣшала Сизифа Бьянчифьоре: кто ей понравится, тотъ пусть и будетъ ея Флоріо[1]).

Фьямметта слушаетъ, бывало, такія рѣчи серьезно и сосредоточенно, ибо отвѣчать на нихъ было нечего, и вдругъ зарвется въ страшномъ гнѣвѣ, непристойномъ женщинѣ: посылаетъ на соперницу всѣхъ фурій и гарпій и хаосъ; боги да разлучатъ ихъ любовь. Презрѣнная! она должна была знать, поглядѣвъ на Памфило, что у него не можетъ не быть милой; какъ же посягнула она на чужое достояніе? Я вѣчно буду питать надежду на ея смерть, и пусть смерть эта будетъ ужасна; не перестану клясть
424 ее, | и моя вражда уляжется развѣ тогда, когда небесная Медвѣдица погрязнетъ въ океанѣ, умолкнутъ псы Сциллы, Іонійское море принесетъ жатву. И по смерти я не устану тебя преслѣдовать; если ты переживешь меня, наведу на тебя бѣшенство, по ночамъ стану пугать моимъ страшнымъ образомъ. — Но что говорю я, несчастная! Я угрожаю ей, она — наноситъ мнѣ вредъ. О, если бъ была у меня хитрость Дедала, колесница Медеи, я отыскала бы васъ въ вашемъ убѣжищѣ, осыпала бы упреками, дала бы волю своему гнѣву: я вырвала бы у тебя волосы, исцарапала бы лицо, всю бы искусала! — Она говоритъ это, сжавъ зубы и кулаки, точно ея жертва налицо и не избѣжитъ мести. Когда нянька проситъ ее уняться, пощадить свою честь, какъ-бы не услышалъ мужъ, она отвѣчаетъ, что Памфило уже отмстилъ за него съ лихвою, а смерти она не страшится; муки Тиція, Тан-

---

1) Сл. выше стр. 225.

тала, Иксіона, Данаидъ не сравняются съ ея собственными, смерть будетъ ей освобожденіемъ.—Что ты, дочь моя? Вѣдь и я, старуха, знала, что такое любовь, а на мелкихъ людяхъ его ядъ сказывается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе у нихъ возможности удовлетворить ее. Послушай-ка меня: Ты любишь Памфило и, по законамъ любви, онъ долженъ былъ бы любить тебя и поступаетъ дурно, коли того не дѣлаетъ, но принудить его къ тому нельзя: всякому вольно располагать своей свободой. Велики, безъ сомнѣнія, силы Амура, но и тебя онъ увлекъ не по принужденію, ты сама ему отдалась. Поэтому нечего винить его, нечего, быть можетъ, винить и ту, которой ты такъ угрожаешь: она могла быть увлечена, могла и увлечь Памфило, какъ то сдѣлала ты. Кто мѣшаетъ тебѣ испытать это на другомъ? Надъ клятвами и обѣщаніями влюбленныхъ смѣется самъ Юпитеръ[1]), когда ихъ нарушаютъ; сдержать слово нарушившему его почитается нынѣ неразуміемъ, мудростью — отплатить обманомъ за обманъ. Ты не первая и не послѣдняя: вспомни Дейяниру, покинутую Иракломъ для Іолы, Филлиду, Пенелопу; нельзя назвать
невыносимыми | тѣ страданія, гдѣ у человѣка есть товарищи[2]). 425
Брось эти мысли и подумай, что сказалъ бы мужъ; если ты не боишься смерти, подумай о вѣчномъ стыдѣ, который легъ бы на твоемъ имени. На свѣтѣ все измѣнчиво, все путаетъ Клото, не дозволяя судьбѣ быть постоянной; нами правитъ Фатумъ, что уготовано въ небѣ, нелегко измѣнить, и первый день твоей жизни опредѣлилъ и послѣдній. Потому лучше не печалиться, а ждать, надѣясь на боговъ и живя добродѣтельно: бываетъ такъ, что счастье, кажется, далеко, а оно невзначай уже подошло къ человѣку, и блекнутъ зеленыя вѣтви, окруженныя уходомъ, тогда какъ другія, пораженныя молніей, одѣваются листомъ.

Такъ не разъ утѣшала старуха Фьямметту, но она почти не слушала ее, и мысль о смерти глубоко у ней запала. Она рѣши-

1) Ovid., Art. Am. I, 633; сл. III, 457 слѣд.

2) Стр. 151.

лась умереть, но какъ? Ей вспоминается Дидона и Библида, са-
мосожженіе сагунтинцевъ и кончина Сократа. Она выбираетъ
родъ смерти: ножъ запятналъ бы ея честное имя, ядовитаго
зелья долго искать — пожалуй, пройдетъ и охота; она выбро-
сится съ высоты дома, какъ Пердика; скажутъ, что упала она
нечаянно. При этой мысли она содрогалась, холодъ проходилъ
по всѣмъ суставамъ: Неужели хочешь ты перестать быть? По-
чему не постараешься жить? Когда-нибудь Памфило да вернется,
любовно или враждебно — все равно: ты все же будешь любить
его. Онъ не изъ дуба и не изъ камня, не вскормленъ молокомъ
тигра; если онъ не смягчится, будетъ еще время умереть, и ты
умрешь въ надеждѣ, что какъ бы онъ ни былъ жестокъ, онъ
прольетъ по тебѣ слезы. — Такъ говорила себѣ Фьямметта, но
Мегера вновь овладѣвала ею, побуждая дѣйствовать. Она рѣши-
лась, и отсылаетъ отъ себя няньку, подъ предлогомъ, что хочетъ
заснуть; но та не уходитъ, чуя что-то недоброе. Фьямметта
представилась спящей. Насталъ твой послѣдній день, думаетъ
она про себя, сегодня кончатся твои страданія, сегодня Памфило
освободится отъ даннаго слова, сегодня ты узнаешь, для кого
426 онъ тебя поки|нулъ [1])! Она молитъ боговъ, чтобъ ея смерть не
покрыла ее безславіемъ; если она грѣшитъ, ея наказаніе — въ
невозможности объяснить причину самоубійства. Да поддержатъ
боги ея мужа: если бъ она сумѣла сохранить его любовь, она
молила бы ихъ теперь продлить ея жизнь. Тутъ ея глазамъ пред-
сталъ страшный ликъ Тизифоны, пугая ее еще бóльшими бѣд-
ствіями въ будущемъ, побуждая къ рѣшимости, ибо что испы-
тывается однажды, не можетъ быть труднымъ. А нянька все
не уходитъ; Фьямметта боится ожиданія, случайной помѣхи;
прощается съ своимъ ложемъ, съ покоемъ; страхъ борется въ
ней съ рѣшимостью гнѣва, нѣсколько разъ она падаетъ въ обмо-
рокъ, блѣдная, какъ смерть, мечется, словно быкъ, почувство-

---

1) Стр. 157—8.

вавшій смертельный ударъ[1]), и наконецъ бѣжитъ на вышку дома
за призракомъ Тизифоны, произнося несвязныя слова, прощаясь
съ домомъ и дорогимъ мужемъ. Она бѣшено мчится, но нянька
замѣтила ее, бросила прялку и бросилась за нею, зоветъ на по-
мощь служанокъ. У Фьямметты точно выросли крылья, но ея
платье зацѣпилось на бѣгу, она пытается освободить его, но
еще болѣе запутываетъ. Когда ее схватили и привели въ
ея комнату, она осыпаетъ бранью няньку, бьетъ служанокъ,
готова растерзать самое себя. Старуха старается ее успокоить:
Кто, подобно тебѣ, покончилъ расчеты съ судьбою[2]) и пре-
зрѣлъ блага жизни, тому нечего искать смерти: это малодушіе,
да и неразумно: своею смертью ты утратишь, не вернешь
Памфило.

Между тѣмъ на крики сбѣжались слуги и мужъ и родные;
Фьямметта отдѣлывается какой-то небылицей; одни смотрятъ на
нее, какъ на бѣшеную, другіе соболѣзнуютъ. За нею наблю-
даютъ, и время взяло свое: она стала спокойнѣе, любовь всту-
пила въ фазу меланхоліи. Она совѣщается съ нянькой, какъ ей
вызвать Памфило: пишетъ ему жалобныя письма, но онѣ
остаются безъ | отвѣта; хочетъ послать къ нему кого-нибудь, 427
хотя бы няньку, но это неудобно; пойти самой въ одеждѣ палом-
ника, но это опасно для ея чести. Наконецъ она придумала одно
средство, къ которому обратится, если только доживетъ: гово-
ритъ мужу, что обѣщала совершить хожденіе къ святымъ мѣ-
стамъ — путь долженъ былъ идти черезъ страну Памфило; и
мужъ готовъ устроить это, надо только выждать благопріятное
время года. Пока она коротаетъ дни, совѣтуясь съ тѣми, кто
видѣлъ чудеса Гекаты: одни обѣщаютъ ей перенести ее къ Пам-
фило, другіе — отвлечь его отъ всякой другой любви, третьи —
освободить ее отъ ея собственной. Всѣ, оказалось, болѣе сулили,
чѣмъ дѣлали; оставалось ждать.

---

1) Стр. 159; сл. выше стр. 410.
2) I suoi fati abbatteo, стр. 163.

До сихъ поръ горе Фьямметты шло, возрастая: отъ слуховъ о бракѣ Памфило къ вѣсти, что онъ полюбилъ другую. Фьямметта только-что успокоилась идеей поѣздки, какъ судьба поманила ее исполненіемъ ея завѣтнаго желанія, чтобы тотчасъ же его разрушить. Чѣмъ ближе казалось счастье, тѣмъ полнѣе отчаяніе. Боккаччьо сознательно провелъ эту постепенность; всякая другая показалось бы избитой: поставленная лицомъ къ лицу съ Памфило, Фьямметта не могла бы ни почувствовать, ни сдѣлать ничего болѣе того, что обѣщала, потому что ея воображеніе ярче дѣйствительности. И насъ эта дѣйствительность не интересуетъ: Фьямметта также бы страдала, если бъ Памфило измѣнилъ однимъ отсутствіемъ. Все дѣло въ психическомъ процессѣ, гдѣ ревность создаетъ подозрѣнія, и подозрѣнія оборачиваются фактами, надъ которыми неустанно работаетъ логика страсти.

Еще разъ наступила весна. Боккаччьо любитъ ея параллелизмъ съ расцвѣтающей или обновляющейся любовью; это общее мѣсто средневѣковой лирики, выраженное въ классическихъ символахъ. Уже Телецъ, когда-то похитившій Европу, обнималъ своими лучами Феба (апрѣль), дни, заступая часть ночи, удлинились, и цвѣтоносный Зефиръ, успокоивъ своимъ мягкимъ, мирнымъ дуновеніемъ стремительныя волненія Борея, очистилъ холодный воздухъ отъ мглы, согналъ съ горныхъ вершинъ бѣлые |
428 снѣга, осушилъ луга, увлаженные дождями, и все вновь украсилъ листвой и цвѣтами. На каждой полянѣ явился свой Нарциссъ; мать Вакха уже обнаруживала признаки своей беременности и болѣе обычнаго облегала своего спутника, ильму; повеселѣли, сбросивъ зимній покровъ, Дріопа и жалостныя сестры Фаэтонта, всюду слышался радостный птичій кликъ, и властелинъ Амуръ обновилъ въ молодыхъ сердцахъ желаніе. Весь городъ въ праздникѣ; театры, полные пѣсенъ и музыки, манятъ къ себѣ влюбленныхъ, молодые люди красуются на турнирахъ, гарцуютъ на своихъ коняхъ, тогда какъ красавицы смотрятъ, каждая на своего милаго, изъ оконъ и дверей, поощряя ихъ словомъ и взглядомъ и подаркомъ. А Фьямметта одна, неутѣшная; чужое счастье ей

завидно, ей по сердцу разсказы о чужомъ горѣ. Тутъ и подшутила надъ нею судьба, обративъ къ ней веселый ликъ, дабы, довѣрившись ему, она низверглась, какъ бѣдный Икаръ; ложная радость готовила ей бо̀льшую печаль, какъ африканскіе бараны разбѣгаются, чтобы боднуть сильнѣе.

Уже болѣе четырехъ разъ миновалъ срокъ, назначенный Памфило, когда однажды нянька Фьяметты вошла къ ней, болѣе поспѣшно, чѣмъ то дозволялъ ея возрастъ, морщинистое лицо въ поту, сама она веселая; она сѣла и принимается говорить, но рѣчь у нея обрывается, такъ она запыхалась. Что съ тобой, какія у тебя вѣсти? спрашиваетъ Фьяметта, веселыя или нѣтъ, не мучь меня. — Радуйся, милая моя дочка, говоритъ, придя въ себя, старуха, твой милый возвращается. — Внезапная радость блеснула въ глазахъ Фьяметты, но долгій навыкъ горя осилилъ ее, она не вѣритъ и съ слезами проситъ няньку не издѣваться надъ нею. — Шутить въ мои годы мнѣ не пристало, твоя нянька не обманываетъ тебя! — Какъ же узнала ты о томъ? обрадуй меня поскорѣе! спрашиваетъ Фьяметта, подойдя къ старухѣ. Та разсказываетъ, что утромъ она была на морскомъ берегу, когда какой-то молодой человѣкъ, прыгая изъ лодки, неловко задѣлъ ее, стоявшую къ нему спиною. Она пожурила его, а затѣмъ, заключивъ по его одеждѣ, что онъ съ родины Памфило, вступила | съ нимъ въ разговоръ. Онъ оказался изъ То- 429
сканы, и именно изъ Флоренціи, знаетъ Памфило, который собирался съ нимъ ѣхать, только его что-то задержало, но черезъ нѣсколько дней онъ будетъ здѣсь. Въ это время сошли на берегъ товарищи моряка, онъ ушелъ съ ними, а она побѣжала обо всемъ разсказать Фьяметтѣ. — Та бросилась къ старухѣ, цѣлуетъ ее въ голову, заставляетъ поклясться, что все это правда, и хотя «да» и «нѣтъ» борются въ ея сердцѣ[1]), благодаритъ боговъ, повеселѣла, какъ соколъ, съ котораго сняли клобучекъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуетъ, что ее обуяла какая-то вялость: кто изстра-

---

1) Benchè'l sì e'l no.... nel capo mi vacillasse; сл. Inf., VIII, 111.

дался, не вѣритъ счастью, ему все кажется, что это—сонъ. Что мѣшаетъ твоему веселью? спрашиваетъ она себя, и сама отвѣчаетъ: не знаю что, но что-то мѣшаетъ. И у нея невольно навертываются слезы; она точно предчувствуетъ бѣду; такъ море волнуется порой безъ вѣтра, вѣщая великую бурю. И вмѣстѣ съ тѣмъ ей не хочется въ это вѣрить, она гонитъ отъ себя предчувствія и сомнѣнія, начинаетъ заботиться о своей красотѣ о нарядахъ; всѣ дивятся ея перемѣнѣ; вмѣстѣ съ ней все въ домѣ повеселѣло. Снова она принялась считать медленно потянувшіеся дни, коря себя за то, что заподозрила своего милаго, вѣрила слухамъ. Сколько было ненужнаго горя, пролито даромъ слезъ! Но вѣдь влюбленные легковѣрны, а любовь всегда опаслива. Памфило не узнаетъ объ этомъ, а если и узнаетъ, скажетъ: Какъ горячо она меня любила! Я почти увѣрена, что онъ и отъѣздъ свой замедлилъ, чтобъ испытать меня; моя твердость и гореванье только усилятъ его любовь. Когда же я его увижу! восклицаетъ Фьямметта, и моменты страстнаго ожиданія выражаются въ знакомыхъ намъ образахъ: Боккаччьо повторяется. Какъ ей удержаться, чтобы не расцѣловать его при всѣхъ, не вернуть ему поцѣлуи, которыми онъ осыпалъ мое помертвѣвшее лицо [1])? Я тогда не простилась съ нимъ и извлекла дурное предзнаменованіе |
430 изъ того, что, наоборотъ, было добрымъ знаменіемъ. — Не проходитъ дня, чтобы она не посылала старуху провѣдать о Памфило, постоянно подбѣгаетъ то къ двери, то къ окну, глядитъ на дорогу, и когда ее отзовутъ по дѣлу, боится, какъ бы не пропустить Памфило. Когда насталъ день ожидаемаго пріѣзда, она разодѣлась, какъ Алкмена при вѣсти о возвращеніи Амфитріона, и лишь мысль, что самъ Памфило поспѣшитъ къ ней, удержала ее отъ намѣренія пойти встрѣтить его на берегу. Но его нѣтъ; она начинаетъ дивиться, насильно подавила сомнѣнія, посылаетъ няньку справиться; какъ долго ходитъ старуха! Вотъ она вернулась, идетъ не спѣша, и лицо у ней печально. Не умеръ ли Пам-

---

1) Сл. стр. 176 и 53 (сл. выше стр. 410).

фило, не заболѣлъ ли? Въ одинъ мигъ на ея лицѣ смѣнились тысячи красокъ. Какія у тебя вѣсти? Говори скорѣе, живъ ли онъ? спрашиваетъ она, подбѣгая къ медленно тащившейся старухѣ. Та не прибавила шагу и, не говоря ни слова, сѣла и смотритъ на нее; Фьямметта дрожитъ, какъ листъ, едва удерживая слезы, готова растерзать на себѣ одежды, если нянька не провѣщится: отчего у ней такое печальное лицо? Пусть ничего не скрываетъ; живъ ли онъ? — Живъ. — Въ чемъ-же дѣло? Не боленъ ли онъ, почему онъ медлитъ? — Не знаю, что его задерживаетъ, болѣзнь или что другое. — Ты, стало быть, не видѣла его, или онъ не пріѣхалъ? — Видѣть-то я его видѣла, да это не тотъ, кого мы ожидали! — Какъ же ты узнала о томъ, вѣдь ты не видала прежде Памфило? — Старуха разсказываетъ, какъ было дѣло: тотъ молодой человѣкъ, который оповѣстилъ ее объ его пріѣздѣ, подвелъ ее къ кому-то, она стала разспрашивать его объ его здоровьѣ и отцѣ, и почему онъ такъ замедлилъ пріѣздомъ. Тотъ отвѣчалъ, что отца своего не знавалъ, ибо родился по его смерти, а здѣсь никогда не былъ и не намѣренъ долго заживаться; зовется онъ — Памфило. Насъ обмануло сходство имени! заключаетъ старуха, и Фьямметта падаетъ на лѣстницѣ замертво, только у ней и силъ осталось, чтобы сказать: Увы! Когда ее привели въ чувство, она еще разъ допрашиваетъ старуху: Памфило остороженъ, онъ могъ не высказаться нянькѣ, съ которой | никогда не говорилъ; можетъ быть, это и онъ. Но 431
нянька описываетъ ей наружность, лицо, одежду пріѣзжаго, сомнѣніе невозможно. Фьямметтѣ остается попрежнему горевать, и лишь надежда на будущее путешествіе удерживаетъ ее отъ мысли о смерти.

Мотивомъ надежды, неясной и болѣзненной, страстно живучей, кончается седьмая книга романа; это то же настроеніе, что у Идалага-Галеоне, оставленнаго Фьямметтой. Седьмой книгой кончается и самый романъ; восьмая портитъ его цѣльность: это риторическое упражненіе на тему, уже намѣченную выше, но теперь освѣщенную на-ново, съ свойственнымъ Боккаччьо шар-

жемъ. Психологическое развитіе отъ этого не выигрываетъ, авторъ увлекся разработкой незначительнаго стилистическаго момента — до ошибки въ композиціи; восьмая книга также перерастаетъ планъ цѣлаго, какъ послѣдняя часть Филоколо.

Фьямметта живетъ надеждой на путешествіе; пока она находитъ утѣшеніе въ томъ, что сравниваетъ свое горе съ тѣмъ, которое встарь испытали другія. Она не первая, сказала ей нянька; ея страданія превышаютъ муки Тантала, Иксіона и т. д., говорила она раньше[1]), теперь она гордится этимъ ореоломъ страданій; до такихъ крайностей аффекта доводила самого Боккаччьо его нервность и неудержная фантазія, когда онъ говорилъ о себѣ, какъ объ избранникѣ недоли[2]). И вотъ Фьямметта воображаетъ себѣ[3]) героевъ и героинь несчастья; передъ ней проходятъ несчастные въ любви, затѣмъ вообще сраженные судьбою[4]): Іо и Библида, Пирамъ и Тисбэ, Дидона и Геро, Тристанъ и Изотта[5]), Федра, Іокаста, Корнелія и Клеопатра, Улиссъ, Изифила и другіе. Всѣ они были счастливы, и всѣ кончили пла|-
432 чевно; это такой же смотръ бѣднымъ жертвамъ Фортуны, какъ позднѣе въ латинскихъ трактатахъ Боккаччьо: О роковой участи именитыхъ людей и о знаменитыхъ женщинахъ. Кое-гдѣ въ размышленіяхъ Фьямметты пробивается и педантическое ушко: о Библидѣ разсказывалось раньше[6]), что она повѣсилась[7]), теперь Фьямметта спохватывается: иные говорятъ такъ, другіе, что она обратилась въ источникъ[8])! Все это освѣщается, согласно съ общей идеей, въ примѣненіи къ Фьямметтѣ и преимуществу ея горя: другіе были счастливѣе въ несчастіи. Тисбэ лишила

---

1) Стр. 146—7.

2) Nimico della fortuna.

3) Figura, стр. 182.

4) Стр. 187 слѣд.

5) Если позволено вѣрить французскимъ романамъ, которые Фьямметта читала, стр. 186.

6) Стр. 154.

7) Сл. Амето, въ разсказѣ Фьямметты; стр. 150.

8) Стр. 183.

себя жизни на тѣлѣ любимаго Пирама; о блаженныя души, если и на томъ свѣтѣ любятъ, какъ въ этомъ[1]), блаженны Тристанъ и Изотта, если они умерли съ этой увѣренностью[2]). Іокаста вынесла безконечное горе, но она возбудила гнѣвъ боговъ, я же его не возбуждала, говоритъ Фьямметта и защищается отъ возможныхъ обвиненій, что она нарушила священные законы, осквернивъ брачное ложе: не могла она противостоять тому, чему покоряются боги; она и не одна, весь свѣтъ ей въ товарищахъ, и законы извиняютъ и щадятъ общій грѣхъ[3]). Къ тому же ея проступокъ былъ скрытъ отъ всѣхъ; кто бы ни увлекъ ее, Амуръ или Памфило, почему боги не обратили своей кары на увлекшаго? — Несчастіе Улисса вызываетъ ее на размышленія, напоминающія нѣсколько строкъ изъ Введенія въ Декамеронъ: онъ — мужчина, привычный къ трудамъ и опасностямъ, она — слабая женщина, привыкшая тѣшиться съ игривымъ Амуромъ, невыносливая къ малѣйшимъ страданіямъ; онъ среди опасностей чаялъ себѣ славы и чести, она отъ своихъ ожидала позора и безславія[4]). — Горевала Изифила, покинутая Язономъ для Ме|-
деи, но она утѣшилась, когда Медея была оставлена въ свою 433
очередь. Я не говорю, чтобы и мои бѣдствія прекратились, если бы подобное случилось съ моей соперницей (развѣ я заняла бы ея мѣсто), но онѣ уменьшились бы несомнѣнно.

Итакъ, за мной преимущество страданій, кончаетъ свой обзоръ Фьямметта, заключая откровеннымъ софизмомъ: если она никого не убѣдила, пусть убѣдятся хоть тѣмъ, что, почитая чужое горе меньшимъ своего собственнаго, она оказывается завистливой, а кто завидуетъ, всегда несчастнѣе того, на кого обращена зависть! — Теперь она несчастнѣе, чѣмъ была до надежды, поманившей ее возвратомъ Памфило; возвратная лихорадка поражаетъ сильнѣе, — и Фьямметта рѣшается умолкнуть,

1) Стр. 184.
2) Стр. 186.
3) Moltitudine, стр. 189.
4) Стр. 196.

щадя своихъ читательницъ: она не желаетъ удручать ихъ болѣе разсказомъ о своихъ бѣдахъ, разсказомъ, который лишь настолько даетъ понятіе объ испытываемомъ ею, насколько изображеніе огня — о настоящемъ. Да пошлетъ Господь, вашими молитвами, влагу, которая утолила бы меня смертью, либо радостнымъ возвращеніемъ Памфило.

Малая моя книжица, извлеченная какъ бы изъ гробницы своей госпожи, облитая ея слезами, ступай къ любящимъ женщинамъ, онѣ охотно примутъ тебя, если не измѣнились еще законы любви! — Такъ напутствуетъ Фьямметта свои признанія [1]), парафразируя начало Овидіевыхъ Тристій: Не стыдись показаться въ столь печальной одеждѣ, лишенной всякихъ прикрасъ: ты въ меня; другія пусть являются въ разноцвѣтной оберткѣ, гладко обрѣзанныя, съ прелестными миніатюрами на лощеной бумагѣ и пышнымъ титуломъ. Это книги для счастливыхъ; тебѣ присталъ твой скорбный видъ, ты возбудишь жалость, будешь примѣромъ для другихъ [2]). Куда мнѣ послать тебя — не знаю; |
434 иди, куда поведетъ судьба, предоставь себя ея волѣ, какъ судно безъ вѣтрилъ подъ беззвѣзднымъ небомъ. Если ты попадешь въ руки какой-нибудь счастливой своей любовью, и она поглумится надъ тобою, вынеси смиренно ея шутки и напомни объ измѣнчивости судьбы; кто поплачетъ надъ тобой, прими ея слезы на свои страницы, рядомъ съ моими, и попроси помолиться за меня Амуру, а я и теперь молюсь за нее, чтобы она никогда не познала горя, подобнаго моему. Не попадайся никогда на глаза моей соперницѣ, дабы она не порадовалась моему несчастію; если попадешься, то предстань ей такъ, чтобы возбудить въ ней

---

1) Гл. IX.

2) Parve, nec invideo, sine me, liber, ibis in Urbem.... Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse: Infelix, habitum temporis huius habe. Nec te purpureo velent vaccinia fuco: Non est conveniens luctibus ille color; Nec titulus minio, nec cedro charta notetur, Candida nec nigra cornua fronte geras. Felices ornent haec instrumenta libellos: Fortunae memorem te decet esse meae. Neve fragili geminae poliantur pumice frontes, Hirsutus passis ut videare comis. Nec liturarum pudeat. Qui viderit illas, De lacrimis factas sentiat esse meis. Trist., I, 1 слѣд.

не смѣхъ, а слезы. Бѣги общества мужчинъ, неблагодарнаго отродья, ругающагося надъ простодушными женщинами. Если увидишь того, кто былъ причиной всѣхъ моихъ золъ, закричи ему издали: Бѣги отсюда, не оскверняй меня твоими руками, если ты не сознанъ своей вины и не желаешь вернуться къ той, которая готова простить тебѣ. Можетъ быть, иная дама подивится на твои грубо сложенныя рѣчи; ей скажи, что украшенная рѣчь требуетъ яснаго расположенія духа и спокойствія; пусть лучше подивится, что ты вообще могла быть написана, когда мою душу терзали въ разныя стороны любовь и ревность. Зависти не бойся, пусть тебя поносятъ, ниже тебѣ некуда пасть; если случилось бы что худшее, я перенесу и это: я состарѣлась въ бѣдствіяхъ. Итакъ, живи, ибо никто не въ силахъ лишить тебя этого, и будь для счастливыхъ и несчастныхъ вѣчнымъ свидѣтельствомъ моихъ страданій.

III.

Таково содержаніе «элегіи мадонны Фьямметты»; въ литературной автобіографіи Боккаччьо она заканчиваетъ повѣсть его |
любви, въ европейской поэзіи она была откровеніемъ, къ кото- 435
рому привязывается развитіе психологическаго романа. До тѣхъ поръ литература эпоса разрабатывала канву внѣшнихъ происшествій съ типическими характеристиками героевъ; мотивы личной жизни находили себѣ выраженіе въ лирикѣ, но отлагались здѣсь въ формахъ, ограниченныхъ условіями рыцарскихъ отношеній; человѣкъ не исчерпывался до дна, чувство анализовалось подъ извѣстными, немногими углами зрѣнія, подъ призмой условнаго платонизма; оттуда бѣдность психологическихъ положеній, поражающихъ насъ своею односторонностью, потому, быть можетъ, что они намъ ничего не подсказываютъ, какъ подсказывали современникамъ; они для насъ не суггестивны. Психологія рыцарскаго романа отличается такой же ограниченностью личныхъ мотивовъ, подлежащихъ идеализаціи; оттого она и могла

удовлетвориться незначительнымъ количествомъ сюжетовъ, но
именно эти сюжеты вели къ болѣе человѣчному изображенію
любви, оправданной всевластнымъ чувствомъ и роковой силой
красоты. Овидій научилъ любить изящную плоть и въ ней ука-
залъ цѣли наслажденія; не ту разнузданную плоть, которая вы-
зывала безпринципный смѣхъ фабліо. Чтобы объединить всѣ
эти элементы наблюденія и условности, надлежало явиться не
только сильному таланту, но и мощному сознанію индивидуаль-
ности, для которой цѣнна всякая душевная мелочь, всякая
складка сердца; въ моменты художественнаго переживанія все
это станетъ для нея объектомъ идеализаціи, — и Данте напи-
шетъ свой біографическій романъ: Vita Nuova. Онъ идетъ въ
сравненіе съ любовными романами Боккаччьо, особенно съ Фьям-
меттой: типы двухъ почти смежныхъ эпохъ и показатели совер-
шившейся индивидуальной и еще болѣе литературной эволюціи.
Данте и Беатриче въ Vita Nuova просвѣтлены уже въ пору ве-
сенней встрѣчи на берегахъ Муньоне, просятся въ обстановку
стараго католическаго храма, среди мелодій и вечернихъ лучей,
льющихся изъ разноцвѣтныхъ оконъ; Фьямметту и Памфило не
оторвать отъ пейзажа байскаго берега и пряной атмосферы
436 неаполитан|скаго салона. Тамъ юношеская любовь, взлелѣянная
цѣломудреннымъ воспоминаніемъ до значенія мірового факта,
здѣсь повѣсть знойной страсти, захватывающей духъ, но въ
сущности очень обыденной, съ ея реальными восторгами и паде-
ніями — и просьбой простого людского счастья. Vita Nuova —
отрывокъ жизни, еще разъ страстно пережитой поэтомъ, голова
котораго полна была таинственныхъ соотвѣтствій и созвучій
чиселъ и звуковъ, небеснаго и земного; Фьямметта — литера-
турное переживаніе психологическаго момента, который пере-
сталъ тревожить сердце, но продолжаетъ занимать воображеніе.

Canzoniere Петрарки не идетъ въ сравненіе: это также исторія любви, но составленная въ цѣляхъ апологіи и художественнаго анализа личнаго чувства. Когда-то Петрарка увлекался, и не одной лишь неприступной Лаурой; но прошли годы,

и онъ вздумалъ увѣрить другихъ, быть можетъ, увѣрилъ и себя, что онъ любилъ и воспѣвалъ лишь одну ее, чистую — чистый, parthenias. Canzoniere — плодъ этого, не только художественнаго самообмана: сводъ лирическихъ перловъ, вызванныхъ иногда случайными привязанностями, выбранныхъ и смягченныхъ и переработанныхъ — и приведенныхъ къ единству Лауры[1]). Въ сущности, единство и не въ ней, а въ чувствѣ поэта, которое развивается передъ нами въ дивной виртуозности формъ и положеній, художественно и монотонно, потому что реальность смягчена, нѣтъ страстнаго біографическаго субстрата, а холодная архитектурная линія, ведущая отъ «жизни» къ «смерти» Лауры; нѣтъ движенія, нѣтъ развитія обыкновенной земной страсти во всѣхъ ея оттѣнкахъ, отъ первыхъ знойныхъ порывовъ и тихой истомы до объективно-художественной идеализаціи. Все это мы находимъ у Боккаччьо; въ этомъ литературномъ отношеніи къ фактамъ собственной душевной жизни, во всей откровенности ихъ развитія и состоитъ его новшество, онъ не только самъ глубоко заинтересованъ пережитымъ, но хочетъ заинтересовать имъ и другихъ. Это былъ шагъ впередъ на пути личнаго самосознанія, и читатели, очевидно, шли навстрѣчу поэту, если онъ рѣшился откровенно разсказать имъ исторію своихъ любовныхъ тревогъ, послѣдовательно изображая ихъ въ цѣломъ или въ біографическихъ эпизодахъ. Именно эта послѣдовательность устраняетъ мысль, что тотъ или другой мотивъ, случайно вырванный изъ связи жизни, могъ давать ему поводъ къ творчеству, и что цѣпь литературныхъ фактовъ не воспроизводитъ въ общемъ связи дѣйствительности. Разумѣется, эта дѣйствительность не фотографическая, а та, какою представлялъ ее себѣ Боккаччьо, когда на нее налегла волшебная пелена времени, очертанія прошлаго еще не измѣнились, но кое-что предстало въ усиленномъ освѣщеніи аффекта, другое забыто въ тѣни, иное,

---

1) *Таковы результаты Cesareo, Le «Poesie volgari» del Petrarca secondo le indagini più recenti, въ Nuova Antologia 1895, 15 Giugno, стр. 615 слѣд.

437 забытое, | внезапно возникало, какъ эстетическій мотивъ, — и досказывались недосказанныя слова любви [1]). Такъ Петрарка продолжалъ писать въ похвалу живой Лаурѣ и послѣ ея смерти и въ сознательномъ распорядкѣ своего Canzoniere слѣдовалъ болѣе эстетическо-психологической, чѣмъ хронологической правдѣ. Но между той и другой, между Wahrheit und Dichtung, въ сущности нѣтъ границъ: лишь на минуту мы бываемъ въ сферѣ фотографическихъ впечатлѣній дѣйствительности, чтобы тотчасъ же вступить въ область украшающаго или расцвѣчивающаго воспоминанія. Это основа фантазіи, а Боккаччьо былъ поэтъ, и мы никогда не различимъ въ образѣ Фьямметты, чѣмъ она была ему на самомъ дѣлѣ, и чѣмъ онъ самъ надѣлилъ ее въ поэзіи, что въ этой поэзіи пережитаго, и что безсознательно вылилось въ формы ходячей эстетической идеализаціи.

Что особенно выдѣляетъ Фьямметту изъ другихъ автобіографическихъ памятей Боккаччьо — это перенесеніе ихъ внѣ себя, на другое лицо, дезинтеграція своего собственнаго я. Все, что поэтъ перечувствовалъ въ своей любви, тревогу ожиданій, ненужные страхи, опасенія и надежды, привязывающіяся къ какой-нибудь суевѣрной примѣтѣ, слухи, кажущіеся дѣйствительностью, дѣйствительность, разрушаемая софизмами сердца, муки ревности и отчаянія — все это онъ воплотилъ въ Фьямметтѣ; біографія и «признанія» уступили мѣсто психологическому этюду.

На этотъ разъ его вдохновилъ не Данте, а классики: образъ Дидоны, покинутой Энеемъ, героини Овидія, оплакивающія своихъ милыхъ. Овидій, болѣе, чѣмъ кто другой, опредѣлилъ міросозерцаніе того цикла любовныхъ, автобіографическихъ признаній, которыя завершаются «Фьямметтой»; Петрарка зачитывается имъ въ юности [2]), вторя его мотивамъ въ строфахъ Canzoniere; для молодого Боккаччьо онъ по преимуществу поэтъ,

---

1) Stecchetti: Le parole d'amor che non ti dissi.
2) Secretum, III, 361.

художникъ любви[1]), любовная философія Овидія пришлась по его страстной, | нѣсколько чувственной натурѣ, его чувство такое же 438
знойное, колоритное, лишь порой смягченное лунными бликами дантовскаго идеализма. И вотъ его Флоріо и Бьянчифьоре научаются любить, читая Ars Amatoria[2]), Филоколо полонъ овидіевскихъ воспоминаній[3]), не только въ эпизодахъ метаморфозъ, аллегорическихъ сновидѣній и чаръ; Ninfale Fiesolano — не подражаніе Овидію, но въ немъ чувствуется та же игривость и та же изящная меланхолія; Амето — сентиментальный Полифемъ. Героидами, которыя Боккаччьо цитуетъ не разъ[4]), онъ продолжалъ интересоваться еще на старости лѣтъ: онъ живетъ въ Чертальдо, больной и угрюмый, отказавшись отъ Ars Amatoria, грѣшнаго Овидія[5]) и грѣховъ Декамерона, а Carlo di Figiovanni ходитъ къ нему съ своимъ переводомъ Героидъ, и старикъ помогаетъ ему въ работѣ надъ текстомъ, нашедшемъ въ томъ же вѣкѣ и другихъ переводчиковъ въ лицѣ Domenico da Montichiello и Filippo Ceffi. Овидій уже представлялся ему въ то время поэтомъ соблазна, какъ и Петраркѣ[6]), но онъ останется для того и другого учителемъ вкуса; любовь забыта, осталась поэзія образовъ и изящныхъ сентенцій.

Въ пору Фьямметты Овидій еще вдохновлялъ Боккаччьо всецѣло; можетъ быть, Героиды[7]) навѣяли и ея планъ; Боккаччьо пользуется ихъ матерьяломъ, афоризмами, выраженіями, усваиваетъ, какъ въ Амето, цѣлыя группы стиховъ. Они не даромъ являются на его зовъ: они принадлежатъ ему по праву, потому что все это онъ самъ пережилъ и, заставляя переживать другое лицо, беретъ готовые образы; не будь они готовы, онъ

1) Amorosa Visione, V, 9.
2) Filocolo, I, 76.
3) Ib., I, 291; II, 24, 49, 159.
4) Geneal. Deorum, l. XI, c. 24; Comento, lez. XIX, v. I, ed. Milanesi, стр. 472.
5) Com., I, стр. 408.
6) Sen., II, 1: lascivissimus poetarum; сл. De Vit. Sol., II, стр. 279.
7) *Ит. *героиды* въ подражаніе Овидію — сл. Flamini въ Rass. bibliogr. d. lett. ital., II, № 11, стр. 301.

набрелъ бы на нихъ самъ. Это не свидѣтельство заимствованій, не подыскиваніе центона, а результатъ начитанности, встрѣчности настроенія и темперамента. Приходилось отбиваться отъ
439 воспоминаній: Пе|трарка, риторизмъ котораго воспитанъ на классикахъ, итальянская лирика полна мотивовъ Овидія, Горація, Проперція и Виргилія, сознается Боккаччьо, что въ его шестую эклогу закралось окончаніе одного виргиліевскаго стиха[1]), а въ V-й указываетъ на невольныя заимствованія изъ Виргилія и Овидія[2]). У него страхъ передъ такимъ плагіатомъ, подражаніе должно стремиться не къ сходству портрета съ оригиналомъ, а къ родственному, подсказывающему въ сынѣ черты отца. Боккаччьо относится свободнѣе къ такимъ повтореніямъ, не поднимая во мнѣ вопроса центона. Поэзія вагантовъ и средневѣковыхъ школьныхъ піитовъ также полна образовъ и выраженій, вычитанныхъ въ классикахъ, а между тѣмъ отъ нея отдаетъ средними вѣками, это — булыжная кладка, въ которую вставили античные мраморы. У Боккаччьо этихъ противорѣчій меньше, чувствуются какъ бы контуры цѣльнаго, своеобразнаго зданія, потому что онъ глубже проникся Овидіемъ, онъ ему сроднѣе; оттого и въ подражаніи онъ оригиналенъ, свободно развиваетъ данныя положенія, анализуетъ ихъ раздѣльно, переходитъ къ творчеству. Филлида плачется на Демофонта, медлящаго возвратомъ[3]); клянетъ Тезея, который не отпускаетъ его, какъ Памфило задержали слезы и мольбы отца. Затѣмъ у нея является страхъ: не погибъ ли корабль ея милаго[4]), «преданная любовь вообразила все, что можетъ быть помѣхой спѣшащимъ; я была изобрѣтательна въ измышленіи причинъ»[5]), говоритъ Филлида, а Фьямметта развиваетъ эти опасенія: гибель корабля, голодная смерть на утесистомъ островѣ, дикіе звѣри, бурныя рѣки, раз-

---

1) Aen., VI, 607; сл. Fam., XXIII, 19: atque intonat ore.
2) Fam., XXII, 2.
3) Her., II.
4) Ib., vv. 15—16
5) Vv. 21—22.

бойники и болѣзнь. Точно такъ же разработано внезапное подозрѣніе Филлиды, что она покинута для другой[1]). Анализъ идетъ въ част|ности, раскрывая мелкіе психическіе моменты, но нерѣдко 440
забывая ихъ для — стилистическихъ. Боккаччьо — стилистъ: гуманисты открыли чарующую красоту слова и въ ней самой нашли ея цѣль; искусство слова цѣнится само по себѣ, независимо отъ содержанія: это напоминаетъ отзывъ Овидія о Каллимахѣ: Quamvis ingenio non valet, arte valet. Значеніе, какое получила риторика въ средневѣковой итальянской школѣ, продолжаетъ то же преданіе, въ которое откровенно вступаютъ гуманисты. Коррективомъ къ такому увлеченію фразой, звучнымъ общимъ мѣстомъ, могъ явиться изощренный вкусъ писателя, но врачеваніе исходило изъ того же источника, что и недугъ — а недугъ остался, какъ печать эпохи; Боккаччьо кромѣ того слишкомъ долго былъ въ овидіевской школѣ. Оттого и въ его Фьяметтѣ и въ другихъ прозаическихъ сочиненіяхъ внутреннее развитіе часто принесено въ жертву внѣшнему, но стоитъ лишь вчитаться въ Фьяметту, чтобы все ненужное затушевалось: и изобиліе лирическихъ изліяній, и восьмая книга съ ея героями несчастья, и отложилось въ памяти одно лишь здоровое и цѣльное—признаніе Фьяметты съ ея быстро миновавшимъ счастьемъ и долгимъ сѣтованіемъ, развивающимся въ художественной постепенности роста и паденія. На этотъ художественный пріемъ, не подсказанный Героидами, мы обратили вниманіе выше; соотвѣтствующіе психическіе моменты были подмѣчены въ жизни или въ самомъ дѣлѣ пережиты, но заслуга Боккаччьо въ томъ, что онъ первый сдѣлалъ ихъ предметомъ поэтической идеализаціи.

И современники Боккаччьо вчитывались въ Фьяметту, но выносили изъ нея не столько уроки психологіи, сколько обаяніе риторичности и закупающей слухъ фразы. Таково ея отраженіе у новеллистовъ, слѣдующихъ за Боккаччьо, у Леонъ Баттиста

---

1) Vv. 103—104.

Альберти въ его «Деифирѣ» и даже въ лучшей изъ повѣстей психологическаго типа, въ повѣсти Энея Сильвія Пикколомини о Лукреціи и Евріалѣ. Живая струя надолго теряется въ пескахъ, чтобы пробиться въ другомъ мѣстѣ: въ «Принцессѣ Клевской» M-me de La Fayette.

VI.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ И ЭТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ ДЕКАМЕРОНА.

I.

Когда художникъ «Фьямметты» возьмется за разсказы, кото- 443
рыми потѣшалъ встарь неаполитанскіе кружки, онъ отнесется къ нимъ съ пріемами изощреннаго психологическаго анализа, съ знакомымъ намъ вкусомъ къ витіеватости и тѣмъ тонкимъ чутьемъ къ разнообразію жизненныхъ типовъ, которое до сихъ поръ заслонялось отъ насъ исключительностью его литературныхъ сюжетовъ. Въ ихъ центрѣ стояла Фьямметта, разработывались лишь двѣ темы, упоенія и отчаянія, но уже въ характерѣ Гризеиды, съ ея сдержанной страстностью и наивнымъ лукавствомъ отказовъ и обѣщаній, многое подмѣчено объективно, внѣ сферы личныхъ воспоминаній, а своеобразный типъ Пандара можетъ потягаться съ лучшими въ Декаменонѣ. И тотъ и другой располагаютъ васъ къ смѣху, котораго не слышно было въ слѣдующихъ произведеніяхъ Боккаччьо, написанныхъ въ маніи удрученности и дантовскихъ увлеченій; когда онъ освободится отъ нихъ, смѣхъ раздается снова, здоровый смѣхъ, забирающій всего человѣка, не завзятый ни предубѣжденіемъ, ни злобой; сатира типовъ и общественныхъ порядковъ получалась, какъ выводъ, не навязанный авторомъ; это не точка отправленія Декамерона, какъ не было ея и въ цѣляхъ старофранцузскихъ фабліо: ихъ назначеніе — развлечь и потѣшить:

Nes a ceux qui sont plein d'ire
Si lor fait il grand alegance |

444 Et oublier duel et pesance
Et mauvaistié et pensement [1]).

Боккаччьо также желаетъ доставить своимъ слушательницамъ утѣшеніе и удовольствіе, но вмѣстѣ и совѣтъ, чего слѣдуетъ избѣгать и къ чему стремиться [2]). Странно сказать, но именно эта учительная сторона дѣла и явилась роковой для его репутаціи.

Всѣ эти качества психолога-наблюдателя, веселаго разсказчика и сознательнаго стилиста сказались въ ста новеллахъ Декамерона далеко не равномѣрно: это точно салонъ художника, гдѣ прелестные жанры чередуются съ набросками, и этюды съ натуры стоятъ рядомъ съ торжественными академическими полотнами, оконченными до зализанности. Рамка разсказовъ уже знакома намъ изъ Филоколо и Амето: общество мужчинъ и дамъ, сошедшееся для веселыхъ, но и серьезныхъ бесѣдъ въ роскошныхъ неаполитанскихъ садахъ, либо въ тосканской кампаньѣ; только въ Декамеронѣ оно помѣщено вблизи зараженнаго чумой города, гдѣ люди умираютъ сотнями, гдѣ страхъ и отчаяніе и судорожная любовь къ жизни разнуздали среди здоровыхъ всѣ силы эгоизма: больные и умирающіе заброшены, живые бѣгутъ отъ заразы, неминуемость смерти порождаетъ панику; сколько здоровыхъ людей еще «утромъ обѣдали съ родными, товарищами и друзьями, а на слѣдующій вечеръ ужинали со своими предками на томъ свѣтѣ» [3])! Мессеръ Чино и его жена заболѣли въ своемъ подгородномъ помѣстьѣ, разсказываетъ Донато Веллути; рѣшили отправиться въ городъ, ее несли на носилкахъ, онъ поѣхалъ верхомъ; здѣсь братья жены побудили его написать духовную. Я былъ у нихъ, когда они уѣхали, пошелъ въ Borgo San Sepolcro посѣтить могилу Бернардо Марсили, скончавшагося въ должности пріора въ зданіи думы. Возвращаюсь, когда

---

1) Montaiglon et Raynaud, Recueil général et complet des fabliaux des XIII et XIV siècles (Paris, 1872—83), VI, 68.

2) Декамеронъ, Введеніе, перев. I, стр. 2, 3.

3) Декамеронъ, Вступленіе, пер. I, 12.

у входа въ переулокъ со | мной повстрѣчалось двое. Мадонна 445
Лиза умерла, говоритъ одинъ; Чино скончался въ Olmo da San Gaggio, возвращаясь верхомъ, говоритъ другой. Я велѣлъ ихъ похоронить [1]).

Съ паникой явились суевѣрные «страхи и фантазіи» [2]); Боккачьо не было во Флоренціи въ 1348 году, но ему разсказывали, что многіе изъ пораженныхъ язвой, кончаясь, называли по имени одного или нѣсколькихъ пріятелей: Приди такой-то и такой-то! — и тѣ умирали въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ были названы [3]). — Здоровые, которымъ не удалось бѣжать, предаются разгулу, хотятъ забыться, вырвать у жизни все, что она еще можетъ дать; иные запираются отъ всѣхъ и живутъ кружками, употребляя съ большой умѣренностью изысканнѣйшую пищу и лучшія вина, избѣгая всякаго излишества, проводя время среди музыки и удовольствій; были и такіе, которые считали за лучшее вести умѣренную жизнь и не запираться, а гулять, держа въ рукахъ, кто цвѣты, кто пахучія травы, кто какое другое душистое вещество, которое часто обоняли, полагая полезнымъ освѣжать мозгъ такими ароматами [4]). Эти профилактическія мѣры указываютъ на безсиліе медицины; не даромъ встрѣчались врачи, которые, разувѣрившись въ своемъ искусствѣ, возвращали по смерти больного полученныя ими деньги [5]). Два анонимныхъ итальянскихъ сонета ограничиваются практическими указаніями: избѣгать излишествъ, не ѣсть, когда нѣтъ охоты, хорошо прожевывать пищу и лишь хорошо сваренную, пить часто, но понемногу, не спать въ полдень, сторониться толпы, беречься меланхоліи, душевнаго разстройства и усталости [6]). Совѣты про-

1) I. Del Lungo, La donna fiorentina nei primi secoli del comune, изъ Rassegna Nazionale, v. XXV, fasc. 16, Maggio, 1887, стр. 36—7.

2) Декамеронъ, Вступленіе, пер. I, стр. 6.

3) Com. sopra la Comm., II, 19.

4) Декамеронъ, Вступленіе, перев. стр. 7—8.

5) Matteo Villani, l. I, c. 2.

6) La pestilenza del 1348. Rime antiche. Firenze, 1884 (ed. Morpurgo). Сл. гигіеническіе совѣты противъ чумы Giovanni Morelli y Perrens, Hist. de Florence (Paris, 1877—83), IV, стр. 520—1.

446 тивъ чумы, рекомендованныя, по пред|ложенію Филиппа Валуа, парижскимъ медицинскимъ факультетомъ, отличаются тѣмъ же предохранительнымъ характеромъ: чистый воздухъ, удаленіе отъ болотъ, низкихъ мѣстъ и кладбищъ, окуриваніе, опрыскиваніе жилья водой и уксусомъ; изысканная, сочная пища: молодые кролики, каплуны, куропатки, фазаны, кушанья, приправленныя ароматическими пряностями, нѣжная, удобоваримая рыба и плоды съ пріятной кислотой. Надо остерегаться крѣпкихъ винъ, полезны частыя кровопусканія, банки, слабительныя; необходимо избѣгать сильныхъ ощущеній радости, печали, надежды, любви; если при всемъ этомъ принимать драгоцѣнную микстуру, составленную изъ самыхъ тонкихъ и рѣдкихъ снадобій, то можно ручаться за здоровье богатыхъ людей; что до бѣдныхъ, то имъ рекомендуется молиться Богу, да спасетъ онъ ихъ отъ смерти и напасти, какъ и у Боккаччьо деревенскіе жители оказываются обездоленнѣе горожанъ.

Среди общаго смятенія раздавались голоса, взывавшіе къ покаянію, какъ Петрарка[1]), къ спокойствію и самообладанію, какъ Пуччи въ своемъ Sermintese[2]). Отъ смерти не уйти, устройте душу, говорилъ онъ, возвратите неправедно отнятое, примиритесь другъ съ другомъ — вотъ лучшее средство, чтобы престалъ Божій гнѣвъ; искусственныя снадобья безполезны. Что же дѣлаютъ флорентійцы? Въ былое время больного посѣщали любовно, и многимъ было оттого лучше, теперь братъ оставляетъ брата, отецъ — сына изъ боязни заразы, и многіе умираютъ отъ недостатка совѣта и помощи; вѣдь не слѣдовало бы покидать даже сарацинъ, евреевъ, отверженныхъ. Вы, медики, священники, монахи, навѣщайте сострадательно тѣхъ, кто о томъ васъ проситъ; взирайте на свою душу, не на барышъ; вы же, родные, сосѣди, товарищи, не бойтесь ободрить сѣтующаго, можетъ быть, и спасете его или утѣшите при смерти; а онъ, чай,

1) Petr., Epist. poet., I, 14, и Canz. Io vo pensando.

2) La pestilenza del 1348, l. c.

отчаи|вается, не получая утѣшенія. А выходитъ такъ, что сосѣдъ 447
говоритъ: онъ не навѣстилъ меня, когда мнѣ было тяжело, не пойду и я; такъ и покидаютъ друга. Глупо бояться заразы, ибо по Божію изволенію она явится, если бы больной и не дохнулъ на тебя. — И серминтеза кончается увѣщаніемъ: позаботиться во-время о духовной, вѣдь смерть посѣтила и Цезаря и другихъ великихъ людей; не забыть о бѣдныхъ, напутствовать къ могилѣ усопшихъ и покаяться.

Разсказчики и разсказчицы Декамерона слѣдуютъ примѣру многихъ, выселяясь изъ пораженнаго чумою города, и Боккаччьо начинаетъ свою книгу классическимъ по своей картинности и размѣренной торжественности описаніемъ Черной смерти. Было выражено мнѣніе, что онъ вдохновился въ этомъ случаѣ аналогическимъ описаніемъ другого мора — у Лукреція [1]), который, подобно Даніэлю Дефоэ, не видѣлъ его лично, а пересказалъ видѣнное Ѳукидидомъ. Ни Боккаччьо, ни Петрарка не знали Лукреція, но имъ извѣстно было его описаніе чумы изъ выписокъ у Макробія [2]). Можетъ быть, и слѣдуетъ допустить для Боккаччьо вліяніе извѣстнаго литературнаго образца, но вліяніе свободное, не стѣснявшее его наблюдательности, точность которой въ описаніи признаковъ болѣзни и ея вліянія на нравственную растерянность общества подтверждается современными ему памятниками: лѣтописями двухъ Виллани, Буччьо да Раналло, «сѣтованіемъ» Антоніо Пуччи и др. О томъ, что страхъ болѣзни, сообщавшейся отъ одного прикосновенія, заставлялъ забывать самыя естественныя чувства и семейныя узы, что родители бѣгали отъ зараженныхъ дѣтей и наоборотъ, о томъ разсказываетъ Маттео Виллани [3]); онъ же говоритъ и о безнравственности, какъ слѣдствіи прекратившагося мора, тогда какъ память о Божьей карѣ должна была бы развить въ людяхъ добродѣтель и милосердіе. Вышло наоборотъ: людей осталось мало въ живыхъ,

1) De Natura Deorum, l. VI.
2) De Nolhac, Pétrarque et l'humanisme, Paris, 1892, стр. 134.
3) l. I, cc. 2—5.

448 они разбогатѣли наслѣдствами | и, забывъ все прошлое, точно его и не было, предались самой развратной и безпорядочной жизни, тунеядству и чревоугодію, пирамъ, тавернѣ и игрѣ. Сладострастіе не знало узды, явились невиданные, странные костюмы, нечестные обычаи, даже утварь преобразили на новый ладъ. Простой народъ, вслѣдствіе общаго изобилія, не хотѣлъ отдаваться обычнымъ занятіямъ, притязалъ лишь на изысканную пищу; браки устраивались по желанію, служанки и женщины изъ черни рядились въ роскошныя и дорогія платья именитыхъ дамъ, унесенныхъ смертью. Такъ почти весь нашъ городъ (Флоренція) неудержно увлекся къ безнравственной жизни; въ другихъ городахъ и областяхъ міра было и того хуже.

Разсказъ Буччьо да Раналло о чумѣ въ Аквилѣ дополняетъ новыми чертами флорентійскіе. Когда смертность объявилась, всѣ пустились писать духовныя, у нотаріусовъ и судей отъ народа не было отбоя, и они безстыдно поднимали цѣну; наемные свидѣтели спрашивали, не входя, готово ли завѣщаніе; когда имъ говорили, что еще нѣтъ, они поспѣшно удалялись, если да, то подписывали его, боясь заглянуть въ двери. Случалось, что завѣщанія, составленныя дня три тому назадъ, оказывались уже недѣйствительными, общее ожиданіе смерти не побуждало родственниковъ влiять на волю завѣщателя, отчего впослѣдствіи пошли жалобы и дрязги. Все, что имѣло какое-либо отношеніе къ недугу, быстро возросло въ цѣнѣ: лѣкарства, куры — пища больныхъ; сидѣлки требовали три золотыхъ за сутки; воскъ настолько вздорожалъ, что пришлось запретить провожать покойниковъ изъ бѣдныхъ съ восковыми свѣчами, какъ вообще сокращена была похоронная обрядность: по умершимъ перестали звонить, чтобы не нагонять страха, способствовавшаго заболѣванію; въ былое время на похороны приглашали жителей мѣстности, покойника несли въ церковь, совершали торжественное служеніе; теперь обо всемъ этомъ забыли. — Боккаччьо отмѣтилъ эту подробность. — Когда миновала чума, унесшая, какъ говорятъ, двѣ трети населенія, началась пора расточительности. Богатства, на-

ко|пленныя случайно, не цѣнились, продавали за треть стоимости; 449
много пришлось тогда на долю церквей и монастырей. Чувственность, долго сдержанная страхомъ, не знала теперь удержа: женились повально, старые и молодые, монахи и инокини, въ любое время, не дожидаясь положеннаго для благословенія брачующихся воскресенья; девяностолѣтній старикъ бралъ за себя дѣвочку. Жилось напропалую, о цѣнѣ не спрашивали, рынокъ былъ переполненъ всякой живностью, поднялся спросъ на предметы роскоши, какъ прежде на лѣкарства. Народу поубавилось, зато возрасло любостяжаніе: стали жениться на деньгахъ, насильно увозя богатыхъ невѣстъ[1]).

Таковы впечатлѣнія мѣстныхъ лѣтописцевъ; Боккаччьо стоило только раскрыть глаза, чтобы увидѣть то же самое, и бо̀льшее, потому что его психологическій тактъ былъ шире. Виллани и Бучьо противополагаютъ страхъ смерти и обуявшее всѣхъ отчаяніе жизнерадостной чувственности, разыгравшейся по прекращеніи чумы; у Боккаччьо они являются выраженіемъ одного и того же психологическаго момента, что̀ совершенно въ природѣ вещей. Напомнимъ лишь разсказъ отца Пафнутія о Черной смерти на Руси: одни предавались покаянію, уходили въ монастыри, другіе забывались въ неистовомъ пьянствѣ, ибо меду покинуто было много, ризы и всякое богатство лежало безъ призрѣнія. Случалось, что одинъ изъ пьющихъ умиралъ, его запихивали подъ лавку и продолжали пить. — Близость смерти поднимаетъ въ здоровомъ организмѣ силу жизненности, героизмъ воли или животный инстинктъ, смотря по настроенію. Чѣмъ мрачнѣе выступаютъ образы разрушенія, тѣмъ ярче освѣщаются крайности: веселая, иногда гривуазная новелла ближе къ жизни, чѣмъ степенная, учительная повѣсть. Такъ извиняетъ Боккаччьо содержаніе своихъ разсказовъ: они вызваны временемъ, впослѣдствіи и слушатели и разсказчики устыдились бы ихъ, «ибо гра-

1) Boetio di Rainaldo di Poppleto Aquilano, Delle cose dell' Aquila, у Muratori, Antiquitates Italicae (Mediolani, 1738-42), t. VI, строфа 769 и слѣд., стр. 640 и слѣд.

450 ницы дозволен|ныхъ удовольствій нынѣ болѣе стѣснены, чѣмъ въ ту пору, когда въ силу указанныхъ причинъ онѣ были свободнѣйшими»[1]). Діонео хочетъ забыться: онъ оставилъ свои мысли за воротами города и приглашаетъ своихъ спутниковъ веселиться, хохотать и пѣть вмѣстѣ съ нимъ, либо дать ему вернуться къ его мыслямъ, въ постигнутый бѣдствіями городъ[2]). Когда въ концѣ VI-го дня[3]) въ обществѣ послышались голоса противъ предложеннаго имъ, нѣсколько свободнаго сюжета бесѣдъ, онъ горячится: «время у насъ такое, говоритъ онъ, что если только мужчины и женщины будутъ сторониться отъ безчестныхъ дѣяній, всякія бесѣды имъ дозволены. Развѣ вы не знаете, что по злополучію этого времени судьи покинули свои суды, законы, какъ божескіе, такъ и человѣческіе, безмолвствуютъ, и каждому предоставленъ широкій произволъ въ цѣляхъ сохраненія жизни? Поэтому, если въ бесѣдахъ ваша честность очутится въ нѣсколько болѣе свободныхъ границахъ, то не затѣмъ, чтобы воспослѣдовало отъ того что-либо непристойное въ поступкахъ, а дабы доставить удовольствіе вамъ и другимъ». И онъ самъ потѣшаетъ всѣхъ, хохочетъ и юродствуетъ, пусть полюбятъ его, каковъ онъ есть[4]), заводитъ пѣсни, которыя нельзя допѣть, и вершаетъ комическій, въ своей откровенности, споръ между Личиской и Пандаромъ, ибо онъ — ему по нраву[5]). Его просьба — предоставить ему быть послѣднимъ въ числѣ разсказчиковъ каждаго дня, тотчасъ же уважена, потому что онъ добивается того «единственно съ цѣлью развеселить общество, если бъ оно устало отъ разсужденій, какой-нибудь смѣхотворной новеллой»[6]). Его звонкій смѣхъ, вѣнчающій день, это — стра-

1) Декамеронъ, Вступленіе, стр. 12—13 перев.

2) l. c. I, стр. 18. Сл. ib. стр. 44 (вступленіе въ Дек., I, 4) и 408 (вступленіе въ Дек., V, 10).

3) II, стр. 37 перев.

4) Дек., IX, 10 въ началѣ.

5) Дек., VI день, вступленіе.

6) Дек., I день въ концѣ = I, стр. 69 перевода.

стный Memento vitae, перчатка, брошенная Memento | mori. 451
Только въ десятомъ днѣ Діонео измѣняетъ себѣ: впрочемъ и весь день посвященъ серьезнымъ подвигамъ великодушія и самоотверженности, нѣтъ ни одной новеллы нескромнаго содержанія, и самъ Діонео выводитъ передъ нами образъ страдалицы Гризельды. Это не въ его вкусахъ, они принесены въ жертву художественному плану Декамерона: какъ онъ начался среди ужасовъ чумы, такъ пестрая волна его разсказовъ, съ ихъ горемъ и радостями и жизненною борьбой и непорѣшенными вопросами доли вбѣгаетъ въ мирную пристань, и комедія жизни разрѣшается торжественно-смиряющейся мелодіей долга. Но Діонео и тутъ вѣренъ себѣ, испытанія Гризельды вызываютъ у него нелестное пожеланіе ея мужу: онъ стоитъ того, чтобы напасть на такую женщину, которая, будучи выгнана имъ изъ дома въ одной сорочкѣ, проучила бы его, заработавъ себѣ на хорошее платье!

При оцѣнкѣ Декамерона нельзя не подчеркнуть особо художественной стороны его плана. Боккаччьо схватилъ живую, психологически-вѣрную черту явленій чумы, страсть жизни у порога смерти. Его Декамеронъ — это «пиръ во время чумы», точно иллюстрація къ извѣстной фрескѣ[1]) пизанскаго Camposanto: путники верхомъ, отворачиваются отъ труповъ, разлагающихся въ гробахъ, тогда какъ на заднемъ планѣ пейзажа, подъ сѣнью деревьевъ, общество молодыхъ людей и дамъ пируетъ беззаботно, осѣненное незримымъ крыломъ ангела смерти. Намъ слышится веселый говоръ Діонео; «тамъ слышно пѣніе птичекъ, виднѣются зеленѣющіе холмы и долины, поля, на которыхъ жатва волнуется, что море, тысячи породъ деревьевъ и небо болѣе открытое, которое хотя и гнѣвается на насъ, тѣмъ не менѣе не скрываетъ отъ насъ своей вѣчной красы; все это гораздо болѣе прекрасно

---

1) *Школы Orcagna'и: фрески «Trionfo della Morte, il Giudizio и Le storie dei Santi Padri приписывались въ послѣднее время то Lorenzetti, то Bernardo Daddi, то, наконецъ, Francesco Trajni (Сл. Supino, Arte Pisana. Firenze, fratelli Alinari, 1904).

на видъ, чѣмъ пустыя стѣны нашего города»[1]). — Этотъ психическій моментъ, подсказанный жизнью массы, Боккаччьо развилъ сознательно, какъ художественную противоположность: онъ знаетъ, что его читательницы найдутъ тягостнымъ и грустнымъ
452 его вступленіе къ Дека|мерону, «ибо такимъ именно является, начертанное на челѣ его печальное воспоминаніе о прошлой чумной смертности, скорбной для всѣхъ, кто ее видѣлъ или иначе позналъ. Я не хочу этимъ отвратить васъ отъ дальнѣйшаго чтенія, какъ-будто и далѣе вамъ предстоитъ идти среди стенаній и слезъ: ужасное начало будетъ вамъ тѣмъ же, чѣмъ для путниковъ неприступная, крутая гора, за которой лежитъ прекрасная, чудная поляна, тѣмъ болѣе нравящаяся имъ, чѣмъ болѣе было труда при восхожденіи и спускѣ. Какъ за крайнею радостью слѣдуетъ печаль, такъ бѣдствія кончаются съ наступленіемъ веселья: за краткой грустью (говорю: краткой, ибо она содержится въ немногихъ словахъ) послѣдуютъ вскорѣ утѣха и удовольствіе, которыя я вамъ напередъ обѣщалъ, и которыхъ, послѣ такого начала, никто бы и не ожидалъ, если бъ его не предупредили. Сказать правду: если бы я могъ достойнымъ образомъ повести васъ къ желаемой мною цѣли инымъ путемъ, а не столь крутой тропою, я охотно такъ бы и сдѣлалъ; но такъ какъ нельзя было, не касаясь того воспоминанія, объяснить причину, почему именно приключились событія, о которыхъ вы прочтете далѣе, я принимаюсь писать, какъ бы побуждаемый необходимостью»[2]).

Разумѣется необходимость, навѣянная художественными требованіями, ибо въ волѣ Боккаччьо было указать и другую причину, по которой приключились тѣ событія, то-есть, собралось для бесѣдъ общество Декамерона. Если даже допустить, что Боккаччьо могъ имѣть въ виду кружокъ людей, дѣйствительно бѣжавшихъ отъ чумы и коротавшихъ время въ какой-нибудь

---

1) Дек., Вступленіе = перев. I, стр. 15.
2) Дек., Вступленіе = перев. I, стр. 5—6.

виллѣ въ окрестностяхъ Флоренціи, то и въ такомъ случаѣ художественный замыселъ автора остается въ силѣ: онъ не удалилъ факта, а подчеркнулъ его, не заботясь о нравственной сторонѣ дѣла и, очевидно, не предвидя упрековъ, которые и явились. Противоположность смерти и разгула могла быть подсказана жизнью, говорили иные, но во власти художника было помирить | их вопіющія противорѣчія проявленіемъ гуманности, поднимаю- 453
щей человѣка надъ животнымъ оберегомъ своего я. Другими словами, отъ разсказчиковъ Боккаччьо ожидали самоотреченія, которое обратило бы Декамеронъ въ синодикъ. Но Боккаччьо и не думаетъ изображать героевъ альтруизма: его разсказчики и разсказчицы одни изъ многихъ, они не бросились бы въ объятія прокаженнаго, какъ св. Францискъ; они эгоистично-гуманны, полны симпатій ко всему хорошему, любятъ жизнь; по-своему, они даже героичны; ихъ настроеніе — жизнерадостное ожиданіе смерти: Пампинея увлекаетъ всѣхъ предложеніемъ удалиться изъ города, чтобы на сторонѣ поискать развлеченій, пока выяснится, какой оборотъ приметъ чума, — «если только смерть не настигнетъ насъ ранѣе», прибавляетъ она спокойно[1]). Кто повстрѣчался бы съ ними, когда они гуляютъ, увѣнчанные дубовыми листьями, съ цвѣтами и пахучими травами въ рукахъ, сказалъ бы, «что смерть ихъ не побѣдитъ, либо сразитъ ихъ веселыми»[2]).

И вотъ, сговорившись между собой при случайной встрѣчѣ въ Санта Марія Новелла, разсказчики Декамерона отправляются въ путь. Ихъ десятеро; въ теченіе десяти дней, съ перерывами, они потѣшаются бесѣдой, при чемъ каждый разсказываетъ по новеллѣ: оттуда греческое, неправильное въ фонетическомъ смыслѣ, названіе Декамеронъ (мы ожидали бы: Дехимеронъ), съ значеніемъ Десятидневника.

Самая затѣя бесѣдъ взята изъ жизни: разсказы были обычной принадлежностью итальянскихъ посидѣлокъ. Соберутся вече-

---

1) Дек., Вступленіе = перев. I, стр. 16.
2) Дек., введеніе къ IX дню = перев. II, стр. 191—2.

ромъ, писалъ въ XVI вѣкѣ Андрей Кальмо, играютъ въ разныя игры, а затѣмъ разсказываютъ, кто народныя сказки, кто посмышленѣе — книжныя исторіи: объ Отинелло и Джуліи, о Гвискардо и Гисмондѣ, о преніи Поста съ Масляницей и т. д. [1]).

Оставалось создать общество Декамерона. Въ обществѣ семь |
454 дамъ, отъ 18-лѣтняго до 28-лѣтняго возраста, и трое мужчинъ, изъ которыхъ самому юному не меньше 25-и лѣтъ. Имена первыхъ — вымышленныя: Боккаччьо не хочетъ называть ихъ настоящими, потому что характеръ нѣкоторыхъ разсказовъ, объясняемый обстоятельствами, могъ бы дать поводъ къ нареканію [2]). Очень вѣроятно, что какія-нибудь флорентійскія красавицы дали ему черты для изображенія нѣкоторыхъ собесѣдницъ; такъ въ Ameto и Amorosa Visione флорентійскія дамы являлись подъ покровомъ аллюзій и аллегорій. Пріемъ не новый, и мы не прочь повѣрить Боккаччьо, когда дѣло идетъ о Филоменѣ и Лауреттѣ, Неифилѣ и Элизѣ; но Фьямметта и Пампинея принадлежатъ неаполитанскимъ воспоминаніямъ, Эмилія — фантасмагоріи Амето, Тезеидѣ и, можетъ быть, также сердечной біографіи поэта, — а между тѣмъ оказывается, что всѣ участницы бесѣдъ связаны другъ съ другомъ дружбой и сосѣдствомъ, либо родствомъ [3]). Боккаччьо, очевидно, отводитъ намъ глаза, какъ и увѣреніемъ, что назоветъ своихъ разсказчицъ «именами, отвѣчающими всецѣло или отчасти ихъ качествамъ» [4]). Что бы означала Лауретта? Пампинея, можетъ быть, не что иное, какъ параллель къ Памфило: южно-итальянское Pampino. Относительно мужчинъ нѣтъ замѣчанія, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ кличками: имена Памфило, Филострато, Діонео слишкомъ хорошо намъ извѣстны, это прозвища самого Боккаччьо, показатели его разновременныхъ настроеній. Это ихъ отличіе удержано и въ Декамеронѣ,

---

1) Andrea Calmo, Lettere, ed. Rossi, Torino, 1888, стр. 346—7.
2) Дек., Вступленіе = перев. I, стр. 12—13.
3) l. c., стр. 12.
4) l. c., стр. 13.

по крайней мѣрѣ во второй его части[1]), и мы не можемъ дать особаго, реальнаго значенія тому заявленію, что нѣкоторые изъ юношей оказываются въ родствѣ съ тою или другою изъ разсказчицъ, либо пылаютъ къ одной изъ нихъ[2]).

Всѣ эти соображенія указываютъ на границы, въ кото|рыхъ 455
должна держаться всякая попытка раздѣльно характеризовать собесѣдниковъ Декамерона: біографическій элементъ смѣшанъ въ нихъ съ типическимъ, первый либо разбитъ, какъ въ трехъ разсказчикахъ, или неуслѣдимъ, какъ въ Пампинеѣ, второй производитъ впечатлѣніе хорошенькихъ силуэтовъ, сѣрыхъ по сѣрому фону. Если вспомнить пестрое общество, собравшееся въ гостиницѣ the Tabard въ прологѣ къ Кэнтерберійскимъ разсказамъ Чосера, контрастъ получится полный: тамъ все ярко, краски рѣжутъ глаза, нѣтъ разсказчика, который не былъ бы оригиналомъ, всѣ лица выступаютъ съ рельефомъ каррикатуры. Они — представители разныхъ сословій и соціальныхъ положеній, случайно встрѣтившіеся на большой дорогѣ; собесѣдники Боккаччьо принадлежатъ одному и тому же обществу, равны по образовательному цензу, атмосфера салона провожаетъ ихъ и въ деревню. Они — культурные люди и природой любуются, какъ горожане; Нери дельи Уберти ищетъ уединенія на своей виллѣ въ Кастелламаре, но это уединеніе культурное: король Карлъ, явившись къ нему отдохнуть, ужинаетъ у него попросту, но роскошно, любуется дочерями хозяина, когда, полуобнаженныя, онѣ ловятъ рыбу, — и восхищенъ уединеннымъ мѣстомъ[3]). Прогулка въ долину Дамъ въ концѣ VI-го дня Декамерона показываетъ, что и настроеніе его разсказчиковъ того же рода; и въ поэзіи у нихъ изощренные вкусы: они любятъ романтическія темы[4]), предоставляя народную пѣсню Діонео и народнымъ героинямъ но-

---

1) Сл. выше стр. 393 слѣд.
2) Дек., Вступленіе = перев. I, стр. 17.
3) Дек., X, 6.
4) Дек., III въ концѣ = пер. I, стр. 268; VII, въ концѣ = пер. II, стр. 102.

веллъ[1]). Характеризовать отдѣльныя особи изъ такой равной по развитію среды нельзя было рѣзкими чертами Чосера; къ собесѣдникамъ Боккаччьо надо приглядѣться, иначе получится ту-
456 склое, сбивчивое впечатлѣніе. Выборъ но|веллъ, которыя разсказываетъ то или другое лицо, почти не служитъ къ ихъ характеристикѣ; всѣ разсказываютъ разное, одинъ лишь Діонео послѣдовательнѣе другихъ; то же можно замѣтить о лирическихъ пьесахъ, которыя поются однимъ изъ участниковъ бесѣдъ въ заключеніе каждаго дня; и вмѣстѣ съ тѣмъ повсюду разсѣяны тонкія черты, слагающіяся, если и не всегда, въ опредѣленные психическіе образы[2]).

Съ разсказчиками и ихъ автобіографическимъ содержаніемъ мы знакомы. Они помогли намъ разобраться въ хронологіи Декамерона[3]); намъ остается досказать о нихъ нѣсколько словъ, чтобы дать имъ мѣсто въ ряду другихъ портретовъ.

Ярче всѣхъ вышелъ Діонео: онъ естественнѣе другихъ, въ немъ больше природы и темперамента. Его жизнерадостность и видимо легкое отношеніе къ жизни не исключаетъ серьезности; онъ простъ и безъ претензій, ломаетъ изъ себя простака сознательно и не безъ ироніи; онъ любитъ гривуазный анекдотъ, отъ котораго краснѣютъ дамы, надъ которымъ хохочутъ, понявъ его болѣе, чѣмъ, будто бы, желалъ того разсказчикъ[4]); играетъ на лютнѣ, знаетъ много пѣсенъ, фривольныхъ[5]) и трогательныхъ[6]),

---

1) IV, 5 = пер. I, стр. 314; VIII, стр. 2 = пер. II, стр. 109. Нѣкоторыя изъ народныхъ пѣсенокъ, упоминаемыхъ Боккаччьо, напечатаны у Carducci, Cantilene e ballate, №№ XXXVIII и XXXIX (стр. 342—4), и въ Canzonette antiche ed. Alvisi (Firenze, 1884), p. 16—34. — *Сл. Jeanroy, Les origines de la poésie lyrique en France, Paris, 1889, стр. 187—8.

2) Попытку характеризовать собесѣдниковъ Декамерона сдѣлалъ Albertazzi, I novellatori e le novellatrici del Decamerone. Статья эта, любезно доставленная мнѣ авторомъ, напечатана была въ Rassegna Emiliana, v. II, fasc. III, и недавно въ небольшомъ сборникѣ этюдовъ Albertazzi, Parvenze e Sembianze (Bologna, 1892).

3) Сл. выше стр. 392 слѣд.

4) Дек., IX, 10 = пер. II, стр. 239.

5) Дек., V въ концѣ = пер. I, стр. 316.

6) Дек., III и VII въ концѣ.

и способенъ влюбиться и страдать[1]). Въ немъ есть черты Пандара, чувственно-веселаго Боккаччьо первой неаполитанской поры, которымъ могла увлечься Фьямметта, котораго Адіона хотѣла преобразить въ умѣреннаго и порядочнаго человѣка. Мы знаемъ, какъ онъ впослѣдствіи преобразился: Филострато-Троилъ юношескаго ро|мана, ревнующій и тоскующій, очутился собе- 457
сѣдникомъ Декамерона, гдѣ въ концѣ третьей книги онъ нѣсколько позируетъ въ роли безнадежно влюбленнаго, сурово настроеннаго къ однимъ лишь печальнымъ впечатлѣніямъ, меланхолическаго Джека. Памфило — послѣдняя фармація Боккаччьо: онъ и старше и разсудочнѣе своихъ сверстниковъ, полонъ изящной важности и учительности и, хотя сбивается нерѣдко на нескромный разсказъ, любитъ спокойно и нѣсколько отвлеченно. Ему принадлежитъ новелла о Чимоне и воспитательной силѣ любви, «которую многіе осуждали и поносятъ крайне несправедливо, сами не зная, что говорятъ»[2]). Если Боккаччьо-Діонео затѣялъ потѣшныя бесѣды Декамерона, то Боккаччьо-Памфило наложилъ на него ту печать серьезности и вдумчивости, которую слишкомъ часто забываютъ при его оцѣнкѣ.

Фьямметта Декамерона получаетъ значеніе лишь на почвѣ біографіи поэта, въ отношеніи къ его представителямъ: Діонео, Филострато, Памфило. Перваго она видимо балуетъ, снисходитъ къ его повѣсничанью и поетъ съ нимъ о мессерѣ Гвильельмо и о дамѣ дель Верджьу[3]), пѣсню о трагической любви, навѣянную хорошенькой французской поэмой о Chatelaine de Vergi; либо объ Арчитѣ и Палемонѣ[4]). Печальный Филострато вызываетъ ее первую на грустную новеллу о Гисмондѣ; онъ же вѣнчаетъ ее на царство, ибо она вознаградитъ общество за горестныя впечатлѣнія возбужденныхъ имъ разсказовъ,—и она велитъ разсказывать о любви, полной препятствій, но увѣнчанной сча-

1) Сл. его пѣсню въ концѣ V дня.

2) Дек., V, 1 = пер. I, стр. 349.

3) Дек., III въ концѣ = пер. I, стр. 268.

4) Дек., VII, въ концѣ = пер. II, 102.

стьемъ, и первому на очереди бесѣдъ быть — Памфило. Всѣ эти сочетанія показались бы намъ случайными, если бы біографія и сочиненія Боккаччьо не вносили въ нихъ живой смыслъ. Въ той и въ другихъ находятъ себѣ объясненія и нѣкоторыя другія подробности: какъ въ Филоколо Фьямметта рѣшала, что изъ двухъ
458 женщинъ, | одинаково нравящихся, мужчинѣ слѣдуетъ предпочесть ту, которая выше его по роду и состоянію[1]), такъ и въ Декамеронѣ большимъ благоразуміемъ является въ мужчинѣ «всегда искать любви женщины болѣе родовитой, чѣмъ онъ»[2]). Разсказывая потѣшную новеллу о Каландрино, Фьямметта откровенно входитъ въ интересы общества, собравшагося съ тѣмъ, чтобъ веселиться[3]), и вмѣстѣ съ тѣмъ она любитъ пораздуматься и поразобраться въ вопросахъ, но въ мѣру; «прекрасныя дамы, говоритъ она, приступая къ одному разсказу[4]), я всегда была того мнѣнія, что въ такихъ обществахъ, какъ наше, слѣдуетъ разсказывать пространно[5]), дабы излишняя краткость не подавала другимъ повода къ спорамъ о значеніи разсказаннаго. Это дѣло болѣе приличное въ школахъ, среди учащихся, чѣмъ между нами, которыхъ едва хватаетъ на прялку и веретено». Мы встрѣтили ту же точку зрѣнія въ Филоколо, гдѣ Фьямметта обѣщаетъ вершать любовные вопросы легко, не углубляясь въ ихъ суть и прося избѣгать тонкостей, потому что, утруждая умъ, онѣ не приносятъ удовольствія[6]).

Другія собесѣдницы Фьямметты характеризованы двумя-тремя случайными чертами, но болѣе обще; правда, біографія поэта не подсказываетъ здѣсь ничего реальнаго, что бы наполнило кровью ихъ блѣдные образы; случайное указаніе на одну изъ собесѣдницъ, какъ гибеллинку, равнодушно отнесшуюся къ

---

1) Сл. выше стр. 170.
2) Дек., I, 5 = пер. I, стр. 48.
3) Дек., IX, 5 = пер. II, 210.
4) Дек., X, 6 = пер. II, 270.
5) Женщинамъ это нравится, сл. De Clar. Mulier., введеніе.
6) Сл. выше стр. 164.

содержанію новеллы X, 6 (сл. введеніе въ X, 7), не даетъ намъ никакихъ откровеній. Пампинея старше всѣхъ и всѣхъ разсудительнѣе; ей принадлежитъ замыселъ удалиться изъ чумнаго города, пріобщивъ себѣ въ спутники Діонео, Филострато и Памфило, и проводить время не въ игрѣ и другихъ забавахъ, а въ бесѣдахъ, въ которыхъ ее, очевидно, привлекаетъ элементъ учительности и размышленія: она охотно впадаетъ въ общія мѣста, часто увлекается въ сторону, наставляетъ. — | Филомена — кра- 459
сивая, разумная дѣвушка: она первая догадывается, что имъ безъ сопутствія мужчинъ не обойтись, и когда Неифила выражаетъ опасеніе, какъ бы о томъ не заговорили криво, смѣло отвѣчаетъ: Лишь бы жить честно, и не было у меня угрызеній совѣсти, а тамъ пусть говорятъ противное, Господь и правда возьмутъ за меня оружіе[1]). Тѣмъ не менѣе она смущена, когда ее выбрали королевой, но тотчасъ же входитъ въ роль, припомнивъ разсказъ Пампинеи о добродѣтельныхъ простухахъ, не умѣющихъ связать слова[2]): она не хочетъ показаться простушкой и станетъ вести дѣло, слѣдуя не только своему мнѣнію, но и мнѣнію всего общества[3]). — Въ сравненіи съ ними Неифила — дѣвочка, робкая и вмѣстѣ бойкая на словахъ, можетъ быть, потому, что не знаетъ всей ихъ силы и бодрится. Узнавъ, кто изъ мужчинъ будетъ имъ сопутствовать, она зардѣлась: она боится нареканій, потому что въ числѣ тѣхъ юношей есть влюбленные въ одну изъ нихъ[4]). Избранная королевой, она стоитъ, покраснѣвъ, окруженная хвалебнымъ ропотомъ, ея лицо, что свѣжая роза въ апрѣлѣ или маѣ, на разсвѣтѣ дня, прелестные, нѣсколько опущенные глазки, блестятъ, какъ утренняя звѣзда[5]). И вмѣстѣ съ тѣмъ вольная выходка Филострато по поводу но-

---

1) Дек., вступленіе = пер. I, стр. 17; сл. De Clar. Mulier., c. 75: satis nobis multum est, imò permaximum, si Deo teste bene vivimus, et idcirco, si minus bene de nobis sentiunt homines, bene fecerimus, non curemus.

2) Дек., I, 10; сл. выше стр. 72.

3) Дек., I, въ концѣ = пер; I, стр. 68.

4) Дек., вступленіе = пер. I, 17.

5) Дек., II, въ концѣ = пер. I, 179.

веллы объ Алибекъ вызываетъ у нея отповѣдь не по лѣтамъ, показывающую, что она сумѣла разобраться и въ нескромныхъ похожденіяхъ Мазетто [1]). — Имя Эмиліи возвращаетъ насъ къ біографическимъ воспоминаніямъ Тезеиды и Амето, можетъ быть, съ воспоминаніями прежняго типа. Эмилія Тезеиды создана
460 для любви, ей нравится быть любимой, характерна для нея именно | эта потребность сердца, не случайный выборъ любимаго человѣка. Въ сущности это настроеніе Эмиліи Декамерона; пока она очарована лишь своей красотой:

Я отъ красы моей въ такомъ очарованьѣ,
Что мнѣ другой любви не нужно никогда,
И врядъ ли явится найти ее желанье.

Но это лишь самообольщеніе, она чаетъ чего-то другого, потому что, продолжаетъ она, чѣмъ болѣе я покою взгляды на благѣ моей красоты, тѣмъ болѣе

Я отдаюсь ему душою всей моей,
Вкушая ужъ теперь высокія услады,
Чтò мнѣ сулитъ оно, — и въ будущемъ отрады
Еще я бóльшей жду [2]).

Вотъ почему, быть можетъ, она иногда задумывается, уносясь въ мысляхъ куда-то: Филострато кончилъ новеллу, всѣ смѣются, велятъ продолжать Эмиліи, и она начинаетъ, глубоко переводя духъ, точно недавно проснулась: продолжительное раздумье усиленно и долго держало ее вдали отсюда; она не была здѣсь духомъ [3]). Но затѣмъ она разсказываетъ смѣло и охотно [4]), ободряя другихъ своимъ примѣромъ [5]): Боккаччьо дважды подчеркнулъ эту черту, психическій противовѣсъ сосредоточенности.

Элиза, названная такъ «не безъ причины» (Вступленіе), нѣсколько насмѣшливая, рѣзкая, не по злорадству, а по старой

1) Дек., III, въ концѣ = пер. I, 267.
2) Дек., I, въ концѣ = пер. I, стр. 69—70.
3) Дек., VI, 8 = пер. II, стр. 23.
4) Дек., I, 6; X, 5 (вступленіе въ новеллы).
5) VII, 1, въ началѣ.

привычкѣ [1]), и довольно неопредѣленная Лауретта завершаютъ собою кружокъ Декамерона; граціозныя фигурки, слегка брошенныя на фонъ игриваго, но культурнаго тосканскаго пейзажа; кто захочетъ тѣней и красокъ и яркихъ пятенъ — найдетъ ихъ тамъ, гдѣ они у мѣста — въ разсказахъ Декамерона.

II.

Кто хоть немного начитанъ въ средневѣковой повѣствова- 461
тельной и вообще сказочной литературѣ, тотъ встрѣтитъ въ нихъ множество знакомыхъ мотивовъ, черты международнаго бродячаго преданія и — группу мѣстныхъ или историческихъ повѣстей, лишенныхъ традиціоннаго значенія, разсказовъ объ остроумныхъ выходкахъ и шуткахъ, однимъ словомъ — «новостей дня»; это и могло быть основнымъ значеніемъ провансальскихъ novas, итальянской новеллы. Въ неаполитанскихъ разсказахъ Фьямметты о приключеніяхъ Андреуччьо [2]) и хитрости, которой Риччьярдо добился обладанія любимой женщиной [3]), въ новеллѣ Діонео о салернскомъ врачѣ Маццео делла Монтанья [4]) нѣтъ ничего, что бы говорило за вымыселъ, хотя иныя подробности и могли быть навѣяны мотивами сходныхъ повѣстей. На уголовный фактъ, легшій въ основу первой новеллы, уже было указано [5]); мѣстные анекдоты и преданія дали матерьялъ для разсказовъ о королѣ Карлѣ и нѣсколько загадочномъ Нери дельи Уберти [6]), о королѣ Петрѣ и влюбленной Лизѣ, для которой Мико изъ Сіены сложилъ канцону: Боккаччьо приводитъ ее, она встрѣтилась въ одной рукописи отдѣльно и въ болѣе архаистической

1) III, 5 (вступленіе).

2) Дек., II, 5.

3) III, 6.

4) IV, 10: Matthaeus Montanus, сл. выше стр. 35.

5) Сл. выше стр. 52. — *Сл. Salvatore di Giacomo, La prostituzione in Napoli nei sec. XIV, XV e XVI. Napoli, Marghieri, 1899. Сл. Giorn. Stor. d. litt. it., fasc. 103, p. 138 (o meretrici napoletane въ *Novellino* di Masuccio Salernitano, nel *Esopo* del Del Tuppo e nel *Decamerone*).

6) X, 6.

формѣ[1]); о Фридрихѣ Сицилійскомъ[2]), о красавцѣ Джербино[3]) и извѣстномъ разбойникѣ Гино ди Такко[4]); содержаніе одной новеллы[5]) взято изъ старой лѣтописи Фаенцы. Особенно разно|-
462 образенъ областной элементъ въ томъ, что пріурочено къ Флоренціи и Тосканѣ. Передъ нами цѣлый рядъ именъ, еще теперь услѣдимыхъ по памятникамъ и близкимъ по времени упоминаніямъ: Чаппеллетто[6]) и флорентійскій инквизиторъ[7]), Гвильельмо Борсьере[8]) и буффоны Стекки и Мартеллино[9]), Риччьярдо Манарди и Лиціо да Вальбона[10]), Джери Спина[11]) и его жена Оретта[12]), дѣйствующія лица новеллы VI, 3, Форезе да Рабатта и Джьотто[13]), Гвидо Кавальканти[14]), поэтъ Чекко Анджьольери и его товарищъ Чекко ди Фортарриго[15]), Чакко и Филиппо Ардженти[16]); можетъ быть, Цеппа ди Мино[17]). — Рядомъ съ этими болѣе или менѣе извѣстными именами другія, можетъ быть, не выходившія въ черту казовой исторіи: святоша Пуччьо да Риньери[18]) и простофиля Джьянни Лоттеринги[19]), влюбленный священникъ изъ

---

1) X, 7; сл. Carducci, Cantilene, № VI. — *G. Mazzoni выразилъ недавно мнѣнье, что Mico da Siena съ его канцоной — выдумка Боккаччьо, ибо отъ него не сохранились nì notizie, nì rime. Сл. Miscellanea storica della Valdelsa, V, 1 (G. Mazzoni, Mico da Siena e una ballata del Decamerone).

2) V, 6.

3) IV, 4.

4) X, 2.

5) V, 5.

6) I, 1.

7) I, 6: fra Pietro dell' Aquila.

8) I, 8; сл. Inf., XVI, 70 слѣд., и Com. sopra la Div. Comm., II, 445 слѣд.

9) II, 1; сл. Sacchetti, Nov. 144.

10) V, 4; сл. Purg., XIV, 97 и комментаріи.

11) VI, 2.

12) VI, 1.

13) VI, 5.

14) VI, 9.

15) IX, 4.

16) IX, 8; сл. Com. sopra la D. C., II, 449.

17) *VIII, 8. — Сл. Carducci, A proposito di un «Codice diplomatico dantesco», Nuova Antologia, 15 Agosto, стр. 603 и 611, прим. 1.

18) III, 4.

19) VII, 1; къ сюжету сл. Rua къ Straparola, V, 4, въ Giorn. Stor. d. lett. it., fasc. 46—7, стр. 246—7.

Варлунго [1]) и судья въ Пизѣ, великій учетчикъ праздничныхъ
дней на супружескомъ ложѣ [2]), — и сентиментальная парочка
Симоны и Пасквино [3]), Джироламо и Сальвестра [4]) — Сильвія
Альфреда де Мюссэ. — Въ сущности разсказы о нихъ не менѣе
историчны, чѣмъ являющіеся подъ прикрытіемъ извѣстныхъ
фамилій, ибо историческія фамиліи не всегда страхуютъ достовѣр-
ность разсказа, порой онѣ просто показатели времени, не сму-
щаются въ обстановкѣ невѣроятной ¦ легенды, когда, напр., о фло- 463
рентинцѣ Алессандро ди мессеръ Тедальдо деи Ламберти или дельи
Аголанти разсказывается, что онъ сталъ королемъ Шотландіи [5]).
Иной разъ извѣстное имя могло подсказаться Боккаччьо просто
потому, что подходило по смыслу и звуку, какъ, напр. [6]), имя
нотаріуса Bonaccorri di Geri da Ginestreto [7]), или въ новеллѣ о
братѣ Чиполла [8]) имя его потѣшно-веселаго спутника Гуччьо: въ
1324—5 г. упоминается, въ должности больничника при госпи-
талѣ св. Филиппа во Флоренціи, братъ Guccius Aghinetti, voca-
tus frater Porcellana. Боккаччьо втайнѣ намекнулъ на это про-
звище, назвавъ своего монаха Guccio Porco и заставивъ брата
Чиполлу искать привилегій del Porcellana, Поросяти.

Весь шестой день посвященъ острымъ словамъ и находчивымъ отвѣтамъ, и герои дня, по преимуществу, флорентійцы, между ними Джьотто [9]) и Гвидо Кавальканти [10]); Петрарка, называющій вмѣсто послѣдняго какого-то Дино изъ Флоренціи, отвелъ въ своихъ De rebus memorebilibus [11]) мѣсто остротамъ и мѣткимъ изреченіямъ, этимъ признакамъ культурнаго, бойкаго

1) VIII. 2.
2) II, 10.
3) IV, 7.
4) IV, 8.
5) II, 3.
6) VIII, 2.
7) † до 1354 года.
8) VI, 10.
9) VI, 5.
10) VI, 9.
11) II, 3.

на слово итальянца. Разумѣется, многія изъ этихъ летучихъ словъ далеко не новы, въ родѣ предложенія рыцаря мадоннѣ Ореттѣ—повезти ее на конѣ (она шла пѣшкомъ), т. е. скоротать ей путь разсказомъ [1]); или того, напр., что у журавля всего одна нога [2]), или разсказанной въ другомъ мѣстѣ [3]) ловкой увертки маркизы Монферратской: что всѣ женщины такъ же сходны между собой, какъ кушанья, съ виду разныя, но оказавшіяся
464 изготовленными изъ однѣхъ куръ. Въ русскихъ легендахъ о Февроніи и Ольгѣ это выражено поэтичнѣе: Февронія велитъ человѣку, посмотрѣвшему на нее съ грѣховною мыслью, почерпнуть воды съ той и другой стороны лодки и отвѣдать; она оказалась одинаковаго вкуса: такъ одинаково и естество женское.

Среди историческихъ, унаслѣдованныхъ остротъ иныя отличаются колоритомъ среды, ароматомъ почвы; такова отповѣдь Гвильельмо Борсьере [4]), маэстро Альберто изъ Болоньи [5]) и Гвидо Кавальканти, который привелъ въ смущеніе веселую компанію, приставшую къ нему у гробницъ Санъ-Джьованни, сказавъ, что у себя дома они вольны говорить, что имъ угодно [6]). Вы чувствуете себя въ средѣ, гдѣ умственное развитіе дало лишекъ производства и, вмѣстѣ, сознаніе силы, которая требуетъ упражненія, исхода, и находитъ выраженіе въ культѣ блестящей шутки, виртуознаго слова, забавной продѣлки; въ нихъ мѣрка — превосходство надъ тѣмъ, что отстало; есть что-то лихорадочное, юное, безцѣльное въ этой потребности расправить мускулы, расходиться. Поминаются старые потѣшные люди, тонкіе, благовоспитанные, какъ Примасъ, Бергамино [7]), флорентинецъ

---

1) VI, 1; сл. новеллу Серкамби № 4 и R. Koehler въ Giorn. Stor. d. lett. ital., fasc. 40—1, стр. 94 слѣд.

2) VI, 4.

3) I, 5.

4) I, 8.

5) I, 10; вѣроятно, Альберто Zancari, докторъ философіи и медицины, профессоръ болонскаго университета.

6) VI, 9.

7) I, 7.

Гвильельмо Борсьере[1]), какъ тѣ cavalieri di corte, иначе гист-
ріоны[2]), которыхъ обязанностью было честнымъ образомъ[3]) раз-
веселять усталыхъ отъ дѣла синьоровъ-правителей, не тѣ гру-
боватые и неразборчивые, которые побираются у жалкихъ и
безнравственныхъ вельможъ, кормясь своимъ злословьемъ[4]), какъ
флорентійцы Чакко и Бьонделло[5]); у нихъ шутка обратилась въ |
ремесло, какъ у Дольчибене, Гонеллы и боккаччьевскаго буффона 465
Риби[6]); въ обществѣ она воздѣлывается свободно, какъ есте-
ственный избытокъ умственнаго и тѣлеснаго здоровья. Былъ въ
нашемъ городѣ юноша, «по имени Микеле Скальца, самый пріят-
ный и потѣшный человѣкъ въ свѣтѣ, у котораго наготовѣ были
самые невѣроятные разсказы, почему молодымъ флорентинцамъ
было очень пріятно залучить его къ себѣ, когда они собирались
обществомъ»[7]); былъ «о ту пору во Флоренціи молодой человѣкъ,
удивительный забавникъ во всемъ, за что бы ни принялся, наход-
чивый и пріятный, по имени Мазо дель Саджіо»[8]): дѣйстви-
тельное лицо, по профессіи маклеръ, лавка котораго была обыч-
нымъ притономъ веселыхъ художниковъ, какъ въ лицѣ другого,
столь же историческаго типа, ростовщика и откупщика Чаппел-
летто (Чеппарелло) изъ Прато, Боккаччьо[9]) казнилъ тѣхъ италь-
янцевъ или, какъ ихъ называли, ломбардцевъ, которые по всей
Европѣ занимались лихвой, навлекая на себя общую ненависть.

Главными носителями шутки, часто непереводимой въ своемъ мѣстномъ колоритѣ[10]), и шумнаго, нѣсколько животнаго веселья,

---

1) I, 8.

2) Позднѣе: araldi della signoria.

3) Honesta jucunditate.

4) I, 8.

5) IX, 8.

6) VIII, 5; сл. Sacchetti, Nov. 49 и 50. — *По мнѣнію Rajna'ы, Lo schiavo di Bari въ Novellino (13 нов. у Biagi) былъ rimatore и uomo di corte. Сл. La biblioteca d. scuole italiane, X, 18.

7) VI, 6.

8) VIII, 3; сл. VI, 10, VIII, 5, и Sacchetti, Nov. 93.

9) I, 1.

10) Сл., напр., элементъ остротъ въ VIII, 2, 9.

являются художники. Изобиліе юмора—признакъ талантливости: новеллы Саккетти, потѣшный разсказъ о дровяникѣ Грассо, приписываемый Манетти[1]), біографіи Вазари полны художническихъ анекдотовъ; Джьотто пишетъ мистическихъ мадоннъ и отпускаетъ не совсѣмъ благочестивую остроту насчетъ изображенія св. Іосифа[2]); король Робертъ, потѣшавшійся продѣлками шута
466 Гоннеллы[3]), любилъ бесѣдовать съ Джьотто за его | работой, ибо у него всегда бывало припасено какое-нибудь словцо или остроумный отвѣтъ. У Боккаччьо потѣшниками являются живописцы Буффальмакко[4]), Бруно и Нелло ди Дино. О школьничествахъ Буффальмакко разсказываетъ Саккетти[5]), позднѣе—Вазари, между прочимъ, что однажды онъ написалъ по заказу мадонну съ Спасителемъ на рукахъ, и когда заказчикъ не захотѣлъ платить, принудилъ его къ тому тѣмъ, что замѣнилъ Спасителя—медвѣжонкомъ. Въ Декameронѣ похожденія его и его товарищей слагаются въ цѣлый циклъ[6]), предметомъ остротъ и издѣвокъ—два оригинала: художникъ Каландрино[7]), недалекій, живущій въ страхѣ своей жены[8]), способный повѣрить всякой небылицѣ,—и болонскій докторъ Симоне, такой же, какъ и онъ, простакъ, только ученый. Что у нихъ общее—это легко воспламеняющееся самомнѣніе; потѣшники любуются ими, бережно подходятъ къ объекту анализа, поставятъ вопросъ, поддакнутъ, гдѣ надо, и тайные помыслы Каландрино и Симоне расцвѣтаютъ передъ ними во всей ихъ откровенности: Каландрино считаетъ себя неотразимымъ для женщинъ, Симоне млѣетъ въ сознаніи своей учености, обаянія и привлекательности. Въ старые годы авторы фабліо и еще во второй половинѣ XIV-го вѣка итальянецъ

1) 1423 † 97.

2) Sacchetti, Nov. 75; сл. другіе анекдоты о немъ ib. 63 и 44 = Benv. da Imola, Comentum super Dantis Comoediam, Florentiae, 1887, ed. Lacaita, III, стр. 313.

3) Sacchetti, Nov. 212.

4) † 1340 или около 1351.

5) Nov. 161, 169, 191, 192.

6) VIII, 3, 6, 9; IX, 3, 5.

7) Такъ звали живописца Nozzo di Perino † до 1318 г.

8) Монны Тессы † до 1296 г.

Матазоне [1]) потѣшались надъ безправнымъ вилланомъ, грубымъ и придурковатымъ, грязнымъ и себѣ на умѣ; такова точка зрѣнія на обездоленные классы общества и въ итальянскихъ Sacre Rappresentazioni [2]); у Боккаччьо еще остались слѣды этого пониманія въ типахъ Ферондо [3]), Бентивенья дель Маццо [4]); Пьетро ди Тресанти [5]), въ простакахъ-крестьянахъ, разѣвающихъ рты, слушая о чудесныхъ хожденіяхъ брата Чиполлы [6]); 467
но въ общемъ требованія поднялись: смѣхъ и сатиру вызываетъ уже не безправная простота, а безправное самомнѣніе. Культурнаго флорентійца коробитъ самозваный судья-баранъ, котораго привезъ съ собою по дешевой цѣнѣ подеста̀, и они въ общемъ присутствіи стаскиваютъ съ него штаны [7]); въ докторѣ Симоне они, не школьные, но развитые люди, потѣшаются надъ патентованнымъ въ Болоньѣ ученымъ худоуміемъ. Потѣшаются жестоко, какъ герои фабліо̀: умственное развитіе не обуздало животныхъ инстинктовъ, а сдѣлало ихъ только цѣннѣе, смѣхъ дешевъ, вызывается балаганной выходкой, какъ, напр., часто въ новеллахъ Саккетти; сознаніе превосходства не знаетъ мѣры, шутка получаетъ нерѣдко характеръ истязанія, безцѣльнаго злорадства: это Ренаръ, издѣвающійся надъ глупымъ волкомъ. Бѣдный маэстро Симоне угодилъ въ помойную яму [8]), продѣлка мадонны Беатриче [9]) кажется «крайне злохитростной» даже собесѣдницамъ Декамерона [10]), издѣвки Лидіи надъ мужемъ [11]), извиняемыя страстью, столь же

1) Изъ Калиньяно, около Павіи.

2) D'Ancona, Origini del Teatro italiano, 2-е изд., Torino, 1891, I, 609—10.

3) III, 8.

4) VIII, 2.

5) IX, 10.

6) VI, 10.

7) VIII, 5.

8) VIII, 9.

9) VII, 7: разновидность схемы, представляемой, между прочимъ, фабліо̀ о La borgoise d'Orliens (Montaiglon et Raynaud, Recueil général et complet des fabliaux, Paris, 1872—90, I, 117).

10) VII, 8 въ началѣ.

11) VII, 9. Сл. фабліо̀: Le prestre ki abevete (Montaiglon et Raynaud, III, 54).— *Сл. Аѳанасьевъ, Русск. нар. сказки, III, 98—9 (малор. народн. анекдотъ: жена увѣряетъ мужа, что окно, въ которое онъ видѣлъ, какъ она цѣлуется съ солдатомъ, заколдовано).

жестоки. Правда, содержанiе двухъ послѣднихъ новеллъ принадлежитъ международной бродячей сказкѣ, но ихъ настроенiе то же, что и въ шуткахъ мѣстнаго происхожденiя. Еще хуже, когда проказа задумана съ цѣлью отместки: удары сыпятся на бѣдняка Бьонделло[1]), а злостный школяръ Риньери тѣшится местью, заманивъ обманувшую его красавицу на башню, гдѣ она деньденьской стоитъ голая, на солнцѣ, искусанная мухами и слѣпнями, а онъ методически отчитываетъ ее въ стилѣ нареканiй на злыхъ
468 женъ [2]). Если въ новеллѣ о Риньери отразилось дѣйстви|тельное озлобленiе автора противъ вдовы, которую онъ казнилъ въ своемъ Корбаччьо, то передъ нами интересный образчикъ разсказа, въ которомъ бiографическiе, мѣстные элементы выразились въ мотивахъ пришлой повѣсти: именно такая повѣсть извѣстна; какимъ бы путемъ ни зашла она въ Италiю и до Боккаччьо, она встрѣтила здѣсь сходный уровень общественнаго чувства и личнаго настроенiя и въ томъ и другомъ отношенiи даетъ матерьялъ для анализа, независимо отъ своей захожей схемы.

Рядомъ съ расходившейся животной личностью Симоне—тонкiй культъ сердца у «благовоспитаннаго» мессера Федериго Альбериги, жертвующаго на угощенiе своей непреклонной дамы единственнымъ сокровищемъ, любимымъ соколомъ [3]). Въ этомъ сюжетѣ, который не разъ пересказывали по Боккаччьо, и въ которомъ Гете хотѣлъ выразить свои отношенiя къ Лили и Карлоттѣ фонъ Штейнъ, едва ли есть что-либо буддiйское, много средневѣковаго-рыцарскаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто болѣе изящное и культурное. Тѣ же люди, которые способны были къ плотскому смѣху и мальчишески-звѣрской шалости, понимали и поэзiю самоотреченiя; тамъ и здѣсь самосознанiе личности находило цѣли наслажденiя. Федериго Альбериги былъ флорентинецъ, анекдотъ о немъ идетъ отъ почтеннаго Коппо ди Боргезе Доменики, одного

---

1) IX, 8.
2) VIII, 7.
3) V, 9.

изъ немногихъ, къ сожалѣнію, исторически-засвидѣтельствованныхъ лицъ, которые были живыми источниками Боккаччьо. Въ Неаполѣ старики Маринъ Булгаро и Константинъ Рокка разсказывали ему о Филиппѣ Катанской [1]); отъ перваго идетъ, быть можетъ, драматическая повѣсть объ Іоаннѣ изъ Прочиды [2]), но всего милѣе былъ Боккаччьо старикъ Коппо, человѣкъ древняго дантовскаго пошиба, знатокъ флорентійской старины, живой носитель городскихъ памятей, любившій «разсказывать своимъ сосѣдямъ и другимъ о прошлыхъ дѣлахъ; а дѣлалъ онъ это лучше | и 469
связнѣе и съ большей памятью и краснорѣчіемъ, чѣмъ то удавалось кому другому» [3]), говоритъ Боккаччьо, записавшій съ его словъ новеллу объ Альбериги и анекдотъ о Гвальдрадѣ [4]). Онъ дорожилъ дружбой къ нему человѣка, котораго зоветъ въ своей записной книжкѣ ревностнѣйшимъ гражданиномъ и блюстителемъ нравовъ [5]). Разсказанная имъ легенда о Гвальдрадѣ его характеризуетъ, еще болѣе—новелла Саккетти [6]): будто бы Коппо читалъ однажды Тита Ливія и дочитался до того мѣста, какъ римскія женщины бросились на Капитолій, требуя отмѣны закона, ограничивавшаго ихъ моды [7]). Коппо, хотя человѣкъ и мудрый, но вспыльчивый и со странностями, вышелъ изъ себя, точно все это случилось у него на глазахъ; бьетъ книгой по столу, плещетъ руками: Какъ-то потерпите это вы, римляне, вы, которые не выносили ни царей, ни императоровъ? Въ это время пришли за расчетомъ работавшіе въ его домѣ каменщики. Убирайтесь вы съ Богомъ, во имя дьявола! кричитъ онъ, лучше бы мнѣ не родиться, чѣмъ знать, что эти безстыжія распутницы, негодницы побѣжали на Капитолій отстаивать свои наряды! Что будетъ съ римлянами, когда вотъ я, Коппо, не могу съ этимъ примириться! — Рабочіе

1) De Casibus, IX, 26.
2) Дек., V, 6.
3) Дек., V, 9 = пер. I, 401.
4) Com. sopra la Comm., II, 434 слѣд.
5) Amantissimus reipublicae et morum pater. Сл. выше стр. 380.
6) Nov. 66.
7) Сл. выше стр. 51 прим. 1.

дались диву: Что это съ нимъ сталось? Слышатъ они что-то про Капитолій и забавно коверкаютъ это названіе, чтобы выжать изъ него какой-нибудь смыслъ. Ужъ не пошалила ли его жена? Онъ что-то все говоритъ о распутницахъ.—На другой день пылъ у Коппо прошелъ, и онъ разсчитался, какъ слѣдуетъ.

Интересно въ этомъ анекдотѣ тѣсное сплетеніе классическихъ воспоминаній съ злобой дня: оно возможно было лишь въ Италіи.

III.

Мы старались обособить въ Декамеронѣ новеллы мѣстнаго, |
470 итальянскаго происхожденія, тѣ, достовѣрность которыхъ авторъ счелъ нужнымъ защитить отъ нападокъ лицъ, тщившихся доказать, что все, имъ разсказанное, было не такъ, какъ сообщилъ онъ. Ихъ онъ и вызываетъ представить «подлинные разсказы»; «если бъ они разногласили съ тѣмъ, что я пишу, я призналъ бы ихъ упрекъ справедливымъ и постарался бы исправиться; но пока ничто на предъявляется, кромѣ словъ, я оставлю ихъ при ихъ мнѣніи и буду слѣдовать своему» [1]). Ту же заботу о достовѣрности обнаруживаетъ и Фьямметта; приступая къ новеллѣ о Каландрино [2]) она спѣшитъ оговориться: «если бъ я захотѣла и прежде и теперь отдалиться отъ дѣйствительнаго факта, я сумѣла бы и смогла сочинить и разсказать (его) подъ другими именами».

Всё это можетъ относиться лишь къ новелламъ-анекдотамъ, новелламъ-былямъ, которыя разсказывались о дѣйствительномъ лицѣ, хотя бы самые элементы разсказа и принадлежали къ числу бродячихъ. Съ такими чертами международной сказки намъ уже приходилось считаться, но ей же принадлежатъ и схемы особой группы повѣстей Декамерона; параллели къ нимъ нетрудно указать, несмотря на итальянское пріуроченіе многихъ изъ нихъ:

1) Дек., IV день, Вступленіе = пер. I, 277.
2) IX, 5.

изъ ста новеллъ[1]) 87[2]) помѣщены въ Италіи, въ итальянскія
историческія отношенія. Это первая степень народнаго усвоенія,
и виновникомъ его не всегда былъ Боккаччьо. Такимъ образомъ,
притча о женщинахъ-гусыняхъ, восходящая, въ своемъ перво-
источникѣ, къ повѣсти о Варлаамѣ и Іосафатѣ, разсказана у
него о сынѣ флорентинца Филиппо Бальдуччи, удалившагося для
созерцательной жизни на гору Азинайо[3]); сюжетъ, знакомый по
Цимбелину Шекспира, разработанный въ старо-французскомъ
романѣ de la Violette, существующій и въ дру|гихъ литератур- 471
ныхъ и сказочныхъ отраженіяхъ, — очутился пріуроченнымъ къ
Генуѣ[4]); повѣсть о Торелло — сплетеніе старыхъ легендъ о Сала-
динѣ[5]) съ схемой о нежданномъ возвращеніи мужа — приводитъ
насъ въ Павію[6]); новелла о Джилеттѣ изъ Нарбонны (Дек., III, 9)
восходитъ къ какому-то утраченному французскому источнику,
который знакомъ былъ автору Magus saga[7]); Сіена и Флоренція
введены въ ея кругозоръ, вѣроятно, авторомъ Декамерона; раз-
сказъ о настоятелѣ въ Фьезоле напоминаетъ фабліо о священникѣ
и Alison[8]), другой, съ мѣстомъ дѣйствія въ Тосканѣ[9]), — фабліо
о мельникѣ и двухъ клеркахъ[10]), тогда какъ новелла о Ламбер-
туччьо[11]) принадлежитъ международной сказочной схемѣ, извѣ-
стной во французской[12]) передѣлкѣ и итальянскомъ пересказѣ

---

1) Или ста одной, считая разсказъ, введенный въ предисловіе къ 4-му дню.

2) Или 88.

3) IV день, Вступленіе.

4) II, 9. — *Сл. Веселовскій, Южно-русскія былины, II, 388 слѣд. Халанскій, Южно-слав. сказанія о кралевичѣ Маркѣ (Варшава, 1893—6), стр. 608 слѣд.

5) Лишь во время печатанія этой главы получилъ я, благодаря любезности автора, Gaston Paris, его статью: La légende de Saladin (по поводу A. Fioravanti, Il Saladino nelle leggende francesi e italiane del medio evo). Цитую ее далѣе по страницамъ оттиска (изъ Journal des Savants, Mai — Août, 1893).

6) Дек., X, 9. — *Сл. Халанскій, l. c., стр. 636 слѣд.

7) *Cederschiöld, Fornsögur guntslandu, Inleding, стр. XXXVI слѣд.

8) VIII, 4; сл. Montaiglon et Raynaud, II, 8.

9) IX, 6.

10) Montaiglon et Raynaud, I, 238, V, 83.

11) VII, 6.

12) Lai de l'épervier (сл. Gaston Paris въ Romania, VII, 1). — *Сл. Bédier, Les fabliaux, 1-ое изд., стр. 193 слѣд.

одного анонимнаго сіенца XIII-го вѣка, пріурочившаго его содержаніе къ Феррарѣ. Мы переведемъ послѣднюю повѣсть дословно, чтобы дать понятіе о стилѣ итальянской до-боккаччьевской новеллы [1]).

«Былъ въ Феррарѣ благородный рыцарь, и была у него очень красивая и родовитая жена, въ которую влюбился нѣкій именитый юноша того города. Не находя никакого предлога поговорить съ дамой, онъ залучилъ къ себѣ одного умнаго человѣка, краснобая, пообѣщавъ ему много денегъ, если онъ сумѣетъ устроить это дѣло. Предлогъ онъ показалъ такой, что его коню не было мѣста въ конюшнѣ, ибо онъ велѣлъ ее перестроить; онъ и попросилъ рыцаря поставить коня въ свою. Тотъ краснобай былъ конюшимъ; такъ какъ онъ былъ изъ другихъ мѣстъ, и его здѣсь не знали, онъ прикинулся большимъ простакомъ. Когда онъ хорошо освоился въ домѣ у рыцаря, и его считали столь простымъ,
472 что | онъ получилъ возможность всюду ходить и бывать съ дамой безъ всякаго подозрѣнія, онъ, улучивъ время, сталъ говорить съ ней серьезно, устраивая дѣло; и такъ много наговорилъ онъ ей въ разное время, что уладилъ все то, для чего тамъ и проживалъ. Долгое время общаясь съ юношей, дама влюбилась одинаково и въ слугу за его красныя рѣчи, такъ что однажды, будучи съ нимъ въ своей комнатѣ, открыла ему свое желаніе, и они наслаждались другъ съ другомъ, когда молодой человѣкъ, провѣдавъ, что рыцарь уѣхалъ въ городъ, самъ отправился къ дамѣ и постучался въ дверь. Услышавъ его, дама спрятала слугу за занавѣсъ, а сама осталась съ молодымъ человѣкомъ. Пока они пребывали такимъ образомъ, внезапно вернулся и рыцарь, подошелъ къ комнатѣ и постучался въ дверь. Дама мигомъ сказала молодому человѣку: Обнажи свой ножъ, отвори комнату будто насильно, и, ни съ кѣмъ не говоря ни слова, обнаружь гнѣвъ и говори, угрожая: Пусть меня убьютъ, если я не убью тебя! — Какъ она сказала,

---

1) Tre novellino antiche, Saggio di un testo inedito del secolo XIII citato dalla Crusca. Firenze, 1887, ed. L. Gentile e Straccali.

такъ молодой человѣкъ и сдѣлалъ: вышелъ изъ комнаты, рыцарь перепугался, а онъ, все время угрожая, удалился по своимъ дѣламъ, ничего не отвѣтивъ на вопросы рыцаря. Когда тотъ вступилъ въ горницу, жена кликнула слугу, бывшаго за занавѣсомъ, и говоритъ рыцарю, что тотъ молодой человѣкъ, найдя свою лошадь стреноженной, хотѣлъ было за это убить слугу, а онъ спрятался въ ея комнатѣ, и она съ трудомъ его защитила. Такъ-то она выручила себя по отношенію къ молодому человѣку и слугѣ и не направила молодого человѣка за занавѣсъ, ибо не желала, чтобы онъ засталъ тамъ слугу, такъ что молодой человѣкъ ничего не узналъ о слугѣ, а слуга выгородилъ молодого человѣка».

Новелла Боккаччьо перенесла все это дѣйствіе во Флоренцію, обставила его именами и лишь несущественно измѣнила отношенія дѣйствующихъ лицъ: Леонетто, отвѣчающій краснобаю-конюшему стараго разсказа, любитъ самостоятельно и не играетъ роли посредника; рыцарь названъ Ламбертуччьо, онъ человѣкъ вліятельный, и Изабелла отдается ему противъ воли, когда | онъ 473
пригрозилъ ей, что иначе учинитъ ей позоръ. Такимъ образомъ, казалось бы, удалена непривлекательная подробность, что красавица одновременно дозволяетъ двоимъ любить себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ концѣ новеллы именно эта черта подчеркнута еще рѣзче: когда Леонетто спасся, какъ конюшій старой повѣсти, онъ, «слѣдуя наставленію дамы», въ тотъ же вечеръ тайно переговорилъ со своимъ соперникомъ и такъ съ нимъ уладился, «что, хотя впослѣдствіи много о томъ говорили, рыцарь никогда не догадался о шуткѣ, которую сыграла съ нимъ жена».

Принадлежатъ ли эти измѣненія Боккаччьо, или онъ уже нашелъ ихъ въ своемъ источникѣ, какой-нибудь повѣсти, сходной съ новеллой безыменнаго сіенца? Вотъ вопросъ, который поневолѣ обобщается, потому что и художественное значеніе Боккаччьо и его нравственная отвѣтственность могутъ быть вполнѣ оцѣнены лишь при условіи точнаго сравненія того, что имъ сдѣлано, съ тѣмъ, что онъ засталъ и чѣмъ воспользовался. Вопросъ объ источникахъ Декамерона представляется настоятельнымъ, не празднымъ

любопытствомъ ученаго, ибо дѣло не въ повтореніи готовыхъ повѣствовательныхъ схемъ, а въ ихъ комбинаціяхъ, если онѣ отвѣчаютъ эстетическимъ цѣлямъ, въ новомъ освѣщеніи, въ матеріалахъ анализа, въ томъ починѣ, который заставляетъ насъ говорить о Боккаччьо, какъ объ одномъ изъ родоначальниковъ художественнаго реализма.

Мы уже знаемъ, что въ неаполитанскихъ кружкахъ, гдѣ влюбленный Боккаччьо разсказывалъ своей милой о Памфило и Фьямметтѣ, повѣсти были любимымъ развлеченіемъ салона и посидѣлокъ. Фьямметта читаетъ французскіе романы, проситъ Боккаччьо пересказать для нея Floire et Blanceflor; иная изъ новеллъ Декамерона, напр., повѣсть о страданіяхъ мадонны Беритолы [1]), кажется разработкой романическаго мотива о разлученіяхъ и спознаніяхъ, разсчитанная на мирныя слезы; таковъ и разсказъ
474 о графѣ Анверскомъ [2]), навѣянный, быть можетъ, | романомъ Арно̀ Видаля изъ Castelnaudary о Guilhem de la Barra. Въ обществѣ Фьямметты, гдѣ такъ много было французскаго и провансальскаго, цѣлямъ смѣха могли отвѣчать фабліо̀ [3]) и провансальскія novas: новелла Дек., VII, 7 напоминаетъ мотивы первыхъ и, вмѣстѣ, Castia-gilos Раймона Видаля изъ Besaudun; плачевный разсказъ о мессерѣ Гвильельмо Гвардастаньо [4]) ведетъ свое начало изъ какой-нибудь провансальской повѣсти, лишь позже пріурочившейся, по созвучію именъ, къ трубадуру Cabestaing, тогда какъ Дек., IV, 1 восходитъ къ утраченному источнику романа о Châtelain de Couci. Эпическій матерьялъ Прованса успѣлъ не только перейти въ Италію, но и получить здѣсь литературное отраженіе у Франческо да Барберино въ его утраченныхъ Fiore di Novelle, въ его же Documenti d'Amore и Reggimento delle

1) II, 6.

2) II, 8.

3) О фабліо̀, сходныхъ по содержанію съ новеллами Декамерона, говоритъ Bédier (Les fabliaux, études de littérature populaire et d'histoire littéraire du moyen âge. Paris, 1893), книгой котораго я уже не могъ воспользоваться.

4) IV, 9.

donne; явились и зародыши итальянской новеллы въ разсказахъ, разсѣянныхъ въ Fiore di Filosofi, Fior di Virtù, въ такихъ сборникахъ, какъ Conti di antichi Cavalierii, собранныхъ изъ французскихъ источниковъ и изъ Liber historiarum romanorum [1]), и Novellino: коротенькія повѣсти, скорѣе сказать схемы повѣстей, которыя предоставлено развить разсказчику съ сюжетами, взятыми отовсюду, изъ классическаго, легендарнаго и романическаго преданія и мѣстной были, какъ у Барберино, и въ Novellino съ его Фридрихомъ II и Эццелино, провансальскими мотивами и гибеллинскими симпатіями XIII-го вѣка. Заодно съ повѣстями, мѣткія изреченія, motti, удачныя слова, цвѣты словъ, fiori di parlare. Схема и положенія и характеры едва намѣчены: точно контуры commedia dell' arte, ожидающіе художника и дыханія жизни. Авторъ Avventuroso Ciciliano уже пытается быть стилистомъ въ новеллахъ, которыми онъ разнообразитъ свою странную, полуромантическую хронику; художникомъ явится Боккаччьо.

Таковы были литературные матерьялы разсказа, обступив|-
шіе его въ обществѣ; къ этому присоединилось и собственное 475
чтеніе: легенды и хроники, классическіе сюжеты, навѣявшіе его Тезеиду и новеллы о бочкѣ [2]) и о Пьетро ди Винчьоло [3]), взятыя напрокатъ у Апулея. Но, можетъ быть, болѣе чѣмъ моментъ чтенія, играли роль устный разсказъ и усвоеніе слышаннаго: сказка, незнающая родства, и веселыя присказки бродили промежъ народа и проникали въ кружокъ Фьямметты [4]); если Коппо ди Боргезе Доменики повѣствовалъ про флорентинскія были, то народная повѣсть, до сихъ поръ существующая въ разнообразныхъ европейскихъ отраженіяхъ, могла дать Боккаччьо сюжетъ для его новеллы о Гризельдѣ. Именно въ Неаполѣ, на перепутьи международныхъ теченій, сказка должна была отличаться разнообразіемъ мотивовъ, сплетеніемъ Востока и Запада: сказывали

1) *Сл. Monaci, Sul libro histor. romanorum. Roma, 1889, стр. 52 sqq.
2) VII, 2.
3) V, 10.
4) Сл. выше стр. 119, 412—3.

провансальцы и греко-итальянцы изъ Кипра, Боккаччьо говоритъ о «кипрійскихъ исторіяхъ» [1]), очертанія греческаго романа, встрѣчающіяся въ его новеллахъ, объясняются посредствомъ устной передачи, которая познакомила его и съ восточными сюжетами (Соломонъ въ IX, 9) [2]) и таковыми же, хотя искаженными, именами Алибекъ [3]), Алатіэль [4]), Массамутино (въ Филоколо) [5]).— Въ иныхъ случаяхъ лишь имя дѣйствующаго лица ведетъ къ предположенію восточнаго источника повѣсти. Въ житіи Іоанна Милостиваго есть эпизодъ, перенесенный въ повѣстяхъ Пафнутія Боровскаго на Іоанна Калиту: однажды какой-то богатый иностра-
476 нецъ захотѣлъ испытать доброту архіепископа и, когда | Іоаннъ собирался посѣтить больницу, подошелъ къ нему, одѣтый въ рубище, и попросилъ милостыню. Ему подали пять золотыхъ; чрезъ три дня онъ явился въ другой одеждѣ и снова проситъ; Іоаннъ снова велѣлъ дать ему шесть золотыхъ; когда нищій удалился, казначей шепнулъ архіепископу, что тотъ человѣкъ уже во второй разъ получилъ милостыню; а Іоаннъ какъ-будто и не слышитъ. Въ третій разъ подошелъ тотъ же нищій, казначей кивнулъ архіепископу, давая ему понять, что это—все тотъ же; а тотъ говоритъ: Подай ему двѣнадцать золотыхъ, дабы онъ не былъ мнѣ Христомъ и не ввелъ меня въ искушеніе. —Такой именно эпизодъ встрѣчается, хотя въ иномъ пріуроченіи, въ новеллѣ о Митриданѣ, которому не даетъ покоя щедрость Натана [6]); чувствуя свое безсиліе превзойти его, онъ рѣшается его убить, чтобы его слава ему не мѣшала; Натанъ, не привыкшій отказывать въ чемъ бы

1) V, 1; сл. выше стр. 25—6.

2) *Къ литературѣ новеллы сл. предисловіе ко 2-му изданію Декамерона въ моемъ переводѣ, стр. XXIII слѣд., и Сборник за народни умотворения X, отд. III, стр. 146, № 2.

3) III, 10.

4) II, 7. Сл. выше стр. 28.

5) Сл. выше стр. 205 и слѣд. Я не сомнѣваюсь, что имя Массамутино, сенешаля *арабскаго* короля Феличе, отвлечено отъ извѣстныхъ въ южно-итальянской исторіи *Masmudi*, какъ назывались Альмогады, по имени вліятельнѣйшаго между ними племени.

6) X, 3.

то ни было, превосходитъ самого себя въ великодушіи, предоставляя свою жизнь смущенному сопернику. Имена дѣйствующихъ лицъ указываютъ на какой-то, не то персидскій (Митриданъ), не то еврейскій Востокъ, мѣсто дѣйствія — Китай, источникъ повѣсти — разсказы генуэзцевъ и другихъ людей, бывавшихъ въ тѣхъ странахъ. До Боккаччьо могъ дойти какой-нибудь изводъ арабской повѣсти о Хатимѣ или персидской о Хатимъ Тайитѣ и королѣ Іемена (у Саади), о немъ же и великодушной женщинѣ; въ послѣдней переодѣтый Хатимъ отправляется въ Китай, чтобы поглядѣть на женщину, о которой шла молва, что она щедрѣе его самого. Она говоритъ ему, что завидуетъ славѣ Хатима и проситъ незнакомца убить его. Хатимъ кладетъ передъ нею свой мечъ и говоритъ: Я — самъ Хатимъ, и моя голова въ твоей власти. Женщина тронута его благородствомъ и выходитъ за него замужъ [1]), какъ у Боккаччьо Митриданъ и Натанъ становятся друзьями.

На восточную апокрифическую повѣсть указываетъ Дек., *
IX, 9; источника Боккаччьо мы не знаемъ; въ сербской сказкѣ у Караджича какой-то человѣкъ обращается къ Соломону за совѣтомъ, кого ему выбрать въ жены: дѣвушку, вдову или разведенную жену. Соломонъ отвѣчаетъ загадочно: коли возьмешь дѣвушку — ты знаешь (т.-е., онъ будетъ главой семьи), коли вдову — она знаетъ (т.-е., будетъ управлять мужемъ), а коли разведенную, то берегись моего коня (т.-е., убѣжитъ отъ него, какъ и отъ перваго мужа). Соломонъ представляется мальчикомъ, ѣздящимъ верхомъ на палочкѣ — конѣ (сл. мои Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 115). Слѣдующая легенда, недавно записанная въ Малороссіи, объединяетъ этотъ разсказъ съ данными боккаччьев-

---

1) Сл. въ Journal of American Folklore, II, № VII, стр. 315: отчетъ Crane'a о Clouston, A group of eastern romances and stories from the Persian, Tamil and Urdu. Glasgow, 1889. *Въ Helga Þáttr ok Ulfs (изд. въ Yrel. Sag., I, 342 слѣд., и Гисласономъ въ Proever, 50 слѣд.) Barđr трижды подаетъ милостыню одному и тому же нищему, который оказывается ап. Петромъ; апостолъ показываетъ ему Ирландію, гдѣ впослѣдствіи Barđr сталъ епископомъ.

ской новеллы, указывая, быть можетъ, на общій источникъ: къ мальчику Соломону, который также ѣздитъ на палочкѣ, являются трое: одинъ — вдовецъ, хочетъ жениться; отвѣтъ Соломона — варьянтъ къ соотвѣтствующему отвѣту сербской сказки; второй — докторъ, много учился, никому не отказываетъ въ помощи, насколько можетъ, а самъ съ семьей голодаетъ. Какъ ему быть? Соломонъ отвѣчаетъ: Думай о себѣ (т.-е., цѣни выше свой трудъ). Наконецъ, третій — молодоженъ, съ перваго дня женитьбы ему нѣтъ покоя отъ капризовъ супруги. Совѣтъ Соломона такой: Посмотри въ мельницу, гдѣ пшено! — къ нему и объясненіе: въ мельницѣ просо сколачиваютъ въ ступахъ толчеями; такъ и ты потолки хорошенько свою молодую жену [1])! У Боккаччьо въ совѣтѣ Соломона къ Джозефо толчея замѣнена палкой; можетъ быть, и докторъ и Мелиссо отразили одинъ общій типъ: одинъ всѣмъ помогаетъ и голоденъ, другой щедръ, и никто его не любитъ. Только у Боккаччьо отвѣтъ Соломона другой: Полюби [2])!

477 Измѣненія, внесенныя Боккаччьо въ традиціонные сюжеты, могли бы дать намъ мѣру его таланта и направленія, если бы вездѣ былъ ясенъ его источникъ. Къ сожалѣнію, мы добираемся до него лишь въ рѣдкихъ случаяхъ [3]), въ другихъ — принуждены обойтись невѣдѣніемъ.

У Гелинанда есть легенда-видѣніе, пересказанная въ XIV-мъ

---

1) *П. И(вановъ). Изъ области малор. нар. легендъ, Этногр. Обозр., XVIII, 87—8.

2) *Къ нов. IX, 9: сл. мой переводъ Декамерона, 2-е изд., стр. XXIII—V; сл. еще Montaiglon et Raynaud, Fabliaux, VI, 95: De la dame escolliée, и Bédier, Fabliaux, стр. 283—4: un comte chévauche avec sa jeune épousée, le jour de ses noces, pour gagner son manoir. Un lièvre passe devant les chiens. «Rapportez!» leur crie-t-il. Ils le manquent, et il leur trenche la tête; онъ убиваетъ оступившуюся во второй разъ лошадь. Ils arrivent au château: la jeune femme que ces épreuves n'ont pas encore terrifiée, veut l'éprouver à son tour et commande au cuisinier des mets qui, elle le sait, déplairont au comte. Графъ изувѣчилъ повара и жестоко бьетъ жену.

3) Сл., напр., отношенія Дек., IX, 6, къ фаблiо о Gombert et les deux clercs, указанныя Бартоли.

вѣкѣ Пассаванти[1]): въ графствѣ Неверскомъ жилъ бѣдный, богобоязненный угольщикъ; однажды, сидя въ своей избушкѣ и сторожа зажженную угольную яму, онъ услышалъ около полуночи страшные крики. Выйдя посмотрѣть, въ чемъ дѣло, онъ увидѣлъ, что обнаженная, простоволосая женщина бѣжитъ, съ криками, на яму, а за нею поспѣшаетъ на ворономъ конѣ всадникъ, съ ножомъ въ рукѣ; пламя пылаетъ изо рта и глазъ всадника и лошади. У самой ямы всадникъ нагналъ женщину, которая продолжала вопить, схватилъ ее за косы и поразилъ ножомъ въ самую грудь; затѣмъ, подобравъ ее, окровавленную, съ земли, бросилъ въ зажженную яму, вытащилъ ее оттуда, обгорѣлую, и, перекинувъ черезъ коня, умчался по пути, откуда явился. Трижды повторяется это видѣніе; на четвертый разъ графъ Неверскій заклинаетъ всадника провѣщиться: Я—твой рыцарь Джьуффреди, воспитанный при твоемъ дворѣ, отвѣчаетъ онъ, а эта женщина, съ которой я такъ свирѣпъ и жестокъ,—жена рыцаря Берлингьери, который былъ такъ милъ тебѣ. Увлеченные другъ другомъ къ нечестной страсти, мы съ общаго согласія впали въ грѣхъ, который довелъ ее до убійства мужа, дабы свободнѣе было творить худое. Такъ пребывали мы во грѣхѣ до смертнаго недуга, но оба успѣли покаяться и исповѣдать свой проступокъ, и Господь взыскалъ насъ своимъ милосердіемъ, замѣнивъ намъ вѣчныя муки ада временнымъ мученіемъ
чистилища. Знай, что мы осуж|дены и такимъ, какъ ты видѣлъ, 478
образомъ совершаемъ свое очищеніе.

Эта чистилищная легенда перенесена у Боккаччьо[2]) въ Равенну, на новыя лица, и освѣщеніе другое: всадникъ, преслѣдующій красавицу, былъ когда-то влюбленъ въ нее, но, презрѣнный ею, рѣшился на самоубійство, а она, скончавшись безъ покаянія, «ибо считала, что не только тѣмъ не погрѣшила, но и поступила, какъ слѣдуетъ, осуждена была на адскія муки». Не только мотивы наказанія другіе, но и самое видѣніе служитъ неожиданнымъ

1) Lo specchio della vera penitenza, distinz. III, c. 2.
2) V, 8.

цѣлямъ: Настаджьо дельи Онести показываетъ его неприступной красавицѣ, за которою онъ ухаживалъ, для того, чтобы нагнать на нее страхъ. И онъ не только добился своей цѣли, но и «всѣ другія жестокосердыя равенскія дамы такъ напугались, что съ тѣхъ поръ стали снисходить къ желаніямъ мужчинъ гораздо болѣе прежняго». Такъ обошелся Боккаччьо съ сюжетомъ загробной легенды, вынося изъ нея не угрызенія совѣсти, а призывъ къ любви. Такъ и въ новеллѣ о двухъ сіенцахъ[1]), построенной на такихъ же легендарныхъ мотивахъ. Тингоччьо, умершій ранѣе своего товарища Меуччьо, явившись къ нему, по уговору, изъ чистилища, приноситъ веселыя вѣсти: онъ любилъ куму и боялся за то кары, а въ чистилищѣ, оказывается, «кумы не берутся въ расчетъ», — и Меуччьо издѣвается надъ собой, что столькихъ кумъ пощадилъ на своемъ вѣку, и, простившись съ своимъ невѣжествомъ, отнынѣ сталъ мудрѣе.

Обѣ легенды прошли въ новеллу однимъ и тѣмъ же путемъ: остались схема и образы, но то и другое раскрылось для новаго пониманія. Принадлежитъ ли оно Боккаччьо, или онъ выбралъ изъ готовыхъ уже обработокъ сюжета то, что пришлось ему по вкусу? Измѣненія въ новеллѣ о Настаджьо могли быть навѣяны чисто-свѣтскими представленіями, отразившимися въ Lai de trot, у Андрея Капеллана и въ каталонскомъ Salut d'amour: о пла-|
479 чевной участи тѣхъ, кто при жизни не внялъ голосу любви[2]). Въ такомъ случаѣ характеренъ былъ бы выборъ, не художническій пріемъ.

Съ послѣднимъ мы знакомимся, обратившись къ источнику пятой новеллы пятаго дня. Старый лѣтописецъ Фаенцы разсказываетъ о взятіи и разграбленіи города; одинъ красильщикъ спасается бѣгствомъ въ Кремону съ женой и двумя сыновьями, позабывъ дочку двухъ или трехъ лѣтъ. Двое братьевъ названныхъ,

1) VII, 10.—*Сл. Schönbach, Studien z. Erzählungslitteratur des Mittelalters, I: Die Reuner Relationen, p. 139 (Sitzungsber. d. Wiss. Akad., Phil.-hist. Classe, 139 Bd., Wien, 1898).

2) Сл. мою: Novella della figlia del re di Dacia, Pisa, Nistri, 1866, стр. 41 слѣд., и P. Meyer, Romania, LXXVIII: Nouvelles catalanes inédites, v. 406 слѣд.

fratres jurati, разграбили его домъ, одинъ изъ нихъ, родомъ изъ
Пармы, захватилъ съ собой дѣвочку; по его смерти его товарищъ
воспитываетъ ее; въ Кремонѣ, куда онъ вернулся, всѣ считаютъ
ее его дочерью. Здѣсь въ нее влюбились молодой кремонскій дво-
рянинъ и ея собственный братъ; между ними происходитъ ссора,
привлекшая, въ числѣ прочихъ, и пріемнаго отца. Признаніе
совершается внезапно и не мотивировано: пріемный отецъ дѣвушки
неожиданно спрашиваетъ ея брата, кто онъ, и что привело его въ
Кремону; шрамъ, оказавшійся за ухомъ красавицы, помогаетъ
разъяснить дѣло, и разсказъ кончается ея бракомъ съ кремон-
скимъ дворяниномъ.

Боккаччьо отнесся къ этому сюжету съ тактомъ настоящаго
разсказчика: до второй половины новеллы мы остаемся въ убѣж-
деніи, что дѣвушка—дочь одного изъ двухъ ломбардцевъ, отвѣ-
чающихъ безыменнымъ солдатамъ лѣтописи; мы не ожидаемъ
развязки, тѣмъ она интереснѣе. Умирая, Гвидотто оставляетъ
своему пріятелю Джьякомино «дѣвочку, лѣтъ, можетъ быть,
десяти». Джьякомино поселяется съ нею въ Фаенцѣ, гдѣ за ней
ухаживаютъ Джьянноле и Мингино. Изъ пріятелей они становятся
врагами; оба присватались бы къ ней, если бъ было на то согласіе
родителей, и вотъ каждый изъ нихъ задумалъ овладѣть ею тѣмъ
способомъ, который будетъ ему удобнѣе. Боккаччьо отдалилъ,
такимъ образомъ, мотивъ ссоры, чтобы вставить эпи|зодъ, раскры- 480
вающій передъ нами итальянскій intérieur Джьякомино, съ старой,
досужей служанкой и потѣшнымъ, добродушнымъ слугой Кри-
велло; ихъ вмѣшательство напоминаетъ помощную роль парази-
товъ въ любовныхъ интригахъ римской комедіи. Влюбленные
молодые люди обращаются къ ихъ помощи, одинъ — къ слугѣ,
другой — къ служанкѣ, и тѣ обѣщаютъ провести ихъ къ дѣвушкѣ,
когда отца не будетъ дома. Насталъ урочный часъ, Джьянноле и
Мингино насторожѣ, ждутъ условленнаго знака, а между тѣмъ
Кривелло и служанка стараются услать другъ друга: Зачѣмъ не
пойдешь ты теперь спать, зачѣмъ путаешься по дому? — А ты
зачѣмъ не идешь за своимъ хозяиномъ, чего ждешь, коли уже

поужиналъ? — Когда Джьянноле проникъ къ дѣвушкѣ и готовится увезти ее, Мингино явился на ея крикъ, и происходитъ свалка; виновники посажены въ тюрьму. На другой день, когда родственники молодыхъ людей пришли къ Джьякомино просить за нихъ, онъ изъявляетъ свою готовность, тѣмъ болѣе, что и оскорбленная дѣвушка — фаентинка, «хотя ни я, ни тотъ, кто поручилъ мнѣ ее, никогда не довѣдались, чья она дочь», — и онъ разсказываетъ тотъ эпизодъ о разгромѣ Фаенцы, съ котораго лѣтописецъ началъ свой разсказъ: дѣвушка оказывается пріемышемъ Гвидотто и взята изъ дома, ограбленнаго имъ въ Кремонѣ. «Былъ тамъ въ числѣ прочихъ нѣкій Гвильельмино да Медичина, участвовавшій съ Гвидотто въ томъ дѣлѣ и отлично знавшій, чей домъ ограбилъ Гвидотто». Увидѣвъ въ толпѣ его хозяина, онъ окликнулъ его: Слышь, Бернабуччьо, что говоритъ Джьякомино? Тому вспоминается его потерянная дочка; это навѣрно она и есть, подсказываетъ Гвильельмино; не помнишь ли у ней какой-нибудь примѣты? — У нея былъ шрамъ, въ видѣ крестика, надъ лѣвымъ ухомъ. — Признаніе спѣшитъ къ концу: Бернабуччьо проситъ показать ему дѣвушку, пораженъ ея сходствомъ съ матерью, нашелся и шрамъ. Это, братецъ, дочь моя! обращается онъ къ Джьякомино, и дѣвушка, движимая тайной силой, не противится его объятіямъ и плачетъ вмѣстѣ съ нимъ.

Въ концѣ новеллы Боккаччьо, по обыкновенію, всѣхъ устраи|-
481 ваетъ: является жена Бернабуччьо, родственники, заключенные выпущены, даже Мингино женятъ. Это, можетъ быть, лишнее, но въ общемъ получилась, вмѣсто сухого разсказа, живая картина съ бытовыми подробностями, не разсказъ третьяго лица, начинающаго съ начала, потому что онъ успѣлъ все узнать и расположить въ послѣдовательности, а яркій фактъ, какъ онъ захватываетъ васъ въ дѣйствительности, послѣдовательно, иногда нечаянно раскрываясь въ своихъ причинахъ и слѣдствіяхъ. — Концентрація дѣйствія, начало разсказа изъ средины — житейское наблюденіе и вмѣстѣ художественный пріемъ; чѣмъ рѣже прибѣгаетъ къ нему Боккаччьо, тѣмъ любопытнѣе его отмѣтить.

Другія, не художественныя соображенія вызываетъ знаменитая новелла о трехъ кольцахъ[1]), прототипъ Натана Мудраго Лессинга. Она раскроетъ намъ другіе интересы, связанные съ вопросомъ объ источникахъ Декамерона.

Въ еврейской средѣ сложился разсказъ, который Соломонъ бенъ Верга (XV в.) пріурочилъ къ аррагонскому королю Донъ Педро Старшему (1094—1104). Король задаетъ одному еврею вопросъ: какая изъ двухъ религій лучше, христіанская или еврейская? Тотъ сначала отвѣчаетъ уклончиво, затѣмъ, попросивъ трехдневной отсрочки, является, разсерженный, и разсказываетъ слѣдующее: Мѣсяцъ тому назадъ уѣхалъ мой сосѣдъ, оставивъ двумъ своимъ сыновьямъ два драгоцѣнныхъ камня. Прійдя ко мнѣ, они попросили меня объяснить имъ свойства и особенности камней, и когда я отвѣтилъ, что никто не въ состояніи лучше это сдѣлать, какъ отецъ-ювелиръ, они выбранили меня и побили. — Король говоритъ, что братья поступили дурно и заслуживаютъ наказанія, а еврей примѣняетъ свою притчу къ Исаву и Іакову и Отцу Небесному, великому ювелиру, который одинъ лишь знаетъ отличіе камней.

Третій камень, или перстень въ какой-нибудь разновидности этого разсказа, распространилъ сравненіе: вопросъ касался уже |
не двухъ, а трехъ религій. Въ Римскихъ Дѣяніяхъ[2]) и въ старо- 482
французской притчѣ[3]) онъ сталъ рѣшаться въ откровенно-христіанскомъ смыслѣ: нѣкто, умирая, оставляетъ своимъ тремъ сыновьямъ по перстню; перстни похожи другъ на друга, но между ними настоящій, драгоцѣнный, лишь одинъ. По смерти отца поднимается между братьями споръ, ибо каждый стоялъ за подлинность своего перстня. Происходитъ испытаніе: только одинъ изъ перстней проявляетъ надъ больными свою цѣлительную силу, другіе — бездѣйственны. — Толкованіе притчи такое: отецъ —

1) I, 3.

2) C. 89, ed. Oesterley.

3) Dis dou vrai aniel (1270—1294). Разсказъ Étienne de Bourbon является развитіемъ и вмѣстѣ искаженіемъ типа Gesta и французской притчи.

Господь нашъ Іисусъ Христосъ, три сына — іудеи, сарацины и христіане; лишь послѣдніе владѣютъ чудодѣйственнымъ перстнемъ.

Ближе къ настроенію еврейской легенды двѣ итальянскія, до-боккаччьевскія; какъ тамъ, вопросъ о преимуществѣ одного изъ трехъ камней, перстней, религій оставленъ открытымъ; разсказываетъ и толкуетъ притчу еврей, его совопросникъ — Саладинъ, типъ рыцарственнаго, свободомыслящаго, великодушнаго властителя, перешедшій изъ среднихъ вѣковъ въ разсказы Novellino и къ Боккаччьо [1]). Преданіе о немъ, внесенное въ хронику Ененкеля, объясняетъ его роль въ слѣдующихъ новеллахъ: разсказывается, что, умирая, Саладинъ задумалъ обезпечить посмертную участь своей души, велѣвъ расколоть на три части драгоцѣнный, доставшійся отъ предковъ, столъ изъ сапфира и завѣщавъ по части верховному существу, котораго почитала каждая изъ трехъ господствующихъ религій. Эта объективная точка зрѣнія уступила христіанской въ двухъ повѣстяхъ, одинаково пріуроченныхъ къ смерти Саладина: въ Chronique d'Outremer (XIII в.) онъ вызываетъ на споръ багдадскаго калифа, іерусалимскаго патріарха и еврейскихъ мудрецовъ: ему хочется узнать, какой изъ трехъ законовъ лучше. Споръ его не убѣдилъ, |
463 но, распредѣляя между тремя религіями свое достояніе, онъ все же завѣщаетъ лучшую часть христіанамъ. Въ одномъ латинскомъ сборникѣ XIII вѣка говорится о такомъ же преніи. Моя вѣра лучше, утверждаетъ еврей, если бъ мнѣ пришлось ее оставить, я избралъ бы христіанскую, пошедшую отъ нея. Таковъ и отвѣтъ мусульманина, одинъ лишь христіанинъ заявляетъ, что отъ своей вѣры онъ ни за что не отступится, — и это дѣйствуетъ на Саладина: христіанство выше другихъ религій, говоритъ онъ, я избираю его [2]).

---

1) Дек., I, 3; X, 9.

2) G. Paris, l. c., стр. 14—15. — *Сл. id. La poésie du moyen âge: leçons et lectures, 2-e série (1895), стр. 131 слѣд. La parabole des trois anneaux.

Итальянскія легенды соединяютъ имя Саладина съ схемой трехъ перстней, но христіанскаго освѣщенія въ нихъ нѣтъ. Novellino[1]) разсказываетъ: Когда однажды Саладинъ былъ въ денежной нуждѣ, ему посовѣтовали обойти одного богатаго еврея и затѣмъ обобрать его. Саладинъ задаетъ ему вопросъ, какая вѣра лучше, полагая, что если онъ укажетъ на еврейскую, его уличатъ въ приниженіи мусульманства, если предпочтетъ его, можно будетъ его спросить, почему же онъ держится еврейской вѣры? Еврей отвѣчаетъ притчей объ отцѣ и трехъ сыновьяхъ и драгоцѣнномъ перстнѣ: каждый изъ сыновей пристаетъ къ отцу съ просьбой завѣщать ему этотъ перстень; тогда отецъ заказываетъ золотыхъ дѣлъ мастеру сдѣлать еще два, совершенно схожихъ съ настоящимъ, и, умирая, каждому изъ сыновей даритъ наединѣ по перстню. У кого изъ нихъ настоящій, про то знаетъ лишь ихъ отецъ. Такъ и религій три, Отецъ нашъ вѣдаетъ, какая изъ нихъ истинная, а мы, Его дѣти, полагаемъ, что истинная вѣра именно та, которую каждый изъ насъ держитъ.

Въ Avventuroso Ciciliano[2]) мѣсто дѣйствія въ Вавилоніи, имя еврея — Ансалонъ; Саладинъ, которому необходимы были деньги для войны съ христіанами, ставитъ ему коварный вопросъ — о
трехъ религіяхъ; отвѣтъ и толкованіе тѣ же: одинъ лишь изъ |
трехъ перстней настоящій, одна изъ трехъ вѣръ истинная; 484
какая — я не знаю: отецъ отдалъ настоящій перстень тому, кого пожелалъ имѣть своимъ наслѣдникомъ.

Новелла Боккаччьо — лишь стилистическое развитіе схемы итальянскихъ. Дѣйствующія лица — Саладинъ, султанъ Вавилона или Вавилоніи, растратившій свою казну въ различныхъ войнахъ и большихъ расходахъ, — и александрійскій еврей Мельхиседекъ. Три перстня примѣнены къ тремъ законамъ, «которые Богъ-Отецъ далъ тремъ народамъ...; каждый народъ полагаетъ, что онъ владѣетъ наслѣдствомъ и истиннымъ закономъ, велѣнія ко-

---

1) № CXI, ed. Biagi.

2) Ed. Nutt, стр. 455—6.

тораго обязанъ исполнять; но который изъ нихъ имъ владѣетъ — это такой же вопросъ, какъ и о трехъ перстняхъ»[1]).

Къ новому освѣщенію вопроса, скрытаго подъ аллегоріей трехъ перстней, новелла Боккаччьо ничего не принесла; къ характеристикѣ его религіознаго міросозерцанія она могла бы послужить лишь въ томъ случаѣ, если бъ дозволено было предположить съ его стороны выборъ между ортодоксальной версіей Римскихъ Дѣяній и итальянскими, оставляющими рѣшеніе открытымъ. Боккаччьо могъ просто воспользоваться послѣдними, потому что онѣ были подъ рукою, ходили въ обществѣ, какъ и теперь еще разсказъ о трехъ кольцахъ извѣстенъ въ Сициліи и Умбріи. Если онъ нѣсколько разъ обрабатывался въ итальянской литературѣ XIII—XIV вѣка, то заключать изъ того о началахъ религіозной терпимости въ общественной средѣ надо лишь осторожно. Повѣсть носитъ на себѣ печать своего происхожденія, не даромъ ее разсказываетъ еврей: такой апологъ могъ быть сложенъ лишь иновѣрцемъ, поставленнымъ въ необходимость считаться съ тираніей господствующей или торжествующей Церкви, не противорѣча — и не сдаваясь, робко заявляя и свое право на исканіе истины; «не однимъ лишь путемъ можно дойти до познанія столь важной тайны»[2]), говорилъ Симмахъ, защищая
485 вѣру предковъ отъ побѣдоноснаго христіанства. Та|ково и настроеніе аполога: онъ мыслимъ въ религіозныхъ отношеніяхъ Испаніи и южной Италіи арабско-норманской поры; въ основѣ это апологъ страха, не свободной мысли, онъ могъ отвѣтить ея чаяніямъ, насколько вообще сожительство разныхъ религіозныхъ толковъ ведетъ къ уступкамъ и ослабленію односторонняго гнета, но лишь у Лессинга рамки старой притчи раскрылись для болѣе

---

1) *Сл. Fränkel, Zur Gesch. von den drei Ringen, въ Studien z. vergleichenden Literaturgeschichte, IV, 4. Gebhart, La genèse d'un conte de Boccace, Journ. des Débats, 1900, 14 Mars; Dejob, A propos de la partie honnête du Décameron de Boccace, Rev. Universitaire, 1900, 15 Juillet; Wallonia, Déc. 1900: Chauvin, La parabole des trois anneaux.

2) Uno itinere non potest perveniri ad tam grande secretum.

широкаго и человѣчнаго положенія. Между наивнымъ разсказомъ Novellino и Натаномъ Мудрымъ прошли вѣка развитія, какъ между эпизодомъ одной грузинской, очевидно, христіанской легенды и сценой въ «Cymbalum Mundi» Bonaventure Des Périers.

Въ легендѣ разсказывается о бѣдномъ старикѣ, который ропщетъ на судьбу, и котораго ангелъ переноситъ соннаго въ рай. Здѣсь ему представляется рядъ аллегорическихъ видѣній; одно изъ нихъ такое: люди тянутъ огромный камень въ разныя стороны и не могутъ сдвинуть съ мѣста; камень означаетъ Бога, тѣ, кто тащатъ его, одни — грузины, другіе — русскіе, третьи — татары; каждый старается захватить его, каждый хвалитъ свою вѣру, а о томъ никто не подумаетъ, что Богъ — одинъ для всѣхъ, и что отдѣльно Онъ никому не принадлежитъ [1]).

Des Périers переноситъ насъ въ Аѳины, въ навечеріи вакханалій; Меркурій гуляетъ съ пріятелемъ по городу, заходитъ въ циркъ, гдѣ три человѣка бродятъ, отыскивая въ пескѣ осколковъ философскаго камня — откровенной истины; имена искателей: Cubercus (Bucerus), Rhetulus (Lutherus), Drarig (Gérard Roussel) говорятъ сами за себя; а философскій камень раздробилъ самъ Меркурій. Неблагоразумны вы, говоритъ онъ ищущимъ, что такъ трудитесь и стараетесь, выискивая въ пескѣ кусочка камня, обращеннаго въ порошокъ; вы только время тратите даромъ на то, чего нельзя найти, чего, быть можетъ, тамъ и нѣтъ. Скажите однако, вы вѣдь говорите, что самъ Меркурій раздробилъ камня, и разбросалъ по цирку? — Да, Меркурій. — Бѣдные вы люди, вѣрите Меркурію, великому вчинателю всѣхъ злоупотребленій и обмановъ! Развѣ не знаете вы, что онъ своими дово|дами и убѣ- 486
жденіями заставитъ васъ принять пузыри за фонари и мѣдныя сковороды — за облака? Неужели же у васъ не явилось сомнѣніе, что онъ могъ дать вамъ какой-нибудь булыжникъ съ поля, или песку, увѣривъ, что это и есть философскій камень, дабы по-

---

1) *Сборн. матеріаловъ для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, X, III, 75—80.

смѣяться надъ вами и потѣшиться надъ вашими усиліями, гнѣвомъ и распрями, пока вы чаете отыскать то, чего нѣтъ?

На новеллѣ о трехъ кольцахъ слѣдовало остановиться: на ней основывали, какъ извѣстно, мнѣніе о религіозной терпимости Боккаччьо; мы искали въ ней отраженія его личнаго пониманія стараго унаслѣдованнаго сюжета — и не нашли его новаторомъ. Иначе въ повѣсти о ларцахъ[1]), гдѣ фатализмъ народной сказки испарился въ ея назидательномъ примѣненіи. Непосредственнаго источника новеллы, къ которому восходитъ, вѣроятно, и Гауэръ[2]), мы не знаемъ. Флорентійскій рыцарь Руджьери служитъ у испанскаго короля Альфонса, видитъ, что онъ даритъ щедро, но не по заслугамъ, а его самого обходитъ. Полагая, что это служитъ къ умаленію его славы, онъ рѣшился покинуть дворъ, и король отпускаетъ его, подаривъ ему мула и наказавъ одному своему приближенному присосѣдиться къ рыцарю, какъ бы ненарокомъ, замѣчать все, что онъ станетъ говорить, а на другое утро вернуть его ко двору. По дорогѣ они остановились, чтобы дать помочиться лошадямъ, но конь Руджьери сдѣлалъ это не въ показанномъ мѣстѣ, а среди рѣки, гдѣ они остановились поить. Богъ тебя убей, тварь ты этакая, совсѣмъ, какъ твой хозяинъ! — Ближній человѣкъ замѣтилъ эти слова, и когда на другой день они вернулись ко двору, король попросилъ Руджьери объяснить ему свое обращеніе къ мулу. Я сравнилъ васъ съ нимъ, отвѣчаетъ Руджьери, потому что какъ вы дарите, кому не слѣдуетъ, и не даете, гдѣ надо, такъ и онъ не помочился, гдѣ надо было, а тамъ, гдѣ не подобало. — Не моя въ томъ вина, а въ твоей долѣ, не дозволяв-
487 шей | мнѣ одарить тебя. Что это такъ, я докажу тебѣ на дѣлѣ, говоритъ король и ведетъ его въ обширный покой, гдѣ по его приказанію поставили два большихъ запертыхъ ларца: въ одномъ изъ нихъ царскій вѣнецъ и скипетръ, держава и всякія драгоцѣнности, другой полонъ земли; выбери, какой хочешь, и посмотри,

---

1) X, 1.

2) Confessio amantis, l. V (ed. Reinhold Pauli, London, 1857, v. II, стр. 203 слѣд.).

я ли несправедливъ къ твоимъ доблестямъ, или твоя доля. Выборъ Руджьери падаетъ на ларецъ съ землею, но король рѣшается воспротивиться усиліямъ судьбы и, подаривъ Руджьери ларецъ, котораго она его лишила, отпускаетъ его домой.

Мотивъ двухъ или трехъ ларцовъ, всегда связанный съ идеей судьбы, нѣсколько поднятый въ своемъ значеніи въ Венеціанскомъ купцѣ Шекспира, встрѣчается въ разныхъ сказочныхъ пріуроченіяхъ [1]). Для источника Боккаччьо важна болѣе опредѣленная схема: служилаго человѣка, отпущеннаго безъ награды, потому что такова его судьба.

Въ Avventuroso Ciciliano [2]) нѣкій рыцарь служитъ у англійскаго короля и также считаетъ себя обойденнымъ его милостью, тогда какъ другіе одарены безъ разбора. Слѣдуетъ эпизодъ съ муломъ, котораго рыцарь убиваетъ: такъ отомстилъ бы онъ его хозяину! Король прослышалъ объ этомъ и, узнавъ, въ чемъ дѣло, богато одаряетъ рыцаря. Эпизода съ ларцами нѣтъ, онъ скорѣе выпалъ въ оригиналѣ повѣсти, нѣсколько скомканной, чѣмъ былъ введенъ Боккаччьо. — Подобная же схема могла быть извѣстна автору нѣмецкаго Руодлиба и лишь разбиться въ его изложеніи: Руодлибъ служитъ вѣрой и правдой нѣсколькимъ господамъ, но ничего не заслужилъ у нихъ; тогда онъ рѣшается поискать счастья на чужбинѣ, у «большого царя», который, отпуская его отъ себя, предлагаетъ ему на выборъ: одарить его казной, либо мудрыми изреченіями. Руодлибъ выбираетъ послѣд|нее, но царь 488
даетъ ему еще два серебряные, снаружи обмазанные тѣстомъ, коровая, наполненные золотомъ и разными драгоцѣнностями, содержимаго которыхъ онъ не знаетъ, но которые онъ долженъ вскрыть въ присутствіи матери и невѣсты. Короваи отвѣчаютъ

1) Къ указаніямъ Ландау (Die Quellen des Decamerone) слѣдуетъ присоединить: Tractatus de diversis historiis Romanorum et quibusdam aliis, ed. Herzstein (Erlangen, 1893), cap. 29 и прим. Статья Landau (Shakspeares Kaufmann v. Venedig) въ Beilage 83 и 84 къ мюнхенской Allgemeine Zeitung 1892 года осталась мнѣ неизвѣстной.

2) l. c., стр. 248—251.

ларцамъ[1]) и, быть можетъ, стояли прежде въ связи съ мотивомъ, что Руодлибъ удалился, ничего не заслуживъ.

Идея «доли», затушеванная въ Avventuroso Ciciliano и Руодлибѣ, выступаетъ ярко въ повѣсти Катhа-Саритъ-Сагара: въ городѣ Лакшапурѣ жилъ царь Лакшадатта, всѣхъ щедро одарявшій, и былъ у него слуга, по имени Лабдhадатта, день и ночь стоявшій у воротъ, съ полосой кожи на бедрахъ, вмѣсто одѣянія, но царь ничего не давалъ ему, хотя видѣлъ его храбрость на охотѣ и въ битвѣ. На шестой годъ онъ ощутилъ къ нему жалость: Почему бы не дать мнѣ ему чего-нибудь, но скрытно, чтобы испытать, искуплена ли его вина, и обратитъ ли на него свой ликъ счастливая доля, или нѣтъ? Въ присутствіи всѣхъ онъ дружелюбно подозвалъ его къ себѣ и велитъ ему произнести какое-либо свое изреченіе. Тотъ говоритъ: Счастье всегда нисходитъ на человѣка состоятельнаго, какъ рѣки наполняютъ море, а бѣдняку не показывается и на глаза. Въ награду за это царь даетъ ему лимонъ, наполненный драгоцѣнностями, о чемъ присутствующіе сожалѣютъ, полагая, что то простой лимонъ. Какой-то нищій выпрашиваетъ его у слуги, въ обмѣнъ платья, и подноситъ царю, который удивленъ и опечалёнъ, что вина бездольнаго еще не стерта. На слѣдующій день повторяется та же сцена дара и обмѣна; такъ и въ третій разъ; на четвертый бездольный роняетъ лимонъ, драгоцѣнности изъ него выкатились, а царь говоритъ: Этой хитростью я хотѣлъ дознаться, взглянетъ ли на него счастье, или нѣтъ; теперь его вина стерта. И онъ одаряетъ и возвышаетъ бѣдняка[2]).

Если въ индійской повѣсти выборъ изъ нѣсколькихъ ларцовъ замѣненъ рядомъ неудачъ съ однимъ и тѣмъ же даромъ, то
489 рус|ская сказка возвращаетъ насъ къ сценѣ Боккачьо, но съ инымъ разрѣшеніемъ: Данило служитъ у царя, но ему ни въ чемъ не везетъ, и дѣло у него не спорится. Взялъ царь, насыпалъ три

---

1) Какъ въ Gesta Romanorum, ed. Oesterley, № 109.
2) Tawney, Kátha Sárit Sagara, I, Calcutta, 1881, стр. 515 слѣд.

бочки, одну — золотомъ, другую—углемъ, третью — пескомъ, и говоритъ Данилѣ: Коли выберешь золото, быть тебѣ царемъ, коли уголь — ковалемъ, а если песокъ, то взаправду ты несчастный: бери себѣ коня и сбрую и уходи изъ моего царства. Данило выбралъ себѣ бочку съ пескомъ.

Подобный народный разсказъ могъ быть источникомъ новеллы Боккаччьо; онъ не измѣнилъ его сути, но ея фаталистическое содержаніе служитъ ему примѣромъ щедрости или великодушія испанскаго короля, какъ въ другомъ случаѣ та же идея неизбѣжности судьбы получила у него своеобразное освѣщеніе: судьбы, обусловленной роковой красотою.

Мы имѣемъ въ виду прелестную новеллу объ Алатіэль[1]); ея имена[2]) и мѣсто дѣйствія[3]) указываютъ, можетъ быть, на арабскій Востокъ; приключенія напоминаютъ отчасти канву романа Ксенофонта Эфесскаго и одну сказку 1001-й ночи, тамъ и здѣсь съ сюжетомъ красавицы, Антіи или Сирійки, подвергающейся на далекихъ путяхъ и среди тысячи случайностей опасности потерять свою честь—и остающейся цѣломудренной. У Боккаччьо остается лишь внѣшній видъ, завѣреніе цѣломудрія, видимость идетъ за суть, все дѣло въ вѣрѣ; и почему бы нѣтъ, по пословицѣ, уста отъ поцѣлуя не умаляются, а какъ мѣсяцъ обновляются? Это героическая повѣсть наизнанку, торжествуетъ не добродѣтель, а нѣчто другое, чего мы не назовемъ порочностью: въ немъ слишкомъ много наивнаго, безсознательнаго, невмѣняемаго. Надо было сильно переработать типъ невинной красавицы, преслѣдуемой рядомъ злополучій, чтобы придти къ такому радикальному его
превращенію, но очень вѣроятно, что Боккаччьо имѣлъ | въ виду 490
не разсказы этого рода, а какой-нибудь другой, въ которомъ роковое нецѣломудріе было основной ситуаціей. Такова повѣсть Катһа-Саритъ-Сагара, которая могла дойти до Боккаччьо въ

---

1) Дек., II, 7.

2) Алатіэль, Беминадабъ.

3) Вавилонія = Каиръ, Александрія, Аѳины, Смирна, Хіосъ и т. д.

отраженіи какого-нибудь мусульманскаго пересказа[1]). Самара, король видьядгаровъ, проклялъ свою дочь Анангапрабгу за то, что въ самомнѣніи своей красоты и юности она отказывалась отъ брака: она сойдетъ на землю, станетъ человѣческимъ существомъ и никогда не будетъ счастлива въ супружествѣ. Она родится подъ именемъ Анангарати, какъ дочь короля Магаварахи, и также обнаруживаетъ неохоту къ браку, чванясь своей красотой: ея мужемъ долженъ быть человѣкъ красивый, храбрый, обладающій какимъ-нибудь диковиннымъ умѣньемъ. Являются четыре соискателя: одинъ — судра, чудесный ткачъ, второй — ваисья, понимающій языкъ всѣхъ звѣрей и птицъ, третій — кшатрія, всѣхъ превосходящій умѣньемъ владѣть мечемъ, четвертый — брахманъ Дживадатта, некрасивый собою вслѣдствіе тяготѣющаго на немъ проклятія (онъ полюбилъ дочь одного отшельника), поклонникъ богини Дурги, силой которой онъ оживляетъ мертвецовъ. Никто изъ нихъ не нравится красавицѣ, да и астрологъ объявляетъ, что она — видьядгара, проклятіе которой кончится черезъ три мѣсяца, и ея бракъ совершится на небѣ. Въ означенный срокъ дѣвушка дѣйствительно обмираетъ, и Дживадатта въ отчаяніи, что не въ силахъ ее оживить, готовъ убить себя, когда является Дурга, останавливаетъ его, вѣщаетъ о долѣ Анангапрабги и даетъ ему мечъ, съ помощью котораго онъ станетъ переноситься по воздуху и будетъ непобѣдимъ. Дживадатта летитъ въ царство отца Анангапрабги, побѣждаетъ его въ бою и понуждаетъ выдать за него дочь. Нѣкоторое время онъ живетъ съ нею счастливо, но затѣмъ ему захотѣлось вернуться на землю, въ смертный міръ, на что дальновидная жена соглашается лишь неохотно. По ея просьбѣ они останавливаются отдохнуть на горѣ; здѣсь начинаются любовныя приключенія Анангапрабги. Первое напоминаетъ мо-
491 тивъ, знако|мый средневѣковой повѣсти и народной, напр., сербской пѣснѣ: влекомый рокомъ, Дживадатта проситъ жену спѣть что-нибудь; самъ онъ заснулъ, а пѣсня привлекаетъ вниманіе

1) Tawney, l. c., I, стр. 498 слѣд.

короля Гариварьі, охотившагося тамъ и искавшаго, гдѣ бы напиться. Онъ увлеченъ красавицей, она безумно влюбилась въ него, сама открывается ему, велитъ взять волшебный мечъ мужа и побуждаетъ къ бѣгству, пока тотъ не проснулся. У нея явилась было мысль схватить своего милаго и улетѣть съ нимъ на небо, но ея предательство лишило ее знанія, вспомнилось и проклятіе отца, и она опечалилась. Король утѣшаетъ ее: отъ судьбы не уйти, какъ отъ своей собственной тѣни. Она уѣзжаетъ съ нимъ, а мужъ, проснувшись, хватился ея и меча, загоревалъ, ищетъ на горѣ и въ лѣсахъ, но напрасно. Въ одной деревнѣ онъ встрѣтилъ брахманку; она — вѣщая, потому что даже во снѣ ей не видится никто, кромѣ мужа, всѣ мужчины ей братья, и она не отпускаетъ ни одного гостя, не учествовавъ его. Она-то и говоритъ Дживадаттѣ, что его жена увезена: такова ея судьба, что она покинетъ и короля и будетъ жить съ другими. Эти слова вразумили Дживадатту: онъ оставилъ мысль о женѣ, начинаетъ странствовать по святымъ мѣстамъ и вести жизнь отшельника. — Между тѣмъ Анангапрабга убѣгаетъ отъ Гариварьі съ учителемъ танцевъ, котораго оставляетъ для молодого игрока, а у него ее отбиваетъ его пріятель, богатый купецъ Гираньягупта. Услышалъ объ ея несравненной красотѣ царь Вирабаху, но не похитилъ ее, а остался въ предѣлахъ честности. Когда Гираньягупта прожился, поѣхалъ торговать, чтобъ поправить свои дѣла; въ одномъ городѣ онъ знакомится съ рыбацкимъ атаманомъ Сагараварой и съ нимъ и съ женой садится на корабль; буря разбиваетъ его, Гираньягупту приняло купеческое судно, а рыбакъ посадилъ Анангапрабгу на доски, связанныя веревкой, и доплылъ съ ней до своего города, гдѣ она и стала его женой. Но она уходитъ отъ него съ однимъ кшатріей, а затѣмъ отдается королю Сарагаварману. Тутъ кончилось и проклятіе, бывшее причиной того, что она, погнушавшаяся однимъ мужемъ, проявила | такую страстность ко многимъ мужьямъ: она 492
успокоилась съ своимъ супругомъ, какъ на лонѣ моря успокаиваются рѣки.

Въ новеллѣ Боккаччьо нѣтъ вступительнаго эпизода съ проклятіемъ, объясняющимъ роковую долю красавицы, но идея судьбы выражена ясно: Памфило желаетъ доказать своимъ разсказомъ, что ни одно человѣческое желаніе не застраховано отъ случайностей судьбы, и говоритъ о «роковой красотѣ одной сарацинки, которой, по причинѣ ея красоты, пришлось въ какіе-нибудь четыре года, сыграть свадьбу до девяти разъ»[1]). Алатіэль отправлена отцомъ, султаномъ Вавилоніи, въ замужство къ королю дель Гарбо, но ея корабль разбитъ бурей, и она поочередно попадаетъ въ руки Периконе да Висальго, его брата, генуэзскихъ корабельщиковъ, морейскаго принца, аѳинскаго герцога, сына константинопольскаго императора, султана Осбека, его приближеннаго Антигона, купца изъ Кипра — и наконецъ своего нареченнаго жениха, котораго она завѣрила въ своей дѣвственности и съ которымъ долгое время жила въ веселіи. На меня это ироническое заключеніе съ слѣдующей затѣмъ легкомысленной выходкой — объ устахъ, не умаляющихся отъ поцѣлуя, — дѣйствуетъ, какъ сознательный диссонансъ, неожиданно разрѣшающій мелодію фатализма. Онъ наполняетъ новеллу объ Алатіэль; нѣтъ проклятія отца, его замѣнила идея красоты, культъ которой обновился съ обновленіемъ гуманистическихъ интересовъ. Она — неотразима: Фьямметта, покинутая Памфило, видитъ въ ней свое несчастье[2]), Алатіэль — свой рокъ[3]). Кто бы ни увидѣлъ ее, не можетъ не влюбиться, не пожелать овладѣть ею. Когда въ концѣ разсказа, готовясь открыться служителю своего отца, Антигону, она говоритъ ему, что желала бы скорѣе умереть, чѣмъ вести жизнь, какую вела[4]), она несомнѣнно говоритъ отъ сердца, въ
493 полномъ сознаніи, что пережитое ею было и бѣдствіемъ и | позоромъ. А между тѣмъ переживала она его какъ-то безсознательно, горюя и отдаваясь, чередуя слезы и примиренія съ судь-

1) Дек., l. c., перев. I, стр. 124.
2) Fiammetta, стр. 124—5.
3) Дек., l. c.; перев. I, стр. 135.
4) l. c., стр. 139.

бой. Ея любовникъ Периконе убитъ своимъ братомъ, Маратомъ, съ цѣлью овладѣть ею; она много сѣтовала о томъ, а затѣмъ, привыкнувъ къ Марату, забыла о Периконе, и ей начинаетъ казаться, что все обстоитъ благополучно[1]); сынъ константинопольскаго императора, Константинъ, похитилъ ее у аѳинскаго герцога; она оплакиваетъ свое несчастіе, «но затѣмъ, утѣшенная Константиномъ, она, по примѣру прошлаго, начала находить удовольствіе въ томъ, что уготовляла ей судьба»[2]). Она можетъ показаться вѣтреной, живущей моментами наслажденія и короткими приливами неглубокаго горя, но лишь такъ психологически понятая она и могла явиться безотчетной игрушкой судьбы, прирожденной ей съ красотою, и фаталистическій типъ народной сказки—стать живымъ образомъ, симпатичнымъ въ своей человѣческой слабости.

Это «очеловѣченіе» типа мы склонны приписать художническому почину Боккаччьо; именно желаніе опредѣлить характеръ этого почина и побудило насъ сопоставить нѣсколько новеллъ Боккаччьо съ другими, которыя могли быть его источниками, но въ большей части случаевъ служатъ лишь свидѣтельствомъ, что схемы его новеллъ существовали въ болѣе раннихъ, литературныхъ и народныхъ пересказахъ. Это лишаетъ насъ возможности усчитать значеніе его личнаго вклада, сознательнаго выбора и тѣхъ измѣненій, которыя онъ счелъ нужнымъ предпринять въ *содержаніи* унаслѣдованныхъ сюжетовъ.

IV.

Попробуемъ подойти къ тому же вопросу съ другой стороны: со стороны *стиля*. |

Уже одно сравненіе новеллы Боккаччьо съ предшествовав- 494
шимъ ему литературнымъ разсказомъ обличаетъ большую раз-

1) l. c., стр. 129.
2) l. c., стр. 135.

ницу: тамъ все схематично, зачаточно въ фразѣ и планѣ, здѣсь все развито, чувствуется стремленіе къ полнотѣ, нерѣдко переходящей въ излишество. Боккаччьо видимо и сознательно выписываетъ новеллу, внося въ ея обработку не только свой психологическій опытъ, но и неистощимый запасъ формулъ и оборотовъ, вычитанныхъ у классиковъ. Можно сомнѣваться въ состоятельности этого сочетанія: иной разъ цицероновскій періодъ, общее мѣсто софизма кажется не въ ладу съ содержаніемъ и положеніями разсказа; рѣчь излишне расчленяется и изобилуетъ риторическимъ повтореніемъ вопроса, антитезами; эпитетъ утомляетъ своей обязательностью, преобладаніемъ превосходной степени надъ положительной: красивѣйшій, величайшій, и т. д. Мы уже знаемъ, что эта несоразмѣрность стиля и содержанія у Боккаччьо древняя, начиная съ Филострато и Филоколо [1]). Цѣль искупала средства: надо было поднять прозу новеллы до правъ литературнаго рода, а гдѣ было найти для этого внѣшній стилистическій матерьялъ, какъ не у классиковъ? Они были образцами изящнаго, на нихъ воспитался культъ «украшеннаго» слова, ихъ пріемы обязывали писателя, изъ нихъ брали огульно, неразборчиво, закупленные поэзіей звучной рѣчи; они и полонили своей фразой и риторикой и воспитывали вкусъ къ болѣе свободному творчеству.

Защита ораторскаго и риторскаго искусства у Боккаччьо въ его de Casibus [2]), вызванная панегирикомъ Цицерону, переходитъ въ похвалу наряднаго, мѣрнаго слова (moderata) вообще. Даръ слова — это то, что отличаетъ насъ отъ животнаго, органъ человѣческой мысли, науки, говоритъ онъ; но есть два рода рѣчи: та, которой мы научаемся у кормилицы, простая, грубая, общая всѣмъ, и другая, которую безсознательно усваиваютъ немногіе,
495 уже въ лѣ|тахъ, украшенная, цвѣтистая, связанная извѣстными правилами. Какой же неразумный не предпочтетъ послѣднюю и

1) Сл. выше стр. 138, 235, 259—60, 263—4, 424 и passim.
2) De Casibus, VI, c. 13.

не потщится очистить и сдѣлать изящнымъ орудіе, служащее столь высокимъ цѣлямъ? Не всегда же мы обращаемся лишь къ слугамъ, чтобы они подали намъ пищу, не все бесѣдуемъ съ крестьяниномъ о сельскихъ нуждахъ; обращаться съ такою же рѣчью къ Творцу неприлично, да и въ иныхъ случаяхъ неумѣлая рѣчь приводила къ нежеланной плачевной развязкѣ, ибо говорящій не владѣлъ искусствомъ слова, смотря по обстоятельствамъ, то суроваго и колкаго, то умиротворяющаго, изящнаго и красиваго или полнаго наставительности, поддержаннаго соотвѣтствующей дикціей — когда, напр., надо умилостивить разгнѣваннаго властителя, развеселить печальнаго, ободрить коснѣющаго, поддержать погрязшаго въ лѣни и сладострастіи. Вотъ почему надлежитъ прилагать всякое стараніе къ украшенію рѣчи; это не только требованіе необходимости, но и простого приличія: мы вѣдь не ограничиваемся тѣмъ, что защищаемся отъ холода и солнца крышей и стѣнами изъ дерна и тростника, а поручаемъ устройство нашихъ жилищъ ученымъ мастерамъ; ту же заботу обнаруживаемъ мы и въ одеждѣ, утвари, пищѣ. Какъ же пренебречь намъ рѣчью, если только найдутся учителя? Она, прельщая слухъ, увлекаетъ волю и услаждаетъ умъ. Какъ согласное созвучіе струнъ, овладѣвая нашимъ духомъ, на первыхъ порахъ какъ бы растворяетъ его своею сладостью, а затѣмъ собирается въ одинъ аккордъ, такъ украшенная рѣчь, воспринятая душою, вначалѣ нѣжно бередитъ ее и затѣмъ захватываетъ всецѣло, и слушающіе стоятъ изумленные, неподвижные, готовые отдаться говорящему.

Это, въ сущности, похвалы ораторской риторикѣ, но стилисты ранней поры Возрожденія неразборчивы въ своихъ литературныхъ образцахъ, и проза Декамерона, тщательно выработанная, указываетъ на такое смѣшеніе. Именно ея стилизація является одной изъ главныхъ заслугъ Боккаччьо — хотя онъ видимо ея отрицается: защищая свои разсказы въ введеніи къ 4-му дню, онъ говоритъ, что писалъ ихъ «не только народнымъ флорентійскимъ языкомъ, въ прозѣ и безъ заглавія, но и, на- 496

сколько возможно, скромнымъ и простымъ стилемъ»[1]). «Безъ заглавія» передаетъ «senza titolo»; это точно, но требуетъ объясненія, ибо не выражаетъ того, что имѣетъ въ виду.

Декамеронъ, т.-е., десятидневникъ, не заглавіе, выражающее содержаніе труда, во всякомъ случаѣ ничего не обѣщающее, скромное; это и хотѣлъ, повидимому, сказать Боккаччьо, играя двоякимъ значеніемъ латинскаго titulus: слава, извѣстность — и заглавіе. Когда-то Фьямметта превозносила его стихи con sommo titolo (предисловіе къ Тезеидѣ), т.-е., давала имъ высокую цѣну; о себѣ Боккаччьо говоритъ въ одномъ изъ юношескихъ писемъ, что онъ живетъ sine titulo[2]), т.-е., безъ славы, невидно; наоборотъ, выраженіе Фьямметты о своей книжкѣ, что она обойдется безъ «красивыхъ миніатюръ или пышныхъ заглавій»[3]) — передаетъ овидіевское: Nec titulus minio . . . . notetur[4]). Изгнанный изъ Рима отчасти за свою Ars Amatoria, Овидій посылаетъ туда свой трудъ: онъ печаленъ, какъ его авторъ, не расписанъ; въ этомъ смыслѣ о немъ и говорится далѣе: у тебя нѣтъ (расписного) титула, но тебя узнаютъ по цвѣту[5]); кто тѐбя отринетъ, тому скажи: Взгляни на мое заглавіе, я не наставникъ любви[6]); когда вступишь въ мой домъ, увидишь своихъ братьевъ: одни открыто показываютъ свои заглавія, три другіе[7]) прячутся въ темномъ углу[8]). — Они только скрываютъ свои заглавія, будто стыдятся. Средневѣковые переписчики поняли sine titulo, какъ заглавіе, надписывая имъ три книги Amorum; такъ обозначаетъ ихъ и Боккаччьо въ комментаріи къ Божественной Комедіи: ихъ
497 можно такъ назвать, гово|ритъ онъ, потому, что у нихъ не одинъ, цѣльный сюжетъ, отъ котораго можно было бы отвлечь заглавіе,

---

1) Перев. I, 271.
2) Corazzini, стр. 451.
3) Fiammetta, стр. 200; сл. выше стр. 433.
4) Trist., I, 1, v. 7.
5) l. c., v. 61.
6) l. c., v. 67.
7) Три книги Amorum.
8) Trist., l. c., v. 107—112.

а множество мѣняющихся отъ одного стиха къ другому[1]). Въ этомъ смыслѣ и Декамеронъ былъ бы книгой sine titulo.

Но это не все. Когда Боккаччьо впервые выступилъ на защиту своего труда, онъ, очевидно, еще не стыдился его содержанія, а заявлялъ лишь то, что говорилъ о себѣ Овидій: что на великіе сюжеты онъ неспособенъ, пашетъ крохотное поле[2]); въ такомъ случаѣ выраженіе senza titolo означало бы, что Декамеронъ написанъ «безъ претензій», не про тѣхъ, кто учился въ Аѳинахъ, Болоньѣ или Парижѣ, не для изощрившихъ свой умъ въ наукахъ, а на потѣху молодухъ, для которыхъ «было бы глупо выискивать и стараться изобрѣтать вещи очень изящныя и полагать большія заботы на слишкомъ размѣренную рѣчь»[3]); надо было разсказывать пространно, имѣя въ виду не учащихся, а тѣхъ, «которыхъ едва хватаетъ на прялку и веретено»[4]). И вмѣстѣ съ тѣмъ въ «заключеніи» Декамерона Боккаччьо нашелъ нужнымъ оговорить именно свой стиль, изложеніе; онъ, стало быть, дорожилъ тѣмъ и другимъ, и мы въ правѣ сомнѣваться въ его искренности. Намъ знакома его скромность, всегда подбитая сознаніемъ, что у него есть право на зависть. Онъ писалъ безъ претензіи, а «бурный и пожирающій вихрь зависти», долженствующій «поражать лишь высокія башни и болѣе выдающіяся вершины деревьевъ», поразилъ и его, всегда старавшагося «идти не то что полями, но и глубокими долинами»[5]). Но одна лишь посредственность не знаетъ зависти»[6]), и «потому да умолкнутъ хулители», оставивъ его при своемъ[7]). Такъ говорятъ | лишь о 498
томъ, чему даютъ извѣстную цѣну; цѣну относительную: Декамеронъ дописывался въ ту пору, когда Боккаччьо обуяла исключительная любовь къ классической, латинской поэзіи, и его итальян-

---

1) Сл. Com. sopra la D. C., I, стр. 329.
2) Trist., II, 327 слѣд.
3) Дек., Заключеніе = пер. II, стр. 334.
4) l. c. = пер. II. стр. 335; Дек., X, 6 = пер. II; стр. 270.
5) Введеніе въ четвертый день = пер. I, стр. 271.
6) Ib., 272.
7) Ib., 277.

скія произведенія казались ему чѣмъ-то ребяческимъ и жалкимъ. Въ этомъ, можетъ быть, другое, на этотъ разъ искреннее объясненіе его собственной оцѣнки Декамерона: безъ претензіи; всѣ вмѣстѣ могли быть вызваны критикой, которую встрѣтила его книга при своемъ появленіи.

Какъ старательно трудился Боккаччьо надъ стилемъ и композиціей Декамерона, иное развивая, иное выключая, въ этомъ легко убѣдиться сравнивъ, напр., типы стариковъ въ Амето[1]) и Декамеронѣ, II, 6, и двѣ новеллы, дважды обработанныя авторомъ на разстояніи какихъ-нибудь десяти лѣтъ: въ Филоколо, кн. V, въ эпизодѣ любовныхъ бесѣдъ, которыми руководитъ Фьямметта[2]), и въ десятомъ днѣ Декамерона, въ новеллахъ 4-й и 5-й. Содержаніе первой пары разсказовъ, мотивы которыхъ попали, вѣроятно, изъ какого-нибудь еврейскаго источника и въ нашу Палею, слѣдующее: нѣкій рыцарь тщетно ухаживаетъ за женой другого; чтобы отвязаться отъ него, она ставитъ ему, какъ условіе своей любви, требованіе, исполненіе котораго кажется ей невозможнымъ: доставить ей въ генварѣ цвѣтущій садъ. Рыцарь исполняетъ это съ помощью некроманта, и красавица смущена; вывѣдавъ отъ нея причину ея печали, мужъ настаиваетъ на томъ, чтобъ она сдержала свое слово, и она идетъ; когда рыцарь узнаетъ, что она явилась къ нему лишь по желанію мужа, онъ, пораженный его великодушіемъ, отказывается отъ своихъ правъ, а некромантъ, въ борьбѣ того же чувства,—отъ платы, выговоренной за его услугу. Кто изъ троихъ проявилъ болѣе великодушія: мужъ, рыцарь или волшебникъ? Объ этомъ долго разсуждаютъ
499 собесѣдники въ Филоколо[3]); въ Декамеронѣ, гдѣ | этому разсказу
отвѣчаетъ 5-ая новелла 10-го дня, этотъ вопросъ едва намѣченъ[4]). Филоколо помѣщаетъ мѣсто дѣйствія въ Испаніи; въ Декамеронѣ географія другая: Фріули, и именно Удине; всѣ дѣйствующія

1) Въ разсказѣ Агапе, сл. выше стр. 282 слѣд.

2) Вопросы IV и XIII.

3) Кн. V, вопросъ IV.

4) Сл. X, 6, въ началѣ.

лица, кромѣ некроманта, названы по именамъ, въ Филоколо
только двое, и имена другія: рыцарь Тарольфо и некромантъ
Тебано. Одно новое лицо введено въ новеллу Декамерона:
женщина, которая служитъ рыцарю для посылокъ къ его дамѣ
и передаетъ ему объ ея желаніи — имѣть чудесный садъ; но это
мелочная подробность, ничуть не обогащающая дѣйствія. Важнѣе
выключеніе цѣлаго эпизода изъ новеллы въ Филоколо, занимающаго почти ея половину. Въ Декамеронѣ рыцарь посылаетъ по
всѣмъ краямъ свѣта искать кого-нибудь, кто бы устроилъ ему
требуемую диковинку; является волшебникъ и своими чарами
создаетъ садъ. Все это разсказано въ нѣсколькихъ строкахъ. Въ
Филоколо самъ рыцарь отправляется на поиски, объѣхалъ весь
западъ, очутился въ Өессаліи; однажды на зарѣ онъ идетъ по
полю, когда-то обагренному римскою кровью (фарсальское);
пошелъ одинъ, чтобы свободнѣе было предаваться грустнымъ
мыслямъ, и видитъ маленькаго, сухопараго, бѣдно одѣтаго человѣка, собирающаго травы. Между ними завязывается разговоръ.
Развѣ ты не знаешь, гдѣ ты? спрашиваетъ Тарольфа незнакомецъ:
яростные духи могутъ здѣсь учинить тебѣ зло. — Моя жизнь и
честь въ рукахъ Господа, да и смерть была бы мнѣ мила. —
Почему такъ? допрашиваетъ незнакомецъ. — Къ чему говорить?
нехотя отвѣчаетъ рыцарь, не ожидая себѣ помощи, тѣмъ не
менѣе онъ разсказываетъ, въ чемъ дѣло, и слышитъ упрекъ, что
по платью о людяхъ не судятъ, что подъ рубищемъ скрываются
порой сокровища знанія. Незнакомецъ оказывается некромантомъ
изъ Өивъ; согласившись съ рыцаремъ за половину его состоянія
устроить ему садъ, онъ ѣдетъ съ нимъ, — и мы присутствуемъ
при сценѣ заклинаній и чаръ. Разоблачившись, босой, съ волосами, распущенными по плечамъ, | некромантъ выходитъ изъ 500
города ночью; птицы и звѣри и люди спятъ, на деревьяхъ не
шелохнутся не успѣвшіе еще опасть листья, влажный воздухъ
дремлетъ, блестятъ однѣ лишь звѣзды, когда онъ приноситъ
жертвы и творитъ молитвы Гекатѣ, Церерѣ, всѣмъ тѣмъ богамъ
и силамъ, съ помощью которыхъ онъ совершилъ столько чудесъ,

заставлялъ луну достигать полноты, чего другіе добивались, ударяя въ звонкіе тазы[1]), и т. д. Внезапно передъ нимъ явилась колесница, влекомая двумя драконами; сѣвъ въ нее, онъ мчится по всему свѣту: Африка и Критъ, Пелій, Отрисъ, Осса и Монтенеро, Апеннины и Кавказъ, берега Роны, Сены, Арно и царственнаго Тибра, Танаиса и Дуная мелькаютъ передъ нами, всюду онъ собираетъ злаки, коренья и камни; когда на третій день онъ вернулся назадъ, отъ аромата его чудодѣйственныхъ зелій драконы помолодѣли, сбросивъ старую шкуру. Затѣмъ начинается волхвованіе: въ котлѣ, наполненномъ кровью, молокомъ и водою, варятся принесенныя снадобья, всевозможныя сѣмена и злаки, иней, собранный въ прошлыя ночи, мясо страшныхъ вѣдьмъ, оконечности жирнаго козла, щитъ черепахи, печень и мозги стараго оленя. Чародѣй мѣшаетъ все это сухой вѣткой оливы, и она зазеленѣла, расцвѣла и покрылась черными ягодами; тогда онъ орошаетъ чудесной жидкостью мѣсто, назначенное для сада, и посаженныя тамъ сухія тычины одѣлись зеленью, земля—травой и цвѣтами. Чары исполнились.

Весь эпизодъ заклинанія воспроизводитъ разсказъ Овидія[2]) о чарахъ, которыми Медея возвращаетъ юность старику Эзону; это почти переводъ, кое-гдѣ съ обмолвками[3]), мотивами изъ Виргилія и Лукана и распространеніями: подновлена географія,
501 вмѣсто Tellus[4]) названа Церера, самое чудо съ садомъ под|сказано
той подробностью чаръ, гдѣ отъ капель, упавшихъ на землю, она зазеленѣла и покрылась цвѣтами[5]).

Авторъ Декамерона вышелъ изъ періода центона, сумѣлъ освободиться отъ игры въ эрудицію, пожертвовавъ ею для эко-

---

1) Сл. Fiammetta, выше стр. 410; сон. XXXV.

2) Metam., VII, 179 слѣд.—*Сл. Landau, Quellen des Dek., I изд., 108, 2-е изд., 340; Zingarelli, Romania, XIV, 433.

3) Metam., l. c., v. 184—6: о Медеѣ: fertque vagos mediae per muta silentia noctis — Incomitata gradus = стр. 53: i vaghi gradi della notte passavano; 272: Squamea Cinyphii tenuis membrana chelydri = стр. 56: con squama di cinifero e con pelle di chelidro.

4) Metam., l. c., v. 196.

5) V. 283—4.

номіи разсказа, въ которомъ продѣлки некроманта грозили заслонить основной мотивъ. Мотивъ остался тотъ же, что и въ Филоколо: борьба великодушія, хотя нельзя сказать, чтобы преимущество психологической обоснованности было на сторонѣ новаго пересказа. Въ Филоколо, когда дама убѣдилась въ появленіи сада, и рыцарь напомнилъ ей объ ея обѣщаніи, она, не зная, какъ быть, говоритъ ему, лишь бы отдѣлаться на первый разъ, чтобъ онъ подождалъ, пока мужъ выѣдетъ куда-нибудь изъ города; затѣмъ она открывается мужу, и тотъ, не пожуривъ ее, ибо зналъ ея чистоту, по долгомъ размышленіи велитъ ей пойти и исполнить, что обѣщала. Тарольфъ естественно изумляется не тому, что она явилась къ нему не одна, а тому, что мужъ, повидимому, никуда не уѣзжалъ; оттого онъ и спрашиваетъ ее: какъ могла она прійти къ нему, не повздоривъ съ мужемъ? — Въ Декамеронѣ многія изъ этихъ подробностей затушеваны не къ ясности дѣла и психологической мотивировки: исчезла та растерянность, которая заставила красавицу сослаться на возможный отъѣздъ мужа, и рыцарь дивится лишь тому, что она пришла не одна. Когда она покаялась мужу, тотъ, убѣжденный въ ея невинности, держитъ ей рѣчь: какъ опасно внимать любовнымъ посланіямъ, ибо сила словъ, воспринимаемыхъ слухомъ и проникающихъ въ сердце, могущественнѣе, чѣмъ предполагаютъ обыкновенно, и дѣлаетъ для любовниковъ все возможнымъ. Затѣмъ онъ велитъ ей идти, но его великодушіе не цѣльное, оно умаляется софизмомъ и соображеніемъ, не имѣющимъ ничего общаго съ жертвой: пойди, постарайся сохранить свою честь, а коли нѣтъ, отдайся тѣломъ, не душой; онъ не скрываетъ даже и того, что его побуждаетъ къ его рѣшенію, между прочимъ, страхъ,
какъ | бы рыцарь, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, не побудилъ 502
некроманта учинить съ ними что-нибудь худое! — Очевидно, лишь склонность къ изобилованію подробностями, къ внѣшнему развитію, повела Боккаччьо къ такому ухудшенію типа[1]).

1) *Сравненіе новеллъ въ Filocolo и Декамеронѣ съ точки зрѣнія эстетической сл. Romania, XII, 440 (Zingarelli), и XXXI, 40, п. 2 и 3 (Rajna).

Образчикомъ риторическаго распространенія можетъ служить 4-я новелла десятаго дня въ сравненіи съ 13-тымъ вопросомъ V-й книги Филоколо. Содержаніе напоминаетъ флорентинскую быль о Джиневрѣ дельи Альмьери, воспѣтую какимъ-то народнымъ пѣвцомъ XV вѣка. Въ Филоколо именъ нѣтъ, въ Декамеронѣ разсказъ обставленъ именами и итальянской географіей[1]). Одинъ рыцарь любитъ жену другого, но безъ взаимности; пока онъ уѣзжаетъ на службу въ другой городъ, его милая обмираетъ въ родахъ, не разрѣшившись отъ бремени, и похоронена, какъ умершая. Провѣдавъ объ этомъ, рѣшившись взять съ нея, хотя и мертвой, поцѣлуй, онъ тайно возвращается, проникаетъ въ склепъ и, обнимая покойницу, чувствуетъ въ ней признаки жизни. Тогда онъ извлекъ ее изъ гробницы и ведетъ къ своей матери; ихъ попеченіями она возвращена къ жизни и родитъ сына. По желанію рыцаря она остается у его матери, пока онъ не пріѣдетъ, отбывъ срокъ своей службы; вернувшись, онъ задаетъ богатый пиръ, на которомъ присутствуетъ и мужъ мнимой покойницы; ему-то рыцарь торжественно передаетъ жену и сына.

Въ Филоколо эта повѣсть о великодушіи разсказана довольно бѣдно. На пиру даму выводятъ въ томъ самомъ платьѣ и тѣхъ же украшеніяхъ, въ которыхъ она была похоронена; она сидитъ рядомъ съ мужемъ и молчитъ, тогда какъ тотъ приглядывается къ ней и наконецъ спрашиваетъ рыцаря, кто она. — Не знаю, отвѣчаетъ онъ, я вывелъ ее изъ очень скорбнаго мѣста; и дама подтверждаетъ это иносказательно: онъ привелъ меня сюда, невѣдомымъ путемъ, изъ всѣмъ желанной, блаженной жизни. Лишь послѣ пира рыцарь ведетъ всѣхъ въ комнату, гдѣ показываетъ ребенка, и совершается признаніе. |

503 Въ новеллѣ Декамерона все вниманіе обращено на сцену пира: получается театральный эффектъ, потому не производящій особаго впечатлѣнія, что онъ сознательно предусмотренъ и разсчитанъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Собравъ гостей, ры-

---

1) Болонья, Модена.

царь говоритъ имъ, что намѣренъ соблюсти въ Болоньѣ персидскій обычай: тамъ, кто хочетъ особо учествовать друга, приглашаетъ его къ себѣ и показываетъ, что у него есть самаго дорогого, увѣряя, что еще бы охотнѣе показалъ ему свое сердце. Но прежде чѣмъ соблюсти это, рыцарь проситъ разрѣшить одно его сомнѣніе: если кто-нибудь, не дождавшись кончины вѣрнаго слуги, выброситъ его на улицу, а другой его подберетъ и излѣчитъ, въ правѣ ли первый хозяинъ слуги сѣтовать, если второй откажется возвратить его? Когда всѣ отвѣтили, что не въ правѣ, рыцарь велитъ позвать на пиръ даму, которая и является съ ребенкомъ на рукахъ: Вотъ что у меня наиболѣе дорого, говоритъ онъ. Всѣ смотрятъ на нее, особенно мужъ; ее начинаютъ разспрашивать, она молчитъ по уговору. Да она у васъ нѣмая, говорятъ рыцарю; кто же она такая? — Это тотъ вѣрный слуга, которымъ не дорожили ближніе, а я извлекъ изъ объятій смерти. И онъ разсказываетъ, какъ было дѣло.

Предложенный нами анализъ новеллъ въ ихъ послѣдовательной обработкѣ приготовилъ насъ къ общему вопросу: о Боккаччьо, какъ стилистѣ. Приступая къ нему, не слѣдуетъ упускать изъ виду исторической точки зрѣнія, не увлекаться, вмѣстѣ съ недавними беззавѣтными поклонниками Боккаччьо, всякой его фразой, какъ пробнымъ золотомъ; надо помнить, съ другой стороны, что критическаго текста Декамерона мы до сихъ поръ не имѣемъ, и что многое неладное и шероховатое въ его изложеніи можетъ оказаться наслѣдьемъ переписчика. Тѣмъ не менѣе многое иное, столь же шероховатое останется и въ критическомъ текстѣ: наслѣдіе борьбы съ латинскимъ періодомъ, отчасти доказательство того, что, несмотря на нѣсколько лѣтъ труда[1]), |
Декамеронъ все же не получилъ окончательной отдѣлки. На это 504
указываютъ мелкія противорѣчія въ подробностяхъ новеллъ, обратившія вниманіе уже одного изъ древнихъ переписчиковъ

1) Сл. Дек., заключеніе автора = пер. II, стр. 332, 336.

Декамерона, Маннелли[1]). Оттуда ничѣмъ инымъ не объяснимое повтореніе одного и того же слова въ нѣсколькихъ строкахъ, на что уже въ началѣ XVII вѣка указывалъ Paolo Beni (Anticrusca, 1612 г.): такъ въ новеллѣ 10-й шестого дня слово aperta (открывъ, открытой) стоитъ трижды почти подъ рядъ, въ началѣ VII, 4, четыре раза fu (былъ, была) въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ VIII, 3 столько же разъ поражаетъ глаголъ cercare (искать), въ новеллѣ о Гризельдѣ злоупотребленіе словомъ onor и глаголомъ mandare (mandato, mandò, mandò, mandato)[2]). Но есть повторенія и другого рода. Десятая новелла 1-го дня начинается такъ: «Достойныя дѣвушки, какъ въ ясныя ночи звѣзды — украшеніе неба, а весною цвѣты — краса зеленыхъ полей, такъ добрые нравы и веселую бесѣду красятъ острыя слова», и т. д. Это введеніе почти дословно воспроизведено въ 1-й новеллѣ VI-го дня; такъ первыя строки I, 5 совпадаютъ съ началомъ VI, 7, двѣ новеллы подъ рядъ[3]) кончаются одинаковымъ пожеланіемъ: да пошлетъ Господь и намъ насладиться нашей любовью.

Не все въ этихъ повтореніяхъ слѣдуетъ, быть можетъ, объяснить недосмотромъ: у Боккаччьо есть любимые образы, афоризмы, сравненія, обороты, которые снуютъ въ его памяти и просятся подъ перо. Примѣры тому мы не разъ встрѣчали до Декамерона: дѣвушки бродятъ въ водѣ[4]), молодой человѣкъ наблюдаетъ изъ потаеннаго мѣста за любовной или другой сценой[5]); огонь охватываетъ сухіе предметы[6]); сорвать розу, не уколовшись шипами[7]);

---

1) Сл. Hecker, Die Berliner Decameron-Handschrift und ihr Verhältniss zum Codice Mannelli (Berlin, 1892), стр. 54—5. Приношу автору глубокую благодарность за доставленіе мнѣ брошюры.—*Сл. отзывы о ней Hauvette въ Giorn. stor. d. lett. italiana, v. XXI, и отвѣтъ Hecker'a ib., v. XXVI (fasc. 76—77, стр. 162 слѣд. — Сл. его же: Der Deo-Gratias-Druck des Decameron, оригиналомъ котораго была, по всей вѣроятности, берлинская рукопись).

2) *Сл. II, 3, ed. Fanfani (Il Decameron di messer Giovanni Boccacci, Firenze, 1857): I, 97: camminando, cammino, cammino.

3) III, 6, 7.

4) Сл. выше стр. 203 прим. 1, 210 прим. 1, 276.

5) Ameto, выше стр. 293, сонетъ XXXI.

6) Сл. выше стр. 186, прим. 2.

7) Дек., V, 10=пер. I, стр. 408. Сл. De Clar. Mulieribus (въ посвятительномъ письмѣ): uti viridarium intrans eburneas manus semotis spinarum aculeis

быкъ валится, сраженный смертель|нымъ ударомъ[1]); человѣкъ 505
жаждетъ того, чего у него нѣтъ, ему нравится чужое[2]); культура развивается поступательно[3]), сны бываютъ вѣщіе[4]), и т. п. Братъ Чиполла[5]) морочитъ своихъ наивныхъ слушателей такими же разсказами о небывалыхъ странахъ, какъ Мазо дель Саджіо—простака Каландрино[6]); когда случилось что-либо необычное въ хорошемъ или дурномъ смыслѣ, разсказчикъ такъ обращается къ слушателямъ: Какъ все было — это вы можете себѣ вообразить[7]), и т. д. — Такія общія мѣста можно встрѣтить у каждаго поэта, иныя навѣяны чтеніемъ, повторяются по косности, другія характерны для тона міросозерцанія.

Есть еще родъ повтореній, объясняемыхъ самымъ планомъ Декамерона и свойственной Боккаччьо крохотливой обстоятельственностью. Десять разъ встаетъ день надъ обществомъ разсказчиковъ, и всякій разъ намъ говорятъ, что они поднялись, погуляли, собрались для бесѣды, спѣли нѣсколько пѣсенокъ и пошли спать по усмотрѣнію короля или королевы. Это, вѣроятно, такъ и было, но въ пересказѣ утомительно; Боккаччьо не ищетъ разнообразія, или находитъ его въ мелочахъ; только введеніе въ VI-й день разнообразится споромъ Тиндара съ Личиской, конецъ — прогулкой въ Долину Дамъ, да въ заключеніи V-го дня есть бойкая сцена съ Діонео, наивно напрашивающимся на пѣсни.

Самое чередованіе разсказовъ, иногда совершенно случайное, отвѣчавшее случайностямъ бесѣды[8]), вызывало одни и тѣ же |

---

extendis in florem; Gen. Deor., XIV, 22: more solertis virginis, quae inter spineta flores illaesis colligit digitis et spinarum aculeos sinit separatim vilescere; Andr. Capell., De Amore l. I, c. VI, стр. 49: Nec tibi vilescat apud quemcunque reperta probitas, quum ex pungentibus rosas spinis colligimus ortas.

1) Сл. выше стр. 410 прим. 1, 428—9 прим. 1.

2) Сл. выше стр. 411 прим. 4.

3) Сл. выше стр. 365; 422—3. Сл. еще стр. 316 прим. 2.

4) Сл. Дек., IV, 6, IX, 7 и Филоколо.

5) VI, 10.

6) VIII, 3.

7) Сл. De Cas. Vir. Ill., c. VII о несчастіяхъ Іокасты: permittimus considerare matronis.

8) Такъ имя Никколозы въ VIII, 5 вызываетъ память о другой Никколозѣ, которой и посвященъ слѣдующій разсказъ (VIII, 6).

506 положенія, которыя и воспроизводятся въ точности: когда новелла кончилась, и ее обсудили или по поводу ея посмѣялись, королева или король велитъ продолжать другому. Разсказчикъ или разсказчица начинаютъ съ общаго, по большей части нравоучительнаго введенія, иногда въ связи съ предыдущей новеллой; начало разсказовъ типическое, напоминающее свободные пріемы сказочника: жилъ недавно тому назадъ; итакъ, скажу; много прошло времени; немного лѣтъ прошло; итакъ, вы должны знать; былъ когда-то, и т. п. Заключенія представляютъ больше оттѣнковъ, смотря по содержанію новеллы это либо общее мѣсто (долго и добродѣтельно прожили; по-добру, по-здорову), либо пожеланіе (да устроитъ, пошлетъ Богъ), прибаутка (уста отъ поцѣлуя не умаляются), или утвержденіе, что такъ-то было: «такимъ-то образомъ наставляютъ уму-разуму тѣхъ, кто не вынесъ его изъ Болоньи» [1]).

Перейдемъ съ той же стилистической точки зрѣнія къ внутренней разработкѣ самихъ новеллъ. Что нерѣдко поражаетъ въ ихъ композиціи, это преобладаніе эпизода, разработка частностей, невнимательная къ условіямъ общаго плана, который онѣ застятъ, какъ бы ни были онѣ интересны сами по себѣ. Уже въ Филоколо и Тезеидѣ, въ Ninfale Fiesolano и Фьямметтѣ [2]) мы встрѣчали цѣлыя главы и пѣсни, перероставшія цѣлое; для Декамерона образцомъ можетъ служить извѣстная новелла о Чимоне [3]): она и памятна намъ исключительно одною своей частью, разсказомъ о томъ, какъ любовь преобразила грубаго, неотесаннаго юношу; но съ содержаніемъ самой новеллы онъ вовсе не вяжется необходимо, имъ не обусловленъ: и не просвѣщенный любовью, какъ Амето, Чимоне могъ бы увезти Ефигенію, попасть въ тюрьму и снова увлечь свою милую. Но такова особенность Боккаччьо, что
507 онъ отдается именно эпизоду, | не минуетъ ни одной мелочи, не оглядѣвъ ее со всѣхъ сторонъ, не исчерпавъ до дна, не взявъ отъ

1) VIII, 9.

2) Сл. выше стр. 246, 254 слѣд., 330, 365, 433—4.

3) V, 1.

нея всего, что она можетъ дать, точно лакомка, медленно смакующій каждую крошку. Эта особенность его таланта, выражающаяся и въ его стилѣ, изобильномъ и не суггестивномъ, и дѣлала его поочередно, смотря по качеству матерьяла, то чуткимъ аналитикомъ, внимательно взвѣшивающимъ всякій фактъ жизни, черту характера, то діалектикомъ, извлекающимъ изъ даннаго тезиса все, что лежитъ въ немъ самомъ абстрактно, логически. Это то же сочетаніе видимо противоположныхъ качествъ, какъ въ талантѣ Овидія; у гуманистовъ оно объясняется любовью къ звучной фразѣ, къ общему мѣсту, апофтегмѣ; что въ такихъ случаяхъ риторъ нерѣдко перечилъ психологу, понятно само собою. Не даромъ флорентійскіе аристархи упрекали Петрарку, что предсмертная рѣчь Магона въ его Африкѣ не отвѣчаетъ ни моменту, ни годамъ его героя. Петрарка защищался въ письмѣ къ Боккаччьо [1]), допуская, что краснорѣчіе, не идущее къ лицу и дѣлу, не спасаетъ; въ этой ошибкѣ онъ будто бы неповиненъ, — и въ томъ же письмѣ онъ самъ противорѣчитъ себѣ, разсуждая по поводу лохорадочной зависти критиковъ — о лихорадкѣ, которой одержимы левъ и коза, съ ссылками на классиковъ и этимологіями. — Когда въ новеллѣ Боккаччьо Танкредъ открылъ любовную связь своей дочери Гисмонды съ худороднымъ Гвискардо, она защищаетъ себя мужественно, не смущаясь, но ея рѣчь въ оправданіе законовъ юности, равноправности людей и безсословной любви — защитительная рѣчь, долженствующая показать величіе ея духа, слишкомъ размѣрена для уличенной дѣвушки и переживаемаго ею настроенія [2]). Такъ у Овидія, готовясь умереть, Канака сама себя изображаетъ сидящей, съ перомъ въ правой рукѣ, обнаженнымъ мечемъ въ лѣвой и хартіей, лежащей на ея лонѣ [3]). | Такъ объясняется странная незастѣнчивость Гризелды [4]) 508

1) Sen., V, 1.
2) IV, 1.
3) Her. XI.
4) Сл. выше стр. 137 и прим. 3.

и Бьянчифьоре[1]) у Боккаччьо, Миранды — въ Шекспировской Бурѣ. Здѣсь риторъ подсказывалъ психологу.

Разумѣется, слѣдуетъ принять въ расчетъ, что, изображая Гисмонду, Боккаччьо имѣлъ въ виду одинъ изъ тѣхъ героическихъ типовъ, которые жизнь являла рѣдко, и которые невольно принимали статуарный характеръ антика. Классическія увлеченія принесли свои плоды: герои и героини не могутъ не быть величественны, они стоятъ на котурнахъ, ихъ рѣчь спокойна и торжественна даже въ виду смерти, какъ у Гисмонды или у Митридана[2]), сами они слишкомъ сдержанны среди испытаній, какъ Джиневра[3]), Джилетта[4]) или Гризельда[5]). Если въ подобныхъ случаяхъ извѣстная дѣланность подсказана средой, искавшей въ древности идеаловъ казоваго величія, и риторизмъ понятенъ, какъ средство, въ другихъ онъ самъ себѣ служитъ цѣлью. Маэстро Альберто, защищающій передъ мадонной Мальгеридой свое старческое увлеченіе[6]), жены, логически оправдывающія свое паденіе[7]), еще не выходятъ изъ правды жизненнаго типа, но когда Зима, объясняясь съ своей дамой, обязанной молчаніемъ, держитъ ей рѣчь отъ себя и отъ нея[8]), когда Тедальдо, вернувшись къ своей милой, неузнанный, подробно развиваетъ передъ ней, что ея холодность къ нему была татьбой и непристойнымъ дѣломъ, ибо она отняла у него — его собственность; когда Джизиппо, уступая свою невѣсту другу Титу, увѣряетъ его, что, отдавъ ее лучшему, онъ самъ не теряетъ ее, и оба долго разсуждаютъ на тему о дружбѣ[9]), — все это вы-
509 ходитъ изъ границъ | психическаго момента, точно онъ выдѣленъ изъ дѣйствительности, и надъ нимъ орудуютъ отвлеченіями, не

1) Сл. выше стр. 260.
2) X, 3.
3) II, 9.
4) III, 9.
5) X, 10.
6) I, 10.
7) II, 10; VI, 7.
8) III, 5.
9) X, 8.

гнушаясь крайнимъ софизмомъ. Всего ярче обнаруживается этотъ пріемъ въ новеллѣ о школярѣ, котораго провела вдова, а онъ отмстилъ ей, заманивъ ее, обнаженную, на башню, и, стоя внизу, глумится надъ ней: большая часть новеллы проходитъ въ обвинительныхъ рѣчахъ школяра и защитительныхъ рѣчахъ дамы; тѣ и другія болѣе разсудочны, чѣмъ страстны, не забытъ ни одинъ аргументъ, ни одно положеніе за и противъ, ибо не слѣдуетъ «издѣваться надъ учеными», знающими, по большей части, «гдѣ у чорта хвостъ» [1]). Боккаччьо забылъ критическое положеніе своихъ героевъ и, войдя въ роль школяра, въ самомъ дѣлѣ переноситъ насъ въ средневѣковую школу.

Такой же обстоятельностью отличаются и другія части Декамерона, гдѣ только былъ поводъ проявить качества стилиста. Начну съ элемента описаній. У Боккаччьо къ нимъ издавна слабость: въ Филоколо есть подробныя до мелочи описанія дворцовъ, убранства, сценъ битвы; «Фьямметта» дала намъ картинку байскаго берега, въ Амето и Ninfale Fiesolano есть нѣсколько пейзажей, вѣщіе сны въ Филоколо раскрываютъ симпатіи непочатой, дикой природы съ элегическимъ настроеніемъ человѣка, хотя вообще то сентиментальное чувство природы, которое почему-то ведутъ отъ Петрарки, какъ позднѣе вели отъ Руссо̀, у Боккаччьо не развито. Именно о Петраркѣ онъ говоритъ, что его приковывала къ Воклюзу «прелесть уединенія» [2]); уединенія, манившаго къ себѣ поэтовъ и святыхъ отшельниковъ, потому что въ лѣсахъ нѣтъ ничего искусственнаго, прикрашеннаго, вреднаго для ума «Все созданное природой просто: тамъ высящіеся къ небу буки и другія деревья простираютъ густую тѣнь молодой листвы, тамъ земля покрыта зеленою травою и испещрена разными цвѣтами, прозрачные источники и серебристые потоки спускаются изъ |
плодоноснаго нѣдра горъ; тамъ поютъ пестрыя птички, вѣтви 510
звучатъ отъ вѣянія мягкаго вѣтерка, рѣзвятся звѣри; тамъ стада

1) VIII, 7.
2) De Montibus, a. v. Sorgia.

и пастушій домъ, либо бѣдная лачужка; все исполнено покоя и тишины и не только ласкаетъ пресыщенные глаза и слухъ, но и заставляетъ умъ сосредоточиться, обновляя его усталыя силы, возбуждая къ размышленію о возвышенныхъ предметахъ» — и къ творчеству [1]).—Въ XI-мъ вѣкѣ Петръ Даміани также воспѣвалъ блаженное уединеніе своей кельи, гдѣ для него горѣли розы любви, цвѣли въ снѣжной бѣлизнѣ лиліи цѣломудрія, миртъ самоистязанія, тимьянъ непрестанной молитвы, гдѣ человѣкъ снова восходилъ къ Божію образу, и въ борьбѣ духа и плоти побѣждалъ духъ. У Боккаччьо центръ тяжести перемѣстился: уединеніе воспитываетъ поэта, оно необходимо для него, твердитъ Петрарка, противорѣча на этотъ разъ Квинтильяну и Овидію [2]). Идеализація природы была лишь слѣдствіемъ потребности культурнаго человѣка уйти въ себя, обособиться для себя; въ такой природѣ онъ былъ одинъ и естественно переносилъ на нее то чувство одиночества, котораго искалъ, которое находилъ и среди молчаливыхъ памятниковъ прошлаго. У Боккаччьо была археологическая жилка, но не ею одной объясняется, почему одиночество природы такъ часто совпадаетъ у него съ культомъ старины, почему у его Фьямметты панегирикъ сельской жизни и первобытной простоты сливается съ грустнымъ чувствомъ антика, «новаго» для современныхъ умовъ [3]).

Но такое настроеніе держится у Боккаччьо недолго; что ему нравится—это природа ласковая, смѣющаяся, побѣжденная человѣкомъ, устроенная для житья, пейзажъ, привольно раскинувшійся на отлогихъ холмахъ, сады, расположенные по геометрическому плану, съ дорожками, прямыми, какъ стрѣлы, и стадами прирученныхъ дикихъ звѣрей, которыхъ итальянцы держали въ |
511 своихъ садахъ, французы XIV-го вѣка выставляли, въ видѣ декораціи, при торжественныхъ въѣздахъ своихъ королей. Таковъ

1) Gen. Deor., XIV, 11.

2) De vita Solitaria, l. I, sect. V, c. 1 стр. 241; l. II, sect. VII, c. 2, стр. 279.—*Св. Бернардъ: aliquid amplius invenies in sylvis quam in libris.

3) Fiammetta, стр. 115 слѣд.; 91.

пейзажъ въ вступленіи къ III-му дню[1]), таково въ концѣ VI-го описаніе Долины Дамъ: ея поверхность «была такая круглая, точно она обведена *циркулемъ*, хотя видно было, что это созданіе природы, а не рукъ человѣка; она была въ окружности не болѣе полумили, окружена *шестью* не особенно высокими горами, а на вершинѣ каждой изъ нихъ виднѣлось *по дворцу*, построенному наподобіе красиваго замка. Откосы этихъ пригорковъ спускались къ долинѣ уступами, какіе мы видимъ въ *театрахъ*, гдѣ ступени послѣдовательно располагаются отъ верха къ низу, постепенно суживая свой кругъ. Уступы эти, поскольку они обращены были къ *полуденной сторонѣ*, были всѣ въ виноградникахъ, оливковыхъ, миндальныхъ, вишневыхъ, фиговыхъ и многихъ другихъ плодоносныхъ деревьяхъ, такъ что и пяди не оставалось пустой. Тѣ, что обращены были къ *Сѣверной колесницѣ*, были всѣ въ рощахъ изъ дубовъ, ясеней и другихъ ярко-зеленыхъ, стройныхъ, какъ только можно себѣ представить, деревьевъ, тогда какъ долина, безъ иного входа, кромѣ того, которымъ прошли дамы, была полна елей, кипарисовъ, лавровъ и *нѣсколькихъ пиній, такъ хорошо расположенныхъ и распредѣленныхъ, какъ будто ихъ насадилъ лучшій художникъ этого дѣла*». Небольшой потокъ, «вытекавшій изъ одной долины, которая раздѣляла *двѣ* изъ тѣхъ горъ», падая по скалистымъ уступамъ, производилъ пріятный шумъ, «а его брызги казались *ртутью*, которую, нажимая, выгоняютъ изъ чего-нибудь мелкими струйками». Среди долины онъ образовалъ «озерко, какія устраиваютъ иногда въ своихъ садахъ, въ видѣ *питомника*, *горожане*, когда есть къ тому возможность». Оно такъ прозрачно, что можно пересчитать на днѣ его камни, слѣдить за юрканьемъ рыбы; воду, оказывавшуюся въ немъ лишней, «воспринималъ другой потокъ, которымъ она выходила изъ долины, стекая въ болѣе низменныя мѣста»[2]). |

---

1) Пер. I, стр. 183—4.
2) Пер. II, стр. 38—9.

512 Какъ далеки мы отъ непочатой угрюмой природы, питающей думы поэтовъ и отшельниковъ! Здѣсь все прилажено, точно по компасу, рукой художника, озерко, что̀ городской прудъ; пейзажъ стилизованъ до мелочей, нѣтъ ни одного неосвѣщеннаго уголка, все предусмотрѣно и досказано. Такъ же обстоятельны и говорливы у Боккаччьо описанія костюма и женской красоты, не только въ Амето, гдѣ они изобилуютъ, но и въ Декамеронѣ: припомнимъ тамъ и здѣсь портретъ Фьямметты [1]), костюмы нимфъ въ Амето, сцену рыбной ловли въ 4-й новеллѣ X-го дня: «двѣ дѣвушки вошли въ садъ, лѣтъ, можетъ быть, пятнадцати, съ золотисто-бѣлокурыми, вьющимися, распущенными волосами и легкими вѣнками изъ барвинка; . . . на нихъ были одежды изъ тончайшаго, бѣлаго, какъ снѣгъ, полотна, плотно облегавшія тѣло сверху до пояса, а затѣмъ широкія, какъ палатка, и длинныя до ногъ. Та, что шла впереди, несла на плечѣ пару сѣтей, которыя поддерживала лѣвой рукою, въ правой — длинный шестъ; та же, которая шла за нею, — на своемъ лѣвомъ плечѣ сковороду, подъ мышкой — небольшую вязанку хворосту и таганъ, въ другой рукѣ она держала кувшинъ съ олеемъ и зажженный факелъ» [2]).

Если въ любви Боккаччьо къ извѣстнымъ картинамъ культурной природы сказался итальянскій горожанинъ, то его костюмы и типы красоты обличаютъ культъ пластики и прекраснаго тѣла; то и другое навѣяно новымъ настроеніемъ вкусовъ и сказывается въ литературѣ, какъ чаяніе, которое оправдаютъ нѣсколько позже образовательныя искусства.

Средневѣковая лирика до-дантовской поры знала красавицу-формулу, нѣсколько реальную: кровь съ молокомъ, слоновая кость съ розой, рубинъ съ кристалломъ; этихъ красавицъ видѣли, но въ ихъ изображеніи нѣтъ личнаго момента, наблюденіе заслонено типомъ. У школьно-латинскихъ поэтовъ можно встрѣтить болѣе |
513 пластичныя изображенія красоты, напоминающія антикъ — но

1) Сл. выше стр. 115—116.
2) Пер. II, стр. 271—2.

это литературные перепѣвы. Въ живописи держится старый условный типъ: овальный складъ лица, выпуклый лобъ, продолговатые, впалые глаза, полузакрытые и опущенные; неподвижная шея, узкія плечи, тощіе члены и плоская грудь; удается лишь выраженіе спокойствія и экстаза, не страстныхъ движеній лица и тѣла; однообразно ломающіяся грузныя складки костюма, отсутствіе свѣтотѣни и индивидуализаціи въ выраженіи лица показываютъ, что художникъ еще не пріучился писать съ натуры. Онъ пишетъ святыхъ, и небо даетъ ему тоны, тотъ «цвѣтъ перла», который царитъ у Данте и поэтовъ его направленія. У Боккаччьо все это было передъ глазами: и красавица-формула, и мадонны Джьотто, и античные образцы, не только литературные, но и статуарные, которые начинаютъ цѣнить [1]), — и явилась любовь къ индивидуальному въ пластикѣ и жизни, большая раздѣльность наблюденій, какъ, напр., изъ его современниковъ у Фаціо дельи Уберти. У его красавицы лобъ открытый и ровный, глаза широко разрѣзаны, смотрятъ серьезно или бѣгаютъ плутовски; шея поднимается, какъ «колонна», широкія плечи и развитая грудь; при этомъ маленькая ножка и бѣлая ручка, красиво выдѣляющаяся на фонѣ пурпурнаго платья. Все это ново, какъ и вкусъ къ складкамъ и драпировкѣ тамъ, гдѣ можно было забыться въ мірѣ нимфъ, пренебрегая костюмомъ современной горожанки. Нимфы Амето одѣты, какъ римскія статуи, еще преобладаютъ широкія волны ткани, но уже платье открыто съ боковъ и держится отъ шеи до пояса на пряжкахъ; рукава такъ же откровенны; концы мантіи перекидываются изъ-подъ одного плеча на другое, падаютъ двойной складкой на колѣни, длинной полосой развѣваются по вѣтру, тогда какъ крохотная черная сандалія едва держится на концахъ пальцевъ, отчего ножка кажется еще бѣлѣе [2]). | Встрѣчается и дантовское color di perla (Vita Nuova, canz. 1: Color di *perla* quasi informa, quale — conviene a donna aver, *non fuor mi-*

1) Для Петрарки сл. De Nolhac., l. c., стр. 262 слѣд.; сл. Benvenuto da Imola, Com. ed. Lacaita, III, 280.

2) Сл. выше стр. 274.

sura) удержанъ и дантовскій оборотъ рѣчи, но въ какомъ новомъ освѣщеніи! У одной изъ красавицъ въ Амето щеки, что молоко, въ которое капнула кровь; когда удалился этотъ теплый колоритъ навѣянный жаромъ, красавица очутилась блѣдной, какъ восточный перлъ (*d'oriental perla*), но въ мѣру, какъ пристало женщинѣ (quale *a donna non fuori di misura* si chiede) [1]).

514 Подобныя описанія оттѣняются другими: туалетъ молодящейся вдовы въ Corbaccio, наружность уродливой Чуты [2]), или служка Гуччьо Имбратта, которому на кухнѣ милѣе, чѣмъ соловью на зеленыхъ вѣткахъ, любитель женскаго пола, оборванный и сальный и сорящій обѣщаніями, точно онъ сиръ Кастильонскій [3]), — все это написано съ такими же подробностями, подробностями шаржа. Иной разъ, впрочемъ, одной черты достаточно, чтобы обрисовать цѣлый характеръ: отъявленный плутъ Чаппелетто, лицемѣръ, не вѣрящій ни въ Бога, ни въ чорта, долженъ быть именно небольшого роста и одѣваться чистенько [4]).

Въ детальности Боккаччьо, несомнѣнно много манеры, стилистической отдѣлки, классическаго клише, но въ основѣ лежитъ тонкая наблюдательность человѣка, разсѣявшаго въ своей книгѣ De Montibus столько археологическихъ, естественно-научныхъ, даже климатическихъ замѣтокъ; чувство особи, чутье къ человѣческому, реальному въ его соотвѣтствіи съ міромъ психики и знакомое намъ свойство глаза схватывать въ предметѣ не общее, а массу подробностей, которыя художникъ заноситъ на полотно, одну за одной, въ расчетѣ, что ихъ совокупность произведетъ впечатлѣніе цѣлой жизни [5]). Въ Боккаччьо художникъ дополняетъ фотографа; какъ Петрарка, онъ видимо любитъ живопись, требуя для своего пера широкаго права кисти [6]), не даромъ восторгаясь

---

1) *Сл. Scherillo, Alcuni capitoli d. biografia di Dante, Torino, 1896, стр. 315 слѣд., 321.

2) Дек., VIII, 4.

3) VI, 10.

4) Дек., I, 1.

5) Сл. выше стр. 116—7.

6) Заключеніе автора = пер. II, стр. 333.

Джьотто; не было ничего, говоритъ онъ о немъ, «что въ вѣчномъ вращеніи небесъ производитъ природа, мать и устроительница всего сущаго, что бы онъ карандашомъ, либо перомъ и кистью не написалъ такъ сходно съ нею, что, казалось, это не сходство, а скорѣе самъ предметъ[1]). Это почти та же характеристика, что у Ф. Виллани; начитанный въ исторіяхъ Джьотто явился соревнователемъ | поэтовъ, изображая то, что тѣ воображали.—Замѣтка, 515
интересная для начала натурализма въ литературѣ и искусствѣ: въ концѣ XIV-го и началѣ XV вѣка Якопо Аванци и Мазолино подготовляютъ его въ живописи, переходя отъ условности стараго художественнаго преданія къ принципу портрета, къ натурѣ; у Боккаччьо реализмъ наблюденія — такой же признакъ времени, какъ и любовь къ діалектическому развитію, отвѣчавшему условнымъ требованіямъ классически-украшеннаго стиля. Они идутъ къ одной и той же цѣли, анализу, но еще не спѣлись, не помогаютъ другъ другу. Оттуда своеобразное, не лишенное прелести, впечатлѣніе, какое производитъ на насъ проза Декамерона; оттуда не предусмотрѣнный часто контрастъ прозаическаго положенія и торжественной фразы, вызывающій улыбку, точно человѣкъ желаетъ разсмѣшить, а самъ не смѣется; но оттуда же и излишняя полнота, выписанность: недостаетъ дали, я сказалъ бы, музыкальнаго элемента, того, что заставляетъ насъ *перечувствовать*, *досоздавать* едва намѣченный контуръ дантовскаго пейзажа. Всякая шутка отчеканена, смѣхъ раздается свѣжій и ровный, нѣтъ полусвѣта и полутѣней, изъ которыхъ неожиданно сверкнетъ юморъ. Все досказано, и мы знаемъ, какъ подробно. И не только въ описаніяхъ, но и въ характеристикахъ: онѣ также собираются изъ мелочей, изъ массы положенныхъ рядомъ штриховъ. Немного такихъ новеллъ, какъ 2-ая новелла VIII-го дня, гдѣ бы впечатлѣніе достигалось сразу, безъ приготовленія[2]).

---

1) Дек., V, 5; сл. Amorosa Visione, c. 4 и Gen. Deor., XV, 6.

2) *Къ детальности Боккаччьо сл. *Braggio, Impessioni e discorsi letterari* (Brescia, 1895): Le rappresentazioni della bellezza femminile nel quattrocento. Авторъ говоритъ, что въ XV вѣкѣ эти описанія обнаруживаютъ большой упа-

Жилъ въ Варлунго священникъ, «молодецъ и здоровенный
въ услуженіи женщинамъ»; хотя онъ и не особенно былъ силенъ
въ грамотѣ, тѣмъ не менѣе многими хорошими и святыми словеч-
ками наставлялъ своихъ прихожанъ въ воскресенье подъ ольхой,
а когда они куда-нибудь уходили, посѣщалъ ихъ женъ усерднѣе,
чѣмъ какой-либо изъ бывшихъ до него священниковъ, принося
имъ порой на домъ образки, святой воды и огарки свѣчъ и на-
дѣляя своимъ благословеніемъ». Случилось ему влюбиться въ одну
крестьянку, по имени монна Бельколоре; «она въ самомъ дѣлѣ
была хорошенькая, свѣжая крестьяночка, смугленькая и плот|-
516 ная, болѣе всякой другой годная на мельничное дѣло. Сверхъ
того, она лучше всѣхъ умѣла играть на цимбалахъ и пѣть: «Вода
бѣжитъ къ оврагу», и когда, случалось, выступала въ пляскѣ,
вела ридду и балланкіо, съ красивымъ, тонкимъ платкомъ въ рукѣ,
лучше всякой своей сосѣдки. Вслѣдствіе всего этого священникъ
такъ сильно въ нее влюбился, что былъ какъ бѣшеный и весь
день шлялся, лишь бы увидать ее. Утромъ въ воскресенье, когда
онъ зналъ, что она въ церкви, онъ, произнося «Господи помилуй»
и «Святый Боже», старался показать себя столь великимъ масте-
ромъ пѣнія, что, казалось, кричитъ оселъ, тогда какъ, не видя ея,
обходился безъ этого очень легко». Чтобы сблизиться съ Белько-
лоре, онъ дѣлаетъ ей порою подарки: «то пошлетъ пучокъ свѣжаго
чесноку, — а былъ онъ у него изъ лучшихъ въ деревнѣ, — изъ
своего саду, который онъ обработывалъ своими руками, то кор-
зинку гороху въ стручкахъ, то связку майскаго лука или шарло-
токъ; а иногда, улучивъ время, посмотритъ на нее искоса и любовно
огрызнется; она же, нѣсколько дичась и притворившись, что ничего
не замѣчаетъ, проходила мимо съ сдержаннымъ видомъ, почему
отецъ священникъ и не могъ добиться отъ нея толку». И вотъ
однажды въ самый полдень онъ плутаетъ зря по деревнѣ, когда

докъ, perchè «l'eccesso dei particolari decompone il tutto nelle parti», onde la realtà viva vien meno. Questa decadenza ha principio con le minute, inestetiche descrizioni del Boccaccio, che i suoi imitatori peggiorarono. Сл. Giorn. Stor. d. lett. ital., v. XXVII, fasc. 79, стр. 194.

ему встрѣтился мужъ Белъколоре, ѣхавшій въ городъ; онъ даетъ ему порученіе а самъ, пользуясь его отсутствіемъ, хочетъ попытать счастья; добрался до дома Белъколоре, вошелъ, спрашиваетъ: «Господи благослови, кто же тутъ?» «Добро пожаловать, батюшка, отвѣчаетъ съ чердака Белъколоре, что это вы болтаетесь по такой жарѣ?» Священникъ отвѣчалъ: «Помилуй Богъ, я пришелъ побыть съ тобою нѣкоторое время, ибо встрѣтилъ твоего мужа, шедшаго въ городъ». Белъколоре, спустившись, сѣла и принялась чистить капустное сѣмя, которое недавно передъ тѣмъ смолотилъ ея мужъ. Священникъ началъ говорить: «Что жъ, Белъколоре, ты такъ и будешь вѣчно морить меня такимъ образомъ?» Белъколоре, засмѣявшись, спросила: «Что же я-то вамъ дѣлаю?» Священникъ отвѣчалъ: «Ты-то мнѣ ничего не дѣлаешь, но не даешь | мнѣ 517
сдѣлать, чего я хочу, и что самъ Богъ повелѣлъ». Говоритъ Белъколоре: «Убирайтесь, убирайтесь! Да развѣ священники такія вещи дѣлаютъ?» и т. д.

Мы можемъ не знать, какъ разыграется новелла; это дѣло случая, анекдота, но насъ закупаютъ особи дѣйствующихъ лицъ, очерченныя свѣжо и прозрачно: вы почти угадываете, что Белъколоре можетъ сдаться, а священникъ, не знающій въ полдень, куда дѣться отъ любви, пойдетъ на всякую сдѣлку.

Рядомъ съ этими набросками характера другіе отличаются обычнымъ у Боккаччьо детальнымъ анализомъ. Въ новеллѣ III-яго дня простакъ Ферондо весь рисуется въ разговорѣ съ монахомъ; иной разъ этотъ пріемъ развитъ до утомительности. Намъ уже приходилось говорить о циклѣ новеллъ, героями которыхъ являются Каландрино и докторъ Симоне[1]); они служатъ предметомъ насмѣшекъ и злыхъ шутокъ, ихъ подзадориваютъ, играя на ихъ слабыхъ струнахъ, и заставляютъ высказываться постепенно, по мелочамъ. Въ первой новеллѣ 1-го дня эта детальность подавляетъ: ростовщикъ Чаппеллетто, умирая въ домѣ двухъ ростовщиковъ-флорентинцевъ, не желаетъ навлечь на нихъ

---

1) Сл. выше стр. 470.

позоръ и гоненіе, если бъ на исповѣди онъ оказался такимъ неисправимымъ грѣшникомъ, какимъ былъ на самомъ дѣлѣ; и вотъ онъ рѣшился разыграть святого и притомъ наивно убѣжденнаго въ своей грѣховности. Его исповѣдь развиваетъ подробно эту тему, поминаются грѣхи одинъ маловажнѣе другого, а мнимый святой все больше плачется, что они смертные, и духовникъ приходитъ въ умиленіе отъ его дѣтской чистоты. Не столько вырисовывается характеръ, сколько разбирается по хріямъ, съ риторическимъ поднятіемъ и паденіемъ, извѣстное положеніе. Таково отношеніе Боккаччьо и къ характерамъ героическаго, поднятаго типа: взятъ какой-нибудь торжественный моментъ, дѣйствующій на слезовую железу, и анализъ сосредоточивается вокругъ него. Иное дѣло средніе типы, съ которыми Боккаччьо приходилось
518 встрѣчаться, которыхъ онъ любилъ, или надъ кото|рыми ему случалось потѣшаться: ихъ онъ зналъ, стилистическому анализу почти не было мѣста, на сцену выходили живыя лица, діалогъ становился бойчѣе, сбрасывая латинскія узы, типы старыхъ разсказовъ, если они попадались подъ руку, становились — характерами. Ибо въ смыслѣ типовъ у Боккаччьо немного найдется такого, что бы не встрѣчалось въ старофранцузскихъ потѣшныхъ разсказахъ, вѣроятно, и въ итальянскихъ народныхъ повѣстяхъ того же содержанія: тѣ же жены, водящія за носъ ревнивыхъ мужей, монахи и священники, тревожимые плотью и любостяжаніемъ; женщины свободнаго поведенія[1]), какъ Herselot, Mabile, Richeut и услужливыя посредницы любви, знакомыя по фабліо[2]); простаки и скоморохи и самъ Martin Happart, такой же реалистъ и невѣрующій, обирало и сутяга, какъ Чаппеллетто. Все это уже было, были и зачатки характера, случайно брошенные въ рамки типа, но только Боккаччьо явился сознательнымъ стилистомъ и психологомъ новеллы, поднявшимъ ее своимъ живымъ пониманіемъ личнаго въ реальномъ. Я разумѣю реальность итальянскую:

1) Дек., II, 5; VIII, 10.
2) Сл. выше стр. 121.

рѣзкіе контрасты настроеній, мужчины, пускающіеся въ слезы, падающіе за-мертво — все это психическія черты южной страстной расы, самого Боккаччьо, и онѣ естественны.

V.

Не забудемъ, Боккаччьо-дидактика: Декамеронъ разсчитанъ на дамъ, которыя найдутъ въ немъ не только удовольствіе, но и «полезный совѣтъ» [1]); послѣдняя фраза Декамерона прямо говорить о пользѣ: «А вы, милыя дамы, пребывайте, по Божьей милости, въ мирѣ, поминая меня, если, быть можетъ, какой-нибудь изъ васъ послужило на пользу это чтеніе» [2]). Что наставительному элементу своей книги Боккаччьо придавалъ не послѣднее значеніе — въ этомъ нельзя сомнѣваться. Разсказы каждаго |
дня отвѣчаютъ извѣстнымъ рубрикамъ, обобщающимъ ихъ со- 519
держаніе, какъ бы въ виду вопросовъ, которые можетъ поднять не ихъ фабула, а ихъ жизненная сущность: «о тѣхъ, кто послѣ разныхъ превратностей и сверхъ всякаго ожиданія достигъ благополучной цѣли» [3]), «о тѣхъ, чья любовь имѣла несчастный исходъ» [4]), «о томъ, какъ послѣ разныхъ печальныхъ и несчастныхъ происшествій влюбленнымъ приключилось счастье» [5]); «о великодушіи» [6]). У такого дидактика, какъ Франческо да Барберино въ его Del Reggimento e dei costumi delle donne, въ латинскомъ комментаріи къ Documenti d'Amore и, вѣроятно, въ утраченныхъ Fiori di novelle соображенія учительнаго свойства предшествовали разсказамъ, которые являлись какъ бы нагляднымъ прикладомъ общаго мѣста; въ Декамеронѣ оно едва намѣчено въ темѣ, избранной для разсказовъ каждаго дня, и болѣе вытекаетъ изъ нихъ,

1) Дек., Введеніе р.= пе I, стр. 3.
2) Пер. II, 336.
3) День 2-й.
4) День 4-й.
5) День 5-й.
6) День 10-й.

чѣмъ ихъ приготовляетъ. Для этого Боккаччьо пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ: не только рѣчи его героевъ, иногда развитыя въ цѣляхъ риторизма, полны назиданій и общихъ сужденій [1]), но сами собесѣдники морализуютъ по поводу разсказываемаго ими, обсуждаютъ чужія повѣсти начинаютъ свои новеллы постановкой какой-нибудь житейской истины, сѣтуютъ или смѣются надъ приключеніями, хвалятъ или порицаютъ, и эти сужденія опредѣляютъ настроеніе слѣдующаго разсказчика, между новеллами протягивается, несмотря на ихъ иногда случайный подборъ, живая идеальная связь. Темы представляются разнообразныя: въ введеніи и заключеніи 1-й новеллы 1-го дня Памфило говоритъ о «тайнахъ божественныхъ помысловъ», попускающихъ грѣшника быть орудіемъ спасенія, — и о спасительности вѣры [2]), во 2-й — Неифила разсуждаетъ о благости Божіей, терпящей недостатки служителей
520 церкви и тѣмъ паче | свидѣтельствующей о своей непреложности, что и иллюстрируется отрицательными впечатлѣніями жизни при римской куріи, вынесенными евреемъ Авраамомъ, какъ въ Avventuroso Ciciliano — Саладиномъ [3]). Вопросъ о нравственной распущенности духовенства въ сравненіи съ идеалами пастырскаго и монашескаго житія не только даетъ содержаніе цѣлому ряду новеллъ, но вызываетъ и обсужденія и нареканія, какъ у Биндо Боники [4]), Пуччи и друг. Филострато говоритъ, по поводу новеллы о флорентинскомъ инквизиторѣ [5]), о «грѣховной и грязной жизни клериковъ» [6]), Пампинея — о глупости монаховъ, соединенной съ самомнѣніемъ [7]), объ ихъ ханжествѣ и попрошайничествѣ [8]), Филострато сопоставляетъ ихъ изнѣженность съ обѣтами нищеты и цѣломудрія [9]), и подобныя же обличенія вложены въ уста одного

1) Сл. рѣчь Гисмонды, IV, 1; рѣчи Тита и Джизиппо, X, 8 и др.
2) II, 1.
3) ed. Nutt, стр. 461.
4) Canz. 14; son. 4, 19, 21.
5) I, 6.
6) I, 7.
7) III, 3.
8) IV, 2.
9) VII, 3.

изъ героевъ 7-й новеллы III-го дня. Великодушный поступокъ
духовныхъ лицъ возбуждаетъ удивленіе[1]), ихъ «крестовый походъ»
на семью — и смѣхъ и ропотъ[2]): древнее противорѣчіе идеала и
практики, надъ которымъ издавна задумывались наблюдатели
церковной жизни, и издѣвались средневѣковые фабліо, разрѣшая
противорѣчія то смѣхомъ, то карой. Такъ и у Боккаччьо: мы
хохочемъ надъ успѣхами Мазетто въ женскомъ монастырѣ[3]),
надъ любовной стратегіей поповъ[4]) и наивной страдой Алибекъ[4]),
надъ молитвенными заклинаніями Джьянни Лоттеринги[6]) и свя-
тоши Пуччьо[7]). Надо всѣмъ этимъ | смѣялись и до Боккаччьо: въ 521
одной баллатѣ XIV-го вѣка монахини нѣкой обители являются къ
службѣ съ тѣмъ же непоказаннымъ головнымъ уборомъ, съ какимъ
аббатисса Узимбальда[8]), и заключеніе то же, что и въ новеллѣ:
пусть всѣ пользуются жизнью, говоритъ настоятельница[9]); но въ
восьмой новеллѣ III-го дня торжествуетъ тотъ же порокъ, который
позорно наказанъ въ новеллахъ IV, 2 и VIII, 4. Принципьяльнаго
разрѣшенія нѣтъ: разсказчики Декамерона не индифференты, а
по-своему религіозны, часто и благоговѣйно поминаютъ имя Божіе,
блюдутъ пятницу и субботу[10]), ходятъ въ церковь[11]). Ихъ религіоз-
ность не обрядовая только, она пошла нѣсколько далѣе эпидермы, но
сомнѣнія ее не волнуютъ: новелла о братѣ Чиполлѣ[12]) — не про-
тестъ противъ культа мощей, братъ Чиполла—завѣдомо веселый
обманщикъ; сомнѣніе можетъ возбудить развѣ освѣщеніе, въ кото-

1) X, 2.
2) VIII, 2, 4.
3) III, 3.
4) VIII, 2, 10.
5) III, 10.
6) VII, 1.
7) III, 4.
8) Дек., IX, 2.
9) T. Carini, Due antichi repertorii poetici, въ Propugnatore, N. S., vol. II, fasc. 7—8, стр. 205—7.
10) Дек., II, въ концѣ = перев. I, стр. 179.
11) Ib. VIII, нач. = пер. II, стр. 104.
12) VI, 10.

ромъ являются чудеса св. Арриго[1]) въ новеллѣ II, 1, или свѣча, поставленная передъ статуей св. Амвросія, — «не того, что въ Миланѣ»[2]): это, быть можетъ, St. Arnould Rustabuef'a[3]); зато чудесная помощь св. Юліана[4]) и вѣсти изъ чистилища[5]), стоятъ совершенно на точкѣ зрѣнія средневѣковой шутки, развязно вторгавшейся въ извѣстные моменты культа, какъ фаллофоры въ процессіи Діониса. Въ XI вѣкѣ Христофоръ Митиленскій пишетъ гимны въ честь святыхъ, вошедшіе въ наши Минеи, и вмѣстѣ потѣшается надъ культомъ мощей и ихъ почитателями. Такія противорѣчія и въ Византіи не рѣдкость[6]). Такова была религіозность самого Боккаччьо: онъ смѣется и громитъ, но |
522 свято чтитъ Богородицу, собираетъ мощи, сознательно умалчиваетъ въ De Claris mulieribus о христіанскихъ святыхъ, въ трактатѣ объ именитыхъ людяхъ сторожится говорить о папахъ, и флорентійскій архіепископъ зоветъ его человѣкомъ благочестивымъ. Его религіозность — итальянская, реально-пластичная, способная въ минуты нравственныхъ сомнѣній къ бѣшенымъ страхамъ, къ покаянному изступленію флагеллантовъ, безъ того насыщеннаго любовью мистицизма, которымъ озарена Катерина Сіенская, безъ степенно-разсудочнаго благочестія, который напоминаетъ въ Петраркѣ не столько средневѣковаго аскета, сколько искусственно-благіе лики Дольче[7]).

Другія новеллы даютъ поводъ къ другимъ обобщеніямъ: Лауретта разсуждаетъ, какъ потѣшные люди стараго времени высоко понимали свое общественное призваніе, и какъ низко оно упало[8]); либо говорится о значеніи сновъ[9]), о красотѣ остраго

---

1) Arrigo da Balzano † 1315.
2) VII, 3.
3) Dit de la dame qui fit trois tours autour di moustier.
4) II, 2.
5) VII, 10.
6) Сл. Sathas, Μνημεῖα Ἑλληνικῆς ἱστορίας, Paris, 1880, VII, стр. IX слѣд.
7) *Сл. въ De Genealog. Deor., l. XV, c. IX, чисто католическое исповѣдываніе вѣры Боккаччьо.
8) I, 8.
9) IV, 5, 6; IX, 7. Сл. De Cas. Vir. Ill., II, 18; Vita di Dante, § 17; Com. sopra la Comm., II, 17—18; Gen. Deor., l. I, c. 31.

слова[1]), о томъ какъ мудрые правители уловляютъ сердца своихъ подданныхъ[2]), о благородствѣ, обусловленномъ не родомъ, а доблестью[3]), потому что природа и судьба, прислужницы свѣта, часто «скрываютъ свои наиболѣе дорогіе предметы подъ сѣнью ремеслъ, почитаемыхъ самыми низкими, дабы тѣмъ ярче проявлялся ихъ блескъ, когда онѣ извлекутъ ихъ оттуда, когда нужно»[4]). Такъ должна была ободрять себя поднимавшаяся къ самосознанію личность; мы знаемъ, какъ рано эта мысль тревожила Боккаччьо, и въ какихъ отношеніяхъ она развилась.

Но природа и судьба и личная доблесть, которую онѣ таятъ
и лелѣютъ въ человѣкѣ—это видимое цѣлое, называемое жизнью,
раскрывается, какъ рядъ трагическихъ или потѣшныхъ проти-
ворѣчій. Большая часть новеллъ Декамерона построена на кон|-
трастѣ судьбы, слѣпого случая, житейскихъ обстоятельствъ и 523
личности сильной и страстной, либо отдающейся и выносливой.
Порой судьба выноситъ ихъ къ берегу, какъ Алессандро[5]), ма-
донну Беритолу[6]) или Алатіэль[7]), такими же неисповѣдимыми
путями, какими запутала въ превратностяхъ; мы настроены бла-
годушно, какъ послѣ пронесшейся бури; либо личность заявляетъ
себя, борясь и протестуя и погибая въ борьбѣ, какъ въ нѣкото-
рыхъ изъ трагическихъ новеллъ IV-го дня; либо выпутываясь
изъ бѣды и достигая своихъ цѣлей изворотливостью, сноровкой,
острымъ словомъ, удачей: это главный источникъ смѣха у Бок-
каччьо. Онъ тѣмъ здоровѣе, если не чище, чѣмъ неравномѣрнѣе
права на жизнь у одураченнаго и того, кто одурачилъ; мессеръ
Риччьярдо да Кинзика[8]), братъ Пуччьо[9]) и Франческо Верджел-

1) I, 9; VI, 1.
2) X, 7 въ концѣ.
3) VI, 2, 5 и въ IV, 1 рѣчь Гисмонды.
4) VI, 2 = пер. II, 6.
5) II, 3.
6) II, 6.
7) II, 7.
8) II, 10.
9) III, 4.

лези [1]) сами заслужили свою участь; вотъ почему слушательницы смѣются такъ, «что не было никого, у кого не болѣли бы скулы» [2]). Вопросъ о нравственной вмѣняемости не поднимается, такъ всѣ заливаются смѣхомъ надъ наивной продѣлкой, интрига интересуетъ сама по себѣ, шутка исчерпывается цѣлью забавы, комическаго эффекта, а тамъ на помощь могутъ придти и неотразимыя силы — Амура.

Потому что сила Амура властвуетъ въ Декамеронѣ, какъ властвуетъ въ природѣ [3]) и въ жизни, и хотя онъ «охотнѣе обитаетъ въ веселыхъ дворцахъ и роскошныхъ покояхъ, тѣмъ не менѣе не оставляетъ проявлять порой свои силы и среди густыхъ лѣсовъ, суровыхъ горъ и пустынныхъ пещеръ, изъ чего можно
524 усмотрѣть, что все подвержено его власти» [4]). Такъ начи|нается простодушно-физiологическая новелла объ Алибекѣ, и то же повторяется въ введенiи къ сентиментальному разсказу о любви Симоны и Пасквино, прерванной внезапной смертью [5]). Ибо любовь понимается въ самомъ широкомъ смыслѣ, обнимающемъ и небо и землю, физiологiю и отвлеченiя платонизма. Многiе «вполнѣ увѣрены, что лопата и заступъ и грубая пища и трудъ земледѣльца лишаютъ всякихъ похотливыхъ вожделѣнiй» [6]), говоритъ въ одномъ мѣстѣ Боккаччьо, сводя все къ вопросу о пищѣ и тунеядствѣ. Это взглядъ реалиста, который онъ проводитъ не разъ. Венера покоится на ложѣ, около нея Вакхъ и Церера и Богатство на стражѣ ея покоя [7]). Говоря о прелестяхъ Байскаго берега, Фьямметта указываетъ на изысканныя яства и старыя вина, способныя не только возбудить заглохшее вожделѣнiе, но воскресить и умершее [8]); позже такъ же объяснится ранняя, ребяческая

1) III, 5.
2) II, 10 = пер. I, 179.
3) Fiammetta, стр. 25.
4) III, 10; сл. вступленiе въ IV-й день = пер. I, 275.
5) IV, 7.
6) III, 1.
7) Тезеида, сл. выше стр. 332.
8) Fiammetta, стр. 92—3.

страсть Данте къ Беатриче: согласіемъ темпераментовъ и нравовъ, вліяніемъ свѣтилъ [1]), весельемъ празднества, изысканностью кушаній и винъ [2]). Весной все влечется къ любви, и животныя, и женщины, и — юноши; не будь законовъ, они доходили бы до неистовства [3]). Въ концѣ X-го дня Діонео выражалъ свое удовольствіе, что ихъ общество вело себя прилично и честно, хотя разсказывали «новеллы веселыя и, можетъ быть, увлекавшія къ вожделѣнію», и они «хорошо ѣли и пили, играли и пѣли, что̀ вообще возбуждаетъ слабыхъ духомъ къ поступкамъ, менѣе чѣмъ честнымъ» [4]). Такъ и жена французскаго королевича объясняетъ свою внезапную страсть къ графу Анверскому: «кто станетъ отрицать, что болѣе заслуживаетъ порицанія бѣднякъ или бѣдная женщина, которымъ приходится трудомъ | снискивать потребное для жизни, если они 525
отдадутся и послѣдуютъ побужденіямъ любви, чѣмъ богатая, незанятая женщина, которой нѣтъ недостатка ни въ чемъ, что отвѣчаетъ ея желаніямъ» [5])? Эта низменно-физіологическая точка зрѣнія на любовь, отрицательная у Гвиттоне и Данте да Маяно [6]), или у Биндо Боники [7]), совѣтовавшихъ бороться съ нею очистительными средствами, бичеваньемъ и холодными ваннами, — заявляется, какъ положительная, въ народныхъ пѣсняхъ о неудачливой въ бракѣ» [8]) и въ Декамеронѣ. Она-то объясняетъ откровенныя рѣчи жены мессера Риччьярдо да Кинзика къ ея хилому супругу, излишне награждавшему ее праздными днями [9]), и притязанія супруги Пьетро ди Винчьоло [10]), и боязнь англійской коро-

---

1) Influenzia del cielo.

2) Ed. Macrì-Leone, стр. 15.

3) Gen. Deor., III, 22; сл. Com. sopra la D. C., II, 86.

4) Пер. II, стр. 328—9.

5) II, 8; сл. Canzone V: Laccio d'amor non lega uomo occupato, — Ma chi si posa in ozio e dorme e giace; Ovid., Remedia Amores, 136 слѣд. Fac monitis fugias otia prima meis, Haec ut ames, faciunt....Haec sunt iucundi causa cibusque mali.

6) Въ его отвѣтномъ сонетѣ къ Данте.

7) Canz. 18.

8) Сл. Casini, l. c., стр. 359 слѣд.

9) II, 10.

10) V, 10.

левны, что ее выдадутъ за старика, и она можетъ «совершить по своей юношеской слабости что-либо противное божескимъ законамъ и чести королевской крови ея отца» [1]), почему она сама выбираетъ себѣ супруга, какъ несчастная Гисмонда — любовника [2]). — Иначе приходится лицемѣрить, выдавая приличіе за соблюденіе долга, ибо «скрытый грѣхъ наполовину прощенъ» [3]), ущербъ чести—ни въ чемъ другомъ, какъ въ томъ, что выходитъ наружу [4]), какъ говорилъ когда-то и Овидій [5]); Гисмонда откровеннѣе: ея рѣчь отцу — защита естественныхъ вожделѣній, требованіе любви по склонности и выбору, не стѣсняющемуся соображеніями рода
526 и богатства. Это протестъ противъ дѣлового | брака, какъ защитительная рѣчь Филиппы передъ судомъ требуетъ отмѣны законовъ, карающихъ женское нецѣломудріе, ибо ихъ установили одни мужчины [6]); они, позволяющіе себѣ отдаваться всѣмъ своимъ желаніямъ, воображаютъ, что для женщинъ писанъ другой законъ [7]); имъ по-дѣломъ, если ихъ также проводятъ [8]), если неумѣстная ревность доводила ихъ до позора [9]), и не по-дѣломъ было Гвальтьери, что безумныя испытанія, которымъ онъ подвергъ свою жену, кончились для него такъ, а не иначе [10]).

Любовь царитъ невозбранно; «о Амуръ! каковы и сколь велики твои силы? Каковы твои совѣты и измышленія? Какой философъ, какой художникъ былъ когда-либо въ состояніи или можетъ изобрѣсти тѣ похватки, тѣ выдумки, тѣ сноровки, которыя ты внезапно являешь идущимъ по слѣдамъ твоимъ» [11])? Онъ заставляетъ влюбленныхъ презирать всякія опасности и смерть [12]),

1) II, 3.
2) IV, 1.
3) I, 4; сл. IX, 2.
4) II, 9, 8.
5) Amor., III, 14. v. s.: Non peccat, quaequmque potest peccasse negare.
6) VI, 7.
7) II, 9 и 10: рѣчь Діонео.
8) VII, 2.
9) VII, 5 и начало VII, 6.
10) X, 10 = пер. II, стр. 328.
11) VII, 4.
12) IX, 1.

караетъ за жестокость къ любящимъ[1]), питаетъ романтическую страсть Джербино и тунисской королевны, никогда не видавшихъ другъ друга[2]), воспитываетъ Чимоне[3]), изощряетъ куртуазію Федериго дельи Альбериги[4]), виртуозный культъ красоты у стараго маэстро Альберто[5]) и безнадежно-сентиментальное чувство бѣдной Лизы[6]); доводитъ до смерти[7]) или схимы[8]). Онъ не знаетъ монашескихъ обѣтовъ[9]), и не малый подвигъ совершаетъ |
тотъ, кто успѣлъ побороть его великодушіемъ[10]), или заставилъ 527
поступиться передъ дружбой[11]). — Разнообразіе женскихъ типовъ Декамерона отвѣчаетъ безконечнымъ оттѣнкамъ одного и того же побѣднаго чувства.

Таково въ Декамеронѣ ученіе о всевластной любви. Видимо, оно ни въ чемъ не измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ въ неаполитанскихъ садахъ Галеоне-Боккаччьо спорилъ съ Фьямметтой. Въ основѣ это — овидіевскій взглядъ на физіологическую любовь, какъ на принципъ міроваго согласія и устроенія[12]), на любовь, какъ искусство и виртуозность, объектомъ которой являлись у Овидія либерты, женщины свободныхъ нравовъ, не цѣломудренныя жены, стоящія въ законѣ[12]), строгія блюстительницы очага и семейныхъ распрей[14]); къ свободнымъ жрицамъ любви, изящнымъ и художественно-воспитаннымъ[15]), не примѣнялись обычныя требо-

1) IV, 8 въ началѣ; V, 8 въ концѣ.

2) IV, 4.

3) V, 1.

4) V, 9.

5) I, 10.

6) X, 7.

7) IV, 5, 7.

8) IV, 6.

9) III, 1.

10) X, 4, 5.

11) X, 8.

12) Art. Am., II, 477: Blanda truces animos fertur mollisse voluptas.

13) Art. Am., I, 31 слѣд. = Trist., II, 247 слѣд.; сл. Art. Am., II, 499—500, III, 611 слѣд.

14) Art. Am., II, 153 слѣд.

15) Art. Am., III, 311 слѣд.

ванія долга, нравственности, имъ мѣсто въ семьѣ, но пониманіе любви, какъ непререкаемой силы, естественно переносилось и на цѣломудрыхъ женъ: всякое женское естество склонно къ сладострастію, говорилъ Овидій[1]), обобщая примѣры античныхъ героинь; нѣтъ женщины недоступной[2]). Въ средневѣковомъ обществѣ, не знавшемъ института либертъ и читавшемъ любовные трактаты Овидія, его ученіе могло быть примѣнено лишь къ нелегальнымъ отношеніямъ; оно попадало въ теченіе фабліо или суроваго обличенія, но нашло и развитіе — благодаря софизму рыцарской любви, поднявшему значеніе Амура до мнимаго забвенія плоти. Въ его освѣщеніи женщина представлялась уже не безправнымъ виртуозомъ физіологической страсти, | а носительницей идеала; и для
528 нея нѣтъ обычнаго критерія нравственности, какъ для древней либерты, но потому что она подсудна одному лишь одухотворенному Амуру. Чувство искупало само себя внѣ обязательности долга и обычая, освящая мимоходомъ и естественныя требованія чувственности.

Между тѣмъ, съ долгомъ и обычаемъ приходилось считаться: житейская практика и житейскіе сюжеты Декамерона указывали на извѣстныя ограниченія. Когда въ Амето нимфы разсказывали о своихъ привязанностяхъ, отвлеченный характеръ среды смягчалъ отношенія, не поднимая вопросовъ о противорѣчіяхъ любви и долга; но уже Фьямметта, оставленная Памфило, плачется, что ради него она презрѣла законъ, попрала святость брака, и вотъ въ Декамеронѣ Неифила доказываетъ что «женщинѣ подобаетъ особенно быть честной, соблюдая, какъ жизнь, свое цѣломудріе»; если онѣ не въ состояніи соблюсти его въ «полнотѣ» и подчинятся могучимъ силамъ любви — онѣ найдутъ «въ глазахъ не слишкомъ строгаго судьи» снисхожденіе къ своей слабости[3]), ибо онѣ нѣжнѣе и подвижнѣе мужчинъ, доступнѣе гнѣву[4]), вмѣстѣ съ тѣмъ упрямы,

1) Art. Am., I, 341.
2) Ib., I, 269—70.
3) VIII, 1.
4) IV, 3.

подозрительны, малодушны и страшливы и не могутъ обойтись безъ руководителей. Такъ говоритъ Пампинея[1]); естественный руководитель женщины—мужчина, «самое благородное животное изъ всѣхъ смертныхъ, созданныхъ Богомъ»[2]), вторитъ Филомена, а Эмилія подтверждаетъ это практическимъ совѣтомъ. «Если здраво взвѣсить порядокъ вещей, говоритъ она,—легко убѣдиться, что бо́льшая часть женщинъ вообще природой, правами и законами подчинена мужчинамъ и должна быть управляема и руководима по ихъ благоусмотрѣнію; потому всякой изъ нихъ, желающей обрѣсти миръ, утѣху и покой у тѣхъ мужчинъ, къ которымъ она близка, подобаетъ быть смиренной, терпѣливой | и послушной, 529
и прежде всего честной; въ этомъ высшее и преимущественное сокровище всякой разумной женщины. Если бъ насъ не научали тому и законы, во всемъ имѣющіе въ виду общее благо, обычаи или, если хотите, нравы, сила которыхъ такъ велика и достойна уваженія, то на то указываетъ намъ очень ясно сама природа, сотворившая намъ тѣло нѣжное и хрупкое, духъ боязливый и робкій, давшая намъ лишь слабыя тѣлесныя силы, пріятный голосъ и мягкія движенія членовъ: все вещи, свидѣтельствующія, что мы нуждаемся въ руководствѣ другого . . . . А кто наши правители и помощники, если не мужчины? Итакъ, мы обязаны подчиняться мужчинамъ и высоко уважать ихъ; кто отъ этого отдаляется, ту я считаю достойной не только строгаго порицанія, но и суроваго наказанія . . .». Есть у мужчинъ такая поговорка: «доброму коню и лѣнивому коню надо погонялку, хорошей женщинѣ и дурной женщинѣ надо палку . . . Всѣ женщины по природѣ слабы и падки, потому для исправленія злостности тѣхъ изъ нихъ, которыя дозволяютъ себѣ излишне переходить за положенныя имъ границы, требуется палка, которая бы ихъ покарала; а чтобы поддержать добродѣтель тѣхъ, которыя не даютъ увлечь себя черезъ мѣру, необходима палка, которая бы поддержала ихъ и внушила

1) Дек., вступленіе = пер. I, стр. 16.
2) II, 9.

страхъ»[1]). Хуже, если ихъ вѣтреность и неразуміе вызоветъ жестокую кару, въ родѣ кары школяра надъ поглумившейся вдовой[2]).

Итакъ, съ одной стороны побѣдныя силы Амура, съ другой — законы, обычаи и нравы; спросъ естественнаго чувства — и цѣломудріе; Беатриче[3]) и Лидія[4]), артистически обманывающія своихъ мужей — и честныя жены: маркиза Монферратская, спокойно-
530 разумно укрощающая вожделѣніе французскаго короля[5]), | жена Бернабò, торжествующая надъ злостнымъ навѣтомъ, которому повѣрилъ ея мужъ[6]), Джилетта изъ Нарбонны, энергически добивающаяся правъ супруги[7]), Гризельда, добродѣтельная жена, фиктивно лишенная этихъ правъ самодурствомъ мужа[8]). Рядомъ съ откровеннымъ требованіемъ свободы выбора и свободы чувства у Гисмонды[9]) и англійской королевны[10]) — похвала великодушію Джентиле[11]), что онъ отказался отъ своихъ внѣшнихъ правъ на женщину, которая его не любила, или дружба Джизиппо, уступившаго Титу свою невѣсту, причемъ одинъ не предупредилъ ее, другой обманулъ, а она, «какъ женщина умная, обративъ необходимость въ долгъ», быстро перенесла свою любовь на другого»[12]).

Какъ объяснить эти противорѣчія идеаловъ любви и долга? Протоколизмомъ ли художника, останавливающагося на каждомъ жизненномъ явленіи въ отдѣльности, оцѣнивающаго его въ немъ самомъ и имъ самимъ и изъ него же извлекающаго его философію?

---

1) IX, 9 = пер. I, стр. 230—1.
2) VIII, 7.
3) VII, 7.
4) VII, 9.
5) I, 5.
6) II, 9.
7) III, 9.
8) X, 10.
9) IV, 1.
10) II, 3.
11) X, 4.
12) X, 8.

Но противорѣчіе лежитъ, очевидно, не въ качествахъ художественнаго пріема, а въ самомъ міросозерцаніи Декамерона. Въ пору страстныхъ увлеченій и «неупорядоченныхъ желаній» [1]), Боккаччьо могъ вѣрить въ рѣшающую, обязательную силу любви, не знающей счетовъ съ какими бы то ни было законами, исходящими изъ другого источника. Тогда онъ былъ влюбленъ, и сомнѣнія Фьямметты его не убѣдили [2]). Но періодъ страстности прошелъ, и такому вдумчивому и чуткому наблюдателю жизни, какъ Боккаччьо, нельзя было удержаться при прежнемъ обобщеніи; на это былъ способенъ лишь такой педантъ и моралистъ, | нотаріусъ и поэтъ, 531
какъ Франческо да Барберино, наивно соединившій въ своемъ женскомъ Домостроѣ [3]) обрядовой укладъ итальянской семьи съ вынесенными изъ Прованса выспренними наставленіями Амура [4]). Но это не Амуръ юнаго Боккаччьо, а благо вообще, или, еще скучнѣе и отвлеченнѣе: «начало, посредствующее между двумя крайностями, въ силу котораго онѣ держатся вмѣстѣ» [5]); любовь божественная, любовь мірская, въ которой аллегорія силится раскрыть отношенія къ божественной, но во всякомъ случаѣ любовь законная, не та, которая, не заслуживая этого названія, не что иное, какъ бѣшенство. Такъ объясняетъ самъ авторъ въ комментаріи къ своимъ Documenti [6]); такова и точка зрѣнія его Домостроя, Reggimento, писаннаго о женщинахъ, не для нихъ, ибо мессеръ Франческо не одобряетъ, чтобы дѣвушку средняго класса учили читать и писать: женщина и безъ того не расположена къ добру, а писаніе даетъ ей поводъ и къ злу [7]). Его идеалъ,

1) Дек., введеніе = пер. I, стр. 1.

2) Сл. выше стр. 171 слѣд.

3) Del Reggimento e dei costumi delle donne, нап. въ 1308 году.

4) Documenti d'Amore, 1314—15 г.

5) Del Reggimento, ed. Baudi di Vesme, Bologna, 1875, стр. 413.

6) Сл. Thomas, Francesco da Barberino, Paris, 1883, стр. 52, 56, 81.—*Сл. Arch. stor. italiano, S. V, XIII, 1: Marchesini, Tre pergamene autografe di ser Lapo Gianni (между прочимъ объ его отношеніяхъ къ Franc. da Barberino).

7) Del Reggimento, l. c., стр. 40—42. * Сл. Breve consiglio di Paolo da Certaldo, ed. S. Morpurgo (Firenze, 1892): E s'el è fanciullo femina, falla a chuscire, e non a leggere, che non istà troppo bene a una femina sapere leggere.

подсказанный ему какимъ-то провансальскимъ дидактикомъ[1]), вспомнившимъ, быть можетъ, извѣстную эпитафію римской матроны,[2]) — это женщина, сидящая за прялкой, прядущая безъ узловъ, не роняющая веретена[3]). Наставляя дамъ въ «вопросахъ любви», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ любовныя бесѣды и не совѣтуетъ сажать влюбленныхъ рядомъ[4]).

Въ годъ смерти мессера Франческо († 1348) Боккаччьо воображаетъ себѣ въ флорентійской подгородной виллѣ общество молодыхъ дамъ въ бесѣдахъ, которыя заставили бы призадуматься почтеннаго нотаріуса флорентійскаго епископа. Бойкія, смышленыя, онѣ хохочутъ надъ чинными, разряженными простухами, представительницами обрядового этикета, не умѣющими
532 «вести бесѣду въ обществѣ женщинъ и достойныхъ мужчинъ»[5]). Онѣ изъ тѣхъ, которыя не удовлетворяются иглой, веретеномъ и мотовиломъ[6]), хотя и говорятъ о себѣ противное. Жена Бернабò[7]) отличается почти мужскимъ образованіемъ; мы знаемъ, что̀ читала Фьямметта; Боккаччьо посвящаетъ ей свои произведенія, Андреинѣ Аччьяйоли — свою книгу объ Именитыхъ женщинахъ; Филиппо Чеффи переводитъ, по просьбѣ мадонны Лизы Перуцци, Героиды Овидія, «книгу о женщинахъ», какъ ее называли. У собесѣдницъ Декамерона было о чемъ разсказать, и онѣ разсказываютъ, поднимаютъ общіе вопросы, смѣются надъ ловкой продѣлкой, порой краснѣютъ при излишней откровенности собесѣдника[8]), приводя его къ порядку, иногда обходясь смѣхомъ[9]); шаловливо откро-

1) Raimondo d'Angiò.

2)*«Она охраняла домъ, пряла шерсть. Я сказалъ: прости, прохожій!».

3) Del Reggimento, l. c., стр. 173.

4) Комментаріи къ Documenti d'Amore, сл. Thomas, l. c., стр. 113.

5) I, 10 = пер. I, стр. 65.

6) Дек., введеніе = пер. I, стр. 3; сл. De Claris Mul., гл. 54: о художницѣ Thamyris = Timarete Плинія Hist. Nat., XXXV, 59, 147: equidem laudabile plurimum, si propectemus fusos et calathos aliarum.

7) Дек., II, 9.

8) I, 5 и passim; сл. V, 10 = пер. I, стр. 415.

9) III, 10 = пер. I, стр. 267; V, 5 = пер. I, стр. 377; VIII, 3 = пер. II, стр. 114; VIII, 10 = пер. II, стр. 179.

венныя[1]), не такъ педантично, какъ дамы капеллана Андрея[2]), онѣ умѣютъ сорвать розу, минуя шипы[3]), и въ общемъ становятся выше того, что скажутъ; «лишь бы жить честно, и не было у меня угрызеній совѣсти, а тамъ пусть говорятъ противное», ободряетъ себя Филомена[4]). И Боккаччьо разсказываетъ имъ не однѣ лишь назидательныя повѣсти, и не объ отвлеченномъ Амурѣ мессера Франческо, а о любви, какъ она есть, во всѣхъ ея проявленіяхъ, о долгѣ, какъ онъ понимается и какъ доходитъ до героизма. Не онъ изобрѣлъ скоромную новеллу, она существовала ранѣе, въ грубо-откровенныхъ формахъ фабліо̀, и блюстителямъ конфессіональной нравственности слѣдовало бы обратить свои громы на | всѣ средніе вѣка; она была откровеннѣе нашего, но 533
откровенность не предполагаетъ необходимо цинизмъ настроенія: monna Bombacaia изъ Пизы, графиня di Montescudaio (XIII в.) была женщина добродѣтельная и цѣломудренная по свидѣтельству Sercambi, а ея нынѣ утраченные Detti d'Amore отличались далеко не скромнымъ характеромъ[5]). Не Боккаччьо принадлежитъ починъ реабилитаціи плоти, но онъ не даромъ вчитался въ Овидія: плоть стала у него изящнѣе, красота идетъ выше вожделѣнія, софизмы капеллана Андрея приводятъ къ серьезной постановкѣ вопроса: о правахъ свободнаго чувства. Нападенія на упадокъ церковной жизни, на нравственную распущенность клериковъ, тоже не новшество: вспомнимъ нареканія Даміани, для Византіи—обличенія Евстаѳія Солунскаго и Ѳеодора Продрома. И здѣсь, какъ въ проповѣди любви, за откровеніями фабліо̀ остается преимущество давности, но Боккаччьо первый внесъ всѣ эти сюжеты въ бесѣды культурнаго кружка: и розсказни о шашняхъ злыхъ женъ, о продѣлкахъ монаховъ, и серьезную инвективу на нравы римской куріи;

---

1) III, 3 въ концѣ.
2) Сл. lib. I, c. VI, стр. 209—11.
3) Дек., V, 10 = пер. I, стр. 408; сл. выше стр. 510—11, прим. 7.
4) Дек., вступленіе, = перев. I, стр. 17.
5)*Сл. замѣчаніе Novati, по поводу изслѣдованія Zenatti, въ Giorn. stor. d. lett. ital., fasc. 82—3, стр. 115 слѣд.

и не только перенесъ все это въ салонъ, но и облекъ въ изысканную форму то, что до него туго проникало въ изящную литературу: онъ создалъ новеллу въ «удовольствіе» читающимъ дамамъ.

Это было новшество, и оно встрѣтило противорѣчія, на которыя Боккаччьо отвѣтилъ; но онѣ заставили его самого задуматься. Въ началѣ IV-го дня онъ устраняетъ нѣкоторыя сомнѣнія, вызванныя разсказами первыхъ трехъ дней. Они исходили, очевидно, изъ литературныхъ кружковъ; говорили серьезные люди, пуристы, люди благочестиваго закала съ схоластической жилкой, въ родѣ Франческо да Барберино. Однимъ казалось неприличнымъ, что человѣкъ на четвертомъ десяткѣ болтаетъ о женщинахъ и любви и старается угодить дамамъ. Боккаччьо отвѣтилъ имъ примѣрами Гвидо Кавальканти, Данте, Чино изъ Пистойи — и ссылкой на прелестную новеллу о старикѣ маэстро Альберто[1]): всѣ они, уже зрѣлые, находили въ культѣ женщинъ и честь и удовольствіе. Другіе утверждали, что авторъ поступилъ бы умнѣе, если бъ оставался «съ музами на Парнасѣ», а не занимался бы такой болтовней, баснями, не приносящими заработка. Такъ говорили
534 люди, видимо, соболѣзновавшіе о моей славѣ, ирони|чески замѣчаетъ Боккаччьо и отшучивается: съ музами хорошо быть, но не всегда возможно, въ такихъ случаяхъ полезно бываетъ общество имъ подобныхъ, ибо музы — женщины. «Не говоря уже о томъ, что женщины были мнѣ поводомъ сочинить тысячу стиховъ, тогда какъ музы никогда не дали мнѣ повода и для одного. Правда, онѣ хорошо помогали мнѣ, показавъ, какъ сочинить эту тысячу и, можетъ быть, и для написанія этихъ разсказовъ, хотя и *скромнѣйшихъ*, онѣ нѣсколько разъ явились, чтобы побыть со мною..., почему, сочиняя эти разсказы, я не удаляюсь ни отъ Парнаса, ни отъ музъ»[2]).

Музы и Парнасъ — это, очевидно, требованіе серьезной поэзіи, латинской или итальянской, дидактической или любовной,

1) I, 10.

2) Дек., вступленіе = перев. I, стр. 276.

но высокаго стиля, къ которому пріучили поэты тосканской школы. Боккаччьо отстраняетъ отъ себя эти требованія: онъ не затѣвалъ ничего серьезнаго, его разсказы—«скромнѣйшіе», написаны не только народнымъ флорентинскимъ языкомъ, въ прозѣ и безъ претензіи, но и, насколько возможно, скромнымъ и простымъ стилемъ [1]). Въ этомъ оправданіи есть и самоуничиженіе, порой посѣщавшее Боккаччьо, и сознаніе несоразмѣрности непритязательнаго литературнаго рода, который онъ создавалъ, съ другими, упроченными въ преданіи; на эти мотивы указано было выше [2]); чувствуется и ловкій полемическій пріемъ и, можетъ быть, нѣкоторая доля сомнѣнія — въ правѣ своего новшества. Но сомнѣнія проходили, и Боккаччьо поднимался во весь ростъ: онъ говорилъ тогда о бурномъ вихрѣ зависти и считалъ себя — поэтомъ; многіе поэты, «занимаясь своими баснями, прославили свой вѣкъ, тогда какъ, наоборотъ, многіе, искавшіе хлѣба болѣе, чѣмъ имъ было нужно, погибли». Потому «да умолкнутъ хулители»; онъ будетъ продолжать свой Декамеронъ [3]).

Таковъ его отвѣтъ серьезнымъ людямъ, литераторамъ; въ | концѣ книги другой — читателямъ, или скорѣе, читательницамъ, 535 потому что Декамеронъ написанъ для нихъ, но за нами стоятъ, несомнѣнно, тѣ же серьезные люди и правятъ ихъ взгляды. Боккаччьо предупреждаетъ ихъ «молчаливые вопросы» и даетъ на нихъ отвѣтъ: инымъ не нравится та или другая новелла — но совершенство дано только Богу; есть разсказы слишкомъ длинные, но онъ писалъ лишь для тѣхъ, у кого есть досугъ; его упрекаютъ за пристрастіе къ острымъ словамъ и прибауткамъ — онъ благодаритъ за замѣчаніе, но ссылается на монаховъ, которые уснащаютъ такимъ образомъ свои проповѣди, и иронически устраняетъ укоръ, будто у него языкъ злой и ядовитый, потому что ему случается говорить о монахахъ — правду. Но въ центрѣ «молча-

1) l. c., стр. 271.
2) Стр. 502 слѣд.
3) Дек., вступленіе, l. c., стр. 277.

ливыхъ вопросовъ» стоитъ одинъ, на которомъ Боккаччьо останавливается особенно подробно, съ котораго и начинаетъ свою защиту: вопросъ о пристойности. «Можетъ быть, иныя изъ васъ скажутъ, говоритъ онъ, что, сочиняя эти новеллы, я допустилъ слишкомъ большую свободу, напр., заставивъ женщинъ иногда разсказывать и очень часто выслушивать вещи, которыя честнымъ женщинамъ не прилично ни сказывать, ни выслушивать» [1]). Это возраженіе Боккаччьо предусмотрѣлъ уже въ вступленіи въ Декамеронъ: онъ не называетъ своихъ разсказчицъ ихъ настоящими именами, потому что, говоритъ онъ, «я не желаю, чтобы въ будущемъ кто-нибудь изъ нихъ устыдился за слѣдующія повѣсти, разсказанныя, либо слышанныя ими, ибо границы дозволенныхъ удовольствій нынѣ болѣе стѣснены, чѣмъ въ ту пору, когда въ силу указанныхъ причинъ онѣ были свободнѣйшими не только по отношенію къ ихъ возрасту, но и къ гораздо болѣе зрѣлому; я не хочу также, чтобы завистники, всегда готовые укорить человѣка похвальной жизни, получили поводъ умалить въ чемъ бы то ни было честное имя достойныхъ женщинъ своими непристойными
536 рѣчами» [2]). Удаливъ такимъ | образомъ возможность личныхъ нападокъ, онъ на всемъ протяженіи Декамерона не счелъ нужнымъ сузить границы «дозволеннаго» и не разъ предупреждаетъ о томъ отъ лица Діонео, ссылаясь на условія времени [3]); если разсказы нѣсколько свободны, «то не затѣмъ, чтобы воспослѣдовало отъ того что-либо непристойное въ поступкахъ, а дабы доставить удовольствіе вамъ и другимъ... Кромѣ того ваше общество вело себя съ перваго дня и по сей часъ достойнѣйшимъ образомъ, о чемъ бы тамъ ни разсказывали, и, мнѣ кажется, никакимъ дѣйствіемъ себя не запятнало и не запятнитъ съ помощью Божіей» [4]). Въ другомъ мѣстѣ [5]) Діонео допускаетъ, что среди

1) Заключеніе автора = пер. II, стр. 332.
2) Дек., вступленіе = пер. I, стр. 12—13.
3) Сл. выше стр. 453—4.
4) VI, 10 = пер. II, стр. 37.
5) X, 10 = пер. II, стр. 328—9.

нихъ разсказывались «новеллы веселыя и, можетъ быть, увлекавшія къ вожделѣнію», но онѣ опасны лишь для «слабыхъ духомъ», не для нихъ. Въ заключеніи Декамерона Боккаччьо еще разъ возвращается къ мотиву чумы, напоминая, что бесѣды велись «не въ церкви, о дѣлахъ которой слѣдуетъ говорить въ чистѣйшихъ помыслахъ и словахъ (хотя въ ея исторіи встрѣчаются во множествѣ разсказы куда какъ отличные отъ написанныхъ мною), и не въ школахъ философіи,... а въ садахъ, въ увеселительномъ мѣстѣ, среди молодыхъ женщинъ, хотя уже зрѣлыхъ и неподатливыхъ на розсказни, и въ такую пору, когда для самыхъ почтенныхъ людей было не неприличнымъ ходить со штанами на головѣ во свое спасеніе» [1]).

Но историческій мотивъ чумы былъ недостаточенъ, нареканія въ непристойности требовали другого отвѣта, и Боккаччьо даетъ его. — «Разсказы эти, говоритъ онъ, каковы бы они ни были, могутъ вредить и быть полезными, какъ то можетъ все другое, смотря по слушателю». Кто не знаетъ, что вино, огонь, оружіе приносятъ и пользу и вредъ? «Ни одинъ испорченный умъ никогда не понялъ здраво ни одного слова, и какъ приличныя слова ему не на пользу, такъ слова и не особенно приличныя не могутъ |
загрязнить благоустроенный умъ, развѣ такъ, какъ грязь мараетъ 537
солнечные лучи, и земныя нечистоты — красоты неба.... Всякая вещь сама по себѣ годна для чего-нибудь, а дурно употребленная можетъ быть вредна многимъ; то же говорю я о моихъ новеллахъ. Кто пожелалъ бы извлечь изъ нихъ худой совѣтъ и худое дѣло, онѣ никому того не воспрепятствуютъ, если случайно что худое въ нихъ обрѣтется, и ихъ станутъ выжимать и тянуть, чтобы извлечь его; а кто пожелаетъ отъ нихъ пользы и плода, онѣ въ томъ не откажутъ, и не будетъ того никогда, чтобъ ихъ не сочли и не признали полезными и приличными, если ихъ станутъ читать въ такое время и такимъ лицамъ, въ виду которыхъ и для которыхъ онѣ и были разсказаны» [2]).

---

1) Дек., заключеніе = перев. II, стр. 333.

2) l. c., стр. 333—334.

Это почти выраженія, которыми Овидій защищаетъ свою Ars Amandi: онъ также не совращалъ къ грѣху[1]); нѣтъ такой книги, изъ которой женщина, настроенная порочно, не почерпнула бы новой для себя пищи. Раскроетъ она анналы: онѣ разскажутъ ей, какъ Илія стала матерью, какъ произошла Венера. Изъ этого не выходитъ однако жъ, что всѣ книги вредны. Что полезнѣе огня? Но онъ служитъ орудіемъ поджигателямъ; врачебное искусство и губитъ и лѣчитъ, научая распознавать какъ полезныя, такъ и вредныя травы; и разбойникъ и осмотрительный путникъ одинаково опоясываются мечемъ, краснорѣчіе можетъ защитить виновнаго и обрушиться на невиннаго; такъ и мое твореніе, если читать его, какъ слѣдуетъ, никому не можетъ повредить, а кто выноситъ изъ него вредное, тотъ его не понялъ[2]). Потому не грѣхъ слагать шаловливые стихи[3]): цѣломудреннымъ достоитъ читать о многомъ, чего не подобаетъ творить; а испорченные умы способны отъ всего совратиться[4]). Иначе пришлось
538 бы закрыть циркъ и храмы, запретить мимы, сказать объ | Иліадѣ, что это повѣсть прелюбодѣянія, что Одиссея — разсказъ о женѣ, любви которой, въ отсутствіе мужа, добивались многіе; вѣдь и серьезнѣйшій изъ литературныхъ родовъ, трагедія, полна самыхъ порочныхъ проявленій любви[5]).

Итакъ: для чистаго сердцемъ все чисто, говоритъ Овидій, утверждаетъ и Боккаччьо, тѣмъ спокойнѣе, что онъ принялъ къ тому и кое-какія мѣры: «нѣтъ столь неприличнаго разсказа, увѣряетъ онъ насъ, который, если передать его въ подобающихъ выраженіяхъ, не былъ бы подъ-стать всякому; и мнѣ кажется, я исполнилъ это, какъ слѣдуетъ»[6]). Нѣтъ сомнѣнія, что онъ никогда не усиливаетъ извѣстныхъ соблазнительныхъ положеній, что обра-

1) Trist., II, 212: obsceni doctor adulterii.
2) l. c., v. 278: Et nimium scriptis arrogat ille meis.
3) l. c., v. 307: versus evolvere mollis.
4) l. c., v. 301.
5) Сл. l. c., v. 178.
6) Дек., заключеніе = пер. II, стр. 332.

зованные флорентійцы XIV-го вѣка смотрѣли на многія вещи проще, чѣмъ смотримъ мы, не знали той vaine superstition de paroles, которую Монтэнь предоставляетъ женщинамъ; тѣмъ не менѣе самъ авторъ допускаетъ, что въ иныхъ новеллахъ встрѣчается «кое-что такое»[1]), то-есть, нѣчто опасное не для однихъ «слабыхъ духомъ». Интересно его оправданіе: если соблазнительное осталось, «то того требовало качество разсказовъ, на которые если взглянуть разсудительнымъ окомъ человѣка понимающаго, то станетъ очень ясно, что иначе ихъ и нельзя было разсказать, если бъ я не пожелалъ отвлечь ихъ отъ подходящей имъ формы»[2]). Онъ могъ ихъ не разсказывать, и если разсказалъ, то въ утѣшеніе «прелестнымъ дамамъ»: замкнутыя въ своихъ покояхъ, связанныя волею близкихъ, онѣ часто питаютъ въ своей груди любовное пламя, тая его отъ страха и стыда, желая и не желая вмѣстѣ[3]). Новеллы о разныхъ случайностяхъ любви не только попадали въ ихъ настроеніе, но и очищали страстность сочувствіемъ или смѣхомъ; такъ отводилъ душу молодой Боккаччьо, такъ утѣшалась
Фьямметта, вычитывая въ | книгахъ все, что напоминало ей объ 539
ея отношеніяхъ къ Памфило[4]); учительный элементъ привходилъ въ новеллы, какъ естественный результатъ успокоеннаго размышленіемъ чувства.

Такъ могъ увѣрять себя Боккаччьо; но не всѣ ему вѣрили. Уже въ древнѣйшемъ, дошедшемъ до насъ спискѣ Декамерона (1384 года) онъ носитъ и другой титулъ, данный ему, очевидно, не авторомъ: Начинается книга, называемая Декамеронъ, прозванная Principe Galeotto. Всѣмъ извѣстенъ разсказъ Франчески изъ Римини, какъ она и Паоло читали однажды о Ланцелотѣ и обуявшей его любви; они не разъ встрѣчались глазами, блѣднѣли, но одинъ моментъ ихъ побѣдилъ: когда они дошли до того мѣста, гдѣ Ланцелотъ поцѣловалъ свою желанную, Паоло запечатлѣлъ

---

1) l. c.

2) l. c.

3) Дек., введеніе = пер. I, стр. 2.

4) Сл. выше стр. 111, 118—9, 412—3.

дрожащій поцѣлуй на устахъ Франчески. Въ тотъ день они больше не читали; «Галеотто звалась та книга, и кто писалъ ее, былъ для насъ Галеотто»[1]). Галеотто — это Gallehaut старо-французскаго романа о Ланцелотѣ: онъ первый подмѣтилъ тайную страсть Ланцелота къ Джиневрѣ и помогъ обоюдному признанію. Въ этомъ смыслѣ Франческа могла сказать, что романъ, сблизившій ее съ Паоло, былъ для нихъ Галеотто, и такое прозвище, данное Декамерону, не имѣетъ другого значенія: его новеллы возбуждали нечестныя мысли, потакали страсти. — Обвиненіе въ непристойности уже готовилось перейти къ укору въ безнравственности.

Но раздавались и другіе голоса, голоса идеальныхъ читателей Декамерона, какихъ желалъ себѣ Боккаччьо. Вотъ что писалъ одинъ изъ безыменныхъ его современниковъ въ видѣ предисловія къ выборкѣ бесѣдъ учительнаго содержанія и канцонъ Декамерона:

«Великой славы заслуживаетъ имя того, кто находитъ удовольствіе въ упражненіяхъ, ведущихъ къ утѣшенію прелестнѣйшихъ дамъ, ибо похвальное дѣло увеселять тѣхъ, отъ кого міръ |
540 состоитъ въ веселіи. У кого больше умѣнія и знанія, тотъ долженъ положить на это дѣло и больше старанія: мудрые поэты, слагая занимательныя книги, изобилующія нравоученіемъ, дабы, читая ихъ, либо слушая ихъ чтеніе, онѣ получили удовольствіе и пользу; музыканты, сочиняя баллаты и мадригалы, дабы, распѣвая ихъ, либо слушая ихъ пѣніе, онѣ восприняли любовное наслажденіе; и такъ постепенно каждый, совершая то, что по его понятію можетъ особенно понравиться ихъ нѣжнымъ умамъ. Такимъ образомъ, оправдывается то, чему научаютъ насъ многіе мудрые люди: что веселая жизнь поддерживаетъ долгую молодость. Какое дѣло похвальнѣе того, которое блюдетъ прекрасную женщину веселой въ ея юности? Не буду излишне распространяться, доказывая вамъ, что прелестныхъ дамъ слѣдуетъ нарочито почитать, ибо доблест-

---

1) Inf., V, v. 127 слѣд.

ные мужи прошлыхъ временъ дали тому явный примѣръ: глубокіе ученые предоставили къ ихъ услугамъ свое знаніе и опытомъ показали, что онѣ достойны высочайшаго почета; то же дѣлали храбрѣйшіе воины, изъ любви къ дамѣ на смерть сражаясь на турнирахъ; иные поэты сравнивали дамъ съ ангельскими ликами. Какой праздникъ бываетъ хорошъ, если не скрашиваетъ его множество привлекательныхъ, красивыхъ женщинъ? Въ какомъ домѣ весело, если въ немъ нѣтъ веселой женщины? Разумѣется, все это должно быть ясно для всякаго, ибо не только міряне, но и духовныя лица тайно держатся того же мнѣнія. Смѣю сказать по правдѣ: нѣтъ столь строгаго проповѣдника, порицающаго красоту и наряды женщинъ, который застоялся бы на каѳедрѣ, если бъ не видѣлъ кругомъ себя вдовыхъ и замужнихъ дамъ; порой онъ вставляетъ въ проповѣдь, рядомъ съ евангельскими разсказами, какую-нибудь новеллу, лишь бы разсмѣшить ихъ; только довѣрься имъ, такъ отъ смѣха не далеко было бы и до кое-чего другого. Иной разъ въ церкви какой-нибудь охочій магистръ или баккалавръ толкуетъ четыремъ или шести сидящимъ у ногъ его дамамъ о житіяхъ святыхъ, порой внушая имъ, сколь полезно частое посѣщеніе монастырской церкви, то-
есть, живущихъ тамъ монаховъ; и о мно|гомъ другомъ еще гово- 541
ритъ онъ, согласно съ ихъ желаніемъ; если бъ келарь позвонилъ тогда къ трапезѣ, онъ не поднялся бы съ мѣста, забылъ бы о пищѣ и питьѣ, лишь бы продлить бесѣду. Одной даетъ сшить себѣ сорочку, другой—скапуларій и говоритъ: Эти портные портятъ намъ всѣ платья, шить не умѣютъ, а вотъ дамы, такъ тѣ работаютъ хорошо: мелкими стежками строчатъ, точно бисеромъ нижутъ, штопка у нихъ двойная, все-то у нихъ ладится! Такъ, порицая ихъ съ амвона и тайно похваливая, они чаютъ отъ нихъ услугъ, но Господь да накажетъ ту, которая послужитъ кому-нибудь изъ нихъ инымъ, чѣмъ шитьемъ, ибо это было бы знакомъ низкаго, преступнаго духа, и да приключится съ нею, что случилось съ одной моей сосѣдкой: была она въ бѣломъ платьѣ, но когда обнялась съ монахомъ и потерлась объ его черныя одежды, юбка

у ней спереди стала вся сѣрая, такъ что когда она вышла изъ комнаты, куда удалилась съ монахомъ подъ предлогомъ исповѣди, родственницы той дамы сказали ему: На здоровье вамъ новая ряса, честный отецъ, очень ужъ она красива, да такъ хорошо выкрашена, что своею тѣнью окрашиваетъ чужое платье! Какъ замѣтилъ это монахъ, застыдился, спустился по лѣстницѣ и никогда болѣе не посмѣлъ возвращаться туда. Довольно будетъ монахамъ—монахинь и святошъ, ибо, по словамъ учителя[1]), монахини—ихъ духовныя жены... Да покараетъ ихъ Господь, ибо они болѣе падки на мірское, чѣмъ на духовное, такъ что, согласно съ пророчествомъ, надо полагать, что Антихристъ народится, либо уже народился.

«Но, достойнѣйшія дамы, не станемъ говорить болѣе, изъ уваженія къ священному сану, о похвальныхъ дѣлахъ духовныхъ лицъ, ибо о томъ пришлось бы толковать слишкомъ много, а обратимся къ похвалѣ тѣхъ, которые, изъ уваженія къ вамъ, приложили трудъ къ изобрѣтенію нѣкоторыхъ прекрасныхъ и пріятныхъ твореній. Въ числѣ прочихъ, о которыхъ я теперь припоминаю, особой похвалы и славы заслуживаетъ мессеръ Джьованни ди Боккаччьо, которому да пошлетъ Господь долгую и |
542 счастливую жизнь по его желанію. Онъ въ короткое время написалъ много прекрасныхъ и потѣшныхъ книгъ, въ прозѣ и стихахъ, въ честь прелестныхъ дамъ, великодушные помыслы которыхъ обращены на все пріятное, ведущее къ добродѣтели; читая тѣ книги и прекрасные разсказы, или слушая ихъ, онѣ находятъ въ томъ высокое удовольствіе и развлеченіе, отчего ему прибываетъ хвалы, а вамъ утѣшенія. Между прочимъ сочинилъ онъ отличную и занимательную книгу, подъ заглавіемъ Декамеронъ». Анонимный авторъ предполагаетъ, что дамамъ его уже читали, и потому кончаетъ свое введеніе перечнемъ его разсказчиковъ и разсказчицъ [2]).

---

1) Maestro delle sentenze.

2) Сл. Biagi въ Rivista Critica d. lett. ital., I, № 2, стр. 61—2.

Таковы были сужденія, вызванныя первымъ появленіемъ
Декамерона: одни хвалили его назидательность, элементъ вдумчи-
выхъ бесѣдъ, другіе называли его «Галеотто», очевидно, еще
безъ того зловѣщаго значенія, какое придали ему впослѣдствіи,
когда паденіе нравственности усилило требованія пристойности,
и анекдоты о монахахъ получили значеніе не только религіознаго
протеста, но и опаснаго или подозрительнаго вольнодумства. Въ
концѣ Декамерона[1]) Боккаччьо отдѣлался шуткой отъ упрека,
что у него языкъ злой и ядовитый, ибо онъ пишетъ правду — о
монахахъ; позднѣе эти нареканія подѣйствовали на него серьез-
нѣе: въ письмѣ къ Магинарду деи Кавальканти онъ стыдится
Декамерона, какъ грѣха юности; это было въ 1373 году; между
тѣмъ, въ послѣдней книгѣ Генеалогій Боговъ[2]), законченныхъ
почти одновременно, чувствуется еще какъ бы отголосокъ про-
теста, слабое eppur si muove. Защищая противъ хулителей поэзіи
родъ разсказовъ, повѣстей, fabellae, Боккаччьо повторяетъ зна-
комые намъ аргументы, что новеллы развлекаютъ, отводя груст-
ныя мысли, очищая вожделѣніе, заставляя переживать его въ
умѣ. «Разсказы нерѣдко освѣжали усталый духъ именитыхъ
людей, занятыхъ важными дѣлами, что̀ доказывается не одними |
лишь примѣрами древности, ибо мы видимъ, что правители, по- 543
кончивъ съ серьезными государственными вопросами, призы-
ваютъ къ себѣ, точно по природному внушенію, людей, которые
веселыми разсказами ободрили бы ихъ духъ и павшія силы.
Нерѣдко разсказы доставляли утѣшеніе людямъ, отягченнымъ
судьбой, какъ у Луція Апулея благородная дѣва Харита, опла-
кивавшая свою долю въ плѣну у разбойниковъ, нѣсколько раз-
влеклась повѣстью о Психеѣ, которую разсказала ей старуха».
Иной разъ басни поднимали коснѣющій умъ; не буду говорить о
людяхъ мелкихъ, ибо мнѣ, продолжаетъ Боккаччьо, проводя со
словъ Якова да Санъ Северино анекдотъ его отца о королѣ Робертѣ,

1) Дек., заключеніе = пер. II, стр. 335—6.
2) XIV, с. 9.

какъ ему въ молодости не давалась грамотность, пока ловкій педагогъ не развилъ въ немъ охоты къ знанію — баснями Эзопа. Такъ вотъ каковы басни: неученыхъ они прельщаютъ внѣшней канвой, ученыхъ — скрытымъ въ нихъ смысломъ; кто хулитъ ихъ, высокомѣрно осуждая поэтовъ, пусть сначала очистится отъ собственныхъ мерзостей, оглянется на себя, къ какимъ непристойностямъ самъ онъ нерѣдко прибѣгаетъ, чтобы потѣшить дамъ, и тогда пусть попытается очистить чужіе разсказы, поминая слова Спасителя — о блудницѣ.

Были еще средніе, настоящіе читатели Декамерона: имъ онъ нравился пестрымъ разнообразіемъ своихъ типовъ, своей веселостью и разлитой повсюду поэзіей любви; полу-школьная, полународная легенда, привязавшаяся къ Чертальдо, служитъ тому выраженіемъ. Неаполитанскія повѣрья сдѣлали Виргилія — магомъ; въ преданіяхъ Сульмоны Овидій является мудрецомъ, волшебникомъ, проповѣдникомъ, но не забытъ и поэтъ: у него была будто бы вилла въ Fonte d'Amore, гдѣ онъ до сихъ поръ стоитъ на стражѣ своихъ сокровищъ; папа Целестинъ узналъ о нихъ изъ книгъ Овидія и, раскопавъ кладъ, построилъ аббатство San Spirito въ окрестностяхъ Сульмоны. На этой-то виллѣ жилъ
544 Овидій въ обществѣ своей любовницы-феи [1]). Въ Чер|тальдо такая же легенда о феяхъ окружила другого пѣвца любви. Она пристроилась къ подземному ходу, открывающемуся у нижняго этажа башни, гдѣ жилъ Боккаччьо, и выходящему въ сталактитовую пещеру внутри холма, расположеннаго въ недалекомъ разстояніи къ сѣверу. Здѣсь, говорятъ, обитали влюбленныя въ Боккаччьо феи, устроили подъ землей чудесный дворецъ, а съ вершины башни на вершину холма перекинули хрустальный мостъ, по которому поэтъ и ходилъ къ нимъ на бесѣду о любви [2]). Мы этихъ

1) Giambattista Basile, II, стр. 20—1; IV, стр. 55—6; De Nino, Usi e costumi Abbruzzesi, Firenze, 1887, IV, стр. 230—1.—*Faraglia, Fonte d'Amore e la villa d'Ovidio Nasone, въ Rassegna abruzzese di storia ed arte, I, 3.—Сл. Fabrizi, Sallustio nella fantasia dei popoli sabini, въ Bollettino d. Soc. d. Storia patria d. Abruzzi, XI, 22.

2) G. Baccini, Il Boccaccio mago, Giornale di erudizione, v. I, № 15—16, стр. 233—5. — *Сл. Miscellanea storica della Val d'Elsa, anno II, fasc. 2: Mac-

фей знаемъ: это Фьямметта, разсказчицы и героини Декамерона, Алатіэль и Джилетта, крестьянка изъ Варлунго и Гризельда. Мы забыли, что онѣ когда-то были назидательны или вольны, для насъ онѣ — феи, спускавшіяся къ магу-Боккаччьо по радужному мосту поэзіи, и для нихъ-то онъ соорудилъ свой чудесный дворецъ — Декамеронъ.

Боккаччьо и Овидій — это такая же параллель, какъ Петрарка и бл. Августинъ; Петрарка, глубоко волнуемый самоанализомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ интересующійся какъ-то объективно его процессомъ, носящійся съ нимъ, выносящій его напоказъ, какъ бл. Августинъ наканунѣ крещенья ведетъ на виллѣ подъ Миланомъ философскія бесѣды, которыя записываетъ призванный стенографъ. Именно въ эпоху гуманизма получаютъ свой психологическій raison-d'être бывшія когда-то въ модѣ «параллели» великихъ людей и поэтовъ: сходство настроенія, стремленій, темпераментовъ поддерживалось чтеніемъ, каждый находилъ родственнаго себѣ мыслителя, вчитывался въ него поневолѣ, какъ въ эпоху легендъ вѣрующій вдумывался въ типъ излюбленнаго святого, повторяя его житіе, личнымъ подвигомъ переживая его легенду.

Говорить о литературномъ вліяніи Декамерона было бы здѣсь не у мѣста: его печать лежитъ на всемъ развитіи позднѣйшей художественной повѣсти. Укажу лишь на Чосера. Онъ | могъ ничего 545
не знать о Декамеронѣ, кромѣ новеллы о Гризельдѣ въ переводѣ Петрарки, но онъ прочелъ у Боккаччьо многое, что приготовило Декамеронъ: Филострато и Тезеиду, особенно Филострато, эту новеллу въ формахъ рыцарскаго романа. Онъ подражаетъ имъ и переводитъ (Troilus and Cressida, The knights Tale), орудуетъ стансами Тезеиды, внося ихъ въ свой Parliament of Fowls, Troilus and Cressida, въ неоконченную поэму объ Anelida and Arcite. Такъ онъ вживался въ новый стиль: его Кэнтерберійскіе разсказы —

---

cianti о раскопкахъ въ Чертальдо въ *Poggio del* Boccaccio, устроенномъ, будто бы по его просьбѣ, дьяволомъ.

это Декамеронъ, усвоенный поэтомъ-реалистомъ сѣверной буржуазіи, фабліо, прошедшій итальянскую школу. Исчезли кое-гдѣ тонкіе штрихи, торжественно-классическая степенность, типы поняты рѣзче и ярче, психологически-сложный образъ молодого blasé Пандара уступилъ мѣсто болѣе рельефному и понятному, но едва ли болѣе симпатичному цинику Троила и Крессиды, самодовлѣющій эстетическій анализъ — энергически-односторонней характеристикѣ. Боккаччьо и Чосеръ—это не только двѣ среды, но въ извѣстной мѣрѣ и два прообразованія.

И далѣе мы встрѣтимъ въ оборотѣ всемірной литературы типы Боккаччьо и сюжеты международной повѣсти, которымъ его личное пониманіе впервые придало художественный интересъ,

Car il féconde tout, ce charmant inventeur
(Alfred de Musset, Sylvia);

встрѣтимъ у Лопе де Вега и въ англійской новеллѣ XVI вѣка [1]); у Шекспира и La Fontaine'а, у Лессинга, Мюссэ, у Anatole'я France и Catulle Mendès, всякій разъ въ новомъ освѣщеніи. Если однимъ изъ критеріевъ дѣйствительной поэзіи является ея способность питать новые образы и иллюзіи, то Декамеронъ широко отвѣтилъ этой задачѣ.

---

1) *Сл. Köppel, Studien zur Gesch. d. ital. Novelle in der englischen Literatur d. 16 Jahrh., Strassburg, 1892, стр. 60, 84, 88.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Къ стр. 18 прим. 4. *Къ Чино изъ Пистойи.* Segrè, въ Nuova Antologia, 16 Luglio 1904: La patria di Petrarca, считаетъ возможнымъ, что Петрарка могъ познакомиться съ Чино въ Болоньѣ (то же пытается доказать Zaccagni въ Bullettino storico Pistoiese, fasc. II, anno VII): между 1313—1320 г., когда Cino преподавалъ въ Пистойѣ, онъ могъ наѣздами бывать во Флоренціи и Болоньѣ.— Bacci, Documenti nuovi su messer Cino da Pistoia (во Флоренціи въ 1332 г.; его странствованія). Сл. Bullettino storico pistoiese, V, 2—3.

Къ стр. 21 прим. 1 *(Къ итальянскому эллинизму).* Humfred Hody, De graecis illustribus, London, 1742; Boernes, De doctis hominibus graecis litterarum graecarum in Italia instauratoribus, Lpz., 1750; Cramer, De graecis medii aevi studiis, Stralsund, 1848 и 1853; É. Legrand, Bibliographie hellénique, Paris, 1885, 2 vv.; Sathas, Documents inédits relatifs à l'histoire de la Grèce au moyen âge, Paris, 1888 (t. VII.).

(Къ греческому элементу въ Южной Италіи) Сл. L. Sternbach, Eugenios v. Palermo, Byz. Zs., XI B., 344 (1902), p. 406 слѣд. Tommasini, Sulle laudi greche conservate nel Liber Politicus del canonico Benedetto (изъ сборника: A Ernesto Monaci per l'anno XXV del suo insegnamento, Roma, Forzani, 1901, p. 377—88); Steinacker, Die römische Kirche u. die griechischen Sprachkenntnisse des Frühmittelalters, Festschrift für Th. Gompertz, Wien, Hölder, 1902, p. 324—41.

Къ стр. 23 *(Греч. яз. въ Италіи).* Францисканецъ Angelo di Cingoli, прозванный Clareno или Chiareno, перевелъ съ греч. на лат. яз. La scala del Paradiso di *S. Giovanni Climaco*, un Trattato di S. Basilio, ed un altro di S. Macario. Въ прологѣ къ Scala говорится, что il Chiareno ricevette per grazia divina l'intelligenza della lingua greca. Si badi però che il Chiareno ed altri francescani i quali nel 1294 ave-

vano ottenuto da Papa Celestino V di uscire dall' Ordine e ritirarsi nella provincia di Ancona, quando Celestino «fece il gran rifiuto», per sottrarsi alle persecuzioni si rifugiarono prime in Armenia, poi in Grecia, dimorando in un' isola ove il Chiareno potè imparare il greco e attendere alle sue traduzioni. Сл. Giorn. stor. d. lett. ital., t. XXXIV, fasc. 100—1, p. 215.

Сл. F. Tocco, I fraticelli o poveri eremiti di Celestino secondo i nuovi documenti, въ Bollettino della società di storia patria, VII, 14.

(Классическіе моменты въ средневѣковомъ южно-итальянскомъ искусствѣ) Сл. Fanfulla d. Domenica, 1902 г., № 39, Leonardi, Medio evo glorioso, по поводу Venturi, Storia dell'arte italiana, v. II (Milano, Hoepli, 1902). «Dell'arte bizantina della seconda età d'oro e dei suoi rapporti con l'italiana.... piace riportare quanto il Venturi scrive.... a proposito di *Borisano da Trani* e del suo lavoro sulla porta della cattedrale di Ravello confrontata con quella di Trani: «I modelli erano stati studiati con diligenza nella bottega, sull'esempio di cassettine civili e di altri lavori bizantini. Ma nell'ornato, specialmente nelle formelle che rappresentano animali chimerici che escono alati da un cespo si osserva che Borisano, come gli altri artisti pugliesi, teneva di mira anche i vasi italo-greci rimessi in luce. Il terreno dava gli antichi fratti e gli artisti li raccoglievano, la civiltà italo-greca s'effondeva nelle opere nuove del versante adriatico, come la romana grandezza nelle opere de' maestri di Capua, sulla torre di Federico II, come la bellezza ellenica nella fonte del chiostro di Monreale con le fanciulle danzanti sui delfini, a mo' delle nereidi tra gli intercolonni del monumento sepolcrale di Xanthos nella Licia, e come infine lo spirito etrusco nel naturalismo degli scultori toscani.... Senza ricorrere ad associare... l'ellenismo del Mezzogiorno d'Italia alla colonizzazione achea e dorica dell' antichità, e senza dargli venti secoli di vita indipendente, separata dal mondo bizantino, ben si può pensare che come *Ristoro d'Arezzo* mostrava di conoscere i vari aretini e di apprezzarli, così nelle Puglie, nella Campania, in Sicilia si aveva conoscenza di antiche vestigia che servirono d'esempio all'arte rinascente; e infine si può bene ammettere che il nuovo Oriente greco risvegliasse le affinità geniali con l'antico ellenismo lasciate dall'origine».

(Къ источникамъ итальянскаго Возрожденія) Сл. Reinach, La question du Philopatris, Rev. archéologique, 1902, I, p. 79—110 (діалогъ относится ко времени Никифора Фоки, къ 965 или 969 гг.;

его первая часть направлена противъ того опаснаго для Церкви умственнаго движенія, которое выразилось въ X в. въ подъемѣ классическихъ занятій, а въ эпоху Комниновъ и Палеологовъ — къ византійскому гуманизму, этому могучему предшественнику гуманизма западнаго).

Cotroneo, Inizio e sviluppo, scomparsa e reliquie del rito greco in Calabria, Riv. stor. Calabrese, VIII (1900), fasc. 2—3, p. 62—8; IX (1901), fasc. 3—4, p. 106—118, fasc. 5, p. 165—174; fasc. 6—7, p. 215—233.

Cozza-Luzi, Del rito greco in Calabria, Riv. stor. Calabrese, X (1902), p. 260—2; id. ib., p. 263—4: Del così detto rito greco-latino.— *Ottolenghi*, Influenze orientali sul Rinascimento: saggi di una nuova critica storica, въ Ateneo Veneto, XXV, v. II (1902), p. 170—86 (арабская культура на побережьи Средиземнаго моря—Испанія — и древняя греческая литература и философія, съ которой арабы познакомились въ сирійскихъ монастыряхъ—дали матерьялъ для реакціи противъ схоластики: источники Возрожденія). — *Taccone-Gallucci*, Monografie di storia calabra ecclesiastica. Сл. Виз. Временникъ, IX, стр. 598. Сл. ib. X, вып. 1—2, стр. 281, статью Пальмьери, Les études byzantines en Italie; 285 слѣд.: Les études byzantines en Calabre: l'influence byzantine en Calabre a été de nature éminemment religieuse; 285: легенды о началѣ христіанства въ Калабріи; послѣ паденія готскаго владычества (553) Калабрія subit complètement le joug littéraire, politique et religieux de Rome. Le grec s'y fait jour vers la fin du VII s. et y poursuit son oeuvre d'hellénisation jusqu'à 1060. Въ 732 г. le rite grec y eut droit de cité et s'y affermit au détriment du rite latin. Au X siècle la Calabre était complètement hellénisée. Les officiers de la cour, les magistrats, le clergé, les miliciens ne parlaient que le grec. En grec étaient rédigés les actes publiques, les contrats, les donations, les ventes, les documents de l'église et de l'état; le latin ne devait y être tout-à-fait inconnu, mais le grec était à la portée de tous. Les moines l'enseignaient dans leurs monastères. Dans cette langue ils rédigeaient les vies des saints, si nombreux à cette époque en Calabre. Ихъ важность, какъ историческаго памятника; греческій литературный языкъ по необходимости далекъ отъ византійской преціозности; его постепенный упадокъ вмѣстѣ съ упадкомъ византійскаго владычества. 287: Jusqu'au XVII s. plusieurs églises de la Calabre officièrent en grec. — Откуда явилась греч. культура въ Калабріи? Аббатъ Battifol въ своей монографіи объ аббат-

ствѣ Россано (l'abbaye de Rossano, Paris, 1880) предполагаетъ двѣ эмиграціи: одна во 2-ой половинѣ VII вѣка изъ Сициліи, не оставившая слѣдовъ; au IX s., après la chute de Taormina (878) et de Syracuse (902) les Byzantins, fuyant les invasions arabes, émigrent en foule sur le littoral italien. Это будто бы и положило начало элленизаціи Великой Греціи.— Minasi (Lo Speleota ovvero S. Elia di Reggio di Calabria. Napoli, 1893), съ мнѣніемъ котораго согласенъ и авторъ, приписываетъ элленизацію ит. Юга выселенію бѣглецовъ въ пору иконоборства. Les persécutions des iconoclastes poussèrent vers l'Italie méridionale les colonies monastiques de l'Orient et de la Sicile. Elles y furent accueillies à bras ouverts par leurs connationaux, qui en Calabre professaient librement leur culte. Первые монастыри (въ Tauriana, Reggio, Arno, Salinas); популярность монаховъ, ихъ благочестивая жизнь; вклады и—накопленіе богатствъ, повлекшее упадокъ нравовъ; au X s. l'ordre basilien semblait voué à une prochaine décadence, et il ne fallut rien moins que toute l'énegrie surnaturelle de St. Nil de Rossano et de ses disciples pour enrayer le mal. Его дѣятельность обновила и подняла монашество: Калабрія X-го в. обращается въ Новую Өиваиду: въ Калабріи насчитывали до 1000 монастырей, въ Сициліи—500 (по Rodotà; по Marafiotis въ X и XI вв. въ Калабріи было 400 монастырей, изъ нихъ 37 между Seminara, Galatro и Rosarno); явились святые иноки, къ которымъ являлись изъ Сициліи, чтобы пройти у нихъ искусъ. Между ними: S. Jean Thériste, S. Nikodème de Palermo, S. Cyriaque de Buonvicino, S. Élie junior, S. Élie Spéléotès, наконецъ св. Нилъ и S. Fantin. Ces moines vaquaient à l'ascétisme le plus rigoureux et à l'étude des belles-lettres;... St. Nil lui-même et ses disciples travaillaient à copier des codices grecs et à les embellir de miniatures. Рукописи въ аббатствахъ St. Nicolas d'Otrante, de Rossano, du St. Sauveur de Messine; le cardinal Bessarion devait y faire plus d'une heureuse trouvaille et augmenter de leurs dépouilles achetées à grand prix sa bibliothèque d'une valeur inéstimable. — 289: Сарацины въ Южной Италіи разрушаютъ нѣкоторые монастыри; норманны, вначалѣ покровительствовавшіе греческому монашеству, впослѣдствіи стали косо смотрѣть на него, какъ на возможныхъ пособниковъ Византіи; греческіе монастыри раздавались баронамъ, латинскимъ епископамъ и орденамъ. Въ 1551 г. ихъ число упало съ 1500 до 48; въ XVIII в. ихъ 14.—Поддержанный монашествомъ, константинопольскій патріархъ простеръ на Калабрійскую Церковь свою власть, никогда, впрочемъ, не допускавшую иконоборчества. Ея участіе въ

соборахъ — p. 291: au IX s., la métropole byzantine de Reggio comptait 13 évêchés relevant du patriarchat oecuménique (Bivona, Tauriana, Locri, Rossano, Squillace, Tropea, Amantea, Crotone, Cosenza, Nicotera, Bisignano, Nicastro, Cassano); la métropole de S-te Sévérina avait 5 suffragants à Oira, Acerenza, Gallipoli, Alessano, Castro. La ville d'Otrante était aussi une métropole. — Les Isauriens les premiers avaient établi en Calabre l'autorité religieuse de Byzance. Léon le Sage en 887 poursuivait cette oeuvre de conquête par la religion et Nicéphore Phokas en 968 décrétait que le rite grec fût partout substitué au rite latin.— Изъ библіографіи: Trinchera, Syllabus graecorum membranorum etc., Neapoli, 1865; Minasi, Il monastero basiliano de S. Pancrazio, Napoli, 1893; id.: Lo Speleota ovvero S. Elia di Reggio di Calabria, ib., 1893; id.: Notizie storiche della città di Scilla, Napoli, Lanciano, 1889; id.: Le chiese di Calabria, Napoli, Lanciani; Jules Gay, Les diocèses de Calabre à l'époque byzantine, Macon, Protat, 1900; статьи въ Rivista storica Calabrese (300 отд.). —Сл. Lake, The greek monasteries in South Italy, I (The journal of Theological Studies, IV, 1903, p. 345—368): основаніе монастырей подготовили не столько иконоборческія смуты, сколько экспедиція Константина II противъ сарацинъ и состоявшее въ связи съ ней занятіе южно-итальянскихъ и сициліанскихъ областей греческими наемниками и поселенцами, особенно монахами, бѣжавшими отъ религіозныхъ смутъ на Востокѣ. — Разбираются житія Иліи Младшаго, Иліи Спелеота, Луки Деменскаго, Виталія, Нила, Фантина и Филарета.

Исторія калабрійскихъ церквей. Сл. работы Taccone-Gallucci, библіографія въ Rev. Critique, 1905, № 10.

Къ стр. 26 *(Къ Кипру).* Сл. Тураевъ, Изслѣдованія въ области агіологическихъ источниковъ исторіи Эѳіопіи (СПБ., 1902), стр. 170—1: Св. Евстаѳій чудеснымъ образомъ приплылъ въ Кипръ, гдѣ ему и его спутникамъ оказываетъ гостепріимство «вѣрная Азиза», занимавшаяся обученіемъ дѣвицъ «тканью дорогихъ одеждъ» (Opus Cyprium, извѣстныя кипрскія золотыя ткани; сл. Gay, Glossaire archéologique, p. 376 a. v. Chypre; Mitrovic, Cipro nella storia medioevale del commercio levantino, Trieste, 1894, p. 28 слѣд.; Francisque Michel, Recherches sur le commerce, la fabrication et l'usage des étoffes. Paris, 1882, I, p. 307). Житіе помѣщаетъ посѣщеніе Евстаѳіемъ Кипра въ годъ и даже день смерти царя Амда-Сіона (1344 г.); въ 1341 году былъ на островѣ мимоходомъ саксонскій священникъ,

отправлявшійся на поклоненіе святымъ мѣстамъ; на улицахъ Фамагусты онъ видѣлъ не только грековъ, армянъ, арабовъ и турокъ, но и эѳіоповъ. Сл. Mas-Latrie, L'île de Chypre, Paris, 1879, p. 237 слѣд.

Къ стр. 27. G. Paris, La poésie du moyen âge leçons et lectures, 2-e série (1895). La littérature française au XII s., p. 36: изъ литературы итальянскихъ норманновъ мало что сохранилось, cependant on peut leur attribuer avec certitude une grande part dans le cycle épique de Guillaume «au court nez», et nous avons gardé quelques traductions de livres historiques faites chez eux, un peu après notre période, dans un dialecte fortement italianisé. La poésie lyrique.... paraît.... avoir fleuri en Sicile, et elle y détermina p.-ê. au XIII s., autant que la poésie provençale, l'éclosion de la poésie italienne.

Къ стр. 29 *(Итальянская лирика и свевы).* Сл. Torraca, La scuola poetica siciliana, Nuova Antologia, 1894, 15 Nov., стр. 234 слѣд.; 1 Dic. 1894, стр. 458 слѣд.; сл. 473 слѣд.: начала лирики въ Тосканѣ и Романьѣ *раньше* паденія свевской династіи; какъ это объяснить? Altri fatti bisogna ricordare e considerare; e prima i viaggi dell' imperatore in Toscana, quello specialmente del 1239—40, durante il quale visitò Sarzana, Pisa, S. Miniato, Poggibonsi, Siena, Arezzo, Cortona. Evitò Firenze, perchè, dicono, gli era stato predetto che sarebbe morto «nel fiorentino».... Per due inverni successivi, quelli del 1244 e del 1245, la corte dimorò a Grosseto, dove Federico trovava clima più mite di quello della Lombardia e donde.... poteva vigilare tanto il Regno quanto l'Italia centrale e settentrionale. A Grosseto, nelle feste di Pasqua del 1246, fu tenuta curia solenne. — In secondo luogo non sono da trascurare le relazioni politiche de'principi svevi non soltanto con i feudatori del contado Aldobrandesco, della Lunigiana, del Mugello, del Casentino, i conti di Santa Fiora, i Malaspina, gli Ubaldini, gli Alberti, i Guidi, ma anche con i comuni toscani.... le principali città della Toscana, nelle quali intorno al 1260 apparisce la lirica volgare, avevano già per almeno un ventennio più o meno largamente, più o meno forte sentito l'autorità de'principi svevi.— Bologna si sottrasse all' azione politica della corte ghibellina, non alla letteraria, e — lascio da parte il *Fiore di Rettorica* dal bolognese frate Guidotto compilato per «Manfredi lancia e re di Cicilia..... sopra gli altri re grazioso»... Il giorno che il bresciano Filippo Ugoni, in mezzo ai suoni delle fanfare e agli applausi della moltitudine,

rientrò in Bologna traendosi appresso, tra i prigionieri di Fassalto, Marino da Eboli—il vincitore di Giacomo di Morra,—Buoso da Doara e lo stesso Enzo re di Sardegna; quel giorno, io penso, entravano a Bologna lo spirito e le forme della lirica aulica, di cui nella dotta città non si è scoperta alcuna traccia anteriore. Il libero comune cavallerescamente non chiuse il re vinto in una segreta, anzi l'ospitò in bello e ricco palagio, lo tenne in onesta prigionia, in *vinculis aureis*, permise avesse con sè valletti e servi, libri e strumenti, continuasse a fare *magnificentias suas usitatas* e «ogni dì vi andassero i nobili di Bologna a spasso a darsi piacere a lui». Di que' nobili si può credere fossero Messer Fabrizio e Messer Guido di Guinizello, già adulto nel 1250 perchè non viveva più nella casa paterna. Enzo, che frate Salimbene ammirò «uomo di singolare valore e coraggio, guerriero prode, sollazzevole quando gli piaceva, compositor di canzoni», ne' ventidue anni dell'onesta sua prigionia, non pure, come narra la leggenda, per la vaghezza della persona, per la fama del valore, per la mesta aureola della sventura ond'era circondato, vinse i cuori delle fanciulle, ma con la presenza stimolò, con l'esempio ammaestrò i gentili visitatori alla gaia scienza. — Сл. Torraca, Attorno alla scuola siciliana, N. Antologia, 1 Maggio 1896.

(*Карлъ I Анжу́ и провансальскія отношенія*) Сл. Cesare de Lollis, Sordello di Goito, Nuova Antologia, 1895, 1 Marzo, стр. 58 слѣд.: Карлъ (род. въ мартѣ 1226 г.) въ молодости былъ buon torneatore e troviero, non che appassionato giocatore di dadi. Ma, nel fondo, era oltremodo ambizioso e a grandi imprese s'accinse ben presto. Сорделло при его дворѣ; слѣдуетъ за нимъ въ Италію, награжденъ, вѣроятно, за военные подвиги, 5 марта и 21 мая 1269 года, разными феодами (65—6: i Castelli di Palena, Monte Odorisio, Casale Castiglione, Civitaquana e Ginestra). P. 66 — 7: Palena è oggi un villaggio di poco più che 4.000 abitanti, nella parte più brulla e pittoresca ad un tempo dell'Abruzzo Citeriore.... Industria principale degli abitanti fu sino a pochi anni fa la fabricazione dei panni; e finchè esse restaron soggetti al reggimento feodale, fu privativa dei signori la rendita delle gualchiere e delle tintorie. Sicchè ricorrono spontanei alla mente i versi coi quali rispondeva a Sordello il suo signore, quando quegli si lamentava d'esser povero e malato: «Sordello dice male di me e far non lo dovrebbe, chè io l'ho sempre avuto caro ed onorato: gli donai gualchiera e molino ed altra possessione, e gli detti moglie tale quale egli la desiderava (разумѣется, вѣроятно, бракъ доходный; Сорделло было лѣтъ 60; ma egli è proprio motto e incontentabile e pieno di fantasie,

e non sarebbe grato neppure a chi gli donasse una contea. — Уже 30 августа 1269 года замки, дарованные Сорделло, перешли къ Bonifacio di Galebert; послѣ этого года свѣдѣній о Сорделло нѣтъ (68); 71: *знакомство итальянцевъ XIII в. съ провансальскими отношеніями*: il *Novellino* fa cenno di guerre tra il conte di Tolosa e quel di Provenza; e non posson esser che le guerre tra i due Raimondi alle quali allude più d'un serventese di Sordello; e il novellatore fiorentino mostra una certa familiarità con Carlo d'Angiò, semplicemente conte di Provenza ed ancor dedito alle donne ed ai tornei a dispetto del suo santo fratello; e poi anche Imberal del Balzo (Barrol de Baus) che fu podestà per Carlo in Milano nel 1266, e con Bertran de la Manon, che passò alcuni mesi del 1260 in Piemonte per missioni diplomatiche e potè poi tornare in Italia per la spedizione di Puglia; e perfine anche con madonna Grigia, la quale non è, assai probabilmente, se non la bella Guida di Rhodez, per la quale cantò La Manon e cantarono e sospirarono Blacas e Sordello.

Къ провансальцамъ въ Неаполѣ: Miscellanea di studî critici edita in onori di Arturo Graf (1903), De Lollis, Di Bertran de Pojet, trovatore dell' età angioina (сопровождалъ Карла I въ Неаполь, былъ его сенешалемъ, а въ 1242 г. назначенъ былъ «giustiziere della Sicilia»).

Къ провансальской поэзіи анжуйской поры. Jeanroy, Un sirventes contre Charles d'Anjou, Annales du Midi, XV, 58 (Сл. Giorn. stor d. lett. it., XXXVI, 23, и Zs. f. rom. Phil., XXVII, 470).

Къ стр. 29. *Разыграна ли была въ Неаполѣ Jeu de Robin et Marion?* Сл. G. Paris, La littérature franç. au moyen âge, 2-e éd., § 133: elle paraît avoir été composée par lui (Adam de la Halle) pendant son séjour en Italie (съ 1283 года; въ Неаполѣ въ 1288, сл. § 132) et ne fut représentée pour la première fois à Arras,... qu'après la mort de l'auteur. Bahlsen, Ausg. u. Abhandlungen, XXVII, стр. 96, считаетъ годомъ написанія 1283-й, въ Неаполѣ; Reichel, въ Arch. f. d. Stud. d. neueren Sprachen, XCI B., 2 — 3 Heft (1893), стр. 256 слѣд., заключаетъ изъ отсутствія неаполитанскихъ и богатства аррасскихъ аллюзій, что пастораль написана была въ Аррасѣ около 1262 года (сл. стр. 262 — 3).

Сл. Langlois, Le jeu de Robin et Marion, 1896, p. 12: Adam avait entrepris de raconter dans la forme épique les exploits de Charles I d'Anjou, roi de Sicile, ou plus exactement, de refaire un poème déjà

existant sur le même sujet. L'original sur lequel il travaillait est perdu, et de son remaniemant on ne connait que les 380 premiers vers. C'est p.-ê. tout ce qui en a existé et l'auteur fut vraisemblablement interrompu par la mort. P. 21: suivant l'opinion générale, fondée uniquement sur les trop vagues indications du Jeu du Pélerin, ayant néanmoins tous les caractères d'une quasi certitude, c'est dans le sud de l'Italie que le jeu du Robin et Marion vit le jour et parut sur la scène pour la première fois. Le public d'Adam, c'était donc d'abord le comte d'Artois, pour qui le jeu fut écrit; c'étaient ses compagnons d'armes, c'étaient les feudataires du roi de Sicile; s'étaient tous ces paladins qui, après avoir réprimé un soulevement des Calabrais ou refoulé loin des côtes la flotte sicilienne, déposaient un instant leurs vêtements d'acier pour venir dans les chambres des dames, s'amuser au récit des amours de Robin et Marion. P. 23: уже послѣ смерти Adam его Robin et Marion давался въ Arras'ѣ, съ прологомъ, важнымъ для біографіи поэта (Jeu du Pélerin): le principal personnage de ce lever du rideau...., un soi-disant pélerin, raconte que dans ses pérégrinations il a parcouru la Sicile, la Calabre, la Pouille et la Toscane, et que partout il a entendu parler d'un clerc ingénieux, gracieux et noble, qui n'avait pas son égal au monde. Ce clerc était natif d'Arras, où on l'appelait maître Adam le Bossu. Il était aimé, estimé et honoré du comte d'Artois à cause de son talent poétique et musical. Le comte lui demanda un poème qui donnât la mésure de son talent, et Adam en trouva un que le comte estime à plus de 500 livres. Mais maître Adam n'est plus. L'an dernier le pélerin, conduit par le comte d'Artois lui-même, a visité son tombeau *dans la terre de Naples.* — Сл. еще Clédat, Rev. de philologie franç. et provençale, IX, 4 (Clédat, Oeuvres dramatiques d'Adam de la Halle); Reichel, Zum Datierung vom Adam de la Hale Singspiel Li gieus de Robin et de Marion (въ Arch. f. d. Stud. d. neur. Sprachen, XCI B., p. 256 слѣд.: написана до поѣздки въ Италію); Guy, Essai sur la vie et les oeuvres littéraires du trouvère Adam de la Hale (Hachette, 1898), и отчетъ Jeanroy въ Romania, № 114, p. 294 слѣд. (Adam слѣдуетъ за Robert d'Artois въ Италію въ 1283 г.; † м. 1285—1288 г.); Guisnan, Nouvelles recherches biographiques sur les trouvères artésiens въ Le Moyen Âge, 1902, Mai — Juin, стр. 173 († en Pouille въ 1286 или 1287 г.).

Къ стр. 31. *Къ Roberto d'Angiò.* Сл. отчетъ Ciampoli о книгѣ Siragusa'ы въ Ciampoli, Nuovi studi letterari e bibliografici, 1900, p. 347 слѣд.

Къ стр. 35 (*Арнольдъ de Villanova*). Сл. Romania, № 85, p. 87 слѣд.: P. Meyer, Les Manuscrits de Bertran Boysset; сл. 96 слѣд.: ркп., писанная Boysset (XIV в.), нынѣ въ Carpentras № 323, contient.... deux traités de Boysset: un traité sur l'art de mésurer (destrar) les terrains, et un traité sur l'art de les délimiter (atermenar). P. 105 слѣд.: Le recto du feuillet 21 (anc. XVI) est occupé par un dessin colorié où est représenté un homme dans l'attitude d'un orateur, la main droite en avant et tenant de la gauche un livre. A côté, cette inscription: *Maistre Arnaut de Vilanova.* Нач.: Et oy, senhos mieus e maistres, Sapias tots per veritat Que yeu Arnaut de Vilanova, Doctor en leis et en decrets Et en siensa d'estrolomia Et en l'art de medesina E en la santa teulogia, Enquaras mais en las .vij. arts Maistre per tots suy apelats. De Quataluenha nadieu fuy, Et a Napol yeu mi mudiey; Al servise del rey Robert esticy Mot longuamens sensa partir. Et estant a son servise, En sa quambra am lo rey estant, En son estudi e velhant, An .ij. ensems, e nos fesem Aquest libre veraiamens On es tota la sie[n]sa scricha De destrar et d'atermenar, Et es tota quapitolada E noblamens avordenada. Monsenhor lo rey la dechava E yeu l'escrivie e l'avordenava Per la forma quel rey agradava Nil rey Robert mi comandava, Quar font era de tota siensa. E so sapias tots de sertan Que nos siam maistre apelats Generalmens per pluros, En totas la siensas que son; E cresie saber en gran partida, Mas al rey Robert mon senhor Non era ges de comparar Per noblesa non (?) bel parlar, Mas per siensa tant solamens, Quar se yeu volie recontar La gran siensa qu'en luy era, De .c. ans non ho aurie contat, Per que de tot m'en laisaray; Mas lo libre ulhas gardar Que mot es noble per sertan, El rey Robert lo bateget, Lo nonnet e l'apelet, E volc que aysins agues non, Lybre noble e sotil.... Per que, bonas gens, escoutas, Et entendes so que ieu diray; E Dieus del sel ulhas preguar Quel rey Robert velha salvar En aquest mont per ben a far, E puesqua vieure longuamens; E tals hobras li lais Dieus far Que, cant venra a sos jorns redies, La sieu' arma sie presentada Davant la santa Trenitat, On ara tostemps veray repaus. Идетъ помолиться и о немъ, Arnaut... de Vilanova,... Car mot gran penna a agut Lo rey Robert e yeu an luy Per trobar aquestas siensas De destrar e d'atermenar, для чего требовалось знаніе геометріи, ариометики и астрономіи, особенно первыхъ двухъ, на которыхъ основана послѣдняя. El rey Robert e nos eysament Sus aquestas .ij. siensas presem Nostres poncs e nostra[s] mesuras.... La qual libre fon aquabat, Escrig et avordenat En

Napol la granda sieutat L'an quart que fon coranat Lo rey Robert en son regnat, Que Sesilia es apelat, Et autre titol li es donat De Jerusalem eysament.

Le reste de la page est occupé par un grand dessin colorié représentant le roi Robert assis sur son trône, la couronne en tête, le sceptre surmonté de la fleur de lys dans la main gauche, et maître Arnaud de Villeneuve assis sur un siège plus bas et écrivant sur un rouleau où on lit ces mots: Syensa de destrar e d'atermenar. — Au verso autre dessin: Le roi Robert tient en main un rouleau sur lequel est écrit: Nos volem et avordenam que aquest libre valha e tengua tos temps mays. Robertus rex. — Au dessous, deux groupes d'hommes, ceux de gauche, revêtus de longues robes, tiennent un rouleau portant ces mots: Nos autres, dux, contes e barons e los autres que son aysi an nos, consentem e confermam tot quaut per vos es avordenat. — En face, un groupe d'hommes, vêtus de robes plus courtes, tient un rouleau où on lit: E nos autres que em aysi mandats ad aquest consel general avoam e confermam tot quant es per lo rey Robert avordenat. — En regard du feuillet 23 v° doit être placé le feuillet 25.... dont le recto est occupé par un dessin où est figuré un groupe nombreux de gens du peuple. Au premier rang, un personnage plus grand que les autres se détache, tenant un rouleau où on lit: Et oy, rey Robert mon senhor, lo pobol que es aysy an vos consent en so que as avordenat d'aquest libre e quapitolat per destrar et atermenar. — De la foule sortent deux autres rouleaux, dont voici les légendes: Et o tenem trastot per fag tot quant as avordenat — E nos, senher, tots o volem. — Сл. p. 122—3: Est-il vrai qu'Arnaud de Villeneuve, le célèbre médecin qui a tant écrit sur la médecine, sur la chimie et même sur la théologie, ait aussi composé un traité d'arpentage? Hauréau (Hist. littér., XXVIII, 116—7) не допускаетъ, чтобы Arnaud самъ могъ величаться всѣми титулами, какіе даетъ себѣ, къ тому же онъ умеръ до 15-го марта 1312 года, а четвертый годъ съ вѣнчанія Роберта (когда написанъ былъ трактатъ), начался съ 1-го августа того же года. Остается предположить, что дѣло идетъ о другомъ Arnaud de Villeneuve, котораго трактатъ пошелъ подъ именемъ его болѣе знаменитаго соименника. Ce qui me porte à croire que tout n'est pas fictif dans l'assertion de Boysset, говоритъ P. Meyer, c'est la mention précise qui se lit au commencement du traité «del destre» d'un certain Arnaud du Puy, notaire (?), homme fort entendu en la science de «destrar e d'atermenar», qui lui aurait communiqué

l'ouvrage composé en collaboration par le roi Robert et par Arnaud de Villeneuve. Можно представить себѣ, что Boysset ait pu tenir d'un certain Arnaud du Puy, d'ailleurs inconnu, un ouvrage perdu qui portait induement le nom d'Arnaud de Villeneuve.

Къ стр. 38 слѣд. (*Евстахій*). Сл. Pèrcopo, I bagni di Pozzuoli, (Napoli, 1887), p. 18—19 прим. 2: въ первомъ неполномъ изданіи эпиграммъ (Napoli, 1475) ихъ авторъ названъ Eustasio da Matera (Libellus de mirabilibus civitatis Putheolorum et locorum vicinorum: ac de nominibus virtutibusque balneorum ibidem existentium); la prima completa e vera edizione è compresa nel grosso volume in folio, che è una compiuta collezione di tutti gli scritti, antichi e moderni, su i bagni: *De balneis omnia quae extant apud graecos, latinos, et arabas etc.*, Venetiis, apud Juntas, 1553; здѣсь эпиграммы напечатаны подъ именемъ Alcadini poetae siculi; p. 20 прим.: Capaccio, Balnearum quae Neapolis, Puteolis, Baiis, Pithecusis extant, virtutes etc., Neapoli, 1604, устраняетъ то и другое имя; Mazzella удерживаетъ ихъ и даже даетъ ихъ біографіи, которыя воспроизвелъ Mazzucchelli, Scritti d'Italia, Brescia, 1753, t. I, p. 351. Интересно, какъ произошла эта легенда.

Къ стр. 38 прим. 7) на стр. 38—40. Сл. Ireneo Sanesi, Un frammento di poema storico d. sec. XIII (Pistoja, Bracali, 1896, Nozze Sanesi—Crocini, p. 29), издаетъ отрывокъ лат. стихотворенія по ркп. семинаріи въ Potenza (изданнаго уже въ 1805 году Emmanuele Viggiano): говоритъ о разрушеніи *civitas potentina* Карломъ Анжуйскимъ за привязанность Потенцы къ свевамъ. Санези полагаетъ, что это отрывокъ большой поэмы, утраченной, либо не найденной, и предполагаетъ ея авторомъ *Eustachio da Matera,* которому ложно были приписаны извѣстныя эпиграммы на воды Поццуоли. Сл. Rassegna bibliografica d. letter. italiana, IV, fasc. 3—4, стр. 113. Сл. Pèrcopo, Bagni di Pozzuoli: Liber balnearum Terrae Laboris принадлежитъ Petrus de Ebulo (нап. м. 1212 и 1221 г.); Mazzella (Opusculum de balneis Puteolarum Baiarum et Pithecusarum. Napoli, 1606, стр. 260 слѣд., 269 слѣд.) приписываетъ эпиграммы нѣкоему Alcadinus (сьеру Garsini Siracusani, медику Генриха VI и Фридриха II: floruit anno Christi 1191, умеръ 52 лѣтъ) и *Eustachio Materano,* ок. 1285, медику при Карлѣ II: carmina incorrupta et languida.... in medica tamen facultate fuit celebris et multi nominis, scripsit admodum docte et facili methodo de natura et temperie hominis. — Сл. Capasso, Historia di-

plomatica regni Siciliae inde ab anno 1250 ad annum 1266 (Napoli, 1874), p. 354 прим.: въ ркп. Неаполитанской библіотеки, содержащей Iamsilla'у, fol. 96, extat quidam libellus, qui principio caret: (94—5 выпали). Expl. f. 131 v. ubi legitur: Hunc libellum Belardinus de Policastro de Suessa propria manu ecscripsit (sic) sub anno DMCCCCLXXVIIII die 18 m. Octobris XIII ind. Fortasse est quoddam mythologicum, et geographicum in Virgilii opera commentariolum; plurimas enim urbes, flumina et alia loca, nec non fabulas a Virgilio memoratas diversorum scriptorum auctoritatibus illustrat, et a Neapoli, ubi poeta ille sepultus fuit, idcirco originem sumpsisse mihi videtur. Auctor scripsit circa a. 1350; nov. f. 109 (нов. 109 лиц.) Scipionem Africanum viri Francisci celeberrimi Petrarchae, «*nuper romana laurea insigniti*» versibus honoratum memorat. — In eo autem inter alia, quae de Neapoli et Virgilio habet, haec.... afferre lubet: *Eustatius* vero in suo *Planctu Italiae* li. IX dicit:

Inclita Parthenope, generosa Neapolis, alto
Nomen ab Enea que renovata tenes,
Culta prius grecis de nomine Parthenopeis (ркп. Parthenopey)
Parthenope dicta, regia regis eras.
Post pius Eneas urbem renovavit et auxit.

......Et deinde: Fertur etiam, quod fieri fecit (Virgilius) equum ereum, ut alii equi, aliquo morbo vexati eum respicientes, ipsius visu sanitatis remedia reportarent. Hic equus fuit juxta ecclesiam S. Johannis Majoris, postmodum surreptus ad archiepiscopatum extitit deportatus. Quem equum, cum rex Carolus victam urbem intraret, admirans, ei disticum fecit in hunc modum, ut refert *Eustatius* in suo *Planctu Italie* l. I, 4 (?):

Hactenus effrenis, nunc freni paret habenis,
Rex domat hunc, [equus] (нѣтъ въ ркп.) parthenopensis equum;

f. 96—7 (Capasso предполагаетъ, что этотъ Евстаѳій былъ изъ Матеры).

Рукопись, на которую указываетъ Capasso, находится въ Неап. библ. № IX, C, 24: родъ коллектаней, касающихся миѳологіи и древней исторіи и географіи Италіи, особенно южной; собраны матерьялы безъ очевиднаго плана; уже Capasso указано на упоминаніе Петрарки; заимствованія изъ Боккаччьо указываютъ на конецъ XIV, скорѣе на первую половину XV в. Цитуя далѣе, я слѣдую новой нумераціи.

Fol. 89: *Eustatius* vero in suo Plantu Italie l. 9° dicit quod dicta est (Neapolis) ab Enea et polis, quasi Eneapolis, hoc est civitas Enee. Subdit etiam quod antea habitata a Grecis, de nomine eorum Parthenopaei Parthenope dicta est. Unde ait li. 9°: Inclita Parthenope (сл. выше).

F. 89 об. — 90 лиц. (надпись на конѣ Виргилія сл. выше).

93 лиц.: *Cornithum* Thuscine civitas quae nunc Grossitum dicitur et dictum est Corithum a Chorito rege patre Dardani et dicit *Boccatius*: Jasius fuit filius Abantis et Athlantis, Anphionis et Thelaonis Jasii, unde a Coriti nomine mons et civitas ipsa nomen accepit. Refert Servius quod Juppiter cum Electra uxore Corithi concubuit, de qua natus est Dardanus Troye auctor. Habet n(amque?) ystoria quod Dardanus fratrem suum Jasium interfecit, ob hoc de Italia exul factus est in Frigiam profectus, qui tenuit illa loca ubi postea Troya facta est, et congregatis hinc inde rusticis illorum locorum primus Troye auctor extitit, unde aliquando Troya Dardania dicitur.

94 лиц.: Ystoria. Regnante Sparato Assiriis, ut ait *Paulus* secundum *Eustachium* quendam, Eridanus qui et Phe(ę?)ton, Solis Egyptii filius, cum copia suorum duce Nilo (ркп. culo) navigiis devenit in mare.... relicto Ligo seu Ligure filio in Pado periit, a quo Padus Eridanus dictus est, Ligures a Ligure (= Bocc. De Gen. D., VII, 41, съ незначительными отличіями).

94 об. *Antigona* filia fuit Laomedontis, ut dicit Servius, quam dicit eo quod formosissima esset ausam se pulcritudine preferre Junoni; ob quam causam irata Juno vertit in ciconiam. Hujus figmenti talis est ratio ut refert *Leontius*: quod capto ab Hercule Ilione et occiso Laomedonte....

95 лиц. *Priamus*. Возстановилъ Ylion и укрѣпилъ его противъ враговъ, nam dicit Servius eum sic egisse ut pro rato haberetur secundum *Plautum* tribus stantibus rebus eam capi non posse: vita scilicet Troyli, Palladii conservacione et Laomedontis sepulcro integro quod in porta Scea fuit.

96 лиц. *Yliona*, ut Servio placet, 3ª filia fuit Priami, et ut asserit *Paulus*, ex Heccuba (sic).

99 об. *Esacus*.... eum autem in mergum versum dicit *Theodosius*, quia vivos descendit ad yma....

100 лиц. *Alyoneus* Phorbantis fuit filius ut asserit *Paulus*.

99 об. Theucer, ut affirmat *Barlaam*, filius fuit Priami....

100 об. Yphates et Testorius, ut dicit *Paulus*, filii fuere Priami.

101 об. слѣд. (*объ Энеѣ*); на л. 102 упоминаніе недавно вѣнчаннаго *Петрарки*; сл. 102 обор.: Quod autem Neptuni precibus ex Achillis pugna subtractus sit, non quod aiebat *Leontius* verum puto, sed quia agente constellatione contigerit.

108 л. *Acis* filius fuit Fauni, обращенъ въ рѣку; cui fabule *Theodontius* talem tribuit sensum....

111 л. *Hebes*, ut ait *Theodontius*,.... Quod autem ex fictione hoc sumendum sit, hoc arbitrio dicebat venerabilis Andalo....

114 об. *Ebulum civitas Laconiae* (ссылка на Galienus и Musatus Paduanus in li° suo).

115 лиц. (Circes) hec secundum *Bocatium* dicitur habitasse in insula quam usque hodie dicunt navem Ulixis.

115 об. *Ansar* — civitas est Campanis que nunc *Terracina* dicitur, ab Ansari. (id est?) Iove juvene qui ibi precipue colebatur.

116 об. *Messana*.... dicta Messana quia in ejus portu quasi messes pro romanis portabantur, quod confirmat *Eustasius* in suo Plantu Italie li. 3° dicens:

Inque tuo portu messes sibi Roma parabat,
Indeque Messana nomina messis habet.

119 лиц. *Avernus*: Circa hunc locum sunt balnea plurima saluberrima, quae a modernis balnea Tripergule dicuntur. Locus autem ubi sunt balnea ideo Tripergula dicitur, eo quod domus balneorum sit trium mansionum, in una qualium stant homines, in alia reponuntur vestes, in tercia vero aqua. Unde *Eustasius* li° balneorum de Tripergula sic ait:

Hic locus est triplex, de jure Tripergula ditta
Una caput, vestes altera, (tertia?) servat aquam.

119 обор. слѣд. *Tarentum;* сл. 120 об.: *Eustasius* vero sui Plantus Italie dicit, quod civitas Tarenti est cincta bino mari et quod caput et patronus ipsius civitatis est beatus Cataldus, cujus corpus i htur (ibi habetur?), et laudat ipsam civitatem quam ad maris et terrae ubertatem, unde ait:

Urbs regionis opes prestat miranda Tarentum,
Mira mag(nis?) meritis, sancte Catalde, tuis.
Delitiis vulgata suis fit nota per orbem,
Bino cincta mari fertilitatis humus.
Emula hic Rome situs imbellisque vocatur
Fertilis urbsque mari diviciosa suo.

Vitibus hec variis, multis frondescit olivis,
Diversis pomis, ficubus atque piris;
Pratis et silvis uberrima fert numerosa
Hec armenta, greges et genus omne fere
Inde Ceres, bombix, sal, quicquid fertile cultu
Terra parit, cunctis deliciosa cibis...
Quis numerare queat pisces maris, ostrea, tunnos,
Auratas, cephalos, piscis et omne genus?

121 лиц.: цитата (стихотворная) изъ Johannes in Apologiis; другая 121 об.

Сл. Вѣнскую ркп., комментарій Діонисія къ Валерію, описанную Эндлихеромъ, л. 45 recto (отрывокъ о Тарентѣ): Notandum est Tarentum: fuit enim civitas valde nobilis et opulentissima, et est hodie, in qua fuit studium philosophiae ytalicum et grecum, ut dicit beatus Augustinus libro de Civitate Dei. — *ad res petundas:* quas non ex debito, sed ex consuetudine conferri permittebant. — *ut romana civitas* esset fertilior, eo quod Tarentina civitas opulentissima erat, ut hodie est, de qua poëta dicit:

Deliciis volgata suis fit nota per orbem,
Humo (Bino?) cincta mari felicitatis hujus
Emulus hic Rome situs in bellisque vocatus
Fertilis urbsque mari diviciosa suo
Viribus (Vitibus?) hiis (haec?) variis, multis frondescit
Olyvis, diversis pomis, ficubus atque piris,
Pratis et silvis uberrima fert numerosa
Hic (hec?) armenta, greges et genus omne fere.
Inde Ceres, bombis, sal, quicquid fertile cultu
Terra parit cunctis deliciosa cibis.
Quis numerare queat pisces maris, ostrea, tunnos,
Abracas (?), cephalos, piscis et omne genus?

Слѣдуетъ нѣсколько указаній на содержаніе комментаріевъ p. 47 v. — 48 r.: *о сценѣ и театрѣ*; сл. 49 r. — p. 120 recto (къ Val. Max. lib. V: *Mitridates* etc. Hic rex Mitridates quod uno milite suo qui fuit sue libertatis custos navali pugna excepto i. (id est?) capto omnes captivos quos de Redis (Rhodiis?) habuit commutavit, sacius i. (id est?) melius estimans ab invisissimis i. (id est?) inimicis et odiosis circumveniri, quam bene merito militi gratiam non referre. Gratitudinem isti regis in casu consimili imitatus fuit bone memorie illustris Karolus secundus rex Sicilie, qui in redempcione domini Ragnaldi de Avella militis strenui et sibi fidelissimi quem rex Fredericus tenebat captivum,

primo captivos Siculos quos habebat et demum Yschiam, Capreas pridem insulas sui regni notabiles, insuper castrum Abbatis insigne iocule (?) quibus acerrime suum regnum poterat conveniri, contulit et dedit potius volens predictis quam tanti militis et tam fidelis carere praesidio.

F. 124 recto: *Discordes* etc. Hic auctor non contentus dictis in secunda pp. alloquitur ipsos delectando Athenienses dicens de (?) Athenis fati sui discordes et dividua .i. (id est?) dividentia jurgia pacis graeciae facta sunt columne .i. (id est?) alacritas et fortitudo. Hanc historiam non intelligo nisi antequam interponantur de *Atheniensium cronica.* Nam antequam cum Xerse reges Atheniensium haberent crudele bellum inter se habuerunt civile, quo completo et innumera multitudine hominum mortua, homines mortui in aerem elevabantur et ultra inter se ictibus (на поляхъ: corpus) colluctabant, que populus capiens in caesis posuit nec quieverant; tandem ex omnibus mortuorum corporibus hinc inde distinctis cumulum fecerunt et ignem desuper ponentes ipsos cremaverunt, nec sic mortuorum impetus quieverunt, ymmo flamme in aerem se ad invicem collidebant. Sed qualiter hoc sit possibile non est praesentis operis videre, nonnulli tamen dicent hoc fuisse ex aqua corporum influencia naturali, quod ego verius credo (124 v.), licet etiam hoc non vertatur in dubium, quoniam demonum opere potuerit esse factum. — (VI кн.) p. 143: *Libertates.... Nondum.* «Nota ergo Rome fuisse quasdam scalas occultas sub terra, quibus a carcere publico, qui nunc vocatur St.-Nicolaus ad carcerem occulte ad Capitolium veniebatur, quae dicebantur gemonie ab inventore, qui eas fecit fieri, per quas captivi ad locum supplicii et carceres ducebantur. Sed quia hoc dictum posset eadem ratione negari quam ponitur, cum hoc in cronica non reperiatur. Dico quod hoc non posui ex me, sed cum plures romanos interrogavi, hoc quod scriptum est audivi. — (Lib. VIII) f. 185 r. (Plato) legi enim in quodam libro valde antiquo quem inveni in quadam ecclesia, quod Ars (Aristoteles?) circa hujus fluminis (Nili) inundaciones insistens, dum causas refluxus capere non valeret, in aquam se projiciens dixit: Non possum te capere, capias me; quod utrum sit verum, lectoris judicio relinquatur.

Къ стр. 44 (*Франц. король безграмотенъ*). Сл. Coville, La civilisation franç. aux XIV et XV s. — Origines de la Renaissance en France, въ Bulletin hebdomadaire des Cours et Conférences, 1e année, 24 Janv. 1895, № 11, стр. 175: *Петрарка о Филиппѣ VI*: il le dit ignorant, mais son jugement est suspect. En réalité, Philippe VI eut

le goût, héréditaire chez les Valois, des choses de l'esprit. Charles de Valois, son père, avait été un des premiers à recevoir la relation du voyage de Marco Polo. Sa mère, Marguerite d'Anjou, faisait faire des manuscrits, Jeanne de Bourgogne, sa première femme, protégea les lettres. Le Ms. de Gérard de Roussillon, un recueil de fables lui est dédié. Philippe VI lui-même achetait des livres, entre autres, ces *Fables d'Ovide moralisées*, achetées aux héritiers de Clémence de Hongrie. Il aime les débats oratoires. C'est devant lui que, en 1329, se tient l'assemblée des prélats, à Vincennes, où Pierre de Cugnières attaque les officialités tandis que P. Bertrand, évêque d'Autun, les défend. C'est lui qui, en 1333, préside activement les débats sur la vision béatifique. Quand il s'est convaincu de la vérité de cette doctrine défendue devant lui par les légats de Jean XXII, il écrit au pape pour l'engager à la soutenir.

Къ стр. 53—4 (*Къ Роберту и Карлу IV*). Сл. Petit de Julleville, Rôle de Charles V dans la première renaissance, въ Revue des cours et conférences, 1896, № 25, стр. 266—8: «Pour ce qui est du portrait physique (говоритъ Christine de Pisan), de corsage estoit hault et bien formé, droit et lé par les épaules et haingu par les flancs»; son usage était séduisant, «un peu longuet»; un grand front large, «avait sourcilz enarchiez, les yeuls de belle forme, bien assis, chasteins en couleur et arrestes en regard, haut non assez et bouche non trop petite, et tenues lèvres; assez barbu estoit et ot un peu les os des joes hauls, les poils ne blant ne noir, mais la choere ot assez pâle». Jamais on ne le vit en colère, il sut toujours maîtriser son âme, cherchant dans la science et la philosophie ce merveilleux secret de prendre possession de soi-même. D'ailleurs il aime sincèrement le savoir; seul il a cru du fond du coeur, qu'un roi se rend plus royal par l'étude. «Tant que sapience sera honoriée, il continuera en prosperité».— Bien des miniatures du temps nous le représentent du reste à Vincennes, se promenant avec quatre docteurs épris de science et de savoir. Sa vie fut réglée par heure, minute par minute: tous les jours revenaient les mêmes occupations, la prière, l'étude, le soin du gouvernement et les plaisirs mondains.... Онъ любилъ чтенie, о томъ говорятъ Jean Corbechon и авторъ Songe du Vergier; ils nous le montrent se dérobant pour se donner à la lecture, et pour quoi lire? Non pas les poèmes chevaleresques, mais les traités les plus austères des anciens et voilà ce qui était nouveau.... Charles fut donc un esprit pratique;

«La subtilité de son entendement» grandit sans cesse; dans sa jeunesse il avait bien su le latin, mais par la suite il l'avait négligé. Les mots difficiles l'embarassaient un peu; aussi voulant à tout prix satisfaire un peu sa curiosité littéraire, il les fit traduire en français, moins épris d'ailleurs des mots que des choses, voulant avant tout dérober le trésor des notions possedées par les anciens sur toutes les connaissances humaines. Les traductions dont il est ainsi indirectement l'auteur sont nombreuses; la Bible fut traduite par Raoul de Presles, et il la lisait en français d'un bout à l'autre, au moins une fois l'an. Les problèmes d'Aristote étaient connues de lui. Parmi les Latins—Lucain, Salluste, Cicéron, Valère Maxime, Tite-Live et surtout Végèce lui étaient familiers. La Cité de Dieu de Saint Augustin avait trouvé dans la personne de Raoul de Presles un traducteur, et le De Soliloquio n'était pas non plus méconnu. Charles V ne méprisait point les ouvrages des modernes: il aimait à parcourir le livre de Jean de Corbechon sur la propriété des choses, ne comprenant pas moins de 19 livres, les «Gloses sur les papes» de Pierre de Narbonne, l'ouvrage de Pétrarque sur la «Bonne et la mauvaise fortune», les «Tables alphonsines»; les traités d'agriculture avaient pour lui un très grand intérêt.... Charles favorisa de cette façon le savoir; mais encore il aima à partager la conversation des plus savants hommes de son temps; il eut toujours le goût de la lumière, il la chercha sans cesse. Онъ интересовался богословіемъ, астрологіей; il eut une splendide bibliothèque royale, elle ne comportait pas moins de 900 Mss. superbement réliés, contenant des peintures admirables.

Къ стр. 56 и passim (*Аччьяйоли*). Curzio Mazzi, Argenti degli Acciaiuoli. Siena, tip. Nava, 1895, per nozze Bacci—Del Lungo. Сл. Giorn. stor. d. lett. ital., v. XXVI, 76—7, стр. 279: счеты della argenteria, biancheria ecc. di casa Acciaiuoli, tolte dalle numerose carte di quella famiglia che tornarono in Italia con la collezione Ashburnham.... Les notizie riguardenti il *gran Siniscalco* ed i più prossimi parenti di lui potranno interessare agli studiosi del *Boccaccio*.

Къ стр. 67 (*Гвидо Кавальканти*). Сл. La poesia giovanile e la canzone d'amore di Guido Cavalcanti. Studi di Giulio Salvadori. Roma, Soc. editrice Dante Alighieri, 1895; и отчетъ Mario Pelaez въ Nuova Antologia, 1895, 1 Aprile; стр. 561 слѣд.: Сальвадори нашелъ въ Ватик. ркп. 3793 канцону и 61 сонетъ: они составляютъ una serie

continuata, un trattato organicamente ordinato della *maniera di servire,* «e poichè il servire in amore è anche qui principio di virtù, essi sono anche un trattato morale, un dolce ammaestramento della dirittura che è alimento del cuor gentile, e tutte le cose manchevoli conduce a perfezione». L'autore s'è risoluto a scriverlo per soddisfare alla domanda di un amico a cui lo manda con due sonetti di proemio e uno d'invio. Il cod. Vaticano non ha il nome dell'autore, ma perchè fra i 61 sonetti, il 35°: «Morte gientile, rimedio de chattivi» negli altri undici codici che lo contengono, oltre questo, è attribuito al Cavalcanti, e perchè questo sonetto è strettamente connesso, per la materia, a quelli che lo precedono e a quelli che lo seguono, il Salvadori ha quasi la certezza che tutti quei sonetti siano opera giovanile di G. Cavalcanti. — P. 564: essi non sono assolutamente la esposizione di una teorica, ma la rappresentazione di un amore reale, nella quale gl' insegnamenti morali sono offerti quasi come osservazioni fatte dal poeta in una triste e dolorosa esperienza.... Il dramma si svolge nei sonetti 950—961, 966—979 principalmente, ed è rappresentato dal contrasto fra la donna e il poeta: perchè quella a un dato punto del dialogo dichiara certi scrupoli religiosi (на что поэтъ отвѣчаетъ: Chè' n nulla guisa la vostr' amistate—Non chero aver, se non ch' onor vi sia) ed egli manda un altra donna come mediatrice di pace..... L'opera della mediatrice sembra che sortisse l'effetto desiderato, chè il poeta muove il canto della gioia.... Ma fu vera o temporanea questa riconciliazione? Non si sa. È però certo che rime dolorose seguono il canto della gioia, rime che hanno la più addolorata espressione nel sonetto: «Morte gentil, rimedio de' cattivi».... che contiene il germe di quella che sarà poi la poesia dolorosa di Guido. — Сальвадори пытается опредѣлить la educazione filosofica di Guido. Esamina.... la psicologia di Aristotele contenuta nei tre *libri dell'Anima,* ed espone con quali alterazioni prodotte dal misticismo alessandrino essa passasse nei trattati dei filosofi arabi, i quali alla loro volta, secondo la loro natura, dovettero alterarla. Ad Avicenna e ad altri arabi attinse Alberto Magno, da' cui libri, «scritti senza dubbio a raccogliere, ma purificata e armonizzata con la fede, la somma della scienza greco-araba», crede il Salvadori abbia derivato il Cavalcanti il misticismo arabo. «Così si spiegherebbe, aggiunge il S., come il Cavalcanti, meglio che un averroista, si possa dire un arabizzante preaverroista, perchè questa è appunto la nota distintiva della dottrina di Alberto». Что до теоріи любви, то Кавалькантн продолжаетъ Guinizelli, его новшество: «una

più precisa determinazione del fatto della generazione d'amore; una più precisa distinzione de' suoi effetti: la psicologia dell'amore e la fisiologia». Сл. Giorn. stor. d. lett. ital., fasc. 76—7 (Pellegrini, стр. 195 слѣд.: не согласенъ съ толкованіемъ и выводами Сальвадори).

Къ стр. 68 слѣд. (*Къ эпизоду cour d'amour въ Филоколо*) Сл. Rassegna bibliografica 1902, fasc. 4—5—6, стр. 143—4: in un articolo inserito nella Romania XXXI il prof. P. Rajna, proseguendo ed ampliando delle ricerche già iniziate in uno scritto da lui inserito nella *Raccolta* dedicata al prof. D'Ancona, indaga con geniale dottrina la varia fortuna delle *questioni d'amore,* introdotte dal Boccaccio nel IV libro del Filocolo: esaminando anche la riduzione che a mezzo il quattrocento ne fece in terzine il senese Jacopo di ser Minoccio, le due stampe che dell'episodio boccaccesco si fecero in Ispagna sotto il titolo di Laberintho de Amor (перев. Diego Lopez de Ayala и Diego de Salazar), la 3ª edizione di Toledo delle «Trece Questiones», fatta nel 1546 a cura di Blasco di Gavay, e la quarta pure in spagnolo, pubblicata più tardi in Italia a cura di Alfonso de Ulloa in appendice alla «Question de Amor», pei tipi di Gabriel Giolito: infine ci dà notizia della versione francese, uscita per le stampe nel 1531 e della inglese del 1567. Posti in chiaro i nessi, che congiungono la materia e la configurazione artistica di questo episodio del Filocolo colla materia e colla configurazione del Decameròn, dopo aver mostrato l'origine della questione d'amore nella forma occitanica di tenzone, ben nota sotto il nome di *Joc partit* o *Jeu parti,* il Rajna.... esamina una per una tutte le 13 questioni, additandone le fonti dirette o indirette indiane, celtiche, greche o provenzali.... Per la forma artistica egli vede in questa parte del Filocolo la riproduzione di scene, frequenti nella corte angioina.... Così, rispetto all'uso d'eleggere in una comitiva il Re e la Regina arbitri della festa, pur accennando di volo al ben noto oraziano: «At pueri ludentes: -rex eris- ajunt» (cui si può aggiungere l. II, od. VII, v. 25: «quem Venus arbitrum dicet bibendi»?), come a probabile indice di costumanze già radicate nella società romana, il R. s'indugia a mostrare, come questo sia un motivo troppo frequente nei fabliaux e nelle tenzoni occitaniche per doverne cercare altrove la diretta derivazione. Напомнивъ идеальную связь Filocolo съ Декамерономъ, авторъ указалъ, сколько захожихъ, бо̀льшей частью провансальскихъ элементовъ, слилось и объитальянилось nell'opera maggiore del Certaldese.— Рецензентъ указываетъ по поводу легенды о воскресшей мнимо-

умершей, che divenne poi la Storia di Ginevra degli Almieri, сл. Liebrecht, Die Todten von Lustzau (Zur Volkskunde, Heilbronn, 1879, p. 54).

P. Rajna, Le quistioni d'amore nel Filocolo, Romania, XXXI, p. 28 слѣд.; p. 28 прим. 3 (не упомянута новелла изъ Filocolo, пересказанная Jacomo di Giov. di ser Minoccio, перепечатанная у меня въ приложеніяхъ); 34: эпизодъ Quistioni: forma embrionale del Decameron; связь съ cours d'amour (у меня); 36—7: *Qu. I* (сл. у меня: мотивъ вѣнка; сл. Rajna въ Raccolta, посв. D'Ancona'ѣ, стр. 353—68); стр. 38 слѣд.: *Qu. III* (кого предпочесть: мужественнаго, courtois и т. д.; сл. у меня); стр. 40: *Qu. IV* (Новелла о Торольфѣ = Dec. X, 5; отмѣчено отличіе Дек. отъ Qu.: въ послѣднемъ мужъ посылаетъ жену, considerata la purità dell'intenzione, въ Дек. говорится и о paura del nigromante. Сл. у меня и стр. 44—5: вопросъ о восточныхъ параллеляхъ къ Боккаччьевской новеллѣ?); стр. 47—8: *Qu. V* (кто несчастнѣе: тотъ ли, chi non ottiene ricambio, или тотъ, кто, ricambiato, si trova aver motivo di gelosia? Rajna приводитъ пров. и франц. параллели; Crescini видитъ въ geloso — Boccaccio; интересно, что сама Fiammetta, che in realtà è l'amante infedele, объявляетъ болѣе несчастнымъ ревнивца. Она въ самомъ дѣлѣ могла обвинить его въ напрасной ревности, защищая себя?). — Стр. 48—50: *Qu. VI* (какую дѣвушку предпочесть: ту ли, которая по уговору цѣлуетъ юношу, котораго хотѣла этимъ побудить рѣшиться на выборъ между ними; или ту, которая, рѣшившись, останавливается, застыдясь?). Стр. 50 слѣд.: *Qu. VII* (è un bene o un male l'amore?); стр. 52: *Qu. VIII* (кого предпочесть: женщину высшаго состоянія или низшаго? Сл. у меня: автобіографическій моментъ); 52 слѣд.: *Qu. IX* (выборъ: pulcella, maritata o vedova? У Rajna'ы пров. и франц. параллели; приводился и сонетъ Б. къ Pucci: какъ въ Qu., такъ и у Pucci предпочтеніе отдается вдовѣ; сл. у меня); стр. 54 слѣд.: *Qu. X* (одна дама обречена на костеръ; судья порѣшилъ однако попытать Божьяго суда — единоборствомъ. Одинъ изъ поклонниковъ дамы выступаетъ въ ея защиту, другой является его противникомъ, но съ тѣмъ, чтобы быть побѣжденнымъ. Оба просятъ у дамы награды; кого наградить?); стр. 54: *Qu. XI* (что лучше: видѣть милую, или, не видя, думать о ней?); *Qu. XII* (юноша, застигнутый у дѣвушки ея братьями, можетъ спастись подъ условіемъ: годъ прожить съ дѣвушкой и годъ со старухой; отъ него зависитъ выборъ, съ кѣмъ прежде?); 57 слѣд.:

Qu. XIII (= Dec. X, 4: новелла о messer Gentile и обмиравшей красавицѣ. Rajna сравниваетъ разсказъ съ Vetâlapanćavinçati. Сл. мои сказанія о Соломонѣ: о трехъ юношахъ, совмѣстно оживляющихъ дѣвушку; стр. 61: параллельный разсказъ Декамерона ближе къ восточному оригиналу, хотя и болѣе поздній. Невѣроятно! Стр. 66: ближе къ такому восточному мотиву легенда о Ginevra degli Almieri; 67: темы Б. и легенды — изъ одного источника, проникшаго во Флоренцію въ XIV в.). — Стр. 69: Adam de la Halle умеръ въ Неаполѣ м. 1285—8 гг., былъ въ Неаполѣ съ 1283. — Источники «вопросовъ» и устное преданіе салоновъ, стр. 69 слѣд.: Б. къ Фіамметтѣ, indirizzandole il Filostrato, ossia un opera scritta... a Napoli, quando il Filocolo era gia stato *intrapreso* e non ancora era stato condotto a compimento: «Molte fiate già, nobilissima donna, avvenne che io, il quale quasi dalla mia puerizia insino a questo tempo ne' servigi d'Amore sono stato, ritrovandomi nella sua corte tra li gentili uomini e le vaghe donne in quella con me parimente dimoranti, udii muovere e disputare questa quistione, cioè: Uno giovane ferventemente ama una donna, dalla quale niuna altra cosa gli è conceduta dalla fortuna se non il potere alcuna volta vederla, o tal volta di lei ragionare, o seco stesso di lei dolcemente pensare. Qual' è dunque di queste tre cose di più diletto»? E seguita, narrando, com' egli, «più volte mescolandosi tra' questionatori», avesse sostenuto le ragioni del *pensare*: che è appunto la parte fatta prevalere — lì in contrasto col vedere soltanto — anche nel *Filocolo*, dove non manca l'argomento che il B. del Proemio dice di aver addotto «tra gli altri» (*Filostr.*:.... «non essere picciola parte della beatitudine dell' amante, potere secondo il disio di colui che pensa disporre della causa amata, e lei rendere secondo quello benivola e rispondente»; *Filoc.*: «Allora gli è lecito senza alcuna paura abbracciarla. Allora mirabilemente secondo il suo disio festeggia con essa. Allora ad ogni suo piacere la tiene». Сл. Crescini, Contributo, p. 186). 70: сцена, описанная въ Proemio къ Filostr., — viene a ritrarre costumanze reali della Napoli contemporanea — и соотвѣтствующій *франц. обычай*, 72 слѣд. (*Fiez d'amour* Jacques'a de Baisieux; *Des trois Chevaliers et del chanse*). 78: Filocolo — какъ studio къ Декамерону; на полупути — Ameto (общія имена съ Дек.: Emilia, Panfilo, Dioneo); 79: Decameron — evoluzione dell' episodio delle Quistioni d'amore nel *Filoc.*, связанъ съ Франціей не однѣми новеллами, и не только съ сѣверной, но и съ южной (80—1: Decameron modellato sopra Hexameron, Exameron) (все то же у меня).

Къ стр. 74 (*Gaia*). Сл. Renier, Gaia di Gherardo da Camino (Fanfulla d. Domenica, 1904, № 4). Въ Purg., XVI, 136—140, Marco Lombardo «lamenta la degenerazione di quella larga zucca della superiore Italia, che francescamente» chiamavasi Lombardia e dice che tre soli vecchi ancor vivono «in cui rampogna l'antica età la nuova», Corrado da Palazzo, il *buon Gherardo* e Guido da Castello. Признавъ остальныхъ, Данте представляется, будто не знаетъ, что такое il *buon Gherardo*: Марко удивленъ: «Par che del buon Gherardo nulla senta, Per altro soprannome io nol conosco, Se nol togliessi da sua *figlia Gaia*». Dopo quest' accenno tronca il discorso bruscamente: «Dio sia con voi, chè più non vegno vosco». Комментаторы толкуютъ это такъ, что Marco dopo aver così esaltato il vecchio Gherardo da Camino, abbia voluto pungere la *degenerata figlia o la tristamente celebre per la libertà dei suoi costumi*. Это представленіе *о распущенности Гайи* стало общимъ мѣстомъ (Rajna, Gaia da Camino, Arch. stor. it., ser. 5ª, v. IX, 1892, p. 286; Del Lungo, Dante ne' tempi di Dante, Bologna, 1888, p. 322—3; Toynbee, Dante Dictionary, Oxford, 1898, p. 113, 255; Zingarelli, Dante, p. 635). Renier указываетъ, какъ сложилась эта легенда о распутной Гайѣ. Anonimo fiorentino и Francesco da Buti ничего о ней не знаютъ, наоборотъ, говорятъ о Гайѣ celebre per bellezza e virtù; il Della Lana antichissimo, copiato dall' Ottimo, sa, ch'ella «fu donna di tale reggimento nelle *dilettazioni amorose*, ch' era notorio il suo nome per tutta Italia». Frase equivoca, che male addirittura non dice, ma al male fa pensare. E Benvenuto in fatti non solo pensa, ma dice malissimo, perchè scherzando sul nome della gentildonna la designa come «mulier vere gaia et vana, et ut brevitu dicum, *Tarvisina tota amorosa*», che a Rizzardo fratel suo procurava le ganze affinchè egli le conducesse «juvenes procos amorosos»; e molte imprese sconciamente ridicolose («multa jocosa») l'Imolese potrebbe aggiungere di lei, ma ne tace per pudore. — Показаніе Rambaldi стоитъ одиночно: изъ двухъ слѣдовавшихъ ему комментаторовъ, Stefano Talice повторяетъ сужденіе Buti, a Giovanni da Serravalle, che pur la loda assai, ci sa dire di essa che «scivit bene loqui rythmice in volgari» (что отмѣтилъ Tiraboschi). Rambaldi склоненъ къ злословію, развилъ двусмысленное выраженіе Lana'ы и, м. б., смѣшалъ нашу Gaia'ю съ другой, соименницей, uscita dai Caminesi e forse bastarda, vissuta prima della figliuola di Gherardo, che realmente si diede a mala vita finchè non ebbe il buono stomaco di sposarla un usuraio Negro di Padova, come ci attesta il cronista Giovanni da Noce. — Marco Lombardo,

uomo di corte, говоритъ о старыхъ временахъ, когда царила curialitas: въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать и эпитетъ Gherardò, buono; въ этомъ смыслѣ Данте, Convivio, IV, зоветъ его nobilis; Benvenuto Rambaldi: hic fuit vir totus benignus, humanus, curialis, liberalis et amicus bonorum, ideo catonomastice dictus est bonus. — *Gaia* — soprannome въ смыслѣ lieto, gentile, nobilmente giocondo, м. б., не безъ вліянія прованс. gay; о тревизскихъ дамахъ писалъ Giullare: De le donne di Treviso: «Queste son *cavalleresche;* Sempre con *allegro viso*, Tutte quante zentilesche: De bei balli e delle tresche Hanno ben de saver fare, E poi son ben solozare Con ognun gentil barone». Così notissimo è in fatti che segnatamente nel s. XIII fu Treviso ricetto di bella e fresca cultura, teatro di feste amorose, di giostre, di tornei. Сл. у хроникера Rolandino описаніе праздника del castello d'amore; сл. Dittamondo, III, 2; прованс. поэзія рядомъ съ отголосками французскаго эпоса и отголосками захожаго рыцарскаго быта. — Сл. Picotti, Gaia da Camino, Giorn. Dantesco, XII, 6; Coletti, L'arte di Dante e nel medio evo. Gaia e Rizzardo da Camino, Treviso, 1904. Сл. Giorn. stor. d. letter. it., XLIV, 485—6.

Nuova Antologia, 1904, 16 Maggio, стр. 358 слѣд., отчетъ о Angelo Marchesan, Gaia da Camino nei documenti Trevisani in Dante e nei Commentatori della Div. Com. (Treviso, 1904). Jacopo della Lana (1323—8) о ней: «Gaia fu figliuola di messer Gherardo predetto, e fu donna di tale reggimento circa le delettazioni amorose, ch'era notorio il suo nome per tutta Italia». То же повторяетъ Ottimo, но у Anonimo fiorentino: «Fu una bella giovine e costumata, simigliante al padre quasi in ogni cosa, et di lei et dei costumi suoi si ragionava non solamente in Trevigi, ma per tutta la Marca trevigiana»; то же Franc. da Buti, второй половины XIV в.: «e fu si honesta e virtuosa, che per tutta Italia era la fama della bellezza et honestà sua». Иначе Benv. da Imola: Ista enim erat famosissima in tota Lombardia, ita quod ubique dicebatur de ea: Mulier quidem vere gaia et vana: et ut breviter dicam, Tarvisina tota amorosa; quae dicebat domino Rizardo fratri suo: Procura tantum mihi juvenes procos et ego procurabo tibi puellas formosas. Multa jocosa sciens praetereo de foemina ista, quae dicere pudor prohibet». — Странно было бы со стороны Данте похвалить Герардо, назвавъ его отцомъ такой дочери. Marchesan объясняетъ отзывъ Данте иначе, устраняя — легенду Benvenuto: онъ volle dire nella risposta di Marco Lombardo: «Io non conosco il buon Gherardo per altro casato, il quale lo possa onorare, che per

quello della figlia Gaia». E ciò appunto per evitare, nella contrapposizione ch'egli faceva fra gli antichi costumi e i recenti, di nominare Rizzardo, figlio degenere di Gherardo, fautore di Corso Donati.... Ci sono ancora quei tre vecchi, dice Marco, ed è tempo che muoiano, perchè i lor successori sono ben diversi.

См. отчетъ A. Michieli, Rass. bibliogr., XII (1904), fasc. 4—5—6, p. 116—18.

Къ стр. 83 слѣд. (*Варлаамъ*) Его ученикъ Кидоній. Сл. Iorio, L'epistolario di Demetrio Cidone (изъ Studi italiani di filologia classica, IV, 257—86).

Къ стр. 94 слѣд. Сл. Владимірскій, Св. Григорій Палама, епископъ Солунскій. Русск. Паломникъ, 1895, № 8, стр. 117—120; Епископъ Арсеній, Святаго Григорія Паламы, митрополита Солунскаго, три творенія, доселѣ не бывшія изданными: а) посланіе къ монахамъ Іоанну и Θеодору; в) Бесѣда на Евангеліе отъ Луки въ пятую недѣлю, на слова Луки 16, 19; в) Бесѣда на Евангеліе отъ Луки въ шестую недѣлю на слова Лук. 8, 27. Новгородъ, 1895.

Къ стр. 97—8 (*Григора и его кружокъ*). Сл. Treu, Der Philosoph Joseph, (Byz. Zs., VIII B., стр. 1 слѣд.): пріятель Θеодора Метохита и Григоры; его затѣя alle Zweige der *λογικὴ παίδευσις*, des theoretischen Wissens, die man bisher nur in verschiedenen Büchern zerstreut fände, in einem Buche zusammenzustellen, eine zusammenhängende encyklopädische Uebersicht d. theoretischen Wissenschaften zu geben (стр. 45); письма къ нему Григоры стр. 55 слѣд. Сл. 56 слѣд.: *ὃ δέ μοι προὔργου τῇ σῇ μεγαλονοίᾳ γράφειν ἐν τῷ παρόντι γεγένητο, λόγος ἐκ πολλοῦ παρ᾽ ἡμᾶς ἀφίκετο, ὡς πάνυ τοι εὐφυῶς καὶ ὡς σοί γε ἐχρῆν τὰς Ἀριστοτέλους διεξελθὼν βίβλους καὶ ὅσοι τῶν πάλαι τὴν ἐκείνου διασαφοῦσιν ἀσάφειαν ἐβουλεύσω τι αὐτὸς γενναιότερον ἐς κοινὸν ἐνδείξασθαι ὄφελος. καὶ ἐμακάρισα μὲν τὸ τῆς ἐγχειρήσεως προμηθές, ἐμακάρισα δ᾽οὐχ ἧττον καὶ τὸν χρόνον αὐτόν, ὅτι τἄλλα καθάπερ τις βίαιος δήμιος συνταράξας ἡμῖν ἤνεγκεν ὅμως καὶ οἳ δημοσίᾳ τὸν βίον ὠφελήσαιεν ἂν σιγῶντές τε καὶ φθεγγόμενοι. τοῦτο ἐκεῖνο, ὃ μέγα σεμνότητος ἐφόδιον τῶν πάλαι σοφῶν γενομένων, ἡ μνήμη προσειληφυῖα πληροῖ τὸν αἰῶνα. τά τε γὰρ ἄλλα καὶ δὴ καὶ τῷ ἐν ταῖς Πλάτωνος πολιτείαις Σωκράτει διαλεγομένῳ Γλαύκωνι περὶ τῶν ἀρίστων ἰδίᾳ τε καὶ δημοσίᾳ ταῖς πόλεσι γενομένων ἀνδρῶν, ἵνα πρὸς ἀρχέτυπα βλέπων ἀκριβῆ ἐς τἀκριβὲς ἔχῃ τὴν ἑαυτοῦ πόλιν οἰκίζειν, Λυκοῦργοι μὲν ἐκεῖνοι καὶ Σόλωνες καὶ Χαρῶνδαι τοῦ μεγάλου*

τούτοις ἐκρίθησαν ἄξιοι λόγου, ὅτι Σπαρτιάταις καὶ Ἀθηναίοις καὶ Σικελοῖς κοινῇ καὶ κατ᾿ἄνδρα λυσιτελεῖν ἔδοξαν, καὶ ζῶντες οἷς ἔπραττον, καὶ μεταλλάξαντες οἷς νενομοθετήκεσαν· Ὅμηρος δ᾿, ἡ μεγίστη γλῶττα τῶν Ἑλληνίδων, παρὰ τοσοῦτον τοῦ μηδενὸς ἐκινδύνευσε λόγου γενέσθαι κληροῦχος ἐκείνοις, ὥστε καὶ ἀγεννῶς ὁ γεννάδας τῆς θαυμαστῆς ἐκείνων ἐξωθεῖται πόλεως. καὶ τὸ αἴτιον, ὅτι μήτε πόλις μήτε δῆμος μήτε ναυτικὰ μήτ᾿ ἠπειρωτικὰ στρατόπεδα μηδὲν τῆς ἐκείνου γλώττης πλέον ἀπώναντο, ἢ ὅσα τέττιγος ᾄδοντος ὥρᾳ θέρους ἀμαλλοδέται· ἕωλα γάρ τινα τοῦτόν φασι καὶ μυθώδη διεξιέναι μετὰ γλώττης τινὸς κεκαλλιεπημένης, οὐδὲν δὲ οἷον εἰς ἐπιστήμης ὁρᾷ χορηγίαν, οὔθ᾿ ὧν γένεσις βόσκει καὶ φθίσις, οὔθ᾿ ὅσα τοῖς οὐρανίοις δινεῖται δρόμοις. — ταῦτα δὴ τὰ τὴν ἀνθρωπίνην ἐπιεικῶς αὔξοντα γνῶσιν καὶ ἐς ψυχῆς εἰπεῖν μυελοὺς διαβαίνοντα· ὁ μέντοι μέγιστος οὗτος ἐν λόγοις ἥρως, ὁ σοφὸς καὶ μέγας φημὶ λογοθέτης, τὸ πάσης πρυτανεῖον σοφίας, ὅση τε ἀκριβῶς ἐρευνᾷ τὰ οὐράνια, καὶ ὅση δίεισι τὰ ἐπίγεια καὶ ὑπόγεια καὶ περίγεια, δείσας μὴ τάφῳ συγκαταχώσῃ τὴν μνήμην, οἷον καὶ Σωκράτης ἐκεῖνος ἂν ἐπεπόνθει, εἰ μὴ φειδοῖ τοῦ διδασκάλου Πλάτωνες καὶ Ξενοφῶντες ὥσπερ ἐπ᾿ ὀχήματος τῆς σφῶν αὐτῶν ἀναβιβασάμενοι γλώττης μέγαν ταῖς τῶν ἐπιγιγνομένων ἀεὶ παραπέμπουσιν ἀκοαῖς, ναρκῶσι μὲν ἀφῆκε σιγῶντας διαμέλλειν καὶ ἀνακεῖσθαι· αὐτὸς δ᾿ὥσπερ τις Ἑλλανοδίκης παγκόσμιος διάρας κύκλῳ τοὺς ὀφθαλμοὺς τῆς ψυχῆς καὶ περισκοπήσας τὴν ὑπ᾿ οὐρανὸν καὶ πάντα κατ᾿ ἴχνος ἐπιδραμὼν τὰ ἐξ αἰῶνος πράγματα καὶ διερευνησάμενος τοὺς ἐν ἅπασι δημιουργικοὺς λόγους καὶ ἐξητακὼς πάνθ᾿ ὅσα φθορὰ καὶ γένεσις βόσκει καὶ ξυνιείς, τίνα σὺν λόγῳ τὸν βίον ἤνυσε καὶ τίνα μή, τὸ μὲν παρῳχηκὸς ἐπειδὴ παρερρύη παρῆκε, τῆς δὲ μελλούσης ἔσεσθαι πρὸς λόγους ἡλικίας καὶ μάλα πλείστην ἐνεδείξατο τὴν πρόνοιαν, ὡς μὴ πλημμελεῖ τινι ἔτι καὶ ἡμαρτημένῃ χρῷντο τῇ φορᾷ· καὶ νῦν μὲν τοὺς κατ᾿ οὐρανὸν δρόμους τῶν ἀστέρων, νῦν δὲ τοὺς ὑπὸ γένεσιν καὶ φθορὰν λόγους ἆθλον τῆς αὐτοῦ διανοίας καὶ γλώττης πεποιηκὼς κράτιστα διασαφεῖ καὶ δῆλα τίθησι καὶ οἷον τροφήν τινα ἄπονον ἅπασι. — δύο πρὸς ἐντελέχειαν τῇ πραγματείᾳ ἐνδεῖ· τό τε τῆς λογικῆς πραγματείας Ἀριστοτέλους καὶ ὃ μετὰ τὴν τῶν φυσικῶν δηλαδὴ τυγχάνει ἐξέτασιν· ἃ δὴ παρέδραμεν οὗτος, οὐκ οἶδ᾿ ὁπότερον· εἴτ᾿ ἐπίτηδες καὶ ἄλλῳ τῳ φιλοτιμίας ἔνδειξιν καὶ τόπον χρηστῆς ἐργασίας καταλιμπάνων, εἴτε καὶ τῶν ἀεὶ ἄλλοτ᾿ ἄλλως ἐπιρεόντων ὀχληρῶν ἀπασχολησάντων. καὶ γὰρ καὶ ἀεὶ σχολαστικός τις ὢν ὁ ἀνὴρ τοσαῦτα καὶ τοιαῦτ᾿

ἐδημιούργει, ὁποῖα καὶ ὅσα καὶ λέγων καὶ γράφων διατελεῖ τὸν πάντα αἰῶνα, καὶ οὕτω θαῦμα ἂν ἦν· νῦν δὲ τοσούτοις καὶ τοσοῦτο φλεγμαίνουσι θορύβοις περιαντλούμενος καὶ ὑπὲρ θαῦμα τίθησι τὸ θαῦμα.— φέρε τοίνυν καὶ σὺ τὸ σὸν ἐκτελῶν προμηθές, μὴ καὶ αὐτὸς παραδράμῃς τὰ εἰρημένα καθάπερ τι ἐφόλκιον μηδ' ἐν παρέργῳ θῇς· ὅτι μὴ περὶ πλείονος τῆς σπουδῆς τά τε ἄλλα καί, ἵνα σύμφωνα τῆς τοῦ σοφοῦ Πτολεμαίου δείξῃς, ὅσα καὶ Ἀριστοτέλει διείληπται, περὶ τῶν πλανωμένων σφαιρῶν. ὁ μὲν γὰρ οὐσίας καὶ ἀρχὰς ἀκινήτους καὶ σφαίρας διέξεισι πλείστας ὁ Νικομάχου μέχρι καὶ ἐς πέντε καὶ πεντήκοντα ἀναφέρων αὐτὰς καὶ τὰς μὲν φερούσας, τὰς δ'ἀνελιττούσας καλεῖ, παρά τε Καλλίππου καὶ Εὐδόξου τὰς τοιαύτας ὥς φασι φωνὰς ἐκδεξάμενος. ἀστροθεάμονες δ'ἤστην οὗτοι πρὶν ἢ Ἀριστοτέλην γενέσθαι ἀκμάσαντες· ὁ δέ γε σοφὸς Πτολεμαῖος πολλῷ γε ἧττους ἡμῖν τὰς τοιαύτας παραδίδωσι σφαίρας, δῆλον δὲ δήπου τοῖς ἅπασι πάντως, ὡς πάνυ τοι ἀσφαλῆ τὰ εἰρημένα τἀνδρί, εἰκὸς δ'αὖ μηδ' ἐκείνους ληρεῖν σοφίας οὕτω μεγάλης προήκοντας ἄνδρας, οὔτε τὸν Νικομάχου, οὔτε τοὺς ἐξ ὧν ἐκεῖνος τὰς τοιαύτας παρειλήφει φωνάς. δεῖ δὲ μεγαλοφυοῦς τῷ πράγματι διανοίας, ἵνα ξύμφωνα τὰ δοκοῦντα μὴ ξύμφωνα ἀποφήνῃ.

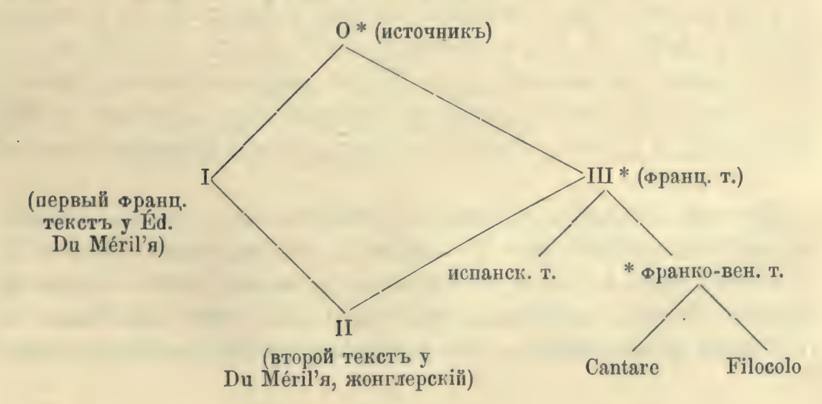
Къ Григоръ. Сл. Ant. Elster u. Lud. Rudermacher, Analecta Graeca, Bonn, 1898: Эльстеръ говоритъ объ обновленіи астрономическихъ штудій въ Византіи XIV в. и даетъ указанія на новыя ркп. григоровскаго діалога *Florentios*; Parisot, Cantacuzène homme d'état et historien, ou examen critique comparatif des mémoires de l'empereur Cantacuzène et des sources contemporaines et notamment.... de l'histoire de Byzance de Nic. Gregoras. Paris, 1845. — *Къ гезихастамъ* сл. Zum Hesychastenstreit, Zs. f. wissenschaftliche Theologie, XLII (1899), 427—36.

Къ *Θеодору Метохиту.* Его стихотворенія изъ Treu; сл. еще Изв. Русск. Археол. Института въ Константинополѣ, VIII, вып. 1—2 (Софія, 1902): Шмитъ, Мозаики и фрески Кохріэ-джаміа. Сл. Визант. Временникъ, IX, 1—2, стр. 223 слѣд.

Къ стр. 118 слѣд. (*Къ источникамъ Filocolo*). Сл. Crescini, Di una data importante nella storia della epopea franco-veneta, Venezia, 1896, p. 16—17: французскіе романы могли переходить въ Тоскану непосредственно (въ прозаической формѣ), минуя сѣверъ Италіи; источникъ Filocolo былъ, вѣроятно, *франко-итальянскій.* Сл. 18—20: Filostrato — 1338 г., возвращеніе во Флоренцію — 1340; Filocolo. — Сл. Romania, t. XXVIII: Huet, Sur l'origine de Floire et Blanchefleur,

стр. 348 слѣд., и t. XXXV (1906), стр. 95 слѣд. (гдѣ приведена и литература; Huet стоитъ за восточный оригиналъ); Basset въ Rev. d. trad. pop., t. XIV (1899), стр. 687—9.

Сл. отчетъ G. Paris о Crescini, Il cantare di Fiorio e Biancifiore, 2 vv. (1889, 1899), въ Romania, № 111, стр. 439 слѣд.: текстъ Cantare представляетъ le remaniement abrégé d'une oeuvre plus ancienne, qui ressemblait de près à la source perdue du roman de Boccace. Текстъ Cantare тосканскій, XIV в., le plus ancien exemple de la *storia* en *ottava rima* qui devait prendre un tel développement en Toscane. C'est une oeuvre simple, populaire, non sans grâce, mais un peu sèche, et portant tous les caractères d'un abrégé. — .... La source de Boccace et le Cantare ont à leur tour une source commune, вѣроятно, франко-итальянская (скорѣе, франко-венеціанская) поэма, на что указываетъ Marmorina = Verona въ Filocolo, обозначеніе, извѣстное во франко-итальянской литературѣ, забытое въ Cantare. On peut s'étonner de voir les Musulmans établis à Vérone, mais déjà dans l'*Oger* franco-italien Marmora est la résidence d'un roi sarrasin, et c'est de ce poème sans doute, ou de poèmes analogues, que le nom de Marmora ou de Marmorina aura été introduit dans notre histoire. Il n'a guère pu l'être que par un jongleur de la vallée du Pô, pour lequel le nom de l'Espagne ne représentait que des idées très vagues, car dans nos versions comme dans les autres Félis est bien un roi d'Espagne. Cette confusion, effacée dans le Cantare d'où le nom de la Marmorina a disparu, a amené dans la géographie du Filocolo les plus étranges incohérences. — Стр. 445: генеалогія текстовъ Floire et Blanchefleur по Г. Пари (стр. 444 и прим. 3: онъ допускаетъ въ основѣ un conte oriental, какъ Huet, колеблется относительно существованія византійскаго романа — источника франц. поэмы; 445):



Во Франціи и Провансѣ исторія о Floire et Blanchefleur упоминается съ половины XII в. (445), испанскія аллюзіи восходятъ къ XIV (447).

La Favilla, VI, 52: Crocioni, La più antica redazione italiana del cantare di Fiorio e Biancifiore nel cod. Veliterno K. IV, 1.

Rajna, Le fonti dell' Orlando Furioso, 2-a ed., Firenze, Sansoni, 1900, p. 170 (la fonte di Fileno e il pino di Idalagos: тамъ и здѣсь Боккаччьо si fece eco specialmente di Dante. Для эпизода объ Idalagos предполагается una partecipazione dell' Erisittone di Ovidio, Met., VIII, 751; nelle Metamorfosi il motivo era già apparso II, 358); сл. ib. p. 405 прим. 1. Вліяніе на соотвѣтствующій эпизодъ Orlando Furioso. — О вліяніи *Filostrato* и *Fiammetta*'ы, ib. стр. 474 слѣд.; *Декамерона* (Dec., IV, 4, II, 7, 9, III, 7, V, 9, X, 3, 8)—сл. стр. 229, 557, 585, 589, 601. Къ новеллѣ о Gisippo, X, 8, сл. стр. 601: генетическая связь съ эпизодомъ о Садокѣ въ Тристанѣ, ибо новелла вышла dalla prima parte dell'Athis et Prophilias, derivata da un bene noto racconto della Disciplina Clericalis, che anche nei casi di Sadoc ci si viene a riflettere. Сл. Liese, Der altfranz. Roman «Athis u. Prophilias» verglichen mit einer Erzählung von Boccaccio (X, 8), Görlitz, 1901, стр. 19: Boccaccio пользовался, вмѣстѣ съ старо-франц. романомъ, и соотвѣтствующей повѣстью Альфонса: freilich ist die Möglichkeit nicht abzuweisen, dass dieser nach einer unbekannten Vorlage gearbeitet hat, welche die bei Alfonsus vorkommende Abweichung vom Romane enthielt. Aber auch dann müsste diese Vorlage auf das genaueste mit dem altfranz. Romane übereingestimmt haben.

Сл. Albertazzi, Il romanzo (въ серіи: Storia dei generi letterarii italiani. Milano, Villardi), p. 19: въ *Filocolo* Боккаччьо accrebbe, nella parte drammatica dell' azione l'età dell' eroe e dell' eroina, rendendoli non più giovinetti, ma consapevoli e maturi all'amore. P. 20: filocolo—amator di fatica (lib. IV); 25: средневѣковый романъ обращалъ античныхъ героевъ въ рыцарей, Б. въ *Filocolo* volse ad apparenze classiche e a impressioni d'antica poesia una leggenda nota o divenuta feodale cavalleresca, e la volse (si noti bene ancor questo) a narrazione in prosa.

Къ стр. 120 слѣд. *(Pamphilus)* Библіографія у Cloetta, Beiträge z. Litteraturgeschichte des Mittelalters u. der Renaissance, Halle a. S., Niemeyer, 1890, I B., стр. 88 слѣд.; сл. Creizenach, Gesch. d. neueren Dramas, Halle a. S., 1893, I, стр. 35 слѣд.: XII вѣкъ; der Name des Verfassers ist unbekannt....; er hat wahrscheinlich den Namen (Pam-

philus) aus Terenz entlehnt, der in zwei Comoedien (Andria u. Hecyra) verliebte Jünglinge dieses Namens auftreten lässt.... Можетъ быть, dass man dem Dichter nach seinem beliebten Werke den Beinamen Pamphilus gegeben hatte. Auch über seine Herkunft steht nichts fest, Boccaccio (Lettere, ed. Corazzini, p. 194) erwähnt ihn einmal unter den Dichtern, die Italien im Mittelalter hervorgebracht habe. Сл. стр. 45: переводы исландскій, франц., итальянскій, испанскій, м. б. провансальскій (испанскій принадлежитъ arcipreste de Hita, XIV в.).

Къ стр. 122 слѣд. *Байскіе сонеты Боккаччьо.* Сл. Giorn. stor. d. lett. italiana, 1904, v. XLIII (fasc. 2—3), стр. 299: Gigli, I sonetti baiani del Boccaccio. Въ изданіи Baldelli и Moutier это №№ IV, V, XV, XXXIII, XXXIV, XLVII, XLVIII и LXIX. Критики группируютъ ихъ различно: Ландау относитъ къ байскимъ №№ IV, XXXIII, XXXIV и CIII; Manicardi и Massèra (Introduzione al testo critico del Canz. del B., Castelfiorentino, 1901, pp. 37—8) относятъ къ Байямъ IV, XV, XXXIII и LXIX, къ Miseno—XXXIV, XLVII и XLVIII.— стр. 300: Б. не разъ описываетъ окрестности Неаполя (Fiammetta, IV, Filocolo, VII, De montibus и т. д.); ихъ онъ посѣщалъ. Ponendo dunque la scena degli avvenimenti che dettero ragione a questi sonetti nei varî dintorni di Napoli, che erano senza dubbio una continuazione non interrotta di ville, di giardini e di deliziosi luoghi lieti di feste e di danze, si deve arguire (какимъ образомъ!) che gli accenni a Miseno di taluni sonetti debbano intendersi come fatti ai luoghi ove solea recarsi l'amata donna, prima di giungere a Baia (?!). И онъ предлагаетъ такую послѣдовательность:

I (XLVII) E Cinto e Caucaso.
II (XLVIII) Colui per cui Misen.
III (XXXIV) Infra il Barbaro.
IV (XV) Toccami il viso.
V (V) Dice con meco.
VI (XXXIII) C'è chi s'aspetta.
VII (LXIX) Se io temo di Baia.
VIII (IV) Perir possa.

Время перваго innamoramento Б.: Baldelli и Fanfani—въ 1341 г.; Gaspary — 1338; Landau и Cochin — 27 марта 1334; Koerting — 24 апрѣля 1338. Авторъ склоняется къ хронологіи Casetti (Il Boccaccio a Napoli, Nuova Antologia, 1875, marzo, 570) и Renier (La Vita Nuova e la Fiammetta, Torino e Roma, 1879, стр. 238 слѣд.). — Когда

Б. впервые явился въ Неаполь? По Балделли—въ 1333. In fondo, scrive il Renier, questo granchio, tale almeno mi sembra, ha per sua remota origine l'idea che il B. fosse discepolo di Cino da Pistoia; idea fondata in gran parte su di una lettera apocrifa, stampata prima dal Doni e poscia riprodotta dal Biscioni, che il B. avrebbe scritto nel 1338 a Cino morto nel 1336; senza badare che dal 1329 al 1333, anni in cui il B. si sarebbe applicato alle leggi, era molto probabilmente Cino professore a Perugia, dove lo troviamo fine dal 1326, e dove ebbe a discepolo il Bartolo [сл. у меня выше стр. 18: Чино вызванъ королемъ Робертомъ въ Неаполь въ 1330-мъ году, но оставилъ каѳедру въ томъ же году. Ibid. въ прим. 4): въ Перуджіи съ 1332 года].— Стр. 302: по свидѣтельству (non sospetta) Benvenuto da Imola Б. былъ вызванъ отцомъ изъ Неаполя въ 1329 г. [сл. у меня выше стр. 17: отецъ Б. окончательно выѣхалъ изъ Неаполя въ 1331 г.]. Авторъ полагаетъ, какъ и я, что Б. изучалъ каноническую мудрость въ Неаполѣ, м. б., у Dionigi de' Roberti (но вѣдь Dionigi былъ призванъ въ Неаполь лишь въ концѣ 1338 г.?). — Se veramente il B. fosse andato a Napoli nel 1333, mal si riuscirebbe a spiegare la completa sua inoperosità fino al 1341, nel più bel fiore dell' età sua (почему inoperosità? Непонятно) Mentre se ammettiamo ch' ei vi si recasse nel 1329 [какъ же согласить это съ показаніемъ Benv. da Imola, что отецъ вызвалъ Б. изъ Неаполя въ 1329 г. послѣ шести лѣтъ коммерческой выучки? По моему расчету, сл. выше стр. 15, Б. взятъ изъ школы для обученья торговому дѣлу въ 1326 г., кончилась эта выучка, продолжавшаяся 6 лѣтъ, въ 1332; въ 1331 г. отецъ Б. выѣхалъ изъ Неаполя; начало его 6-лѣтнихъ занятій каноническимъ правомъ, стало быть, въ 1332 г., сл. стр. 18], possiamo ben ritenere che fino al 1335 egli accudisse svogliatamente quanto si vuole al diritto canonico, e tornasse qualche volta (?) a Firenze dove poteva benissimo succedergli di innamorarsi di Lia, ovvero di continuare i suoi amori con lei (?); e che solo dopo il 1335 fosse dal genitore licenziato a darsi exprofesso alle lettere. In questo caso i *sette anni* corsi dalla prima apparizione all' innamoramento di Fiammetta (se anche vogliamo ritenere che la apparizione sia veramente successa e che le parole dell'*Ameto* in proposito non siano una semplice alzata di fantasia) ci porterebbero verso il 1336: in questi anni il B. avrebbe atteso ai leggi e molto più ai suoi studî letterarî, giacchè senza una lunga preparazione egli non avrebbe certo potuto scrivere nè il *Filocolo*, nè la *Teseide*. Такимъ образомъ, Б. влюбился въ Fiammetta'у въ Страстную субботу 1336 г. (=Casetti,

l. c.), любовь длилась до 1342 г., когда отецъ Б. вызвалъ его изъ Неаполя. Къ этимъ годамъ относятся Байскіе сонеты.

Сонеты XLVII (E Cinto e Caucaso = подражаніе Петрарковскому *Non Tesin,* по Cochin, послѣдній относится къ 1337 г.) и XLVIII (Colui per cui Misen): Б. счастливъ своею любовью; мѣсто дѣйствія— окрестности Неаполя (Miseno въ томъ и другомъ сонетѣ), гдѣ Fiammetta проводила лѣто, и онъ былъ съ нею. — Сон. XXXIV (In tra 'l Barbaro monte): Мизенъ разлучаетъ его (ogn' anno) съ милой, и Б. жалуется. Очевидно, ихъ любовь была открыта или заподозрѣна, e Fiammetta aveva creduto opportuno farlo allontanare (сл. Casetti, l. c., 580). — Сон. XV (Toccami il viso): Fiammetta въ Байяхъ, онъ не съ ней; видитъ ея образъ, хочетъ охватить его, но онъ исчезаетъ. — Сон. V (Dice con meco): Б. негодуетъ на невѣрность Fiammetta'ы; съ ней ли онъ? Онъ долженъ былъ знать, что тамъ, гдѣ царятъ Вакхъ и Венера, и еще раздаются пѣсни сиренъ, не можетъ быть любви, честности — и т. д., какъ же онъ могъ полюбить ту, которая его — не любитъ? Destati omai, e *fuggi il lito avaro;* Fuggi colei che la tua morte brama. Che fai? Che pensi? che non ti *dilegui*[1])*?* — Сон. XXXIII (C'è chi s'aspetta): снова жалоба на то, что F. въ Байяхъ, и она, che può di me quel che le piace, запретила ему слѣдовать за ней (этотъ сонетъ, по настроенію, слѣдовало бы поставить выше предыдущаго).— Сон. LXIX (Se io temo di Baia): жалоба на Байи, откуда и Лукреція возвращается Клеопатрой (то же, что въ сон. V), — и онъ боится, чтобы того же не случилось съ Fiammetta'ой [послѣдовательность психологическая: сон. XV, XXXIII, LXIX, V и IV. — Сон. IV (Perir possa): проклятіе Байямъ, che hai corrotta la più casta mente. — Ландау относитъ къ байскимъ еще сон. CIII, но въ немъ Байи не упомянуты, а лишь жалоба на отдаленіе отъ милой, м. б., на ея отъѣздъ въ Aquino или Sannio (Filostrato, dedicatoria).— Стр. 310—11: характеристика Бай у Б. не объясняетъ ли его знакомства съ Марціаломъ? Сл. Epigr. I, 63: цѣломудренная жена dum Baianis saepe fovetur aquis, — Incidit in flammas, *juvenemque secuta, relicto — Conjuge, Penelope venit, abît Helene*].

Къ стр. 130 слѣд. Къ *Filostrato.* Сл. Savj-Lopez, Il *Filostrato* di G. Boccaccio, Romania, № 107 (1898), стр. 442 слѣд. Сл. стр. 444 - 5: текстъ Moutier начинаетъ съ объясненія титула (Filostrato = «vinto

---

1) Сл. сонетъ LV, баллату I и мадригалъ III; Crescini, Contributo, p. 128.

ed abbattuto da amore»); этого нѣтъ ни въ ркп. Неаполитанской библ. XV в., ни во флорентійскихъ, разсмотрѣнныхъ Corazzini. Это didascalia, сведенная въ текстъ (нач.: Molte fiate già etc.). Стр. 445—6 (вопросъ о зависимости отъ Ben. de Sainte More и Guido delle Colonne): il Joly crede ad una maggiore influenza di Ben. de Sainte More, il Dunger di Guido; il Moland, il d'Héricault e il Barth lasciano la questione indecisa; al Gaspary parve che il B. avesse attinto principalmente al primo, pure giovandosi del secondo; il Gorra infine.... tende anch' egli a prender le parti di Guido delle Colonne; 446: совпаденіе Roman de Troie и Filostrato; p. 448—9: Briseida vedendosi così onorevolmente accolta dal campo nemico, «Anceis que venist le quart seir — N'ot el corage ne voleir — De retorner en la cité». — Ella non ha niente stabilito con Troilo, nè prima s'è accennato a codesto ritorno, il quale è messo qui incidentalmente dal poeta, solo a mostrare il mutevole animo della fanciulla. Ma non pare probabile che da questa frase abbia il B. prese le mosse per fondare sopra un mancato ritorno lo svolgimento posteriore del suo romanzo? Nel quale inoltre la catastrofe finale è determinata da un fatto che similmente il Boccaccio potè svolgere da un germe contenuto nel solo romanzo francese (авторъ имѣетъ въ виду «la destre manche», которую Бризеида даетъ Діомеду «en leu de gonfanon»; изъ этого Троилъ могъ заключить, что «devers li est l'amor cassée»; у Б. является вмѣсто того un fermaglio, который онъ подарилъ Гризеидѣ и находитъ на одеждѣ Деифоба, которую тотъ похитилъ у Діомеда). 449 слѣд. Заимствованія Б. у Ben. de Sainte More или Гвидо начинаются da quella scena di dolore che accompagna gli ultimi baci degli amanti; ему лично принадлежитъ *l'innamoramento dell'eroe*, le sue ansie angosciose, l'opera di Pandaro e la suprema gioconda vittoria — все, что разсказано въ первыхъ трехъ книгахъ. Но и въ нихъ есть мотивы, развитые изъ сходныхъ въ Rom. d. Tr.: какъ Троилъ влюбляется въ Гризеиду въ храмѣ и затѣмъ не находитъ себѣ покоя (450—1), такъ въ Rom. d. Tr. Ахиллъ, явившійся вмѣстѣ съ другими греками въ Трою, во время перемирія, — въ Поликсену, которую видитъ въ храмѣ при годовыхъ поминкахъ Гектора, и такъ же открывается другу, «un suen ami, un suen feeil», какъ Троилъ Пандару (452—3); 457 (Діомедъ въ Rom. de Troie и у Б.); nel Filostrato Diomede è descritto come un astuto corteggiatore, il quale, accortosi dell' amore che unisce Troilo e Griseida, s'infiamma egli stesso; e quando gli par giunto il tempo, quando la donna è già da qualche giorno nel campo greco, va da lei sollecitan-

dola d'amore. La conoscenza del cuore umano ha già fatto un passo immenso: nel *Roman* Diomede non si pèrita di offerirsi a Briseida proprio nel momento in cui ella ha lasciato l'amante e la patria per seguirlo dolorosa fra nemici; e comincia bensì col chiederle cortesemente che lo prenda per cavaliere ed amico, ma la sua natura grossolana si rivela subito dopo nell' espressione brutale del desiderio. Ben più cortese ed accorto... si mostra nel *Filostrato* Diomede quando vanta a Griseida l'amore «assai più alto e più perfetto» de' Greci! Ma la dipintura che di lui ha fatta il B. si ferma a quest' opera di seduzione; invece da Benoît è seguito più oltre lo sviluppo della sua passione e del suo dolore, finch' ei non giunge alla mèta sospirata; e in questa parte noi ritroviamo in lui alcune delle note di Troilo, come alcune ne trovammo in Achille. Anch' egli è completamente, ciecamente dominato dalla passione che non gli dà riposo notte nè giorno. Стр. 457 слѣд.: *любовь Троила*, mirabile concezione d' un perfettissimo amore che dura fino alla tomba; вліяніе *Canzoniere* (?) и психологіи del *dolce stil nuovo* (458), *Тристанъ* (459—61); 461: Da una visione della *Vita Nuova* il B. tolse soltanto una frase: «Che questo ruppe il sonno deboletto!» (VII, str. 24); p. 462: *Regole d'Amore* di André li Chapelain; 465: Petrarchesca è.... quest' altra stanza: «E benedico il tempo, l'anno, il mese — E 'l giorno, e l'ora, e 'l punto....» (III, str. 83), dove il primo verso è quasi direttamente trasportato dal Canzoniere, secondo l'uso consueto del B. Sono invero frequentissimi i versi del Petrarca disseminati nelle ottave del *Filostrato*, insieme con quelli di Dante (въ какой мѣрѣ Б. могъ быть знакомъ съ Canzoniere, когда писалъ Filostrato?). — Стр. 466 слѣд.: характеръ Pandaro (468: параллель — или вліяніе — Gorvenal'я въ Тристанѣ; въ томъ же романѣ Ghedin; Laris въ *Claris e Laris?*) и Griseida'ы (471 слѣд.: *Roman de Troie* и личныя отношенія Б. Обращаясь въ proemio къ своей дамѣ, онъ говоритъ ей: «quante volte le bellezze, i costumi, e qualunque altra cosa *laudevole* in donna, di Griseida scritto troverete, di voi essere parlato potete intendere; l'altre cose che oltre a queste vi sono assai, niuna, siccome già dissi, a voi non appartiene, nè per me vi si pone, ma perchè la storia del nobile innamorato giovane lo richiede». И въ послѣдней строфѣ поэмы онъ снова настаиваетъ на различіи fra «giovane donna» и «donna perfetta». Già s'intende chi sia la giovane donna vituperata, e chi l'esaltata donna perfetta. «Giovane donna è mobile, e vogliosa — È negli amanti molti» (VIII, str. 30); invece: «Perfetta donna ha più fermo desire—D' essere amata e d'amar si diletta» (ib., str. 32).

Adunque l'amante poeta ha rappresentata la sua donna solamente là dove descrive la bellezza impareggiabile di Griseida, i suoi atti altieri e signorili, la gentilezza de' suoi costumi, il «valore e 'l parlar cavalleresco»; e dove Pandaro vanta presso il malinconico amico la salda onestà della cugina. Da tutto ciò appare evidente (?!) che il B. non ha voluto specialmente dipingere un tipo di perversità femminile, di civetteria raffinata: ma solo mostrare di quanti mali sia sovente cagione l'affidarsi al cuore delle giovani donne, mutevoli qual «foglia al vento».— Стр. 475 слѣд.: *Б. и народная поэзія*: Che il desiderio di godersi il rapido sfiorire di giovinezza onde fu spinta Griseida ad amare fosse un *motivo* della poesia popolaresca fin da' tempi del B., abbiamo ancora una prova dal B. medesimo: nel IV libro del *Filocolo* è una ballata che s'inspira allo stesso sentimento. Della quale disse il Carducci ch' «era a stampa nelle vecchie e popolari raccolte di canzoni a ballo.... con varietà che testimoniano l'intramettersene che fece la poesia del popolo». E non si deve a questo proposito dimenticare che nel *Filostrato* è per la prima volta usata con coscienza d'arte l'ottava della poesia popolare, sì che il Gaspary notò che le attave del B. arieggiano ancora a quelle dei cantastorie, sono alquanto sconnesse ed il verso non di rado risente una movenza troppo prosaica. Ad ogni passo s'incontrano nel *Filostrato* dei luoghi ne' quali l'empito lirico troppo abbondante o certi speciali atteggiamenti ci richiamano al pensiero la poesia del popolo, come appare da questi esempi: «Or foss' io teco una notte di verno, Centocinquanta poi stessi in inferno» (II, str. 88); «Non vede il sol, che tutto il mondo vede, Sì bella donna nè tanto piacente» (III, str. 58); «Se cento lingue e ciascuna parlante Nella mia bocca fossero, e il sapere Nel petto avessi d'ogni poetante, Esprimer non potrei le virtù vere» (III, стр. 86). — Ad una influenza popolaresca sembrano anche accennare quelli che i rètori dissero ipocorismi, poetici epiteti che dà il poeta alla sua donna....: chiara luce, dolce luce, chiara stella, stella mattutina, rosa di spina. Sono frequenti.... anche ne' poeti siciliani e ne' toscani che più s'avvicinarono a quelli: *ma col dolce stil nuovo la tradizione pare interrotta* ed io inclino a credere che il B. più facilmente prendesse dal popolo il gusto di tali espressioni, come a movenze popolari aveva qua e là atteggiato il poema medesimo.... E nella voce dell' ignoto moderno cantore che saluta il sole volgento al luogo ove dimora la sua diletta («O sol che te ne vai, che te ne vai,— O sol che te ne vai su per que' poggi,— Fammelo un bel piacer se tu potrai, Salutami il mio amor»....) chi non ritrova l'eco del canto di

Troilo il quale narra il suo dolore ai monti e alle acque che possono goder la vista di Griseida? Anche il d'Ancona ha osservato che le lettere di Troilo a Griseida hanno molto di comune con quelle epistole versificate che i montanari del Pistoiese mandano alle loro belle.—Стр. 476 слѣд.: Въ Filostrato много классическихъ реминисценцій и arte classica. Dello stesso Ovidio che altra volta fornì al B. così larga materia di canto (*когда же написанъ Filostrato?*), egli non si sovvenne se non forse in qualche circostanza fuggevole: p. es., quando Troilo scrive a Griseida: «Perdona.... se di macchie piena Forse vedi la lettera ch'io mando:... adunque son dolenti Lacrime, queste macchie sì soventi» (VII, str. 74; сл. у Овидія посланіе Хризеиды къ Ахиллу: Quascumque adspicies, lacrymae fecere lituras, *Heroides*, III, v. 3—4). E così: «Se 'l servitore in caso alcun potesse Del suo signor dolersi, forse ch'io Avrei ragion che di te mi dolesse» (VII, str. 54; *Her*. III, v. 5—6: Si mihi pauca querì de te dominoque viroque, Fas est, de domino pauca viroque querar). Il concetto di questi versi: «Qui da me salutata non sarai, Perch' io non l' ho se tu non la mi dai» — è frequente in Ovidio: Fedra scrive ad Ippolito: «Qua, nisi tu dederis, caritura est ipsa salute, Mittit. Amazonio Cressa puella viro» (*Her*., IV, v. 1—2).

Сл. Bullettino storico pistoiese, I, 3 (1899): Volpi, Una canzone di Cino da Pistoia nel Filostrato del Boccaccio. Сл. Rass. crit. d. lett. ital., anno IV, № 3—6, p. 136: Scopre che nel lamento di Troilo, addolorato per la partenza di Griseida, il B. non fece che raffazzonare la canzone di Cino: «La dolce vista e 'l bel guardo soave», tutte le stanze della quale, tranne la 4-a, sono imitate in altrettante ottave, nelle quali non pochi versi di Cino son quasi ripetuti letteralmente. — Сл. Corbellini, Cino da Pistoia, Alcuni sonetti anonimi del Canzoniere Chigiano, L, VIII, 350, Bullet. stor. pistoiese, VII, 1.

Къ стр. 255 прим. 1. Второй томъ изданія Crescini (съ окончаніемъ предисловія и текстомъ поэмы) вышелъ въ 1899 г. Результаты: Cantare (источникъ: греч. *Φλωρίος καὶ Πλάτζια Φλῶρε*) древнѣе Филоколо; оба восходятъ къ общему, болѣе полному оригиналу, м. б., франко-итальянской утраченной поэмѣ, къ которой близко исп. Flores y Blancaflor (Сл. Romania, № 28, 1899, Juillet, отчетъ G. Paris'a объ изданіи Crescini и статья Huet объ источникахъ романа Floire et Blanchefleur). — Сл. Rassegna bibliografica, 1899, № 8, стр. 210: Crescini ставитъ вопросъ объ источникахъ Filocolo — и Cantare. Что до источниковъ перваго, то ихъ слѣдуетъ искать in uno smar-

rito poema franco-veneto.... e quindi anche nel cantare nostro e nella tradizione orale; quanto alle seconde (источниковъ Cantare), то они восходятъ къ другой и болѣе древней redazione franco-veneta, affine ma non uguale alla fonte del poema boccacesco.

Къ стр. 264 (*Къ концу Филоколо*). Сл. Rassegna bibliografica, V (1897), № 9—10, стр. 228 (отчетъ Flamini о Dobelli, Studj Letterarj, Modena, Namias, 1897: сравненіе Promessi Sposi съ Filocolo; il vedere in che modo due grandi ingegni, se una cotale affinità d'argomento li ravvicini, si accostano nella concezione e nella forma, giova sempre, pur quando non sia possibile immaginare — come in questo caso — una dipendenza dell' uno dall' altro. Въ томъ же сборникѣ: *Figure e rimembranze dantesche nel Decameron.* Apparecchiato alla trattazione di questo tema con istudj coscenziosi (сл. его же: Il culto di B. per Dante въ Giorn. Stor. d. lett. ital., V, = II della N. S.).... l'autore ci mette innanzi riscontri su cui non possono cader dubbii, al tempo stesso che l'arte dantesca e la boccacesca compare, rilevandone le divergenze.

Къ стр. 295 слѣд. (*Къ Amorosa Visione*). Сл. Melodia, Studî sui Trionfi d. Petrarca, Palermo, Reber, 1898, p. 141, и отчетъ Proto въ Rassegna Crit., IV, № 10—12, стр. 250 слѣд.: стр. 251 Melodia отрицаетъ мнѣніе Lamma'ы о зависимости Trionfi отъ Amorosa Visione; 254: Trionfi въ связи съ la duplice conversione del Petrarca morale e letteraria. Quella, cominciata nel 1332, si appunta nel 1335 nella salita sul Monte Ventoso.... Benchè allora non fosse veramente pentito, verrà giorno (ciò fu nel 1342 o 43), che, nel sopravvento delle idee ascetiche, scriverà il Secretum. Nel 1347, visitando il fratello Gerardo nella certosa di Montrieu, fu spinto a scriver il De ocio religiosorum, disprezzo del mondo e delle sue vanità. La morte di alcuni amici gli scosse l'animo: ma specialmente quella di Laura, nel 1348.... Altre idee sulla vanità del mondo si hanno nell' Ep. fam. (VIII, 7) del giugno 1349. E i tremuoti di quest' anno gli fan scrivere all' amico Socrate che conservi costante e virtuoso l'animo. Nel 1350 interviene al Giubileo di Roma, fermo di metter fine agli errori di sua vita. Alla conversione morale si accompagnò la letteraria, che fu duplice: da un lato prendeva ad amare gli scrittori sacri; dall' altro.... le cose volgari non gli apparivano più così vili, come gli erano apparse per lungo tempo. E a questo dobbiamo i Trionfi, scritti in volgare. — Dobelli относитъ ихъ замыселъ, вмѣстѣ съ Mestica, къ 1352—3 году, въ

Воклюзѣ; онъ работалъ надъ ними въ 1356—74-мъ годахъ. — Стр. 258 слѣд.: — Dobelli предполагаетъ, что Петрарка писалъ свои Trionfi, когда еще не познакомился съ Div. Commedia'ей, которой будто бы не читалъ до 1359 г. (стр. 258); Scarano допускаетъ вліяніе послѣдней, не боккаччьевской Amorosa Visione (259); Proto обѣщаетъ доказать (въ имѣющей явиться книгѣ — Composizione dei Trionfi) зависимость Trionfi отъ Amor. Visione (на что указывалъ уже Lamma, стр. 260) — и приводитъ тому примѣры; Trionfi обнаруживаютъ и вліяніе Div. Comm. и знакомство Петрарки съ Roman de la Rose.

Въ «Studî sui Trionfi del Petrarca» Melodia отрицалъ вліяніе Amorosa Visione на замыселъ Trionfi; въ своей Difesa di Fr. Petrarca (Firenze, nuova ed. Le Monnier, 1902), убѣжденный изслѣдованіемъ Proto, онъ допускаетъ это вліяніе: può anche darsi che la concezione di questi — т.-е. Trionfi — sorgesse nel Petrarca in seguito alla lettura di quella; e allora si sarà meno restii ad ammettere quello che io ho sostenuto e il Proto accetta, che cioè il Petrarca concepisse e cominciasse i Trionfi senza l' aiuto e la guida della Commedia e senza il proposito di gareggiare con Dante, e che, sol dopo che nel 1359 ebbe letto quest' opera, ne facesse risonare, dove coscientemente, dove no, un' eco nei canti già composti, ch' ei veniva, rivedendo (p. 139).

Сл. Rassegna bibliografica della letteratura italiana, 1903, fasc. I, стр. 27 слѣд., отчетъ Moschetti о Appel (Die Triumphe Franc. Petrarcas in kritischem Texte herausgegeben. Halle a. S., Niemeyer, 1901) и Proto (Sulla composizione dei Trionfi. Napoli, Giannini, 1901); p. 29 (nessun capitolo dei Trionfi certo ha tante e tanto evidenti imitazioni dantesche come questo primo: Al Tempo); 31: Appel отмѣчаетъ, come inesplicabile, il fatto che il P. *non nomina tra i poeti del tempo e tra i suoi amici il Boccaccio,* sebbene non solo dovesse aver già letto le opere di questo, ma *dalla Amorosa Visione togliesse, almeno in parte, il concetto di questi suoi stessi Trionfi;* онъ полагаетъ la data del principio della composizione fra il 1348 e il 1356 e con maggior probabilità e precisione al 1352 (сл. стр. 34: между 1352 и 1353). — Стр. 32—3 (источники): Le simiglianze col Roman de la Rose e col Tesoretto sono assai vaghe. Appel доказываетъ che, pur essendovi parecchi notevoli e diretti e indiscutibili punti di contatto fra la Commedia e i Trionfi, questi derivano da quella, più che in altro modo, attraverso l'Amorosa Visione del B.—Стр. 41—2: Proto доказываетъ, che l' idea ispiratrice dei Trionfi venne al poeta dallo stesso Sogno di

Scipione, che la forma egli ne prese almeno in parte dall' *Africa*, ma che la spinta definitiva ebbe dalla lettura dell' *Amorosa Visione*. Рецензентъ соглашается съ нимъ, но указываетъ, что нѣкоторыя указанныя авторомъ совпаденія принадлежатъ a tutta o quasi tutta la poesia allegorico-didascalica del tempo (напр., «Intelligentia»). — Стр. 43: несомнѣнное и прямое вліяніе Div. Commedia.—Proto относитъ, con copia di buone argomentazioni, къ *1351* году первое стихотворное посланіе Петрарки къ *Barbato da Sulmona*, epistola in cui si avrebbe il primo accenno alla concezione del poema,.... ma la redazione scritta non cominciò.... se non sulla primavera del 1352 in Valchiusa.

D. Gnoli, Il sogno di Polifilo (въ Riv. d' Italia, 15 Maggio — 16 Giugno 1899). Сл. Rassegna crit. d. lett. it., IV anno, № 3—6 (1899), p. 138: libero rifacimento.... dell' Amorosa Visione del B. Francesco Colonna tradusse in un' opera d' arte il concetto del Valla nel dialogo De voluptate: che l' istituzione della verginità nelle donne era un delitto contro natura. Il punto di partenza dell' opera è, di fatto, la vergine (Lucrezia Lelio) consacrata a Dio, che passa al culto di Venere. L' autore muove a ricercar lei (rappresentante la Verità) che ama ed ha amata nello studiare l' antichità, la quale vien raffigurata in un superbo edificio, ov' entra per una porta meravigliosa (la letteratura classica). Gli si oppongono i pregiudizii sotto la forma di un dragone, da cui egli fugge. I cinque sensi lo conducono alla reggia del Libero Arbitrio, che lo affida alla Ragione e al Talento, co' quali spazia nei campi della filosofia morale, conosce la vita e ricerca la metafisica, arrestandosi dinanzi alla misteriosa Trinità. Giunge perplesso avanti alle tre porte (la gloria di Dio, la gloria umana, la madre d' amore) ed entra per l' ultima. L' accompagna l' Amante, ma egli non la riconosce se non quando, veduto la Voluttà soggiogare tutt' i viventi e sentita la Religione della Natura, quella non gli si rivela e l' abbraccia. I due Amanti sono condotti da Amore nell' isola di Venere, ove la Dea si mostra loro ignuda e li affida alle Virtù che conservano il piacere e lo rendono durevole. Asperso da Venere della sacra onda, chiarita l' intelligenza, rivestito di nuovi abiti, Polifilo intende allora i divini misteri «et il thesoro della fermentosa natura». Il Polifilo è un vero poema della Natura, nel Rinascimento. Ma fu scritto dal frate domenicano Colonna maestro de' novizii a Treviso e a Venezia, o da qualche illustre umanista, nascondentesi sotto il suo nome? La sua lingua è un italiano veneteggiante e latineggiante...

L'autore vi prosegue «arditamente il tentativo del Boccaccio, di sollevare a dignità letteraria il volgare, con una infusione di latinità». La lingua subì l'influsso delle dottrine linguistiche di Beroaldo, specialmente nell' uso dei vocaboli in — *bundus*, non ignoto, nella forma italiana, al Boccaccio, cui non toglieva solo la macchina del suo poema, ma seguiva nell' erudizione, per la via aperta da lui. Il Polifilo porta nell' arte un elemento nuovo, il culto della bella forma della materia. Geometrizzante tutto, e forse in relazione con il suo confratello Fra Giocondo, il Colonna inventò quel Poliandro, la strana e pietosa necropoli dei morti d'amore, tra le rovine di Roma, «la più originale, la più caratteristica invenzione del Polifilo. Ne immagina le iscrizioni (che gli eruditi ritennero per vere), ne disegna le forme de' cippi e delle urne cinerarie, ne osserva le sculture, ne raccoglie i frammenti. Dal Polifilo, di cui Aldo fece nel 1499 una delle più belle edizioni del Rinascimento, deriva il Pellegrino di Jacopo Caviceo; особенная его популярность во Франціи, dove dal 1546 al 1883 fu più volte ristampato in diverse traduzioni e riduzioni.

Къ стр. 299 (Къ представленію *Амура* у Фр. да Барберино): Giorn. stor. d. lett. ital., XLI, fasc. 1, стр. 130: образъ Amore trionfante въ Documenti d'Amore и въ присоединенномъ къ нему Tractatus Amoris; въ послѣднемъ фигура Амура еще scevra da quella spiritualizzazione dell' Amore, che il Barberino accentuò intenzionalmente nelle sue chiose alle *gobbole* nei Documenti. Amore ignudo ed alato, con artigli in luogo di piedi, come lo si vede ritratto da Giotto nei freschi d' Assisi e lo si legge in un sonetto di Pieraccio Tedaldi, sta ritto su d'un cavallo bianco, che fende l'aria volando. Il cavallo ha una collana di cuori e porta un turcasso, dal quale Amore trae dardi che scaglia con la destra sulla umanità sottostante, mentre con la sinistra sporge rose. Sotto stanno varie figure, tutte trafitte dalle freccie del Nume, e le *gobbole* ci insegnano ch' esse sono il religioso e la religiosa, la fanciulla, la donzella, la maritata e la vedova, i coniugi, il cavaliere ammogliato, l'uomo comune, il donzello, il fanciullo, il morto e la morta, la cui fine fu da Amore procurata.

Къ стр. 313 слѣд. *Къ Тезеидѣ*. Savj-Lopez, Sulle fonti della «Teseide», Giorn. stor. d. lett. ital., v. XXXVI, fasc. 1—2 = fasc. 106—7 (1900), p. 57 слѣд. Письмо Б. къ другу quattro giorni innanzi le calende di un luglio 1338 o 1339 («sub monte Falerno, apud busta Maronis Vergilii»), съ просьбой одолжить ему la Tebaide postillata.

Авторъ связываетъ la tristezza dolorosa che passa per entro le pagine della Dedicatoria (къ Тезеидѣ) съ выраженіемъ письма: aliorum legendo dolores, iuxta verbum illud, *solatium est miseris sotios habere poenarum*, aliquantulum mitigo poenas meas», и полагаетъ, что Тезеида написана была (послѣ Filostrato) *еще въ Неаполѣ*, не вдали отъ милой, а *вблизи отъ нея*: поэтъ опечаленъ не разставаньемъ, а «dalla tristezza di veder l' amica tornata ingiustamente di piacevole sdegnosa». (p. 2 ed. Moutier; сл. ib. 6: онъ не смѣетъ, osa, къ ней явиться). Заключеніе такое: что poco tempo dopo l' epistola *Sacrae famis*, il B. ricavasse insieme dal codice postillato l' intelligenza della Tebaide e l' ispirazione della Teseide. Источники: Стацій, Roman de Thèbes; p. 59—60: Тезей по типу = Aeneas, какъ и въ Roman de Troie; онъ является non meno generoso di quello cantato negli esametri sonanti di Stazio o nelle rime baciate del trovèro di Tebe. — Стр. 60: вліяніе Энеиды: сцена, изображающая Ахата oblioso fra gli incanti di un giardino primaverile e le delizie del nuovo amore d' Ippolita.... ricorda direttamente l' *Eneide*, ove Mercurio apparisce in forma umana ad Enea e gli dice press' a poco quelle medesime parole che un ignoto dio sotto le spoglie di Piritoo rivolge a Teseo (IV, st. 35; V, st. 94), но описаніе весенней природы и сада, и любовныя мысли, посѣщающія Ахата, выдержаны въ средневѣковомъ стилѣ. Стр. 61 слѣд.: сцена единоборства Арчита—Пентея съ Палемономъ, когда ихъ разнимаетъ и опрашиваетъ Тезей, взята, въ средневѣковой передѣлкѣ, изъ Стація, скорѣе изъ Rom. de Thèbes. Стр. 68: Emilia-Fiammetta въ *Ameto*, ихъ описаніе сходится (сл.); весенняя картинка, предшествующая появленію Эмиліи въ саду, напоминаетъ сонъ Guillaume de Lorris (*Rom. de la Rose*) не въ однѣхъ лишь подробностяхъ. 70: описаніе храма Венеры напоминаетъ садъ *Déduit* въ томъ же романѣ; 73: quasi tutte le personificazioni del *Roman*, in questa descrizione, sono passate nella Teseide. Anche là dove il B. con prodiga fantasia ne crea dell' altre, queste hanno sempre viva l' impronta medioevale, rappresentano di solito le condizioni dell' amore (Ozio, Pazienza) o le qualità onde l' amore nasce e s' avviva (Leggiadria, Adornezza, Piacevolezza, Lusinghe, Cortesia и т. д.), dove, p. e., nelle immagini dell' Epitalamio di Claudiano vivono piuttosto gli effetti dell' amore: Ire, Pallore, Lagrime, Vigilie: anche se Voluttà, Audacia, Giovinezza appartengono insieme al poeta latino ed all' italiano, questo non basta davvero a far sospettare una qualsiasi relazione diretta fra di loro.... Ma nel quadro che il B. disegnò sulle orme del poeta francese

comincia ora ad apparire un elemento nuovo; invece di un cespuglio di rose, la Preghiera trova il tempio ove s' aggira un tumulto di desiderî e di sospiri, e fra le ghirlande pendono i più insigni trofei raccolti da Venere nell' eterna battaglia con i cuori terreni. Per tutto dipinte storie d' amore;... ed infine, nella più segreta parte del tempio, la Dea che giace con accanto Cerere e Bacco. Разумѣется, это не богиня Клавдіана и Полиціана, ma tuttavia uno spirito classicamente pagano ha ispirata la concezione del poeta. Nella dipintura del giardino, nei fantasmi delle personificazioni, in tutta quella parte ove il B. vedeva ondeggiargli davanti la tradizione medioevale del suo soggetto, di classico non usò che la misura efficace nel rappresentare ciò che il suo modello aveva diluito in centinaia di versi: ma innanzi alla dea degli amori antichi la sua anima d' umanista non accolse ispirazioni moderne. Средневѣковая поэзія воздвигла множество дворцовъ Амуру и Венерѣ, но Б. создалъ для Венеры храмъ въ параллель ко храму Марса, описаніе котораго онъ заимствовалъ у Стація, и a rappresentar il tempio della Dea non fece che acconciar diversamente e rivestire di opposti colori il tempio del Dio: вмѣсто Ire, Paura, Tradimenti и т. д. явились: Pace, Promesse, Gelosia и т. д. Это образчикъ того, какъ il B. sapeva giovarsi contemporaneamente di ispirazioni medioevali e di ispirazioni classiche. 77—8: не согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, которые полагали, будто Б. хотѣлъ въ Тезеидѣ создать un poema classico; io non so pensare che il B., guardando a Virgilio, a Stazio, all' epopea antica, intendesse fare qualcosa di molto diverso dall' *Eneas,* dal *Roman de Thèbes,* dal *Roman de Troies*.... Se il suo senso d' arte lo sospinge verso le fonti classiche, se la sua cultura lo fa distinguer dai trovèri nell' uso della mitologia antica, pure la materia nelle sue mani si trasforma e si contamina come fra le mani dei più umili poeti fioriti sulla terra di Francia. La *Teseide* non è un poema classico e non è un poema cavalleresco; bensì rappresenta nella nostra letteratura quel che nella letteratura d' *oïl* rappresentano i poemi di Troia e di Tebe, con quanto di più potevan darle una maggior cultura e l' uso men grossolano delle fonti antiche; le quali del resto contrastano coi colori essenzialmente moderni di talune scene, forse peggio che non facessero nella costituzione più rozza ma più uniforme dei romanzi francesi.

Къ стр. 346 слѣд. *Къ Ninfale Fiesolano.* Сл. Provasi, Due poemetti mitologici dei secoli XIV e XV. Pavia, 1899: *Ninfale Fiesolano*

и *Driadeo d'amore.* Сл. Giorn. stor. d. lett. ital., fasc. 103, p. 152: Oltre il rilievo di qualche non avvertita reminiscenza Ovidiana e qualche considerazione non ispregevole sugli elementi moderni del *Ninfale,* ha solo pregio di novità la ricerca intorno alla fonte storica del Boccaccio nella sua narrazione della fondazione di Firenze: Б. либо почерпнулъ разсказъ изъ G. Villani, либо у нихъ былъ общій источникъ (сл. выше стр. 289).

E. Carrara, Un peccato del Boccaccio, Giorn. stor. d. lett. ital., v. XXXVI, fasc. 1—2 = fasc. 106—7 (1900), p. 123 слѣд. Landau видѣлъ въ Діанѣ и нимфахъ le monache e la badessa del Decameron; Zumbini допускаетъ реальный субстратъ для Мензолы, ma se non di monache, una storia di giovani e di fanciulle, sì! «E chi sà», si chiede egli, «se il B. nella sua prima giovinezza non sia stato testimonio egli medesimo di qualche fatto della stessa natura». Eugenio Rossi (Dalla mente e dal cuore di G. B., Bologna, 1900, p. 88—9): «la imitazione ovidiana non nuoce alla verità del racconto, che dato l'ingegno riproduttore del B., è troppo vivo, perchè non debba avere un fondamento di verità storica». Körting говоритъ, dass die Erzählung des *Ninfales* eine freie Schöpfung der Phantasie B.'s ist, тѣмъ самымъ указываетъ, что la storia del Ninfale non è leggenda che appartenga ad altro scrittore o al popolo ed ha i caratteri di cosa accaduta. Авторъ утверждаетъ, che la storia di Mensola fu veramente quella di una monachella sedotta, di cui credo poter identificare anche il sacrilego tentatore. Стр. 128 слѣд.: онъ опирается на 15 эклогу Б., гдѣ Filostropo = Петрарка увѣщеваетъ Tifli (= B.) a salire il dilettoso monte della salute, а Tiflis боится, какъ приметъ его Theoschiro, il dio-signore del luogo; могу ли я veder le selve di questo vegliardo, cui ricordo già aver un tempo rapita una giovenca, le cui leggi e i riti de' suoi ricordo aver gittato sotto i piedi, e aver poscia con mani sacrileghe ogni cosa abbandonato in preda ai porci di Diane?»

Къ стр. 371 слѣд. *Къ Декамерону* сл. Eugenio Rossi, Dalla mente e dal cuore di G. Boccaccio. Bologna, Zanichelli, 1900.— Стр. 83 слѣд.: идеализація Fiammetta'ы въ Amorosa Visione: B. simboleggiò in sè stesso l'anima umana che, avendo per ultimo fine il Cielo e la sua eterna beatitudine, si mette pel sentiero preparatorio della vita scortata dalla Ragione, che Dio (la Venere Celeste del Gaspary) le concede, perchè non se ne allontani, perdendo un tempo prezioso per i molti diverticoli che l'attraggono col fallace aspetto di bellezza; o, se se n' allon-

tana sul principio,... la segua per quelli indulgente per poterla soccorrere, appena s' accorga dello sbaglio, e ricondurla sulla diritta via·· Fatta poi più matura dall' esperienza e più capace di intender la bellezza e la bontà della meta a cui s'è avviata, allora potrà concederle una gioia tale che da quella non l' allontani, ma la trattenga un poco dolcemente.... Questa gioia conforme a ragione è per lo più l' amore naturale della creatura intelligente per l' altra creatura; l' amore fecondo di nobili azioni, stimolatore dell' ingegno, fonte della poesia, ch' è dono divino; l' amore che viene dopo i falsi e inconcludenti amorazzi della prima gioventù.... Tale è la donna maestosa che si fa guida al B.... e lo segue pazientemente quando da principio si smarrisce dietro i vani diletti; poi giunta con lui al luogo dov' è Fiammetta,.... e questi fuggiti, le va incontro e l' abbraccia e la chiama sorella e concede al poeta di appartarsi con lei pel breve momento d' un *dolcissimo sogno:* dal quale appena e' si desta e lo rimpiange, ed ella il conforta con la promessa che si avvererà il suo sogno, perchè Fiammetta opererà sempre saggiamente: ossia coopererà con lei affinchè, rimosso il materiale ingombro dei sensi, renda bella al poeta la vita che ancor gli resta, costituendosi d' ora in poi l' *ispiratrice razionale della sua mente.* Tale nobilissimo fine pose il B. all' amore che, dopo i men degni vagheggiamenti di Pampinea e d' Abrotonia,.... concepì (въ 1338 г.) per Maria contessa d' Aquino. — Стр. 91: *Teseide* нап. въ Неаполѣ м. 1339 и 40 гг.— Стр. 98: въ *Ameto* Б. adombrò un reale amore di due giovani fiorentini.— Стр. 113, 165—6: *часть новеллъ Декамерона написана впервые въ Неаполѣ.*—Стр. 122—3: Б. влюбился въ F. 11 апрѣля 1338; по его указанію въ Amorosa Visione, c. XLIV и XLVI, прошло 159 дней до того дня, когда онъ овладѣлъ Fiammetta'ой; это отнесло бы насъ къ 17 сент.; Crescini предполагаетъ приблизительно октябрь, на основаніи *Ameto:* «temperante Apollo i veleni freddi di Scorpione».—124—5: письмо Sacrae famis 28 іюня 1338: въ началѣ ухаживанія жалобы на любовь (127: *cupido importuna* = Decam. введеніе: poco regolare appetito, noia). 127 слѣд.: *хронологическая послѣдовательность*: видитъ F. 11 апр. 1338 г.; либо въ концѣ апрѣля видитъ ее въ монастырѣ, она заказываетъ ему Filocolo; м. б., въ началѣ мая она удаляется въ Sannio, и Б. пишетъ письмо Sacrae famis 28 іюня и принимается за Filostrato; вернувшись къ іюлю, она ѣдетъ въ Байи (сонетъ: S' io temo di Baia il cielo e' l mare); въ началѣ осени она отдалась ему. Forse nell' aprile del 1339, già partita probabilmente pel Sannio Maria, cominciò a tramontare la felicità del

B., che sfogò l' amarezza del suo animo in seno all' amico conte di Durazzo. Еще до начала лѣта онъ убѣдился въ невѣрности F.; indi la lettera disperata *Cuidam viro militi*. — Стр. 135: «*Fiammetta*» — какъ месть Б., il ghigno malizioso del Dioneo decameroniano? сл. 138—9.— Стр. 142—3: *Ninfale* внушено любовью къ флорентинкѣ; какъ помирить это съ proemio къ Декамерону, что Б. fu dalla puerizia *fino a quel tempo* acceso di altissimo e nobile amore? Это выраженіе не слѣдуетъ понимать въ тѣсномъ смыслѣ: il B. stesso soggiunge che quell' amore, prima doloroso, poi a poco a poco s' era affievolito e rincantucciato bellamente nella sua memoria: restavano liberi i sensi, restava desta la fantasia al servizio di questi, occupati in altri diletti. — Стр. 156: Maria d' Aquino morì circa il 1348?— Стр. 180 слѣд.: Panfilo, Filostrato, Dioneo = Боккаччьо; 180: *Panfilo è simbolo dell' amor felice.* 181: *Filostrato è simbolo dell' amor tormentoso;* 184: *Dioneo è l' Amore naturale* sostenuto dalla ragione, quindi senza le esaltazioni sopraumane di Panfilo nè le torture spirituali e fisiche di Filostrato.... Amore pratico dunque, un po' scettico, che vede il suo oggetto come l' ha fatto natura, e lo vagheggia e lo gode ne' limiti più naturali. — 187: *maioris coactus imperio*: Амуръ. 256 слѣд.: *senza titolo* объясняется въ связи съ *Commento* alla Commedia di Dante lez. XIII: овидіевскій *liber amorum*, которые иные называютъ *Sine titulo;* «e può l' un titolo e l' altro avere, perciocchè d' alcuna altra cosa non parla, che di suoi innamoramenti e di sue lascivie usate con una giovane amata da lui, la quale egli nomina Corinna. E puossi dire similmente *Sine titulo,* perciocchè d' alcuna materia continuata, dalla quale si possa intitolare, non favella; ma alquanti versi d' una e alquanti d' un altra, e così possiamo dir di pezzi, dicendo, procede». Авторъ склоненъ къ послѣднему объясненію (258: la varietà e forse anche la leggerezza de' suoi racconti).

Къ книгѣ Eugenio Rossi, Dalla mente e dal cuore di G. Boccaccio (Per la storia del Decameron), сл. отчетъ въ Giorn. stor. d. lett. it., fasc. 104—5 (1900, v. XXXV), p. 418 слѣд.: Nel primo capitolo (*Dal Filocolo al Decameron*) il R. studia accuratamente il sorgere degli elementi che costituiranno poi il Centonovelle, nelle opere che lo precedono; quindi il divenire dell' arte del B. dalla gonfiezza inesperta del primo romanzo, via via per la rinnovata psicologia muliebre della *Fiammetta,* per l' elegante (sempre?) oscenità del *Ninfale* e per l' allegoria morale dell' *Ameto* e della *Amorosa Visione,* alla perfetta compostezza, alla verità psicologica, alla gioconda sensua-

lità, all' allegoria del Decameron; giacchè per il R., la disposizione del Centonovelle non meno che la cornice di esso, ha un valore morale che consiste in una «lezione di morale amorosa» (p. 181). — Anche il *Decameron*, come l'altre operette, fu fatto per comando d'*Amore* (*maioris coactus imperio;* Epist. a Mainardo Cavalcanti); quindi anche i novellatori hanno, oltre il reale, un significato allegorico, che il R. indaga, seguendo le osservazioni dell' Albertazzi. — Nell' ultimo capitolo (*La divulgazione del Decameron*) tratta del carattere e della genesi dell' opera, nella quale vede «il più antico (?) influsso della poesia allegorica-didattica» (p. 208) che fa capo al Romanzo della Rosa; quindi del vario favore che trovò presso i contemporanei, più largamente soffermandosi allo spirito anti-chiericale e filogino, e alla difesa dell' opera, fatta dal B. stesso..... La *Guida* dell' *Amorosa Visione* per il R. è la Ragione, che concede all' anima umana, ormai fatta esperta, una gioia (Fiammetta) che non lo allontani ma lo riposi nella via di salute: *l'amore di Maria è limitato tra le primavere del 38 e del 39:* la disputata frase «senza titolo» che il B. usò per il *Decameron,* è interpretata per riguardo alla varietà della materia; secondo dunque il Dionisi, e contro il Salviati, il Landau, il Gaspary e anche il Koerting, che intendeva come volesse dire «che i libro è di tal sorta che non può pretendere parola più alta o un posto nei generi letterari». E acute sono le identificazioni morali dei novellatori, salvo che par Dioneo, di cui il R. vorrebbe fare un amatore disilluso e scettico, un Leopardi dell' ultima maniera, laddove a noi sembra che, se mai, simboleggerebbe solo l'amore sensuale. — R. говоритъ, стр. 114, что у Боккаччьо была «naturale facilità di parola»; критикъ (Enr. C.) ссылается на его письмо *Cuidam viro militi,* гдѣ онъ называетъ себя balbuziente (выраженіе, которое едва ли слѣдуетъ понять дословно!)— Сл. Rassegna bibliografica, VIII, № 4—5—6, p. 174 (интересны замѣчанія о любви Б. къ Fiammetta'ѣ въ 1338—9 гг., nel significato per così dir autobiografico dei dieci novellatori del Decameron e sulle relazioni simboliche che fra loro intercedono. Assai soddisfacente è anche la interpretazione.... del passo controverso della lettera.... a Maghinardo, sebbene fondata su un'ipotesi).

Къ стр. 374 слѣд. (*Джьованна*). Сл. Archivio storico per le province napoletane, anno XXI, 1896, fasc. II: Cerasoli, Clemente VI e Giovanna di Napoli (Documenti inediti dell' Archivio Vaticano 1343—52), p. 234—5, № LIII: папа увѣщеваетъ королеву любить мужа;

p. 256—7: letatur de bono amore mutuo inter ipsam et Regem; p. 263—4, № LXXXIII: утѣшаетъ въ смерти мужа. — Ib. fasc. III, id. p. 434—5, № XCI: совѣтуетъ королевѣ удалить изъ дворца Роберта Тарентскаго (сл. № CXV, p. 425; p. 438—40, № XCVI: проситъ помочь comiti Monticavensi въ слѣдствіи объ убійствѣ Андрея); p. 443—4, № CI: позволяетъ королевѣ выйти замужъ; сл. № CV, p. 446—8; p. 452—3, № CXI (кардиналу легату по вопросу о слѣдствіи по убійству Андрея); p. 465—6, № CXXIX: разрѣшаетъ королевѣ выйти замужъ за Людовика Тарентскаго (сл. p. 467, № CXXXII); p. 473—4, № CXXXVII (королевѣ о подозрѣніяхъ на нее по поводу убійства мужа, съ просьбой помочь слѣдствію). — Ib. fasc. IV, id. p. 676, № CXLIX (Johanne regine Siciliae super recomendatione Nicola de Acciajolis militis Florentini).

(*Легенды о королевѣ Джьованнѣ въ Неаполѣ*) B. Croce, Leggende napoletane, 1-a serie, p. 54. Napoli, Morano.

(*Джьованна и Тамара*) Царица Тамара, по мнѣнію народа, не умирала, она спитъ въ золотой колыбели, такъ какъ другіе еще не закончили своего царствованья. Но настанетъ время, и она проснется: когда народъ очень будетъ стѣсненъ, то она расплачется, голосъ скорби дойдетъ до нея, она проникнется народной мольбой и снова овладѣетъ царствомъ. Этногр. Обозр., XVI, Критика, 189 (изъ «Иверіи»).

Къ стр. 377—8. Сл. E. Carrara, Cecco da Mileto e il Boccaccio, Giorn. stor. d. lett. ital., v. XLIII (fasc. 1), fasc. 127, 1904, стр. 1 слѣд.: Cecco da Mileto, ossia Francesco de' Rossi di Forlì, cancelliere у Franc. degli Ordelaffi; p. 2: письмо къ нему Петрарки; 2—3: сонетъ съ астрологическимъ вопросомъ, на который отвѣчаетъ Петрарка, Boccaccio, Антоніо да Феррара (сл. Lamma, Il codice di rime antiche di G. G. Amadei, Giorn. stor. d. lett. it., XX, p. 170, append. 3, p. 178 слѣд.); Cecco отвѣчалъ Боккаччьо сонетомъ (p. 3). — 3 слѣд.: *двѣ латинскія* эклоги, напеч. въ Carm. ill. poet. ital., Firenze, 1720, t. VI, p. 315—18: «Viri cospicui Cecchi de Mileto Forolivensis, bucolicum breve carmen»; (ркп., по мнѣнію Bandini, по Laur. Pl. XXIX, c. 26); Hortis не зналъ этого изданія и напечаталъ *одну изъ эклогъ по Laur. Pl. XXIX, c. 8, гдѣ она является отвѣтомъ на эклогу Боккаччьо, ей предшествующую;* въ той же ркп. эклога Боккаччьо: *Faunus* въ первой ея редакціи (Hauvette, Notes sur des Mss. autographes de Boccace à la bibl. laurentienne, въ Mélanges d'archéologie et d'histoire,

Rome, 1894, XIV, 57 слѣд.), также находящаяся въ связи съ эклогой Cecco.—P. 6: Lo zibaldone laurenziano (Pl. XXIX, c. 8) dal quale l' Hortis trasse il carme del Boccaccio e la risposta di Cecco, è, almeno nella parte che ci interessa, scritto dalla mano stessa del B. (таково мнѣніе Hauvette, P. Meyer и Hecker'a). Del resto per affermare che il carme primo sia del Boccaccio, oltre le ragioni recate recentemente anche dai Wicksteed e Gardner (Dante and Giov. del Virgilio. Westminster, 1902, p. 108), vale questa, che esso è intimamente legato, per mezzo dell' ecloga di Cecco, al *Faunus* che non può non essere suo. — 7 слѣд.: вотъ содержаніе боккаччьевскаго Carme (сл. выше стр. 380—1): «Poichè i fati consentono all' armi furiose di frugar tutta l' Italia (vv. 1—3) e a noi, che tentiamo cingere di mirto le tempia, gustando il sacro latte della Poesia, le guerre non convengono; altro non ci resta che andar per gli antichi recessi dei boschi aonii, consolandoci con il canto, fin che non si palesino gli arcani degli avvenimenti (vv. 4—9). Dunque se tu hai la esile cicuta o pur l' arguto bosso, avviati, primo, verso il *Menalo o i monti Tifei;* ovvero se ti è a grado andare per i campi Tifei sotto il grave giogo dell' Etna, va! io ti seguirò: e la mia fistola compirà il canto che tu inizierai: amano canti alterni le Muse! (vv. 10—18). Ma noi, che sappiamo le fiamme e le ferite amorose, limitiamoci a cantare le cure dei pastori e le armi di Cupido, chè dal sereno volto insidiando Galatea mi fornisce i sospiri (vv. 19—26); lasciamo a Mopso, cui già vedemmo cingere di lauro la fronte, il cantare dei fatti umani e dei divini. Già egli dall' alto inneggia agli Dei: ma anche me attende l' opera, a cui m' affretto, di intessere con silvestro vincastro un cestello (vv. 29—30). A te auguro mille cose felici (vv. 30—36), e quando, o mio Moeris, tu ti voglia ricordare del tuo Menalca e per sollazzo scrivermi, sappi ch' io sto dove a noi diede ozii Fauno, ed abito quelle ombre ch' egli rese apriche» (vv. 37—41). — Стр. 8: *подражаніе корреспонденціи Giov. del Virgilio съ Данте — и Виргилію.* Стр. 9: Mopso è il Petrarca, come può vedersi dall' accenno ripetuto in *Faunus*, in ambedue le redazioni: что Мопсъ = Петрарка пѣлъ о богахъ указываетъ, быть можетъ, на знакомство Б. съ его *Argus* (на смерть короля Роберта); «septa», которую замышляетъ сплести Menalca = Боккаччьо, м. б., какая-нибудь opera amorosa (сл. въ эклогѣ: «Or che non possiamo far di meglio, diamoci alle lievi poesie d' amore»), e forse frutto di questa operosità saranno, p. e., le due prime ecloghe le quali «fere juveniles lascivias.... in cortice pandunt», come dirà il B. più tardi. L' Hauvette che interpreta il «fere»

nel senso che non vi si tratta di certe tali avventure, ma son come la sintesi della vita avventurosa del Poeta (Hauvette, Notes, p. 133, n. 2), e le assegna per ciò al 1351, avrà certo ragione: ma può ben darsi, ed egli non lo nega punto, anzi l'ammette (Hauvette, Sulla cronologia delle ecloghe latine del B., Giorn. stor. d. lett. it., XXVIII, 175; сл. то же у меня стр. 382), che una prima redazione fosse distesa in quegli anni della dimora forlivese.—Стр. 9 слѣд.: *Отвѣтъ Cecco* (по Carmina illustrium poetarum, Hortis'у, Laur. XXXIX, 26, и Laur. XXIX, 8: «Già Meri vedeva il sole distare egualmente da Cadice e dai liti eoi, e considerava che non aveva mai lasciato passare tanta parte del giorno acconcia alle faccende («Nulli tantum operosa fuit pars lapsa diei»?); perchè non utili opere pastorali aveva compiuto, ma preso dall' amore del tenero bestiame, aveva adunato rami portanti silvestri pomi, e scegliendo quelli a ciascuno più cari, placidamente aveva consumate le ore. Ma accortosi del tempo passato «Oh stolto, o fatuo Meri (disse): perchè doni l'età più felice a futili cose (*blandis rebus*) (vv. 15—16)? Perchè non volgi i tuoi ozii a sane occupazioni? Perchè non raccogli il gregge sparso per i molli prati? O se pur giova suonare con lievi cicute, comincia pure, perchè così volle Menalca (*major Menalcas*, v. 21). Ma giuro al cielo che nulla è men pregiato (*nihil minus in praetio*, v. 24) che far blandi versi. Per quelle Muse e per le or deserte Aganippe, che ricordano esser state un tempo cura dei nostri poeti («Olim quae nostros recolunt eguisse poetas»), or non ci persuade ai canti il cielo, nè la fresca ombra promette quiete. Or arde ogni campo, hanno incendî il mondo: brevi son fatte l'ombre dei pioppi; i cani anelanti cercan gli stagni ove dissetarsi: polverose sono le già verdi foglie; perdono lor pregio lauri e mirti e l'edera, che suol circondare il fusto degli alberi (vv. 28—37). Risuona di cicale tutto il bosco; pavidi dell' avoltoio stridono gli uccelletti; dà la cornacchia i sinistri augurî. Il frastuono confonde ogni verso: qual frutto se tu canti, se canterà lo stesso Menalca? (v. 46): le aure disperderanno i venti». Così disse Meri; ma Menalca sopraggiungendo gli prese la mano e disse: «Poichè ora non c'è alcuna gloria per le Muse, andiamo negli ameni pascoli, dove brucano candidi armenti». Quegli come minore (cfr. il *maior Menalcas* di prima) lo segue aggiustandosi il cappello, e appoggiato ad un bastone di querciolo; ma mentre camminano l'uno chiama l'incominciata siepe del chiuso, e l'altro va a dar molto frumento ai coloni». (11: заимствованіе изъ стихотворной переписки Данте и Giov. del Virgilio). — Стр. 13: за этими двумя стихотвореніями слѣдуетъ

въ Laur. Pl. XXIX, c. 8 боккаччьевскій *Faunus* въ первой редакціи (мотивы петрарковскаго Argus и Виргилія 13 п. 2). Si narra come fosse dolce stagione e lieta pace nella selva, quando Testili, con acerba voce, ruppe la quiete adirandosi con Fauno. Стр. 14: авторъ не думаетъ, что Testili = una donna legata di parentela all' Ordelaffi, какъ думаютъ Zumbini (Giorn. 7,113) и Hauvette (стр. 129, п. 2). [Авторъ цитуетъ далѣе: Faunus=первая редакція, окончательная=ecloga III]. Dai versi 14—19 del Faunus secondo l'Hauvette, risulterebbe che Testili doveva nell' assenza del marito essere incaricata d'una specie di reggenza, la cui responsabilità l'atterriva (Marzia или Zia'и поручена была защита Cesena'ы, но въ 1356 г.), но именно стихи Faunus этого не доказываютъ; въ слѣд. цитатѣ подчеркнуты тѣ стихи Faunus, которые III эклога удалила:

v. 14. *Non te cura tui retinet? non parva tuorum*
Edis mista cohors, cornu ludentibus ultro
natorum? non matris amor? non coniugis? heu, heu!
non te cura tenet pecudum, quibus ipsa recenti
vigmine composui septam? *dic, obsecro? nescis*
qualis in hos rabies circumstrepat alta luporum;

въ эклогѣ III слѣдуетъ: «Allobrogum», т.-е. l'esercito del legato pontificio d'Avignone; laddove in Faunus c' è un' oscura allusione, come crederei, ai non pagati diritti ecclesiastici (vv. 21—1: «Insidie quorum nondum quater ubere lac tu Ex his mulsisti postquam patuere»).—Ora l'emistichio del v. 16, il v. 17 e l'emistichio del v. 18 espunti in Ecl. III, parlano appunto della «coniux» in 3ª persona, insieme alla madre e al gregge; laddove Testili parla di sè in prima persona, attribuendosi un ufficio suo proprio. Ella ha di recente posta una siepe intorno al gregge «vigmine composui septam»; che par un motivo dominante di questa corrispondenza poetica! — Menalca (carme I, vv. 29—30) attendeva appunto a ciò; Meri (carme II, v. 57) lo lascia, perchè vada a questa opera.... Dobbiam noi inferirne che l'arguto novelliere fosse impiegato alle fortificazioni di Forlì?... I vv. 180—2 additati pure dall' Hauvette non recano nessuna notizia nè pro nè contro («Inde dolet tristem solamque relictam — Testilis in siluis demens se; namque luporum — Insidie plures estant, prout ipsa fatetur»); anzi non accolgono quell' espressione d'un altro dolore di Testili, del non poter più correre agli amplessi notturni di Fauno, che apparirà nell' Ecl. III, dove è più inoltrata la personificazione di Testili in

donna. — 15: по объясненію автора Testili = Forlì (что допустилъ и я стр. 380—1). 16: Menalca racconta che per queste strida di Testili (=Forlì, nel veder partire il suo valoroso capitano) fu distratto dalla gentile occupazione di coglier fiori, onde avea intrecciato un serto. Mentre attonito ascolta il clamore della selva (16 n. 2: selva — тоже аллегорія Forlì) sopravviene, ben desiderato, Meri; 17: онъ спрашиваетъ Меналку che stesse a fare; e questi ripete che attendeva a comporre un serto, per quando fosser grati i suoi canti a Mopso [L'Hauvette, Notes, l. c., p. 127, n. 6, osserva che infatti quando il Petrarca nel 1350 passò da Firenze, il Boccaccio gli indirizzò «haud ignobile carmen» (*Fam.*, XI, 1). Credo che l'attesa nella mente del B. non dovesse esser così lunga, e che egli sperasse, con altri amici fiorentini (*Fam.*, VII, 10), che il Petrarca volesse proprio allora recarsi a Firenze. E do ragione al Mascetta (*Barbato da Sulmona e i suoi amici Barrili e Petrarca,* in Rass. abruzzese, II, 1898) che illustra con altre testimonianze il v. 123 dell' Ecloga II del Petrarca: «sylvas petit alter = Petrarca — «etruscas», — nel senso che il Petrarca volesse andare a Firenze forse per rappresentare la sua città presso Cola di Rienzo. E si noti che appunto questa ecloga imita il B. nel suo *Faunus*] a cui è concesso di cingere le tempia di lauro, come nel carme primo aveva detto quasi con le stesse parole. — Dell' antro che Menalca esalta, come quello nel quale il «magnus quondam residebat Amintas» (v. 56), io non oserei proprio affermare che simboleggiasse la gloria di Forlì, d'avere ospitato Dante. 18: зато слѣдующіе стихи достаточно ясны: Menalca, innanzi che Moeris pur si rifiuti di cantare, osserva tosto:

v. 57. *nemus omne cicadis*
Dedecum in nostrum milvis corvisque relictum
Affirmans gravitate tua (neque ipse negabe),

стихи (опущенные III эклогой) въ соотвѣтствіи съ эклогой Cecco:

I, 38 sgg. Consonat hinc multa raucum nemus omne cicada,
sibila dant pavidae milvi per inane volucres и т. д.

B. cerca di reprendere la figura esterna e il senso del discorso di Meri dell' ecloga che precede: benchè nel simbolo delle cicale e degli altri striduli abitatori dei boschi, pare abbia voluto, anzi che raffigurare le mille occupazioni e le cure che distraggono le menti dall' arte, schernire coloro che profanano l'arte stessa. — Ma non percio, continua Menalca, noi dobbiamo stare torpidi, in silenzio: benchè il pregio fio-

risca quando è fecondato dal favore, vale e vegeta anche per sè e da sè stesso. «E se i luoghi ricusano i versi che facciamo per piacere a noi stessi, alle Muse, a Mopso, ancora le Muse tengono il sacro bosco e, te l'accerto! verrà tempo migliore che gioverà aver cantato». (vv. 60—71)— «Ma tu che intendi immergere nell' acqua il gregge, mentre che è caldo, fa pure: se non vuoi cantare, almeno narra quel che avvenne». Meri, dopo una serie di espressioni *per impossibilia* a indicare ch' egli non si torrà mai dalle Muse (vv. 76 sgg.) dichiara che più che le cure del gregge gli impediscono di cantare le condizioni del momento (v. 84): tuttavia dirà quel che Menalca desidera. Racconta pure, risponde Menalca, frattanto: altra volta si deciderà sulla convenienza del cantare o no. E Meri, benchè esitante dinanzi a così alto soggetto, tuttavia comincia l' apoteosi di Argo, di Re Roberto).—19: Подражаніе петрарковской эклогѣ Argus, отмѣченное для боккаччьевской 3-ей эклоги, замѣтно и въ ея наброскѣ = Faunus (19—20). — 20: Могъ ли Б. знать Argus (Faunus относитъ авторъ къ 1347 г., собственно all' intervallo tra il passaggio di Luigi d' Ungheria da Forlì, e la partenza di Francesco Ordelaffi, dic. 1347— genn. 1348. Сл. Giorn., 28, p. 142 слѣд., и A. De Benedictis, Le ecloghe del Petr., estr. dalla Riv. abruzzese 1898—9)? Петрарка послалъ Argus Барбату съ письмомъ (Var. 49) генваря 1347 г.; эклога эта находится въ томъ же Zibaldone boccaccesco, гдѣ и его эклога къ Cecco, и отвѣтъ послѣдняго, и Faunus, и altri pezzi che attiravano l' ammirazione e l' attenzione del B., il quale allora si volgeva ai più severi studî della poesia latina. М. б., Boccaccio, il cui primo carme parrebbe conveniente a persona che si *allontana* e che dà, per così dire, *il proprio indirizzo all' amico,* а *Фавнъ* написанъ più tardi, въ *Неаполѣ* (гдѣ Барбато могъ ему сообщить петрарковскій Argus), benchè nella finzione si riferisse tuttavia al momento della partenza (Così accade nell' Ecl. III del B. posteriore al 1351, dove pure nulla rivela che la partenza di Fauno appartenga a un tempo ormai passato). — 21 слѣд.: *Отвѣтъ Cecco на Faunus* (по печатному тексту Carmina ill. poet. ital. и Laur. XXXIX, 26; нѣтъ въ Zibaldone. М. б., Боккаччьо и не видалъ этого отвѣта, сл. стр. 22, n. 3): «Non trattavano l' aria con penne tanto veloci coloro che fuggendo i lidi di Creta facevano maravigliare gli agricoltori, quando fu tanta sventatezza nel figliuolo che diede poi morendo il nome al mare, quanto colui che insulta fragorosamente (turbine) il colle cillenio, e tenta con inesperta bocca i pastorali carmi trattati da Marone. Li stronca come un lattante che chiede la poppa e non sa formar parola: nè giova che

nulla egli sappia, che gli zoppichi ogni verso nel metro, che un suono stonato e irritante (*implacidum*) esca dalla sua cicuta! Il che fece noto lo stesso Menalca a Meri, aggiungendo: Che faremo:

v. 16 forsan tentamur; agendum est
cantu, qui (Laur. *quo*) nostrum non inficietur honorem».

Стр. 23: Авторъ полагаетъ, что эти стихи лишь развиваютъ стихи Faunus v. 57: «Nemus omne cicadis — Dedecus in nostrum milvis corvisque relictum — Affirmans gravitate tua (*neque ipse negabo*)». Мы видѣли выше, что Б. понялъ эти стихи такъ, что они намекаютъ на *colori che la poesia profanano;* въ этомъ смыслѣ отвѣчаетъ и Cecco, нападая на poetastri, но въ заключеніе, приводя слова Меналки, прямо указываетъ на связь своей эклоги съ Faunus; infatti a un canto, che non isminuisse il loro onore di poeti, l'aveva eccitato quivi appunto anche Menalca dicendo: «Ma questa non è ragione perchè restiamo in silenzio; il pregio (*virtus*), ancor che non secondato dal favore, vigoreggia per sè stesso; e le Muse stanno pur sempre in Parnaso, e ci gioverà l'aver cantato. Стр. 24: Эклога написана въ отвѣтъ *Faunus*, и какъ послѣдній переходитъ въ epicedio del grande Argo, такъ и Moeris воспѣваетъ un grande che dormiva presso il paese suo, vicino ai colli flaminii:....

Dux gregis infausti, quem pinea sylva coronat
Flaminias juxta (Laur. *secus*) valles; cui *moenia* parent
Jam confecta situ, et sancto *interfusa cruore:*
Quique regit portus, colitur qua sacra *Cybelle*,
Aequoris Adriaci prospectans litore classes:
Tunc sic ille quidem, recolo, nam pangere coepit
Qui Siculos quondam Lylibaeis vallibus haedos;
Plura tamen cecinit, subque umbra tectus acerna:
E quibus hoc unum memini, dum fronde saligna
Jam saturas sylvis studeo revocare capellas.
Mira feram: rigidas flexere cacumina quercus,
Sponte sua, nullis tamen impellentibus auris;
Atque aspra cautes, silicesque et saxa moveri
Aspexi, et solitos compescere flumina cursus.
Quodque magis stupui modulantis carmina plectri
Maenala traxerunt pecorosaque dorsa Lycaei.

Стр. 25: Эклога Giov. del Virgilio къ Mussato была знакома Б. и Cecco, оттуда взято имя *Moeris;* poichè le espressioni che Giov. del Virgilio aveva usate a indicare Dante, sono state qui riprese per il *Dux*,—

авторъ спрашиваетъ себя, не идетъ ли здѣсь дѣло о Данте (сл. v. 26: subque umbra tectus acerna = такъ изобразилъ себя Данте въ эклогѣ). Въ этомъ смыслѣ дается объясненіе: *dux gregis infausti* = il doloroso gregge dei morti; *cui moenia parent Jam confecta situ* = le mura di Dite, lorde di peccato; *sancto interfusa cruore* = le pendici del Purgatorio, asperse sì di sangue (?), ma nella penitenza purificante; *qui regit portus, colitur qua sacra Cybelle* = Maria (такая же figurazione bucolica dei regni oltremondani у Боккаччьо, сл. Carrara, Un oltretomba bucolico, Bologna, Zanichelli, 1899; Hecker, Boccaccio-Funde, стр. 80 слѣд.; то же у Петрарки, Argus, v. 79); *Aequoris Adriaci prospectans litore classes* = che vide le navi in sul lido di Chiassi (?). Указаніе на его эклоги, vv. 24—5; о нихъ вспоминаетъ Moeris, когда подзываетъ къ себѣ овецъ, vv. 27—8. Стр. 26: конецъ:

38 Sic se sicque suos numeros modulamine tentans (Laur. *probans*)
Arguit alterius forsan tentamina. Musis
Hoc placuit ne qua laedatur voce loquacis
Fama viri, meritos servat cui laurus honores.
Finis erat; solitos repetebant cuncta recessus.

Авторъ объясняетъ: fu il tentativo (Данте) di provare sè e la sua attitudine poetica (*se, suos numeros*) nella poesia dotta, rintuzzando la provocazioncella (*tentamina*) di Giov. del Virgilio. E le Muse gli arrisero, perchè nessuna voce osasse offendere la fama del canoro poeta. (26—7 прим. 1: авторъ заключаетъ изъ этого, что двѣ дантовскія эклоги считались, стало-быть, un saggio in sè compiuto, не начало *Bucolicon* въ 10-ти эклогахъ, какъ полагалъ Novati, Giorn. Dant., XI, 33 слѣд., и Torraca, Bull. d. Soc. Dantesca, X, 160 слѣд.).

Къ стр. 460. *Къ Декамерону, V, 10.* Dioneo вспоминаетъ пѣсенку: L'onda del mare mi fa gran male. Сл. Cesareo, Le origini d. poesia lirica in Italia, Catania, Giannotta, 1899, стр. 75, прим. 2: гипотезы Lami и Hartwig'a, устраненныя Kade; Cesareo приводитъ португальскую пѣсенку Roy Fernandez (Braga, 488): Quand'eu vejo las ondas— e las muyt' altas ribas, — logo mi veem ondas — al cor por la velyda. — *Maldito sei 'al mare — que mi faz tanto male.*

Къ Дек., IV, 5. Сл. Cannizaro, Il Lamento di Lisabetta da Messina e la Leggenda del Vaso di Basilico (Messina, tip. Tribunali, 1902, p. 125), и отчетъ въ Rass. bibliogr. d. letter. ital., 1903, fasc. 2—3—4, p. 124 слѣд. Авторъ хочетъ доказать, что эта канцона (изд. Fanfani и впослѣдствіи Carducci, не представляетъ древнюю пере-

дѣлку сициліанской пѣсни, но что она ci si presenta nelle sue forme native del vernacolo insulare. Рецензентъ соглашается съ авторомъ nel dubitare della relazione attestata dal Boccaccio fra la novella e la Canzone, но отрицаетъ его предположеніе о мессинскомъ происхожденіи пѣсни и историческомъ фактѣ, лежащемъ въ ея основѣ. Можно допустить съ авторомъ, что это такъ называемый Lamento — un allegorico canto amoroso, che in nulla si rannodi colla narrazione boccaccesca.

Сл. Cian, въ La biblioteca delle scuole italiane, VIII, 1: Un' antica canzonetta greca ed una siciliana (параллели къ canzone del *basilico* (о которой поминаетъ и Bernardino Temitano. Сл. Carducci, Cantilene e ballate, p. 49).

Пѣсенка Lisabetta'ы изъ Мессины (Chi guarda l' altrui cose fa villania) передѣлана (?) въ laude Feo Belcari: «Chi non cerca Gesù con mente pia» (Сл. D'Ancona, La poesia popolare italiana, Livorno, 1878, p. 84; Rubieri, Storia d. poesia popolare italiana, Firenze, 1877, p. 154).

Къ стр. 465 слѣд. *Къ источникамъ Декамерона.*—Letterio di Francia, Alcune novelle del «Decameron», illustrate nelle fonti, Giorn. stor. d. lett. italiana, v. XLIV (1904), стр. 1 слѣд. (*къ литературѣ*: *Rajna*, La novella boccacesca di Saladino e di messer Torello, Romania, 1877, v. VI, p. 359—68; L' episodio delle Questioni d' amore nel Filocolo del B., ib. XXXI, p. 40—7, 57—79. Le origini della novella, narrata dal «Frankeleyn» nei Canterb. Tales del Chaucer; ib. XXXII (стр. 204 слѣд.; *Kerbaker*, La leggenda epica di Rishyasringa: о новеллѣ Filippo Balducci въ введеніи къ 4-му дню Декамерона, въ Racc. di studî critici ded. ad A. D' Ancona, Firenze, 1901. *De Bartholomaeis*, Un frammento bergamasco e una novella del Decamerone, въ Scritti varî di filologia offerti a E. Monaci = Dec. VII, 5). Пока разобраны: 1) *Giorn. VII, 2* (изъ Апулея; Б. собственноручно списалъ его Золотого Осла, ркп. Laur. pl. 54, № 32; сл. Hecker, Boccaccio-Funde, p. 34—5; въ V кн. Генеалогіи Боговъ оттуда же взятъ разсказъ объ Амурѣ и Психеѣ); 2) *Giorn. V, 10* (изъ Апулея); 3) *Giorn. VII, 4* (стр. 31: непосредственно изъ Disciplina clericalis); 4) *Giorn. X, 8* (контаминація Athis et Prophilias съ Disciplina clericalis); 5) *Giorn. IV, 2* (мимоходомъ стр. 63: разсказъ о Паолинѣ въ De Clar. Mulieribus c. 89—изъ Іосифа Флавія въ лат. переводѣ Руфина, черезъ посредство Викентія изъ Бовэ, Spec. historiale, l. VII; стр. 66—7: на новеллу Декамерона IV,

2 повліялъ разсказъ о Нектанебѣ въ Александріи и тамъ же разсказъ Іос. Флавія; 69: на введеніе въ новеллу—инвектива на духовенство—повліялъ Іоаннъ Салисберійскій, *Policraticus*, X, l. VII); 6) *Giorn. VIII, 10* (изъ Disciplina clericalis); 7) *Giorn. VII, 6* (стр. 93: далекій источникъ—*x*—какая-нибудь версія, вышедшая изъ Sindibâd'а; изъ нея пошелъ съ одной стороны Lai de l'épervier, съ другой—текстъ *y*, изъ котораго пошла сіенская новелла, сл. стр. 89—91, съ третьей—*z*=источникъ Боккаччьо); 8) *Giorn. I, 2* (по поводу стр. 101, прим. 1: противъ Mazzatinti, выразившаго мнѣніе, что соотвѣтствующая новелла Avventuroso Ciciliano вышла изъ Ordene de chevalerie; авторъ предполагаетъ, что какой-нибудь неизвѣстный намъ французскій писатель, разсказывая о дѣяніяхъ Саладина, ввелъ въ его циклъ путешествіе въ Римъ вмѣстѣ съ графомъ d'Artois e le osservazioni sulla religione cristiana, attingendo probabilmente alla fonte primitiva *x*, oppure alla tradizione orale.—Этотъ первичный текстъ, *x*, предполагается латинскимъ; il quale certamente aveva a protagonista un giudeo, istigato a convertirsi da un amico cristiano, doveva contraere il viaggio a Roma, la satira contro il clero e la conversione. Новелла Бозоне совершенно устраняется изъ источниковъ Боккаччьо.

Къ Ciacco Боккаччьо сл. I. del Lungo, I contrasti fiorentini di Ciacco: разбираетъ due canzonette, приписанныя Ciacco dell' Anguillaja, доказывая «che siano una stessa persona il Ciacco fiorentino de' due contrasti e quello dell' Inferno dantesco e del Decameron (Racc. di studî crit. ded. ad. Al. d'Ancona, p. 297—303; сл. Scherillo, Il Ciacco della Divina Commedia, Nuova Antologia, 1 Agosto 1901, стр. 427 слѣд.).—Ibid. 553—68: Rajna, *Una questione d'amore* (questione въ *Filocolo:* кто избранникъ изъ трехъ любящихъ? Авторъ указываетъ на распространеніе этого мотива. Обо всѣхъ questioni сл. его статью въ Romania, XXXI, 28: L'episodio delle Questioni d'Amore nel Filocolo del Boccaccio); ibid. p. 465—97, *Kerbaker*, *La leggenda epica di Rishyasringa* (изъ Магабгараты), къ Dec. IV proemio (о юношѣ, никогда не видавшемъ женщинъ); Landau доказалъ, что эта новелла, извѣстная уже по Магабгаратѣ, дошла до автора Novellino изъ Варлаама и Іосафата, что Боккаччьо заимствовалъ ее изъ «Narratio de Heremita juvene» Odo de Ceringtonia (XII в.); Kerbaker указываетъ, рядомъ съ эпизодомъ Магабгараты, на варьянтъ той же легенды въ Рамайянѣ, Вишнупуранѣ, Падмапуранѣ и др. — до натуралистическаго миѳа (о fuogo fulgurale) Ригведы.

Къ Дек., II, 8 сл. Guillem de la Barra, Arnaut Vidal de Castelnaudary (ок. 1318 г.). *Dec. II, 7;* судьбу Chélinde въ: Tristan li Léonois (у Trenau, Bibl univ. des romans, v. 7). — Къ новеллѣ II, 4 сл. Beilage z. Allgemeinen Zeitung 1900, 13 Dec., № 285: Holm, Ravello, стр. 5 слѣд. (палаццо Ruffolo въ Ravello подъ Амальфи и исторія семьи: не матеріалъ для новеллы Боккаччьо, а ея подкладка? При Карлѣ Anjou они были большими негоціантами, hatten Häuser u. Geschäfte in Trani u. Barletta, pachteten Zölle u. trieben Kornhandel mit Aegypten, nicht nur für eigene Rechnung, sondern auch für die von König Karl. Aber sie erregten Neid und Hass bei Vielen u. als im Jahre 1283 König Karl anderswo beschäftigt und sein Sohn Regent war, erging eine schwere Verfolgung über die Familie Ruffolo u. die ihnen nahe verwandte Familie della Marra. Es wurde ihnen die Schuld gegeben an allem, wodurch sich Karl verhasst gemacht hatte. «Sie — sagt in einer Urkunde Karl II — waren es, welche am Hofe unsres Herrn Vaters alles Böse anstifteten; sie riethen täglich zu allen Arten von Erpressungen. Sie haben alle Wege ausgedacht, durch welche die Insel Sicilien von der Treue abwendig wurde». Они были богаты, ихъ богатствами можно было поживиться, и они стали козломъ отпущенія за политику Карла, приведшую къ сициліанской вечернѣ 1282 г. Ихъ заточили; еще два раза Ruffolo'амъ удалось оправиться, но для новаго паденія; *Лоренцо Руффоло* сдѣлался пиратомъ и умеръ въ 1291 году, заточенный въ одномъ калабрійскомъ замкѣ. Die Familie kam mehr u. mehr herunter; der Palast wurde getheilt und es kam ein Theil an die Familie Confalone, ein anderer an die Familie Muscettola, welche den Titel Fürsten von Leporano hatte.

Zumbini, La novella di Landolfo Ruffolo, La biblioteca delle scuole italiane, XI, 6; ib. 9: *L. di Francia*, Studî boccacceschi, un bel caso d'intolleranza critica (противъ критики Wiese въ Zs. f. roman. Phil., XXVIII, 748).

Zumbini, Di alcune novelle del Boccaccio e dei suoi critery d'arte, въ Atti d. R. Accad. d. Crusca (anno accademico 1903—4), стр. 25 слѣд., затѣялъ изучить gli elementi storici e la favola неаполитанскихъ новеллъ (II, 4, 6; III, 6; IV, 1, 10; V, 6; VII, 2, X, 6); изъ нихъ избираемъ пока двѣ: 1) стр. 28 слѣд.; II, 6 (*Beritola*); вольное отношеніе къ историческимъ даннымъ примѣнительно alle ragioni dell' arte; для Arrighetto Capece, какъ и для Beritola'ы нѣтъ документальныхъ данныхъ, 31 слѣд.; островъ Panza вовсе не былъ необитаемъ, 34 слѣд.; 36 слѣд.: воспользовался темой легенды о Евстахіи Пла-

кидѣ. — 2) Стр. 41 слѣд.: V, 6 (Gian di Procida, Restituta); тема новеллы, въ сущности — эпизодъ изъ Filocolo; историческія отношенія и генеалогія не поддерживаются документальными свидѣтельствами. 45: отраженіе легенды о Геро и Леандрѣ; 52: историческія лица stanno di solito meno per se stessi che a servigio di quelle altre figure la cui storicità dissi più apparente che vera, да и являются оно (напр., Карлъ Анжуйскій и Петръ Аррагонскій въ X, 6 и 7) въ совсѣмъ иномъ освѣщеніи, чѣмъ, напр., въ дантовскомъ Чистилищѣ, с. VII. Стр. 55 слѣд.: противорѣчія между историческими показаніями Б. и дѣйствительно засвидѣтельствованными историческими фактами объяснялись тѣмъ, что источникомъ Б. могли быть народныя или мѣстныя преданія. Ихъ слѣдуетъ допустить (для Guido Cavalcanti, Guiglielmo Borsiere, Calandrino, Bruno и Buffolmacco); но и этой гипотезой не слѣдуетъ увлекаться: se le scene originarie di Restituta (V, 6) e di Peronella (VII, 2) Боккаччьо trasportò di lontano in Napoli, da Napoli, invece, trasportò la scena in Bologna, quando il fatto già narrato nel Filocolo (l. IV, Quest. XIII), della donna creduta morta e poi restituita dall' amante al marito, volle rinarrare nel Decamerone (X, 4). E poi un terzo fatto che, secondo lo stesso Filocolo, era avvenuto nel paese di uno di quei personnaggi, cioè di Menedon (l. IV, Quest. IV), rinarrò, nella novella di madonna Dianora, come seguito in Udine (X, 5).—Стр. 68—9 прим. 1: описаніе въ Filocolo битвы между Felice и Lelio—по Фарсаліи, сл. Fars. VII, 825 слѣд., и Filoc., I, ed. Moutier, стр. 64 слѣд.).

Дек., VIII, 6: Giannini, Uno fonte di una novella del Boccaccio, Fanfulla d. domenica, 1905, № 35 (церковные обряды для открытія вора: giudizio di Dio del pane e del formaggio).

Къ Декамерону. The XIX century, 1899, August: Stillman, The Decameron and its villas.—Ahlström, Studier in den fornfranska Lais-Litteratur (Upsala, 1892), стр. 125 слѣд. (къ Дек. IV, 1; къ Дек. V, 4 — стр. 145 слѣд.; Дек. VII, 6 — стр. 162—2).

Pellizzaro, La commedia d. s. XVI e la novellistica anteriore e contemporanea in Italia. Vicenza, 1901 (доказываетъ, м. пр., dimostra l'intreccio latino di alcune novelle del Decameron: II, 6; V, 5; V, 7. Сл. Giorn. stor. d. lett. ital., v. XL, fasc. 3, 1902, стр. 400 прим. 1).

Manuel de Ossuna, Boccaccio, fuentes puer el conocimento de la historia de las islas Canaria en la edad media (Bulletin de la R. Academia de la historia, XLVI, 3).

Morini, Il Prologo del Decamerone (Rivista politica e letteraria, XVI, 3).

Merkel, Come vestivano gli uomini del Decameron. Rendiconti della r. acc. dei Lincei, 1897, v. VI, стр. 354 слѣд., 420 слѣд., 484 слѣд.

Къ стр. 466 (*Флорентiйскiй элементъ въ Декамеронѣ*). *Il Fiore,* noto rifacimento in sonetti del Roman de la Rose, написанный въ концѣ XIII в. (Castets предположилъ его авторомъ Данте; Mazzoni обѣщаетъ подтвердить это новыми аргументами), è in stretta relazione alla vita, all' arte, alle idee dei rimatori fiorentini, fra i quali era Dante..... Il messer Brunetto del sonetto proemiale (посвятительнаго) è, come fanno fede le didascalie de' Manoscritti, *Betto Brunelleschi,* l'amico di Guido Cavalcanti, che si ritrova non pur nel *Decamerone*, ma nella Cronica del Compagni; quel Brunelleschi che di recente *Anatolio France* ha ingegnosamente disegnato a nuovo di sull' esemplare del Boccaccio in uno de' suoi squisiti racconti.

Torraca, Noterelle Dantesche (Firenze, Carnesecchi, 1895, per nozze Morpurgo — Franchetti), полагаетъ, что сонетъ Данте, обращенный къ Brunetto («Messer Brunetto, questa pulzelletta»), т.-е. къ Betto Brunelleschi, служилъ посвященiемъ не къ Fiore, а къ какой-нибудь канцонѣ или баллатѣ. Сл. тоже Gaspary, Literaturbl., VII, 235; сл. Rass. bibl., III, 163.

Къ стр. 468 (*Легенда о Петрѣ и Февронiи*). Сл. Этногр. Обозр., XVII, стр. 88—9 (П. И., Изъ области малор. нар. легендъ): Давидъ заглядѣлся на одну женщину, мывшую на рѣкѣ сорочку, — она догадалась, въ чемъ дѣло, и говоритъ царю: «напыйсь воды по цей бикъ ричкы». Царь узявъ и напывсь; потомъ велѣла ему напиться съ другой стороны; царь нашелъ, что вода тамъ и здѣсь одинакова, одинаковъ и вкусъ двухъ яицъ, бѣлаго и крашенаго, которыя подала ему женщина. — «Ну, теперь поняй соби своею дорогою!» говоритъ она ему (развязка сводной легенды другая).

Къ стр. 470—1 (*Къ сатирѣ на вилланов*ъ). Сл. Roque-Ferrier, L'origine des vilains et celle des Gavots (стихотворенiе провансальскаго поэта подъ псевдонимомъ Cascarelet), въ Rev. d. langues romanes, 1884, Августъ.

Domenico Merlini, Saggio di ricerche sulla satira contro il villano. Torino, Loescher, 1894 (p. 230. Сл. отчетъ въ Giorn. stor. d. lett. ital.,

v. XXIV, 1894, стр. 432 слѣд.; съ указаніемъ на работы Ledieu и Bédier; Ribbeck'a, *Agroikos*, Eine Ethnologische Studie. Lpz., 1885, въ Abhdlgn. d. philos.-hist. Cl. d. K. Sächs. Gesellsch. d. Wiss., v. X, № 1, стр. 435: о bergamini).—Сл. отчетъ G. Paris'a въ Romania, № 93, стр. 142 слѣд. о Merlini, Saggio d. ric. s. sat. c. il vill.: во Франціи презрѣніе къ виллану феодальнаго характера, въ Италіи — городского: антипатія горожанъ къ крестьянамъ, основанная на экономическихъ интересахъ и нашедшая выраженіе въ поэзіи popolareggiante. Merlini указалъ на отношеніе этой литературы къ Commedia dell' Arte et la création du type du Zanni (Gianni = Giovanni), divisé plus tard en Arlequin et Brighella: Zanni est primitivement le *facchino* venu des montagnes bergamasques qui faisait à Venise, aux XV et XVI s., tous les gros ouvrages du port et s' attirait les railleries des gens de la ville (quelque chose comme l'Auvergnat de nos jours à Paris). A Florence et ailleurs, c'est surtout la lutte économique entre le paysan et le bourgeois ou l'artisan.... qui a excité la verve des poètes populaires et créé toute une littérature. — D'autre part les moeurs et les amours des villageois ont fourni tout un cycle d'oeuvres facétieuses, qui commencent (avec la *Nencia* de Laurent le Magnifique) par une peinture encore à moitié sympathique et légèrement railleuse, et qui finissent par la caricature purement burlesque.— *G. Paris отрицаетъ, что въ Roman du Renard—Renard — представитель виллана, Изенгримъ — феодала* (сл. стр. 145).

Къ стр. 471 прим. 9 (*Къ Дек., VII, 7*). Сл. франц. новеллу въ Shakespeares Lest Book. Chiswick, from the press of C. Wittingham. 1814 г. (сл. Romania, XXIV, 485, по поводу работы Schofield о новеллѣ Боккаччьо). Другой текстъ изд. P. Meyer въ Romania, t. XXXII, стр. 59 слѣд.

Сл. средневѣковую, такъ называемую «элегическую комедію» *Babio* у Creizenach'a, Gesch. d. neueren Dramas, Halle a. S., 1893, I, стр. 37—8 (Babio подозрѣваетъ свою жену въ связи съ Fodius, говоритъ, что уѣдетъ на нѣсколько дней, внезапно возвращается ночью и побитъ Фодіемъ, который будто бы не узналъ его и принялъ за чужого); къ III, 5 (?) сл. Creizenach, ib., стр. 41 (изъ элегической комедіи: die Handwerkersfrau: за ней ухаживаетъ священникъ, посылаетъ ей подарки; мужъ-скупердяй совѣтуетъ принять ихъ, самъ онъ скроется и, вернувшись, застанетъ попа и завладѣетъ подарками, какъ контрибуціей. Жена заключаетъ, что мужъ ея не-

достоинъ честной супруги, предупреждаетъ священника объ опасности. Онъ является вооруженнымъ, проводитъ ночь; мужу не открываютъ, а утромъ священникъ еще глумится надъ нимъ).

Къ Декамерону, VII, 5. Сл. Scritti varî di filologia dedicati a Ernesto Monaci (1901, Roma, Forzani): V. de Bartholomaeis, Un frammento bergamasco e una novella del Decamerone, p. 203—224. Сл. Rassegna bibliogr., 1902, № 4—5—6; p. 100: Il frammento, edito or non è molto dal Lorck, tratta lo stesso argomento della nov. 5 della VII giornata dell' opera del Certaldese (un marito geloso si fa confessore della propria moglie). Источникомъ Б. могъ быть un testo intermedio; al B. più propriamente spetterebbe «l'avere inventato la storia dell' amore della donna col vicin di casa e gli episodj cui quest' amore dà luogo». — Бергамскій отрывокъ былъ изданъ въ Giorn. Stor. d. lett. ital., VII, 458 и XXIII, 432 Zerbini и Lorck'омъ. Обѣ новеллы восходятъ къ одному итальянскому источнику, вышедшему, въ свою очередь изъ французскаго оригинала.

Rev. d. trad. pop., t. XVII, № 3—4, Mars-Avril 1902: René Basset, Contes et légendes arabes, p. 148, № DCXXII: La femme dans le puits (ib. литература); p. 156 слѣд. № DCXXXVIII = Dec. VII, 9 (p. 157—8: литература). — Сл. Marcocchia, Una novella indiana nel Boccaccio e nel Molière, Spaletro, Morpurgo (Dec., VII, 4).

Къ стр. 475 прим. 4. *Къ Декамерону, II, 9 (Бернабò)*: R. Koehler, Kleinere Schriften, Weimar, Felber, 1898—1900 (примѣчанія Bolte). Vossler въ Studien z. vergleich. Literaturgeschichte, II (1902), p. 155; G. Paris, Le conte de la Gageure dans Boccace, въ Miscellanea di Studî Critici ed. in onore di Arturo Graf (Bergamo, 1903), p. 107 слѣд.: предполагается недошедшій до насъ франц. оригиналъ, изъ него пошла съ одной стороны анонимная итальянская новелла XIV в., напечатанная Lami, съ другой — оригиналъ Боккаччьо и нѣмецкаго стихотворенія, изданнаго въ 1489 году.

Къ стр. 475 прим. 6. *Къ Декамерону, X, 9.* Сл. Torraca, Studî su la lirica italiana del Duecento, Bologna, 1902, p. 293 слѣд.: Taurel, отъ котораго сохранилась провансальская тенцона (съ Фальконетомъ), и котораго упоминаетъ Figueira, — историческое лицо, Taurellas de Strata de Papia, бывшій въ сношеніяхъ съ Фридрихомъ II и тожественный съ Taurel въ пьесѣ Figueira: «Un nou sirventes ai en cor que trameta»; онъ suggerì il nome, e probabilmente offrì al Boc-

caccio il modello «del gentile uomo messer Torello d'Istria (di Stra' = Strata) da Pavia». Schultz-Gora, Ein sirventes von Guilhem Figueira gegen Friedrich II. Halle, Niemeyer, 1902, pp. 60, — не соглашается видѣть въ Taurel итальянца. Сл. однако Giorn. stor. d. letter. ital., XLI, fasc. 2—3, p. 421. De Bartholomaeis его допускаетъ (сл. De Bartholomaeis, La tensone de Taurel et de Falconet, въ Annales du Midi, XVIII, № 70, avril 1906, p. 191 слѣд.).

Къ стр. 475 прим. 8 *(Дек., VIII, 4 — настоятель Фьезоле)* Сл. Amalfi, Wer hat die Facetien des piovano Arlotto compiliert (Zs. d. Vereins für Volkskunde, VII, стр. 380—1: въ новеллѣ, изданной Tenier, какъ и въ фацеціи Arlotto (№ 50 въ изд. Amalfi), послѣдній запираетъ викарія Фьезоле въ тюрьму, куда должны были заключить его самого; въ Cento novelle antiche, изд. Gualteruzzi, Arlotto избавляется отъ наказанія тѣмъ, что, забравшись подъ постель епископа, когда тотъ забавлялся съ любовницей, является его уликой. Amalfi сравниваетъ Дек., I, 4 и IX, 2; мнѣ важнѣе указаніе именно на женолюбиваго викарія изъ Фьезоле. Сл. изд. Biagi, p. CV слѣд., и Landau, Quellen.

Къ стр. 475 слѣд. *(Къ Дек., VII, 6)*. Сл. G. Meyer, Essays und Studien, Berlin, 1885, I (о четверостишіяхъ Гала: Saptaçatakam von Hâla, hrsg. v. A. Weber. Lpz., 1885), p. 226—7: Die Vorstellung (въ одномъ изъ четверостишій) des Liebhabers als plötzlich angekommenen Vetters ist ja auch sonst etwas Gewöhnliches; aber dass er der freundlichen Behandlung des unerwartet heimkehrenden Gatten empfehlen wird als Einer, der um Schutz von Verfolgern flehend ins Haus gekommen ist, das erinnert an eine sehr verbreitete Geschichte, die unter Anderen von Boccaccio (VII, 6) an nachahmlich erzählt worden ist u. bereits im Hitopadeça steht.

Къ стр. 479. *Къ Декамерону*, X, *10*. Monaci, La novella di Griselda secondo la lezione di un ms. non ancora illustrato del Decamerone (Perugia, Cooperativa, p. 14; *per nozze*). Сл. Rass. bibliogr. d. letter. ital., 1902, fasc. 10—11: отличія отъ текста Mannelli, il più spesso in peggio, qualche volta in meglio.... Riproduce un primo getto dell' autore, o un rifacimento posteriore di altri?

Piccolo archivio storico dell' antico marcheseto di Saluzzo, I, 3—6: *Patrucco*, La storia nella leggenda di Griselda (Сл. Rass. crit. d. lett.

ital., IX, 331). Lanzalone, La Griselda d. Boccaccio, въ Rassegna Naz., 1906, 16 Aprile (противъ оцѣнки Гризельды у Achillo Toselli, Arte e morale). Betz, Die Greseldissaga in Dichte und Tonkunst, Neue Zürich. Zeitung, 1903, № 64. Savorini, La leggenda di Griselda, Rivista abruzzese, XV, 1—2.

Къ стр. 480 прим. 1. *Декам.*, *I*, *9*. Сл. Legrand, Rec. de chans. pop. grecques (Paris, Maisonneuve, 1874), № CXXXVIII, сл. введеніе, p. XXXIX, кипрійская пѣсня: La grecque Arété va se plaindre au roi d'avoir été trompée par un de ses hommes du Caire; извѣстно, что Jacques de Lusignan, dépossedé de ses états, implora le secours du Soudan d'Égypte, qui résidait au Caire, et que le prince musulman donna à ce monarque une nombreuse armée, avec laquelle il parvint à ressaisir le souverain pouvoir. Ces hommes de Caire restèrent plusieurs années dans l'île de Chypre où ils se rendirent odieux par leurs violences. Пѣсня, стало быть, сложена ок. 1460 и 1462 года. Содержаніе: *Χαρτξιανάκης* любитъ Арету, дочь архонта; мать съ презрѣніемъ отклоняетъ его предложеніе; ея условія: Peut-t-il d'un coup de hache trancher un roc? Peut-il émonder un palmier; étreindre la rivière en ses bras et lier des oeufs ensemble? Peut-il faire pousser de l'orge et du blé en pleine mer, et sur mer aussi établir une aire où ses chevaux aillent fouler le grain? Если онъ все это сдѣлаетъ, я дамъ ему въ жены самую некрасивую изъ моихъ рабынь. — Харціанакисъ въ отчаяніи, выходитъ бродить (съ *δενδρὶ* на плечахъ вмѣсто зонтика), встрѣчаетъ двухъ волшебницъ, мать и дочь. Онѣ уже знаютъ его злоключеніе; даютъ совѣтъ: перерядиться дѣвушкой и пробраться къ Аретѣ. Онъ называетъ себя ея кузиной (*ἀξαδέλφη*), принятъ, ложится съ ней въ одну постель, дознается, что она любитъ его, и овладѣваетъ ею во снѣ; все, что было — ей приснилось. Но онъ разубѣждаетъ ее; она не вѣритъ: я — лоза въ цвѣту, лугъ, покрытый цвѣтами. — Нѣтъ, ты — лоза поблекшая, высохшій прудъ, разграбленный городъ. — Она идетъ судиться къ королю: одинъ изъ его людей, *ἀφ 'τοῖς μισηριακοὺς σου* (du Caire) ее изнасиловалъ. Посылаютъ за Харціанакисомъ; онъ отвѣчаетъ: Si je l'épouse, je la caresserai, je l'embrasserai.... mais à elle qui est belle, à elle qui est fille d'archonte, je lui donnerai des amandes amères, pour que la bouche lui en devienne aussi». Король предлагаетъ Аретѣ взять ее за себя, она хочетъ только своего милаго, и онъ является (обращаясь къ ней, онъ сравниваетъ ее съ колоколомъ

франкскимъ, греческимъ, que l'on sonne au pays franc et qui retentit jusqu'au Caire, *στὸ Μισῆρι*). Пѣсня кончается свадьбой. (Съ задачами матери Ареты ср. новеллу Филоколо Qu. IV = Декамерона X, 5. Переодѣванье дѣвушкой, какъ въ Вольфдитрихѣ и въ Альдѣ Вильгельма de Blois, сл. Creizenach, Gesch. d. neuer. Dramas, I, стр. 29. Капръ могъ явиться позже, какъ наслоеніе XV вѣка, на пѣсню, содержаніе которой могъ слышать Боккаччьо).

Къ стр. 480 слѣд. *(къ Дек., X, 3)*. Сл. Gelzer, Leontios' von Neapolis, Leben des hlg. Johannes des Barmherzigen, Lpz., 1893, стр. 17—18: *τὶς τῶν ξένων θεωρῶν τὴν τοιαύτην αὐτοῦ* (святого) *συμπάθειαν, ἠθέλησεν πειράσαι τὸν μακάριον καὶ ἐνδυσάμενος ἱμάτια παλαιά, προσέρχεται αὐτῷ ὑπάγοντι ἐπισκέψασθαι τοὺς τοῦ νοσοκομείου. δεύτερον γὰρ τῆς ἑβδομάδος ἢ καὶ τρίτον ἀπήρχετο, καὶ λέγει πρὸς αὐτόν· 'Ἐλέησόν με ὅτι αἰχμάλωτος ὑπάρχω.' λέγει τῷ διαδότῃ· 'Δὸς αὐτῷ ἓξ νομίσματα.' εἶτα ὡς ταῦτα ἔλαβεν, ὑπάγει καὶ ἀλλάσσει τὸ σχῆμα καὶ ὑπαντᾷ αὐτῷ δι' ἄλλης καὶ προσπίπτει αὐτῷ λέγων· 'Ἐλέησόν με ὅτι στενοῦμαι.'*—Снова Іоаннъ велитъ дать ему 6 номизмъ; когда онъ ушелъ, *διαδότης* говоритъ патріарху на ухо, что онъ получилъ милостыню вторично. *ἐποίησεν δὲ ἑαυτὸν ὁ πατριάρχης μὴ γινώσκοντα. ἦλθεν οὖν ἐκ τρίτου πάλιν λαβεῖν καὶ ἔνυξεν τὸν πάπαν ὁ τὸ χρυσίον βαστάζων, σημαίνων αὐτῷ, τὸν αὐτὸν εἶναι· τότε ἀποκρίνεται αὐτῷ ὁ θεοφιλὴς ἀληθῶς ἐλεήμων· 'Δὸς αὐτῷ δώδεκα νομίσματα, μήπως ὁ Χριστός μού ἐστιν καὶ πειράζει με.'*

Сл. P. Piper, Die Spielmannsdichtung, Berl. u. Stuttg., 1887, I, стр. 167, 169—70: Освальдъ, въ поэмѣ этого имени, бьется съ королемъ Аарономъ, отцомъ своей жены, молится, Gott möge ihm helfen, dafür gelobte er, um was man ihn auch in Christi Namen fortan bitten möge, gewähren zu wollen. Побѣда на его сторонѣ; вернувшись въ Англію, онъ сзываетъ бѣдныхъ и подаетъ имъ милостыню. Da kam auch der Herr des Himmels, ihn zu versuchen, ob er seines Versprechens nicht vergessen hätte. In zehn Scharen waren die Bettler geordnet. Von einer Schar zur andern ging der Heiland und liess sich so zehnmal seinen Anteil reichen. Endlich, da alle Bettler weggegangen waren, blieb er allein übrig und bat nun noch mehr. Vergebens sagten die Diener, dass dieser Pilger bereits für ein halbes Jahr genug empfangen habe. Oswald liess ihm 12 Stücke Fleisch, 12 Brote und 12 goldene Pfennige reichen. Der Pilger gab diese Geschenke sogleich andern Armen u. kam wieder zu Hofe, wo Oswald mit seinen Helden am

Tische sass. Die Diener trieben ihn davon, Oswald aber wehrte es ihnen. Er gab ihm auf seine Bitte den Braten, der für ihn selber aufgetragen wurde, ebenso Hühner, Fische u. einen goldenen Pokal, endlich auch das kostbare Tischtuch. Die Wut der Diener war gross, und sie wollten den unverschämten Pilgrim töten. Oswald wehrte ihnen wieder; онъ вспоминаетъ свой обѣтъ Христу.—Da bat der Pilgrim ihn noch weiter um alle seine Lande, um Scepter u. Krone, und endlich gar um seine Frau. Oswald ward traurig, doch dachte er seines Gelübdes u. gewährte auch diese Bitte. Dann forderte er des Pilgrims Gewand, um als armer Waller hinauszugehen. Darob entstand grosses Wehklagen unter den Seinen. Der Pilgrim aber rief ihn zurück u. offenbarte sich als seinen Herrn u. Gott. Er gab ihm Weib, Burgen und Land zurück. Zwei Lebensjahre seien ihm noch beschieden. Der Sünde soll er widerstehen und sich nicht von irdischer Lust bezwingen lassen. Ein keusches Leben soll er führen, so werde er endlich die himmlische Krone erringen. Oswald that also. Als des Königs und der Königin Tod nahte, beichteten sie und empfingen den heiligen Leib. (Сл. къ легендѣ: циклъ разсказовъ о Gerhard'ѣ и благодарныхъ. мертвецахъ и буддійскія легенды о самопожертвованіи).

(Новелла о Митриданѣ) Сл. эпизодъ о Кандакѣ въ Эѳіопской Александріи (Budge, The Life and exploits of Alexander the Great, being a series of aethiopic texts etc., 1896, II, 187—212): Александръ—Антигонъ обѣщаетъ Каниру выдать ему самого себя, велитъ подождать его въ лѣсу и, явившись, говоритъ, что исполнилъ свое обѣщаніе: подними на меня руку, если хватитъ рѣшимости.—Сл. Zs. d. Vereins f. Volkskunde, XVI Jahrg. (1906): Chalatianz, Kurdische Sagen, № 10, стр. 45—6: Ababaluq.

(Хатимъ Тай) Сл. R. Basset, Notes sur les Mille et une nuits, Rev. d. trad. pop., t. XII, № 3, Mars, 1897, стр. 146 слѣд.: въ 1001 ночи разсказывается, что однажды гимьяратскій царь Dzou'l Kelâ'a, остановился на ночлегъ у гробницы Hâtim el Taji; онъ сказалъ, издѣваясь: Хатимъ, мы твои гости — и голодны. Во снѣ ему явился Хатимъ, закололъ его верблюда, мясомъ котораго путники и насытились. На другой день, когда они продолжали путь, увидѣли всадника, который предложилъ царю своего верблюда въ обмѣнъ того, котораго заколол его отецъ; такъ велѣлъ поступить его отецъ, явившись ему во снѣ. — Разсказъ о посмертной щедрости Хатима въ 1001 ночи стоитъ близко къ версіямъ Kitab el Aghâni и Масуди (Kitâb el Aghâni: Les Tayites prétendent que personne ne descendait

chez lui qu'il ne lui donnât à manger; у Масуди Хатимъ былъ l'emblème de la générosité). У позднѣйшихъ писателей (Саади) il est déjà question d'un roi de Yémen jaloux de la réputation de libéralité: il veut le faire tuer, mais le messager reçoit précisement l'hospitalité chez Hâtim qui, instruit de sa mission, s'offre à la mort.... Bien entendu, il épargne la vie de Hâtim et raconte son aventure au roi que ce nouvel exemple de générosité ramène à des sentiments plus humains...

Къ стр. 483 *(Дек., V, 8)*. Сл. W. A. Neilson, *The purgatory of cruel Beauties,* A note on the sources of the 8-th Novel of the 5-th day of the Decameron, Romania, XXIX (1900), p. 85 слѣд. Параллели: Lai du Trot, Андрей Капелланъ, *Conseil d'Amour* Richard'a de Fournival, каталонскій *Salut d'Amour*; *Gower, Confessio Amantis.* Во всѣхъ этихъ разсказахъ дѣло идетъ о наказаніи hardhearted lady, въ слѣдующихъ — о наказаніи illicite love: выдержки изъ Helinand († ок. 1227 г.) у Vincent de Beauvais, *Speculum Historiale,* l. XXIX, c. 108 и 120, Цезарія Гейстербахскаго, *Dial. Miraculorum,* dist. XII, c. 20, и Jacopo Passavanti, *Specchio della vera Penitenzia,* dist. III, c. 2 (= изъ Гелинанда). — Боккаччьо соединилъ схему второй группы съ мотивомъ первой; сл. Ovid. Metam., XIV, 624—764 (цит. у Landau, Quellen, 2 Ausg., p. 282—7): Vertumnus, seeking to woo Pomona, related to her the story of Anaxarete, whe was turned into stone because the stoniness of her heart had caused her lover Iphis to hang himself. The mediaeval tales of which Dame Sirith is the familiar English example have a parallel motive (сл. для его восточныхъ версій Nicole Bozon, Les contes moralisés, ed. L. F. Smith et P. Meyer, Paris, 1889, p. 169, 289—90); and the warning of a cruel beauty by an apparition from the other world appears also in the ballad of *Proud Lady Margaret,* cited by Landau (сл. Child, Engl. and Scott. pop. ballads, Boston, 1882, I, 425—31).

Сл. Die schwarzbraune Hexe, въ «Wunderhorn» (Reclam, S. 26); Uhland, Volkslieder (1844—5), I, 240; Böckel, Oberhess. Volkslieder, Marb., 1885, S. 47 D.; легенда изъ Northamptonshire'a у Laistner'a, Räthsel d. Sphinx, Berlin, 1889, II, S. 248. Сл. охоту на женщину въ Chevalier du Papegau, ed. Heuckenkamp, Halle, 1897, SS. VII ff. и S. 3.

Къ стр. 487 слѣд. (*Къ религіозной терпимости*). Сл. Le Moyen Âge, 1894, Nov.: Picavet, La science expérimentale au XIII s. en Occi-

dent (по поводу работъ Berthelot), стр. 248: Jacob le juif, homme d'un esprit pénétrant, dit l'un d'eux (изъ алхимиковъ), m'a aussi enseigné beaucoup de choses et je vais te répéter ce qu'il m'a enseigné. Si tu veux être un philosophe de la nature, à quelque loi (réligion) que tu appartienne, écoute l'homme instruit, à quelque loi qu'il appartienne lui-même, parce que la loi du philosophe dit: Ne tue pas, ne vole pas, ne commets pas de fornication, fais aux autres ce que tu fais pour toi-même et ne profère pas de blasphèmes.

Къ Дек., *I*, *2*. Сл. Toldo, La conversione di Abraam Giudeo. Giorn. stor. d. lett. ital., v. XLII, fasc. 3 (1903), стр. 355. Cappelletti и Landau считали источникомъ этой новеллы разсказъ изъ Avventuroso Ciciliano Busone da Gubbio, гдѣ вмѣсто Еврея является Саладинъ); 357: полагали, что Abraam Giudeo—созданіе Боккаччьо, но, ранѣе Busone и комментарія Benvenuto Rambaldi da Imola, разсказалъ о томъ Étienne de Bourbon († ок. 1261), съ цѣлью di provare la verità della dottrina di Christo: «Fides est firmum et stabile fundamentum Ecclesie immo omnium bonorum.... De fortitudine et stabilitate fundamenti, audivi quod, cum quidam Judeus propter sapienciam et obsequia esset multum familiaris pape et Frederici quondam imperatoris (II?), cum monerent eum sepe ad conversionem, promittentes ei multa, noluit converti. Когда онъ обратился самъ, онъ такъ объясняетъ это императору: Videns quod adversarii fidei, omnes increduli, et vos ipsi christiani laboratis ad fidei subversionem, nec prevaletis, cogitans eam esse certissimam et firmissimam, ad eam sum conversus». Боккаччьо помѣщаетъ мѣсто дѣйствія въ Парижѣ, Giannotto di Civignj — франц. имя; Busone употребляетъ tecca (франц. tache, teke, thece и др.) въ смыслѣ infamia. Источникъ былъ, вѣроятно, французскій. — Сл. Picotti, I Caminesi e la signoria in Treviso dal 1283 al 1312. Livorno, Giusti, 1905, p. 345.

Сл. Mazzatinti, Bosone da Gubbio e le sue opere, Studj di filologia romanza, pubbl. da E. Monaci, v. I (Roma, 1884), стр. 278 слѣд., 317 слѣд.: al c. XIII del l. III Bosone ci narra «come messer Ulivo fecie cavaliere il Soldano di Banbillonia»; новелла взята изъ *Ordene de chevalerie* въ прозаическомъ его пересказѣ. — Саладиновская легенда у Бозоне: разсказъ о conte Artese (p. 456 слѣд.): tutto questo fatto del Saladino che «a maniera d'uno romito» recasi a trovare il conte, noi lo ritroviamo nel Boccaccio, presso il quale è cambiato quel nome nell' altro di «Abraam giudeo» (Dec., I, 2); сл. 321—2: по мнѣнію Либрехта и Ландау, его источникомъ былъ Бозоне; но новелла эта

находилась уже въ Ordene de chevalerie, и, по замѣчанію Бартоли, la satira è tutta del Boccaccio: questo fatto può bastare «a rendere indipendente la novella dalle parole di Bosone». — 320: въ бозоновской новеллѣ о 3-хъ кольцахъ (еврей Ansalone) видѣнъ источникъ боккаччьевской I, 3 (Melchisedech), но она находится въ *Novellino* и, ранѣе, въ Fiori de' filosofi; по мнѣнію Бартоли, Б. пользовался della saga popolare.... Inoltre, perchè voler proprio trovare in Bosone la fonte del racconto boccaccesco di messer Torello, quando sappiamo che può riavvicinarsi ad uno del *Conde Lucanor*, alla leggenda del cavalier Moeringer e ad uno nel *Dialogus miraculorum* di Cesario Heisterbacense? Стр. 322: по Landau, Giorn. I, 1 взято изъ разсказа Polinoro въ Avventuroso Ciciliano, l. II, c. 17; Бартоли указываетъ на возможность, что и Бозоне и Бокк. могли заимствовать новеллу изъ одного источника, но склоняется къ предположенію, что и въ этомъ случаѣ источникъ Бокк. былъ народный. Стр. 325: Avventuroso Ciciliano въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, не можетъ принадлежать Бозону; можно допустить l'opera d'un rimaneggiatore, до 1400 г.

Rivista abruzzese, XV, 1—2: Giannone, Una novella del B. e un dramma del Lessing (Дек., I 3). — Къ новеллѣ о 3-хъ кольцахъ сл. Zs. f. hebräische Bibliographie, 1901, 5 Jahrgang, № 6: Steinschneider, Zur Parabel von den drei Ringen.

Къ стр. 504 слѣд. (*Декамеронъ, X, 4*). Сл. Ch. Joret, La rose dans l'antiquité et au moyen âge, Paris, Bouillon, 1892, стр. 315—16: Trois roses qui se trouvent sur la même tige, — точно Rosenkönig, — étaient considérées comme le présage d'un mariage.... Ces trois roses sont parfois aussi représentées comme quelque chose de rare ou même d'impossible à trouver, surtout en hiver. C'est ainsi qu'au chevalier qui lui demande son amour une jeune fille répond qu'elle ne sera à lui que s'il lui apporte «trois roses, qui aient fleuri dans l'année, entre les jours gras et Pâques». Рыцарь велитъ ихъ нарисовать, а дѣвушка плачетъ: «J'ai dit ces paroles en plaisantant; je ne croyais pas que tu pusses trouver ces roses». — «Si tu as dit ces paroles en plaisantant, sérieusement tu dois les tenir; je suis à toi, comme tu es à moi; remets-t'en du reste à Dieu». Сл. Böhme: Altdeutsches Liederbuch, № 62; въ № 61 c'est en hiver que les roses doivent avoir fleuri; le chevalier finit néanmoins par en découvrir, et quand il les apporte à la jeune fille, elle se met à rire.

Къ стр. 518—19 (*Средневѣковыя понятія о красотѣ*). Сл. Renier, Il tipo estetico della donna nel medio evo. Ancona, 1885; J. Houdoy, La beauté des femmes dans la littérature et dans l'art du XII au XVI s., Paris, 1876; Husse, Die schmückenden Beiwörter u. Beisätze in den altfranz. Chansons de geste, Halle, 1887; Alwin Schulz, Quid de perfecta corporis humani pulchritudine Germani saeculi XII et XIII senserint. Breslau, 1866. Сл. еще Loubier, Das Ideal der männlichen Schönheit bei den franz. Dichtern d. XII u. XIII Jhts Halle, 1890.

Къ стр. 519 (*Женщина въ средневѣковомъ искусствѣ*). Сл. Huysmans, En route (18-e éd., Paris, 1896, p. 11—12): Les Vierges eurent des faces en amandes, des visages allongés comme ces ogives que le gothique amenuisa pour distribuer une lumière ascétique, un jour virginal, dans la châsse mystérieuse de ses nefs. Dans les tableaux des Primitifs, le teint des saintes femmes devient transparent comme la cire paschale et leurs cheveux sont pâles comme les miettes dédorées des vrais encens; leur corsage enfantin renfle à peine, leurs fronts bombent comme le verre des custodes, leurs doigts se fusèlent, leurs corps s'élancent ainsi que de fins piliers. Leur beauté devient, en quelque sorte, liturgique. Elles semblent vivre dans le feu des verrières, empruntant aux tourbillons en flammes des rosaces la roue de leurs auréoles, les braises bleues de leurs yeux, les tisons mourants de leurs lèvres, gardant pour leurs parures, les couleurs dédaignées de leurs chairs, les dépouillant de leurs lueurs, les muant, lorsqu'elles les transportent sur l'étoffe, en des tons opaques qui aident encore par leur contraste à attester la clarté séraphique du regard, la dolente candeur de la bouche que parfume, suivant le Propre du Temps, la senteur de lys des cantiques, ou la pénitentielle odeur de la myrrhe des psaumes.

Къ стр. 527. Сл. Jusserand, Les contes à rire et la vie des recluses au XII siècle d'après Aelred, abbé de Rievaulx (Romania, № 93, стр. 122 слѣд.). Аббатъ Ethelred (Ailred, Aelred; въ Rievaulx въ Yorkshire, † 1166) пишетъ наставленіе своей сестрѣ — затворницѣ, предупреждая се объ опасностяхъ — ея положенія. Enfermer son corps n'est rien; le danger demeurera grand, même pour le corps, si l'âme reste vagabonde et si de vains discours font voyager l'esprit aux carrefours des villes, à travers les rues, dans les lieux de

réunion. Келья можетъ быть заперта, замурована, опасность грозитъ — отъ окна: c'est là le point faible, et par là entrera l'ennemi: il entrera sous formes de pensées mauvaises, d'histoires à rire, parfois même sous une forme plus tangible.... La recluse s'asseoit à sa fenêtre, et, grâce à sa fenêtre, avec l'ingéniosité d'une prisonnière, elle parvient à se reconstituer une sorte de vie, à se créer des intérêts, à échapper à la monotonie des longues méditations et des longues prières. Иногда опасность является со стороны какой-нибудь старухи: Vix aliquam inclusarum hujus temporis solam invenies, ante cujus fenestram non anus garrula vel nugigerula mulier sedeat, quae eam fabulis occupet, rumoribus aut detractionibus pascat, illius vel illius monaci vel clerici vel alterius cujuslibet ordinis viri formam, vultum moresque describat. Illecebrosa quoque interserat, puellarum lasciviam, viduarum, quibus licet quidquid libet, libertatem, conjugum in viris fallendis explendisque voluptatibus astutiam depingat.... Os interea in risus cachinnosque dissolvitur, et venenum cum suavitate bibitum per viscera membraque diffunditur. Все это нарушаетъ покой затворницы, тревожитъ ея сны, настраиваетъ фантазію, и фантазія нерѣдко переходитъ въ дѣло: cella utitur in prostibulum, et delicato qualibet arte foramine aut illa egreditur, aut adulter ingreditur. — La recluse fournit ainsi.... aux faiseurs de fabliaux une matière première qu'ils n'auront pas, cette fois, la peine de chercher au loin: если иные изъ смѣхотворныхъ разсказовъ пришлые, другіе подсказывались жизнью. — Подавать милостыню также не безопасно: mêlée aux pauvres, une messagère perfide, «insidiatrix pudicitiae», viendra te parler en faveur d'un moine ou d'un clerc, te dira à l'oreille de douces choses, «blanda verba», profitant pour cela de l'aumône même que tu lui donnes et s'approchant tout près sous prétexte de te baiser la main.

Къ стр. 527 прим. 9. *Къ Дек., IX, 2.* Сл. Casini, Due antichi repertori poetici, въ Propugnatore, XXII (1889), P. I, p. 205, баллата, изъ ркп. XV в., но несомнѣнно древнѣе:

Siendo in chiesie tutte andate, — Et tutte erano inpregnate, — Qual dal prete e qual dal frate, — L'una l'altra guata; — Ciascuna cred' esser velata—Lo capo di benda usata:—Avieno in capo brache.— Kyrie, kyrie, pregne son le monache! — E l'una a l'altra guatando— Si vengan maravigliando. — Credean che fosse celato, — Alor fu manifestato — Questo tale convenente: — E la badessa incantenente —

Ch'ognun godesse or dice. — Kyrie и т. д. Сл. Rua, Le «Piacevoli notti di Straparola», Torino, Loescher, 1898, p. 48.

Къ стр. 528 прим. 1. Сл. Gebhart, Boccace, Rev. d. d. Mondes, 1895, 1 Déc., стр. 637 (разсказъ объ Альбертѣ Кремонскомъ у frà Salimbene): A Crémone et à Rome les portepoix de la halle aux vins inventent un saint, leur ancien confrère, *Albert de Crémone.* Les coopératives de petits métiers, banières en tête, venaient processionnellement en vénérer les ossements, les malades, les infirmes se faisaient porter au pied de sa châsse. Les curés commandaient aux peintres pour leurs paroisses des représentations de la vie du saint «afin d'obtenir du peuple de plus riches offrandes». La plaisanterie eût duré longtemps, si un chanoine de Parme, vicaire de l'évêque, ne s'était avisé de flairer d'assez près l'une des reliques, solennellement déposée, en un reliquaire, sur le maître-autel de la cathédrale. Or, c'etait tout bonnement une gousse d'ail!

Къ стр. 550 прим. 2. Сл. Miscellanea storica della Valdelsa, anno II, Castelfiorentino, 1894, fasc. 2: G. Maccianti, Vestigia etrusche nella Valdelsa. Сл. стр. 133 прим. 1: Sorge a maestro, e vien chiamato il poggio del Boccaccio, perchè si ritiene quasi con certezza essere stato proprietà del grande Novelliere: l'altro è à scirocco e lo si denomina delle *Fate*, perchè creduto in antico abitazione di streghe e spiriti infernali. О первомъ разсказывается, come il B., essendo in intima relazione cogli spiriti infernali, coi quali conversava tutte le notti, una volta comandasse al Principe dei demoni di fabbricargli un poggio a poca distanza dalla sua casa dove potesse andare per mezzo di un ponte di cristallo; e che il demonio costruisse detto poggio con una *sportata di terra*.... Холмъ, очевидно, искусственный, ибо è costruito di terra affatto differente da quella delle circostanti colline.... Chi, salendo sul poggio, prima di arrivar sulla cima, scavasse di qualche centimetro il terreno, troverebbe grano ed altri legumi carbonizzati, misti a pietre di fiume e frammenti di vasi di terra cotta.... Riflettendo.... alla storiella della sportata di terra, alla forma del poggio, alla natura speciale del terreno, ai legumi carbonizzati, e ad una cavità che dicesi esistere nel suo mezzo, noi siamo indotti a credere che quel poggio è opera dell' arte (сл. стр. 146: nel poggio del B. vi sono e vi furono *sepolcri etruschi*). — Il poggio delle Fate.... (è) un po' più piccolo, ma uguale di forma a quello del B. Alcuni vecchi tuttora viventi ricordano

chi vi esistevano diverse aperture, le quali conducevano nell' interno, in cui trovavansi due cantine comunicanti fra loro, ove si rinveniva ceneri e rottami di vasi. Разсказываютъ (и это, вѣроятно, выдумка, назначенная застращать конкуррентовъ—искателей кладовъ), что въ холмѣ жили streghe e terribili serpenti colle lingue infuocate, che impaurivano i viandanti.

Къ стр. 551 (*Боккаччьо и Чосеръ*). Сл. Cino Chiarini, Intorno alle «Novelle di Canterbury» di Goffredo Chaucer, Nuova Antologia 1897, 1 Nov., стр. 148 слѣд. Сл. стр. 149: missione diplomatica per la quale (Chaucer) fu mandato da Edoardo III a *Genova e a Firenze, nel dicembre* del 1372 (въ 1378 accompagnò in Lombardia Edward Berkeley, il quale si recava.... presso Bernabò Visconti). Стр. 158 слѣд.: изъ Тезеиды Boccaccio Чосеръ перевелъ въ Knight's Tale, почти дословно, около 270 стиховъ, перефразировалъ около 500 (Сл. Ward, Six-text edition Кэнтерберійскихъ разсказовъ; Lounsbury, Studies in Chaucer, London, J. Osgood, 1892, II, 226). — Въ Troilus and Criseide Ч. скрываетъ свой настоящій источникъ фальшивыми цитатами (Lollius, Stazio и Петрарка). Какъ объясняли это укрывательство? Il fatto citato dal Rossetti (Chaucer's Troylus and Cryseyde, compared with Boccaccio's Filostrato) che Pierre Seigneur de Beauveau, il quale verso la fine del secolo XIV fece una traduzione francese in prosa del Filostrato, afferma in modo assoluto che l'autore del poema da lui tradotto era un poeta fiorentino, chiamato Petrarca, non porta davvero nessuna luce sul silenzio del Chaucer in quanto al nome del Boccaccio. Ed anche volendo concluderne, col Tyrwhitt e col Rossetti, che forse il Chaucer, cadendo nello stesso errore di Pierre de Beauveau, credè che delle opere del Boccaccio a lui note fosse autore il Petrarca, non si viene a capo di nulla: anzi la matassa si fa sempre più intricata. Poichè se da una parte, così, si spiegherebbe il caso della storia di Zenobia (nella novella raccontata dal monaco) attribuita al Petrarca, mentre si trova nel *De casibus* del Boccaccio, dall' altra rimane sempre più oscuro il mistero di Lollius, citato come autore del Filostrato. Secondo lo Skeat (Poetical Works of G. Chaucer, edited by Robert Bell, revised by W. Skeat, G. Bell, London, 1885, I, p. 18 n.) la vera spiegazione di questo enigmatico nome sarebbe quella proposta dal Prof. Latham, il quale crede che il Chaucer, intendendo malamente il verso di Orazio: «Troiani belli scriptorem, maxime Lolli» (*Epist.*, I, 2, 1), abbia supposto che Lollio fosse uno scrittore latino che avesse

trattato della guerra troiana. E questo, secondo il Latham, bastò al poeta per citarlo, senz' altro, come la fonte dell' episodio della guerra di Troia, che egli, invece, aveva attinto al Filostrato. Certamente può sembrare strano il fatto che il Chaucer, il quale aveva tradotto tutto il *De consolatione* di Boezio, dimostrando una certa famigliarità con la lingua latina, sia caduto in uno errore così grossolano: ma non potrà parere impossibile, quando si pensi che non sarebbe questo il solo. Un altro errore del genere, assai curioso, è, per esempio, il *pernicibus alis* di Virgilio, nella descrizione della Fama (*En.*, IV, 180), tradotto con *ali di pernice* (The House of Fame, lib. III). Если предположеніе Латама вѣрно, то цитаты Чосера назначены иной разъ для отвода глазъ отъ настоящаго источника. Такъ въ Night's Tale, въ эпизодѣ, большею частью дословно переведенномъ изъ Тезеиды, Чосеръ отсылаетъ по поводу описанія жертвоприношеній, къ Ѳиваидѣ Стація и другимъ античнымъ книгамъ, но у Стація этого описанія нѣтъ, оно есть въ Teseide, VII, 71—76.—Стр. 163: The Monk's Tale—изъ De Casibus. — Предилекція Чосера къ Тезеидѣ обнаруживается мотивами изъ нея и переводами въ *The Parliament of Fowls, Of Queen Anelida and false Arcite, Troilus and Criseide.* Molto prima che nella novella del Cavaliere, le avventure amorose di Palemone e Arcita il Chaucer le aveva anche trattate in un componimento giovanile che è andato perduto, e che egli stesso ricorda nel prologo di un' altra sua opera poetica intitolata *The Legend of good Women.* Questa prima redazione fu certo molto diversa da quella che è rimasta nelle Canterbury Tales: il Tyrwhitt non esclude che potesse essere una semplice traduzione della Teseide; м. б., The Knight's Tale—rifacimento того юношескаго произведенія (сл. Ten Brink, Chaucer, Studien zur Geschichte и т. д., Russel, Münster, 1870, p. 39; Kölbing въ Englische Studien, II, 1878, p. 528—32).

Сл. Modern Language Notes, v. XVII, Dec. 1902, № 8, стр. 470—1. Чосеръ зналъ Боккаччьеву Тезеиду, пересказалъ ее въ своемъ утраченномъ Polamon and Arcite — и въ Knight's Tale Кэнтерберійскихъ разсказовъ; разсказчикъ, the knight, списанъ съ характеристики Эвандра въ 40 строфѣ Тезеиды.

Сл. работы Chiarini, Bellezza (въ Giorn. stor. d. lett. ital., XLII, 460, и Introduzione allo studio dei fonti italiani di G. Chaucer. Milano, 1895, и рецензія Koch'a въ Zs. f. vergl. Literaturgesch., 1893, p. 271; Borghesi, Boccaccio and Chaucer, Bologna, Zanichelli, 1903, p. 70).

Сл. Journal of comparative Literature, I, 1: Torraca, Un passo oscuro di G. Chaucer (по его мнѣнію, Чосеръ познакомился съ Петраркой и Боккаччьо лишь послѣ 1372 г., послѣ перваго путешествія въ Италію).

Къ Дек. X, 5 = Filocolo IV Questione; сл. Schofield, Chaucer's Franklin's Tale, Publications of the modern language association of America, 1901, вѣритъ на слово Чосеру, будто онъ заимствовалъ Frankleyn's tale изъ бретонскаго lai; этотъ lai, знакомый ему во франц. обработкѣ, испыталъ впослѣдствіи вліяніе восточныхъ сказочныхъ элементовъ, чѣмъ и объясняется сходство Чосеровой новеллы съ многими восточными и съ боккаччьевской. Landau допускалъ, что Чосеръ одновременно пользовался Боккаччьо и lai, другіе предполагали для Б. и Чосера общій источникъ. Критика Райны, Le origini della novella narrata dal «Frankleyn» nei Canterbury Tales del Chaucer, Romania, t. XXXII (1903), p. 204: Чосеръ пересказалъ соотвѣтствующій questione Filocolo (257). Стр. 247 слѣд.: его заимствованья изъ Боккаччьо: Troilus and Criseyde = Filostrato; la Teseide essere elaborata anzitutto qual poema a sè in una forma perduta (Ten Brink, Gesch. d. Engl. Literatur, 69—70, Koch, Englische Studien, I), allogarsi in nuova veste nei Canterbury Tales (Knight's Tale), e dare ancora perlomeno le mosse a quel misterioso frammento che è l'*Anelida and Arcite* (сл. Koch, l. c.).... Quanto al concetto generale il *Monkes Tale* vuol essere ricondotto al *De casibus virorum illustrium,* donde esso anche ripete taluna delle «tragedie» di cui si compone, mentre poi un' altra ne deve al *De mulieribus claris,* suscitatore alla sua volta della Legend of good Woomen; parecchi riflessi dell' *Amorosa Visione* ha segnalato il Koeppel (Anglia, XIV, 233—8); qualcosa della vedova — vedova, si noti di due mariti — così sanguinosamente vituperata dal *Corbaccio*, pare a me di sentire nella Donna di Bath (о прологѣ къ этой новеллѣ сл. Mead въ Publ. of. the Mod. Lang. Ass. of America, 1901), при чемъ допускается и вліяніе приписываемой Боккаччьо *Ruffiannella* (о ея принадлежности Боккаччьо сл. Gaspary, Gesch. d. it. Lit., II, 645, и Giorn. stor. d. lett. ital., XII, 239 n. 2). 248 слѣд.: читалъ ли Чосеръ Декамеронъ? О существованіи его онъ не могъ не знать per via di ciò che ne è detto nella lettera d'invio e di dedica all' amico autore premessa del Petrarca alla versione della Griselda (переведенной Чосеромъ). Когда познакомился онъ съ этой новеллой? Въ 1378 г. онъ былъ посланъ въ Ломбардію къ Висконти, и если знакомство относится къ этой порѣ, трудно

себѣ представить, чтобы Чосеръ не полюбопытствовалъ взглянуть на Декамеронъ; въ 1373 г. онъ пробылъ въ Италіи нѣсколько мѣсяцевъ, былъ въ Тосканѣ и Флоренціи, — неужели не услышалъ онъ здѣсь о Боккаччьо и Декамеронѣ? — Авторъ допускаетъ, 249 слѣд., зависимость плана Кэнтерберійскихъ разсказовъ отъ плана Декамерона (въ чемъ можно сомнѣваться). Стр. 260 (допускается вліяніе Fiammetta'ы, тоскующей по миломъ, на горе Dorigen'ы по уѣхавшемъ Arviragus въ Frankleyn's Tale?). — 262 слѣд.: Nel *Monkes Tale* è ricavata dal cap. 98 del libro suo *De Clar. Mulier.* la parte concernente Zenobia, v. 14253—380; e in quel capitolo si conta di lei con maggior larghezza, — но Chaucer отсылаетъ желающихъ узнать о ней болѣе un-to my maister Petrark (v. 14331—2)! Въ отрывкѣ *Anelida and Arcite* (по Тезеидѣ Боккаччьо) указывается какъ на источники: Стацій и — Коринна; на Стація (v. 2295—6), не на Тезеиду, VII, st. 75—6—въ *Knights Tale. Troilus and Criseyde*—пересказъ *Filostrato*; въ послѣднемъ Troiolo (Rajna считаетъ эту форму имени болѣе правильной, чѣмъ Troilo, p. 260 n. 4) «lieto si diede a cantare» (I, st. 38); Чосеръ вставляетъ здѣсь переводъ сонета Петрарки («S' amor non è, che dunque è quel ch' io sento»?), но ссылается на «myn autour» Lollius (I, st. 57), имѣя въ виду автора не сонета, но всей повѣсти, какъ видно изъ l. V, st. 237: The whiche cote, as telleth Lollius, Deiphebe it hadde y-rent from Diomede The same day = Filostrato, VIII, 8); этому Лоллію онъ воздвигаетъ статую въ *House of Fame* рядомъ съ Гомеромъ и другими, которые Was besy for to bere up Troye (v. 1472). Lollius—изъ: Troiani belli scriptorem, Maxime Lolli,— изъ начала 2-й эпистолы I-й книги эпистолъ Горація. — Можно допустить, что Чосера особенно влекло къ Петраркѣ (стр. 266: авторъ допускаетъ возможность свиданія, которое онъ желалъ бы mettere in rapporto con un' andata a Venezia), но замолчаніе Боккаччьо необъяснимо. Rajna не согласенъ съ Koch'омъ, что Чосеръ могъ не знать по имени автора произведеній, которыми пользовался (къ этому объясненію склонился и я; самъ Rajna указываетъ, 266, что изъ 27 флорентійскихъ ркп. Filostrato 16 безъ имени). Остается заключить, что Чосеръ не называлъ Боккаччьо потому именно, что слишкомъ многимъ ему обязанъ (267).

Къ стр. 552. *Заимствованія изъ Декамерона.* Сл. Pitrè, Il Paternostro di S. Giuliano, Arch. per lo studio d. trad. pop., v. XXI, стр. 3 слѣд.; Euphorion, IX B. 1 Heft (1902) стр. 157 слѣд. (отчетъ объ

Euling, Studien über Heinrich Kaufsinger, въ Germanistische Abhandlungen hrsg. v. Friedrich Vogt, XVIII. Breslau, Marcus, 1900, 4, 60 M.). Изъ стихотвореній Kaufsinger'a слѣдующія заимствованы изъ Декамерона: № 5 (Decamerone VIII, 1 и 2; слич. примѣчанія), № 6 (Dec. III, 5 и прим.), № 7 (Dec. III, 3 и прим.), № 9 (Dec. VIII, 7 и прим.), № 10 (сл. Dec. IX, 2; сл. ib прим. къ «blinde Ehemann».

Къ Декамерону. Segrè, Una eroina del Boccaccio e l'Elena Shakespeariana (въ All's well what ends well = Dec., III, 9).

Въ 1499 г. Antonio da Pistoia посвящаетъ Изабеллѣ д'Эсте трагедію въ терцинахъ «Panfila» на сюжетъ боккаччьевской новеллы о *Guiscardo* (Filostrato) и *Ghismonda* (Panfila)[1].—Le «Porrettane» Sabadino degli Arienti — подражаніе Декамерону, il «Peregrino» Caviceo — подражаніе Filocopo: разсказъ Fiordalisa'ы о Tisbina, Iroldo и Prasildo въ Orlando innamorato Boiardo'a — изъ новеллы Боккаччьо о Dionora'ѣ и Ansaldo.

О Боккаччьо. Сл. Owen, The skeptics of the italian renaissance. London, 1898, стр. 128 слѣд., ib. 135 прим. 2: Shelley's opinion of B., whom he preferred to Ariosto and Tasso, seems worth quoting: «How much do I admire B.! What descriptions of nature are those in his little introductions to every new day! It is the morning of life stropped of that mist of familiarity which makes it obscure to us. B. seems to me to have possessed a deep sense of the fair ideal of human life considered in its social relations. His more serious theories of love agree especially with mine. He often expresses things lightly too, which have serious meanings of a very beautiful kind. He is a moral casuist, the opposite of the Christian, stoical, readymade and wordly systems of morals (сл. Symonds, Shelley, London, 1878, p. 111).

Къ лирикѣ Боккаччьо. Сл. Crescini, Di due recenti saggi sulle liriche del Boccaccio (изъ Atti e Memorie della R. Acc. di scienze, lett.

---

1) О другихъ отраженіяхъ этой новеллы сл. Rass. bibliograf., 1902, № 4—5—6, p. 150 (по поводу Neri, Federico Asinari, conte di Camerano, poeta del sec. XVI, Torino, Clausen, 1902, p. 44. — Zupitza, Die Mittelenglischen Bearbeitungen der Erzähl. Boccaccio's von Ghismonda e Guiscardo (Vierteljahrschr. f. Kult. d. Renaissance, I, 63 слѣд.); Scherwood, Die neuenglischen Bearbeitungen der Erzähl. Bocc. von Ghism. u. Guisc., Berlin, 1892.

ed arti in Padova, v. XVIII, p. 27 — по поводу Manicardi e Massèra, Introduzione al testo critico del Canzoniere del Boccaccio (Castelfiorentino, 1901). Сл. отчетъ Vossler'а въ Literaturbl. f. germ. u. roman. Philologie, 1903, № 6: у Baldelli было въ рукахъ 20 съ чѣмъ-то ркп., у будущихъ издателей—болѣе 70. Crescini подвергаетъ критикѣ ихъ группировку ркп.; wo er die Datierungsversuche der beiden Herausgeber im einzelnen kritisiert, wird man ihm fast unbedingt zustimmen müssen. Sonett XI möchte ich immer noch mit Baldelli zur Gruppe jener apologetischen Gedichte rechnen, die sich auf B.'s öffentliche Dantevorlesung beziehen. — Im 2-en Teile seines Aufsatzes bespricht Crescini eine andere kleine Arbeit der genannten Verfasser: Le dieci ballate del Decameron (estr. dalla Miscellanea storica della Valdelsa, anno IX, Castelfiorentino, 1901) und vertritt dabei die Ansicht, dass die Balladen zu gleicher Zeit mit der Rahmenerzählung des Decameron verfasst wurden, während Manicardi und Massèra sie als bereits vorher und unabhängig vom Decameron gedichtete persönliche Liebesergüsse auffassen und dementsprechend für die Biographie B.'s ausbeuten möchten. Das Gezwungene und Uebertriebene dieser letzteren Hypothese leuchtet ohne weiteres ein. Es ist nicht zu leugnen, dass mehrere dieser Balladen sich am einfachsten als die lyrische Auslösung der zeitweiligen geselligen Stimmung verstehen lassen. Trotzdem darf man sich durch den aesthetischen Eindruck nicht verführen lassen; umsoweniger als bei der Mehrzahl der zehn Gedichte ein innerer Zusammenhang mit der Seele der «lieta brigata» nicht ersichtlich ist; und selbst wenn er vorhanden wäre, dürfte man aus der einheitlichen Wirkung des Kunstwerks noch lange nicht auf eine einheitliche, ununterbrochene Entstehungsgeschichte schliessen. Sehr hübsch u. einleuchtend sind die allegorischen Erklärungen, die von Crescini für die erste und dritte Ballata vorgeschlagen werden. (Сл. отчетъ о Manicardi и Manèra въ Giorn. stor. d. lett. ital., v. XL, fasc. 1—2 (1902), стр. 244 слѣд.).

Miscellanea di studî critici edita in onore di Arturo Graf, 1903): Gigli, Di alcuni sonetti del B. (VI—XI), изд. Baldelli и Moutier; относятся къ 1373 г.; связаны другъ съ другомъ въ соотвѣтствіи съ физическимъ и нравственнымъ состояніемъ поэта: касаются анонимнаго зоила Боккаччьо и его болѣзни, побудившей его черезъ 3 мѣсяца прекратить чтенія о Данте. *Къ лирикѣ Боккаччьо* — глава у Arullani, Pei regni dell' arte e della critica. Nuovi saggi. Torino-Roma, Roux e Viarengo, 1903, l. 2. 50.

Сл. Manicardi e Massèra, Introduzione al testo critico del canzoniere del Boccaccio (Raccolta di studî e testi Valdelsani dir. da O. Bacci, II, 1901). Авторы такъ резюмируютъ, на основаніи разсмотрѣннаго ими ркп. матеріала, свою работу надъ лирикой Б., исходя изъ изданія Baldelli (= Moutier) и сохраняя его нумерацію (стр. 33 прим. 1): ему принадлежатъ сонеты I — CVII изд. Baldelli (CVIII—не Боккаччьо, сл. 13—14 прим. 2, p. 23), CIX, CX; нѣтъ у Baldelli: *Poi Satiro se' fatto sì severo* (сл. стр. 7; сл. 17: Baldelli не напечаталъ сонетъ «perchè lasciva poesia»). *Saturno al coltivar, Fuggano i sospir miei, Non deve alcuno* (три сонета, впервые напеч. авторами, стр. 71—2), *Allor che regno* (сл. 10: ркп.; нѣтъ у Baldelli?); терцины: *Amor che con sua forza* (впервые нап. авторами, стр. 72 слѣд.) и *Contento quasi* и соединенная съ нею баллата (которая у Baldelli является какъ канцона I (стр. 10: tern. *Contento quasi*, ball. *Amor, dolce signore*); madr. I и madr. *O giustizia regina* (сл. стр. 10, 11); баллаты I и II и отрывокъ сестины.—Подъ сомнѣніемъ оставлены: la Ruffianella, la tenzone tra Annibale e Scipione, il son. irreg. *Carissimi fratei*, l'*Ave Maria*, i madr. II e III, la canz. I e III, il son. *L'arco degli anni tuoi*, la canz. *Nascosi son gli spiriti* (*Ruffianella* въ ркп. стр. 8, 10, 11; tenzone fra Annibale e Scipione, p. 10; сонетъ *Carissimi fratei*, p. 11; *Ave Maria*, p. 11; сон. *L'arco degli anni tuoi*, p. 8; canz. *Nascosi son gli spiriti*, p. 11); сл. стр. 17: напечатанныя у Baldelli *канц. IV—VI* на одной ркп. *не засвидѣтельствованы какъ боккаччьевскія.* — Лирическія пьесы Б., изданныя послѣ Baldelli: стр. 17 слѣд.: canzone *Cara Fiorenza mia* (изд. Perticari въ Poligrafo 1813 г.); тенцона Б., съ *Riccio barbiere* (Ciampi, Monum. di un ms. autografo di G. B., Firenze, 1827, 2-a ed. Milano, 1830: «Allor che regno d' Etiopia sente»); Ruffianella изд. Bongi въ 1855 г. (съ ложной датой 1563 г.); madr.: *O giustizia regina* (изд. Cappelli въ Poesie musicali dei sec. XIV—XVI, Bologna, 1868); *тенцона Francesco di Meletto de' Rossi da Forlì* съ Петраркой, *Боккаччьо* и др., изд. въ послѣдній разъ Lamma'ой въ 1892 г., Giorn. stor., XX, 178—81; l'*Ave Maria* in rime fatta per m. Giov. B. da Certaldo, ed. *Zambrini*, Imola, Galeati, 1874 (въ 106 экз.); *Mabellini*, Due poesie inedite di Giov. B. (tenzone pseudoboccaccesca tra Scipione e Annibale, Milano, Paravia, 1888 (70 экз.); сон. *Poi, Satiro, se' fatto sì severo*—у Barbi, La raccolta Bartoliniana di rime antiche e i cdd. da essa derivati. Bologna, 1900.

Для хронологіи Б—й лирики точныхъ датъ немного: сонетъ XVII

на смерть Петрарки († 20 іюля 1374 г.), сонеты VII — IX, относящіе ко времени дантовской лектуры Б. (послѣ августа 1374 г.), сл. стр. 31 и 33 прим. 2: со времени Baldelli всѣ считали, что сон. VI — XI — корреспонденція Б. съ кѣмъ-то, хулившимъ Б. за его лекціи о Данте, авторы относятъ къ ней лишь сон. VII—IX; стр. 53: въ VI Б. жалуется, что le Muse siano trascurate pe' l soverchio desiderio d' arrichire; что до сонетовъ X и XI, то, не будучи congiunti pe' l senso agli altri, nè da alcuna didascalia di mss. ad essi uniti, ci si passi l' incertezza. Сл. 56: X сонетъ содержитъ аллюзіи, che non c'è stato possibile illustrare, a ingratitudini del volgo e alla vendetta che il poeta ne prenderà (*сл. у меня*). — 31: In altri sonetti (I, XXVI, XLII, LXIV, LXVIII, XCIII....) l' autore fa frequenti allusioni alla sua tarda età, dice che comincia ad imbiancare, che à già varcato l' arco di sua vita (son. XLII, v. 12: «perchè passato è l' arco de' miei anni».), т.-е. онъ перешелъ за 35 лѣтъ. Авторы упоминаютъ еще l' incerto sonetto: *L' arco degli anni tuoi trapassat' ài.* — Nel CIII si lagna d' esser costretto a partire, senza che gli resti pur la speranza di riveder la sua donna; если сонетъ обращенъ къ Fiammetta'ѣ, то разумѣется, быть можетъ, отъѣздъ изъ Неаполя въ 1339 или 1340 г. Большая часть пьесъ, написанныхъ для Fiammetta'ы относится, вѣроятно, къ *1334 или 1335 г.*, ибо, по мнѣнію автора, къ этимъ годамъ относится *любовь Б., отъѣздъ—къ 1340 г.*, come pure che quelle poche e malsicure inspirate *dalla vedova del Corbaccio* siano del 1354 o 1355.— 34 слѣд.: *Любовная лирика Б.* Большая часть изъ относящихся сюда пьесъ вызваны увлеченіемъ къ Фьямметтѣ, но какія относятся къ раннимъ увлеченіямъ (Gaia, Pampinea, Abrotonia), какія—ко вдовѣ Corbaccio? Ландау полагалъ, что C и CI относятся къ Pampinea и Abrotonia *Ameto*, Антона-Траверси присоединилъ къ нимъ и сонеты XII — XVII, какъ вызванные какимъ-нибудь увлеченіемъ до Фьямметты. Crescini (Contrib., p. 166, n. 2) устранилъ сон. XII, о XVII трудно сказать, къ кому онъ обращенъ. Что до C и CI, то Koerting и Crescini не согласны съ толкованіемъ Landau = Antona-Traversi. Относительно C Koerting (p. 151, n. 1) еще колеблется, но CI относитъ ко времени, когда Б. былъ влюбленъ во вдову Corbaccio; Crescini допускаетъ, что CI говоритъ о вдовѣ, но не о вдовѣ Corbaccio, что стихотвореніе sia puramente e astrattamente una questione amorosa, come l' uso del tempo voleva (Contrib., 166, n. 2), e cita in appogio della sua opinione una questione del IV libro del Filocolo (ed. Moutier, p. 94) e alcune tenzoni di vecchi rimatori ricordate da

P. Ercole nel libro su Guido Cavalcanti e le sue rime. И въ C дѣло идетъ о вдовѣ («il brun vestire et il candido velo» — вдовій костюмъ, сл. Corbaccio и Filostrato), но идетъ ли дѣло о вдовѣ Corbaccio? спрашиваетъ Crescini. Che questo sonetto C vada unito, in tal senso, al seguente CI? Che l'amico, accennato nel Corbaccio, p. 271, dal quale il nostro fu indotto ad amare la vedova, sia stato Antonio Pucci medesimo, che nella risposta al son. CI coclude: «Ond' io ti dico, come padre a figlio, Che per la viduetta lasci il giglio»? Problemi, che non si risolveranno mai. — Авторы устраняютъ (какъ d'incerta attribuzione — къ Боккаччьо) мадригалъ: *Nè morte, nè amor*, который Landau отнесъ къ Пампинеѣ. In fine il Crescini (l. c.) metteva innanzi, dubitando, il son. XLV, ma senza un fondamento reale. Стр. 36—7: *къ пьесамъ, отразившимъ позднія увлеченія Б.*, авторы, какъ Антона-Траверси, относятъ сон. LXIV (къ вдовѣ Corbaccio); къ ней же Landau и Crescini (Contr., 183, n. 2) отнесли и с. XXXV, который, per mancare di più precise indicazioni, potrebbe anch' essere riferito al tempo dell' abbandono di Fiammetta. Авторы скорѣе склонны отнести къ ней сон. LXV, CIX (пріуроченный Crescini къ измѣнѣ Fiammetta'ы) и LXXXI (scritto, secondo l'Antona-Traversi, probabilmente prima che il poeta ricevesse dalla figlia del re Roberto la suprema prova d'amore). [36 прим. 3: авторы относятъ къ этой группѣ и с. LXXVI; сон. XI и *Poi Satiro* contengono un'invettiva a fondo contro un tale che molto probabilmente avrà biasimato i tardivi e colpevoli amori del poeta]. 36—7: *обобщая и выбирая, авторы относятъ къ старческой любви Б. сон.*: LXIV, LXV, CIX, LXXXI, C и, м. б., XLV (отнесенный Crescini и Antona-Traversi къ Fiammetta'ѣ). [37 прим. 1: il Renier (La Vita Nuova e la Fiammetta, p. 287), già combattuto dal Mango (Prop., XVI, I, p. 414, № 3), ritenne scritti per la vedova del Corb. il madr. III e il son. LV, что невѣроятно].

Стр. 37: *Пьесы, относящіяся къ Фіамметтѣ*: сон. LXX (слово: *fiammetta*), сон. XL, XLI, XLVI, LXIII и tern. *Amor che con sua forza* (слово: *fiamma*) несомнѣнно относятся къ ней, м. б., и сон. LXXXIII, сл. v. 11. Далѣе сон. IV, XV, XXXIII, LXIX (упоминаніе Baia), XXXIV, XLVII, XLVIII (упоминаніе Miseno). Въ сон. V и LII говорится о гробницѣ Партенопе, въ XXXII и LIII мѣсто дѣйствія на морѣ, въ XXXI — вблизи него; относительно послѣднихъ 5 №№ si potrebbe opporre che in Napoli altri amori precedettero quello per Fiammetta; но если допустить, что и эти пьесы написаны для нея, и всѣ остальныя примыкаютъ къ этой серіи, то поднимается вопросъ —

объ ихъ хронологической послѣдовательности. Стр. 38 слѣд.: *за отсутствіемъ другихъ критеріевъ, авторы руководствуются психологическимъ, устанавливая внутренній распорядокъ лирики, вызванной любовью къ Fiammetta'ѣ.* Abbiamo anzi tutto tre graziosi sonetti XXXI, XXXII, LIII—*картинки* (сл. упоминаніе пѣсенъ с. XVII и XLI); с. XXXVIII (la vaga donzella, seduta all' ombra di un albero, tende un laccio, che de' suoi capelli d' oro à intrecciato, a chi passa, e il poeta sprovvedutamente v' incappa); *красота Fiammetta'ы*: с. XVIII, XXX, III, XLI, LXI, XXV, XL, XXIV (къ этой группѣ сонетовъ Crescini, Contr., 172, относитъ еще и XXXIX; авторы считаютъ вѣроятнымъ, что онъ написанъ послѣ l' abbandono Fiammetta'ы, на основаніи стиховъ: «Misero me, ch' io non oso mirare — gli occhi ne' quali *stava* la mia pace». — Непонятна аллюзія въ XXIV: поэтъ говоритъ Амуру: напрасны его усилія, «bàstiti per una avermi preso»?). Но мадонна, какъ Нарциссъ, влюблена въ свою красоту, incurante e superba; но кто знаетъ, che Amore non m' impetri da lei il fine degli amorosi patimenti! (сон. XIII и мадр. I). Любовь поэта невещественная, настраиваетъ его a l' alto vol con penne di virtute (s. L и LXII), но являются и болѣе реальныя желанія, и мы переходимъ къ другой группѣ: *poesie dolorose*, стр. 41 слѣд., приблизительно распредѣляющіяся на двѣ группы: a) *печаль ожиданія*, с. LXXIX и LXXX, LXXXVI (5 лѣтъ онъ ухаживалъ за ней, а она какъ-будто и не замѣтила его. Crescini, l. c., 185 n. 2, сомнѣвается въ этихъ пяти годахъ; авторы видятъ въ этомъ гиперболу. Если принять это показаніе дословно, — а Б. влюбился въ F. въ 1334—5, то она могла отдаться ему — наканунѣ его отъѣзда въ 1339—40 г.?), LXIII, LXX, LVII, LXXVII. La donna «vaga e con poca pietate» è pur ricordata nel s. XXII, ove il poeta prima si lamenta d' aver perduto la libertà, poi si corregge affermando che somma libertà è anzi star soggetto a così mirabile bellezza. — Son. LXXXII и ball. II: совѣтъ мадоннѣ не терять времени, чтобы въ старости не пожалѣть «d' essere stata avara» (Landau относитъ LXXXII ко времени dopo il tradimento). — b) *Печаль послѣ разрыва*: с. IV, V, XLIII, LV, ball. I (авторы не рѣшаются присоединить madr. II, ибо принадлежность его Боккаччьо сомнительна, сл. стр. 23; сл. madr. I, vv. 8—11); жалобы на измѣну въ с. XLIII, LV, ball. I; anche nel s. XVI par di sentire lo scoppio del dolore per la mutata fortuna (можно было присоединить и madr. III, se fosse, come pare, boccaccesco, сл. стр. 23—4. Въ сущности это не мадригалъ, а баллата); въ сон. CV Б. надѣется, что F. еще вернетъ

ему свою любовь. Съ меньшей увѣренностью можно отнести къ этой группѣ: сон. XXXIX, XXXVII, XLVI, LXXV, LXXXVII («le lagrime, i sospiri e'l non sperare — a quella fine»: cioè il non aspettarsi quel tradimento?), CIII: benchè la vita di lui fosse presso ad estinguersi, pure lo sostenea la speranza che tra poco sarebbe tornata a lui la sua donna: «ma cio mai non avviene, e me partire—or convien contro grado» (м. б., по вызову отца). Allusioni poi a un' assenza da Napoli, di cui non sappiam nulla, presenta, secondo l' opinione del Crescini, il son. LIX: ritornando da un viaggio l' innamorato trova mutata la sua bella, onde maledice «i monti, l' alpe e'l mare — che mai ce lo lasciaron ritornare» (сл. у меня). — 44 слѣд.: *есть еще нѣсколько печалующихся стихотвореній, не поддающихся пріуроченію:* жалобы на неподатливость F. или на ея измѣну? Сл. son. XIV, LXXI, LXXII, LII, II, XXX, CX (въ с. XXX v. 7—8 замѣтимъ: «veggendo me della sua grazia fore — esser sospinto da crudele sdegno». Антона-Траверси относитъ, неизвѣстно почему, ко времени послѣ 1360 г.), CVI, CII (il B. vi dice di esser lontano dal viso bello della sua diletta: il che potrebbe farci ritenere il presente sonetto anteriore al LIX e posteriore al CIII, ne' quali.... si parla di un ritorno e di una partenza da Madonna); отрывокъ сестины: «Il gran disio, che l' amorosa fiamma». 45 слѣд.: *попытка прослѣдить въ сонетахъ переходъ dall' incuranza dell' amata до desiderati amplessi и восторговъ удовлетворенія: періодъ чистыхъ желаній*—сон. XX, CVII (Антона-Траверси считаетъ его написаннымъ, когда Б. началъ испытывать un qual certo pentimento delle sue colpevoli affezioni), LXXXIV, LXXXV, «Fuggano i sospir miei», «Non deve alcuno». Восхваленъ Амуръ въ XLV (сл. выше сомнѣніе Crescini) и CIV (похвалы Амуру и въ tern. «Amor che con sua forza e virtù regna», котораго онъ проклянетъ въ сон. LV). Жалобы на отъѣздъ F. въ Baia—XXXIII, XXXIV (къ пребыванію тамъ F. относится и сон. XV, del resto indeterminato). Но *желаніе становится реальнѣе,* с. LXXXIII, а F., также тронутая любовью, не принимаетъ мѣръ къ ихъ удовлетворенію (LXVI; Crescini, l. c., 177, относитъ сюда и с. XXIII, не убѣждая авторовъ). Препятствіе не только въ pudor femminile, но и въ мужѣ, LIV. — *Удовлетвореніе:* XLVII, XLVIII, LXXXIX (Crescini, l. c., 169, относитъ послѣдніе къ группѣ раннихъ, хвалебныхъ: III, XVIII, XLI и др., разсмотрѣнныхъ выше, ma non è forse fatto bene attenzione all' ultimo verso). — Страхи: LXIX (тлетворная среда Байи), IV (подозрѣнія оправдались).

Стр. 49 слѣд.: *сонеты на смерть F. (въ подражаніе Петраркѣ):*

LXVII; LVIII (par di sentire ancora un' eco dei pianti che tal morte dovè strappare all' innamorato, ma tradito, B. (авторы говорятъ это съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ); per l' Antona-Traversi è questo uno dei sonetti da cui traspare tutta la sensualità del poeta; pe'l Crescini, p. 183, dev' essere stato dettato dopo il tradimento). *Идеализація на манеръ Лауры*: LXXIII, LX, XXIX, LXXXVIII, LXVII, XCVIII (Crescini сомнѣвается отнести послѣдній сонетъ къ этой группѣ, Antona-Traversi отнесъ его къ числу учительныхъ; но сл. v. 7—8), LI, XXI. Судя по стихотвореніямъ, память F'ы никогда не покидала Б.; ему былъ 61 годъ, когда въ сонетѣ XCVII, обращеньемъ къ покойному Петраркѣ, онъ проситъ его a trarselo dietro ove lieto potesse rimirare «colei che pria d'amor l'accese» (Antona-Traversi отнесъ къ этой группѣ с. XXVIII, о которомъ далѣе. Il son. *L'arco degli anni tuoi*, o del Boccaccio o del Petrarca, — сл. стр. 8 — è certamente stato scritto in morte dell' amata — Фьямметты или Лауры).

51 слѣд.: *Любовь къ поэзіи и славѣ*: с. XXVII (donna=Poesia, frondi=alloro; сл. XXVI. Антона-Траверси напрасно относитъ его къ любовнымъ nè à valore il riscontro che il Crescini (p. 168) fa di esso con un passo autobiografico del racconto d' Idalagos nel Filocolo), XXVIII (Ant.-Trav. считаетъ его въ числѣ *in morte*, въ другомъ мѣстѣ tra i *diversi*; Crescini, p. 168 n. 2,—въ числѣ любовныхъ, написанныхъ при жизни F.), XXXVI (слава); въ LXVIII и LXXIV сѣтуетъ per non essere pervenuto dopo tanti studî alla laurea и рѣшается болѣе не писать стиховъ (вѣроятно, написаны послѣ 1366, когда Б., прочтя стихотворенія Петрарки, задумалъ уничтожить свои и иныя сжегъ (Сл. Lett. sen. di Fr. Petr. volg. da Fracassetti, I, p. 2—3). Это не исключаетъ вліянія Петрарки на юношескую лирику Б. — *Нравоучительныя пьесы*: s. VI (музы забыты, погоня за золотомъ), LVI (упадокъ добродѣтели), XCI, XCII (изъ-за земного забыто небесное); I, XLII, XCIII (жалобы на дурно проведенную молодость, боязнь смерти, намѣреніе исправиться); молитвы: LXXXVIII, XCIV, XCV, XCVI, XLIX. Къ этой группѣ относится *l'Ave Maria* in terza rima и un sonetto irregolare, cominciante: *Carissimi fratei, la forma oscura*, — если они боккаччьевскіе. — 55 слѣд.: *diversi*: XCIX (отвѣтъ Cecco da Mileto; сл. выше), къ Riccio barbiere (сл. выше); CI (къ Antonio Pucci); с. XI и къ Сатиро (сл. выше), VII—IX (къ осуждавшему его чтенія о Данте; сл. выше); X (аллюзія a ingratitudine del volgo e alla vendetta che il poeta ne prenderà); XCVII (на смерть Петрарки). — *Narrative*: capitolo su le dodici belle donne di Firenze; madr. *O giu-*

stizia regina, въ которомъ Carducci (Opere, VIII, 24) видитъ «un'invocazione di parte vinta ed oppressa alla giustizia, con reminiscenze dantesche»; въ какую пору жизни написалъ его Б., нельзя опредѣлить [сюда слѣдовало бы отнести, если бы они не были сомнительны: la Ruffianella, la tenzone tra Annibale e Scipione; la canz. I scritta «ad detestatione et biasmo d'amore» (такъ въ cod. Vat. 3212, c. 178-b); la III: — lamento dell' antica grandezza di Roma; canz. *Nascosi son gli spiriti,* di cui non si può dire, nello stato manchevole in cui ci è pervenuta; se non ch' è diretta ad una persona cui Venere, Marte e Pallade furon larghi dei loro favori].

Мнѣніе Б. о своей лирикѣ («versi diseguali e canti senza suono»; сл. LXXIV и Petrarca, Sen., trad. Fracassetti, v. I, l. 2); 63: вліяніе Данте больше, чѣмъ Петрарки (полное знакомство съ Canzoniere лишь ок. 1366 г.); того же мнѣнія Dobelli; Gaspary и Flamini даютъ болѣе значенія вліянію Петрарки; въ иныхъ стихотвореніяхъ реминисценции stil nuovo.

69—70: Вѣроятный распорядокъ стихотвореній:

I. *Rime amorose:* 1) *D'incerta occasione:* XII. 2) *Rime per Fiammetta:*

α) *in vita:* a) Di data e occasione incerta: XXXI, XXXII, LIII; b) Innamoramento: XXXVIII; c) Lodi dell' amata: XVIII, III, XLI, ** XVII, LXI, XXV, XL, XXIV, madr. I, XIII, L, LXII; d) Lamenti e dolori per la crudeltà di Madonna: LXXIX, LXXX, LXXXVI, LXIII, LXX, LVII, LXXVII, XXII, LXXXII, ball. II; e) Rime dolorose di occasione incerta: XIV, LXXI, LXXII, LII, II, XXX, CX, CVI, CII, sest. *Il gran disio*; f) Dal disprezzo al massimo favore: *Fuggano i pensier, Non deve alcuno,* XX, CVII, LXXXIV, LXXXV, XLV, CIV, tern. *Amor che con sua forza*, LXXXIII, XXXIV, XXXIII, * XV, LXVI, * XXIII, LIV, XLVII, XLVIII, LXXXIX, LXIX; g) Dal massimo favore all' abbandono; dolore e disperazione pe'l tradimento: IV, V, XLIII, LV, ball. I, * XVI, CV, * XXXIX, * XXXVII, * XLVI, * LXXV, LXXXVII, CIII, * LIX.

β) *in morte*: LXVII, * LVIII, LXXIII, LX, XXIX, * XIX, LXXXVIII, XC, XCVIII, LI, XXI [*L'arco degli anni*].

3) *Amori tardivi*: LXIV, ** XXXV, * LXV, * CIX, LXXXI, ** LXXVI, ** XLIV, ** C.

II. *Rime d' argomento non amoroso*: 1) Aspirazioni all' incoronazione poetica: XXVII, XXVIII, *Saturno, al coltivar,* XXVI, XXXVI, LXVIII, LXXIV; 2) Rimpianti del tempo perduto; sonetti morali: I, XLII, XCIII, XCI, XCII, * VI, LVI [Carissimi fratei]; 3) Preghiere: LXXVIII,

XCIV, XCV, XCVI, XLIX [tern. *Ave Maria*]; 4) Corrispondenza poetica: XCIX (a Cecco de' Rossi), *Allor che regno* (a Riccio barbiere), CI (ad Ant. Pucci), VII—IX (a un ignoto), XI e *Poi Satiro* (a un ignoto); 5) al Petrarca: XCVII; 6) Rime narrative: tern. *Contento quasi* e canz. II, [Ruffianella]; 7) Poesie d'incerta distribuzione: X, [canz. *Nascosi son*], madr. *O giustizia regina,* [tenz. tra Annibale e Scipione], [canz. I e III]. (Nel quadro—avvertiamo—sono precedute da un *asterisco* o due, secondo la minore o maggiore incertezza, le poesie su la giusta collocazione delle quali conserviamo qualche dubbio; quelle poi che meno probabilmente appartengono al Boccaccio son chiuse tra *parentesi*).

Замѣчается, что ни одна изъ *канцонъ* Боккаччьо не вошла въ этотъ реестръ; ибо ихъ принадлежность сомнительна: первая приписывается въ ркп. то Боккаччьо, то Mino di Vanni da Siena, то Vanni di Mino d'Arezzo; III-я — то Б., то Fazio degli Uberti (Renier склоненъ признавать ее боккаччьевской, Liriche edite ed inedite di Fazio degli Uberti, 1880, p. CCCXXIV), сл. Manicardi e Massèra, l. c., p. 24 (сл. 76: о канц. I писалъ Zenatti, Trionfo d'Amore di Franc. da Barberino, Riv. d'Italia, IV, 644, nota 2); канцона: *Cara Fiorenza mia, se l' alto Iddio* (II?) принадлежитъ Matteo Frescobaldi (l. c., 24), IV—VI не засвидѣтельствованы рукописями какъ принадлежащія Боккаччьо (l. c., 25—6), (*сл. у меня*).

Сл. Rass. bibliograf., 1902, fasc. 1—2, стр. 38 слѣд. Отчетъ Crescini о Manicardi e Massèra: L'introduzione al testo critico del Canzoniere del B., во 2-мъ томѣ Raccolta di studî e testi Valdelsìani. Castelfiorentino, 1901, p. 75, и о Le dieci ballate del Decameron въ Miscellanea storica d. Valdelsa, anno IX, fasc. 2, № 25 della serie. Ibid. 1901, p. 13. Авторы ничего не прибавили къ тому, что было сказано circa le rime precedenti alla violenta passione per Fiammetta: e parecchio ci sarebbe da ridire su le loro ipotetiche attribuzioni, per ciò che riguarda gli amori tardivi; come pure su più punti delle pagine dedicate all' esame del canzoniere ispirato da Fiammetta. — Meglio fatti sembrano i capitoli concernenti le liriche in morte della donna che il B. adorò e cantò, e quell' altre che han soggetto filosofico e morale, a proposito delle quali tutte s'incontrano osservazioni e correzioni quasi sempre giuste. Авторы обѣщаютъ доказать, что дантовское вліяніе на лирику Б. было сильнѣе петрарковскаго, въ чемъ Crescini сомнѣвается. По мнѣнію авторовъ, баллаты Декамерона написаны раньше него, secondo l' ispirazione occa-

sionale delle vicende e delle passioni, и лишь позднѣе вставлены въ Декамеронъ; въ баллатахъ, какъ и въ остальной лирикѣ Б., они ищутъ nuovi e più sicuri documenti alla storia degli amori del B. По мнѣнію Крешини, это не доказано, да изъ десяти баллатъ семь приписаны женщинамъ, и смѣшно предположить, что вначалѣ онѣ сочинены были отъ лица мужчины и лишь въ рамкѣ Декамерона измѣнили свой полъ. Intanto dirò che sole tre ballate,quella di Filostrato, quella di Panfilo, quella di Fiammetta (IV, VIII, X) trovano riscontro in fatti e in rappresentazioni della vita e delle opere del B. precedenti al Decameron; ma poichè la stessa introduzione delle cento novelle ci avverte che il poeta non aveva ancora dimenticata la tempestosa passione, agitatrice della sua giovinezza e della sua fantasia, non si può escludere che nel comporre le tre ballate per il Decameron egli s'ispirasse a'ricordi sempre dolcemente vivi di quella passione.

Crescini, Di alcuni recenti saggi sulle liriche del B. (изъ Atti e memorie d. r. Acc. di sc. lett. ed arti in Padova, v. XVIII, 2, p. 59—85), 1902.

Къ балладамъ Декамерона. Rassegna bibliografica d. lett. ital., anno XIV (1906), f. 1—2, стр. 48: Albertazzi, Rossi, Manicardi и Massèra, и Crescini занимались объясненіемъ балладъ, заканчивающихъ каждый день Декамерона. Къ этому вопросу обратился и *Hauvette* (Les ballades du Décameron, изъ Journal des Savants, 1905, Sept.); онъ не согласенъ съ предыдущими объясненіями e crede che non tutte le dieci ballate si possano spiegare allo stesso modo. Per lui prime tre hanno un significato allegorico, e cioè rappresentano la 1-a la *Grammatica*, la 2-a la *Dialettica*, la 3-a — la Rettorica (? сл.). Le altre ballate invece svolgono motivi comuni e semplici di psicologia amorosa.

Къ біографіи Боккаччьо.

Arnaldo Della Torre. La giovinezza di G. Boccaccio (1313—41), Città di Castello, Lapi, 1905. Стр. VIII (Б. не только продолжалъ любить идеализованную имъ Фьямметту, но въ 1366 г., facendo dipingere un quadro per san Jacopo di Certaldo, vi fece ritrarre la Fiammetta sotto le sembianze di santa Caterina). Стр. 1: Б. пріѣхалъ въ Неаполь въ концѣ *1323 г.*, ему было 10 лѣтъ; 3: *ему не было семи лѣтъ*, когда его стали учить читать и писать (авторъ, стр. 3 прим. 5, стоитъ за то, что его учителемъ былъ Giovanni di Domenico Mazzuoli da Strada. Сл. у меня стр. 14). 4: онъ еще не кончилъ школу,

когда отецъ взялъ его costringendolo ad attendere «calculis», come dice il Villani, o come dice lo stesso Boccaccio, all' «arismetrica», ossia all' arte di conteggiare; eppoi, per ribadire la teoria con la pratica, lo prese con sè al banco, perchè vi apprendesse i primi rudimenti dell' arte della mercatura. Если онъ попалъ въ школу по 7-му году, стало быть, въ 1320 г., а въ 1323 былъ въ Неаполѣ, то на школу (гдѣ, стр. 4, читались Метаморфозы Овидія) и торговую выучку у отца пришлось бы всего 3 года. — 6 слѣд.: отецъ Б.; когда онъ вернулся изъ Парижа? стр. 6—8 (вопросъ открытый); 8: 6 іюня 1317 г. онъ былъ во Флоренціи (Crescini предполагаетъ, что около этого времени онъ выписалъ изъ Парижа и сына); стр. 10—11: онъ во Флоренціи (документы; стр. 12: для 1319 г. они отсутствуютъ), также и въ 1320. P. 13: nella prima metà del 1322 B. fu console dell' Arte stessa del Cambio,.... pel bimestre 15 dic. 1322 — 15 febbr. 1323 Boccaccio di Golino (sic вм. Chellino) da Certaldo veniva eletto al sommo magistrato dei priori.—Стр. 15: непріятное положеніе юнаго Б. въ семьѣ (мачеха: Margherita di Gian Donato de' *Mardoli*).—7 марта 1324 г. старый Б. во Флоренціи socio nell' arte del Cambio con Simone Orlandini, а 23 мая онъ fra gli «adjuncti pro arte cambii» per l' elezione di 5 consiglieri della Mercanzia, e nella 2-a metà sempre dell' anno stesso, dei consoli dell' arte del Cambio con Bocca Scarlatti, Chierichino Clerici, Ricco Burnetti. Если, несмотря на такое видное положенье, отецъ Б. не удержалъ его при себѣ въ купецкой наукѣ, то это объясняется нелюбовью къ нему мачехи. — 16—17: авторъ не согласенъ съ Crescini, что медвѣди въ эпизодѣ Idalagos — отецъ и мачеха Б., предполагая, что разумѣется мачеха и ея сынъ (сл. стр. 24: Francesco, которому въ 1323 году, въ годъ отъѣзда Б., могло быть — два года! 17: авторъ нѣсколько смягчаетъ отзывы Crescini объ отцѣ Б. (Kritischer Jahresbericht üb. die Fortschritt d. Rom. Philologie, III B., 1897, стр. 379 слѣд.); въ сущности, сынъ обвиняетъ его лишь въ томъ, что онъ freddo, ruvido ed avaro, что понятно въ старикѣ, orbato di tutta la sua famiglia e quindi poco propenso alla giovialità, e privato «di gran parte de' beni ricevuti» (сл. эпизодъ Ibrida'ы въ *Ameto*); второй попрекъ сына, что отецъ покинулъ его мать. 18: Авторъ сопоставляетъ съ этимъ то мѣсто «Fiammetta'ы», гдѣ Б. увѣряетъ ее, что отецъ заклинаетъ его вернуться «per la mia puerizia nel suo grembo teneramente allevata, per l' amor da lui verso di me continuamente portato, per quel che a lui portar debbo, per la debita obbedienza filiale». Оба показанія при-

миряются, стр. 19, въ томъ смыслѣ, что отзывъ въ «Ameto» относится къ старику-отцу, прижимистость и суровость котораго не могли понравиться сыну, привыкшему въ Неаполѣ къ другимъ впечатлѣніямъ, въ «Fiammetta'ѣ» дѣло идетъ о впечатлѣніяхъ дѣтства; если бы они были дѣйствительно печальны, Б. poteva essere tratto a giudicar male del padre anche pel passato (не принято во вниманіе: что въ «Fiammetta'ѣ» Б. представляется измѣнникомъ любви и долженъ былъ мотивировать свой отъѣздъ — любовью къ отцу. Такъ толкуется и с. XIV Amorosa Visione: старикъ Б., жадный къ наживѣ и скупой — противополагается прежнему: это тотъ самый, который его «Libero e lieto avea benignamente—Nudrito come figlio» (20: Crescini видитъ въ послѣднихъ стихахъ — иронію. Авторъ ссылается на Hecker, Boccaccio-Funde, p. 80, n. 1). 20—1: въ письмѣ къ Нелли Б. говоритъ что въ Неаполѣ онъ жилъ съ своей «casa e masserizia, secondo la misura della possibilità sua, splendida assai». Очевидно, его содержалъ отецъ, и одинъ изъ медвѣдей въ эпизодѣ Идалага — не онъ. — 25—6: медвѣди, стало-быть, мачеха и ея (двухлѣтній?) сынъ; Б. не ужился съ ними и andò a Napoli ad esercitarvi la mercatura (въ 1323 г., сл. у меня стр. 15: 1326 г.); 27: la causa della sua partenza da Firenze e della sua andata a Napoli si deve far risalire.... allo stesso fanciullo, che, spinto da un' irresistibile paura, volle andar via in qualunque luogo purchè lontano, di là dove lo volevano uccidere (сл. медвѣди); отцу пришлось согласиться.— Стр. 28: въ разсказѣ Caleone въ «Ameto» говорится о товарищахъ, которые высмѣяли его, когда, въѣзжая въ Неаполь, онъ чуть не свалился съ лошади, одурманенный видѣніемъ красавицы. — 28—9: *Опредѣленіе года отъѣзда* — исходитъ изъ опредѣленія Б.: infanzia—до 7 года, puerizia—съ 7 по 14, adolescenza—послѣ 14. Б. говоритъ, что онъ былъ въ наукѣ у отца per *quasi* tutta la mia età puerile (съ 1323 г. до конца puerizia оставалось 4 года!), и что отецъ сдалъ его большому купцу «adolescentiam nondum intrantem», стало-быть, до 14 года (это не могло быть въ 1327 г., въ концѣ котораго отецъ Б. былъ въ Неаполѣ, ибо Б. было въ то время болѣе 14 лѣтъ: 1313 — 1327 = 14!). Авторъ заключаетъ, что это произошло въ 1323 году, когда Б. было 10 лѣтъ, — и до начала adolescenza оставалось 4 года! По указанію Б. (De Gen., XV, 10), въ наукѣ у купца онъ оставался 6 лѣтъ: стало-быть, до 1329 г., когда ему минуло 16 лѣтъ. Troncherà ogni esitazione.... la testimonianza preziosa di Benvenuto da Imola, che ci ha conservato il traduttore delle Genealo-

gie, ossia Giuseppe Betussi (?), по которой Боккаччьо былъ возвращенъ отцу, когда ему было 16 лѣтъ (весь этотъ разсказъ построенъ на крайне широкомъ толкованіи границъ puerizia и adolescenza и на предположеніи, что до отъѣзда Б. въ Неаполь онъ не былъ сданъ въ науку къ купцу, а оставался въ наукѣ у отца. Сл. эпизодъ Идалага: «le pedate dello ingannator padre seguendo», стр. 21, 28,— что можетъ означать просто: занимался тѣмъ же дѣломъ, что и отецъ. Въ 1327 г. отецъ Б. былъ по дѣламъ въ Неаполѣ; сыну не было 14 л. въ 1326 г., когда я и предположилъ его отъѣздъ, сл. выше стр. 15). 29: отецъ Б., видя желаніе сына удалиться, поручилъ его купцу, направляющемуся въ Неаполь (это «товарищи» въ Ameto)— *31 слѣд.: день, въ который Б. влюбился въ F.* 32: въ введеніи къ Filocolo Б. говоритъ, что влюбился in quel Sabato santo, che cadeva nel 16-o dei gradi percorsi dal Sole, dacchè esso era entrato in Ariete. Эти астрономическія указанія дали поводъ къ четыремъ различнымъ опредѣленіямъ дня вступленія солнца въ созвѣздіе Овна: Baldelli — 21 марта, Witte и Koerting — 25, Casetti — 14, Landau, повидимому, — 11. E questa differenza sposta nei rispettivi casi la vigilia di Pasqua, e con essa il millesimo dell' anno. По *Baldelli*, Б. влюбился въ F. *7 апрѣля 1341*, когда ему было 28 лѣтъ; между тѣмъ Б. говоритъ о себѣ, что онъ былъ тогда «giovane d'anni e di senno». — 33—5: ошибки въ выкладкахъ Baldelli и Casetti. — 35: Koerting, предполагая, что по Б. весна начиналась съ 25 марта, отнесъ день влюбленія *къ 11 апр. 1338;* такъ предположили и Crescini, Hauvette и Rossi; но и здѣсь, какъ у Baldelli, ошибка въ подсчетѣ (35—6), ошибка и въ пониманіи комментарія Б. къ стихамъ Данте: «E 'l sol montava su con quelle stelle Ch' eran con lui quando l'Amor divino Mosse da prima quelle cose belle»; изъ комментарія не выходитъ, что Б. считалъ 25 марта началомъ весны, говорится «*circa* al principio della primavera» (36—8). 38—9: выкладка Landau (день влюбленія—26 марта 1334); ея критики стр. 39—40. Стр. 40—41: по Casetti, для Б. солнце вступило въ знакъ Овна 14 марта; день влюбленія—30 марта, Страстная суббота 1331 г.; но Страстная суббота приходилась на такое же число и въ 1336 году. — 41 слѣд. (доказательство, что per gli astronomi del 300 e per il B. il Sole entrava in Ariete il 14 marzo; изъ показанія Filocolo и Ameto выходитъ, что il B. s'innamorò di F. in un Sabato santo tale che a circa le ore dieci antimeridiane di esso il Sole aveva percorso poco più che gradi 15, 30, della costellazione d'Ariete (43—4);

45: астрономическія знанія Б.; онъ занимался астрономіей въ *1328 г.* и вспомнилъ свои знанія въ *1330* до порученія Fiammetta'ы — написать Filocolo; стр. 45 слѣд.: наставленія Calmeta'ы Идалагу. 49: se a proposito dell' insegnamento.... di Calmeta (не Andalò?) noi dobbiamo servirci di una illazione, a proposito invece dell' insegnamento vero e proprio di astronomia che Andalò di Negro, il celebre astronomo della Corte di re Roberto, impartì sistematicamente e metodicamente al B. e che cade, come vedremo, nel 1330, ci soccorrono dati di fatto. Его «Tractatus teorice planetarum» въ Zibaldone boccaccesco Laurenziano XXIX, 8.—50 слѣд.: по Андалону (*«Opus praeclarissimum astrolabii,»* или *«Tractatus de compositione astrolabii»*) солнце вступало въ созвѣздіе Овна 14 марта alle ore 6, 53 antimeridiane. Результатъ, 55: Б. влюбился въ F. un Sabato santo, che cadeva il *30 marzo*.—57 слѣд.: *въ какомъ году? Renier* заставляетъ Б. пріѣхать въ Неаполь въ 1329 году, а такъ какъ Б. указываетъ, что между его пріѣздомъ и влюбленіемъ прошло 7 лѣтъ и 4 мѣсяца, то послѣднее относится къ *1336 году* (какъ у Casetti); 59: *Hecker* (l. c., p. 81 n. 2) относитъ пріѣздъ Б. къ 1328. 7 лѣтъ и 4 мѣсяца извлечены были изъ астрономическаго показанія Б. въ *Ameto*, но авторъ исправляетъ этотъ подсчетъ и приходитъ къ заключенію, что Б. пріѣхалъ въ Неаполь 13 дек. 1323 или 1328 г., смотря по тому, идетъ ли дѣло о Страстной субботѣ 1331 или 1336 года, какъ дня влюбленія (60); 61: авторъ стоитъ за 1323 годъ; если прикинуть 7 лѣтъ съ мѣсяцами (до влюбленія въ Фьямметту), то день влюбленія опредѣлится 30 марта 1331; въ сон. LXXXVI Б. говоритъ, что уже 5 лѣтъ онъ ухаживаетъ безъ взаимности; стало-быть, еще 30 марта 1336 года онъ ничего не добился. F'—ой онъ овладѣлъ послѣ этого срока, а въ письмѣ 3 апр. 1339 года уже говоритъ объ ея измѣнѣ. 11 генваря 1341 года онъ былъ во Флоренціи.—Стр. 62 слѣд.: *косвенное доказательство*, что Б. былъ въ Неаполѣ съ 1323 г., изъ De Cas., IX, 26, въ эпизодѣ о Филиппѣ Катанской: «audivi — vidi» или «fere vidi» относится къ браку Маріи Valois съ Карломъ Калабрійскимъ въ 1324 г. и къ другимъ событіямъ († Maria'и Valois въ 1331 г.). 69 слѣд.: другое доказательство Ameto: «Io.... *fanciullo* cercai regni Etrurii, e di quelli, *in più ferma età* venuto, qui (Неаполь) venni» (видѣніе красавицы при въѣздѣ въ Неаполь); *«l' età pubenscente di nuovo*, senza riducere la veduta donna ne' miei pensieri, vi trassi». Онъ влюбляется въ Пампинею и Абротонію, покидаетъ ихъ, а онѣ, явившись ему во снѣ (*erano oramai passati 6 anni dall' arrivo in Napoli*), предста-

вляютъ ему видѣніе той же красавицы, которую онъ признаетъ. *Passano 16 lune*, и онъ видитъ F. въ церкви [со времени 1-го видѣнія до встрѣчи прошло, стало-быть, $7\frac{1}{2}$ лѣтъ; выше, стр. 60, между въѣздомъ Б. и влюбленіемъ прошло 7 лѣтъ, 106 дней и 19 часовъ, что не отвѣчаетъ $7\frac{1}{2}$ г. Ничто не мѣшаетъ отнести видѣніе къ области поэтическаго *вымысла*; въ 1323 г. Б. было десять лѣтъ! Предполагается, что между 10 и 16 годомъ онъ успѣлъ влюбиться въ Пампинею и Абротонію, оставить ихъ — и на 18 году увидѣть впервые F'—у, которую онъ призналъ. Правда, съ вымысломъ плохо мирится точное указаніе времени]. *Что такое pubescente?* 73 слѣд.; 97: начало pubertà — съ 14 лѣтъ; 97 слѣд.: Какъ смотрѣлъ на это Б.? (то же стр. 103 слѣд.: *Б. въ купеческомъ дѣлѣ; Pampinea* и *Abrotonia:* въ Неаполѣ 13 дек. 1323 г. Видѣніе красавицы, привѣтствующей его, какъ психологическій актъ: бѣдному мальчику, бѣжавшему отъ мачехи, грезилась материнская ласка: въ Ameto онъ объединилъ красавицу видѣнія съ F'—ой). — 6 лѣтъ у купца (стало-быть, до 16 лѣтъ; авторъ, какъ мы видѣли, отнесъ къ этому времени интригу съ Пампинеей и Абротоніей); 109: до 1328 г. онъ былъ *rozzo*: къ этому году относится обученіе у Calmeta'ы (110); отъ разсказовъ о немъ Б. переходитъ къ своимъ первымъ увлеченіямъ 1329 г. (*Пампинея и Абротонія; по расчету автора, сл. выше, въ 1329 году онъ уже ихъ оставилъ: erano oramai passati sei anni?*); 110—111: въ началѣ этого года, e lo vedremo pure fra breve, (B.) lasciò la mercatura e si dette tutto agli studî, e siccome questi risulta (?) che furono effetto immediato delle conversazioni astronomiche di Calmeta, то послѣдніе и надо отнести ко времени ок. 1328. Стр. 111 слѣд.: Calmeta не Andalò, ибо въ De Cas. Б. разсказываетъ, что въ школѣ Андалоне ученики читали вслухъ какой-нибудь астрономическій трактатъ, а онъ объяснялъ его; предполагается, что трактатъ былъ латинскій, а въ 1328 г. 15-ти-лѣтній Б. забылъ все, чему (до 10 лѣтъ) его учили въ школѣ; 112 слѣд.: такъ какъ въ эпизодѣ Идалага Б. и Calmeta — товарищи по профессіи, и купецъ Б. представляетъ себя пастухомъ, то и Calmeta — купецъ, къ которому обращено письмо, заглавіе котораго возстановлено Hecker'омъ (Sacre famis et angelice uiro dilecto forti Johannes de certaldo). Изъ письма, для текста котораго авторъ пользовался оригиналомъ Zibaldone, видно, что лицо, къ которому оно обращено, было также купцомъ, inclinato.... agli studî liberali. Egli però, più fortunato del figlio del mercante fiorentino, aveva potuto, «*puerilem eta-*

tem coram educatoribus roborando», fare tutto il primo corso elemantare, studiare cioè grammatica, dialettica, rettorica. Era a questo punto degli studî, quando i genitori spinti da un «feruens amor habendi» lo tolsero «de pio sinu Racelis ad Lic gremium», ossia dalla vita contemplativa per cacciarlo in mezzo alla vita attiva del commercio. «Sed quid in te? Mangna Iunonis munera (богатство) nequiuerunt Palladi tollere jura sua; sed, a te scientie congnita margharita, *mercantium habitu palliatus*, sacra studia septabaris, et aquas elyconii fontis furtiue gustabas, auidius magis quam palam, tunc tuo gutturi dulciores». Достигнувъ pubertà («quia in fortiorem etatem euaseras») e avendo già studiato le scienze del trivio, passò a quelle del quadrivio ossia all' aritmetica, alla musica nelle sue tre parti di metrica, ritmica, armonica, alla geometria, e finalmente all' astronomia. Въ это время познакомился съ нимъ Б., и онъ пріобщилъ его къ своимъ занятіямъ и дружбѣ. «In tam alto mysterio, in tam delectabili et sacro studio providentia summa nos iunxit; quos *aequalitas animi* vinctos tenuit, retinet, et tenebit». По расчету, другъ Б. могъ приступить къ наукамъ квадривія 14-ти или 15-ти лѣтъ, на квадривій онъ могъ употребить не менѣе 4-хъ лѣтъ; ему шелъ, стало-быть, 18-й годъ, когда онъ сблизился съ 15-ти-лѣтнимъ Б. (1328 г.). Б. могъ читать ему свои дѣтскія fictiunculae, онъ вводилъ его въ тайны астрономіи. Стр. 115: согласіе между письмомъ и поученіемъ Кальметы non pur nel concetto, ma anche nelle parole e nella denominazione e dei pianeti e dei segni dello Zodiaco e delle altre costellazioni.—116: *въ 1328 г.* Б. (15 лѣтъ?) введенъ въ придворный *кружокъ кор. Роберта;* 117: на основаніи De Cas., IX, 26: *adhuc adulescentulus* (считая pubertà съ 14 г.; adulescentulus указываетъ на начало pubertà; 1327 г. былъ бы terminus post quem). Ввелъ его отецъ, бывшій въ 1327 г. въ Неаполѣ, come membro della società dei Bardi per ragioni d'affari (Davidsohn, l. c., III, 181—2), e che non solo fu frequentatore, durante il suo soggiorno napoletano, della corte di re Roberto, e v'ebbe onori ed autorità, ma si trovava in relazione con alti personaggi di essa, prima ancora di partire da Firenze. Dallo stesso figlio del re, Carlo duca di Calabria, fino da quando costui, fatto signore di Firenze (dicembre 1325), dov' era entrato il 30 luglio 1326, era stato eletto con decreto del 26 febbr. 1327 consigliere dell' ufficio di Mercanzia, per l'arte del cambio. Per cui, venuto nel regno, non è meraviglia se già in data del 22 marzo 1328 noi lo troviamo designato come *familiaris* dello stesso re Roberto (Davidsohn, ib., p. 182, n. 911), e

quindi, dopo successivi incarichi ricevuti, il 4 febbr. 1329 lo vediamo designato così: «Buccaccius de Certaldo de societate Bardorum de Florencia, consiliarius, cambellanus, mercator, familiaris et fidelis noster» (ib. въ index'ѣ именъ p. 187, n. 942, и онъ же въ Arch. Stor. Ital., N. S., v. XXIII, 1899, 144 слѣд.). Въ томъ самомъ мѣстѣ De Cas., IX, 26, говорится, что Б. познакомился тогда съ Marinus Bulgarus и Constantinus de Rocca, которые посвятили его въ интриги неаполитанскаго двора (118—20: разсказы о Raimondo de Cabannis и Филиппѣ Катанской и др.); 121: можетъ быть, нѣкоторыя изъ ученыхъ и интеллигентныхъ знакомствъ Б. восходили къ этому времени (chissà), но уже одинъ культурный тонъ двора могъ повліять на рѣшеніе 16-лѣтняго Б. серьезно отдаться занятіямъ; отецъ (уѣхавшій изъ Неаполя въ началѣ 1329 г.) согласился, чтобы сынъ оставилъ купецкое дѣло, но для изученія каноническаго права. Начало этихъ занятій—1329 г. (пріѣздъ 1323 + 6 лѣтъ купецкой науки: 1329; это совпадаетъ съ указаніемъ Benvenuto da Imola у Betussi, что Б. оставилъ купецкое дѣло, будучи 16 лѣтъ; 124: въ комментаріяхъ Div. Com. Бенвенуто этого показанія нѣтъ, авторъ считаетъ возможнымъ, что Betussi нашелъ его въ комментаріяхъ Бенвенуто къ эклогамъ Боккаччьо). Стр. 125—6: начало занятій слѣдуетъ отнести къ первымъ мѣсяцамъ 1329 года, но первый аргументъ автора сомнителенъ: въ эпизодѣ Идалага Б. говоритъ сначала о своихъ занятіяхъ, потомъ объ увлеченіяхъ, которыя авторъ относитъ къ веснѣ 1329 г.; *но по его расчету, стр. 110, онъ успѣлъ уже измѣнить имъ?* Второй аргументъ убѣдительнѣе: въ послѣдній разъ отецъ Б. упоминается въ Неаполѣ 4 февр. 1329 г.; очень вѣроятно, что въ генварѣ-февралѣ сынъ принялъ рѣшеніе заняться канон. правомъ; ему было 16 лѣтъ, или 16-й годъ шелъ къ концу, ибо Б. родился dentro la prima metà del 1313. — Но такъ какъ въ Studio лекціи начинались лишь съ 5 окт., то Б. оставалось свободныхъ 6 мѣсяцевъ, въ которые онъ и принялся — за занятія латинскимъ языкомъ, полузабытымъ (127). Этого было достаточно — a conoscenza empirica del latino curialesco e giuridico. 128 слѣд.: въ этомъ же году начинаются его ухаживанія, 130, за Абротоніей и Пампинеей, весной, а къ декабрю того же года относится видѣніе, въ которомъ Пампинея и Абротонія показываютъ ему Ф'—у, 6 лѣтъ спустя по его пріѣздѣ въ Неаполь, дек. 1323 г. (NB 130: если увлеченіе Пампинеей и Абротоніей относится къ веснѣ 1329 г., а по эпизоду Идалага Б. влюбился въ fagiana = Fiammetta въ слѣдую-

щую 1330, то это плохо ладится съ приведеннымъ выше указаніемъ, что между видѣніемъ и встрѣчей съ F. прошло 16 мѣсяцевъ). — 131 слѣд. Подтвержденіе 1323 и 1329 годовъ изъ Corbaccio: духи говорятъ Б., что онъ (т.-е. Б.) fuori delle *fascie*, già son, degli anni, quaranta, e già son 25 cominciastigli a conoscere. Hauvette полагалъ, что выраженіе: *degli* anni 40 объясняется *circa*, т.-е. приблизительно; авторъ стоитъ на томъ, что дѣло идетъ о 40 годахъ, прошедшихъ послѣ выхода изъ пеленокъ (стр. 134—5). Aggiungendo 40 a 1, abbiamo che *il B. scrisse il Corbaccio a 41 anno, ossia nel 1354;* вычтя изъ 41 года 25 — придемъ къ 1329 г., когда онъ познакомился съ costumi del mondo, которыя авторъ [относитъ?] къ слѣдующему: *fatiche d'amore*. 136—7: къ періоду Corbaccio авторъ относитъ сон. LXIV. О Пампинеѣ и Абротоніи сл. Crescini, l. c., p. 106 n. 2 и 56 слѣд.; къ первой любовь платоническая, ко второй — чувственная, 137 слѣд. (138: въ Ameto она отдалась ему, иначе въ эпизодѣ Идалага: авторъ полагаетъ, что Б. умолчалъ о томъ, потому что Filocolo написанъ по порученію F'—ы, и онъ желалъ ее увѣрить, che la prima donna da lui posseduta, era lei. Онѣ показываютъ ему въ видѣніи F'—у, въ которой онъ призналъ ту красавицу, которая объявилась ему при въѣздѣ въ Неаполь).

Стр. 143 слѣд.: *начало каноническихъ занятій и Maria d'Aquino*. Учитель — не Cino da Pistoia (144—5: nemico acerrimo e dichiarato dei Canonisti e del Diritto canonico?) и не Dionigi da Borgo S. Sepolcro (пріѣхалъ въ Неаполь въ концѣ 1338 или началѣ 1339 г. (146: былъ ли у Б. одинъ учитель канон. права?). 148: занятія канон. правомъ вначалѣ не были такъ противны Б., какъ послѣ, какъ видно изъ пролога къ Filocolo (*Филоколо начатъ въ маѣ 1331 г.*): «il quale ora nelle sante leggi de' tuoi (Бога) successori *spendo* il tempo mio»? 149: обновляетъ il latino curialesco delle Decretali nella lettura di Ovidio [NB.: на латынь отдано 6 мѣсяцевъ 1329 г. по октябрь — и 1330 годъ!]. Cino, съ которымъ онъ могъ познакомиться (ottobre 1330 — luglio 1331, когда Cino былъ въ Неаполѣ) — могъ познакомить его съ поэзіей Данте (?). 151—2: сатира Чино противъ Неаполя мѣтитъ на канонистовъ, не терпѣвшихъ его, какъ представителя delle dottrine imperialiste. 152: нѣтъ сомнѣнія, что при такихъ условіяхъ Чино держался флорентійской колоніи въ Неаполѣ, къ которой принадлежалъ и Б.; отсюда выводъ, что Canzone Чино, внесенная Б. въ его Филострато (нап. въ Неаполѣ до possesso corporale di Fiammetta), могла быть имъ полу-

чена отъ автора (?). 153: сл. дантовскія терцины въ Filostrato part. II, str. LXXX (154: почему именно отъ Cino?). 154: ученіе у Andalò между концомъ 1329 г. (послѣ 6-и мѣсяцевъ обученія латыни?) и 30 марта 1331 (увлеченіе F'—ой и начало Филоколо), стало-быть, въ 1330. 155 слѣд.: біографіи Andalò. — 158 слѣд.: общественныя отношенія; флорентійскіе купцы и флорентійцы на королевской службѣ; Giotto въ Неаполѣ 1329—32 гг.; 161: Б. въ средѣ dei nobili giovani napoletani; 163: знакомство съ франц. романами; 166: съ leggende romane e troiane. — 169: *Встрѣча съ F'—ой;* ея (мистически-идеальное) описаніе въ Amorosa Visione, cap. XV; вторая встрѣча въ Am. Vis., XLIII; еще нѣтъ innamoramento; оно совершилось 30 марта 1331 г. (сл. выше); авторъ цитуетъ, 171, Teseide (III, str. 6 и 7: весна), Ameto и Filocolo (172), гдѣ мѣстомъ дѣйствія является церковь S. Lorenzo, uffiziata già dai frati Minori (172—3); Б. признаетъ въ ней красавицу, которую уже видѣлъ ранѣе tra le belle donne (въ Amor. Visione, XLIII, онъ также видитъ ее среди дамъ). 178 слѣд.: влюбленный Б. объединилъ Марію съ красавицей, которую показали ему въ видѣніи Пампинея и Абротонія, и той, которая представилась ему при въѣздѣ въ Неаполь. 179: Авторъ считаетъ эту встрѣчу (Ameto) — второй; объединяетъ ли онъ ее со второй встрѣчей въ Amor. Vis.? Но въ Ameto, послѣ видѣнія, показаннаго Пампинеей и Абротоніей, говорится только объ одной встрѣчѣ съ F'—ой (черезъ 16 мѣсяцевъ); очень вѣроятно, что Б. разумѣетъ именно видѣніе F'—ы между Пампинеей и Абротоніей, когда говоритъ, что уже видѣлъ ее tra le belle donne (но и въ Filocolo онъ ее уже видѣлъ, 175). — Стр. 183 слѣд. *Maria d' Aquino e la cronologia dell' amore di Giovanni per lei.* 184. Робертъ видитъ мать F'—ы на балу, который онъ далъ, по предположенію автора, въ 1313 г., въ февралѣ котораго онъ собралъ первый свой парламентъ. 185: Ф. родилась весною (показаніе Б.), стало-быть, 1314 г.; 188: вышла замужъ, *вѣроятно*, когда ей было 15 лѣтъ, т.-е. въ 1329 г. Стр. 192—3: по мнѣнію Crescini (по Amor. Vis. Сл. Contrib., 127, 130, n. 2), между влюбленіемъ и обладаньемъ прошло 159 дней (выводъ получается такимъ образомъ: въ Amor. Vis., XLIV, говорится, что quattro via sei volte il sole — Con l'orizzonte il ciel congiunto aveva = 24 дня, прежде чѣмъ она допустила его ухаживанья, а въ XLVI, что прошло 135 дней, прежде чѣмъ она ему отдалась: 24 + 135 = 159), но, 194, по системѣ Птоломея, которой слѣдовалъ Б., солнце въ теченіе дня дважды касается гори-

зонта, что даетъ не 24, а 12 дней; съ другой стороны, періодъ 135 дней не слѣдовалъ непосредственно за предыдущимъ. Въ Ameto Б. овладѣлъ Ф—ой, когда солнце было въ знакѣ Скорпіона, т.-е. м. 17 окт. и 14 ноября; 195: исходя изъ положенія автора, что Б. увидѣлъ впервые F'—у 30 марта 1331, и присоединивъ къ этому числу 12 дней, получимъ 12 апр. какъ день, когда F. допустила ухаживаніе; послѣдній терминъ 135 дней колеблется, смотря по тому, въ какой день м. 17 окт. и 14 ноября Ф. отдалась (м. 3 іюня и 2 іюля), — если только оба періода относятся къ тому же году, 196 — il che, diciamolo sùbito, nessun dato ci costringe a credere (но въ такомъ случаѣ, какъ понять совмѣстность XLIV — XLVI хронологическихъ показаній Б.?). 196 слѣд.: и дѣйствительно въ строф. Am. Vis., XLV—VI, отличаемъ три періода ухаживанія: 12 дней отъ начала, второй періодъ, когда онъ accettato come corteggiatore; третій: 135 дней до обладанія. 199: первый періодъ съ 30 марта по 12 апр., второй — два-три мѣсяца — но это лишь въ предположеніи, что 2 и 3 періоды принадлежатъ тому же году; на самомъ дѣлѣ 2-й періодъ былъ болѣе продолжителенъ (сл. въ разсказѣ Идалага: lunga stagione — 200). 201. Авторъ имѣетъ въ виду сон. LXXXVI (5 лѣтъ она не обращала на него вниманія. Crescini, Contr., 185, n. 2, сомнѣвался въ немъ, но позже отложилъ свои сомнѣнія, сл. Di due recenti saggi sulle liriche del B., Atti e Mem. d. R. Accad. di sc. lett. ed arti in Padova, N. S., v. XVIII, p. 72) и приходитъ — 205— къ заключенію, что ок. апрѣля 1336 года il B. nulla aveva ottenuto dalla sua donna. — Между этимъ терминомъ и письмомъ 3 апр. 1339 г. (измѣна уже совершилась; авторъ—какъ и Crescini, Contrib., 150, n. 1, — усматриваетъ жалобы на измѣну въ отвѣтѣ Б. герцогу Durazzo, 205—6. Къ письму приложено «parvus et exoticus sermo, caliopeo moderamine constitutus»; «exoticus» = volgare toscano: ricordiamoci che siamo a Napoli?). F. отдалась. 207: измѣна въ Байяхъ, сон. IV; едва ли непосредственно передъ письмомъ 3 апр. — въ мартѣ не купаются — стало-быть, nella stagione balneare d. 1338. Но и 3-й періодъ начался въ купальный періодъ, сл. сон. XLVII и XLVIII; не онъ разумѣется въ «Fiammetta'ѣ», когда, слѣдуя совѣту Маріи, Б. завелъ знакомство съ ея родственниками и мужемъ, чтобы имѣть возможность всюду показываться съ ней, не возбуждая подозрѣній (208: почему?); не онъ и въ сонетѣ XXXIII, когда М. запретила Б. сопровождать ее въ Байи. Такимъ образомъ (209—10): апрѣль 1336 г.: F. еще не отдалась; amore contraccambiato въ іюнѣ

того же года («Fiammetta»?); 135 дней спустя, въ ноябрѣ Б. овладѣваетъ ею; купальный сезонъ въ Байяхъ: онъ счастливъ съ F'—ой 1337 г.; въ 1338 она запрещаетъ ему слѣдовать за ней; измѣна. 210: три періода: incertezza съ 30 марта по 12 апр. 1331; corteggiamento съ 12 апр. до половины іюня 1336; третій—до конца лѣта 1338.—Стр. 211 слѣд.: *Il corso degli studî canonici e il quinquennale corteggiamento di Maria.* Мало свѣдѣній о періодѣ delle incertezze (всп. 12 дней). Начало надежды—Amor. Vis., XLIV, что авторъ сближаетъ съ Filocolo, когда Марія заказываетъ ему написать романъ (213 слѣд.); заказъ написать романъ отвѣчаетъ въ эпизодѣ Идалага его рѣшенію обратиться a più utili cose, т.-е. отъ mercatura къ Pallade? отъ изученія каноническаго права и отдаться любви (218 слѣд.). 224: Б. былъ въ Неаполѣ въ 1324, когда Maria di Valois выходила замужъ за duca di Calabria и, 225, м. б., присутствовалъ при торжествахъ по поводу брака Андрея, сына Caroberto Венгерскаго, съ Джьованной, primogenita erede del Duca di Calabria, въ 1333 г. (тогда семилѣтнихъ. 227: увлеченіе бойкой и роскошной неаполитанской жизнью — и любовь должны были отвлечь Б. отъ юридическихъ занятій; 228: отецъ позволилъ ему ихъ оставить въ 1335 г.).— 232: поэзія; углубляется въ чтеніе Овидія, alternandolo, probabilmente fin d'allora, con quella di qualche squarcio di Virgilio; вѣроятно знакомство съ нѣкоторыми произведеньями del dolce stil nuovo и Данте, лишь въ 1334 знакомится съ поэзіей Петрарки (на основаніи письма къ Franceschino da Brossano: ego quadraginta annis, vel amplius suus?); 233: оттого такъ мало петрарковскаго въ его раннихъ любовныхъ стихотвореніяхъ. 234 слѣд.: *стихотворенія къ F'—ѣ*: (236 сл.: противъ Manicardi e Massèra, полагающихъ, что сон. XLV, LXXXIV, CIV и изданный ими тернарій относятся къ времени, когда F. отдалась; авторъ относитъ ихъ къ началу innamoramento; 239: сон. XXIII: Б. воображаетъ себѣ, что F. была въ S. Lorenzo, ожидая его встрѣтить, а потомъ поджидала его у окна. Иначе понялъ этотъ сонетъ Crescini, 177: для него сонетъ rappresenta non già la donna quale il B. la desiderava nella sua illusione di amante, ma quale essa era veramente nel punto in cui ella finì per cedere a lui; 242: сон. XXXI и LIII — къ періоду corteggiamento; Manicardi и Massèra не рѣшаются опредѣлять времени). 244 слѣд.: *надежда на possesso;* онъ могъ успокоиваться примѣромъ Niccolò Acciajuoli, пріѣхавшаго въ Неаполь ок. 1331 г. скромнымъ купцомъ e che ora cominciava ad essere accarezzato da Caterina di Courtenay, вдовой Filippo di Ta-

ranto. 245 слѣд.: въ такой же психологическій моментъ написанъ *Filostrato* (во время отъѣзда F'—ы въ Sannio). 247—8: авторъ подчеркиваетъ, въ согласіи съ посвященьемъ поэмы, «quali sieno i miei disii», что онъ выражаетъ più i desideri e le speranze che non il dolore.— Стр. 250 сл.: почему же F. къ нему равнодушна? Сл. сон. LII, madr. I, сон. XLIV, CV, LIV, CVI, XLVI, II, XIII, XXXVII, LXXXII; въ послѣднемъ Б. негодуетъ: какъ бы онъ посмѣялся, если бъ увидѣлъ неприступную F'—у — старухой; 254: м. б., тогда же написана ball. II, гдѣ состарѣвшаяся F. сѣтуетъ, что не воспользовалась своею юностью. — И затѣмъ другіе звуки: una parola, un riso, un muover d'occhi можетъ все измѣнить, говоритъ ему Амуръ, с. LXXI, а Б. заставляетъ F'—у защититься: чѣмъ виновата она и Амуръ? Что она обѣщана; она бережетъ свою честь, сон. LXX; и поэтъ проситъ теперь у нея лишь sospiro, с. LXXXV. — Но прошло пять лѣтъ, а она не смиловалась, с. LXXXVI; поэтъ проситъ Амура пощадить его своими стрѣлами, с. LXXIX; или пусть стрѣляетъ, лишь бы смерть, с. LVII; сл. с. LXXV (Manicardi и Massèra относятъ сонетъ ко времени abbandono, disperazione; но въ сонетѣ говорится о speranza folla), с. LXXII и LXIII.—259 слѣд.: *Б. покидаетъ i studî canonici; la conquista dell' amore di Maria.* Покидаетъ канон. право, вѣроятно, въ началѣ лѣта 1335 г., (стр. 259—60: «jam fere maturus etate et mei juris factus»—какъ опредѣленіе возраста; «mei juris», т.-е. 18 лѣтъ, «fere maturus», т.-е. 25-и; но 25 лѣтъ было Б. въ 1338 году, и едва ли fere идетъ къ цѣлымъ 3 годамъ, съ 1335 по 1338. Непонятна и послѣдовательность: мнѣ почти 25 лѣтъ, и я уже обладаю jus completum съ 18 лѣтъ). Оказывается, 260, 1, что *Calmeta* не только ввелъ его въ астрономію, но теперь ввелъ и въ *классиковъ*, т.-е. Calmeta, отождествленный съ лицомъ, къ которому обращено «Sacrae famis»; потомъ, 261, и знакомство съ G. Barrili и Paolo da Perugia. 261—2: читалъ Овидія, Виргилія (если уже его не началъ раньше), правила версификаціи, для прозы — Апулея; все это въ 1335—6 годахъ, безъ особаго прилежанія; отвлекала любовь. Лѣтомъ 1336 года въ Байяхъ Марія измѣнила свои отношенія къ нему; «Fuggano i sospir» (у Manicardi и Massèra 71, n. I; сл. тамъ же n. II); сон. LXVI, XLVIII, XLVII; 267 слѣд.: по совѣту F'—ы, онъ сближается съ ея мужемъ (сл. «Fiammetta'у»); 270 слѣд.: ночное посѣщеніе Б. — ноябрь 1336 г. (135 дней съ тѣхъ поръ, какъ 12 апрѣля того же года она склонилась къ его любви).—275: *весной 1337 г.* на турнирѣ; общество въ Filocolo и вопросъ, поставлен-

ный Б. («se ciascuno uomo, a bene essere di sè medesimo si deve innamorare», p. 280). Общество въ Filocolo отнесено почему-то ко времени, послѣ того, какъ F. отдалась?); 281 слѣд.: въ Байяхъ; сон. XXXII; 287: по возвращеніи въ Неаполь.—289 слѣд. *Измѣна F'—ы и финансовыя затрудненія отца. Моменты ревности;* сонетъ LIX, въ которомъ Б. разсказываетъ, что, вернувшись съ какого-то зимняго (говорится о льдѣ и вѣтрѣ, горахъ и моряхъ. Не украшеніе ли это?) путешествія, онъ нашелъ F'—у sdegnata. 290: къ этому сонету авторъ присоединяетъ и XXX: sdegno; per lo suo o per lo mio *errore?* Въ мадригалѣ II извиняется di aver avuto vaghezza di altre donne, но это онъ сдѣлалъ, чтобы удалить подозрѣнія; сюда же относитъ авторъ и сон. XXIV, но въ немъ общее мѣсто: напрасно Амуръ трудится, обращая на него стрѣлы изъ очей другихъ красавицъ (почему отнесено все это къ этому періоду?). 291: въ «Fiammetta'ѣ» Б. разсказываетъ, что за его милой продолжали ухаживать еще въ періодъ dell' amore contraccambiato; то же въ видѣніи Filocolo, гдѣ онъ въ образѣ smeriglio защищаетъ F'—у = fagiana отъ другихъ птицъ, 292 (почему къ этому періоду?). Лѣтомъ 1338 г. F. запрещаетъ ему ѣхать съ нею въ Байи; с. XXXIII; опасенія Б. с. LXIX— и моменты успокоенія с. XV (вѣтерокъ со стороны Байи, — и ему кажется, онъ видитъ F.); 294 слѣд.: какъ открылъ Б. измѣну сл. эпизодъ Filocolo: B. sotto le spoglie di uno dei personaggi del romanzo, sotto le spoglie cioè del confortatore di Clonico (сл. Crescini, l. c., 76—7). 297: Б. отыскалъ, кто былъ предметомъ увлеченія F'—ы (въ видѣніи Filocolo: un grosso mastino, пожирающій фазана); измѣна совершилась въ Байяхъ, с. IV, V; негодуетъ на Амура — с. LV; всѣ женщины измѣнницы—madr. III; хотѣлъ бы посмотрѣть на измѣнницу, mirarne gli occhi, belli sì, ma manifestatisi tanto falsi; онъ надѣется, посмотрѣвъ на нихъ, liberarsene con un senso di disgusto, но чувствуетъ, что снова связанъ (Crescini, l. c., 175, относитъ этотъ сонетъ къ періоду corteggiamento, Manicardi и Massèra колеблются). 300: Б. si umilia, e tenta tutti i modi di riacquistare il favore di lei: разсказъ Alleiram = Mariella въ Filocolo; гореваніе Б.—с. LXXXVII; 301: Идалагъ — Б. жаждетъ смерти; сл. с. XVI; хотѣлъ бы умереть, но тогда онъ не видитъ ее болѣе! ball. I; с. XLIII.—303 слѣд.: благосостояніе Б., позволявшее ему condurre finora una vita agiatissima, смѣнилось въ это время недостаткомъ, какъ показываютъ его письма 1339—41 г.: *Nereus* (онъ покрытъ scissili palliastro), *Mavortis miles,* изд. Vandelli, Bull. d. soc dant., N. S., VII, p. 64 слѣд.: «toto

mei curriculo temporis fortune ludibulis conquassatus», «miserie palliatus», *Sacre famis* («inimicus fortune», его преслѣдуетъ Венера—любовь, Ramnusia—desiderio di vendicarsi della traditrice Fiammetta?— и Юнона, che secondo il B. è la dea delle ricchezze, e per cui egli sente «ponderosa et difficilia nimis flagella fortune». Стало-быть, письмо Sacre famis = Calmeta — сл. выше — относится къ этому времени?). 304 слѣд.: разстройство дѣлъ отца Боккаччьо: Гименей и Венера наказали его, говорится въ Ameto, за его измѣну матери Б. и женитьбу на другой, лишивъ его «di gran parte de' beni ricevuti da lei», а затѣмъ — смертью *второй* жены и дѣтей. Жена умерла въ началѣ 1341 г., разореніе Б. относится къ 1339—40 гг. или ранѣе. 305: до 1338 г. онъ былъ еще въ компаніи Барди, былъ въ Неаполѣ въ 1327—9 г. (сл. Is. del Lungo, Beatrice nella vita e nella poesia del sec. XIII, Milano, 1891, p. 162—3). До 1337 г. старикъ Б. и его жена были еще, по документамъ, въ ottime condizioni economiche, сл. 305 слѣд.; агентомъ dei Bardi онъ состоялъ до 1 окт. 1338 (307). 309: финансовыя затрудненія между 1 окт. 1338 и 5 ноября 1339 г. Документъ 1 ноября 1338, по которому отецъ Б. prende in affitto per sè e per il figlio Giovanni.... i beni della Chiesa di San Lorenzo dell' Arcivescovato di Capua, — толкуется, что отецъ Б. имѣлъ въ виду обезпечить доходомъ сына, который былъ болѣе къ мѣсту и могъ принять на себя la cura di far coltivar e fruttificare quelle terre (?). 310: до тѣхъ поръ отецъ могъ посылать деньги, и онъ могъ жить привольно; теперь пришлось прибѣгнуть къ иному средству. 312: до 1 ноября 1338 г. Боккаччьо пришлось ѣхать a stipulare il contratto e a visitare i beni da prendersi in affitto. — 313: Къ этому присоединился отъѣздъ 10 окт. 1338 Niccolò Acciaiuoli, dalla cui protezione molto avrebbe (Б.) potuto aspettarsi (онъ уѣхалъ въ Морею устроить дѣла Caterina di Courtenay, которой былъ опекуномъ); два года спустя, въ письмѣ къ Acciaiuoli Б. говоритъ, какъ опечалилъ его этотъ отъѣздъ. 313 слѣд.: предательство друга, котораго онъ воспиталъ въ добрыхъ нравахъ, который возвысился при дворѣ, тогда его постигла бѣдность (по невѣроятному языку — этого ли времени?). 316: Б. принужденъ выселиться изъ Неаполя въ окрестности, sub monte Falerno, apud busta Maronis (дата его письма изъ этой поры; 317: описаніе его лачуги въ письмѣ Mavortis miles. — Стр. 319 слѣд.: *La prima seria applicazione agli studî letterarî e il ritorno a Firenze.* Въ бѣдной долѣ обращается къ наукѣ (?). Онъ же жилъ тамъ, гдѣ, по увѣренію Barrili,

жилъ и погребенъ Виргилій; къ этому времени авторъ относитъ неаполитанское письмо Б. (Lloco sta abbate Ja. Boccaccio), въ которомъ говорится, что самъ Barrili похвалилъ его за его рвеніе (?). Сталъ заниматься quando cioè eran venute meno ogni distrazione di divertimento ed ogni preoccupazione d'amore (!). 321: вѣроятно, чтеніе Апулея (отраженіе въ его письмахъ) и Виргилія съ аллегорическими комментаріями. Письмо Sacre famis (Calmeta), гдѣ онъ проситъ доставить ему Өиваиду Стація съ глоссами (безъ нихъ онъ не понимаетъ текста); 322: помощь Паоло Перуджино (который могъ воспользоваться свѣдѣніями Варлаама, пріѣхавшаго 30 авг. 1339 г. въ Неаполь съ папскимъ письмомъ къ Роберту (сл. Zenatti, Dante e Firenze, 1902, p. 273, № 3). Б. не пользовался Collectanea Паоло, но его элементарнымъ компендіемъ по миөологіи; пользовался и его бесѣдой, но, говоритъ онъ, обращаясь къ королю Гуго въ Генеалогіяхъ, juvenculus adhuc.... exillo multa avidus potius quam intelligens sumpsi (Zenatti, ib., p. 275 и 276 n. 7). Помогалъ ему Dionigi da Borgo San Sepolcro (упоминаетъ его въ письмѣ къ Acciaiuoli 23 авг. 1341. Когда — въ 1338—9 году — онъ успѣлъ у нихъ наѝучиться? Діонисій † 1341 г.; 326—7: авторъ предполагаетъ, что Діонисій на время снова обратилъ Б. къ занятію канонич. правомъ; выводится это изъ письма Sacrae famis = Кальметѣ (но о *новомъ* занятіи канон. правомъ нѣтъ и рѣчи; легче предположить, что они не прерывались, что повело бы къ измѣненію хронологіи, установленной авторомъ). Діонисій могъ обратить его къ Сенекѣ, побудивъ его meditare per quel che riguarda la morale, confrontandone le massime con quelle della religione cristiana. Отраженіе этого вліянія въ письмѣ къ герцогу Carlo di Durazzo 3 апр. 1339 г. (герцогъ просилъ его che gli ponesse in versi una questione da risolvere; Б. отвѣчаетъ, что пишетъ стихи, какіе сможетъ; perchè ha l'animo sconvolto dall' *amore tradito*, e quel sonetto che ora gli manda glielo chiarirà meglio. Но онъ все же поставитъ ему вопросъ: изъ Сенеки De Clementia и Deutron. c. XVI). 328: по мнѣнію автора, Діонисій ввелъ его въ сношенія съ Петраркой, тѣмъ болѣе, 330, что и Петрарка и Б. обращались къ нему — in occasione di travagli amorosi. Діонисій и побудилъ Б. написать Петраркѣ письмо: Mavortis miles extrenue (Б. пишетъ, что онъ обездоленъ любовью и Фортуной, но явился другъ «etate scitulus et prorsus argutulus», che «multa dicacitate prolixa perorans» gli consigliò di rivolgersi a una certa persona ricca di dottrina che egli aveva conosciuto in Avignone. Ему онъ и пишетъ. Co-

вѣтникъ=Діонисій говоритъ о томъ лицѣ, что онъ «per Martem preliabilis contra vitia, que pernecat», и что черезъ него Б. надѣется «capud ornare galla Apollinis, levam egide Pallanteo, dexteram asta Minerve..., ac Gorgonem precidere vestra spata». Слава его проникла и въ народъ («quem fama pennata gerulonum ore notificat»); онъ, «ut Phenix ultra montes obtinet monarciam», «in Artibus per excellentiam.... monarcha»; «juvenis»; стр. 333 слѣд.: Діонисій ничего не говоритъ о Петраркѣ-поэтѣ, потому что итальянскія его стихотворенія поэзіей не считались, а Africa затѣяна въ Страстную субботу 1339 г. (?). О Петраркѣ онъ могъ говорить только какъ объ—*эрудитъ;* «in gramaticha Aristarcus, Occam in logica, in recthorica Tullius et Ulixes, in arismetrica Jordaniçans, in geometria similis Euclidi sive Syragusanum sequitur Archimedem, in musica Boetiçans, et in astrologia Egyptium Ptholomeum.... Ut Seneca moraliçat, in opere Socratem moraliter insectando, ac in storicis scolasticis optimum Comestorem». Авторъ полагаетъ, что послѣднее указаніе отвѣчаетъ настроенію Петрарки 1338 года и матеріаламъ, уже собиравшимся для De Vita Solitaria De Contemptu mundi и Res memorandae. — Б. написалъ это письмо корректнѣе всѣхъ остальныхъ: цѣлые періоды взяты изъ Апулея изъ дантовскаго письма къ Moroello Malaspina (о плагіатахъ Б. сл. Vandelli, Bull. d. soc. dantesca, N. S., VII, 59 слѣд.; сомнѣнія Zingarelli, Dante, p. 718, n. alla p. 222, и статья Barbi въ томъ же Bull., N. S., XI, p. 17—19). Б. жалуется на свое матеріальное положеніе и паденіе духа — и разсказываетъ исторію своей несчастной любви. Возникновеніе этой любви разсказано въ классическомъ стилѣ (видѣніе у гробницы Виргилія; *иначе* подражаніе дантовскому письму, сл. статью автора въ Rassegna bibliogr., XII, 1904, p. 289); 338: въ концѣ письма: «expecto, forma retenta *discipuli*, devotus, benivolus et actentus, *doctrinam tanti magistri*, per quam spero meam inertiam indigestamque molem et ingnorantiam copiosam vapori formiter resolvi». Онъ извиняется за неладное письмо, «cum meum dictare non sit», и ожидаетъ исправленія «sub fiducia tanti magistri». 338: послано ли было письмо, получилъ ли его и отвѣтилъ ли Петрарка. Б. зналъ его съ 1334 г. (сл. выше), какъ poeta volgare. Письмо написано послѣ лѣта 1338 г. (измѣна F'—ы) и до сентября 1340, когда Б. могъ узнать отъ Діонисія о пріѣздѣ Петрарки. Стало-быть, въ концѣ 1339 или въ началѣ 1340. — 339: *Б. въ Неаполѣ въ пору вѣнчанія Петрарки.* Письмо Sacre famis написано 28 іюня 1340 (si accenna alle lotte fra le due famiglie dei Gatti e della Marra, che conturba-

rono Barletta, ed a cui prese parte anche Calmeta (флорентiйскiй купецъ?). 342: эта распря относится къ 1340 г. Но Б. былъ въ Неаполѣ и въ окт. 1340, perchè col 1 nov. di quell' anno scadeva il contratto del rinnovato affitto del podere di S. Lorenzo (слѣдовало ли ему присутствовать лично); актъ составленъ во Флоренцiи 11 генв. 1341, при чемъ Б. обозначенъ, какъ принадлежащiй къ тому же popolo di Santa Felicità, какъ и отецъ, что, по мнѣнiю автора, показываетъ, что Б. былъ тогда уже во Флоренцiи (? стало быть, отсутствующiй не былъ *dicti populi?* Во всякомъ случаѣ Б. не видѣлъ Петрарку), вызванный отцомъ (у котораго умерла жена и сыновья отъ нея: имя Margherita de' Mardoli не встрѣчается послѣ 6 окт. 1337, а Francesco di Boccaccino di Ghellino — послѣ 5 ноября 1339). 345: Отъѣздъ Б. между 1 ноября 1340 (если онъ былъ при контрактѣ въ S. Lorenzo; иначе легче предположить, что онъ уѣхалъ до появленiя Петрарки) и 11 генв. 1341; предполагая 11—12 дней пути отъ Неаполя, онъ могъ быть во Флоренцiи въ декабрѣ 1340. (346: въ «Фьямметтѣ» говорится о холодномъ и дождливомъ мѣсяцѣ; но не принадлежитъ ли это украшенiю?). Отъѣздъ во время отсутствiя F'—ы, с. CIII.

Важнѣйшія опечатки.

	Напечатано.	Слѣдуетъ.
Страница 117 строка 14 снизу:	страшно	страстно.
» 150 примѣчаніе 4:	стр. 137	стр. 140.
» 185 строка 11 снизу:	Бартоло дель Буоно	Никколò ди Бартоло дель Буоно.
» 207 » 7 сверху:	Масселино	Массалино.
» 281 примѣчаніе 3:	Ск. Ovid.	Сл. Ovid.
» 286 строка 1 сверху:	4)	1).
» — » 6 »	5)	2).
» 292 » 10 снизу:	Бартоло дель Буоно	Никколò ди Бартоло дель Буоно.
» 294 » 7 сверху:	idem	idem.
» 331 примѣчаніе 1:	Schmidt	Schmitt.
» 332 строка 9 сверху:	срѣлы	стрѣлы.
» 454 » 6 снизу:	Пандаромъ	Тиндаромъ.
» 506 примѣчаніе 1:	стр. 410	стр. 412.
» 527 » 9:	Carini	Casini.
» 560 строка 5 сверху:	âge leçons	âge, leçons.